ФИЛОСОФІЯ ОБЩАГО ДѢЛА.

Статьи, мысли и письма

Николая Ѳедоровича Ѳедорова,

изданныя подъ редакціей

В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона.

Томъ I.

Не для продажи.

ВѢРНЫЙ

Типографія Семирѣченскаго Областного Правленія

1906.

„Пров 38
В4250

Дозволено цензурою Москва Октября 27-го дня 1905 года.

135
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, предлагаемыя въ этой книгѣ вниманію вдумчиваго читателя, представляютъ въ области философскаго мышленія явленіе настолько же своеобразное, какъ и самъ ихъ авторъ. Мыслитель Н. Ѳ. Ѳедоровъ становится извѣстнымъ только послѣ своей кончины (15 декабря 1903 года); при жизни многіе знали его въ теченіе долгихъ лѣтъ лишь какъ изумительнаго по добросовѣстности, трудолюбію и разнообразію знаній служащаго сначала въ Чертковской, потомъ въ Московской Публичной Библіотекѣ при Румянцевскомъ Музеѣ и, наконецъ, при читальномъ залѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Для несравненно меньшаго круга людей, имѣвшихъ случай ознакомиться съ нимъ ближе, это былъ не только человѣкъ съ громаднымъ знаніемъ и высокимъ умственнымъ развитіемъ, но и великодушный, самоотверженный праведникъ, въ которомъ убѣжденія и жизненное поведеніе слагались въ удивительно цѣлостное и выдержанное воплощеніе совершенно исключительной нравственной строгости и чистоты; и только уже очень немногимъ многолѣтнимъ друзьямъ и почитателямъ его было вѣдомо, что, сверхъ всего указаннаго, то былъ благородный и глубокій, смѣлый, послѣдовательный и самобытный мыслитель, ученіе котораго высилось совсѣмъ особнякомъ среди безконечныхъ разнорѣчій философскихъ системъ. Лишь очень немногіе умы рѣшались принять это ученіе въ его послѣднихъ, наиболѣе смѣлыхъ выводахъ; но среди этихъ немногихъ были такіе люди, какъ Ѳ. М. Достоевскій и В. С. Соловьевъ; а о томъ, какое значеніе придавали они ему, можно судить по словамъ В. С. Соловьева, назвавшаго это ученіе „первымъ движеніемъ впередъ человѣческаго духа по пути Христову со времени появленія Христіанства".

Названіе философа и мыслителя примѣнимы, однако, къ Н. Ѳ. Ѳедорову не въ обычномъ смыслѣ только любителя истины или только ученаго, стремящагося овладѣть ею путемъ лишь отвлеченнаго мышленія. Мыслить, и только мыслить,—съ его точки зрѣнія, вовсе не достоинство и не заслуга: всякая любовь мертва безъ дѣлъ; любовь же къ истинѣ и мудрости, не проявляющаяся въ дѣлѣ, не воплощающаяся въ жизни, въ конецъне состоятельна. Это облагороженная субъективная, ученая прихоть;

ея удѣлъ—заблужденіе или, въ лучшемъ случаѣ, жалкіе обрывки знанія при безуспѣшныхъ порывахъ ко всевѣдѣнію и всемогуществу. Наоборотъ, философія, вызванная необходимостью самой жизни, имѣетъ своею цѣлью и своимъ оправданіемъ дѣло всеобщаго спасенія. Это не отрицательная философія чистаго мышленія, довольствующаяся ученымъ созерцаніемъ истины въ мірѣ субъективнаго идеальнаго представленія; это и не пассивная философія чувства, тонущая въ области неустойчивыхъ порывовъ и неопредѣленныхъ стремленій, не поддающихся научному доказательству. Это—реальная, проективная и активная философія дѣла всеобщаго спасенія, черезъ всеобщее знаніе, разумно и нравственно, и при томъ добровольно къ общей спасительной цѣли направляемая. Опредѣлить эту цѣль, обосновать ее научно и нравственно, привлечь къ ея осуществленію всѣ силы мысли, чувства, воображенія и воли, могущество знанія, рессурсы техники, творческое вдохновеніе искусства, святыню нравственнаго долга, создать проектъ осуществленія всеобщаго спасенія сознательными, добровольными и единодушными усиліями сыновъ человѣческихъ—вотъ задача философіи или, вѣрнѣе, мудрости, достойной своего названія и призванія.

Ученіе, предназначаемое не для однихъ ученыхъ, а для всѣхъ, можетъ относиться только и къ дѣлу безусловно всеобщему, всечеловѣческому, всѣмъ понятному, всѣмъ необходимому. Такимъ дѣломъ можетъ быть только сохраненіе, совершенствованіе и возстановленіе жизни, мыслимое лишь при условіи всемірнаго мира и согласія. Первоначальная причина слабости человѣческой, небратскихъ отношеній людей и всѣхъ отсюда вытекающихъ золъ, матеріальныхъ и духовныхъ, лежитъ не въ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ условіяхъ жизни; она кроется въ рабской зависимости всѣхъ людей отъ неразумно и ненравственно дѣйствующихъ стихійныхъ силъ природы. Для устраненія вражды и всѣхъ бѣдствій земного существованія нужно, слѣдовательно, начинать съ измѣненія отношеній не людей другъ къ другу, а людей къ природѣ и природы къ людямъ. Наше подчиненное, пассивное или же хищническое отношеніе къ природѣ и ея слѣпое, роковое отношеніе къ намъ должны быть замѣнены сознательною и могущественною регуляціей ея силъ, всеобщимъ, совершеннымъ знаніемъ и волею совокупнаго человѣчества къ высшей нравственной цѣли направленною. Обезпеченіе всѣмъ здороваго, нравственнаго и счастливаго существованія, побѣда надъ голодомъ, стихійными погромами, болѣзнями и несовершенствомъ человѣческаго организма, надъ его одряхлѣніемъ и, наконецъ,

надъ самою смертью—вотъ задача всечеловѣческаго дѣла. Только съ ея осуществленіемъ устранятся причины вражды и зла, возстановится утраченная, единственная естественная основа нравственности, родственность, настанетъ миръ всего міра и явится возможность жить не для себя лишь одного (эгоизмъ) и не для другихъ только (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ (братство, семья, соборъ).

Но дѣло всечеловѣческое не исчерпывается даже и завоеваніемъ безсмертія для живущихъ. Сыны человѣческіе, Божіей помощью и силою универсальнаго знанія и объединенной воли ставшіе бы безсмертными сами, не въ правѣ были бы оставить въ плѣну у смерти тѣхъ, кто далъ имъ жизнь, отцовъ своихъ, предковъ. Возстановленіе жизни, воскрешеніе — вотъ высшій нравственный долгъ сыновъ человѣческихъ, призванныхъ Спасителемъ быть совершенными, какъ Отецъ ихъ Небесный. Исполненіе этого долга не только не противорѣчитъ волѣ Божіей, но, наоборотъ, при Божественномъ содѣйствіи, и будетъ выполненіемъ на землѣ воли Отца Небеснаго, „Бога не мертвыхъ, а живыхъ", „Бога смерти не создавшаго", и завѣта Сына Человѣческаго, Смерти Побѣдителя, не хотящаго погибели ни единаго, да вси спасени будутъ и въ разумъ истины пріидутъ. Проповѣдь жизни, безсмертія и воскресенія есть сущность ученія Спасителя: Христосъ есть Воскреситель; непремѣнное же условіе спасенія, уподобленіе вѣрующаго Христу, должно выражаться не въ одной вѣрѣ въ Спасителя, но и въ самомъ дѣлѣ спасенія: человѣкъ, дѣлаясь исполнителемъ воли Божіей и ученикомъ Христа, изъ пособника смерти, какимъ онъ, вольно или невольно, безсознательно или умышленно, былъ доселѣ, станетъ орудіемъ жизни, силою животворящею. Воскресеніе Христово требуетъ всеобщаго воскрешенія. Царство Божіе, во исполненіе воли Божіей Богомъ направляемое, Имъ черезъ насъ осуществляемое, есть произведеніе всѣхъ благихъ силъ и способностей людей въ ихъ совокупности, результатъ полноты знанія, глубины и чистоты чувства и могущества объединенной, святой воли.

Таковы въ общихъ чертахъ цѣль и содержаніе странныхъ по формѣ и не легко усвоеваемыхъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ. Глубокое уваженіе къ рѣчамъ великаго учителя, въ коихъ каждое слово строго продумано и полно богатаго смысла, не дозволяло придать здѣсь его мыслямъ упрощенное и болѣе систематичное изложеніе*); издатели предпочли сохра-

*) Опытъ такого изложенія сдѣланъ мною въ статьяхъ о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ въ „Русскомъ Архивѣ" (1904, 1905 и 1906 г.г.), имѣющихъ выйти въ скоромъ времени и отдѣльнымъ изданіемъ.

нить въ точности текстъ рукописей, въ увѣренности, что не малое напряженіе вниманія, необходимое для усвоенія ученія великаго человѣколюбца, будетъ съ избыткомъ вознаграждено разнообразною цѣнностью содержанія ученія даже и для тѣхъ читателей, которые не найдутъ возможнымъ принять его конечныя заключенія, для большинства, безспорно, слишкомъ смѣлыя, но въ нравственномъ смыслѣ настолько величавыя, что каждое приближеніе къ нимъ было бы шагомъ къ спасенію человѣчества.

Владиміръ Кожевниковъ.

Предлагая всеобщему вниманію книгу, содержащую въ себѣ часть произведеній умершаго 15 декабря 1903 года Николая Ѳедоровича Ѳедорова, мы дѣлаемъ это потому, что придаемъ произведеніямъ Н-лая Ѳ-ча величайшее значеніе, значеніе чрезвычайное, такъ какъ въ нихъ разрѣшается вопросъ о смыслѣ и цѣли существованія, опредѣляется цѣнность жизни, въ нихъ поднимается вопросъ объ отечествѣ и братствѣ, или родственности, о причинахъ небратскаго, т. е. неродственнаго, или безнравственнаго состоянія міра, ибо родственность равняется нравственности, а неродственность безнравственности; въ этихъ произведеніяхъ заключается призывъ къ общему всѣхъ людей дѣлу, дѣлу необходимому, родному и дорогому всѣмъ и каждому, къ дѣлу, которое требуетъ для своего осуществленія не всеобщаго только мира, по мысли Н-лая Ѳ-ча, невозможнаго, какъ состояніе инертное, недѣятельное, но всеобщаго союза, союза братскаго,—призывъ къ дѣлу, которое сдѣлаетъ Россію, нынѣ для всѣхъ чуждую и даже ненавистную, по выраженію Н-лая Ѳ-ча, „родною, милою и дорогою". Въ предлагаемыхъ общему вниманію произведеніяхъ заключается, по глубокому нашему убѣжденію, то новое слово, которое Россія призвана сказать міру, заключается указаніе на то дѣло, которое Россія призвана внести въ міръ, въ нихъ заключается оправданіе Москвы, признавшей себя еще на зарѣ своего существованія Третьимъ Римомъ, Римомъ, такъ сказать, окончательнымъ, исключающимъ необходимость и возможность четвертаго, въ этихъ произведеніяхъ раскрывается смыслъ того самосознанія, вѣрнѣе—неопредѣленнаго еще до сихъ поръ чувства русскаго народа, которое называетъ Русь святою, самосознанія, свойственнаго великому народу. „Всякій великій народъ", — говоритъ Достоевскій на первыхъ страницахъ своего дневника,—„вѣритъ и долженъ вѣрить, если хочетъ долго жить, что въ немъ одномъ заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять въ глазахъ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ во едино и вести ихъ въ согласномъ хорѣ къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной". — Но это пріобщеніе всѣхъ народовъ, это водительство не даетъ, не должно давать господства надъ другими, себѣ подобными, напротивъ, оно дѣлаетъ слугою всѣхъ, возлагаетъ тяжелую обязанность, службу, которую русскій народъ и несъ всю свою долгую жизнь; и не русскому-ли народу у себя дома тяжеле

всѣхъ: всякій иностранецъ у насъ дворянинъ, инородецъ-князь и купецъ, а русскій, крестьянинъ-пахарь, всѣмъ слуга. Ученіе Н-лая Ѳ-ча, указывающее, въ чемъ состоитъ истинное служеніе русскаго народа, будучи усвоено, сдѣлаетъ сознательнымъ убѣжденіемъ нынѣ неопредѣленное чувство, которое выразилось, какъ сказано, въ признаніи русскими своего царства—святою Русью, обратитъ это чувство въ увѣренность, требующую осуществленія, требующую дѣла, и такимъ образомъ выведетъ русскій народъ на самостоятельный путь, и не только освободитъ насъ отъ иноземнаго вліянія, но и приведетъ къ побѣдѣ умственной и нравственной, къ побѣдѣ ни для кого необидной и для всѣхъ желанной, къ побѣдѣ безкровной, исключающей необходимость побѣдъ кровавыхъ, которая заставитъ всѣхъ полюбить Русь, потому что и она всѣхъ возлюбитъ.

Чтобы хоть нѣсколько познакомить съ личностью автора печатаемыхъ произведеній, необходимо сказать, что онъ былъ извѣстенъ, какъ завѣдующій каталожнымъ отдѣленіемъ Румянцевскаго, въ Москвѣ, Музея, а затѣмъ, какъ дежурный читальнаго зала при архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и несмотря на скромность положенія, которое Н-лай Ѳ-чъ занималъ при жизни, извѣщенія объ его кончинѣ, послѣдовавшей 15 декабря 1903 года въ Москвѣ, въ Маріинской больницѣ, и о погребеніи на кладбищѣ „Всѣхъ скорбящихъ радости“ появились во всѣхъ, можно сказать, Московскихъ газетахъ безъ различія направленій; наиболѣе же обстоятельныя свѣдѣнія о Н-лаѣ Ѳ-чѣ были даны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, въ Московскомъ Листкѣ... Московскими и Русскими Вѣдомостями даны о Н-лаѣ Ѳ-чѣ по двѣ статьи; 2-я статья Русскихъ Вѣдомостей принадлежитъ извѣстной писательницѣ Екатеринѣ Степановнѣ Некрасовой, 2-я же статья Московскихъ Вѣдомостей написана къ сороковому дню кончины Н-лая Ѳ-ча П. Я. Покровскимъ Всѣ эти статьи, къ коимъ должно причислить также статью Ю. П. Бартенева въ № 1 Русскаго Архива за 1904 годъ, можно причислить и статью Шенрока въ № 2-мъ Историческаго Вѣстника 1904 г., не говоримъ уже о статьяхъ В. А. Кожевникова, но настойчиво отсылаемъ къ нимъ читателя, (печатаніе этихъ статей началось съ № 2-го Русскаго Архива 1904 года и до сихъ поръ еще не окончено), всѣ эти статьи говорятъ о Н-лаѣ Ѳ-чѣ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени замѣчательномъ, въ статьяхъ же Кожевникова и Шернока свидѣтельствуется, что ближайшіе къ Н-лаю Ѳ-чу считали его великимъ и даже ве-

ликимъ изъ великихъ. Въ статьѣ „Памяти Николая Ѳедоровича“, напечатанной въ № 334-мъ Московскихъ Вѣдомостей отъ 16 декабря 1903 года, на второй день его смерти, говорится, что Н-лай Ѳ-чъ былъ много лѣтъ „драгоцѣннымъ украшеніемъ“ Румянцевскаго Музея, что Н-лая Ѳ-ча „знала многочисленная семья русскихъ писателей и ученыхъ“ и „всѣ они пользовались его безпримѣрно богатыми знаніями во всѣхъ областяхъ науки и его безпримѣрною готовностью служить каждому всѣми силами, способностями и средствами“. „При этомъ“,—замѣчается въ той же статьѣ, „весьма немногіе знали его фамилію, еще меньше знали его прошлое, но Румянцевскій Музей не мыслился отдѣльно безъ Николая Ѳедоровича“; а затѣмъ свидѣтельствуется, что „глубочайшія и оригинальныя возрѣнія его привлекали къ себѣ и Достоевскаго и Владиміра Соловьева“. Въ статьѣ, напечатанной въ № 346-мъ Русскихъ Вѣдомостей, отъ 17 декабря 1903 г., на третій день смерти Н-лая Ѳ-ча, говорится, что онъ былъ „незамѣнимымъ руководителемъ для всѣхъ работавшихъ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея“, что къ нему съ уваженіемъ относились такіе, „какъ Вл. Соловьевъ и Л. Н. Толстой“, что Н-лай Ѳ-чъ „держалъ себя независимо и не былъ способенъ поступаться предъ кѣмъ бы то ни было своими убѣжденіями“, что „какъ работника его нельзя было не цѣнить, какъ человѣка нельзя было не уважать, какъ сослуживца нельзя было не любить“. Г-жа Некрасова въ № 353 Русскихъ Вѣдомостей, отъ 24 декабря 1903 г.,—разсказавъ извѣстное ей о жизни Н-лая Ѳ-ча, и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ покупалъ на собственныя, болѣе чѣмъ скудныя средства книги для Музея, которыхъ тамъ не было, но которыя требовалъ кто-либо изъ посѣтителей, и которыхъ, кромѣ покупки, нельзя было достать никакимъ другимъ путемъ, каковы указаніе на другое книгохранилище, или же позаимствованіе у лицъ, имѣвшихъ книгу и Н-лаю Ѳ-чу извѣстныхъ, что дѣлалось имъ въ интересахъ нуждавшихся въ книгахъ для серьезной работы весьма часто, т. е. всякій разъ, какъ въ этомъ встрѣчалась надобность,—говоритъ въ заключеніе своей статьи, что Н-лай Ѳ-чъ „по своей цѣльности, стойкости своихъ принциповъ и идеальному отношенію къ общественному служенію“ былъ человѣкъ рѣдчайшій и „уже одною своею жизнью“ вносилъ „въ окружающее много добраго и поучительнаго“; кончаетъ же свою статью Некрасова такъ: „Низкій поклонъ предъ прахомъ незамѣнимаго библіографа энциклопедиста. Многообязанная покойному Екатерина Некрасова“. П. Я. Покровскій въ своей обширной статьѣ, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ №№ 23,

24, 25 и 26 за 1904 г. (отъ 23—26 января) свидѣтельствуетъ о „глубочайшемъ міросозерцаніи“ Н-лая Ѳ-ча и объ его „самоотверженномъ неподражаемомъ служеніи“ ближнимъ, „всѣми силами и способностями его богатоодаренной и христіански воспитанной природы“. Опредѣляя жизнь Н-лая Ѳ-ча, какъ служеніе, и особенно настаивая на этомъ опредѣленіи, Покровскій говоритъ, что изъ-за этого служенія „совсѣмъ не было видно ни личной жизни Н-лая Ѳ-ча, ни службы его понимаемой въ обычномъ смыслѣ“, а затѣмъ утверждаетъ: „ничего обычнаго ни въ жизни, ни во взглядахъ Н-лая Ѳ-ча не было. Такъ онъ своеобразенъ во всемъ, такъ ничѣмъ не напоминалъ обыкновенныхъ людей, что при встрѣчѣ и знакомствѣ съ нимъ поневолѣ становились въ тупикъ люди, особенно выдающіеся особенно оригинальные. Н-лай Ѳ-чъ поражалъ въ этомъ отношеніи всѣхъ простыхъ смертныхъ и даже такихъ, напримѣръ, оригиналовъ, какъ графъ Л. Н. Толстой или В. С. Соловьевъ. Все въ немъ было свое, и ни въ чемъ онъ не походилъ на рядовыхъ смертныхъ, начиная съ внѣшности, продолжая привычками и пріемами жизни и оканчивая міровоззрѣніемъ“. Весьма важенъ разсказъ П. Я. Покровскаго, совершенно согласный съ разсказываемымъ Некрасовою, Шенрокомъ и др., о томъ, какъ завязывалось обыкновенно знакомство съ Н-мъ Ѳ-чемъ. „Изучая тотъ или другой научный вопросъ, посѣтитель Музея находилъ въ кипѣ потребованныхъ имъ книгъ... еще двѣ—три книги, которыхъ онъ совсѣмъ не требовалъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ. А между тѣмъ, содержаніе этихъ неожиданныхъ книгъ прямо отвѣчало на поставленную имъ себѣ задачу“. На вопросъ посѣтителя, кому онъ обязанъ присылкою этихъ книгъ, получался отвѣтъ: „Это вамъ прислалъ Н-лай Ѳ-чъ“. „Новыя книжки освѣщали вопросъ совсѣмъ съ новыхъ, часто неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Вопросъ углублялся, изученіе затягивалось, требовались и присылались все новыя и новыя книги, и, наконецъ, совсѣмъ зарывшійся ученый непремѣнно получалъ приглашеніе: „Васъ просятъ къ себѣ Н-лай Ѳ-чъ“... „Тутъ уже завязывалось личное знакомство съ Н-мъ Ѳ-чемъ съ тѣмъ, чтобы потомъ уже никогда не прерываться и служить постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ не только для всесторонняго изученія тѣхъ или другихъ спеціальныхъ вопросовъ, но нерѣдко и для выработки и созданія цѣлаго міросозерцанія“. Объяснивъ затѣмъ въ чемъ заключались обязанности Н-лая Ѳ-ча, какъ завѣдующаго каталожною Румянцевскаго Музея, П. Я. Покровскій говоритъ: „Мимо Н-лая Ѳ-ча не проходило ни одно требованіе на книги и безъ его

предварительнаго просмотра не выдавалась ни одна книга въ читальный залъ. Ему извѣстно было каждое требованіе, но, разумѣется, въ число его обязанностей служебныхъ вовсе не входило опредѣленіе по этимъ требованіямъ вопроса, интересовавшаго читателя, степени его подготовленности къ занятіямъ этимъ вопросомъ и характера его освѣдомленности въ немъ"... „Н-лай Ѳ-чъ по тѣмъ требованіямъ на новыя книги, какія подаютъ въ читальномъ залѣ посѣтители, сразу узнавалъ серьезнаго работника, и тогда уже онъ заглазно всею душею привязывался къ этому человѣку и старался быть полезнымъ ему, чѣмъ только могъ".* „А содѣйствіе его въ этомъ отношеніи было безпримѣрно драгоцѣннымъ. Онъ былъ прямо исключительнымъ библіоманомъ и библіографомъ. Онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, всю библіотеку Румянцевскаго Музея, и очень часто для него было легче и скорѣе взять нужную книгу прямо съ полки, чѣмъ отыскивать ее при помощи каталога. Конечно, время и любовь къ книжному дѣлу помогаютъ современемъ освоиться и съ огромными и богатыми библіотеками Удивительны и совсѣмъ рѣдки библіоманы, знающіе по корешкамъ и названіямъ всѣ книги обширныхъ библіотекъ, но едва ли какая-нибудь библіотека, кромѣ Румянцевскаго Музея, могла похвалиться исключительною честью имѣть библіотекаремъ человѣка, знающаго содержаніе своихъ книгъ. А Н-лай Ѳ-чъ зналъ содержаніе книгъ Румянцевскаго Музея, и это было прямо невѣроятнымъ явленіемъ. Если вы сказали ему свой вопросъ или свою задачу, онъ могъ буквально закидать васъ печатнымъ матеріаломъ. Если вы у него спрашивали нѣсколько книгъ, онъ безошибочно опредѣлялъ предметъ вашихъ изысканій, зная напередъ во всѣхъ подробностяхъ все содержимое каждой потребованной вами книги. Удивительно было также то, что не было вопроса, который былъ бы для него новъ и незнакомъ, или который не былъ бы близокъ его сердцу. Буквально во всемъ онъ шелъ всегда впереди общепризнанныхъ авторитетовъ и спеціалистовъ, и буквально не было вопроса, къ которому, даже самому, на первый взглядъ, маленькому, онъ не относился бы съ такимъ же интересомъ и съ такою же теплотой, какъ и къ самымъ кореннымъ основамъ знанія и вѣры. Насколько разнообразны были тѣ области знанія, въ которыхъ Николай Ѳедоровичъ руководилъ спеціалистовъ, это лучше всего видно изъ примѣровъ»... Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ, на которые ссылается П. Я. Пок-

*„Скорѣе вы сами отложите въ сторону и забудете о вашей работѣ",—говоритъ Некрасова въ своей статьѣ о Н-лаѣ Ѳ-чѣ—„чѣмъ онъ забудетъ о томъ, что для нея надо: онъ раньше не успокоится, пока не исчерпаетъ всего матеріала".

ровскій, но не можемъ не привести слѣдующій его разсказъ, характеризующій удивительныя знанія Н-лая Ѳ-ча. „Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ... ѣхала партія инженеровъ на изысканіе Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, проѣзжая Москвою, заглянула въ Румянцевскій Музей, конечно, для очистки совѣсти, а вовсе неувѣренная въ возможности найти здѣсь что-либо для себя новое и интересное. Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто нибудь обращался въ библіотеку съ просьбой указать книги, имѣющіяся по извѣстному вопросу, или за какими-нибудь совѣтами при книжныхъ занятіяхъ, его неизмѣнно направляли къ Н-лаю Ѳ-чу. Къ нему же привели и инженеровъ. Послѣ очень недолгаго разговора инженеры услыхали названіе такого описанія Сибири, о которомъ раньше и не подозрѣвали; а когда инженеры показали Н-лаю Ѳ-чу проектъ предполагавшагося пути, то Н-лай Ѳ-чъ „сразу замѣтилъ два упущенія на картѣ: въ одномъ мѣстѣ не вѣрно была показана высота горы, а въ другомъ совсѣмъ пропущенъ былъ большой ручей. Инженеры, хотя и неувѣренно, но все-таки спорили и стояли за вѣрность своей карты. Однако на возвратномъ пути, года черезъ два, партія прислала одного своего сочлена къ Н-лаю Ѳ-чу засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и сказать ему, что онъ былъ безусловно правъ". Нельзя не привести еще слѣдующаго разсказа изъ статьи П. Я. Покровскаго, подтверждаемаго г-жею Некрасовою, Шенрокомъ и другими: „однажды В. А. Дашковъ (директоръ музея) предложилъ ему (т. е. Н-лаю Ѳ-чу) повышеніе по службѣ; онъ искренно обидѣлся, считая себя совершенно удовлетвореннымъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Дашковъ оправдывался (!?) своимъ уваженіемъ къ Н-лаю Ѳ-чу и искреннимъ желаніемъ сдѣлать ему пріятное. Тогда Н-лай Ѳ-чъ поймалъ его на словѣ и уже со своей стороны попросилъ повышенія для одного изъ служащихъ въ Музеѣ, на что этотъ послѣдній никакъ не могъ разсчитывать. И Дашковъ съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Н-лая Ѳ-ча".

Такъ говорятъ о Н-лаѣ Ѳ-чѣ люди, мало его знавшіе, знавшіе только по музею, человѣкъ же, который зналъ Н-лая Ѳ-ча гораздо ближе, въ теченіе тридцати почти лѣтъ, В. А. Кожевниковъ, даетъ такое о немъ свидѣтельство въ первыхъ строкахъ первой статьи своей въ № 2-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ. „Не стало человѣка изумительнаго, рѣдкаго, исключительнаго! О возвышенномъ умѣ Николая Ѳедоровача Ѳедорова, о его разнообразныхъ, обширныхъ познаніяхъ, объ его добросовѣстности какъ труженика и объ идеальной нравственной чистотѣ его, напоминать людямъ, сколько-нибудь его знавшимъ, излишне; они и безъ того всѣ, единогласно, скажутъ:

„то былъ мудрецъ и праведникъ!“; а болѣе близкіе къ нему добавятъ: „то былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ праведниковъ, которыми держится міръ“...

Часть твореній человѣка, такъ характеризуемаго людьми не только различныхъ, но и прямо противоположныхъ направленій, и собрана въ предлагаемой книгѣ. Творенія эти столь же необыкновенны, какъ необыкновененъ былъ самъ авторъ; но серьезный читатель, (а на такихъ только мы и разсчитываемъ), не будетъ устрашенъ необычайностью того, что онъ встрѣтитъ на первыхъ же страницахъ предлагаемой книги; не устрашившись же и давъ себѣ трудъ, (трудъ, должны сказать, не малый), дочитать книгу до конца, (разумѣемъ чтеніе въ высшей степени внимательное, невнимательно читать эту книгу и нельзя, въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ ее не читать), дочитавшій книгу придетъ къ убѣжденію, что казавшееся ему сначала необычнымъ—есть великое и единственное, есть единственно-возможное разрѣшеніе вопроса о смыслѣ и цѣли нашей жизни, при томъ такое разрѣшеніе этого вопроса, которое только и дастъ возможность осуществить „на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе“, и Россію, нынѣ всѣмъ чуждую и даже страшную, а потому и ненавистную, сдѣлаетъ всѣмъ родною, милою и дорогою,—какъ это выше сказано. Н-лай Ѳ-чъ давно уже предсказывалъ войну, къ которой принудили насъ Японцы; предупреждалъ и о неуспѣшности этой войны въ матеріальномъ отношеніи, если Россія не одержитъ побѣды умственной и нравственной, какъ это говорится въ статьѣ „Разоруженіе“, напечатанной первоначально въ № 8429-мъ Новаго Времени. Еще до Испано-Американской войны и даже до войны Японо-Китайской, Н-лай Ѳ-чъ предсказывалъ войну и не съ Японіею только, но и съ Англіею и съ Америкою, которыя оказывали такую сильную поддержку нашимъ непосредственнымъ врагамъ, а можетъ быть, еще и съ другими; но вмѣстѣ съ тѣмъ Н-лай Ѳ-чъ всегда выражалъ надежду, что будетъ, наконецъ, заключенъ всеобщій союзъ на великое и святое дѣло всеобщаго спасенія, на дѣло спасенія всего рода человѣческаго, на дѣло всѣхъ и каждаго.

Святость дѣла, которому, какъ мы вѣримъ и надѣемся, полагается начало изданіемъ предлагаемой книги, и убѣжденія автора собранныхъ въ книгѣ произведеній, возмущавшагося торговлею произведеніями мысли, называвшаго такую торговлю продажею души, величайшимъ изъ святотатствъ, исключаетъ возможность продажи этой книги, и, конечно, никакихъ авторскихъ правъ къ ней не предъявляется. Всякій, кто это найдетъ нужнымъ, можетъ переводить, дѣлать выписки, пере-

печатки, не стѣсняясь обширностью ихъ, можетъ и вновь издавать эту книгу. Увидать книгу въ новомъ изданіи, болѣе исправномъ, чѣмъ настоящее, было бы для насъ большою радостью.

Книга напечатана лишь въ 480 экземплярахъ, предназначенныхъ для разсылки въ публичныя библіотеки, ученыя общества и т. п. учрежденія; остающіеся немногіе экземпляры будутъ (безплатно) высылаться желающимъ по ихъ заявленіямъ объ этомъ Владиміру Александровичу Кожевникову (Москва, Арбатъ, Калошинъ переулокъ, домъ Давыдова).

Въ заключеніе необходимо разъяснить, что разумѣетъ авторъ подъ первымъ и вторымъ предисловіями на страницѣ 510 книги; подъ первымъ предисловіемъ разумѣется тутъ первая статья настоящей книги, въ которой на страницѣ 8-ой употреблено даже такое выраженіе—„и это сознаніе не есть выраженіе скромности, обычное въ предисловіяхъ"; вторымъ же предисловіемъ авторъ называетъ часть второй статьи до страницы 64-й; со словъ же на этой страницѣ: „I. Находясь чуть не тысячу лѣтъ" и проч. начинается само произведеніе. Такъ былъ начатъ въ іюнѣ 1878 года отвѣтъ на письмо Достоевскаго отъ 23 марта 1878 года, нынѣ напечатанное въ № 3-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ, разросшійся въ то, что напечатано въ этой и будетъ напечатано въ слѣдующихъ за ней книгахъ.

Авторъ настоящей книги, слѣдуя Христу,—миссія котораго заключалась въ томъ, чтобы объединить всѣхъ, объединить іудеевъ и язычниковъ въ общемъ дѣлѣ воскресенія,—стремится объединить въ томъ-же дѣлѣ даже вѣрующихъ съ невѣрущими; но чтобы невѣрующіе прочли всю эту книгу, необходимо начать имъ чтеніе со статьи „Разоруженіе," на стр. 656-й, и съ слѣдующей, дополнительной къ ней, „Объ обращеніи оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудія спасенія", на стран. 669-й; невѣрующій, начавшій чтеніе съ этихъ статей, если только онъ не потерялъ еще способности мыслить, если онъ сохранилъ еще способность понимать великое, прочтетъ и всю книгу.

Н. Петерсонъ.

Вопросъ о братствѣ, или родствѣ, о причинахъ небратскаго, неродственнаго, т. е. немирнаго, состоянія міра, и о средствахъ къ возстановленію родства.

Записка отъ неученыхъ къ ученымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, къ вѣрующимъ и невѣрующимъ.

ЧАСТЬ I.

1. Великое значеніе открытія возможности посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, или вообще посредствомъ всего, что употребляется на войнѣ производить дождь: а) значеніе этого открытія, какъ средства избавленія отъ голода и войны; б)—какъ истиннаго доказательства бытія Божія, доказательства самымъ дѣломъ, или на самомъ дѣлѣ; в) святотатственность американскаго отношенія къ этому открытію, какъ къ средству наживы, спекуляціи. 2. Обязанность ученыхъ, ими неисполненная. 3. Значеніе и сущность регуляціи. 4. Неисполненіе учеными ихъ обязанности вынуждаетъ неученыхъ обратиться къ нимъ съ вопросомъ о причинахъ розни и о причинахъ претерпѣваемыхъ бѣдствій. 5. Распаденіе мысли и дѣла произвело всѣ другія распаденія, въ томъ числѣ и распаденіе на богатыхъ и бѣдныхъ. —Распаденіе на ученыхъ и неученыхъ причина несовершеннолѣтія человѣческаго рода, его зависимости отъ природы. 6. Вопросъ о братствѣ—практическій вопросъ; обязательность его для всѣхъ безъ всякихъ исключеній. 7. Вопросъ о братствѣ—постановка лишь вопроса, а никакъ не рѣшеніе его. Принятіе его учеными было-бы открытіемъ, поднятіемъ этого вопроса. 8. О безпричинности (индетерминизмъ) для однихъ, и о безусловной, роковой, т. е. неустранимой, причинности (детерминизмъ) для другихъ небратскаго состоянія; для первыхъ нѣтъ, слѣдовательно, знанія, (разума теоритическаго), для вторыхъ-же нѣтъ дѣйствія, а одно лишь знаніе, нѣтъ разума практическаго и существуетъ только разумъ теоритическій. 9. Юридико-экономическія отношенія суть небратство. Условія перехода изъ такихъ отношеній къ братству и время, когда необходимо наступаетъ такой переходъ. 10. Вопросъ о личности и родѣ и о невыдѣленіи личности изъ массы составляющихъ родъ. 11. Двоякое значеніе вопроса о братствѣ: а) общее значеніе его въ смыслѣ обращенія знанія въ дѣло, и б) значеніе этого вопроса, какъ обращенія неученыхъ къ ученымъ. 12. Зависимость разрѣшенія вопроса о братствѣ въ общемъ его значеніи отъ разрѣшенія этого вопроса въ отношеніи къ ученому сословію, и преимущества учe-

ныхъ въ случаѣ разрѣшенія его въ братскомъ смыслѣ. Пороки, явившіеся необходимымъ слѣдствіемъ выдѣленія ученыхъ въ особое сословіе: а) превращеніе міра въ фикцію; б) всякаго рода одурманенія себя и в) гипнотизмъ (или одураченіе). 13. Позитивизмъ и критицизмъ не разрѣшаютъ вопроса о братствѣ и даже не ставятъ его. 14. Каждый только для себя существо сознающее, чувствующее, одаренное душею. 15. По позитивизму спасеніе не только не возможно, но и не желательно; ученіе-же о прогрессѣ исключаетъ ученіе о воскрешеніи. Понимая подъ прогрессомъ развитіе, устроеніе общества по типу организма, отрицаемъ возможность совершеннолѣтняго общества. 16. Ученіе о воскрешеніи есть истинный позитивизмъ, позитивизмъ въ отношеніи къ дѣйствію. выходъ изъ школы, такой позитивизмъ, который устраняетъ всякую возможность агностицизма, т. е. чего-либо недоступнаго знанію. 17. Знаніе безъ дѣла не разрѣшаетъ вопроса о братствѣ, не ведетъ къ спасенію; только дѣло, основанное на знаніи, только знаніе, неразрывно связанное съ дѣломъ и въ немъ выражающееся, спасительно. 18. Пока знаніе будетъ только рефлексіею, оно будетъ дѣйствовать разрушительно на человѣка, какъ существо нравственное, будетъ низводить его до животнаго. Но если знаніе, что-бы быть истиннымъ, требуетъ дѣла, то чѣмъ будетъ всеобщее благо, когда и изъ него дѣлаютъ предметъ лишь мысли, а не осуществленія?. Знаніе доказывается дѣйствіемъ, а нравственность разрушается знаніемъ безъ дѣла (т. е. бездѣльнымъ знаніемъ). 19. Вопросъ о наилучшемъ и самомъ естественномъ употребленіи жизни сынами человѣческими въ ихъ совокупности, т. е. въ ихъ совершеннолѣтіи.

Почему міръ не миръ? почему для однихъ миръ—только внѣ міра, а для другихъ нѣтъ мира ни въ мірѣ, ни внѣ міра.

Почему природа намъ не мать, а мачеха, или кормилица, отказывающаяся кормить?...

Участіе ли всѣхъ въ комфортѣ или-же участіе всѣхъ въ трудѣ, обязательно—добровольномъ, познаванія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ трудѣ обращенія ея въ живоносную?...

1. Въ бѣдственный 1891 г. когда во многихъ губерніяхъ, составляющихъ житницу Россіи, былъ голодъ отъ засухи, ставшей, повидимому, хроническою, когда безпрестанно возникали слухи, поддерживавшіе напряженное ожиданіе войны, вдругъ стало извѣстно объ опытахъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, т. е. такихъ, которыя до сихъ поръ употреблялись, можно сказать, исключительно въ войнахъ внѣшнихъ, а также и внутреннихъ, каковы: революціи, динамитные заговоры, и т. п.

Совпаденіе нашего голода отъ засухи съ открытіемъ средства противъ бездождія, при чемъ средствомъ этимъ оказывается то самое, что служило лишь для взаимнаго истребленія, не могло не произвести потрясающаго впечатлѣнія особенно на тѣхъ, которые стояли близко къ голодной нуждѣ, которые имѣли близкихъ въ возрастѣ, обязывающемъ, стать въ ряды войскъ въ случаѣ войны;—да и не на нихъ только однихъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сдѣлалъ, повидимому, все зло, какое только могъ, относительно и природы (истощеніе, опустошеніе, хищничество), относительно и другъ друга (изобрѣтеніе истребительнѣйшихъ орудій и вообще средствъ для взаимнаго уничтоженія); самые пути сообщенія, чѣмъ особенно гордится современный человѣкъ, и тѣ служатъ лишь стратегіи или торговлѣ, войнѣ или барышничеству; а барышничество смотритъ на природу именно «какъ на кладовую, откуда можно добывать средства для удобства жизни и наслажденій, и хищнически истребляетъ и расточаетъ вѣками накопленныя въ ней богатства». (Слово Амвросія Харьковскаго, произнесенное въ Харьковскомъ университетѣ, «О Христіанскомъ направленіи естествознанія»,—Церковн. Вѣдом. 1892 г. № 5-й). Все это не могло не привести къ отчаянію, ибо всюду, безъ всякаго просвѣта, видѣлось одно только зло. И вдругъ, какъ отрадный лучъ свѣта для «сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй», извѣстіе, переворачивающее все, благая вѣсть, что всѣ средства, изобрѣтенныя для взаимнаго истребленія, становятся средствомъ спасенія отъ голода, и является надежда, что разомъ будетъ положенъ конецъ и голоду, и войнѣ, конецъ войнѣ безъ разоруженія, которое и невозможно. Это не могло не подѣйствовать, даже на невѣрующихъ: отъявленный атеистъ и тотъ не могъ не признать въ этомъ указанія Божественнаго Промысла, указанія истинно Божественнаго на возможность обратить величайшее зло въ величайшее благо. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не дѣйствительнѣйшее доказательство бытія Божія, и Божія Промысла, доказательство совершенно новое, не изъ созерцанія только цѣлесообразности въ природѣ почерпаемое, но познаваемое изъ **осуществленія** цѣлесообразности въ дѣйствительности, **на самомъ дѣлѣ?**—И развѣ это не проявленіе величайшаго, истинно-Божественнаго милосердія къ человѣку, достигшему, повидимому, глубины паденія, согрѣшившему противъ природы, противъ своихъ братьевъ и даже отвергшему самое существованіе, самое бытіе Божіе?.. И какъ тутъ не воскликнуть,—«правъ еси, Господи, и правы всѣ пути Твои».... Воистину Господь услышалъ молитву православнаго народа, который, молясь на своихъ сухихъ поляхъ, зналъ, что дѣлаетъ; (не знали, что дѣлаютъ, лишь тѣ, которые насмѣхались надъ этою его молитвою). И вотъ однако слышится голосъ съ церковной каѳедры,—«бойтесь этой дерзости, которая хочетъ привлечь дождь съ неба пушечными выстрѣлами». (Заключительныя слова Амвросія Харьковскаго). Но если пушечные выстрѣлы не могутъ быть безусловно осуждаемы даже тогда, когда несутъ смерть (при защитѣ, напр. родины, отечества), то почему же осудить ихъ, когда они будутъ приносить жизнь, будутъ избавлять отъ го-

лода?. Не окажется ли это, напротивъ, исполненіемъ благой воли Божіей?... Не явится ли это поворотомъ отъ злого пессимизма и безотраднаго скептицизма, къ живой дѣйственной вѣрѣ, въ особенности если будетъ повѣдано неслышавшимъ и растолковано неуразумѣвшимъ съ церковной каѳедры, съ каѳедры Вѣры, которая укажетъ, такимъ образомъ, новый путь Разуму (Примѣчаніе 1-е).

Нельзя не замѣтить, что Господь, создавъ человѣка, заповѣдалъ ему обладать землею и всѣмъ, что на ней. По чему же отвести тучу съ того мѣста, гдѣ пролитый ею дождь принесъ бы вредъ, на мѣсто, гдѣ этотъ дождь будетъ благотворенъ, почему это преступно, почему это дерзость, даже будто бы поруганіе Господа?... (Слово «О христ. напр. естествознанія»). Когда для орошенія отводятъ воду изъ ручья, изъ рѣки, не считается-же это противленіемъ Богу, почему же будетъ противленіемъ Ему направленіе по нуждамъ человѣка влаги не въ рѣкѣ, а въ воздушныхъ токахъ заключенной?. Тѣмъ болѣе, что дѣлается это не для роскоши, не для удовольствія, а для хлѣба насущнаго.

Впрочемъ, осужденіе въ словѣ «О христіан. напр. естествознанія» не имѣло-ли въ виду лишь тотъ способъ пользованія сдѣланнымъ открытіемъ, на который разсчитывали, повидимому, американцы, заговорившіе уже о привилегіяхъ, хотѣвшіе даже святое дѣло спасенія отъ голода обратить въ спекуляцію?... Если это такъ, то нельзя не преклониться предъ мудростью приговора. Наши же надежды не на возможность нѣсколькими выстрѣлами или взрывами производить дождь, а на возможность посредствомъ воздѣйствій, производимыхъ на обширныхъ пространствахъ, управлять какъ влажными, такъ и сухими теченіями воздуха, спасать не только отъ засухъ, но и отъ разрушительныхъ ливней; это такое дѣло, которое требуетъ согласнаго дѣйствія армій всѣхъ народовъ, и, слѣдовательно, въ спекуляцію ни въ какомъ случаѣ обращено быть не можетъ. Открытіе возможности производить дождь посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, если бы и не оправдало возлагающихся на него надеждъ, всетаки, не потеряло бы своего значенія, какъ указаніе способа дѣйствія для всего рода человѣческаго въ его совокупности. Возможно, что пушки окажутся неспособными направлять воздушные токи, несущіе влагу, но въ такомъ случаѣ могутъ найтись и другія къ тому средства изъ тѣхъ, которыя употребляются на войнѣ. Одно изъ такихъ средствъ управленія метеорическими явленіями природы уже указано извѣстнымъ В. Н. Каразинымъ, учредителемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и основателемъ Харьковскаго Университета, средство это громоотводъ, поднятый въ верхніе слои атмосферы на привязанномъ воздушномъ шарѣ,—послѣдній же, т. е. воздушный шаръ, если не сдѣлался еще вполнѣ, то уже дѣлается военнымъ орудіемъ.—Въ настоящее время все служитъ войнѣ, нѣтъ ниодного открытія, которымъ не занимались бы военные въ видахъ примѣненія его къ войнѣ, нѣтъ ниодного изобрѣтенія, которое не постарались бы обратить для военныхъ цѣлей. И если бы вмѣнить войскамъ въ обязанность все, примѣняемое нынѣ къ войнѣ, примѣ-

нять также и къ управленію силами природы, въ такомъ случаѣ военное дѣло само собою обратилось бы въ общее дѣло всего человѣческаго рода.

2. Неурожай и особенно голодъ 1891 года вынуждаютъ неученыхъ напомнить ученымъ объ ихъ происхожденіи и о вытекающемъ отсюда ихъ назначеніи: а) обратиться къ изученію силы, производящей неурожаи, смертныя язвы, т. е. обратиться къ изученію природы, какъ силы смертоносной, обратиться къ этому изученію, какъ долгу священному и вмѣстѣ самому простому, естественному и понятному; и б) объединить всѣхъ, ученыхъ и неученыхъ,—въ дѣлѣ изученія и управленія слѣпою силою. Для существа сознающаго другого назначенія, иного дѣла и быть не можетъ. Ожидать же, чтобы слѣпая сила, отданная въ управленіе этому сознающему существу и имъ не управляемая, стала бы сама производить только благо, давать одни лишь хорошіе урожаи,—это верхъ ребячества, выраженіемъ котораго и явилась выставка въ Парижѣ, въ 1889 году, и французская выставка въ Москвѣ, и это въ такой годъ, какъ голодный 1891-й годъ. Какъ не сказать, что Господь видимо прогнѣвался на наше продолжительное несовершеннолѣтіе!... Да и какъ Ему не прогнѣваться на насъ, не исполняющихъ Его завѣта,—въ разумъ истинный придти,—который въ томъ и заключается, чтобы всѣмъ быть едино, какъ Онъ въ Отцѣ; а едиными мы можемъ быть только въ общемъ отеческомъ дѣлѣ. Ученые, разбившіе науку на множество отдѣльныхъ наукъ, воображаютъ, что гнетущія и обрушивающіяся на насъ бѣдствія, находятся въ вѣдомствѣ спеціальныхъ знаній, а не составляютъ общаго вопроса для всѣхъ, вопроса о неродственномъ отношеніи слѣпой силы къ намъ, разумнымъ существамъ, которая ничего отъ насъ, повидимому, и не требуетъ, кромѣ того, чего въ ней нѣтъ, чего ей не достаетъ, т. е. разума правящаго, регуляціи. Конечно, регуляція невозможна при нашей розни, но рознь потому и существуетъ, что нѣтъ общаго дѣла; въ регуляціи-же, въ управленіи силами слѣпой природы и заключается то великое дѣло, которое можетъ и должно стать общимъ. (Примѣч. 2-е).

3. Регуляція метеорическаго процесса нужна не для обезпеченія только урожая, не для земледѣлія лишь, но и для замѣны каторжной, подземной работы рудокоповъ, добывающихъ каменный уголь и желѣзо, на коихъ основана вся современная промышленность; регуляція нужна для замѣны такого добыванія извлеченіемъ движущихъ силъ непосредственно изъ атмосферныхъ токовъ, изъ солнечной силы, создавшей запасы угля, такъ какъ положеніе рудокоповъ столь тяжко, что забывать о немъ было бы непростительно, и положеніемъ именно ихъ пользуются враги общества, соціалисты для возбужденія смутъ. Такимъ образомъ въ регуляціи, въ управленіи метеорическимъ процессомъ, заключается разрѣшеніе и земледѣльческаго и промышленнаго вопросовъ.

Разумъ практическій, равный по объему теоретическому, и есть разумъ правящій, или регуляція, т. е. обращеніе слѣпого хода природы въ

разумный; такое обращеніе для ученыхъ должно казаться нарушеніемъ порядка, хотя этотъ ихъ порядокъ вноситъ только безпорядокъ въ среду людей, поражая ихъ и голодомъ и язвою и смертью.

4. Неученые, какъ несущіе на себѣ всѣ послѣдствія неродственности, не могутъ не обратиться съ вопросомъ о неродственности къ ученымъ, какъ сословію, составляющему съ одной стороны—самое крайнее выраженіе неродственности, а съ другой—какъ сословію, носящему въ себѣ долгъ, способность и возможность возстановить родство, какъ сословію въ рукахъ коего все разумѣніе, а слѣдовательно и разрѣшеніе этого вопроса, и которые, однако, не только не разрѣшаютъ его, но въ угоду женской прихоти, создавъ и поддерживая мануфактурную промышленность, этотъ корень неродственности, изобрѣтаютъ все новыя и новыя средства для выраженія ея, т. е. изобрѣтаютъ орудія истребленія для защиты порожденной женской прихотью мануфактуры. Неученые даже обязаны обратиться съ вопросомъ о неродственности къ ученымъ, и эта обязанность находится въ зависимости не отъ одного лишь настоящаго отношенія ученыхъ къ неученымъ, но и отъ самаго происхожденія ученаго сословія. Мы не были бы вѣрны исторіи, объясняя происхожденіе ученыхъ временною командировкою или комиссіею для какой нибудь цѣли, какъ не были вѣрны исторіи и философы XVIII вѣка, объяснявшіе происхожденіе государства договоромъ, контрактомъ. Юридическихъ доказательствъ командировки, конечно, нѣтъ; но въ исторіи, нравственно понимаемой, выдѣленіе городского сословія изъ сельскаго, ученаго изъ городского, не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ временной командировки;—иначе это было бы распаденіе вѣчное, полное отрицаніе единства. (Примѣчаніе 3).

И если мы не вѣрны исторіи, объясняя происхожденіе ученыхъ временною командировкою, если мы не согласны съ тѣмъ, какъ это происходило въ дѣйствительности, то мы вѣрны нравственности; т. е. тому, какъ это **должно** быть. Истинно-нравственное существо не нуждается въ понужденіи, въ приказѣ, въ настояніи; оно само сознаетъ долгъ и раскрываетъ его во всей полнотѣ; оно само даетъ себѣ командировку, назначаетъ то, что должно сдѣлать для тѣхъ, отъ коихъ отдѣлилось, такъ какъ отдѣленіе (было ли оно вынужденнымъ или добровольнымъ) не можетъ быть безвозвратнымъ; да было бы и преступно отказаться отъ тѣхъ, отъ коихъ произошли, забыть объ ихъ благѣ. Впрочемъ, поступить такъ для ученыхъ значило бы отказаться и отъ собственнаго блага, навсегда остаться блудными сынами, быть вѣчными наемниками, рабами городскихъ прихотей; и совсѣмъ пренебречь нуждами селъ, т. е. дѣйствительными нуждами, такъ какъ нужды селъ, неиспорченныхъ вліяніемъ города, ограничиваются насущною необходимостью, заключающеюся въ обезпеченіи существованія отъ голода и болѣзней, разрушающихъ не только жизнь, но и родственныя отношенія, замѣняя любовь враждою, непріязнью. Поэтому сельскій вопросъ есть во 1-хъ, вопросъ о неродственномъ отношеніи людей между собою, забывшихъ по невѣжеству свое родство; а во 2-хъ, вопросъ о неродственномъ

отношеніи природы къ людямъ, т. е. о неродственности, которая чувствуется, если не исключительно, то преимущественно, главнымъ образомъ, въ селахъ, находящихся въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ этою слѣпою силою; въ городахъ же, которые находятся далеко отъ природы, только поэтому и могутъ думать, что одною съ нею жизнію живутъ.

5. Ненавистная раздѣльность міра и всѣ проистекающія изъ нея бѣдствія и вынуждаютъ насъ, неученыхъ, т. е. тѣхъ, кои дѣло ставятъ выше мысли, (но дѣло общее всѣмъ, а не борьбу), обратиться съ этою запискою по вопросу о неродственности и о средствахъ къ возстановленію родства къ ученымъ, и особенно къ богословамъ, т. е. къ людямъ мысли, или представленія, къ людямъ, ставящимъ мысль выше дѣла. Изъ всѣхъ раздѣленій распаденіе мысли и дѣла, (ставшихъ принадлежностями особыхъ сословій), составляетъ самое великое бѣдствіе, несравненно большее, чѣмъ распаденіе на богатыхъ и бѣдныхъ. Соціализмъ и, вообще наше время придаетъ наибольшее значеніе раздѣленію на богатыхъ и бѣдныхъ, полагая, конечно, что съ устраненіемъ этого раздѣленія исчезнетъ и первое, т. е. всѣ станутъ образованными. Но мы разумѣемъ не образованіе популярное, которое съ устраненіемъ бѣдности, дѣйствительно, будетъ распредѣлено равномѣрнѣе, мы разумѣемъ самое участіе въ знаніи и участіе именно всеобщее, всѣхъ; участіе же въ знаніи всѣхъ, безъ чего раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ не исчезнетъ, однимъ устраненіемъ бѣдности вызвано быть не можетъ. Пока же въ знаніи не будутъ участвовать всѣ, до тѣхъ поръ чистая наука останется равнодушною къ борьбѣ, къ истребленію, и прикладная не перестанетъ помогать истребленію, помогать и прямо, изобрѣтеніемъ орудій истребленія, и косвенно, придавая соблазнительную наружность вещамъ, предметамъ потребленія, вносящимъ вражду въ среду людей. Не принимая непосредственнаго, личнаго участія въ борьбѣ, т. е. въ самой войнѣ, и стоя внѣ бѣдствій естественныхъ, защищенная отъ природы крестьянствомъ, которое находится въ непосредственномъ къ ней отношеніи, наука остается безучастною даже къ истощенію естественныхъ силъ, къ измѣненію самаго климата, для горожанъ даже пріятному, хотя это измѣненіе и производитъ неурожаи. Только тогда, когда всѣ будутъ участниками въ знаніи, чистая наука, познающая теперь природу какъ цѣлое, въ которомъ чувствующее принесено въ жертву безчувственному, не будетъ оставаться равнодушною къ такому извращенному отношенію безчувственной силы къ чувствующему существу; тогда и прикладная наука не будетъ участницей и союзницей безчувственной силы, и орудія истребленія превратитъ въ орудіе регуляціи слѣпой, смертоносной силы. Геккель признаетъ «научный матеріализмъ» и отрицаетъ нравственный матеріализмъ. Высшее благо, наслажденіе, видитъ въ знаніи, въ открытіи законовъ природы. Допустимъ, что для всѣхъ будетъ доступно такое знаніе;—въ чемъ же будетъ наслажденіе? Всѣ повсюду будутъ «видѣть безпощадную, крайне смертоносную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ». Можно ли наслаждаться такимъ адомъ?

Рѣшеніе другого вопроса о распаденіи на богатыхъ и бѣдныхъ зависитъ отъ разрѣшенія перваго, т. е. вопроса о распаденіи на ученыхъ и неученыхъ (на людей мысли и людей дѣла). Вопросъ о распаденіи на людей мысли и людей дѣла исходнымъ пунктомъ своимъ имѣетъ общія бѣдствія (каковы болѣзни и смерть) и для разрѣшенія требуетъ не богатства, или комфорта, а блага высшаго, участія всѣхъ въ знаніи и искусствѣ, и при томъ въ знаніи и искусствѣ, прилагаемыхъ къ рѣшенію вопроса о неродственности и къ возстановленію родства, т. е. ищетъ Царствія Божія.

6. Подъ вопросомъ «о братствѣ и причинахъ небратскаго состоянія міра»—мы разумѣемъ и условія, при которыхъ можетъ и должно быть осуществлено братство, и даже преимущественно эти условія; т. е. это вопросъ практическій, вопросъ въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ—восточный вопросъ, вопросъ о колонизаціи, переселенческій, и т. п. Это вопросъ о томъ, что нужно дѣлать для выхода изъ небратскаго состоянія. И въ такомъ видѣ вопросъ этотъ обязателенъ для всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и тѣмъ болѣе для крещенныхъ во имя Бога всѣхъ отцовъ; это вопросъ не ученый, не изслѣдованіе, хотя и касается главнымъ образомъ ученыхъ, потому что вопросъ знанія, науки, вопросъ теоритическій, заключается уже въ вопросѣ практическомъ, какъ необходимая, предшествующая, составная его часть.

7. Называя все, что будетъ изложено подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ въ этой запискѣ, представляемой ученымъ отъ неученыхъ, вопросомъ, постановкою вопроса, мы тѣмъ самымъ признаемъ, хотимъ указать на свою слабость, сравнительно съ тѣми, къ кому съ этимъ вопросомъ обращаемся. Спрашиваютъ не тѣ, конечно, которые знаютъ, а тѣ, которые сознаютъ свое безсиліе; и это сознаніе не есть выраженіе скромности, обычное въ предисловіяхъ, а неизбѣжное смиреніе предъ страшною силою причинъ небратства, нудящею къ соединенію, вынуждающею говорить тѣхъ, кому это не за обычай; это смиреніе предъ тою силою, предъ которой умолкаютъ всѣ интересы.

Если бы и Россія, русская наука, обратилась съ этимъ вопросомъ къ другимъ народамъ, стоящимъ выше ея въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, то и для этихъ высокопоставленныхъ народовъ, для ихъ гордости, не было бы ничего оскорбительнаго въ этомъ вопросѣ.

8. Небратское состояніе обусловливается, конечно, серьезными причинами: всѣ живемъ въ условіяхъ, возбуждающихъ вопросъ о небратствѣ, а потому, ставя этотъ вопросъ, мы не выдѣляемся изъ народа, а выражаемъ общую думу всѣхъ. Говоря о причинахъ небратскаго состоянія, мы хотимъ сказать, что небратство коренится не въ капризахъ, что словами искоренить его нельзя, что одно желаніе безсильно устранить причины небратства; для этого нуженъ совокупный трудъ знанія и дѣйствія, ибо такая упорная болѣзнь, имѣющая корни внѣ и внутри человѣка, не излѣчивается въ мгновеніе ока, какъ это думаютъ руководящіеся однимъ чувствомъ, разсужденія коихъ о небратствѣ можно бы назвать трактатомъ о безпри-

чинности небратскаго состоянія; они запрещаютъ думать, потому что думаніе, или мышленіе, есть раскрытіе причинъ и условій. Признаніе безпричинности небратскаго состоянія ведетъ не къ дѣйствительному миру, не къ братству, а къ игрѣ лишь въ миръ, къ комедіямъ примиренія, создающимъ псевдо-мирное состояніе, фальшивый миръ, который гораздо хуже открытой непріязни, потому что послѣдняя ставитъ вопросъ, тогда какъ мнимое примиреніе увѣковѣчиваетъ вражду, скрывая ее. Такое ученіе и проповѣдуетъ Толстой: поссорившись наканунѣ, онъ идетъ мириться на другой день; онъ не только не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію столкновеній, но, повидимому, выискиваетъ ихъ, можетъ быть для того, чтобы потомъ заключить непрочный миръ.

Но и причинность, въ смыслѣ детерминизма, можно допустить только для людей, взятыхъ въ отдѣльности, въ розни. Ученое сословіе потому и признаетъ роковой, вѣчный детерминизмъ, что не допускаетъ совокупной дѣятельности. Совершенная неустранимость небратскаго состоянія есть коренной догматъ ученыхъ, какъ сословія, ибо признаніе устранимости причинъ небратскаго состоянія для совокупнаго усилія всѣхъ людей, требовало-бы отъ ученыхъ превращенія въ коммиссію.

9. Подъ небратскимъ состояніемъ мы разумѣемъ всѣ юридико-экономическія отношенія, сословность и международную рознь. Въ вопросѣ о причинахъ неродственности подъ неродственностью мы разумѣемъ «гражданственность», или «цивилизацію», замѣнившую «братственность», разумѣемъ и «государственность», замѣнившую «отечественность». Отечественность, это не патріотизмъ, который, вмѣсто любви къ отцамъ, сдѣлалъ ихъ предметомъ своей гордости, т. е. замѣнилъ любовь, или добродѣтель, гордостью, порокомъ, а любовь къ отцамъ любовью къ себѣ самимъ, самолюбіемъ. Люди, гордящіеся однимъ и тѣмъ же предметомъ, могутъ составить почетный орденъ, а не братство сыновъ, любящихъ другъ друга. Но какъ только гордость подвигами отцовъ замѣнится сокрушеніемъ объ ихъ смерти, какъ только землю будемъ разсматривать какъ кладбище, а природу какъ силу смертоносную, такъ и вопросъ политическій замѣнится физическимъ, при чемъ физическое не будетъ отдѣляться отъ астрономическаго, т. е. земля будетъ признаваться небеснымъ тѣломъ, а звѣзды землями.. Соединеніе всѣхъ наукъ въ астрономіи есть самое простое, естественное, неученое, требуемое столько же чувствомъ, какъ и умомъ неотвлеченнымъ, ибо этимъ соединеніемъ миѳическая патрофикація обращается въ дѣйствительное воскрешеніе, или въ регуляцію всѣхъ міровъ всѣми воскрешенными поколѣніями.

Вопросъ о силѣ, заставляющей два пола соединяться въ одну плоть для перехода въ третье существо посредствомъ рожденія, есть вопросъ о смерти;—это исключительное прилѣпленіе къ женѣ, заставляя забывать отцовъ, вноситъ политическую и гражданскую вражду въ міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ забывать о землѣ, какъ на небѣ находящемся тѣлѣ, и о небесныхъ тѣлахъ, какъ о земляхъ. Пока историческая жизнь была

лишь океаническою, т. е. береговою, обнимала небольшую лишь часть земли, приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ находящуюся, до тѣхъ поръ она была политическою, гражданскою, торговою, была цивилизаціею, словомъ—борьбою; когда же и внутренность материковъ вступитъ въ исторію, т. е. вся земля станетъ историческою, тогда вопросъ государственный, культурный, превратится въ физическій, или астро-физическій, въ небесно-земной.

10. Не признавая за собою права выдѣлять себя изъ массы народа (толпы) (Примѣчаніе 4-е), мы не можемъ задаваться цѣлью, которая не была бы общею, задачею всѣхъ; потому-то мы и не можемъ отказаться отъ вопроса о небратствѣ, который не нами поднятъ, не нами и рѣшенъ будетъ, ибо въ условіяхъ, возбуждающихъ этотъ вопросъ, мы постоянно живемъ, и не думать о немъ также невозможно, какъ нельзя пріостановить дѣятельности мысли, думы въ головѣ. Одно только есть ученіе, которое требуетъ не выдѣленія, а возсоединенія, ставитъ себѣ не искусственныя цѣли, а одну общую, совершенно естественную цѣль для всѣхъ,—это ученіе о родствѣ, т. е. о томъ, чего, можно сказать, не коснулось даже наказаніе «смѣшенія языковъ», ибо названія, относящіяся къ родству, и теперь почти одинаковы у всѣхъ народовъ. Не заключается ли въ этомъ указанія на истинную цѣль человѣческаго рода, ибо не самосохраненіе, а возвращеніе жизни отцамъ должно быть цѣлью? Наказаніе смѣшеніемъ языковъ послѣдовало именно за то, что поколѣніе живущее хотѣло воздвигнуть памятникъ себѣ, т. е. забыло отцовъ, забыло, конечно, и языкъ ихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, того, что слышало въ раннемъ дѣтствѣ и что, повидимому, и не могло быть забыто, хотя бы и желали того. (Примѣчаніе 5-е).

Только въ ученіи о родствѣ вопросъ о толпѣ и личности получаетъ рѣшеніе: единство не поглащаетъ, а возвеличиваетъ каждую единицу, различіе же личностей лишь скрѣпляетъ единство, которое все заключается—во 1-хъ, въ сознаніи каждымъ себя сыномъ, внукомъ, правнукомъ, праправнукомъ.... потомкомъ, т. е сыномъ всѣхъ умершихъ отцовъ, а не бродягою, непомнящимъ родства, какъ въ толпѣ; и во 2-хъ, въ признаніи каждымъ со всѣми вмѣстѣ, а не въ розни, не въ отдѣльности, какъ въ толпѣ, долга своего къ нимъ, ко всѣмъ умершимъ отцамъ, долга, ограниченія коего исходятъ только изъ чувственности, или, точнѣе, изъ злоупотребленія чувственностью, которое и дробитъ массу (сельскій родъ), превращаетъ ее въ толпу.

Масса человѣчества изъ толпы, взаимной толкотни, борьбы, превратится въ стройную силу, когда она, сельская масса, народъ, будетъ объединеніемъ сыновъ для воскрешенія отцевъ, будетъ родствомъ, психократіею. Превращеніе «толпы» въ союзъ сыновъ, находящихъ свое единство въ дѣлѣ отцовъ, и есть именно объединеніе, но не сліяніе. Въ этомъ-то дѣлѣ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца, и становится каждый великимъ человѣкомъ, участникомъ величія этого дѣла, несравненно болѣе великимъ, чѣмъ всѣ, которые назывались этимъ именемъ. Только сынъ человѣческій есть

великій человѣкъ, есть человѣкъ, пришедшій въ мѣру возраста Христова; всѣ же такъ называемые великіе люди не достигали этого возраста. Мысль, по которой человѣкъ называется сыномъ человѣческимъ, обнимаетъ весь родъ, а дѣло, по которому онъ такъ называется, есть обращеніе слѣпой смертоносной силы въ силу, возвращающую жизнь всѣмъ отцамъ. Придти въ мѣру возраста Христова значитъ сдѣлаться именно сыномъ человѣческимъ, ибо и самъ Христосъ называетъ себя сыномъ человѣческимъ. Гуманистъ, который называетъ себя« **человѣкомъ**» и гордится этимъ именемъ, очевидно, не пришелъ еще въ мѣру возраста Христова, не сталъ еще **сыномъ человѣческимъ**; и всѣ, отвергшіе въ наше время культъ отцовъ, лишили себя чрезъ это права называться сынами человѣческими, и, вмѣсто участія въ общемъ дѣлѣ, сдѣлались лишь органами, орудіями различныхъ производствъ, стали только клапанами, хотя и думаютъ въ тоже время, что живутъ для себя. Такое состояніе дѣлаетъ понятнымъ, что не только вѣчное существованіе, какъ говоритъ Нуаре, этихъ х и у (никто не станетъ утверждать, говоритъ Нуаре, что вѣчное существованіе индивидуумовъ х и у имѣетъ чрезвычайное значеніе), – но и временное ихъ существованіе не можетъ имѣть не только никакого значенія, а даже и смысла, такъ что лучше бы имъ и совсѣмъ не существовать; но это такъ, конечно, лишь относительно х и у, и не можетъ относиться къ **сынамъ человѣческимъ**, къ **воскресителямъ**, существованіе которыхъ имѣетъ значеніе не только чрезвычайное, а совершенно необходимо, если цѣль жизни состоитъ въ обращеніи слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ всѣхъ воскрешенныхъ поколѣній; тогда, конечно, **всѣ** до **единаго** необходимы.

11. Вопросъ, составляющій предметъ настоящей записки, имѣетъ двоякое значеніе:

I. Когда вопросъ о причинахъ небратства приравнивается къ вопросу восточному, переселенческому и т. п., то подразумѣвается, что наука не должна быть знаніемъ причинъ безъ знанія цѣли, не должна быть знаніемъ причинъ начальныхъ безъ знанія причинъ конечныхъ (т. е. знаніемъ для знанія, знаніемъ безъ дѣйствія), не должна быть знаніемъ того, **что есть**, безъ знанія того, **что должно быть**; это значитъ, что наука должна быть знаніемъ причинъ не **вообще**, а знаніемъ причинъ именно небратства, должна быть знаніемъ причинъ **розни**, которая дѣлаетъ насъ орудіями слѣпой силы природы, вытѣсненія старшаго поколѣнія младшимъ, взаимнаго стѣсненія, которое ведетъ къ тому же вытѣсненію. Таково общее значеніе вопроса о небратствѣ, а отсюда слѣдуетъ, что смыслъ братства заключается въ объединеніи всѣхъ въ общемъ дѣлѣ обращенія слѣпой силы природы въ орудіе разума всего человѣческаго рода для возвращенія вытѣсненнаго.

2. Когда же тѣ, которые сознаютъ свое незнаніе, т. е. неученые, обращаются съ этимъ вопросомъ, о причинахъ небратства, къ ученымъ, тогда является и вопросъ о томъ, должны ли ученые, остаться сословіемъ, школою, т. е. не отвѣчать на такой вопросъ неученымъ, считая науку лишь

вопросомъ о причинахъ **вообще, схоластикою**, или же не должны-ли они, ученые, обратиться въ коммиссію для разъясненія и критическаго разрѣшенія вопроса о причинахъ розни? является вопросъ, должны-ли ученые смотрѣть на свое выдѣленіе изъ массы человѣчества, какъ на временную лишь командировку, или же какъ на послѣднюю цѣль? должны-ли они видѣть въ себѣ только «соглядатаевъ» того пути, который предстоитъ всѣмъ, или же они-лучшее и высшее сословіе, цвѣтъ и плодъ всей жизни человѣческаго рода? является вопросъ объ ученыхъ и интеллигенціи, или о внутреннемъ разладѣ, т. е. вопросъ объ умѣ, лишенномъ чувства и воли, вопросъ о полной неродственности, какъ существенномъ свойствѣ ученыхъ, необходимо вытекающемъ изъ отдѣленія ума отъ чувства и воли. Разладъ внутренній кроется въ разладѣ внѣшнемъ, въ отдѣленіи ученаго и интеллигентнаго классовъ отъ народа. Знаніе, лишенное чувства, будетъ знаніемъ причинъ лишь вообще, а не изслѣдованіемъ причинъ неродственности; умъ, отдѣленный отъ воли, будетъ знаніемъ зла безъ стремленія искоренить его и знаніемъ добра безъ желанія его водворить; т. е. будетъ лишь признаніемъ неродственности, а не проектомъ возстановленія родства. Послѣдствіемъ безчувственности является неродственность, а именно: и забвеніе отцовъ, и распаденіе сыновъ. (Неродственность въ ея причинахъ обнимаетъ и всю природу, какъ слѣпую силу, неуправляемую разумомъ). Но какъ только умъ приходитъ въ чувство, то начинается воспоминаніе отцовъ умершихъ (музей), а вмѣстѣ и соединеніе сыновъ этихъ умершихъ, а также и отцовъ еще живущихъ (соборъ) для воспитанія своихъ сыновъ (школа); полнота-же чувства есть объединеніе всѣхъ живущихъ (сыновъ), полнота воли, или совокупнаго всѣхъ живущихъ дѣйствія, есть воскрешеніе всѣхъ умершихъ (отцовъ), соборъ всѣхъ ожившихъ, или объединеніе рожденныхъ для воскрешенія умерщвленныхъ, умерщвленныхъ путемъ рожденія и питанія. Но что же нужно, чтобы музей и соборъ достигли такой полноты?.

Если предметъ науки заключается въ разрѣшеніи вопроса о причинахъ вообще, то это значитъ, что наука занята вопросомъ—**„почему сущее существуетъ?“**—такъ какъ оба эти вопроса, очевидно, однозначущи. Вопросъ же, почему сущее существуетъ?—вопросъ, очевидно, неестественный, совершенно искусственный.. Но какъ неестественно спрашивать—**почему сущее существуетъ?** такъ вполнѣ естественно спросить, **почему живущее умираетъ?**.. И этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о братствѣ, былъ бы поднятъ философами и учеными, если бы братство существовало между людьми; но въ отсутствіи братства вопроса не видятъ, или по крайней мѣрѣ изъ него не дѣлаютъ задачи, цѣли изслѣдованій; а между тѣмъ одна лишь эта цѣль и могла бы придать смыслъ существованію философовъ и ученыхъ, но уже не какъ сословія, а какъ временной лишь коммиссіи.

12. Отъ разрѣшенія вопроса о томъ, обратится ли ученое сословіе въ коммиссію для объединенія, собиранія, т. е. въ призывную коммиссію, зависитъ рѣшеніе общаго вопроса о замѣнѣ вытѣсненія возвращеніемъ

вытѣсненнаго, о замѣнѣ прогресса воскрешеніемъ, неродственнаго типа организма родственнымъ типомъ нераздѣльной Троицы... Мѣняя свое положеніе высшаго сословія на положеніе коммиссіи, ученые потеряютъ лишь мнимыя, совершенно мнимыя, преимущества, пріобрѣтутъ же дѣйствительныя. Всѣ воззрѣнія, обуславливающіяся сословнымъ положеніемъ ученыхъ, потеряютъ тогда всякое значеніе; міръ тогда не будетъ лишь представленіемъ,—(какъ это неизбѣжно для кабинетныхъ ученыхъ, лишенныхъ дѣятельности и осужденныхъ на одно созерцаніе, на одно пожеланіе безъ средствъ къ осуществленію); представленіе міра будетъ тогда проектомъ лучшаго міра, составленіе и осуществленіе котораго и будетъ задачею коммиссіи; тогда изчезнетъ пессимизмъ, но не будетъ и того оптимизма, который лишь обольщаетъ, стараясь представить міръ лучшимъ, чѣмъ онъ есть; тогда не зачѣмъ будетъ скрывать отъ себя зло; не зачѣмъ будетъ и стараться увѣрить себя, будто смерти нѣтъ; но и признавая существованіе зла во всей его силѣ, мы не будемъ терять надежды, что въ соединеніи всѣхъ разумныхъ силъ найдемъ возможность давать направленіе силѣ неразумной, производящей зло, смерть и всѣ происходящія отъ сего бѣдствія. Признавая имманентное воскрешеніе, мы полагаемъ предѣлъ пытливости человѣческой, направленной къ трансцендентному, къ мысли безъ дѣла; но осуждая спиритизмъ и вообще стремленіе къ внѣмірному, мы не стѣсняемъ однако человѣка, ибо показываемъ, что область доступнаго ему имманентнаго такъ широка, что нравственное, родственное чувство, всемірная любовь, найдетъ въ ней полное удовлетвореніе.

Необходимымъ слѣдствіемъ выдѣленія ученыхъ въ особое сословіе являются три порока: первый, коренной, есть превращеніе міра въ представленіе, въ фикцію; то, что въ жизни эгоизмъ, солипсизмъ, и всѣ преступленія, изъ него вытекающія, все это нашло свою формулу въ философскомъ выраженіи «міръ—мое представленіе,»—(эготизмъ),—которое и есть послѣдній результатъ всего критицизма. Обращеніе міра въ представленіе есть послѣднее слово ученаго сословія; будучи порожденіемъ праздности, внѣшняго бездѣйствія, (если мышленіе не считать дѣломъ, дѣйствіемъ), и индивидуализма, превращеніе міра въ представленіе есть послѣднее исчадіе праздности, какъ матери пороковъ, и солипсизма (или эгоизма), какъ отца преступленій. Слѣдствіемъ этого главнаго порока (обращеніе міра въ представленіе) являются два другіе: морфинизмъ и гипнотизмъ; потому что если міръ есть представленіе, то обращеніе непріятныхъ представленій въ пріятныя, посредствомъ морфина, эфира и т. п., было бы уже рѣшеніемъ мірового вопроса, ибо это соотвѣтствовало бы устраненію всѣхъ страданій и замѣнѣ ихъ наслажденіемъ; гипнотизмъ же рѣшаетъ тотъ же вопросъ еще проще; онъ считаетъ себя способнымъ избавлять отъ всякихъ болѣзней и пороковъ силою одного только желанія. Но прибѣгать къ морфину, это значитъ одурманивать себя, лишать себя разума и чувства; прибѣгаютъ же къ этому средству потому, что въ жизни нѣтъ достойнаго для разума примѣненія; человѣкъ только тогда не будетъ одурманиваться, когда обра-

щеніе слѣпой силы въ разумную будетъ его дѣломъ, ибо обратить слѣпую силу въ разумную значитъ всю жизнь сдѣлать таковою же. Одурманеніе себя въ сословіи ученыхъ, т. е. лишеніе себя разума людьми, имъ, мыслію живущими, есть очевидно наказаніе за выдѣленіе себя отъ всѣхъ людей, за безучастіе къ общимъ бѣдствіямъ, за недостойное употребленіе разума. Съ другой стороны, въ виду всѣхъ совершается превращеніе науки въ волшебство, колдовство, заговариванія, или внушенія, т. е. въ гипнозъ; и такое превращеніе не считается полнымъ упадкомъ, паденіемъ науки, большимъ и большимъ приближеніемъ человѣка къ животному! Одинъ извѣстный профессоръ, отдавая предпочтеніе «внушенію», т. е. заговариванію, предъ «увѣщаніемъ», даже не замѣчаетъ, повидимому, что осуждаетъ умъ на бездѣйствіе; чтобы увѣщаніе сдѣлать дѣйствительнымъ, нужно много умственнаго труда; тогда какъ для заговариванія, внушенія, умъ совсѣмъ не нуженъ. Замѣнять разумное убѣжденіе внушеніемъ значитъ совершать двойное отреченіе отъ ума и разумной воли, какъ со стороны внушителя, такъ и со стороны воспринимающаго внушеніе. Какая же судьба ожидаетъ ту способность, которая осуждается на бездѣйствіе? что будетъ съ органомъ этой способности, какъ не атрофія?... Безсознательному способу дѣйствія отдается рѣшительное предпочтеніе предъ сознательнымъ. Если увѣщанія безсильны, то сознательные способы дѣйствія не ограничиваются одними увѣщаніями; изученіе наклонностей и способностей въ каждомъ, раскрытіе соотношенія между внутренними и внѣшними свойствами, развѣ не можетъ открыть новые пути къ опредѣленію, въ чемъ и съ кѣмъ въ сообществѣ можетъ человѣкъ проявить свою дѣятельность наилучшимъ образомъ при рѣшеніи вопроса о возстановленіи всемірнаго родства?... Но если заговариванія имѣютъ силу, то почему бы устраненіе причинъ вражды, возстановленіе взаимной пріязни между людьми, не замѣнить присушиваніемъ? почему бы, наконецъ, не уничтожить этимъ путемъ эгоизмъ и не ввести посредствомъ гипнотизма всеобщій альтруизмъ?... Замѣна «уговариванія», убѣжденія, «заговариваніемъ», волшебствомъ, равняется отреченію отъ разума; но XIX вѣкъ и не дорожитъ разумомъ! Кромѣ того гипнотизмъ, или заговариваніе, есть также отреченіе отъ «сознанія», т. е. подчиненіе слѣпой, безсознательной, иначе сказать, темной силѣ, отреченіе отъ сознательной работы... Послѣдовать-ли совѣту злого духа и обратить однимъ словомъ камень въ хлѣбъ? или же добывать себѣ хлѣбъ трудомъ и обезпечить его за собою регуляціею природы? ..

13. Позитивизмъ, послѣднее слово европейской мысли, не есть выходъ изъ школы, а слѣдовательно и изъ ученаго сословія, т. е. позитивизмъ основанъ также на отдѣленіи теоретическаго разума отъ практическаго. Безсиліе теоретическаго разума объясняется бездѣйствіемъ, или отсутствіемъ общаго дѣла, какъ доказательства. Позитивизмъ только видоизмѣненіе метафизической схоластики, которая и сама путемъ такого же видоизмѣненія произошла изъ схоластики теологической; поэтому позитивизмъ есть тоже схоластика и позитивисты составляютъ школу, а не коммиссію

въ вышеобъясненномъ смыслѣ. Однако, если бы позитивное направленіе было противоположно не метафизическому и теологическому, а народному и религіозному, которое есть не знаніе только, или созерцаніе, а дѣйствіе, жертвоприношеніе, культъ, т. е. средство противъ зла, хотя и миѳическое, т. е. чудесное (недѣйствительное, мнимое), тогда позитивное направленіе состояло бы въ превращеніи миѳическаго, или чудеснаго, фиктивнаго дѣйствія, въ дѣйствительное настоящее средство противъ зла, и не оставляло бы безъ удовлетворенія потребность, которая по незнанію дѣйствительнаго удовлетворялась, или, вѣрнѣе, лишь заглушалась, мнимымъ дѣйствіемъ, мнимымъ средствомъ противъ зла. Если бы позитивизмъ (все равно Западно-ли то, Европейскій, или же Восточно-Китайскій) дѣйствительно противополагалъ себя всему миѳическому, фиктивному, тогда въ немъ не было бы ничего произвольнаго; а между тѣмъ позитивизмъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу ограниченія, отрицанія, и оказывается, что состоитъ онъ не въ замѣнѣ фиктивнаго дѣйствительнымъ, а лишь въ отрицаніи перваго и самой возможности замѣнить его дѣйствительнымъ, и удовлетворить самое законное стремленіе человѣка, стремленіе къ обезпеченію своего существованія. Но отказывая въ необходимомъ, позитивизмъ поблажаетъ искусственнымъ потребностямъчеловѣка, удовлетворяемымъ, или, вѣрнѣе, разжигаемымъ, мануфактурою... Очевидно, пока ученые будутъ составлять особое сословіе, питающееся отъ знанія, живущее искусственною жизнью города, до тѣхъ поръ они будутъ заняты лишь отрицаніемъ фиктивнаго, а не обращеніемъ его въ дѣйствительное.

Критицизмъ есть тоже школа, а не выходъ изъ нея; Кантизмъ и Неокантизмъ также схоластика. Критика чистаго разума можетъ быть названа наукою, или философіею, въ узкихъ лишь предѣлахъ искусственнаго необъединеннаго опыта (кабинетнаго, лабораторнаго). Точно также и критика практическаго разума можетъ быть названа жизнью, но жизнью, поставленною въ узкіе предѣлы личныхъ дѣлъ, розни, не считаемой порокомъ, т. е. это правила нравственности для несовершеннолѣтняго возраста, въ которомъ всѣ преступленія суть лишь шалости, какъ ихъ и называетъ русскій народъ. Критика практическаго разума не знаетъ объединеннаго человѣчества, не даетъ правила для общаго дѣйствія всего рода человѣческаго, также какъ и критика чистаго разума не знаетъ другого опыта, кромѣ опыта, производимаго **кое гдѣ, кое когда и кое кѣмъ;** она не знаетъ опыта, производимаго **всѣми, всегда и вездѣ,** какъ это будетъ, когда вооруженные народы (арміи) обратятъ свое оружіе въ орудіе регуляціи атмосферическихъ явленій. Все хорошее въ критикѣ чистаго разума, Богъ, составляетъ идеалъ, а въ критикѣ практическаго разума—внѣмірную дѣйствительность; дѣйствительность же состоитъ: а) изъ бездушнаго міра, изъ неразумной, безчувственной силы, для которой приличнѣе названіе не космоса, а хаоса, знаніе же о ней приличнѣе назвать хаосографіею, а не космологіею; и б) изъ безсильной души, знаніе о которой можно назвать психологіею, (въ смыслѣ психократіи), развѣ лишь проективно, ибо душа,

отдѣльно отъ Бога и міра, есть лишь способность къ чувству; знанію и дѣйствію, есть душа безъ силы и воли. Въ этомъ и заключается отдѣленіе души отъ силы, и міра отъ разума и чувства; объединеніе же ихъ можетъ быть лишь проектомъ, котораго у Канта однако нѣтъ. Если для спиритуалистовъ миръ есть лишь внѣ міра, а для матеріалистовъ нѣтъ мира ни въ мірѣ, ни внѣ міра, то для критицизма (для Канта) миръ есть только наша мысль, а не дѣйствительность. Когда же будетъ признана незаконность отдѣленія интеллигенціи отъ народа, мысль станетъ, сдѣлается, проектомъ. Не въ правѣ ли мы сказать, слѣдовательно, что критицизмъ, какъ и позитивизмъ, есть школа, и позитивная и критическая философія суть схоластика, слѣдовательно принадлежитъ къ возрасту несовершенолѣтія.

Кантъ обрекъ знаніе, какъ сдѣлалъ это и позитивизмъ, на вѣчное дѣтство. Стѣсненное границами искуственнаго, игрушечнаго опыта, въ маломъ видѣ, – знаніе оставляетъ внѣ себя непознаваемое, метафизику и агностицизмъ. Точно также критика практическаго разума (критика дѣла), отказывая человѣку въ общемъ дѣлѣ, вынуждаетъ его къ фиктивному дѣлу (гипнотизмъ, спиритизмъ, медіумизмъ, матеріализація). Счастіе въ этой жизни, которое могъ дать Кантъ человѣку, покупалось очень дорогой цѣной: забудь о совершенствѣ, недоступномъ тебѣ, (Богъ есть лишь идеалъ), и тебя не будетъ безпокоить твое несовершенство; не думай о смерти и не будешь впадать въ паралогизмъ безсмертія; занимайся только видимымъ и не помышляй о будущемъ: конеченъ или безконеченъ міръ, вѣченъ онъ или невѣченъ,—тебѣ этого не рѣшить; такъ рѣшаетъ Кантъ въ своей критикѣ чистаго разума. Однако все отрицаніе критики чистаго разума основано лишь на предположеніи о неизбѣжности для человѣка розни—и о невозможности соединенія въ общемъ дѣлѣ. Но это предположеніе есть предразудокъ, вовсе не сознаваемый имъ и о которомъ, повидимому, даже не догадывается великій философъ, и не догадывается именно потому, что онъ великій философъ, а слѣдовательно и не могъ поставить что либо выше мысли. То, что Кантъ считалъ недоступнымъ знанію, есть предметъ дѣла, но дѣла, доступнаго лишь для людей въ ихъ совокупности, въ совокупности самостоятельныхъ лицъ, а не въ ихъ отдѣльности, въ розни. На безсознательномъ признаніи неизбѣжности розни основана и критика практическаго разума; порокъ розни, (непризнаваемый, конечно, за таковой), положенъ въ основу нравственной системы Канта. Этотъ философъ принадлежитъ къ эпохѣ, такъ называемаго, просвѣщеннаго абсолютизма, и переноситъ принципъ этого абсолютизма въ міръ нравственный: онъ какъ бы и Бога заставляетъ сказать,—«все для людей и ничего чрезъ людей». Принципъ розни и бездѣлья послѣдовательно проведенъ Кантомъ по всѣмъ тремъ критикамъ. (Примѣчаніе 6-е). Философія искусства, называемая имъ критикою сужденія, говоритъ не о томъ, какъ нужно творить, а лишь о томъ, какъ судить о предметахъ художества и о произведеніяхъ природы, разсматриваемыхъ съ эстетической стороны. Это философія для рецензен-

товъ, а не для художниковъ—поэтовъ, не для художниковъ, взятыхъ даже въ отдѣльности, не говоря уже о томъ, когда на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на созидателей одного произведенія, вопреки розни и даже вражды между ними. Въ критикѣ сужденія и природа разсматривается не какъ предметъ дѣла, дѣйствія, состоящаго въ обращеніи слѣпой силы въ управляемую разумомъ, а какъ предметъ лишь сужденія, созерцанія, и при томъ только съ эстетической, а не съ нравственной стороны, съ которой она явилась бы силою разрушающею, смертоносною.

14. Осуждая ограниченія и отрицаніе, полагаемыя позитивизмомъ и критицизмомъ, конфуціанствомъ, мы осуждаемъ только произвольныя ограниченія. Да и возможно ли одобрить, назвать добрыми такія границы, которыя закрываютъ человѣку пути къ лучшему и открываютъ безграничный просторъ къ худшему; ибо ограничивая человѣка въ необходимомъ, въ самомъ существованіи, примиряясь съ утратами, со смертью, позитивизмъ, во всѣхъ его видахъ, оказывается очень снисходительнымъ къ искусственнымъ потребностямъ, которыя не обезпечиваютъ существованія, а раздражаютъ лишь желанія; такъ въ Китаѣ нравственное чувство (т. е. любовь дѣтей къ родителямъ) проявляется въ формѣ обряда, игры, и дѣлается все болѣе и болѣе фиктивнымъ, даже вещи, приносимыя въ жертву, замѣняются моделями, изображеніями; а рядомъ съ этимъ-забавы и увеселенія возводятся въ дѣйствительное, серьезное дѣло; т. е. въ дѣйствительности—искусственнымъ потребностямъ дается первенство, лицемѣрно же—на первое мѣсто ставится удовлетвореніе нравственнаго чувства. Въ Европѣ, наоборотъ, вещь искренно и откровенно ставятъ выше умершаго человѣка, лицемѣріе же заключается въ томъ, что живого человѣка предпочитаютъ будто бы вещи; но если борьба за существованіе, т. е. борьба между людьми за вещь, признана условіемъ прогресса, то вещь, какъ цѣль, должна быть предпочтена людямъ, какъ средству; каждый и цѣнить другихъ людей лишь какъ союзниковъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія вещи. Мало того, въ противоположность народному воззрѣнію, которое и вещи одухотворяетъ, философія превращаетъ и одушевленныя существа въ вещи. «Каждое существо можетъ быть воспринято другимъ существомъ только какъ матерія, какъ вещь, одаренная способностью движенія; и только для себя оно можетъ существовать, себѣ только можетъ являться какъ духъ, одаренный сознаніемъ, ощущеніемъ, волею» изъ чего выходитъ, что всякое существо, усвоившее себѣ критику, можетъ принять за наиболѣе вѣроятное, что оно только и есть духъ, а всѣ другія существа—вещи. «О существованіи сознательныхъ состояній внѣ меня, въ другихъ существахъ, я могу заключать только путемъ аналогіи, непосредственно же я воспринимаю только движеніе другихъ существъ, а не ихъ внутреннее состояніе.» Признаніе каждымъ всѣхъ другихъ вещами, и себя только существомъ сознающимъ, чувствующимъ, т. е. признаніе только въ себѣ души, признаніе только себя человѣкомъ, и непризнаніе всѣхъ другихъ себѣ подобными, своими ближними, это и есть полное отрицаніе нравственности, брат-

ства и отечества, если бы, впрочемъ, философія вообще знала отечество; но она не знаетъ отцовъ, она игнорируетъ отечество. Практическое выраженіе такой теоретической философіи будетъ заключаться въ дѣйствительномъ признаніи души только въ себѣ и въ дѣйствительномъ отрицаніи души во всѣхъ другихъ, т. е. въ полномъ пренебреженіи нравственности. Но если бы на дѣлѣ была полная искренность, и чужія души не были бы потемками, т. е. если бы по внѣшнимъ движеніямъ можно было непогрѣшимо опредѣлять душевное состояніе другихъ, а съ другой стороны, если бы мы и сами не вводили въ заблужденіе другихъ собственными движеніями, несоотвѣтствующими душевнымъ состояніямъ, т. е. если бы не только чужія души не были для насъ потемками, но и своя, наша собственная душа не была бы для другихъ обманомъ, тогда нельзя было бы считать другихъ не подобными себѣ; а въ этомъ и состоитъ приложеніе психологіи къ жизни, къ строенію общества, если только психологія можетъ имѣть какое либо приложеніе.

15. Ставя внѣ изслѣдованія начальныя и конечныя причины, позитивизмъ считаетъ невозможнымъ знаніе смысла жизни, ни ея цѣли. Позитивизмъ сословный, школьный есть искаженіе жизни; для позитивистовъ воскрешеніе не только не возможно, но и не желательно. (Примѣчаніе 7). Однако не желая возстановленія своей жизни, не доказываютъ ли тѣмъ, что эта жизнь и не стоитъ возстановленія? Для прогрессистовъ дурно все, что есть, а еще хуже все то, что было, что прошло; и только для не-мыслящихъ прогрессистовъ можетъ представляться хорошимъ то, чего еще нѣтъ, ибо и будущее станетъ настоящимъ и прошедшимъ, т. е. дурнымъ. Такимъ образомъ очевидно, что истинный прогрессистъ есть необходимо пессимистъ. «**Прогрессъ**,» говоритъ одинъ извѣстный профессоръ, «есть постепенное возвышеніе уровня общечеловѣческаго развитія. Въ этомъ смыслѣ прототипомъ прогресса является индивидуальное психическое развитіе, которое есть не только объективный фактъ наблюденія, но и субъективный фактъ сознанія: въ нашемъ внутреннемъ опытѣ развитіе является въ формѣ сознанія постепеннаго увеличенія знанія, уясненія мысли, и эти процессы сознаются въ формѣ улучшенія нашего мыслящаго существа, его возвышенія; это фактъ индивидуальной психологіи, повторяющійся и въ психологіи коллективной, когда члены цѣлаго общества сознаютъ свое превосходство надъ своими предшественниками въ томъ же обществѣ». Но общество состоитъ изъ младшаго и старшаго поколѣній, изъ отцовъ и дѣтей; и если авторъ подъ цѣлымъ обществомъ разумѣетъ и стараго и малаго, разумѣетъ всѣхъ безъ различія возраста, иначе сказать, допускаетъ равномѣрное движеніе всѣхъ членовъ общества, (т. е. отрицаетъ старѣніе и ослабленіе), тогда превосходство будетъ сознаваться только надъ умершими, тогда поминовеніе, исторія будутъ необходимы для того только, чтобы было надъ кѣмъ превозноситься. Итакъ, цѣлое общество (всѣ живущіе, молодые и старые) можетъ сознавать свое превосходство только надъ умершими поколѣніями; но какъ при этомъ не видѣть виновности въ та-

комъ сознаніи, не замѣчать даже эгоизма поколѣнія? Но жизнь общества состоитъ въ томъ, что старое старится, а молодое растетъ; возрастая и сознавая свое превосходство надъ умершими, молодое поколѣніе не можетъ, по закону прогресса, не сознавать своего превосходства и надъ умирающими, или старѣющими... Если старое говоритъ молодому: «тебѣ подобаетъ расти, а мнѣ малиться», то это пожеланіе доброе; тутъ говоритъ любовь отеческая; если же молодое говоритъ старому: «мнѣ подобаетъ расти, а тебѣ убираться въ могилу», – то это прогрессъ, и говоритъ тутъ не любовь, а ненависть, и ненависть блудныхъ, конечно, сыновъ. Прогрессъ при отсутствіи внутренняго объединенія и внѣшняго общаго для всего рода человѣческаго дѣла есть явленіе естественное; и пока несовершится объединеніе въ общемъ дѣлѣ обращенія смертоносной силы въ живоносную, человѣкъ будетъ подчиненъ слѣпой, естественной силѣ наравнѣ со всѣми скотами, звѣрями, наравнѣ съ бездушною матеріею. Прогрессъ происходитъ отъ ученія объ искупленіи, но путемъ совершеннаго искаженія этого ученія: искупленіе, до его окончательнаго искаженія протестантизмомъ, относилось преимущественно къ умершимъ; прогрессъ же есть само-возвышеніе, возвышеніе самихъ себя, т. е. тотъ грѣхъ, который и былъ наказанъ смѣшеніемъ языковъ, къ чему близко и наше время, въ которое люди отказались отъ всего общаго и каждый живетъ исключительно для себя, и это до такой степени, что люди перестаютъ даже понимать другъ друга. Прогрессъ состоитъ въ сознаніи превосходства, во 1-хъ, цѣлымъ поколѣніемъ (живущими) надъ своими предшественниками (умершими), и, во 2-хъ, младшими надъ старшими; самое-же превосходство, – предметъ гордости для младшаго поколѣнія, – будетъ состоять въ увеличеніи знаній, въ улучшеніи, возвышеніи мыслящаго существа; даже выработка нравственныхъ убѣжденій будетъ предметомъ превозношенія младшаго поколѣнія надъ старшимъ: «Онъ (т. е. каждый изъ младшаго поколѣнія) чувствуетъ возвышеніе (превосходство надъ старшими), когда обогащается новымъ знаніемъ, когда додумается до новой идеи, когда съ новой точки зрѣнія сцѣниваетъ все окружающее, когда при коллизіи долга съ привычками и аффектами побѣда остается на сторонѣ долга.» Но это только субъективная, внутрѣнняя сторона сознанія умственнаго превосходства надъ предшественниками; въ чемъ же будетъ заключаться внѣшняя сторона этого сознанія, въ чемъ выразится это сознаніе, какъ объективный фактъ наблюденія для неумершихъ еще предшественниковъ, объ этомъ умалчиваетъ профессоръ, а между тѣмъ высокомѣрное обращеніе сыновъ и дочерей съ родителями, какъ необходимое выраженіе сознанія умственнаго превосходства, достаточно извѣстно и даже нашло своего выразителя въ авторѣ «Отцовъ и дѣтей,» хотя оно и слабо имъ выражено. Нельзя не замѣтить, что если и въ Западной Европѣ есть молодыя и Франція, и Германія, то нигдѣ антагонизмъ молодого съ старымъ не дошелъ до такой крайности, какъ у насъ; потому-то у насъ и легче, чѣмъ гдѣ либо, дать истинную оцѣнку ученію о прогрессѣ. Торжество младшаго поколѣнія надъ старшимъ

—существенная черта прогресса. Біологически—прогрессъ состоитъ въ поглащеніи младшимъ старшаго, въ вытѣсненіи сынами отцовъ; психологически онъ—замѣна любви къ отцамъ бездушнымъ превозношеніемъ надъ ними, презрѣніемъ къ нимъ, это нравственное, или, вѣрнѣе, самое безнравственное вытѣсненіе сынами отцовъ. Соціологически—прогрессъ выражается въ достиженіи наибольшей мѣры свободы, доступной человѣку,—(а не въ наибольшемъ участіи каждаго въ общемъ отеческомъ дѣлѣ), ибо само общество, какъ небратство, конечно, требуетъ ограниченія свободы каждаго; такимъ образомъ требованіе соціологіи будетъ требованіемъ наибольшей свободы и наименьшаго единства, общенія, т. е. соціологія есть наука не общенія, а разобщенія, или порабощенія, если допускается поглащеніе личности обществомъ; такъ что наука разобщенія у однихъ, и наука порабощенія у другихъ, соціологія грѣшитъ противъ нераздѣльности и несліянности, противъ Бога Тріединаго. Прогрессъ есть именно та форма жизни, при которой человѣческій родъ можетъ вкусить наибольшую сумму страданій, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслажденій. Прогрессъ не довольствуется признаніемъ дѣйствительности зла, онъ хочетъ полнаго представленія, удвоенія зла, упивается имъ въ реалистическомъ искусствѣ; въ искусствѣ же идеальномъ онъ стремится къ полному убѣжденію въ недѣйствительности, въ невозможности добра, упивается представленіемъ нирваны. Хотя застой есть смерть и регрессъ не рай, но прогрессъ есть истинный адъ, и истинно божественное, истинно человѣческое дѣло заключается въ спасеніи жертвъ прогресса, въ выводѣ ихъ изъ ада. Прогрессъ, какъ отрицаніе отечества и братства, есть полнѣйшій нравственный упадокъ, отрицаніе самой нравственности. Для нынѣшняго вѣка, вѣка прогресса, отецъ самое ненавистное слово, а сынъ—самое унизительное. Держаться отцовскаго и дѣдовскаго, быть въ зависимости отъ нихъ, что можетъ быть позорнѣе для прогрессиста! Іисусъ Христосъ, принявшій имя Назорея, презираемое у Евреевъ, сталъ Евреемъ у презиравшихъ это имя язычниковъ; но самымъ опозореннымъ въ то время, подобное нынѣшнему, было имя **сына человѣческаго**; это-то имя Христосъ и принялъ преимущественно передъ всѣми другими; сыномъ человѣческимъ онъ назывался, какъ среди Евреевъ, такъ и среди язычниковъ, ибо у тѣхъ и другихъ оно одинаково было презираемо: у Евреевъ потому, что это имя было отрицаніемъ преимуществъ происхожденія отъ Авраама, а у язычниковъ потому, что оно выражало въ этотъ вѣкъ эмансипаціи ненавистную зависимость отъ отцовъ, отъ старшихъ.

И такъ прогрессъ состоитъ въ сознаніи сынами своего превосходства надъ отцами и въ сознаніи живущими своего превосходства надъ умершими, т. е. въ такомъ сознаніи, которое исключаетъ необходимость, а потому и возможность объединенія живущихъ (сыновъ) для воскрешенія умершихъ (отцовъ), а между тѣмъ въ дѣлѣ воскрешенія отцовъ выразилось бы дѣйствительное превосходство сыновъ, если только это можетъ быть названо превосходствомъ, тогда какъ въ превозношеніи надъ отцами выра-

жается лишь мнимое ихъ превосходство.

Прогрессъ выражается, впрочемъ, въ превосходствѣ не надъ отцами только (т. е. живущими еще), и не надъ предками лишь (т. е. уже умершими), а также и надъ животными; но превосходство надъ послѣдними выражается только въ способности къ общимъ идеямъ, такъ что гораздо болѣе превосходства чувствуется надъ отцами и предками, чѣмъ надъ животными; унижая первыхъ, стараются возвысить послѣднихъ, т. е. животныхъ. «Способность къ общимъ идеямъ есть способность чисто человѣческая, возвышающая насъ надъ животными, дѣлающая возможнымъ развитіе знаній, идеаловъ, убѣжденій», т. е. возвышающая насъ только въ мысли, и даже въ мысли не на столько, чтобы мы могли соединиться въ общемъ убѣжденіи, въ единомысліи, и имѣть одинъ общій идеалъ. Возвышая такимъ образомъ человѣческую природу надъ животною только повидимому, приверженцы прогресса лишаютъ человѣка всякаго значенія предъ слѣпою силою природы; и прогрессъ, будучи сознаніемъ превосходства наибольшаго надъ отцами и предками, наименьшаго (относительно) надъ животными, есть въ тоже время сознаніе своего полнаго ничтожества предъ слѣпою, безчувственною природою.

Прогрессъ дѣлаетъ отцовъ и предковъ подсудимыми, а сынамъ и потомкамъ даетъ судъ и власть надъ ними: историки—это судьи надъ умершими, т. е. надъ тѣми, которые уже понесли высшую мѣру наказанія, смертную казнь, а сыны-судьи надъ еще-неумершими.

Ученые могутъ, конечно, сказать, что въ прежнее время стариковъ убивали, а теперь только презираютъ ихъ; замѣна физическаго убійства духовнымъ, развѣ не прогрессъ?! Прогрессъ самого прогресса, можно сказать!.. А въ будущемъ нужно ожидать и еще большаго улучшенія прогресса, т. е. презрѣніе будетъ постепенно уменьшаться; однако уничтожиться презрѣніе можетъ, очевидно, только вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самого прогресса. Но и своимъ улучшеніемъ, т. е. уничтоженіемъ, прогрессъ можетъ привести лишь къ отрицательному результату, къ уничтоженію презрѣнія, а не къ любви и уваженію своихъ предшественниковъ, т. е. не къ чувствамъ, которыя возвышаютъ и самихъ потомковъ. Поэтому можетъ ли прогрессъ дать смыслъ жизни, не говоря уже о цѣли? Ибо только то, въ чемъ можетъ выразиться высшая степень любви и уваженія, даетъ и смыслъ, и цѣль жизни... Прогрессъ есть прямая противоположность воскрешенію: прогрессъ состоитъ въ критическомъ отношеніи молодого поколѣнія къ старшему, въ осужденіи сынами отцовъ и въ дѣйствіи, согласномъ съ этимъ осужденіемъ. «Цѣль прогресса—развитая и развивающаяся личность, или наибольшая мѣра свободы, доступной человѣку,» т. е. не общеніе, какъ уже это сказано, а разъединеніе есть цѣль прогресса, слѣдовательно наименьшая степень братства и есть выраженіе наибольшаго прогресса. Такимъ образомъ, осуждая человѣческій родъ на вѣчную рознь, на небратство, ученый профессоръ подписываетъ смертный приговоръ и ученымъ, если только человѣку дорого братство, подписываетъ смертный приговоръ ученымъ,

какъ сословію, а не какъ коммиссіи изслѣдованія причинъ неродственнаго отношенія къ намъ природы въ видахъ устраненія этихъ причинъ, т. е. въ видахъ управленія силами ея. Пока знаніе само по себѣ считается конечною цѣлью, а ученые лучшимъ и высшимъ сословіемъ, до тѣхъ поръ вопросъ о неродственности и о возстановленіи родства не можетъ открыться во всемъ своемъ значеніи и силѣ. Ученая спеціальность имѣетъ временное значеніе; превращеніе коммиссіи ученыхъ въ сословіе, такое же злоупотребленіе, какъ напр, превращеніе диктатуры въ тиранію; принятіе знанія за конечную цѣль, замѣна дѣла міросозерцаніемъ, — идеолатрія, или культъ идей,—есть узаконеніе этого злоупотребленія, а религія, въ смыслѣ Платонизма, или воскрешеніе безъ участія въ этомъ дѣлѣ человѣка, есть санкція этого злоупотребленія; приложеніе же знанія къ мануфактурной промышленности, созидающей городъ, закрѣпляетъ за учеными ихъ сословный характеръ, обращая знаніе на производство вещей, возбуждающихъ раздѣленіе и вражду, которыя и ведутъ къ смерти, вмѣсто того, чтобы превратить знаніе въ изслѣдованіе причинъ смерти ради дѣла воскрешенія. Ученый профессоръ приписываетъ, впрочемъ, наибольшее значеніе знанію самому по себѣ, знанію чистому, какъ духовному интересу, и неприложимость вмѣняетъ ему даже въ заслугу: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ,» говоритъ онъ (Карѣевъ), вовсе не предполагая, что вопросъ о хлѣбѣ есть именно вопросъ о жизни и смерти, вопросъ объ естественныхъ условіяхъ, отъ коихъ зависитъ существованіе человѣка, вопросъ всеобъемлющій. И въ Писаніи осуждается забота о личномъ и излишнемъ; забота же о пропитаніи себя вмѣстѣ со всѣми, основанная на знаніи и управленіи слѣпою силою, не можетъ быть осуждаема, потому что это значило бы осудить, какъ все знаніе, такъ и общее всѣхъ дѣло, осудить такое знаніе, въ которомъ нѣтъ мѣста для сознанія превосходства. Со времени голода 1891—1892 г.г. хлѣбъ воздвигается на первый планъ; голодъ, т. е. недостатокъ хлѣба, показалъ, что хлѣбъ есть сила, и вся дѣятельность человѣческая, умственная и физическая, есть проявленіе этой силы. (Примѣчаніе 8-е).

Воскрешеніе не прогрессъ, но оно требуетъ дѣйствительнаго совершенствованія, истиннаго совершенства; тогда какъ для рождающагося, для само собою происходящаго, нѣтъ нужды ни въ разумѣ, ни въ волѣ, если послѣднюю не смѣшивать съ похотью. Воскрешеніе есть замѣна похоти рожденія сознательнымъ возсозданіемъ. Всякій иной прогрессъ есть искусственный, произвольный, придуманный, а не естественный и необходимый. Прогрессъ, отожествляемый съ развитіемъ, — эволюціею, очевидно заимствуется у слѣпой природы и прилагается къ человѣческой жизни. (Примѣчаніе 9-е). Но признавая прогрессомъ движеніе впередъ, отъ худшаго къ лучшему, признавая, что словесное животное лучше, выше безсловеснаго, можно ли у послѣдняго заимствовать образецъ для перваго, можно ли для чувствующаго, сознающаго принимать за образецъ слѣпую, безсознательную силу?.. Прогрессъ, какъ переходъ отъ худшаго къ лучшему, требуетъ, конечно,

чтобы недостатки слѣпой природы были исправляемы сознающею эти недостатки природою, т. е. совокупною силою человѣческаго рода, требуетъ, чтобы улучшеніе путемъ борьбы, истребленія, было замѣнено возвращеніемъ самыхъ жертвъ борьбы; и такимъ образомъ прогрессъ будетъ улучшеніемъ не по цѣли только, но и по средствамъ; и такое улучшеніе было бы не улучшеніемъ только, или поправкою, а искорененіемъ зла и водвореніемъ вмѣсто него блага. Самъ прогрессъ требуетъ воскрешенія, но такое требованіе заключается въ прогрессѣ не знанія только, а дѣйствія, въ прогрессѣ знанія не того только, **что есть,** а главное того, **что должно быть**: только вмѣстѣ съ переходомъ ученаго сословія отъ знанія къ дѣлу и прогрессъ перейдетъ отъ знанія того, **что есть,** къ знанію того, **что должно быть.**

Ничто такъ наглядно не раскрываетъ самой сущности прогресса, этого спѣшнаго движенія къ новизнѣ и торопливаго отрицанія старины, этой необдуманной замѣны послѣдней первою, какъ Палеографія, наука о старыхъ и новыхъ письменахъ, въ коихъ отпечатлѣлся переходъ отъ стараго культа отцовъ къ новому культу женъ. Въ письменахъ запечатлѣна измѣна первымъ ради послѣднихъ, потому что письмена только графическое изображеніе прогресса того существа, которое одарено словомъ, словеснаго существа, потому-то Палеографія, эта скромная наука, и можетъ быть обличительницею гордаго прогресса. (Примѣчаніе 10 е). Занимаясь формами буквъ, буквально—буквоѣдствомъ, эта наука пользуется большимъ презрѣніемъ у нѣкоторыхъ прогрессистовъ, а между тѣмъ формы буквъ говорятъ гораздо болѣе словъ, искреннѣе ихъ; формы буквъ неподкупнѣе словъ; скоропись, напримѣръ, на словахъ говоритъ о прогрессѣ, а формы буквъ, какъ увидимъ, свидѣтельствуютъ о регрессѣ. Именно буквоѣдство и даетъ палеографіи возможность опредѣлять характеръ эпохъ, т. е. дѣлаетъ ее искусствомъ, умѣніемъ, слѣдя за измѣненіемъ почерка, открывать перемѣны настроенія, совершавшіяся въ духѣ поколѣній, и при томъ перемѣны въ самыхъ существенныхъ чертахъ, каковы переходы отъ вѣры, религіозности, къ сомнѣнію, невѣрію, свѣтскости, при чемъ вѣра, религіозность, выражается въ благоговѣніи, основанномъ на сознаніи своего несовершенства, своей смертности, а сомнѣніе, невѣріе, въ чувствѣ презрѣнія, которое начинается презрѣніемъ къ прошедшимъ поколѣніямъ, къ умершимъ, и забвеніемъ о собственной смертности, и оканчивается совершеннымъ обезцѣненіемъ жизни, пессимизмомъ, буддизмомъ. Палеографія имѣетъ цѣлью опредѣлять не характеръ лицъ, а характеръ обществъ, степень ихъ возвышенія или паденія.

Названіе почерка, господствовавшаго въ средніе вѣка, готическимъ, т. е. однимъ названіемъ съ архитектурою храмовъ, соединявшихъ въ себѣ всѣ искусства, строившихся многія вѣка, такъ что окончаніе ихъ могли видѣть лишь потомки начавшихъ постройку этихъ храмовъ, это названіе, общее всѣмъ сторонамъ жизни, показываетъ въ какой тѣсной связи письмо находится со всею жизнью этого времени. Точно также названіе въ

древней Руси, въ Руси византійской, почерка уставнымъ и полууставнымъ, т. е. однимъ названіемъ съ уставомъ, коему подчинялась вся жизнь тогдашняго времени, жизнь духовныхъ и свѣтскихъ, такое названіе свидѣтельствуетъ о способности письма быть графическимъ изображеніемъ духа времени. Буквы готическія и уставныя, выводимыя съ глубокимъ благоговѣніемъ, съ любовью, даже съ наслажденіемъ, исполняемыя, какъ художественная работа, какъ молитва, (конечно не нынѣшняя, занятая выпрашиваніемъ двухсотъ-тысячныхъ выигрышей), т. е. съ такими же чувствами производимая, съ какими въ тоже время строились храмы, писались иконы, эти буквы были величавы, какъ готическіе соборы, но не имѣли, конечно, той женоподобной красоты, какая господствуетъ въ эпоху культа женщинъ. Ярко отличаясь однѣ отъ другихъ, буквы эти не тѣснили, не давили, и не сливались одна съ другой, потому что и производились неспѣшно, не торопливо, производились какъ трудъ, въ коемъ видѣли благословеніе, а не проклятіе, не говоря уже о небесной наградѣ; эти люди, переписчики, чаявшіе блаженства въ будущемъ, предвкушали его уже и въ настоящемъ, находя удовольствіе въ самомъ трудѣ. Прогрессисты-же видятъ въ готическихъ письменахъ медлительность, свойственную времени, когда ѣздили на волахъ, неподвижность, такъ ненавистную прогрессу, потому что онъ есть само измѣненіе, движеніе, а въ нравственномъ смыслѣ—измѣна. Въ уставномъ же письмѣ, кромѣ ненавистной прогрессу (движимому всегдашнимъ, постояннымъ недовольствомъ и безпокойствомъ), кромѣ ненавистной медлительности, застоя, неизмѣнности, видѣли еще рабство, отсутсвіе свободы, т. е. стѣсненіе личныхъ склонностей, стѣсненіе движенія и дѣйствія.

Скоропись (курсивъ, мелкое, бѣглое письмо, бѣгло-пись), это письмо новаго времени, времени, переходящаго отъ религіозной жизни къ свѣтской. Подобно тому, какъ всѣ должности и профессіи лишаются священнаго значенія, (Примѣчаніе 11-е), и письмо перестаетъ быть службою Богу въ общемъ, хотя и таинственномъ дѣлѣ, а подобно другимъ профессіямъ, обращается въ личное дѣло и становится средствомъ наживы; скоропись, это уже не священное письмо, и не благоговѣніе управляетъ рукою писца, ставшаго наемникомъ и продавцемъ, не благоговѣніе управляетъ и рукою писателя, и вообще пишущаго въ эту эпоху, не признающую ничего священнаго. Скоропись, урѣзывая буквы, какъ урѣзываютъ въ туже эпоху платье, какъ сокращаются церемоніи и обряды, лишаетъ ихъ (буквы) величія; лишаются величія и люди, свергнувшіе иго устава и предавшіеся суетливой, лихорадочной дѣятельности, мельчающіе въ ней, обезличивающіеся и сливающіеся въ толпу, подобно буквамъ, обезличивающимся и сливающимся при скорописи, при спѣшномъ письмѣ. Письмена только отмѣчаютъ перемѣны, совершающіяся въ духѣ общества, переходящаго отъ жизни, подчиненной строгому уставу, къ суетливой и лихорадочной дѣятельности. Скорость не была бы болѣзненнымъ явленіемъ только въ томъ случаѣ, если бы прилагалась къ общему отеческому дѣлу и оправдывалась цѣлью.

Въ названіи письма новаго времени «скорымъ,» т. е. обладающимъ свойствомъ, которое прилагается и къ ружьямъ скорострѣльнымъ, и къ скоропечатнымъ станкамъ, можетъ быть прилагаемо и къ средствамъ сообщенія скороходнымъ, скоровознымъ, въ этомъ названіи схвачена самая существенная черта, или свойство, новаго времени; ибо и въ понятіи прогресса заключается не понятіе просто измѣненія, только движенія, но движенія постоянно ускоряемаго. «Скорый»—можетъ быть прилагаемо ко всему существующему въ новое время; опредѣленіе это можетъ быть приложено и къ литературѣ, которая есть скорописаніе, и благодаря скорости дѣлается многописаніемъ, т. е. богатою количественно, но не качественно; скородѣліемъ м. б. названа и нынѣшняя промышленность, а скорость въ этомъ случаѣ ведетъ и къ перепроизводству съ одной стороны, и къ непрочности произведеній съ другой. (Примѣчаніе 12-е). Эта же скорость лишаетъ всѣ работы, не механическія только, но и умственныя, художественной привлекательности, обращая ихъ въ средства наживы, при совершенномъ отсутствіи цѣли, если только не считать цѣлью чувственныя удовольствія. Если готическое и уставное письмо могло доставлять удовольствіе, то скоропись, какъ и все, къ чему прилагается слово «скорый,» едва ли м. б. предметомъ удовольствія. Такимъ образомъ нынѣшнее поколѣніе, не ожидая блаженства въ будущемъ, лишено его и въ настоящемъ.

Прогрессъ, движимый недовольствомъ, противникъ неподвижности и неизмѣнности, слѣдовательно вѣры, догматизма, можетъ быть лишь критикою въ мысли, реформою, революціею въ жизни; если не будетъ просто эволюціею.

Для новѣйшаго времени и скоропись оказалась еще медленною и вотъ оно создало стенографію для записыванія всего создаваемаго на скорую руку. Скоропись, не смотря на быстроту, оставляетъ еще переписывающему нѣкоторую свободу, тогда какъ стенографъ, находясь въ полной зависимости отъ говорящаго, обращается уже въ машину, въ фонографъ. Чтобы понять сущность прогресса, нужно представить весь путь отъ живописи, которая была первою грамотою, которая отъ писавшаго требовала художественныхъ способностей, полноты души, (такова была іероглифическая грамота, это живое письмо, говорившее преимущественно о мертвыхъ, какъ бы оживлявшее ихъ), до письма стенографическаго, въ коемъ уже нѣтъ ничего живописнаго; стенографія есть мертвопись, говорящая о дрязгахъ живыхъ, исполняемая человѣкомъ, обращеннымъ въ самопишущую машину.

Скорость потому, полагаемъ, и нужна, что жизнь коротка, а вѣкъ скорописи или стенографіи другой жизни не знаетъ, или все менѣе и менѣе признаетъ, все болѣе и болѣе отвергаетъ ее; но скорость не наполняетъ души, а производитъ въ ней пустоту, ибо прогрессъ жертвуетъ душею ради увеличенія предметовъ чувственнаго удовольствія, ради увеличенія не предметовъ необходимости, а предметовъ роскоши. Идеалъ прогресса, (по понятію ученыхъ), дать участіе всѣмъ, какъ въ производствѣ предметовъ чувственнаго удовольствія, такъ и въ потребленіи ихъ; тогда какъ

цѣлью истиннаго прогресса можетъ и должно быть только участіе всѣхъ въ дѣлѣ, или въ трудѣ, познаванія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, для обращенія ея въ живоносную. Вмѣсто того, вмѣсто обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ, прогрессъ самую душу обращаетъ въ слѣпую силу.

16. Можно назвать позитивизмомъ и ученіе о воскрешеніи, хотя оно совершенно противоположно и прогрессу, какъ вытѣсненію старшаго поколѣнія младшимъ, какъ превозношенію сыновъ надъ отцами, противоположно и позитивизму, какъ знанію только, какъ школѣ, какъ схоластикѣ. Ученіе о воскрешеніи можно назвать позитивизмомъ, но позитивизмомъ, относящимся къ дѣйствію, ибо по ученію о воскрешеніи не знаніе—миѳическое замѣняется позитивнымъ, а миѳическое фиктивное дѣйствіе замѣняется дѣйствіемъ положительнымъ, т. е. дѣйствительнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе о воскрешеніи не полагаетъ произвольныхъ границъ дѣйствію и имѣетъ въ виду дѣйствіе общее, а не каждаго въ отдѣльности. Воскрешеніе, какъ дѣйствіе, есть позитивизмъ въ области конечныхъ причинъ; тогда какъ позитивизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ, т. е. позитивизмъ знанія, относится къ области причинъ начальныхъ; первый однако не исключаетъ послѣдняго, ибо результатомъ, слѣдствіемъ дѣйствія должно быть тоже явленіе, которое предшествовало дѣятелю. Позитивизмъ дѣйствія (ученіе о воскрешеніи) предшественникомъ своимъ имѣетъ не миѳологію, а миѳическое искусство, ибо миѳологія есть произведеніе особаго класса жрецовъ, народъ же имѣетъ культъ, жертвоприношенія, что и есть миѳическое искусство, и воскрешеніе есть превращеніе его въ дѣйствительное. Позитивизмъ дѣйствія есть не сословный, а народный; для него наука будетъ только средствомъ, тогда какъ позитивизмъ знанія есть лишь философія ученыхъ, какъ особаго класса или сословія. Позитивизмъ, неполагающій произвольныхъ граней дѣйствію, но признающій въ конечныхъ причинахъ, результатахъ дѣйствія, тѣ же явленія, которыя были и начальными причинами, отличается происхожденіемъ отъ позитивизма, ограничивающаго и знаніе, и дѣйствіе; въ противоположность сему послѣднему онъ происходитъ не отъ утраты упованія, не отъ желанія примириться со зломъ ради наслажденія настоящимъ, не отъ желанія покоя, свойственнаго старости, онъ происходитъ хотя и отъ утраты же, но лишь суевѣрія. Ученый же позитивизмъ, ограничивая дѣло человѣческаго рода, не считаетъ даже нужнымъ указать на причины такого ограниченія, т. е. въ этомъ отношеніи онъ не только лишенъ критики, но прямо суевѣренъ. Позитивизмъ въ теоріи имѣетъ свое основаніе въ такъ называемой положительности въ жизни, которая состоитъ въ отреченіи отъ борьбы съ кореннымъ зломъ вслѣдствіе усталости, дряхлости, или же вслѣдствіе желанія вмѣсто дѣла предаться наслажденію; это не смиреніе предъ Божественною волею, которой не признаютъ, или, вѣрнѣе, и знать не хотятъ, которую нельзя и представить съ такимъ недобрымъ повелѣніемъ, это низкое преклоненіе предъ слѣпою силою.

Воскрешеніе, будучи противоположно прогрессу, какъ сознанію пре восходства младшаго надъ старшимъ, какъ вытѣсненію младшими старшихъ, требуетъ такого воспитанія, которое не вооружало бы сыновъ противъ отцовъ, а напротивъ ставило бы главнымъ дѣломъ сыновъ воскрешеніе отцовъ, требуетъ воспитанія, которое было бы исполненіемъ пророчества послѣдняго пророка ветхаго завѣта, Малахіи, т. е такого воспитанія, которое было бы взаимнымъ возвращеніемъ сердецъ отцовъ и сыновъ другъ другу. Истинное воспитаніе состоитъ не въ сознаніи превосходства надъ отцами, а въ сознаніи отцовъ въ себѣ и себя въ нихъ. Воскрешеніе есть полное выраженіе совершеннолѣтія, выходъ изъ школы; оно требуетъ общества самостоятельныхъ лицъ, сыновъ, участвующихъ въ общемъ дѣлѣ воскрешенія отцовъ. Съ воспитаніемъ кончается дѣло отцовъ, родителей, и начинается дѣло сыновъ,—воскресителей. Въ рожденіи и воспитаніи родители отдаютъ свою жизнь дѣтямъ, а въ дѣлѣ воскрешенія начинается возвращеніе жизни родителямъ, въ чемъ и выражается совершеннолѣтіе.

17. Позитивизмъ былъ правъ, относясь критически къ знанію и признавая его неспособнымъ къ разрѣшенію коренныхъ вопросовъ; но знаніе, къ которому онъ относился критически, было лишь сословнымъ знаніемъ и было только знаніемъ, а не дѣйствіемъ, котораго въ сущности и отдѣлять отъ знанія невозможно и не должно. Аристотеля можно считать отцомъ ученаго сословія, а между тѣмъ этому философу приписывается такое выраженіе: «мы знаемъ только то, что сами можемъ сдѣлать,»—выраженіе, которое, очевидно, не допускаетъ отдѣленія знанія отъ дѣйствія, т. е.—выдѣленія ученыхъ въ особое сословіе. И вотъ, хотя прошло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ со времени Аристотеля, но до сихъ поръ не было еще ни одного мыслителя, который бы это именно начало, этотъ критерій,-доказательство знанія дѣйствіемъ,—поставилъ во главу своего ученія. А что значило бы тогда познаніе самимъ себя, внѣшняго міра (т. е. природы), въ прошедшемъ и настоящемъ, какъ не проектъ обращенія рожденнаго, дарового въ трудовое, съ возвращеніемъ силы, жизни и рождавшимъ; т. е. это былъ-бы проектъ обращенія слѣпой силы въ разумную, осуществленіе котораго и доказало бы, что жизнь—даръ не случайный и не напрасный. Точно также справедлива и критика личнаго, индивидуальнаго разума, разума всѣхъ людей, но взятыхъ въ отдѣльности; эта критика была бы справедлива вполнѣ, если бы только заключала въ себѣ требованіе перехода отъ сословнаго знанія, (состоящаго въ борьбѣ мнѣній, отъ столкновенія которыхъ и ждутъ происхожденія истины),—къ знанію всеобщему, къ объединенію личныхъ силъ всѣхъ людей въ одно общее дѣло. Вмѣсто того ученый позитивизмъ, не признавая необходимости всеобщаго объединенія, привелъ лишь къ расколу въ самомъ ученомъ сословіи, привелъ его къ распаденію на позитивистовъ и метафизиковъ.

Ученые правы, говоря, что міръ есть представленіе, ибо другого отношенія къ міру, кромѣ познаванія, они, какъ ученые, и не имѣютъ; но такое понятіе о мірѣ есть принадлежность одного лишь сословія, а никакъ

не всего человѣческаго рода, и потому ученые не правы, когда, говоря такъ, отказываются отъ дѣйствія, замѣняютъ его знаніемъ, не признаютъ даже возможности дѣйствовать; ученые не правы, когда въ субъективномъ не признаютъ проективнаго.

Когда современный монизмъ говоритъ, что онъ «примиряетъ духъ и матерію въ высшемъ единствѣ, какъ два проявленія одной и той же сокровенной сущности, познаваемой субъективно (во внутреннемъ опытѣ) какъ духъ, объективно же (во внѣшнемъ опытѣ) какъ матерію»,—то, очевидно, такое примиреніе, такое единство, совершенно мнимое и дѣйствительнаго значенія не имѣетъ. «Антропопатическій монизмъ первобытнаго человѣка и механическій-современной науки,—вотъ исходный цунктъ и послѣднее слово въ исторіи человѣческаго міросозерцанія.» Но механическое міровоззрѣніе послѣднимъ словомъ можетъ быть только для людей бездушныхъ, для ученыхъ, позитивистовъ, ибо признаніе міра бездушнымъ механизмомъ необходимо вызываетъ на попытки сдѣлать механизмъ орудіемъ воли, разума и чувства; и если первобытное человѣчество упорно одухотворяло матерію и матеріализировало духъ, то новое человѣчество не менѣе упорно будетъ стремиться къ дѣйствительному управленію слѣпою силою; въ этомъ и заключается истинное превращеніе миѳическаго въ позитивное. Если позитивизмъ, какъ и вообще знаніе, по языку остается дѣйствіемъ, то это вовсе не потому, что прогрессъ языка отстаетъ отъ прогресса мысли, (развѣ бездѣйствіе-совершенство?!!), а потому, что человѣкъ по существу есть **дѣятель**;—дикарь воображаетъ себя и міръ именно такими, каковы они и должны быть, т. е. себя-активнымъ, а міръ-живымъ; ошибка же позитивистовъ состоитъ въ томъ, что они считаютъ себя выше дикарей во всѣхъ отношеніяхъ и признаютъ себя и міръ такими, какими они не должны быть, почему и не могутъ уничтожить даже противорѣчія языка съ своею мыслію. (Когда ученые того или другого направленія говорятъ о своихъ операціяхъ мышленія, или познаванія, какъ о дѣйствіяхъ, или же когда возстановленіе прошедшаго въ области мысли называютъ воскрешеніемъ, то говорятъ метафорически о знаніи, какъ бы о дѣйствіи). Но въ первобытномъ, въ первоначальномъ значеніи словъ заключается не обманъ, возвышающій насъ, а выражается то, что должно быть.

18. Пока ученые, или философы, будутъ оставаться сословіемъ, до тѣхъ поръ вопросъ даже о нравственности, т. е. о дѣлѣ, останется для нихъ вопросомъ знанія, а не дѣйствія, будетъ предметомъ только изученія, а не приложенія къ жизни, будетъ тѣмъ, что само собою дѣлается, а не тѣмъ, что **должно** дѣлать, и дѣлать не въ одиночку, а въ совокупности. Если ученые не могутъ еще обратиться изъ сословія въ коммиссію для выработки общаго плана дѣйствія, (а безъ этого родъ человѣческій и не можетъ дѣйствовать по общему плану, какъ одинъ человѣкъ, т. е. не достигнетъ еще совершеннолѣтія), то и противорѣчіе между рефлективнымъ и инстинктивнымъ не м. б. разрѣшено. Не признавъ своею задачею дѣло, ученое сословіе останется рефлективнымъ, а родъ человѣческій, не объ-

единенный для общаго дѣйствія, останется орудіемъ слѣпой силы, будетъ дѣйствовать инстинктивно. Рефлекція можетъ дѣйствовать на человѣческій родъ только разрушительно, ничѣмъ не замѣняя разрушеннаго.—«Быть сознательнымъ агентомъ эволюціи вселенной,»—это значитъ сдѣлаться сознательнымъ орудіемъ взаимнаго стѣсненія (борьбы) и вытѣсненія (смерти), значитъ подчинить нравственное физическому; тогда какъ человѣкъ, даже при нынѣшней розни, при бездѣйственномъ знаніи, уступая, по слабости физической, необходимости, все таки, такъ или иначе, выражаетъ нравственныя требованія. Пока рознь и бездѣйствіе не будутъ признаны лишь временными, до тѣхъ поръ мы не въ состояніи будемъ хотя бы только представить себѣ объемъ и значеніе высшаго блага; то же состояніе, которое Спенсеръ и особенно его послѣдователи обѣщаютъ человѣчеству въ будущемъ, невозможно признать не только высшимъ, но и самымъ низшимъ благомъ; напротивъ, такое состояніе есть превращеніе сознательнаго дѣйствія въ инстинктивное, въ автоматическое, превращеніе человѣка въ машину, (въ чемъ для фатальнаго, слѣпого прогресса и заключается идеалъ), должно признать зломъ и даже самымъ величайшимъ. «Придетъ день»,—говоритъ Спенсеръ,—«когда альтруистическая склонность такъ хорошо будетъ воплощена въ самомъ организмѣ нашемъ, что люди будутъ оспаривать другъ у друга случаи пожертвованія и смерти»; но при такомъ воплощеніи альтруистической склонности во всѣхъ, откуда же явятся случаи приложенія ея? Такое состояніе предполагаетъ или существованіе гонителей, мучителей, тирановъ, или же общая потребность жертвовать собою должна вызвать такихъ благодѣтелей, которые обратятся въ мучителей и гонителей для того только, чтобы удовлетворить этому страстному желанію быть мучениками; или же, наконецъ, сама природа останется слѣпою силою, чтобы исполнять роль палача. Если жизнь есть благо, то пожертвованіе ею будетъ потерею блага для отдавшихъ свою жизнь за сохраненіе ее другимъ; но будетъ-ли благомъ жизнь для принявшихъ жертву и сохранившихъ свою жизнь цѣною смерти другихъ?. Какъ возможенъ альтруизмъ безъ эгоизма?. Жертвующіе жизнію суть альтруисты; а принимающіе жертву, они—кто?... Если же жизнь не благо, то и въ пожертвованіи ею со стороны отдающихъ жизнь нѣтъ ни жертвы, ни добраго дѣла.

Если знаніе отдѣлить отъ дѣйствія, каковою и является сословная наука, то инстинктивное, дѣлаясь сознательнымъ, приходитъ къ разрушенію: «если нравственность есть инстинктъ, который побуждаетъ индивидуума жертвовать собою для вида, то она будетъ разрушаться, пріобрѣтая сознаніе о своемъ происхожденіи;» если же нравственность есть любовь рожденныхъ къ родившимъ, то сознаніе своего происхожденія, съ которымъ связана смерть родителей, не остановится на знаніи, а перейдетъ въ дѣло воскрешенія.

19. Вопросъ о небратствѣ, т. е. разъединеніи, и о средствахъ возстановленія родства во всей полнотѣ его и силѣ (до видимости, очевидности), и вопросъ объ объединеніи сыновъ (братство) для воскрешенія отцовъ

(полное и совершенное родство), конечно тождественны между собою и противоположны прогрессу, вѣчному несовершеннолѣтію, (т. е. неспособности къ возвращенію жизни отцамъ, какъ нравственной, а не чувственной зрѣлости, такъ какъ таковая только въ этомъ и заключается), но послѣднее выраженіе вопроса,—т. е. вопросъ объ объединеніи для воскрешенія,—опредѣленнѣе. А чтобы очертить вопросъ, еще полнѣе нужно прибавить къ послѣднему выраженію, что это объединеніе сыновъ для воскрешенія отцовъ есть исполненіе не своей лишь воли, но и воли Бога-отцовъ нашихъ, также намъ не чуждой, что оно даетъ истинную цѣль и смыслъ жизни, что въ немъ именно выраженъ долгъ сыновъ человѣческихъ и оно есть результатъ «знанія всѣми всего,» а не сословнаго знанія; въ немъ,—въ возсозданіи, въ замѣнѣ рожденія воскрешеніемъ, питанія-творчествомъ, мы и чаемъ чистѣйшаго (безсмертнаго) блаженства, а не комфорта. Въ этой формѣ вопросъ о неродственности м. б. противопоставленъ и соціализму, который злоупотребляетъ словомъ «братство» и искренно отвергаетъ отечество. Соціализмъ въ настоящее время не имѣетъ противника; религіи съ ихъ трансцендентнымъ содержаніемъ, «не отъ міра сего,» съ Царствомъ Божіимъ внутри лишь насъ, не могутъ противостать ему. Соціализмъ можетъ даже казаться осуществленіемъ христіанской нравственности. Нуженъ именно вопросъ объ объединеніи сыновъ во имя отцовъ, чтобы объединеніе во имя прогресса, во имя комфорта, вытѣсняющее отцовъ, выказало всю свою безнравственность. Объединеніе во имя комфорта, ради своего удовольствія, и есть самое наихудшее употребленіе жизни и въ умственномъ, и въ эстетическомъ, и особенно въ нравственномъ отношеніи. При забвеніи сынами отцовъ искусство изъ чистѣйшаго блаженства, ощущаемаго въ возвращеніи жизни отцамъ, превращается въ порнократическое наслажденіе, а наука, изъ знанія всѣми живущими всего неживого для возвращенія жизни умершимъ, обращается въ изобрѣтеніе удовольствій или въ безплодное умозрѣніе... Соціализмъ торжествуетъ надъ государствомъ, религіею и наукою; появленіе государственнаго соціализма, католическаго, протестантскаго, «катедръ-соціализма», свидѣтельствуетъ объ этомъ торжествѣ, Онъ не только не имѣетъ противника, но даже не признаетъ возможности его. Соціализмъ -- обманъ; родствомъ, братствомъ, онъ называетъ товарищество людей, чуждыхъ другъ другу, связанныхъ только внѣшними выгодами; тогда какъ родство дѣйствительное, кровное, связываетъ внутреннимъ чувствомъ; чувство родства не можетъ ограничиваться лицепредставленіемъ и требуетъ лицезрѣнія; смерть лицезрѣніе превращаетъ въ лицепредставленіе, и потому чувство родства требуетъ возстановленія умершаго, для него умершій незамѣнимъ, тогда какъ для товарищества смерть есть потеря, вполнѣ замѣнимая. При объединеніи не для доставленія комфорта, матеріальнаго довольства, всѣмъ живущимъ, а для воскрешенія умершихъ требуется всеобщее обязательное воспитаніе, раскрывающее способности и характеръ каждаго, указывающее каждому и **что онъ** долженъ дѣлать и **съ кѣмъ**,—начиная отъ брака,—онъ долженъ нести свой

трудъ въ дѣлѣ обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ, въ трудѣ превращенія ея изъ смертоносной въ живоносную. Возможно ли, естественно-ли ограничить «дѣло человѣческое» охраненіемъ лишь правильнаго распредѣленія продуктовъ производства, заставляя каждаго безчувственно, безстрастно наблюдать, чтобы никто не присвоилъ себѣ большаго противъ другихъ, или же чтобы кто нибудь не уступилъ бы чего другимъ, отказываясь отъ своего? Хотя соціализмъ вызванъ искусственно, но соціалисты старались затронуть естественныя слабости человѣка; такъ въ Германіи они упрекали нѣмецкихъ рабочихъ въ ограниченности ихъ потребностей, указывая на англійскихъ, которые гораздо прихотливѣе; упрекали также въ излишнемъ трудолюбіи, подбивая требовать сокращенія рабочихъ часовъ и дней. Соціалисты, которые думаютъ только о собственномъ возвышеніи, а не о благѣ народа, не обращаютъ вниманія на то, что и для кооперативнаго государства необходимы не пороки, которые они пробуждаютъ, а добродѣтели, нужно исполненіе долга, даже самоотверженіе. Въ нынѣшнихъ мануфактурныхъ государствахъ фабричная работа хотя большею частью и легка, но самое существованіе фабрикъ держится на каторжной работѣ рудокоповъ, добывающихъ каменный уголь и желѣзо, какъ необходимое условіе существованія промышленности; при такихъ условіяхъ требуется не экономическая реформа, а радикальная, техническая, и даже не реформа, а всецѣлый переворотъ, связанный и съ нравственнымъ переворотомъ. Требованіе же ради всеобщаго комфорта каторжной работы, хотя бы и распредѣленной на всѣхъ, представляетъ нѣчто аномальное; такое требованіе еще мыслимо ради достиженія отечества и братства, но и то лишь какъ временное средство. При регуляціи же метеорическаго процесса сила получается изъ атмосферы, т. е. каменный уголь замѣняется тою самою силою, изъ которой образовался запасъ этой силы въ видѣ каменнаго угля, и къ которой во всякомъ случаѣ нужно будетъ обратиться, такъ какъ запасъ каменнаго угля болѣе и болѣе истощается. Таже сила, получаемая изъ атмосферныхъ токовъ, произведетъ, надо полагать, переворотъ и въ добываніи желѣза въ металлическомъ видѣ. Регуляція необходима также для соединенія мануфактурнаго промысла съ земледѣліемъ, ибо избытокъ солнечной теплоты, дѣйствующій разрушительно въ воздушныхъ токахъ, въ вѣтрахъ, ураганахъ, можетъ употребляться на кустарное производство и дастъ возможность распредѣлить его по всей землѣ, а не сосредоточивать только въ нѣсколькихъ пунктахъ, какъ нынѣшняя мануфактура. Регуляторъ обращаетъ также и земледѣліе изъ индивидуальной работы въ коллективную. Такимъ образомъ регуляторъ кромѣ, во 1-хъ, уничтоженія войны, нуженъ, во 2-хъ, для замѣны тяжелой, каторжной работы рудокоповъ, въ 3-хъ, для соединенія съ земледѣліемъ кустарной промышленности, въ 4-хъ, для обращенія земледѣлія изъ индивидуальнаго производства въ коллективное, при чемъ регуляторъ будетъ для земледѣлія общимъ орудіемъ, и въ 5-хъ, для обращенія земледѣлія изъ средства получать «наибольшій» доходъ, ведущій къ кризисамъ, къ пере-

производству,—возможность получать «вѣрный» доходъ. Призывъ къ регуляціи выходитъ такимъ образомъ отовсюду....

XIX вѣкъ приближается къ своему печальному и мрачному концу, онъ идетъ не къ свѣту и не къ радости, ему можно уже дать имя; и его можно назвать, въ противоположность такъ называемому вѣку просвѣщенія и филантропіи XVIII-му, и предшествовавшимъ ему вѣкамъ съ эпохи возрожденія, вѣкомъ возстановленія предразсудковъ и суевѣрій, и отрицанія филантропіи и гуманизма; но не тѣ суевѣрія возстановляетъ онъ, которыя въ Средніе Вѣка облегчали жизнь, пробуждали надежду, а тѣ, которыя въ эти вѣка дѣлали жизнь невыносимой; XIX вѣкъ возстановилъ вѣру въ зло и отрекся отъ вѣры въ добро; онъ отрекся отъ небеснаго царства и отказался отъ вѣры въ земное счастіе, или царство земное, въ которое вѣрили въ эпоху возрожденія и въ XVIII вѣкѣ. XIX й вѣкъ не только вѣкъ возстановленія суевѣрій, но, какъ выше сказано, и отрицанія филантропіи и гуманизма, что особенно видно въ ученіяхъ современныхъ криминалистовъ; отрицая филантропію и усвоивъ дарвинизмъ, нынѣшній вѣкъ призналъ борьбу законнымъ дѣломъ и изъ слѣпого орудія природы сталъ сознательнымъ ея орудіемъ, органомъ. Вооруженія нынѣшняго времени совершенно согласны съ убѣжденіями вѣка и только отсталые, которые хотятъ казаться передовыми, усвоивъ дарвинизмъ, отвергаютъ войну.

Вмѣстѣ съ тѣмъ XIX вѣкъ есть прямой выводъ, настоящій сынъ предшествовавшихъ ему вѣковъ, прямое послѣдствіе раздѣленія небеснаго отъ земного, т. е. полное искаженіе Христіанства, завѣтъ котораго заключается именно въ соединеніи Небеснаго съ земнымъ, божественнаго съ человѣческимъ; всеобщее же воскрешеніе, воскрешеніе имманентное, всѣмъ сердцемъ, всею мыслію, всѣми дѣйствіями, т. е. всѣми силами и способностями всѣхъ сыновъ человѣческихъ совершаемое, и есть исполненіе этого завѣта Христа-Сына Божія и вмѣстѣ Сына Человѣческаго.

Примѣчанія.

1. Не странно-ли, что Преосв. Амвросій осуждаетъ пушечные выстрѣлы въ мнимое, а не дѣйствительное, внѣмірное, христіанское небо. Ужъ не хочетъ ли онъ убѣдить профессоровъ (рѣчь произнесена въ Университетѣ) отказаться отъ Коперниканскаго и принять Птоломеевское міровоззрѣніе?! Если на дуэли одинъ, считая грѣхомъ стрѣлять вверхъ, направитъ свой выстрѣлъ въ противника, а другой выстрѣлитъ вверхъ, чей поступокъ будетъ угоднѣе Богу?...

2. Страхъ голода, неурожая, диктовалъ эту записку, исходнымъ пунктомъ которой приняты **общія** бѣдствія, происходящія отъ слѣпой силы природы, а не состраданіе къ бѣднымъ, всегда скрывающее зависть къ богатымъ. Только при этомъ исходномъ пунктѣ добродѣтель является во

всей чистотѣ, безъ всякой примѣси зла, ибо устраненіемъ общихъ бѣдствій устраняются и всѣ частныя, и при этомъ добро не сопровождается никакимъ зломъ; тѣ же, кто, во имя состраданія къ бѣднымъ, противодѣйствуютъ стремящимся къ общему благу, (т. е. правительству), не могутъ не навлекать на себя подозрѣнія въ ненависти къ богатымъ. Записка эта составлена подъ вліяніемъ градобитій, несвоевременныхъ ливней и засухъ, появленія саранчи, гессенской мухи и т. п.; подъ вліяніемъ, наконецъ, страшнаго въ однихъ мѣстахъ бездождія 1890 и 1891 г. г. и страшныхъ наводненій въ другихъ мѣстахъ. Господь видимо прогнѣвался на наше продолжительное несовершеннолѣтіе, малолѣтство, поразительнымъ доказательствомъ котораго служитъ Парижская и наша Французская въ Москвѣ выставки;—умирающая страна собрала всѣ произведенія, которыми только м. б. удовлетворена женская прихоть и мужская ей угодливость и, выставивъ сначала у себя, привезла затѣмъ все это и къ намъ въ Москву. Конечно, это невинныя (?) лишь игрушки и только ослѣпленные могутъ видѣть въ нихъ торжество надъ природой; но эти игрушки собираются тѣми, для коихъ дѣтскій возрастъ,—возрастъ, когда могутъ занимать игрушки,—прошелъ. Послѣ выставки 1889 г., мнимаго торжества надъ природой, настали 1890 и 1891 г. г., годы дѣйствительнаго торжества природы: Франція оказалась неспособною даже прикрыть наготу дрожащаго отъ холода Парижа—мѣста гордой выставки... И хоть-бы одна попытка къ избавленію отъ всѣхъ этихъ бѣдствій ..

3. Если городское сословіе и отдѣляется отъ ученаго, то это однако не мѣшаетъ ему считать себя выше сельскаго по образованію; смѣшивая образованіе съ плутовствомъ, кулачествомъ, обманывая крестьянъ, городское сословіе презираетъ ихъ.

4. Подъ «массою» разумѣются и оставившіе землю горожане (бродяги, непомнящіе родства), и поселяне, у коихъ сохранился культъ отцовъ; но этихъ послѣднихъ нужно отличать отъ первыхъ, и названіе толпы можетъ относиться лишь къ первымъ; впрочемъ и послѣдніе подъ вліяніемъ первыхъ могутъ болѣе и болѣе превращаться въ толпу, если вопросъ о причинахъ толпленія, борьбы, не будетъ поднятъ.

5. «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы», — рѣчь, произнесенная Антоніемъ Храповицкимъ, когда онъ былъ ректоромъ Московской Духовной Академіи, нынѣ-же Архіепископъ Волынскій.

Отъ юныхъ лѣтъ сосредоточивъ всю надежду, все упованіе свое на словахъ Спасителя: «Да будутъ всѣ едино.» въ нихъ только находя утѣшеніе при существующей розни, почитая Св. Троицу въ этомъ именно смыслѣ, научившись не отдѣлять догмата отъ заповѣди (конечно, въ мысли только, такъ какъ нѣтъ еще объединяющаго всѣхъ дѣла), мы горѣли нетерпѣніемъ узнать, что заключаетъ въ себѣ рѣчь „Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы,“ произнесенная по случаю юбилея великаго чтителя Пресвятой Троицы, если и не съ церковной каѳедры, то во всякомъ случаѣ лицомъ, занимающимъ выдающееся положеніе въ духовной іерар-

хіи, ибо полагали, надѣялись, что эта рѣчь, слово, будетъ началомъ великаго дѣла. Но уже изложеніе ея въ «Московскомъ Листкѣ» возбудило въ насъ много сомнѣній, а самая рѣчь привела къ безотрадной мысли, не будетъ ли она, эта рѣчь, скорѣе препятствіемъ къ осуществленію дѣла, долженствующаго объединить всѣхъ, не послужитъ ли она къ отдаленію того благодатнаго дня, въ который мы, по слову Спасителя, уже вполнѣ уразумѣемъ, что Онъ во Отцѣ, и мы въ Немъ, и Онъ въ насъ. (Іоан. 14, 20).

Изъ рѣчи этой можно заключить, будто догматъ Пресвятой Троицы есть лишь нравственная идея, мысль, а не планъ объединенія всѣхъ во многоединствѣ по подобію Божественнаго Тріединства; рѣчь эта не затрогиваетъ даже вопроса, нужно ли заботиться о томъ, чтобы всѣ въ разумъ истинный пришли, и именно всѣ, всѣ сто, а не девяносто лишь девять, или же должно спасаться по нынѣшнему, врозь, въ одиночку.

Открывать въ догматѣ Пресвятой Троицы только нравственную мысль, идею, это значитъ оставаться въ области мышленія, быть равнодушнымъ къ вопіющему противорѣчію между тѣмъ, **что есть**, и тѣмъ, **что должно быть**, между дѣйствительностью и, такъ называемымъ, идеаломъ. Въ идеѣ, въ идеалѣ указывается то, что должно быть, но не указывается средства, пути, способа осуществленія этого должнаго; это философія, а не религія. Христосъ-же есть не только истина, но и путь къ ея осуществленію. Открывать въ догматѣ только нравственную мысль, идею, вмѣсто заповѣди, дѣла, значитъ обращать нравственность изъ дѣла въ догматику, значитъ похоронить нравственность. Обращать же догматику въ нравственность, это значитъ обращать догматъ въ дѣло. Первое превращеніе нужно для ученыхъ; они имъ удовлетворяются, убаюкиваются; ко второму же стремятся неученые. При обращеніи нравственности въ догматику, приходится доказывать, что внѣ христіанства нѣтъ добродѣтельной жизни. Но доказывать это и безплодно и не по христіански; было бы несравненно плодотворнѣе и истинно по христіански обратить вниманіе, задаться вопросомъ, почему порочная, недобродѣтельная жизнь находитъ мѣсто и въ самомъ христіанствѣ?... И только тогда, когда мы сумѣемъ показать причины такого явленія, сумѣемъ указать и средства къ устраненію порочной и къ водворенію добродѣтельной жизни, тогда только мы можемъ надѣяться, что будемъ въ силахъ не только удержать, но и возвратить церкви разсѣивающихся чадъ ея; превращеніе же нравственности въ догматику такому собиранію содѣйствовать во всякомъ случаѣ не можетъ.

При обращеніи нравственности въ догматъ, догматъ Пресвятой Троицы оказывается не всеобъемлющимъ; признавая его—«метафизическимъ основаніемъ нравственнаго долга любви,»—тѣмъ не менѣе вынуждены поставить съ нимъ рядомъ, какъ побужденіе къ терпѣнію, догматъ о загробномъ воздаяніи; но воздаяніе было бы неполно, если бы ограничивалось только наградою за добродѣтельную жизнь (вѣдь терпѣливо ожидаютъ не награды лишь себѣ, но и наказанія своимъ врагамъ, т. е. грѣшникамъ;—не уступка ли это порочнымъ наклонностямъ, мстительности?)... Итакъ догматъ Пре-

святой Троицы оказывается не всеобъемлющимъ, не заключающимъ въ себѣ догмата о будущей жизни, и рядомъ съ этимъ догматомъ о всеобщемъ единствѣ, поставленъ догматъ о возданіи, хотя этотъ послѣдній настолько же ниже перваго, насколько языческая правда ниже христіанской любви.

Рѣчь — «Нравственная идея Пресвятой Троицы»—не касается также вопроса и о томъ, ограничится ли соединеніе, образецъ котораго мы имѣемъ въ ученіи о нераздѣльной и несліянной Троицы и призывъ къ которому заключается въ службѣ Пятидесятницы, ограничится ли это соединеніе лишь внутреннимъ единствомъ, или же получитъ оно и внѣшнее выраженіе? Будетъ ли родъ человѣческій имѣть одинъ общій языкъ, достигнетъ ли онъ такого состоянія, при которомъ не будетъ нужды ни въ надзорѣ, ни въ наказаніяхъ, т. е. достигнетъ ли родъ человѣческій когда либо совершеннолѣтія, а главное, какъ, какимъ путемъ можетъ достичь онъ такого состоянія? Или же не останется ли родъ человѣческій навсегда подъ игомъ слѣпой силы, поражающей его голодомъ, язвою и смертью? Другими словами: будетъ ли человѣческій родъ орудіемъ Божественной воли, и тогда объединеніе получитъ прочность въ трудѣ познанія и обращенія слѣпой, смертоносной силы въ живоносную? или же человѣческій родъ вѣчно будетъ противникомъ Божественному велѣнію, вѣчно будетъ придумывать орудія взаимнаго истребленія и орудія для истощенія земли и, вообще, природы?

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ вышеозначенной рѣчи ученіе о Троицѣ изъясняется отдѣльными примѣрами; это вынуждаетъ насъ сказать, что ученіе о Троицѣ, если за основу его принимать слова Спасителя—«Да будутъ всѣ едино»,—можетъ быть лишь затемняемо указаніемъ на отдѣльные примѣры даже и въ томъ случаѣ, если бы примѣры эти брались изъ сознательной жизни людей; ссылка же на такую добродѣтель, какъ материнская любовь, которую и самъ авторъ рѣчи называетъ непосредственною, т. е. дѣйствующею какъ стихійная сила, которая дается безъ борьбы и усилій, —ссылка на такую добродѣтель дѣлаетъ ученіе о Троицѣ совсѣмъ непонятнымъ. Дѣлая такую ссылку, авторъ рѣчи оказывается согласнымъ съ эволюціонистами, которые эгоизмъ выводятъ изъ акта питанія, а альтруизмъ (это расширенное себялюбіе, совершенно невѣрно отождествляемое съ любовью) изъ акта воспроизведенія. Принявъ сравненіе—«Якоже собираетъ кокошъ птенцы своя»—за превозношеніе матери, за похвалу ей, авторъ забываетъ, что не мать спасаетъ насъ, а Сынъ, что нигдѣ не сказано «будьте, какъ матери,» но сказано, «будьте какъ дѣти», т. е. какъ сыны, какъ дочери. Занимаясь отдѣльными примѣрами, авторъ о дѣвичьей жизни говоритъ какъ о такой, въ которой будто-бы не можетъ быть никакихъ другихъ заботъ, кромѣ заботъ о себѣ самой; но дѣвица въ то же время и дочь, а у дочери должна быть забота не только о себѣ, но и о родителяхъ; а одна изъ величайшихъ задачъ нашего времени заключается въ томъ, чтобы возвратить сердца сыновъ и дочерей ихъ отцамъ и матерямъ. (Ев. Луки 1, 17). Если же любовь матери къ ребенку можетъ

служить подобіемъ того единства, о которомъ говорится въ молитвѣ Сына Божія, то и любовь, отца, хотябы и низшая по степени, относится къ тому же роду; и такимъ образомъ, переходя отъ подобія къ образцу, мы въ самой Троицѣ будемъ имѣть Отца, Мать и Сына, т. е. Христіанскую Троицу, но такую, какъ представляютъ ее себѣ магометане. Только любовь сына и дочери къ ихъ родителямъ, продолжающаяся и по окончаніи воспитанія и неимѣющая себѣ подобія въ животномъ царствѣ, можетъ служить, и то лишь въ высшей ея степени, нѣкоторымъ подобіемъ любви Сына и Духа къ Отцу.

Церковь, имѣвшая, по выраженію Дѣяній апостольскихъ, одно сердце и душу, была прямымъ исполненіемъ завѣщанія, выраженнаго въ молитвѣ на прощальной бесѣдѣ, въ которой Господь просилъ Отца Небеснаго, чтобы его ученики и послѣдователи были въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, въ какомъ Самъ Онъ ко Отцу,—«Да будутъ едино, якоже и Мы.» Такая единодушная церковь, если бы она была распространена на весь міръ, дѣйствительно разрѣшила бы всѣ противорѣчія современной морали, противорѣчія между индетерминизмомъ и детерминизмомъ, между индивидуализмомъ и альтруизмомъ... Объединенная церковь требуетъ отъ каждаго жизни не для себя только, но и не исключительно для кого-нибудь другого,- для другихъ,—а со всѣми и для всѣхъ. Эта церковь есть объединеніе всѣхъ живущихъ, сыновъ и дочерей, въ молитвѣ за всѣхъ умершихъ, какъ выраженіи дѣла Божія. Преподобный Сергій, по случаю юбилея котораго произнесена вышеозначенная рѣчь, (хотя въ этой рѣчи о немъ даже и не упомянуто), болѣе всѣхъ приблизился къ ученію о Троицѣ, какъ образцу для людей, взятыхъ не въ отдѣльности, а въ ихъ совокупности, ибо онъ, введя въ Московскомъ Государствѣ общежитіе, которое было возстановленіемъ первоначальной христіанской общины, общины апостольскаго дѣла, у которой было одно сердце и одна душа, поставилъ храмъ Троицы, по выраженію жизнеописателя Преподобнаго, какъ зерцало для собранныхъ имъ въ единожитіе, чтобы «взираніемъ на Святую Троицу побѣждался страхъ предъ ненавистною раздѣльностью міра».

«Жизнь въ другомъ и для другого,» (т. е. альтруизмъ) есть грубѣйшее искаженіе словъ Спасителя: «Да будутъ и сіи едино»..., въ которыхъ говорится именно о всѣхъ, тогда какъ жизнь «въ другомъ и для другого» можетъ относиться лишь къ людямъ, взятымъ въ отдѣльности. Христіанство вовсе не знаетъ этого другого, оно вовсе не альтруизмъ, оно знаетъ только **всѣхъ**. Примѣръ своей альтруистической заповѣди отецъ Антоній видитъ въ любви матери къ своему ребенку, тогда какъ Христосъ говоритъ, какъ это уже указывалось, будьте «не какъ матери, а «какъ дѣти,» слѣдовательно, какъ сыны, какъ дочери. Только «Жизнь со всѣми и для всѣхъ» будетъ исполненіемъ молитвы Сына къ Отцу о всѣхъ сынахъ, живущихъ для всѣхъ отцовъ, кои умерли. Дарвинисты возрадуются, услышавъ, что любовь матери, свойственная и животнымъ, есть условіе единенія въ Богѣ; отсутствіе у матери любви къ дѣтямъ есть величайшій порокъ, а присут-

ствіе ея вовсе не добродѣтель; человѣческій родъ былъ бы ниже животныхъ, если бы онъ нуждался въ заповѣди материнской любви; онъ былъ бы не выше животныхъ, если бы его нравственность ограничивалась материнской любовью.

6. Вѣрнѣе сказать принципъ розни и бездѣлья проведенъ Кантомъ по всѣмъ не тремъ только, а четыремъ критикамъ, ибо и религія заключена какъ въ тюрьмѣ въ узкихъ предѣлахъ чистаго разума. Осудивъ религію на тюремное заключеніе за то, что она хотѣла спасти міръ отъ конечнаго разрушенія чрезъ исполненіе долга воскрешенія, Кантъ приказалъ отобрать отъ нея орудія, коими она хотѣла осуществить благую цѣль (евтелизмъ), т. е. науку и искусство, которыя онъ также осудилъ на одиночное заключеніе. Совершивъ такое злодѣянія безсознательно, царь философовъ былъ увѣренъ, что обезпечилъ человѣчеству тихую безмятежную кончину. Но Супраморализмъ разрушаетъ стѣны тюрьмы и освобождаетъ узниковъ.

7. Ученое сословіе предпочитаетъ гражданство родству, правду—любви, свѣтское—религіозному; названіемъ «человѣкъ» замаскировывается понятіе, заключающееся въ словѣ «смертный».

8. Но знаніе безъ приложенія и быть не можетъ, если оно не находитъ приложенія къ дѣлу, то проявляется въ превозношеніи.

Подведя итогъ всему, что было написано по философіи исторіи, Карѣевъ нашелъ, по его мнѣнію, пунктъ, въ которомъ были согласны всѣ или почти всѣ философіи. Сильный такимъ согласіемъ, онъ создаетъ новую науку подъ названіемъ, не совершенно новымъ, Исторіософіи. Эта-то наука, которую правильнѣе назвать Исторіософистикою, и оказывается совершенно противоположною исторіи, имѣющей цѣлью объединеніе живущихъ (сыновъ) для воскрешенія умершихъ (отцовъ). Пунктъ, въ которомъ оказываются согласными философы есть «Прогрессъ,» который и даетъ, по мнѣнію Карѣева, смыслъ исторіи. Прогрессъ, т. е. движеніе впередъ, совершенствованіе, оказывается имѣющимъ значеніе не только для будущихъ поколѣній, но и для прошедшихъ,—«для всѣхъ людей вообще, гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было,» говоритъ этотъ исторіософистъ. Исторіософистически онъ выводитъ изъ исторіи, какъ она намъ дана въ опытѣ, прогрессъ не только соціальный, но и психическій въ отношеніяхъ людей между собой, хотя тѣмъ не менѣе психологія и соціологія остаются рѣзко разграниченными науками. (А если бы душа совершенствовалась, то стала бы любовью, а общество—братствомъ сыновъ, т. е. полнымъ выраженіемъ любви; психологія и соціологія обратились бы тогда въ психократію.) Прогрессъ для Карѣева есть верховный критерій, посредствомъ котораго онъ судитъ исторію, ибо философія исторіи есть судъ; въ этомъ и смыслъ исторіи, говоритъ онъ же. Если же, наоборотъ, мы возмемъ критеріемъ воскрешеніе, то увидимъ, что оно, какъ вмѣщающее въ себѣ искупленіе, исключаетъ прежде всего судъ. Воскрешеніе, принятое какъ критерій, не имѣетъ нужды въ спорѣ, оно можетъ не возражать на утвержденіе, будто

бы счастье послѣдующихъ поколѣній не было основано на несчастьяхъ предыдущихъ; но воскрешеніе не можетъ ограничиться отрицательнымъ благомъ; оно не только исключаетъ несчастіе предыдущихъ, оно требуетъ ихъ счастья.

Исторіософія не есть мудрость историческая, т. е. мудрость научающая людей тому, что имъ нужно дѣлать въ совокупности. Если мудрость историческая не можетъ признать въ исторіи общаго плана, то вовсе не потому, почему не признаетъ такого плана исторіософистика. Признать планъ значитъ приписать планомѣрность своимъ дѣйствіямъ, т. е. не сознаваться въ розни, въ которой живемъ, въ эгоизмѣ, а вмѣстѣ и отказаться отъ соединенія для общаго дѣла. Исторіософистика же, уничтожая плевелы, вмѣстѣ уничтожаетъ и пшеницу, ибо не признаетъ или, по крайней мѣрѣ, вовсе не думаетъ о соединеніи. Центральнымъ предметомъ философіи исторіи служитъ не соединеніе, не единство личностей, а ихъ рознь, ибо мысленное, отвлеченное выдѣленіе отъ всѣхъ частныхъ обществъ, а не переходъ къ общему и опредѣленному дѣлу, каковымъ можетъ быть только воскрешеніе, не уничтожаетъ дѣйствительной розни; субъективное сочувствіе безсильно противъ дѣйствительности, а главное безполезно, если оно не переходитъ въ дѣло, если же оно въ него переходитъ, то субъективное превращается уже въ проективное. Признавая центральнымъ предметомъ философіи исторіи-личность, исторіософистика предоставляетъ объединеніе дѣйствію слѣпой силы. Исторія же, какъ мудрость, какъ нравственное дѣяніе, есть объединеніе въ общемъ дѣлѣ воскрешенія. Для ученыхъ исторія есть возстановленіе прошедшаго; для народа же она есть **воскрешеніе**, находящееся еще только въ періодѣ миѳическаго искусства, такъ какъ у народа еще нѣтъ знанія, которое и по нынѣ еще отдѣлено отъ дѣйствія. «Исторію совершаетъ дѣятельность личностей,» (т. е. особняковъ), —«это должно быть основнымъ принципомъ исторіософіи.» Дѣятельность личностей создаетъ не исторію, а комедію всемірной исторіи. Исторія, которую создаютъ особняки по принципу исторіософиситики, есть борьба этихъ особняковъ за право руководить толпой къ цѣли, къ идеалу, который служитъ только приманкой, чтобы овладѣть народомъ. Истинная мудрость исторіи состоитъ не въ томъ, чтобы отдѣляться, освобождаться отъ традицій, т. е. замѣнять ихъ личными произволами, а —понять ихъ, чтобы остаться съ массою въ единомысліи, обращая миѳическое дѣло въ общее, дѣйствительное.

Воздавъ хвалу розни, поощривъ ее, этотъ исторіософистъ говоритъ, что внутренне родъ человѣческій никогда не будетъ единымъ; говоря это, Карѣевъ очевидно не понимаетъ, чего онъ лишаетъ человѣческій родъ. Конечно, родъ человѣческій не будетъ внутренне единымъ, пока объединеніе не будетъ поставлено центральнымъ дѣломъ; познать или признать единство, когда его нѣтъ въ дѣйствительности, понятно, нельзя; но это значитъ, что единство есть предметъ не знанія, а дѣла, основаннаго «на тождествѣ законовъ, управляющихъ человѣческою психическою и соціальною

жизнію,» и, главное, на единствѣ, которое позитивисты называютъ біологическимъ, на единствѣ людей, какъ смертныхъ существъ. Авторъ «Основныхъ вопросовъ» философіи исторіи не считаетъ себя смертнымъ существомъ, когда говоритъ, что «на волю всѣхъ людей именно не дѣйствуетъ никакая единая и общая причина.» Не вотще четыре вѣка проповѣдывали: «помни жизнь,» т. е. забудь смерть! Онъ не замѣчаетъ дѣйствія этой общей причины и при указаніи трехъ факторовъ дѣйствія въ исторіи, не замѣчаетъ, что 1-й факторъ, природа, которую и онъ называетъ общею и постоянною, есть сила смертоносная, когда не направляется разумомъ, т. е. остается слѣпою, потому что разумная сила расходуется на внутренчюю борьбу, т. е. на умерщвленіе; 2-й факторъ—самъ человѣкъ, который или сознаетъ себя смертнымъ, въ такомъ случаѣ является религіознымъ, т. е. воскрешающимъ въ формѣ миѳическаго искусства, или же секулярнымъ, забывающимъ о смерти. Это различіе обнаруживается и въ произведеніяхъ самого человѣка: въ языкѣ живомъ, синтетическомъ у тѣхъ, которые сознаютъ смерть, и аналитическомъ, безжизненномъ у тѣхъ, которые не признаютъ смерти; также въ литературѣ и искусствѣ;—кустарная промышленность для первыхъ, и мануфактурная, усиливающая вражду, у секулярныхъ. «Человѣчность есть цѣль человѣческой природы» (Гердеръ). «Эта человѣчность есть полное, всестороннее развитіе силъ, вложенныхъ въ человѣческую природу.» «Прогрессъ заключается въ развитіи тѣхъ началъ, которые принципіально возвышаютъ людей надъ міромъ животныхъ, которые постепенно очеловѣчиваютъ людскую, т. е. человѣческую природу.» Въ средніе вѣка прототипомъ личности, возвышающейся надъ животною природой, былъ Монахъ. Въ наше время, вѣкъ секуляризаціи, Монахъ замѣняется «Ученымъ,» профессоромъ, который, достигнувъ высшаго уровня общечеловѣческаго развитія, дѣлаетъ его доступнымъ наибольшему количеству людей. Такъ какъ профессоръ признанъ образцомъ, идеаломъ для человѣческихъ личностей, то прогрессъ и состоитъ прежде всего въ сознаніи «постепеннаго увеличенія знанія, уясненія мысли», которое состоитъ гораздо болѣе въ признаніи единства человѣческой и животной природы, чѣмъ возвышенія первой надъ послѣднею, чему доказательствомъ служитъ все сочиненіе Карѣева. Не говоря уже объ этомъ противорѣчіи, «увеличеніе знанія, уясненіе знанія, мысли,» служитъ къ выработкѣ міросозерцанія, а не проекта дѣйствія, не проекта измѣненія неорганической и органической природы, согласно съ требованіями человѣческой природы, а потому и улучшеніе нашего мыслящаго существа, его возвышеніе, есть также только мысленное, т. е. мнимое... Принимая за исходный пунктъ прогресса возвышеніе человѣческой природы надъ животною, нужно съ первыхъ же словъ ограничить человѣчность, иначе придется обратить человѣка въ безплотное существо; точно также и альтруизмъ нуждается въ ограниченіи, иначе онъ превратится въ самоотреченіе.

9. Если прогрессъ, совершенствованіе происходитъ при помощи эволюціи, развитія (смѣны состояній) того, что совершенствуется (?), то про-

грессъ есть не столько дѣйствіе разумнаго существа, сколько проявленіе слѣпой силы, и потому уже совершенствованіемъ не можетъ быть и названъ. Изъ трехъ видовъ эволюціи: неорганической (подъ-и предъ-органической), органической (физіологической и психилогической) и надъ-органической (культурной и соціальной), ограничивать историческій процессъ только послѣднимъ, (тогда какъ дѣятельность человѣческая простирается и на первыя два вида эволюціи), есть крайній произволъ; но и развитіе способностей человѣческихъ, физіологическихъ, психическихъ, вліяніе на природу, прогрессъ духовной культуры и соціальныхъ формъ, можетъ ли быть названъ совершенствованіемъ? Переходъ отъ живыхъ, народныхъ, синтетическихъ языковъ къ искусственнымъ, аналитическимъ, мертвымъ языкамъ интеллигенціи и философовъ (языкъ напр. Гегеля), есть-ли это совершенствованіе? Стенографическая азбука есть-ли высшая форма письма? Протестантизмъ, пуританизмъ, деизмъ суть-ли живыя религіи? Субъективизмъ, по коему каждый долженъ признать и вселенную и другихъ людей своими мыслями, а слово, которымъ выражается субъективизмъ, долженъ назвать бредомъ,—есть-ли это слово живое, здоровое слово, хотя оно, конечно, послѣднее слово науки и философіи (недѣятельной)?! Въ противоположность такому идеализму, который вынужденъ или наложить на себя мертвое молчаніе, или признать себя бредомъ больного, искусство является скотскимъ реализмомъ. Если этотъ реализмъ есть выраженіе дѣйствительности, то, что остается для человѣка, какъ не радикальное измѣненіе того направленія, къ которому ведетъ понятіе прогресса?

Отдѣленіе живущихъ отъ умершихъ, кладбища отъ жилища, превращеніе очага изъ жертвенника отцамъ въ орудіе кулинарнаго и другихъ искусствъ, которые служатъ къ превращенію поминальной трапезы въ ассамблеи и банкеты, это отдѣленіе сыновъ отъ отцовъ и есть паденіе общества, называемое прогрессомъ. Прогрессъ состоитъ въ превозношеніи младшаго поколѣнія (сыновъ) надъ старшимъ (отцовъ). Но превозношеніе не есть возвышеніе! Прогрессъ въ совершеннѣйшемъ видѣ является въ животномъ царствѣ. Животные не только не заботятся о старшемъ поколѣніи, а даже убиваютъ своихъ стариковъ. У человѣка этотъ порокъ, т. е. прогрессъ (антогонизмъ младшаго поколѣнія къ старшимъ), смягчается; но какъ бы ни смягчали порокъ, онъ все же останется порокомъ; младшее поколѣніе, пользующееся старшими какъ орудіемъ для своего возвышенія, обращающее ихъ въ свое подножіе, своимъ превозношеніемъ попирающее ихъ, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть возвышеніемъ, улучшеніемъ, ни внутри (въ мысли, въ душѣ), ни во внѣ. Человѣчность, благодаря только своей неопредѣленности, можетъ считаться смягченіемъ животныхъ пороковъ.

10. Хотя переходъ отъ старины къ новизнѣ совершился полусознательно, а не вполнѣ обдуманно, однако этотъ переходъ былъ, можно сказать одобренъ соборомъ ученыхъ; впрочемъ, одобреніе сословнаго собора не можетъ быть обязательно; только знаніе всѣми и можетъ быть обязательнымъ для каждаго; но въ состояніи-ли ученые признать, какъ это ни есте-

ственно и ни просто, что прогрессъ заключается въ расширеніи познаванія на всѣхъ? Требованіе такого расширенія со стороны неученыхъ было бы посягательствомъ на монополію, а со стороны ученыхъ отреченіемъ отъ привилегіи

11. Протестантизмъ лишилъ и духовенство священнаго значенія, уничтоживъ таинство священства, и облекъ его въ короткополое платье. Протестантизмъ и поминальную трапезу обратилъ въ брачный пиръ, въ банкетъ, какъ отрицаніе поста и безбрачія.

12. Даже крестное знаменіе изъ истоваго, какъ было оно у нашихъ предковъ, а у простого народа и по-днесь, обратилось въ неистовое, поспѣшное, неправильное, крестосложеніе обратилось въ **разложеніе**.—Скорое чтеніе и служба наскоро.

Вопросъ о братствѣ, или о родствѣ, о причинахъ небратскаго, неродственнаго, т. е. немирнаго, состоянія міра и о средствахъ къ возстановленію родства.

Записка отъ неученыхъ къ ученымъ русскимъ, ученымъ свѣтскимъ, начатая подъ впечатлѣніемъ войны съ Исламомъ, уже веденной (въ 1877—1878 г.), и съ Западомъ—ожидаемой, и оканчиваемая юбилеемъ преп. Сергія.

ЧАСТЬ II.

Кому предлежитъ рѣшеніе этого вопроса? И какой другой вопросъ можетъ быть данъ для рѣшенія, какъ всей прошедшей мудрости въ видѣ книгъ и другихъ произведеній человѣческаго ума, такъ и собранію всѣхъ пишущихъ и мыслящихъ настоящаго времени, т. е. учрежденію, именующемуся Музеемъ, если только музей учрежденіе не безцѣльное?

Въ чемъ состоитъ наша задача, задача Россіи, въ чемъ нашъ долгъ?

Монахъ-лѣтописецъ хочетъ знать--«откуда пошла земля наша?»—Куда идетъ она?—желаютъ знать ученые, историки.—Для насъ же нужно знать,—куда должно идти (всѣмъ въ совокупности), чтобы ходить въ законѣ Господнемъ, что нужно дѣлать, чтобы творить дѣло Божіе, чтобы пути человѣческіе сходились съ путями Божіими; т. е. важно не предсказаніе, а дѣйствіе совокупное, братское, общее-отеческое.

Возвратить сердца сыновъ отцамъ (Ев. Луки 1, 17,—примѣнительно къ нашему времени,—вмѣсто «сердца отцовъ дѣтямъ» какъ въ Евангеліи),—это и есть дѣло Божіе.

«Аще не будете, какъ дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное» (Матѳ. 18, 3).

Настоящая часть записки имѣетъ въ виду русскихъ ученыхъ, ученыхъ земледѣльческой, патріархальной страны, страны континентальной, т. е. климатическихъ крайностей, и при томъ же страны истощенной, подверженной постояннымъ періодическимъ, все чаще и чаще повторяющимся неурожаямъ. Эта часть записки имѣетъ въ виду ученыхъ страны, на которой преднаписана, такъ сказать, необходимость метеорической регуляціи, такъ что непонятно, какъ ученые этой страны не усмотрѣли до сихъ поръ этой необходимости? Это—обращеніе къ ученымъ той страны, кото-

рая находилась и доселѣ находится въ постоянной борьбѣ съ кочевымъ Исламомъ и съ городскимъ Западомъ, и не пришла еще къ сознанію своей задачи, столь однако простой, естественной и вполнѣ понятной;—обращеніе къ ученымъ страны, лишь подражающей и при томъ тѣмъ, которые живутъ въ иныхъ условіяхъ. (Впрочемъ, и для океанической страны, которой мы подражаемъ, наступаетъ уже время необходимости регуляціи). (Примѣчаніе 1-е).

Принявъ православную крестьянскую вѣру, какъ печалованіе о разъединеніи, и призвавъ князей для устроенія обязательно-сторожевого государства противъ степныхъ кочевниковъ и городского Запада, Русскіе не поставили себѣ вопроса о противорѣчіи, заключающемся въ сокрушеніи о борьбѣ съ необходимостью непрерывной борьбы.

Настоящая часть записки отъ неученыхъ къ ученымъ, и именно къ русскимъ ученымъ, писанная подъ впечатлѣніемъ войны съ исламомъ, смотритъ на всю нашу тысячелѣтнюю жизнь, какъ на продолженіе испытанія вѣръ, начатое еще до Владиміра и до сихъ поръ неоконченное, т. е. настоящая часть записки ставитъ лишь вопросъ, а не даетъ рѣшенія, и вопросъ не о томъ, какое убѣжденіе, какой взглядъ мы усвоимъ, а какого закона, какой заповѣди станемъ исполнителями, если будемъ смотрѣть на нашу борьбу съ Исламомъ (вообще съ кочевниками), поддерживаемымъ Западомъ (всегда готовымъ на насъ броситься), если будемъ смотрѣть на эту борьбу и какъ на опытъ, и какъ на испытаніе, какъ на дѣло знанія и вѣры, которое и должно не простой только народъ, но и интеллигенцію привести къ рѣшенію.

Все, что будетъ здѣсь изложено, есть обращеніе къ ученымъ самого материка, т. е. основы земного шара, материка съ его климатическими крайностями, усиленными тысячелѣтнимъ хищничествомъ, такъ что эта материковая земля, хотя и велика, даже и очень велика, потому что не имѣетъ еще прямоѣзжей дороги отъ сѣверо-западнаго своего угла (отъ Мурмана, отъ незамерзающаго Варангеръ-фіорда) къ юго-восточному (къ Владивостоку), но уже не обильна, а становится пустыней и остается глушью. Очень важно, что патріархальная глушь сохранилась до того времени, когда и западныя окраины начинаютъ сознавать, что отреченіе отъ культа отцовъ не есть благо и не сулитъ долгоденствія, такъ что наиболѣе отрекшаяся отъ старины земля (Франція 1891 г.) ищетъ союза съ примитивною глушью; а съ другой стороны и въ океанической полосѣ начинаютъ все болѣе и болѣе ощущаться климатическія крайности, благодаря чему обитатели и этой полосы становятся способными понять необходимость объединенія для регуляціи; регуляція же земного процесса и есть начало общаго отеческаго дѣла, разрѣшающаго противорѣчія, т. е. устраняющаго причины вражды и превращающаго печалованіе въ радованіе; а пока это противорѣчіе не разрѣшено, до тѣхъ поръ и испытаніе и выборъ вѣръ еще не окончены, не завершены.

Это обращеніе къ ученымъ русскимъ-свѣтскимъ, ставшимъ иностран-

цами, чуждыми отцамъ (предкамъ), заключаетъ въ себѣ указанія:

1. На культъ предковъ, какъ на единую истинную религію, а вмѣстѣ и на воспитательное значеніе годовыхъ праздниковъ, имѣющихъ цѣлью возвратить сердца сыновъ отцамъ; возвращеніе же сердецъ сыновъ отцамъ и есть культъ предковъ, высшимъ выраженіемъ котораго будетъ всеобщее воскрешеніе, началомъ же—регуляція, какъ орудіе Бога-отцовъ, дѣйствующаго чрезъ союзъ всѣхъ сыновъ.

и 2. На результатъ тысячелѣтняго опыта, или испытанія, т. е. на вопросъ о Троицѣ, какъ заповѣди, данной сынамъ по отношенію къ отцамъ. Этотъ второй отдѣлъ содержитъ: а) Вопросъ объ испытаніи вѣръ (активномъ и пассивномъ) и о критеріи при этомъ испытаніи въ связи съ призывомъ князей и съ устроеніемъ обязательно-сторожевого государства, или разрѣшеніе противорѣчія между военно-гражданскимъ и христіанскимъ. (Кремль-крѣпость и храмъ древней и новой Руси). Три испытанія, соотвѣтствующія тремъ періодамъ: Кіевскому, сдѣлавшему выборъ, Московскому, подвергшемуся испытанію премущественно со стороны Востока и выдержавшему это испытаніе, и Петербургскому, подвергшемуся испытанію со стороны Запада, отъ новоязыческой прелести, и не выдержавшему его въ лицѣ интеллигенціи, по крайней мѣрѣ. Только испытавшимъ иго Востока и искушеннымъ соблазнами Запада, можно сдѣлать выборъ изъ трехъ вѣръ и трехъ исповѣданій. б) О вѣрѣ, какъ объединеніи въ дѣлѣ отеческомъ, или о возстановленіи вѣрности. Три вѣры, три исповѣданія, или о трехъ искаженіяхъ религіи (о разъединеніи, порабщеніи и уничтоженіи), обличеніе коихъ заключается въ ученіи о Троицѣ. О трехъ видахъ христіанства, изъ коихъ,—пока не совершилось объединеніе,—истинно только печалованіе объ игѣ католическомъ, о протестантской розни и о нашемъ бездѣйствіи. в) О критеріи, какъ указателѣ пути Господня (или средства, способа осуществленія) и образа Божія (образа, цѣли). Истинный критерій рождается съ человѣкомъ; онъ есть чувство родства, чувство, которое господствуетъ въ дѣтствѣ исключительно, въ ученіи же о Троицѣ оно возведено въ догматъ; но то, что для метафизическаго ума грековъ было догматомъ, для практическаго ума русскихъ станетъ заповѣдью, какъ это уже и являлось въ дѣлѣ пр. Сергія, строителя перваго храма во имя Троицы въ Московскомъ государствѣ, способствовавшаго и объединенію земли,—во имя Троицы нераздѣльной, и освобожденію ея отъ Ислама—во имя Троицы не сліянной. г) О критеріи въ связи съ призывомъ князей.

За этимъ будетъ слѣдовать: 1. Указаніе на наше равнодущіе къ испытанію вѣръ нашихъ враговъ. 2. Несоотвѣтствіе нашего быта съ магометанскимъ пониманіемъ Бога, или нашей первобытности, примитивности, съ новоіудейскою культурою Ислама, поддерживаемою культурою новоязыческаго Запада. 3. Условія осуществленія единства. **Сынъ**. Безсыновній Богъ Ислама. 4. Вопросъ о трансцендентности и имманентности Божества и въ чемъ заключается его разрѣшеніе. **Отецъ**. Безотечный Западъ. Богъ Запада, Богъ философскій, **не-отецъ**. 5. Наше неученое понятіе о Богѣ и его

несознанность. Но будучи несознаннымъ, оно было чувствуемо всегда, на что указываетъ употребленіе формулъ Троицы нераздѣльной. Почитаніе Отца и Сына. 6. **Всѣединство** есть условіе пониманія Тріединства. Отдѣленіе мысли отъ дѣла—самый величайшій грѣхъ. Мысль безъ общаго дѣла—мечта; дѣло безъ общей мысли—слѣпота, тьма. 7. О первомъ сынѣ человѣческомъ. Нераздѣльная семья, семья воскрешенія. 8. Смерть первоотца (пра-отца) и первая міровая скорбь. Истинная міровая и мнимая міровая скорбь. Первое покаяніе предъ образцомъ, предъ тѣмъ, чему обязаны мы уподобиться, и сознаніе того, въ чемъ наше удаленіе, неподобіе образцу, сознаніе, что мы сыны, оставившіе своихъ отцовъ. Историческое значеніе притчи о блудномъ сынѣ. 9. Исповѣданіе Символа Вѣры есть и покояніе и обѣтъ. Сознаніе нашихъ предъ Образцомъ недостатковъ раскроетъ намъ путь, по которому должно идти, т. е. Четыредесятница укажетъ намъ на Пятидесятницу. а) Знаніе, какъ оно есть и какимъ должно быть, т. е. наука, какъ слово человѣческое, и наука, какъ слово Божіе. б) Дѣятельность, какъ она есть и какою должна быть. 10. Можно-ли ограничиваться одною вѣрою? 11. Нынѣшнее состояніе человѣчества, т. е. состояніе несовершеннолѣтія: магометанское господство, языческая рознь и буддійскій покой. Естественнымъ послѣдствіемъ несовершеннолѣтняго, небратскаго состоянія было признаніе **господства** сущностью Божества. 12. Нынѣшнее состояніе міра физическаго, т. е. господство слѣпой силы природы надъ нами, есть слѣдствіе тѣхъ же пороковъ,—бездѣйствія, розни, порабощенія себѣ подобныхъ, вмѣсто объединенія въ общемъ дѣлѣ, вмѣсто регуляціи слѣпой силы. 13. Общій и родовой долгъ. Долгъ—общій всѣмъ людямъ, какъ тягло, какъ повинность. Сознаніе долга есть естестественное слѣдствіе самоосужденія и покаянія. 14. О добродѣтели. Добродѣтель, не дѣлающая только достойными счастья, но дающая счастье; добродѣтель полная, а не отрицательная,—лишь отвлеченная, личная. Такое соединеніе добродѣтели со счастіемъ, въ коемъ связь первой съ послѣднею не трансцендентна, а имманентна, и есть полная добродѣтель, заповѣдь блаженства. 15. Въ чемъ заключается исполненіе долга; полный долгъ? 16. Въ чемъ состоитъ наука христіанская, наука полная, неотдѣлимая отъ искусства?... Изслѣдованіе причинъ розни. 17. Извращенное дѣйствіе (идолопоклонство) и бездѣйствіе (іудейство), или вопросъ о трудѣ и воскресномъ покоѣ. Покой воскреснаго дня,—суббота, нирвана, смерть. 18. Долгъ есть служеніе отцамъ, служеніе истинное, а не твореніе подобій по Китайски-ли то или же по Египетски и, вообще, по язычески. Служеніе отцамъ не можетъ ограничиваться и внутреннимъ лишь поминовеніемъ. Въ служеніи отцамъ заключается вся внутренняя исторія. 19. Смыслъ исторіи до христіанскаго міра. Внѣшняя исторія язычества,—движеніе сыновъ вслѣдъ умершихъ отцовъ. 20. Объ юбилеѣ. 21. Въ чемъ сущность, т. е. дѣло, христіанства? 22. Настоящее состояніе христіанства, или литургія храмовая. 23. Причины распаденія. 24. Языческое, неистинное служеніе отцамъ, и истинное, христіанское служеніе, —Воскрешеніе.

1. Въ годовомъ періодѣ Рождество Христова есть напоминаніе граж-

данамъ и человѣкамъ (гуманистамъ) о сыновствѣ; это дѣтское чувство и должно управлять общимъ дѣломъ взрослыхъ, и въ такомъ управленіи, въ направленіи общаго дѣла **сыновнимъ**,-именно,-чувствомъ и заключается условіе совершеннолѣтія. Православное крещеніе есть начало усыновленія, а Преображеніе, предъ совершеніемъ дѣла душеприказчества, есть завершеніе дѣла братотворенія чрезъ усыновленіе. Между ними, этими двумя усыновленіями, крещеніемъ и преображеніемъ, заключено и просвѣщеніе, или оглашеніе, выраженное въ притчахъ о Мытарѣ и Фарисеѣ, о Блудномъ Сынѣ, заключено и покаяніе, т. е. раскаяніе въ отдѣленіи, отчужденіи себя отъ всѣхъ другихъ, въ обреченіи себя каждымъ на познаніе одного только себя, а не всѣхъ живыхъ и умершихъ, раскаяніе, наконецъ, въ отдѣленіи знанія отъ дѣйствія. Если «познай самого себя»—значитъ не вѣрь отцамъ, (т. е. преданію), не довѣряй и братьямъ (свидѣтельству другихъ), а вѣрь только себѣ, знай только себя («сознаю значитъ существую»), то раскаяніе въ отчужденіи отъ всѣхъ другихъ, въ обреченіи себя на одно лишь знаніе, расширяетъ знаніе на всѣхъ живущихъ, объединяя ихъ не въ знаніи лишь всѣхъ умершихъ, но и въ дѣлѣ воскрешенія ихъ. Масленица для язычниковъ была поминовеніемъ умершихъ, т. е. мнимымъ воскрешеніемъ, а для христіанъ она служитъ напоминаніемъ страшнаго суда за вѣру и надежду безъ дѣйствія, безъ дѣла, безъ котороо дѣйствительное воскрешеніе невозможно; для христіянъ масленица есть угроза за мнимое воскрешеніе, т. е. за мысленное лишь поминовеніе. Воскресеніе Христово, не отдѣлимое отъ всеобщаго воскрешенія, есть полное выраженіе культа предковъ; въ этомъ полнота и религіи. Почитать Бога и не воздавать должнаго предкамъ, (отвергать культъ ихъ), это тоже, что любить Бога, котораго не видимъ, и не любить ближняго, котораго видимъ. Удаленіе отъ отцовъ, отреченіе отъ культа предковъ, заключаетъ въ себѣ нарушеніе вѣрности не отцамъ только, но и Богу отцовъ. При отдѣленіи отъ отцовъ невѣрность, вѣроломство, прикрывается вѣрою въ Бога (Матѳ. XV, 5 и 6—«Если кто скажетъ отцу или матери: даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, тотъ можетъ и не почитать отца своего или мать свою»). Сословіе, въ которомъ совершается замѣна культа предковъ вѣрою только въ Бога, есть ученое сословіе, не сознающее, что эта замѣна есть измѣна. Задавая себѣ вопросъ о происхожденіи вѣры въ Бога, это сословіе не признаетъ, или не догадывается, что самый вопросъ происходитъ отъ невѣрности отцамъ: говорить о происхожденіи вѣры въ Бога, значитъ предполагать, что въ началѣ не было вѣры, что человѣкъ созданъ невѣрующимъ. Слѣдуетъ говорить о происхожденіи не вѣры, а невѣрія, которое рождается отъ измѣны. Но и одна только вѣра, вѣра сама по себѣ, свидѣтельствуетъ объ отдѣленіи мысли отъ дѣла, отъ жизни.

Истинная религія-одна, это культъ предковъ и при томъ всемірный культъ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца, неотдѣлимыхъ отъ Бога Тріединаго и несливаемыхъ съ Нимъ, въ Коемъ обожествлена неотдѣлимость сыновъ и дочерей отъ отцовъ и несліянность ихъ съ ними. Огра-

ниченіе всемірности есть уже искаженіе религіи, свойственное не языческимъ только религіямъ, чтущимъ отцовъ, или боговъ, своего только народа (языка),—которыя при соединеніи, легко, впрочемъ, усваиваютъ и боговъ чуждыхъ,-но и тѣмъ христіанскимъ религіямъ, которыя ограничиваютъ спасеніе предками, принявшими лишь крещеніе. Отдѣленіе нашихъ праотцевъ отъ Бога Тріединаго, есть такое же искаженіе, какъ и ограниченіе всемірности религіи. Такое отдѣленіе свойственно протестантамъ, деистамъ и, вообще, тѣмъ, Богъ коихъ не принимаетъ молитвъ сыновъ за отцовъ. Культъ предковъ, или мертвыхъ, состоитъ въ представленіи ихъ живыми или, вѣрнѣе, въ оживленіи ихъ чрезъ сыновъ никогда неумирающимъ Отцомъ всѣхъ; оживленіе это, конечно, не дѣйствительно, пока царствуетъ розпь и знаніе отдѣлено отъ дѣла. Нѣтъ другихъ религій, кромѣ культа предковъ; всѣ же другіе культы суть только искаженія (идоло-латрія) или отрицаніе (идео-латрія) истинной религіи; къ такимъ искаженіямъ относится и еврейство, какъ самое исключительное ограниченіе всемірности культа предковъ. Обращать эти искаженія въ особыя религіи, значитъ допускать возможность существованія болѣе, чѣмъ одной религіи, т. е. это будетъ полнымъ отрицаніемъ религіи. Терпимость, говорящая, что всѣ религіи истинны, показываетъ полнѣйшее равнодушіе, т. е. признаетъ ненужность религіи. Возможно-ли допустить культъ вещей, природы, слѣпыхъ силъ, которыя должны быть лишь средствомъ воскрешенія предковъ?...

Въ годовомъ церковномъ кругу праздниковъ заключается полный курсъ воспитанія сыновъ; въ эти праздники учащіеся обязанностямъ гражданина и человѣка, т. е. обязанностямъ юридическаго и экономическаго свойства, освобождаются отъ ученія, а служащія дѣламъ юридическимъ и экономическимъ освобождаются отъ службы; въ эти праздники совершается возвращеніе сердецъ сыновъ къ отцамъ, или къ культу предковъ, какъ къ единой истинной религіи, къ единой истинной жизни, которая освободитъ всѣхъ отъ будничной работы, замѣнитъ ее отеческимъ дѣломъ, метеорическою регуляціею, которая будетъ началомъ всемірной регуляціи. Приводя въ подтвержденіе этой истины, (того,—что религія есть культъ предковъ), свидѣтельство самого Бога, называющаго себя Богомъ отцовъ, (Примѣчаніе 2-ое), мы не имѣемъ права ни отдѣлять Бога отъ нашихъ отцовъ, или отцовъ отъ Бога, ни сливать ихъ съ Нимъ, т. е. допускать поглащеніе ихъ, (что означало бы сліяніе Бога съ природою), не имѣемъ права также и ограничивать кругъ отцовъ своимъ лишь родомъ или расою. Въ ученіи о Тріединомъ Богѣ обожествлена, кромѣ универсальности, каѳоличности, и нераздѣльность отцовъ отъ Бога, и несліянность ихъ съ Нимъ; т. е. въ Немъ, въ Тріединствѣ, осуждается, кромѣ сепаратизма, раскола, и **деизмъ**, отдѣляющій Бога отъ отцовъ, и **пантеизмъ**, сливающій его съ отцами, которые, оба, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ деизмъ, такъ и пантеизмъ, приводятъ къ атеизму, т. е. къ признанію слѣпой силы, къ поклоненію и служенію ей. Поклоненіе предполагаетъ обожествленіе слѣпой силы, признаніе ея живою; но если такое признаніе и обожествленіе существуетъ, то это не религія,

а искаженіе ея (Примѣчаніе 3-е); настоящее же служеніе слѣпой силѣ есть прямое отрицаніе религіи и оно выражается какъ въ земной технологіи (мануфактура), такъ и въ адской (прикладной къ военному дѣлу, къ дѣлу истребленія). Отрицаніе религіи состоитъ не въ истинномъ или добромъ, а въ зломъ употребленіи слѣпой силы, въ подчиненіи ей подъ видомъ господства надъ нею, въ подчиненіи ей и въ половомъ подборѣ (въ мануфактурѣ) и въ естественномъ подборѣ (истребленія разнаго рода). Служеніе Богу отцовъ состоитъ въ обращеніи слѣпой, смертоносной силы, путемъ регуляціи, въ живоносную. Регуляція, въ противоположность эксплоатаціи и утилизаціи природы, т. е. въ противоположность расхищенію ея блудными сынами ради женъ, приводящему къ истощенію и смерти, регуляція ведетъ къ возстановленію жизни. Не одно только идолопоклонство составляетъ искаженіе религіи, мыслепоклонство, или идеолатрія, есть также ея искаженіе; философія же, какъ произведеніе отдѣлившагося отъ другихъ сословія ученыхъ есть наибольшее искаженіе религіи.

Если религія есть культъ предковъ, или совокупная молитва всѣхъ живущихъ о всѣхъ умершихъ, то въ настоящее время нѣтъ религіи, ибо при церквахъ нѣтъ уже кладбищъ, а на кладбищахъ, на этихъ святыхъ мѣстахъ царствуетъ мерзость запустѣнія. Это запустѣніе кладбищъ, казалось, и должно бы было вызвать вниманіе живущихъ въ той мѣстности, въ той части города, съ которой на извѣстномъ кладбищѣ погребаются умершіе; живущіе въ этой мѣстности должны бы были сдѣлать его мѣстомъ собранія, совѣщанія, постояннаго попеченія о возстановленіи его, во всей цѣлости, полнотѣ и смыслѣ, нарушенныхъ забвеніемъ отцовъ и неравенствомъ сыновъ; т. е. это значитъ—создать на кладбищѣ музей со школой, ученіе въ коей было бы обязательно для всѣхъ сыновъ и братьевъ, которыхъ отцы, матери и братья погребены на этомъ кладбищѣ. И чѣмъ мы, носящіе образъ Бога, у Котораго нѣтъ мертвыхъ, чѣмъ мы можемъ уподобиться Ему, имѣя предъ собою могилы? Если религія есть культъ мертвыхъ, то это не значитъ почитаніе смерти, напротивъ, это значитъ объединеніе живущихъ въ трудѣ познаванія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ трудѣ обращенія ея въ живоносную. Для кладбищъ, какъ и для музеевъ, недостаточно быть только хранилищемъ, мѣстомъ храненія; и отъ того, что кладбища обратились въ мѣста лишь храненія, на нихъ, на этихъ святыхъ мѣстахъ и царствуетъ мерзость запустѣнія, т. е наступило уже то, что должно быть послѣ проповѣданія Евангелія всѣмъ народамъ, какъ признакъ наступленія конца... На кладбищахъ рушатся не только гордые памятники богатыхъ, но и могилы бѣдняковъ сравниваются съ землею, уничтожаются, въ чемъ, конечно, и выражается нынѣшнее отношеніе сыновъ къ отцамъ... Кладбищенскіе священники и левиты ежедневно видятъ это разрушеніе и проходятъ мимо, и были бы не въ силахъ, конечно, противодѣйствовать этому разрушенію, если бы даже и желали, если бы даже всѣ средства употребляли на это. Что же нужно дѣлать? Запустѣніе кладбищъ есть естественное слѣдствіе упадка родства

и превращеніе его въ гражданство; законъ предоставляетъ, вѣроятно, родственникамъ заботу о сохраненіи памятниковъ и не вмѣняетъ въ обязанность священникамъ и, вообще, кладбищенскому начальству попеченіе о нихъ; кто же долженъ заботиться о памятникахъ, заниматься ими, кто долженъ возвратить сердца сыновъ отцамъ? Кто долженъ возстановить смыслъ памятниковъ, утраченный благодаря неравенству, проникшему даже въ царство смерти? Конечно, нуженъ музей и именно со школою; но археологи тоже, кажется, равнодушны къ судьбѣ кладбищенскихъ памятниковъ, ибо археологія, какъ и всякая наука, бездушна и можетъ одушевиться только на кладбищѣ-же.

Какой же врагъ разрушаетъ эти памятники? Со стороны людей здѣсь только равнодушіе; разрушителемъ же является та же сила, которая носитъ въ себѣ голодъ, язву и смерть; она производитъ и разрушеніе, гніеніе, тлѣніе, и производитъ это, какъ слѣпая сила, т. е. она жизнью же наноситъ смерть по своей слѣпотѣ. Для спасенія кладбищъ нуженъ переворотъ родикальный, нужно центръ тяжести общества перенести на кладбище, т. е. кладбище сдѣлать мѣстомъ собранія и безвозмезднаго попеченія той части города, или вообще мѣстности, которая на немъ хоронитъ своихъ умершихъ. И наукѣ нужно будетъ тогда сдѣлать выборъ между выставкою и кладбищемъ, между комфортомъ и призывомъ всѣхъ къ труду познаванія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, къ труду обращенія ея въ живоносную. Останется ли **домъ ученыхъ** (Академіи, Музей) пустъ, какъ они сами то предсказываютъ, или же они найдутъ свое сокровище на кладбищѣ? Въ послѣднемъ случаѣ, создавая музей на кладбищѣ, и переходя подъ защиту пятаго сословія, сельскаго, живущаго у могилъ отцовъ, наука и ученые станутъ руководителями въ построеніи памятниковъ, и въ видахъ не сохраненія только ихъ: могилы сдѣлаются поминальными трапезами, согласно употребленію, которое дѣлаютъ изъ нихъ темные люди, бѣдняки, 5-е сословіе, и не будутъ загромождаться памятниками, не будутъ ставиться подлѣ этихъ священныхъ столовъ, могилъ, столики, какъ это дѣлается у богатыхъ по невѣдѣнію. Если истинная наука ограничитъ памятникъ крестомъ, поставленнымъ передъ могилою съ лицевымъ изображеніемъ у подножія креста погребеннаго съ его дѣяніями, представленными символически, то этимъ она не ограничитъ содержанія памятника, а безпредѣльно расширитъ его; въ такихъ памятникахъ будетъ много умственной, сердечной работы.—Снимки съ лицевыхъ изображеній, собранные и помѣщенные подъ общій крестъ, обнимающій ихъ своимъ подножіемъ, т. е. Голгоѳою, составляетъ лицевой синодикъ, музейскій иконостасъ, замѣняющій портретную галлерею; это соборъ всѣхъ (мѣстныхъ) умершихъ отцовъ, требующій собора всѣхъ живущихъ сыновъ и научающій ихъ тому, что нужно дѣлать; ибо музей, подражая храму, во входной части будетъ изображать апокалипсическую притчу (страшный судъ), указывающую на будущее, на то, что будетъ, если не произойдетъ полнаго объединенія, если знаніе останется безучастнымъ къ бѣдствіямъ,

производящимъ рознь. Это вопросъ о небратствѣ и голодѣ, какъ слѣдствіи расхищенія слѣпой силы природы. Въ другой же, передней части музея, будетъ изображено не прошедшее только, какъ оно было (исторія какъ фактъ), но и будущее, т. е. то, что будетъ, если осуществится объединеніе (исторія какъ проектъ). Вокругъ креста, осѣняющаго Голгоѳу, съ отцами, ожидающими орошенія животворящею кровью, какъ и кругомъ всего историческаго музея, будетъ музей естествовѣдѣнія (вышка), изучающій слѣпое естество для обращенія его въ живоносное. Такимъ образомъ кладбищенскій музей будетъ только совокупнымъ памятникомъ всѣмъ умершимъ съ комментаріемъ на пророчества о кончинѣ міра, поясняющія необходимость собиранія къ этому памятнику всѣхъ еще живущихъ; онъ будетъ истинновсемірнымъ, ибо и крестъ есть символъ, существующій у всѣхъ народовъ. Перенести школы къ могиламъ отцовъ, къ ихъ общему памятнику, музею, значитъ пересоздать школы; въ этомъ царствѣ смерти и тлѣнія нѣтъ мѣста для сознанія мнимаго достоинства, внушаемаго нынѣшней школой; предъ общимъ сходствомъ, смертностью, и огромное несходство въ умѣ и познаніи не будетъ казаться превосходствомъ. Такое перенесеніе школъ будетъ поворотомъ отъ города къ полю, къ селу, поворотомъ, который будетъ вынужденъ голодомъ, язвою и, вообще, смертью, если долгъ окажется для этого недостаточнымъ. Подъ вліяніемъ этихъ же бѣдствій кладбищенскій музей будетъ расти, а запустѣніемъ будутъ поражены жилища роскоши, которыя будутъ превращаться въ службы музея; кладбищенскій же храмъ станетъ соборнымъ для приходскихъ церквей своего участка, ибо литургія и пасха настоящее значеніе имѣютъ только на кладбищѣ. Храмы внѣ кладбищъ, это такое же выраженіе угодливости къ желающимъ забыть смерть, какъ поздніе обѣдни, веселый благовѣстъ коихъ замѣнилъ протяжный благовѣстъ раннихъ обѣдень, призывающій къ поминовенію умершихъ; самое паминовеніе въ поздней литургіи сокрыто, а, между тѣмъ, религія есть именно совокупная молитва всѣхъ живущихъ о всѣхъ умершихъ, являемая въ словѣ и дѣлѣ всеотеческомъ.

Кладбище представляетъ обширное поле со множествомъ столовъ-могилъ (престолъ съ частицею мощей въ антиминсѣ представляетъ также могилу), приглашающихъ къ трапезѣ объединенія для совершенія того дѣла, которое всѣ памятники, отъ малыхъ до великихъ, созданные самими вѣрующими, представляютъ искусственно; ибо всѣ памятники изображаютъ тотъ моментъ, когда головы потомковъ Адама, выступившія изъ земли, ждутъ орошенія животворящею кровью, чтобы ожить и востать. Если же черепа внизу распятія замѣнить лицевыми изображеніями, то освѣщенныя въ моментъ попранія смерти смертью Христа они, лицевыя изображенія, представятъ самое воскрешеніе. Внѣ же кладбищъ связь всеобщаго воскрешенія съ воскресеніемъ Христа вовсе не замѣтна.

Впрочемъ, чтобы не преувеличить царствующаго на кладбищахъ запустѣнія, должно сказать, что есть могилы, на которыхъ очевидна забота живыхъ объ умершихъ; на нѣкоторыхъ посажены цвѣты, на другихъ по-

ложены вѣнки, а есть и такія, въ кресты которыхъ врѣзаны фонарики съ теплящимися лампадками. Что же касается заграничныхъ кладбищъ, то если бы тамъ и вовсе не оказалось запустѣнія, это нужно приписать (въ городахъ по крайней мѣрѣ) не чувству, не сердцамъ, а общей полицейской выправкѣ, не терпящей безпорядка вообще, а главное, желанію замаскировать смерть, подбѣлить, подрумянить ее. Разрушеніе же нашихъ кладбищъ нужно приписать и бѣдности, и переселенію родственниковъ умершихъ, и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Все это, однако, не уничтожаетъ кладбищенскаго вопроса; цвѣтки, вѣнки, фонарики не разрѣшаютъ его какъ не разрѣшаетъ его и фарисейское отношеніе Запада къ умершимъ; недостаточно и миѳологическаго рѣшенія этого вопроса.

Помѣстить центръ протяженія внѣ города, значитъ положить починъ перемѣщенію самого города въ село. Внѣградское положеніе особенно важно для естественныхъ музеевъ, для изученія слѣпой, смертоносной силы. Кладбищенская церковь изъ послѣдней должна сдѣлаться первою, стать соборною для приходскихъ церквей каждой части города, каждой мѣстности, ибо и литургія, и пасха, какъ это сказано, имѣютъ смыслъ лишь на кладбищахъ. И такое положеніе кладбищенскихъ церквей будетъ началомъ возстановленія религіи; если же при городскихъ церквахъ не можетъ быть кладбищъ, то это значитъ, что нужно отказаться или отъ религіи или отъ городовъ. Такое перемѣщеніе центра находится въ связи и съ всеобщею воинскою повинностью, переходящею отъ городской къ сельской, отъ борьбы съ себѣ подобными къ регуляціи слѣпой, смертоносной силы. Перемѣщеніе это находится также въ связи и съ объединеніемъ съ другими народами, начиная съ Французовъ. Объединеніе должно начаться не со Славянами, а при нынѣшнихъ (1891 г.) отношеніяхъ народовъ, съ Франціею; только ни выставка, ни посѣщеніе флотовъ не могутъ считаться началомъ дѣйствительнаго объединенія, началомъ его можетъ быть лишь обмѣнъ произведеніями ума и съѣзды по вопросу объ изученіи, посредствомъ войска, дѣйствія взрывчатыхъ веществъ на атмосферическія явленія, а равно и всякихъ другихъ способовъ дѣйствія на эти явленія, а также учрежденіе постояннаго института для взаимнаго изученія, какъ органа непрерывнаго сближенія. Разсчитывать же на то, что сближеніе совершится само собою, благодаря слѣпому ходу исторіи, было бы и безнравственно и неразумно.

Признавъ, что обмѣнъ произведеніями ума гораздо нужнѣе для сближенія, чѣмъ обмѣнъ произведеніями рукъ (хотя бы и такихъ искусныхъ, какъ французскія, какими показали онѣ себя на выставкѣ) должно признать также, что для тѣснѣйшаго соединенія недостаточно и одного знанія, вытекающаго изъ умственнаго обмѣна. Для этого необходимо еще дѣйствіе, и дѣйствіе совокупное; но только это дѣйствіе не должно быть войною, хотя бы и съ ученою Германіею, представительницею бездѣйственнаго, чистаго знанія и знанія прикладного къ милитаризму. Неурожай 1891 года, происшедшій не отъ соціальныхъ причинъ, а отъ метеорическихъ,

(такъ что онъ оказался менѣе тяжкимъ въ мѣстахъ наиболѣе грѣшныхъ въ соціально-историческомъ отношеніи, каковы Московская и Петербургская губерніи), этотъ страшный метеорическій погромъ указываетъ, куда должно быть направлено совокупное дѣйствіе; а увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ опытъ произведенія искусственнаго дождя посредствомъ артиллерійскаго огня, или, вообще, огненнаго боя, посредствомъ взрывчатыхъ веществъ (Русск. Вѣд. 1891 г. № 232-й, письмо Макъ-Гахана) даетъ новое великое назначеніе всйску, дѣлающее ненужнымъ разоруженіе, ибо орудіе истребленія себѣ подобныхъ превращается въ орудіе спасенія, обращая слѣпую, неподобную себѣ силу изъ смертоносной въ живоносную. Такимъ образомъ, обмѣнъ твореніями мысли, сопровождаемый дружескимъ обмѣномъ изображеніями самихъ творцовъ, портретами ихъ, долженъ привести къ непосредственному обмѣну мыслей, лицомъ къ лицу, людей знанія для выработки плана всеобщаго объединенія всѣхъ народовъ въ дѣлѣ регуляціи слѣпой силы, въ томъ дѣлѣ, отсутствіе котораго и было причиною неурожая 1891 г. Объединеніе же всѣхъ народовъ сдѣлаетъ ненужнымъ всякое насильственное присоединеніе или удерживаніе подъ властью; въ этомъ и смыслъ девиза, начертаннаго на Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, «non solum armis.» Въ этомъ дѣлѣ необходимъ не только умъ, но и чувство, а потому ученое сословіе станетъ органомъ не мысли только, но и чувства, т. е. не будетъ уже сословіемъ, для коего чужды общія людскія страданія.

Ничто не свидѣтельствуетъ такъ о равнодушіи мыслящаго, или ученаго, сословія ко всеобщимъ бѣдствіямъ, какъ вопросъ о неурожаяхъ. Съ самаго изобрѣтенія пороха стало извѣстно, или было замѣчено, что всѣ большія битвы сопровождались ливнями, и не съ 1891 года только извѣстны неурожаи отъ бездождія, а между тѣмъ, нужно было полтысячи лѣтъ, чтобы былъ произведенъ сколько-нибудь серьезный опытъ съ порохомъ въ видахъ вызыванія дождя; до такой степени ученые равнодушны къ голодающему люду!... Ученые обожали даже ту слѣпую силу, которая носитъ въ себѣ голодъ, язву и смерть, т. е. природу. И развѣ это благое просвѣщеніе, - такое обожаніе слѣпой силы?.. А между тѣмъ, динамиты, мелиниты, робуриты и т. д., задуманные учеными для взаимнаго истребленія, могутъ быть обращены на спасеніе отъ голода и избавленіе отъ войны; и только это и есть то просвѣщеніе, которое **благо**, просвѣщеніе же, задуманное на пагубу, — благимъ названо быть не можетъ.

Пока исторія ограничивалась берегами морей и океановъ, т. е. пространствами, подверженными вліянію ихъ, (къ коимъ, небо можно сказать, благосклонно, не посылая имъ ни сильнаго зноя, ни чрезвычайнаго холода, ни ливней, ни засухъ), до тѣхъ поръ трудъ человѣческій былъ обращенъ исключительно къ землѣ, а не къ небу, и при томъ къ отдѣльнымъ частямъ земли, а не къ землѣ, какъ къ цѣлому, и тогда господствовала рознь, ибо единство можетъ быть найдено только въ небѣ, въ солнечной силѣ, дѣйствующей въ метеорическихъ процессахъ, **въ регуляціи этою**

силою. Когда же континентальныя страны, освободясь отъ вліянія океаническихъ, станутъ самостоятельными дѣятелями, осмѣлятся быть ими, т. е. выступятъ на историческое поприще, тогда эти континентальныя страны, на кои небо посылаетъ то сильную жару, то чрезмѣрную стужу, то ливни, то засухи, поймутъ необходимость метеорической регуляціи и найдутъ въ ней единство, дѣло, **общее дѣло**. Когда же къ неблагопріятному вліянію климата присоединится истощеніе земли, тогда обратятъ вниманіе, поймутъ значеніе земли, какъ небеснаго тѣла, и значеніе небесныхъ тѣлъ, какъ земныхъ силъ, поймутъ, откуда истощенная земля можетъ и должна почерпать силу; поймутъ, что земля, отдѣленная отъ другихъ небесныхъ тѣлъ, можетъ носить только смертныхъ, и потому необходимо должна быть кладбищемъ, должна все болѣе и болѣе дѣлаться имъ. Поймутъ тогда и то, должно ли знаніе земли, какъ небеснаго тѣла, и небесныхъ тѣлъ, какъ земель, оставаться празднымъ знаніемъ. Въ океаническихъ странахъ забывается о землѣ, какъ кладбищѣ отцовъ, или же сокрушеніе о смерти отцовъ превращается въ патріотизмъ, въ гордость; забывается и о собственной смертности; братство разрушается, а комфортъ становится цѣлью жизни. Океаническія страны, какъ блудные сыны, цѣнятъ разъединеніе, считая его освобожденіемъ, а преобладаніе замѣняетъ для нихъ объединеніе. Смотрѣть на землю какъ на жилище, а не какъ на кладбище, значитъ прилѣпиться къ женѣ и забыть отцовъ, а всю землю обратить въ комфортабельное обиталище (гнѣздо), т. е. это значитъ—смотрѣть на нее, какъ на земное, а не какъ на небесное тѣло, хотя и отдѣленное еще отъ другихъ, подобныхъ ему земныхъ и въ тоже время небесныхъ тѣлъ, но лишенныхъ разумныхъ обитателей. Смотрѣть же на землю, какъ на кладбище, значитъ обратить силы, получаемыя землею отъ небесныхъ тѣлъ, на возвращеніе жизни отцамъ, на обращеніе небесныхъ тѣлъ въ жилища и на объединеніе небесныхъ пространствъ.

Пока у наиболѣе континентальной страны Западная (Петербургъ-Одесса) и Восточная (Николаевскъ-Владивостокъ) окраины, крайній сѣверо-западный пунктъ, у незамерзающаго залива Рыбачьяго полуострова, (Примѣчаніе 4-е), и крайній юго-восточный пунктъ, на Великомъ океанѣ, будутъ находиться не въ прямомъ, а въ такомъ окольномъ сообщеніи, какъ нынѣшнее кругосвѣтное, до тѣхъ поръ океаническая часть міра будетъ имѣть рѣшительное преобладаніе надъ континентальною. Но какъ только эти окраины соединятся прямою, сухопутною, желѣзною дорогою, перевѣсъ перейдетъ къ континентальной сторонѣ; и этотъ перевѣсъ, вопреки такихъ названій, какъ Влади-Востокъ, Влади-Кавказъ и пр. будетъ не властью надъ другими народами, а объединеніемъ всѣхъ ихъ, ибо центры, Константинополь и Памиръ, лажатъ не въ континентальной странѣ, а между ею и океанической полосой. При этомъ, быть можетъ, откроется возможность дѣйствія на землю, какъ на нѣчто цѣлое: трансконтинентальная дорога вызоветъ необходимость трансъокеаническаго телеграфа чрезъ Великій океанъ, и тогда этотъ послѣдніи замкнетъ уже существующій трансконти-

нентальный телеграфъ и образуетъ съ нимъ первое электрическое кольцо кругомъ земного шара. Будетъ ли это кольцо электризоваться дѣйствіемъ магнетизма земного шара? А рядъ такихъ колецъ, въ видѣ спирали, не окажетъ ли какого дѣйствія на землю, какъ на естественный магнитъ? Не будутъ ли эти кольца оказывать дѣйствіе на грозовое, или облачное, кольцо (поясъ тишины и грозъ), какъ на метеорическій экваторъ; нельзя ли будетъ посредствомъ нихъ управлять перемѣщеніями этого пояса?, или же не станетъ ли въ основу метеорическаго аппарата,—(обнимающаго всю землю для регуляціи метеорическимъ процессомъ земной планеты), кругоземная проволока, поддерживаемая аэростатами съ громоотводами въ грозовомъ экваторѣ? .. И, наконецъ, возможна ли будетъ война, когда урожай въ каждой странѣ будетъ зависѣть отъ дѣйствія аппарата, обнимающаго всю землю и управляемаго всѣми?... Эти и подобные имъ частные вопросы входятъ въ общій о дѣйствіи объединяющагося въ этомъ дѣлѣ рода человѣческаго на всю землю, какъ цѣлое. Полагаемъ, что употребленіе кругосвѣтныхъ телеграфовъ съ этою цѣлью,—если только это возможно, —несомнѣнно и безконечно важнѣе, чѣмъ передача торговыхъ телеграммъ...

Кругосвѣтныя сообщенія, сухопутныя и океаническія, паровозныя, пароходныя и другія, требуютъ силы, для добыванія которой недостаточно запасовъ солнечной теплоты, скопленныхъ земною планетою въ прежнія времена, въ видѣ каменнаго угля, торфа и т. п., недостаточно одной земной силы; для поддержанія единства, общенія между обитателями земли нужно обратиться къ непосредственному источнику, производящему нынѣ бури, ураганы и т. п. Объединенный на всей землѣ человѣческій родъ станетъ сознаніемъ земной планеты, сознаніемъ ея отношеній къ другимъ небеснымъ мірамъ.

Расхищеніе лѣсовъ грозитъ также и Америкѣ, подобно Россіи, засухами и ливнями, т. е. тѣмъ самымъ, чѣмъ Австралія уже страдаетъ по природѣ своей страны, и чѣмъ объясняется чрезвычайное колебаніе въ вывозѣ хлѣба изъ этой части свѣта. Китаю Тибетъ грозитъ наводненіями, а степь —засухами; Южная Африка страдаетъ отъ излишней влаги, а Западная — отъ безводія. Все это требуетъ, или, вѣрнѣе, вопіетъ о регуляціи, и по видимому, приходитъ время, когда сами обстоятельства вынудятъ, наконецъ, континентъ выступить на историческое поприще и внести въ общую жизнь и свое; а своимъ для континента можетъ быть только регуляція.

2. а) Испытаніе вѣръ должно привести къ культу предковъ, а военно-обязательное государство должно стать регуляціею, управленіемъ слѣпою, смертоносною силою, которая умертвила нашихъ отцовъ, предковъ, и, такимъ образомъ, обращеніе умершвляющей силы въ живоносную будетъ означать возвращеніе жизни отцамъ.

Настоящій отдѣлъ вопроса о братствѣ можетъ быть названъ продолженіемъ или возобновленіемъ стародавняго испытанія вѣръ, начатаго еще до Владиміра Святого и вызываемаго самимъ положеніемъ нашимъ между Западомъ и Востокомъ, постоянными столкновеніями нашими съ новоязы-

чествомъ (Западомъ) и съ новоіудействомъ (магометанскимъ Востокомъ), а иногда и торжествомъ того и другого надъ нами; такъ что отказаться отъ этого испытанія, не думать о немъ, мы не можемъ, если бы даже и хотѣли... Мы не можемъ не думать объ этомъ вопросѣ, объ отношеніи къ Востоку и Западу, и потому, что даже внутри Россіи, въ самой глуши, во всякомъ мѣстѣ встрѣчаемъ нѣмца-барина и князя или купца татарина, а между собою чувствуемъ повсюду рознь. Возобновленіе испытанія вѣръ, которое есть вмѣстѣ и воспитаніе, можетъ быть лишь попыткою окончить, наконецъ, это испытаніе, чтобы приступить къ дѣлу. Московская Русь не испытывала чужихъ вѣръ, потому что ея собственная вѣра, неотдѣлимая отъ жизни, подверглась испытанію и выдержала его. Создавъ Лавру во имя Троицы, которая способствовала и собственному объединенію, и освобожденію отъ татаръ, а также отраженію и Запада, Московская Русь, быть можетъ, и не думала, а только чувствомъ постигала, что въ **Троицѣ несліянной** заключается обличеніе Ислама, а въ **Троицѣ нераздѣльной** — обличеніе Запада и его розни. Московское государство, это обязательно-сторожевое государство, строго державшееся душеприказчества и слабо исполнявшее долгъ воспреемничества, долгъ просвѣщенія, безъ исполненія котораго однако и само душеприказчество, въ смыслѣ даже сохраненія лишь памяти о предкахъ, оказывается безплоднымъ. Петербургское государство, хотя и продолжавшее сторожевую службу, но равнодушное къ душеприказчеству, разрушившее обязательность сторожевой службы (вольности дворянства), признало, однако, долгъ воспреемничества, т. е. просвѣщенія, но такого, которое разрушило почтеніе къ отцамъ, вытѣснило память о предкахъ и исключило душеприказчество... Между Петербургомъ и Москвою такое же противорѣчіе, какое между свѣтскимъ и духовнымъ, между знаніемъ и вѣрою. С.-Петербургъ — западникъ, или новоязычникъ, протестантскій или католическій союзникъ Ислама, т. е. приверженецъ ново- и старо-іудейства, а въ настоящее время, главнымъ образомъ, необуддистъ. Петербургъ въ матеріяльномъ смыслѣ есть крѣпость, зашищающая насъ отъ Запада, а въ духовномъ—онъ крѣпость, господствующая надъ нашими душами, подавляющая ихъ вмѣсто испытанія, (т. е. воспитанія).

б) Говоря объ испытаніи вѣръ, мы принимаемъ слово «**вѣра**» не въ новомъ, нынѣшнемъ, учено-сословномъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ какихъ-либо представленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, при чемъ принятіе новой вѣры означало бы перемѣну лишь въ мысляхъ, усвоеніе лишь новой мысли. Слово «**вѣра**» принимается здѣсь въ смыслѣ старомъ, народномъ, ибо русскій, какъ и всякій, вѣроятно, народъ, какъ и самъ Владиміръ, искали и ищутъ не знанія или догмата, а дѣла, которое безъ обязательства, безъ обѣщанія исполнить его не могло быть и принято. Таковъ и есть смыслъ и значеніе слова «**вѣра**»; «**вѣра**» въ старину значило **клятвенное обѣщаніе**. Символъ вѣры, въ его самомъ краткомъ видѣ, есть послѣднее слово Христа на землѣ, т. е. завѣщаніе; символъ вѣры есть завѣтъ второго Адама, подтверждающій завѣтъ перваго, сохранявшійся въ видѣ культа пред-

ковъ. Въ крещеніи заключается отреченіе отъ старыхъ дѣлъ, или ересей, и исповѣданіе символа вѣры, въ которомъ дается подъ видомъ вѣры въ Тріединаго Бога, обѣтъ исполнить общее изначальное дѣло, а муропомазаніе есть посвященіе въ самое дѣло, т. е. сошествіе Св. Духа, или откровеніе сынамъ объ ихъ отношеніи къ отцамъ. Въ настоящемъ отдѣлѣ записки по вопросу о братствѣ и заключается,—(подъ видомъ испытанія двухъ крайностей, новоязыческой западной розни и новоіудейскаго магометанскаго насилія, гнета, господства) отреченіе отъ всѣхъ ересей, считающихъ себя особыми религіями, и которыя всѣ умѣщаются между этими двумя крайностями, кромѣ, впрочемъ, буддизма, который вовсе не вѣра, не дѣло, а лишь сомнѣніе (философія) во всѣхъ и вовсемъ, бездѣйствіе, отреченіе, отчужденіе отъ всѣхъ и отъ всего, отъ Бога, отъ людей, отъ природы, отъ самого себя, словомъ, полное уничтоженіе. Обѣ вышеуказанныя крайности, іудейство и язычество, какъ уклоненіе отъ царственнаго пути, въ концѣ концовъ сходятся и одинаково разрѣшаются въ бездѣйственный, невозможный по цѣли своей буддизмъ, или въ буддійскій абсурдъ, съ которымъ однимъ, можетъ быть, мы будемъ имѣть, наконецъ, дѣло, т. е. съ буддизмомъ Индо-Китайскимъ, Тибетскимъ, поддерживаемымъ Западомъ Европы и Америкою. Пренебрегать буддизмомъ, конечно, нельзя, ибо безуміе есть также сила, и борьба съ нимъ можетъ быть не полемикою только, но и войною..

Что же касается новобуддизма, то это ученіе есть еще менѣе религія и еще болѣе философія; оно думаетъ объединить людей, не обращая вниманія на такія пустяки, какъ различіе расы, вѣроисповѣданія, (т. е. даже безъ положительнаго единомыслія), пола, цвѣта и образа жизни; словомъ это одна изъ попытокъ устроить братство, необращая вниманія на причины розни, т. е. на коренныя причины небратства.. «Буддистъ», говоритъ Бюрнуфъ, «не молится Буддѣ, онъ размышляетъ надъ могилою учителя и кладетъ цвѣтокъ предъ его изображеніемъ»... Вотъ чѣмъ разрѣшается это размышленіе, вотъ плодъ глубокихъ думъ Буддизма...

Христіанство занимаетъ центръ между вышеозначенными крайностями, точно также какъ православіе, которое есть печалованіе, или сокрушеніе, о протестантской розни и католическомъ игѣ занимаетъ центръ самого христіанства, и при томъ центръ не покоя, а дѣятельности, ибо сокрушеніе есть не равнодушіе, или индеферентизмъ, нетерпимость, или толерантизмъ, узаконеніе розни, но и нереволюціонный фанатизмъ, а приглашеніе къ дѣлу, устраняющему самые поводы ко враждѣ, къ возстанію, къ гнету. Печалованіе, хотя оно и міровая скорбь, но скорбь не буддійская, жаждущая уничтоженія, а христіанская, требующая возстановленія уничтоженнаго.

в) Къ настоящему параграфу можно бы было поставить эпиграфомъ: «Скажи мнѣ, кто твой Богъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ;» и наоборотъ, если извѣстно, кто ты таковъ, то можно сказать и кто твой богъ. Но это критерій лишь знанія, а не дѣла Божія; намъ-же важно и необхо-

огромная церковь. Всѣ поражались, что такой великолѣпный храмъ выстроенъ въ четыре года безъ всякихъ денежныхъ взносовъ, а трудомъ прихожанъ, – трудомъ нисколько не обременительнымъ, оживленнымъ, краткимъ. Примѣру Каширянъ послѣдовали кр-не пос. Бирюченскаго. Каширяне были очень благодарны Аѳонину за его идею.—Всѣ работы на землѣ, отведенной подъ общественную запашку, производились, большею частью, въ праздничные дни и представляютъ большое сходство съ помочами и толоками, даже съ самымъ построеніемъ обыденныхъ храмовъ; и, конечно, чѣмъ больше они будутъ представлять сходства съ сими послѣдними, какъ дѣломъ священнымъ, какъ-бы уже богослуженіемъ, тѣмъ совершеннѣе будетъ трудъ. Нужно не забывать, что храмы,—и это особенно видно на храмахъ обыденныхъ,—не зданія лишь, предназначенныя для **молитвеннаго собранія вѣрующихъ**, какъ выразился правительствующій сунодъ въ распоряженіи, которымъ воспрещается устройство въ самыхъ храмахъ памятниковъ и рѣшетокъ надъ погребенными въ нихъ (въ храмахъ),—а домы молитвы и даже **сама молитва**... По разсказамъ сына предпринимателя, иниціатора дѣла общественныхъ запашекъ на построеніе церквей,—хлѣбъ, собранный съ отведеннаго Каширцами на построеніе храма участка земли, свозился къ мѣсту будущаго храма; тутъ онъ складывался, тутъ и молотился помочью и толокою. Впрочемъ, послѣднее слово въ с. Каширскомъ и во всей той мѣстности совсѣмъ неизвѣстно... Въ общественныхъ запашкахъ, отводимыхъ на построеніе храмовъ, – сама земля, плодотворная ея сила, призывается на священное дѣло строенія храма, дома Божія; а если это будетъ храмъ-школа, въ такомъ случаѣ прахъ отцовъ, служа на построеніе храма Богу-отцовъ, или храма-музея, служилъ бы тѣмъ самымъ возвращенію сердецъ сыновъ къ отцамъ...

Въ настоящее время, когда въ проектѣ новаго устава о народномъ продовольствіи указываются, или допускаются, общественныя запашки, желательно, чтобы часть ихъ назначалась, или обращалась, на построеніе и содержаніе школъ храмовъ, и при томъ съ обѣщаніемъ поминовенія **особенно, изрядно**, всѣхъ участниковъ общественныхъ запашекъ и ихъ родителей, съ обѣщаніемъ поминовенія не именословнаго лишь, а въ видѣ сказанія объ общемъ дѣлѣ строенія и о большемъ или меньшемъ участіи каждаго въ этомъ дѣлѣ, а также и въ видѣ изображеній всѣхъ строителей храма въ молитвенномъ положеніи въ нижней его части подъ иконами святыхъ. Крестьяне, какъ говорятъ, весьма неохотно работаютъ на общественныхъ запашкахъ, предназначенныхъ для засыпки зерномъ общественныхъ магазиновъ на случай неурожаевъ, и потому очень важно дать хоть части этихъ работъ священное назначеніе, такъ что крестьяне, выѣзжая на работу, знали бы, что они своимъ трудомъ приносятъ жертву Богу. Такимъ назначеніемъ этой части освящались бы всѣ работы на общественныхъ запашкахъ, коихъ прямое назначеніе—обезпеченіе отъ неурожаевъ,—какъ часть санитарно-продовольственнаго вопроса, который долженъ-бы быть религіонизованъ, ибо хлѣбъ производится земледѣльцами, т. е. сынами, не для прокормленія лишь живущихъ, но и для поминовенія

умершихъ. Храмъ-домъ молитвы, потому и соединяется съ домомъ ученія и познаванія,—школою, потому что молитва приносится о томъ, чтобы Господь научилъ, открылъ намъ способы и средства спасенія отъ голода и язвъ, какъ слѣдствій нашихъ грѣховъ; и школа назначается не для ученія только, но и для расширенія области познанія, и не въ видахъ лишь знанія зла и добра, а въ видахъ искорененія перваго, т. е. **зла**, и водвореніе послѣдняго, т. е. **добра**. Введеніе общественныхъ запашекъ можетъ быть также однимъ изъ очень важныхъ средствъ приведенія въ исполненіе проекта повсемѣстнаго построенія храмовъ-школъ, къ пятисотлѣтію открытія мощей преп. Сергія.

И такъ оказывается, что не только не исчезъ духъ, проявлявшійся въ построеніи обыденныхъ храмовъ, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, возродилась и самая мысль о построеніи обыденнаго храма въ годъ пятьсотлѣтней памяти преп. Сергія, въ 1892 году. Эта мысль и не могла не возродиться въ то время, ибо только въ землѣ обыденныхъ храмовъ,—**этихъ памятниковъ единодушія и согласія,**—и могъ родиться и воспитаться великій чтитель Пресв. Троицы,—какъ образца единодушія и согласія,—построившій братскимъ трудомъ храмъ, который долженъ былъ служить зерцаломъ для введеннаго имъ общежитія. Духъ, одушевлявшій преп. Сергія, былъ тотъ же духъ, который созидалъ и обыденные храмы, и при чествованіи памяти пр. Сергія очень естественно было возродиться мысли и о построеніи обыденнаго храма... «Тако взыде на сердце гражданамъ еже создати алтарь имени Господню и сотвориша въ сердцахъ своихъ обѣщаніе»,—говорится въ сказаніи о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ; нѣчто подобное совершается и совершилось въ наше время, въ 1892 году: въ № 254-мъ Московскихъ Вѣдомостей этого года напечатана статья, предлагавшая создать обыденный храмъ при церкви Московскаго Румянцевскаго Музея пр. Сергія и Николая чудотворца,—чтителей Пресв. Троицы,—и создать этотъ храмъ во имя Пресв. Троицы. Предложеніе это было вызвано **съ одной стороны** желаніемъ видѣть во очію тотъ храмъ, который пр. Сергій съ братомъ воздвигъ Пресв. Троицѣ и который такъ живо описанъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ,—**а съ другой** и моровою язвою (холера), появившеюся тогда въ Москвѣ и во всей Россіи, и даже въ Западной Европѣ... Дѣлая такое предложеніе, авторъ статьи, между прочимъ, говорилъ: «Въ наше время, когда напряженно идетъ разработка соціальныхъ вопросовъ и горячая борьба изъ-за нихъ, когда умъ человѣческій въ томленіи мучается, ища и не находя въ своихъ созданіяхъ образца и руководства для общества,—да воздвигаются вновь храмы во имя Св. Троицы, всевышняго, всесвятѣйшаго, животворящаго, единаго, истиннаго первообраза для жизни общества». Къ сожалѣнію, мѣсто это было пропущено редакціею газеты. Не смотря, однако, на такой пропускъ, мысль, выраженная въ статьѣ (въ формѣ письма къ редактору), была встрѣчена, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми съ большимъ сочувствіемъ, другими же съ большимъ озлобленіемъ, и хотя начали было стекаться уже пожертвованія

для осуществленія этой мысли,—одно пожертвованіе было даже въ тысячу рублей,—но мысль, тѣмъ не менѣе, осуществлена не была. Противники постройки называли такой храмъ костромъ, намекая на опасность отъ пожара. Но если бы храмъ былъ построенъ, то, конечно, изъ дерева, пропитаннаго огнеупорнымъ составомъ; и такая постройка навела бы на мысль о необходимости пропитать огнеупорнымъ составомъ и вообще все деревянное въ музеѣ; и тогда пожаръ въ музеѣ 1896 г. сталъ бы невозможенъ, былъ бы предупрежденъ..

Спустя годъ, въ предисловіи къ «Сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ» (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1893 г. т. 166-й), опять упоминалось объ этой мысли и она получила еще большее развитіе: въ статьѣ 1892 г. говорилось—«да воздвигаются вновь храмы во имя Святой Троицы», а здѣсь указывалось уже на необходимость построенія въ память всероссійскаго чудотворца,—чтимаго и старообрядцами,—къ пятьсотлѣтію дня его прославленія,—5 іюля 1922 года,—храмовъ Живоначальной Троицы при всѣхъ церквахъ во всѣхъ городахъ и селахъ, и въ послѣднихъ въ особенности; при чемъ эти храмы Пресв. Троицы, **хотя-бы не обыденные, но при всеобщемъ участіи созидаемые,**—будучи, такимъ образомъ, плодомъ труда умственнаго и физическаго, плодомъ знанія и искусства всей Россіи, могутъ и должны быть школами, а вмѣстѣ и хранилищами старинныхъ иконъ, утвари, вышедшей изъ употребленія, словомъ—должны быть и музеями, не пренебрегающими, по примѣру древней Руси, и памятниками свѣтскаго происхожденія. И самые храмы по своей архитектурѣ и утвари должны быть изображеніемъ старины и отличаться не богатствомъ, а скорѣе бѣдностью матеріала, но за то богатствомъ содержанія, какъ это и было въ древней Руси, когда на ризахъ были изображаемы иконы вмѣсто нынѣшнихъ, ничего неговорящихъ, орнаментовъ. Это, быть можетъ, было-бы шагомъ къ примиренію и съ старообрядцами. Все въ храмѣ-школѣ должно отличаться поучительностью и служить къ тому, чтобы въ умахъ и сердцахъ учениковъ ожила, воскресла старина. При такомъ праздновании памяти прославленія пр. Сергія **храмы-школы,** - т. е. **нераздѣльность крещенія и помазанія** отъ **воспитанія и обученія** дѣтей, или **нераздѣльность духовнаго отъ свѣтскаго воспитанія,** высшимъ—полнымъ выраженіемъ котораго было-бы **усыновленіе Богу всѣхъ отцовъ,—храмы-школы,** которые и въ настоящее время **кое-гдѣ** сооружаются, были бы построены вездѣ, по всей Россіи, и это было-бы новымъ посмертнымъ чудомъ преп. Сергія. Для полноты всеобщаго просвѣщенія не достаточно, впрочемъ, сооруженія только школъ-храмовъ, гдѣ крещеніе и помазаніе не отдѣляется отъ воспитанія и обученія, необходимо также и тюрьмы обратить въ исправительныя школы, приблизивъ ихъ къ храму, и тогда покаяніе не будетъ отдѣляться отъ исправленія.—Храмъ Пресв. Троицы, который предлагается воздвигнуть при церкви Московскаго Румянцевскаго Музея, долженъ быть образцемъ для тѣхъ школъ-храмовъ, которые предлагается устроить повсемѣстно къ пятисотлѣтнему юбилею открытія мощей пр. Сергія.

Эти школы-храмы, воздвигнутые повсемѣстно ради спасенія отъ голода (отъ бездождія и многодождія) и моровыхъ язвъ, не должны быть чужды изученію той силы, которая носитъ въ себѣ голодъ, язвы и смерть, какъ объ этомъ сказано въ статьѣ **„О памятникѣ Каразину“** (Наука и Жизнь, 1894 г. № 15—16-й).

Построеніе такихъ школъ-храмовъ повсемѣстно не станетъ ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исполненіемъ со стороны преемниковъ Владиміра святаго—долга всеобщаго обязательнаго образованія, принятаго на себя и своихъ преемниковъ св. Владиміромъ, какъ воспріемникомъ русскаго народа отъ купели. Въ наше время, когда лѣса почти истреблены, а построеніе храмовъ-школъ повсюду является вопросомъ лишь времени, и при томъ самаго короткаго времени,—храмы изъ желѣза вмѣсто дерева, какъ храмъ, построенный изъ рельсъ рабочими Бѣжицкаго завода, есть явленіе, въ высшей степени, замѣчательное. Старая Русь, при обиліи лѣсовъ, строила въ одинъ день храмы изъ дерева; новая Русь, при оскуденіи лѣсовъ, нашла новый матеріалъ для созиданія храмовъ совокупною дѣятельностью и въ такой же почти короткій срокъ. Этотъ новый матеріалъ, который будетъ становиться тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе будутъ строить желѣзныхъ дорогъ, сдѣлаетъ возможнымъ построеніе храмовъ-школъ даже въ безлѣсныхъ степяхъ, и можетъ весьма облегчить осуществленіе плана празднованія юбилея преп. Сергія построеніемъ школъ-храмовъ, посвященныхъ Пресвят. Троицѣ, къ 5-му іюля 1922 года.

Построеніе совокупнымъ трудомъ **всѣхъ**, въ средѣ коихъ господствуетъ теперь **рознь**, источникъ бѣдности и всѣхъ пороковъ, построеніе школъ-храмовъ Пресвятой Троицы, назначеніе коихъ поддерживать единство, постоянно держать мысль на высотѣ почитанія Тріединаго Бога, есть необходимое завершеніе всякой церкви. Просвѣщеніе прихода начнется лишь тогда, когда онъ пойметъ, что ничѣмъ не можетъ такъ угодить своему покровителю, коему посвященъ храмъ, (будетъ ли то святой, Богоматерь или Самъ Христосъ), какъ построеніемъ при своемъ храмѣ храма во имя Пресв. Троицы, т. е. такого храма, или церкви, которая приводитъ къ познанію Тріединаго, т. е. храма-школы. Школы-храмы Пресвятой Троицы, построенные общимъ трудомъ, замѣнятъ прежде бывшіе баптистеріи, которыя у народа, принявшаго крещеніе безъ оглашенія, какъ крестятъ дѣтей, и должны быть школами. Возликовалъ-бы на небѣ весь ликъ святыхъ съ преп. Сергіемъ во главѣ, когда узрѣлъ-бы на землѣ при храмахъ, имъ посвященныхъ, храмы Пресв. Троицы, которую чтутъ они на небѣ и которая была забыта на землѣ; т. е. велика будетъ радость на небесахъ, когда осуществится планъ, вытекающій изъ самаго хода нашей исторіи, нашей жизни... И католики, и протестанты, магометане и даже евреи упрекаютъ насъ въ томъ, что мы принимаемъ святыхъ за боговъ, а иконы за живыя существа, т. е. упрекаютъ насъ въ язычествѣ и идолопоклонствѣ; построеніе же способомъ образовательнымъ, Качимскимъ,—какъ будетъ сказано объ этомъ ниже,—при каждой церкви школы храма, посвя-

щеннаго Пресв. Троицѣ, и есть дѣйствительное средство возвысить мысль и держать ее на высотѣ пониманія высшаго нравственнаго значенія ученія о Троицѣ, какъ любви сыновъ и дщерей (любви дѣтей) къ отцамъ не только живущимъ, но **и особенно** умершимъ, по подобію безграничной любви Сына Божія и Духа Святаго къ Богу Отцу; и такое раскрытіе значенія Пресв. Троицы устранило бы возможность, какъ перваго упрека, такъ и еще больше второго, ибо при пониманіи нравственнаго значенія Тріединства станетъ немыслимымъ принятіе иконъ за живыя существа, такъ какъ иконопись дѣлаетъ лишь невидимыхъ видимыми и до всеобщаго воскрешенія, когда мы узримъ ихъ (невидимыхъ теперь), лицомъ къ лицу... Что вышеозначенный упрекъ не совсѣмъ безоснователенъ и что избавить насъ отъ этого упрека можетъ лишь предлагаемое здѣсь средство,—свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій разсказъ, вкратцѣ заимствуемый изъ письма отъ 7-го ноября 1894 г. священника с. Алферьевскаго, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи, отца Тимофея Павловича Тарбѣева, и изъ приложенной къ этому письму лѣтописи с. Алферьевскаго, составленной отцомъ и предшественникомъ отца Тимофея—Павломъ Тимоѳеевичемъ Тарбѣевымъ.

Село Алферьевское до 1764 г. принадлежало Троице Сергіевой Лаврѣ, а потому, какъ надо полагать, носило и доселѣ носитъ и другое названіе--«Тройчино». Храмъ въ этомъ селѣ посвященъ Пресв. Троицѣ, а празднуются народомъ, какъ храмовые праздники, дни преп. Сергія, 5 іюля и 25 сентября, т. е. праздникъ Троицы замѣненъ праздникомъ преп. Сергію; такимъ образомъ, св. Сергій даже предпочтенъ Пресвятой Троицѣ. Чудный разсказъ, записанный отцомъ Павломъ въ лѣтопись села Алферьевскаго о происхожденіи иконы, стоящей нынѣ въ храмѣ за престоломъ, свидѣтельствуетъ, можно сказать, какъ самъ преп. Сергій вразумлялъ жителей с. Алферьевскаго въ ихъ неправомъ предпочтеніи его, Сергія, Пресвятой Троицѣ, которую самъ преподобный чтитъ превыше всего.—Монахиня Марія, везшая съ собою крестъ съ частицами въ немъ животворящаго древа и съ частицами мощей преп. Сергія, проѣзжая по Московско-Варшавскому шоссе, въ одной верстѣ отъ села Алферьевскаго, а, слѣдовательно, и отъ находящагося въ этомъ селѣ храма Пресв. Троицы,—обронила этотъ крестъ съ мощами чудотворца; по желанію крестьянъ, нашедшихъ его, крестъ былъ внесенъ въ храмъ Пресв. Троицы, и, такимъ образомъ, Преп. Сергій не остался внѣ храма, чтимой имъ Пресв. Троицы, а вступилъ въ него, въ видѣ частицъ мощей, находившихся въ крестѣ. А затѣмъ, когда крестъ былъ возвращенъ по принадлежности, монахиня Марія не рѣшилась удержать его у себя, а сама написала икону, на которой представила образъ Пресв. Троицы, несомый преп. Сергіемъ и преемникомъ его св. Никономъ, врѣзала въ эту икону чудотворный крестъ и прислала его въ такомъ видѣ храму Троицы въ селѣ Алферьевскомъ, гдѣ онъ и поставленъ за престоломъ. И не должны ли жители с. Алферьевскаго видѣть въ этой иконѣ прямой себѣ укоръ, который дѣлаетъ имъ преподобн. Сергій за оказываемое ему предпочтеніе предъ Пресв. Троицею. Прихожа-

не с. Алферьевскаго поступили бы согласно, конечно, съ этимъ указаніемъ пр. Сергія, если бы, не оставляя почитанія самаго преподобнаго, почтили-бы Пресв. Троицу построеніемъ посвященнаго Троицѣ храма-школы. И желательно, чтобы это новое, малоизвѣстное до сихъ поръ, посмертное чудо преп. Сергія, получивъ всеобщую извѣстность, внушило-бы прихожанамъ всѣхъ въ Россіи храмовъ пріобрѣсти каждому приходу для своей церкви икону святого, которому она посвящена, несущаго въ своихъ рукахъ Свято-Троицкій храмъ школу (съ изображеніемъ, напримѣръ, на храмѣ образа Троицы и съ дѣтьми внутри храма), и тѣмъ способствовала бы осуществленію плана построенія школъ храмовъ во имя Пресвятой Троицы повсюду къ 5-му іюля 1922 года, т. е. къ пятьсотлѣтнему юбилею прославленія преп. Сергія.

Въ оправданіе жителей с. Алферьевскаго должно сказать, однако, что не они одни предпочитаютъ пр. Сергія Троицѣ; такъ,—называя посадъ при Троице-Сергіевской Лаврѣ, вмѣсто Троицкаго или, по крайней мѣрѣ, Троице-Сергіевскаго, какъ бы слѣдовало, просто Сергіевскимъ, не отдаемъ ли мы такое предпочтеніе Сергію предъ Троицею, какъ и жители с. Алферьевскаго. Называя посадъ Сергіевскимъ, мы дѣлаемъ это, конечно, не думая, не сознавая того, что дѣлаемъ, что говоримъ, но не указываетъ-ли это, что мы все еще находимся въ безсознательномъ, такъ сказать, язычествѣ; а между тѣмъ, Сергій, воздвигая храмъ Троицы, имѣлъ въ виду, конечно, поднять, возвысить мысль, сознаніе объязычевшейся, надо полагать, тогдашней Руси. Сознательно грѣха противъ Троицы мы тутъ не совершаемъ, но безсознательно остаемся, очевидно, въ язычествѣ... Тою же безсознательностью, недуманіемъ о томъ, что говорятъ, пишутъ и печатаютъ, объясняется и то, весьма прискорбное, хотя вмѣстѣ и поучительное явленіе, что та самая газета, которая радовалась, какъ доброму почину, построенію обыденнаго храма изъ старыхъ рельсъ,—и радовалась этому особенно потому, что найденъ новый и обильный строительный матеріалъ, чѣмъ облегчается **„въ значительной степени осуществленіе того плана празднованія пятисотлѣтняго юбилея открытія св. мощей преп. Сергія, о которомъ говорится въ предисловіи къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ“**,—та же газета привела потомъ мнѣніе преосв. Діонисія—Уфимскаго (умершаго въ 1897 или 1898 г.), который будто-бы не дозволяетъ въ своей епархіи построенія храмовъ-школъ, находя **„несовмѣстимымъ помѣщеніе школы, гдѣ дѣти смѣются, ссорятся, бранятся, рядомъ со Святая Святыхъ, отъ которой классное помѣщеніе учениковъ въ церквахъ-школахъ отдѣляется лишь тонкою перегородкою“**; какъ будто толстая перегородка помѣшала-бы Всевѣдующему слышать брань?!... И неужели возможно такое странное, чтобы не сказать болѣе, мнѣніе о церквахъ-школахъ и совершенно языческое понятіе о Богѣ со стороны Архипастыря?!... Если дѣтей нельзя допускать въ храмъ, когда Святая Святыхъ ни чѣмъ отдѣлена тонкой перегородкой, то естественно рождается вопросъ, возможно ли ихъ, вообще, допускать въ храмъ, т. е. когда Свя-

тая Святыхъ ничѣмъ не отдѣлена отъ храма?!... Апостолы тоже не хотѣли допустить дѣтей ко Христу;—неужели, однако, и преемники апостоловъ могутъ повторить туже ошибку?!... Дѣти оказываются достаточно сильными, чтобы оскорбить святыню, а святыня будто-бы безсильна облагородить, свойственную дѣтскому возрасту, шаловливость?!.. Такимъ образомъ, указаніе на несовмѣстность школы съ храмомъ не доказало-ли, напротивъ, **безусловной необходимости** школы въ храмѣ Христа не только человѣколюбца, но и еще болѣе **дѣтолюбца**. Отдѣленіе школы отъ храма полезно только для сохраненія язычества... Припомнимъ также, что Святая Святыхъ помѣщается даже въ тюрьмахъ, среди преступниковъ, и никому еще и въ голову не приходило находить это несовмѣстнымъ; слѣдуя же мнѣнію, **приписываему Русскимъ Словомъ** Преосв. Діонисію, преступники, злодѣи, разбойники, никакъ уже не могутъ быть допущены въ храмъ... На самомъ же дѣлѣ, для полноты и дѣйствительности объединенія самыя тюрьмы необходимо было-бы обратить въ исправительныя школы и приблизить ихъ къ храму, какъ объ этомъ было уже сказано, чтобы таинство покаянія сдѣлать дѣйствительнымъ исправленіемъ, дабы оглашенные и этого рода стали, наконецъ, вѣрными. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ своемъ словѣ при освященіи храма въ тюрьмѣ задался вопросомъ,—возможно ли помѣщать въ тюрьмѣ храмъ,—и нашелъ, что вопросъ этотъ рѣшенъ еще на Голгофѣ, гдѣ Христосъ былъ распятъ между двухъ разбойниковъ. А такое разрѣшеніе вопроса не указываетъ-ли, что храмы въ тюрьмахъ должны быть посвящаемы благоразумному разбойнику,—въ этомъ выражалось бы упованіе на успѣшность оглашенія для обращенія кающихся въ вѣрныхъ.

Для доказательства того, что дѣтямъ свойственна не одна шаловливость,—весьма, впрочемъ, извинительная и неизвиняемая лишь тѣми, которые сами никогда не были дѣтьми или слишкомъ глубоко забыли, что и сами были дѣтьми, забыли, не смотря на то, что сохранять дѣтскую чистоту, быть дѣтьми есть первая обязанность христіанина, --для доказательства того, что дѣти способны не нарушать лишь святость мѣста, но и участвовать въ созиданіи святого мѣста,—а такимъ святымъ мѣстомъ нельзя не считать храма-школы,—мы ссылаемся здѣсь на построеніе церковныхъ школъ въ Мордовскомъ и Русскомъ Качимахъ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Хотя въ Качимахъ строились не храмы-школы, а лишь церковно-приходскія школы, но способъ, которымъ строились эти школы, еще болѣе примѣнимъ къ построенію храмовъ-школъ.

Школа въ Мордовскомъ Качимѣ была построена въ 1892 году, въ тотъ годъ и въ то именно время, когда Москва ходила къ Троицѣ, и, быть можетъ, по молитвѣ паломниковъ ко Пресв. Троицѣ и совершилось это богоугодное и угодное именно Тріединому Богу соединеніе силъ многихъ на единое дѣло, на построеніе церковной школы, цѣль которой заключается, должна и можетъ заключаться только въ увѣковѣченіи союза единодушія, братства,—въ увѣковѣченіи того чувства, которое только и уподобляетъ

насъ Тріединому Богу, какъ образцу согласія и единодушія, по которому только и познаются ученики Христа. И мы не можемъ не надѣяться, что событіе это найдетъ, наконецъ, достойнаго цѣнителя и станетъ началомъ новой для насъ жизни, и тогда явится не повѣсть, не поэма, а **быль** о томъ, какъ дѣти, т. е. сыны и дочери крестьянъ—мордвовъ построили школу съ помощью своихъ отцовъ, родныхъ и духовныхъ (священника и учителя) и особенно съ помощью тѣхъ двухъ мужей, которыхъ можно называть воспріемниками, крестными отцами церковной школы, а именно – церковнаго сторожа (запаснаго унтеръ-офицера) и того великаго мужика, который ходилъ по избамъ, просилъ, умолялъ и, наконецъ, достигъ цѣли!.. Да будетъ имя его благословено отъ нынѣ и до вѣка! Это Качимскій Каразинъ, тотъ Каразинъ, который на колѣняхъ умолялъ Украинское дворянство о пожертвованіи на устройство Университета; и больше, чѣмъ Каразинъ, потому что Каразинъ могъ быть образцомъ только для немногочисленнаго сословія, а Качимскій мужикъ будетъ образцомъ для всѣхъ крестьянъ.—Превознося работу дѣтей и содѣйствіе къ построенію школы мужика, мы вовсе не желаемъ, конечно, умалить заслугу священника и учителя, отъ коихъ и стало извѣстно о дѣтяхъ и крестьянинѣ.

Качимское событіе было описано не однажды, и ни разу не было оцѣнено по достоинству, достойнымъ образомъ. Писатель Епархіальныхъ Вѣдомостей, повидимому, не предполагаетъ,—а можетъ быть, не говоритъ по скромности, такъ какъ и самъ принималъ въ этомъ участіе,—какое великое значеніе и смыслъ заключается въ совокупной, согласной работѣ отцовъ и дѣтей! А между тѣмъ, тутъ начало примиренія отцовъ и дѣтей **„обратити сердца отцемъ на чада“**, что будетъ вполнѣ понятнымъ только въ школѣ-храмѣ, воздвигаемомъ всѣми живущими для молитвы къ Животворящей Троицѣ о всѣхъ умершихъ, для молитвы, **неотдѣлимой отъ труда общаго, животворнаго.** Не можемъ не пожалѣть, что авторъ Епархіальныхъ Вѣдомостей даже унижаетъ,—конечно, неумышленно,—дѣтскую работу, называя ее муравьиною; и это въ то время, когда натуралисты,—да и не одни натуралисты,—стараются приравнять муравья человѣку, хотя и не открыли еще, сколько извѣстно, школы въ муравейникахъ, и совершенно ошибочно думаютъ, будто нашли тамъ погребеніе, подобное человѣческому. Если въ муравейникахъ и есть что-то подобное погребенію, то оно подобно не человѣческому, не религіозному и даже не гражданскому погребенію, а такому, которое является пока, какъ идеалъ, въ головахъ еще немногихъ, самыхъ передовыхъ интеллигентовъ, для которыхъ погребеніе мертвыхъ равняется удаленію всякихъ нечистотъ; и когда идеалъ этотъ будетъ достигнутъ, осуществленъ, когда будетъ достигнута высшая ступень прогресса, тогда, дѣйствительно, исчезнетъ всякая разница между человѣкомъ и муравьемъ и, вообще, животными... Еще болѣе заслуживаетъ сожалѣнія мнѣніе профессора каноническаго права («въ Богословскомъ Вѣстникѣ» 1893 г. № 4-й), который, хотя и называетъ Качимское событіе маленькимъ лишь по внѣшности, но очень знаменательнымъ въ жизни

поймемъ, почему эта жизнь Отца не изсякаема, т. е почему эта жизнь безсмертна и вѣчна. Существо никѣмъ вполнѣ не понятое, никѣмъ, слѣдовательно, нелюбимое, не можетъ быть всеблаженнымъ. Въ чувствѣ, которое отвергаетъ, не можетъ примириться съ магометанскимъ представленіемъ Бога, слышится голосъ общаго всѣмъ людямъ, (не ислючая и магометанъ, конечно), праотца; обо человѣкъ, въ коемъ впервые блеснула искра родственной, сыновней любви, (а такой только и могъ быть нашимъ праотцемъ, положить начало общежитію), не могъ бы понять одинокаго владыку, создавшаго себѣ рабовъ, а не сыновъ; и при томъ, (что, особенно, ужасно), отношеніе магометанскаго Бога къ людямъ, какъ къ рабамъ, не временно только; это удаленіе есть вѣчная опала. Магометанскій Богъ, это Богъ чуждый человѣку, не сострадавшій ему, не вселявшійся въ лицѣ сына въ плоть человѣка, не испытавшій ни его горестей, ни его нуждъ. Въ такомъ состояніи Магометъ видитъ даже униженіе божества и, чтобы спасти Христа отъ униженія, говоритъ, что Іисусъ былъ восхищенъ на небо, а пострадалъ и былъ распятъ измѣнившій Іисусу Іуда, которому былъ приданъ только видъ Іисуса. Отсюда и заповѣдь, идущая будто бы отъ Бога, которая повелѣваетъ не щадить крови единокровныхъ, только бы принудить всѣхъ поклоняться Ему.

Признавая безусловное несходство и безконечное разстояніе между аллахомъ и человѣкомъ, Исламъ, самъ того не сознавая, не присвоиваетъ и аллаху совершенства, т. е. ни благости, ни всемогущества, ибо не только созданныя имъ существа способны лишь къ размноженію и къ истребленію, но и возсозданныя, или воскрешенныя, отличаются лишь необузданною чувственностью. По Исламу и твореніе и воскрешеніе безусловно трансцендентны, т. е. составляютъ исключительно дѣло аллаха, а не человѣка; и этимъ Исламъ унижаетъ человѣка до звѣря, до скота, творческую же силу аллаха ограничиваетъ созданіемъ этихъ звѣрообразныхъ и скотоподобныхъ существъ. Еврейская религія не дѣлаетъ цѣлью размноженіе рода, ибо рѣшеніе Элоима, выраженное въ словахъ «**сотворимъ по образу и подобію Нашему для обладанія.... всею землею,**» заставляетъ предполагать, что размноженному человѣческому роду дается одно общее дѣло, въ коемъ онъ и объединяется. Если въ «сотворимъ» заключается указаніе на Троицу, то образцомъ для насъ, сотворенныхъ, служило Тріединное существо, а потому образъ Божій относится къ людямъ не въ отдѣльности къ каждому, а къ людямъ, взятымъ въ ихъ совокупности. Прародители человѣческаго рода, созданные по образу и подобію Божію, до своего изгнанія изъ рая, т. е. въ райскомъ своемъ состояніи, могли быть подобными Сыну и Духу святому, не имѣя другого Отца, кромѣ Бога Тріединаго, къ Которому они могли обращаться, какъ Авраамъ къ тремъ странникамъ, т. е. въ единственномъ числѣ.

Ученіе объ обладаніи всею землею было усвоено не Еврействомъ, а Христіанствомъ, ибо воскрешеніемъ Лазаря и воскресеніемъ Христа, по ученію христіанскому, положено начало дѣла, которое завершится всеоб-

щимъ воскрешеніемъ, если вѣстники **Воскресенія** успѣютъ объединить весь міръ въ **дѣлѣ воскрешенія**, т. е. если противникъ воскресителя, Христа, Антихристъ не произведетъ разрыва. Противникъ же этотъ—буддизмъ, въ коемъ сосредоточиваются, соединяются дарвинизмъ и спиритизмъ, агностицизмъ, какъ продуктъ позитивизма, пессимизмъ Шопенгауэра, Гартмана и друг., т. е. буддизмъ Западный и Восточный. Въ случаѣ успѣха этого антихриста, и по христіанскому ученію останется мѣсто только трансцендентному воскрешенію, какъ наказанію для всего вообще рода, а для виновниковъ разрыва въ особенности.

Ко всему сказанному объ Исламѣ нужно прибавить, что Исламъ, какъ іудейство и язычество, есть религія кровавыхъ жертвъ (Коранъ XXII, 34). Впрочемъ и христіанство, отвергая кровавыя жертвы въ храмѣ, допускаетъ ихъ въ жизни; но чтобы не впасть при этомъ въ противорѣчіе, христіанство должно признать ихъ лишь временною необходимостью, вынуждаемою осаднымъ, можно сказать, положеніемъ человѣка на землѣ. Допущеніе однако христіанствомъ кровавыхъ жертвъ въ жизни, даже и подъ условіемъ ихъ временности, тогда только не будетъ лицемѣріемъ, когда вся жизнь будетъ дѣйствіемъ, направленнымъ къ выходу изъ такого положенія, которое дѣлаетъ необходимымъ такія жертвы. Требованіе же всеобщаго отреченія отъ животной пищи въ настоящее уже время, если и было бы выраженіемъ большой жалости къ животнымъ, въ отношеніи человѣка было бы безжалостнымъ; такое требованіе есть буддизмъ: Будда, принимавшій тѣло крысы и свиньи, не потому ли и сталъ въ послѣднемъ своемъ воплощеніи представителемъ безсловесныхъ?

3. Сыновняя любовь есть необходимое условіе осуществленія единства. Безъ Сына не возможно ни единство Бога, ни братство человѣчества. Первыя три евангелія заключаютъ въ себѣ проповѣдь Сына человѣческаго о Богѣ отцовъ, о Богѣ не мертвыхъ, а живыхъ, Который и ставится образцомъ человѣчеству. Евангеліе Іоанна есть проповѣдь Сына Божія о Богѣ-Отцѣ, или о Небесномъ Отцѣ. Это евангеліе есть выраженіе безграничной любви Сына къ Отцу, любви до глубочайшаго уподобленія (единосущія, но не сліянія) себя Отцу. А подобіе Сына Отцу въ томъ и состоитъ, что и Сынъ оживляетъ, какъ и Отецъ: воскрешеніе не есть только будущее, но и настоящее. Евангеліе Іоанна есть высшее выраженіе христіанства и полная противоположность Корану, или Исламу.

Мнимое единство Ислама состоитъ въ безусловномъ подчиненіи себя слѣпой силѣ природы, въ которой онъ видитъ волю Аллаха (фатализмъ), и въ непрерывной борьбѣ съ себѣ подобными (фанатизмъ). Быть жертвою слѣпой силы и орудіемъ истребленія живой силы,—такова истинная, идеальная заповѣдь Ислама. «Исламъ и газаватъ,»—вотъ полное имя магометанства. Не трудно понять, что единство Бога возможно при томъ лишь условіи, если люди питаютъ къ Богу сыновнюю любовь. Если же они имѣютъ къ Нему страхъ, то какъ бы ни унижали, какъ бы ни уничижали себя, тѣмъ не менѣе, пока существуютъ, они ограничиваютъ Его единство.

Но и богъ, какъ фанатизмъ, существуетъ до тѣхъ только поръ, пока существуютъ ограничивающія Его существа, съ уничтоженіемъ же ихъ уничтожается и онъ самъ; ограниченія онъ не терпитъ, а безъ ограниченія существовать не можетъ, слѣдовательно, это мнимое лишь единство. И потому для сохраненія единства, нужно или въ Богѣ допустить безусловную нетерпимость, всеуничтожающій фанатизмъ; или же во всемъ созданномъ признать стремленіе стать любящимъ сыномъ. И въ первомъ случаѣ покорность волѣ Аллаха выражалась бы—положительно—въ священной войнѣ, въ обязанности быть орудіями истребленія для водворенія единства; а отрицательно—въ томъ, чтобы быть жертвами истребленія, не противодѣйствовать, а страдательно принимаютъ болѣзнь и смерть, не противодѣйствовать и той естественной, столь же животной, какъ и истребленіе, страсти, которая проявляется въ многоженствѣ. И чѣмъ, на самомъ дѣлѣ, отличается эта монотеистическая религія отъ тѣхъ религій, которыя поклоняются и производительной, и истребительной силѣ?!... Надо сознаться, что язычество и іудео-магометанство различны только въ мысли, въ представленіи, въ догматѣ, и тождественны въ заповѣдяхъ.

Магометанство силится, по подобію Аллаха, сплавиться въ одинъ молотъ (панисламизмъ, т. е. Азія и Африка, вооруженныя европейскимъ оружіемъ) для пораженія христіанъ. Христіанство же вовсе не думаетъ, что его задача расковать этотъ молотъ въ орудіе, обращающее смертоносную силу природы въ живоносную, чтобы исполнилось пророчество. Христіанство не только не думаетъ объ этомъ, но разнѣживающею промышленностью прямо готовитъ себя въ жертву подъ этотъ молотъ.

По логикѣ всеотеческой, раскрывающей причины небратства, недостаточно только обезоружить Исламъ; нужно принять еще во вниманіе условія, вызвавшія къ бытію религію войны. Исламъ не вѣченъ, но онъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока степь и пустыня не станутъ нивою, а урожай на этой нивѣ не будетъ обезпеченъ обращеніемъ орудій войны въ орудіе спасенія отъ голода, т. е. въ орудіе метеорической регуляціи.

4. Признаніе себя (по христіанскому критерію) сынами всѣхъ умершихъ отцовъ (смертными) было бы признаніемъ трансцендентности Бога (т. е. отсутствія Его въ мірѣ); но это было-бы такъ въ томъ случаѣ, если бы, признавая себя сынами всѣхъ умершихъ отцовъ, мы, всѣ живущіе, не видѣли бы въ себѣ, не смотрѣли бы на себя самихъ какъ на орудіе Бога въ дѣлѣ возвращенія жизни отцамъ (имманентность Бога). Не удалять слѣдуетъ Безсмертное Существо изъ міра, оставляя міръ смертнымъ, несовершеннымъ, какъ не должно и смѣшивать Бога съ міромъ, въ коемъ царствуетъ слѣпота и смерть; задача заключается въ томъ, чтобы и самую природу, силы природы, обратить въ орудіе всеобщаго воскрешенія и чрезъ всеобщее воскрешеніе стать союзомъ безсмертныхъ существъ. Вопросъ о трансцендентности и имманентности Божества можетъ разрѣшиться только тогда, когда люди въ своей совокупности сдѣлаются орудіемъ всеобщаго воскрешенія, когда слово Божіе сдѣлается въ насъ дѣломъ Божіимъ.

Если справедливо, что деизмъ есть принадлежность Семитовъ, а пантеизмъ —Арійскихъ племенъ, то ученіе о Троицѣ, какъ заповѣди, заключаетъ въ себѣ примиреніе этихъ племенъ; въ этой же заповѣди предписанъ миръ и всѣмъ колѣнамъ земнымъ.

Ученіе о Троицѣ, въ смыслѣ согласія, можетъ считаться общепринятымъ, даже народнымъ; не называютъ ли «троицею нераздѣльною» людей, которыхъ часто встрѣчаютъ вмѣстѣ, полагая, конечно, что нераздѣльность ихъ служитъ выраженіемъ согласія и пріязни; такъ говорятъ у насъ, такъ говорятъ, быть можетъ, и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Стоитъ только вникнуть въ эту ходячую, общеизвѣстную мысль, чтобы придти къ такому ученію о Троицѣ, котораго лишь касались богословы и то только мимоходомъ. Но и не одному народу принадлежитъ эта мысль; одинъ извѣстный поэтъ Запада, даже Англіи, говоря о Священномъ Союзѣ, нашелъ, что онъ также похожъ на Троицу, какъ обезьяна на человѣка. Тутъ, очевидно, разумѣлась Троица не въ смыслѣ догматическомъ, теоретическомъ, а въ смыслѣ практическомъ, нравственномъ. И, конечно, не одинъ Байронъ имѣлъ такое понятіе о Троицѣ. Такое же пониманіе Ея можно видѣть и въ томъ, что мирные договоры залючаются во имя Троицы нераздѣльной, манифесты же о войнѣ во имя Троицы не пишутся.

5. Подобно тому, какъ не полюбопытствовали проникнуть въ смыслъ слова аллахъ, во имя коего совершаются такія жестокости, мы точно также не задавали себѣ и вопроса, почему мирные и союзные договоры между христіанскими народами заключались во имя Троицы нераздѣльной, тогда какъ объявленія войны, манифесты о ней не имѣли такого «богословія» (подобныя надписи на актахъ въ старину назывались богословіемъ). И это богословіе было не всуе произносимое, потому что было прямымъ приложеніемъ къ дѣлу. Отсутствіе троичнаго богословія даже въ старинныхъ актахъ древней Руси, собственно въ актахъ юридическихъ, (какъ это можно видѣть въ сборникахъ ихъ), доказываетъ, что Троичность понималась именно въ томъ смыслѣ, которому всякія гражданскія сдѣлки составляли полную противоположность. Только на духовныхъ завѣщаніяхъ писалось полное троичное богословіе —(Во имя Отца и Сына и Св. Духа,— но не во имя Троицы нераздѣльной и безсмертной, требующей нераздѣльности, которою обуславливается и безсмертіе), хотя акты эти далеко не выражаютъ требуемаго троичнымъ богословіемъ, такъ какъ въ нихъ выражается забота о своемъ лишь потомствѣ, а не о всѣхъ живущихъ, о себѣ и своихъ предкахъ, а не о всѣхъ умершихъ. Впрочемъ, пожертвованія на церкви, на монастыри, на благотворительныя и воспитательныя учрежденія, безъ которыхъ едва ли было хоть одно духовное завѣщаніе въ старой Руси, свидѣтельствуютъ о существованіи сознанія, хотя и смутнаго, что судьба завѣщателя и его предковъ находится въ зависимости отъ дѣлъ, отъ дѣйствій, не однихъ только собственныхъ его потомковъ, не однихъ только строителей тайны поминовенія, но вообще отъ дѣйствія всѣхъ еще живущихъ. Такимъ образомъ, очевидно, если понятіе о Богѣ

Тріединомъ (въ смыслѣ заповѣди) и не было доведено до полнаго сознанія, тѣмъ не менѣе вѣрное, хотя и неопредѣленное чувство руководило христіанскими народами, когда они употребляли имя нераздѣльной Троицы въ мирныхъ и союзныхъ договорахъ и воздерживались отъ употребленія этого Святѣйшаго Имени при объявленіи войны и при совершеніи актовъ юридическаго и экономическаго свойства. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же заключать кабальныя записи во имя Троицы, какъ нельзя во имя Троицы основывать акціонерныя и т. п. компаніи... Изъ этого ясно, что Троица можетъ служить критеріемъ для нравственной оцѣнки договоровъ, на которыхъ основываются общества разнаго рода. Несомнѣнно, что основы ученія о Троицѣ лежатъ въ глубинѣ человѣческой совѣсти, которыя и руководятъ человѣка въ его соціальныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ, нѣкоторые и до сихъ поръ еще ставятъ соціальныя отношенія внѣ этики, т. е. науки о нравственности. Мысль объ осуществленіи на землѣ подобія Тріединому (подобно мысли о воскрешеніи, которое и есть ея, Безсмертной Троицы, полное выраженіе), никогда не была чужда человѣчеству, но никогда человѣчество не ставило себѣ цѣлью постепеннаго осуществленія такого подобія, даже никогда не дѣлало, сознательно по крайней мѣрѣ, оцѣнки различныхъ договоровъ, союзовъ, ассоціацій, съ этой высшей точки зрѣнія; оно, повидимому, даже опасалось затрогивать мысль объ оцѣнкѣ, потому что несчитало возможнымъ отказаться отъ такихъ договоровъ, которые явно противорѣчили образцу. Не говоря уже о кабальныхъ записяхъ, даже договоръ о личномъ наймѣ, не представляетъ ли явнаго нарушенія родственнаго образца, ибо наемникъ не сынъ; договоръ личнаго найма не можетъ быть заключаемъ во имя Троицы нераздѣльной, неразрывной, потому что наемъ времененъ, только сынъ пребываетъ въ дому во вѣки. Соціализмъ, усвоивъ себѣ только внѣшнюю форму Троицы не только забылъ о душѣ, (т. е. о знаніи, о чувствѣ, какъ основахъ совершеннѣйшаго общества), но и сдѣлалъ эту форму выраженіемъ всѣхъ пороковъ, каковы политическая наглость, гражданская зависть, экономическое корыстолюбіе, разнузданная чувственность. Усвоивъ внѣшнюю форму, т. е. личину, маску Тріединаго Существа, соціализмъ отвергъ внутреннее его содержаніе и объемъ, ограничивъ послѣдній однимъ лишь поколѣніемъ. Впрочемъ соціализмъ, будучи искаженіемъ совершеннѣйшаго образца, былъ бы личиною, лицемѣріемъ, если бы не отрицалъ христіанства; при отрицаніи же христіанства появленіе соціализма, можно считать, наказаніемъ христіанству за лицемѣрное поклоненіе Троицѣ, признаваемой лишь догматомъ, а не заповѣдью

Религія есть дѣло воскрешенія, только въ видѣ не полномъ, въ видѣ таинства. Сами того не сознавая,—объединяясь, мы участвуемъ въ дѣлѣ воскрешенія, участвуемъ въ этомъ дѣлѣ чрезъ участіе въ литургіи и въ службахъ къ ней подготовительныхъ, обнимающихъ весь день и всю ночь, чрезъ участіе въ Пасхѣ, въ Пасхѣ страданія, завершающей четыредесятницу, съ недѣлями къ ней подготовительными, и въ Пасхѣ Воскрешенія, начинающей собой Пятидесятницу и недѣли, за ней слѣдующія, въ Пасхѣ,

обнимающей, слѣдовательно, весь годъ. Но участвуя, такимъ образомъ, въ дѣлѣ воскрешенія, мы превратили его только въ обрядъ. И пока не будетъ внѣхрамовой литургіи, внѣхрамовой Пасхи, т. е. всесуточнаго и всегоднаго дѣла (метеорическаго, теллурическаго), до тѣхъ поръ и воскрешеніе останется только обрядомъ и не будетъ согласія между храмовымъ и внѣхрамовымъ дѣломъ.

Можно смѣло утверждать, что человѣчество всегда вѣрило въ Бога согласія и оживленія (т. е. въ Тріединаго); но вынужденное прибѣгать къ наказаніямъ, къ войнамъ, оно инстинктивно воздерживалось, какъ бы откладывало, употребленіе Его Святѣйшаго Имени, словно чувствуя свое недостоинство, не теряя, однако надежды сдѣлаться когда-либо достойнымъ Его. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что въ суровое время ветхаго завѣта встрѣчаются лишь рѣдкіе намеки на Бога христіанскаго, въ коемъ обожено согласіе и оживленіе. Въ нѣсколько лишь меньшей степени, но тоже самое умалчиваніе имени, въ коемъ заключены самыя высшія свойства Бога, мы видимъ и въ наше, новозавѣтное время. Такимъ умалчиваніемъ избѣгалось нарушеніе третьей заповѣди, избѣгалось лицемѣріе. Богъ Тріединый есть Богъ будущаго вѣка; только сознательно вступивъ въ дѣло воскрешенія, мы не будемъ употреблять имени иного Бога, развѣ Тріединаго, Бога согласія или объединенія, Бога живущихъ для оживленія, или воскрешенія, умершихъ [Троица согласія (нераздѣльная и несліянная) и Троица оживленія (Живоначальная Троица)].

Не удивительно ли, что ни аллахъ, требующій войны, ни Нераздѣльная Троица, гарантирующая мирные и союзные договоры и отсутствующая на объявленіяхъ войны и своимъ отсутствіемъ, очевидно, ихъ осуждающая, не пробудили мысли, не вызвали испытанія, сравненія, не были сознаны; такъ что, заключая договоры во имя Нераздѣльной Троицы, даже не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали. Такимъ образомъ, наше понятіе о Богѣ, хотя и несравненно высшее, несравненно чистѣйшее, чѣмъ понятіе поклонниковъ аллаха, не было еще проведено въ жизнь, не было даже поставлено хотя бы отдаленною только цѣлью для рода человѣческаго. До сихъ поръ это только мертвый догматъ, не имѣющій для жизни никакого значенія, а не живая заповѣдь, не долгъ полный и живой.

Божественное Существо, Которое Само въ Себѣ показало совершеннѣйшій образецъ общества, Существо, Которое есть единство самостоятельныхъ, безсмертныхъ личностей, во всей полнотѣ чувствующихъ и сознающихъ свое неразрываемое смертью, исключающее смерть, единство, — такова христіанская идея о Богѣ, т. е. это значитъ, что въ Божественномъ Существѣ открывается то самое, что нужно человѣческому роду, чтобы онъ сталъ безсмертнымъ. Троица—это **церковь безсмертныхъ**, и подобіемъ ей со стороны человѣка можетъ быть лишь **церковь воскрешенныхъ**. Въ Троицѣ нѣтъ причинъ смерти и заключаются, всѣ условія безсмертія.

И не представляетъ ли она (эта идея, точнѣе планъ) самый законъ

любви, т. е. сущность христіанства? Въ единствѣ, въ обществѣ безсмертныхъ личностей, вѣрность ихъ другъ другу, отеческая и сыновняя любовь, не имѣютъ границъ въ смерти, какъ это у насъ, въ обществѣ смертныхъ. Или вѣрнѣе, понятнѣе сказать, потому и нѣтъ у нихъ смерти, что вѣрность и взаимная любовь ихъ безграничны; у насъ же только воскресеніе, отрицающее границу, полагаемую нашей вѣрности смертью, уподобляетъ насъ Тріединому.

Въ возгласѣ «Благословенно Царство Отца, Сына и Св. Духа,» царство можно относить и къ самой Троицѣ, какъ обществу совершеннѣйшему, и къ обществу человѣческому, если въ немъ осуществляется подобіе этому царству Отца, Сына и Духа Святаго, подобіе царству добровольному; и при томъ если осуществляется не въ отрицательномъ лишь смыслѣ, не въ отрицаніи лишь своеволія или раздѣльности, и неволія, или сліянности, а въ смыслѣ положительномъ, въ смыслѣ возвращенія жизни жертвамъ неволи и своеволія. По Григорію Нисскому - «Да пріидетъ Царствіе Твое» Евангелія Матѳея (VI, 10), у Евангелиста Луки читается—«Да пріидетъ Духъ Твой Святый на насъ и очиститъ насъ» – (въ нашемъ нынѣшнемъ Евангеліи Луки такого выраженія въ Молитвѣ Господней нѣтъ, XI, 2); слѣдовательно, это мѣсто у Луки есть мольба о вдохновеніи или пробужденіи нашихъ силъ для осуществленія этого Царства. Тотъ же Григорій Нисскій говоритъ, что въ самомъ имени Христосъ (помазанникъ) заключается указаніе на ученіе о Троицѣ; въ немъ узнаемъ и Помазавшаго (вдохновляющаго), Помазаннаго (вдохновленнаго) и Того, чрезъ Кого помазанъ, т. е. Духа Святого. Жизнь Троицы—вдохновеніе, для насъ же она—просвѣщеніе, знаніе, но такое, которое не отдѣлено отъ дѣла. Этотъ возгласъ – «Благословенно Царство Отца, Сына и Св. Духа»—составляетъ одну изъ безчисленныхъ варіацій краткаго Символа Вѣры Христовой.

6. Осуществленное въ дѣйствительности человѣческое многоединство или всѣединство, (мы говоримъ всѣ, – а не все-единство, желая тѣмъ выразить единство личностей, а не отвлеченное всеединство), есть необходимое условіе пониманія Божественнаго Тріединства. Пока въ жизни, въ дѣйствительности, самостоятельность лицъ будетъ выражаться въ розни, а единство въ порабощеніи, до тѣхъ поръ многоединство, какъ подобіе Тріединства, будетъ лишь мысленнымъ, идеальнымъ. Если же мы не допускаемъ отдѣленія дѣйствія отъ мысли, то Тріединство будетъ для насъ не идеаломъ лишь, а проектомъ, т. е. не надеждою только, а заповѣдью. Только **дѣлая, осуществляя на дѣлѣ**, можно **понимать**. Потому и осталась Троица нераздѣльная пустою формулою, что заключавшіе миръ вовсе не думали объ условіяхъ прочнаго ,вѣчнаго мира, содержащагося въ ученіи о Троицѣ нераздѣльной. Божество тѣмъ болѣе открывается, чѣмъ болѣе мы входимъ въ объединеніе, и наоборотъ. Если наше мышленіе и знаніе образуются путемъ опыта, а опытъ даетъ пока понятіе только о враждѣ и господствѣ, такъ какъ въ дѣйствительности мы видимъ или распаденіе на враждебныя другъ другу личности, (въ чемъ и выражается язычество), или

же магометанское поглощеніе одною личностью многихъ другихъ личностей, то и становится яснымъ, что только торжество нравственнаго закона, и при томъ торжество полное, можетъ сдѣлать вполнѣ для насъ понятнымъ Тріединое Существо; т. е. мы поймемъ Его лишь тогда, когда сами (все человѣчество) сдѣлаемся многоединымъ, или, точнѣе сказать, всѣединымъ существомъ, и когда единство не будетъ выражаться въ господствѣ, а самостоятельность личностей не будетъ проявляться во враждѣ, когда будетъ полная взаимность, взаимознаніе. Осуществленная человѣчествомъ христіанская идея о Богѣ не будетъ ли и осуществленнымъ закономъ любви? Внѣшній авторитетъ можетъ приводить къ молчанію, но не къ убѣжденію, не къ истинѣ; рознь же ведетъ прямо къ отрицанію истины. Для истины, слѣдовательно, нужны тѣ же условія, что и для блага, т. е. отсутствіе ига (или внѣшняго авторитета въ дѣлѣ знанія) и розни. Нѣтъ истины ни на Западѣ по причинѣ розни, ни на Востокѣ по причинѣ гнета.

7. Перваго сына человѣческаго, т. е. того, кто не оставилъ родителей даже по смерти, и мы потомки не должны отдѣлять въ своей мысли, въ своемъ поминовеніи, въ проектѣ воскрешенія, отъ его родителей. Мы должны считать его вмѣстѣ съ его родителями за одну нераздѣльную единицу, за нашего праотца. Мы и не будемъ раздѣлять ихъ въ мысли, если на дѣлѣ будемъ составлять подобныя имъ нравственныя единицы, потому что и оставившихъ насъ, умершихъ, будемъ соединять тогда въ мысли прежде, чѣмъ будутъ возстановлены они и на дѣлѣ. Если же сынъ, сдѣлавшись самъ отцомъ, оставляетъ, забываетъ своихъ родителей по смерти ихъ, то онъ не есть уже сынъ человѣческій, ибо образы родителей, остающіеся по смерти ихъ въ душѣ сыновъ, составляютъ отличительную черту человѣка. Для ученыхъ, какъ особаго сословія, эти образы—только представленія, а для всѣхъ людей—проекты; послѣднее естественно, можно даже сказать—всеобще, а первое—искусственно. Сынъ,—не оставившій родителей есть первый сынъ человѣческій, оставившій же родителей есть первый блудный сынъ. Оставленіе сынами родителей и есть первое паденіе, гетеризмъ же и избіеніе престарѣлыхъ родителей сынами есть самое глубочайшее паденіе. Матріархальныя и патріархальныя состоянія суть уже возстановленіе, но еще не полное. Точно также, какъ «гражданское общество», древняя и новая цивилизація суть новое, второе, но тоже не полное паденіе. Полнымъ паденіемъ былъ бы всеобщій гетеризмъ, или стадное состояніе; но это только идеалъ, мечта, утопія гражданскаго общества, и при томъ только тѣхъ изъ общества, коихъ называютъ передовыми. Каждое изъ означенныхъ состояній имѣетъ свое религіозное выраженіе: въ патріархальномъ и отчасти матріархальномъ состояніи чтутъ предковъ; цивилизація древняя и новая чтитъ не умершихъ, а живущихъ, предпочитаетъ молодыхъ старикамъ, отцамъ, и послѣднихъ оставляетъ ради первыхъ; это культъ языческихъ Афродиты и Арея. Только стадное состояніе, если оно когда-либо дѣйствительно существовало въ прошедшемъ, или же осуществится (въ строгомъ смыслѣ) въ будущемъ,—не можетъ имѣть религіи.

Опредѣляя благо неоставленіемъ родителей, а зло паденіемъ, удаленіемъ отъ нихъ, мы слѣдуемъ Евангельскому критерію. Если человѣкъ можетъ быть опредѣленъ словомъ «любы» (желаніе, воля), то дитя есть также «любы,» но любовь не половая, не корыстная, и не родительская, а сыновняя. Признавая же сыновнюю любовь за сущность дитяти, принимаемаго за критерій, мы не можемъ и не должны отдѣлять его (дитяти) отъ отца; и такое отдѣленіе, оставленіе должны считать зломъ, а всякую замѣну отцелюбія вещелюбіемъ, женолюбіемъ и т. п.— порокомъ.

Итакъ тотъ, кто первый по чувству любви (Примѣчаніе 14-е) до конца не оставлялъ своихъ родителей, не оставлялъ ихъ при жизни, хотя и могъ жить отдѣльно по своему совершеннолѣтію, по своей способности къ самостоятельной жизни, не оставлялъ и послѣ смерти, этотъ-то человѣкъ и былъ, можно сказать, первымъ сыномъ человѣческимъ, положившимъ начало родовому быту, родовой религіи (культъ предковъ) и, вообще, человѣческому обществу.

Если-бы признать, что человѣческій родъ имѣетъ многихъ родоначальниковъ, появившихся въ разныхъ мѣстахъ земного шара, и это доказывало-бы лишь то, что человѣкъ не случайное явленіе, что сознаніе смертности, а слѣдовательно, и стремленіе къ воскрешенію, есть необходимость. Единство человѣчества не нарушится отъ признанія многихъ родоначальниковъ, ибо единство общаго дѣла, воскрешенія, есть высшее единство

Этотъ первый сынъ человѣческій, составившій со своими родителями первое человѣческое общество, основанное на чистой взаимности, которая между родителями была результатомъ не полового уже влеченія, а между родителями и сыномъ не была слѣдствіемъ корыстнаго чувства, на взаимности, которая не кончалась ни съ прекращеніемъ полового влеченія между родителями, ни съ прекращеніемъ нужды въ родительской поддержкѣ для сына, этотъ первый сынъ человѣческій, составившій со своими родителями какъ бы одно нераздѣлимое существо, или, вѣрнѣе, эта первая нравственная единица и была нашимъ праотцемъ.

Изъ такой семьи, путемъ развитія и притомъ односторонняго, могло произойти, какъ исключительное господство родства по матери, такъ и по отцу, какъ матріархальныя, такъ и патріархальныя формы; а путемъ паденія могъ произойти и такъ называемый гетеризмъ. Принимать же это стадное состояніе, въ которомъ младшее поколѣніе избиваетъ старшее, за первобытное, значитъ принимать не человѣческое состояніе за начало человѣка. Если слово, какъ хранилище опыта жизни, есть существенное свойство человѣка, то вмѣстѣ съ явленіемъ слова авторитетъ старцевъ становится очень высоко. Письменное слово, собственно фонетическое письмо, которое дѣлаетъ, повидимому, ненужнымъ опытъ, возвышаетъ юношество; таково нынѣшнее состояніе, при коемъ младшее поколѣніе считаетъ себя выше старшаго; но это настолько же основательно, насколько вѣрно, что теорія выше опыта, что теорія можетъ родиться и существовать безъ опыта.

Семья и должна бы была оставаться нравственной единицей, независимо отъ числа сыновей и дочерей, независимо отъ смерти родителей, разрушавшей единство. Всѣ сыны и дочери, сколько бы ихъ ни было, суть одинъ сынъ, если нѣтъ между ними раздѣловъ, а раздѣловъ между ними не будетъ въ такомъ только случаѣ, если обязанность поддержанія родителей при жизни превратится по смерти ихъ въ искреннее стремленіе къ возстановленію жизни родителей. Безъ этого стремленія нѣтъ сына, т. е. единаго сына при множествѣ, какъ нѣтъ и братства; безъ этого стремленія раздѣлы будутъ необходимостью. Семья же, поставившая вышезначенное стремленіе своею цѣлью, была бы проявленіемъ двухъ добродѣтелей: во 1-хъ, безкорыстія, въ такой семьѣ не было бы поклоненія вещи, идолопоклонства; а во 2 хъ, любви всеобщей, чистой, т. е. христіанской. Но христіанство будетъ платоническимъ, т. е. идеолатріею, если стремленіе къ возстановленію останется только стремленіемъ и не сдѣлается актомъ всеобщаго воскрешенія. Въ этомъ же великомъ актѣ, проявится третья добродѣтель, или, лучше, первая и единственная, заключающая въ себѣ всѣ другія, уподобленіе Тріединому Существу.

8. Скорбь сына надъ смертью отца есть истинно-міровая, потому что эта смерть, какъ законъ, (или, вѣрнѣе, какъ неизбѣжная случайность), слѣпой природы, не могла не отозваться сильною болью въ существѣ, пришедшемъ въ сознаніе, въ существѣ, чрезъ которое можетъ и долженъ осуществиться переходъ отъ міра слѣпой природы къ міру, въ которомъ царствуетъ сознаніе и въ которомъ потому и не должно быть мѣста смерти. Это истинно міровая скорбь есть и объективно-міровая, насколько всеобща смерть, и субъективно міровая, насколько всеобща печаль о смерти отцовъ. Истинно-міровая скорбь есть сокрушеніе о недостаткѣ любви къ отцамъ и объ излишкѣ любви къ себѣ самимъ; эта скорбь объ извращеніи міра, о паденіи его, объ удаленіи сына отъ отца, слѣдствія отъ причины. Скорбь же не о томъ, что отцы наши умерли, а мы пережили своихъ отцовъ, слѣдовательно, не имѣли къ нимъ достаточной любви, а о томъ лишь, что сами умремъ, не можетъ быть истинно міровою, это скорбь лишь мнимо-міровая. Точно также не можетъ быть названа міровою и скорбь, не выходящая изъ круга интеллигенціи, которая и сама не есть міровая ни по своему объему, ни по содержанію. Требовать счастья, ничѣмъ не заслуженнаго, требовать всѣхъ благъ безъ труда, и сокрушаться о недосягаемости того, чтобы все принадлежало одному, это значитъ желать одному пріобрѣсти то, что должно и можетъ принадлежать лишь всѣмъ; скорбь о недостижимости этого не только не міровая, но даже самая эгоистическая, все, кромѣ своего личнаго блага, исключающая.

Оберманъ сознается, что онъ не былъ несчастливъ, но онъ не былъ и счастливъ – вотъ вина Бога и міра противъ него; почему весь міръ не созданъ къ его услугамъ,—вотъ на что жалуется Оберманъ. Рене, не участвуя ни въ какой дѣятельности, и особенно въ низкой дѣятельности добыванія насущнаго хлѣба, не спрашиваетъ себя, имѣетъ ли онъ право жить,

а скорбитъ только о невозможности наслаждаться. Вообще, сокрушеніе о невозможности счастья въ одиночку, даже о невозможности счастья одного лишь, хотя бы и цѣлаго поколѣнія, не можетъ быть названо міровою скорбью... Равнымъ образомъ не можетъ быть названа міровою и такъ называемая гражданская скорбь, каковы сокрушенія, вызванныя неудачами Французской революціи, о неосуществившихся идеалахъ эпохи возрожденія, которые къ тому же, (нельзя этого не замѣтить), и весьма ограничены. Христіанская міровая скорбь есть сокрушеніе о розни (о враждѣ, о ненависти, со всѣми ея послѣдствіями, т. е. страданіями и смертью); это сокрушеніе или печалованіе есть покаяніе, какъ нѣчто активное, заключающее въ себѣ надежду, чаяніе, упованіе; т. е. покаяніе есть признаніе своей вины въ этой розни и своей обязанности въ дѣлѣ возсоединенія во всеобщей любви, устраняющей всѣ послѣдствія розни. Буддизмъ, отрицательный, пассивный, тоже скорбитъ о злѣ; но не въ розни, ненависти и враждѣ видитъ онъ величайшеее зло, также какъ не въ возсоединеніи, не во всеобщей любви видитъ величайшее благо; напротивъ, буддизмъ надѣется уничтожить всякое зло отреченіемъ отъ всякой любви и привязанности. Онъ поощряетъ жизнь въ одиночку (въ разъединеніи), въ пустынѣ, жизнь для постояннаго созерцательнаго бездѣйствія, а затѣмъ скорбитъ о призрачности міра! Какъ будто не только мысли, мечты, но и самыя проявленія силъ природы нами неуправляемой, могутъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ неуловимыхъ, неудержимыхъ, исчезающихъ явленій, которыя трудно отличить отъ призраковъ, миражей, такъ что и жизнь дѣлается или легкимъ, пріятнымъ, но обманчивымъ сномъ, или же тяжелымъ кошмаромъ! Явленія природы и будутъ призраками, пока не станутъ произведеніями совокупной воли, дѣйствіемъ всѣхъ людей, какъ орудій Бога. И представленія будутъ призрачны, будутъ мечтами, пока не станутъ проектами этихъ произведеній совокупной человѣческой и проявляющейся въ ней Божественной воли.

Итакъ въ чувствѣ скорби перваго сына человѣческаго, сожалѣнія о потерѣ отца зародилась та міровая скорбь о тлѣнности всего, о всеобщей смертности, въ которой природа впервые дошла до сознанія своего несовершенства, и съ зарожденіемъ которой положено начало обновленію міра; начало эпохи человѣческой, въ которую міръ долженъ быть возсозданъ силами самого человѣка. И безъ этой сыновней добродѣтели, безъ родового быта, мы никогда не могли бы понять высокаго ученія о Тріединомъ Богѣ, ученія изумительнаго и, по своему величію, едва досягаемаго для самыхъ высокихъ умовъ, по чувствующейся же въ немъ сердечной теплотѣ, доступнаго даже дѣтскому пониманію

9. Народъ, который не могъ удовлетвориться безсыновнимъ Богомъ Ислама и богами покровительствовавшими оставленію сынами отцовъ и равнодушными къ братству, народъ, поспѣшившій тотчасъ по принятіи христіанства канонизировать братскую и сыновнюю любовь въ лицѣ Бориса и Глѣба, этотъ народъ не только нашелъ полное удовлетвореніе сво-

имъ самымъ высшимъ идеальнымъ требованіямъ, требованіямъ критерія, согласнаго съ Евангеліемъ, въ вѣрѣ въ Тріединаго Бога, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ также, что его дѣйствительное, реальное положеніе недостойно того, что требуется вѣрою въ христіанскаго Бога; и такимъ образомъ испытаніе вѣръ стало для него самоосужденіемъ, покаяніемъ.

Въ исповѣданіи Символа Вѣры, во всѣхъ трехъ его главныхъ частяхъ, заключается и покаяніе, и обѣтъ исправленія, т. е. искупленія, заключаются и обличенія, и заповѣди. Въ первой части Символа, исповѣдуя Бога Вседержителемъ и Творцомъ Міра, мы не можемъ не каяться въ расхищеніи созданнаго Имъ, должны признать себя истребителями и разрушителями, не поддерживающими, а разрушающими порядокъ въ природѣ. И, не отрекаясь отъ подобія Ему, мы не можемъ видѣть своего назначенія въ присвоеніи лишь того, что не создано нашимъ трудомъ, въ томъ, что-бы быть собственниками созданнаго Богомъ міра. Наше назначеніе можетъ заключаться только въ томъ, чтобы быть орудіями исполненія воли Божіей въ мірѣ, орудіями управленія тою силою, которая, будучи предоставлена своей слѣпотѣ, несетъ голодъ, болѣзни и смерть, несообразно нуждамъ распредѣляетъ свои средства и дары, несетъ дождь туда, гдѣ его не надо, сожигаетъ тамъ, гдѣ нужно только согрѣвать и т. п. Итакъ мы виновны не въ томъ только, что дѣлаемъ (хищничество), но и въ томъ злѣ, которое происходитъ по нашему бездѣйствію. Нельзя даже сказать, что Богъ создалъ слѣпую силу, ибо Онъ создалъ и разумную, и только по бездѣйствію послѣдней творитъ зло первая. Поэтому заповѣдь, заключающаяся въ первомъ членѣ Символа Вѣры, требуетъ отъ всѣхъ безъ исключенія и знанія природы, и управленія ею, чтобы обратить ее изъ смертоносной въ живоносную.

Ученіемъ объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, (вторая часть Символа) призываются всѣ люди къ признанію себя сынами всѣхъ умершихъ отцовъ, и, слѣдовательно, братьями всѣхъ живущихъ, призываются къ познанію себя сынами, внуками, потомками отцовъ, дѣдовъ, предковъ. И такое познаніе есть исторія, не знающая исключеній, не знающая людей недостойныхъ памяти, и притомъ безъ различія званія, пола и т. п. Такая исторія, нынѣшнее именословное лишь поминовеніе должна превратить въ полное знаніе.

Въ ученіи о Сынѣ человѣческомъ подразумѣвается и дочь, насколько въ ней общаго съ сыномъ, и притомъ не тогда лишь, когда говорится о рожденіи, а именно и тогда, когда говорится о Сынѣ, какъ о Словѣ, т. е. о знаніи такомъ, съ котораго начинается уже уподобленіе. Это значитъ, что и дочь обязана участвовать не только въ знаніи всѣхъ отцовъ, познаваемыхъ какъ единый отецъ, но и въ знаніи природы, какъ средства обращенія слѣпой, смертоносной силы въ живоносную. Ученіемъ же о Духѣ Святомъ (3-я часть Символа Вѣры) дочь человѣческая, въ особенности, призывается къ покаянію, къ познанію себя, какъ дочери всѣхъ умершихъ родителей, къ познанію себя не въ отдѣльности, или розни, а въ совокупности, призывается къ сану мироносцы (живоносной, жизнь приносящей),

что несравненно выше женщины врача, несущей только исцѣленіе. И притча о блудномъ сынѣ, относится не къ однимъ сынамъ. Забвеніе братства и Бога, какъ Существа совершеннѣйшаго, напоминающаго намъ о нашемъ несовершенствѣ, недостоинствѣ, ведетъ насъ къ самосознанію, дѣлающемуся сознаніемъ собственныхъ достоинствъ, нашего предъ другими превосходства; потому-то Сыны человѣческіе и должны постоянно имѣть предъ очами Сына Божія, а дочери человѣческія—Духа Божія; въ этомъ смыслѣ и говорится о подобіи однихъ Сыну Божію, а другихъ Духу Святому. Но согласно ли поступаемъ мы съ евангельскимъ критеріемъ, когда Духа Святого принимаемъ за образецъ для дочери человѣческой? Не принимать за образецъ для лицъ и для общества Бога единаго, чтимаго въ трехъ лицахъ, было бы лишь неискренностью, равнодушіемъ, мертвою вѣрою; подъ образомъ-же дѣтей, которымъ принадлежитъ Царство Божіе, слѣдуетъ разумѣть любовь къ отцамъ, любовь не сыновнюю только, но, конечно, и дочернюю. Если же Царство Божіе есть подобіе Божества, то и само Божество есть одухотворенные Сынъ и Дочь, безграничную любовь къ Отцу питающіе.

Въ постановленіяхъ апостольскихъ (кн. 2, ст. 26-я) епископъ сравнивается съ Отцомъ, дьяконъ—съ Сыномъ, а дьяконисса - съ Духомъ Святымъ. Если же мы, вмѣсто епископа поставимъ всѣхъ отцовъ, вмѣсто дьякона—всѣхъ сыновъ, а вмѣсто дьяконисъ—всѣхъ дочерей, то получимъ сравненіе чуждое сословности, т. е. истинно каѳолическое. Если-же подъ отцами разумѣть всѣхъ умершихъ, то діаконство (т. е. служеніе сыновнее и дочернее) получитъ опредѣленное значеніе, значеніе воскрешенія. Въ монашеской Троицѣ, не столько христіанской, сколько платонической, нѣтъ мѣста для дочери, хотя въ дочери, присно дочери, нѣтъ ничего чувственнаго, ибо въ ней исключено все супружеское и материнское и оставлено только дочернее (т. е. долгъ къ родителямъ); слѣдовательно тутъ не исключена ни одна женщина, такъ какъ не всѣ женщины супруги и матери, но всѣ дочери. Если въ ученіи о Троицѣ Духъ не будетъ представленъ образцомъ для дочери, то сама Троица обратится въ безжизненную, монашескую, Платоновскую, или платоническую; если-же дочь не будетъ подобіемъ Св. Духа, не будетъ духомъ любви, то проникнется духомъ разрушенія, нигилизма. (Примѣчаніе 15-е).

Въ ученіи о Троицѣ заключается путь для совокупнаго дѣйствія человѣческаго рода, законъ всемірной исторіи не въ смыслѣ знанія, а въ смыслѣ указанія пути. Въ ученіи о внутренней жизни Тріединаго Существа заключается откровеніе объ общемъ дѣлѣ всеобщаго воскрешенія, открывается истинный путь, или ходъ, этого дѣла. Наше слово есть знаніе объ отцахъ-предкахъ и о природѣ, какъ средствѣ возвращенія жизни. И это слово есть нашъ сынъ, какъ совокупность всѣхъ сыновъ, если образованіе всеобще и участіе въ знаніи (исторіи и природы) обязательно для всѣхъ безъ исключенія. И это слово не останется лишь представленіемъ, поминовеніемъ отцовъ-предковъ, не останется художественнымъ лишь изо-

браженіемъ, когда знаніе природы обратитъ смертоносную силу въ живоносную, ибо тогда поколѣніе, совершившее это, будетъ имѣть своимъ сыномъ безсмертныхъ отцовъ, а не смертныхъ сыновъ.

а) Итакъ въ ученіи о Тріединомъ Богѣ данъ намъ не только образецъ совершеннѣйшаго общества, но въ немъ же начертанъ и самый путь къ осуществленію этого общества. Покрытое мракомъ непостижимости въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ Новомъ Божественное существо раскрываетъ свою внутреннюю жизнь, чтобы показать намъ, чѣмъ мы должны быть въ нашей родовой совокупности, въ чемъ наше общее дѣло, нашъ долгъ. Откровеніе начинается возвѣщеніемъ, что въ Божественномъ Существѣ раждается, пребываетъ,—**есть** Сынъ единородный. Это величайшее откровеніе со стороны Бога и величайшее открытіе со стороны человѣка. Обращаясь къ себѣ, мы находимъ, что рожденіе есть и у насъ, какъ и во всей природѣ, но оно безсознательное, невольное, слѣпое, оно есть постепенное отдѣленіе, отчужденіе сыновъ, рожденныхъ, отъ отцовъ, рождающихъ, и даже возстаніе первыхъ противъ послѣднихъ; оно есть, слѣдовательно, распаденіе (небратство) сыновъ, или противобратское соединеніе противъ отцовъ, это—эволюція или революція; потому что рождающее еще не стало «**воспитывающимъ**,» или «**образующимъ**» всѣхъ сыновъ, какъ одного сына, сына единороднаго, носящаго въ себѣ «**образъ**» Отца. Таковъ первоначальный смыслъ «**образованія**», нынѣ произвольно понимаемаго и примѣняемаго въ дѣлѣ «**просвѣщенія**»; и согласно этого смысла школы сыновъ и дочерей нельзя отдѣлять отъ музея, какъ памятника отцовъ.

Наука обо всѣхъ отцахъ, какъ объ единомъ, есть исторія, представляющая идеальное единство, несмотря на постоянныя раздоры; наука есть сознаніе потомка объ отцѣ-праотцѣ. Если откровеніе со стороны Бога есть откровеніе совершенства и указаніе на долгъ, на то, что должно быть, то сознаніе своей виновности есть открытіе человѣкомъ своего неподобія Богу. Сознаніе, что рожденіе наше стоитъ жизни отцамъ, что мы вытѣсняемъ ихъ, есть сознаніе нашей виновности. У насъ нѣтъ сына, какъ одного сына, сына единороднаго, а потому если у нашихъ сыновъ и есть еще любовь къ отцамъ, то эта любовь безъ знанія и силы и не можетъ предохранить отцовъ отъ смерти. Въ чемъ нашъ недостатокъ, наше недостоинство, это поясняетъ намъ дальнѣйшее откровеніе; оно говоритъ, что сынъ есть **Слово Божіе**, а не безсознательно рожденное существо; и мы не можемъ не сознаться въ своемъ недостоинствѣ, нечистотѣ, ибо если мы и не отъ одной похоти раждаемся, то и не безъ нея. Сознавая, что и въ насъ есть также **логосъ,—разумъ, наука**, – (Примѣчаніе 16-е), который, какъ бы искупляетъ естественныя послѣдствія рожденія, возстановляя вытѣсненное имъ, мы сознаемъ въ тоже время, что это возстановленіе происходитъ только въ области мысли; и Откровеніе, какъ бы предупреждая уподобленіе нашего слова Божественному, указываетъ намъ, что Сынъ есть истинный Богъ, дѣйствительное Существо, а не мысленный только образъ Отца; и мнимое, мысленное, словесное только возстановленіе небыло

бы Ему подобіемъ. Для дѣйствительнаго Ему уподобленія нужно, чтобы генеалогическое древо человѣчества было не древомъ только знанія, но и древомъ жизни, въ коемъ внутреннее родство стало бы явнымъ, внѣшнимъ, осязательнымъ, а не неопредѣленнымъ чувствомъ, какъ нынѣ есть. Говоря о сынѣ человѣческомъ мы разумѣемъ, конечно, и дочь человѣческую, существо, неотдѣлимое отъ отца по идеи и цѣли. Говоря о Сынѣ Божіемъ, разумѣемъ и Духа Божія, не сливая и неотдѣляя рожденія и извожденія этого двуединаго Существа, неотдѣлимаго отъ Бога Отца. Единство безъ сліянія, различіе безъ розни, есть точное опредѣленіе **«сознанія»** и **«жизни»**. Тогда какъ сліяніе и рознь, т. е. единство, перешедшее въ сліяніе, и различіе, сдѣлавшееся рознью, суть опредѣленія **«слѣпоты»** и **«смерти.»** Поэтому требованіе превращенія слѣпой, смертоносной силы въ разумную и живоносную есть требованіе, заключающееся въ догматѣ Троицы, а исполненіе этого требованія и составляетъ дѣло человѣческаго рода.

Содержаніе **логоса** измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ отношеній между людьми; если бы не было раздѣловъ, если бы всѣ сыны были однимъ сыномъ, то и логосъ представлялъ бы совокупность индивидуальныхъ образовъ всѣхъ отцовъ, какъ **одного отца**, т. е. генеалогію, что и было отчасти при родовомъ бытѣ. Первоначальный бытъ человѣка былъ родовой; первое слово, первое знаніе рода было родословіе; одно изъ древнѣйшихъ произведеній, книга Бытія, и есть родословная. Забвеніе, или отреченіе отъ праотцевъ и, вслѣдствіе того, распаденіе рода исказили логосъ, родословную; родъ человѣческій распался на безродныхъ, худородныхъ, благо-или высоко-родныхъ, чужеродныхъ, инородныхъ, не соединенныхъ даже общимъ долгомъ, повинностью, и, переставъ быть патрократіею, утратилъ общую цѣль, пересталъ быть совокупною, послѣдовательно дѣйствующею силою въ видахъ возстановленія жизни. Содержаніе логоса было-бы полно, если бы не явились въ человѣчествѣ безродные, худородные, патриціи, плебеи и т. п. Для сословія ученыхъ логосъ есть совокупность отвлеченныхъ только опредѣленій, какъ для художниковъ совокупность только типовъ, а не индивидуальныхъ образовъ. Вся философія есть представленіе родового быта въ отвлеченной формѣ. Для философіи Слово Божіе или Премудрость есть поэтическое олицетвореніе (персонификація) Божественнаго Разума, проявившагося въ мудромъ устройствѣ міра; для философіи это – **творческій планъ**, или идея Бога о мірѣ, т. е объ относительномъ, условномъ (зависимомъ, рабскомъ), ограниченномъ, конечномъ (т. е. смертномъ). Но только философы могутъ думать, что Богъ отъ вѣчности задумалъ создать міръ ограниченныхъ, смертныхъ существъ, и видѣть въ такомъ планѣ премудрость, имманентную Богу, приписывать ей предикатъ вѣчности и безконечности. Лучше было бы философіи сознаться въ собственной ограниченности, чѣмъ Богу приписывать мысль создать ограниченныя существа, подчинить существа разумныя слѣпой силѣ, существа чувствующія отдать на жертву безчувственному! лучше бы сознаться человѣку, что онъ ограниченъ по своей винѣ, по недѣятельности, по несогласію между собою,

чѣмъ приписывать Богу мысль держать насъ въ вѣчной ограниченности! Достаточно одного согласія между людьми, благодаря враждѣ ограничивающими другъ друга, чтобы человѣчество стало силою. Правда, для философовъ, не признающихъ Тріединаго Бога, раздоръ есть условіе самого существованія личностей; для насъ же согласіе, соединеніе, есть условіе нашей силы, — согласіе, а не сліяніе, приводящее къ смерти. Безъ вѣры въ Тріединаго, какъ основы мышленія и дѣйствія, разума и воли, не можетъ быть даже и вопроса о братствѣ. Люди не были бы конечны и ограничены, если бы была между ними любовь, т. е. если бы они всѣ составляли одну объединенную силу; но они потому и смертны, потому и ограничены, что нѣтъ между ними единства, любви (Примѣчаніе 17-е).

б) Но если Сынъ есть истинный Богъ, а наши умственныя чада не истинный, дѣйствительный, живой человѣкъ, то и существо человѣческое не исчерпывается одною умственною, представляющею способностью, а заключаетъ въ себѣ и волю дѣйствующую. Но воля эта не выходитъ изъ узкихъ предѣловъ индустріализма, создающаго только мертвое подобіе живой природы, (напр. мертвыя ткани, вмѣсто живыхъ естественныхъ покрововъ), и работающаго только для живыхъ, а не для возсозданія мертвыхъ, только для себя, а не для отцовъ. Мы не можемъ сказать, что не имѣемъ способности къ дѣлу, но должны сознаться, что наша способность не проявляется въ надлежащемъ дѣйствіи, т. е. мы — сыны, уклонившіеся отъ истиннаго пути, сыны безпутные, распутные, блудные. Само земледѣліе, хотя оно и имѣетъ дѣло съ живою природою, съ живыми силами, и обращая прахъ предковъ въ пищу потомкамъ, хотя и носитъ въ тоже время эту пищу на могилы умершихъ, не возстановляетъ однако жизни отцовъ въ дѣйствительности; такъ что земледѣліе со всѣми его обрядами есть только прообразъ воскрешенія, есть воскрешеніе только въ живомъ воображеніи сельскаго язычества; т. е. село также лишь мнимо служитъ умершимъ отцамъ, какъ городъ недѣйствительно служитъ себѣ, живымъ.

Наконецъ, есть художество, которое мысленный образъ міра воспроизводитъ во внѣшнихъ формахъ, влагаетъ, какъ говорятъ, жизнь, душу въ свои произведенія; но эта душа не отзывается на наше чувство, художественное произведеніе есть мертвое твореніе, идолъ, живой только въ воображеніи городского идолопоклонства, подобный, а нединосущный самому художнику сынъ, по содержанію же своему отецъ, потому что, выражая въ своихъ произведеніяхъ себя, художникъ тѣмъ самымъ, по закону наслѣдственности, не можетъ не изображать своихъ родителей, но дѣлаетъ это невольно, тогда какъ обязанъ поставить себѣ это цѣлью, ибо каждое поколѣніе преступно, хотя и невольно, въ смерти родителей, а потому и несетъ долгъ воскрешенія, и не мысленнаго только или художественнаго, но дѣйствительнаго, личнаго, ибо и Сынъ Божій есть лицо. Какъ логосъ, или знаніе, есть образъ міра, возстановленный въ области мысли, такъ и искусство есть также образъ міра, воспроизведенный образно, словесно, музыкально, т. е. всѣми художественными средствами; и

если бы всѣ живущіе сыны были однимъ сыномъ безъ раздѣловъ семейныхъ, сословныхъ, народныхъ, безъ выдѣленія города изъ села, то художество было бы однимъ храмомъ съ изображеніемъ всѣхъ отцовъ, всѣотеческимъ храмомъ - музеемъ; но пока слово не станетъ дѣломъ, плотью, пока подобіе не будетъ дѣйствительностью, мы будемъ имѣть только тѣни отцовъ. (Въ произведеніяхъ искусства типъ замѣняетъ отцовъ, а прототипъ—предковъ). Чтобы уподобиться Божеству, дѣятельность человѣческаго рода должна быть дѣйствительнымъ воскрешеніемъ. Всеобщее воскрешеніе есть высшій критерій истины, ибо очевидность явится при этомъ не въ переносномъ смыслѣ, какъ у Декарта, а въ прямомъ. Въ ученіи о Божественномъ Тріединствѣ, о рожденіи Сына Божія, мы видимъ законъ воскрешенія, въ воплощенномъ же Богочеловѣкѣ, [Который для вѣрующихъ есть дѣйствительное лицо, а для невѣрующихъ идеальное изображеніе—(это значитъ, что, различаясь въ мысли, они, вѣрующіе и невѣрующіе, могутъ быть согласны въ дѣлѣ, а общее дѣло приведетъ ихъ къ согласію и въ мысли)], мы видимъ примѣръ, образецъ дѣйствія, и въ этомъ образцѣ намъ представлены: въ 1-хъ—могучая сила любви, способная исцѣлять, оживлять, утишать бури, стихійныя силы; и во 2-хъ еще болѣе могучая сила, способная оставаться безгласною противъ клянущихъ, благословлять распинающихъ (4-й чл. Сум. Вѣры); т. е эта сила активна, правяща надъ нечувствующими, необузданными силами природы, и страдательна, даже сострадательна къ существамъ, способнымъ къ страданію, хотя и заставляющимъ страдать Его Самого.

Не отдѣляя воскресенія Христа отъ нашего, отъ всеобщаго воскрешенія, вину невоскрешенія мы должны приписать себѣ, какъ и вину удаленія Христа отъ земли, или вознесенія Его на небо; точно также и милостивое или грозное возвращеніе Его на землю мы можемъ ожидать отъ своего же объединенія въ дѣлѣ воскрешенія.

Строгіе монотеисты, чтобы сохранить единство, не допускали никакой жизни въ Божествѣ; тогда какъ аріане не могли остаться при такомъ безжизненномъ пониманіи Бога, но переносили въ божественную жизнь политическія, юридическія, соціальныя отношенія, допускали власть и подчиненность, слѣдовательно, вносили въ Божество даже господство и рабство, отношенія совершенно внѣшнія; православіе же допускало въ Богѣ только Сыновство и Отечество. Точно также аріане переносили на Божественное Существо изъ жизни городской, рукодѣльной, деміургическія, ремесленныя дѣйствія, они приписывали Богу произведенія, созданныя не изъ собственнаго существа, а изъ чуждой Ему матеріи, и не всѣми силами, а однимъ лишь внѣшнимъ дѣйствіемъ. Православіе же, руководствуясь родственнымъ чувствомъ, первобытнымъ и общимъ всѣмъ людямъ, допускаетъ въ Божественномъ Существѣ рожденіе и исхожденіе изъ собственнаго Существа, производимыя всѣми внутренними силами разума, чувства и воли. Аріанство было выраженіемъ исключительно интеллигенціи, православіе же—народа и интеллигенціи, насколько послѣдняя еще не утратила родственнаго

чувства. Аріанизмъ не уничтожился, а вновь возродился въ соціанствѣ, какъ и язычество въ гуманизмѣ. Аріанизмъ и язычество и не могутъ исчезнуть, пока существуютъ, кромѣ родственныхъ отношеній, гражданскія, экономическія, политическія и т. п. Всѣ эти ереси уничтожатся, исчезнутъ лишь тогда, когда между людьми останутся одни родственныя отношенія, какъ самыя высшія, чистѣйшія; будутъ же установлены между людьми такія отношенія тогда только, когда для сыновъ человѣческихъ образцомъ будетъ Сынъ Божій, а для дочерей Духъ Святой; и пока мы не поставимъ себѣ цѣлью этотъ образецъ, онъ и не можетъ быть осуществленъ, не можетъ найти своего приложенія къ обществу. Но, называя Божественное Слово Сыномъ, православіе потому, конечно, не называло Духа Божественнаго Дочерью, что въ жизни соціальной дочь стояла несравненно ниже Сына, такъ что можно было опасаться скорѣе унизить Божество такимъ названіемъ, чѣмъ возвысить дочь во мнѣніи общества. Однако въ этомъ допущеніи Дочери-Духа, какъ и Сына-Логоса, не только нѣтъ ничего языческаго, допускавшаго въ Божественномъ Существѣ супружество, мужа и жену, а, слѣдовательно, и безсознательное рожденіе, но ничего нѣтъ и аріанскаго, также переносившаго въ Божественное Существо нѣчто несовершенное изъ человѣческой жизни. Въ вѣковомъ, постепенномъ переходѣ отъ подчиненности слѣпой силѣ природы, отъ супружества и рожденія, къ соединенію въ общей любви ко всѣмъ родителямъ всѣхъ сыновъ и дочерей для дѣла всеобщаго воскрешенія, въ этомъ именно и заключается усвоеніе ученія о Сынѣ и Св. Духѣ въ ихъ отношеніи къ Отцу, усвоеніе ученія о Троицѣ или рѣшеніе вопроса о причинахъ неродственности и о средствахъ возстановленія всемірнаго родства. По ученію Евномія Духъ Святый есть высшее созданіе, сотворенное съ цѣлью просвѣщать и научать; но тѣмъ не менѣе просвѣщающему существу Евномій не давалъ равнаго мѣста съ Отцомъ и Сыномъ, и этимъ, можно сказать, ослаблялъ свѣтъ самой Троицы. Если роду человѣческому, состоящему изъ сыновъ и дочерей, сиротъ, утратившихъ отцовъ, нужно имѣть свой образецъ въ Тріединомъ Богѣ, то только не ставя дочь ниже сына въ обязанности къ отцамъ, мы найдемъ этотъ образецъ въ Сынѣ Божіемъ, въ Духѣ Святомъ и въ ихъ отношеніи къ Отцу. Въ понятіи сына и дочери выражается отношеніе къ родителямъ; всякія другія отношенія между сынами и дочерьми, кромѣ соединенія ихъ въ любви къ родителямъ, уменьшаютъ сыновнія и дочернія свойства; истинный же прогрессъ состоитъ именно въ уменьшеніи всѣхъ другихъ свойствъ и въ расширеніи и усиленіи свойствъ сыновнихъ и дочернихъ. Отношенія сыновъ и дочерей, или вообще потомства (двойственнаго, состоящаго изъ сыновъ и дочерей), къ родителямъ, отцамъ и матерямъ, (составляющимъ для дѣтей одно, а не два начала), должны замѣнить всѣ другія отношенія, и не могутъ, не должны ограничиваться однимъ воспоминаніемъ, т. е. представленіемъ, мыслью, или знаніемъ, какъ бы обширно и глубоко ни было послѣднее, потому что въ основѣ этихъ отношеній лежитъ чувство, которое, если оно дѣйствительно, не можетъ

остановиться не только на отвлеченной мысли, но и на представленіи. Если задача человѣческаго рода состоитъ въ знаніи жизни отцовъ и въ возстановленіи ея, то и превосходство каждаго послѣдующаго поколѣнія надъ предыдущими будетъ заключаться въ наибльшемъ знаніи и служеніи отцамъ, а не въ превозношеніи надъ ними; т. е. каждое послѣдующее поколѣніе будетъ выше предыдущаго, но это превосходство будетъ заключаться въ томъ, что оно будетъ больше любить, почитать, служить своимъ предшественникамъ, будетъ жить для нихъ больше, чѣмъ они жили для своихъ отцовъ, большей же любви послѣдующее поколѣніе не можетъ имѣть къ предыдущему, какъ воскрешая его.

Сопоставляя христіанское понятіе о Богѣ съ магометанскимъ, мы не можемъ не сказать о Духѣ того же, что было уже ранѣе сказано о Сынѣ, такъ какъ Магометъ говоря, что Богъ не имѣетъ ни сына, на равнаго, ни товарища, говоритъ также, что Богъ не имѣетъ и подруги. Конечно, у Бога нѣтъ подруги! но сказать, что Онъ не имѣетъ другого «Я,» отъ Него же исходяшаго, составляющаго съ Нимъ одно, не отдѣляющагося, не отчуждающагося, не оставляющаго Его, хотя и свободнаго, какъ Духъ, значило бы допустить въ Божественномъ Существѣ недостаточность, неполноту. Многоженствомъ, униженіемъ женщины, магометанство само доказываетъ несовершенство своего понятія о Богѣ; магометанству именно не достаетъ ученія о Духѣ, какъ образцѣ для дочери человѣческой, чтобы уничтожить многоженство и возвысить женщину до равенства съ мужчиною, чѣмъ былъ бы возвышенъ и мужескій полъ. Наша слабость въ томъ и заключается, что мы имѣемъ то, что Магометъ называетъ подругою. Оставленіе и забвеніе родителей, предковъ есть слѣдствіе именно этой слабости; въ забвеніи же родителей, а, слѣдовательно, смертности, заключается отреченіе отъ разума высшаго, неотдѣлимаго отъ памяти, поддерживаемой чувствомъ и чувствомъ небезплоднымъ, т. е. не остающимся только при мышленіи, при поминовеніи, а переходящемъ въ дѣйствіе. Имѣть подругу въ смыслѣ Магомета и Ислама, значитъ имѣть половое чувство; Христіанство же, говоря, что во Христѣ нѣтъ ни мужескаго, ни женскаго пола, признаетъ въ женщинѣ, кромѣ супруги, дочь, какъ въ мужчинѣ, кромѣ мужа—сына. Въ сынѣ и дочери мужескій и женскій полы являются уже не тѣлами, одаренными лишь ощущеніями и похотью, безсознательно и пассивно повинующимися слѣпой силѣ природы, которая, сближая ихъ, производитъ въ нихъ новое существо, и при томъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были и они въ своей низшей стадіи, до раскрытія въ нихъ разума, чувства и воли. Это новое существо, по мѣрѣ роста, отдѣляется отъ нихъ, своихъ родителей, отчуждается и, наконецъ, оставляя ихъ совсѣмъ, обращаетъ ихъ въ нѣчто подобное скорлупѣ яйца, изъ котораго вышелъ птенецъ, въ нѣчто подобное засохшимъ лепесткамъ цвѣтка, тычинкамъ и пестикамъ, въ которомъ созрѣлъ плодъ. Такими являются мужескій и женскій полы при забвеніи своего сыновняго и дочерняго достоинства. Совсѣмъ иными будутъ они при сохраненіи памяти и привязанности къ отцамъ и послѣ ихъ смерти; объ-

единяясь въ чувствѣ, въ разумѣ и волѣ чрезъ участіе въ дѣлѣ отеческомъ, они дѣлаются цѣльнымъ существомъ, а не половинами. Въ такомъ смыслѣ и нужно понимать христіанскій бракъ, ибо въ немъ половое чувство и рожденіе есть лишь временное состояніе, остатокъ животнаго состоянія, которое уничтожится, когда дѣло отеческое станетъ воскрешеніемъ.

Нынѣшній разумъ, или наука, находится подъ вліяніемъ половымъ; подъ такимъ вліяніемъ она находится, когда знаніе примѣняется къ промышленности, ибо въ этомъ случаѣ наука трудится для полового подбора, для женщины. Такою наука остается и тогда, когда трудится надъ примѣненіями къ дѣлу военному, потому что тутъ она является половиною мужскою. Если же какъ чистая, неприкладная, какъ отвлеченная, наука безпола, то въ ней нѣтъ и чувства къ отцамъ, т. е. она безжизненна. Во всѣхъ этихъ трехъ значеніяхъ знаніе, исходящее отъ насъ, не имѣетъ подобія Духу Святому, исходящему отъ Отца, ибо въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. какъ чистое, оно бездушно, мертво, не животворяще, а въ первыхъ двухъ находится подъ вліяніемъ половымъ, подъ вліяніемъ слѣпого инстинкта, ибо знаніе работаетъ для женщины даже тогда, когда оно мужское. Только когда женщина просвѣтится, т. е. когда не будетъ нуждаться въ нарядахъ, только тогда наука не будетъ работать для половаго подбора, очистится отъ половой окраски. Ложно положеніе женщины на Востокѣ (въ гаремѣ), ложно положеніе ея и на Западѣ (въ ассамблеѣ, на балу), ложно положеніе женщины и у нигилистовъ, которые дѣлаютъ изъ нея мужеподобное существо, или безполое, а не дочь.

Такимъ образомъ, ученіе о Троицѣ заключаетъ въ себѣ отрицаніе не только вражды и ига, словомъ, непріязни, но и чувственной, половой любви, не какъ временной, конечно, а какъ вѣчной; женщина временна, а дочь вѣчна. Въ ученіи о Сынѣ Божіемъ заключается долгъ сыновній, въ ученіи о Духѣ Святомъ—долгъ дочери человѣческой, долгъ общій къ родителямъ, какъ къ одному родителю; тутъ такое же отношеніе, какъ Сына и Духа къ единому Отцу. (Примѣчаніе 18-е).

Въ христіанскомъ ученіи о Троицѣ, какъ и въ языческомъ, заключается долгъ семейный; но въ ученіи языческомъ долгъ относится исключительно къ семьѣ рожденія, въ христіанскомъ же къ семьѣ воскрешенія, и ученіе о Христіанской Троицѣ относится ко всему роду человѣческому, ибо обнимаетъ все живущее (сыновъ и дочерей) и все умершее (отцовъ и матерей), и послѣднее (умершихъ) обращаетъ въ предметъ дѣла для первыхъ (т. е. живущихъ). Долгъ воскрешенія объединяетъ всѣ семьи въ общемъ дѣлѣ всего рода человѣческаго, тогда какъ между семьями рожденія существуетъ рознь, потому что нѣтъ общаго долга, нѣтъ и общаго дѣла. Долгъ воскрешенія допускаетъ только временное существованіе всего того, въ чемъ выражается одна половина рода человѣческаго, каковы: военное, юридическое (гражданское, политическое, полицейское), проявляющіе исключительно мужское, а также промышленное, экономическое, обращающія мужской полъ на службу женскому и служащія половому подбору. Богъ

отцовъ есть необходимо Богъ Тріединый, т. е. такой, въ коемъ заключается указаніе на долгъ и требованіе отъ сыновъ и дочерей человѣческихъ исполненія этого долга къ отцамъ, долга, неограничиваемаго смертью; иначе сказать, Богъ Тріединый не можетъ не быть Богомъ отцовъ; Богъ же деизма есть Богъ, не заключающій въ себѣ требованія оживленія. Въ Богѣ отцовъ и въ Богѣ Тріединомъ заключается опредѣленіе религіи, какъ культа предковъ. Праздникъ Троицы, по народному выраженію, и праздникъ Пятидесятницы на церковномъ языкѣ (Примѣч. 19-е), подобно ветхо-завѣтному празднику кущей, заключаетъ въ себѣ напоминаніе горожанамъ о происхожденіи ихъ отъ села, о небходимости возвращенія къ могиламъ отцовъ. Праздникъ Кущей у евреевъ былъ однако странствованіемъ не къ Хеврону, а къ Іерусалиму; евреи также измѣнили своему праотцу, сдѣлавъ мѣстомъ празднованія Іерусалимъ, какъ и израильтяне, отказавшіеся отъ странствованія въ Іерусалимъ и перенесшіе самое празднованіе на другой (8-й) мѣсяцъ.

Праздникъ Кущей былъ напоминаніемъ не жизни Авраама подъ Мамврійскимъ дубомъ, а странствованія въ пустынѣ, и даже поминовеніемъ погибшихъ въ ней. Значеніе праздника Троицы не ограничивается, не оканчивается возвращеніемъ къ могиламъ отцовъ, ибо возвращеніемъ будетъ положено только начало дѣла, требуемаго долгомъ къ отцамъ.

Ученіемъ о Тріединомъ Существѣ отрицается, съ одной стороны, вражда и господство (военное и юридическое), вообще непріязнь, а съ другой стороны, и любовь чувственная, какъ проявленіе слѣпой силы и подчиненіе ей существъ разумныхъ и чувствующихъ; отрицается вообще безсознательное и невольное, ибо въ этомъ подчиненіи слѣпой силѣ заключается причина и вражды, и порабощенія. Въ Тріединомъ Существѣ нѣтъ ничего безсознательнаго, невольнаго, ибо въ Немъ все—вѣдѣніе и могущество. Мужеское и женское служитъ проявленіемъ слѣпой силы и производитъ искусственную промышленность; промышленность порождаетъ рознь, вражду; вражда приводитъ къ порабощенію; сыновнее же и дочернее не только не служитъ проявленіемъ слѣпой силы, но и требуетъ регуляціи ею, подчиненія ея разумной волѣ. (Санитарно-продовольственный вопросъ).

Всеобщее воскрешеніе не художественное только твореніе изъ камня, на полотнѣ и т. п., не безсознательное рожденіе, а воспроизведеніе изъ насъ, какъ огонь отъ огня, при посредствѣ всего, что есть на небѣ и на землѣ, всѣхъ прошедшихъ поколѣній. Тутъ не два источника, а одинъ, ибо мы можемъ сказать, что природа, сознавая въ насъ, въ живущемъ поколѣніи, утраты, возстановляетъ черезъ насъ, черезъ наше знаніе и дѣло, изъ самой себя эти утраты, т. е. всѣ умершія поколѣнія. Только въ полномъ своемъ составѣ, въ совокупности всѣхъ поколѣній родъ человѣческій можетъ войти въ обѣщанное ему единство, въ общеніе съ Тріединымъ Существомъ, войти въ Него, какъ бы въ свой кадръ.

10. Дать обѣтъ и не исполнить его, значитъ отречься отъ вѣры, потому что вѣра и есть обѣтъ, даже клятвенный обѣтъ, обѣтъ не повто-

ряемый, даваемый разъ навсегда. Такъ и понимали вѣру, пока оставались вѣрными, а когда измѣнили обѣту, то вѣру обратили изъ дѣла въ мысль, чтобы не казаться измѣнниками. Что со стороны отцовъ завѣтъ, то самое со стороны сыновъ обѣтъ; отсюда и единство дѣйствія. Осуществленіе пути, начертаннаго намъ въ ученіи о Св. Троицѣ, должно быть будущею исторіею человѣчества, какъ дѣломъ Божіимъ, чрезъ насъ совершаемымъ; и въ такомъ осуществленіи найдетъ свое выраженіе Символъ Вѣры, понятый активно, Символъ Вѣры, доказываемый дѣйствіемъ; такое осуществленіе будетъ живымъ доказательствомъ символа живой вѣры. Этимъ не прибавляется къ символу ни одного слова, но символъ обращается въ знаменіе дѣйствія, въ самое дѣло, въ литургію.

Запрещая прибавки къ символу, третій вселенскій соборъ хотѣлъ, быть можетъ, положить конецъ преніямъ; а между тѣмъ не запрещеніе, но только начало исполненія можетъ положить конецъ спорамъ. Запрещеніемъ прибавокъ сдѣлано было, однако, то, что великій образецъ для человѣчества поставленъ былъ выше споровъ. «Право дѣлать прибавки мы отрицаемъ даже у вселенской церкви» говорилъ архіепископъ Никейскій, будущій кардиналъ Виссаріонъ, на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, гдѣ самый вопросъ о прибавкахъ былъ подвергнутъ обсужденію.

Доказательство этого символа будущею исторіею, которой мы должны быть обязательными дѣятелями, не противорѣчитъ и богословской наукѣ. Сія послѣдняя, хотя и признаетъ Бога непостижимымъ, тѣмъ не менѣе изъ ученія о внутренней жизни Божества, о внутреннемъ самооткровеніи (Троица имманентная), также какъ и изъ образа откровенія Божества по отношенію къ міру (Троица искупленія), сдѣлала вопросъ знанія, т. е. она старалась сдѣлать доступными человѣческому пониманію и внутреннюю жизнь Божества и отношенія Его къ міру. Но теоретическая постановка, одно познаніе, не исчерпываетъ, не рѣшаетъ вопроса; оно можетъ быть лишь указаніемъ идеала. Такъ Троица имманентная указываетъ намъ, чѣмъ мы должны быть въ своей родовой совокупности, т. е. ученіе о Божественномъ Тріединствѣ превращается въ вопросъ о нашемъ, человѣческомъ **много**-или **всѣ**-единствѣ (о церкви); въ ученіи же объ отношеніи Божества къ намъ (Троица искупленія) заключается также и ученіе о нашемъ отношеніи къ Божеству, т. е. о томъ, какъ мы должны дѣйствовать, согласно Божественному плану нашего спасенія. Богословское знаніе разбирало вопросы объ отношеніи Слова къ созданію міра, о проявленіи Божества непосредственно чрезъ силы природы (Промыслъ), о проявленіи Его въ пророческихъ видѣніяхъ, въ дѣлѣ искупленія (это ветхій завѣтъ); но сколько мы знаемъ, оно не касалось вопроса о возсозданіи, какъ исполненіи пророческихъ предсказаній, не касалось вопроса о проявленіи Божественной воли чрезъ посредство насъ, какъ разумно-свободныхъ существъ, въ дѣлѣ возсозданія или всеобщаго воскрешенія, не ставило вопроса о томъ, какъ образецъ, данный намъ въ лицѣ Искупителя, превратить въ законъ дѣятельности и не отдѣльныхъ только лицъ, но въ законъ со

вокупной дѣятельности всего человѣчества, въ законъ будущей исторіи, имѣющей осуществить идеалъ, явленный намъ въ Троицѣ имманентной.

Если Слово Божіе есть не знаніе только, но и дѣйствіе, то и Богословіе, какъ слово о Богѣ, должно прежде всѣхъ наукъ, (которыя и не должны быть внѣ его, богословія), должно стать дѣломъ, не можетъ оставаться однимъ знаніемъ. Для богословской науки, не считающей знанія послѣдней цѣлью, ученіе о Божественномъ Тріединствѣ есть вопросъ о человѣческомъ **много** или **всѣ**-единствѣ, т. е. о церкви, объ объединеніи живущихъ чрезъ оглашеніе и крещеніе въ чаяніи, или ожиданіи, не бездѣйственномъ, однако, воскресенія мертвыхъ и жизни безсмертной. Ученіе объ отношеніи Божества къ намъ и міру есть вопросъ объ отношеніи къ Божеству насъ, какъ орудія осуществленія блага. Приготовленіе изъ цѣлаго человѣческаго рода орудія, достойнаго Божественнаго чрезъ него дѣйствія, есть задача богослововъ, въ связи со всѣми другими представителями знанія, какъ воспитателями народа, призываемаго къ защитѣ стечества и для обороны отъ слѣпой силы природы, или же для обращенія уже ея, этой слѣпой силы, изъ смертоносной въ живоносную, что и сдѣлаетъ ненужною защиту отъ себѣ подобныхъ. Въ этомъ и должно состоять воспитаніе народа, крещеннаго прежде оглашенія, прежде произнесенія обѣта, народа, за коего поручились и свѣтскія, и духовныя власти; – свѣтскія и духовныя власти, бывъ крестными отцами народа, произнесши за него обѣтъ, приняли на себя и обязанность приготовить народъ къ исполненію этого обѣта.

11. Совокупное дѣйствіе трехъ Божественныхъ лицъ, или образецъ, данный въ Троицѣ, не можетъ найдти своего выраженія въ нынѣшнемъ состояніи человѣчества, ни въ языческой розни, ни въ магометанскомъ господствѣ и совершенно противоположенъ буддійскому нигилизму, нирванѣ, пустотѣ, бездѣйствію.

Если бы признать, вмѣстѣ съ магометанами, сущностью Божества господство или власть, то должно бы было признать вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское состояніе человѣчества, ссоры и рознь, (т. е. такое состояніе, при которомъ необходимы принужденіе и наказанія), постояннымъ, вѣчнымъ; а между тѣмъ въ понятіи Бога, какъ любви, заключается требованіе самостоятельности отъ Его служителей, ибо безъ самостоятельности не можетъ быть любви, а будетъ только страхъ. Надо имѣть слишкомъ низменное понятіе о Божествѣ, чтобы приписывать ему такое свойство, которое мы осуждаемъ даже въ людяхъ. Нельзя не замѣтить, что приписываніе Богу наименованій «Господинъ, Владыко,» осуждалось нѣкоторыми отцами церкви. Власть есть тяжелая обязанность, вынужденная временною необходимостью. Не увлекаться властью—даже не добродѣтель. Точно также и правосудіе нельзя признать сущностью Божества. Богъ, говоритъ Климентъ, благъ Самъ въ Себѣ, правосудіе же, напротивъ, обусловливается отношеніемъ Бога къ міру; а потому временное состояніе, вызванное нашими грѣхами, нашимъ несовершеннолѣтіемъ, нельзя считать постояннымъ свойствомъ Бога, не давали же мы клятвеннаго обѣта всегда быть достойны-

ми наказанія и дѣйствовать только по принужденію! Тѣмъ не менѣе правосудіе, какъ и власть, имѣютъ для насъ важное значеніе: если человѣчество не достигнетъ совершеннолѣтія, то люди, какъ несовершеннолѣтніе, какъ дѣти, будутъ строго наказаны.

Русскій народъ съ глубокимъ смысломъ называетъ одни преступленія, какъ вызванныя голодомъ, самозащитою и т. п., несчастіями, другія же — шалостями (шалятъ, напримѣръ, на большихъ дорогахъ, шалятъ, можно сказать, въ настоящее время, въ банкахъ. Эти шалости-преступленія, ужасныя по своимъ послѣдствіямъ, по своимъ побужденіямъ совершенно дѣтскія. Впрочемъ, преобладаніе дѣтей, вообще дѣтскаго, надъ отцами и вообще отцовскимъ, можно считать характерною чертою настоящаго времени; всякое уваженіе къ высшимъ считается теперь порокомъ, и напротивъ, дерзость признается доблестью). Будетъ совершенно согласно съ мыслью народа сказать, что несчастны и тѣ, которые принуждены налагать наказанія, несчастны и мы, для спокойствія, для огражденія коихъ существуютъ наказанія. Государство съ его юстиціею, полиціею, есть печальная необходимость, а потому христіанство есть печалованіе, а духовенство — печальникъ за подсудимыхъ, виновныхъ. Когда же оно, духовенство, само начинаетъ судить, тогда изъ православнаго дѣлается католическимъ. Институтъ присяжныхъ, литературная гласность есть только искаженіе печалованія. Міровая скорбь есть также печалованіе за всѣхъ страждущихъ и умирающихъ, и эта скорбь не остается только чувствомъ, не можетъ имъ оставаться, а переходитъ, должно переходить, въ дѣло. Дѣловое выраженіе міровой скорби есть всеобщее воскрешеніе.

Пока единство человѣчества не имѣетъ выраженія въ дѣйствіи, пока человѣчество не сдѣлаетъ предметомъ своей дѣятельности всеобщаго воскрешенія, пока не признаетъ его долгомъ, до тѣхъ поръ дѣятельность человѣчества будетъ проявляться во взаимномъ истребленіи, потому что ей нѣтъ иного исхода, нѣтъ другого поприща достаточно обширнаго, и до тѣхъ поръ люди будутъ нуждаться въ уголовномъ судѣ, этомъ, по однимъ, подобіи, а по другимъ, оригиналѣ страшнаго суда. Пока не исчезнетъ убійство, не исчезнетъ и его необходимое слѣдствіе — судъ земной, а также и апелляція на земной судъ къ суду небесному. Словомъ, пока у человѣческаго рода нѣтъ общаго дѣла, силы его будутъ поглащаться дѣломъ общественнымъ, которое требуетъ раздѣленія, партій, борьбы. Итакъ если власть временна, а правосудіе не безцѣльное возмездіе, то объ эти силы могутъ имѣть только педагогическій характеръ: назначеніе ихъ руководить, исправлять и привести, наконецъ, человѣка къ сознанію долга.

Но прежде всего сами руководители должны сознать, въ чемъ заключается долгъ, какое воспитаніе и образованіе они должны дать руководимымъ ими: то ли, которое, лишая насъ дѣтской чистоты, не выводитъ изъ несовершеннолѣтняго, дѣтскаго состоянія, а оставляетъ въ вѣчномъ ребячествѣ, т. е. въ подчиненіи слѣпой, естественной силѣ, въ вѣчной борьбѣ съ себѣ подобными и въ постоянной опекѣ; или же то, которое

на сохраненіи дѣтской чистоты (любви къ отцамъ) основываетъ достиженіе совершеннолѣтія?

Если мы приложимъ христіанскій критерій къ нынѣшнему состоянію общества, и не въ дѣйствительномъ состояніи, а именно въ идеальномъ его представленіи, приготовлять къ коему воспитаніе считаетъ своею цѣлью, то найдемъ, что это общество, утративъ дѣтскую чистоту, тѣмъ не менѣе осталось и будетъ ребяческимъ и при томъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ; ибо нельзя назвать совершеннолѣтнимъ общество, которое не можетъ обойтись безъ надзора, принужденія и наказанія; нельзя назвать совершеннолѣтнимъ то общество, которое, не имѣя средствъ противъ неурожая, хотя и изучаетъ природу, примѣняетъ свои познанія къ производству ненужныхъ вещей, для коихъ высшею похвалою служитъ выраженіе—«точно игрушечка.» Общество въ настоящемъ своемъ состояніи, основывается на ограниченіи родственныхъ чувствъ. А, между тѣмъ, если родственному чувству, сыновнему или отцовскому, не будетъ открыто всемірное дѣло, то оно будетъ проявляться въ ущербъ другимъ и всему обществу (за неимѣніемъ лучшаго) въ дѣлѣ добыванія средствъ наслажденія для своихъ ближайшихъ; общественное же дѣло будетъ заключаться въ подавленіи этихъ, вызванныхъ, однако, родственнымъ чувствомъ, противообщественныхъ поползновеній. Говоря это, мы разумѣемъ всѣ противообщественныя и, вообще, преступленія, совершаемыя не изъ личныхъ, а изъ семейныхъ, родственныхъ выгодъ. Такимъ образомъ, общество внутри себя караетъ за то самое, что позволяетъ себѣ дѣлать съ другими обществами, если не составляетъ съ ними союза штатовъ, имѣющаго надъ собою еще высшую власть. Существованіе общества, требуетъ пожертвованія интересами родства, потому что дѣло общественное и родственное не совпадаютъ. Общество, или общественная сила, блюдущая за сохраненіемъ мира между родами, потому только и сушествуетъ, потому только и нужна, что роды, или семьи, не сознаютъ своего всемірнаго родства, а потому и не имѣютъ всемірно-родоваго дѣла; такъ что, если бы общественная власть, наскучивъ ролью блюстителя мира и порядка, получивъ отвращеніе къ дрязгамъ, которыя она обязана разбирать въ качествѣ судьи, и за которыя должна наказывать этихъ недорослей, пожелала бы найдти средство, могущее избавить ее отъ роли дядьки, то другого средства она не могла бы отыскать, кромѣ всемірнаго дѣла, въ которомъ родственныя чувства нашли бы исходъ; ибо всѣ преступленія суть только расходованіе по мелочамъ силы, естественно назначенной на возстановленіе всемірнаго родства Въ образованіи братства отцовъ для воспитанія сыновъ и братства сыновъ для воскрешенія отцовъ состоитъ естественный ходъ возсоединенія родовъ. Государство возникло какъ чрезвычайная мѣра противъ опасности взаимнаго истребленія родовъ, или же въ видѣ защиты одной группы родовъ противъ другой, соединившейся для истребленія или порабощенія. Государство необходимо, пока необразовалось всемірное родство. Несознательно дѣло всемірнаго родства и началось уже, но въ искаженномъ пока видѣ.

Противъ выраженнаго здѣсь узкаго пониманія общества, состоящаго будто бы изъ недорослей, нуждающихся въ постоянномъ надзорѣ, и, слѣдовательно, въ дядькахъ, которые наказывали бы ихъ за шалости и разбирали ихъ дрязги, могутъ возразить, что въ обществѣ есть и другія дѣла; есть промышленность, которая производитъ не одно необходимое, (и говорятъ это ей въ похвалу, потому что только варвары и дикари ограничиваются необходимымъ, да и у тѣхъ можно замѣтить стремленіе къ излишнему и ненужному), т. е. производитъ тѣ самыя бездѣлушки, которыя порождаютъ дрязги въ обществѣ. Есть въ обществѣ цивилизованномъ науки, и между прочимъ наука, изучающая общество, т. е. это знаніе или теорія дрязгъ, какъ одной изъ функцій этого общества, ибо оказывается (чѣмъ особенно восхищаются въ наше время), что и эти дрязги совершаются правильно, сдѣлались, слѣдовательно, недугомъ уже хроническимъ. Есть еще естествознаніе, изучающее природу, и не безплодно, ибо вся промышленность, производящая по преимуществу ненужное, въ естествознаніи находитъ средство для своего развитія, для улучшенія своихъ произведеній. Есть искусство, дающее художественную форму той самой общественной дѣйствительности, которая здѣсь описана нехудожественнно; изображая ее, художество или восхищается мнимыми достоинствами описываемаго, или же хочетъ показать будто подъ дѣйствительнымъ смѣхомъ скрывается сокрушеніе о порокахъ, искорененіе которыхъ, хотя и желательно, но не улучшило бы общества, ибо само оно есть искаженіе родства, а такое искаженіе есть существенный недостатокъ общества. Въ идеальныхъ построеніяхъ общества этотъ недостатокъ не уменьшается, а еще болѣе усиливается, и потому идеальныя построенія оказываются хуже дѣйствительности. Въ нихъ опека доводится до minimum'а (Примѣчаніе 20-е), но при этомъ забывается, что граждане, т. е. недоросли, не сдѣлаютя совершеннолѣтними отъ снятія съ нихъ опеки, и даже не могутъ ими сдѣлаться, ибо общество, какъ неродство, не можетъ дать имъ **дѣла**, въ которомъ проявилось бы ихъ совершеннолѣтіе, такъ какъ промышленность, искусство, наука въ ея искусственныхъ опытахъ и какъ знаніе для знанія, все это должно быть отнесено къ разряду игрушекъ, игръ, (т. е. къ подражаніямъ природѣ), къ предположеніямъ, мыслямъ, а не къ дѣлу. Поэтому, если заканчивая возраженія противъ выраженнаго здѣсь узкаго пониманія общества, укажутъ на философію, которая, отвергая родство даже въ Богѣ, для человѣчества считаетъ родство неисполнимымъ и ненужнымъ, какъ и въ природѣ признаетъ неродственность неискоренимою, то въ этой философіи, какъ мысли общества, отказывающагося отъ дѣла, можно видѣть только желаніе остаться при своихъ игрушкахъ и при представленіи лишь всеобщаго единства, если не считать попытки третейскаго суда надъ народами за попытки осуществленія всеобщаго единства въ узкомъ смыслѣ. Но если эти попытки и осуществятся, то сварливость, этотъ неизсякаемый источникъ, служащій въ государствахъ для утоленія жажды правосудія, жажды, обезпечивающей этому источнику вѣчное въ нихъ, въ госу-

дарствахъ, существованіе, не уничтожится, а получитъ лишь иной исходъ.

Общество со всѣми его принадлежностями можно уподобить блудному сыну родового быта, къ которому оно и должно возвратиться. Но этотъ блудный сынъ не безплодно провелъ годы своего скитанія и онъ въ силахъ уже преобразовать старый родовой бытъ во всемірное родство. Родство есть то, что наиболѣе извѣстно, наиболѣе доступно людямъ, даже именно то, что наиболѣе затрогиваетъ человѣческое сердце, ибо для отцовъ—это вопросъ о судьбѣ ихъ сыновъ, а для сыновъ—вопросъ о судьбѣ ихъ отцовъ, куда входитъ вопросъ и о братствѣ, или, вообще, о причинахъ неродственныхъ отношеній людей между собой; а также вопросъ и о хлѣбѣ насущномъ, о здоровьѣ для всѣхъ, о смерти, или, вообще, вопросъ о причинахъ неродственнаго отношенія природы къ намъ и о нашемъ искусственномъ къ ней отношеніи, ибо естественно для человѣка было бы только обращеніе неродственной силы естества природы, въ родственную. Въ человѣкѣ и начался уже переходъ естественной слѣпой силы въ сознающую родство, въ силу родственную.

Несовершеннолѣтіе рода человѣческаго ни въ чемъ такъ ни выражается, какъ въ суевѣрномъ преклоненіи предъ всѣмъ естественнымъ, въ признаніи за слѣпою природою руководства разумными существами (естественная нравственность); и въ такомъ состояніи несовершеннолѣтія, или дѣтства, находятся не дикари, не молодые народы, а устарѣвшіе, вовсе не замѣчающіе своего суевѣрія и даже гордящіеся своею свободою отъ суевѣрій. Такъ было въ древней исторіи, такъ происходитъ и въ новой, и такое дѣтское состояніе начинается обыкновенно въ эпоху паденія народа, хотя самому народу оно и представляется процвѣтаніемъ. Настоящее дѣтское состояніе Западной Европы есть тоже язычество, но только секуляризованное, начавшееся съ эпохи такъ называемаго возрожденія. Къ естественному, предъ которымъ суевѣрно преклоняются, относится и смерть, страхъ предъ которою заставляетъ, наконецъ, призывать ее, какъ освободительницу отъ этого мучительнаго страха, писать ей гимны, прославлять ее. (Пѣвцы смерти Леопарди, Дранморъ, Аккерманъ и друг). И хотя природа признается смертоносною, саморазрушительною силою, но не потому, что она слѣпая; а между тѣмъ можетъ-ли слѣпая сила привести къ чему-либо другому, кромѣ смерти?. Слѣпою силою люди признаютъ природу даже тогда, когда и себя не исключаютъ изъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ смерть какимъ то закономъ, а не простою случайностью, водворившеюся въ природѣ вслѣдствіе ея слѣпоты и ставшею органическимъ порокомъ. А между тѣмъ смерть есть просто результатъ или выраженіе несовершеннолѣтія, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности къ взаимному возстановленію или поддержанію жизни. Люди еще недоросли, полусущества; но полнота личнаго бытія, личное совершенство возможно только при совершенствѣ общемъ. Совершеннолѣтіе есть и безболѣзненность, безсмертіе; но безъ воскрешенія умершихъ невозможно безсмертіе живущихъ.

Чтобы судить о глубинѣ нашего нравственнаго упадка, достаточно сказать, что уже не различаютъ естественнаго для слѣпой силы, отъ того, что естественно для человѣка; это и значитъ, что остаются въ дѣтскомъ состояніи, но лишенномъ дѣтской чистоты. Самоисправленіе же, въ коемъ дается обѣтъ при крещеніи, состоитъ въ достиженіи совершеннолѣтія при сохраненіи этой чистоты, и даже для одного этого, для сохраненія дѣтской чистоты необходимо достиженіе совершеннолѣтія.

12 Какъ въ нравственномъ мірѣ сущность Божества не выражается ни во власти, ни въ правосудіи, такъ и въ физическомъ мірѣ истинное Божество не найдетъ, не можетъ найдти полнаго выраженія ни въ **сурія** (солнце-отецъ), ни въ происходящемъ отъ него **агни** (огонь сынъ), ни въ отъ него же исходящемъ вайю (вѣтеръ-духъ), хотя въ этихъ трехъ явленіяхъ и дѣйствуетъ, повидимому, одна и та же сила постепеннаго, а иногда и внезапнаго сгаранія. Говоря отвлеченнымъ языкомъ, сила эта есть теплота, тепловая энергія, сила расширенія, разъединенія, благодаря коей земля явилась уединеннымъ, изолированнымъ тѣломъ, почему и жизнь на ней могла проявиться лишь въ постепенномъ сгараніи или угасаніи, въ постепенномъ омертвеніи. Въ этомъ сгараніи или угасаніи міровъ, въ такъ называемомъ огненномъ концѣ ихъ, могли бы выразиться и власть и правосудіе одинокаго Бога; можетъ быть, они и выражаются въ немъ, если только сгараніе не есть дѣйствіе лишь просто слѣпой, или оставленной своей слѣпотѣ, еще неуправляемой силы (Примѣч. 21 е). Но ни въ какомъ случаѣ въ немъ, въ этомъ сгараніи, не можетъ выразиться любовь Тріединаго; и человѣческій родъ, уподобляясь Тріединому, не долженъ поклоняться и служить этой слѣпой силѣ, ни даже ожидать естественнаго конца угасанія міра, но, познавая силы, онъ долженъ обращать ихъ въ орудіе возстановленія всего угасшаго.

Общій обѣтъ, который дается при исповѣданіи Символа Вѣры, не произвольное, не искусственное, не придуманное требованіе, а всеобщій, всечеловѣческій долгъ, не слѣпой, а сознательной, человѣческой природы. Въ согласіи обѣта и долга заключается примиреніе вѣры, и знанія, или секуляризованнаго язычества съ христіанствомъ. Если бы онтологія, наука о бытіи, была бы не мыслима только, но и чувствуема, то ее нельзя-бы было отдѣлить отъ деонтологіи, т. е. нельзя-бы было отдѣлить то, что есть, отъ того, что должно быть. Если мы не только сознаемъ, но и чувствуемъ, что наше бытіе не зависитъ отъ насъ, что мы не имѣемъ, слѣдовательно, ничего своего, то понятно, что въ основѣ деонтологіи не можетъ быть положено сознанія своего достоинства, а должно быть сознаніе своего ничтожества, рабства, бѣдности естественной, и содержаніемъ деонтологіи, или долга, будетъ пріобрѣтеніе независимости, но не въ политическомъ смыслѣ, и собственности, не въ соціальномъ, а въ онтологическомъ смыслѣ, т. е. это будетъ пріобрѣтеніемъ того и другого въ смыслѣ физическомъ или даже въ физико-астрономическомъ. Долгъ и обѣтъ естественны, насколько сознаніе естественно въ природѣ, они и сверхъесте-

ственны насколько сознаніе выше слѣпоты. Только философы, считающіе міръ своимъ представленіемъ, и могутъ признавать его своимъ созданіемъ, своею собственностью, и быть гордыми такимъ сознаніемъ, т. е. безусловнымъ знаніемъ только себя самого, не признающимъ ни равнаго, ни товарища, ни даже подобнаго себѣ. Этотъ абсурдъ есть принадлежность не человѣка, владѣющаго всѣми своими способностями, а мыслителя, ученаго, у коего при атрофіи чувства и воли, остается только мысль. Потому-то знаніе зла безъ желанія искоренить его, и знаніе добра безъ желанія водворить его, и есть дѣйствительно великій грѣхъ, который можетъ быть искупленъ только превращеніемъ сословія, живущаго мыслью, въ коммиссію, прилагающую мысль къ дѣлу. Долгъ возникаетъ не изъ пользованія лишь чужимъ (вещью), но и изъ преступленія, т. е. изъ вытѣсненія младшимъ поколѣніемъ старшаго, а потому обѣтъ есть не храненіе только, которое и не возможно, а возстановленіе. Слѣдовательно, завѣтъ отцовъ, душеприказчество, есть не произвольный приказъ отцовъ, а требованіе (приказъ) самой сыновней природы, (императивъ самой природы человѣческой), возстановляющей образы отцовъ въ душахъ сыновъ даже противъ ихъ воли.

13. Всѣ обязанности, налагаемыя на насъ ученіемъ о Тріединомъ Богѣ, выражаются въ одной заповѣди, въ заповѣди о **долгѣ воскрешенія**. Въ противоположность магометанству, мы можемъ сказать «**нѣтъ иного Бога, кромѣ Тріединаго,** и **воскрешеніе—Его заповѣдь.**» Этотъ долгъ есть единственный общій всѣмъ людямъ, какъ обща всѣмъ людямъ смерть. Опредѣленіе долга воскрешеніемъ не есть произвольный выводъ; въ понятіи долга уже заключается требованіе воскрешенія, какъ и во всякомъ долговомъ обязательствѣ необходимо заключается обязанность уплаты, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что долгъ въ строгомъ смыслѣ, долгъ всеобщій, христіанскій, сыновній долгъ, требуя уплаты, требуетъ возвращенія тождественнаго, а не подобнаго, ибо сыновній долгъ есть произведеніе не отвлеченнаго лишь разума, а вмѣстѣ и сыновняго чувства. Такимъ образомъ исполненіе долга есть воспріятіе на себя труда, тягла воскрешенія, а не рожденіе, дающее лишь подобіе, и не ожиданіе осужденія и наказанія. Посему и бракъ есть не оставленіе родителей, не соединеніе лишь въ плотскую единицу, а сопряженіе въ трудовую, тягловую единицу въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ всего рода человѣческаго, состоящаго изъ тягловыхъ единицъ. У насъ нѣтъ ничего своего, нами произведеннаго, а все даровое, точнѣе долговое; жизнь наша вовсе не наша, она стъемлема, отчуждаема, смертна; мы получили жизнь отъ своихъ отцовъ, кои въ такомъ же долгу у своихъ родителей и т. д.; рожденіе есть передача долга, а не уплата его. Отъ родителей же, какъ и вообще отъ предковъ, мы получили не только жизнь, но и средства къ жизни, состоящія въ тѣхъ способахъ работы, въ которыхъ все принадлежитъ нашимъ отцамъ, предкамъ, и весьма мало, и только въ исключительныхъ случаяхъ, лично намъ. «Какое дѣло намъ до грѣха, который совершенъ до нашего рожденія?»—говоритъ

рознь въ лицѣ Каина (въ извѣстной мистеріи Байрона). Но если мы не хотимъ принимать послѣдствій грѣха, не нами лично совершеннаго, то не должны принимать и добра, не нами произведеннаго, что равнялось-бы отреченію отъ искупленія, отъ всякаго дѣла, совершаемаго не однимъ поколѣніемъ, а цѣлымъ рядомъ ихъ, генераціей поколѣній. Если высшею добродѣтелью для людей, отдѣльно взятыхъ, будетъ положить жизнь за другихъ (смерть неповиннаго за виновныхъ), то въ чемъ же будетъ состоять высшая добродѣтель для людей, взятыхъ въ совокупности?.. Долгъ къ родителямъ имѣетъ не только нравственный характеръ, но выражается и въ физической зависимости, невольности, несвободности; рожденность - это несвободность. Земля и всѣ другія условія жизни не составляютъ нашей собственности; мы не землевладѣльцы, а крѣпостные земли, точно также какъ и земля зависитъ отъ солнца, тяготѣетъ къ нему, а солнце въ свою очередь находится въ подобной же зависимости отъ иного какого либо тѣла и т. д. Регуляція этой слѣпой, не земной только, а всеобщей тяги, обусловливающей смертность, и должна быть тягломъ человѣческаго рода. Отсюда и слѣдуетъ, что воскрешеніе есть трудъ, обращающій даровое въ собственное, счищающій долгъ.

Но мы живемъ не на чужой только счетъ, не на счетъ лишь слѣпой природы, а также и на счетъ себѣ подобныхъ, даже самыхъ близкихъ, замѣняя, вытѣсняя ихъ; и такое существованіе дѣлаетъ насъ не только недостойными, но и преступными. Всѣ бѣдствія, не только физическія, но и нравственныя, суть естественныя послѣдствія подчиненія слѣпой силѣ, на счетъ которой мы живемъ; ибо повинуясь влеченіямъ слѣпой, чуждой, неподобной, хотя и въ насъ самихъ живущей силы, становимся врагами себѣ подобныхъ и даже самыхъ близкихъ. Такимъ образомъ нынѣшняя жизнь дѣлаетъ насъ не только недостойными счастья, но и несчастными; и если глубина самоосужденія дѣлаетъ страшный судъ изъ трансцендентнаго имманентнымъ, то и искупленіе требуетъ съ нашей стороны усилій, труда для обращенія не нами произведеннаго въ трудовое. Долгъ, слѣдовательно, возникаетъ не изъ займа только, но и изъ грѣха, преступленія; ибо каждое поколѣніе, раждаясь, тѣмъ самымъ наноситъ смерть своимъ родителямъ, и потому долгъ есть вмѣстѣ и повинность. Сознаніе что этотъ долгъ не оплаченъ, есть сознаніе своей зависимости, рабства, невольности, смертности, словомъ—небратства. Въ неоплаченномъ долгѣ заключается наказаніе рабствомъ, смертію. Оплаченный долгъ есть возвращеніе жизни своимъ родителямъ, т. е. долга своимъ кредиторамъ, и чрезъ то—свободы себѣ. Безсознательный, невольный грѣхъ, грѣхъ первородный, есть коренной смертный грѣхъ, грѣхъ противъ Духа Святого, противъ истиннаго просвѣщенія; не принимать отвѣтственности за этотъ грѣхъ, т. е. не трудиться, не принимать участія въ дѣлѣ воскрешенія, значитъ лишить человѣчество будущности, обречь его на полуживотное состояніе. Задача человѣческаго рода состоитъ въ обращеніи всего безсознательнаго, само собою дѣлающагося, раждающагося, въ сознательное, свѣтлое, дѣй-

ствительное, всебщее, личное воскрешеніе.

При этомъ должно замѣтить, что содержаніе долга - всегда одинаково, разница только въ уплатѣ, т. е. въ чемъ мы полагаемъ уплату; око за око, жизнь за жизнь, конечно, уплата и даже до жестокости равноцѣнная; вира, т. е. матеріальное вознагражденіе за рабочую силу, уплачиваемое семьѣ убитаго, тоже плата, хотя и весьма неравноцѣнная; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, плата, очевидно, недѣйствительна, произвольна и не уменьшаетъ долга, а какъ въ первомъ случаѣ (око за око, жизнь за жизнь) даже удвояетъ его. Всѣ преступленія и проступки, отъ малѣйшаго оскорбленія до убійства, имѣютъ значеніе разрушенія жизни; юридическое же возмездіе жизни не возвращаетъ. Экономическая плата за вещи и услуги также недѣйствительна. Правда, за услуги и вещи, полученныя нами отъ другихъ, мы можемъ уплатить тѣмъ же, т. е. подобными же услугами, такими же вещами, но не можемъ возвратить тѣхъ силъ, той части жизни, которая потрачена на ихъ производство; мѣна не заключаетъ въ себѣ взаимнаго возвращенія потраченныхъ жизненныхъ силъ, а ведетъ къ взаимному разоренію, къ смерти. Все это показываетъ, что содержаніе долга всегда есть жизнь, а потому и погашеніемъ долга можетъ быть только возстановленіе жизни, – воскрешеніе.

Воскрешеніе и потому уже долгъ, что храненіе невозможно. Хранить значитъ отдавать гніенію; всякая остановка есть паденіе; застой есть разрушеніе. Храненіе есть заповѣдь завѣта ветхаго, неполнаго, завѣта, въ которомъ и Божество представляютъ почившимъ, и предметомъ упованія ставится покой, такъ что субботній покой считается праздникомъ для человѣка. Мало-того, дѣятельность человѣческая смертоносна и не можетъ быть иною, если не поставитъ себѣ цѣлью воскрешенія. Такова и европейская цивилизація; ходъ ея разрушителенъ: поселеніе европейцевъ среди дикарей сопровождается вымираніемъ послѣднихъ; въ борьбѣ съ туземцами принимаетъ участіе и растительная и животная жизнь; европеецъ несетъ съ собою свою флору и свою фауну; торжество его сопровождается искорененіемъ не только человѣка въ нецивилизованныхъ странахъ, но и гибелью туземной флоры и фауны. И между тѣмъ это страшное явленіе не стало вопросомъ, не сдѣлалось предметомъ изслѣдованія, а принимается какъ явленіе неизбѣжное, роковое. Почему европейская цивилизація смертоносна,—въ этомъ не хотятъ дать себѣ отчета, и потому цивилизація остается слѣпою. Явленіе вымиранія въ дикихъ странахъ только проявляется съ наибольшею рѣзкостью, дѣйствуетъ же оно вездѣ и всегда, составляя необходимую принадлежность цивилизаціи, и у народовъ наиболѣе цивилизованныхъ вымираніе уже начинается.

Признавъ своимъ долгомъ всеобщее воскрешеніе, для насъ не будетъ страшно признать, что все первобытное человѣчество виновно въ грѣхѣ каннибализма даже самыхъ близкихъ, и осудить этотъ грѣхъ мы не имѣемъ права, потому что и въ настоящее время живемъ на счетъ предковъ, изъ праха которыхъ извлекаемъ и пищу и одежду; такъ что всю исторію

можно раздѣлить на два періода: 1-й періодъ прямого, непосредственнаго каннибализма, и 2-й, людоѣдства скрытаго, продолжающійся и доселѣ, который и будетъ продолжаться пока человѣкъ не найдетъ выхода изъ своего заключенія на землѣ. Но за этимъ вторымъ періодомъ необходимо долженъ послѣдовать третій,—періодъ всеобщаго воскрешенія, какъ единственно дѣйствительнаго искупленія грѣха каннибализма.

14. Полная добродѣтель состоитъ въ соединеніи нравственности съ знаніемъ и искусствомъ; такая добродѣтель,—(а не отсутствіе лишь порока), не дѣлаетъ только достойными счастія, но и даетъ его; она есть не только благо или добро, но и само блаженство. И душеприказчество, т. е. воскрешеніе, есть не долгъ, не приказъ, или повелѣніе только, но и желаніе нашей души, сохранившей дѣтское чувство, или добродѣтель; ибо душа согласно евангельскому критерію, есть «любы», и любовь именно сыновняя, которая по наслѣдственному сходству не можетъ думать о себѣ, не думая объ отцахъ. Заповѣди блаженства состоятъ въ соединеніи добродѣтели со счастіемъ, при чемъ связь между ними не трансцендентная, а имманентная. Всѣ заповѣди блаженства, сказанныя въ нагорной проповѣди, сокращаются въ одну, сказанную по воскресеніи апостолу Ѳомѣ,—(т. е. всѣмъ сомнѣвающимся отъ полноты любви): «блаженны не видѣвшіе, но сохранившіе вѣру,» т. е. вѣрность при исполненіи общаго дѣла, потому что они узрятъ Христа со всѣми умершими, какъ награду своего общаго братскаго труда, или вѣрнѣе, какъ результатъ его.

Полный долгъ есть воскрешеніе, т. е. обращеніе міра несвободнаго, гдѣ все опредѣляется физическою необходимостью, причинностію, въ міръ сознательный, свободный, который теперь мы можемъ представить себѣ лишь мысленно, должны же осуществить его дѣйствительно, потому что это не идеалъ только, а проектъ; въ такомъ осуществленіи и состоитъ добродѣтель, которой необходимо принадлежитъ свобода и безсмертіе, которая не дѣлаетъ людей только достойными счастья, но и даетъ имъ счастье, которая есть, слѣдовательно, не только благо или добро, но и блаженство Это не та безсильная, только личная или общественная добродѣтель, которая, повторяемъ, способна дѣлать людей лишь достойными счастья, эта добродѣтель есть трудъ, доблесть всѣхъ, обращающая слѣпую, смертоносную силу природы въ управляемую разумомъ, въ живоносную; (поклоненіе же слѣпой силѣ есть отреченіе отъ Бога и обращеніе человѣка въ животное); потому-то она и заключаетъ въ себѣ силу дѣлать людей счастливыми. Такимъ образомъ человѣкъ, устраняя изъ своихъ дѣйствій личныя побужденія, стремленіе къ личному счастію, необходимо однако достигаетъ его, потому что общая добродѣтель, т. е. дѣло всѣхъ, есть причина и воскрешенія всѣхъ, слѣдовательно и личнаго безсмертія. **Жить нужно не для себя (эгоизмъ) и не для другихъ (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ**; это и есть объединеніе живущихъ (сыновъ) для воскрешенія умершихъ (отцовъ).

Вопросъ «зачѣмъ страдаютъ добрые люди въ этомъ мірѣ и благоден-

ствуютъ злые?» названъ новымъ евреемъ (Гейне) проклятымъ. Но прежде всего на него нужно отвѣтить, что будутъ страдать добрые; а иногда и недобрые, до тѣхъ поръ, пока будетъ задаваться вопросъ «почему благоденствуютъ злые?» Когда сокрушаются о страданіи добрыхъ,—это понятно; но какому благоденствію злыхъ завидуетъ Гейне, душевному ли ихъ расположенію, или же матеріальной обстановкѣ? Если же изъ приведеннаго вопроса устранить зависть, то останется, зачѣмъ страдаютъ вообще люди? Точно также, если бы добрые люди поняли, что благъ единъ только Богъ, какъ это сказалъ Тотъ, Кто былъ подъ крестной ношей, тогда, быть можетъ, они поняли бы и то, что истинно золъ одинъ лишь діаволъ, и тогда опять таки не пришлось бы задавать вопроса, ни о безусловно добрыхъ, ни о безусловно злыхъ, и остался бы одинъ вопросъ о страданіи вообще людей; но тогда и понятіе добрый приняло бы иной смыслъ. Если съ понятіемъ добрый, благій будетъ соединено, какъ въ Богѣ, понятіе вѣдѣнія и силы, а не отсутствіе лишь порока, какъ въ добрыхъ людяхъ, т. е. если бы добродѣтель не дѣлала бы лишь достойными счастья, но была бы силой, дающею счастье, то тогда никто бы не страдалъ и не былъ злымъ. Если же мы будемъ разсматривать добродѣтель отвлеченно отъ силы, если слабость знанія, слабость физическая совмѣстимы съ добродѣтелью, то пассивное исполненіе заповѣдей, т. е исполненіе заповѣдей лишь въ тѣсномъ смыслѣ, лишитъ ли огонь силы жечь, воду—топить и т. п.? Итакъ, чѣмъ же должно быть добро, чтобы добрые люди не страдали?. Когда наступаетъ голодъ, трудившіеся не собираютъ плодовъ своего труда, но не собираютъ потому, что трудъ ихъ направленъ къ извлеченію наибольшаго дохода, а не къ обезпеченію вѣрнаго урожая. Трудъ есть добро, но, не говоря уже о хищеніи, онъ не обладаетъ ни знаніемъ условій, отъ коихъ зависитъ урожай, ни силою или искусствомъ управлять этими условіями, потому что знаніе служитъ интересамъ промышленности и торговли, а силы и дѣятельность человѣческія поглощены производствомъ и обработкою предметовъ роскоши и торговлею ими. Хотя и объ этихъ послѣднихъ занятіяхъ говорятъ, будто и они даютъ хлѣбъ, но чтобы понять всю несостоятельность такого выраженія, достаточно представить себѣ, что всѣ люди, оставивъ земледѣліе, обратились бы къ промышленности и торговлѣ, т. е. къ производству предметовъ роскоши; тогда человѣчеству оставалось бы только умереть съ голода. Обращеніе же всѣхъ безъ исключенія людей къ земледѣлію, обращеніе на земледѣліе всей силы знанія, обѣщало бы возможность изученія всѣхъ условій урожая и, слѣдовательно, возможность управленія ими. Изъ этого очевидно, что дѣйствительная истинная добродѣтель можетъ заключаться только въ управленіи слѣпыми силами природы. Германскій философъ (Кантъ), давая критерій для опредѣленія истинно-добраго дѣла, въ видахъ отличія отъ мнимодобраго, пользуется этимъ критеріемъ совершенно произвольно, такъ что долгъ, безусловный по формѣ, по содержанію оказался правиломъ, опредѣляющимъ мелочныя отношенія, до разрѣшенія вопроса о томъ, позволи-

тельно ли принимать приглашеніе на неумѣренность, безъ всякаго стремленія къ выходу изъ этихъ отношеній, хотя они далеко не могутъ быть признаны истинно-нравственными.

Настоящая жизнь, что называется земная жизнь, (какъ будто иные міры существуютъ не въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и земля, какъ будто и они не земли, – если не разумѣть подъ неземною жизнью чего-то трансцендентнаго, чего-то мистическаго), настоящая жизнь, ограничиваемая краткимъ временемъ и тѣснымъ пространствомъ, (если человѣкъ свободенъ, то свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ), по мѣрѣ того, какъ условія, въ которыя поставленъ человѣкъ, будутъ обращаться въ орудія его воли, т. е. по мѣрѣ исполненія долга, заключающагося въ управленіи слѣпыми силами природы, настоящая земная жизнь будетъ расширяться до границъ самой природы, ибо сама природа, сознавая въ насъ свою несвободу, чрезъ насъ же обращается въ міръ свободныхъ, безсмертныхъ личностей. Вѣрнѣе же сказать, такое превращеніе міра производится чрезъ насъ Богомъ, и именно Тріединымъ Существомъ, Которое, когда совершится такое превращеніе міра, найдетъ въ немъ свое выраженіе.

15. Полный долгъ заключается въ десяти ветхозавѣтныхъ заповѣдяхъ, понятыхъ по-христіански, претворенныхъ въ одну общую, единственную заповѣдь всеобщаго воскрешенія. Это путь, по которому можетъ, или даже необходимо должно, перейдти старо-и ново-іудейство въ христіанство. Долгъ въ истинно-христіанскомъ его значеніи требуетъ, чтобы заповѣдь служить истинному Богу и не творить себѣ подобій, была понята въ самомъ обширномъ, положительномъ, а не въ ветхозавѣтномъ, или отрицательномъ, смыслѣ. Ветхій завѣтъ не давалъ первымъ двумъ заповѣдямъ должнаго значенія, ибо, понятыя по христіански, онѣ оказались бы въ явномъ противорѣчіи съ третьею и, особенно, съ четвертою заповѣдью. Вопреки 1-й и 2-й заповѣдямъ, требующимъ безусловнаго служенія только истинному Богу, 3-я разрѣшаетъ служеніе суетѣ, запрещая лишь смѣшивать это служеніе съ служеніемъ Богу; и разрѣшеніе это, очедвидно, равнозначуще разрѣшенію, заключающемуся въ 4-й заповѣди: шесть дней творить всѣ дѣла свои и только седьмой посвящать на служеніе Богу. Шесть дней служить своимъ личнымъ пользамъ и выгодамъ (узаконеніе розни), творить въ нихъ всякаго рода подобія (т. е. обожать вещь, дѣлаться орудіемъ слѣпой силы природы и забывать объ истинно-подобныхъ), а въ седьмой день бездѣйствіемъ или даже только мысленно служить Богу, это, конечно, значитъ одинъ день мнимо лишь служить истинному Богу (суббота—отрицаніе розни, но не положительное, дѣятельное братство), а шесть дней истинно служить ложнымъ богамъ; это значитъ творить свой искусственный мірокъ на подобіе естественнаго, а не возсоздавать міръ естественный по образу Тріединаго Бога. Должно замѣтить, что подъ подобіемъ мы разумѣемъ не невинныхъ идоловъ, которыхъ такъ усердно истребляли, а всю ту обстановку, каоторая служитъ виною, причиною споровъ, раздоровъ, приводящихъ къ смерти. При возсозданіи же, или тож-

дественномъ возвращеніи, такого раздвоенія быть не можетъ; тогда во всей шестидневной работѣ человѣческой выражалось бы дѣло Божіе, и въ самомъ голосѣ человѣчества слышался бы голосъ Сына человѣческаго: «грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія, и услышавши оживутъ» (Іоан. V, 25),– **оживутъ, конечно, матеріально, видимо, осязаемо.**– Христіанство и будничный трудъ возвышаетъ до работы воскрешенія, а праздничное бездѣлье обращаетъ въ дѣло воскрешенія.

Противорѣчіе между первыми двумя заповѣдями, понятыми въ христіанскомъ смыслѣ, съ одной стороны, и слѣдующими двумя, третьею и четвертою, – съ другой, кончится, когда 3-я заповѣдь будетъ понята, какъ запрещеніе служить мануфактурно-торговой суетѣ города, а 4-я не будетъ разрѣшеніемъ селу служить слѣпой, смертоносной силѣ природы, а, напротивъ, будетъ повелѣніемъ обратить ее въ животворную силу (пасха) для служенія Богу не мертвыхъ, а живыхъ. Вторая заповѣдь, понятая не отрицательно, а положительно, требуетъ отъ четвертой обращенія суточной и годовой работы во внѣхрамовую литургію, обращенія слѣпого прогресса въ пасхальный ходъ, превращенія шестидневныхъ личныхъ дѣлъ, искусственной недѣли и такой же искусственной пасхаліи въ общее дѣло, управляющее естественными измѣненіями годовыми и суточными. Пятая заповѣдь будетъ имѣть христіанскій смыслъ, когда почитаніе родителей при жизни обратится, станетъ воскрешеніемъ по ихъ смерти, а долголѣтіе, награда за почтеніе, будетъ безсмертіемъ. Шестая и седьмая заповѣди, (подъ нарушеніе коихъ могутъ быть подведены всѣ преступленія), понятыя даже по христіански, только приготовляютъ души, очищая ихъ отъ мыслей, заключающихъ въ себѣ ненависть, зависть и всякаго рода вожделѣнія, приготовляютъ къ одной не отрицательной, а положительной заповѣди всеобщаго всскрешенія, которое освобождаетъ даже отъ невольнаго грѣха, отъ грѣха вытѣсненія младшими старшихъ. VI-я заповѣдь, запрещая ненависть, непріязнь, требуетъ любви, а VII-я, запрещая прелюбы, предостерегаетъ отъ искаженія любви; седьмою заповѣдью осуждается слѣпая любовь, ибо безсознательная, чувственная любовь (отдѣленіе чувства отъ знанія), такая любовь, какъ и злоба, производитъ смерть. Шестая заповѣдь въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ не лишить жизни ни единаго, самаго малаго живого существа, и въ самомъ глубокомъ—не помыслить даже зла, неисполнима, какъ неисполнима и VII-я заповѣдь, понятая въ строгомъ смыслѣ, потому что такое исполненіе этой послѣдней повело бы къ прекращенію рода. Неисполнимость отрицательныхъ заповѣдей требуетъ исполненія положительной заповѣди воскрешенія; и въ неисполнимости «не убій» заключается необходимость не только воскрешенія, но и гарантія возвращенія къ жизни всѣхъ.

Итакъ всѣ преступленія разрѣшаются въ прямое или косвенное нарушеніе шестой заповѣди, также какъ всѣ добродѣтели разрѣшаются, прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, въ одну великую добродѣтель, во Всеобщее Воскрешеніе, ибо оно есть не мнимое или только

внутреннее раскаяніе, а дѣйствительное возвращеніе всего отнятаго, похищеннаго, полное заглажденіе всѣхъ нарушеній шестой заповѣди. Въ обширную область преступленій противъ этой заповѣди входятъ не только всякаго рода оскорбленія,—(медленное убійство), но и похищеніе вещей, т. е. нарушеніе 8-й заповѣди; ибо похищая вещь, мы похищаемъ нѣкоторую долю жизни, потому-то вещи или имущество и называются очень выразительно «животами». Подъ похищеніемъ-же нужно разумѣть и пріобрѣтеніе вещей по низкимъ цѣнамъ, возникающимъ по случайностямъ спроса и предложенія, возведеннымъ экономическою наукою въ законъ, которому будто бы подчинены, или должны подчиняться, отношенія разумныхъ существъ. Кромѣ того, похищая въ чужомъ трудѣ (т. е. въ вещи) частицу жизни, мы въ тоже время освобождаемъ себя отъ труда; убивая, мы не хотимъ возвратить жизни, такъ какъ трудъ отчасти уже есть, а долженъ-бы быть вполнѣ дѣйствіемъ воскрешенія. Цѣнность труда опредѣляется только отношеніемъ къ воскрешенію; изойдти трудомъ, какъ этого требуетъ долгъ, значитъ превратиться въ дѣло, въ дѣйствіе воскрешенія; положить душу свою въ трудъ, значитъ ускорить свое и всѣхъ воскресеніе. Итакъ преступность VIII-й заповѣди поднимается до преступности VI й, а добродѣтель труда возвышается до заповѣди воскрешенія; ветхозавѣтное «не убій!»—превращается въ новозавѣтное – «воскрешай!» въ смыслѣ всеобщаго, совокупнаго дѣла.

И въ этомъ заключается полная противоположность двумъ современнымъ направленіямъ, изъ которыхъ одно видитъ единственное спасеніе въ самомъ строгомъ исполненіи VIII-й заповѣди и готово было-бы даже уничтожить праздники, потому что люди этого направленія и въ праздникахъ усматриваютъ похищеніе ихъ собственности, богатства, которое могло бы быть пріобрѣтено для нихъ, если бы праздникъ обратился въ рабочій день. Другое же современное направленіе, ставя вещь также высоко, какъ и первое, видя въ доставляемыхъ вещью удобствахъ и наслажденіяхъ единственно возможное для человѣка благо, желало бы совершеннаго уничтоженія восьмой заповѣди, какъ одной изъ немалыхъ преградъ къ уравненію состояній, въ неравенствѣ которыхъ люди этого направленія полагаютъ начало всѣхъ золъ человѣческаго рода.

16. Всякое общество теряетъ подобіе Тріединому, вноситъ въ себя мракъ (невѣжество) и смерть, если вещь въ этомъ обществѣ предпочитается взаимности. Раздоръ, вносимый вещью, отчуждаетъ людей другъ отъ друга, душа дѣлается потемками, а наружность перестаетъ быть вѣрнымъ выраженіемъ, откровеніемъ души, дѣлается оболочкой, скрывающей душу, обманомъ. Это и есть обскурантизмъ, при которомъ лицезрѣніе уже не значитъ душезрѣніе, когда о внутреннемъ можно только догадываться, дѣлать заключенія, предположенія, т. е. мыслить, а не видѣть; доказательство-же состоитъ въ превращеніи мыслимаго, представляемаго, въ видимое, очевидное, при чемъ знаніе тождественно просвѣщенію, а общество есть проявленіе знанія.

Какъ корыстолюбіе, (когда вещь предпочитается взаимности), такъ и властолюбіе вноситъ мракъ, обскурантизмъ въ общество, и такое общество не можетъ быть подобіемъ Тріединому Богу. Какъ только мысль отдѣляется отъ дѣйствія, мыслящее отъ дѣйствующаго, послѣднее становится слѣпымъ, а мыслящее дѣлается теоретическимъ; мракъ отдѣляетъ интеллигенцію отъ темнаго сословія; темное для себя, это сословіе темно и для интеллигенціи; знаніе интеллигенціи—не прямое знаніе, а лишь отраженное, блѣдный образъ. Чѣмъ слѣпѣе, рутиннѣе становится дѣйствіе, тѣмъ темнѣе оно для себя, тѣмъ менѣе выражаетъ оно себя и для другихъ, тѣмъ менѣе оно познаваемо. Обращеніе дѣйствующаго въ сознающаго, и мыслящаго въ дѣйствующаго будетъ уподобленіемъ нераздѣльности, единству. Вещь (природа) будетъ для насъ явленіемъ, исчезаемымъ, пока она будетъ раждаться, происходить помимо нашего сознанія и воли. До тѣхъ поръ мы не будемъ знать ни себя, ни внѣшняго міра, до тѣхъ поръ невозможно и взаимознаніе, пока матерія, не проникнутая свѣтомъ, дѣйствіемъ, будетъ стоять между нами, какъ сила разъединяющая и насъ самихъ превращающая въ явленія. Одно возстановленіе исчезнувшаго, обращеніе его въ сознающее и дѣйствующее есть доказательство, полное знаніе и прочное, безсмертное существованіе.

17. Промышленное направленіе, стремящееся обратить всѣ дни въ однообразную, прозаическую, душеубійственную работу, а съ другой стороны, общество такъ называемаго воскреснаго покоя, воскресной, такъ сказать, субботы, усиливающееся подъ видомъ христіанства возстановить іудейство,—эти два противоположныя направленія представляютъ въ настоящемъ вѣкѣ два самыхъ существенныхъ разрѣшенія вопроса о долгѣ. Но фабричное язычество, лишенное даже истинной, дѣйствительной художественности, обращающее творческія силы людей на производство вещей домашняго употребленія, (Примѣч. 22 е), какъ и прикрывающееся именемъ христіанства іудейство, безсильны рѣшить этотъ вопросъ. Нынѣшняя работа рѣзко отличается отъ прежняго труда; главная трудность ея состоитъ не въ усиленной дѣятельности всего человѣка, (ибо въ работѣ нерѣдко участвуетъ лишь нѣсколько пальцевъ),—непріятная сторона ея, полагаемъ, заключается въ усиліи держать въ бездѣйствіи всѣ остальные, неучаствующіе въ работѣ члены. Послѣ такого вынужденнаго шестидевнаго бездѣйствія седьмой день можетъ разрѣшаться только разгуломъ, а не покоемъ. Рабство древняго классическаго міра, сравнительно съ рабствомъ нынѣшняго времени, можетъ быть названо номинальнымъ; хотя рабы тогда и считались вещью, но работа ихъ не была такъ однообразна, какъ въ настоящее время, и между этими рабами были и такіе, которые занимались умственной работой, тогда какъ нынѣшніе рабы суть дѣйствительныя вещи, или машины, исполняющія однообразныя операціи. Итакъ, ни нынѣшній покой, или іудейство, ни современное язычество, или фабричная работа, не рѣшаютъ вопроса; одно воздержаніе отъ суетности, доведенное даже до возможныхъ человѣку предѣловъ, а не въ теченіи одного лишь дня въ не-

дѣлю, не можетъ еще привести къ цѣли; точно также не достигнетъ человѣкъ ея и въ томъ случаѣ, если обратится въ машину для производства фабричной работы.

Нельзя лицемѣрить съ воскрешеніемъ, ибо оно одно и есть истинное дѣло, замѣняющее праздность и освобождающее отъ фабричной работы!..

18. Воскрешеніе есть заповѣдь не новая, а столь же древняя, какъ культъ предковъ, какъ погребеніе, которое было попыткою оживленія; оно также древне, какъ и самъ человѣкъ. Воскрешеніе есть естественное требованіе человѣческой природы и оно исполнялось насколько человѣкъ былъ сыномъ человѣческимъ, и не исполнялось поскольку въ человѣкѣ оставалось животнаго. Долгъ воскрешенія, долгъ къ отцамъ, сыновній долгъ, какъ его можно назвать, явился въ міръ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Для воскрешенія человѣкъ возсталъ, принялъ вертикальное положеніе, положеніе сторожевое и трудовое. Востаніе, сдѣлавшееся постояннымъ, проявляющееся въ непрерывной бдительности, наблюдательности, и въ непрерывной работѣ, замѣняющей даровое трудовымъ, выражаетъ не положеніе только, но этимъ востаніемъ даются уже средства, направленіе, смыслъ и цѣль, имъ открывается сознаніе себя сыномъ человѣческимъ. Съ того момента, какъ человѣкъ обратилъ взоры къ небу, принялъ вертикальное положеніе, вся дѣятельность его, какъ она ни извращалась, имѣла цѣлью служеніе отцамъ. Это служеніе заключалось особенно въ земледѣліи, которое въ глазахъ человѣка было необходимо не для сохраненія только жизни живыхъ, но и для возстановленія жизни умершихъ. Даже сдѣлавшись гражданиномъ, отрѣшившись отъ связей съ живой природой, человѣкъ не переставалъ, хотя и невольно, выражать этотъ долгъ и въ знаніи и въ искусствѣ; даже самые пороки его, корыстолюбіе, тщеславіе, были лишь извращеніемъ этой добродѣтели, этого долга. Вся дѣятельность его объясняется изъ чувства смертности и соотвѣтствующаго ему стремленія къ воскрешенію, постоянно, впрочемъ, нарушаемаго животнымъ стремленіемъ къ самосохраненію и наслажденію.

19. Древней исторіи давало смыслъ исканіе страны умершихъ отцовъ, рая, которое отчасти и замѣняло стремленіе къ воскрешенію, видоизмѣняло его; но это могло продолжаться до тѣхъ лишь поръ, пока земля не вся еще была открыта, пока оставалось еще мѣсто для миѳической географіи, для рая и ада. Недостатокъ средствъ жизни, добываемыхъ для живыхъ и умершихъ, былъ лишь побужденіемъ, ускорявшимъ движеніе, которое понималось какъ возвращеніе въ страну предковъ; представленіе предковъ удалившимися въ иныя страны служило оправданіемъ движенія, переселенія, а могилы ихъ, которыя признавались нелишенными жизни, были причиною, задерживавшею движеніе. И статика, и динамика человѣческаго рода имѣетъ въ своемъ основаніи вѣру или мысль объ отцахъ; движеніе и покой человѣческаго рода держатся на этомъ представленіи.

Кратко вся исторія дохристіанскаго міра, до Воскресенія Христова, можетъ быть выражена такъ: Древній міръ ставилъ главною цѣлью своего существованія сохраненіе или заботу о жизни предковъ, которыхъ онъ

представлялъ себѣ живущими, хотя и иною, чѣмъ мы, жизнью, причемъ благогостояніе умершихъ, по мнѣнію древнихъ, зависѣло отъ жертвъ, приносимыхъ еще неумершими, а для сохраненія души нужно было создать ей тѣло, такъ что сохраненіе души было возстановленіемъ тѣла. Во всѣхъ открытіяхъ, на сушѣ и на морѣ, выражалось стремленіе отыскать страну умершихъ; по крайней мѣрѣ, въ народныхъ сказаніяхъ придавался такой смыслъ всѣмъ этимъ открытіямъ, судя по тому, что всѣ путешествія на Западъ моремъ и на Востокъ сушею, начиная съ Одиссея и до экспедиціи Александра, заканчивались, по народнымъ легендамъ, открытіемъ рая и схожденіемъ въ адъ. Морскія путешествія могли представляться для народа средствомъ къ открытію «страны мертвыхъ» еще скорѣе, чѣмъ сухопутныя, потому что у приморскихъ народовъ гробомъ служила лодка, (почему и самое названіе корабля «naos» имѣло общій корень съ «навье» умершій), лодка, которую уносило въ невѣдомыя страны Запада или Востока, и за «вратами плача» (Бабъ-эль-Мандебъ) встрѣчаемъ Эдемъ (Аденъ), рай. Мореплаватели шли, можно сказать, по слѣдамъ покойниковъ; такимъ образомъ проложилъ себѣ древній человѣкъ путь и чрезъ Геркулесовы Столпы, въ Западный Океанъ. Открытія Восточныя, сухопутныя, завершились походомъ Александра въ Индію; этотъ походъ въ народномъ представленіи является «хожденіемъ Александра въ ту страну, гдѣ небо сближается, соткнулось съ землею, гдѣ начинается рай» (поэма «Александрія»). Такія путешествія, хотя и мнимыя, выражаютъ дѣйствительную потребность сближенія съ умершими, потребность возвращенія ихъ изъ области тьмы (ада) къ жизни. Но страну умершихъ, т. е. рай и адъ, по мѣрѣ открытій, по необходимости, приходилось отодвигать все дальше и дальше, потому что представлять ее возможно было лишь за предѣлами извѣстнаго, уже открытаго; и вотъ древній міръ, отыскивая предковъ, открылъ Индію, и это открытіе повлекло его къ измѣнѣ долгу, къ соблазну поставить наслажденіе настоящимъ на мѣсто служенія отцамъ. (Примѣч. 23 е). Услужливая философія явилась для оправданія измѣны, поколебавъ и даже совсѣмъ уничтоживъ вѣрованіе въ существованіе ада и рая и въ самую загробную жизнь. Философія, начавшаяся сомнѣніемъ въ необходимости заботъ о предкахъ, (что составляло цѣль существованія живыхъ), кончила всеобщимъ скептицизмомъ.

20. Основою всего общественнаго устройства Еврейскаго народа было сознаніе паденія и необходимости возстановленія. Сознавая невозможность противостоять искушеніямъ къ нарушенію разъ установленнаго общественнаго порядка, законодательство Еврейскаго народа назначило особые періоды для возстановленія его: седьмой день, седьмой мѣсяцъ, седьмой годъ, семь седьминъ годовъ; чѣмъ длиннѣе былъ періодъ, тѣмъ полнѣе требовалось возстановленіе. По истеченіи семи седьминъ годовъ трубнымъ звукомъ возвѣщалось измученнымъ, впавшимъ въ рабство, свобода, плѣннымъ — отпущеніе, возвращеніе къ своей семьѣ, къ родной землѣ; никакого труда, ни посѣва, ни обработки не полагалось въ этотъ золотой годъ; плоды же,

порожденные безъ труда, должны были отдаваться нуждающимся или составляли общее достояніе. Это—юбилей или, можно сказать, «лѣто Господне благопріятно,» ибо и пророки возвѣщали тотъ же юбилей, только имѣющій наступить чрезъ болѣе продолжительный періодъ и такимъ образомъ, что для практической жизни было юбилеемъ, то у пророковъ было царствомъ Божіимъ. Страшный судъ и воскресеніе, возвѣщаемые трубнымъ же гласомъ, развились, очевидно, изъ тѣхъ же юбилейныхъ праздниковъ. Идея о страшномъ судѣ и воскресеніи развивалась по мѣрѣ того, какъ Іудеи приходили въ столкновеніе все съ болѣе и болѣе отдаленными народами; сначала это было возвращеніемъ только плѣнныхъ, затѣмъ собираніемъ и возвращеніемъ цѣлаго народа, и наконецъ, въ эпоху Маккавейскую, сдѣлалось воскресеніемъ, но не всеобщимъ, а воскресеніемъ только праведниковъ Еврейскаго народа; всеобщность же эта идея пріобрѣла только въ христіанствѣ. Еврейскій народъ отъ переворота, который долженъ былъ обнять и небо, и землю, ожидалъ блага только для своего племени и зла для всѣхъ другихъ народовъ. Іудейство въ самую идею будущаго блаженства праведниковъ (т. е Іудеевъ) вносило, какъ необходимую составную часть, наказаніе язычниковъ; утѣшеніемъ Израилю служило не всеобщее воскресеніе, а страшный судъ и наказаніе тѣхъ, кого онъ считалъ своими врагами; тогда какъ весь смыслъ христіанства заключается именно во всеобщемъ воскресеніи; страшный же судъ есть только угроза для младенчествующаго еще человѣчества. Іудейство отличается отъ христіанства еще и тѣмъ, что оно—только ожиданіе всеобщаго обновленія; ожидаетъ оно его еще и теперь, и своимъ догматомъ объ ожидаемомъ Мессіи возбуждаетъ, вызываетъ появленіе мессій, а затѣмъ казнитъ ихъ, продолжая считать себя невиннымъ (Примѣчаніе 24-е). Христіанство же есть не ожиданіе только обновленія, воскресенія, а самое дѣйствіе, осуществленіе его, хотя и замедляемое противодѣйствіемъ іудейства, язычества и проч. Христіанство въ тоже время есть проповѣдь противъ субботъ, субботнихъ годовъ, вообще противъ юбилеевъ, въ смыслѣ покоя и бездѣйствія; христіанство есть не суббота, а воскресеніе. Если это не такъ, то въ чемъ же смыслъ христіанства, какая разница между вторымъ пришествіемъ Христа, ожидаемымъ христіанами, и первымъ пришествіемъ Мессіи, котораго все еще ждутъ Евреи?... (Примѣчаніе 25 е).

21. Юбилеи, хотя и были исполненіемъ божественнаго закона, даннаго на Синаѣ, могли, однако, выражаться только въ дѣйствіи самихъ же людей, были, слѣдовательно, согласно Божественному велѣнію, актомъ человѣческой воли. Если впослѣдствіи они превратились въ ожиданіе только обновленія, то это было искаженіемъ закона, и христіанство вновь обратило человѣка отъ пассивнаго ожиданія къ забытому имъ дѣлу своего спасенія. Христіанство, называя ветхозавѣтную религію сѣнью, прообразованіемъ новаго завѣта, потому уже не можетъ ограничиваться храмовою литургіею, что въ такомъ случаѣ оно и само было бы только сѣнью, прообразомъ воскресенія. Первоначально въ литургіи соединялись всѣ таинства,

и сама она была таинствомъ, совокупностью таинствъ, или дѣломъ искупленія; она не была только храмовою службою, а была нераздѣльна отъ жизни, литургія была дѣломъ, которое въ первыя времена христіанства обнимало, поглощало всю жизнь христіанъ. Распространеніе христіанства, т. е. оглашеніе языческаго міра, пріобщеніе новыхъ членовъ къ первоначальному ядру, или распространеніе братства, и было литургіею оглашенныхъ, и вся литургія была дѣломъ еще только объединенія, собиранія, ибо вопросъ о регуляціи, объ обращеніи слѣпой, смертоносной силы природы въ живоносную не могъ тогда еще и возникнуть. Оглашеніе часто заканчивалось тогда открытымъ исповѣданіемъ и крещеніемъ огнемъ и кровью, т. е. гоненіями, и литургія, такимъ образомъ, становилась исторіею христіанства. Церкви не оставались тогда чуждыми другъ другу, но сносились между собою посланіями, читавшимися на собраніяхъ вѣрующихъ, которые были тогда не вѣрующими только, но и соединенными любовію, т. е. вѣрными; въ чтеніяхъ этихъ посланій выражалось единеніе собранныхъ по образу небеснаго согласія, и этими посланіями поддерживалось и укрѣплялось единеніе, общеніе. И мы вѣрнѣе сохранили бы преданіе, если бы не ограничивались перечитываніемъ старыхъ только посланій; обративъ же проповѣданіе Евангелія въ чтеніе, мы являемся рѣшительными нарушителями преданія, что можно видѣть и изъ самаго положенія благовѣствующаго, который въ настоящее время стоитъ отвратившись отъ народа, которому проповѣдуетъ.

Когда христіанство сдѣлалось, какъ говорятъ, господствующимъ, тогда распространеніе христіанства и возвращеніе отпадшихъ обратилось въ насиліе, оглашеніе—въ священныя войны, сами крестители и апостолы стали меченосцами, а покаяніе—инквизиціею, внѣшнее пріобщеніе къ церкви превратилось во внутреннее разобщеніе, литургія стала только храмовою службою и изъ нея выдѣлились, утративши единство, всѣ таинства, которыя сдѣлались частнымъ, семейнымъ дѣломъ, а не общимъ. Даже самая сущность литургіи оглашенныхъ, братотвореніе, выдѣлилось въ особый чинъ, который и былъ названъ **чиномъ братотворенія**; но чинъ этотъ, по выдѣленіи изъ литургіи, остался безъ всеобщаго усыновленія. Братотвореніе, по отвлеченіи его отъ литургіи, изъ всеобщаго сдѣлалось частнымъ, братство установлялось уже не между всѣми, а только между двумя, какъ и крещеніе, т. е. всеобщее усыновленіе, совершаемое внѣ литургіи, становилось частнымъ дѣломъ: крещаемый воспринимался не многими, которые (т. е. крестные отцы) при этомъ утратили и значеніе представителей церкви, ибо не сею послѣднею назначались, а избирались только родителями крещаемаго. Существованіе особаго чина **усыновленія** (См. «Новая Скрижаль.» Веніамина) ни мало не содѣйствовало общему усыновленію, практическимъ, дѣловымъ приложеніемъ коего можетъ быть только всеобщее воскрешеніе и приготовленіе къ нему, т. е. всеобщее воспитаніе; не соотвѣтствіе же союза, который установлялся особымъ чиномъ братотворенія, союзу христіанскому, какъ союзу всеобщечеловѣческому, привело къ уни

чтоженію и самого чина братотворенія, который былъ не только оставленъ, но и осужденъ. [Матвѣй Властарь, XIV-го вѣка:—«Отъ церковнаго и царскаго закона возбранено, потому что служило, (дѣйство братотворенія), поводомъ къ сопротивленію законамъ и къ возмущеніямъ»]. Судя по молитвамъ, употреблявшимся при чинѣ братотворенія, и эктиньямъ, приводимымъ у Гоара, оно имѣло не частное только, а всеобщее значеніе, ибо благословеніе на братскій союзъ испрашивалось во имя созданія человѣка по образу и подобію Божію, во имя апостольскаго союза, и уже послѣ всего воспоминались примѣры дружбы Сергія и Вакха, Космы и Даміана, Кира и Іоанна; еще яснѣе открывается значеніе этого чина изъ Апостола и Евангелія, при семъ читавшихся (I-е Коринѳ. XII, 27—XIII, 8; Ев. Іоан. XVII, 18—26). (Описаніе Сунодальныхъ рукописей Горскаго и Новоструева. Отд. III, I, стр. 145, № 371, л. 133, стр. 211, № 337, л. 61).—Чинъ братотворенія есть совершенное подобіе литургіи, онъ и заканчивается причащеніемъ преждеосвященными дарами; особенности этого послѣдованія, опоясываніе вступающихъ въ союзъ однимъ поясомъ, обхожденіе кругомъ аналоя при пѣніи «Призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ свой, и утверди, его же насади десница Твоя,» не потому ли не употребляются въ литургіи, что стѣны храма служатъ, можно сказать, поясомъ, связующимъ всѣхъ присутствующихъ, а ходы церковные имѣютъ смыслъ объединенія въ жизненномъ пути и въ общемъ дѣлѣ?

Кратко, тѣснѣйшая связь литургіи съ таинствами можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: **переходъ отъ литургіи оглашенныхъ** (т. е. отъ воспитанія или объединенія живущихъ, къ чему относится и **бракъ**, породненіе чужихъ) **къ литургіи вѣрныхъ** (т. е. къ **Причащенію** съ **Елеосвященіемъ**—погребеніемъ, имѣющимъ видъ воскрешенія умершихъ) совершается **чрезъ крещеніе** (т. е. усыновленіе) **съ Мѵропомазаніемъ** и **Покаяніемъ** (т. е. возвращеніемъ блудныхъ сыновъ).

Литургія оглашенныхъ была обращеніемъ языческаго міра (т. е. людей, утратившихъ братство по причинѣ забвенія отцовъ, какъ одного отца,) въ христіанство чрезъ единичное крещеніе, или же возвращеніемъ чрезъ покаяніе снова, послѣ уже обращенія, отпавшихъ въ язычество. Самое обращеніе было оглашеніемъ или воспитаніемъ, которое, однако, не принимало во вниманіе причинъ небратства, почему христіанство и не стало дѣйствительнымъ братствомъ сыновъ, и дѣло ихъ, (литургія вѣрныхъ), не было явнымъ, а лишь таинственнымъ воскрешеніемъ, лишь образомъ, сѣнью его.

Внѣ Греко-Римскаго міра, и особенно у насъ, обращеніе состояло въ общемъ крещеніи безъ предварительнаго оглашенія. Особой, отдѣльной народной школы, помимо храма, особаго обученія, кромѣ богослуженія, у насъ не было. Участіе въ общемъ богослуженіи въ храмѣ съ иконописью, какъ одною картиною, служило средствомъ народнаго образованія; и участіе въ такомъ богослуженіи могло, конечно, имѣть народообразовательное значеніе. Но было ли оно употребляемо, какъ народообразовательное

средство, исполнялся ли долгъ воспреемничества?

Кіевская Русь распространяла христіанство и, крестя безъ оглашенія, она, во исполненіе долга воспреемничества, вводила богослуженіе съ **доместеннымъ** пѣніемъ, устрояла иконописный храмъ, и все это, какъ образовательное средство, ибо и самое испытаніе, произведенное на мѣстѣ, касалось именно богослуженія, и богослуженіе избрано то, которое дѣйствовало сильнѣе, образовательнѣе. Московская Русь испытаніемъ чужихъ вѣръ не занималась и самоиспытанію себя не подвергала; это значитъ, что у нея была вѣра, но не было знанія, потому и богослуженіе не было употребляемо, какъ образовательное средство. Не имѣя знанія, не подвергая себя самоиспытанію, Московская Русь не могла ученіе о Троицѣ принимать за образецъ своей совокупной жизни; и литургія не была братотвореніемъ чрезъ усыновленіе всѣмъ отцамъ, какъ одному отцу, для исполненія долга душеприказчества, не была братотвореніемъ уже потому, что отъ литургіи отдѣлились почти всѣ таинства, образовавъ частныя службы, молебны, панихиды; самое усыновленіе (крещеніе) и погребеніе стали частнымъ дѣломъ; частныя радости и скорби не дѣлались общими; чуждость была сильнѣе единства, братства; не могло быть уже и общаго, сыновняго дѣла. Князья и еще болѣе народъ, привлеченные прямо или косвенно къ обязательной службѣ и поглощенные обороною земли, защитою отечества, могли видѣть въ богослуженіи лишь таинственное средство спасенія; образовательнымъ же средствомъ богослуженіе для нихъ не было. Подъ вліяніемъ этой именно непрерывной обороны, постояннаго ожиданія нападенія, особеннымъ почитаніемъ на Руси стали пользоваться Архистратигъ Михаилъ и Пресвятая Дѣва Богоматерь, на время какъ бы затмившіе поклоненіе Св. Троицѣ, ибо отъ Архистратига чаяли побѣды, а отъ Матери Божіей утѣшенія въ утратахъ, неизбѣжныхъ и при самыхъ побѣдахъ. И пока будетъ существовать сторожевая служба и обязательная повинность для борьбы съ себѣ подобными, до тѣхъ поръ культъ небеснаго побѣдносца и Утѣшительницы въ утратахъ будетъ затмевать почитаніе Троицы, въ коей заключается требованіе всеобщаго обязательнаго образованія во исполненіе долга воспреемничества. Во всеобщемъ воскрешеніи заключается исполненіе долга душеприказчества, а во всеобщемъ обязательномъ образованіи исполненіе долга воспреемничества, принятаго на себя еще Владиміромъ, но не исполненнаго и преемниками его; да этотъ долгъ и не могъ еще быть исполненъ по его громадности и трудности.

Если оглашеніе (образованіе) предшествуетъ обращенію, то народъ въ храмѣ бываетъ лучше, чѣмъ въ жизни; минутами въ храмѣ онъ можетъ забывать житейскія заботы, обусловливаемыя небратствомъ, а въ жизни, въ дѣйствительности, онъ остается тѣмъ же язычникомъ, какъ и прежде. Если же обращенію не предшествуетъ оглашеніе, то участіе народа въ богослуженіи не будетъ вполнѣ сознательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противорѣчіе между храмовою службою и внѣхрамовою жизнью постепенно сглаживается, та и другая подчиняются строгому уставу, не исключающе-

му, однако, ни вражды, ни другихъ пороковъ, которые уничтожаютъ всякое подобіе тому образцу, коему поклоняются. При этомъ ученіе о Троицѣ, какъ согласіи и любви, и какъ отрицаніе вражды и прелюбы, имѣетъ только самое элементарное выраженіе, такое, какому учатъ только младенцевъ; ученіе о Троицѣ будетъ при этомъ выражаться соединеніемъ трехъ одиночныхъ перстовъ въ одинъ знакъ, или знаменіе. Это, впрочемъ, естественное и необходимое начало того, полнымъ выраженіемъ чего будетъ объединеніе сыновъ для служенія отцамъ; въ такомъ перстосложеніи заключается зародышъ, который, если онъ достигнетъ совершеннолѣтія, будетъ литургіею, или дѣломъ, обращающимъ человѣческій родъ въ семью воскрешенія. Троеперстное и двуперстное знаменія столь же часто употреблялись въ храмѣ, какъ и внѣ его и произвели глубокій расколъ въ нашей церкви. Статуи, органы, иконы итальянскаго письма не употреблялись въ храмѣ, преслѣдовались и въ жизни. Вообще отвергалось все мірское, свѣтское, отвергалось общество, живущее для настоящаго, (общество половаго подбора, брачнаго пира, ассамблея), въ коемъ нѣтъ стариковъ, потому что они молодятся, нѣтъ и дѣтей, потому что они подражаютъ взрослымъ на дѣтскихъ балахъ. Это общество вѣчно юныхъ было бы въ полномъ противорѣчіи съ самимъ собою, т. е. не было бы еще полнымъ обманомъ, если бы необращало и кладбищъ въ гульбища, если бы не бѣлило и не румянило даже мертвецовъ. Точно также и старая Московская Русь противорѣчила бы себѣ, если бы допускала брадобритіе и принимала бы платье, подобія которому не находила въ церковной иконописи. Такое согласіе храма и его службы съ домашнею жизнью Московской Руси дѣлало невозможнымъ самый вопросъ о спасеніи вѣрою или дѣлами, тѣмъ или другимъ въ отдѣльности; но хотя вѣра Московской Руси и была не безъ дѣлъ, однако, она не была живою, такъ какъ и самое дѣло церковное и внѣцерковное, не было истинно-живымъ, христіанскимъ дѣломъ, не было литургіею братотворенія чрезъ усыновленіе для исполненія долга душеприказчества, какъ объ этомъ говорилось выше. Однако, дѣло это не было бездушнымъ обрядомъ, священною лишь гимнастикою, какъ говорятъ піэтисты, ограничивающіе спасеніе однимъ чувствомъ, мыслію, ибо это дѣло, обрядъ, исполнялось истово. Пока богослуженіе было обрядомъ, жизнь, оставаясь обычаемъ, не противорѣчила ему; когда же богослуженіе сдѣлается образовательнымъ средствомъ, тогда жизнь будетъ, должна стать братотвореніемъ, иначе же будетъ противорѣчіе между службою и жизнью, т. е. между храмовою и внѣхрамовою службами.

Первымъ возстановителемъ испытанія и самоиспытанія въ Московской Руси нужно признать Сергія Радонежскаго; самое посвященіе имъ своей обители Живоначальной Троицѣ въ то время, когда владѣвшая нами орда приняла Исламъ, указываетъ на нѣкоторое испытаніе своей и чужой вѣры, разрѣшившееся для Сергія въ пользу своего, христіанскаго Бога. Сергій, создавъ монастыри, коихъ главнымъ, исключительнымъ, можно сказать, дѣломъ было богослуженіе, не могъ не придать нѣкоторой образовательно-

сти богослуженію, почему монастыри и стали школами для народа, принявшаго вѣру безъ предварительнаго оглашенія, и Сергій, такимъ образомъ, сталъ первымъ исполнителемъ обѣта воспреемничества. Вѣроятно, благодаря образовательности обряда Лавра Св. Троицы получила авторитетъ, коимъ пользовалась для объединенія земли, для освобожденія ея изъ подъига Ислама и для спасенія отъ западныхъ вторженій, не думая, конечно, что все это требовалось самимъ догматомъ Троицы нераздѣльной и несліянной, понятымъ, какъ заповѣдь, ибо объединеніе земли, освобожденіе ея отъ татарскаго ига и оборона отъ Запада были въ томъ же смыслѣ христіанскими, въ какомъ и заключавшіеся во имя Троицы нераздѣльной мирные и союзные трактаты: въ ученіи о Троицѣ несліянной заключалось обвиненіе магометанскаго ига, а въ ученіи Троицы нераздѣльной—обличеніе розни, которая была слѣдствіемъ отдѣленія Запада отъ Востока. Но ни Сергій, ни Макарій (Примѣчаніе 26-е), ни Никонъ (Примѣчаніе 27-е) не могли довести до полноты ни испытанія вѣръ, ни самоиспытанія своей вѣры и жизни; для этого нужно было не одно духовное, но и свѣтское знаніе; только это послѣднее не должно было служить сынамъ и дочерямъ, забывшимъ отцовъ, а должно было сдѣлаться орудіемъ сыновъ и дочерей, поставившихъ себѣ долгомъ служеніе отцамъ.

Призывомъ князей отъ Варягъ и принятіемъ христіанства отъ Грекъ открывается неразрѣшенный и до сихъ поръ вопросъ о примиреніи военно-гражданскаго съ христіанскимъ, вѣры съ знаніемъ, свѣтскаго съ духовнымъ, Византійско-Греческаго съ Варяжско-Фряжскимъ (Романо-Германскимъ), т. е. Романо-Германское, опротестованный католицизмъ (Западная Европа), отдѣлившись отъ Византіи, рѣшаетъ на нашей почвѣ свой споръ съ Греческимъ православіемъ, и Москва служитъ при этомъ органомъ падшей Византіи, а Петербургъ органомъ прегордаго Запада. Кіевская Русь, устроивъ сторожевую службу противъ исконныхъ враговъ Арійскаго племени, но не объединившись въ Кіевѣ, не уничтоживъ княжеской розни, и борьбу съ кочевниками не вмѣнила въ обязанность всему народу (т. е. не ввела обязательной воинской повинности), вслѣдствіе чего могла вести только безконечную, оборонительную борьбу, а не принимать мѣръ къ умиротворенію самой степи, къ обращенію кочевниковъ въ осѣдлыхъ. Не ввела Кіевская Русь и общаго обязательнаго образованія, предоставляя вѣдать это дѣло исключительно духовенству. Московская Русь, т. е. объединившаяся въ Москвѣ, продолжая сторожевую службу, на весь народъ наложила обязанность борьбы со степью, безпрерывно высылавшей одну орду за другою, и тѣмъ исправила ошибку Кіевской Руси, получивъ же вслѣдствіе сего силу, начала умиротвореніе степи. Ошибка Московской Руси заключалась въ томъ, что обязанность службы не для всѣхъ была прямою службою отечеству; за прямую службу одной, меньшей части населенія, другая, большая, была отдана ей въ частную службу. Изъ этой частной службы позднѣе, въ Петербургскій періодъ, и образовалась крѣпостная зависимость. Но этой крѣпостной зависимости не могло бы произойдти, если

бы меньшая часть вмѣстѣ съ обязанностью службы отечеству несла бы и обязанность приготовленія другой, большей части населенія къ той же службѣ отечеству, т. е. несла бы обязанность воспитателя, учителя, во исполненіе долга воспреемничества. Дворянство деревенское и до освобожденія отъ службы имѣло достаточно досуга для исполненія этого долга. Неисполненіе его и дѣлало жизнь, бытъ дворянъ даже до освобожденія отъ службы безсодержательнымъ и пустымъ, а по освобожденіи—самодурствомъ, ибо тогда для дворянства не только стала необязательна служба, но даже и образованіе не было вмѣнено ему въ обязанность. Екатерининская литература, принимая просвѣщеніе за пріятное препровожденіе времени, замѣчая мелкіе пороки, не замѣтила главной причины ихъ, кореннаго зла, порожденіемъ коего была и сама она, не замѣтила отреченія отъ отеческаго дѣла, отъ долга душеприказчества и воспреемничества, ради слажденія настоящимъ. Петербургская Россія, доканчивая сторожевую службу, освободила крестьянъ отъ обязательной службы помѣщикамъ, освободивъ еще прежде самихъ помѣщиковъ отъ обязательной службы отечеству. Такое освобожденіе ихъ, вмѣсто подчиненія обще—съ крестьянами прямой обязательной службѣ, и было ошибкою Петербургской Россіи, исправленіе коей начато введеніемъ всеобщей воинской повинности. Введеніе воинской повинности совпало съ усиленіемъ грамотности и съ распространеніемъ удешевленнаго Евангелія, переведеннаго на простонародный языкъ; но эта палліативная мѣра, суррогатъ просвѣщенія, вмѣсто всеобщаго обязательнаго образованія, необходимой принадлежности всеобщей обязательной повинности, была гораздо большимъ зломъ, чѣмъ самое глубокое и грубое невѣжество, ибо внесла рознь вмѣсто объединенія и стала препятствіемъ къ разрѣшенію вышеозначеннаго вопроса о примиреніи военно-гражданскаго съ христіанскимъ, вѣры съ знаніемъ, свѣтскаго съ духовнымъ и проч. Искреннимъ читателямъ Евангелія, нелишеннымъ однако личнаго самомнѣнія, самомнѣнія протестантскаго, вышедшаго изъ желанія знать только самого себя, отвергающаго, при недовѣріи къ отцамъ и братьямъ), преданіе и общее согласіе, такимъ читателямъ Евангелія бросилось въ глаза противорѣчіе военнаго съ христіанскимъ, но они мало замѣтили болѣе глубокое противорѣчіе гражданскаго съ христіанскимъ и совсѣмъ уже не замѣтили еще болѣе глубокаго противорѣчія между христіанскимъ и естественнымъ, въ зависимости отъ устраненія котораго находится устраненіе и всѣхъ другихъ противорѣчій, а также окончательное и прочное примиреніе Византійскаго и Европейскаго, т. е. Россіи и Запада, признаніе Царя-града общимъ центромъ. Во имя естественнаго Западъ отвергъ христіанское, а за Западомъ и наша интеллигенція въ большей ея части. Отрицаніе не ограничилось однако одной интеллигенціей, но перешло отчасти и за предѣлы ея; примѣрами отрицанія христіанства во имя естественнаго могутъ служить Базаровы, Карамазовы въ интеллигентной части общества, и Смердяковы внѣ ея. Ошибка Петербургскаго періода заключалась въ томъ, что онъ **свободу** поставилъ на мѣсто **долга** къ отечеству, а введя воинскую повинность,

отдѣлилъ просвѣщеніе отъ долга, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ неразрывно, ибо всеобщее обязательное образованіе относится къ долгу отеческому, выражающемуся во всеобщей обязательной воинской повинности, какъ душа къ тѣлу, какъ мысль и нравственно-религіозное чувство относится къ общему сыновнему дѣлу. Долгъ къ отечеству, воодушевленный всеобщимъ обязательнымъ образованіемъ, т. е. просвѣщеніемъ, или полнымъ сознаніемъ этого долга, будетъ по необходимости возстановленіемъ кремлей, острожковъ и сторожъ, въ устроеніи и защитѣ коихъ выражались любовь и долгъ къ отечеству; но возстановлены они будутъ въ видѣ народо-воспитательныхъ музеевъ, историческихъ и естественныхъ. Превращеніе кремлей въ музеи означаетъ превращеніе военной дѣятельности, борьбы съ другими народами, въ мирную, съ устраненіемъ самыхъ причинъ и поводовъ къ войнамъ. Музеи, какъ историческіе, превращаютъ и самыя стѣны крѣпости (ибо кремли извнѣ суть таковыя) въ живописныя лѣтописи прошлаго, а какъ музеи естественные, самыя башни (сторожи) дѣлаютъ основою, какъ бы пьедесталомъ, для регуляціи слѣпой силы природы въ видахъ обезпеченія урожая посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія тепла и влаги, а также для обороны отъ эпидемій, эпизоотій, саранчи, червей, наводненій, пожаровъ, власть коихъ зависитъ отъ той же слѣпой силы (вѣтра). Но Кремль есть крѣпость лишь извнѣ; она и превращается въ Музей; внутри же Кремля—храмъ, воздвигнутый на могилахъ предковъ, и какъ этотъ храмъ, такъ и службы въ немъ должны сдѣлаться образовательнымъ средствомъ, становясь чрезъ то и спасительнымъ явно, а не таинственно, ибо регуляція слѣпой силы, какъ орудіе служенія Богу, становится обращеніемъ смертоносной силы въ живоносную, а мысленное и художественное изображеніе прошлаго превращается въ дѣйствительное всеобщее воскрешеніе. Это обращеніе и есть внѣхрамовая литургія и внѣхрамовая Пасха, а все богослуженіе, суточное и годовое, (т. е. Пасха страданія съ постомъ и недѣлями приготовленія къ нему, и Пасха воскрешенія съ ея продолженіемъ), совершаемое въ храмѣ, съ коимъ Кремль, превращенный въ Музей, находится въ неразрывной связи, составляетъ внутреннее образовательное средство.

Метеорическая регуляція ставитъ человѣка во главу метеорическаго процесса, но лишь какъ начала общаго дѣла. Человѣкъ, какъ собирательное, разумное существо, и дѣлается разумомъ вещей: феномены обращаются въ его дѣяніе, а знаніе, т. е. само человѣчество въ совокупности, какъ носитель знанія, дѣлается нуменомъ этого процесса.

Регуляція, въ смыслѣ способности управленія матеріальною природою, не требуетъ безконечнаго времени для своего осуществленія. Возвращеніе праху (разрушеннымъ тѣламъ) жизни, сознанія, души, есть высшая ступень, или степень способности, знанія и воли, управленія и самоуправленія. Возвращеніе жизни умершимъ и создастъ существа безсмертныя, не разрушимыя; ибо только тогда, когда станетъ не-**возможнымъ только**, (что всегда было), но **доказаннымъ**, т. е. **дѣйствительнымъ**, воспроизведеніе изъ без-

жизненнаго вещества жизни, только тогда жизнь и получитъ высшую гарантію, тогда начнется и эстетическая жизнь въ смыслѣ творческой, и антогонизмъ между человѣческимъ и Божественнымъ окончится. Регуляція есть истинное, а не мнимое лишь торжество надъ языческими богами, ибо пока громоотводъ или, вѣрнѣе, громопроводъ не будетъ общимъ орудіемъ, до тѣхъ поръ можно будетъ отвергать Юпитера, но не громовержца; и только когда война обратится въ регуляцію, тогда лишь будетъ побѣжденъ и Исламъ, какъ религія войны. Только чрезъ регуляцію матеріи и духъ одержитъ полную побѣду надъ плотію, побѣду общую, а не частную, неполную, безплодную, какая возможна въ настоящее время.

Тѣ, которые считаютъ общее дѣло воскрешенія фантастическимъ, какъ могутъ говорить они въ тоже время и о побѣдѣ надъ язычествомъ; не очевидно-ли, что безъ всеобщаго воскрешенія эта побѣда рѣшительно мнимая, явное самообольшеніе, фантазія. Точно также безъ всеобщаго воскрешенія нельзя признавать и торжество духа надъ плотію; безъ всеобщаго воскрешенія это торжество совершенно недѣйствительно, и что можетъ быть нелѣпѣе **автономной** нравственности для такого безсильнаго существа, какъ человѣкъ, по представленію гуманистовъ; не есть ли это одно нелѣпое хвастовство?

22. Когда отдѣляется отъ литургіи крещеніе (усыновленіе), т. е. принятіе новыхъ членовъ, какъ сыновъ, когда отдѣляется покаяніе, т. е. воспріятіе отпадшихъ, блудныхъ сыновъ, или тѣснѣйшее пріобщеніе всѣхъ ко всеобщей церкви чрезъ воспитаніе всѣхъ, какъ одного возлюбленнаго сына, потомка, когда литургія не имѣетъ болѣе въ виду закрѣпленія взаимности, братства, тогда она перестаетъ быть дѣйствующею, замираетъ; службы хотя и совершаются, но въ общеніи, въ сближеніи съ ближними и дальними, прогресса, преуспѣянія не замѣчается. (Нужно замѣтить однако, что дѣло литургіи нельзя ограничивать только объединеніемъ живущихъ для общаго дѣла, ибо литургія и есть это самое дѣло, какъ это уже и говорилось, т. е. она есть общее воскрешеніе, но въ формѣ лишь таинства, а не явнаго дѣла). Въ такомъ состояніи и находится настоящая церковь, а исторія, жизнь течетъ инымъ русломъ, хотя и чрезъ насъ же; она идетъ уже не путемъ собиранія, а путемъ разобщенія; разобщеніе производится образованіемъ, школою, наукою, искусствомъ, проступками, преступленіями и, вообще, всею гражданскою и политическою жизнью, такъ какъ жизнь не имѣетъ болѣе никакой общей цѣли, не составляетъ общаго дѣла, потому что общее дѣло, литургія, отвлечено отъ дѣйствительной жизни и стало лишь храмовою службою. А между тѣмъ христіанство по существу есть не ученіе только объ искупленіи, а именно самое дѣло искупленія; наука же искусство и вся мірская жизнь не имѣютъ этой цѣли; отсюда и раздвоеніе, которое и составляетъ сущность вопроса нашего вѣка. Вслѣдствіе этого и христіанство превратилось, можно сказать, въ іудейство, чтившее Бога, служившее Ему не дѣломъ, а воздержаніемъ отъ дѣятельности, покоемъ; и какъ у Іудеевъ дѣятельное служеніе Богу ограничивалось лишь

храмовою службою, такою же службою ограничиваются теперь и христіане. Въ настоящее же время эта служба потеряла смыслъ даже литургіи оглашенныхъ, потому что не ведетъ уже болѣе ни къ дѣйствительному пріобщенію новыхъ членовъ, такъ какъ крещеніе дѣтей не сопровождается общимъ воспитаніемъ, ни къ закрѣпленію взаимности, братства. А пока въ церкви есть отпадшіе, т. е. измѣнившіе, и въ мірѣ остаются еще не соединенные съ церковью, т. е. некрещенные, неусыновленные, до тѣхъ поръ и быть не можетъ полной литургіи вѣрныхъ,—вѣрныхъ Христу и другъ другу, т. е. всѣмъ, братству. (Примѣч. 28-е). Называть церковь вселенскою, пока въ мірѣ есть невѣрные, т. е. непринявшіе еще братской обязанности, недавшіе слова вѣрности или измѣнившіе ему, было бы противно истинѣ и дѣйствительности. Если же нѣтъ церкви вселенской, то нѣтъ и литургіи вѣрныхъ (нѣтъ, пока есть еще невѣрные и измѣнившіе). Наша церковь, называя себя православною, не хочетъ превозносить себя этимъ названіемъ; напротивъ, она хочетъ выразить этимъ сознаніе своей неполноты, въ силу которой она, со времени отдѣленія Западной церкви, уже не считаетъ своихъ соборовъ вселенскими и рѣшеній своихъ помѣстныхъ соборовъ за вселенскія истины не выдаетъ; сохраняющееся же за православною церковью названіе «каѳолической» отъ времени, когда она и на дѣлѣ была почти таковою, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Православная церковь признаетъ необходимость вселенской церкви, о чемъ и молится постоянно, молясь «о соединеніи церквей.» Православіе есть сокрушеніе о разъединеніи (печалованіе) и желаніе полноты объединенія по пространству (всѣхъ живущихъ), по времени (всѣхъ умершихъ), по силѣ (воскрешеніе въ жизнь неразрывную). Изъ сокрушенія о разъединеніи живущихъ происходитъ литургія оглашенныхъ, т. е. объединеніе живущихъ (братотвореніе), церковь видимая, земная для совершенія литургіи вѣрныхъ. Изъ сокрушенія объ умершихъ (поминовеніе, возстановленіе ихъ въ мысли) происходитъ общее дѣло (литургія вѣрныхъ), т. е. возстановленіе умершихъ уже въ дѣйствительности, чтобы невидимая церковь стала видимою.

23. Собираніе можетъ быть прочно только около поминальной трапезы, т. е. когда дѣло отцовъ не отдѣляется отъ дѣла сыновъ. Когда же произойдетъ это отдѣленіе, тогда изъ поминальной трапезы образуется съ одной стороны—религіозная служба, а съ другой—свѣтскіе банкеты, мірскія трапезы, которыя у однихъ могутъ быть очень обильными, у другихъ же весьма скудными, ибо забвеніе отцовъ, предковъ, есть необходимо и забвеніе родства, распаденіе. При распаденіи же явится потребность сдержекъ, т. е. карательныхъ мѣръ, законовъ, вооруженныхъ силъ, полиціи, юстиціи; при распаденіи и трапезы теряютъ священное значеніе, а вопросъ о хлѣбѣ и винѣ, т. е. о насущныхъ потребностяхъ человѣка, [понимая подъ ними и сохраненіе здоровья и возвращеніе жизни (Примѣчаніе 29-е)], обратившись въ храмовую службу, (какое бы теоретическое объясненіе она ни получила, католическое ли то или протестантское), дѣлается вопросомъ экономическимъ. Поминовеніе при этомъ не исчезнетъ, но обратится въ

отвлеченную науку (исторію) или въ художественное воспроизведеніе безъ желанія дѣйствительнаго возстановленія.

Если жизнь человѣка священна, то и хлѣбъ имѣетъ священное значеніе Изъ всѣхъ продуктовъ человѣка и природы только хлѣбъ и вино, (первый, какъ укрѣпляющій тѣло, а второе, какъ возбуждающее дѣятельность духа), входятъ въ литургію. Если литургія оглашенныхъ есть братотвореніе, то и хлѣбъ будетъ преломленъ по братски и чаша обойдетъ всѣхъ, и братскій трудъ будетъ направленъ къ истинной цѣли; неизвѣстность не будетъ тогда богомъ земледѣльцевъ, не заклинаніями будетъ обезпечиваться урожай, какъ объ этомъ говоритъ Галліани въ «Dialogues sur la commerce des blés,» гдѣ земледѣлецъ цинически сравнивается съ игрокомъ, урожай съ выигрышемъ, потому что онъ невѣренъ, рискованъ, а отсюда выводится не необходимость обезпеченія въ самой природѣ, а необходимость мануфактуръ.

24. Ошибка какъ древнихъ, такъ и новыхъ философовъ заключается въ томъ, что въ язычествѣ они видѣли только исключительное служеніе своимъ богамъ, вслѣдствіе чего долгъ, справедливость, пріязнь ограничивались семьею, общиною; за христіанствомъ же философы признавали одну лишь заслугу, устраненіе этой (языческой) исключительности, т. е. его всеобщность. Между тѣмъ они не замѣчали, что языческое поклоненіе своимъ богамъ было въ тоже время самоотверженнымъ служеніемъ своимъ отцамъ; но это самоотверженное служеніе на языкѣ философовъ называлось порабощеніемъ семьѣ, роду, общинѣ, отсутствіемъ личной свободы. Съ другой стороны философы не видѣли, что христіанство оказало не отрицательную только услугу, уничтоживъ исключительность, они не видѣли, что христіанство поставило своею цѣлью замѣнить суевѣрное служеніе отцамъ, которыхъ признавали живыми, всеобщимъ воскрешеніемъ.

Съ перваго взгляда древняя исторія представляетъ два періода, два направленія, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго; такъ что если-бы послѣднее изъ нихъ признать истиннымъ, (какъ это и принято въ настоящее время), то первое направленіе, первый періодъ древней исторіи нужно признать безусловно ложнымъ. На самомъ же дѣлѣ оба эти направленія служатъ одному и тому же дѣлу, хотя и не сознаютъ этого. Чувство смертности создало долгъ къ умершимъ, или къ отцамъ, а изъ этого долга возникли семья, родъ, община; «идея отечества родилась на кладбищѣ». Но форма, въ которой выразился этотъ долгъ, не была истиннымъ, дѣйствительнымъ исполненіемъ долга, не была возстановленіемъ жизни отцовъ. Въ этомъ то и заключается первый слабый пунктъ древнѣйшаго направленія дрвней исторіи, перваго ея періода. Второй слабый пунктъ этого періода заключается въ томъ, что служеніе воздавалось каждою семьею и каждою общиною исключительно своимъ отцамъ и героямъ. Понятно, что при недѣйствительности средствъ, коими располагали люди, возможно было каждой семьѣ превозносить своихъ отцовъ надъ отцами или предками другихъ семей, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ лишать отечества, т. е. считать ихъ без-

родными; отсюда и произошла вражда, угнетеніе, явились кліенты и феты, а далѣе безродные, плебеи, или, вообще, худородные. Эти то слабыя стороны перваго періода древней исторіи и привели къ паденію древнюю семью и общину. Философіи легко было доказать, что мертвые не нуждаются въ пищѣ и что никакія заклятія и молитвы не могутъ измѣнить судьбы умершихъ. Впрочемъ, эта побѣда философіи была совершенно мнимою; и если народъ, какъ живой человѣкъ, не умѣлъ отрѣшиться отъ жизни и даже мертвымъ приписывалъ ее, то классъ людей, отрѣшенный отъ живой дѣйствительности и дѣятельности, пребывающій въ области мертвыхъ отвлеченій, легкомысленно призналъ дѣйствительность смерти. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи суевѣріе было съ обѣихъ сторонъ: философія имѣла за собою нѣкоторое право, лишь указывая на недѣйствительность служенія отцамъ древнѣйшаго періода; ошибка же ея состояла въ томъ, что она лишила священнаго характера общественную жизнь, убила любовь въ отцамъ-предкамъ, замѣнивъ ее патріотизмомъ, т. е. гордостью подвигами ихъ, сузила дѣятельность человѣка, поставивъ цѣлью общежитія только выгоды и удобства. Если долгъ къ умершимъ создалъ семью и общину, то философія разрушила семью отчасти, а общину вполнѣ, и создала Македонское, а затѣмъ Римское владычество. Стоицизмъ способствовалъ распространенію на всѣхъ Римскаго гражданства; онъ высказалъ идею всемірно-гражданской общины и всемірнаго бога, но не Бога всѣхъ и мертвыхъ, какъ и живыхъ, потому что и подъ всемірно-гражданской общиною разумѣли, конечно, живущихъ только, но не умершихъ. Мертвый, сухой, холодный стоицизмъ если и имѣетъ что-либо общее съ христіанствомъ, то только потому, что самъ стоицизмъ есть искаженіе христіанства и въ стоицизмѣ искаженіе христіанства проявляется наиболѣе. Въ идеѣ всемірно-гражданской общины нужно признать, повидимому, послѣднюю стадію того процесса, труднѣйшая, начальная часть котораго совершена народомъ; ибо и народъ переходилъ отъ боговъ семьи къ богамъ филы, фратріи и гражданской общины, воздвигая жертвенники общимъ предкамъ, на коихъ неугасимый огонь семейнаго очага, или «пританея,» изображаетъ невидимую жизнь предковъ, градостроителей. Если бы идея человѣчества, какъ единой семьи, была достигнута путемъ народнымъ, то былъ бы воздвигнутъ и семейный очагъ праотцамъ. Между народнымъ представленіемъ всечеловѣческой семьи и всемірнымъ гражданствомъ—громадная разница. Послѣднее не придаетъ никакого значенія происхожденію, для него не существуетъ предковъ, оно всемірно, такъ сказать, по пространству, а не по времени; оно, наконецъ, только **гражданство**, а не **родство**, и формулою его можетъ быть—«гдѣ больше барыша, тамъ и отечество.» Лучше быть самымъ низшимъ, самымъ послѣднимъ изъ «**сыновъ человѣческихъ**,» чѣмъ царемъ всѣхъ избранныхъ умовъ, каковы Платонъ, Аристотель, словомъ всѣ философы отъ Ѳалеса и до послѣдняго по времени, которые не умѣли понять, что и они «блудные сыны,» т. е. братья наши. Міровой богъ философовъ есть богъ только живущаго поко-

лѣнія, а не живыхъ въ христіанскомъ смыслѣ. Истинное единство, дѣйствительный союзъ можетъ быть заключенъ не во имя отвлеченной науки, и не во имя сожигающаго только огня, но во имя умершихъ отцовъ и той силы, которая оживляетъ всякій прахъ (Примѣчаніе 30.-е).

Нужно глубоко, твердо усвоить себѣ идею долга, чтобы при тѣхъ невообразимыхъ трудностяхъ, кои предстоитъ преодолѣть человѣчеству и кои могутъ напугать самыя смѣлыя воображенія, не впасть въ отчаяніе, не потерять всякой надежды, чтобы остаться вѣрными Богу и отцамъ. Только чрезъ великій, тяжкій, продолжительный трудъ мы очистимся отъ долга, придемъ къ воскрешенію, войдемъ въ общеніе съ Тріединымъ, оставаясь подобно Ему самостоятельными, безсмертными личностями, во всей полнотѣ чувствующими и сознающими свое единство. И только тогда мы будемъ имѣть окончательное доказательство бытія Божія, будемъ видѣть Его лицомъ къ лицу.

Такимъ образомъ, ученіе о Тріединствѣ, въ смыслѣ заповѣди, относящейся къ лицамъ, взятымъ не въ отдѣльности, а въ совокупности, для дѣла общаго, родового, оказывается такимъ требованіемъ, долгомъ, которое должно вывести родъ человѣческій изъ-подъ власти какъ естественнаго подбора, на сколько онъ существуетъ, т. е. изъ-подъ власти борьбы и ига, такъ и изъ-подъ власти подбора половаго. Ученіемъ о Единородномъ Сынѣ выясняется планъ такого общенія, въ которомъ самостоятельность выражается не въ розни, а въ единствѣ, въ которомъ нѣтъ ни ига, ни гнета; ученіемъ же о Св. Духѣ выясняется планъ общаго дѣйствія, въ которомъ долгъ сыновъ и дочерей человѣческихъ ко всеобщему отечеству беретъ окончательный перевѣсъ надъ обществомъ половаго подбора.

Изъ сравненія своего настоящаго состоянія съ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть родъ человѣческій, и рождается вопросъ о причинахъ неродственности. Тріединство же есть высшее выраженіе родственности.

Не смотря на всѣ трудности, всеобщее воскрешеніе есть только возвращеніе къ нормальному состоянію, когда человѣчество въ полномъ обладаніи природою, какъ своею силою, можетъ осуществлять, не по нуждѣ, а по избытку душевной мощи, безконечную мысль въ неограниченныхъ средствахъ матеріи, имѣя образецъ въ доступномъ созерцанію человѣческаго рода Божествѣ. Конечно, не должно въ эту «жизнь будущаго вѣка» переносить условія дѣятельности нынѣшней жизни, нынѣшней дѣятельности, вызываемой недостатками и страданіями, ходомъ отъ худшаго къ лучшему; не невозможенъ и иной ходъ, ходъ отъ одного хорошаго къ другому не менѣе прекрасному, и при томъ безъ сокрушенія о первомъ, всегда возвратимомъ... Но останавливаться на по-воскресномъ состояніи было бы излишнею роскошью!.

Тѣ, которые предназначены быть учителями народа, или находиться съ народомъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, усвоиваютъ въ

школахъ, гимназіяхъ и пр. идеи, по коимъ считается несомнѣннымъ, что народныя воззрѣнія ложны, народные обычаи, каковы принесеніе пищи на могилы и, вообще, поминовеніе родителей (въ чемъ смыслъ и Евхаристіи), не истинны, воззрѣнія же философовъ, предъ которыми они благоговѣютъ, будто бы безошибочны. Увѣренность въ обладаніи безошибочными рѣшеніями всѣхъ вопросовъ внушаетъ учителямъ такое самомнѣніе и вмѣстѣ презрѣніе къ народу, къ его невѣжеству, что между ними и народомъ становится невозможнымъ что-либо общее. Отъ философовъ можно еще ожидать сознанія своихъ ошибокъ, отъ учителей же едва ли возможно ожидать даже ограниченія ихъ суевѣрій, заимствованныхъ отъ авторитетовъ, (хотя они и не признаютъ никакихъ авторитетовъ), и поддерживаемыхъ духомъ времени. Но недостаточно будетъ сказать, что должно относиться съ уваженіемъ къ означеннымъ народнымъ обычаямъ, какъ относятся ко всему старому, отжившему; мы должны презирать себя, если не отыщемъ въ себѣ чувства, которымъ порождены эти обычаи, и во всякомъ случаѣ мы обязаны понять всю истинность народныхъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ этихъ обычаевъ. И для тѣхъ учителей, которые признаютъ, что въ основѣ вышесказанныхъ воззрѣній есть истинное требованіе, требованіе природы человѣческой и Божественной, сближеніе съ народомъ будетъ легко, потому что это требованіе будетъ положено тогда въ основу ихъ жизни, дѣятельности; и образованіе будетъ не уродованіемъ, не отрываніемъ отъ среды, а самосознаніемъ, превращеніемъ мнимаго служенія отцамъ въ дѣйствительное.

Примѣчанія.

1. Несмотря на всѣ наши войны, дѣйствительнымъ врагомъ нашимъ остается слѣпая, смертоносная сила,—требующая для побѣды надъ ней объединенія,—а не Исламъ, или вообще Востокъ, и не городской Западъ, которые служатъ лишь орудіями этой слѣпой силы: Востокъ есть безсознательное орудіе этой силы, а Западъ, особенно со времени усвоенія дарвинизма, сталъ сознательнымъ органомъ этой силы, признавъ войну, или борьбу, законнымъ дѣломъ, условіемъ совершенствованія человѣка, какъ звѣря, конечно; такъ что нынѣшнія вооруженія, выработка наступательныхъ и оборонительныхъ орудій, совершенно согласны съ убѣжденіемъ вѣка.

2. «Я Богъ Авраама и Исаака,» или «Я Богъ Авраама и Исмаила,» или «Богъ Сима и Яфета, Адама и Евы,» и да не будетъ тебѣ иныхъ боговъ, - это свидѣтельство Самого Бога, что не только религія есть культъ предковъ, но что и не должно быть иного культа, не должно быть поклоненія слѣпой силѣ подъ видомъ Зевеса, Посейдона, или всего, елика на небеси и на земли.

3. Огнепоклонникъ и, вообще, разнаго рода идолопоклонники суть бранныя выраженія; но подъ огнемъ поклонники его могли разумѣть тѣ

блуждающіе огни, которые появляются на могилахъ и слывутъ въ народѣ свѣчками, въ которыхъ они и видѣли самихъ предковъ; такъ что свѣчи, (или огонь вообще), употребляемыя, кажется, во всѣхъ религіяхъ, суть только подобія этихъ огней-предковъ.

4. Портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ могъ бы дать материковой землѣ доступъ въ открытый океанъ, освободить ее отъ гнета странъ океаническихъ; этотъ портъ былъ бы истинною грозою Британіи. Рѣшительное же преобладаніе океанъ пріобрѣтетъ надъ континентомъ, когда, предупредивъ постройку трансконтинентальной дороги, добьются постройки дороги, которая открыла бы океанической державѣ путь внутрь, въ середину материка, т. е. дороги отъ Хайбудырской губы, послѣдняго пункта, свободнаго отъ льдовъ, къ рѣкамъ Оби и Иртышу, отдѣляющимъ западную часть континента отъ Восточной (Сибири). Крѣпость на Хайбудырской губѣ была бы Влади-Россіею.

5. Во всякой эксплуатаціи эксплуатируемые (добровольно или насильственно) будутъ альтруисты, а эксплуатирующіе – эгоисты; должно же жить **не для себя и не для другихъ, а со всѣми и для всѣхъ,** со всѣми живущими, какъ преемниками и продолжителями дѣла умершихъ, и для всѣхъ безъ исключенія умершихъ и живущихъ. Краткое выраженіе означенныхъ правилъ будетъ: объединеніе живущихъ (сыновъ) для воскрешенія умершихъ (отцовъ). Таково положительное выраженіе для перваго и второго правилъ, устраняющихъ необходимость и возможность какъ альтруистовъ, такъ и эгоистовъ, мучениковъ и мучителей (палачей), таково выраженіе правилъ, устраняющихъ всякое раздѣленіе на партіи.

6. Но въ этомъ же заключается нравственность и четвертаго евангелія, ибо только съ перваго взгляда различіе между первыми тремя евангеліями и четвертымъ представляется очень рѣзкимъ; на самомъ же дѣлѣ гораздо труднѣе открыть различіе между ними, чѣмъ сходство. Какое въ сущности различіе между **«уподобиться дѣтямъ» и «родиться свыше»;** ставшій сыномъ человѣческимъ (какъ дитя) не дѣлается ли достойнымъ и божественнаго усыновленія? Сошедшій на землю сынъ человѣческій, – Онъ же есть и восшедшій на небеса Сынъ Божій. Если въ первыхъ трехъ евангеліяхъ говорится, что подобаетъ сыну человѣческому пострадать, что поругаются, оплюютъ, будутъ бить и убьютъ Его, и въ третій день Онъ воскреснетъ, то въ четвертомъ евангеліи говорится, что должно быть вознесену Сыну Человѣческому.

7. Въ дѣтствѣ человѣчества, у первыхъ сыновъ человѣческихъ, когда еще не составилось опредѣленныхъ понятій о суточныхъ и особенно о годовыхъ періодахъ, сознанію смертности, ожиданію конца міра соотвѣтствовало чувство, возбуждавшееся каждымъ удаленіемъ солнца, страхъ за его возвращеніе, страхъ, **«а если оно не возвратится?...»**

Но дѣтство христіанства, дѣтство человѣчества и, что всего важнѣе, дѣтство всего міра, или его начало, его основа, стала вопросомъ о томъ, благое или злое начало лежитъ въ основѣ всего міра? А между тѣмъ о

благости этого начала, или, правильнѣе, о всеблагости Творца свидѣтельствуетъ изумительнѣйшее явленіе: повидимому, все зло, которое только можно было сдѣлать относительно и природы (истощеніе, опустошеніе), относительно и другъ друга (изобрѣтеніе истребительнѣйшихъ орудій), все было сдѣлано человѣчествомъ, задумано даже уничтоженіе Высшаго Существа, обозваннаго (Гартманомъ)..., и не смотря на это, оказывается, что это самое опустошеніе и истощеніе вынуждаетъ людей къ объединенію и къ обращенію орудій, придуманныхъ для взаимнаго истребленія, въ средство всеобщаго спасенія, возвращенія жизни; т. е. орудіе величайшаго зла обращается въ орудіе высочайшаго блага. Вопросъ о зломъ или благомъ началѣ по всей справедливости можетъ быть названъ вопросомъ «быть или не быть,» разрѣшаемымъ совокупнымъ дѣйствіемъ всего рода человѣческаго...

8. **О животномъ критеріи.** Птица, говоритъ гр. Л. Толстой, такъ устроена, что ей надо летать, клевать, ходить, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удорлетворена, счастлива, тогда она птица. Таково ново-языческое мудрованіе гр Толстого, достоинство котораго выразится несравненно яснѣе, если мы вмѣсто птицы возьмемъ свинью или борова: свинья или боровъ такъ устроенъ, что ему несбходимо постоянно жрать, предаваться сладострастію, пожирать даже своихъ дѣтей, поросятъ, и когда онъ все это дѣлаетъ, онъ удовлетворенъ, счастливъ, тогда онъ свинья, боровъ...

9. Отъ Хазарскаго ига мы перешли подъ власть Варяговъ, отъ Татаръ (только Цареградскій трактатъ 1700 г., ст. 8-я, освободилъ насъ отъ Крымской дани, поминокъ, но еще прежде этого года начался призывъ нѣмцевъ, самъ Петръ ѣздилъ звать ихъ) мы, если и не перешли подъ власть, то подверглись сильному вліянію нѣмцевъ и, вообще, западныхъ народовъ; отъ этого вліянія мы и теперь не освободились.

10. Здѣсь дѣлается попытка приложить вышеуказанный критерій къ мусульманскому понятію о Богѣ и показывается несоотвѣтствіе нашего быта съ магометанскимъ пониманіемъ Бога, или нашей примитивности, первобытности, съ новоіудейскою культурою Ислама, поддерживаемою ново-языческою культурою Запада. Хотя мы и не задавали магометанамъ вопроса, —кто ихъ Богъ, не интересуясь, конечно, и тѣмъ каковы и сами магометане, тѣмъ не менѣе они своими нападеніями постоянно показывали намъ себя, постоянно вызывали на испытаніе: каковы они сами и каковъ ихъ Богъ, но вызывали безуспѣшно. Исламъ, согласно, повидимому, съ христіанствомъ, запрещаетъ подвластнымъ ему христіанамъ носить оружіе; и христіане вынуждены будутъ доказать, что военное можетъ имѣть и мирное приложеніе, и съ своей стороны требовать, чтобы именно этимъ образомъ и употреблялось оружіе.

11. Писать-ли языческихъ боговъ большою буквою или же Іудео-Магометанскаго малою? Въ первомъ случаѣ уничтожалось бы различіе между истиною и ея искаженіями; во второмъ же такое употребленіе (знаменитый Джонъ Морлей писалъ прежде g вмѣсто G въ словѣ God) означало бы не

уподобленіе атеистамъ, а указаніе, что атеисты, отвергая Бога, отвергали лишь Его искаженія.

12. Надо сознаться однако, что въ измѣнѣ родовому быту мы дѣлаемъ быстрые успѣхи. Весь родовой бытъ для большинства сохраняется лишь въ такихъ словахъ, какъ «**братецъ**,» употребленіе коихъ считается фамильярностью, а фамильярность считается предосудительною, невѣжествомъ. И мы повторяемъ за мудрецами вѣка, что выходъ изъ родового быта есть прогрессъ, развитіе личности. Братство же, по этому воззрѣнію, можетъ быть лишь обезличеніемъ. А между тѣмъ выходъ изъ родового быта—фактъ, но не цѣль; цѣлью м. б. только превращеніе номинальнаго родства въ дѣйствительное.

13. Богъ одинъ какъ перстъ; перстъ, отдѣленный отъ другихъ, служилъ для первоначальныхъ христіанъ знаменіемъ монотеизма, но лишь какъ начало сложенія перстовъ, какъ перстосложеніе еще неоконченное, какъ не оконченъ былъ и самый догматъ, которому перстосложеніе служитъ выраженіемъ. Если бы христіанство не ставило главною заповѣдью тѣснѣйшее единеніе, то знаменіе единства не вызвало бы чувства одиночества, какъ перстъ, и не завершилось бы троеперстіемъ, какъ выраженіемъ чувства полноты.

14. Наше время болѣе склонно объяснять, что **выгоды** заставили сына не оставлять отца. Но мы рѣшительно не понимаемъ, по какому праву навязывается всѣмъ вѣкамъ и народамъ нашъ собственный недостатокъ, почему мы думаемъ, что въ иныя времена человѣкъ не могъ руководствоваться иными побужденіями, чѣмъ мы? Это тотъ же антропоморфизмъ, только не всеобще-человѣческій; это образъ XIX-го вѣка, переносимый во всѣ времена и на всѣхъ народовъ.

15. Въ откровеніи о Святомъ Духѣ, которое также не м. б. предметомъ только вѣдѣнія (догмата), для насъ заключается открытіе, указаніе того, что мы должны дѣлать; и это указаніе, какъ мы полагаемъ, не можетъ относиться ни къ чему другому, какъ къ долгу дочери. Этимъ откровеніемъ дается заповѣдь, раскрывается обязанность, долгъ женщины въ томъ дѣлѣ, которое у нея есть общее съ другимъ поломъ. Согласно съ этимъ откровеніемъ, женщина, дѣлаясь матерью, не перестаетъ быть дочерью; она есть **приснодщерь**. И это согласно съ другою заповѣдью но гораздо опредѣленнѣе выраженною, если Богоматерь принять за образецъ для насъ. По этой заповѣди женщина, дѣлаясь матерью, должна оставаться дѣвою, **приснодѣвою**. Изъ дочери, преданной родителямъ, не можетъ не выйти наилучшей матери; и было бы вѣрнѣе ради воспитанія матери, требовать воспитанія дочери, потому что дочь, любящая свою мать, принимающая участіе во всѣхъ ея дѣлахъ, не можетъ не быть хорошею матерью; и при этомъ любовь матери, остающейся дочерью, не будетъ переходить въ исключительную любовь къ своимъ дѣтямъ, что прежде всего приноситъ вредъ симъ послѣднимъ. Въ понятіи **дочери человѣческой** предполагается такая любовь къ своимъ родителямъ, которая не только не исключаетъ любви

ко всѣмъ отцамъ, но даже именно требуетъ ея. Ученіемъ о Духѣ Святомъ дочь человѣческая призывается къ покаянію, къ познанію себя, какъ дочери всѣхъ умершихъ родителей, и не въ отдѣльности и розни, а въ совокупности. Уподобленіе Сына человѣческаго Сыну Божію, а дочери человѣческой Духу Святому потому необходимо, чтобы самосознаніе ихъ не дѣлалось сознаніемъ собственнаго достоинста и сознаніемъ недостоинства и недостатковъ другихъ, чтобы самосознаніе не могло обращаться въ сознаніе собственнаго передъ другими превосходства. Какъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ выражается отрицаніе вражды, а вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе **„всѣхъ сыновъ человѣческихъ“** въ общей любви къ отцамъ, такъ и въ ученіи о Духѣ Святомъ выражается цѣломудріе, отрицаніе половой любви и соединеніе **„дочерей человѣческихъ“** вмѣстѣ съ сынами въ общей любви ко всѣмъ родителямъ, какъ къ одному родителю. Въ ученіи, въ законѣ о Св. Духѣ заключается заповѣдь о постепенномъ расширеніи цѣломудрія, начинающагося воспрещеніемъ браковъ между земляками (законъ международнаго брака обязателенъ въ настоящее время только для царственныхъ особъ), и обнимающаго все большіе и большіе круги, пока наконецъ регуляція не приведетъ къ замѣнѣ рожденія воскрешеніемъ.

16. Наука есть сынъ или дочь барства (меценатства) и торговли; разумъ же есть сынъ человѣческій. Наука рождена на досугѣ, потому наука и искусство и слывутъ у народа за «досужество.» Рожденная на досугѣ наука производитъ роскошь. Разумъ порожденъ нуждою и даетъ существованіе или, правильнѣе, поддерживаетъ бытіе; но онъ возвращалъ-бы существованіе, если бы также не вдался въ роскошь.

17 Первоначальное знаніе было, какъ это сказано, родословіемъ; это знаніе естественное (природное), сельское, миѳическое; можно сказать,— сама природа въ человѣкѣ стремится узнать и возстановить свою родословную. Въ городѣ знаніе (родословіе) сдѣлалось искуственною классификаціею не индивидуальныхъ образовъ, а отвлеченныхъ понятій о мірѣ, человѣкѣ и Богѣ. И когда говорятъ, что совершеннѣйшая классификація есть генетическая, или генеологическая, т. е. родовая, то этимъ самымъ признаютъ, что сельское знаніе, при всѣхъ его недостаткахъ, имѣетъ и значительныя преимущества, признаютъ этимъ, можно сказать, необходимость перехода отъ города къ селу.

По происхожденію, нашъ логосъ есть нашъ сынъ, по содержанію же —отецъ; т. е. съ одной стороны,—слѣдствіе (сынъ), а съ другой – причина (отецъ); съ одной стороны (по происхожденію знаніе, мысль логосъ) есть слѣдствіе нашей дѣятельности, т. е. отъ насъ оно рождается, отъ насъ происходитъ, **мы мыслимъ** (т. е. **всѣ** сыны, какъ **одинъ сынъ**, такимъ образомъ **мы** есть и единственное и множественное, а между тѣмъ тутъ нѣтъ противорѣчія, если нѣтъ розни); а съ другой стороны (по содержанію) знаніе есть причина, потому что оно состоитъ въ открытіи условій и причины нашего рожденія, нашего происхожденія, т. е. это значитъ **мы мыслимъ отца**; (въ сущности это уже поминовеніе, но оно тогда только

будетъ Словомъ, Логосомъ, когда будетъ поминовеніемъ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца). Коренное метафизическое понятіе причина, къ коему можетъ быть все сведено наше знаніе, есть отвлеченная форма представленія отца; что миѳически отецъ, то метафизически—причина, а практически послѣдовательность; и единственнымъ доказательствомъ, что между отцами и дѣтьми не одна послѣдовательность, но и причинная связь, отношеніе причины къ слѣдствію, было бы возстановленіе дѣтьми отцовъ. Братство безъ отечества есть феноменальность, объективно это—отрицаніе причины, а субъективно—отрицаніе разума.

18. Очень многіе, вѣроятно, смутятся ученіемъ о Дочери-Духѣ, хотя и не смущаются ученіемъ о Сынѣ-Словѣ; но послѣднее относится къ Троицѣ миссіонерской; дѣло же миссіонеровъ-апостоловъ приходитъ къ концу. Ученіе о Дочери Духѣ относится къ Троицѣ общаго дѣла, которое есть воскрешеніе и для котораго теперь только наступаетъ время; ученіе о Сынѣ-Словѣ относится къ объединенію живущихъ, ученіе о Дочери-Духѣ къ оживленію умершихъ. Въ ученіи о Словѣ и Духѣ заключается формула спасенія въ смыслѣ духовнаго лишь возрожденія падшихъ твореній Бога-Создателя, Творца, чрезъ слово, или проповѣдь. Но Богъ Тріединый есть Богъ не миссіонеровъ и апостоловъ только, и не миссіанская лишь задача кроется въ Немъ, и какъ за праздникомъ Троицы, въ смыслѣ миссіонерскомъ, слѣдуетъ сошествіе Св. Духа, Который даетъ послѣдователямъ Слова огненные языки для проповѣди, т. е. для обличенія розни и для духовнаго пробужденія, такъ за Троицею въ смыслѣ общаго (сыновняго и дочерняго) дѣла долженъ слѣдовать не праздникъ Пятидесятницы, приготовленіе къ проповѣди, а приготовленіе къ регуляціи. Огненными языками, или силою слова, можно было поразить мысленнаго Юпитера, для пораженія же дѣйствительнаго громовержца, карающаго ливнями и засухами, нуженъ регуляторъ или громопроводъ, обращающій грозовую силу изъ разрушительной въ созидательную. Въ Троицѣ общаго дѣла Св. Духъ является не въ видѣ голубя, какъ символа любви и согласія, возвращающаго сердца сыновъ отцамъ (въ Крещеніи), не въ видѣ и огненныхъ языковъ, поражающихъ несогласіе и вражду, а въ видѣ «Дочери человѣческой,» означающей не одну дѣвственность, безпорочность, т. е. личную, отрицательную добродѣтель, не отсутствіе лишь порока, а положительное цѣломудріе, замѣну рожденія воскрешеніемъ. Въ Дочери-Духѣ нѣтъ ничего чувственнаго, ибо въ ней исключено и супружеское, и материнское, и оставлено только дочернее, а слѣдовательно не исключена ни одна женщина, ибо не всѣ женщины супруги и матери, но всѣ онѣ—дочери. Дочерность есть выраженіе любви нераздѣльной къ родителямъ, любви, не ограничиваемой привязанностью къ супругу и дѣтямъ, какъ таковымъ, и еще менѣе ограничиваемой вещью, какъ средствомъ прельщенія; она—выраженіе любви къ родителямъ живущимъ и особенно къ умершимъ. По отношенію къ родителямъ умершимъ дочь есть мироносица; при чемъ нужно не забывать, что помазаніе ароматами, какъ и омовеніе, было въ началѣ средствомъ ожив-

ленія; потому-то дочь мyроносица и дѣлается подобіемъ Св. Духа животворящаго. Въ Троицѣ общаго (отеческаго) дѣла Сынъ есть Слово, но не проповѣдь, а планъ обращенія смертоносной силы въ живоносную. День Иліи, но не какъ пророка, а какъ низводителя небеснаго огня и дождя, какъ человѣка, ставшаго на мѣсто языческаго Бога, какъ участника вмѣстѣ съ Моисеемъ преображенія міра (природы и общества), день Иліи, предшествующій празднованію Преображенія, и можетъ быть днемъ освященія регуляціи.

Великая Среда—это не только день, когда ученикъ предаетъ на смерть учителя, но и день, когда истинная дочь человѣческая, «Мyроносицы чинъ вземше,» «цѣломудренная блудница,» приготовляетъ къ воскрешенію сына человѣческаго: драгоцѣнное мyро, этотъ цвѣтъ промышленности, служащей половому подбору, дочь человѣческая, искупляя грѣхъ Евы и Пандоры, отдаетъ могилѣ, хоронитъ то, что вселяло раздоръ, и этимъ уничтожаетъ самую причину предательства. Великая и чистая Среда въ памяти народа, также, какъ и всякая среда въ памяти даже церкви, осталась лишь днемъ воспоминанія о предательствѣ, днемъ поста и сокрушенія о томъ, что одинъ изъ насъ предалъ Его, днемъ замаливанія грѣха Іуды, и забыта какъ день уничтоженія самой причины корыстолюбиваго предательства. Хотя о предательствѣ Іуды и не было сказано того, что сказано о подвигѣ жены, но предательство Іуды оставило болѣе прочный слѣдъ въ памяти человѣчества; очевидно, родъ человѣческій никакъ не можетъ простить себѣ, своей природѣ, такого грѣха одного изъ своихъ. А эта брань,—«ученикъ и навѣтникъ,» «другъ и дьяволъ,» что это какъ не выраженіе досады? Но такъ и должно относиться къ преступленію братство сыновъ и дочерей, назначенное быть подобіемъ Троицы нераздѣльной, Которую не можетъ раздѣлить никакая сила! Когда же вещь,—представителемъ и мѣриломъ которой служили и 30 сребрениковъ и 300 пенязей, которыхъ не пожалѣла великая жена,—когда вещь будетъ освобождена отъ соблазнительной наружности, которую придаетъ ей городская промышленность, т. е. когда городская мануфактура превратится въ сельскую, кустарную, тогда каждая среда будетъ днемъ дочери, «Мyроносицы чинъ вземшей,» и днемъ приготовленія къ воскрешенію и уничтоженію предательства въ корнѣ. Среда—это день поворота, когда проповѣдь евангелія всѣмъ народамъ (Понедѣльникъ и Вторникъ) окончится, но настанетъ не кончина, потому что совершится объединеніе въ общемъ дѣлѣ, въ Евхаристіи, и Пятокъ будетъ не страданіемъ, Суббота—не покоемъ, а дѣломъ воскрешенія. Воскресеніе же будетъ окончаніемъ труда воскрешенія и началомъ творческаго дѣла, изгнаніемъ зла и началомъ блага. Среда—это переходъ отъ Троицы въ смыслѣ миссіонерскомъ (литургія оглашенныхъ) къ Троицѣ въ смыслѣ общаго дѣла (литургія вѣрныхъ, Пасха), т. е. отъ объединенія живущихъ къ дѣлу воскрешенія умершихъ. Всѣ части записки отъ неученыхъ къ ученымъ заключаются въ ученіи о Троицѣ.

19. Церковнаго праздника Троицы нѣтъ; но его нѣтъ лишь по буквѣ,

по обряду; по духу же, по внутреннему сближенію, по собиранію (Троица мессіанская) онъ есть, а будетъ и по отеческому дѣлу, т. е. по внѣшнему возсоединенію въ общемъ дѣлѣ, въ трудѣ воскрешенія (Троица общаго дѣла). Тріединый Богъ, Который есть соединеніе въ высшемъ благѣ, потому и недоступный разрыву, не могъ быть образцомъ для тѣхъ, которые, желая соединиться во злѣ (жить для себя, забывъ объ отцахъ и поставивъ цѣлью участіе всѣхъ въ комфортѣ), достигли лишь распаденія въ языкѣ, въ мысли, въ нравахъ, въ обычаяхъ. Въ этомъ распаденіи священный и первый дѣеписатель и этнографъ ветхаго завѣта и слышалъ приговоръ, который могъ быть только временнымъ (ибо раздоръ не можетъ быть вѣчнымъ): «сойдемъ и смѣсимъ языки,» чтобы они, почувствовавъ боль розни, могли бы присоединиться къ молитвѣ «да будутъ едино, якоже и мы». Ветхозавѣтное «смѣсимъ», безъ новозавѣтнаго «да будутъ едино,» не мыслимо, если Богъ есть всеблагое соединеніе, безъ раздѣленія и слія-нія. Сошествіе Св. Духа, это глубочайшее выраженіе Троицы, было только началомъ возсоединенія, и поэтому, если сошествіе Св. Духа народъ назвалъ праздникомъ Троицы, то этотъ голосъ народа былъ поистинѣ гласомъ Божіимъ. Въ праздникѣ Пятидесятницы вспоминаемъ начало новаго объединенія, но не того, которое хочетъ дать участіе всѣмъ въ комфортѣ, заботится лишь о живущихъ, забывая умершихъ, и приводитъ къ распаденію. Это послѣднее и есть «раздѣльшійся древле гласъ (языкъ, люди), злѣ согласившійся,» повторенный въ новой, т. е. въ настоящей цивилизаціи, въ новыхъ Вавилонахъ; въ праздникѣ Пятидесятницы мы вспоминаемъ начало новаго объединенія, ожидаемъ, желаемъ соединенія всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, желаемъ совокупленія „въ единоприличіе, вѣдѣніемъ Троицы вразумляющи вѣрныхъ, въ Ней же утвердихомся".

20. Мы не говоримъ о коммунистическихъ идеалахъ, въ которыхъ опека доводится до maximum'a, въ которыхъ зависть д. б. возведена въ высшую добродѣтель, чтобы это общество могло держаться; такъ что подобные идеалы не осуществимы не потому, что люди не ангелы, а именно потому, что они не ангелы, т. е. не дьяволы.

21. Для признающихъ только естественную нравственность и естественную религію смерть является закономъ природы, а не простымъ слѣдствіемъ ея слѣпоты.

22. Древнее язычество поклонялось естественнымъ силамъ природы и ихъ художественнымъ воспроизведеніямъ; новое же язычество чтитъ природу не въ естественномъ ея проявленіи, а въ ея искусственномъ приложеніи, въ машинахъ; оно поклоняется не художественнымъ произведеніямъ, а фабрикатамъ, фабричнымъ издѣліямъ.

23. Соблазненными богатствами Индіи были не цѣлые народы, а лишь нѣкоторыя ихъ сословія, ибо прежде, чѣмъ забвеніе, отчужденіе отъ отцовъ обниметъ, проникнетъ весь народъ, этотъ народъ погибнетъ отъ внут-

ренняго распаденія, если еще раньше не погибнетъ отъ внѣшняго удара, отъ завоеванія.

24. Всѣ, кажется, народы сознаютъ, что они были неправы противъ своихъ мудрецовъ, геніевъ, какъ, напримѣръ, Аѳиняне противъ Сократа; одинъ только народъ, избивая своихъ пророковъ, считаетъ себя правымъ.

25. По взгляду новыхъ историковъ значеніе исторіи Еврейскаго народа нужно, полагаемъ, понять такъ: въ то время, когда скептицизмъ подрывалъ вѣрованіе въ загробное существованіе предковъ, въ адъ и рай, въ это время небольшое племя, занимавшее въ пространствѣ древняго міра крайне ничтожный клочекъ земли среди могучихъ, обширныхъ царствъ, и перенесшее иго всѣхъ народовъ, возложило все упованіе свое на будущее; оно, можно сказать, перенесло адъ и рай изъ пространства во время, поставивъ въ основу своего быта Юбилеи.

Впрочемъ, трудно судить объ игѣ, которое перенесъ будто-бы Еврейскій народъ въ древнемъ мірѣ, трудно судить объ этомъ, когда многіе изъ Евреевъ не возвратились даже изъ Вавилонскаго плѣна, слѣдовательно, не пожелали снять съ себя это иго. И намъ пора снять анаѳему съ Вавилона, который былъ не грѣшнѣе же Парижа, Лондона, или Петербурга и Москвы. Кромѣ того новыя раскопки Ниневіи свидѣтельствуютъ, что библейскія сказанія были общи и другимъ Семитическимъ народамъ, Вавилонянамъ и Ассиріянамъ, слѣдовательно тѣмъ болѣе поводовъ къ примиренію, а не къ раздорамъ. Можно было бы и не говорить объ этомъ, если бы ученики въ нашихъ школахъ не слышали на одномъ урокѣ проклятія Вавилону, а на другомъ похвалы ему; и это не исключительный случай; подобное противорѣчіе въ преподаваніи объ одномъ и томъ же предметѣ, можно сказать, общее правило; къ счастью ученики такъ безучастно относятся къ предметамъ преподаванія, что такія противорѣчія даже и не бросаются имъ въ глаза.

26. Макарій съ своимъ «Стоглавомъ» желалъ придать образовательность службамъ и приходскихъ храмовъ.

27. Никонъ провѣркою богослужебныхъ книгъ по древнѣйшимъ спискамъ не русскимъ только, но и греческимъ и славянскимъ, желалъ возстановить первобытный смыслъ ихъ; это послѣдній шагъ въ дѣлѣ духовнаго самоиспытанія и приготовляетъ Русскую церковь къ борьбѣ съ Западными, поддерживаемыми свѣтскою наукою. Созиданіе новаго Іерусалима, храма жизни Христа, показываетъ, что граница постоянной войны отодвинулась на значительное разстояніе отъ Кремлевскихъ стѣнъ, которыя были первою сторожевою линіею, чтобы дать мѣсто дѣламъ мирнымъ.

28. Подъ словомъ «вѣрныхъ» мы разумѣемъ не вѣрущихъ только, но именно вѣрныхъ Христу, а слѣдовательно и другъ другу, т. е. всѣмъ, такъ какъ возможно быть вѣрующимъ и въ то же время измѣнникомъ общему дѣлу, т. е. теорія можетъ не сходиться съ практикою и вѣрующій можетъ быть въ то же время и невѣрнымъ. Напротивъ, вѣрный не можетъ быть

не вѣрующимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и дѣйствующій, и дѣйствіе его исходитъ изъ души, движется надеждою, проникнуто любовью, и даже больше всего ею. Самое слово «вѣра» никогда не имѣло у насъ значенія теоретическаго понятія, представленія; оно выражало собою обѣтъ что либо исполнить, клятву; и вѣроломный даже до сихъ поръ не значитъ вольнодумный, но нарушитель клятвы. Если же вѣра равнозначуща благу, то измѣна равнозначуща злу, а измѣна—общая наша вина... Могъ ли быть измѣнникъ въ какомъ нибудь народѣ, если бы народы прежде еще не измѣнили человѣчеству? могъ ли бы Эфіальтъ измѣнить своимъ Грекамъ, если бы Греки и Персы не считали другъ друга чужими, т. е. если бы не были измѣнниками братству, если бы не вели войны между собою? несчастный, едва не убитый Персами, былъ убитъ Грекомъ.

29. Всеобщее воскрешеніе есть только выраженіе въ дѣйствіи, на дѣлѣ, обычнаго пожеланія всѣмъ быть живыми и здоровыми. Будда, преклонившійся предъ умѣренностью женщины, поставившей свое счастье въ зависимость не отъ богатства, а отъ согласія, отъ жизни и здравія (правда эти блага она ограничивала только своею семьею), осудилъ эту же самую женщину, или подобную ей, за то, что она осталась вѣрна тому самому, что онъ же самъ (Будда) находилъ достойнымъ поклоненія. Тутъ не одно только противорѣчіе; тутъ видна крайняя скудость пониманія, ибо Будда цѣнитъ въ женщинѣ внѣшнюю лишь умѣренность, равнодушіе къ богатству, и даже не замѣчаетъ, не умѣетъ оцѣнить безмѣрной любви, которая выражается въ желаніи согласія, здравія и жизни, такъ что эта женщина была бы достойна осужденія, если бы осталась довольною, лишившись этихъ благъ.

30. Открытіе огня имѣло громадное значеніе; съ открытіемъ его пробуждается человѣческая жизнь на землѣ, является въ природѣ существо, жизнь котораго, разъ она явилась, зависитъ уже не исключительно отъ капризнаго сочетанія силъ природы, является существо само обладающее средствомъ къ попыткѣ противостать ей въ ея стремленіи поглощать все, ею же произведенное. Открытіе огня было столь же важно, какъ и чувство жалости перваго сына человѣческаго къ его слабѣющимъ родителямъ; потому что лишь съ открытіемъ огня это чувство могло получить практическое осуществленіе, матеріальное выраженіе; съ открытіемъ огня сынъ могъ приготовить своимъ старѣющимъ родителямъ такую пищу, которая могла поддерживать ихъ силы долѣе, чѣмъ это было бы по природѣ; согрѣваніе жилища было также условіемъ продленія жизни, которая безъ этого погибла бы ранѣе. Такимъ образомъ только открытіе огня дало возможность человѣку воспитать въ себѣ чувство любви къ своимъ родителямъ, чувство, положившее начало родовому быту, и, вообще, обществу, которое весь смыслъ свой полагало въ заботѣ о предкахъ, въ доставленіи имъ пищи чрезъ жертвоприношенія, при которыхъ необходимымъ условіемъ былъ также огонь, и отъ которыхъ, по мнѣнію древнихъ, зависѣло

благосостояніе умершихъ. Но во всемъ этомъ была забота о поддержаніи жизни, которой не знали, въ существованіе которой только вѣрили; христіанство же измѣнило такое служеніе отцамъ, выражавшееся кромѣ того въ исканіи древними отеческихъ жилищъ, измѣнило въ собираніе сыновъ для дѣла воскрешенія отцовъ, въ литургію.

Вопросъ о братствѣ, или о родствѣ, о причинахъ небратскаго, неродственнаго, т. е. немирнаго, состоянія міра и о средствахъ къ возстановленію родства.

Записка отъ неученыхъ къ ученымъ.

ЧАСТЬ III.

1. Что такое исторія? А. Что такое исторія для неученыхъ? а) Исторія какъ фактъ. б) Исторія какъ проектъ,—проектъ воскрешенія, какъ требованіе человѣческой природы и жизни.

2. а) Какъ понять, что за воскресеніемъ Христа не послѣдовало всеобщаго воскрешенія дѣйствительнаго; въ отвлеченномъ же смыслѣ, какъ понять почему оправданіе, спасеніе, не сдѣлало насъ праведными и безгрѣшными? Отдѣливъ грѣхъ отъ смерти, оправданіе отъ воскресенія, протестантство впало въ противорѣчіе, выраженіемъ котораго и является продолжающееся царство не только смерти, но и грѣха. б) Протестантское, или школьное, и вообще западное пониманіе крестнаго подвига Христа, —пониманіе именно школьное, т. е. религія для несовершеннолѣтнихъ. Папизмъ составляетъ низшій классъ Зап.-европейской школы, гдѣ еще не начиналось чтеніе Священнаго Писанія. Папа, какъ учитель, не допускаетъ перевода въ высшіе классы. Православіе есть высшій классъ сравнительно съ протестантизмомъ и католицизмомъ, или это—единое истинное ученіе, которое прямымъ путемъ ведетъ изъ храмовой литургіи и Пасхи къ внѣхрамовой литургіи и Пасхѣ. в) Что такое исторія для неученыхъ и какъ понимаютъ исторію ученые. г) Неученое опредѣленіе исторіи—краткое. д) Неученое опредѣленіе исторіи—полное.

3. а) Всеобщее воскрешеніе совершалось и совершается чрезъ насъ, но помимо нашего сознанія, невольно; т. е. отрекаясь отъ отцовъ, становясь блудными сынами, мы все-таки, хотя и невольно, возвращались къ отцамъ, къ признанію долга сыновняго. б) Какъ понималось воскресеніе въ первой христіанской общинѣ; воскресеніе дѣйствительное и воскресеніе духовное?

4. а) Константинополь какъ центръ совершающагося, хотя и безсознательно, объединенія человѣческаго рода. б) Прямыя движенія. Войны Персовъ съ Греками и позднѣе съ Римлянами. Персидскія войны, какъ борьба Востока,

идолоборцевъ, съ Западомъ, идолопоклонниками, какъ борьба деспотизма съ рознью. Отецъ исторіи начинаетъ съ борьбы Европы съ Азіею, когда становится извѣстною Византія, городъ столь же Восточный, сколько и Западный. в) Праотецъ исторіи, народъ, начинаетъ ее съ морскихъ открытій, когда проливы, отдѣляющіе Европу отъ Азіи (Троянскій и Византійскій), становятся извѣстными миѳически, съ открытій, сдѣланныхъ при возвратномъ движеніи къ прародинѣ, подобномъ тому, какъ позднѣе христіане шли къ своей духовной родинѣ, гробу Господню. г) Обходныя движенія древняго міра, Семитовъ. Колонизаціонное движеніе на Востокъ, приведшее къ занятію Трои, отбросило Семитовъ изъ Эгейскаго моря и принудило ихъ къ обходнымъ движеніямъ, въ тылъ Грекамъ, къ сѣверу (въ Варяги) и на югъ, въ Индію. д) Положеніе Константинополя и значеніе его въ до-христіанскомъ мірѣ (Полибій).—Константинополь былъ сторожею, прикрывавшею движеніе на Востокъ къ Колхидѣ (Кавказу), Памиру, къ Индіи и на сѣверъ отъ Грекъ въ Варяги.—Древній міръ не былъ-ли только исканіемъ центра?—Константинополь былъ началомъ конца древняго міра и его могилою; и въ эту могилу, по обычаю погребальному, было положено все, чѣмъ любилъ заниматься умершій: художественныя произведенія, книги... Расхищеніе этой могилы было началомъ такъ называемаго возрожденія для Западной Европы. Положеніе и значеніе Константинополя въ христіанскомъ мірѣ. (К-поль, —какъ центральный кремль, сѣмя, въ которомъ сосредоточилось все выработанное древнимъ міромъ). Очеркъ всемірной исторіи съ точки зрѣнія вопроса о родствѣ и неродственности (т. е. съ нравственной точки зрѣнія). —Очеркъ исторіи, какъ міровой битвы, развивающейся вокругъ Константинополя, какъ центра міра.

I. Что такое исторія?

Чтобы не внести произвола въ опредѣленіе исторіи, чтобы не принадлежать ни къ какой партіи (ученой или неученой, т. е. народной) и главное, чтобы не присвоить себѣ права полагать границы труду человѣческому, нужно сказать, что исторія есть всегда **воскрешеніе**, а не **судъ**, такъ какъ предметъ исторіи **не живущіе**, а **умершіе**, и чтобы судить, нужно прежде воскресить,—хотя-бы и не въ прямомъ смыслѣ,—нужно воскресить ихъ, умершихъ, т. е понесшихъ уже высшую степень наказанія, смертную казнь. Но для мыслящихъ—исторія есть лишь словесное воскрешеніе, воскрешеніе въ смыслѣ метафоры; для одаренныхъ воображеніемъ исторія есть воскрешеніе художественное, для тѣхъ же, которые сильнѣе чувствуютъ, чѣмъ мыслятъ, исторія будетъ поминовеніемъ, плачемъ, или представленіемъ, принимаемымъ за дѣйствительность, т. е. самообольщеніемъ. Что для ученыхъ исторія, то для неученыхъ поминовеніе; исторія, какъ воскрешеніе, обнимаетъ и ученыхъ, и «подлый народъ», и даже дикарей, которые пишутъ исторію, т. е. поминанье, на собственной кожѣ (татуировка).

Различіе въ пониманіи исторіи есть слѣдствіе сословнаго разъединенія, т. е. распаденія на отдѣльныя сословія; точно также какъ исторіи мѣстныя, народныя, западныя или восточныя, суть результатъ распаденія рода человѣческаго на отдѣльные народы.. (А народъ, какъ обособившаяся часть распавшейся семьи человѣческой, есть выраженіе не общей славы этой части въ прошломъ, а общаго **тщеславія** и общей воли, т. е. желанія остаться и въ настоящемъ при этомъ тщеславіи; истинный же культъ предковъ не **въ славѣ, а въ дѣлѣ**. Если же понятіе народъ, вообще нація, не поддается опредѣленію, то это показываетъ, что для народовъ нужно не отдѣленіе, а соединеніе).

Исторія, какъ разсказъ чисто объективный, или повѣствованіе, есть вызовъ умершихъ ради празднаго любопытства; исторія же какъ памфлетъ, т. е. когда вызываютъ умершихъ для того только, чтобы свидѣтельствовать въ пользу какой либо частной мысли, политической или экономической, какъ напримѣръ въ пользу мысли, что конституція, федерація или т. п. суть благо,—такая исторія есть профанація и можетъ быть произведеніемъ только людей, искусственною жизнью живущихъ, утратившихъ естественный смыслъ, или цѣль жизни, это уже исторія не сыновъ, а если и сыновъ, то забывшихъ отцовъ, т. е. сыновъ блудныхъ. Если имя Божіе не слѣдуетъ употреблять **всуе**, то и именъ умершихъ не слѣдуетъ призывать **всуе**, а исторія какъ памфлетъ и есть нарушеніе этой заповѣди; но нужно отказаться не отъ исторіи, а отъ суеты! Наконецъ, есть еще исторія, какъ раскрытіе смысла, значенія жизни; исканіе смысла жизни есть философія исторіи, которая также не лишена памфлетнаго свойства или вообще, субъективнаго характера; философія исторіи и сама имѣетъ уже очень длинную исторію, хотя смысла жизни еще не отыскала и даже отчаялась найти его. Смысла въ исторіи и быть не можетъ, пока человѣкъ не пришелъ въ разумъ истинный, но если нѣтъ смысла, то будутъ нелѣпости, и эти нелѣпости имѣютъ постоянство, повторяемость, т. е. онѣ будутъ имѣть видъ законовъ; статистическая исторія и констатируетъ ихъ. Смысла въ исторіи человѣческаго рода не будетъ, пока исторія, какъ это очевидно, не есть наше дѣйствіе, не есть произведеніе нашего совокупнаго разума и воли, пока она явленіе безсознательное и невольное. Но исторія и не можетъ быть нашимъ дѣйствіемъ, нашимъ произведеніемъ, пока мы живемъ въ розни; даже и при соединеніи наша родовая жизнь не будетъ дѣломъ разума, пока человѣкъ зависитъ отъ слѣпой силы природы, пока онъ не сдѣлаетъ ее орудіемъ своего совокупнаго разума и единой совокупной воли. **Исканіе смысла есть исканіе цѣли**, дѣла,—**единаго общаго дѣла**; для недопускающихъ же такового остается или допустить внѣшнее для насъ, т. е. трансцендентное существованіе, (это религіозная философія исторіи), или же сдѣлаться зооморфистами, (это секулярная философія исторіи), признающими преобразованіе видовъ (прогрессъ) или же недопускающими ихъ измѣненія; и первое будетъ трансформизмъ, эволюціонизмъ, или же развитіе, а второе будетъ ученіемъ о культурно-историческихъ

типахъ, или кастахъ.

Только цѣль даетъ смыслъ жизни; человѣку же нѣтъ надобности искать цѣль жизни, если онъ сознаетъ себя сыномъ и смертнымъ, т. е. сыномъ умершихъ отцовъ; да и сама исторія скажетъ ему, что она, какъ повѣсть о прошломъ, есть воскрешеніе, но воскрешеніе только мнимое, а потому и не имѣетъ смысла, и не будетъ его имѣть, пока не станетъ дѣйствительнымъ; дѣйствительное же воскрешеніе есть уже полная, всесторонняя исторія, и это также вѣрно, какъ и то, что возстановленная только въ словѣ она есть не дѣйствительная, мнимая. Исторія и не можетъ быть дѣйствительною, пока люди живутъ въ розни сословной, народной, личной, а потому содержаніемъ ея можетъ быть только объединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ. Объединеніе, или соединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ есть общество не по типу организма, а по образу и подобію Пресвятой Троицы; **воскрешеніе же есть** полное торжество **нравственнаго закона надъ физическою необходимостью.** Отказываясь отъ воскрешенія, отъ управленія слѣпою силою природы, человѣкъ отдаетъ себя во власть послѣдней. И безсознательная исторія имѣетъ смыслъ, если воскрешеніе, не совершаясь сознательно и вольно, будетъ совершаться безсознательно и невольно, т. е. если родъ человѣческій будетъ **принужденъ,** приведенъ къ тому, чтобы сдѣлать воскрешеніе своимъ сознательнымъ, **свободнымъ** дѣломъ. И тогда будетъ очевидно, что человѣкъ есть лишь исполнитель воли высшаго разума, воли, очевидно, благой; а что это воля благая будетъ понятно, если мы захотимъ только представить себѣ радость воскрешающихъ и воскресающихъ, въ которой заключается и благо, и истина, и прекрасное въ ихъ полномъ единствѣ и совершенствѣ.

Всеобщее воскрешеніе (т. е. соединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ), совершаясь безсознательно, неудовлетворительностью мнимаго воскрешенія, а также страданіями и бѣдствіями, вытекающими изъ внѣшняго объединенія, или борьбы, приводитъ и приведетъ къ сознательному соединенію для дѣйствительнаго воскрешенія. Соединеніе для воскрешенія становится **братотвореніемъ, душетвореніемъ, оживотвореніемъ,** тогда какъ удаленіе сыновъ отъ праха отцовъ создаетъ безжизненныя, бездушныя общества. Если исторія есть психическая задача, то не въ смыслѣ только изученія, а въ смыслѣ пробужденія души, родственнаго чувства. Соціологія же есть наука о бездушномъ обществѣ. Объединеніе живущихъ, т. е. сыновъ, для воскрешенія отцовъ есть положительное истинное совершеннолѣтіе; тогда какъ освобожденіе, эмансипація, мнимая самостоятельность сыновъ и дочерей есть лишь отрицательное, обманчивое совершеннолѣтіе, замѣна отцовъ вѣчными опекунами, дядьками, словомъ чужими, замѣна отечества государствомъ, братства—гражданствомъ, замѣна воскрешенія искусствомъ, т. е. забавами, играми; другими словами—это вѣчное несовершеннолѣтіе или безконечный прогрессъ. Исторія, какъ воспитаніе лишь, а не воскрешеніе, есть наилучшее доказательство, что человѣкъ всегда будетъ школьникомъ.

Отказавшись отъ сыновняго дѣла, воскрешенія, мѣняютъ только прямой путь на окольный, очень длинный, если только слѣпота человѣка будетъ не вѣчна; но если она будетъ вѣчною, то міръ будетъ не вѣченъ, т. е. наступитъ конецъ міра. Отказавшись отъ сыновняго дѣла, т. е. воскрешенія, замѣняютъ дѣйствительное воскрешеніе мнимымъ—**въ знаніи**, недѣйствительнымъ, или только подобнымъ—**въ искусствѣ, идолопоклонствомъ—въ религіи**, въ смыслѣ идео-латріи или идололатріи, и только въ послѣднемъ видѣ, (въ видѣ идолопоклонства), воскрешеніе и доступно пока всѣмъ, тогда какъ въ первыхъ двухъ лишь немногимъ. Если же воскрешеніе, переставъ быть общимъ дѣломъ всѣхъ, становится недѣйствительнымъ, то и соединеніе людей, лишившись цѣли и того, что могло бы быть для всѣхъ одинаково дорогимъ дѣломъ, становится невыносимымъ для нихъ, такъ что возможность, право разойдтись (свобода) во всѣхъ союзахъ, отъ брачнаго до государственнаго, становится въ основу этого неродственнаго общества (принципъ 1789 г.), а между тѣмъ полный разводъ невозможенъ, вслѣдствіе чего борьба и преступленія становятся необходимыми принадлежностями общества, въ коемъ жить вмѣстѣ невыносимо, а жить врозь невозможно. Но не сварливость, будто-бы присущая человѣку, причина этой борьбы, а отреченіе отъ общаго дѣла, въ которомъ силы, нынѣ растрачиваемыя въ борьбѣ, могли бы найдти естественный исходъ. Не проклятіе-ли лежитъ на этомъ безцѣльно-соединенномъ обществѣ? оно судитъ и наказываетъ, а преступленія не прекращаются; оно устанавливаетъ порядокъ, а порядокъ вѣчно нарушается!.. И война, и торговый обманъ возможны и неизбѣжны только въ обществахъ, неимѣющихъ общаго дѣла, забывшихъ отцовъ, не для нихъ живущихъ. Но этими наказаніями за отреченіе отъ воскрешенія дѣло не ограничивается; воспоминаніе объ умершихъ отцахъ будетъ также наказаніемъ, мученіемъ совѣсти, ибо совѣсть есть невольное воспоминаніе, невольное возстановленіе отцовъ и предковъ въ памяти, которые должны-бы быть возстановляемы сознательно и вольно, и противъ которыхъ, не исполняя сего, мы, слѣдовательно, виновны. Но если воспоминанія не будутъ муками совѣсти, то умершіе явятся въ видѣ міазмовъ: смерть, какъ разложеніе тѣлъ умершихъ, въ видѣ заразы, есть естественное наказаніе живущихъ, отказавшихся отъ воскрешенія, т. е. отъ сложенія разлагающагося въ живое тѣло. Будемъ жечь умершихъ, жечь все принадлежавшее имъ, все къ чему они прикасались,—тогда будемъ имѣть голодъ, нужды! Болѣзни прозябенія, произращенія, волчцы и терніе (вредныя растенія), болѣзни климата, засухи и ливни—все это наказанія за оставленіе природы, земли (праха отцовъ), за уклоненіе въ городскую жизнь, за эксплоатацію и утилизацію вмѣсто регуляціи. Болѣзни рожденія для одного пола и соболѣзнованіе для другого есть начальное и постоянное наказаніе и указаніе на воскрешеніе. Если объединеніе живущихъ для всеобщаго воскрешенія не совершается сознательно, то объединеніе сыновъ превращается въ цивилизацію, въ чуждость, враждебность, въ разрушеніе, а вмѣсто воскрешенія является культура,

т. е. перерожденіе, вырожденіе и наконецъ вымираніе. Усиленіе органовъ знанія на счетъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и дѣйствій и есть перерожденіе, или культура, въ физіологическомъ отношеніи. Перерожденіе и вырожденіе не ограничивается человѣкомъ, а распространяется и на растенія и животныхъ. Вся эксплоатація и утилизація входитъ въ исторію культуры. Вырожденіе, болѣзни растеній и животныхъ,—культурныхъ,—болѣзни самого человѣка, особенно нервныя, какъ спеціальная принадлежность культурности его, и истощеніе, какъ естественное послѣдствіе эксплоатаціи, вотъ естественныя наказанія за неестественное употребленіе и распоряженіе силами природы. Истощеніе и вырожденіе указываютъ на регуляцію и воскрешеніе, какъ на естественное дѣло человѣческаго рода. Если человѣкъ, вкушая хлѣбъ и вино, забываетъ отцовъ, то наказаніемъ этого забвенія будутъ недостатокъ хлѣба, болѣзни винограда. Поэтому при всякомъ вкушеніи хлѣба недостаточно помнить о тѣхъ живущихъ, которые терпятъ недостатокъ въ немъ, въ этомъ необходимомъ условіи жизни, необходимо помнить и о всѣхъ лишившихся жизни, ибо одно только средство и есть, какъ для обезпеченія жизни живущихъ, такъ и для возвращенія жизни умершимъ, это регуляція живоносной силы.

Христіанство есть объединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ, т. е. соединеніе въ любви ядущихъ и піющихъ для возвращенія къ трапезѣ любви отшедшихъ; затѣмъ и ѣдятъ, и пьютъ, чтобы имѣть силу возвратить къ жизни умершихъ. Христосъ, соединивъ, при своемъ отшествіи, поминовеніе, или любовь къ Себѣ, (что значитъ ко всѣмъ отшедшимъ)—съ питаніемъ, съ тѣмъ, что даетъ жизнь и силу на трудъ, заповѣдалъ собрать всѣхъ живущихъ къ этой вечери любви, любви къ Нему, какъ ко всѣмъ умершимъ, такой любви, которая отдаетъ всѣ силы жизни для того, чтобы увидѣть и услышать Его со всѣми отшедшими. И у язычниковъ жертвенникъ отцамъ былъ въ то же время очагомъ для приготовленія пищи сынамъ. Жилище не отдѣлялось отъ кладбища, т. е. сыны, сколько могли, не отдѣлялись отъ отцовъ, хотя само погребеніе есть уже отдѣленіе; наибольшее же отдѣленіе кладбища отъ жилища выразилось въ превращеніи очага, жертвенника отцамъ, въ орудіе кулинарнаго искусства. Когда же родъ человѣческій станетъ союзомъ всѣхъ сыновъ, служащихъ всѣмъ отцамъ, какъ одному отцу, тогда очагомъ этой семьи будетъ само солнце.

Въ объединеніи живущихъ для воскрешенія умершихъ предметомъ дѣйствія будетъ умирающее, разлагающееся, прахъ отцовъ. Когда же этотъ предметъ дѣйствія измѣняется, когда на мѣсто умирающихъ, разлагающихся ставится разцвѣтающее, льстящее всѣмъ чувствамъ, тогда соединеніе живущихъ превращается въ раздоръ, въ борьбу, а воскрешеніе умершихъ замѣняется умерщвленіемъ живущихъ. Если же за предметъ дѣйствія принимаютъ естественныя богатства Индіи или соблазнительную наружность искусственныхъ произведеній промышленности, тогда соединеніе сыновъ, превратившись въ торговыя общества, будетъ кровопролитною войною за богатства Индіи, и побѣдитель, обладатель ею станетъ эксплуататоромъ

всѣхъ народовъ, обращенныхъ имъ въ орудія своего обогащенія, т. е. міръ получитъ форму организма, излюбленную всѣми нынѣшними зооморфистами, форму, приводящую къ смерти, такъ какъ всякій огранизмъ смертенъ, обреченъ на то, чтобы умереть.

А. Что такое исторія для неученыхъ?

Исторія или печалованіе за Константинополь (Царь городовъ) **и Пермиръ** (Царь кладбищъ и кремлей). (Примѣч. 1-е).

Исторія какъ фактъ есть взаимное истребленіе, истребленіе другъ друга и самихъ себя, ограбленіе или расхищеніе чрезъ эксплуатацію и утилизацію всей внѣшней природы (т. е. земли), есть собственное вырожденіе и умираніе (т. е. культура); исторія какъ фактъ есть всегда взаимное истребленіе, будетъ ли оно открытымъ, какъ во времена варварства, или же скрытымъ, какъ при цивилизаціи, при чемъ жестокость дѣлается только утонченною, а вмѣстѣ и болѣе злою. Такое положеніе ставитъ вопросъ: долженъ-ли человѣкъ быть истребителемъ себѣ подобныхъ и хищникомъ слѣпой природы, или же онъ долженъ быть регуляторомъ (руководителемъ) послѣдней и возстановителемъ жизни себѣ подобныхъ, жертвъ своей необузданной, слѣпой юности, всего своего прошлаго, т. е. жертвъ исторіи какъ факта.

Для неученыхъ исторія есть исполненіе долга къ предкамъ, культъ отцовъ, умершихъ; для неученыхъ исторія начинается Эдемомъ рожденія, или созданія, и состоитъ въ вынужденномъ внѣшнею необходимостью (приростомъ населенія и истощеніемъ средствъ жизни) удаленіи отъ могилы праотца и въ постоянномъ стремленіи возвратиться къ ней. Это постоянное тяготѣніе, любовь къ могилѣ праотца, вращеніе около нея, какъ земли около солнца, показываетъ, что задача, цѣль жизни—воскрешеніе; иначе жизнь (исторія) была бы безцѣльною, безсильнымъ стремленіемъ, и человѣкъ былъ бы вѣчно кающимся блуднымъ сыномъ, притягиваемымъ внутреннею силою, любовью, и отталкиваемымъ внѣшнею силою; потому-то неученые и начинаютъ исторію Эдемомъ рожденія, а кончаютъ ее Эдемомъ воскрешенія. Народъ, т. е. неученые, выражаетъ и понимаетъ исторію только во внѣшнемъ обрядѣ, въ службѣ, въ картинной грамотѣ, т. е. въ грамотѣ іероглифической, или иконописи, а не въ живописи и звуковомъ письмѣ.

То, что для ученыхъ есть представленіе, представленіе того, что уже прошло, или исторія жизни всего міра, понимаемая въ обширномъ смыслѣ, то для неученыхъ есть сама жизнь, которая, не обладая полнотою сознанія, обращается въ рознь, въ борьбу между подобными, разумомъ и чувствомъ обладающими существами, вмѣсто объединенія для обращенія слѣпой, неподобной силы въ управляемую разумомъ. Для ученыхъ исторія есть сознаніе, т. е. бездѣйственное представленіе; для неученыхъ она становится безсознательнымъ, непредставляемымъ въ полнотѣ дѣйствіемъ.

Благодаря такому раздѣленію на ученыхъ и неученыхъ, жизнь безъ полнаго сознанія обращается въ вытѣсненіе, во взаимное истребленіе, а сознаніе безъ дѣйствія становится безучастнымъ зрителемъ вытѣсненія, взаимнаго истребленія. Съ объединеніемъ же знанія и дѣйствія созерцаніе обратится въ представленіе того, **что должно быть**, т. е. **въ проектъ**, а дѣйствіе, бывшее при безсознательности взаимнымъ истребленіемъ, станетъ всеобщимъ воскрешеніемъ.

Въ исторіи вопросъ о причинахъ неродственности есть вмѣстѣ и вопросъ о причинахъ существованія смерти дѣйствительной, всеобщаго же воскрешенія лишь недѣйствительнаго, для народа-миѳическаго, а для ученыхъ лишь мысленнаго; ибо, если человѣкъ есть сынъ, а религія—культъ предковъ и, вообще, умершихъ, если нравственность есть любовь къ отцамъ и вытекающая изъ нея братская любовь, а наука и искусство (т. е. приложеніе науки) есть познаніе сынами себя въ отцахъ и отцовъ въ себѣ, т. е. познаніе съ одной стороны умершихъ, а съ другой—смертоносной силы (природы), то почему же воскрешеніе не совершилось вообще и не послѣдовало за воскресеніемъ Христа въ особенности, почему жизнь оставалась взаимнымъ истребленіемъ и что нужно, чтобы началось воскрешеніе?!.. Только разрѣшеніе этого вопроса и можетъ составлять предметъ исторіи.

а) Настоящая часть записки неученыхъ къ ученымъ намѣрена или, вѣрнѣе, вынуждена говорить о томъ, что учеными называется всемірною исторіею и что для неученыхъ есть само участіе во всемірномъ дѣлѣ, во всемірной жизни, которая состоитъ въ истребленіи, сопровождаемомъ раскаяніемъ, требующемъ возвращенія жизни жертвамъ истребленія; участіе же во всемірной исторіи или во всемірномъ дѣлѣ для несущихъ воинскую повинность есть участіе во всемірной битвѣ, (крайнемъ выраженіи неродственности), призыва къ которой мы осуждены ждать со дня на день, съ часу на часъ. Постоянное ожиданіе этого призыва несущими воинскую повинность, неучеными, въ то время, когда и слѣпая сила природы, вслѣдствіе хищническаго отношенія къ ней человѣка, не перестаетъ напоминать о себѣ, то эпидеміями, то неурожаями и иными бѣдствіями, по существу общими для всѣхъ, вынуждаетъ насъ вникнуть не въ смыслъ только всемірнаго дѣла, всемірной исторіи, къ участію въ коемъ мы призываемся, но и въ то, чѣмъ оно должно быть, потому что для ученыхъ всемірная исторія есть не дѣло, а лишь знаніе, Исторія какъ фактъ есть разореніе природы и истребленіе другъ друга, т. е. то, что не должно быть; для ученыхъ же исторія какъ фактъ хотя и есть борьба за существованіе, но принимается она за средство совершенствованія и ради такой цѣли оправдывается (Примѣч. 2-е); исторія какъ фактъ для ученыхъ святыня, идолъ, который нужно только созерцать, относиться къ нему объективно, безчувственно. [«Состраданіе есть порокъ для ученаго»; такъ думалъ Спиноза, такъ думалъ и тотъ философъ, (французскій Спенсеръ), котораго выставилъ П. Бурже въ своей повѣсти—«Ученикъ»]. Для знанія,

непризнающаго дѣла, слѣпое рожденіе и слѣпое столкновеніе замѣняютъ сознательное дѣйствіе; при чемъ приспособленіе, это угодничество, раболѣпіе предъ слѣпою, чуждою намъ силою природы, и борьба съ своими, проявляющаяся въ совершенствованіи оборонительныхъ и наступательныхъ орудій, составляютъ сущность прогресса. Раболѣпіе предъ слѣпою природою не предохраняетъ однако природу отъ расхищенія произведеній ея, употребляемыхъ для взаимнаго истребленія, и результатомъ, послѣднимъ словомъ прогресса будетъ «сціентифичная битва,» какъ приложеніе знанія природы и какъ высшее проявленіе неродственности. Для неученыхъ же такой фактъ, какъ взаимное истребленіе, есть общее преступленіе, сознаніе коего ведетъ или должно вести къ искупленію; т. е. къ исторіи,—какъ факту истребленія другъ друга и разоренія природы (земли),—нужно относиться не объективно, или безучастно, безчувственно, но и не субъективно, съ внутреннимъ лишь сочувствіемъ, а **проективно.**

б) Въ чемъ же долженъ состоять этотъ проектъ?

Если жизнь человѣческаго рода **безсознательно** есть взаимное истребленіе, то чѣмъ она должна быть **сознательно?**

Созерцаніе для большинства есть лишь временное, исключительное состояніе души, непостоянное и для души даже ученаго, этого искусственнаго сословія; **мышленіе же о дѣлѣ**, т. е. **проектированіе**, есть постоянное душевное состояніе для большинства, не чуждое и ученому сословію. Большею или меньшею общностью дѣла опредѣляется достоинство мысли; самое общее, общее для всѣхъ зло или, точнѣе, злодѣяніе есть смерть, а потому самое высшее дѣло или благо есть воскрешеніе. Для существа, ничего не желающаго знать, кромѣ самого себя,—«сознаю» можетъ значить «существую;» для тѣхъ же, которые не выдѣляютъ себя отъ всѣхъ другихъ (какъ дѣти, для которыхъ существуютъ послѣ отца лишь дяди, т. е. братья отца), не отдѣляютъ и мысли отъ дѣйствія, сознаніе не можетъ быть отдѣлено отъ чувства утратъ, отъ сознанія смертности, смерти въ лицѣ другихъ; и чѣмъ тѣснѣе связь между людьми тѣмъ болѣе сознаніе будетъ признаніемъ не существованія, а утраты его, воля же будетъ тѣмъ болѣе стремленіемъ къ воскрешенію. Вопросы о родствѣ и смерти находятся въ тѣснѣйшей связи между собой: пока смерть не коснулась существъ, съ которыми мы сознаемъ свое родство, свое единство, до тѣхъ поръ она не обращаетъ на себя нашего вниманія, остается для насъ безразличною; а съ другой стороны только смерть, лишая насъ существъ намъ близкихъ, заставляетъ насъ давать наибольшую оцѣнку родству, и чѣмъ глубже сознаніе утратъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ оживленію; смерть, приводящая къ сознанію сиротства, одиночества, къ скорби объ утраченномъ, есть наказаніе за равнодушіе... Причины неродственности и смерти однѣ и тѣ же, т. е. равнодушіе, недостаточная любовь, точно также, какъ одни и тѣ же и средства

возстановленія родства и оживленія, т. е. воскрешеніе.

Въ отвѣтъ на «познай самого себя» (Примѣч. 3-е) является философія, мышленіе; въ сознаніи только себя находитъ философъ доказательство своего существованія. Погруженный исключительно въ себя, уединенный мыслитель, не замѣчая опустошеній, производимыхъ внѣ его смертью, отрицаетъ смерть, хотя и остается въ дѣйствительности смертнымъ. Существо, неотчуждающее себя отъ близкихъ, живущее одною съ ними жизнью, путемъ утратъ приходитъ къ сознанію, а сознаніе утратъ приводитъ къ стремленію, выражающемуся въ дѣйствіи, приводитъ къ оживленію. Изъ эгоистическаго — cogito ergo sum—рождается бездушное знаніе, тогда какъ изъ «чувствую утраты,» изъ чувства сиротства, рождается стремленіе къ единенію, къ оживленію, и знаніе причинъ неродственности и смерти. Ученые внѣ себя ничего себѣ подобнаго не находятъ, а только вещи; неученые же и въ самыхъ вещахъ находятъ душу. У того, кто не отдѣляетъ сознанія отъ воли, мысли отъ дѣйствія, не выдѣляетъ и самого себя отъ другихъ, (одною жизнью живетъ со всѣми), сознаніе будетъ признаніемъ не своего лишь существованія, а станетъ или сознаніемъ невозможности «крѣсити.»,—(но это лишь тогда, если связь между людьми слаба, если они всязаны только чувствомъ),—или-же, при тѣснѣйшемъ соединеніи людей, при единствѣ не только чувства, но и дѣйствія, **„сознаю“ будетъ значить „воскрешаю,“** участвую въ общемъ дѣлѣ воскрешенія.

Выдѣляя себя отъ всѣхъ другихъ, мы и въ самихъ себѣ производимъ разрывъ,—наше Я, какъ сынъ или братъ, возстаетъ противъ своего же Я, противъ самого себя, какъ отрекшагося отъ братства и отечества; а такая внутренняя усобица эта болѣзнь нашего ученаго вѣка, лишаетъ человѣка способности къ дѣлу; это люди безъ воли, заѣденные рефлексіею, словомъ, блудные сыны. Внутренній, душевный миръ зависитъ отъ внѣшняго, миръ съ самимъ собою—отъ мира со всѣми другими, т. е. съ братьями. Одиночная молитва безсильна противъ внутренняго разлада; о свышнемъ мирѣ можно молиться только всѣмъ міромъ, т. е. прежде нужно сближеніе, возсоединеніе со всѣми; въ этомъ путь спасенія для Гамлетовъ и имъ подобныхъ, этихъ вѣрныхъ исполнителей философской заповѣди познаванія самого себя, познаванія вѣчнаго, безвыходнаго, приводящаго къ тремъ философскимъ добродѣтелямъ: сомнѣнію—матери философіи, вмѣсто вѣры, и къ плодамъ ея: отчаянію, вмѣсто надежды, и безстрастію, или равнодушію, покою, бездѣйствію, вмѣсто любви. Невѣрность отцамъ и братьямъ, (въ чемъ заключается все зло и порокъ) породило недовольство самимъ собою, такъ что возстаніе «Я» противъ «Я» началось вмѣстѣ съ возстаніемъ сына на отца, брата на брата. Когда совершилось распаденіе на враждебныя личности и тогда еще знаніе называлось мудростію, т. е. хотѣло быть и на дѣлѣ тѣмъ же, чѣмъ было въ мысли; только позднѣе знаніе, по скромности, отказалось отъ мудрости, ставши лишь любовью, конечно, платоническою, къ ней, т. е. отказалось отъ дѣла и осудило себя на безконечное и безцѣльное познаваніе, такъ что знаніе того, что ни-

чего не знаемъ, какъ конечный результатъ, не считалось грѣхомъ безумія; напротивъ переходъ отъ софіи къ философіи казался даже прогрессомъ; вѣрно же здѣсь лишь то, что люди въ отдѣльности не могутъ быть мудрецами. Но не отъ мудрости слѣдуетъ отказаться, а отъ розни!

При языческой розни, при отдѣленіи сознанія отъ воли, связь между сознаніемъ и воскрешеніемъ была утрачена. Христіанство отвергло рознь, стало призывомъ къ объединенію, не признало и знанія отдѣльнаго отъ дѣйствія, т. е. отвергло философію, и стало не Софіею, а лишь почитаніемъ Софіи—Премудрости Божіей, какъ это и видно въ изображеніи Софіи. Дѣйствительнымъ же воскрешеніемъ станетъ оно, когда сдѣлается орудіемъ Софіи—Премудрости Божіей, и тогда лишь придетъ къ дѣйствительному объединенію, какъ сознанія и воли человѣка, такъ и рода человѣческаго. Буддизмъ только потому и хотѣлъ уничтоженія, что былъ невѣріемъ въ воскрешеніе, такъ какъ былъ произведеніемъ истощеннаго и пресыщеннаго сословія. Небольшая діэта—и буддійская хворь пройдетъ! Но и крайній аскетизмъ, какъ реакція пресыщенія, также приведетъ къ буддизму, этой профессіональной болѣзни ученаго сословія. Сознаніе неразрывно связано съ воскрешеніемъ; воскрешеніе было первою мыслью, вызванною смертью, первымъ сознательнымъ дѣйствіемъ, первымъ сознательнымъ движеніемъ человѣка, или, точнѣе, перваго сына и дочери человѣческихъ; поэтому первый сынъ человѣческій долженъ быть названъ и смертнымъ, и воскресителемъ.—„**Человѣкъ есть существо, которое погребаетъ,**“ - вотъ самое глубокое опредѣленіе человѣка, которое когда-либо было сдѣлано, и давшій его выразилъ тоже самое, что сказало о себѣ все человѣчество, только другими словами, назвавъ себя **смертнымъ.** Но для перваго сына человѣческаго, видѣвшаго перваго умершаго, погребеніе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только попыткою воскрешенія; и все, что теперь обратилось въ обрядъ лишь погребенія, какъ то: обмываніе, отпѣваніе, или отчитываніе, и проч., все это прежде могло употребляться лишь съ цѣлью оживленія, съ цѣлью привести умершаго въ чувство, съ цѣлью воскрешенія. Странно было бы искать начало ученія о воскресеніи гдѣ нибудь (у Персовъ напр.), кромѣ первой мысли перваго человѣка; ибо сомнѣнія въ возможности воскресенія появляются гораздо раньше, чѣмъ появилось ученіе о воскресеніи; - «мнѣ его уже не крѣсити,» такое выраженіе сомнѣнія въ возможности воскрешенія могло встрѣчаться у самыхъ грубыхъ язычниковъ, не знакомыхъ ни съ ученіемъ о воскресеніи, ни съ какими либо философскими системами. А если таковъ именно смыслъ погребенія,—если оно уже попытка воскрешенія, то выше приведенное выраженіе, которымъ человѣку приписывается, какъ отличительная его черта то, что онъ погребаетъ, будетъ имѣть несравненно обширнѣйшій смыслъ, чѣмъ выраженіе—«смертный;»—оно будетъ значить **воскреситель,** потому что, кто погребаетъ, тотъ, слѣдовательно, оживляетъ, воскрешаетъ. Христосъ есть воскреситель и христіанство есть воскрешеніе; завершеніемъ служенія Христа было воскрешеніе Лазаря; и не съ лавромъ и миртомъ, символами

войны и мира, а съ вѣтвями пальмы, символомъ воскрешенія, Онъ былъ встрѣченъ народомъ, за воскрешеніе былъ и осужденъ интеллигенціею. Называя Бога Богомъ отцовъ, Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ, мы, по толкованію самого Христа, называемъ Бога возсоздателемъ или воскресителемъ.

2. а) Какъ понять, какъ представить, что за воскресеніемъ Христа не послѣдовало воскресеніе всѣхъ?... Христіанство не было бы христіанствомъ, т. е. всемірною любовью, Христосъ не былъ бы сыномъ человѣческимъ, т. е. сыномъ умершихъ отцовъ, не былъ бы душою, сердцемъ въ могилѣ отцовъ, или во адѣ, какъ говоритъ церковная пѣснь, Геѳсиманскій плачъ, вводящій въ соблазнъ ученое сословіе, плачъ о разъединеніи, о небратствѣ, былъ бы совершенно непонятенъ, если бы была порвана связь между Христовымъ воскресеніемъ и всеобщимъ. Но по ученію христіанскому, выраженному не словомъ только, а всѣмъ храмовымъ торжествомъ свѣтлаго праздника (торжествомъ надъ смертію, и особенно въ Кремлякъ, болѣе же всего въ Кремлѣ центральномъ), воскресеніе Христа неразрывно связано со всеобщимъ воскресеніемъ. Въ такомъ смыслѣ мы и должны себѣ представить воскрешеніе какъ дѣйствіе еще неоконченное, но и не такое, которое имѣетъ совершиться только въ будущемъ, какъ магометанское; оно не вполнѣ прошедшее, какъ не исключительно и будущее, это актъ **совершающійся**,—(«Грядетъ часъ и нынѣ есть,» Іоан. V, 25),—Христосъ ему начатокъ, чрезъ насъ же оно продолжалось, продолжается и доселѣ. Воскрешеніе не мысль только, но и не фактъ, оно проектъ; и какъ слово, или заповѣдь, какъ Божественное велѣніе, оно есть фактъ совершившійся, а какъ дѣло, исполненіе, оно—актъ еще неоконченный; какъ Божественное—оно уже рѣшено, какъ человѣческое—еще не произведено.

Только предъ началомъ такъ называемаго новаго времени (новой, протестантской исторіи) воскресеніе Христа и въ живописи стало отдѣляться отъ воскрешенія Имъ человѣчества, начатаго разрушеніемъ ада; т. е. только съ XIV или XV-го вѣка Христосъ изображается возлетающимъ вверхъ изъ гроба съ побѣдною хоругвью; такимъ изображеніемъ представляется личная побѣда надъ смертью. Въ древнѣйшихъ же изображеніяхъ воскресеніе представляется, согласно каноническимъ Евангеліямъ, возвѣщеніемъ отъ ангела женамъ-мироносицамъ о воскресеніи, т. е. самою первою проповѣдью христіанства, призывомъ къ соединенію для воскрешенія; по апокрифамъ же воскресеніе изображается сошествіемъ во адъ освобожденіемъ изъ ада умершихъ, т. е. началомъ воскрешенія; такое Воскресеніе есть выраженіе любви, понятное народу, тогда какъ одиночное воскресеніе есть только славное воскресеніе, понятное лишь ученымъ.

Христіанство не было бы христіанствомъ, т. е. любовью всемірною, все наполняющею, неописанною, какъ выражается церковная пѣснь о Христѣ, отожествляя Его вездѣсущіе съ безпредѣльностью Его любви,—если бы христіанство не было всеобщимъ воскрешеніемъ; какъ Сынъ Божій, будучи на престолѣ со Отцомъ и Духомъ, Христосъ, вкупѣ съ Ними, сталъ для насъ образцомъ сыновства и братства, возведенныхъ на небесный пре-

столъ и вводимыхъ **въ царство земное**, которому уже не должно быть конца (Примѣч. 4-е).—И человѣчество не было бы подобно сему Божеству, если бы Сынъ человѣческій не былъ всею душою, сострадающею любовью, въ могилахъ отцовъ, а радость избавленія, воскрешенія отцовъ была бы не только не полна, а даже и омрачена, если бы при выходѣ изъ могилъ они не узрѣли бы въ раю разбойника, своего потомка, этого душегуба, въ глубинѣ души котораго всегда жила мысль о царствіи Божіемъ... Человѣчество не было бы подобно Божеству Сына и Духа, сопрестольныхъ Отцу, не было бы братствомъ, если бы оказалось неспособнымъ войдти въ радость этого разбойника, представителя всего преступнаго (отъ Каина до Іуды) въ человѣческомъ родѣ, который при выходѣ изъ могилъ будетъ освобожденъ, конечно, отъ гнета внѣшней, слѣпой силы, не можетъ и выйти изъ могилъ, если не освободится отъ этого гнета, дѣлающаго его не тѣмъ, что онъ есть по своей нравственной природѣ. Родъ человѣческій грѣшный, прелюбодѣйный, коего жизнь, исторія, состоитъ во взаимномъ истребленіи можетъ быть представленъ двумя разбойниками, изъ коихъ одинъ—считаетъ истребленіе закономъ жизни, данью природѣ, (это представитель царства земного), въ душѣ же другого зрѣетъ проектъ воскрешенія, вмѣсто истребленія. Христіанство не было бы безпердѣльною любовью, если бы смерть полагала ему предѣлъ; то было бы торжество не любви, а смерти надъ любовью, надъ христіанствомъ.

Праздникъ Воскресенія былъ бы ниже Крещенія, ниже Преображенія, не вмѣщалъ бы всѣхъ праздниковъ, если бы въ немъ не выражалось глубочайшаго преклоненія предъ высшимъ выраженіемъ отечества, сыновства и братства, т. е. предъ Безсмертною Троицею. «Воскресающу Тебѣ, Господи», начинается служеніе Троицѣ... Но человѣчество не стало еще христіанствомъ, оно даже удаляется отъ него; но и удаляясь, впрочемъ, приближается къ нему; оно не признало еще высшаго совершенства во всемірномъ родствѣ, не живетъ мыслью и чувствомъ въ могилахъ отцовъ, а если и живетъ тамъ чувствомъ, то это чувство не настолько еще сильно, чтобы проявиться во всеобщемъ оживленіи. Въ чемъ думаетъ найдти свое совершенство современное человѣчество, можно видѣть изъ романа Беллами; авторъ его представляетъ, какъ верхъ блаженства и совершенства, общество, пирующее на могилахъ отцовъ; при чемъ ни самъ авторъ, ни изображаемое имъ идеальное общество даже не замѣчаютъ этого!—это крайній пунктъ, до котораго можетъ удалиться человѣкъ въ сторону животнаго!

Вся исторія съ явленія «Слова Божія,» этого **„Рѣче,“** есть не что иное какъ совершающееся, но незавершенное еще **„Бысть,“** или осуществленіе Слова, т. е. возсозданіе. Въ этомъ «Рѣче» было и «да будутъ едино, яко же и Мы», въ немъ было и «шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»; въ немъ же заповѣдано и то, чѣмъ мы должны быть въ нашей родовой совокупности, и какъ мы должны дѣйствовать согласно Божественному плану; въ немъ гораздо

болѣе заключается, чѣмъ кажется. «Рѣче» не слово только, но и дѣйствіе, подвигъ,—подвигъ не безцѣльнаго непротивленія злу, не злого желанія собрать «уголье огненное» на главу дѣлавшихъ Ему зло, а принятіе заушенія, оплеванія, біенія, самой смерти ради примиренія, ради совокупленія всѣхъ силъ живущихъ въ дѣлѣ возвращенія жизни во всей ея незлобной чистотѣ всѣмъ умершимъ. Непротивленіе злу—это не отрицаніе только борьбы (воздаянія зломъ за зло), но и уничтоженіе всего зла, причиненнаго борьбою, т. е. обращеніе силы, растрачиваемой въ борьбѣ, на возстановленіе всѣхъ жертвъ борьбы. И къ этому подвигу воскрешеніе относится какъ слѣдствіе къ причинѣ, т. е. всеобщее воскрешеніе есть Gesta Dei per homines, или Gesta Dei Patris per Filium Dei et filium hominis, (здѣсь единственное, вмѣсто множественнаго),—дѣло, подвигъ, не отдѣляющій сыновъ человѣческихъ отъ Сына Божія и Человѣческаго. Это литургія, не Златоуста или Василія Великаго, но литургія по чину Самого Спасителя. Началомъ выполненія Божественнаго велѣнія, выраженнаго въ крестномъ подвигѣ Спасителя, было со стороны человѣка собираніе во имя Тріединаго Бога и выработка самого догмата о Св. Троицѣ, ибо въ этомъ догматѣ раскрывался, показывался образецъ идеальнаго общества, въ которое должно собраться все человѣчество, въ немъ же вырабатывался и путь къ осуществленію этого образца—воскрешеніе. Это исторія какъ проектъ.

б) Если смотрѣть на подвигъ съ отвлеченной, школьной точки зрѣнія, съ сословной, съ точки зрѣнія ученаго, т. е. только мыслящаго, сословія, то дѣло Христа есть лишь оправданіе, т. е. не дѣло, а лишь мысль; тогда какъ со всеобщей точки зрѣнія оно есть воскрешеніе, что и выражено иконописью, которая осязательно указываетъ на связь крестнаго подвига (пожертвованіе жизнью, кровью, какъ выраженіе сыновней любви) со всеобщимъ воскрешеніемъ. Въ лицѣ Адама (Адамова голова со скрещенными костями у подножія креста), орошаемаго кровью изъ прободеннаго ребра, представляются всѣ умершіе, а во имя Христа объединяются всѣ живущіе для общаго дѣла воскрешенія. Искаженіе православія католицизмомъ состоитъ въ томъ, что онъ замѣнилъ воскрешеніе дѣлами оправданія, хотя и непонятно, почему слѣдствіемъ такого подвига можетъ быть воскрешеніе, такъ какъ «правда» сама по себѣ не можетъ быть причиною возвращенія къ жизни, а можетъ быть даже причиною лишенія ея; протестантизмъ же, отвергнувъ дѣла оправданія, не сталъ дѣломъ, единымъ дѣломъ воскрешенія, и сталъ лишь мыслью. Если смотрѣть на подвигъ Христа только какъ на оправданіе, то нужно допустить, что умилостивить всевѣдущее, всемогущее Существо могутъ только страданія невиннаго существа; если же это не такъ, въ такомъ случаѣ должно признать, что въ самомъ подвигѣ заключается соединеніе знанія и силы, возвращающей жизнь; и тогда, т. е. въ послѣднемъ случаѣ, подвигъ будетъ требованіемъ со стороны Бога—полнаго Ему уподобленія, а не умилостивленіемъ только Его. Въ системѣ оправданія есть только мнимое безсмертіе, а не дѣйствительное воскрешеніе. Можетъ ли быть что-либо искусственнѣе, поверхност-

нѣе, казуистичнѣе, безжизненнѣе ученія объ оправданіи?!!.. Оправданіе, искупленіе, возрожденіе, освященіе, примиреніе,—все это лишь отвлеченныя выраженія воскрешенія. Если оправданіе состоитъ въ уподобленіи человѣка Христу, какъ образцу совершенной добродѣтели, то подъ добродѣтелью нужно разумѣть добро не отвлеченное, а воскрешеніе, какъ полное выраженіе любви къ отцамъ и братства сыновъ, ибо Христосъ—воскреситель, и въ этомъ весь смыслъ Его, какъ весь смыслъ,—послѣднее слово,—нравственности въ воскрешеніи. Вопросъ уже, а не отрицаніе, для невѣрующихъ (Примѣч. 5-е), и глубокая еще тайна для вѣрующихъ—Христово воскресеніе, можетъ разрѣшиться только всеобщимъ воскрешеніемъ, для чего необходимо соединеніе тѣхъ, для коихъ все—только вопросъ (люди знанія), съ тѣми, для коихъ все—лишь тайна (люди дѣла, народъ), необходимо, слѣдовательно, соединеніе ихъ въ общемъ дѣлѣ воскрешенія. Пока же, такого соединенія не произошло, нельзя не видѣть въ сословной, т. е. ученой, протестантской и, вообще, Западной догматикѣ, съ ея черствою, сухою, безжизненною правдою,—противоположности православному смыслу христіанства, выражающемуся во всей православной иконописи, сосредоточенной въ единомъ изображеніи крестномъ, но не въ отдѣльности, а въ связи ея съ православною службою, сосредоточенною въ страстной и воскресной, т. е. пасхальной службѣ. Только въ соединеніи православныхъ иконописи и службы (Примѣч. 6-е), выражается полнота православнаго смысла, полнота смысла христіанства, ибо если въ черепѣ надъ скрещенными, т. е. крестообразно сложенными, костями рукъ, изображаемомъ при подножіи распятія (Примѣч. 7-е), въ ожиданіи орошенія живою водою и кровію, мы представляемъ всѣхъ нашихъ умершихъ, то только въ лобзаніи Распятаго, заканчивающемъ всѣ пасхальныя службы, мы видимъ (предполагаемъ) объединеніе всѣхъ живущихъ въ любви и животворномъ воскрешающемъ знаніи. Если вся служба, какъ было сказано, есть лишь крестное знаменіе, полагаемое при началѣ дѣла, напутственный молебенъ предъ нимъ, то цѣлованіе есть обѣтъ, клятва исполнить свой урокъ, свою задачу въ общемъ дѣлѣ. Во имя Распятаго мы объединяемся а въ лицѣ Воскресшаго, представляемаго крестомъ, освѣщеннымъ пасхальною свѣчею, являющимся въ облакѣ кадильномъ), предчувствуемъ живоносную силу объединеннаго во Христѣ рода и видимъ въ крестѣ лишь знамя, ведущее насъ отъ храмовой пасхальной службы къ внѣхрамовой, ибо наша Пасха (православная) начинается движеніемъ отъ центровъ къ окраинамъ, отъ столицъ и городовъ къ селамъ, къ праху предковъ, къ могиламъ отцовъ. Но истинно пасхальнымъ движеніе это будетъ лишь тогда, когда удаленіе изъ центровъ станетъ не временною только побывкою, а перенесеніемъ самыхъ промысловъ изъ городовъ въ села и превращеніемъ городской фабричной тюрьмы въ кустарную свѣтелку, (городской воинской повинности въ сельскую), чрезъ уменьшеніе искусственной промышленности, чрезъ превращеніе ея въ естественную, путемъ регуляціи, т. е. превращеніемъ въ воскрешеніе, что само собою не дѣлается. Наша Пасха противоположна и еврей-

ской, которая есть паломничество въ центральный Іерусалимъ, и католической, которая мѣстные крестные ходы превратила въ крестовые походы, въ вооруженныя странствованія къ гробамъ втораго и перваго Адама, заключавшія въ себѣ не священную лишь войну, а и торговую борьбу, вызывающую движеніе отъ селъ въ города, отъ окраинъ къ центрамъ, т. е. отъ смиренной, покорной вѣры къ гордому противленію, или отъ католицизма къ протестантству,—что дѣлается само собою. Протестантизмъ былъ правъ, отрицая превращеніе крестныхъ ходовъ въ крестовые походы, но былъ неправъ, оставаясь при отрицаніи и не заботясь о превращеніи ихъ изъ дѣла истребленія въ дѣло воскрешенія. Протестантизмъ отрицалъ войну, съ коею была связана торговля, и признавалъ торговлю, которая въ себѣ носитъ причину войны. Для католицизма крестовые походы, прямые и обходные (въ обходъ Африки и Америки, когда завоеваніемъ Константинополя турками прегражденъ былъ прямой путь въ Іерусалимъ и Индію), были дѣлами оправданія, спасенія, литургіею. Литургія же католическая, внѣхрамовая, т. е. сама жизнь, или исторія какъ фактъ, есть не братотвореніе, но работвореніе, не чрезъ усыновленіе, а чрезъ завоеваніе для исполненія долга душеприказчества, въ смыслѣ освобожденія изъ чистилища, а не въ смыслѣ воскрешенія. Протестанство, отвергая искаженную литургію, не признало и дѣйствительной; т. е. протестантизмъ уничтожилъ литургію, какъ работвореніе, но не замѣнилъ ее братотвореніемъ. Отрицательное, т. е. разрушительное, дѣло протестантизма состоитъ въ разъединеніи, индивидуализмѣ, чрезъ освобожденіе отъ долга душеприказчества. Протестантизмъ и слѣдовавшій за нимъ скептицизмъ превратили обходныя движенія изъ священныхъ, крестовыхъ, въ торговыя.

Католицизмъ есть искаженіе христіанства, т. е. воскрешенія, замѣна дѣла, производящаго воскрешеніе, дѣлами, которыя не производятъ оживленія, а только заслуживаютъ безсмертіе, или освобожденіе отъ чистилища. Протестантизмъ не уничтожаетъ искаженія, а только замѣняетъ католическія дѣла мыслью.

Наша Пасха, страха ради кочевниковъ, праздновалась изначала въ Кремляхъ и острожкахъ, т. е. въ крѣпостяхъ, защищавшихъ прахъ предковъ; на эту защиту и уходила сила воскрешенія. Когда же созданъ былъ въ подражаніе Западу фабричный городъ, разрушившій Кремли и острожки, тогда для празднованія началось движеніе или, точнѣе, возвращеніе въ села, къ могиламъ отцовъ, къ праху предковъ. Превращеніе воинской повинности изъ городской въ сельскую будетъ началомъ возстановленія Кремлей въ видѣ орудій регуляціи природы. Какъ литургія можетъ быть совершаема только на мощахъ (антиминсѣ), такъ и Пасха можетъ быть совершаема только у могилъ предковъ. Воскресеніе Христа требуетъ всеобщаго Воскрешенія. Другого оправданія для насъ нѣтъ, ибо христіанство есть общее дѣло воскрешенія, а не мысль только, и никакимъ другимъ дѣломъ замѣнено быть не можетъ.

в) Стараясь уяснить себѣ, почему за воскресеніемъ Христа не послѣ-

довало и всеобщаго воскрешенія, мы имѣемъ цѣлью не христіанство оправдать отъ мнимаго противорѣчія, какъ это дѣлаютъ вѣрующіе въ могущество цивилизаціи и невѣрующіе въ силу христіанства, а спасти отъ униженія исторію, возводя ее до осуществленія «Благой Вѣсти»; т. е. мы обвиняемъ ученыхъ, защищая ихъ собственные труды, осуждаемъ ихъ за невѣрную оцѣнку, за умаленіе стоимости ихъ же трудовъ, за то, что они унижаютъ свое дѣло, считая его безцѣльнымъ. Если смотрѣть на исторію какъ на осуществленіе «Благой Вѣсти,» то станетъ ясно, что если всеобщее воскрешеніе и не совершилось вслѣдъ за Воскресеніемъ Христа, то оно за нимъ слѣдуетъ, что Воскресеніе Христа есть начатокъ всеобщаго Воскрешенія, а послѣдующая исторія продолженіе его. Одновременно съ Воскресеніемъ Христа Всеобщее Воскрешеніе и не могло совершиться, потому что оно есть сознательный трудъ объединеннаго на всемъ пространствѣ земного шара человѣческаго рода, область дѣйствія коего не ограничивается даже предѣлами земной планеты. Обращая вліяніе земной массы въ сознательный трудъ, объединенный родъ человѣческій дастъ земной силѣ, управляемой разумомъ и чувствомъ, слѣдовательно силѣ живоносной, преобладаніе надъ слѣпыми силами другихъ небесныхъ тѣлъ и соединитъ ихъ въ одномъ живоносномъ дѣлѣ воскрешенія. Къ такому дѣлу человѣческій родъ сознательно еще не приступалъ, хотя дѣло воскрешенія, т. е. объединеніе рода человѣческаго и продолжалось, но оно было извращено, тогда какъ неизвращенный родовой бытъ, родовой въ религіозномъ смыслѣ, есть союзъ не отдѣлившихся (или возсоединеніе успѣвшихъ отдѣлиться) сыновъ для воскрешенія отцовъ; а это послѣднее, т. е. воскрешеніе, и есть христіанство. Но великое общее дѣло, въ которомъ только и заключается вся суть христіанства, было замѣнено состязаніемъ въ производствѣ бездѣлушекъ, переходящемъ въ битву, въ войну. Изслѣдованіе причинъ извращенности (вопросъ о неродственности) и есть поворотъ къ прямому, сознательному объединенію въ дѣлѣ воскрешенія; ибо это изслѣдованіе имѣетъ въ виду не одно лишь знаніе, цѣль его—раскрыть задачу смертныхъ, и при томъ всѣхъ, а не кого либо одного или нѣкоторыхъ. Для ученыхъ исторія есть судъ, судебный приговоръ, ими, учеными, произносимый; для неученыхъ же, т. е. для всѣхъ, среди которыхъ ученые какъ капля въ морѣ, исторія есть поминовеніе; а если поминовеніе искренно, оно не можетъ навсегда остаться только поминаніемъ, т. е. лишь сокрушеніемъ о томъ, что утраченнаго намъ «уже не крѣсити,» а станетъ общимъ дѣломъ воскрешенія, въ которомъ только и могутъ люди сознавать себя братьями, а не участниками лишь, товарищами какого либо предпріятія; при такомъ только дѣлѣ исторія будетъ дѣйствительно всеобщею и всемірною.

г) Поворотомъ къ дѣлу воскрешенія, или, вѣрнѣе, указаніемъ на него и начинается наше слово объ ополченіи забывшихъ свое родство, объ ополченіи Запада на Востокъ (т. е. наша исторія), объ ополченіи, представляемомъ въ видѣ одной, болѣе и болѣе расширяющей свое поле битвы

(дѣло—битва), на весь земной шаръ, съ прямыми и обходными движеніями, (по естественнымъ путямъ, обращаемымъ въ искусственныя дороги, выпрямляемыя, выравниваемыя, объединяющія Западъ и Востокъ, точнѣе континентъ и прибрежныя страны, для ускоренія движенія), изъ коихъ первыя, т. е. прямыя, сходятся въ Царь-Градѣ, а вторыя, обходныя, на Памирѣ.

Какое же это будетъ схожденіе, мирное или немирное?

Наука своими изобрѣтеніями (улучшенными путями сообщенія) даетъ возможность и отдаленному Востоку и дальнему Западу принять участіе въ битвѣ, въ дѣлѣ взаимнаго истребленія, въ битвѣ «сціентифичной», какъ полномъ приложеніи всего знанія, съ дальнобойнымъ и скорострѣльнымъ оружіемъ, съ бездымнымъ порохомъ, съ меллинитомъ, робуритомъ, въ битвѣ на землѣ и на водѣ, подъ землею и подъ водою, въ воздушной высотѣ, днемъ и ночью, при свѣтѣ электрическихъ солнцъ. Самый фантастическій апокалипсисъ поблѣднѣлъ бы предъ этой дѣйствительностью (Примѣч. 8-е). Западъ, давъ научное устройство нестройнымъ массамъ дальняго и ближняго Востока, поведетъ всѣ народы океанической полосы на континентальное царство. Научной стратегіи предстоитъ опредѣлить послѣдній, центральный пунктъ сціентифичной битвы. Впрочемъ Константинополь и Памиръ и будутъ фокусами столкновенія континентальной и океанической силъ. При мирномъ же исходѣ ихъ встрѣчи, христіанское отношеніе двухъ означенныхъ центровъ легко понять, если представить Памиръ, (гипотетическая могила праотца), черепомъ надъ скрещенными костями рукъ, а Константинополь, (первое мѣсто, осѣненное крестомъ),—предполагаемымъ центромъ превращенія разрушительной силы въ живоносную. Наша исторія есть «Восточный Вопросъ,» борьба, прерываемая перемиріями, не устраняющими причинъ ея, ибо истинный, вѣчный миръ возможенъ только при возвращеніи всѣхъ потерь, въ чемъ и состоитъ общее дѣло человѣческаго рода, не исключая и «третьяго рода» людей; исторія есть «Восточный Вопросъ,» вопросъ объ ополченіи Востока на Западъ, или Запада на Востокъ, есть борьба между Востокомъ и Западомъ, не на животъ, а на смерть; разрѣшеніе же Восточнаго Вопроса будетъ примиреніемъ Востока съ Западомъ, объединеніемъ ихъ и уже не на смерть, а на воскрешеніе и животъ.

д) Точнѣе и полнѣе сказать, наша исторія есть слово объ ополченіи, сопровождаемое поминовеніемъ, т. е. это и синодикъ о всѣхъ павшихъ, начиная отъ тѣхъ, которые пали у стѣнъ Иліона и оплаканы Гомеромъ, (оплакиваются еще и теперь читающими Гомера), до павшихъ у Плевны и Шипки и осмѣянныхъ варягами. Плачъ есть отличительная черта исторіи хронографовъ; онъ вноситъ чувство въ исторію. Плачъ о гибели полка Игорева, или о пораженіи земледѣльцевъ кочевниками, плачъ Іереміи, плачъ о паденіи Царя-Града, наконецъ, плачъ надъ общею основною причиною бѣдствій неродственностію, т. е. небратствомъ и забвеніемъ отцовъ, вноситъ чувство даже въ философію исторіи (Примѣч. 9-е). (Но плакать или печаловаться о бѣдствіяхъ естественныхъ, отъ неродственной силы природы происходящихъ, и о разрушеніи родства, не значитъ убиваться отъ

горя; дать убить себя горю, значитъ забыть, что жизнь нужна для оживленія или воскрешенія). Наша исторія начинается отъ хронографовъ, а не отъ Байеровъ, Шлецеровъ, (Варяговъ по мысли и крови) и не отъ Варяго-Руссовъ... Наша исторія вмѣстѣ и гражданская, и священная; какъ исторія борьбы--она гражданская; какъ исторія проповѣди: не убій, не воюй, не борись, она не станетъ еще священною, не будетъ христіанскою, а останется древнею; человѣкъ не перестанетъ убивать, воевать, вести борьбу, и будетъ, напротивъ, совершенствоваться въ изобрѣтеніи смертоносныхъ орудій (изобрѣтеніемъ пороха начинается новая исторія). для защиты скопляемыхъ все болѣе и болѣе, благодаря прогрессу, богатствъ; исторія не станетъ священною, пока память, которая есть любовь, замѣнивъ излишнее необходимымъ, мануфактурное—кустарнымъ, не замѣнитъ и смертоносное оружіе оруціемъ живоноснымъ, соединяющимъ всѣхъ въ одномъ дѣлѣ. Чтобы стать священною, христіанскою, исторія должна быть словомъ не объ ополченіи лишь другъ на друга Запада и Востока, превратившемся въ настоящее время въ борьбу океаническаго міра съ континентомъ, въ борьбу, какъ сказано, не на животъ, а на смерть; она должна быть словомъ и объ ополченіи общемъ, другъ за друга, противъ извнѣ дѣйствующей и въ насъ дѣйствующей слѣпой силы природы, т. е исторія есть слово объ объединеніи не на смерть, а на воскрешеніе и животъ. Ученые считаютъ свое дѣло оконченнымъ, когда уяснили себѣ причины борьбы вліяніями внѣшней природы и дѣйствіями внутренней (темпераментъ и характеръ), а для неученыхъ тутъ только и начинается дѣло, рѣшеніе вопроса. Всеобщая воинская повинность и есть ополченіе въ смыслѣ приготовленія къ этой священной, всеобщей борьбѣ не противъ другъ друга, а другъ за друга, противъ извнѣ и въ насъ дѣйствующей силы природы. Настоящая же часть записки имѣетъ цѣлью разъяснить обязанности призываемыхъ на службу; это—катихизисъ не по формѣ, а по сущности, который учитъ тому, **что нужно дѣлать человѣку**, или сынамъ человѣческимъ, какъ участникамъ въ исторіи, въ рѣшеніи вопроса о неродственности, вопроса о переоруженіи. Обязанность защиты отечества, какъ 3-го Рима, чтобы быть понятою, требуетъ разъясненія значенія и второго, и перваго Рима. Говоря же, что «4-му Риму не быть», Россія признаетъ за собою долгъ разрѣшенія вопроса о неродственности и родствѣ. Усвояя себѣ значеніе 3-го Рима, мы признаемъ долгъ глубочайшаго родственнаго объединенія, отрицая же всякую нужду въ 4-мъ, признаемъ, вѣримъ, что цѣль объединенія будетъ достигнута и достигнута будетъ нами, это значитъ, что мы не признаемъ за собою права слагать трудъ достиженія цѣли на другихъ.

Исторія въ смыслѣ всеобщаго воскрешенія есть самый полный комментарій къ Кремлямъ и острожкамъ до послѣднихъ сторожъ, ибо Кремль будетъ крѣпостію, охраняющею прахъ отцовъ, пока нѣтъ братства, а существуетъ небратство; Кремль будетъ переоружаться по мѣрѣ того, какъ сыны, во исполненіе долга къ отцамъ, будутъ превращаться въ братство·

но только въ дѣлѣ всеобщаго воскрешенія, какъ, въ самомъ полномъ выраженіи любви и долга къ отцамъ, сыны достигнутъ полноты братства. Если нашъ Кремль въ пасхальную ночь и нуждается въ комментаріи, то не потому, чтобы ночь эта была не ясна, не свѣтозарна, а потому, что наше сознаніе омрачено предразсудками; ночь, время покоя, стала свѣтлымъ днемъ, началомъ великаго дѣла Воскрешенія, и Воскресеніе уже не недѣльный, а великодѣльный день. Вопросъ только въ томъ и заключается, способно ли нынѣшнее знаніе превратиться въ это великое дѣло?, способно ли ученое сословіе стать комиссіей объединенія въ этомъ общемъ дѣлѣ?, способно ли къ такому превращенію сословіе, держащееся предразсудками, религія котораго состоитъ въ признаніи мертваго, безличнаго бога и безжизненнаго безсмертія, а нравственность заключается не въ эгоизмѣ даже, а въ «солипсизмѣ», при чемъ признаніе нелѣпаго «альтруизма» дѣлаетъ это сословіе худшимъ изъ всѣхъ фарисеевъ (солипсизмъ и альтруизмъ?!). (Примѣчаніе 10 е). Способно ли къ дѣйствію сословіе, которое, обращая каждую мысль, слово, въ корыстную, личную собственность, отреченіе отъ будущей жизни выдаетъ за великодушіе? не вѣря въ будущее, оно, фарисейски, приходитъ въ умиленіе отъ своего дешеваго пожертвованія! Ученое сословіе, свободное отъ воинской повинности, считаетъ себя мирнымъ, и даже сокрушается о томъ, что люди не могутъ жить въ мирѣ, негодуетъ, что они прибѣгаютъ къ оружію; на словахъ это сословіе проповѣдуетъ миръ, и не замѣчаетъ, что на дѣлѣ, чѣмъ бы ни занималось оно, чистымъ или же прикладнымъ знаніемъ, оно само способствуетъ усиленію войны, или прямо, если приложеніе знанія относится къ усовершенствованію оружія и, вообще, орудій истребленія, или же косвенно, когда приложеніе знанія относится къ промышленности, торговлѣ, которыя ведутъ къ усиленію вражды и, слѣдовательно, къ увеличенію поводовъ къ войнѣ. Если же ученое сословіе занимается чистымъ знаніемъ, не заботясь объ его приложеніи, (о чемъ позаботятся другіе, и ничего чистаго не останется безъ приложенія къ войнѣ и промышленности), то оно отвлекаетъ отъ истиннаго знанія которое состоитъ не въ знаніи лишь причинъ вообще, чѣмъ ограничивается чистое знаніе, а въ знаніи причинъ неродственности, вражды, войны, которая можетъ быть устранена не проповѣдью, какъ бы убѣдительна она ни была, не негодованіемъ, какъ бы сильно оно ни было, не изгнаніемъ изъ исторіи описанія войнъ а лишь устраненіемъ причинъ, производящихъ рознь, неродственность, вражду, а съ ними и войну. Вопреки ученымъ лицемѣрамъ, желающимъ изгнать изъ исторіи описаніе войнъ, а не войну, конечно, исторія должна говорить о войнѣ. Не говорить о ней, значитъ скрывать истину, выставлять дѣйствительность въ ложномъ свѣтѣ. Но говоря о войнахъ, исторія должна раскрывать ихъ причины, которыя заключаются въ развитіи мануфактуры и торговли, благодаря приложенію къ нимъ знанія; знаніе столько же, если не болѣе, прилагалось и къ военному дѣлу, потому что торговая промышленность неразрывно связана съ войною, внѣшне и внутренно. Если, при существованіи розни, мысль не

отдѣляется отъ дѣла, (отдѣленіе въ этомъ случаѣ можно произвести лишь искусственно, какъ это и сдѣлалъ Декартъ, уединившись въ многолюдный городъ, но такимъ уединеніемъ отъ всѣхъ можно скрыть отъ себя дѣйствительность, а не узнать ее), то «сознаю» будетъ значить «вытѣсняю», «истребляю». Это вытѣсненіе можетъ быть производимо и такимъ мирнымъ дѣломъ, какъ торговля и промышленность: «Deux nations en guerre de tarifs peuvent se ruiner plus sûrement qu'à coups de canons»,—какъ это справедливо говорится въ статьѣ о Китайской эмиграціи (Revue des deux mondes, апрѣль 1889 года). Это война, конечно, осадная. Задача политической экономіи, составляющей лишь часть науки о войнѣ (Примѣч. 11 е), опредѣлять, между прочимъ, при какихъ условіяхъ осадная война становится невыносимою и переходитъ въ штурмъ. Политическая экономія, вмѣстѣ съ соціализмомъ, эта іудина наука, какъ назвалъ ее одинъ изъ славянофиловъ, лицемѣрно сокрушаясь о бѣдныхъ, придетъ, конечно, въ ужасъ, если увидитъ то, чему былъ свидѣтелемъ Іуда, если увидитъ женщину, уничтожившую или сложившую въ могилу драгоцѣнныя украшенія, которыя вырабатываетъ для нея промышленность и всемірная торговля; таковъ, конечно, смыслъ Евангельскаго алавастра,—это сосудъ Пандоры, который изготовляетъ городская мануфактура, это украшенія, въ которыя облекаетъ она дщерей промышленнаго вѣка для привлеченія сыновъ того же вѣка, который и по сіе время еще не понялъ, что пока будетъ смерть, будетъ и бѣдность; поняла это женщина древнихъ временъ, не только отказавшись, но и уничтоживъ, сложивъ въ могилу свои украшенія; и вотъ прежде, чѣмъ была дана заповѣдь «шедше научите», было уже сказано, что изъ этого «научите» нельзя, не можетъ быть исключена повѣсть о томъ, что сдѣлала эта женщина. Она искупила грѣхъ Пандоры, Европы, Елены, Евы, она отвергла даръ, подносимый промышленностью, предпочла Идущаго къ смерти всѣмъ живущимъ. Эта первая изъ мироносицъ вмѣстѣ съ женщиною, осмѣянною безчувственнымъ Буддою (Примѣч. 12-е), займутъ первыя мѣста въ царствѣ воскрешенія. Среди множества реликвій, подлинныхъ или неподлинныхъ, нѣтъ обломка этого алавастра, который могъ бы быть, который и должно-бы было положить на первомъ мѣстѣ въ томъ музеѣ, куда будутъ сданы нынѣшнія произведенія мануфактуры, когда промышленность изъ городской станетъ сельскою. Древній міръ, отыскавъ центръ, сдѣлалъ его своею могилою; новый придетъ къ этой могилѣ, лишь понявъ, въ чемъ состоитъ естественная бѣдность человѣка, понявъ, что бѣдность эта заключается въ его смертности, понявъ, что оставаться орудіемъ смертоносной силы природы значитъ отрекаться отъ человѣческаго дѣла.

Итакъ, для ученыхъ – исторія есть разсказъ, а для неученыхъ участіе во всемірномъ дѣлѣ, т. е. во всемірной войнѣ, это фактически;—проективно же исторія для неученыхъ есть участіе во всеобщемъ воскрешеніи, которое неотдѣлимо отъ самого сознанія, если оно стоитъ на высшей точкѣ нравственности и религіозности; высшая же точка нравственности та,

на которой не отдѣляютъ себя отъ всѣхъ другихъ, не раздѣляютъ «своего» отъ всеобщаго, на которой нѣтъ противорѣчія между мыслью и дѣломъ; а высшая точка религіозности есть христіанская, не отдѣляющая Воскресенія Христова отъ всеобщаго. Неученое опредѣленіе исторіи согласно съ православіемъ, если православіе не отдѣляетъ догматики отъ нравственности, иконописи отъ службы. Сознательная и вольная исторія будетъ состоять въ объединеніи живущихъ (сыновъ) для воскрешенія умершихъ (отцовъ), ибо Богъ смерти не создалъ, а создалъ жизнь, и человѣкъ, дѣлаясь исполнителемъ воли Бога, будетъ орудіемъ не смерти, а жизни. Только такое объединение живущихъ, которое имѣетъ цѣлью воскрешеніе умершихъ, будетъ положительнымъ совершеннолѣтіемъ, освобожденіе же, самостоятельность сыновъ и дочерей (эмансипація женщинъ) есть лишь отрицательное совершеннолѣтіе, лишь замѣна отцовъ опекунами, отечества государствомъ, братства гражданствомъ.

3. а) Все время съ момента воскресенія Христа, какъ великой эры, съ момента, когда Воскресшимъ была произнесена заповѣдь собиранія («шедше научите» и пр.) до эпохи, когда выработанный догматъ о Троицѣ опять превратится въ заповѣдь, раскрытую въ цѣлый планъ, проектъ,—въ заповѣдь, являющую образецъ, по которому человѣчество будетъ формироваться, до момента, когда оно поставитъ своею цѣлью воскрешеніе, т. е. признаетъ, что всеобщее воскрешеніе есть полное выраженіе культа предковъ,—все это время мы можемъ представить себѣ какъ одинъ день, въ который воскрешеніе совершалось, совершается и доселѣ, чрезъ насъ, но помимо нашего сознанія.

Заповѣдь—«Шедше научите» является, какъ мы увидимъ, и въ крестовыхъ походахъ, этомъ вооруженномъ проповѣдничествѣ, т. е. въ такъ называемой Средней Исторіи, и въ обходныхъ движеніяхъ, западномъ и нашемъ, т. е. въ Новой Исторіи, но является въ извращенномъ видѣ, и наибольшаго извращенія достигаетъ именно, въ обходныхъ движеніяхъ торговыхъ, какъ своекорыстныхъ и несущихъ смерть (вымираніе), бывшихъ даже прямымъ отреченіемъ отъ заповѣди «научите», какъ у Голландцевъ. Слѣдующее за симъ изложеніе имѣетъ цѣлью раскрыть, что во всемъ историческомъ движеніи есть единство,—(хотя это и лжеединство), несмотря на извращеніе, происходящее отъ несознанности, и тѣмъ замедляющее достиженіе истинной цѣли. Все это движеніе совершается около одного центра, и этотъ центръ не духовный, а реальный.

Въ первыя времена по воскресеніи Христа, когда началось собираніе во имя Тріединаго Бога, тогда догматъ не отдѣлялся еще отъ заповѣди, вѣра отъ жизни, жизнь превосходила требованія десяти ветхозавѣтныхъ заповѣдей, была выше ветхозавѣтнаго идеала и приближалась къ тому образцу, во имя коего крестились. Въ этой нераздѣльности, неразвитости и заключается совершенство первобытнаго христіанства, и особенно въ неотдѣлимости своего спасенія отъ спасенія или воскрешенія отцовъ. Въ первоначальномъ христіанствѣ самое собираніе, отреченіе отъ язычества, или

раскаяніе и пріобщеніе къ поминальной трапезѣ Искупителя умершихъ, и было литургіею, какъ и самое христіанское общество было церковью. Можно быть увѣреннымъ, что приступавшіе къ вечери любви изъ народа твердо были убѣждены, что искупительная сила распространялась и на ихъ предковъ (I Коринѳ. XV, 29, крещеніе ради мертвыхъ); можно быть увѣреннымъ, что пока въ церковь не вступалъ еще такъ называемый интеллигентный классъ (средній родъ людей, гражданскій, городской, посадскій, мѣщански буржуазно-фабрично-рабочій), не могъ быть данъ и извѣстный отвѣтъ одного проповѣдника нѣмецкому князю, желавшему креститься, на вопросъ объ участи его предковъ; даже и вопросъ—то этотъ не могъ быть тогда заданъ, потому что для народа немыслимо ради собственнаго спасенія отрекаться отъ отцовъ, и потому что никогда не было такой близости живущихъ къ умершимъ, какъ въ то время, когда христіане собирались въ жилищахъ умершихъ (катакомбахъ), гдѣ гробы мучениковъ служили имъ престолами. Но если эта первая церковь для вѣрующихъ является такою святою, что Оригенъ указываетъ на нее для объясненія единства Отца и Сына, полагаемаго имъ въ единомысліи, согласіи и тождествѣ воли, (ту же самую мысль высказываетъ и Августинъ,—«если», говоритъ онъ, «любовь могла изъ столькихъ душъ сдѣлать одну, то Отецъ и Сынъ, любовь Которыхъ неизрѣченна, не должны-ли быть названы единымъ Богомъ»), то совсѣмъ иною является она въ глазахъ невѣрующихъ; ненависть этихъ послѣднихъ доходитъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ въ смерти Ананія и Сапфиры, напримѣръ, видятъ убійство съ цѣлью устраненія и въ видахъ какъ бы финансовой мѣры, и т. п. Но становясь даже на точку зрѣнія невѣрующихъ, мы спросимъ: откуда же взялся въ христіанствѣ идеалъ Тріединаго Бога, если въ самой общественной, церковной жизни христіанъ не было для него никакихъ данныхъ? въ Евангеліи, какъ и во всемъ Новомъ Завѣтѣ, нѣтъ слова «Троица», нѣтъ словъ—«нераздѣльность», «несліянность», хотя все это и представлено тамъ въ дѣйствіи, въ жизни, въ способѣ осуществленія, такъ что въ понятіи о Троицѣ заключается лишь краткая формула всего Евангельскаго ученія.

б) Уже въ первой христіанской общинѣ являются два направленія, въ которыхъ совершается движеніе къ исполненію данной Христомъ заповѣди, и изъ которыхъ одно можно назвать реалистическимъ, а другое идеалистическимъ. Для первыхъ Богъ, или Божественное существо, представлялось образцомъ для каждой личности въ отдѣльности, въ ея особности, а не для личностей въ родовой ихъ совокупности; воскресеніе же представлялось имъ явленіемъ трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, слѣдовательно исключительно будущимъ, т. е. не такимъ, которое было бы дѣломъ знанія всѣхъ безъ исключенія людей, дѣйствующихъ средствами самой природы, воскресеніе представлялось имъ явленіемъ, которое будетъ произведено внѣмірнымъ, трансцендентнымъ способомъ; ибо присущими, неотъемлемыми свойствами человѣка признавались только разрушеніе, борьба, способность быть орудіемъ смерти, и совершенная неспособность къ со-

зиданію, миру, неспособнось быть орудіемъ жизни, возсозданія; мірское, свѣтское отожествлено съ суетнымъ, промышленнымъ, политико-экономическимъ, а духовное только съ мысленнымъ, воображемымъ; а между тѣмъ воскрешеніе можетъ быть дѣйствіемъ только естественной силы, но естественной не слѣпой, а пришедшей въ сознаніе и правящей собою въ лицѣ раскаявшагося въ своемъ отступничествѣ человѣческаго рода (а не отвлеченнаго человѣчества). Во всякомъ случаѣ реалисты, доказывая (хотя и не опытомъ, а теоретически) возможность и необходимость тѣлеснаго воскресенія, и не подозрѣвали, что этимъ, хотя и умозрительнымъ только доказательствомъ, полагалось уже начало воскрешенію, и то, что представлялось имъ въ отдаленномъ будущемъ, уже начиналось. Для вторыхъ; идеалистовъ, воскресеніе хотя и было имманентнымъ, но они признавали его уже оконченнымъ, совершившимся, и хотя совершившимся во внутреннемъ лишь обновленіи, но этимъ они и удовлетворялись; они представляли себѣ осуществленнымъ и образецъ Тріединаго Бога, но осуществленнымъ опять таки только во внутреннемъ и таинственномъ общеніи съ живыми и умершими; а между тѣмъ то, что имъ казалось уже совершившимся, только еще начиналось.

Крайнее развитіе идеалистическаго направленія есть гностицизмъ; подъ гностицизмомъ обыкновенно разумѣютъ философско мистическія системы; вѣрнѣе же сказать, гностицизмъ есть мистеріи, таинства, въ которыя посвящали, системы же служили лишь толкованіемъ, поясненіемъ, теоріею таинствъ. Воскресеніе для гностиковъ совершалось въ моментъ посвященія или крещенія: посвящаемые во время совершенія этого акта, вѣроятно, воображали себя проходящими всѣ семь совершенстъ, какъ это въ теоріи Басилида. «Авраксосъ» не только «Высшее существо», но и магическое слово, которому, вѣроятно, приписывалась сила измѣнять тѣлесное, смертное существо въ безмертное. Изъ теургіи происходила теософія, а не наоборотъ, или, по крайней мѣрѣ, не отдѣльно одно отъ другого, т. е. только изъ дѣйствія происходила мысль, сознаніе [изъ мистеріи, т. е. мистическаго дѣйствія,—мистицизмъ, изъ теургіи, т. е. божественнаго дѣла (всѣ таинства), теософія].

Первые христіане чувствовали обновленіе міра въ той перемѣнѣ, которую ощущали въ себѣ, въ томъ мужествѣ и твердости, которыя не допускали ни страха, ни какой либо слабости; чѣмъ тѣснѣе было ихъ общеніе съ тѣмъ обществомъ, въ которое они вступали, тѣмъ больше ощущали они въ себѣ мощи, при которой все казалось возможнымъ, всѣ препятствія, силы природы, все это такъ умалялось. Самая смерть казалась минутною разлукою, безсильною положить дѣйствительную преграду между соединенными любовью. Нѣкоторымъ при этомъ даже казалось, что все кончено, побѣда полная, они чувствовали себя обновленными, поправшими все смертное... (Съ такимъ воззрѣніемъ можетъ быть соединена мысль, что кончина видимаго міра ускорится, благодаря распространенію дѣвственности; нужно даже желать, чтобы всѣ, имѣющіе женъ, были какъ неимѣющіе, чтобы ускорить такимъ образомъ пришествіе Христа для открытія

вѣчнаго царства). Но христіанство не иллюзія. И хотя такое настроеніе превосходно и могло на многое подвигнуть, многое совершить,—и совершило, дѣйствуя заразительно, увлекая собирая души,—но сила воскресенія проявлялась не въ этомъ только направленіи, и едвали даже не съ большею мощью она дѣйствовала въ другомъ направленіи, въ направленіи названныхъ выше реалистами. (Такимъ образомъ въ самомъ уже начальномъ христіанствѣ заключаются зародыши распаденія его на католицизмъ и протестантизмъ, но есть въ немъ зародыши и возсоединенія ихъ, т. е. зачатки православнаго христіанства).

4. а) Съ паденіемъ Іерусалима, съ потерею своего значенія Римомъ образовался новый, христіанскій центръ—Константинополь, гдѣ выработалось православное христіанство. Константинополь имѣетъ большее право на названіе вѣчнаго и всемірнаго, чѣмъ ветхій Римъ; этотъ послѣдній не вѣчный, а только переходный къ Константинополю, не Всемірный, а лишь Западный. Мысль о перенесеніи центра на востокъ явилась въ первый разъ еще у Цезаря, загѣмъ у Августа; и эта мысль о перенесеніи столицы показываетъ, что Римъ не могъ быть центромъ даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣла Римская Имперія при Цезарѣ, и не могъ не столько по мѣсту, занимаемому имъ въ пространствѣ, сколько по духу исключительно западному. Въ Константинополѣ среда всей земли, сюда сходились «вся благая земли», товары Индіи и Китая, т. е. то самое, что разрушаетъ общество, сокращаетъ его вѣкъ; но ни политика, ни торговля не составляютъ существенной, отличительной черты Византійской исторіи.

б) Отецъ исторіи начинаетъ свой разсказъ съ первыхъ встрѣчъ, съ первыхъ поводовъ ко враждѣ Европы съ Азіей. При первомъ же собственно историческомъ столкновеніи Европы съ Азіей, которымъ можно считать переходъ Азіатскаго народа—Персовъ на Европейскій берегъ, и сдѣлалась исторически-извѣстною Византія, лежавшая близъ переправы. Тутъ же была сдѣлана и оцѣнка Византіи Востокомъ въ лицѣ Мегабиза, и еще прежде—Западомъ въ лицѣ Дельфійскаго оракула, руководителя Эллинской колонизаціи. Отецъ исторіи излагаетъ намъ не исторію только Европы, которая вся тогда заключалась въ Греціи, и не исторію только Азіи, совмѣщавшуюся тогда съ Персіею, онъ становится, такъ сказать, между Европою и Азіею и излагаетъ исторію отношеній передней Азіи и передней Европы, т. е. Персидскія войны, которыя у него на первомъ планѣ и которыя, столь богатыя подвигами, еще болѣе богаты фактами разъединенія и измѣнами, этимъ кореннымъ порокомъ Европы; Востокъ же хотя и представлялъ тогда единство, но это единство было совершенно внѣшнее. Взятіемъ Сестоса, т. е. занятіемъ Геллеспонта, мѣста переправы въ Азію (самая узкая часть пролива) оканчивается, исторія Геродота.—Персы, принявъ сторону Іудеевъ, бывшихъ въ борьбѣ съ Вавилономъ и Египтомъ, и завоевавъ ту и другую страну, сдѣлали борьбу противъ идолопоклонства (художественнаго воскрешенія) борьбою Азіи съ Европою, а потому исторія Персидскихъ войнъ всемірна для того времени и по объему и по

значенію по объему и по содержанію. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ исторіею зарождается и «Восточный вопросъ», «восточный» для Европейцевъ и «западный»—для Азіатцевъ. Широкій взглядъ отца исторіи не удержался однако потомками, упустившими изъ вида изъ-за мѣстныхъ событій общій ходъ исторіи,въ коемъ проливы, съ господствующимъ на нихъ фортомъ Византіею, не могли не играть первенствующей роли.

в) Праотецъ исторіи, народъ, начинаетъ съ морскихъ открытій, когда проливы, отдѣляющіе Европу отъ Азіи (Троянскій и Византійскій), становятся извѣстными миѳически. Открытіе проливовъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи, есть первый фактъ всемірной исторіи, хотя и сохраненный только въ народныхъ сказаніяхъ, въ миѳахъ, ибо народъ есть истинный праотецъ исторіи. (Примѣч. 13-е). По этимъ сказаніямъ можно заключить, что въ первое же путешествіе на востокъ (это поворотъ къ праотчинѣ, къ Памиру) Европейцы ознакомились съ Азіатскимъ берегомъ проливовъ; а возвращаясь и испытавъ бури негостепріимнаго моря, Греки принесены были самимъ морскимъ теченіемъ въ Золотой рогъ и тутъ совершили благодарственное жертвоприношеніе за свое спасеніе и за великія открытія. Всемірное значеніе мѣстности у Византійскаго пролива **(Босфоръ** или **коровій бродъ,** какъ кто-то перевелъ это слово, **надъ** которымъ можетъ быть воздвигнутъ мостъ и **подъ** которымъ можетъ быть проведенъ тоннель) заключается въ той близости береговъ (Азіатскаго и Европейскаго), которая изъ двухъ городовъ, лежащихъ на этихъ берегахъ, Византіи и Халкидона, дѣлаетъ одинъ городъ, Константинополь, какъ начатокъ соединенія Европы съ Азіею, Востока съ Западомъ. Въ этомъ отношеніи Константинополь имѣетъ рѣшительное преимущество предъ старымъ Иліономъ, лежавшимъ верстахъ въ десяти отъ моря. (Примѣч. 20-е).

г) Занятіе Троянскаго берега у самаго входа въ Геллеспонтъ и основаніе Халкидона-Византіи (Примѣч. 14-е) закрыло эти проливы для предпріимчивыхъ Семитовъ-Финикіянъ и вынудило ихъ искать новые пути на Западъ и на Юго-Востокъ. До тѣхъ поръ извѣстны были только Малая Европа (Грецiя) и Малая Азія,—съ открытіемъ же новыхъ путей открылся и Западъ, т. е. большая Европа до Янтарнаго моря,—(продолженіемъ этого движенія можно считать позднѣйшія движенія изъ Варягъ въ Греки), и Ливія; а съ другой стороны началось открытіе и Большой Азіи, дальняго Востока (Офира). На путяхъ въ Индію и создались великія царства, изъ коихъ послѣднимъ было Персидское, проложившее себѣ путь въ Европу чрезъ Византію. Силу Семитическаго движенія мы легко поймемъ, если припомнимъ, что два народа, принимавшіе въ немъ участіе, Финикіяне и Евреи, близкіе по языку и, конечно, по происхожденію, (хотя послѣдніе и называли первыхъ Хамитами, вѣроятно по такому же побужденію, по какому и Поляки называютъ Русскихъ Туранцами), что два эти народа, самые плодовитые, жили въ относительно неплодородной странѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ законъ постояннаго движенія, эта не христіанская, а естественная заповѣдь «шедше», съ насколько это неизбѣжно

«научите», имѣлъ въ данномъ случаѣ полное примѣненіе. Еврейское и особенно Финикійское, какъ и Еллинское, движеніе было естественное, прогрессивное, насиліемъ и обманомъ совершавшееся, ведшее не къ объединенію, а къ порабощенію; христіанское же есть движеніе морализованное, хотя и искаженное. (Примѣч. 15-е).

д) Положеніе Константинополя такъ опредѣлено Греческимъ историкомъ «самое безопасное со стороны моря и самое опасное со стороны суши». (Полибій IV, 38, 45, 46). Такое опредѣленіе, по крайней мѣрѣ въ послѣдней его части, приложимо какъ къ древнѣйшимъ временамъ, когда опасность грозила Византіи со стороны мелкихъ фракійскихъ племенъ, такъ и къ позднѣйшимъ, когда она подвергалась нападеніямъ Аваровъ, Печенеговъ, т. е. страшной силы, выходившей изъ глубины Средней Азіи. Для полной безопасности Византіи нужно было внести миръ въ глубь Азіи, откуда выходили орды кочевниковъ, откуда было вытѣснено Арійское племя, нуженъ былъ, можно сказать, миръ всего міра. По словамъ Полибія, Византія испытывала мученія Тантала, видя какъ опустошались поля, обѣщавшія обильную жатву. (Чувства эти должны быть особенно понятны тому народу, который испытываетъ ихъ еще и въ настоящее время на своей Туркестанской окраинѣ, испытывалъ и въ теченіи всего тысячелѣтняго своего существованія), ибо у воротъ Византіи начиналась степь, разстилавшаяся до Китая и Индіи, и Византія была «сторожа», острожекъ, защищавшій переправу и стоявшій на окраинѣ. Постоянныя войны, веденныя Византіею съ окружавшими ее варварами, напоминаютъ сказаніе о томъ, какъ перевелись богатыри на Руси, (на мѣсто одного побѣжденнаго племени являлись два другихъ), напоминаютъ о томъ, какъ сила, идущая изъ степей, все растетъ, да растетъ, все на Византію идетъ. Эта сила и будетъ расти, и будетъ идти, пока степь не обратится въ поле; и если христіанство не вѣра только, а дѣло, то обращеніе воинственнаго кочевника въ мирнаго земледѣльца есть уже полдѣла (Примѣч. 19-е). Благочестивая Византія не вызывала, конечно, на борьбу силу не-здѣшнюю, потому что, скопляя богатства, прилѣплялась всѣми силами къ здѣшней жизни; но чѣмъ больше скоплялись богатства, тѣмъ дальше распространялся по степи слухъ о нихъ, тѣмъ больше Византія навлекала на себя враговъ. Тотъ же историкъ (Полибій) называетъ Византійцевъ общими благодѣтелями, ибо, оставивъ свой опасный постъ, Византійцы лишили бы Грековъ возможности сбывать излишнее и получать необходимое (кожи, медъ, хлѣбъ), т. е. существованіе Византіи обезпечивало движеніе отъ Грековъ далѣе и далѣе на сѣверъ, въ Варяги, и на востокъ, въ степи. (Примѣч. 16-е).

И въ дохристіанскую эпоху Византія пережила въ маломъ видѣ такую же исторію, какую суждено ей было пережить въ большемъ видѣ въ эпоху христіанскую, такъ что постепенное уясненіе значенія Византіи составляетъ, можно сказать, сущность какъ новой, такъ и древней исторіи.

Троянская война, (первое столкновеніе двухъ материковъ, Европы и Азіи, поводомъ къ которому послужила «умычка» женщинъ), и ея продол-

женіе, войны Грековъ съ Персами, войны Рима, признававшаго свое Троянское происхожденіе, съ Греками, [иначе сказать, война Европы (Греціи) съ Азіею, нашедшею себѣ союзниковъ въ Европѣ въ лицѣ Римлянъ (Примѣчаніе 17-е)] составляютъ всю древнюю исторію, также какъ сказанія о войнѣ Троянской, о борьбѣ Греціи съ Востокомъ и его западными союзниками, о возвращеніи героевъ Троянскихъ и поэтическія и критическія видоизмѣненія этихъ сказаній составляютъ всю письменность древняго міра. Даже предшествующія Троянской войнѣ сказанія измѣняются подъ ея вліяніемъ: такъ Геркулесу приписывается взятіе Трои, какъ Ильѣ Муромцу битва съ татарами, а Карлъ Великій и даже Атилла дѣлаются крестоносцами.—[Народное, миѳическое воззрѣніе любитъ возвышать предковъ на счетъ потомковъ, также какъ «критическое» (ученое, научное) старается унизить предковъ, возвышая потомковъ]. Эти же сказанія создали, говоря нынѣшнимъ языкомъ, Греческій Музей, т. е. совокупность памятниковъ, реликвій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, (напр. орудія, которыми—Эпей построилъ деревяннаго коня), имѣвшихъ священное значеніе, (эти вещественные останки сильнѣе словъ дѣйствовали на поддержаніе Drang nach Osten), подобно тому, какъ крестовые походы и сказанія о нихъ наполнили католическіе храмы реликвіями Востока. Война съ Персіею для Грековъ, воспитанныхъ на Иліадѣ, которая есть ихъ Библія, была священною войною, продолженіемъ Троянской; поэтому и Исократъ всю жизнь былъ ревностнымъ пропсвѣдникомъ этой войны, а Агезилай и Александръ старались придать своимъ походамъ значеніе продолженія похода противъ Трои. (Примѣч. 18-е).

Во всѣхъ столкновеніяхъ Запада съ Востокомъ присоединеніе Византіи считалось необходимостію. Уже съ окончаніемъ Персидскихъ войнъ выяснилось значеніе Византіи и для гегемоніи (Примѣч. 21-е) надъ Греціею, почему Периклъ и за нимъ Алкивіадъ присоединяютъ Византію къ Аѳинамъ, а Лизандръ послѣ рѣшительной битвы при Эгосъ-Потамосѣ, прежде чѣмъ идти на Аѳины, освобождаетъ Византію и Халкидонъ, (т. е. Спартанцы вытѣснили оттуда Аѳинянъ, какъ позднѣе Генуэзцы Венеціанъ). Вообще говоря, Пелопонезская война и послѣдующія войны до Филиппа, могутъ быть названы борьбою за Византію или, вообще, за проливы; когда же Константинъ является примирителемъ Востока и Запада, онъ основываетъ свою столицу въ Византіи.

Положеніе Константинополя таково, что онъ обреченъ быть цѣлью нашествій, пока не состоится безусловный миръ; безопасность его будетъ необезпечена, пока не наступитъ миръ всего міра. (Примѣч. 22-е). Хотя съ одной стороны Константинополь защищенъ Балканскимъ валомъ и Дунайскимъ рвомъ, а съ другой—двойнымъ хребтомъ Антитавра и Амануса съ Евфратскимъ рвомъ, съ присоединеніемъ къ этому съ сѣверной стороны Карпатскаго редута съ двумя бастіонами, Чехіею и Трансильваніею, а съ восточной—Иранской твердыни, но сія послѣдняя открыта съ сѣвера для Турецкихъ и Монгольскихъ нашествій, Западу же открыта дорога къ Царь-

Граду чрезъ Вѣнскія ворота. Это преимущество Запада было бы рѣшительнымъ, если бы Карпатскій редутъ былъ также близокъ къ Балтійскому, какъ и къ Черному морю; благодаря тому обстоятельству, что Западъ не имѣетъ естественной защиты съ Сѣвера, ему предстоитъ идти на Константинополь чрезъ Москву и Кіевъ, какъ и Россіи чрезъ Берлинъ и Вѣну; т. е. для обладанія Константинополемъ нужно полное, безусловное торжество или Запада надъ Востокомъ, или же Востока надъ Западомъ, что, конечно, невозможно; потому-то этотъ городъ и обреченъ быть цѣлью нашествій, пока не состоится безусловный миръ, столь необходимый для человѣческаго рода. (Примѣч. 23-е). Съ другой стороны нужно отрѣзать Иранъ отъ Турана, т. е. занять Памиръ, чтобы обезпечить К-поль съ восточной стороны. Иранъ, обезпеченный со стороны Турана, могъ бы не допустить Семитическаго движенія изъ Аравіи и Африки. Александръ и имѣлъ, очевидно, эту цѣль, употребивъ почти три года на обезпеченіе сѣверной границы своего новаго Царства; появленіе Сельджуковъ Османовъ стало бы невозможнымъ, если бы Александръ имѣлъ достойныхъ наслѣдниковъ. Хорошо поняла это только легенда.

Чѣмъ меньше было силъ у Византійскаго Царства, тѣмъ больше воздвигало оно крѣпостей; это были какъ бы оболочки, которыя образуются около сѣмени и защищаютъ его отъ зимнихъ бурь и морозовъ, ибо Византія, какъ бы сѣмя, собрала въ своихъ стѣнахъ все выработанное древнимъ міромъ. Древняя исторія была завершена, когда религія Востока, наука и искусство Греціи, юридическая и военная организація Рима сосредоточились, какъ въ зернѣ, въ этомъ пунктѣ, т. е. въ Византіи, которая была центромъ Евразійской Имперіи, обнимавшей и Малую Европу (Балканскій полуостровъ) и Малую Азію,—полуостровъ по сю сторону Дуная и полуостровъ по сю сторону Евфрата (по Никифору Грегоросу XIII вѣка), по сю сторону Балканъ и по сю сторону Тавра, и господствовавшей надъ Индійскими дорогами.

Борьба язычества съ христіанствомъ продолжалась и послѣ паденія Рима. Падающее язычество въ лицѣ неоплатониковъ продолжало борьбу съ христіанствомъ еще въ IV и V вѣкѣ. Воскресеніе, а также созданіе міра, было главнымъ пунктомъ нападеній этихъ крайнихъ спиритуалистовъ (Проклъ, Синезій). Борьба принимала даже политическій характеръ (Леонтій, Севериан Дамасскій, Пампрепіосъ). Раньше еще ихъ Юліанъ рѣшился сдѣлать реформу язычества, подновить его, и эта подновленная религія получила названіе Эллинизма, который и боролся съ христіанствомъ до самого Юстиніана.

Концомъ древняго міра слѣдуетъ считать не паденіе Западной Римской Имперіи, а царствованіе Юстиніана. Ни начало Рима, ни конецъ его не имѣютъ всемірнаго значенія. Царствованіе Юстиніана есть конецъ древняго, языческаго міра. Архитектурное искусство представляетъ смерть язычества, т. е. переходъ его въ христіанство, наглядно; такъ, изъ разрушенныхъ языческихъ храмовъ (это значитъ, что переходъ былъ насильствен-

ный, не христіанскій) воздвигается храмъ Софіи—Премудрости Божіей, [изображеніе которой (Софіи)—есть послѣдній остатокъ гнозиса], также какъ и множество другихъ храмовъ (въ одномъ К-полѣ 35) превращаются въ христіанскіе храмы, такъ что Прокопій воздвигнутымъ и возобновленнымъ Юстиніаномъ зданіямъ посвятилъ цѣлую книгу (De edificiis). Закрытіе школъ въ Аѳинахъ и Александріи представляетъ тоже самое явленіе въ области мысли, философіи Закрытіе школы было паденіемъ Аѳинъ, послѣдняго убѣжища философіи Неоплатонизма. Съ закрытіемъ школъ Аѳины утратили смыслъ жизни, (такъ какъ со времени почти Александра они были только школою), какъ Римъ съ уничтоженіемъ консульства утратилъ и призракъ древняго міра. Неоплатонизмъ, послѣднее проявленіе языческой мысли, не исчезъ однако безслѣдно, ибо въ тоже время является книга, приписанная Діонисію Ареопагиту, въ которой Неоплатонизмъ пріуроченъ къ христіанству. И язычество не исчезло; оно сохранилось въ школахъ. Языческая наука, идея объ устройствѣ міра и исторіи человѣчества, преобразуется въ Византійскую форму мнимо христіанской топографіи или космографіи (Козьма Индикоплавъ) и хронографъ—лѣтопись, которую древняя Греція не знала. Осужденіе мнѣній Оригена о Троицѣ и о духовномъ воскресеніи также выражаетъ паденіе язычества. Какую форму приняло христіанство, ясно можно видѣть изъ двухъ изводовъ тайной вечери, которыя находятся въ Россанскомъ Евангеліи VI вѣка, изъ коихъ одно (церковно-литургическое, извѣстное подъ именемъ «роздаянія») встрѣчается въ первый разъ, а другое (въ первоначальномъ, реалистическомъ видѣ) въ послѣдній. Тайная вечеря стала изображаться не такъ, какъ она описана въ Евангеліи, а какъ совершалась въ храмѣ; живопись превращалась въ иконопись. Въ политическомъ отношеніи паденіе язычества выражается прекращеніемъ выборовъ въ консулы и кодификаціею законовъ и мнѣній юристовъ, (мысль, задуманная еще Цезаремъ, какъ и мысль о перенесеніи столицы, и приведенная въ исполненіе лишь Юстиніаномъ), сводомъ, извлеченіями и сокращеніями изъ всего, что выработано древнимъ знаніемъ, мыслью, по части юридической; только эти своды, извлеченія, сокращенія и сохранились, а потомъ и возродились преимущественно на Западѣ; подлинныя же сочиненія юристовъ исчезли. Для юриспруденціи при Юстиніанѣ наступила осень, созрѣваніе плодовъ, превращеніе въ сѣмя; тоже самое, при Македонской династіи, случилось и для всего другого знанія древняго міра. О концѣ древняго міра свидѣтельствуетъ также первое появленіе, при Юстиніанѣ, «салосовъ» (похабовъ), или юродивыхъ, особое покровительство монашествующимъ, тогда какъ древнему міру, т. е. эллинскому, идея монашества была совершенно чужда; самая одежда измѣнилась къ этому времени,—«палліумъ, гиматій» совсѣмъ вышли изъ употребленія у христіанъ VI вѣка, и прежнія длинныя одѣянія римскія были замѣнены короткимъ платьемъ народовъ, наводнившихъ Римскую Имперію.

При Константинѣ вошло въ употребленіе церковное поклоненіе кресту, а при Юстиніанѣ появилось въ церкви распятіе. Нужно было три вѣ-

ка, чтобы крестъ,—орудіе позорной казни,—сдѣлать предметомъ поклоненія, и нужно было пять вѣковъ, чтобы изобразить на крестѣ Распятаго, изобразить то, что для Эллиновъ представлялось безуміемъ. Потому-то и должно считать концомъ древняго міра, античной прелести, тотъ моментъ, когда искусство сдѣлало предметомъ своихъ изображеній Распятаго. Но и Распятый долго еще изображался не страдающимъ, а торжествующимъ, и тутъ же изображалось и Воскресеніе. Только послѣ Халкидонскаго собора, признавшаго Христа «и дѣйствительнымъ человѣкомъ», и послѣ дальнѣйшихъ развитій ученія о человѣчествѣ,—въ X-мъ лишь вѣкѣ появилось распятіе съ изображеніемъ умершаго Спасителя. Сюжеты распятія, страданій въ художествѣ и монашескій аскетизмъ, это - совершенная противоположность эллинизму. Кратко сказать, въ К-полѣ предъ наступающимъ магометанскимъ наводненіемъ собрано было, точно въ ковчегѣ, все достояніе древняго міра, и крестное знаменіе, водруженное надъ нимъ, спасало его до той только поры, пока, выступивъ изъ своей могилы, это достояніе, т. е. наука и искусство древняго міра возродились въ Европѣ, чтобы обойдти цѣлый міръ. Теперь же достоянію древняго міра, т. е. наукѣ и искусству, остается завершить этотъ обходъ и, обогатившись новыми знаніями, возвратиться къ точкѣ исхода; а тогда оно и станетъ (и мы это почувствуемъ) достойнымъ орудіемъ всеобъемлющей любви, ибо борьба христіанства и язычества, борьба между вѣрою и знаніемъ, происходила не потому, что они противоположны, непримиримы, а потому что вѣра была неискренна, а знаніе еще далеко не достигало даже и до нынѣшняго своего все же еще несовершенства.

Ни въ одной религіи нѣтъ такого противорѣчія между идеею и фактами, какъ въ христіанствѣ. Въ столицѣ христіанства крестъ, орудіе позорной казни, сдѣлался предметомъ благоговѣйнаго почитанія; но казни тѣмъ не менѣе не уничтожились, потому что не уничтожились преступленія. Не дымились въ новой столицѣ животныя жертвы, но бойни животныхъ продолжаютъ существовать, ибо на дѣлѣ человѣкъ еще орудіе слѣпой природы.

Съ распространеніемъ христіанства, по мѣрѣ расширенія его въ пространствѣ, оно терпѣло потери во внутреннемъ своемъ достоинствѣ; нравственность замѣнилась каноническимъ правомъ, внутренняя связь—внѣшнею организаціею, церковь устроилась по образцу государства, а политическая столица сдѣлалась и церковнымъ средоточіемъ (Примѣч. 24-е). Съ избраніемъ центра связано и появленіе вселенскихъ соборовъ и установленіе одновременнаго празднованія Пасхи; но Византія сдѣлалась церковнымъ средоточіемъ не всего міра (Примѣч. 25), а только большей части извѣстнаго тогда міра, и соборы были вселенскими въ этомъ именно смыслѣ, т. е. лишь проективно, на условіи непрестаннаго расширенія границъ извѣстнаго міра, на условіи увеличенія числа вѣрныхъ, ибо собираніе тогда было далеко не кончено, (внѣ церкви оставалось много невѣрныхъ и отпадшихъ), а потому и литургія не могла быть литургіею, дѣйствіемъ вѣрныхъ; одно-

временное же празднованіе Пасхи было лишь одновременнымъ представленіемъ Всеобщаго Воскресенія, какимъ только оно и могло быть, когда церковь не была еще миромъ всего міра, оно установляло единство въ мимолетномъ лишь чувствѣ, охватывавшемъ весь христіанскій міръ почти мгновенно. Но собираніе и Византіею не было поставлено главною, первою цѣлью; она усвоивала мысль, что можно быть вѣрнымъ, возможно спасеніе и тогда, когда внѣ остаются еще невѣрные и отпадшіе; такое спасеніе по необходимости должно быть только таинственнымъ. Византія не признавала, впрочемъ, и того, чтобы равнодушіе къ спасенію невѣрныхъ было спасительно; она принимала даже мѣры противъ отпадшихъ, но онѣ были таковы, что хотя и показывали ревность къ дѣлу, но спасать не могли, это были—насилія, гоненія и т. п. Признавъ личное спасеніе, возможность спасенія каждаго народа въ отдѣльности, церковь обрекла Константинополь на погибель, потому что отрицала собираніе, какъ безусловную обязанность, и превратила вслѣдствіе того христіанство только въ прообразованіе спасенія; слѣдствіемъ этого было обращеніе заповѣди собиранія въ догматъ, (что породило безконечный диспутъ), дѣятельности въ обрядъ; явилось ожиданіе антихриста, т. е. погибели, а не спасенія. Правда, Византія думала, что Царь-Градъ будетъ существовать до конца міра, но конецъ міра она ожидала каждый день и часъ.

Допускать спасеніе въ отдѣльности, врознь (что само по себѣ безнравственно, какъ отрицаніе родства, заповѣди о любви), значитъ, конечно, не признавать безусловной необходимости собиранія (собираніе же есть сама сущность нравственности). Въ собираніи нѣтъ необходимости, если спасеніе не есть всеобщее дѣло, а зависитъ отъ вѣры и чувства, отъ вѣры, конечно, мертвой, и отъ чувства, конечно, не искренняго. Отрицаніе спасенія, какъ всеобщаго дѣла, дѣлаетъ не нужнымъ и центральный городъ. Если спасеніе отъ вѣры, то на что нужно дѣйствіе? Если спасеніе лично, то на что нужно общество? И въ такомъ случаѣ не нуженъ и центральный городъ; пусть же онъ и остается турецкимъ!

Въ Константинополѣ неразвитая заповѣдь Христа, заповѣдь собиранія, превратилась въ развитый догматъ, т. е. въ теорію, бездѣйственную въ жизни; и такимъ образомъ, по формѣ,—эта заповѣдь сдѣлалась философіею и въ этомъ отношеніи стала языческою, по содержанію же своему была богословіемъ (Богословіе, т. е. слово только о Богѣ, а не путь къ Богу) и въ этомъ лишь отношеніи осталась христіанскою. Но обращеніе религіи въ философію, въ діалектику обратило всю исторію Константинополя въ одинъ непрерывный теологическій диспутъ, который служилъ не къ соединенію, а къ раздѣленію, и нерѣдко разрѣшался въ кровавыя столкновенія на ипподромѣ; такъ, съ утвержденіемъ догмата о нераздѣльности и несліянности, отдѣлилась отъ Константинополя большая часть Запада, занятая Германскими племенами, принявшими Аріанизмъ; и такое отдѣленіе совершилось, безъ сомнѣнія, потому, что въ жизни, въ дѣйствительности, Царь-Градъ не зналъ другого соединенія, кромѣ сліянія, т. е. порабощенія. Дѣйствіе (об-

щее) объединяетъ, а диспуты разъединяютъ; такъ и въ Константинополѣ: съ одной стороны, диспуты усиливали рознь, а съ другой—всѣ роды розни вносили ожесточеніе въ пренія. Уже послѣ Несторіанскихъ диспутовъ можно было сказать, предупреждая Императора Гераклія, **«прощай Сирія»**, а за монофизитскими преніями можно было распроститься и съ Египтомъ; иначе сказать, эти диспуты подготовляли успѣхи магометанства. И вотъ, съ одной стороны Аріанизмъ, переходя къ другой крайности, превратился въ католицизмъ, признавшій Сына, какъ и Отца, источникомъ Духа, въ чемъ православіе видитъ признаніе двухъ началъ въ Богѣ, съ другой же стороны христіанство Сирское и Египетское превратилось въ Исламизмъ, и Константинополь сталъ между двухъ огней. Подобно тому, какъ въ дохристіанское время постоянныя войны между греческими царствами принудили ихъ подчиниться Риму, такъ точно и въ христіанское время диспуты восточныхъ христіанъ принудили ихъ признать авторитетъ Римскаго епископа. Признаніе первенства западнаго епископа было естественнымъ наказаніемъ Востоку. Лесть, вытекшая изъ борьбы партій, сдѣлала изъ Римскаго епископа преемника апостола Петра. Греческая сварливость создала римское властолюбіе. Освобожденіе отъ папскаго властолюбія столько же законно, какъ необходимо и очищеніе отъ сварливости. Только въ глубокомъ сознаніи своей виновности заключается необходимое условіе спасенія, зачинается заря освобожденія для К-поля.

Когда заповѣдь обратилась въ догматъ, исполненіе заповѣди стало мертвымъ, а не живымъ обрядомъ; обрядъ же, сдѣлавшись только сакраментальнымъ, пересталъ быть образовательнымъ; и въ этомъ отношеніи, по формѣ, христіанство стало іудействомъ, хотя содержаніе, забытый смыслъ обряда, былъ христіанскимъ; и тогда самая жизнь, дѣятельность, отрѣшившаяся отъ заповѣди, не поставившая себѣ цѣлью исполненіе долга собиранія для воскрешенія, обратилась въ языческую рознь, сдѣлалась идолопоклонствомъ (т. е. искренно, не лицемѣрно отдалась роскоши), реакціею противъ коего и явилось магометанство во всей его суровой простотѣ монизма; въ этой реакціи противъ исказившагося христіанства и заключается смыслъ и сила магометанства (Примѣч. 26). Константинополь сдѣлался всемірнымъ торжищемъ, богатства Индіи оказали свое обычное пагубное дѣйствіе и, съ этой стороны, (хотя христіанство въ Константинополѣ и стало изъ гонимаго господствующимъ), въ жизни, въ дѣятельности торжество язычества было полное. Невольное ощущеніе этой антихристіанской розни превратило всю исторію Константинополя въ ожиданіе антихриста, въ ожиданіе кончины міра. Будучи христіанскимъ въ догматѣ, онъ былъ антихристіанскимъ въ жизни и, соединивъ въ себѣ пороки іудейства и язычества, ждалъ того (антихриста), кѣмъ уже и былъ на самомъ дѣлѣ; ожидая же кончины міра, онъ дождался лишь собственнаго паденія. К-поль, пока не былъ завоеванъ, находился въ постоянной опасности быть завоеваннымъ; угрожаемый осадою извнѣ, онъ былъ осаждаемъ видѣніями внутри. Выработавъ символъ вѣры, онъ далъ зарокъ не измѣнять его а между

тѣмъ споръ не прекратился. Какъ крѣпость, К-поль имѣлъ внѣ себя высоту, господствовавшую надъ нимъ и не принадлежавшую ему; эта высота —Памиръ. Какъ всемірный кремль онъ долженъ былъ въ себѣ заключать прахъ праотца человѣческаго рода, въ защитѣ котораго онъ нашелъ-бы безспорный пунктъ, а между тѣмъ и этотъ пунктъ былъ внѣ его. Памиръ, господствующій надъ Царь-Градомъ стратегически, и есть предполагаемая могила праотца: Памиръ тоже самое для знанія, что Голгоѳа для вѣры.

Такимъ образомъ, К-поль, кромѣ противорѣчія, которое заключалось въ немъ между храмомъ и крѣпостью (духовнымъ и военнымъ), между посадомъ и Кремлемъ (торговымъ и военнымъ), былъ противорѣчіемъ и какъ крѣпость, ибо господствующая надъ нимъ высь (Памиръ) была внѣ его; а какъ храмъ, онъ не въ себѣ заключалъ святыню, прахъ праотца, который находится въ той же выси. Голгоѳа была могилою Адама символически, Памиръ сталъ могилою праотца—гипотетически. Разъединеніе этихъ двухъ пунктовъ лишаетъ ихъ силы, дѣлаетъ ихъ, такъ сказать, эксцентрами. (Примѣч. 28-е). Памиръ—пустыня сталъ столицею смертоносной силы, потому что К-поль еще не сталъ столицею, объединяющимъ центромъ, для обращенія смертоноснаго въ живоносное, хотя въ немъ, разоруженномъ, непромышленномъ городѣ, знаніе и разумъ человѣческій могли бы освободиться отъ служенія подбору естественному (военному) и половому (промышленному). Эти практическія антиноміи происходятъ изъ основнаго противорѣчія человѣческой природы, по коему рожденіе сыновъ есть смерть отцовъ.

Въ К-полѣ соединились преданія древняго и христіанскаго міра, и борьба этихъ элементовъ превратила его исторію въ непрерывный теологическій диспутъ отъ начальныхъ великихъ споровъ на первыхъ вселенскихъ соборахъ до старчески-мистическихъ споровъ о нетлѣніи Св. Таинъ, который, какъ говорятъ, шелъ въ то время, когда къ К-полю приближались латыняне, чтобы завладѣть имъ, и о Ѳаворскомъ свѣтѣ, который шелъ во время окончательнаго завоеванія К-поля турками. Даже величайшій изъ Императоровъ К-поля, при которомъ какъ городъ, такъ и диспутъ достигли своего апогея, былъ въ тоже время величайшимъ диспутантомъ, спорщикомъ.

Лежавшій на перепутьи между Западомъ и Востокомъ К-поль выразилъ соединеніе ихъ въ развившемся въ немъ ученіи о Тріединомъ Богѣ и о двухъ природахъ и воляхъ во Христѣ. Восточная идея о всепоглощающемъ единствѣ и идея Запада о множествѣ, о значеніи личности, соединились во всемірномъ, восточно-западномъ догматѣ о Тріединомъ Богѣ. Эллинская діалектика, выработанная на вѣчахъ безчисленныхъ греческихъ республикъ, которыя были какъ бы подготовительными школами къ соборамъ, эта діалектика на вселенскихъ сунодахъ, въ преніяхъ о Св. Троицѣ, нераздѣльной и несліянной, раскрыла идеальный образецъ для всего человѣческаго общества. Истинный образецъ безсмертнаго общества былъ выработанъ именно тутъ, въ этихъ, хотя и метафизическихъ спорахъ,

касавшихся предметовъ, повидимому, сверхъ,—выше—естественныхъ, а не въ конвентахъ, не въ парламентахъ, не въ декларацiяхъ правъ человѣка, не въ построенiяхъ, или утопiяхъ, всѣхъ коммунистовъ и соцiалистовъ; ибо въ этихъ послѣднихъ заботились только о сохраненiи независимости и равенства личностей, а не объ отечествѣ и братствѣ, хотя эти слова и употреблялись; образецъ общества былъ выработанъ не адвокатами, но отцами церкви. Въ выработанномъ сими послѣдними представленiи лицъ Св. Троицы «нераздѣльными», т. е неотчуждающимися, неотдѣляющимися другъ отъ друга, не вступающими въ борьбу, которая сама по себѣ ведетъ къ разрушенiю общества и смерти, въ такомъ представленiи союзъ Божественныхъ лицъ являлся неразрушимымъ, безсмертнымъ. Представленiемъ же лицъ Св. Троицы «несляннными» устранялась смерть ихъ, потому что несляннность означаетъ устраненiе поглощенiя однимъ лицомъ всѣхъ прочихъ, которыя при немъ теряютъ свою личность, дѣлаются его безсознательными орудiями и, наконецъ, вполнѣ съ нимъ сливаются, обращаясь вмѣстѣ съ нимъ въ полное безразличiе, въ ничто.

Итакъ въ устраненiи раздѣльности и въ несляннности лицъ Св. Троицы являлся вѣчный союзъ, безсмертное общество безсмертныхъ личностей. Казалось-бы, что можетъ быть важнаго въ вопросѣ объ едино или подобосущiи? о томъ, одна ли только божеская или же и человѣческая природа во Христѣ, одна или двѣ воли въ Немъ? Но стоитъ только перевести эти вопросы на практическую почву, т. е. принять ихъ за законъ, за правило дѣйствiя, чтобы понять, какой важный шагъ сдѣлало воскрешенiе, когда были разработаны его метафизическiя основы. Показывая, что Христосъ былъ не только Богъ, но и дѣйствительный человѣкъ, тѣмъ самымъ доказывалась и необходимость дѣятельности самого человѣка въ дѣлѣ воскрешенiя, и не только нравственной, но и умственной, и физической, матерiальной. Соединяя во Христѣ два естества, двѣ воли, двойное дѣйствiе, тѣмъ самымъ признавали необходимость въ дѣлѣ искупленiя, или воскрешенiя, двухъ воль, дѣйствующихъ въ полномъ согласiи. Но ученiе о двухъ воляхъ, дѣйствующихъ въ согласiи, оставалось только догматомъ, теорiею, неимѣвшею выраженiя въ самой жизни; и въ такомъ отдѣленiи теорiи отъ практики не видѣли отпаденiя отъ христiанства, устраненiя отъ дѣла искупленiя и воскрешенiя, не видѣли отреченiя отъ Искупителя и Воскресшаго. Если бы церковь была согласна съ ученiемъ Оригена и ему подобныхъ, которые отожествляютъ воскресенiе съ безсмертiемъ души и ожидаютъ, что послѣдній судъ будетъ разрушенiемъ матерiальной природы, тогда было бы понятно такое отдѣленiе теорiи отъ практики; но ученiе Оригена и всѣ ему подобныя были по справедливости осуждены церковью на 6-мъ и 7-мъ вселенскихъ соборахъ. (Примѣч. 27 е). Вырабатывая въ теорiи великiй планъ мира и любви, Византiя въ своей внѣшней политикѣ и во внутреннихъ борьбахъ партiй дѣйствовала по совершенно противоположному плану. Военными силами Византiя никогда не была особенно богата; невоинственность Грековъ очевидна, между прочимъ, изъ

того, что для предупрежденія побѣговъ введено было клеймленіе воиновъ и установлена присяга въ томъ, что они не побѣгутъ предъ непріятелемъ. Царь-Градъ городъ не войны, а дипломатовъ; какъ внутренняя его исторія, исторія его мысли, была теологическимъ диспутомъ, такъ и во внѣшней исторіи не оружіе, а таже сила діалектики спасала его отъ внѣшнихъ враговъ, направляя ихъ другъ противъ друга; ту же діалектическую хитрость вносилъ византійскій Грекъ и въ свои внутреннія распри, которыя и открыли его внѣшнимъ врагамъ доступъ къ вмѣшательствамъ въ его внутреннія дѣла; т. е. враги Византіи также умѣли въ ней самой находить себѣ союзниковъ, руками которыхъ они и истребляли противниковъ.

Въ этомъ и была причина паденія Константинополя, это было наказаніе за раздвоеніе теоріи и жизни, такъ какъ въ жизни Византія поставляла свою цѣль не въ устраненіи раздѣльности (разъединенія и вражды), не въ безсмертной политикѣ, которую она могла бы заимствовать изъ безсмертной Троицы.

Экономическая жизнь Константинополя не только не имѣла ничего общаго съ экономіею спасенія, но была ей совершенно противоположна, еще противоположнѣе, чѣмъ политическая жизнь, если это возможно; это было домостроительство погибели, а не спасенія. Скопленіе богатствъ было его цѣлью, торговля—его средствомъ. Будучи центромъ торговли, въ коемъ скоплялись богатства міра, онъ былъ и центромъ завоевательныхъ стремленій; жадные взоры всѣхъ народовъ были устремлены на него; военный грабежъ являлся наказаніемъ за торговый обманъ, а паденіе и разореніе—послѣднею расплатою. Будущій городъ Премудрости, городъ—музей, собраніе останковъ, не будетъ уже заключать въ себѣ приманку. Обратившись изъ христіанъ въ торговцевъ, Византійцы не могли отождествить своего дѣла съ христіанствомъ. Устраняясь отъ участія въ дѣлѣ Христовомъ (въ воскрешеніи), не обращая свою будничную жизнь въ служеніе общей для всѣхъ цѣли, они ожидали осуществленія всеобщаго воскрешенія помимо ихъ дѣятельности; или вѣрнѣе, кажется, сказать, они боялись осуществленія всеобщаго воскрешенія. Для оправданія въ измѣнѣ, они прибѣгали къ ходатайству Богоматери. Отрекаясь отъ дѣла искупленія, они весьма послѣдовательно признавали, видѣли во Христѣ не Искупителя, а Судію. Такимъ образомъ желали имѣть уже не Искупителя, а ходатая, который испросилъ бы имъ освобожденіе отъ труда искупленія, т. е. собственно избавленіе отъ самого христіанства, льготу возвратиться опять въ язычество. Отсюда понятно, почему воздвигались храмы Богородицѣ, установлялись въ честь ея новые праздники...

Такое направленіе поддерживалось еще бѣдствіями, связанными съ постоянными нашествіями, въ которыхъ видѣли признаки пришествія антихриста, а за нимъ Судіи и кончины міра. И когда наибольшая опасность ожидалась съ сѣвера, оттуда ждали и антихриста; съ появленіемъ магометанства противника Христу стали ожидать съ юга. Въ этомъ ожиданіи антихриста и прошла вся тысячелѣтняя исторія Константинополя, которая бы-

ла, безъ преувеличенія, можно сказать, непрерывной осадой; на ней сосредоточенъ весь интересъ его исторіи; преждевременное взятіе Константинополя и уничтоженіе хранимаго имъ было бы гибелью всего прошедшаго и будущаго человѣческаго рода.

Вся литература Византіи отъ предсказаній Тибуртинской сивиллы, которыя относятъ ко временамъ Константина, и до Іосифа Бріенія, говорившаго — «сей великій градъ (К-поль) уничтожится, когда уничтожится самый міръ сей», — вся литература Византіи была проникнута апокалипсическимъ характеромъ. Войны Императора Ираклія съ Персами и возвращеніе креста, который онъ несъ на Голгоѳу, гдѣ сложилъ вѣнецъ и порфиру, оставили глубокое впечатлѣніе. Событіе это увѣковѣчено праздникомъ Воздвиженія, которому легче придать апокалипсическое значеніе, ибо согласно легендѣ, онъ представляетъ не столько прошедшее событіе, сколько будущее, когда, вмѣсто земной власти, воцарится небесная. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ апокалипсическихъ твореній было житіе Андрея Юродиваго, въ которомъ этому святому приписывается пророчество о судьбѣ Константинополя, «о градѣ нашемъ да си вѣси», говоритъ св. Андрей ученику своему Епифанію, «яко до кончины не боится ни единаго языка..... вданъ бо есть даромъ Богородицы», т. е. Царь-градъ находится подъ Покровомъ Богородицы. Апокалипсисъ Андрея юродиваго получилъ народное значеніе, будучи обращенъ въ особый праздникъ, оставленный Грѣками, какъ полагаютъ, по паденіи Константинополя. (Другіе, однако, думаютъ, что праздникъ этотъ учрежденъ только въ Россіи).

Чѣмъ больше было вражды и угнетенія въ обществѣ, тѣмъ живѣе было и ожиданіе кончины, которой боялись, не желали; но ненависть превосходила самую боязнь, картины страшнаго суда служили выраженіемъ этой ненависти, національной, сословной, личной; картина страшнаго суда сдѣлалась почти необходимостью храма и рисовалась, обыкновенно, на западной его стѣнѣ, такъ что храмъ воскрешенія обратился въ храмъ страшнаго суда, храмъ спасенія въ храмъ погибели; въ этихъ картинахъ олицетворялись тѣ мученія, которыми само общество терзало себя, точно также какъ въ ожиданіяхъ антихриста олицетворялось то состояніе, въ которомъ оно уже находилось. Ожиданіе антихриста, вызванное внутреннимъ состояніемъ общества, не обмануло Византію; этимъ антихристомъ явилось для нея магометанство; но магометанство было бы безсильно и Константинополь не палъ бы, если бы самъ онъ не былъ антихристіанскимъ. Осуждая Византію, мы, конечно, осуждаемъ и самихъ себя.

Исламизмъ зарождался въ первомъ спорѣ христіанъ. Если бы тѣ, которые признали Христа Богомъ, т. е. воскресителемъ и примирителемъ, приняли бы на себя и Его миссію, Его дѣло, то они не спорили бы, а искали соглашенія съ противниками, которые ни примиренія, ни воскрешенія не считали зломъ, а сойдясь въ дѣлѣ, не могли и въ теоріи не признать Христа воскресителемъ и примирителемъ. Отъ Эбіонитовъ и Назареевъ, выдѣлившихся вслѣдствіе споровъ, и произошло, какъ полагаютъ, ма-

гометанство. Язычество довольствуется художественнымъ воскрешеніемъ, а Исламъ, отвергая художественное, не ставитъ цѣлью дѣйствительное воскрешеніе, потому что онъ есть только отрицательное ученіе. Магометанство поставило своею спеціальною цѣлью истребленіе идоловъ, что вытекало изъ его основнаго догмата, по которому богъ не имѣетъ своего образа въ сынѣ и человѣкъ не есть его подобіе; называя человѣка помощникомъ, Магометъ нигдѣ, кажется, не говоритъ, чтобы человѣкъ былъ созданъ по образу и по подобію божію, что впрочемъ, и не соотвѣтствовалобы общему смыслу Корана. Стремясь къ утвержденію почитанія одинокаго бога, уничтожая идоловъ, Исламъ причисляетъ къ идоламъ и наши иконы. Вліяніемъ магометанства можно объяснить, и объясняютъ, появленіе иконоборства. И иконборцы, отвергая почитаніе иконъ, указывали на языческое ихъ происхожденіе. «Язычество», говорили они, «не имѣя надежды воскресенія, изобрѣло эту иллюзію (фабрикацію идоловъ), чтобы сдѣлать существующимъ то, что не существуетъ». Иконоборцы въ иконописи видѣли, слѣдовательно, мнимое или художественное воскресеніе, и какъ таковое отвергали. На иконборческомъ соборѣ 754 г. постановлено: «возстановлять образы святыхъ посредствомъ матеріальныхъ красокъ и цвѣтовъ на бездушныхъ и глухихъ иконахъ есть предпріятіе богопротивное». (Дѣян. Всел. Соб. т. VII стр. 491 и 492). Православіе съ своей стороны соединяло вопросъ объ иконахъ съ основнымъ догматомъ, указывая, что Богъ Отецъ имѣетъ свой образъ въ Сынѣ Божіемъ, что твореніе человѣка есть созданіе одушевленныхъ иконъ. (Примѣч. 29-е). Ставя вопросъ такимъ образомъ, православіе ставило иконоборцевъ въ необходимость, отвергая почитаніе иконъ, отвергать и самые основные догматы христіанства, т. е. вопросъ объ иконахъ былъ вопросомъ о самомъ существованіи Константинополя, восточнаго христіанства. Въ иконоборствѣ православіе видѣло совокупность всѣхъ ересей, и въ томъ числѣ, и даже въ особенности, ересь Манихейскую, которая есть проявленіе Буддизма на Западѣ; такое отношеніе къ Манихейству нашло выраженіе даже въ службѣ; такъ въ службѣ отцамъ седьмого вселенскаго собора говорится: «Плоти изображеніе Твое возставляюще, Господи, любезно лобызаемъ великое таинство смотрѣнія Твоего, изъясняюще, не мнѣніемъ бо, яко же глаголютъ богоборніи дѣти Манентовы, (Манентъ — основатель Манихейства), намъ явился еси человѣколюбче, но истиною и естествомъ плоти». Отвергнувъ иконопочитаніе, Константинопль порвалъ-бы всякую связь съ Западомъ и облегчилъ бы сему послѣднему обращеніе Славянъ къ католицизму, собственную же борьбу съ магометанствомъ изъ религіозной превратилъ бы въ политическую распрю. Не воодушевляемый религіею, Константинополь скоро сдѣлался бы магометанскимъ, слился бы съ нимъ, раздѣлилъ бы съ нимъ его участь. Сохраненіе же иконопочитанія грозило Константинополю другою опасностью — подчиненіемъ Западу. Но Восточная церковь, хотя и сохранила иконы, не отказалась отъ изображеній, приняла, однако, во вниманіе возраженія иконоборцевъ и, не желая производить изображеніями иллюзій, она не только

не заботилась о живости изображеній, а даже запрещала такое стремленіе, ввела подлинникъ, который долженъ былъ служить неизмѣннымъ образцомъ для изображеній; вмѣстѣ съ тѣмъ была изгнана изъ храмовъ скульптура, которая служитъ образцомъ для живописи и способствуетъ ея оживленію; можно сказать даже, что съ этого времени изгоняется и самая живопись,—она замѣняется или, лучше сказать, превращается въ иконопись.

Иконопись имѣетъ цѣлью не производить иллюзію подобія или живости изображаемаго; она стремится посредствомъ символа дать только понятіе, только напомнить, и при этомъ имѣется въ виду не самая икона, не художественная ея отдѣлка, а то дѣйствіе, которое она должна производить, та цѣль, къ которой она должна направить. Сдѣлавшись орудіемъ богословія, иконопись должна была постоянно напоминать и вести ко спасенію; но чтобы это напоминаніе не было безплоднымъ, она должна бы была обращаться къ каждому во имя всѣхъ и особенно во имя его близкихъ умершихъ; чтобы дѣйствовать на всѣхъ, иконопись должна была бы и изображать всѣхъ. Употребляя иконы, какъ образовательное средство, церковь должна напоминать иконами о спасеніи всѣхъ и каждаго, безъ различія сословій, пола, возраста и т. п., т. е. храмъ долженъ вмѣщать въ себѣ изображенія всѣхъ умершихъ для постояннаго напоминанія о нихъ всѣмъ живущимъ. Но эта цѣль не была и не могла еще быть въ то время выяснена. Отвергнувши художественное идолопоклонство, Византія усвоила себѣ промышленное идолопоклонство—роскошь, и спасенію она служила только мнимо, погибели же (роскоши) истинно; она не обратила унаслѣдованное отъ древнихъ знаніе на служеніе спасенію и наступившее послѣ иконоборства возрожденіе знанія было только приготовленіемъ къ смерти.

Восточная церковь, не сдѣлавшись иконоборческою и не впавши черезъ крайнее развитіе иконоборства въ магометанство, разойдясь также во взглядѣ на иконы и съ Западною церковью, можно сказать, замерла въ неизмѣнномъ символѣ, обрядѣ, подлинникѣ; она предпочла лучше политически подчиниться Туркамъ, чѣмъ религіозно Западу, и сохраненіе всего выработаннаго ею сдѣлалось ея задачею. Западъ же пошелъ совсѣмъ другою дорогою; онъ не боялся вносить новости ни въ изображенія, ни въ обряды, ни въ самые догматы.

За эпохою иконоборства, которое было гоненіемъ также и на науку, вновь наступило возрожденіе науки (при Цезарѣ Вардѣ); но это возрожденіе имѣло особый характеръ, въ это время дѣлались компиляціи, выборки, извлеченія, сокращенія изъ всей древней письменности. Всѣ эти собранія, компиляціи, сокращенія копировались, размножались по причинѣ дешевизны и по незначительности объема; подлинныя же сочиненія, какъ дѣлавшіяся не нужными, подобно листьямъ на растеніяхъ во время образованія и созрѣванія зерна, сѣмени, подобно лицамъ, индивидамъ, достигшимъ зрѣлости, засыхали и отпадали, т. е. утрачивались. Благодаря этимъ утратамъ и родилось искусство возстановленія, явилась необходимость по немногому неутраченному возстановлять цѣлое утраченное. Ученый классъ, конечно,

предпочелъ бы подлинники компиляціямъ, но въ жизни онъ предпочитаетъ подобіе дѣйствительности, рожденіе предпочитаетъ воскрешенію. Эпоха компиляцій, собираній, умиранія, совпала съ господствомъ Македонской династіи, и наиболѣе выдающимся представителемъ этой эпохи явился Константинъ Багрянородный, со времени же латинскаго разгрома въ XIII вѣкѣ, —когда были уничтожены античныя статуи, вліявшія на живопись, предъ которымъ былъ созданъ подлинникъ, и со времени возстановленія Имперіи Палеологовъ начинается какъ бы періодъ разсѣянія собраннаго въ предшествовавшую эпоху: тѣснимые Турками, Греки принуждены были искать убѣжища на Западѣ, куда и переносили все сохраненное Константинополемъ отъ древнихъ (Примѣч. 30-е).

Въ эпоху компиляцій и собиранія древней письменности христіанская письменность тоже ограничивалась только собираніями, напр., житій святыхъ; въ это же время окончательно выработался и уставъ. И какъ наука и искусство, это наслѣдіе древнихъ, перешли къ Западу, такъ и христіанская письменность, заключенная въ неизмѣнныя формы, вмѣстѣ съ православіемъ, была передана Славянству.

Царь-градъ былъ, можно сказать, воспреемникомъ Россіи при крещеніи, былъ учителемъ ея въ вѣрѣ; онъ былъ также воспитателемъ въ религіи и искусствѣ, въ промышленности и торговлѣ Запада; источникъ Арабской образованности былъ тамъ же, въ Константинополѣ. Константинополь велъ, можно сказать, созерцательную жизнь; онъ **„думалъ“** за всѣхъ и потому воинственнымъ Латынянамъ и Туркамъ легко было торжествовать надъ созерцательнымъ городомъ. При самомъ своемъ паденіи Константинополь завѣщалъ Западу науку и искусство древняго міра; подъ вліяніемъ выходцевъ изъ Константинополя развилось то направленіе, которое извѣстно подъ именемъ возрожденія наукъ и искусствъ, (въ сущности же оно есть возвратъ къ язычеству), и которое есть начало того, что извѣстно подъ именемъ цивилизаціи Запада.

Западная Европа была благопріятной почвой для принятія завѣщанныхъ Константинополемъ, выработанныхъ же древней Греціей, науки и искусства. Западная Европа даже по географическому положенію, по своему горизонтальному и вертикальному очертаніямъ составляетъ подобіе Греческаго полуострова, этой Малой Европы. Какъ Греческій полуостровъ можно назвать Парнасскимъ по тому значенію, которое во всѣхъ отношеніяхъ Парнасъ имѣлъ для Греціи, такъ и западную (Большую) Европу можно бы было назвать Альпійскимъ полуостровомъ (Примѣч. 31-е); какъ Греція была страною художниковъ, страною художественнаго язычества, въ коей художество имѣло священное значеніе, такъ Западная Европа—страна ремесленниковъ, промышленнаго идолопоклонства, гдѣ художество, заимствованное у Грековъ, для самого народа было лишено священнаго, религіознаго значенія. Хотя Парнасъ повидимому былъ горою соединенія для Греціи, а Альпы служили только къ раздвоенію, но рознь составляетъ народную, отличительную черту той и другой страны, такъ что даже вся

исторія Запада представляется какъ бы повтореніемъ исторіи Греціи.

Греческій полуостровъ можно назвать Парнасскимъ по центральному положенію Парнаса, замѣченному географами (Страбонъ) и выраженному въ извѣстной легендѣ объ «орлахъ»; съ Парнасомъ связано преданіе о предкахъ Эллинскаго народа, Элленѣ и его братѣ, въ которомъ олицетворены первые союзы грековъ (амфиктіоніи); идеально Греція была союзомъ племенъ потомковъ Эллена для защиты общаго святилища (могилы предка?), а на дѣлѣ Греція была не соединеніемъ, а рознью. (Для Европы Парнасомъ могъ бы быть Памиръ). На Парнасѣ былъ оракулъ, (безъ совѣтовъ съ коимъ не начиналось ни одно предпріятіе и особенно основаніе колоній), и Дельфійскій храмъ, который, судя по описанію Павзанія, былъ центральнымъ священнымъ музеемъ всей Греціи, скульптурнымъ и картиннымъ (Лесхэ); въ изрѣченіяхъ же мудрецовъ и сама философія имѣла своихъ представителей въ Дельфійскомъ храмѣ Аѳины. На Парнасѣ было мѣсто Пиѳійскихъ игръ, которыя состояли преимущественно въ поэтическихъ состязаніяхъ, почему Парнасъ и представлялся обителью музъ; въ Дельфахъ на Парнасѣ засѣдали Амфиктіоніи, этотъ, по выраженію Цицерона, —«общій совѣтъ Греціи», или эти «первые миры Божіи». Принятіе Филиппа Македонскаго въ члены Амфиктіоній было концомъ Греціи, а послѣдній совѣтъ оракула —(«знай себя только»), уничтожилъ всѣ прежніе благіе совѣты. Альпійскій полуостровъ, Западная Европа, покрытъ весь горами умѣренной, средней высоты; уступая живописности и красотѣ Греціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ также, какъ и она, лишенъ величія, и ничего священнаго въ немъ не имѣется для Европы. Альпы—это гульбище, ставшее алтаремъ естественной (т. е. самой искусственной) религіи и получившее значеніе какъ резиденція творца ея Руссо. Кромѣ общихъ Альпъ, каждая страна въ Европѣ имѣетъ свои Альпы, свою Швейцарію, тоже красивую, но безъ всякаго величія. Альпійскій полустровъ страна не художниковъ, а мастеровыхъ, это, можно сказать, полуостровъ сиренъ, какъ Парнасскій полуостровъ музъ. Альпійскій полуостровъ прорѣзанъ Рейнско-Дунайскою линіей, путемъ, который можетъ быть названъ Византійскою, или Царь-Градскою, дорогою, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта дорога служитъ пограничною чертою двухплеменнаго полуострова, альпійскаго—по физическому устройству и романо-германскаго—по племенному составу, и только въ движеніи по этому пути полуостровъ розни можетъ достигнуть единства. Подъ защитою Альпъ лежатъ Дельфы Европейскаго, или Альпійскаго, полуострова,—это Римъ съ его оракуломъ, который вводитъ «миръ Божій» въ варварскую Европу, направляя колонизацію восточную (крестовые походы), а отчасти и западную, обходную. Альпійскій полуостровъ потому и есть Альпійскій, что Альпы служили оплотомъ для оракула, руководившаго судьбами этого полуострова. Король священной области, въ которой находится Римъ, подобно древнимъ Фокейцамъ, боровшимся съ Дельфами, лишилъ этотъ оракулъ свѣтскаго достоянія. Освобожденіе отъ папскаго оракула, который не можетъ быть замѣненъ политическимъ равновѣсіемъ, было началомъ распаденія. Лютеръ,

перенеся оракулъ изъ Рима въ разумъ человѣка, положилъ начало паденію. Въ своей оппозиціи Римскому оракулу онъ опирался, въ началѣ по крайней мѣрѣ, на Царь-Градъ, но не пошелъ по Царь-Градской дорогѣ. Распаденіе на католицизмъ и протестантизмъ есть слѣдствіе отдѣленія отъ центра, отъ Константинополя, а православіе есть сокрушеніе о раздѣленіи, печалованіе. Исламъ осуществилъ образъ Мессіи въ іудейскомъ смыслѣ, но остается вопросомъ, кому будетъ принадлежать окончательное торжество: мессіи ли въ іудейско-магометанскомъ смыслѣ или христіанскому Мессіи. (Примѣчаніе 32-е).

Исторія Парнасскаго полуострова, какъ и Альпійскаго, (т. е. Западной Европы), можетъ быть раздѣлена на средневѣковую и новую

Средневѣковая исторія Греціи есть эпоха созиданія, единства, что выражено въ миѳѣ объ Элленѣ, Амфиктіонѣ и Ифитѣ, установителѣ Олимпіискихъ игръ. Новая исторія начинается съ морскихъ открытій, колонизаціи, развитія торговли, тимократическихъ, или буржуазныхъ, конституцій, какова уже и Солонова; это и есть исторія паденія. Сознаніе паденія есть философія (хотя она и не признавала этого), какъ сознаніе смертности есть религія, хотя религія со смертностью признавала и безсмертіе или воскрешеніе. Вытекающія изъ сознанія паденія свѣтскія, искусственныя постройки общества недолговѣчны и потому именно, что въ нихъ забыта смертность. Сократъ, хотя и дѣйствовавшій именемъ Дельфійскаго бога, тѣмъ не менѣе перенесъ оракулъ съ Парнаса въ сознаніе, въ личное мнѣніе каждаго (въ знаменитомъ—«познай себя», т. е. знай только себя); и вмѣстѣ съ такимъ перенесеніемъ съ Парнасскихъ высотъ оракула, объединявшаго Грековъ, руководившаго ихъ дѣйствіями, Греки достигли полной свободы, т. е. Греція разрушилась. Когда всемірную исторію называютъ естественною наукою, то и нужно разсматривать ее какъ развитіе и какъ если можно такъ выразиться, свитіе въ видѣ историческаго года или сутокъ; но не только не слѣдуетъ придавать такому ходу безусловнаго значенія обязательности и на будущее время, значенія вѣчнаго, фатальнаго, напротивъ для существа, сознающаго въ себѣ стремленіе къ свободѣ, обязательно освобождаться отъ рокового, извнѣ опредѣляемаго движенія. Признавая отличительною чертою новой исторіи паденіе, мы не считаемъ его, какъ и смертность вообще, неизбѣжнымъ, безусловнымъ закономъ, а закономъ только при данныхъ условіяхъ, который перестанетъ быть таковымъ, когда условія будутъ измѣнены. Паденіе и смертность объясняются недостаткомъ условій поддержанія и возстановленія. Всякое тѣло упадетъ, если не будетъ поддержано, всякое зданіе разрушится, если не будетъ обновляемо. Новыя государства поставили цѣлью благосостояніе, а не прочное существованіе; откуда же взялась бы эта прочность, если она не имѣлась въ виду при измѣненіи, преобразованіи средневѣковыхъ государствъ въ новыя. Трудность представляется не въ объясненіи періода замиранія, соотвѣтствующаго ночи и зимѣ, не въ томъ, почему древній міръ рушился, распаденіе на враждебныя сословія, угнетеніе одного другимъ, причемъ

угнетаемое желаетъ иноземнаго нашествія, даже призываетъ его, внѣшніе же враги (Средне-Азіатскіе варвары) пользуются такими приглашеніями,—паденіе при такихъ условіяхъ древняго міра легко понять; требуетъ объясненія только то, почему разрушеніе это было неполное. Спасителемъ древняго міра отъ окончательнаго разрушенія явилось христіанство. Борясь, разрушая язычество, оно строилось изъ развалинъ его и тѣмъ его сохранило. Такъ сохранилось искусство, знаніе; христіанство сохранило даже то, что противорѣчило ему; (въ Оригенѣ напр. сохранился Цельзъ, Contra Celsum). Съ другой стороны христіанство становилось между распадавшимися сословіями (рабами и свободными), между Эллинами и варварами. Теперь можно спросить, почему же христіанство не спасло міръ вполнѣ? Потому, конечно, что оно не было и усвоено вполнѣ, надлежащимъ образомъ. И пока степь не обратилась въ поле, кочевники въ земледѣльцевъ, пока не будутъ всѣ объединены въ общей цѣли, до тѣхъ поръ одна часть, одно сословіе будетъ обращать другую часть, другое сословіе въ орудіе, и возникающая отсюда борьба будетъ прекращать умственную работу на время или же прекратитъ ее и навсегда, т. е. будутъ замиранія, можетъ быть даже наступитъ и смерть. Нельзя, однако, не сказать, что христіанство не только не все сохранило, но многое и разрушило; а между тѣмъ разрушеніе, очевидно, дѣло нетолько не христіанское, а вполнѣ противохристіанское, и разрушенія, совершаемыя христіанствомъ, свидѣтельствуютъ, что само оно, какъ это уже и сказано, не вполнѣ было усвоено тѣми, которые носили его имя. Изъ сравненія Западной Европы исторически и географически съ Грецію,—изъ сравненія 2-хъ городскихъ цивилизаціонныхъ полуостововъ, вытекаетъ необходимо, что и Западная Европа, ни географически, ни исторически не можетъ быть смѣшиваема со всемірною исторіей, которая, строго говоря, еще не начиналась. Но этого мало; въ томъ подобіи, сходствѣ, которое оказывается въ исторіи Западной Европы съ исторіею Греческою, классическою, и заключается псевдо-классицизмъ, ибо Западная Европа повторила всѣ ошибки древняго міра; она жила тѣмъ, что въ древнемъ мірѣ уже признано было несостоятельнымъ. Она паденіе приняла за юность, закатъ за восходъ. Сравненіе Западной Европы съ Элладою было бы совершенно безплоднымъ, если бы изъ него не открывалось то, что ожидаетъ Западную Европу въ будущемъ, т. е. что ей нужно дѣлать для своего спасенія; нужно же ей признать своимъ центромъ Константинополь, и мирное его освобожденіе. Если въ Африкѣ единство превращается въ деспотизмъ, то въ Западной Европѣ свобода становится рознью, ибо если деспотизмъ есть зло, то свобода есть отсутствіе добра. Полуостровъ розни есть полуостровъ свободы, для котораго нѣтъ цѣли, а потому нѣтъ и общаго отеческаго дѣла. Всемірная исторія есть не исторія Западныхъ народовъ, съ которою, однако, ее отождествляютъ; она и не исторія Греко-Славянскаго міра; всемірная исторія есть отношеніе этихъ двухъ міровъ, центромъ которыхъ былъ Константинополь; поэтому мы и отождествляемъ ее съ исторіею этого города, не забывая,

однако, что Константинополь всемірен только въ связи съ Памиромъ, хотя Памиръ не городъ, не жилье даже, а земля мертвыхъ, но забвеніе мертвыхъ и дѣлаетъ наше существованіе безцѣльнымъ, философскимъ, буддійскимъ, т. е. заставляетъ насъ въ смерти и уничтоженіи видѣть спасеніе. Если всемірная исторія отождествляется какимъ-либо народомъ, племенемъ или страною съ собственной своей исторіей, въ такомъ случаѣ, это отождествленіе будетъ выраженіемъ—«знай только себя»—(Сократъ, Декартъ, Западъ); но есть и другая крайность, когда исторію собственнаго народа, страны, совсѣмъ исключаютъ изъ всемірной, и тогда это будетъ выраженіемъ—не знай самого себя (Россія), самооплеваніе (Примѣч. 33-е).

Вліяніе Константинополя, выразившееся возрожденіемъ наукъ и искусствъ, въ сущности же, какъ сказано, возрожденіемъ язычества, этой Эллинской прелести, ограничивалось только верхними слоями народовъ; своею же народной литературой, апокрифами, легендами, Константинополь дѣйствовалъ и на самые глубокіе слои народа, являясь въ этомъ случаѣ проводникомъ восточныхъ сказаній, такъ что черезъ него совершалось «народно-литературное общеніе Востока съ Западомъ»; черезъ посредство Константинополя и Индія, давшая всему человѣческому знанію формы аполога, басни, миѳа, иначе сказать, превратившая отвлеченную идею въ форму, доступную для пониманія народа,—и Индія сдѣлалась учителемъ Запада и Сѣвера. (Примѣч. 34). По этимъ легендамъ, заимствованнымъ въ Индіи и переработаннымъ въ Византіи, народъ, можно сказать, учился всѣмъ отраслямъ знанія; въ нихъ вся природа посредствомъ аллегорико-символическихъ объясненій дѣлалась учителемъ нравственности (Физіологъ, Бестіарій и пр. излагали всю государственную мудрость). По этимъ же легендамъ составился и образъ, представленіе, самой Индіи, какъ страны богатствъ, страны чудесъ, сосѣдственной земному раю, гдѣ божественные человѣки (рахманы, брамины) слышатъ пѣніе ангеловъ. И Буддизмъ познакомилъ съ собою восточное и западное христіанство въ Византійской же передѣлкѣ сказанія о царевичѣ Іосафѣ и Варлаамѣ. Эта легенда важна тѣмъ, что въ ней подъ именемъ Іосафа или Варлаама канонизированъ христіанами самъ Будда, хотя и въ совершенно измѣненномъ видѣ, подобно тому, какъ Индія въ лицѣ Кришны канонизировала основателя христіанства (если только это послѣдне вѣрно?). Эти легенды направляли народныя движенія, а странствующія повѣсти, выйдя изъ Индіи, возвращались къ ней же. Все это доказываетъ, что различія въ вѣрѣ коренятся въ верхнихъ слояхъ, которые дѣлаются все болѣе и болѣе индифферентными, а народы всѣхъ странъ одной вѣры, вѣры сельской, болѣе близкой къ христіанству, т. е. къ дѣлу христіанскому, чѣмъ это думаютъ тѣ, которые вѣру признаютъ только въ догматахъ, а язычество смѣшиваютъ со скульптурою. Индія, страна роскоши, учила Западъ аскетизму, но, очевидно, не научила, потому что обладать Индіею сдѣлалось маніею Запада. Нужно замѣтить, однако, что Константинополь не былъ простымъ передатчикомъ Индійскихъ сказаній, онъ передѣлывалъ ихъ такъ, что въ

его пересказахъ они становились изъ Будійскихъ, или Браминскихъ, христіанскими. Но не въ этомъ заключается великое значеніе Индіи: въ лицѣ Европейскихъ ученыхъ она открыла борящимся за ея богатства народамъ родство по языку, смыслъ дѣла, о коемъ вели споры католики съ протестантами, указала на Памиръ, какъ на могилу ихъ праотца, и только благодаря сословности ученыхъ все это осталось предметомъ празднаго любопытства, не коснулось чувства и совѣсти, не стало и предметомъ дѣла.

Собственно Византійское знаніе развилось изъ Пасхаліи, которая сама по себѣ есть астрономическое знаніе; изъ Пасхаліи развилась лѣтопись, въ которую вносились и общественныя и естественныя явленія (къ сожалѣнію впрочемъ только явленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ); въ календарной же формѣ излагались и житія святыхъ, а также проповѣди, подлинники, лицевые и толковые, и всѣ службы; словомъ, полный кругъ христіанскаго знанія и искусства въ Византіи имѣлъ стремленіе войти въ форму Миней, какъ у насъ напр.: Макарьевскія минеи составляютъ почти полную библіотеку всѣхъ чтомыхъ книгъ. И нельзя не признать, что календарная форма есть самая естественная для всѣхъ знаній,—(знанія сельскаго, а не городскаго, для народовъ сельскихъ, а не мануфактурныхъ), если не ограничиваться одними только суточными, мѣсячными и годовыми періодами, но если принять всѣ астрономическіе циклы, и тогда форма знанія не будетъ произвольною, отвлеченною отъ того, какимъ оно является въ дѣйствительности. Славяне народъ, по преимуществу, сельскій, земледѣльческій, а Константинополь—столица селъ, поэтому онъ и не былъ торговымъ и мануфактурнымъ городомъ въ современномъ значеніи этого слова, но всегда сохранялъ за собою религіозное, патріархальное значеніе.

Итакъ Византія, сохранивъ свою внутреннюю самостоятельность относительно Латинскаго Запада и Магометанскаго Востока, жизни сохранить не могла. Ограничиваясь пассивною защитою и отказываясь отъ активной роли примиренія во внѣ—Востока и Запада, а внутри—язычества съ христіанствомъ при помощи обряда, какъ образовательнаго средства, для обращенія догмата въ дѣйствительность, Византія признавала свою неспособность къ продолженію исторической службы и приступила къ составленію завѣщанія, подводя итогъ, составляя опись своему достоянію. Западу она передала наслѣдственное: науки и искусства, Россіи же завѣщала она благопріобрѣтенное: свое дѣло, дѣло внутренняго и внѣшняго примиренія Запада съ Востокомъ (ибо и Исламъ не былъ совершенно чуждъ Византіи) (Примѣч. 35-е). Вопросъ объ иконахъ, отвергнутый-ли по-магометански, или разрѣшенный поязычески, былъ бы одинаково губителенъ для К-поля; усвоенный же по-христіански могъ быть орудіемъ примиренія и спасенія; но въ послѣднемъ смыслѣ ученіе объ иконахъ не могло быть еще принято К-полемъ, хотя бы онъ и хотѣлъ этого; въ этомъ и заключается безвыходность, трагичность судьбы его.—Въ самомъ дѣлѣ, не можемъ же мы отказаться отъ уподобленія Богу, имѣющему свой образъ въ Сынѣ и создавшему по своему образу человѣка, но не можемъ мы и при-

знать ни искусство такимъ уподобленіемъ, ни промышленность истиннымъ отображеніемъ Божественнаго могущества; дѣйствительное же воспроизведеніе тѣхъ, отъ кого мы родились, въ чемъ только и могло заключаться истинное отображеніе (исполненіе) Божественной благости, всевѣдѣнія и могущества, проявившихся въ рожденіи Сына, было для того времени немыслимо. Уподобленіе Богу,—это желаніе не быть грѣшниками, это нелицемѣрная любовь къ Богу, какъ совершенству; называть это гордостью, значитъ имѣть оскорбительное понятіе о Богѣ и скотское о человѣкѣ.

Праздникъ возстановленія иконъ 19 февраля 842 года названъ «Православіемъ»; при той же императрицѣ Ѳеодорѣ, при коей учрежденъ праздникъ Православія, и Славяне начали принимать ученіе объ иконахъ или вообще объ обрядѣ, какъ образовательномъ средствѣ, т. е. Православіе. (Примѣч. 36-е).

Православіе есть по преимуществу обрядъ, т. е. религія народо-образовательная, (вѣрнѣе сказать,—Православіе можетъ и должно быть религіею народо-образовательною, но таковою оно никогда во всей силѣ еще не было). Обрядъ есть средство, помощью коего догматъ, какъ заповѣдь, переходитъ въ дѣйствительность, обрядъ есть переходъ отъ трансцендентнаго къ имманентному, отъ Христа къ христіанскому, отъ внутренняго, таинственнаго къ явному, матеріальному. Этимъ православіе отличается отъ Протестантизма, какъ учено-образовательной религіи, учено-образовательной не потому только, что она образуетъ ученыхъ, но, главное, потому, что удерживаетъ догматъ въ области теоріи, школы. Православіе, какъ обрядъ, не признаетъ живописи, музыки, театральности, т. е. имѣетъ цѣлью не поражать, не ошеломлять, чтобы сдѣлать народъ послушнымъ орудіемъ духовенства, и этимъ отличается отъ католицизма. Но православіе тогда только будетъ образовательно, когда каждый приходъ будетъ имѣть иконописную и хоровую земледѣльческую школу, (а не школу грамотности только), научающую символическому языку церкви, изучающую стѣны самого храма, какъ наглядную картину (если только сами стѣны храма будутъ образовательны). Только посредствомъ рисованія можетъ быть осуществлено наглядное образованіе, (наглядность, глазомѣръ), также, какъ посредствомъ только музыки, пѣнія, можетъ быть развитъ органъ слуха, его вѣрность и проч. Между тѣмъ для протестантизма нужна лишь школа грамотности; католицизмъ же невѣжество большинства считаетъ за лучшее средство для сохраненія вѣры; по Іезуитскимъ «Constitutiones» слугъ (домашнихъ) нельзя учить чтенію и письму безъ согласія Генерала, «ибо слугѣ достаточно служить І. Христу, Господу нашему, во всей простотѣ и смиреніи».

Разсматривая исторію Константинополя, какъ религіозный диспутъ, мы можемъ раздѣлить ее, или что тоже,—всемірную исторію, на два періода, изъ коихъ первый есть споръ о догматѣ, а второй—объ обрядѣ; иконоборство же можно считать переходнымъ временемъ отъ перваго періода ко второму. Въ этомъ второмъ періодѣ Православное христіанство было принято Славянскимъ племенемъ, котораго, такимъ образомъ, споры

о догматѣ даже не коснулись и оно всецѣло отдалось вопросу объ обрядѣ, т. е. объ осуществленіи догмата, насколько это было возможно, въ самой жизни, нравахъ и обычаяхъ. Въ наше время содержаніе этого вопроса расширилось, и споры Славистовъ съ Западниками, вопросъ о личности и общинѣ и т. п., должно признать за продолженіе того же спора о бытовыхъ началахъ, должно признать, **что освобожденіе личности есть только отреченіе отъ общаго дѣла**, и потому цѣлью быть не можетъ, а рабство можетъ быть благомъ, вести къ благу, если оно будетъ лишь выраженіемъ общаго дѣла. Только съ разъясненіемъ бытовыхъ особенностей могутъ быть найдены способы къ примиренію сказанныхъ племенъ, и тогда споръ объ «одномъ словѣ» не будетъ имѣть мѣста; точно также безъ разъясненія бытовыхъ особенностей, безъ примиренія въ нихъ, если бы изъ символа и было исключено слово—«и отъ сына»,—миръ не могъ бы быть дѣйствительнымъ; а между тѣмъ отъ дѣйствительнаго примиренія Латино-Германскаго съ Греко-Славянскимъ племенемъ зависитъ умиротвореніе и всего Міра, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Нельзя не признать, что миръ по вопросу о символѣ даже и можетъ состояться въ настоящее время, при совершенномъ индифферентизмѣ высшихъ классовъ, главнымъ же образомъ, вслѣдствіе одинаковаго образа жизни ихъ почти во всѣхъ народахъ, заимствованнаго отъ Западныхъ Европейцевъ (Примѣчаніе 37-е). Миръ по вопросу о символѣ можетъ состояться въ настоящее время подобно тому, какъ могутъ состояться соглашенія объ одинаковыхъ мѣрѣ, вѣсѣ, монетѣ и т. п. удобствахъ жизни, небходимыхъ при частыхъ перемѣщеніяхъ и сношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы идемъ уже къ такому соглашенію съ Западомъ; такъ въ нашихъ церквахъ введены уже итальянская живопись и итальянское пѣніе, и мы не смотримъ на это, какъ на измѣну православію. Въ настоящее время намъ кажется уже страннымъ, какъ могла восточная церковь ставить въ вину западной то, что тамъ священники брѣютъ бороду (молодятся, желаютъ нравиться), носятъ на рукахъ золотые перстни и одѣваются въ шелковыя ткани (т. е. щеголяютъ); а между тѣмъ, если смотрѣть на дѣло серьезно, эти обвиненія и будутъ самыми важными; ибо, допуская въ жизни эпикуреизмъ, т. е. полагая цѣлью жизни наслажденіе, въ теоріи надо признать основою міра матерію; иначе сказать, эпикуреизмъ въ жизни предполагаетъ матеріализмъ въ теоріи и при томъ, и это главное, самый узкій матеріализмъ, т. е. безъ Бога, безъ будущей жизни. Но въ догматикѣ Западная церковь матеріалистическою не была; она смотрѣла, повидимому, на жизнь, какъ на невинное препровожденіе времени, а на занятіе наружностью, на щегольство, какъ на поступки нравственно безразличные; въ то время еще не мучила мысль, что всякое, даже необходимое пользованіе тѣмъ, чего лишены другіе, есть уже нарушеніе христіанской любви, единства человѣчества, нарушеніе самаго перваго, основного догмата, догмата о Троицѣ, разсматриваемаго, какъ заповѣдь. Ограниченіе, стѣсненіе себя должно имѣть мѣсто въ наше время не для того, чтобы уподобиться богамъ, не имѣю-

щимъ потребностей, какъ говорилъ Сократъ, а изъ чувства близости и подобія со всѣми людьми. Въ то время еще не думали, что заурядныя будничныя занятія могли быть средствомъ искупленія, если понимать искупленіе не отвлеченно только, если не смотрѣть на него лишь какъ на оправданіе безъ дѣйствительнаго, матеріальнаго возстановленія, а потому и на эти занятія Западная церковь смотрѣла какъ на безразличныя въ нравственномъ отношеніи; а между тѣмъ одни изъ нихъ, какъ земледѣліе, производя дѣйствительно для всѣхъ необходимое, безъ чего невозможна жизнь, объединяютъ человѣчество и могутъ сдѣлаться орудіемъ дѣйствительнаго искупленія (какъ это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія); другія же занятія, производящія предметы роскоши, недоступные для всѣхъ, вызываютъ раздѣленіе въ человѣчествѣ, и не заключая въ себѣ возможности обратиться въ изслѣдованіе самой природы, едва ли могутъ сдѣлаться когда-либо орудіемъ спасенія людей. Когда одинъ изъ нашихъ писателей задалъ вопросъ: «Шекспиръ или сапогъ?« ему легко было бы отвѣтить на это - «будемъ ходить въ лаптяхъ и читать Шекспира». Но если бы онъ спросилъ: «хлѣбъ или Шекспиръ?» отвѣтить было бы труднѣе; однако, безъ умственнаго труда человѣчество не можетъ обезпечить себѣ и насущнаго куска хлѣба, т. е. вѣрнаго урожая.

По важности отступленій Западной церкви на второе мѣсто, послѣ отступленій въ жизни, надо поставить отступленіе въ обрядѣ, какъ на это и смотрѣлъ народъ, вопреки мнѣнію интеллигенціи, придававшей главнѣйшую важность догмату. Такъ, нельзя не признать большой важности въ замѣнѣ Латинянами кваснаго хлѣба въ евхаристіи опрѣсноками, т. е. въ замѣнѣ хлѣба, употребляемаго въ обыкновенной жизни, такимъ, который въ жизни не употребляется. Католики упрекали православныхъ, что они покупаютъ хлѣбъ для евхаристіи на торгу, приготовленный нечистыми руками, тогда какъ у нихъ опрѣсноки (oblata) приготовляются въ сакристіи руками иподіаконовъ, діаконовъ и даже пресвитеровъ. Но почему же приготовлять муку для этихъ oblata, сѣять зерно, для приготовленія этой муки, позволительно нечистыми, не священническими руками? Въ возраженіи же католиковъ, что и Греки не могутъ считаться вѣрными хранителями преданія (развѣ Христосъ преподалъ евхаристію въ томъ видѣ, какъ она преподается нынѣ въ храмахъ, на лжицѣ въ видѣ частицы въ нѣсколькихъ капляхъ вина) есть, конечно, доля правды, но для устраненія всякаго возраженія и спора, т. е. для примиренія, нужно обратить земледѣліе въ священное искусство; оно и будетъ такимъ искусствомъ, когда цѣлью земледѣлія будетъ не извлеченіе барыша изъ земли, но обращеніе естественныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ урожай, въ орудія дѣйствующаго знанія. Споръ переходилъ даже на физіологическую почву, когда латиняне въ закваскѣ видѣли источникъ гніенія, а греки—начало жизни, и напротивъ въ опрѣснокахъ Греки признавали что-то мертвое. Когда уничтожится въ церкви раздѣленіе, когда она достигнетъ полноты и единодушія, когда евхаристія не будетъ ограничиваться предѣлами храмовъ, а будетъ

дѣйствіемъ, управляющимъ силою природы, то вопросъ о пресуществленіи разрѣшится въ утвердительномъ смыслѣ. Если восточная церковь признаетъ, что по раздѣленіи церквей не можетъ быть вселенскихъ соборовъ, почему же не признать ей, что, пока въ священной трапезѣ много еще не занятыхъ мѣстъ, и таинство не имѣетъ полной дѣйствительности. Никто, конечно, и не думаетъ, чтобы евхаристія освобождала отъ смерти, отъ смерти настоящей, всѣмъ ученымъ и неученымъ извѣстной (тоже самое нужно сказать и объ «отпѣваніи», которое утратило даже смыслъ оживленія); объяснять же дѣйствіе евхаристіи какъ-то духовно, значитъ умалять подвигъ Христа, обращать Его ученіе въ игру словъ; а потому вѣрнѣе сказать, что евхаристія (литургія) не избавила еще отъ смерти, вслѣдствіе того, что еще не кончилась, ибо евхаристія также едина, вселенска, какъ и церковь едина и всемірна. Литургія есть единое, всеобщее, еще не оконченное дѣло, дѣло всеобщаго воскрешенія, какъ это и слѣдуетъ по смыслу X-го члена Символа вѣры, ибо крещеніе, признаваемое единымъ, есть средняя часть литургіи, оглашеніе ему предшествуетъ, а литургія вѣрныхъ за нимъ слѣдуетъ; и въ такомъ смыслѣ литургія должна обнять всю жизнь, не духовную только или внутреннюю, но и внѣшнюю, мірскую, свѣтскую, превращая ее въ дѣло воскрешенія. Будучи дѣйствіемъ трансцендентнымъ по отношенію внѣмірнаго Сушества къ людямъ, она (литургія, евхаристія) въ тоже время есть имманентное дѣйствіе всѣхъ людей, обращающее посредствомъ естественныхъ силъ прахъ въ тѣло и кровь Христову, т. е. въ церковь, обнимающую всѣ поколѣнія.

Литургія есть исторія не какъ выраженіе слѣпой силы, а какъ сознаніе, возстановляющее общеніе, дающее ему временную архитектурную форму, одежду (храмъ); литургія создаетъ храмъ. Когда ученіе о Троицѣ сдѣлалось догматомъ, философемою, церковь стала только храмомъ (въ смыслѣ зданія), оставивъ внѣ своихъ предѣловъ жилища, литургія же стала дѣломъ священниковъ, духовенства, а не всего народа, и уклонилась отъ цѣли достиженія избавленія отъ дѣйствительной смерти, отъ дѣла воскрешенія.—И для ученыхъ и художниковъ она стала только воспоминаніемъ въ драматической формѣ, а для неученыхъ обратилась въ фетишизмъ, т. е. въ такое дѣйствіе, которое не расширяетъ ни знанія, ни дѣйствія, не вліяетъ образовательно. Неудачи многочисленныхъ попытокъ возстановить вечери любви по подобію первой тайной вечери, (которая также не была единодушна), достаточно оправдываютъ и католиковъ, и православныхъ, ибо къ объединенію въ трапезѣ нужно присоединить и единство въ общемъ трудѣ, къ храмовой литургіи нужно присоединить внѣхрамовую. Питаніе профанируется, когда обращается въ утонченное наслажденіе, а не въ возстановленіе тѣлесныхъ силъ для труда чрезъ пищу и не въ возбужденіе души чрезъ общеніе къ новому труду. Замѣною квaснаго хлѣба опрѣсноками Католики увеличили разрывъ между жизнью и обрядомъ, сдѣлали обрядъ еще мертвѣй. Такое причащеніе еще болѣе теряло смыслъ первоначальныхъ агапъ (вечерей любви), соединявшихъ людей около одного стола;

дѣлавшихъ ихъ между собою братьями по чувству; соединеннымъ такимъ образомъ не доставало лишь взаимознанія, знанія отцовъ, устраненія причинъ вражды, чтобы сдѣлаться обществомъ прочнымъ, неразрушимымъ. Вмѣстѣ съ замѣною квасного хлѣба опрѣсноками обыкновенныя трапезы лишились всякаго священнаго значенія, что выражено, хотя и преувеличено, въ одномъ изъ полемическихъ противъ Латынянъ сочиненій такъ: «повелѣ со псы ясти изъ единыхъ сосудъ». Неменѣе было важно превращеніе поучительнаго по существу обряда въ увеселительный, осужденіе чему въ томъ же полемическомъ сочиненіи было выражено въ словахъ:» и въ органы, и въ тимпаны, и въ мусикіи повелѣ въ церкви играти». Въ словахъ, «еже на войну ходити епископомъ и попомъ, руки кровію сквернити», выражалось осужденіе духовному феодализму (Примѣч. 38-е). Полемика имѣла бы право отнестись съ такимъ же осужденіемъ и не къ одному духовному, но и вообще къ феодализму, къ разрушенію общины, которое на Западѣ совершилось ранѣе, чѣмъ въ Восточной Имперіи; и въ то еще время полемика имѣла право отнестись къ Латынянамъ съ тѣмъ же осужденіемъ, съ которымъ отнесся къ Западнымъ народамъ современный писатель, видящій источникъ пролетаріата въ аграрномъ вопросѣ, въ обезземеленіи; сочиненіе, въ которомъ выражено означенное осужденіе, можно было тоже отнести къ числу полемическихъ противъ Латынянъ, въ особенности, если бы авторъ назвалъ экспропріацію экспатріаціей, т. е. изгнаніемъ съ родной земли, или оставленіемъ ея

Постъ въ субботу, усвоенный католиками, также принадлежитъ къ самымъ важнымъ пунктамъ разногласія; ибо когда одни находятся въ печали (постятся), а другіе радуются, то не только не будетъ общенія въ чувствахъ, но будетъ усиленіе вражды. Есть и еще различія между двумя церквами, но о нихъ или совсѣмъ не упоминалось или только едва упоминалось. Различія эти представляютъ не противоположность, а скорѣе крайность развитія Латинской церкви, до которой могла бы дойти и Восточная, если бы, къ счастію, жизнь въ ней не замерла. Католицизмъ есть религія ужаса, а управленіе ею терроризмъ. Причиною воскресенія тамъ является не любовь, возстановляющая жизнь, а гнѣвъ; гнѣвъ раскрываетъ могилы, гнѣвъ выбрасываетъ тѣла, которымъ жизнь возвращается подъ грозные звуки трубы: Христосъ—неумолимый Судья, даже Дѣва-Марія не ходатайница, а всѣ святые обвинители, требующіе отмщенія за причиненныя имъ страданія. Картина страшнаго суда затмила, можно сказать, всѣ другія произведенія живописи и сдѣлалась предметомъ воспроизведенія по преимуществу. Къ этому нужно прибавить все совершенство, всю утонченность техники, съ которою разрабатывались эти сюжеты въ искусствѣ, какъ и въ жизни инквизиціями, Варѳоломеевскими ночами и т. п. Что значили всѣ эти живописныя и словесныя изображенія чистилища, ада, рая, если они не были выраженіемъ папскаго могущества, изображеніемъ того, что могли дать, и въ особенности того, отчего могли избавить папы, эти мнимые преемники Петра и истинные преемники древнихъ Императоровъ? и

къ чему они могли служить, какъ не къ усиленію этой власти, рядомъ съ возрастаніемъ которой шло и развитіе этихъ изображеній? Хотя они имѣли и другую цѣль, но могли служить только къ этому. Между тѣмъ, въ первыя времена христіанства изображенія имѣли совершенно иной, противоположный характеръ, каковы: видѣніе Карпа, котораго Христосъ упрекалъ за то, что тотъ принималъ участіе въ отправленіи грѣшниковъ въ адъ; видѣніе Христины, которая не задумывается промѣнять райское житье, гдѣ она видѣла бы мученіе грѣшниковъ, на земную жизнь, гдѣ она можетъ молиться за нихъ... До какой степени католицизмъ пропитался ужасами ада, видно изъ того, что даже у свободныхъ мыслителей, у невѣрующихъ является надежда, что со временемъ будетъ созданъ научный адъ.

Мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ поводовъ къ разрыву между Восточною и Западною церквами, между-Латино-Германскимъ и Греко-Славянскимъ міромъ, потому что все, какъ до сихъ поръ сказанное, такъ и то, что будетъ сказано впослѣдствіи, есть ничто иное, какъ раскрытіе этихъ поводовъ къ разрыву и попытка къ примиренію двухъ міровъ, изъ которыхъ Латино-Германскій, войдя въ союзъ съ магометанами, тѣмъ самымъ очевидно доказалъ свое отступничество отъ Бога, во имя Котораго крестились, и полное нежеланіе мира, достижимаго единственно на тѣхъ условіяхъ, которыя мы себѣ представляемъ, когда говоримъ о Тріединомъ Богѣ. (Примѣч. 39-е).

Славянское племя находилось относительно Латинскаго Запада и Магометанскаго Востока въ томъ же положеніи, какъ и Византія; и когда первый миссіонеръ Грекъ указывалъ въ иконѣ Страшнаго Суда на Русь, какъ на осужденную къ погибели, онъ былъ правъ, ибо погибель Руси была бы естественнымъ слѣдствіемъ подчиненія ея Латинству (какъ Польша) и еще болѣе подчиненія или усвоенія исламизма. Наказанія должны быть представляемы не только какъ трансцендентное, но и какъ имманентное дѣйствіе, т. е. каяъ естественное слѣдствіе. Наказаніе происходитъ, является какъ отъ художественнаго и промышленнаго идолопоклонства, такъ и, еще болѣе, когда умерщвленіе другихъ считаютъ средствомъ собственнаго спасенія (какъ въ магометанствѣ).

Подъ вліяніемъ магометанства, благодаря которому возникло иконоборство, христіанство распалось. Ветхій Римъ воспользовался бѣдствіями Константинополя и первый по чести, пожелалъ быть первымъ и по власти; въ этомъ стремленіи и скрытый смыслъ крестовыхъ походовъ, войны противъ иконоборцевъ. Будучи для папъ средствомъ къ подчиненію восточной церкви, для бароновъ средствомъ пріобрѣтенія новыхъ владѣній, въ глазахъ простого народа крестовые походы были пріобрѣтеніемъ индульгенцій, подвигомъ искупленія какъ своихъ грѣховъ, такъ и грѣховъ своихъ отцовъ.

Крестовые походы, сдѣлавшіе центромъ стремленій Іерусалимъ, оказали вліяніе на космографію и даже на космогонію. Въ Дантовской поэмѣ вся космографія и даже космогонія связаны съ положеніемъ Іерусалима; такъ паденіе Люцифера образовало гору искупленія у Іерусалима, а на

противоположной сторонѣ гору очищенія (чистилище), на вершинѣ которой земной рай. Отъ подножія горы очищенія Дантъ видитъ четыре звѣзды, образующія на южномъ небѣ Крестъ, который видѣли, по его словамъ, только два человѣка. Такъ переплетается въ поэмѣ Данта дѣйствительное съ фантастическимъ; точно также и въ путешествіяхъ, открывшихъ новые пути, фантастическія цѣли переплетались съ дѣйствительными. Несмотря однако, на отводимое Дантомъ мѣсто Іерусалиму,—мѣсто, которое должно бы дать ему главное значеніе въ дѣлѣ искупленія, Дантъ оказывается совершенно равнодушнымъ и къ освобожденію этого города, и къ крестовымъ походамъ. Не такъ, конечно, относились къ Іерсуалиму крестоносцы; они видѣли въ крестовыхъ походахъ завершеніе искупленія, думали, что взятіемъ Іерусалима искупленіе должно окончиться, долженъ наступить послѣдній судъ и воскресеніе, что и выражено въ легендѣ, по которой Императоръ слагаетъ на Масличной горѣ, или на Голгоѳѣ, у подножія креста корону въ знакъ того, что земное оканчивается и начинается небесное. Въ основѣ Дантовскаго изображенія міра лежитъ Аристотеле-Птоломеевская система, измѣненная подъ вліяніемъ идеи паденія; хотя также легко было-бы представить ту же систему и подъ вліяніемъ идеи искупленія,—(въ той чистотѣ, которую міръ имѣлъ до паденія Люцифера),—и самого Люцифера (т. е. зло) изгнаннымъ изъ центра земли, къ которому все тяготѣетъ, и замѣненнымъ божественною силою; но къ такому представленію меньше всего была способна мстительная натура Данта и вообще католическое воззрѣніе, дорожившее адомъ гораздо больше, чѣмъ раемъ. Мщеніе для Запада было дороже всеобщаго блаженства, а потому, когда Птоломеева система была замѣнена Коперниканскою, не было сдѣлано попытки примѣнить идею искупленія и къ этой системѣ. Въ Птоломеевой системѣ земля хотя и занимаетъ центральное мѣсто, но, по своей низшей природѣ, не составляетъ центра міровой дѣятельности и ограничивается лишь страдательнымъ созерцаніемъ ея въ лицѣ своихъ обитателей. По Коперниканской же системѣ и небесныя тѣла—той же земной, тѣлесной, несовершенной природы, тяготѣющей, властвующей надъ нами, недовольство коею и есть двигатель человѣчества, двигатель человѣческой мысли, человѣческой дѣятельности. Несовершенство же небесныхъ тѣлъ заключается во взаимномъ отчужденіи, въ отсутствіи разумной связи между ними. Божество по этой системѣ внѣмірно не по отношенію только къ землѣ, но и вообще къ міру, т. е. къ тѣламъ, неуправляемымъ сознаніемъ и мыслію (падшими), а потому и чуждыми духовной природѣ Бога. Чуждость эта, чуждость Богу будетъ устранена, когда всѣ тѣла будутъ выраженіемъ мысли и чувства, когда весь міръ, который стоитъ между нами и Богомъ, будетъ освѣщенъ сознаніемъ, управляемъ волею. Для насъ и нѣтъ иного пути къ общенію съ Высшимъ Существомъ, кромѣ такого управленія міромъ. Не отдѣляя человѣка отъ міра, мы можемъ сказать, что не Богъ внѣміренъ, а міръ съ человѣкомъ сталъ внѣбоженъ (или безбоженъ), на сколько онъ это можетъ. Не Богъ оставилъ міръ, а человѣкъ съ міромъ

оставилъ Бога. И изъ простого народа немалая часть пилигримовъ, отправившись крестоносцами, возвратились торговцами, которые, бросивъ землю, населили города; городъ же, а съ нимъ и цивилизація,—продуктъ измѣны, а обезземеленіе и пролетаріатъ—естественныя наказанія за измѣну. Съ развитіемъ городской жизни, въ которой получаютъ такое значеніе деньги, что становятся мѣриломъ всѣхъ людскихъ отношеній, все переводится на деньги, всякая натуральная повинность замѣняется денежною, стало возможнымъ за деньги пріобрѣтать и индульгенціи. Должно замѣтить, однако, что крестовые походы были не временнымъ или мѣстнымъ только явленіемъ; это было нападеніе Западной церкви на Восточную, Романо-Германскаго племени (и тогда уже вступавшаго въ союзы съ кочевниками) на Греко-Славянскій міръ (Примѣч. 40-е). Нападеніе вызвано было тѣми различіями католиковъ и православныхъ, въ обрядахъ и жизни, которыя были выше указаны. Въ этихъ именно различіяхъ нужно искать причину страшнаго избіенія Латынянъ, покровительствуемыхъ Императоромъ, въ Константинополѣ, и еще болѣе страшное избіеніе Грековъ спасшимися Латынянами на берегахъ и островахъ Эгейскаго моря въ томъ же 1182 году. Черезъ пять лѣтъ повторилось избіеніе, а потомъ наступило и завоеваніе Латынянами Константинополя. Эти избіенія и вообще вражда находились, безъ сомнѣнія, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Латыняне захватили всю торговлю въ свои руки.

Мысль завладѣть Константинополемъ родилась еще у крестоносцевъ перваго крестоваго похода. Къ счастью, она не могла быть приведена тогда въ исполненіе; если же Константинополь былъ бы взять въ то время Латынянами, тогда установилось бы сухопутное сообщеніе съ Востокомъ, морскія же силы Запада не получили бы такого развитія, а океаническія открытія (пути въ Индію) замедлились бы, т. е. и сила, и слабость Константинополя имѣли одинаково всемірное значеніе. Благодаря тому, что Константинополь не былъ взятъ крестоносцами, Европа завела флотъ, а вслѣдствіе взятія его турками, Европа употребила этотъ флотъ на открытіе новыхъ путей, такъ что первый крестовый походъ, (переправа черезъ Босфоръ), можетъ считаться зачатіемъ открытія Америки и новыхъ путей. Крестовые походы не кончились, когда палъ Константинополь, они приняли только другое направленіе; нынѣшняя борьба Англіи противъ Россіи, при явной поддержкѣ Запада и въ союзѣ съ магометанствомъ и кочевниками, есть тотъ же крестовый походъ, лишь снявшій съ себя маску религіи. Крестовые походы, бывшіе истиною для крестьянъ и маскою для другихъ сословій, скинули эту маску, лишь только городъ получилъ рѣшительное преобладаніе надъ селомъ.

Одновременно съ крестовыми походами между Восточною и Западною церквами шли пренія; и если крестовые походы разсматривать какъ борьбу Латино-Нѣмецкаго племени съ Греко-Славянскимъ, которая не окончилась и до сихъ поръ, то и пренія между ними продолжаются по сіе время; и притомъ пренія эти касались и касаются не догматовъ только, а по

преимуществу обряда, нравовъ, обычаевъ. Въ самомъ спорѣ о filioque дѣло шло вовсе не о догматѣ, а объ одномъ лишь словѣ; если бы Латыняне вмѣсто filioque сказали—«отъ одного **только** Отца исходящаго» (вмѣсто —«отъ Отца исходящаго»), то и тогда споръ могъ бы возникнуть потому, что важно было самоволіе, выразившееся въ этой прибавкѣ, сдѣланной папою вопреки соборнаго рѣшенія; въ этомъ самоволіи и было нарушеніе согласія, единодушія (Примѣч. 41-е).

Но ведя пренія и борясь съ Византіей, Латыняне, т. е собственно Итальянцы, боролись также и между собою, отнималии другъ у друга Византійскій торгъ, рынокъ; Амальфитяне, прежде другихъ сдѣлавшіеся князьями этого рынка, были побиты Пизанцами, Пизанцевъ побили Генуэзцы, а сихъ послѣднихъ вытѣснили Венеціанцы. Венеціанцы воспользовались войною Генуэзцевъ съ Пизанцами и завладѣли Константинополемъ, Генуэзцы помогли Палеологамъ вытѣснить Венеценіанъ. Турки отняли у Генуэзцевъ всѣ ихъ колоніи. Изъ Генуи вышелъ также Коломбъ, хотя открытія его и не принесли пользы его соотечественникамъ, а помогли Испанцамъ. Такое вытѣсненіе, побіеніе одного народа другимъ, никого не удивляетъ, считается нормальнымъ, какъ считается нормальнымъ вытѣсненіе одного поколѣнія другимъ, т. е. смертность. Вся исторія есть такая же цѣпь истребленія. Греки побѣдили Востокъ, сами были побиты Римлянами, Римляне Германцами, а Германцы?.. Но прежде надо поставить вопросъ, вѣдали или не вѣдали эти народы, что они творятъ? Были ли эти завоеванія дѣломъ свободнаго выбора? Если народъ, имѣя возможность продолжить этотъ рядъ, не захочетъ быть орудіемъ слѣпой силы природы, то, конечно, всякій назоветъ такое дѣло дѣйствительно свободнымъ, кромѣ, развѣ, однихъ философовъ, которые по своей профессіи мысли придаютъ болѣе значенія, чѣмъ дѣйствію. Что же удивительнаго, если въ исторіи человѣческой мысли одна система вытѣсняетъ другую? Истины нѣтъ, пока существуетъ вытѣсненіе, смерть, но истина, т. е. благо, будетъ, когда не будетъ смерти.

Съ появленіемъ магометанства, объявившаго мечъ ключемъ къ раю, возведшаго войну въ религію, началась и его борьба съ христіанствомъ. Магометанство явилось какъ совершенная противоположность христіанству и вмѣстѣ какъ гроза на развратившееся общество, какъ олицетвореніе свирѣпой правды, правды безъ всякой милости; и борьба магометанства съ христіанствомъ не прекратится, какъ и магометанство не перестанетъ существовать, а будетъ имѣть успѣхъ, пока христіанство будетъ христіанствомъ только въ теоріи, а не на дѣлѣ; но христіанство и само по себѣ не избѣгнетъ гибели, если его идеальное содержаніе не найдетъ соотвѣтственнаго выраженія въ его дѣятельности.

Всю борьбу магометанства съ христіанствомъ можно представить себѣ, какъ одну битву, и весь міръ, какъ одну позицію. Распространеніе Исламизма внѣ христіанскихъ земель было какъ бы въ громадныхъ размѣрахъ рекрутскій наборъ. Широкая полоса степей и пустынь, тянущихся отъ Атлантическаго океана до Великаго чрезъ Африку и Азію, доставляла

и доставляетъ безчисленный контингентъ Исламизму для борьбы его съ христіанствомъ. Кочевые народы, по своему образу жизни и по характеру, могутъ назваться по природѣ магометанами, почему нерѣдко эти два потока, южный магометанскій и сѣверный кочевой, сходились въ своемъ стремленіи къ одной цѣли; такъ передъ первымъ крестовымъ походомъ Печенѣги съ сѣвера, а Турки съ юга подошли къ Константинополю и едва не овладѣли имъ. Какъ кочевники по природѣ—магометане, такъ горожане по природѣ—язычники, и только земледѣльцы—природные христіане. Хотя на Западѣ крестьянинъ составляетъ синонимъ язычника, но это потому, что тамъ христіанство лишь внутреннее, личное дѣло каждаго; у насъ же крестьянинъ синонимъ христіанина.

Іерусалимъ, какъ бы аванпостъ, палъ почти первымъ; затѣмъ подверглась нападенію и Византія, составлявшая центръ позиціи. Встрѣтивъ неудачу въ Константинополѣ, магометанство двинулось на Западъ и на Востокъ, ибо Византія, ставъ одной ногой на Европейскій, другой на Азіатскій берегъ, опираясь на два моря, требуетъ для завоеванія и для прочнаго утвержденія въ немъ, обходныхъ движеній. Правый флангъ, хотя и защищенный Средиземнымъ моремъ, былъ оттѣсненъ за Лоару; но самое трудное дѣло выпало на долю лѣваго фланга, не имѣвшаго никакой естественной защиты. На этомъ флангѣ стояло Славянство, которому и пришлось выдержать борьбу не только съ Арабскимъ Исламомъ, но и съ монгольскимъ монотеизмомъ, имѣвшимъ свой коранъ, т. н. «Ясу», въ которой война дѣлается особымъ видомъ охоты, облавами на отдѣльные народы. Западъ видитъ въ Монголахъ выходцевъ изъ Тартара, а Буддизмъ признаетъ въ Чингизѣ особое воплощеніе для искорененія неправдъ на землѣ. (Алтанъ-Тобчи,—Золотое сокращеніе). (Примѣч. 42-е). Послѣ первыхъ успѣховъ магометанъ почти по всей линіи наступаетъ затишье, во время котораго разрѣшился иконоборческій споръ и произошло раздѣленіе церквей. Въ VII вѣкѣ, когда Исламъ торжествовалъ на Западѣ, въ это время на дальнемъ Востокѣ Китай, усилившійся при династіи «Танъ», поражалъ восточный Туранъ, къ концу же X-го вѣка Византія побѣдила Исламъ, отвоевала Палестину, грозила самой Аравіи; въ это время Турки явились на помощь Исламу, и явились они потому, что Памиръ, укрѣпленный Александромъ, не былъ удержанъ Греками, не былъ возвращенъ и Римлянами, какъ желалъ этого Цезарь. Вышеозначенный фактъ торжества Византіи, благодаря мизсвизантизму ученыхъ, не выставляется въ надлежащемъ свѣтѣ и потому мало кому извѣстенъ. Тогда-то и начинается наступленіе со стороны Западныхъ христіанъ, которые при первомъ натискѣ успѣли выбить магометанъ даже изъ Іерусалима. Но магометане скоро оправились и отбили все отнятое было у нихъ Западными христіанами; эти послѣдніе дѣлали потомъ еще нѣсколько аттакъ, но всѣ онѣ кончились неудачно. Въ это же время магометане имѣли большой успѣхъ и на лѣвомъ флангѣ христіанъ, гдѣ они покорили своему игу всю Россію (собственно татары, покорившіе Россію, не были сначала магометанами, но они были кочевни-

ки). Вслѣдствіе движеній на помошь Исламу тюркскихъ племенъ, жившихъ въ восточныхъ степяхъ на западѣ и на югѣ, а потомъ и на сѣверѣ отъ пустыни Шамо, поднимаются, наконецъ, и Монголы (Темучинъ). Въ самомъ Китаѣ (въ X-мъ вѣкѣ) центръ политическаго тяготѣнія міра переносится съ Запада на Востокъ, изъ Чинъ-Аня въ Пекинъ. (Этотъ поворотъ Китая къ Востоку, приближеніе его къ морю, облегчалъ доступъ къ нему съ океана и съ сѣвера черезъ Сибирь. Удаленіе отъ запада на самый край востока, трудность сухопутнаго странствованія на этотъ дальній востокъ, не могли не возбудить мысли о морскомъ пути и даже о достиженіи Китая съ Запада). Монголы, хотя и безразлично относились и къ исламу, и къ христіанству, но при движеніи на Западъ, обращались въ магометанство, потому мы и должны смотрѣть на нихъ, какъ на союзниковъ Ислама. Когда Западные христіане должны были отступить, оставить всѣ свои завоеванія передъ центромъ позиціи, магометане, какъ и въ началѣ, опять стали направлять свои удары на самый центръ ея, на Византію; но прорвать центръ, взять Константинополь, а также подчинить себѣ Индію (Тимуръ, Баберъ) магометане могли только послѣ продолжительныхъ и громадныхъ усилій, которыя какъ бы ослабили ихъ фланги, потому что около этого же времени магометане были оттѣснены съ одной стороны Западными христіанами за Гибралтаръ, а съ другой Россія освободилась отъ ихъ ига. К-поль могъ быть взятъ благодаря лишь тому, что магометанство завладѣло всѣмъ востокомъ Европы, а Западъ былъ безсиленъ по причинѣ разъединенія, такъ что Турція нашла въ немъ даже союзниковъ въ лицѣ протестантовъ и французовъ. Взятіе Константинополя имѣло важныя послѣдствія на весь дальнѣйшій ходъ битвы; оно затруднило прямое сообщеніе Запада съ Востокомъ и Сѣвера съ Югомъ; поэтому съ этого момента и начинается движеніе западныхъ христіанъ на югъ, западъ (и даже сѣверъ), которыя и привели ихъ двумя путями, вокругъ Африки и чрезъ Америку, къ Индіи, т. е. къ тому же магометанству, только съ другой уже стороны, съ тыла.

Такимъ образомъ, на всѣ эти движенія можно смотрѣть, какъ на обходъ позиціи магометанъ съ тыла, каковыми они въ началѣ и были, при чемъ на Америку слѣдуетъ смотрѣть какъ на станцію по пути къ Магометанскому востоку, какъ на резервъ для осуществленія христіанскаго единства какъ на новую Европу, идущую рука объ руку со старою къ той же общей цѣли, которая выразилась въ постоянной борьбѣ съ магометанствомъ. (Примѣч. 43-е).

Самъ Колумбъ объяснялъ свое путешествіе въ Индію съ Запада необходимостью открыть всю землю для проповѣданія Евангелія и чтобы возвратить Св. Градъ церкви; во имя того же и папы призывали на помощь къ Португальцамъ, открывшимъ свой походъ противъ Мавровъ Африки, который и привелъ ихъ потомъ къ Индіи; и когда Египетскій Султанъ грозилъ Португальцамъ разореніемъ Святыхъ мѣстъ, если они не оставятъ своихъ завоеваній, Португальцы грозили тѣмъ же Меккѣ и Мединѣ.

Исламизмъ, опираясь однимъ флангомъ на Западный, а другимъ на Восточный океаны, для своего обхода требовалъ кругосвѣтнаго плаванія; такимъ образомъ, завоеваніемъ центра, т. е. К-поля, Исламизмъ вызвалъ открытіе всего земного шара; открытіе же это должно было прекратить исканіе на землѣ ада и рая, жилища предковъ, и самые крестовые походы въ смыслѣ освобожденія душъ изъ чистилища. Но что же должно было сдѣлаться съ этимъ исконнымъ,—(существующимъ въ народѣ еще до сихъ поръ и извращенномъ въ высшемъ сословіи), изначальнымъ стремленіемъ, которое во всѣхъ путешествіяхъ въ отдаленныя страны видѣло хожденіе въ страну умершихъ, которое и въ крестовыхъ походахъ и во всякомъ дѣлѣ видѣло отеческое дѣло? что должно было сдѣлаться съ этимъ стремленіемъ, которое не можетъ же исчезнуть, пока существуютъ смерть и утраты? Съ открытіемъ земного шара негдѣ больше искать страны умершихъ, въ которой они находились бы въ полуживомъ, или какомъ бы то ни было, состояніи; намъ остается искать ихъ въ жизни, которую они передали намъ, и въ оставшемся отъ нихъ прахѣ, возвращенномъ землѣ, которая теперь открыта со всѣхъ сторонъ для совокупнаго нашего на нее дѣйствія; иначе сказать: исканіе страны умершихъ должно бы превратиться въ собираніе для воскрешенія ихъ, крестовые же походы должны получить прямое значеніе освобожденія того центра, гдѣ долженъ выработаться проектъ сказаннаго дѣйствія на земной шаръ и гдѣ необходимо сосредоточить направленіе этихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, открытіе земного шара указывало человѣчеству дѣятельность, недостатокъ которой дѣлаетъ христіанство теоріею, и ограничивая побѣду его надъ язычествомъ областью мысли, олицетворенія, не давалъ мѣста христіанству въ жизни. Такое умозрительное направленіе и было поражено въ паденіи Константинополя, чѣмъ не окончился, однако, ни тысячелѣтній теологическій диспутъ, ни тысячелѣтнее ожиданіе кончины міра.

Результатъ означеннаго обходнаго движенія,—открытіе земного шара, есть исполненіе завѣщанія древняго міра, хранившагося въ Константинополѣ, этомъ послѣднемъ его представителѣ. Древній міръ, остановившись у Атлантическаго океана, былъ твердо убѣжденъ въ возможности кругосвѣтнаго обхода, и если не совершилъ его самъ, то лишь по причинѣ начавшихся варварскихъ нашествій. Завѣщаніе древняго міра тѣмъ болѣе обязательно, что оно не имѣетъ юридическаго, т. е. внѣшне-принудительнаго характера; только вѣрность отцамъ и братьямъ требуетъ исполненія этого завѣщанія. Нашему вѣку, ограничивающему себя мелкими дѣлами, т. е. частными или общественными, покажется страннымъ, наивнымъ подчинять свою судьбу, опредѣлять дѣятельность народовъ (то, что называется политикою) завѣщаніемъ, покажется наивнымъ принимать участіе въ общемъ дѣлѣ, признавать, что единство имѣетъ не отвлеченное значеніе, что христіанство, или единство, не пустое слово, не космополитизмъ, т. е. дешевый, легкій способъ сознавать себя гражданиномъ всего міра, не будучи имъ въ дѣйствительности,—покажется наивнымъ видѣть въ хри-

стіанствѣ общее дѣло, которое, въ отношеніи варваровъ, задержавшихъ древній міръ на пути къ открытію новаго, и положившихъ конецъ древнему міру взятіемъ Константинополя, должно быть, согласно завѣщанію, дѣйствіемъ противъ варваровъ, кочевниковъ. Однако такое дѣйствіе не можетъ быть оскорбленіемъ общихъ нашихъ съ кочевыми, или магометанскими, племенами предковъ, потому что оно есть содѣйствіе только къ обезоруженію этихъ племенъ и къ освобожденію Константинополя. Ни Америка, ни Австралія не могутъ, не должны отказываться отъ исполненія завѣщанія, оставленнаго древнимъ міромъ, потому что въ немъ заключается общее, т. е. праотеческое, дѣло, а никакая отдаленность не избавляетъ отъ участія въ таковомъ, т. е. отъ исполненія долга. Названіе «Новый» свѣтъ вовсе не значитъ отреченіе отъ стараго; новый значитъ сыновній, т. е. выражаетъ долгъ къ старому, отцовскому континенту; и этотъ долгъ не ограничивается отношеніемъ колоній къ метрополіи, а если ближайшіе предки жителей Новаго свѣта (для Америки Пуритане) и видѣли въ христіанствѣ только свободу, т. е. отреченіе отъ прошедшаго, разрушеніе связи, соединявшей ихъ со старымъ свѣтомъ, то на ихъ потомкахъ лежитъ обязанность возстановить эту связь, а не поддерживать ученіе, очевидно, не согласное съ христіанствомъ, ибо христіанство есть собираніе, а не разъединеніе, а также и не подчиненіе, котораго добивается католицизмъ (Примѣчаніе 44-е).

Католическое дѣло, или литургія, понимая подъ этимъ словомъ и то, что совершается внутри храма (молитвы, покаяніе и самая месса) и внѣ храма (дѣла, имѣющія искупительную силу заслуги, какъ-то: крестовые походы, войны противъ еретиковъ, борьба противъ свѣтской власти для возвышенія папской, строеніе храмовъ, монастырей и, вообще, все средневѣковое искусство), есть вся исторія Запада до XVI вѣка, когда всѣ эти дѣла, насколько возможно, замѣнились денежными пожертвованіями, которымъ приписывалась сила искупительной жертвы, дававшей индульгенцію, прощеніе (Примѣч. 45-е). Теорія этой литургіи есть вся богословская система католицизма, обнимавшая не только внѣшнюю, но и внутреннюю исторію Запада, признававшая за исчисленными дѣлами спасительную силу заслуги; а изъ этого догмата вытекали всѣ другіе; изъ него же слѣдовало и представленіе Бога, какъ правосуднаго, о которомъ Лютеръ говорилъ: «я не могъ выносить этого слова—«правосудіе—Божіе»; «я не любилъ этого Бога справедливаго и святого, который наказываетъ грѣшника». Я тайно негодовалъ на него, ненавидѣлъ его, за то, что, не довольствуясь запугиваніемъ закономъ и бѣдствіями жизни насъ, его бѣдныхъ твореній, уже сгубленныхъ первороднымъ грѣхомъ, онъ увеличивалъ наши страданія еще Евангеліемъ». Изъ того же догмата вытекаетъ и ученіе о лицѣ Іисуса Христа; что-бы понять, какъ представленъ былъ Христосъ въ этомъ ученіи, основанномъ на требованіи заслугъ, достаточно привести слова Лютера, что онъ въ дѣтствѣ блѣднѣлъ отъ страха при имени только Христа. Ученіе объ адѣ, чистилищѣ, раѣ, все это было также въ тѣснѣйшей связи съ

ученіемъ о заслугахъ. Но какъ ни велико было вліяніе папизма, всегда были и на самомъ Западѣ не подчинявшіеся или протестовавшіе противъ него (Примѣч. 46-е). Можно даже сказать, что въ каждомъ западномъ человѣкѣ оставалось что то не удовлетворявшееся этимъ дѣломъ, протестовавшее противъ него. Эту литургію можно назвать литургіею заслуги, которая даетъ спасеніе; но она не была сама дѣломъ спасительнымъ, не была литургіею возстановленія, воскрешенія. Протестантизмъ началъ съ литургіи внѣшней, почти сократившейся въ индульгенціи, несмотря на Турецкую грозу, (которая потому и не могла соединить противъ себя весь Западъ, что нашли болѣе легкій способъ спасенія, чѣмъ борьба съ Турками), и только затѣмъ уже приступилъ къ преобразованію, или, вѣрнѣе, къ отрицанію мессы. «Но если месса», говоритъ протестантъ — историкъ, «унижала Господа, то она возвышала священника, облекая его неизсякаемымъ могуществомъ воспроизводить по своему желанію, собственными руками, Господа Творца. Церковь, казалось, существовала тогда не для проповѣданія Евангелія, а единственно для воспроизведенія въ ней тѣлесно Христа. Римскій первосвященникъ, самые незначительные служители котораго создавали по своему произволу тѣло Бога, присвоилъ себѣ духовное сокровище, изъ котораго онъ извлекалъ также произвольно индульгенціи для прощенія душъ». Съ этимъ отрицаніемъ мессы связано совершенное измѣненіе богословскаго ученія, полагавшаго теперь спасеніе только въ одной вѣрѣ и ставившаго такимъ образомъ внѣ спасенія всѣхъ, кто не имѣлъ вѣры, или не признавалъ ее единственно спасительною, т. е. весь языческій міръ, древній и новый, и даже весь христіанскій, не согласный съ протестантами. Протестантство съ своимъ оправданіемъ одною только вѣрою не могло, въ концѣ концовъ, не придти къ самообожанію. «Въ этомъ одномъ словѣ (credo)», говоритъ Гегель, «высказана широкая мысль о свободѣ субъективнаго сознанія и о блаженствѣ внутренней сознательной жизни. Этимъ «credo» ниспровергнутъ всякій внѣшній авторитетъ. Человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами, слѣдовательно, не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ и безъ всякаго внѣшняго посредства». Христосъ мой дѣйствительный Спаситель, если его заслуги становятся предметомъ моего чувства или, вѣрнѣе, моей мысли. **«Мысли о дѣлѣ спасенія, и оно будетъ твоимъ достояніемъ!»**. Останавливаясь исключительно на своемъ личномъ внутреннемъ, протестантъ естественно замыкался въ немъ и строилъ изъ него цѣлый міръ, перенося въ себя и видимую природу, и само Божество.

Протестантскій субъективизмъ превратился въ абсолютизмъ личнаго мышленія, а христіанская идея въ пантеизмъ или антропотеизмъ (Право разума и личнаго воззрѣнія; неприкосновенность права личности въ области религіи).

Но вѣра сама по себѣ не можетъ быть спасительна; только дѣло, захватывающее всю душу, можетъ произвести нравственный переворотъ, и своекорыстнаго превратить въ самоотверженнаго. И въ протестантизмѣ не

вѣра вдохновляла, увлекала, оживляла; у самого Лютера существенною была не мысль, что праведный вѣрою будетъ живъ, а то, что проповѣданіе этой мысли онъ сдѣлалъ «**дѣломъ**» своей жизни, что и подтверждается даже собственными его словами: «Если вы не будете всѣмъ сердцемъ противоборствовать нечестивому папскому правительству, вы не можете спастись». Было, слѣдовательно, и протестантское дѣло, только оно состояло изъ отрицанія, изъ борьбы, отдѣленія и внутренняго разъединенія личностей Католическое дѣло было искаженіемъ общаго, или литургіи; но отрицая, не соглашаясь на искаженіе, нельзя же было отрицать самого дѣла. Проповѣданіе означенной мысли, (что праведный живъ будетъ вѣрою), только казалось дѣломъ, ибо состояло лишь въ отрицаніи всей католической внѣшности, обрядовъ, таинствъ, постовъ, монашескаго аскетизма, состояло въ освобожденіи человѣка отъ общаго дѣла, въ лишеніи его общей цѣли. Доказательствомъ того, что имѣлось въ виду не спасеніе только вѣрою, можетъ служить уничтоженіе праздниковъ и монашества; т. е. того, что наиболѣе могло послужить къ спасенію вѣрою, чрезъ одно созерцаніе. «О, человѣкъ», говоритъ Лютеръ, «представь себѣ Христа и созерцай, какъ въ Немъ Богъ показываетъ тебѣ свое милосердіе безъ всякой съ твоей стороны заслуги». Если отъ такого представленія, созерцанія, зависитъ спасеніе человѣка, то человѣкъ долженъ вполнѣ отдаться созерцанію или же какъ можно чаще отдаваться ему; впрочемъ, даже и такое ограниченіе не можетъ быть допущено и доказываетъ лишь противорѣчіе, заключающееся въ самомъ ученіи о спасеніи вѣрою. Спасенію всецѣло отдаваться можно лишь тогда, когда всякое дѣло обращено будетъ въ средство спасенія; отдаваться же спасенію только слегка, значитъ, лишить его всякаго значенія. А между тѣмъ, Лютеръ старается отнять у человѣка время, уничтожить праздники, когда человѣкъ могъ бы отдаться единственно этому спасительному созерцанію, и уничтожаетъ монашество, т. е. такое состояніе людей, въ которомъ человѣкъ и можетъ только поставить своею исключительною цѣлью созерцаніе, ведущее ко спасенію.

Вышедшее изъ Константинополя, по паденіи его, возрожденное знаніе подрывало ученіе о Троицѣ, какъ теорію, а также и ученіе о воскресеніи, но о воскресеніи трансцендентномъ, такъ какъ другого еще не знали; о трансцендентномъ же воскресеніи полагалось, что оно произойдетъ не тогда, когда воля человѣческая подчинитъ себя волѣ Божественной, а наоборотъ, когда противленіе Божественной волѣ достигнетъ высшей степени, т. е. думали, что воскрешеніе должно явиться какъ наказаніе, а потому оно и возбуждало страхъ. Имманентное же воскресеніе необходимымъ условіемъ поставляетъ подчиненіе человѣческой воли волѣ Божественной, и при этомъ воскрешеніи не можетъ быть такой странности, какъ при трансцендентномъ, при коемъ воскрешеніе, т. е. избавленіе отъ всѣхъ золъ, возвращеніе всѣхъ утратъ, является карою.

Мысль Западно-Европейская беретъ свое начало въ Константинополѣ; она выходитъ оттуда въ видѣ теоріи сперва догматической, а потомъ кри-

тической, и когда, по естественному ходу, сознаетъ себя проектомъ, въ которомъ объединится догматическая мысль съ критической, тогда почувствуется нужда въ центрѣ, или средоточіи для общей дѣятельности и тогда никакая сила не въ состояніи будетъ уже удержать Царь-Градъ въ рукахъ Турокъ. Нужно признать лишь, что наука не мысль только, и тогда сознаніе, что исторія Константинополя есть исторія всего міра, будетъ и сознательнымъ дѣйствіемъ и всѣ мыслящіе, даже въ самой Турціи, будутъ тогда за освобожденіе К-поля отъ турокъ и за предотвращеніе на него всякихъ покушеній со стороны Востока Запада, Сѣвера и проч. Пока же съ Константинополемъ мы соединяемъ понятіе о метафизическихъ преніяхъ, о мертвой обрядности, до тѣхъ поръ онъ не будетъ представлять для насъ ничего привлекательнаго и едва ли будетъ освобожденъ. Если Грецiя освобождена, то не обязана ли она этимъ той симпатіи, которую судьба древней Эллады возбуждала въ Западныхъ Европейцахъ, образъ и подобіе которой Западная Европа носитъ на самой себѣ. Но обходныя движенія Западныхъ христіанъ, приведшія ихъ къ открытію земного шара, привели ихъ также и къ богатымъ странамъ Индіи, которыя соблазнили, подкупили Западъ. Крестовые походы обращаются тогда въ торговые, изъ рыцарскихъ въ меркантильные (Подъ именемъ Запада разумѣется верхній слой, городъ; собственно, земледѣльческій слой былъ совершенно подавленъ и не могъ подавать своего голоса въ этомъ дѣлѣ). Крестовые походы, служившіе выраженіемъ всего средневѣковаго міросозерцанія, сдѣлались въ XVIII вѣкѣ предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ. Такимъ переходомъ Европа отрекалась отъ своей юности, дѣлалась положительною. Съ того момента, какъ обходныя движенія привели Западныхъ христіанъ къ Индіи, на первомъ планѣ, вмѣсто общаго дѣла, были поставлены выгода и польза, личный и народный интересъ, свобода мысли, свобода дѣйствія, и все это было лишь освобожденіемъ отъ долга, измѣною христіанскому союзу, единству; традиціи, преданія порваны, обозваны предразсудками, потому что напоминали объ измѣнѣ, въ которой хотѣли оправдаться; но подъ именемъ предразсудковъ изгонялись собственно совѣсть и долгъ. Понятно, что реформація (протестантизмъ) и революція, возведшія либерализмъ, иначе освобожденіе отъ общаго, отеческаго долга и совѣсти, въ принципъ, суть величайшія преступленія. (Хотя и феодализмъ, вызвавшій революцію, и папство, противъ котораго возсталъ протестантизмъ, не были благомъ, но таково уже свойство слѣпого развитія, переходить отъ одной крайности въ другую, отъ одного зла къ другому, еще горшему). Протестантизмъ, т. е. оправданіе только вѣрою (оправданіе вѣрою, искупленіе, есть отвлеченная форма воскрешенія), могъ касаться только личности, взятой въ отдѣльности. Такое оправданіе могло быть только для себя и достигалось внутреннимъ лишь расположеніемъ, оно не могло простираться на отцовъ и вообще на прошедшія поколѣнія, а потому дѣлало ненужными индульгенціи, чѣмъ бы онѣ ни пріобрѣтались, денежною ли то платою или крестовыми походами; такимъ образомъ, протестантизмъ дѣлалъ невозмож-

ными и самые эти походы.

Возрожденіе наукъ и искусствъ или освобожденіе человѣческой мысли и художественнаго чувства отъ служенія религіи (измѣнившей, правда, въ лицѣ католицизма, единству и не возратившейся къ нему въ лицѣ протестантизма), (Примѣч. 47), повергло человѣческую мысль въ новое рабство, несравненно худшее прежняго, въ рабство торгово-промышленному духу, сдѣлало изъ нея служанку роскоши, чувственныхъ наслажденій, обратило въ адвоката всяческихъ измѣнъ. Словомъ, возрожденіе въ такомъ видѣ наукъ и искусствъ есть профанація человѣческаго разума и чувства.

Управленіе вышесказанными обходными движеніями переходило изъ рукъ Испанцевъ и Португальцевъ въ руки Французовъ и Голландцевъ и, наконецъ, перешло въ руки Англичанъ. Слабые Португальцы не могли, конечно, думать о полномъ обезпеченіи за собою пути въ Индію покореніемъ Константинополя, и въ видахъ такого обезпеченія мечтали обратить теченіе Нила въ Чермное море (Альбукеркъ). Несмотря на то, что Португальцы заняли выходы Аравійскаго и Персидскаго заливовъ, вступили въ союзъ съ врагомъ Константинопольскаго Падишаха Шахомъ Персидскимъ, они не избавились отъ нашествія Турецкаго флота, осаждавшаго даже Діу. Не имѣя силъ обезпечить за собою обладаніе своими Индійскими владѣніями покореніемъ Константинополя, Португальцы вскорѣ потеряли всякое значеніе и большая часть ихъ владѣній, а также и сама Португалія, была присоединена къ Испаніи, которая и проложила себѣ путь къ Индіи вокругъ Америки, тогда какъ Португальцы владѣли путемъ лишь вокругъ Африки. Магеллановскій путь вокругъ Америки, хотя и длиннѣе сравнительно съ Васко-де Гамовскимъ, но на послѣднемъ, со времени завоеванія Турками Египта, выступилъ магометанскій флотъ; первый же былъ совершенно свободенъ. Однако, даже Моллукскіе острова, по словамъ Пигафеты, участника Магеллановской экспедиціи, лѣтъ за 50 до нея (1520) были заняты магометанами, или Маврами, какъ онъ ихъ называетъ, которые и ввели тамъ свою религію. Подойдя къ Моллукскимъ островамъ съ другой стороны, Магелланъ на основаніи папской буллы доказывалъ, что они должны принадлежать Испаніи, а не Португаліи. Испанцы послѣ побѣды при Лепанто думали идти на Константинополь, обладаніе коимъ укрѣпило бы ихъ значеніе, но это не могло быть осуществлено, (по мнѣнію герцога Альбы, высказанному по поводу побѣды при Лепанто,—всякое предпріятіе противъ Константинополя окончится неудачею, если не будетъ поддержано общею коалиціею христіанскихъ державъ), и Испанія уступаетъ свое первенство Голландцамъ и Французамъ. (Примѣч. 48 е). Французы, хотя и вели войны непосредственно съ Голландіею и Англіею изъ-за обладанія путями въ Индію, однако сознавали, что полная побѣда можетъ быть одержана только на востокѣ; такъ, по проекту Лейбница, Голландію можно побѣдить лишь въ Египтѣ, и Франція не разъ помышляла объ исполненіи этого проекта (Шуазель); къ практическому же осуществленію его рѣшился приступить только Бонапартъ; и когда первый полководецъ Европы отправлялся въ

Египетъ, первый дипломатъ Европы назначался въ Константинополь, ибо, только обезпечивъ себя союзомъ съ Византіею, или Стамбуломъ, если уже не покоривъ его, можно было предпринять крестовые походы на Палестину и торговые на Египетъ. Преслѣдуя торговыя, эгоистическія цѣли, забывъ первоначальный смыслъ крестовыхъ походовъ, Западные народы вынуждаются, однако, политическою, если уже не религіозною необходимостью постоянно обращать взоры на Константинополь. Совершая обходныя движенія, нельзя, конечно, было не позаботиться о сохраненіи сообщеній со своимъ базисомъ, со своимъ отечествомъ, т. е. о сухопутной дорогѣ, которая могла идти только чрезъ Константинополь. Константинополь былъ центромъ, куда все стремилось, гдѣ сходились самыя разнообразныя направленія. Сюда направлялся и Исламизмъ съ самаго своего зарожденія, а завоевавъ Константинополь, онъ назвалъ его, хотя и преждевременно, «полнотою Ислама» (Стамбулъ). И папство надѣялось достигнуть полноты чрезъ порабощеніе себѣ Константинополя; папство и достигло высшей степени своего могущества, когда завладѣло въ лицѣ крестоносцевъ Константинополемъ, но удержаться въ немъ оно не смогло. Въ возстановленіи или, правильнѣе, въ узурпаціи Западомъ Императорскаго достоинства также скрывались притязанія на Царь-Градъ, законныхъ правъ на который гораздо больше имѣетъ Россія и вообще Славянскій міръ, законныхъ правъ, впрочемъ, не на обладаніе имъ, а на освобожденіе его. Нераздѣльное обладаніе Константинополемъ было бы также вѣнцомъ и торгово промышленнаго могущества Англіи. Однако и Англія не удержалась бы въ немъ... Прочнаго, безспорнаго обладанія надъ Царе-Градомъ не можетъ получить ни Востокъ (напр. Исламъ), потому что противъ него будетъ Западъ, ни Западъ. Константинополь безспорно можетъ принадлежать только **всѣмъ** народамъ, **миру всего міра**, той истинѣ, которою Византія знала лишь въ видѣ догмата.

Англія, взявъ въ свои руки морскіе пути сообщенія, овладѣвъ всѣми почти колоніями Франціи, лишила послѣднюю возможности отдавать избытокъ населенія въ свои колоніи, въ Новыя, такъ сказать, Франціи, и тѣмъ самымъ сдѣлалась виновницею всѣхъ революціонныхъ смутъ, порожденныхъ именно скопленіемъ населенія, невозможностью выдѣлять изъ него самые безпокойные элементы, для которыхъ колонизація могла бы быть отводомъ. Наполеонъ, подавивъ революціонную смуту, направилъ всю свою дѣятельность на борьбу съ Англіей, поставилъ своею цѣлью уничтожить ея морское могущество и этимъ, конечно, была бы достигнута Франціею возможность избавиться отъ новыхъ революцій, устроивъ колонизацію. Бонапартъ, какъ и Талейранъ, чтобы избавиться отъ внутреннихъ смутъ, считалъ нужнымъ дать исходъ дѣятельности наиболѣе безпокойыхъ элементовъ населенія, указавъ имъ на цѣли внѣ страны; такъ смотрѣла на это и Директорія, даже удаляя въ Египетъ самого Бонапарта, какъ наиболѣе безпокойнаго. Но замѣнить внѣшними войнами войны внутреннія, значитъ ли разрѣшить вопросъ? Египетскій походъ не могъ имѣть успѣха, пока Анг-

лія владѣла морями, а Франція не овладѣла еще сухопутною дорогою въ Египетъ и далѣе въ Индію, которая, какъ сказано, могла идти только чрезъ Константинополь, такъ какъ эта дорога, будучи кратчайшею, вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ надъ дорогами чрезъ Сирію и Египетъ, чрезъ Аравійскій и Персидскій заливы. (Бонапартъ думалъ о завоеваніи Египта, откуда могъ подать помощь врагамъ Англичанъ въ Индіи, въ качествѣ друга Турокъ; и объявляя себя почитателемъ Магомета, онъ былъ вынужденъ, однако, идти на Турокъ и подвигаться къ Константинополю. По иронiи судьбы торговый походъ обратился въ крестовый; къ счастью Бонапарта, побѣда на этотъ разъ оставила его и онъ не сдѣлался невольнымъ освободителемъ Іерусалима). Но чтобы овладѣть Константинополемъ, нужно было покорить не только всю Европу, но и Россію, которая, какъ и Египетъ, могла бы быть вмѣстѣ и станціею къ Индіи. Такимъ образомъ на всѣ войны Наполеона можно смотрѣть, какъ на авангардныя дѣла, ведшія его къ Константинополю, вторженіе же въ Россію было генеральною битвою, которая должна была открыть ему дорогу, если не самыя ворота Константинополя, обладаніе которымъ могло бы дать ему окончательный перевѣсъ надъ Англіею и возможность удержать за собою Индію.

При совершеніи обходнаго движенія образовался новый взглядъ, новыя воззрѣнія, т е. философія Запада. Ученіе о паденіи замѣнилось ученіемъ о прогрессѣ, хотя этотъ прогрессъ и былъ паденіемъ. Языческій взглядъ, происшедшій изъ знакомства съ древнимъ міромъ, получилъ новую силу, новыя орудія для борьбы съ католицизмомъ и протестантизмомъ или, вообще, съ западнымъ христіанствомъ. Восточное же христіанство, Византійское, считалось ниже всякой критики. (Примѣч.. 49-е). Естественная религія, естественное право были плодомъ первыхъ впечатлѣній, перваго поверхностнаго знакомства съ явленіями жизни, встрѣченными на новооткрытыхъ путяхъ, съ жизнью дикарей, этихъ невинныхъ, какъ казалось, дѣтей природы. Китайскій деизмъ, индифферентизмъ, терпимость, Индійская тримурти, аватары (воплощенія), Буддійская нравственность,— все это сдѣлалось орудіемъ для борьбы съ религіею и старымъ порядкомъ. Результатомъ этого поверхностнаго знакомства былъ періодъ, начавшійся 1789-мъ годомъ, который однако не былъ починомъ переворота, революціею, а лишь заключеніемъ переворота, начавшагося выдѣленіемъ изъ народа классовъ мыслящихъ, отдѣленіемъ ихъ отъ дѣйствующихъ. Означенный періодъ видѣлъ зло въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ и въ основанномъ на нихъ общественномъ устроистве, а потому задачею его было казнить суевѣріе, но при этомъ казнилось и основательное знаніе. Легковѣріе и легкомысліе лежали въ основѣ всего этого переворота; это же легкомысліе было и «богинею разума» террористовъ. (При менѣе поверхностномъ изученіи «Австралійская идиллія» исчезла, Буддизмъ, какъ оказалось, поучалъ пессимизму, а Китай показалъ, какая будущность ожидаетъ тѣхъ, кто промышленность поставилъ исключительною цѣлью).

На средневѣковую Европу (Западную) нужно смотрѣть какъ на со-

вершавшую постоянный крестовый походъ, «очистительное таинство, военное покаяніе», по выраженію Мори («Похвальное слово Людовику Святому»), какъ на создавшую рыцарство, дворянство, которое свое благородство основывало на подвигахъ въ Палестинѣ, увѣковѣченныхъ гербами. Новая же Европа, совершая обходное движеніе, создаетъ, благодаря забвенію цѣли, капиталистовъ и пролетаріевъ, истребляетъ на своемъ пути дикарей, грабитъ Индію и Китай, и въ тоже время выноситъ изъ такого обхода сознаніе чистоты и невинности, отрицаніе паденія, и производитъ, въ силу этого сознанія, переворотъ. Это походъ не покаянія, а признанія себя правыми.

Превращенію обходныхъ движеній въ меркантильныя, совершенію измѣны, способствовало ослабленіе Исламизма и вообще прекращеніе нашествій, благодаря сильному земледѣльческому государству, создавшемуся на путяхъ слѣдованія кочевыхъ нашествій, не напоминавшихъ болѣе объ общемъ долгѣ, т. е. о христіанствѣ (религія же, которая не требуетъ дѣла или требуетъ его очень мало, можетъ считаться мертвою или умирающею); ослабленіе Исламизма дѣлало, казалось, не нужными ни прямыя, ни обходныя противъ него движенія. Слѣдствіями такой измѣны были: 1) имущественное неравенство, прямое слѣдствіе меркантилизма, подъ вліяніемъ котораго патріархальный характеръ феодализма сдѣлался невыносимымъ; и 2) мысль о чистотѣ человѣческой природы (т. е. отрицаніе паденія и необходимости искупленія, или всего христіанства), нашедшая себѣ подтвержденіе въ обходныхъ движеніяхъ изъ поверхностнаго знакомства съ дикарями.

Когда Англичане лишили Францію заправленія (гегемоніи) обходными движеніями, т. е. большей части колоній, тогда постепенное измѣненіе приняло характеръ взрыва, измѣна превратилась въ вѣроломство (хотя и тѣ, противъ кого оно было направлено, не оставались вѣрными общему, отеческому долгу). Взрывъ (революція) произведенъ былъ людьми непризнававшими солидарности между живущими (настоящимъ) и умершими (прошлымъ), т. е. не сынами, а гражданами, купцами, признававшими себя чистыми и невинными, и обвинявшими только власть, которая будто бы насильственно поставила ихъ въ отношенія несвойственныя ихъ чистой природѣ.

Все совершенное энцеклопедистами и ихъ предшественниками можетъ быть названо превращеніемъ поминальной трапезы въ банкетъ, въ салонныя бесѣды; это—вѣроломство, совершенное съ изумительнымъ легкомыслiемъ. Для этого не требовалось ни продолжительныхъ изслѣдованій, ни глубокого изученія, которое въ данномъ случаѣ ограничивалось бѣглымъ обзоромъ, мимолетнымъ взглядомъ, чтобы ставить свои рѣшенія о самыхъ важныхъ для человѣка вопросахъ, и при этомъ легкомыслiе достается на долю философовъ, а вѣроломство совершено исторіею, превратившею патріархально-земледѣльческій бытъ въ городской. Все это отрицательное міросозерцаніе выработано въ салонныхъ разговорахъ, шутя, въ видѣ остро-

умныхъ выходокъ, это отрицаніе безъ боли, потому что чувства сыновней любви, любви къ отцамъ, уже давно не было въ сердцахъ.

Поминальная трапеза основана на памяти объ отцахъ, на вѣрѣ въ загробное существованіе, банкеты же на забвеніи отцовъ, на отрицаніи безсмертія. Поминальная трапеза была жертвою за живыхъ и умершихъ, пищею для живыхъ и умершихъ, или же простою формальностью, какъ нынѣ. Банкетъ—веселый пиръ, гдѣ отрицаніе безсмертія было побужденіемъ не терять минуты наслажденія; эти банкеты, „dejeuners“ и „soupers“, потому уже были веселыми, что забывши умершихъ, забыли и о своей неправости, о наслѣдственныхъ порокахъ. Для поминальной трапезы хлѣбъ и вино имѣли священное значеніе; они были условіями бытія, существованія; для банкета же—это не болѣе, какъ предметъ наслажденія. Банкетные философы считали себя въ правѣ вести раскошную жизнь, ибо они, кажется, были увѣрены, что виною бѣдности—христіанство, которое проповѣдуетъ аскетизмъ въ настоящемъ и блаженство въ будущемъ, а не они сами, живушіе въ роскоши. Они принимали эту роскошь, какъ справедливое вознагражденіе за то, что предметомъ салонныхъ бесѣдъ было такое же, т. е. роскошное будущее для всѣхъ живущихъ. Тѣмъ не менѣе, эти салонные банкеты, это отрицательное направленіе имѣло значеніе протеста противъ храма, замѣнившаго церковь, противъ литургіи, обратившейся въ службу, воскрешавшую будто бы въ своихъ мессахъ Христа; жизнь не могла бы такъ извратиться, если бы христіанство вошло въ жизнь, стало единымъ общимъ для всѣхъ сыновъ и дочерей человѣческихъ дѣломъ. До какой степени вышеозначенное направленіе не понимало предшествующаго, которое отрицали, лучше всего можетъ показать толкованіе открытыхъ позднѣе Египетскихъ памятниковъ. Сцены обыденной жизни, изображенныя въ Египетскихъ могилахъ, принимались или за біографическія картины, или же за изображеніе того блаженства, коимъ наслаждались умершіе въ загробной жизни. Судя по себѣ (и это неотъемлемая, характеристическая черта нашего времени), думали, что и Египтяне также заботились о существованіи въ памяти, о номинальномъ существованіи, были также тщеславны, также желали только **казаться**, а не быть; но тщательное изученіе не подтвердило такого толкованія: на всѣ эти изображенія Египтяне смотрѣли, какъ на дѣйствителное средство, приписывали имъ дѣйствительную силу поддерживать жизнь умершихъ въ загробномъ мірѣ. Такая забота о предкахъ была принадлежностью всѣхъ первобытныхъ народовъ и сохранилась, болѣе или менѣе, даже до настоящаго времени у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ: самая евхаристія въ народномъ пониманіи есть поминальная трапеза, которая имѣетъ дѣйствительную силу облегчать умершихъ, или же, какъ прежде думали, питать ихъ.

Изъ превращенія поминальныхъ трапезъ въ банкеты и образовалось эпикурейское, матеріалистическое, атеистическое направленіе. Другое направленіе было менѣе послѣдовательно; то былъ деизмъ, который относился къ направленію, вышедшему изъ превращенія поминальной трапезы въ банкетъ,

точно также, какъ стремленіе Лютера удержать въ трапезѣ хотя бы отчасти дѣйствительное пресуществленіе къ его богословской теоріи, въ которой тотъ же Лютеръ признаетъ достаточнымъ для спасенія одно воспоминаніе о заслугахъ Спасителя, одно представленіе Его заслугъ. Эти два направленія господствуютъ и въ революціи: Гебертисты соотвѣтствуютъ первому, а Робеспьеристы были уже началомъ реакціи.

Выраженная сокращенно, въ одной формулѣ, революція можетъ быть названа замѣною **общаго** отеческаго, праотеческаго дѣла **общественнымъ**, измѣною или отреченіемъ отъ долга сыновне-отеческаго, отъ воскрешенія умершихъ ради благосостоянія живущихъ. Общее дѣло вытекаетъ изъ общихъ всѣмъ людямъ бѣдствій (смерть и все, ведущее къ ней); общественное же дѣло касается не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, большей или меньшей части общества, и вытекаетъ изъ такихъ явленій, какъ бѣдность. Но при болѣе глубокомъ отношеніи къ дѣлу, а не такомъ поверхностномъ, легкомысленномъ, каково направленіе, породившее Французскую революцію, люди убѣдятся, что бѣдность будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ смерть, какъ это сказано еще Христомъ, «всегда бо нищія имате съ собою». Общее дѣло есть дѣйствительно общее, которое и сама смерть не ограничиваетъ, не дѣлаетъ менѣе общимъ; общее дѣло не ограничивается только живущими, оно есть объединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ, т. е. оно есть воскрешеніе, требующее всеобщаго соединенія, не внѣшняго только, но и внутренняго, истиннаго братства, братства по отцамъ, по отечеству, а не гражданства. Общее дѣло не входитъ въ компромиссъ и со смертію, потому то въ немъ и нѣтъ произвола; тогда какъ общественное дѣло есть, по самому существу своему, сдѣлка. Общее дѣло изначально; оно родилось съ человѣкомъ: все, что извѣстно о дикаряхъ, о первобытныхъ людяхъ, доказываетъ заботу объ умершихъ, т. е. что смерть не разрушаетъ связи живущихъ съ умершими; и пока хотя одно слово будетъ произноситься надъ умершими, какъ это бываетъ даже въ гражданскихъ погребеніяхъ, не будетъ безусловнаго признанія смерти, безусловнаго отрицанія этой связи; когда же порвется и эта послѣдняя связь съ умершими, когда они будутъ лишены уже всякаго, даже гражданскаго погребенія, тогда не будетъ и человѣка. При общемъ дѣлѣ становится понятною христіанская идея о Богѣ, какъ о совершеннѣйшемъ Существѣ, какъ о Существѣ Тріединомъ. Признавая же послѣднею цѣлью общественное дѣло, мы искажаемъ и самое понятіе о Богѣ, лишаемъ Его совершенства, ибо объявляя Бога властителемъ и Судіей, мы признаемъ, что не способны быть братьями и не имѣемъ Отца, а нуждаемся во властителѣ и судіи, и чѣмъ ниже падаемъ нравственно, тѣмъ суровѣе нуженъ намъ властитель. Приписывая Богу эти свойства, т. е. господство и правосудіе, хотятъ однако не умалить тѣмъ достоинство Бога, а превознести, усилить значеніе этихъ самыхъ свойствъ; ибо предпочитаютъ такое устройство общества, при которомъ каждый пользуется властью, этимъ благомъ подчиненія себѣ хотя бы временно другихъ,—правомъ осуждать и наказывать,

(мы беремъ общество въ его идеальномъ устройствѣ по революціоннымъ принципамъ, гдѣ каждый хотя временнно, періодически, пользуется верховною властью), и подобное то устройство общества предпочитаютъ такому состоянію, при которомъ общее дѣло, открывая всѣмъ обширное поприще дѣятельности, устраняетъ всякіе раздоры и дѣлаетъ ненужными власть и судъ. Какое же общество выше, то ли, въ которомъ господствуетъ правда, т. е. власть и судъ, всѣмъ попеременно принадлежащіе, всѣми попеременно отправляемыя, когда ни одинъ изъ общества не изъятъ отъ права и власти судить и наказывать, т. е. отъ такого права, которое не можетъ принадлежать состоящимъ въ родствѣ, такъ какъ отца не дѣлаютъ судьею сына и на оборотъ, —(хотя подобные случаи и бывали, на нихъ и указываютъ какъ на примѣры пожертвованія любовью правдѣ, родствомъ общественной пользѣ)? или же общество, въ основѣ коего лежитъ любовь, т. е. отечество и братство? Если бы даже экономическимъ устройствомъ и было достигнуто невозможное, невозможное не потому, что люди дурны, а потому, что человѣкъ не можетъ не имѣть общаго и при томъ великаго, всеобщаго дѣла, не можетъ удовлетворяться пустяками, если бы и было достигнуто невозможное, т. е. отсутствіе всякихъ преступленій, то и въ такомъ случаѣ это не было бы еще братствомъ, потому что, если люди не дерутся, это еще не значитъ, что они любятъ другъ друга. Самое равенство, пока люди ничтожны, т. е. смертны, не можетъ быть признано благомъ; при равенствѣ всякое превосходство, высшія способности должны быть изгоняемы; въ общемъ же дѣлѣ, въ братствѣ всякій талантъ возбуждаетъ не зависть, а радость. То же самое надо сказать и о свободѣ; свобода жить только для себя—великое зло, хотя бы въ ней и не нарушались права другихъ и правда не допускала бы до столкновенія. Самая высшая правда можетъ требовать лишь того, чтобы способные трудиться не были лишены работы, а неспособные къ труду – средствъ къ жизни. Но то, что въ обществѣ, не имѣющемъ общей цѣли и дѣла, въ обществѣ правды, въ правовомъ обществѣ, есть самое высшее, то при отеческомъ дѣлѣ и братствѣ есть самое низшее. Общее дѣло даетъ участіе всѣмъ въ религіи, наукѣ, искусствѣ, предметъ которыхъ, въ ихъ совокупности, есть возстановленіе и полное обезпеченіе существованія **всѣхъ**. При такомъ дѣлѣ не можетъ быть и вопроса о правѣ на трудъ, потому что очевидна обязанность всѣхъ, безъ всякихъ исключеній, участвовать въ немъ, не можетъ быть вопроса и о томъ, чтобы неспособные трудиться получали средства къ существованію, такъ какъ въ предметъ общаго дѣла входитъ не доставить имъ только эти средства, но и возстановить или надѣлить ихъ тѣми способностями, которыхъ они лишены. И если мы сдѣлаемся, наконецъ, участниками въ общемъ дѣлѣ, тогда мы можемъ благодарить судьбу, что не были испорчены, не растратили своихъ силъ въ приложеніи къ общественному дѣлу.

Теперь мы можемъ оцѣнить, насколько вѣрны воззрѣнія, по которымъ Французская революція была въ дѣйствительности двумя, совершенно отличными революціями, изъ которыхъ «одна совершилась въ пользу инди-

видуализма» (она имѣетъ началомъ 89-й годъ), въ другой же сдѣлана была шумная попытка во имя братства, (эта пала 9-го термидора). (Въ сущности обѣ уже знакомыя намъ формы антихристіанства: языческій индивидуализмъ и семитическій соціализмъ, порабощеніе личности). Изъ предыдущаго очевидно, что то братство, во имя котораго сдѣлана шумная, вѣрнѣе кровавая попытка, свидѣтельствуетъ лишь, что самое понятіе о братствѣ у пытавшихся достигнуть его исчезло, потому они и приняли за самое братство, отождествленное ими съ свободою и равенствомъ, то, что есть лишь слѣдствіе братства и чего, къ тому же, они думали достигнуть насиліемъ, т. е. не-братскимъ путемъ; а это вело къ тому, что и то малое, чего желали достигнуть, не могло быть достигнуто, и даже къ осуществленію его въ будущемъ полагались новыя препятствія. Только любовь освобождаетъ, т. е. дѣлаетъ обязанность къ другимъ желанною, и исполненіе этой обязанности пріятнымъ, чѣмъ не только не тяготятся, но къ чему стремятся по влеченію собственнаго сердца; и только любовь всѣхъ уравниваетъ, заставляя обладающихъ большими способностями, большими силами обращать ихъ, по внутреннему влеченію, на услуги другимъ, своимъ приснымъ. Сожительство же съ нелюбимыми налагаетъ и такія обязанности, къ исполненію которыхъ не лежитъ сердце; а между тѣмъ, чтобы сожительство не разстроилось, необходимо дѣлать и то, чего не хотѣлось бы, но при этомъ стараются, конечно, сдѣлать только самое необходимое, минимумъ обязанности; равенства при этомъ не можетъ быть, потому что обладающій большими способностями, большими силами, не будетъ тратить ихъ на тѣхъ, къ которымъ не чувствуетъ любви. Только любовь, слѣдовательно, приводитъ къ братству; свобода же исполнять свои прихоти и завистливое равенство къ братству не приведутъ. Согласно христіанскому ученію о первородномъ грѣхѣ, согласно народному знанію, и, наконецъ, преобладающему нынѣ научному воззрѣнію наслѣдственность есть фактъ неоспоримый, признавая же ее, нужно признать, что ни одно порочное чувство (какъ возбужденіе вражды и т. п.) не проходитъ безслѣдно, т. е. оно найдетъ себѣ исходъ, будетъ проявляться даже и въ то время, когда исчезнетъ самый предметъ, вызвавшій это чувство. Слѣдовательно, возбуждая ненависть, озлобленіе, совершенно невозможно создать братство ни изъ того поколѣнія, въ которомъ были вызваны эти чувства, ни изъ ихъ потомковъ, невозможно создать его даже въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ понимали его дѣятели революціи и ихъ предшественники философы. Никакое внѣшнее устройство не уничтожитъ внутреннихъ свойствъ; грѣхи—матеріальны, это—болѣзни, требующія лѣченія.

Какъ братство дѣятелей революціи было ложью, также ложенъ былъ и ихъ патріотизмъ,—(иначе это и быть не могло, потому что только истинный патріотизмъ могъ привести къ истинному братству, и наоборотъ), такъ какъ патріотизмъ этотъ былъ у нихъ или отвлеченнымъ понятіемъ, или же собирательнымъ; подъ именемъ отечества они разумѣли или общее лишь происхожденіе, или же совокупность живущихъ, замѣнившихъ

отцовъ, т. е. самихъ же себя; въ этомъ случаѣ они ничѣмъ не отличались отъ всякаго государства, отъ всякаго гражданскаго общества, которое, по временамъ, взываетъ къ патріотизму гражданъ, а потому ихъ братство не могло имѣть дѣйствительнаго, настоящаго отличія отъ гражданства. Но отожествляя самихъ себя съ отечествомъ, ставятъ, слѣдовательно, самихъ себя цѣлью, свое наслажденіе, и именно наслажденіе, а не одно насущное; ибо насущное, необходимое, предполагаетъ иную цѣль, предполагаетъ, что наше существованіе нужно не для насъ только самихъ, но для чего-то иного. Говоря же о патріотизмѣ и ставя цѣлью наслажденіе, отрицаютъ необходимость дѣйствительной жизни отцовъ, а слѣдовательно и дѣйствительнаго братства, потому что наслажденіе эгоистично по существу, и въ большинствѣ случаевъ требуетъ взаимнаго исключенія въ пользованіи этими благами. Съ другой стороны, ставить цѣлью не одно матеріальное благо, но и нравственное, значитъ ограничивать первое послѣднимъ, ограничивать матеріальное благо необходимо-нужнымъ, насущнымъ, слѣдовательно, отвергать наслажденіе, какъ цѣль, какъ единственное благо. Французская революція была полнымъ отрицаніемъ долга и обязанностей и декларацією правъ, а между тѣмъ, обстоятельства вынудили ее прибѣгнуть ко всеобщей обязательной повинности, которую она считала временною и отъ которой Франція поспѣшила освободиться, но впослѣдствіи она вновь была вынуждена къ ней возвратиться.

Всѣ народы передней Азіи, прибрежій Средиземнаго моря, Индіи и Китая, подверженные нашествію кочевыхъ варваровъ, желали, не отдавая себѣ въ томъ отчета, чтобы эти громадныя силы, вносящія разореніе, убійства, были обращены къ земледѣлію, т. е. чтобы кочевники сдѣлались мирными земледѣльцами, и страна, откуда выходили эти бичи Божіи, стала земледѣльческою. Страна эта была извѣстна у Арійцевъ Ирана подъ именемъ Турана, царства мрака и зла, у Іезекіиля это страна Магогъ, царство Гога, нашествіе коего признавалось такимъ ужаснымъ событіемъ, что должно было знаменовать близкую кончину міра. Византія, испытывавшая, по выраженію Полибія, муки Тантала, вслѣдствіе разореній, производившихся ближайшими варварами, сдѣлавшись Константинополемъ и, слѣдовательно, сильнѣйшею приманкою, дѣйствовавшею даже на отдаленнѣйшихъ варваровъ, не могла не сходиться въ своихъ желаніяхъ съ народами Передней Азіи. Того же желалъ, конечно, и Западъ въ V-мъ вѣкѣ, хотя и видѣлъ причину бѣдствій въ отступничествѣ отъ боговъ, когда былъ еще языческимъ, и вообще во грѣхахъ, когда сдѣлался христіанскимъ. И то, на что уповали пророки V-го вѣка,—т. е. сокрушеніе «бичей Божіихъ», Провидѣніе осуществило, хотя и не тѣмъ путемъ, какъ это ожидалось пророками, не внѣмірнымъ, а естественнымъ, человѣческимъ, создавая оплотъ противъ нашествій въ лицѣ Славянъ и особенно въ лицѣ Россіи. Сухопутное обходное движеніе не было торговымъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ оно было колонизаціонное, земледѣльческое, и если оно не было дѣйствіемъ сознательнымъ, тѣмъ не менѣе это движеніе было службою, исполненіемъ

долга. Эллинской прелести мы не усвоили, и когда Западъ дробился, уподобляясь Элладѣ, у насъ шло собираніе для общей службы отечеству.

По освобожденіи Россіи отъ татарскаго ига, со стороны лѣваго фланга началось движеніе, имѣющее особый характеръ; оно заключалось въ томъ, что Россія, лишенная всякой естественной защиты и подвергаясь постояннымъ нападеніямъ со стороны кочевыхъ и полукочевыхъ (магометанскихъ или по характеру своему склонныхъ къ магометанству) племенъ, постепенно окружала ихъ, обносила валами и сторожевыми постами, обезоруживала, но не отнимала у нихъ той земли, которую завоевывала; и такъ дошла она до Узбоя, Аму-Дарьи, Атрека, по которымъ идетъ наша послѣдняя сторожевая линія. Движеніе съ такимъ характеромъ, борьба, которая ведется для того лишь, чтобы внести въ завоеванный край миръ, чтобы кочевниковъ, живущихъ по преимуществу грабежемъ, набѣгами, войной, обратить въ мирныхъ земледѣльцевъ, чтобы обезоружить ихъ, и все это, по возможности, безъ пролитія крови,—только такая война, которую можно назвать обезоруженіемъ, и можетъ быть ведена христіанскимъ народомъ. Но и это обходное движеніе, особенно подъ вліяніемъ наплыва иностранцевъ, Англичанъ (Ченслеръ и др.), Голландцевъ, Датчанъ, Шведовъ и проч. и главнымъ образомъ при Петрѣ Великомъ, превращалось изъ священнаго въ торговый походъ. Однако, чѣмъ дальше подвигались Русскіе въ этомъ направленіи, тѣмъ яснѣе становилось значеніе этого движенія, какъ диверсіи противъ Европейцевъ и Англичанъ въ особенности, распоряжающихся въ Царь-градѣ, измѣнившихъ общему дѣлу и ставшихъ союзниками Турокъ и кочевниковъ. Но если бы Европейцы не измѣнили общему дѣлу, если бы морскія движенія оставались движеніями въ обходъ Ислама, въ такомъ случаѣ встрѣча Русскихъ съ Англичанами въ Азіи не была бы враждебною; напротивъ, эта встрѣча свидѣтельствовала бы о приведеніи къ концу общаго дѣла. Кромѣ того, это движеніе отрѣзывало Турокъ отъ ихъ родины, откуда они получали подкрѣпленія, резервы; это же движеніе вводило Русскихъ въ сношеніе съ Китаемъ, который подобную же работу умиротворенія совершилъ въ Восточной части Средней Азій (Монголіи). Россія росла съ этимъ движеніемъ, которое, можно сказать, началось еще въ Кіевѣ, сперва отдѣльными походами въ степь, (которые однако приносили большее облегченіе Константинополю, чѣмъ крестовые походы Запада, кончившіеся даже взятіемъ его); затѣмъ движеніе это объединилось въ Москвѣ, откуда и направилось далѣе къ Востоку, къ Индіи. Усиленная царствами Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ, Россія получила патріаршество и вмѣстѣ съ тѣмъ приняла на себя долгъ «опростать» христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ, взять на себя дѣло просвѣщенія всего восточнаго христіанства. («Москва—3-й Римъ, а четвертому не быть»). Отстоявъ послѣднюю сторожу у Индіи—богатой, русскій народъ, воевавшій поневолѣ, возвращается къ землѣ, дѣлается Ильею Громовникомъ, т. е. оружіе расковываетъ въ громопроводъ, въ регуляторъ растительной жизни; и такимъ образомъ желательное становится дѣйствительностью. Пока Западъ

совершалъ обходныя движенія съ моря, а Россія съ суши, со стороны фронта и Западъ и Россія ограничивались только оборонительными дѣйствіями: Россія, какъ и Польша, выставила казачество, а Западъ—сборный корпусъ изъ Нѣмцевъ, Венгровъ и, главнымъ образомъ, изъ Славянъ (Австрія), занявшій Вѣнскій проходъ, открывающій путь въ Транс-Альпійскую Европу. Въ это время въ Западной Европѣ не было единства, папская власть была парализована протестантизмомъ, который пользовался даже страхомъ турецкаго нашествія и вынуждалъ къ уступкамъ. Только во 2-й половинѣ XVI вѣка папская власть, благодаря Іезуитамъ, настолько усилилась, что, чрезъ фанатизированную Польшу и порабощенную Западную Русь (Унія), а также чрезъ посредство самозванцевъ, могла стремиться къ порабощенію и самой Россіи. Цѣлью такого порабощенія было обратить эту силу, если бы удалось ею овладѣть, на подавленіе протестантизма, и затѣмъ всею уже массою можно бы было обратиться противъ Турокъ и, освободивъ отъ нихъ Константинополь, подчинить его себѣ (этимъ подтверждается вышесказанное, что Западъ можетъ идти на К-поль только чрезъ Москву). Принимая во вниманіе, что папство, чрезъ іезуитовъ, дѣйствовало и въ обходныхъ движеніяхъ съ моря, въ Индіи, Китаѣ, Японіи и Америкѣ, покореніемъ Константинополя была бы достигнута, можно сказать, полнота Католицизма.

Императорская власть, тоже стремившаяся, въ лицѣ Карла V го, къ объединенію Европы для борьбы съ Турками, также была безсильна для наступательнаго противъ нихъ дѣйствія, вслѣдствіе противодѣйствія тогоже протестантизма, а главное Франціи, этого постояннаго союзника Турціи. Впрочемъ, если бы Франція успѣла побѣдить Австрію, занимавшую, какъ сказано, Вѣнскій проходъ по дорогѣ въ Константинополь, то отношенія Франціи къ Турціи должны бы были измѣниться и изъ союзниковъ, они сдѣлались бы врагами, въ особенности же, если бы Франціи удалось побѣдить и другого своего противника въ Европѣ, Пруссію, которая образовалась изъ Тевтонскаго ордена, возникшаго въ Палестинѣ, стремилась къ объединенію Германіи и также, въ силу уже своего происхожденія, не могла не ставить своею цѣлью Константинополя. (Ибо что значили учрежденіе протестантскаго епископства въ Іерусалимѣ, въ союзѣ съ Англіею, и связанныя съ этимъ учрежденіемъ критическія и археологическія нашествія на Палестину, которыя могли только снять обаяніе святости со Святой земли?). Пруссія – также союзница Турціи, пока имѣла противъ себя Австрію и Россію. Въ настоящее же время, воздвигая крѣпости въ открытой Прибалтійской равнинѣ, Пруссія направляетъ Австрію, подъ видомъ Солуня, къ Царь-Граду, а Францію—на Тунисъ. Хотя изъ духовнаго государства Германія и сдѣлалась свѣтскимъ, но отдавая избытокъ своего населенія въ чуждыя себѣ страны, она не можетъ не желать пріобрѣтенія колоніальныхъ земель за моремъ и обезпеченія сухопутнаго сообщенія съ ними. Россія, съ своей стороны, не могла начать прямой аттаки противъ Турціи, потому что имѣла въ тылу Польшу, (занимавшую Западно-Славянскій пе-

решеекъ, соединяющій Альпійскій полуостровъ, т. е. Западъ Европы, съ материкомъ земли, или съ Россіею) и Австрію, занимающую такую превосходную позицію какъ Карпатскія горы, этотъ, можно сказать, Карпатскій редутъ, господствующій надъ дорогой изъ Россіи въ Константинополь. Такимъ образомъ, только въ союзѣ съ Польшею и Западнымъ Славянствомъ, Россія могла предпринимать прямыя аттаки противъ Турціи; но и въ такомъ союзѣ эти аттаки, вплоть до Прутскаго похода и съ нимъ включительно, оставались безплодными. Это-то и вынудило Россію искать новаго пути къ Константинополю и новыхъ средствъ къ его завоеванію, какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ.

Построеніе Петербурга, изъ котораго выходили наши флоты, направляясь къ Константинополю, имѣло значеніе созданія исходнаго пункта того новаго пути, посредствомъ котораго мы могли поддержать наши движенія на Константинополь съ суши. Построеніе Петербурга давало также Россіи возможность войти въ сношенія съ народами Западной Европы и, не входя въ ихъ застарѣлые споры, заимствовать отъ нихъ усовершенствованные способы для борьбы съ Турками, а вмѣстѣ и сдѣлаться безпристрастною между ними посредницею, (а между тѣмъ Россія не только вошла во всѣ споры Запада, но сдѣлалась даже орудіемъ спорящихъ сторонъ, которымъ дѣйствуетъ то одна, то другая сторона). Настоящее значеніе, дѣйствительный смыслъ построенія Петербурга въ настоящее время забытъ; самъ онъ считаетъ себя только окномъ въ Европу съ единственною цѣлью подражанія ей, тогда какъ сближеніе съ Европою намъ нужно было какъ средство для борьбы за освобожденіе Царь-града, этого мірового центра.

Отрицательное вліяніе магометанскаго Истамбула было также могущественно, какъ и положительное вліяніе христіанскаго Царе-града. Исламъ, поставивъ свой станъ на берегахъ Босфора, господствуя надъ дорогами въ Индію, обративъ Средиземное море въ Турецкое озеро, въ озеро пиратовъ, затруднилъ прямое сообщеніе Запада съ Востокомъ и этимъ вынудилъ первый искать новыхъ путей и обратить на нихъ колонизаціонные и крестоносные (какъ явленія естественнаго прироста населенія) токи, которые, уже по причинѣ шарообразности земли, не могли не привести къ тылу магометанства. Съ другой стороны, поставивъ свои аванпосты предъ Вѣнскимъ проходомъ, предъ воротами Западной Европы, Исламизмъ унизилъ христіанство и придалъ смѣлости возрождавшемуся язычеству, а также и евреямъ, жидовству, поддерживалъ иконоборческій протестантизмъ противъ католицизма и далъ преобладаніе Франціи надъ Австріею и вообще Западнымъ державамъ (Франціи и Англіи) надъ Италіею и Германіею, торговое значеніе которыхъ было утрачено вслѣдствіе одного уже прегражденія магометанами прямыхъ путей сообщенія съ Индіею. Благодаря Истамбулу же въ настоящее время весь Западъ объединяется въ общей ненависти къ Россіи. Могущество Истамбула, вынудивъ и Россію искать средствъ борьбы у Запада, подвергло ее нравственному его вліянію, которое составляло

полную противоположность съ коренными началами и съ тѣмъ, что вырабатывало изъ насъ обходное движеніе. Еще сильнѣйшему вліянію подверглись Западные Славяне и Греки.

Съ измѣненіемъ крестовыхъ походовъ въ торговые измѣнилось и самое оружіе. Огнестрѣльное, поражающее издали оружіе гораздо болѣе соотвѣтствуетъ меркантильнымъ, чѣмъ рыцарскимъ войнамъ. Это оружіе въ числѣ другихъ причинъ способствовало нравственному упадку, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ войны перестали быть благороднымъ занятіемъ, а только необходимостью. Впрочемъ, необходимость эта понималась весьма обширно; напр.: войны велись изъ-за пряностей, ароматовъ и т. п. Огнестрѣльное оружіе дало силу такимъ народамъ, какъ Турки, Генуэзцы, которые перевезли ихъ на Европейскій берегъ и научили ихъ употребленію огнестрѣльнаго оружія, какъ Венеціанцы, которые сообщили это искусство врагамъ Турокъ Египетскому Султану и Персіянамъ; ибо торговля космополитична, т. е. не имѣетъ стыда. Со введеніемъ этого оружія прежнее вооруженіе, щиты, замки, крѣпости потеряли значеніе, въ томъ числѣ и Константинополь. Константинопольскія стѣны охраняли архивы человѣческаго рода; тамъ хранилось не только знаніе, но и замыслы (напр. дорога въ Индію съ Запада), которые не могли быть осуществлены вслѣдствіе варварскихъ погромовъ. Но архивы были уже перенесены, а печатный станокъ замѣнилъ вскорѣ и стѣны. Благодаря открытію книгопечатанія, явилась книжная религія, протестантизмъ.

Высшей степени могущества Турецкій Истамбулъ достигъ при Сулеманѣ Великомъ, этомъ мусульманскомъ Юстиніанѣ. Строитель знаменитой мечети «Сулейманіе» превращалъ въ завоеванныхъ странахъ христіанскія церкви въ мечети, какъ въ Родосѣ, Коронѣ, Шабацѣ, Бѣлградѣ, Офенѣ-Темешварѣ и проч. (О постройкахъ Сулеймана Великаго, по словамъ Гаммера, можно составить книгу, подобную Прокопіевой De edificiis). Въ его царствованіе западные Государи (Франція, Англія, Испанія), безъ преувеличенія, можно сказать, были вассалами султана. Греки же и отчасти Славяне, въ эпоху самостоятельности ждавшіе кончины міра, антихриста, во время порабощенія, напротивъ, стали проникаться надеждою на освобожденіе, составлять пророчества о паденіи и изгнаніи Турокъ. Стремленіе католиковъ къ совращенію православныхъ въ унію не прекратилось и послѣ завоеванія Константинополя Турками; но съ этого времени оно встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны протестантовъ. Не говоря о сношеніяхъ съ Меланхтономъ при Патріархѣ Іосифѣ II и съ Крузіемъ при Іереміи II, протестанты достигли наибольшаго вліянія при Кириллѣ Лукарисѣ (Патріархъ Александрійскій съ 1602 и Константинопольскій съ 1621 г.) по низложеніи Неофита II, котораго поддерживали іезуиты; при Кириллѣ Лукарисѣ дѣйствовалъ Кальвинскій проповѣдникъ Гагенъ, поддерживаемый послами Голландіи, Англіи и Швеціи. Съ этихъ поръ возведеніе и низложеніе патріарховъ зависѣло отъ преобладанія въ Константинополѣ протестантскихъ или католическихъ державъ. Существенною причиною слабости пра-

вославія былъ недостатокъ внутренней силы, сознанія; поэтому оно склонялось то къ католицизму, то къ протестантизму. Такъ было и у насъ: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ были представителями одинъ католическаго, а другой протестантскаго направленія. Чтобы не подвергаться колебаніямъ, надо опредѣлить себя. Очевиднымъ доказательствомъ тому, что все зависитъ отъ недостаточнаго самосознанія, самоопредѣленія, служитъ сама Россія: несмотря на независимость, она не имѣетъ самостоятельности и служитъ орудіемъ то одной, то другой Европейской партіи. Какъ въ религіи у насъ нѣтъ православныхъ, такъ въ политикѣ у насъ нѣтъ русскихъ. Между язычествующею Европою и іудействующимъ Исламомъ Россія можетъ быть посредникомъ. Москва не 3-й Римъ, ни новый Константинополь, а только намѣстникъ послѣдняго. Она будетъ посредникомъ, если сознаетъ свое значеніе—не противодѣйствовать духовно-умственной или научной силѣ. Степень вліянія Турецкаго господства на покоренныя ему народности наглядно представляется храмомъ Софіи, обращеннымъ въ мечеть; но даже въ самомъ названіи этой мечети—Айя (т. е. святая)—Софія сохранилось названіе христіанскаго храма; точно также сохранились въ совершенной неизмѣнности и мозаики храма, покрытыя только тонкимъ слоемъ. Подобнымъ образомъ продолжалась подъ Турецкимъ господствомъ и Византійская исторія; даже не прекратилось вліяніе Грековъ на Славянъ, особенно на Болгаръ, это нравственное Болгаробойство. Турецкій бытъ и религія, отличавшіеся умственною и художественною простотою, (или пустотою), не могли произвести вліянія, измѣненія въ жизни покоренныхъ народовъ; они могли только охранить ихъ отъ вліянія болѣе сильныхъ въ этомъ отношеніи Европейцевъ.

Насколько ничтожно было положительное вліяніе Турокъ на внутренній бытъ, на внутреннюю исторію покоренныхъ ими народовъ, на столько же, можно сказать, велико было ихъ вліяніе на политику народовъ Западной Европы. Только подъ вліяніемъ страха Турецкаго нашествія былъ избранъ Германскимъ Императоромъ король Испаніи, владѣтель богатыхъ Нидерландовъ и иныхъ земель, Карлъ V-й: годъ его избранія совпадаетъ съ годомъ вступленія на царство Сулеймана. Страхъ, который Турки производили на Европу, былъ такъ великъ, что вліяніе его мы можемъ прослѣдить въ ученіи Лютера и другихъ. «По Священному писанію», говоритъ Лютеръ, «два тирана должны до Страшнаго Суда придти опустошать и истреблять христіанство; одинъ хитростью и лжеученіемъ (конечно, папа); другой придетъ съ мечемъ. Итакъ діаволъ, (ибо приближается конецъ міра), долженъ, соединивъ эти силы, сдѣлать страшное нападеніе на христіанство, и нанести намъ послѣдній ударъ прежде, нежели мы вознесемся на небо». Этотъ фатализмъ, естественное слѣдствіе спасенія вѣрою или, лучше сказать, ученія о бездѣйственной вѣрѣ, былъ результатомъ могущества Турокъ и разъединенія христіанства. Могущество Турокъ усиливало вѣру въ трансцендентность воскресенія и ослабляло вѣру въ возможность объединенія, вѣру въ Бога Тріединаго. Цвикаусскіе пророки предсказывали,

по тѣмъ же причинамъ, конечно, о близости конца міра. «Чрезъ 5, 6, или 7-мь лѣтъ міръ будетъ опустошенъ. Турокъ овладѣетъ Германіею, всѣ священники, даже женатые, будутъ преданы смерти... И послѣ того, какъ земля будетъ очищена кровью, Господь устроитъ свое царство. День Господень близокъ, мы приближаемся къ концу міра». Пока кочевыя орды не обратятся къ мирному земледѣлію и не окончится разъединеніе въ христіанствѣ, до тѣхъ поръ не прекратится ожиданіе кончины міра, и спасенія будутъ ждать только отъ вѣры или суевѣрія. Соединеніе въ рукахъ Габсбургскаго дома Австрійскихъ земель, служившихъ защитою Европы отъ Турокъ съ суши, и Испаніи, защищавшей Европу съ моря, теряло свое значеніе съ того времени, когда начался упадокъ Турецкаго могущества. Раздѣленіе и упадокъ Габсбургскаго дома, по преимуществу анти-Турецкаго, начинается уже при непосредственномъ преемникѣ Карла V-го. Распространеніе протестантства сдѣлало невозможнымъ выборъ Филиппа II-го Императоромъ Германскимъ. Къ счастію Европы къ этому же времени относится и начало упадка Турціи. Со смертью Маріи Тюдоръ Англія дѣлается враждебною Испаніи; затѣмъ отдѣляется отъ Испаніи Голландія. Какъ только Западная Европа перестала опасаться Турецкаго нашествія, началась всеобщая, звѣрская, тридцатилѣтняя война. Только гроза Турецкаго нашествія удерживала Европу отъ всеобщей войны; эта гроза была гораздо сильнѣе и папскаго могущества, и еще болѣе безсильной, такъ называемой, системы политическаго равновѣсія. Европа сдѣлалась посмѣшищемъ Турокъ... Оригинальная черта Запада и состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ только внѣшній страхъ, насиліе, а все прочее считаетъ предразсудкомъ. Международное право, не имѣвшее принудительной силы, существовало только въ книгахъ. Изгнавъ послѣдніе остатки нравственности изъ обычаевъ, т. е. изъ жизни, цивилизація отвела мѣсто нравственности въ книгахъ; на дѣлѣ же Европа не знаетъ иной нравственности, кромѣ купеческой или утилитарной.

Возвышеніе Габсбургскаго дома объясняется необходимостью защиты отъ Турокъ; возвышеніе же Франціи, противницы Габсбурговъ, основывается на союзѣ съ Турками; на бѣдствіяхъ христіанъ, на постоянномъ возбужденіи Турокъ противъ нихъ основала Франція свое могущество. Когда Европа перестала страшиться Турціи, произошло раздѣленіе бывшихъ защитниковъ Европы отъ Турокъ и начались войны за наслѣдства Испанскаго престола, послѣ Карловицкаго мира, и за Австрійское. Австрія и Испанія ликвидируются, какъ ненужныя, что было бы невозможно въ пору Османскаго могущества; свѣтскій интересъ къ концу XVIII вѣка вытѣсняетъ религіозный, и Европа, которая не могла соединиться для борьбы съ Турціей, весьма легко соединяется для ея защиты или, что то-же, для сохраненія ея власти надъ славянами; въ этомъ соединеніи выражается согласіе всего Запада не допустить вліянія Россіи.

Со времени войны за Австрійское наслѣдство вліяніе въ Германіи постепенно переходитъ на сѣверъ, изъ Вѣны въ Берлинъ. Усиленіе Пруссіи

доказываетъ ослабленіе Турціи. Вѣна могла служить для обороны; Берлинъ можетъ начать наступленіе, употребляя для этой цѣли Австрію и обезпечивъ себя со стороны Франціи и Россіи. Точно также и Россіи и Франціи нужно обезпеченіе со стороны Германіи для дѣйствія на Константинополь.

Въ перспективѣ—кровопролитнѣйшая война, результатомъ коей гораздо вѣроятнѣе всеобщее истощеніе, чѣмъ обладаніе которою либо изъ сторонъ Константинополемъ. На благоразуміе трудно разсчитывать; нуженъ высшій интересъ для объединенія, или общее бѣдствіе, для борьбы съ коимъ только и можно надѣяться на соединеніе. И быть можетъ, ничтожный жучекъ, какое-либо микроскопическое насѣкомое и будетъ тѣмъ бѣдствіемъ, которое соединитъ всѣхъ.

Несмотря на раздѣленіе церквей, несмотря на то, что не думали о дѣйствіи по общему плану, событія обнаруживаютъ какъ бы общій замыселъ, исполняемый всѣмъ христіанствомъ. Въ то время, когда Россія углубляется въ степи, умиротворяетъ кочевыя племена, Западъ Европы, начиная съ конца XV вѣка, обходитъ магометанство съ моря. Тѣснимое съ двухъ сторонъ, оно, конечно, сдалось бы, было бы обезоружено; къ сожалѣнію Западъ не понималъ значенія своего собственнаго дѣла, и потому въ настоящее время окруженною оказалась Россія, народъ земледѣльческій, слѣдовательно, по преимуществу мирный, а не магометанство. Западъ, употребляя Исламизмъ какъ орудіе, силится нанести ударъ Славянству, которое своею грудью защищало тотъ же Западъ; и какъ только будетъ разбита эта грудь, Исламизмъ, не опасаясь болѣе Россіи, сброситъ съ себя оковы Запада и подчинитъ себѣ Англійскія владѣнія въ Индіи, т. е. поставитъ міръ въ statusquo ante XVI или даже ante IX вѣкъ; затѣмъ по трупу Россіи Исламизмъ шагнетъ къ самому Западу; свѣтскій милитаризмъ Германіи при первой встрѣчѣ съ религіознымъ милитаризмомъ Ислама, быть можетъ, одержитъ надъ нимъ блестящую побѣду; но только война этимъ не кончится, нужно будетъ сдѣлать выборъ или ежегодно подвергаться нападеніямъ, и тогда раннія воспоминанія Запада, связанныя съ именемъ Атиллы, изъ прошедшаго сдѣлаются настоящимъ, тогда Западъ узнаетъ, что Атиллы еще живы; или же должно будетъ снова начать ту работу умиротворенія кочевниковъ, которую Россія совершала въ теченіи всей своей тысячелѣтней исторіи...

Вотъ что значитъ единство человѣчества!

Европа считаетъ своимъ врагомъ Россію; но какъ только этотъ врагъ, эти мнимые Туранцы, (мы, впрочемъ, не пренебрегаемъ и этимъ родствомъ), погибнутъ, Европа увидитъ у себя въ гостяхъ истинныхъ Туранцевъ. Уже ли тысячелѣтняя работа, когда она приходитъ уже къ концу, когда наши линіи подходятъ почти къ Индійскому Кавказу, когда намъ стоитъ лишь протянуть руку Англіи, чтобы было завершено христіанское кольцо, охватываюшее Исламизмъ, (не для наказанія этой преступной шайки, вносящей всюду войну, а лишь для обезоруженія ея и обращенія къ земледѣлію), ужели эта работа будетъ уничтожена нравственною близорукостью Запада.

Но если эта катастрофа дѣйствительно постигнетъ Европу, какъ отнесется къ ней Америка? Останется ли она тогда, не признавая нравственной солидарности и общаго дѣла человѣчества, равнодушною зрительницею катастрофы стараго отцовскаго свѣта, или же и она приметъ участіе въ дѣлежѣ Россіи, захвативъ напримѣръ Камчатку? а можетъ быть не сдѣлаетъ ли она диверсіи въ пользу Славянства противъ торговой монополіи Англіи, находящейся въ союзѣ съ Исламизмомъ?..

Ударъ, нанесенный христіанству взятіемъ Константинополя (Примѣч. 50 е), прорывомъ самого центра, оказалъ, повидимому, на Западъ такое дѣйствіе, что онъ отрекся отъ христіанства, въ лицѣ высшихъ сословій, даже и въ мысли, (Примѣч. 51-е), что выразилось въ измѣненіи самой жизни, сдѣлавшейся по преимуществу городскою; падая все ниже и ниже, подъ видомъ просвѣщенія Западъ проповѣдывалъ совершенный обскурантизмъ и фатализмъ; потому что нельзя же назвать просвѣщеніемъ одно лишь признаніе, или сознаніе всей природы слѣпою матеріею, а себя—частью этой матеріи, невольнымъ ея порожденіемъ, если это сознаніе не ведетъ къ дѣйствію, дающему направленіе слѣпой силѣ, согласное съ разумомъ и съ родственнымъ сыновнимъ чувствомъ! Дѣлаясь болѣе и болѣе антихристіанскимъ по жизни, Западъ становился такимъ же и въ мысли, и такимъ лишь одностороннимъ образомъ разрѣшилъ то противорѣчіе, которое раздирало Константинополь, сдѣлало судьбу его столь трагическою. Въ первыхъ философіяхъ послѣ эпохи Возрожденія еще полагается въ основѣ міра и его развитія—мысль, разумъ, или Богъ и его промыслъ; въ послѣднихъ же (особенно новѣйшихъ) господствуетъ уже одна только слѣпая сила, и въ этомъ, какъ оно ни странно покажется, Западъ возвращается къ христіанству, ибо въ мірѣ, дѣйствительно, слѣпая сила (по сознанію вѣрующихъ «міръ во злѣ лежитъ»), потому что онъ оставленъ своей слѣпотѣ, а человѣкъ своей похоти. Но это оставленіе входитъ въ планъ Провидѣнія (а съ этимъ легко могутъ согласиться и невѣрующіе, какъ изъ дальнѣйшаго будетъ видно) или, точнѣе, въ планъ искупленія, такъ какъ внесеніемъ свѣта въ царство природы (ада, т. е. тьмы и смерти), подчиненіемъ его волѣ и долгу воскрешенія, иначе сказать, обращеніемъ этого царства въ свѣтлый, свободный міръ, т. е. уничтоженіемъ обскурантизма и фатализма, и выражается усвоеніе человѣкомъ искупленія, усвоеніе не отдѣльными только лицами, а всѣмъ родомъ человѣческимъ въ совокупности. По истинѣ изумительное явленіе: Западъ намѣренно удалялся отъ христіанства, но этимъ самымъ къ нему приблизился, и чѣмъ дальше стремится онъ уйти отъ христіанства, тѣмъ ближе онъ къ нему подходитъ! Философія (западно-европейская) хотя была мыслью, выводомъ европейскаго человѣка, но кругозоръ послѣдняго не ограничивался Европою и посредствомъ обходныхъ движеній обнималъ болѣе и болѣе весь міръ; всюду искали средствъ для опроверженія христіанства, а между тѣмъ приближались къ истинному христіанству. Обходныя движенія были вовсе не открытіемъ Новаго Свѣта, какъ это казалось въ началѣ,—Вѣды, Авеста, Шу-

кингъ были открытіемъ древнѣйшихъ временъ, и въ жизни дикарей открылся до-историческій міръ. Вѣды и Авеста расширили родство Европейскаго человѣка; онъ вынужденъ былъ поминать умершихъ, хотя и избралъ своимъ девизомъ „memento vivere!“; всюду онъ находилъ могилы, вездѣ находилъ культъ мертвыхъ, т. е. умершихъ отцовъ. Поминовеніе становилось всемірнымъ, онъ уже приближался къ христіанству, хотя не въ этомъ только было приближеніе! Самые крайніе матеріалисты—натуралисты, могутъ предварить въ Царствіи Божіемъ оставшихся вѣрными принципамъ папизма и протестантизма. Отрицая безсмертіе, т. е. доказывая, что мысль есть продуктъ матеріи, слѣдовательно праха, они не догадываются, что какъ только это было бы доказано, т. е. какъ только мы сумѣли бы привести этотъ прахъ въ такое состояніе, чтобы онъ произвелъ мысль, мы были бы безсмертны. Далѣе, доказывая, что міръ есть слѣпой механизмъ, а человѣкъ единственное разумное существо, что міръ не боги дѣлали, что онъ не есть что либо чудесное, а нѣчто весьма простое, механическое, которое для своего созданія не нуждалось въ сверхъестественномъ, таинственномъ могуществѣ Божіемъ, не вытекаетъ ли отсюда естественно заключеніе, что механизмъ можетъ быть орудіемъ разума? Наконецъ, отвергая цѣлесообразность, не наводятъ-ли они насъ на мысль, что въ этомъ отсутствіи цѣлесообразности лежитъ глубокій планъ, сдѣлать человѣка орудіемъ внесенія ея. Они, конечно, могутъ остановиться, не принимать естественныхъ выводовъ изъ своихъ посылокъ, какъ бы могъ остановиться и Магелланъ, или его спутники, въ кругосвѣтномъ плаваніи, если бы имъ пришла дикая мысль не давать доказательства шарообразности земли. Но возможна ли такая остановка? Кромѣ того, скептицизмъ и критицизмъ, подрывая основы знанія, обративъ въ развалины все міровоззрѣніе человѣчества, утверждая, такъ сказать, что мысль можетъ только мыслить, представлять, а не видѣть и осязать, т. е. что она не имѣетъ доказательной силы, ни права придавать своей мысли, своему представленію дѣйствительности, объективности, тѣмъ самымъ требуетъ, чтобы образъ міра, человѣчества, возстановляемый въ области мысли, былъ возстановленъ въ дѣйствительности; иначе это будетъ только фантазія, которою хотятъ удовлетворить потребность человѣка въ безсмертіи. Подобнымъ образомъ «Критика практическаго разума» возстановляетъ разрушенное критикою разума умозрительнаго, т. е. только теоретически, только мысленно, мнимо; иначе сказать, человѣку, остающемуся въ прежней зависимости отъ слѣпой силы природы, остающемуся несвободнымъ, предоставляютъ мыслить себя свободнымъ. Можетъ онъ также и умершихъ представлять себѣ живыми, существующими, т. е. вѣрить въ ихъ безсмертіе, хотя не можетъ ни видѣть ихъ, ни находиться съ ними даже и въ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Точно также человѣкъ можетъ мыслить ссвершенство, Бога существующимъ, хотя въ наличной дѣйствительности, насколько намъ ее даетъ опытъ, совершенства человѣкъ находить не можетъ. Вопреки опыту, показывающему только измѣняющееся, исчезающее, человѣкъ

можетъ, конечно, мыслить въ себѣ и другихъ что-то неизмѣнное, безсмертное, но въ этой мысли выражается собственное желаніе, управляя измѣняющимся, исчезающимъ, возстановить исчезнувшее. Итакъ скептицизмъ и критицизмъ, уничтоживъ вѣру въ дѣйствительное существованіе совершенства, безсмертія, свободы, но не имѣя силъ уничтожить въ человѣкѣ потребность всего этого, тѣмъ самымъ заставляетъ, такъ сказать, человѣка поставить все это своею цѣлью, своимъ проектомъ.

Россія, вступая въ союзъ съ протестантскою и свободомыслящею Европою, съ которою только союзъ и былъ для насъ возможенъ, усвоивала по преимуществу критицизмъ; но вѣра и критика могутъ найти свое примиреніе только въ проектѣ, такъ какъ для проекта безсмертіе хотя и не фактъ, какъ для вѣры, но также и не мысль, какъ для критики; въ проектѣ безсмертіе является предположеніемъ, осуществляемымъ въ воскрешеніи. Нѣкоторыя попытки превращенія мыслимаго въ проектъ уже появляются, хотя и не у насъ, гдѣ бы всего, казалось, естественнѣе имъ явиться. Такъ, прежде полагалось, что въ основѣ всѣхъ обществъ лежатъ контракты; теперь же принимается это за цѣль: прежде признавалась за человѣкомъ свобода воли; въ настоящее же время ставится человѣку цѣлью достиженіе этой свободы. Въ возможной же полнотѣ содержаніе этого проекта можетъ быть выражено въ ученіи о Троицѣ, какъ образцѣ для человѣчества, и въ ученіи объ искупленіи, только не отвлеченномъ, а конкретномъ, т. е. въ ученіи о всеобщемъ воскрешеніи или возсозданіи. Уже протестантизмъ отнесся къ ученію о Троицѣ съ недовѣріемъ, не находя въ писаніи самого слова «Троица»; философія же, даже догматическая, совсѣмъ не хотѣла признавать этого ученія, допуская только единство (деизмъ); но отрицали это ученіе только какъ догматъ, какъ теорію, а не какъ образецъ. Тоже самое было и съ ученіемъ о воскресеніи: сначала оно замѣнилось безсмертіемъ души, т. е. признавали кромѣ міра, доступнаго чувствамъ, еще иной міръ, чувствамъ недоступный, трансцендентный; но критицизмъ призналъ трансцендетнымъ міромъ (такъ сказать, внѣ-мірнымъ), только субъективное, мысленное существованіе. На самомъ же дѣлѣ безсмертіе не можетъ быть признано **ни субъективнымъ** только, **ни объективнымъ:** оно **проективно**. Міръ, каковъ онъ въ настоящемъ, какимъ онъ данъ намъ въ опытѣ, но въ опытѣ, такъ сказать, пассивномъ, есть только совокупность средствъ для осуществленія того міра, который данъ намъ въ мысли, въ представленіи, и который мы представляемъ себѣ существующимъ внѣ чувственнаго міра; но это осуществленіе или возсозданіе должно быть имманентнымъ; оно не выступаетъ изъ предѣловъ доступнаго человѣку, изъ предѣловъ активнаго опыта, ибо и смерть не выступаетъ изъ предѣловъ опыта, иначе злу, смерти, разрушенію пришлось бы придать значеніе безусловнаго.

Проектъ, имѣющій своимъ содержаніемъ ученіе о Троицѣ, какъ образцѣ, заключающее въ себѣ и ученіе о воскрешеніи, будетъ состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) Предметъ дѣйствія, т. е. земной шаръ въ его от-

ношеніи къ солнцу, и, вообще, природа; 2) Способъ дѣйствія, т. е. различныя профессіи, и особенно земледѣліе, превращаемыя въ опытъ, въ изслѣдующія дѣйствія, и 3) Согласованіе этихъ дѣйствій, направленныхъ къ общей цѣли, т. е. центръ.

Результатомъ дѣйствія, направленнаго на одинъ общій предметъ, будетъ умиротвореніе, подобно тому, какъ всякое общее предпріятіе примиряетъ, какъ способствовали водворенію мира въ Европѣ крестовые походы, указывая всѣмъ общую цѣль, а также и удаляя безпокойные элементы; подобно тому какъ Европа изъ феодальной превратилась въ монархическую, усобицы или мелкія войны между вассалами—въ войны междугосударственныя. Когда Западная Европа проходила Эллинскую стадію развитія, то, находя въ себѣ подобіе Эллады, она исполнилась сочувствія къ этой странѣ; это-то сочувствіе и было причиною освобожденія Греціи. Когда Европейская мысль въ своей языческой стадіи развитія разрушала Византійскія ученія о Троицѣ, какъ теоріи, и о воскрешеніи, какъ трансцендентномъ, то, конечно, сочувствія къ Византіи не могло быть; но когда та же Европейская мысль сознаетъ недостатокъ «теоретичности», происшедшей вслѣдствіе выдѣленія изъ массы человѣчества, изъ народа особаго соловія, узурпировавшаго, захватившаго въ исключительное достояніе разумъ, а все прочее обратившаго въ «темный людъ», когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ понято, что разумъ, находясь въ рукахъ одного класса, теряетъ доказательную силу, ибо мысль доказывается только дѣйствіемъ, опытомъ всѣхъ (мыслить не значитъ доказывать, доказывать значитъ мысленное сдѣлать видимымъ), когда почувствуютъ все зло, которое заключается въ розни умственной и практической и сознаютъ необходимость центра дѣйствія,—тогда Византійскіе догматы, разрушенные въ теоріи, возстанутъ въ проектѣ, тогда Константинополь озарится новымъ свѣтомъ, сдѣлается привлекательнымъ, тогда забудется его теологическое высокомѣріе и совершится освобожденіе, при чемъ оно можетъ быть даже мирнымъ. (Примѣч. 52-е). Но чѣмъ же научное высокомѣріе отличается отъ теологической гордости, богословская нетерпимость отъ нетерпимости ученыхъ? Чтобы избавиться отъ спѣси нужно и кабинетнымъ опытамъ не придавать полной доказательности. Вѣкъ критики и революціи (послѣдняя была вѣдь только приложеніемъ къ жизни первой, т. е. критика была мысль, а революція—дѣйствіе), иначе время теоретическаго и практическаго разрушенія, придетъ тогда къ концу. Критика привела знаніе къ субъективизму, т. е. къ личному мнѣнію, а революція уничтожила общую цѣль, открывъ свободу для личнаго произвола, для личныхъ цѣлей, ибо идеаломъ государства стала наибольшая свобода мысли, свобода личнаго дѣйствія.

Изъ всего изложеннаго очевидно, что всѣ стремленія человѣческія сходятся въ два центра, изъ которыхъ одинъ Константинополь, а другой Индія, центръ соблазна, искушенія, который привелъ, однако, къ Памиру, центру искупленія (Примѣч. 53-е); эти-то стремленія и вызвали какъ улучшеніе существовавшихъ уже путей сообщенія, такъ и открытіе новыхъ. Но

улучшенные пути сообщенія, хотя и вели людей къ сближенію, однако же лишь къ чисто внѣшнему, которое было поводомъ къ новымъ между ними столкновеніямъ.

Итакъ безсознательная дѣятельность, вырабатывая средства къ достиженію воскрешенія, направляетъ ихъ на разрушеніе, къ которому міръ идетъ и самъ по себѣ; что міръ идетъ къ своему концу, это принимается и вѣрующими, къ тому же заключенію приходитъ и наука, которая всю классификацію міровъ, или звѣздъ, основываетъ на степени ихъ близости къ концу, опредѣляя ихъ возрастъ спектральнымъ анализомъ. На основаніи такой классификаціи нашъ солнечный міръ вышелъ уже изъ возраста юности, не принадлежитъ къ звѣздамъ 1-го типа, но не дошелъ еще и до такой степени охлажденія и угасанія, какъ міры 3-го класса.

Если хотя въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ и зачалось сознаніе (что, однако, весьма сомнительно), то оно не сдѣлалось правящимъ, возстановляющимъ разумомъ этого міра, потому, конечно, что сознающія существа ограничились созданіемъ подобій, кабинетными опытами (экспериментальная наука), скоротали свой вѣкъ въ усобицахъ, въ интригахъ земскихъ, конституціонныхъ (политика, общественное дѣло), и другихъ всякаго рода, или въ праздномъ созерцаніи (философія), а между тѣмъ силы этого міра разсѣевались, угасали. И наше солнце, хотя и медленно, но меркнетъ, и мы въ правѣ сказать не только, что настанетъ часъ, когда оно совсѣмъ не дастъ свѣта, но что это уже настаетъ «и нынѣ есть». Угасаніе звѣздъ (внезапное или медленное) представляетъ для насъ поучительный примѣръ, грозное предостереженіе; истощеніе же земли, истребленіе лѣсовъ, извращеніе метеорическаго процесса, проявляющееся въ наводненіяхъ и засухахъ, все это свидѣтельствуетъ, что будутъ «глади и пагуби» и побуждаетъ насъ не оставлять тщетными всѣ эти предостереженія. Но кромѣ своего медленно, постепено наступающаго конца, мы не можемъ быть увѣренными, что землю, эту песчинку вселенной,—не постигнетъ какая-либо внезапная катасрофа... (А между тѣмъ земля, быть можетъ, единственная носительница спасенія міра, а прочіе милліоны міровъ только неудачныя попытки природы)... Не слышится ли въ этомъ грозное—«не вѣсте ни дня, ни часа», и не должно ли это побуждать насъ къ еще большему бодрствованію и труду, чтобы выйти изъ этой мучительной неизвѣстности? Итакъ, міръ идетъ къ концу, а человѣкъ своею дѣятельностью даже способствуетъ приближенію конца, ибо цивилизація, эксплоатирующая, но не возстановляющая, не можетъ имѣть иного результата, кромѣ ускоренія конца.

Во главѣ этой цивилизаціи стоитъ Англія, которая силится всѣ народы, и въ особенности Россію, обратить въ чернорабочихъ, въ орудіе для эксплуатаціи земли, стремится принудить ихъ добывать сырые продукты, которымъ Англія придаетъ лишь красивую внѣшность и соблазняетъ ими ту же деревенщину, глушь, которая сама же и добыла ихъ. (Что такое цивилизація, т. е. Западная Европа, Англія въ особенности, какъ не экс-

плуатація природы руками чернорабочихъ народовъ, какъ Россія, напримѣръ, при помощи фальсификацій, т. е. фабрично-мануфактурной обработки, красивой по внѣшности и гнилой, непрочной по сущности; при чемъ эта эксплуатація поддерживается, въ случаѣ сопротивленія принимать предлагаемую гниль, новоусовершенствованными орудіями, Армстронговыми, напримѣръ, пушками). Выраженіемъ этой цивилизаціи являются: 1) привязанность къ мануфактурнымъ игрушкамъ, которая и произвела весь современный индустріализмъ, и 2) личная свобода, или возможно меньшее стѣсненіе въ забавахъ этими игрушками. Естественно вытекающая изъ этихъ двухъ склонностей и стремленій, ожесточенная борьба признается законною и даже нравственною, т. е. разрѣшается вредить другъ другу съ сохраненіемъ лишь юридическихъ приличій. Заповѣдью цивилизаціи становится борьба; это уже не «любите другъ друга»,—а нѣчто другое, противоположное. Цивилизація пришла къ тому, что все предсказанное, какъ бѣдствіе при началѣ конца (Матѳ. 24, 7 и проч.), подъ видомъ революціи, конкуренціи, оппозиціи, полемики и, вообще, борьбы, стало считаться условіемъ прогресса, (все это и есть условіе, но только не прогресса, а слѣпого развитія). Тѣ, кои стараются убѣдить, что человѣчество само собою идетъ къ прогрессу, истинные губители человѣка. Если человѣчество и шло до сихъ поръ ко всеобщему воскрешенію безсознательно, то достигнуть его такимъ путемъ оно не можетъ. Въ теоріи, въ мысли цивилизованное общество даже превзошло предсказаніе, потому что всякое поддержаніе слабыхъ, больныхъ, всякая помощь угнетеннымъ, хотя бы то были цѣлые народы, должно считаться вреднымъ, какъ усиленіе слабости; если основатель трансформизма выражалъ сочувствіе угнетеннымъ Турками Болгарамъ, то это свидѣтельствуетъ лишь, что онъ несравненно выше и лучше своей теоріи, по которой Болгары, если не могутъ выдержать борьбы, должны погибнуть, быть замѣщенными Турками, баши-бузуками, которые сильнѣе, слѣдовательно, лучше ихъ. Вообще порицаніе, осужденіе, «хула» есть начало премудрости для современной цивилизаціи. Возстаніе сыновъ противъ отцовъ дѣлается основою общественнаго устройства («щенята во чревѣ щенницы брехаху» по выраженію одного апокрифа); и наша молодежь, сама того не сознавая, становится орудіемъ разрушающихъ общество элементовъ. (Безсознательность такого дѣйствія не уменьшается, не смотря на то, что сама эта молодежь провозглашаетъ, что дѣло ихъ есть дѣло разрушенія, что они плюютъ и на небо, и на землю и проч. т. подобное). Наконецъ небытіе въ ученіяхъ пессимистовъ поставляется какъ высшая цѣль человѣчеству; въ этомъ отношеніи пессимисты сближаются съ ученіями дальняго Востока; Буддійское ученіе изъ трансцендентнаго превращается въ имманентное: уже написано что-то въ родѣ проекта всеобщаго самоуничтоженія, т. е. какъ будто природа чрезъ человѣка, въ лицѣ его, хочетъ сама себя уничтожить, лишить бытія. Какъ иначе назвать этотъ проектъ уничтоженія, если не покушеніемъ на самоубійство, вызваннымъ такою скорбію, для которой Господь обѣщалъ «сократить дни».

Итакъ Западъ приходитъ къ тому, къ чему давно уже пришелъ дальній Востокъ. Но признавая жизнь зломъ, скорбью, пессимизмъ осуждаетъ собственно (самъ того не сознавая и даже восхваляя безсознательное) слѣпой прогрессъ (въ смыслѣ развитія) природы и исторіи; онъ осуждаетъ природу, какъ потокъ уносящую жизнь чувствующихъ существъ; осуждаетъ науку, какъ сословное только знаніе, какъ мысленное лишь возстановленіе, какъ иллюзію; осуждаетъ искусство, какъ недѣйствительное воспроизведеніе жизни; пессимизмъ осуждаетъ и общество какъ имѣющее въ основѣ невѣжество и слѣпоту, выраженіемъ которыхъ можетъ быть только борьба и угнетеніе, ибо тамъ только, гдѣ нѣтъ ни субординаціи, ни раздѣленія, гдѣ нѣтъ ни сліянія, ни отчужденія, только въ такомъ обществѣ нѣтъ тьмы, невѣжества, слѣпоты, тамъ невозможна и скрытность, т. е. въ обществѣ по образу Троицы, Тріединаго Бога. Пессимизмъ, понятый такъ, осуждаетъ, слѣдовательно, антихристіанство. Пессимизмъ и Буддизмъ, какъ сознаніе и осужденіе зла во всей его полнотѣ, являются не антихристомъ, а предтечею явленія христіанства въ силѣ и дѣйствіи. Родина Буддизма—Индія, страна эпидемій, гдѣ часто уже одно прикосновеніе, всякаго рода общеніе между людьми смертоносно; страна зноя и влаги, гдѣ жизнь течетъ съ такой быстротою, что непрочность становится очевидною, разрушеніе дѣлается видимымъ, яснымъ, гдѣ,—говорятъ,—даже благородные металлы, какъ серебро, ржавѣютъ; гдѣ все необычайно быстро покрывается плѣсенью, которая принимаетъ роскошныя формы (растительность); гдѣ борьба, взаимное истребленіе въ средѣ животной жизни, самая ожесточенная, гдѣ болѣзни, эта своего рода флора и фауна, принимаютъ также колоссальные размѣры, гдѣ юность соприкасается со старостію,—только въ такой странѣ и могла явиться извѣстная легенда о Буддѣ и ученіе, признающее жизнь зломъ, а небытіе благомъ, т. е. осуждая жизнь за зло, въ ней заключающееся, оно теряетъ надежду предъ силою этого зла, впадаетъ въ отчаяніе. Христіанство, благая вѣсть, тогда только получитъ тамъ признаніе, будетъ принято, когда явится съ орудіями блага, съ орудіями знанія, регулирующими зной, влагу и все, что ими производится.

Итакъ, въ настоящее время мы видимъ, что человѣчество дѣятельностью своею безъ общаго плана приведено въ слѣдующее положеніе: Новоязычество (цивилизація, Примѣч. 54-е) и новоіудейство (исламизмъ, который осуществилъ идеалъ царя-завоевателя, мессію, по понятіямъ Евреевъ), имѣя во главѣ Англію и угнетая дальній Востокъ, исповѣдующій, благодаря крайнимъ бѣдствіямъ (естественнымъ и общественнымъ), доведеннымъ въ послѣднее время европейскою цивилизаціею до высшей степени, крайній пессимизмъ,—возстали противъ Россіи, которая только въ задаткахъ носитъ проектъ воскрешенія.

Задатки эти, которые нами считаются условіями дальнѣйшаго движенія, другими же могутъ считаться только нисшими формами жизни, суть: 1. Родовой бытъ, въ которомъ потерявшіе отца ставятъ себѣ власть въ отца—мѣсто, а себя называютъ сиротами, какъ и называли себя кресть-

яне въ отношеніи къ помѣщикамъ и властямъ. 2. Община, а) при которой не можетъ быть вражды между отцами и дѣтьми; б) въ которой лежитъ зародышъ ученія о круговой, такъ сказать, порукѣ въ общемъ, а не личномъ только спасеніи, в) которая не допускаетъ такихъ улучшеній въ земледѣліи, при коихъ получается наибольшій доходъ, но способна на улучшенія, обезпечивающія наиболѣе вѣрный урожай, т. е. она стремится къ удовлетворенію лишь дѣйствительныхъ потребностей, къ прочному обезпеченію существованія, а не къ роскоши, прочное же обезпеченіе существованія въ послѣднемъ результатѣ есть безсмертіе. 3. Земледѣльческій бытъ (земля чернаго хлѣба, грубой поскони и прочнаго льна), допускающій, благодаря климату и обычаю, мануфактурную промышленность только какъ побочный, зимній промыселъ, при коемъ утонченность немыслима, пока, конечно, земледѣльцы не впадутъ въ фабричное искушеніе (которому, къ сожалѣнію, оказывается покровительство) и не измѣнятъ землѣ. (У насъ нѣтъ привязанности къ ремеслу, нѣтъ ремесленной или цеховой гордости, и это указываетъ на возможность полнаго освобожденія отъ идолопоклонства). 4. Безсословность, т. е. типомъ нашего государственнаго устройства служитъ, очевидно, не организмъ, а какой-то иной образецъ. 5. Государство служилое, въ основу котораго было положено самоотверженіе, имѣющее цѣлью не благосостояніе сочленовъ, а службу; ибо ему некогда было заботиться о благосостояніи, ему почти непрерывно приходилось спасать самое существованіе государства; оно было поставлено въ такое положеніе, что постоянно должно было жертвовать собою за весь міръ и особенно за Западную Европу. Самое крѣпостное право, распространявшееся на всѣ чины государства, (такъ какъ всѣ были призваны къ обязательной службѣ), было тою же всемірною жертвою. Самою важною ошибкою нашей новой исторіи должно быть признано освобожденіе отъ службы (или, что тоже, отъ долга) вмѣсто облагороженія ея, вмѣсто возведенія ея въ служеніе, въ дѣло священное. Отрекаться отъ службы, дѣлать ее достояніемъ только немногихъ, безнаказанно нельзя. Не обязательная служба, а вольности дворянства дѣйствовали разрушительно и привели къ самодурству, создали лишнихъ людей, разочарованныхъ и т. д. 6. Государство не признающихъ за собою правъ, а сознающихъ себя виноватыми; отсюда вытекаетъ необходимость повиновенія, повинности; при болѣе же глубокомъ сознаніи чувство виновности отожествляется съ первородною виною, съ первороднымъ грѣхомъ. 7. Способъ распространенія государства при помощи сторожевыхъ линій, какъ это было объяснено выше. 8. Географическое положеніе Россіи: а) по широтѣ Россія соотвѣтствуетъ такимъ высотамъ, (представляя земной шаръ какъ два полушарія, какъ двѣ горы, соединенныя подошвами, при чемъ линія соединенія подошвъ, соотвѣтствуетъ экватору, а вершины полюсамъ), какъ напр.: С. Бернардскій монастырь на Альпахъ, куда могло влечь только самоотверженіе, а не исканіе наслажденія; б) гладь, равнина, не приковывающая взора своею красотою къ землѣ (природа для насъ не картина и изъ сѣраго неба мы не могли сдѣлать

себѣ идола); в) просторъ, который не могъ развить упорства во внутренней борьбѣ, но развивалъ удаль, могущую имѣть и иное приложеніе, а не одну борьбу съ кочевниками; г) континентальное положеніе, т. е. глушь, окаймленная полуостровами и островами, бойкими мѣстами, изъ которыхъ бойчѣе всѣхъ Англія, такъ что, если бы нужно было однимъ словомъ опредѣлить наши границы, можно было бы сказать, что мы окружены Англіею, которой всѣ наши сосѣди служатъ какъ бы орудіями; д) ближайшая сухопутная дорога въ Индію (путь изъ Варягъ въ Индусы), къ богатствамъ которой нашъ первый путешественникъ, Аѳанасій Никитинъ, выказалъ такое равнодушіе и даже не нашелъ въ средѣ этихъ богатствъ товаровъ, годныхъ для насъ; и въ противоположность этому — пятисотъ-лѣтняя принадлежность къ Константинопольскому приходу, прекратившаяся лишь съ паденіемъ Константинополя, связь незримая, чисто духовная, налагающая на Россію обязанность возстановить свой приходскій центръ, свою, если можно такъ выразиться, приходскую церковь. е) Климатъ, которымъ природа какъ бы закаляетъ человѣка, подвергая его то тропическому жару, то полярному холоду; и этимъ она приготовляетъ его къ выполненію какой-то цѣли. Тотъ же климатъ и просторъ сдѣлали эту патріархальную страну, лежащую подъ полюсомъ, по сужденію Наполеона, доступною только три или четыре мѣсяца въ году, и не доступною ни съ тыла ни съ фланговъ. „La cause du siecle etait gagnée, la revolution accomplie“, если бы послѣдній походъ Наполеона (1812 г.) былъ удаченъ, т. е. дѣло отеческое погибло-бы и сама земная планета, создавшая въ Русской котловинѣ для своего самосохраненія крѣпость противъ промышленной эксплоатаціи, утратила бы надежду на возстановленіе. 9. Собираніе земель, въ которомъ прошла вся жизнь Россіи, и стало ея функціею, такимъ отправленіемъ, безъ котораго она перестала бы существовать. Это собираніе, хотя и было выниманіемъ душъ изъ удѣловъ, но сами удѣлы ознаменовали себя усобицами и гибелью отеческаго дѣла, а потому и души ихъ не были чистыми; самое сознаніе перваго собиранія, какъ обездушенія, указываетъ на другое собираніе, хотя и не сознанное. 10. Наконецъ, отсутствіе всякихъ сдѣлокъ, конкордатовъ между духовнымъ и свѣтскимъ. Духовное, подавленное, какъ сословное, должно проявиться во всемъ и во всѣхъ, сдѣлаться всеобщимъ.

Всѣ вышеисчисленные задатки указываютъ, что въ нашей жизни не можетъ быть противоположенія человѣческаго божественному, что въ ней есть возможность и способность сдѣлаться орудіемъ божественнаго плана; и при этомъ мы должны сказать, что всѣ эти задатки не составляютъ нашихъ какихъ-либо преимуществъ; постъ нашъ занятъ не по свободному выбору и потому мы не можемъ гордиться ни нашимъ великодушіемъ, ни уступчивостью, ни нашимъ самоотверженіемъ; мы заняли этотъ аскетическій постъ, эту уединенную глушь, не раздѣляемую никакими горами, ни интересами, свойственными бойкимъ мѣстамъ, этотъ необозримый просторъ, исключавшій вражду за обладаніе землями, эту беззащитную котловину, или крѣпость, со всѣхъ сторонъ замкнутую, какъ съ суши, такъ и съ мо-

ря, и ворота которой не въ нашихъ рукахъ, что дѣлало необходимымъ внутреннее сплоченіе, объединеніе противъ внѣшнихъ опасностей, этотъ постъ мы заняли, потому что были сюда вытѣснены враждебными между собою и согласными только во враждѣ къ намъ островитянами и полуостровитянами. Такимъ образомъ, благодаря только насилію и нашему вслѣдствіе того, уединенному положенію, мы сохранили и общину, и, отчасти, родовой бытъ; благодаря лишь тысячелѣтнему застою, въ которомъ мы принуждены были оставаться, свойства первобытныхъ дикихъ обществъ, чрезъ которыя проходили всѣ народы, сдѣлались нашимъ характеромъ; благодаря этому же застою для насъ стали чужды и свойства высоко (?) развитыхъ юридико-экономическихъ порядковъ, которые всю природу, эту отчину человѣчества, обратили въ доходную статью (утилитаризмъ), а братство замѣнили юридическою сдѣлкою, за которой и сами не могутъ признать правды. Такъ создался нашъ характеръ, отличающій насъ отъ другихъ народовъ, дающій намъ какъ свою физіономію, такъ и тяжелую миссію въ общемъ дѣлѣ, отличную отъ задачъ другихъ народовъ.

Особенности нашего характера доказываютъ лишь то, что и Славянское племя не составляетъ исключенія въ средѣ народовъ, что и оно также не похоже на другіе народы, какъ Евреи не были похожи на Грековъ, а Греки на Римлянъ. Какъ Романское племя рѣзко отличается отъ Нѣмецкаго, такъ и Славянское племя рѣшительно не имѣетъ права претендовать на исключительное положеніе,—оставаться всегда безцвѣтнымъ, ничего не внести во всемірную исторію, хотя такое положеніе было бы гораздо легче, несравненно покойнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, чего бы легче, чего бы покойнѣе принять уже существующее, уже выработанное: нѣмецкій ли то характеръ или французскій, романское воззрѣніе или Германское? Допуская различія между народностями, мы вовсе не хотимъ сказать, что между нами существуютъ такія различія, какъ между «видами животныхъ», какъ это думаютъ тѣ, которые, подобно Дарвину, берутъ образцы для человѣка въ животномъ царствѣ, хотя и считаютъ себя противниками Дарвина. Для такихъ ученій дороги лишь различія, лишь свойства, ведущія ко враждѣ; имъ чужды и даже противны чаянія народовъ такого состоянія, когда волкъ будетъ пастись съ ягненкомъ, когда славянинъ станетъ нѣмцу братомъ.

Различіе Французовъ, какъ представителей Романскаго племени, отъ Нѣмцевъ, какъ представителей Германскаго, можно видѣть изъ ихъ воззрѣній на капитальнѣйшіе вопросы о происхожденіи языка, общества, религіи и проч. Такъ, по понятіямъ Французовъ, условились называть вещи тѣми или другими именами и языкъ былъ созданъ; религію выдумали жрецы; государство было основано на договорѣ. Нѣмцы отнеслись критически къ французскимъ объясненіямъ: что по французскимъ воззрѣніямъ дѣлалось, то, по нѣмецкимъ теоріямъ, раждалось. У кабинетныхъ ученыхъ Германіи даже всѣ дѣятели обратились въ миѳы; Ликурги, Нумы, Гомеры, законодатели, поэты, проповѣдники религій исчезли, давъ мѣсто классамъ, сосло-

віямъ, поколѣніямъ, народамъ; дѣятельность, приписывавшаяся одному лицу, возложена на цѣлый народъ, который однако также состоитъ изъ лицъ. Идеалъ раціональнаго объясненія заключался въ устраненіи разума; объясненіе состояло въ томъ, чтобы представить явленіе само собою рождающимся, а не создаваемымъ разумною волею. Для касты, занятой исключительно мышленіемъ, созданіе, участіе въ дѣйствіи разума, не могло быть понятно, оно и было изгнано отвсюду, начиная съ природы и кончая человѣческою дѣятельностью. Ясно, что вопросъ остается открытымъ; ни французское fiunt, ни нѣмецкое nascuntur ничего не объяснили; не будетъ объясненія и въ томъ случаѣ, если французскій договоръ будетъ перенесенъ въ будущее (станетъ идеаломъ), какъ это дѣлаютъ новѣйшіе французы, сбитые съ позиціи нѣмецкою критикою. Такъ какъ договоръ со всѣми его исправленіями („Justice reparative"—Revue des deux mondes 1880, 2-me livraison), по отношенію къ прошедшимъ поколѣніямъ не будетъ выраженіемъ даже полной правды, то и осуществленіе общества по такому контракту не будетъ объясненіемъ прошедшаго, не будетъ полнымъ его знаніемъ. Justice reparative очевидно силится достигнуть христіанскаго искупленія, но сама себя ограничиваетъ предѣлами произвольно на себя наложенной возможности, (въ объясненіе которой даже и не входитъ, считая ее доказанною), а въ концѣ концовъ устраиваетъ послѣдній судъ, хотя и не страшный; это будетъ судъ взаимный, потому что каждый, какъ потерпѣлъ отъ несправедливости другихъ и можетъ потребовать съ нихъ за это вознагражденіе, такъ и причинилъ несправедливость другимъ, которыхъ долженъ вознаградить. Нельзя не замѣтить, что правда, ограничиваемая возможностью, есть отрицаніе всякой правды, всякой нравственности.

Итакъ если вѣрно, что и Славянское племя не составляетъ исключенія въ средѣ народовъ, то и оно не можетъ быть изъято отъ обязанности потрудиться для рѣшенія вѣковѣчнаго вопроса; вкладомъ въ разрѣшеніе его со стороны Славянскаго племени будетъ, впрочемъ, лишь отрицаніе какъ своего права, такъ и права какого бы то ни было народа, или даже цѣлаго поколѣнія хотя бы и всѣхъ народовъ вмѣстѣ, останавливаться на одномъ только мысленномъ разрѣшеніи этого вопроса. Одно мышленіе можетъ произвести только мысль, догадку, предположеніе; искусственный же кабинетный опытъ можетъ показать происхожденіе лишь того, что онъ производитъ; происхожденіе же всего можетъ быть доказано лишь полнымъ воспроизведеніемъ, возстановленіемъ всего исчезнувшаго, погибшаго, т. е. когда fiunt расширится до nascuntur и это возстановленіе, будучи доказательствомъ долга, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ полнымъ выраженіемъ его безъ всякихъ сдѣлокъ съ возможностью.

Выраженіе надеждъ на собственное наше оживленіе и на соединеніе въ общемъ дѣлѣ, т. е. въ общемъ тяглѣ, съ Романскимъ и Германскимъ племенемъ, какъ начало объединенія всего міра. Область естествознанія, понимаемаго не въ смыслѣ случайныхъ приложеній къ мануфактурной промышленности, но прилагаемаго во всей совокупно-

сти къ разрѣшенію вопроса о хлѣбѣ и винѣ,—есть область, въ которой должно произойти соединеніе всѣхъ народовъ въ общемъ дѣлѣ.

Если подумаемъ о всѣхъ этихъ задаткахъ, которые таятся въ русскомъ народѣ, задаткахъ еще несознанныхъ, спящихъ такъ сказать, а съ другой стороны, если представимъ себѣ размноженіе повсюду ученыхъ обществъ, библіотекъ, музеевъ, школъ, учебныхъ заведеній, словомъ, органовъ сознанія, то нельзя не признать, что все это не даетъ никакого результата, благодаря лишь полному разъединенію, полнѣйшему отсутствію цѣли. Вопросъ—къ чему? ослабляетъ, парализуетъ всякое дѣйствіе. Хотѣлось бы вѣрить, что немногое нужно для того, чтобы эти спящія задатки были сознаны, пробудились, чтобы проснулся народъ русскій и двинулся къ великой цѣли. Самый Западъ, отрекшійся отъ вѣры, отъ воскрешенія (впрочемъ лишь транцендентнаго, какъ объ этомъ и было сказано), по самой крайности, односторонности своего развитія чувствуетъ потребность обновленія. Крайнее развитіе личности, раздѣленіе занятій, приведшее людей къ совершенной внутренней разобщенности, заставляетъ и Западъ обращаться съ надеждою къ тѣмъ странамъ, гдѣ сохранилась еще община, общинный бытъ. Нѣчто подобное замѣчается и въ религіозной жизни; католицизмъ и протестантизмъ одинаково чувствуютъ свои недостатки, и нѣкоторые изъ католиковъ и протестантовъ съ надеждою обращаются къ Востоку, ожидая свѣта оттуда. (По мнѣнію Запада христіанство возвысило только личность; очевидно, въ этомъ случаѣ Западъ смотрѣлъ односторонне, потому что въ самомъ главномъ догматѣ христіанства, въ догматѣ о Тріединомъ Богѣ, не только придается высокое значеніе личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ установляется и глубочайшее единство между личностями). Кризисы всякаго рода, философскій, религіозный, соціальный, приводятъ Западъ къ предчувствію, если не къ сознанію, что выработанная имъ цивилизація не заключаетъ въ себѣ спасенія. Итакъ даже здѣсь, повидимому, вопросъ о возстановленіи, послѣ революціонно-критическихъ разрушеній, становится на очередь. Крайности, къ которымъ пришелъ Западъ, вслѣдствіе односторонности своего развитія, могутъ вызвать этотъ вопросъ, какъ реакцію, и могутъ произвести соединеніе Запада съ нами. Оно можетъ произойти въ той области знанія, въ которой нельзя не видѣть перехода къ воскресенію, какъ дѣйствію (какъ знаніе оно было не далеко отъ мысли о воскресеніи). Вопросъ о положеніи земли въ небесномъ пространствѣ, о незначительности величины ея, о звѣздахъ (планетахъ), какъ о подобныхъ землѣ тѣлахъ, изслѣдованіе между-планетныхъ и междузвѣздныхъ пространствъ и т. п., если все это и не привело человѣка къ сознанію его истинной цѣли, къ сознанію, что не земля только, но и весь міръ, требуетъ внесенія въ него цѣлесообразности, что весь онъ долженъ стать поприщемъ дѣятельности человѣка,—если все это еще не сознано и и не совершилось, то благодаря лишь тому, что и мысль, и дѣятельность отдѣлились одна отъ другой и воплотились, такъ сказать, въ особыя сословія. Вслѣдствіе этого даже та система, которая отвергла центральное

положеніе земли и вмѣстѣ съ тѣмъ признала въ землѣ такое же небесное тѣло, какъ и другія, могла быть идеализирована и превращена въ цѣлесообразное зданіе, мистическою силою тяготѣнія управляемое, т. е. въ храмъ; человѣку же остается только удивляться, поклоняться и воспѣвать оды этому космосу. Бэконъ идеализировалъ даже само это отдѣленіе мысли отъ дѣятельности; въ его «Атлантидѣ» наука есть достояніе только общества мудрыхъ, т. е. экспериментаторовъ, наблюдателей, производящихъ свои опыты въ подземельяхъ, въ воздушныхъ пространствахъ и проч., дѣлающихъ разныя открытія, но не въ видахъ обезпеченія бытія сосущественно, консубстанціально природѣ, а въ видахъ избавленія лишь отъ страданій и увеличенія наслажденій. Поставивъ такія цѣли наукѣ, Бэконъ первый положилъ начало порабощенію ея торгово-промышленному классу. Вслѣдствіе этого и химія, стремясь къ открытію превращенія (т. е. пресуществленія) неорганическаго въ органическое, растительнаго въ животныя вещества, ограничивала свои изысканія, изслѣдованія, открытія тѣмъ, что возможно было достигнуть путемъ лабораторнымъ; даже такія важныя изслѣдованія, какъ изслѣдованія надъ дѣйствіемъ органической пыли, зародышей, процессовъ окисленія, броженія, гніенія не могли поднять человѣка до мысли о консубстанціальномъ природѣ обезпеченіи бытія всѣмъ. Хотя физіологическія и всякаго рода изслѣдованія и ставили вопросы о жизни и смерти, и Западу иногда даже казалось, что ключъ отъ жизни уже въ его рукахъ, (какъ это было, напримѣръ, при открытіи гальванизма), тѣмъ не менѣе даже сама мысль о такомъ обладаніи не производила въ людяхъ стремленія къ тому, чтобы знаніе было приложено къ обезпеченію бытія всѣмъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что поставившіе на своемъ знамени «братство» утратили въ дѣйствительности братскія чувства и оказались въ необходимости во всемъ вращаться въ удивительныхъ противорѣчіяхъ. .

Ни одно, быть можетъ, открытіе не вызвало такихъ надеждъ, какъ Франклиново, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не наносилось такого удара язычеству, какъ въ то время, когда Западъ самъ началъ поклоняться языческимъ богамъ, т. е. силамъ природы, въ которыхъ стали видѣть все. Франклинъ, если и не занялъ Зевсовъ тронъ, то указалъ къ нему путь. Если желаютъ доказать отсутствіе разумныхъ силъ природы, то могутъ достигнуть этого однимъ путемъ,—поставивъ собственный разумъ, разумную волю на мѣсто слѣпой силы. Если бы Франклинъ хотѣлъ доказать, что нѣтъ громовержца, распоряжающагося громами, то долженъ былъ бы найти способъ самому управлять ими; что онъ и сдѣлалъ отчасти, но только отчасти, и не нашелъ подражателей, развѣ только въ проектахъ, о которыхъ и будетъ сказано. Пока этого не сдѣлано вполнѣ, нѣтъ доказательствъ, что природа—слѣпая сила, а не разумная; когда же это будетъ сдѣлано, то уже не будетъ слѣпой силы. Шарль открылъ дорогу въ надъальпійскія пространства, (Примѣч. 55-е), но Гермесъ, покровитель торговли и промышленности, Афродита, покровительница модъ, успѣли спасти

Зевса, указавъ западному человѣку иное назначеніе. Впрочемъ, занятіе такими предметами, какъ напр. регулированіе метеорическими явленіями, а не предсказаніе лишь ихъ, какъ это дѣлается въ настоящее время, могло бы быть полезно только мужикамъ пахарямъ, а не мастеровому Западу.

Дальній Западъ—Америка, въ которой недостатки ближняго Запада, Европы, (каковы напр. отрицаніе 5-й заповѣди, конкуренція, спекуляція), доведены до высшей степени, уже по этому самому можетъ предупредить соединеніе нашихъ сосѣдей съ тѣми, кои сохранили еще традиціи христіанства и завѣтъ отцовъ въ своемъ родовомъ и общинномъ быту. Дальній Востокъ (Китай, у коего 5-я заповѣдь лежитъ въ основѣ всего строя жизни, гдѣ важныя заслуги кого-либо вознаграждаются возведеніемъ въ его достоинство не потомковъ, а предковъ, и Индія, страждущая отъ голода-вслѣдствіе разрушенія у нея общины) не составляетъ что либо чуждое намъ; ибо для тѣхъ, кои не до конца еще развращены юридико-экономическими началами, по коимъ всѣ люди другъ другу чужіе и братства нѣтъ, для тѣхъ, напротивъ, все родное и нѣтъ между племенами чуждыхъ, а потому и нѣтъ нужды въ какихъ либо контрактахъ, такъ какъ братство, вооруженное знаніемъ, исключаетъ необходимость въ сдѣлкахъ, которыя могутъ быть сильны лишь подъ угрозою внѣшняго принужденія Многострадальный край, эксплуатируемый Западомъ, когда почувствуетъ облегченіе, не будетъ считать уничтоженіе, небытіе—благомъ и измѣнитъ нирвану на воскрешеніе.

Примѣчанія.

1. Памиръ—могила праотца, по народнымъ преданіямъ, болѣе стойкимъ, чѣмъ выводы ученыхъ, постоянно мѣняющіеся.

2. Это совершенствованіе, (прогрессъ), вопреки воли и намѣренія человѣческаго совершающееся, не показываетъ-ли, что за слѣпою силою стоитъ разумная воля, а человѣкъ дѣйствуетъ слѣпо, вопреки своей разумной природѣ, не противясь слѣпому влеченію, слѣпой силѣ природы, и несогласно съ внѣмірнымъ Разумомъ.

3. Въ оракулѣ Дельфійскомъ, произнесшемъ безчеловѣчное «познай самого себя» (т. е. знай только себя), христіане справедливо видѣли голосъ, дѣйствіе, діавола, а въ демонѣ Сократа—чорта. Такова же и жалкая эгоистическая Августино-Декартовская передѣлка—«сознаю, ergo существую» (существую только, а не живу еще). Въ дѣйствительности сознаніе не можетъ быть чистымъ, отвлеченнымъ, а соединено съ признаніемъ недовольства или довольства, при чемъ первое является результатомъ утраты. **Сознаніе себя** не можетъ быть отдѣлено отъ **признанія другихъ**: въ сознаніи рожденныхъ (сыновъ) заключается признаніе родителей; въ признаніи этой первой причины заключается признаніе и послѣдней,—**Бога Отца.**

4. Воскресшу Тебѣ, Господи, можно сказать, началось служеніе (а не поклоненіе или почитаніе) Тріединому Богу, началось собираніе, братотвореніе чрезъ усыновленіе для воскрешенія. Усыновленіе и есть нисхожденіе души въ могилу предковъ, спогребеніе.

5. Относительно невѣрующихъ желательно, чтобы они имѣли наибольшее сомнѣніе, т. е. такое, которое могло бы удовлетвориться только полнымъ, дѣйствительнымъ возстановленіемъ и было бы побужденіемъ къ труду доказательства.

6. Только иконопись и обрядъ могутъ служить грамотою для неграмотныхъ, а потому въ исторіи для неученыхъ иконопись и обрядъ имѣютъ такое же преимущественное значеніе, какъ и въ православіи, которое есть истинно-народная религія, почему оно и не отдѣляетъ догмата отъ обряда, какъ не отдѣляетъ слова отъ дѣла.

7. Нужно думать, что первоначально у умершихъ руки складывались крестообразно. Черепъ (голова) и руки, т. е. мысль и дѣло, или органъ мысли, знанія, и орудія дѣла.

8. Но отъ страшнаго до смѣшного одинъ шагъ! Очень можетъ быть что одна изъ армій, заслышавъ лишь издали выстрѣлы, подъ вліяніемъ страха истребительности новаго оружія (а мнѣніе, слава истребительности далеко превосходитъ дѣйствительный вредъ, приносимый этимъ оружіемъ) обратится въ бѣгство, а другая, у которой хватитъ мужества не бѣжать отъ перваго залпа, и останется побѣдителемъ. Мужество же у нынѣшняго женоподобнаго, женопоклоннаго общества умаляется, исчезаетъ съ каждымъ днемъ. Не нужно забывать, что война франко-прусская, война съ усовершенствованнымъ оружіемъ, благодаря упадку мужества, далеко не была такъ кровопролитна, какъ войны Наполеона 1-го.

9. Исторія—синодикъ, не только оплакивающій умершихъ, но и сознающій самихъ себя виновниками смерти. Исторія есть Великій Канонъ—раскаяніе во грѣхѣ, но не личномъ, а общемъ. На вопросъ: «откуда начну плакати окаяннаго житія нашего»,—нужно отвѣтить: отъ самаго рожденія, которое было началомъ смерти родителей.

10. Не отказываясь ни отъ одного изъ благъ настоящей жизни, ученое сословіе представляетъ себя самоотверженно-отрекающимся отъ будущей жизни, признавая, что тогда не будетъ пользованія матеріальными благами въ ущербъ другимъ. Ученое сословіе, придумавшее альтруизмъ, конечно, не для себя, а для другихъ, тѣмъ легче можетъ надѣяться на осуществленіе альтруизма для большинства,—(альтруизмъ для всѣхъ—логическая нелѣпость),—ибо стоитъ только нынѣшнему большинству принять добровольно то, что оно принимаетъ въ настоящее время вынужденно, и наступитъ это вожделенное состояніе, когда большинство изъ страсти къ альтруизму будетъ просить ученое меньшинство оставаться эгоистами, чтобы неученые могли быть альтруистами; и ученое сословіе, конечно, низойдетъ до ихъ просьбы и благородно откажется отъ альтруизма, ради большинства пожертвуетъ имъ.

11. И не политическая лишь экономія, но и вся наука вообще есть наука о войнѣ, ибо для Дарвина и его послѣдователей, что такое наука, какъ не знаніе о борьбѣ, а для Гегеля и его послѣдователей сама логика, по коей міръ творится и движется исторія, есть изображеніе войнъ между отвлеченными понятіями, ибо всякое понятіе, всякій тезисъ имѣетъ своего врага въ антитезисѣ, и хотя послѣ долгой борьбы они мирятся въ синтезѣ, но лишь для того, чтобы начать новую борьбу съ новымъ антитезисомъ, отъ него родившимся. Хотя ученое сословіе изъято изъ воинской повинности, а между тѣмъ вся наука есть военная по предмету (борьба) и по способу развитія; только наука о воскрешеніи, или о возстановленіи родителей, есть не военная наука.

12. Однажды Будда встрѣтилъ семью, изъ мужа, жены и ребенка, довольствовавшуюся самою простою жизнью, полагавшую все свое счастье въ возможности, хотя и тяжкимъ трудомъ, удовлетворять лишь самыя первыя, самыя необходимыя свои потребности; всѣ они были сыты, одѣты, имѣли свой уголъ, были живы и здоровы, и это было все, что нужно было для ихъ счастья; и Будда преклонился предъ такою умѣренностью. Но черезъ нѣкоторое время является къ Буддѣ женщина; вся въ слезахъ, въ полномъ отчаяніи она объявляетъ Буддѣ, что ребенокъ ея умеръ, и проситъ помощи въ ея горѣ. Тогда Будда посылаетъ эту женщину разыскать двѣнадцать домовъ, въ которыхъ никто никогда не умиралъ, и принести изъ каждаго такого дома по кусочку хлѣба. Обнадеженная было женщина пошла разыскивать такіе дома, но затѣмъ возвратилась къ Буддѣ еще въ большемъ отчаяніи; она не нашла домовъ, въ которыхъ никто и никогда не умиралъ бы. Тогда Будда сказалъ женщинѣ, что она требуетъ невозможнаго, что всѣ умираютъ, слѣдовательно и ребенка ея постигло лишь то, что составляетъ удѣлъ всѣхъ и каждаго. И осудилъ Будда эту женщину за неумѣренность ея требованія, не замѣтивъ, что это была та же самая женщина, предъ умѣренностью требованій которой самъ же онъ преклонился; Будда не понялъ, что требованія этой женщины нисколько не измѣнились, и какъ въ то время, когда онъ преклонился предъ ней, такъ и въ то время, когда онъ осудилъ ее, женщина эта желала одного, чтобы близкіе ей были живы и здоровы;—Будда не замѣтилъ и не понялъ, что женщина осталась при прежнемъ своемъ требованіи, а онъ самъ былъ не послѣдователенъ. Не замѣтили этого и всѣ жизнеописатели Будды, разсказывая эти два случая изъ его жизни въ отдѣльности одинъ отъ другого, не сопоставляя ихъ, а между тѣмъ при сопоставленіи этихъ случаевъ открывается вся несостоятельность Буддизма.

13. Для праотца исторіи, т. е. для народа, культъ отцовъ и есть исторія. По библейскому сказанію «Ной собираетъ въ ковчегъ отъ всего живущаго»; по народному же сказанію (книга Адама) Ной, по повелѣнію Бога, взялъ съ собою тѣло Адама, подобно тому, какъ Евреи по выходѣ изъ Египта взяли останки Іосифа, подобно тому, какъ вообще переселенцы берутъ съ собою горсть земли съ могилъ. Культъ мертвыхъ состоитъ въ

представленіи ихъ живыми или, вѣрнѣе, въ оживленіи ихъ чрезъ сыновъ никогда не умирающимъ Отцомъ всѣхъ;—оживленіе это, конечно, не дѣйствительное, пока царствуетъ рознь и знаніе отдѣлено отъ дѣла. Истинная религія есть одна,—культъ предковъ, при томъ всемірный, культъ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца, неотдѣлимыхъ отъ неумирающаго (Святого, Крѣпкаго, Безсмертнаго) Бога Тріединаго, Отца, Сына и Св. Духа, въ Коемъ обожествлена неотдѣлимость сыновъ и дочерей.

Ограниченіе всемірности есть уже искаженіе религіи, свойственное не языческимъ только религіямъ, чтущимъ отцовъ или боговъ своего народа (языка), которые при соединеніи легко, впрочемъ, усваиваютъ боговъ чуждыхъ, но и тѣмъ христіанскимъ религіямъ, кои ограничиваютъ спасеніе только крещеными предками. Отдѣленіе нашихъ праотцевъ отъ Бога Тріединаго (въ коемъ, именно, обожествлена неотдѣлимость сыновъ и дочерей отъ отцовъ) есть также искаженіе, какъ и ограниченіе всемірности, какъ и поклоненіе слѣпымъ силамъ. Такое отдѣленіе свойственно протестантамъ, деистамъ, и, вообще, тѣмъ, Богъ коихъ не принимаетъ молитвъ сыновъ за отцовъ.

Нѣтъ другихъ религій кромѣ культа предковъ, всѣ же другіе культы суть только искаженіе (идоло-лятрія) или отрицаніе (идео-лятрія) истинной религіи; искаженіемъ религіи должно признать и ограниченіе всемірности культа предковъ (Еврейство). Обращать эти искаженія въ особыя религіи, —это значитъ допускать существованіе болѣе, чѣмъ одной религіи, т. е. это будетъ полнымъ отрицаніемъ религіи. Терпимость, говорящая, что всѣ религіи истинны, показываетъ полнѣйшее равнодушіе, т. е. признаетъ ненужность религіи. Возможно ли допустить культъ вещей, природы, которыя должны быть лишь средствами воскрешенія предковъ?..

Философія есть наибольшее искаженіе религіи, она произведеніе сословія, отдѣлившагося отъ народа, не желающаго знать нуждъ его, хотя и живущаго на счетъ народа, живущаго трудами рукъ тѣхъ, которыхъ сословіе это презираетъ.

14. Основаніе Халкидона и есть основаніе Константинополя; что теперь предмѣстіе, то было главнымъ городомъ. Халкидонъ былъ основанъ въ эпоху бронзоваго вѣка; самое названіе Халкидона, какъ и острова Халки, а также множество старинныхъ рудокопень доказываютъ, что основатели его не были слѣпы, выбравъ богатое мѣдью мѣсто для поселенія научившихся отъ Финикіянъ и кораблестроенію и вооруженію. По древнимъ преданіямъ Византія и Халкидонъ представляются союзниками: Халкидонъ помогаетъ Византіи въ борьбѣ съ Фракійцами. По смерти своего миѳическаго основателя Византія избираетъ Халкидонскаго вождя (Диніаса) своимъ правителемъ. Такимъ образомъ Византія и Халкидонъ въ первоначальномъ преданіи являются однимъ городомъ и вмѣстѣ основываютъ колоніи.

15. Евреи при нападеніи на Ханаанъ (при Іисусѣ Навинѣ) дали толчекъ Ханаанскому (Финикійскому) движенію; Греки же, отбросивъ Финикі-

янъ отъ проливовъ, дали этому движенію направленіе обходное. Потерявъ же самостоятельность, Евреи, при своемъ разсѣяніи, подготовили превращеніе Ханаанскаго и всего Семитическаго въ Магометанское объединеніе, замѣнившее Персидское (прямое движеніе), и въ союзѣ съ Туранскимъ, превзойдя въ объемѣ и самое Персидское, оно стало безпощаднымъ врагомъ хранителей памятниковъ.

Финикіяне, столь прославленные свѣтскою исторіею за распространеніе цивилизаціи (т. е. за «научите») и осужденные священною исторіею за развращеніе, весьма мало отличались по образу жизни отъ Евреевъ послѣ Вавилонскаго плѣна и особенно послѣ взятія Іерусалима Римлянами. Евреи были такимъ же странствующимъ народомъ въ древнемъ, какъ и въ христіанскомъ мірѣ; легенда Вѣчнаго Жида есть дѣйствительная исторія этого народа; земледѣліемъ, т. е. насчетъ природы, онъ жить уже не могъ, да и не хотѣлъ, а полюбилъ жить на счетъ другихъ, т. е. торговлею. Христіанство по заповѣди—«шедше» подвигалось по слѣдамъ Евреевъ, останавливалось въ ихъ колоніяхъ, имѣя въ виду примирить язычество и іудейство, но примирить ихъ оно хотѣло только въ мысли, въ духѣ, а потому и примиреніе вышло мнимое. Христіанство не предупредило борьбы между Евреями и Римлянами, какъ впослѣдствіи не предупредило образованія новаго вооруженнаго Іудейства-Ислама, и не предупредило потому, что не вошло въ жизнь, т. е. не признало тѣсной связи между кореннымъ догматомъ Троице-Воскресеніемъ и жизнью земледѣльческою. Жить земледѣліемъ значитъ жить на счетъ природы, а не на счетъ другихъ, т. е. въ земледѣльческомъ быту менѣе поводовъ къ враждѣ и болѣе поводовъ къ соединенію силъ для одного дѣйствія, чѣмъ въ жизни городской, если, конечно, земледѣліе не приняло еще промышленнаго характера и не сдѣлалось доходной статьей. Жить земледѣліемъ значитъ жить не только не на счетъ другихъ, а на счетъ природы, но и жить, обращая мертвое (прахъ) въ живое, какъ это дѣлаетъ земледѣліе, а не обращая живое (растенія и животныхъ) въ мертвый фабрикатъ... Впрочемъ, пока умъ человѣческій работаетъ преимущественно надъ обращеніемъ живого въ мертвое, придавая ему только видъ жизни, какъ это дѣлается въ мануфактурной промышленности и въ искусствѣ, до тѣхъ поръ и земледѣліе, покорное слѣпой силѣ природы, будетъ обращать прахъ предковъ не въ то, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ долженъ быть, по требованію нравственнаго закона и знанія, а въ продукты питанія, одежды и т. п.,—т. е. хотя и на утонченную, но все же антропофагію.. Христіанство превращаетъ естественнное,—отъ прироста населенія и уменьшенія средствъ жизни зависящее, движеніе въ образовательное (т. е. въ «научите»); но оно, конечно, не ограничивается педагогическимъ дѣйствіемъ, а имѣетъ главною цѣлью обратить этотъ избытокъ силъ вмѣсто рожденія на Воскрешеніе, это-то дѣйствіе и совершается «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

16. Когда Византія стала Царь-Градомъ, то и этотъ царь городовъ былъ вѣчнымъ мученикомъ и благодѣтелемъ, вознаграждавшимся за это

равнодушіемъ или завоеваніемъ, подъ видомъ пособія, какъ во время 4-го крестоваго похода, когда Франки, разграбивъ Константинополь, назвали себя самымъ великодушнымъ народомъ, а Грековъ самымъ коварнымъ. Эти подвиги назывались Gesta Dei per Francos; въ настоящее же время подобные подвиги называются Gesta ideae.

17. Подобно тому, какъ и въ наше время, та же Азія (Турки) нашла себѣ союзниковъ въ Европѣ, прежде всего въ лицѣ Французовъ, а потомъ Англичанъ и другихъ Европейскихъ народовъ, ибо измѣна, разъединеніе, иначе независимость личности, космополитизмъ, есть коренная черта Европы.

18. Съ Греческими походами также связана заповѣдь «научите», и это есть то ученіе, которое, позднѣе, христіане называли Эллинскою прелестью, Аѳинейскими плетеніями, а Европейцы называютъ свѣтлыми, гуманными и проч. воззрѣніями,—(это ученіе было наукою разъединенія, спора, діалектикою)... Что для насъ поэзія (поэмы Гомера), то для Грековъ была религія, и потому назвать Иліаду библіею Грековъ можетъ казаться только остроумною мыслью, а между тѣмъ это—вѣрная мысль. Гораздо ближе къ истинѣ считать язычниками Европейцевъ, восхищающихся поэзіею Грековъ, чѣмъ Гомера признавать поэтомъ въ нашемъ смыслѣ, думать, что и для древнихъ Грековъ онъ былъ только свѣтскимъ поэтомъ. По вѣрѣ Грековъ слѣдуетъ назвать Гомеріанцами. Религія Гомера, - это религія общаго предпріятія, также какъ и христіанство можетъ быть названо **Религіею Всеобщаго Предпріятія**. (Религія Гомера-религія **общаго предпріятія**, а религія Христа—**религія Всеобщаго предпріятія**, и если Ѳемистоклъ позволилъ себя бить, чтобы не разстроился союзъ спасенія отъ общаго врага, то Христосъ дозволилъ себя убить, лишить жизни, распять, чтобы состоялось соединеніе для возвращенія жизни всѣмъ ея лишившимся. Греческая религія была **языческая**, т. е. **народная**, а христіанская **всеязыческая, всенародная**). Греки позднѣйшихъ временъ, эпохи раздоровъ, не могли не обращаться съ любовью къ тому времени, когда и для нихъ было возможно еще общее предпріятіе. Религія Гомера нашла своего исполнителя, мессію не въ Греціи, а въ Македоніи. Римляне были продолжателями Македонскаго героя. Если и Римляне, считавшіе себя потомками Троянцевъ, чтили Гомера, то тутъ нѣтъ противорѣчія, ибо Гомеръ не былъ врагомъ Троянцевъ. Гомеръ радъ-бы былъ, если-бы видѣлъ «день Константина», когда Азіатскій, т. е. Троянскій берегъ, Иліонъ, въ лицѣ Халкидона сблизился съ Европейскимъ берегомъ, съ греческимъ станомъ въ лицѣ Византіи. Правда, тутъ не было еще дѣйствительнаго мира, а только превращеніе войны оружіемъ въ войну словесную; Троянскій походъ былъ только важнѣйшимъ актомъ въ общемъ, колонизаціонномъ движеніи Грековъ, происходившемъ подъ руководствомъ оракуловъ Пиѳій и Сивиллъ. Подобное же отношеніе представляетъ и Гомерическая поэзія къ религіозной поэзіи Пиѳій или Сивиллъ, а взятіе Трои было священнымъ событіемъ; не поэма Гомера прославила, сдѣлала извѣстнымъ мѣсто, напротивъ важность собы-

тія создала поэму, вызвала пѣснь. Взятіе Трои было также важно для древняго міра, какъ взятіе Константинополя для новаго; взятіемъ Трои Греки закрыли проливы для финикіянъ, заставили ихъ обратиться на Западъ и Югъ, и этимъ опредѣлили всѣ дальнѣйшія открытія, предъ собою же они открыли этимъ весь Востокъ; этимъ событіемъ начинается борьба Грековъ (т. е. Запада) съ Востокомъ. Но торжество Грековъ было далеко не полное; часть Троянцевъ удалилась на Западъ, откуда Греки и должны были ожидать мщенія. Конечно, сказаніе объ Энеѣ есть легенда, но не все въ ней легенда. Распространяясь на Западъ, Греки должны были встрѣтить народъ, который, сопротивляясь имъ, признаетъ въ себѣ назначеніе бороться съ ними, т. е. съ Гомеріанцами, разорителями Трои, народъ, который изъ борьбы съ Греками, сдѣлаетъ себѣ миссію, а въ Троянцахъ, изгнанныхъ Греками, признаетъ своихъ предковъ. Съ своей стороны и Греки признали въ Римлянахъ Троянцевъ въ самое первое столкновеніе съ ними. Пирръ, потомокъ Эака, придавалъ своимъ походамъ, по Павзанію, именно такое значеніе, а Римскій Сенатъ, впослѣдствіи, принялъ подъ свою защиту Акарнанцевъ на томъ основаніи, что они, единственные изъ Грековъ, не принимавшіе участія въ Троянскомъ разореніи. Даже въ позднѣйшее время, Магометъ II-й говорилъ: «мы не можемъ не удивляться и не скорбѣть о томъ, что противъ насъ ополчаются Итальянцы, тогда какъ затаенная любовь побуждаетъ насъ любить ихъ на томъ основаніи, что они и ихъ старшіе, и предки произошли отъ крови Троянцевъ, такъ какъ знаемъ, что прародители ихъ (Итальянцевъ) были дѣйствительно Антеноръ и Эней изъ крови Пріама, вмѣсто котораго, согласно обѣтованіямъ Бога нашего, досталось намъ владычество въ частяхъ Европы, которыми, какъ намъ извѣстно, владѣли отцы наши. И мы намѣрены даже возстановить великую Трою и отмстить за кровь Гектора и за разрушеніе Иліона подчиненіемъ Грековъ своей власти»... Была и другая теорія для объясненія происхожденія Римскаго государства, теорія Греческая, какъ у насъ Нормандская; у Гезіода Латинъ и Агрей сыновья Одиссея и Киркеи (Изіодъ, Ѳеогонія 1011—1015). Для нынѣшняго времени Христіанство стало поэзіею, т. е. прекраснымъ, но не истиннымъ. Такое отношеніе къ религіи лишаетъ наше время возможности понимать прошлое. Для нашего времени Гомеръ—поэтъ, тогда какъ для древнихъ Гомеръ быль не поэтомъ, а пророкомъ, поэмы его были не прекрасны только, онѣ были истиною для своего времени; и служба страстныхъ дней для нашего времени (т. е. для тѣхъ, въ коихъ есть еще вѣра) тоже самое, что для древнихъ были, напримѣръ, панаѳинеи, на которыхъ читались поэмы (т. е. дѣянія предковъ) Гомера;—пѣсни Гомера пробуждали любовь къ Эллинизму и вражду къ Востоку (находившемуся, въ глазахъ Грековъ, подъ покровительствомъ Афродиты и отчасти Зевса, не всегда вѣрнаго своей супругѣ), хотя въ самомъ Гомерѣ этой вражды и нѣтъ.

19. Изъ знающихъ Востокъ, одни думаютъ, что монголы не опасны, пока Россія и Китай будутъ въ силѣ, другіе же увѣряютъ, что «воинственная Монголія не воскреснетъ и нашествіе ордъ не угрожаетъ уже Евро-

пѣ». Но когда эти знатоки вмѣстѣ съ тѣмъ описываютъ Монголовъ, какъ искусныхъ, неутомимыхъ всадниковъ, и не только мужчинъ, но и женщинъ способными къ перенесенію всякихъ нуждъ и лишеній, когда описывая ихъ мужественныя игры, борьбу, любуются ихъ стальною мускулатурою, то невольно приходишь къ другому заключенію. Буддизмъ отучилъ будтобы монголовъ отъ охоты; но гораздо легче отучить людей отъ убійства животныхъ, чѣмъ отъ войны.

20. Очень многіе знаютъ имена Ахилла, Одиссея., но не многимъ извѣстенъ Протезилай. Если же смотрѣть на исторію съ точки зрѣнія борьбы Востока съ Западомъ, то имя Протезилая не можетъ быть обойдено молчаніемъ: это первая жертва войны Европы съ Азіей, онъ же первый ступилъ на Азіатскій берегъ, хотя и зналъ свою судьбу, ибо оракулъ предсказалъ ему смерть въ этомъ походѣ, и онъ, только что вступившій въ бракъ (съ Лаодаміею), тѣмъ не менѣе оставляетъ свою жену и идетъ исполнить свой долгъ. Сказаніе представляетъ его образцомъ общественныхъ и семейныхъ добродѣтелей, (и особенно семейныхъ или даже брачныхъ; боги по просьбѣ Лаодаміи возвращаютъ изъ Аида Протезилая на три часа, но Лаодамія уже не разстается съ нимъ, т. е. умираетъ), въ войнѣ, начавшейся за похищеніе женщинъ. Надъ тѣломъ его, перевезеннымъ на Европейскій берегъ, у мыса Сикея, лежащаго противъ Азіатскаго (Троянскаго), воздвигли погребальный холмъ. Городъ, построенный у этого погребальнаго холма, избралъ Протезилая своимъ богомъ покровителемъ. Христіанство не требуетъ отъ новаго міра отреченія отъ древняго, оно не отвергаетъ, а искупляетъ древнее: Протезилай и для новой Европы есть первая жертва борьбы въ исторіи, какъ синодикѣ.

21. Гегемонія есть вопросъ о томъ, кому вести Грековъ противъ Персовъ, кому быть главнокомандующимъ. Названія «Пелопонезской» войны, также какъ «Семилѣтней», не выражаютъ историческаго значенія ихъ. Въ спорахъ Ѳемистокла съ Эврибіадомъ начинается эта война. Благодаря близости врага, этотъ споръ имѣлъ благополучный исходъ. По удаленіи же врага, въ увлеченіи спора Греки забыли о цѣли его и Персы могли спокойно смотрѣть на безумную войну своихъ противниковъ. Персы могли торжествовать, когда скульпторъ Сократъ, бросивъ свое ремесло, сталъ философомъ, т. е. отъ обожанія идоловъ перешелъ къ обожанію идей, и это обожаніе въ его ученикѣ, Платонѣ, перешло въ идеолатрію, въ безумное отдѣленіе мысли отъ дѣла. Это любители мнимаго міра, внутренняго, безъ устраненія причинъ вражды во внѣшнемъ мірѣ. Идеолатрія,—это особый видъ опьяненія. Противъ этихъ Восточниковъ и отчасти Персофиловъ выступилъ наставникъ Александра Аристотель изъ Македонскаго захолустья Стагиры. Споръ о командованіи кончился тѣмъ, что оно досталось не Грекамъ, а людямъ болѣе ихъ достойнымъ, или болѣе сильнымъ; точно также наслѣдство Александра досталось не діадохамъ, ни эпигонамъ, а тѣмъ, которые исполнили планъ Александра на Западѣ. Дѣло Александра Македонскаго не было окончено; и хотя планы его на завоеваніе Запада

также апокрифичны, какъ и завѣщаніе Петра Великаго, тѣмъ не менѣе эти планы вѣрно выражаютъ историческій ходъ. Римляне закончили дѣло Александра на Западѣ и перенесли столицу въ Византію, родственникомъ основателя которой, Визаса, легенда и дѣлаетъ Александра.

Александрійскія сивиллы и палестинскіе апокалипсисы.

Разрушивъ Тиръ, жители котораго оставались вѣрны Персамъ, овладѣвъ Палестиною, обитатели коей вѣрности Персамъ не сохранили, Александръ основалъ новый торговый центръ, куда переселились въ значительномъ числѣ и Евреи, какъ переселялись они и въ Антіохію, позднѣе основанную и также имѣвшую торговое значеніе, и въ другіе города. Александрія замѣнила Тиръ, а Евреи замѣнили Финикіянъ во Всемірномъ Индійскомъ торгѣ. Завладѣвъ языческимъ міромъ экономически, Евреи пожелали завладѣть имъ и умственно, что для Евреевъ составляло существенную необходимость, ибо экономическое преобладаніе не могло не превратить религіозныхъ различій въ непримиримую вражду, какъ это и случилось. Но попытка овладѣть сердцемъ и умомъ язычниковъ, не отказываясь отъ торговыхъ притѣсненій, не могла, конечно, имѣть большого успѣха, не смотря на всю изворотливость семитическаго ума, пріобрѣтенную вѣковой торговой практикой, несмотря на то, что Евреи не стѣснялись въ этомъ дѣлѣ никакими нравственными сдержками. Эта попытка вызвала борьбу, и на борьбу, открывшуюся между Евреями и язычниками, должно смотрѣть, какъ на новую фазу восточнаго вопроса, какъ всемірнаго; то была борьба востока съ западомъ, въ которой Евреи были представителями перваго, или Семитическихъ преданій, измѣненныхъ подъ Персидскимъ вліяніемъ (а Семиты и Персы составляли всю тогдашнюю Азію), Греки же и затѣмъ Римляне были представителями Запада. Евреи, не страшась никакихъ поддѣлокъ, сдѣлали орудіемъ, посредствомъ коего надѣялись подчинить своему религіозному вліянію Западъ, всю древнюю Греческую литературу, начиная отъ миѳическихъ Лина и Орфея, которыхъ они заставили проповѣдывать монотеизмъ, дѣлая ихъ миссіонерами іудейскихъ вѣрованій, до лже-Пиѳагора, лже-Гераклита. Короче сказать, явилась цѣлая псевдо-эллинская литература; но въ особенности они воспользовались оракулами Сивиллъ, влагая въ ихъ устава угрозы языческому міру. Мы не знаемъ, заставляли ли Евреи своимъ экономическимъ вліяніемъ говорить также въ ихъ видахъ и существовавшіе въ то время оракулы, въ родѣ Аммона Ливійскаго, но въ пророчества старыхъ сивиллъ они не стѣснялись влагать нужныя имъ ученія, пророчества, увѣщанія. Это были что-то въ родѣ Палестинскихъ апокалипсисовъ, съ тою лишь разницею, что въ пророчествахъ сивиллъ не было той ненависти, того презрѣнія, какими отличались палестинскіе апокалипсисы; эти послѣдніе приписывались древнимъ пророкамъ и патріархамъ Еврейскимъ и были предназначены не для язычниковъ, а для утѣшенія

Израиля во время гоненій Антіоха Епифана, и всей борьбы Маккавеевъ съ Селевкидами, а также и въ то время, когда евреи ожидали пришествія многоглаваго звѣря изъ-за моря, т. е. Рима, управляемаго Сенатомъ. Но если бы цѣлью Евреевъ было не господство, а примиреніе, то безпристрастное изслѣдованіе открыло бы имъ гораздо большее сходство между ними и язычниками, чѣмъ всѣ возможныя поддѣлки; такое сходство и открывалось имъ въ преданіяхъ о потопѣ, (Девкаліонъ и Ной), о борьбѣ Титановъ и столпотвореніи Вавилонскомъ. Впрочемъ, были и примирительныя попытки, къ каковымъ можно причислить и Филоново ученіе о Логосѣ.

Періодъ попытокъ примиренія: Александрійское ученіе о Словѣ и Палестинское - о Мессіяхъ. Основаніе Музея.

Происхожденіе ученія о Логосѣ понятно, какъ попытка примиренія между язычниками и іудеями, поставленными завоеваніями Александра въ близкія между собою отношенія. Логосъ, по ученію Филона, представляется посредникомъ между Богомъ, какъ его понимали Евреи и особенно раввины того времени, т. е. Богомъ внѣмірнымъ, и міромъ, который обожали, въ видѣ многихъ боговъ, язычники, т. е. простой народъ, и въ видѣ одного существа, проникающаго, проявляющагося во всѣхъ явленіяхъ міра, природы, какъ представляли себѣ міръ языческіе философы, или вообще, интеллигентный классъ (пантеизмъ). Ученіе Филона о Логосѣ было ученіемъ философскимъ и потому могло имѣть примирительное значеніе лишь для послѣдняго класса; но примиреніе языческой интеллигенціи съ Евреями, если бы оно состоялось, свидѣтельствовало бы о разрывѣ интеллигенціи со своимъ народомъ, и потому состояться не могло, хотя, быть можетъ, и отвлекало нѣкоторыхъ отъ столкновеній съ Евреями, столь частыхъ въ Александріи.

Ученіе о Мессіи могло бы служить къ гораздо глубочайшему примиренію, потому что оно примирило бы весь народъ языческій съ Евреями, если бы только Евреи не представляли себѣ Мессію въ видѣ завоевателя, который долженъ былъ не только освободить ихъ, но и подчинить имъ всѣ народы, отмстить за всѣ бѣды, которыя претерпѣлъ Еврейскій народъ и въ которыхъ, однако, онъ самъ былъ неменьше другихъ виновенъ. Мессія—примиритель и явился въ христіанствѣ. И несмотря на всѣ усилія критики, повидимому, разрушавшей христіанство, она содѣйствуетъ только къ болѣе глубокому его возстановленію, потому что значеніе Христа, какъ примирителя, поколеблено быть не можетъ; - это фактъ, выразившійся принятіемъ крещенія, во имя Воскресшаго, какъ іудеями, такъ и язычниками. Самый фактъ распространенія христіанства доказываетъ несомнѣнность заповѣди—«шедше, научите всѣ языки», слѣдовательно, іудеевъ и язычниковъ; такимъ образомъ, этотъ самый фактъ неоспоримо свидѣтельствуетъ, что Христосъ былъ проповѣдникомъ мира. Но этотъ проповѣд-

никъ мира былъ казненъ, какъ то свидѣтельствуетъ языческій историкъ, іудеями и язычниками, Востокомъ и Западомъ, за то, что,—(что несомнѣнно,—**только казалось имъ**) онъ противъ тѣхъ и другихъ будтобы, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ за тѣхъ и за другихъ, за общее благо всѣхъ; но, хотя и казненный, онъ далъ эту заповѣдь примиренія, какъ воскресшій. И вотъ изъ проповѣдника отвлеченной нравственности, морали, относящейся къ частнымъ случаямъ, какимъ онъ является по источникамъ, признаваемымъ критикою противорѣчивыми и недостовѣрными, Онъ дѣлается рѣшителемъ всемірнаго, т. е. Восточнаго вопроса. Отрицая непосредственное происхожденіе Евангелія отъ учениковъ Христовыхъ, критика заставляетъ писать евангеліе по мѣрѣ того, какъ развиваются событія, какъ открывается вражда между языческими и іудейскими послѣдователями Христа, и оттого притча получаетъ всемірно-историческую назидательность; да и какой частный смыслъ могутъ имѣть притчи о царствіи Божьемъ?!.. Притчи эти могутъ имѣть смыслъ лишь для тѣхъ, кто отдался общему дѣлу, сталъ миссіонеромъ. Быть добрымъ человѣкомъ въ своемъ околодкѣ, это еще не значитъ быть христіаниномъ, хотя можно, и оставаясь въ своемъ околодкѣ, быть всемірнымъ дѣятелемъ; но недостаточно сказать, что это можно, нѣтъ! это должно! Царствіе Божіе есть большое дерево, весь міръ покрывающее своими вѣтвями, проникающее во всѣ захолустья: отъ сѣвера и юга, востока и запада придутъ и займутъ мѣсто за трапезою. Мы слышимъ притчи Христовы отъ послѣдователей Его, восточныхъ и западныхъ, и единственный критерій, по которому мы можемъ цѣнить ихъ христіанственность, критерій, стоящій выше всякой критики, который никакая критика никогда не поколеблетъ, это—отсутствіе вражды какъ къ той, такъ и къ другой сторонѣ и любовь къ обѣимъ. Но если евангельскія притчи и поученія относятся только къ извѣстному моменту борьбы и осады Іерусалима, то, скажутъ, что эта борьба, хотя и всемірна по пространству, (ибо въ каждомъ городѣ Римской имперіи былъ свой Іерусалимъ [т. е. Еврейскій кварталъ] и Евреи были распростанены даже и внѣ Римской имперіи, въ непринадлежащемъ Риму Востокѣ, откуда они хотѣли даже поставить самозванца, лже-Нерона), во всякомъ случаѣ эта борьба, а, слѣдовательно, и относящіяся къ ней притчи и поученія, не всемірны по времени. Однако, вопросъ борьбы Востока и Запада не только не кончился, а еще и расширился, проявился на сѣверѣ; потому и Христосъ продолжаетъ говорить чрезъ своихъ послѣдователей и, не уничтожая стараго, созидается новое Евангеліе. Евангеліе распространяется, глубже раскрывается; Евангеліе не закрытая, не законченная книга, вѣсть должна быть все радостнѣе и радостнѣе и никогда не должна переставать быть новою книгою. Наставленія апостоламъ, инструкціи миссіонерскія, должны ли оставаться все тѣми же?... Число апостоловъ у Луки увеличено 70-ю по числу признаваемыхъ тогда народовъ, какъ 12-ь соотвѣтствовали числу колѣнъ Еврейскаго народа. Евангеліе въ томъ смыслѣ вѣчно, что притчи, поученія, наставленія проявляются все въ новыхъ формахъ, по мѣрѣ того, какъ всемірный вопросъ,

т. е. восточный, вступаетъ въ новыя фазы; это-то раскрытіе безконечнаго содержанія жизни Примирителя, въ полномъ смыслѣ этого слова, и есть вѣчное Евангеліе. Евангеліе не имѣетъ границъ ни съ какой стороны и 70-ть апостоловъ могли бы или, вѣрнѣе, должны бы были обратиться въ 700, 800, словомъ, во столько, сколько языковъ. И это только одна сторона примиренія, примиреніе только со стороны языка; миссіонеровъ же нужно столько, сколько различныхъ должностей, профессій, которыя всѣ должны быть миссіонерскими, т. е. служить не своему прибытку, а общему благу. Какъ ни прекрасны Евангельскія повѣствованія, но они не могли изобразить Христа во всемъ Его величіи, ни передать всей глубины Его ученія; Іоаннъ свидѣтельствуетъ, говоря: «и самому міру не вмѣстить написанныхъ книгъ», если бы описать всю жизнь Его. Окончивъ такъ свое Евангеліе, онъ положилъ начало безконечному, вѣчному Евангелію, которое, занявъ центральное положеніе, какъ оракулъ въ древности, будетъ руководить, а отчасти и руководило даже, ходомъ всемірной исторіи. При самомъ открытіи шествія по заповѣди «научите», мы встрѣчаемъ въ проповѣдникахъ-учителяхъ отрицаніе самой способности знанія въ человѣкѣ, отрицаніе разума; такъ, по крайней мѣрѣ, поняли это позднѣйшіе толкователи канонической письменности, хотя и сами пользовались при этихъ толкованіяхъ тою же способностью, которой не давали мѣста въ христіанскомъ дѣлѣ. Можно, конечно, и такъ полагать, что, осуждая мудрость, которая дѣйствительно, была заносчива, опыта не признавала и оставаясь при мысленныхъ только средствахъ, дѣлу христіанскому служить не могла, каноническая письменность отвергала лишь гордое знаніе греческаго города. Во всякомъ случаѣ, однако, не видно, чтобы тогдашнее христіанство имѣло намѣреніе направить знаніе, обратившееся въ спекулятивную, умственную и нравственную заносчивость города, презиравшую природу (хотя она господствовала и надъ горожанами), не видно, чтобы христіанство имѣло намѣреніе направить знаніе къ селу для изученія господствующихъ надъ человѣкомъ естественныхъ силъ, заставляющихъ его служить матеріи. Потому то христіанство и дало лишь ограниченный смыслъ заповѣди «научите», потому-то оно и бичевало все, одаренное сильными умственными способностями, не указывая имъ дѣла, въ которомъ умственныя способности могли бы найти приложеніе; потому то и само христіанство, вмѣсто указанія дѣйствительныхъ способовъ къ освобожденію отъ зависимости отъ силъ небесныхъ и земныхъ (т. е. матеріи и природы), усвоило лишь гордый взглядъ на матерію и природу, уча, по ветхозавѣтному, не поклонятьсяничему, что на небѣ и на землѣ. Иногда же христіанство даже не признавало эти силы только бездушными, слѣпыми, какъ бы это слѣдовало, и считая ихъ за демоновъ, поступало уже совсѣмъ не по-христіански, а вмѣстѣ узаконяло и невѣжество. Іустинъ не вступилъ въ школу Платониковъ, потому что для этого требовалось знаніе геометріи; и это свидѣтельствуетъ, конечно, что геометрія не расширила смысла послѣдователей Платона настолько, чтобы не требовать отъ приходящихъ знанія геометріи, а

учить этому знанію. Христіанство было шире, оно не отказывало въ принятіи никому, оно приняло и Іустина; но Іустинъ, перейдя и въ христіанство, въ сущности не отказался отъ язычества, ибо вмѣсто полудобрыхъ боговъ, каковы языческіе, онъ призналъ совсѣмъ злыхъ, каковы демоны, въ которыхъ онъ вѣрилъ. Признавъ въ силахъ природы демоновъ, и въ этомъ оставаясь языческимъ, христіанство считало нужнымъ бороться съ ними, и въ этомъ было истиннымъ христіанствомъ; но боролось оно съ ними лишь знаками, символами, (какъ напримѣръ, крестное знаменіе), въ которыхъ признавало магическую силу. Нынѣшнее же христіанство, отвергнувъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ, демоновъ, этимъ возвратилось къ христіанству, но въ то же время оно признало господство надъ человѣкомъ естественныхъ силъ, и этимъ опять стало языческимъ.—Наставленія апостоламъ, составляющія главную часть Евангелія, чтобы не оставаться мертвыми, должны быть расширяемы, по мѣрѣ расширенія круга дѣйствія, а тогда расширится и самый смыслъ слова «научите», такъ что повсемѣстное основаніе обсерваторій и т. п. учрежденій будетъ способомъ этого «научите», войдетъ въ программу христіанскаго ученія.

Александрія основана именно въ то время, когда для Греціи и для всего востока наступила пора исторіи, время сдачи въ архивъ; потому Александрія и есть по преимуществу Музей (т. е. памятникъ Греціи и Востока и общество для изученія ихъ языка, литературы и проч.). Александрія тоже сдѣлала для философіи, что Константинополь для христіанства: изъ гонимой она сдѣлала ее покровительствуемою, изъ свободной зависимою. Аристотель былъ отцомъ Александрійскаго музея. Даже коментаторы Гомера, критики священной книги Грековъ, имѣли Аристотеля своимъ предшественникомъ, ибо Аристотель писалъ и критическія примѣчанія къ поэмамъ «божественнаго пѣвца». Теорія эпоса была результатомъ изученія тѣхъ же поэмъ. Основаніе Музея имѣло цѣлью примиреніе между Греческою и другими народностями Востока. Слово «Музей» постигла таже участь, какъ и слово церковь. Какъ подъ послѣднимъ сталъ разумѣться **храмъ**, такъ подъ первымъ «**хранилище**». Между тѣмъ, по Страбону, музей есть **соборъ** (синодъ) **ученыхъ**; по Филострату музей—египетская трапеза, къ коей приглашаются знаменитые люди всей земли. И еще въ Греціи, въ Аѳинахъ музеи имѣли значеніе школъ (схоли—досугъ, и потому наука и искусство у Грековъ были досужествомъ). Такъ Платонъ основалъ храмъ Музъ подлѣ Гимназіи, Академіи; можетъ быть именно потому Платонъ и построилъ храмъ дочерямъ памяти, что и самыя «**Идеи**» были воспоминаніями внѣмірнаго существованія. Идеи Аристотеля были также, можно сказать, воспоминаніями, только не внѣмірнаго существованія, а земного,—опыта, исторіи; а потому, если справедливо извѣстіе Плинія и Аѳенея, что Александръ издержалъ 800 талантовъ и назначилъ 1000 человѣкъ для сбора естественныхъ предметовъ, посылавшихся Аристотелю, то послѣдній не могъ не имѣть музея въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. хранилища. Нельзя не замѣтить, что если музей, какъ зданіе, хранилище, безъ ученаго

общества есть тѣло безъ души, то и школа безъ хранилища есть душа безъ тѣла, и этотъ музей былъ памятникомъ не внѣмірнаго существованія, а памятникомъ мірныхъ завоеваній его (Аристотелева) ученика, Македонскаго царя. Аристотель въ 1-й книгѣ Метафизики говоритъ, что память образуетъ опытъ. На миѳическомъ языкѣ это значило бы, что опытность есть дочь памяти, иначе сказать, рождается новая муза, муза опытныхъ наукъ. Птоломеи были преемниками Александра, а ученые музея—діадохами Аристотеля, какъ и изслѣдователи Гомера, двигатели ботаники и зоологіи, астрономіи,—пользовавшіеся походами и путешествіями.

22. Время отъ разоренія Иліона на Гелеспонтѣ до возстановленія его на Босфорѣ (Византія) есть время исканія центра (внѣшняго сосредоточія и внутренняго единства). Это и есть Древняя, но несовершенно прошедшая, а продолжающаяся исторія міра. Вавилонъ былъ лишь временною столицею Александра на Востокѣ, какъ и Римъ былъ переходною столицею Цезарей, (исполнившихъ планы Александра), на Западѣ. Центръ былъ найденъ Константиномъ и этотъ центръ сталъ могилою древняго міра, въ которую было собрано, по обычаю погребальному, все что любилъ и чѣмъ занимался умершій: и памятники искусства, и книги и пр. Внутреннее единство древній міръ нашелъ въ христіанствѣ; но христіанство въ К-полѣ стало лишь хранителемъ могилъ, (могилы и древняго міра), не переставая однако быть и собирателемъ, перенеся только собирательную дѣятельность, съ появленіемъ Ислама, на сѣверъ. Расхищеніе могилы древняго міра было началомъ возрожденія для Запада; Сѣверъ же сталъ наслѣдникомъ собиранія. Въ Константинополѣ, какъ центрѣ, сходятся и военногражданская власть стараго Рима, и Вѣстники воскресенія (духовенство), т. е. центръ дѣлается крѣпостію, а въ крѣпости воздвигается храмъ, и такимъ образомъ создается кремль. Но этотъ Кремль (Константинополь) можно назвать всемірно центральнымъ лишь въ проективномъ смыслѣ, ибо онъ больше былъ хранителемъ, чѣмъ исполнителемъ завѣщанія древняго міра. Лишь проективно онъ заключалъ въ себѣ средства спасенія, лишь проективно былъ Царь-градъ. Если бы осуществлено было завѣщаніе древняго міра относительно морскихъ открытій не въ торговомъ, а въ христіанскомъ смыслѣ, съ цѣлью примиренія, съ цѣлью избѣжанія вражды, то было бы предупреждено и столкновеніе Нѣмецкаго съ Славянскимъ племенемъ, если уже нельзя было предупредить, еще болѣе раннимъ открытіемъ морскихъ путей, столкновеніе Римлянъ съ Германцами; такъ какъ въ этомъ случаѣ каждое изъ этихъ племенъ имѣло бы свое обходное движеніе. Это значитъ, что на распространеніе Христіанства нужно было смотрѣть какъ на осуществленіе опредѣленно-историческаго дѣла, имѣющаго цѣлью устраненіе вражды; при распространеніи христіанства, руководимомъ такимъ воззрѣніемъ, не могъ бы развиться и Исламъ; не было бы ни паденія древняго міра, ни возрожденія его. Если К-поль не осуществилъ того, что въ немъ лежало проективно, то, конечно, потому, что, какъ храмъ, онъ велъ постоянный диспутъ, (былъ какъ бы крѣпостію воинствующей церкви, т. е. больше догматиче-

скою школою, сословіемъ ученыхъ, чѣмъ церковью), и потому именно, какъ крѣпость, былъ въ постоянной осадѣ.

23. Безусловное торжество тѣмъ менѣе возможно, что за Западомъ стоитъ Америка; торжество надъ ближнимъ Западомъ еще не будетъ полною побѣдою, ибо «Ближній Западъ» имѣетъ свой резервъ, запасное войско въ «Дальнемъ Западѣ» (Америкѣ, сѣверной и южной, Германской и Романской). Америка, хотя и не допускаетъ вмѣшательства въ своей части свѣта, но она не отказывается отъ участія въ цѣломъ мірѣ и имѣетъ своего посла въ его центрѣ, К-полѣ, какъ будетъ, конечно, имѣть тамъ своего посла и Дальній Востокъ, Китай. Кромѣ того, въ тылу Ислама—Австралія, т. е. Европа южнаго полушарія; возможно, что и противъ Европейской Россіи поднимется Азіатская, если первая (т. е. Европейская Россія) усвоитъ завоевательную, а не мирную политику. Всеобщій миръ невозможенъ, пока Царь-Градъ будетъ въ рукахъ одного какого либо государства, все равно будетъ ли то Россія или Англія, ибо всемірная дѣятельность принадлежитъ всѣмъ. Царь-Градъ не можетъ быть и нейтрализованнымъ, т. е. безучастнымъ, эгоистичнымъ, напротивъ, какъ центръ, но центръ не преобладанія (какъ Римъ, Парижъ, Берлинъ и пр.), а центръ единства, онъ самое активное мѣсто, и эта активность можетъ выражаться только въ международности. Знаніе, понявшее значеніе К-поля, какъ центра, и будетъ регулирующею силою исторіи человѣческаго рода. К-поль по самому положенію международенъ, а наука международна по сущности, и потому она въ немъ и найдетъ опору. Въ Византіи и начало древняго міра, и конецъ его. Для древняго міра Царь-Градъ—былъ могилою, для новаго онъ колыбель, мѣсто воспитанія.

24. Уже въ 1-мъ и началѣ 2 го вѣка зародилось каноническое право и іерархія, и законченъ новозавѣтный канонъ. Стало быть, были причины, по которымъ христіане, только что оставившіе іудейскій законъ, создали себѣ новый Римскій законъ, такой же внѣшній, и эти причины не были приняты во вниманіе при отрицаніи (при отреченіи отъ) перваго іудейскаго обряда. Двигателемъ переворота было чувство, христіане служили Богу всѣмъ своимъ чувствомъ, но не всею мыслію и знаніемъ. Христіанство раждалось, а не возсоздавалось. Тоже самое происходило, какъ увидимъ, съ отрицаніемъ идоловъ, завершеніе же канона новозавѣтныхъ книгъ не показывало усиленія жизни.

25. Только своимъ паденіемъ, своею смертію К-поль способствовалъ къ открытію всего міра, всей земной планеты, ибо занятіе его турками вынудило Европейцевъ искать новые пути, а знаніе, вышедшее изъ него, руководило открытіемъ этихъ путей.

26 Магометъ II, подобно Киру въ древнемъ мірѣ, принявъ сторону евреевъ, также сдѣлалъ борьбу противъ иконопочитанія, борьбою Азіи съ Европою. Паденіе К-поля было для евреевъ XV вѣка такимъ же радостнымъ событіемъ, какъ паденіе Вавилона. Новѣйшій историкъ Евреевъ Гретцъ съ восторгомъ говоритъ о паденіи К-поля. Магометъ II сдѣлалъ

Стамбулъ убѣжищемъ для евреевъ, гонимыхъ въ Западной Европѣ и особенно въ Испаніи, и могъ надѣяться на содѣйствіе ихъ при завоеваніи Европы. Появленіе жидовствующихъ у насъ, какъ язычествующихъ на Западѣ, легко объясняется паденіемъ К-поля, ибо насколько это ободрило Евреевъ, настолько же оно привело въ уныніе христіанъ и особенно православныхъ (русскихъ). Единственнымъ исходомъ, единственнымъ отвѣтомъ татарамъ, жидовствующимъ и Католикамъ могло быть принятіе на себя Москвою долга быть третьимъ Римомъ; а затѣмъ успѣхи Русскихъ надъ татарами, освобожденіе отъ ихъ ига, завоеваніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго укрѣпило ихъ въ этой мысли.—Турки-Османы для Альпійскаго полуострова имѣли такое же значеніе, какъ Персы для полуострова Парнасскаго, Эллады.

27. Для ученаго сословія нѣтъ мѣста болѣе презираемаго, какъ Византія, но ошибка Византіи въ томъ и состояла, что она въ ученіи о Троицѣ, въ ученіи объ искупителѣ (воскресителѣ), объ Его природѣ и волѣ видѣла только догматъ, а не заповѣдь общаго дѣйствія. Духовенство византійское, будучи сословіемъ и признавъ только догматъ, было совершенно подобно ученому сословію вообще, которое не признаетъ необходимости перехода знанія во всей его полнотѣ въ дѣло; но презрѣніе къ Византіи за то же самое, въ чемъ ученое сословіе еще грѣшнѣе самой ея, а также несомнѣнная гордость приложеніями знанія къ мануфактурной промышленности, къ военному искусству и проч., несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что ученое сословіе въ глубинѣ души придаетъ значеніе, хотя и не сознательно, лишь дѣйствію, и никакого значенія не придаетъ одному знанію для знанія и даже презираетъ его.

28. Памиръ—высь (страна трудныхъ проходовъ), господствующая надъ Тураномъ, т. е. родиною, источникомъ силы тѣхъ, которые господствуютъ надъ Константинополемъ и страною проливовъ. Если къ Западному склону Памира пріурочивается Эдемъ, Oudyana, Абуматути, земля отцовъ, то къ Восточному склону пріурочиваютъ землю Нодъ,—т. е. землю странствованія, блужданія, изгнанія, гдѣ первый блудный сынъ основалъ и первый городъ, Энохъ или Ганохъ, Хотанъ, гдѣ добывается наилучшій нефритъ (бѣлая его разновидность)... Такимъ образомъ на Памирѣ, на двухъ его склонахъ, находимъ начало и кремля, сохраняющаго прахъ отцовъ, и посада, отрекающагося отъ нихъ. Всемірная исторія, можно сказать, есть исторія Константинополя и его отношеній къ Востоку и Западу, и это та исторія, отцомъ которой былъ Геродотъ. Но есть другая исторія, еще болѣе, должно сказать, всемірная, праотцемъ которой былъ самъ народъ, и эта исторія есть исторія Памира и его отношеній, или родства со всѣми племенами, расами; но это не двѣ исторіи, а одна, ибо Памиръ и К-поль только во взаимной связи могутъ составить дѣйствительный центръ жизни человѣческаго рода.

29. Это была первая эстетическая теорія образовательныхъ искусствъ. Если Богъ Отецъ имѣетъ свой образъ въ Сынѣ Божіемъ, то и для сыновъ че-

ловѣческихъ долгъ требуетъ не ограничиваться мертвыми образами отцовъ, и только одно всеобщее воскрешеніе могло вполнѣ примирить иконоборцевъ съ иконопочитателями. Такимъ образомъ, въ Константинополѣ положены первыя основы, задатки живого искусства, хотя разработкою ихъ еще не занимались, а только въ этихъ основахъ и нужно искать разрѣшенія противорѣчій въ эстетикѣ.

30. Если жизнь Восточной Имперіи подчинялась въ своемъ ходѣ слѣпому закону естественной, растительной жизни, а не человѣческому разумному закону, не была выраженіемъ заповѣди Божіей, то въ этомъ Греки не могутъ не считать себя невиновными; также какъ и турки, игравшіе роль разрушительной силы зимы, и Европейцы, принявшіе на себя роль живительной силы весны, не могутъ считать себя правыми. Но рокового неизбѣжнаго, какъ смѣна временъ года, во всемъ этомъ процессѣ нѣтъ ничего; ибо и Турки могли бы не считать завоевательнаго инстинкта за внушеніе Божіе, а Европейцы, принимая языческую науку, могли бы пользоваться ею по христіански.

31. Также какъ Африку можно назвать «Большою Аравіею», или большимъ Семитическмъ полуостровомъ (съ Сиріею, Палестиною, Месопатаміею, Ассиріею, Финикіею), а Магометанство—Новоіудействомъ, т. е. незаконные сыны Авраама (Измаилъ) осуществили то, о чемъ мечтали законные его сыны, сыны Израиля, соединивъ въ себѣ и Вавилонъ и Финикію и Карѳагенъ съ прибавкой всей внутренней (пустынной и счастливой) Африки. Въ названіи Альпійскаго выражается прежде всего раздвоеніе, препятствіе къ соединіею, преобладаніе мѣстнаго надъ общимъ; это полуостровъ розни, какъ Африка полуостровъ единства, которое она и получитъ въ Панисламизмѣ, и тогда возобновятся, или будутъ продолжаемы новопуническія войны.

32. Парнасъ былъ началомъ и концомъ Греціи; онъ первый выглянулъ изъ волнъ потопа и сталъ жилищемъ праотцевъ Эллинскаго народа; такъ смотрѣла на него Греція и къ голосу, идущему съ Парнаса, прислушивалась, какъ къ оракулу;—слушала его и Европейская Греція и внѣ-Европейская, образовавшаяся подъ его руководствомъ. Онъ давалъ поэтическое и художественное воспитаніе Греціи, что составляло отличительную черту Эллинизма; въ Олимпійскихъ же играхъ, устроенныхъ также по совѣту Дельфійскаго оракула, давалось военное воспитаніе, приготовившее Грецію къ борьбѣ съ востокомъ. Храмъ Дельфійскаго оракула былъ памятникомъ, музеемъ, всей Греціи. Онъ вносилъ миръ въ Грецію, пока самъ не сдѣлался орудіемъ партій. Грабежъ Парнасскаго храма, какъ выраженіе забвенія общаго отца Грековъ, можно считать концомъ Греціи, а Филиппъ, признавшій себя почтительнымъ сыномъ, отмстившій святотатцамъ, сдѣлался властелиномъ, повелителемъ Греціи. Можно сказать, Иліада создала Элладу. Весь Парнасскій полуостровъ, по совѣту Пиѳійскаго оракула, творя тризну по Ахиллѣ Элладскомъ, призналъ себя родиною Ахилла, Элладою. Въ Иліадѣ Парнасъ не имѣетъ еще центральнаго значенія, но въ ней нѣтъ

ни Эллиновъ (какъ общаго имени для всѣхъ Грековъ), нѣтъ еще и варваровъ, и сами боги олимпійскіе еще боги не однихъ только Грековъ. Олимпійскія игры (тризны), установленныя или возобновленныя по совѣту Пиѳійскаго оракула, распространили названіе отчизны быстроногаго Ахилла, Эллады, на всю Грецію. Всѣ племена, принимавшія участіе въ Олимпійскихъ играхъ, получили общаго родоначальника Эллена, жившаго у Парнаса. Пиѳійскія игры были первоначально состязаніями въ пѣніи и музыкѣ, но уже во 2-й пиѳіадѣ игра на флейтѣ была уничтожена, какъ очень печальная и замѣнена бѣгомъ. Олимпійскія игры начались бѣгомъ и уже потомъ къ нимъ присоединились поэтическія состязанія. Олимпійскія игры, имѣвшія цѣлью объединеніе племенъ, чѣмъ болѣе совершенствовались, т. е. чѣмъ болѣе развивалась гимнастика, вводились новыя гимнастическія состязанія, тѣмъ болѣе способствовали развитію вражды внутри самой Эллады. Максимъ Тирскій замѣтилъ такое вліяніе игръ. Олимпійскія игры, развивавшія по преимуществу физическую силу, были въ такомъ же отношеніи къ первоначальнымъ Пиѳійскимъ поэтическимъ состязаніямъ, въ какомъ, по сказаніямъ Грековъ, былъ Геркулесъ къ Музамъ, а онъ былъ ихъ защитникомъ. Греки исповѣдывали религію музъ. Кромѣ музъ Парнасидовъ были Геликониды, Пиндиды, Касталиды (Иппокриниды), Піэриды, Аониды..., т. е. горы, источники, мѣстности Парнасскаго полуострова имѣли своихъ музъ. Художники и философы ставили статуи, или строили храмы музамъ. Александрійскій и Пергамскій музеи представляютъ превращеніе поэзіи въ науку, въ изслѣдованіе, т. е. музей сталъ могилой музъ. Александрія составила канонъ священныхъ произведеній Греціи, классиковъ по эпосу, по лирикѣ, систематическій каталогъ Александрійской библіотеки. Такъ, конечно, нужно назвать «списокъ писателей», расположенный систематически, составленный Каллимахомъ, первымъ каталогизаторомъ, положившимъ начало исторіи литературы. Классификація сочиненій не соотвѣтствовала 9-ти музамъ. Александрійскій музей занимался въ обширныхъ размѣрахъ исправленіемъ священныхъ книгъ Греціи и особенно Гомеромъ. Птоломей Филопаторъ воздвигъ храмъ Гомеру (Гомеріонъ). Музей Александрійскій не ограничивался библіотекой, собственно филологами, онъ имѣлъ представителей всѣхъ знаній, число коихъ не соотвѣтствовало Гезіодовымъ 9-ти музамъ,—тутъ были и ботаническіе (преимущественно аптекарскіе), зоологическіе сады, глобусы Гиппарха, анатомическіе театры.

Если исторія есть движеніе, то географія слѣды этого движенія; если въ исторіи Запада есть одно общее и главное движеніе, то и въ Западной Европѣ должна быть одна главная дорога. Исторія Запада начинается узурпаціею Карла и отдѣленіемъ Папъ. Общимъ предпріятіемъ, движеніемъ Запада, отдѣлившагося отъ Востока, отъ Царь-града, былъ первый крестовый походъ. Проложенная этимъ походомъ дорога есть линія Рейнско-Дунайская; предъ началомъ этой линіи, надъ устьями Рейна, господствуетъ первоклассная морская крѣпость (Англія), а конецъ этой линіи прикрытъ Карпатскимъ редутомъ. Названіе Западной Европы цареградскою дорогою за-

ключаетъ въ себѣ нравственный смыслъ, оно обозначаетъ единство, миръ внутренній и внѣшній, т. е. миръ внутри самой Европы, и миръ со всѣми претендентами на всемірное господство. Только разъ религіозный порывъ соединилъ всю Европу для одного Западно Европейскаго дѣла. Этотъ порывъ былъ на столько силенъ, что овладѣлъ Іерусалимомъ и не взялъ Царь-Града, хотя, быть можетъ, первое было труднѣе послѣдняго, и хотя въ предложеніяхъ завладѣть Константинополемъ не было недостатка. Разсматриваемая со стороны суши, Западная Европа есть Цареградская дорога, ибо въ Рейнско-Дунайской линіи сходятся, какъ въ общее русло, всѣ дороги побочныя, проложенныя движеніями народа распавшагося; въ обще-Европейскую дорогу входятъ дороги Франціи, Испаніи, Италіи, составившихъ каждая особый штатъ. Если же разсматривать Западную Европу со стороны морской, то съ южнаго края ея лежитъ прямая морская дорога въ Понтъ, Средиземное море, а съ прочихъ сторонъ океано-обходная дорога, какъ это показываетъ исторія, не принимающая части за цѣлое, полустрова за весь материкъ, залива за море, море за весь океанъ, части свѣта за весь міръ.

Несмотря на всѣ раздоры, Греція и Западная Европа не географическіе только термины, въ нихъ есть нѣкоторое единство; но оно не настолько сильно, чтобы прекратить раздоры, ибо истинный центръ, высшее единство лежитъ внѣ ихъ. Греція примирилась бы, если бы были двѣ Византіи, какъ и въ Западной Европѣ прекратился бы раздоръ, если бы было два Константинополя; иначе сказать, если бы каждая часть сдѣлалась бы цѣлымъ и общаго центра у нихъ совсѣмъ бы не было. Тоже самое было сказано и о Россіи и Западной Европѣ, двухъ претендентахъ на К-поль, а можетъ быть сказано еще и о Туранской Азіи и Семитической Африкѣ (съ семитическимъ полуостровомъ,—Аравія съ Сиріею, Месопотаміею, Ассирія до Арменіи и Иранской возвышенности, Месопотамія и Курдистанъ); нужно имѣть столько центровъ, иначе сказать столько земныхъ шаровъ, сколько есть партій, претендующихъ на всемірное владычество. Это однако не значитъ, чтобы миръ былъ невозможенъ, напротивъ преобладаніе, господство ищетъ невозможнаго; при томъ подъ мнимымъ обладаніемъ землею господство ищетъ обладанія людьми; тогда какъ только миръ можетъ дать дѣйствительное обладаніе землею, а вмѣстѣ и силу, равную вліянію земли, земной планеты, въ небесномъ пространствѣ, съ тѣмъ ея преимуществомъ надъ другими планетами, что это вліяніе земли не будетъ уже слѣпымъ. Только отказавшись отъ господства надъ себѣ подобными, родными, т. е. сдѣлавшись кроткими, можно наслѣдить (наслѣдовать) землю, ибо управленіе слѣпою силою земли есть и управленіе своими страстями и похотями, порождающими и стремленіе къ господству; страсти и похоти могутъ быть побѣждены, но не каждымъ въ отдѣльности, а только въ единеніи, только въ совокупности можетъ быть одержана побѣда надъ самымъ корнемъ похоти и вражды, т. е. надъ природою. Парнасскій или художественный полуостровъ, и возрожденіе его въ Западной Европѣ, или

мануфактурномъ полуостровѣ, (два полуострова непрерывной борьбы, которая какъ бы выражается и въ физическомъ очертаніи, въ наружности этихъ полуостроввъ), политически они жаждутъ всемірнаго владычества съ столицею въ К-полѣ, экономически-всемірной торговли съ обладаніемъ Индіею. Единство для нихъ преобладаніе, а средство для этого—борьба. Такое пониманіе и признается всемірнымъ закономъ, тогда какъ это законъ лишь временный, законъ лишь для блудныхъ сыновъ, для эпохи противленія Божественному велѣнію. Стремленіе къ единству, обратившееся въ борьбу за преобладаніе, есть признакъ юношескаго увлеченія, а единство въ видѣ нирваны указываетъ на старческое безсиліе безъ достиженія совершеннолѣтія.

33. За раздѣленіемъ церквей начались и нашествія латынянъ, т. е. стремленіе Запада подчинить Византію, стремленіе, задержанное борьбою за инвеституру съ Генрихомъ IV. При этомъ призывы Григорія VII-го къ крестовому походу имѣютъ всемірное значеніе, борьба же за инвеституру имѣетъ значеніе мѣстное, Западное; дѣйствія Роберта Гюискара противъ Византіи подъ видомъ защиты правъ самозванца лже-Михаила VII открываютъ это всемірное событіе, т. е. нашествіе латынянъ. XIV вѣкъ, т. е. вѣкъ такъ называемаго Вавилонскаго плѣненія Папъ, имѣетъ мѣстное значеніе, появленіе же Турокъ въ Европѣ вызываетъ Папъ вновь ко всемірной дѣятельности. Констанцскій соборъ, если бы онъ имѣлъ цѣлью только реформу церкви, (что было однако главнымъ), онъ имѣлъ бы мѣстное значеніе, несмотря на то, что тамъ были представители и Императора, Еммануилъ Хрисоляръ, и Западной Руси Григорій Цимвлакъ; но какъ осудившій Гусса и особенно Іеронима, Констанцскій соборъ имѣетъ между-церковное и между-племенное значеніе. Важнѣе въ этомъ отношеніи Базельскій соборъ; переговоры съ Константинополемъ о соединеніи были имъ ведены одновременно съ переговорами, веденными о томъ же Папами; Константинополю предстоялъ выборъ между папствомъ и соборами, и онъ отдалъ предпочтеніе первому. Турецкое нашествіе доказывало необходимость соединенія церквей; походы Тимура, замедливъ паденіе Константинополя, давали для того время; но хотя Эммануилъ Хрисоляръ велъ уже переговоры между папою и Императоромъ Сигизмундомъ о мѣстѣ и времени собора для соединенія церквей, хотя Іоаннъ Жерсонъ отъ лица Сорбонны говорилъ о томъ же Карлу VI-му, о чемъ писалъ къ сему послѣднему Императоръ Сигизмундъ, но соборъ ничего не сдѣлалъ для осуществленія этой мысли и, собравшись для преобразованія, казнилъ только преобразователей.

34. Дальній Востокъ, Индія и Китай, былъ въ отношеніи Царь Града не ученикомъ, а учителемъ: Китай училъ промышленности (шелководство, порохъ, компасъ), Индія учила легендами, баснями, апокрифами. Если К-поль былъ въ отца—мѣсто для Запада, то по отношенію къ дальнему востоку онъ занималъ мѣсто сына. Индія и Китай представляютъ особенный міръ, который имѣетъ свою особую исторію, свое христіанство—Буддизмъ, свой папизмъ-ламаизмъ; но и для этого міра Царь-Градъ не те-

ряетъ своей центральности. На подобіе того, какъ въ организмѣ человѣка двѣ половины, и сходныя, и противоположныя въ то же время, имѣютъ одно сердце, которое лежитъ въ одной половинѣ, точно такъ и двѣ половины міра имѣютъ одно сердце К-поль.

Крайній востокъ, въ противоположность Западу, не знавшему другой дѣятельности кромѣ борьбы, другой цѣли, кромѣ преобладанія (вмѣсто единства), поставилъ себѣ цѣлью покой, нирвану, а отрицаніе желаній, аскетизмъ, средствомъ. Буддизмъ былъ освященіемъ, санкціею такой цѣли и средствъ, и тѣмъ сдѣлалъ Индію легкою добычею кочевниковъ Средней Азіи, Семитовъ и наконецъ всей Западной Европы, т. е. всѣхъ претендентовъ на всемірное владычество; мы же дѣлили съ Индіею и Китаемъ иго монголовъ и другихъ завоевателей. То положеніе, въ которое Западъ поставилъ Индію и Китай, въ то же положеніе онъ стремится поставить и насъ. Пока Индія и Китай будутъ цѣлью завоевательныхъ стремленій, до тѣхъ поръ и въ Западной Европѣ съ ея колоніями, въ передней Азіи и Африкѣ, сходящихся около Средиземнаго моря, единство будетъ обращаться въ стремленіе къ преобладанію, къ господству, а К-поль будетъ центромъ не соединенія, а порабощенія; Индія же и Китай останутся цѣлью завоевательныхъ стремленій, а слѣдовательно жертвами активной части міра до тѣхъ поръ, пока будутъ буддійскими, т. е. страдательными. Въ Индіи вся энергія обратилась въ созерцаніе, въ воображеніе и, быть можетъ, служила даже источникомъ религій, и созерцаніе во всякомъ случаѣ стало учителемъ и Азіи, и Европы. Въ Китаѣ же промышленность поглотила всю дѣятельность, убивъ всякую созерцательность, все воображеніе. Какъ Индія учила религіи, такъ Китай училъ промышленности (шелководство, фарфоровыя издѣлія и проч); а промышленность и созерцательность равно способствовали пассивности; для единенія же, умиротворенія, нужно равновѣсіе способностей. Тѣмъ не менѣе однако Индія и Китай содѣйствовали умиротворенію, обуздывая кочевые народы Средней Азіи, первая своимъ буддизмомъ, а вторая своею политикою и торговлею. Съ своей стороны К-поль, на сколько онъ привлекалъ къ себѣ движеніе народовъ Запада, передней и средней Азіи,—на столько онъ отвлекалъ ихъ отъ Дальняго Востока.

Міръ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1) активные, претенденты на всемірное владычество, и 2) пассивные, всѣ народы Индіи и Китая, потомки также завоевателей; но Индія всѣхъ своихъ завоевателей климатомъ своимъ дѣлаетъ буддистами, т. е. пассивными, а Китай своихъ дѣлаетъ матеріалистами или эпикурейцами. Славяне можетъ быть принадлежатъ къ тѣмъ и другимъ (т. е. къ активнымъ и пассивнымъ) и не должны противополагать себя ни тѣмъ ни другимъ. Въ настоящее же время славяне стоятъ еще на распутьи, и кто знаетъ, не составляютъ ли они, согласно западному воззрѣнію, низшую расу, только матеріалъ для образованія высшей (преимущественно нѣмецкой), т. е. принадлежатъ къ тому слою вымирающихъ народовъ, которые выступали, повидимому, только на окраинахъ міра, если же причислить къ нимъ и славянъ, то вымирающіе

окажутся и въ самой срединѣ главнаго континента. До сихъ поръ фактически это было вѣрно... И если Славяне не станутъ примирителми, то, конечно, имъ и предстоитъ вымираніе. Если же они останутся земледѣльцами, или возвратятся къ земледѣлію, то безучастные къ торговымъ выгодамъ и заинтересованные обращеніемъ къ земледѣлію кочевниковъ, сдѣлаются истинными примирителями. Если споръ долженъ обратиться въ мирный переговоръ, то казалось бы невозможнымъ, чтобы мирный переговоръ былъ вѣчнымъ, а миръ временнымъ, на самомъ же дѣлѣ это такъ, и даже образовался особый органъ постоянныхъ переговоровъ о мирѣ, чѣмъ несомнѣнно доказывается, что мирнымъ переговорамъ придается значеніе вѣчнаго, постояннаго, а миру лишь временное значеніе.

35. Два элемента, непримиренные въ Византіи, какъ сказано выше потому, что вѣра была неискренна, а знаніе легковѣрно и безсильно, теперь раздѣлились. Одинъ изъ элементовъ К-поля, знаніе, сдѣлалось душею Запада, двигателемъ его, обошло съ нимъ всю землю, пріобрѣтая все болѣе и болѣе силы; другой элементъ К-поля, вѣра, стала двигателемъ Россіи къ Индіи противъ магометанъ и кочевниковъ. Но вѣра дѣлалась все болѣе и болѣе неискреннею, потому что знаніе, отдѣлившееся отъ вѣры, хотя и расширялось, но растрачивалось на забаву. Этимъ составнымъ элементамъ Царь-Града нужно соединиться, чтобы вѣра стала искренней, а знаніе проявилось въ дѣйствительности.

36. Когда К-поль покорился своей судьбѣ—погибнуть отъ магометанскаго меча, тогда православіе начинаютъ принимать Славяне. Умирая, К-поль даетъ жизнь новому народу, т. е. обращаетъ его въ религіозное и гражданское общество подобное себѣ, что и можно назвать рожденіемъ. Вмѣстѣ съ жизнью Византія передала славянству и свою миссію, но такая передача не есть что либо мистическое, а явленіе совершенно естественное; естественность такихъ явленій въ природѣ мы признаемъ вполнѣ, но въ исторіи мы ихъ не допускаемъ, хотя и признаемъ человѣка за существо вполнѣ естественное.

37. Хотя интеллигентные люди и относятся съ сожалѣніемъ и съ сокрушеніемъ даже къ народу, къ его невѣжеству и предразсудкамъ, препятствующимъ ему примириться по вопросамъ религіознымъ, но такое легкое примиреніе, на которое способна интеллигенція и которое не исключаетъ ни личныхъ ссоръ, ни войнъ между народами, исповѣдующими одну религію, порѣшившими между собой всѣ религіозные споры, такое легкое примиреніе ничего не стоитъ, потому что тутъ и мира никакого нѣтъ, такъ какъ они согласились только относительно того, что для нихъ никакого не имѣетъ значенія, изъ за-чего они и нессорились и ссориться никогда не стали бы.

38. Справедливо осуждая феодализмъ, и въ особенности духовный, православіе иногда доходило до такой крайности, что осуждало даже пролитіе крови, вызванное защитою отечества; такъ Императоръ Никифоръ Фока желалъ провозгласить всѣхъ воиновъ, на брани убіенныхъ, дѣйстви-

тельными, святыми мучениками. Но патріархъ и епископы рѣшительно воспротивились волѣ Императора, указывая на то, что, по правиламъ св. Василія Великаго, воины, обагрившіе свои руки кровію врага, подлежатъ трехлѣтней эпитиміи, т. е. воины въ видѣ награды за защиту отечества отъ тѣхъ, которыхъ они защищали, должны получить эпитимію, быть наказанными трехлѣтнимъ отлученіемъ. 13-е правило Василія Великаго «Убіеніе на брани отцы наши не вмѣнили въ убійство. Но можетъ быть добро было бы (какое же это правило? онъ самъ очевидно сомнѣвается), совѣтовать, что-бы они (т. е. наши защитники), имѣющіе нечистыя руки, 3 года удерживались отъ пріобщенія св. таинъ». Но вина въ этой нечистотѣ рукъ воиновъ должна быть, по справедливости, возложена на всѣхъ, и гораздо въ большей степени на гражданъ, чѣмъ на воиновъ.

39. Но какъ бы не стремились христіанскіе народы къ союзу съ Турціею, тѣмъ не менѣе, хотятъ ли они ее поддержать или не хотятъ, они идутъ съ разныхъ сторонъ къ К-полю, какъ центру, т. е. разрушаютъ Турцію, которая и съ своей стороны, въ какіе бы союзы съ христіанскими народами ни вступала, но оставаясь исламитскою и не умѣя лицемѣрить съ религіею, т. е. отдѣлять ее отъ политики, какъ это дѣлаютъ Европейцы, будетъ держаться панисламитской политики. А слѣдовательно и Французы, овладѣвая Тунисомъ и Суданомъ, Австрія—при поддержкѣ Германіи—Босніею, Италія, покушаясь на Триполи, Испанія на Марокко, Англія, подвигаясь изъ Индіи, и Россія изъ центра и Малой Азіи, всѣ по необходимости должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны Турціи. Лучше нельзя выразить центральность Константинополя, какъ сказавъ, что быть сосѣдомъ Турціи, значитъ имѣть въ сосѣдствѣ цѣлый міръ. А кто же, какая держава съ Турціей не въ сосѣдствѣ?...

40. Крестовые походы были также борьбою Востока съ Западомъ; но она не ограничивалась борьбою на югѣ Царь-Града, а переходила уже и на Сѣверъ отъ него. Споры между Западною и Восточною церквами (такъ называетъ насъ Западъ, такъ называемъ себя и мы, не думая, конечно, что принимая такое названіе, мы сами признаемъ себя партіею и отказываемся отъ примирительной роли), эти споры были собственно переговорами о мирѣ и несмотря на то, что К-полю нужна была помощь Запада, онъ уступить не могъ, не теряя самого смысла своего существованія. Борьба Запада противъ исключительнаго единства (Ислама) кончилась неудачею, ибо единства въ дѣйствіяхъ у Западнаго полустрова не было. Рознь на полустровѣ, хотя и раздѣленномъ горами (или препятствіями къ соединенію) лишь средней величины, на полуостровѣ, кромѣ того разбитомъ морями на отдѣльныя части, рознь на этомъ полуостровѣ брала верхъ надъ единствомъ.

41. Для философовъ, для которыхъ споръ есть профессія, естественно желать безграничнаго поприща для преній; тогда какъ въ запрещеніи прибавокъ къ символу видно желаніе положить конецъ словопренію и приступить къ дѣлу.

42. Климатъ представляетъ наилучшую для насъ защиту. На сколько зима губительна для западныхъ нашествій, на столько же лѣто и особенно весна для вторженій восточныхъ (монгольскихъ); кромѣ распутицы, препятствующей быстротѣ передвиженій, весна губительно дѣйствуетъ и на жителей сухихъ степей и особенно на ихъ лошадей, потеря которыхъ равносильна гибели всего войска. Разъединеніе составляетъ единственную опасность для Россіи: успѣхъ Батыя объясняется только разъединеніемъ. Монгольское нашествіе указало на необходимость соединенія. Мало того, оно указало и на тотъ пунктъ, въ которомъ должно произойдти соединеніе, ибо какъ объяснить движеніе монголовъ отъ Рязани къ Владиміру чрезъ Москву, тогда очень незначительный городокъ? Этимъ движеніемъ Батый отрѣзалъ Западную Русь отъ Восточной, Тверь отъ Владиміра, (такъ говоритъ М. Ивакинъ), и потому самымъ дѣломъ показалъ, гдѣ должна быть столица Россіи. Походъ Батыя на Русь можетъ считаться также неудачнымъ, какъ походъ монголовъ вообще на Западъ, ибо въ первомъ походѣ самые богатые города Руси (Новгородъ и Псковъ) остались не взятыми, (Восточный Наполеонъ оказался благоразумнѣе Западнаго, онъ (Батый) вовремя повернулъ назадъ; иначе и его войско постигла бы такая же участь, какъ и войско Наполеона Западнаго, только не отъ морозовъ, а отъ весеннихъ оттепелей); а въ походѣ на Западную Европу Монголы остановились у Вѣнскаго прохода и у входовъ въ Италію, т. е. остались незавоеванными государства, обогатившіяся торговлею съ Востокомъ во время Крестовыхъ походовъ. Благодаря этому обстоятельству Западная Европа осталась при своемъ разъединеніи, а Славянское племя распалось: Западные Славяне, неиспытавшіе ига монгольскаго, остались при своемъ разъединеніи и тѣснѣе примкнули къ Западно-Европейскому раздору; Восточные же вошли въ составъ обширной Имперіи Монгольской вмѣстѣ съ Китаемъ и Индіею. Вообще завоеваніе міра, которое было задумано Монголами, не было закончено; но судя по тому, что было сдѣлано ими, не трудно составить себѣ понятіе о цѣломъ планѣ завоеванія, о завершеніи его. Охота, по словамъ Чингиза, была военною школою, потому конечно, что сама война была охотою на цѣлые народы. Организація Монгольскаго племени была приспособлена столько же къ охотѣ, какъ и къ войнѣ. Все войско, т. е. весь народъ (на сколько это, вообще, возможно), участвовалъ въ томъ и другомъ дѣлѣ, т. е. и въ охотѣ и въ войнѣ, та и другая производилась облавами. Если каждый походъ, взятый въ отдѣльности представлялъ отдѣльную облаву, то въ тоже время въ общемъ планѣ завоеванія эти походы составляли лишь часть всемірной облавы. Походъ Батыя составлялъ сѣверную сторону этой облавы, походъ же Гулагу представлялъ южную сторону той же міровой облавы, или загона, и если этимъ двумъ полукругамъ не удалось сблизиться, то препятствіемъ къ тому послужили не мамелюки и рыцари, а главнымъ образомъ политика возстановленной къ тому времени Византійской Имперіи, искусно поддерживавшей вражду потомковъ Гулагу съ потомками Бату, чему содѣйствовало особенно пере-

несеніе столицы монгольской изъ Каракорума, который управлялъ движеніями всемірной облавы. Хотя, какъ сказано, Русская земля превосходно защищена и отъ восточныхъ и отъ западныхъ нашествій, а между тѣмъ Россія не знала независимости. Иго восточное тяготѣло надъ Древнею Русью, и иго западное тяготѣетъ надъ Новою. Восточные завоевали ее силою. Западные хитростію; Восточные покровительствовали духовенству (потому что это иго было исключительно матеріальное), а Западные покровительствуютъ дворянству, и это иго было не столько матеріальное, сколько духовное. Духовенство пользовалось льготами, которыя давали ему завоеватели, не въ ущербъ земли, но едва ли можно тоже сказать о дворянствѣ.

43. Исторія Америки начинается съ мыслію, съ догадкою о шарообразности земли. Древній міръ задумалъ открытіе Америки, когда въ первый разъ пришелъ къ мысли о шарообразности земли, Азія задержала, К-поль сохранилъ эту мысль древняго міра. Магометанство отрицательно, Западъ положительно содѣйствовали осуществленію ея; косвенно содѣйствовала осуществленію той же мысли и Россія, задерживая (въ XV-мъ вѣкѣ) орды, которыя своими нападеніями долго препятствовали открытію Америки. Такова эмбріологическая исторія Америки; и если всякая мысль должна переходить въ дѣло, а не оставаться мертвою, то эта мысль налагаетъ на Америку обязанность участвовать въ общемъ дѣлѣ, и выраженіе,—Америка должна быть для американцевъ,—слишкомъ эгоистично, чтобы быть справедливымъ.

44. Вопросъ о томъ, «**что дѣлать**», вопросъ о цѣли жизни, о смыслѣ ея, о высшемъ благѣ, для котораго древній міръ,—по словамъ Августина, —предложилъ 288 рѣшеній, продолжаетъ тревожить Америку и даже болѣе, чѣмъ Европу, несмотря на то, что она задыхается отъ дѣятельности, смысла и цѣли которой не видитъ, отрѣшившись отъ общаго движенія, принимая временную стоянку обходнаго движенія за конечный пунктъ. Обходное движеніе, стремившееся къ Старому Свѣту, встрѣтивъ неожиданное препятствіе въ виду Новаго свѣта, не остановилось, а обошло это препятствіе, но обошло въ видѣ передового отряда для осмотра, рекогносцировки, а вмѣстѣ съ тѣмъ неустанно продолжаетъ работать, пролагая Транс-океаническія дороги и каналы, для открытія пути главному обходному току. Это замедленіе было полезно тѣмъ, что оно давало время одуматься, припомнить цѣль, для которой совершается это движеніе. Казалось бы, что для Европы, которая думала, что золотой вѣкъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, открытіе Новаго Свѣта должно прекратить исканіе Стараго, а между тѣмъ съ открытіемъ Новаго всѣ усилія были направлены къ отысканію проходовъ къ Старому, и когда въ Центральной Америкѣ не найдено этихъ проходовъ, то началось составленіе проектовъ искусственныхъ проходовъ, и этихъ проектовъ появилось, надо полагать, такъ много, что Филиппъ II грозилъ смертной казнью ихъ составителямъ. Девизъ Америки «впередъ»! есть въ дѣйствительности «обходъ», и не потому толь-

ко, что движеніе впередъ на земномъ шарѣ неизбѣжно приводитъ къ исходному пункту, а потому, что оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе секуляризаціи въ религіонизацію, прогресса въ возстановленіе. Въ Америкѣ секуляризація достигаетъ кульминаціоннаго пункта, а слѣдовательно здѣсь начинается и поворотъ. Въ торгово-промышленномъ (неродственномъ) движеніи при приближеніи къ родинѣ пробуждается родственное чувство. «Впередъ», какъ безвозвратное отрѣшеніе отъ отцовъ, есть искаженіе «обхода», какъ возвращенія къ нимъ. Не унижая открытія Колумба, нужно однако сказать, что важно было тутъ не само открытіе, была важна потребность въ немъ, нужда, возникшая въ это время, воспользоваться имъ. Америка была открываема, сколько извѣстно, не разъ, а сколько неизвѣстно, конечно, очень много разъ; она даже и не могла быть не открыта прибрежными жителями, рыбаками, Атлантики. Народъ открылъ Америку прежде ученыхъ, какъ это хорошо извѣстно и самимъ ученымъ; объ этомъ открытіи составились даже легенды, надъ коими ученые, быть можетъ, и смѣялись. Завоевавъ въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. Галлію, утвердившись на берегахъ океана, Риму предстояло рѣшить вопросъ, искать ли для завоеваній новыхъ земель за океаномъ, или же вызвать на борьбу Германцевъ; на свою погибель Римъ выбралъ послѣднее, хотя могъ бы исполнить первое. И Цезарю, и Августу, очень хорошо было извѣстно то, что зналъ Колумбъ; могъ бы быть заимствованъ и компасъ у Китайцевъ вмѣсто шелковыхъ тканей; тогда и великое переселеніе народовъ и норманскій погромъ имѣли бы другой исходъ; но для этого прежде всего нужно было, чтобы знаніе, послушное христіанскому чувству, признало себя орудіемъ примиренія, тогдашнее же знаніе, подобно настоящему, было гордо и считало себя выше дѣла, а потому и погибло вмѣстѣ съ обществомъ, заботу о спасеніи коего оно не считало своимъ долгомъ; отъ окончательной гибели знаніе спаслось благодаря лишь христіанству, которое приняло его подъ свое покровительство.

45. Прощеніе не было дѣйствительнымъ, т. е исправленіемъ, ибо полное исправленіе есть всеобщее Воскрешеніе, ибо оно есть возвращеніе жизни лишеннымъ жизни (VI заповѣдь въ положительномъ смыслѣ), возвращеніе силъ тѣмъ, у кого они похищены въ видѣ вещей, средствъ жизни, (VIII заповѣдь), оно есть обращеніе питанія и рожденія въ творчество и возсозданіе (VII заповѣдь), оно есть возвращеніе жизни отцамъ (V-я заповѣдь); Воскрешеніе есть дѣйствительное постоянное, а не въ седьмой лишь день (IV заповѣдь), служеніе истинному Богу, а не суетѣ (III-я зап.) промышленной или же художественной; Всеобщее Воскрещеніе есть, наконецъ, возсозданіе всего, что есть на небеси горѣ и на земли низу, во исполненіе воли Божіей (II-я и I-я заповѣди).

46. Всякій протестъ находилъ опору въ самомъ существованіи К-поля, или церкви Восточной, независимой отъ Папы. Альбигойцы начало свое получили въ К-полѣ, Іоахимъ Флорскій, проповѣдникъ «Вѣчнаго Евангелія», самъ Лютеръ, въ своемъ протестѣ, опирались на существованіе независи-

мой отъ Папы Константинопольской церкви.

47. Если бы протестантизмъ былъ вѣренъ исторіи, а не субъективному разуму, то историческая дорога привела бы его въ Константинополь. Измѣна не осталась безъ наказанія, критика подорвала и протестантизмъ.

48. На обходное движеніе Голландцевъ нельзя не смотрѣть, какъ на движеніе деморализованнаго отряда, который забылъ о цѣли своего похода, предавшись грабежу. Торговое безстыдство Голландцевъ изумительно. Терпимость свою къ другимъ религіямъ они довели до того, что отрекаются отъ имени христіанъ, наносятъ оскорбленіе кресту, сами подвергаются оскорбленіямъ, все переносятъ ради торговыхъ выгодъ. Такое самоотверженное служеніе корыстолюбію дало имъ, признаное всею Европою, наименованіе перваго свободнаго народа. О религіозномъ фанатизмѣ много говорилось, а о торговомъ фанатизмѣ умалчивалось, и особенно забывается, что подъ религіознымъ фанатизмомъ всегда кроется власто-или корыстолюбіе. Религіознаго фанатизма не будетъ, если не будетъ властолюбія и корыстолюбія. Только тогда мы можемъ сдѣлать истинную нравственную оцѣнку Новой исторіи, когда будемъ смотрѣть на нее, какъ ведущую борьбу съ Исламомъ и въ видѣ обходныхъ движеній и въ видѣ фронтальной битвы, т. е. если будемъ смотрѣть на Западную Европу и на все христіанство, какъ на одно цѣлое; а оно утратило эту цѣлость, это единство, т. е. утратило самую нравственность. Если же христіанство сохранило бы цѣлость, то и прямое и обходное движенія превратились бы въ безкровную войну, ибо совокупности силъ христіанскихъ народовъ не могло бы сопротивляться магометанство. Называя открытіе кругосвѣтныхъ путей, колонизацію, завоеваніе магометанскихъ земель Индіи, Алжира, Туниса, обходнымъ движеніемъ, продолженіемъ крестовыхъ походовъ, мы хотимъ сказать, что оно должно быть общимъ предпріятіемъ, дѣйствіемъ по общему плану, который дается самою исторіею, который есть раскрытіе заповѣди: «Шедше научите всѣ народы». Извращеніе этого движенія состоитъ въ томъ, что оно не только не религіозное, но не можетъ быть названо и научнымъ, ибо наукѣ въ этомъ движеніи отводится не первое, а послѣднее мѣсто. Обходное движеніе привело съ религіозной стороны къ полному отрицанію, съ нравственной—къ глубокому паденію, къ отвлеченной философіи, къ порабощенію науки наслажденію, банкеты были цвѣтомъ и плодомъ кругосвѣтныхъ движеній; во Франціи развернулся этотъ цвѣтъ и созрѣлъ этотъ плодъ. Обходное движеніе Западнаго многораздѣльнаго полуострова, которое возрожденіе обратило изъ священнаго въ торговое, или по крайней мѣрѣ оправдало уклоненіе отъ цѣли, не представляетъ единства, у него нѣтъ средоточія движенія. Единство Европы чисто теоретическое, лицемѣрное, потому что это единство никакихъ обязанностей не налагаетъ.

49. Споры, сопровождавшіе внутреннія войны, усобицы Запада. (Но не споры были виною усобицъ, а изъ сихъ послѣднихъ, изъ практическихъ интересовъ рождались споры).

Западная Европа, издѣвавшаяся надъ Византійскими диспутами, не уступала въ этомъ отношеніи К-полю, была, можно сказать, его прямою наслѣдницею. Споры первоначально имѣли религіозный характеръ; если католики упрекали протестантовъ въ измѣнчивости, то и послѣдніе не могли признать неизмѣнности первыхъ. За рѣшеніемъ вопросовъ нужно было обратиться опять къ Востоку. Споры на столько охватили католиковъ и протестантовъ, что даже послы, какъ Олье, маркизъ де Ноантель, посолъ Людовика XIV-го, способствовали къ рѣшенію вопроса или, лучше сказать, къ ожесточенію споровъ. Изъ религіозныхъ споровъ родилась если не истина, то философія, т. е сомнѣніе (сомнѣніе—такая же основная добродѣтель философіи, какъ вѣра основная добродѣтель богословія), а какъ сомнѣніе, философія есть по существу терпимость или отрицаніе споровъ, но споровъ только религіозныхъ, богословскихъ. Аббатъ С-Піеръ составилъ даже проектъ прекращенія религіозныхъ споровъ; но то, что онъ **хотѣлъ** дѣлать, энциклопедизмъ **дѣлалъ**: убивая вѣру, онъ уже несомнѣнно вносилъ вѣротерпимость, т. е. настолько, насколько ему дѣйствительно удалось ее убить. Но терпимость была мнимымъ миромъ: Фридрихъ II-й не былъ фанатикомъ, но тѣмъ не менѣе на свою войну съ Австріею смотрѣлъ, какъ на борьбу протестантизма съ католицизмомъ, т. е. Фридрихъ II-й не былъ фанатикомъ въ религіозномъ смыслѣ, а былъ лицемѣромъ въ философіи.

Въ философіи, какъ рожденной изъ религіозныхъ споровъ, и въ особенности въ энциклопедизмѣ, Западъ достигъ крайней враждебности къ К-полю или Византійскому догматизму, и къ Византійской полемикѣ. Извѣстное сочиненіе Гиббона можно считать полнымъ выраженіемъ этой вражды. Если Вольтеръ, можетъ быть, изъ лести Екатеринѣ и сочувствовалъ изгнанію Турокъ, то уже никакъ не могъ сочувствовать, какъ и весь его вѣкъ, возстановленію Византіи. Но какъ изъ религіозныхъ споровъ родилась философія, такъ изъ философскихъ родилась критика, какъ отрицаніе этихъ споровъ или философской полемики. На критику чистаго разума (теоретическаго) мы можемъ смотрѣть, какъ на проектъ вѣчнаго міра въ мірѣ философскомъ, мыслящемъ, или какъ на проектъ прекращенія полемики. Споръ и прекратился бы, если бы основы его были свойства теоретическаго. Но авторъ мирнаго проекта въ области умозрительной не указывалъ практическихъ средствъ для разрѣшенія споровъ, борьбы въ самой жизни, и то самое, что было подвергнуто сомнѣнію въ области теоретической, это же было сдѣлано догматомъ вѣры въ области практической; стало догматомъ вѣры то, что должно бы было стать предметомъ общаго дѣйствія, на которомъ и могъ бы быть основанъ вѣчный миръ. Это самое и перенесено было изъ области дѣйствія, практики, въ область вѣры, недоступ-

ную для дѣйствія. Критика практическаго разума можетъ почитаться признаніемъ вооруженнаго мира, ибо она предписывала каждому человѣку, а слѣдовательно каждому народу, правила сохраненія своего физическаго и моральнаго «Я» противъ покушеній всѣхъ другихъ людей и народовъ, т. е. брала людей со стороны ихъ различій, со стороны враждебной, а не со стороны того, что обще всѣмъ людямъ, всѣмъ народамъ, не со стороны того, что могло и должно объединить людей въ общемъ дѣлѣ и привести ихъ не къ миру только, но и къ объединенію по образу Пресвятой Троицы. То самое, что для непризнающихъ единства, будетъ спорами, то для признающихъ его будетъ переговорами о мирѣ, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, особенно въ началѣ, мирными. Между признающими себя безусловно правыми можетъ быть только споръ, тогда какъ между непризнающими себя правыми этотъ споръ будетъ мирнымъ переговоромъ. Философія не истина, а сомнѣніе, которое считало себя истиною, и потому, будучи терпимою въ области религіи, она не терпѣла противорѣчій въ своей средѣ, и стала ожесточеннымъ диспутомъ. Философія искала безспорнаго, стоящаго выше сомнѣнія и спора, но это-то исканіе и породило споры. Философія была споръ эмпиризма съ идеализмомъ; миръ между сими послѣдними тогда только былъ бы возможенъ, когда идеализмъ былъ бы не всеобщею и необходимою **мыслью**, а требованіемъ отъ жизни всеобщаго и необходимаго **дѣла**, эмпиризмъ же былъ бы отвѣтомъ на это требованіе, обращеніемъ жизни во всеобщее и необходимое дѣло.

50. Паденіе Царь-града и возстановленіе язычества совпали не случайно; язычество, никогда не умиравшее, оттого и подняло голову, что въ побѣдѣ магометанста видѣло униженіе, слабость христіанства.

51. По мѣрѣ того, какъ крестовые походы превращаются въ торговые, политическіе, и мысль Европейская изъ религіозной обращается въ философскую; но призракъ крестовыхъ походовъ постоянно сохранялся,— даже и въ 1664 году торговой Остъ-Индской компаніи дано право вести войну съ **нехристіанскими** государствами.

52. Историческій очеркъ имѣлъ цѣлью показать значеніе умственной вселенски-соборной дѣятельности Константинополя, въ возобновленіи которой заключается даже и мирное освобожденіе Византіи. Для такого возобновленія необходимъ постоянный всенаучный конгрессъ. Не будучи всенаучнымъ, онъ не можетъ быть вселенскимъ для настоящаго времени. Только вышеозначенное убѣжденіе въ ученіи о Троицѣ, какъ заповѣди, и имманентное воскрешеніе, или вообще убѣжденіе въ необходимости всемірнаго соединенія умственныхъ силъ, привлекая къ себѣ интеллигентную часть Турціи, и ослабляя тѣмъ фанатическую, приведетъ къ освобожденію Константинополя, къ обращенію его въ центральное мѣсто всего міра, гдѣ и откроетъ свои засѣданія вселенскій, всенародный соборъ.

53. Источниками для всенародной Исторіи Памира служатъ самые языки, на которыхъ говорятъ забывшіе о своемъ общемъ происхожденіи на-

роды, не сохранившіе память, преданіе о племенномъ происхожденіи, о мѣстахъ, гдѣ жили и умерли ихъ предки. Такимъ мѣстомъ для китайцевъ служитъ Куенъ-Лунь, для монголовъ—Тьянъ Шань, для финновъ—Алтай, для Семитовъ—Араратъ, Назиръ. Центромъ всѣхъ этихъ мѣстъ, могилъ предковъ отдѣльныхъ племенъ, оказывается Памиръ, въ которомъ библейское преданіе отожествляется съ преданіями другихъ народовъ. Эдемъ, царство жизни, сталъ Памиромъ (безплодною пустынею по нынѣшнему), начальною первою могилою, къ которой примыкаютъ всѣ другія могилы; гора Меру сливалась въ представленіи народовъ со стержнемъ, съ осью міра, около которой вращалось созвѣздіе Медвѣдицы. Кремли восточныхъ столицъ воспроизводились храмами, воздвигнутыми надъ могилами отцовъ, Меру (Морія Іерусалима) съ семью планетными небесами, а также и Эдемъ, какъ сады, насаждаемые на искусственныхъ горахъ (висячіе сады), и вода, поднятая посредствомъ водовзводныхъ башенъ, изливалась оттуда въ видѣ 4-хъ потоковъ. Сближеніе же Константинополя съ Памиромъ послужитъ переходомъ отъ Троицы—какъ догмата, къ Троицѣ какъ заповѣди служенія сыновъ и дочерей человѣческихъ всѣмъ отцамъ, какъ одному отцу, т. е. отъ воскресенія трансцендентнаго къ воскрешенію имманентному, и первымъ шагомъ къ тому послужитъ превращеніе Памира въ Эдемъ путемъ регуляціи метеорическихъ явленій. Эдемъ былъ въ представленіи первобытныхъ народовъ центромъ силы оживляющей, онъ достигалъ до небесъ, и небо вращалось около него, какъ своей оси; материки расходились отъ него, какъ лепестки лотоса; вода, исходя однимъ потокомъ, который раздѣлялся на 4 рѣки, орошала или оживляла всѣ четыре части или страны свѣта; тамъ, наконецъ, было древо знанія и жизни. Это не дѣйствительность, а миѳическій проектъ, потому то Памиръ, въ который обратился Эдемъ, открываетъ намъ путь къ сыновнему дѣлу. При обращеніи народнаго воззрѣнія на міръ въ Колумбо-Коперниканское, Меру и другія горы, [каковы Альборджи (Эльбрусъ), Аріарати (Араратъ), Олимпъ], которыя для отдѣльныхъ племенъ замѣняютъ Меру, оказываются самою землею, т. е. полушаріями, у которыхъ полюсъ есть вершина, а экваторъ подошва.

54. Ибо какъ назвать всю эту эпоху, которая начинается съ возрожденія наукъ и искусствъ, которая ставитъ цѣлью наслажденіе? не есть ли это прямое служеніе Гермесамъ, Афродитамъ, Палладѣ и проч.; только это уже не эллинская прелесть, а мануфактуно-промышленная фальшь, обманъ, т. е. тутъ не изображеніе только, а сама игрушечная дѣйствительность.

55. Только внушеніямъ Гермеса и отчасти Арея (бога войны) можно приписать всѣ старанія найти способъ управлять аэростатомъ; хотя, если бы этотъ способъ и былъ найденъ, онъ не могъ бы имѣть особо важнаго значенія; а между тѣмъ аэростаты могли бы имѣть очень важное значеніе въ приложеніи къ другому дѣлу, къ дѣлу регулированія метеорическими явленіями, о которомъ сказано будетъ ниже.

Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра.

ЧАСТЬ IV.

Въ чемъ наша задача?

Воскрешеніе, какъ актъ совершающійся, объединяетъ не только всѣ религіи, всѣ исповѣданія, оно объединяетъ въ одномъ дѣйствіи, во всеобщей родственной, праотеческой любви какъ вѣрующихъ, такъ и сомнѣвающихся, ученыхъ и неученыхъ, сословія, городъ и село. Время споровъ приходитъ къ концу, ибо слова или мысль не имѣютъ доказательной силы; обращая же догматъ въ заповѣдь, въ сыновній, въ прасыновній долгъ, мы переходимъ изъ области теоретической, наиболѣе спорной, изъ области знанія вообще, въ область нравственную, наименѣе спорную, въ область дѣйствія. Сомнѣвающіеся находятся въ положеніи апостола Ѳомы: сомнѣніе не лишаетъ его званія послѣдователя Христова и другіе ученики не повѣрили одному слуху и убѣдились только тогда, когда увидѣли воочію; для Ѳомы же недостаточно было и десяти свидѣтелей очевидцевъ; но сомнѣніе въ этомъ случаѣ равнозначуще глубочайшей любви, жаждущей видѣть и слышать возлюбленнаго Учителя (или же удостовѣриться самыми осязательными доказательствами), а любовь «выше вѣры, выше надежды», «съ вѣрою безъ любви мы ничто». (Кор. 1-е, 13, 2).

Союзъ вѣры и любви, или единство трехъ, такъ называемыхъ, богословскихъ добродѣтелей, т. е. всеобщая добродѣтель, есть вѣрность Богу, которая не можетъ быть однако безъ вѣрности всѣмъ отцамъ, какъ одному отцу, и безъ вѣрности братьямъ; точно также, какъ вѣрность отцамъ и вѣрность братьямъ не мыслимы одна безъ другой. Все зло заключается въ измѣнѣ, въ **несчастіи,** по понятіямъ нашего народа; но и тотъ «несчастный», съ именемъ котораго слилось представленіе о высшей степени этого преступнаго предательства, тотъ, котораго Западъ въ лицѣ Данта помѣстилъ въ самую глубину безвыходнаго ада, могъ бы быть поносимъ только тѣмъ, кто самъ чистъ отъ измѣны. («Кто безъ грѣха изъ васъ, пусть первый броситъ камень»).

Какъ сомнѣніе ап. Ѳомы равнозначуще любви, такъ, наоборотъ, вѣра нынѣшняя равнозначуща равнодушію. Равнодушію нужно приписать и то обстоятельство, что явленія воскресшаго Христа считаются законченными, вопреки прямому обѣщанію Спасителя, сказанному въ отвѣтъ на

глубоко-человѣчный (а м. б. и на грубо-іудейскій вопросъ Іуды не Искаріотскаго—«Господи, и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови»; —Іоан. XIV, 22). (Примѣч. 1-е). Соблюденіе слова ставится условіемъ явленія,—«аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидема и обитель у него сотворима» (тамъ же, XIV, 21, 23). Не нужно, кажется, дѣлать вопроса, явится ли Христосъ, когда весь міръ сдѣлается исполнителемъ слова, совершителемъ заповѣди всеобщаго воскрешенія. Мы полагаемъ, позволительно желать, чтобы весь міръ пришелъ въ разумъ истинный, чтобы весь міръ могъ избѣжать вѣчныхъ наказаній. Можно надѣяться, что такой исходъ дѣла не найдетъ себѣ противниковъ между людьми и, конечно, совершенно сообразенъ съ христіанской идеей о Богѣ, какъ о любви. Трудъ всеобщаго воскрешенія, начаткомъ котораго было воскресеніе Христово, не прекращался, хотя въ тоже время не останавливалось и противодѣйствіе ему. Трудъ Запада въ дѣлѣ воскрешенія, въ коемъ и мы принимали нѣкоторое участіе, можетъ быть названъ воскрешеніемъ мертвымъ; ибо какое другое имя можетъ быть дано этому собиранію различныхъ памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ, кои сохранились отъ самыхъ отдаленныхъ временъ, съ цѣлью возстановить образъ только міра въ области мысли (т. е. совершить мысленное или мнимое воскрешеніе)? Кромѣ этого собиранія различныхъ остатковъ, или останковъ (реликвій), прошедшаго, наука имѣетъ въ своемъ распоряженіи, для попытокъ воспроизведенія явленій жизни въ маломъ видѣ, лабораторіи, физическіе кабинеты и т. п. Затѣмъ остаются еще страдательныя созерцанія, или наблюденія надъ тѣми условіями, небесными и земными, отъ которыхъ зависитъ жизнь. Этими тремя способами исчерпываются въ настоящее время всѣ средства науки для мысленнаго возстановленія цѣлаго образа міра.

Но если довольствоваться только мысленнымъ возстановленіемъ, въ такомъ случаѣ мы или никогда не можемъ быть убѣждены, что этотъ образъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, (это субъективное только знаніе); или же, если мы его примемъ за дѣйствительный образъ міра, въ такомъ случаѣ этотъ образъ, какъ его знаетъ настоящая наука, будетъ изображеніемъ всеобщаго шествія къ смерти, сопровождаемаго всякаго рода страданіями; т. е. такое представленіе будетъ истиннымъ мученіемъ для человѣка, ибо созерцать страданія и смерть, не имѣть возможности помочь и при этомъ не чувствовать мученія отъ такого созерцанія, могутъ только ученые, по самому своему положенію не обязанные имѣть ни сердца, ни воли, а одинъ только умъ. Къ тому же должно замѣтить, что пока наука находится въ своей языческой, т. е. городской, стадіи развитія, пока она есть только образъ міра, какимъ онъ дается намъ въ нашемъ ограниченномъ опытѣ, и остается въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, истиннаго единства между нею и религіею быть не можетъ. Сомнѣніе для науки въ такомъ состояніи обязательно, (и это есть сомнѣніе, не жаждущее видѣть и слышать, сомнѣніе безчувственное, не изъ любви проистекающее); рели-

гія же при этомъ сама ограничиваетъ свое дѣло храмомъ, пресуществленіемъ, вмѣсто воскрешенія, и самое собираніе, производимое ею, будетъ безцѣльно. Въ такой наукѣ народъ не принималъ никакого участія, ибо для него, какъ нелишеннаго ни чувства, ни воли, живущаго сердцемъ и нуждающагося въ дѣятельности, нужно не мертвое, не мнимое или мысленное, а живое, дѣйствительное воскресеніе; онъ не можетъ найдти утѣшенія въ воскрешеніи мнимомъ, въ какія бы пышныя фразы оно не было облечено и какъ бы не были соблазнительны эти фразы для сословій въ родѣ адвокатовъ, ораторовъ, живущихъ фразами. Вотъ напримѣръ, какъ изображаютъ это мнимое воскрещеніе: «Міръ прошедшій, покорный мощному голосу науки, поднимается изъ могилы свидѣтельствовать о переворотахъ, сопровождавшихъ развитіе поверхности земного шара, (поднимается изъ могилы не для себя, не для жизни, а лишь для того, чтобы удовлетворить наше праздное любопытство); почва, на которой мы живемъ, эта надробная доска жизни миновавшей, становится какъ бы прозрачною; каменные склепы раскрылись; внутренности скалъ не спасли хранимаго ими. Мало того, что полуистлѣвшіе, полуокаменѣлые остовы обрастаютъ снова плотью! палеонтологія стремится раскрыть законъ соотношенія между геологическими эпохами и полнымъ органическимъ населеніемъ ихъ. Тогда все, нѣкогда живое, воскреснетъ въ человѣческомъ разумѣніи, все исторгнется отъ печальной участи безслѣднаго забвенія, и то, чего кость истлѣла, чего феноменальное бытіе совершенно изгладилось, возстановится въ свѣтлой обители науки, въ этой области успокоенія и увѣковѣченія временнаго». —(Герценъ. Письма объ изученіи природы). Впослѣдствіи, впрочемъ, тотъ же писатель логику назвалъ кладбищемъ и въ этомъ ближе подошелъ къ истинѣ.

Все сказанное относительно того, что сдѣлано Западомъ для мнимаго, или мертваго, воскрешенія, относится, конечно, къ одной лишь чистой, неприкладной наукѣ. Но приложенія науки случайны и не соотвѣтствуютъ широтѣ ея мысли, иначе она вышла бы изъ рабства торгово-промышленному сословію, которому въ настоящее время служитъ; въ этомъ служеніи и заключается характеристика Западной науки, которая съ тѣхъ поръ, какъ изъ служанки богословія сдѣлалась служанкою торговли, уже не можетъ быть орудіемъ дѣйствительнаго воскрешенія. Если бы наука имѣла въ виду быть вполнѣ прилагаемой, то, развившись внутри торгово-промышленнаго организма, она должна была бы выйти на свѣтъ, родиться въ новую жизнь.

Начало настоящей, нынѣшней науки положено вмѣстѣ съ сбразованіемъ особаго городского сословія, съ отдѣленіемъ города отъ села, имѣющаго дѣло съ живою природою, живущаго одною съ природою жизнью; вмѣстѣ съ отдѣленіемъ мануфактурнаго промысла отъ земледѣлія, полагаются основы мертваго, такъ называемаго, субъективнаго знанія, мысленнаго или мнимаго возстановленія. Всякое ремесло должно, прежде всего, лишить жизни растеніе или животное, выдѣлить изъ общаго хода или строя предметъ или вещь, чтобы произве-

сти надъ ними свои операціи. Среди такихъ то работъ и родилась наука; мастерская была колыбелью физики и химіи. За этими эмпирически-отвлеченными науками послѣдовали, пошли тѣмъ же путемъ анализа, раздѣленія, и умозрительныя. Все развитіе этихъ послѣднихъ состоитъ въ раздѣленіи и отвлеченіи: человѣка наука разсматриваетъ отдѣльно отъ условій его жизни, антропологію отъ космологіи; точно также душу отдѣляютъ отъ тѣла, психологію отъ соматологіи; послѣдняя также раздѣляется на физіологію и анатомію; словомъ, чѣмъ далѣе идетъ анализъ, тѣмъ мертвеннѣе продукты его. Выше всего, казалось бы, стоитъ въ этомъ отношеніи метафизика, эта мертвеннѣйшая изъ мертвыхъ, отвлеченнѣйшая изъ отвлеченныхъ. Однако, есть еще онтологія, наука о самомъ отвлеченномъ бытіи, равнозначущемъ уже небытію. Поэтому понятно выраженіе Плотина, (который въ данномъ случаѣ является представителемъ вообще спиритуализма, — откуда и аскетизмъ), что состояніе смерти есть самое философское понятіе; и еще болѣе ясно, почему воскресеніе есть самое не философское понятіе: воскресеніе все собираетъ, возстановляетъ и оживляетъ, тогда какъ философія все раздѣляетъ, все отвлекаетъ и тѣмъ умерщвляетъ, въ концѣ же концовъ, философія не только возстановленіе дѣлаетъ лишь мысленнымъ, т. е. самымъ отвлеченнымъ, но даже самый внѣшній, существующій міръ, благодаря созерцательной, сидячей, недѣятельной жизни, обращается въ представленіе, въ психическій лишь фактъ, въ фантомъ; и такое превращеніе дѣйствительнаго міра въ субъективное явленіе есть результатъ сословной жизни, функція мыслящаго органа человѣчества.

Но тѣмъ не менѣе все это необходимый, предшествующій моментъ, ибо прежде нужно все разложить, раздѣлить, чтобы потомъ сложить и соединить, такъ какъ только смертью можетъ быть попрана смерть. Нужно было дойдти именно до такой глубины сомнѣнія, чтобы только возсозданіе, возстановленіе всего исчезнувшаго и безсмертіе исчезающаго признать полнымъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія, и для такого доказательства необходимо, чтобы мышленіе стало дѣйствіемъ, чтобы мысленный полетъ превратился въ дѣйствительное перемѣщеніе.

Собираніе начинаетъ и современная наука; она собрала лишенныхъ жизни животныхъ, высушенныя растенія, минералы и металлы, извлеченные изъ ихъ естественныхъ мѣсторожденій,—все это въ видѣ обломковъ, осколковъ, гербаріевъ, чучелъ, скелетовъ, манекеновъ и проч.—въ особыя кладбища, названныя музеями. Не изумительно ли при этомъ то обстоятельство, что это собраніе, если бы даже оно было приведено въ такой порядокъ, что могло бы служить полнымъ отображеніемъ развитія всей жизни міра, могло считаться окончательною цѣлью знанія? (Музеолатрія).

Въ противоположность искусственному собиранію лишенныхъ жизни животныхъ, растеній и другихъ предметовъ, производимыхъ современной наукой, въ противоположность кабинетнымъ ея опытамъ и пассивному наблюденію, является сельское знаніе, которое не отдѣляется отъ жизни, составляетъ съ ней одно.

Впрочемъ, сельское знаніе въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названо знаніемъ, такъ какъ оно не вышло еще изъ миѳической стадіи развитія. Городское знаніе уже высказалось, можно сказать, все; и тѣмъ не менѣе, попытки введенія его въ село (такъ какъ другого образованія, кромѣ городского, пока нѣтъ) не имѣютъ успѣха; это доказываетъ, что городское знаніе для сельской жизни не пригодно и не полезно и что оно должно принять иное направленіе, чтобы войти въ сельскую жизнь, сдѣлаться сельскимъ знаніемъ. Отъ такого измѣненія знаніе не только не потеряетъ, но безконечно выиграетъ, потому что сознаніе всѣхъ условій растительной и животной жизни, въ видахъ управленія процессами ея, (въ чемъ и заключается задача сельскихъ жителей), потребуетъ приложенія знанія во всей полнотѣ его, что особенно очевидно для естествознанія.

Въ основѣ сельской жизни, сельскаго дѣла лежитъ астрономія, т. е. движеніе солнца по зодіаку съ его проявленіемъ въ метеорическомъ процессѣ (конкретная физика и химія), въ явленіяхъ растительной и животной жизни. (Въ какой связи находятся степная зоологія съ астрономіею, доказываетъ существованіе зодіака; съ началомъ земледѣльческой жизни вошли, вѣроятно, въ небесный кругъ и растенія, отъ которыхъ остался теперь только «**Колосъ**» въ «Дѣвѣ»). По вѣрованіямъ сельскихъ жителей они сами были участниками въ процессѣ возстановленія жизни растительной, животной, который они видѣли, и даже въ процессѣ возвращенія къ жизни предковъ, который они предполагали только. Византія, столица греко-славянскаго міра, соединивъ возвращеніе солнца къ веснѣ съ празднованіемъ Воскресенія, полагала въ основу знанія Пасхалію; но, несмотря на это, Византія не могла примирить городского идолопоклоннческаго знанія съ сельскимъ; начало такому примиренію, примиренію религіи съ знаніемъ, т. е. объединенію вѣрующихъ и сомнѣвающихся положилъ, можно сказать, Коперникъ. Быть можетъ, не простая случайность, что славянинъ Коперникъ произвелъ переворотъ въ астрономіи, который долженъ послужить исходнымъ пунктомъ новаго направленія всего знанія и въ свою очередь произвести переворотъ и въ сельской жизни, направивъ ее отъ мнимаго управленія движеніемъ солнца къ дѣйствительному управленію движеніемъ земли, такъ-чтобы весеннее возрожденіе превратилось въ дѣйствительное Воскрешеніе, ибо такое направленіе знанію, повидимому, могло бы дать только земледѣльческо-общинное славянство. (Примѣч. 2 е).

Выше мы замѣтили, что городское знаніе, городское образованіе для сельской жизни не полезно; но даже мало сказать, что оно не полезно, оно дѣйствуетъ на село губительно, потому что, давая сельскимъ жителямъ такія знанія, которыя могутъ быть пригодными лишь въ городѣ, оно отрываетъ отъ села, для жителей котораго и безъ того слишкомъ много приманокъ представляетъ городъ; такимъ образомъ, городъ разрушаетъ село тѣмъ, что, такъ сказать, всасываетъ его въ себя; кромѣ того, городъ, самъ ничего не производя, прививаетъ и остающимся въ селѣ коммерческія, городскія свойства. Такимъ образомъ можно думать, что дѣло идетъ къ

превращенію всего въ городъ, а это было бы окончательною порчею, паденіемъ. Въ прежнее время обновленіе производилось путемъ нашествія варваровъ, путемъ опустошеній, послѣ чего вновь возникала первобытная сельская жизнь, которую, впрочемъ, ожидала таже участь; допустимъ, что и въ настоящее время возможны еще подобные погромы, но желательно ли, чтобы такимъ путемъ продолжалось дальнѣйшее движеніе человѣчества? Фаталисты, конечно, отвѣтятъ: «таковъ законъ развитія»,—т. е. отвѣтятъ въ сущности то же, что и тѣ, которые говорятъ, (и которыхъ обзываютъ за это «просвирнями»): «таковъ предѣлъ, его же не прейдеши»; а къ такимъ фаталистамъ принадлежатъ всѣ, думающіе, что задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы констатировать факты, узнавать болѣзни, а не лѣчить ихъ.

Отдаленнѣйшую причину обращенія знанія только въ мысленное возстановленіе, причину отдѣленія его отъ жизни, нужно искать въ изначальномъ нарушеніи цѣлостности человѣческаго рода, т. е. въ забвеніи своего долга къ отцамъ. Вслѣдствіе этого забвенія произошли народы, непомнящіе своего родства, враждебные другъ другу языки, или язычники, и тотъ международный раздоръ, при коемъ воскресеніе стало предметомъ лишь ожиданія, а не дѣятельности, сдѣлалось выраженіемъ мщенія, суда.

Язычниками назывались именно тѣ племена, которыя, въ противоположность Семитическому племени, наименѣе сохранили единства въ языкѣ, (т. е. наиболѣе забыли родство, единство происхожденія), такъ что утратили всякую возможность ко взаимному пониманію. У этихъ же племенъ утратилось и понятіе объ Единомъ Богѣ, ибо прилагательныя, обозначавшія свойства Единаго Существа, сдѣлались названіями особыхъ существъ, боговъ. Семиты же сохранили даже имя родоначальника Арійскаго племени Іафета, Япетоса, Юпитера; нѣтъ народа правѣе семитовъ предъ своимъ родоначальникомъ Симомъ, и нѣтъ преступнѣе народа противъ общаго отца всѣхъ людей, котораго они называютъ Адамомъ. Если христіанство есть дѣйствительная взаимность, то оно не можетъ ограничиваться сохраненіемъ лишь возможности пониманія при нѣкоторыхъ усиліяхъ, и при томъ между нѣкоторыми лишь народами; оно должно создать всечеловѣческій, всенародный языкъ, и тѣмъ устранить одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ установленію взаимности между ними.

Вслѣдствіе забвенія долга къ отцамъ произошли сословія, забывшія общее происхожденіе, неспособныя даже понимать другъ друга, потому что одни говорили искусственнымъ, книжнымъ языкомъ, другіе же живымъ, народнымъ; и чѣмъ глубже различіе между сословіями, тѣмъ мертвѣе становится первый и грубѣе второй. Изъ этихъ сословій одно, интеллигенція, удовлетворяется мнимымъ, или мертвымъ воскресеніемъ (наукою и искусствомъ), а другое, народъ, и самихъ мертвыхъ признаетъ живыми. Знаніе, отдѣленное отъ дѣйствія, превратилось въ созерцаніе, а дѣйствіе безъ знанія въ механическую работу. (Отсюда и борьба между идолопоклонниками, признающими недѣйствительное воскрешеніе, и идолоборцами, отвергающи-

ми его, борьба Востока съ Западомъ, которая и составляетъ содержаніе всемірной исторіи).

Новѣйшія лингвистическія изслѣдованія показываютъ, что первыми отдѣлившимися и забывшими своихъ отцовъ были нынѣшніе Западные народы: Кельты, Пелазги (вѣроятные предки Грековъ и Римлянъ), Фракійцы, Германцы и проч.; Славяне же и Зенды послѣдними оставили родину Арійскаго племени, и это выселеніе ихъ случилось въ то время, надо полагать, когда поклоненіе естественнымъ силамъ начало замѣняться почитаніемъ нравственной силы (такъ **Богъ** и по персидски **Богасъ,** также и желѣзо имѣетъ одинъ корень съ персидскимъ названіемъ желѣза), когда человѣкъ начиналъ уже сознавать обязанность борьбы со зломъ, слѣдовательно, заключалъ уже въ душѣ своей зародышъ мысли о воскресеніи, которая и была развита Зендами. Племена, отдѣлившіяся прежде Славянскаго и Зендскаго, не только забыли объ общемъ происхожденіи, но и выработали презрѣніе ко всему иноплеменному и даже одно къ другому. Этимъ характеромъ особенно обозначилось племя крайне восточное (Индусы, составившіе высшія касты въ Индіи) и крайне-западное (гордые Британцы). Напротивъ, славяне,—(хотя и забыли объ общемъ происхожденіи), не чуждались общенія даже и съ непринадлежащими къ Арійскому племени народами, они роднились со всѣми инородцами. Въ континентальной глуши совершалось великое явленіе сближенія двухъ самыхъ отдаленныхъ по генеалогической таблицѣ племенъ, Арійскаго и Чудскаго, за что мы и получили кличку «Туранцевъ». (Примѣч. 3-е).

Это распространеніе Славянскаго племени по материку и сближеніе его съ инородцами, стоившее огромныхъ трудовъ и страданій, не записано исторіею, (Примѣч. 4-е), ибо исторія слѣдила за другими объединеніями и колонизаціею, за объединеніемъ черезъ порабощеніе въ бойкихъ мѣстахъ океанической, богато одаренной полосы, коей два полюса составляютъ Индія и Англія, слившіяся въ одно черезъ порабощеніе первой послѣднею. Англо-Индійская колонія основана не на родовомъ, конечно, началѣ, а родство тѣмъ не менѣе между ними существуетъ и названо оно Индо-Германскимъ, или Индо-Европейскимъ, и напрасно не названо Индо-Британскимъ. Такая же связь существуетъ и между всѣми народами земли. Въ наукѣ это открытіе (родства всѣхъ народовъ)—самое недавнее и еще не доказано; въ религіи же не только христіанской, но и іудейской,—старая истина. А у насъ чувство родства со всѣми составляетъ отличительную черту народнаго характера, выработаннаго формою быта (родового), въ которой мы до сего жили. По этому признаку насъ и относятъ къ отсталымъ, деревенщинѣ, необразованнымъ; и эти названія будутъ дѣйствительно (справедливо) укоризненными и даже вполнѣ укоризненными, если деревня, не переставая быть собою, не создастъ лучшей жизни, если изъ нея не выйдетъ спасеніе городу. Соглашаясь, что родовая форма самая первобытная, примитивная, архаическая, дикая, дѣтская, мы тѣмъ не менѣе должны отдать ей рѣшительное преимущество предъ самыми развитыми,

юридическими формами. Родовая форма, въ идеальномъ, т. е. проективномъ, смыслѣ есть такой союзъ, который держится внутреннею силою (чувствомъ), не употребляя внѣшняго принужденія, насилія, она—тотъ союзъ, образъ котораго данъ намъ въ Троицѣ. Въ дѣйствительности, родовой союзъ такого идеальнаго совершенства, какой данъ въ Троицѣ, имѣть не могъ, ибо внутреннее чувство, на коемъ онъ основанъ, есть чувство темное, происходящее изъ безсознательнаго и невольнаго процесса рожденія; и чѣмъ болѣе размножался родъ, тѣмъ менѣе становились ощутительными признаки родства по причинѣ той же темноты или, лучше сказать, трудности постигнуть процессъ размноженія (рожденія). Однако, трудность постиженія не давала человѣку права отказываться отъ тяжелаго, труднаго пути знанія и замѣнить родственный союзъ принудительной силой, въ чемъ бы она ни выражалась, въ личномъ ли насиліи или въ юридическомъ законѣ. (Замѣчательно, что именно слова, обозначающія родство, сохранили наиболѣе сходства во всѣхъ языкахъ арійскаго происхожденія). Существованіе юридическаго, внѣшняго закона оправдывается невѣдѣніемъ внутренняго, естественнаго; но такого оправданія допустить нельзя, если уже нельзя оправдываться незнаніемъ даже закона юридическаго, придуманнаго, сочиненнаго. Изъ этого видно, почему грѣхи невѣдѣнія, т. е. вообще невольные, безсознательные,—первородный грѣхъ, суть грѣхи смертные, наказуемые смертью; не признающіе же этого становятся на сторону невѣдѣнія, дѣлаются обскурантами, противниками знанія, противниками обращенія безсознательной слѣпой силы природы въ сознательную, управляемую разумною волею. Несмотря на наше невѣдѣніе, родство всетаки существуетъ, и какъ ни велико различіе особей разныхъ племенъ, но всѣ онѣ произошли отъ одного родоначальника, между всѣми существуетъ родство какъ физіологическое, такъ и лингвистическое, и изъ послѣдняго должно произойти собираніе для раскрытія перваго. Какъ естественная задача, такъ и Божественная заповѣдь, требуютъ обратить безсознательное, невольное рожденіе во всеобщее воскрешеніе и психо-физіологическое знаніе въ психократію.

Объединеніе въ языкѣ не можетъ не быть результатомъ сознанія родства, потребности взаимнаго пониманія при общемъ дѣлѣ. Стремленіе Западной науки открыть единство всѣхъ языковъ можетъ быть поставлено ей въ большую заслугу, если изъ этого произойдетъ дѣйствительное объединеніе въ одномъ языкѣ. Мы разумѣемъ не созданіе языка искусственнаго, а такого, который былъ бы результатомъ всеобщаго сравнительнаго языкознанія. Языки чрезъ раздѣленіе подвергаются порчѣ, слова, которыми говоримъ, дѣлаются непонятными, а потому всемірный языкъ будетъ не новымъ, а усовершенствованіемъ, возвращеніемъ каждаго частнаго языка къ первоначальной чистотѣ и понятности, что увеличитъ его силу и выразительность. Нельзя, конечно, считать объединеніемъ тѣ уродливые языки, которые образуются при торговомъ сближеніи, какъ Воляпюкъ, или языкъ, на которомъ объясняются Русскіе съ Китайцами въ Кяхтѣ. Такое

смѣшеніе происходитъ и происходило во всякомъ Вавилонѣ, т. е. во всякомъ торговомъ городѣ, и служитъ лишь къ затемнѣнію смысла словъ, это наказаніе за искаженіе языковъ отеческихъ. (Примѣч. 5). Политическое и экономическое преобладаніе можетъ, конечно, измѣнить языкъ, уподобить въ этомъ отношеніи подчиненный народъ преобладающему; но не въ этомъ состоитъ лингвистическое объединеніе, **филологическая пятидесятница**, это священное дѣло, литургія собиранія (оглашенныхъ), дѣло миссіонерское. Если смотрѣть на христіанство, какъ на собираніе, какъ на миссіонерское дѣло,—т. е. **оглашеніе**,—какъ на первую только часть литургіи, то и тогда совершеніе богослуженія на понятномъ только для каждаго отдѣльнаго народа языкѣ будетъ далеко неполнымъ исполненіемъ задачи, будетъ общеніемъ лишь въ чувствѣ, отчасти въ мысли, но не въ словѣ; общеніе въ словѣ будетъ зависѣть отъ успѣховъ лингвистики, которая далека отъ исполненія и теоретической своей задачи, словаря корней всѣхъ языковъ. Причина малой успѣшности лингвистики, и вообще наукъ,—зависитъ отъ того, что человѣчество считаетъ главнымъ своимъ дѣломъ общественное, а не общее; наука же принадлежитъ къ общему дѣлу, хотя въ настоящее время она и составляетъ предметъ занятій лишь немногихъ. Пятидесятница, послѣ которой началось собираніе, т. е. первая часть литургіи, есть праздникъ лингвистики; но то, что совершилось тогда чудомъ, теперь должно совершиться трудомъ. Съѣздъ лингвистовъ есть уже начало Трудовой Пятидесятницы. Переводъ Священнаго Писанія на какой-либо народный языкъ есть вмѣстѣ и начало изученія его; изученіе же языка есть открытіе родства его съ другими языками; такимъ образомъ, по мѣрѣ распространенія христіанства, и лингвистика дѣлалась бы болѣе и болѣе христіанскою, т. е. всемірною, и соборъ представлялъ бы съѣздъ лингвистовъ со всего міра; общее въ языкахъ выдѣлилось бы и составило бы всемірный, всенародный, т. е. всеязыческій, или христіанскій языкъ. (Въ этомъ дѣлѣ семинаріи имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ гимназіи; семинаріи все-таки еще помнятъ, что должны образовать учителей для народа, и потому всѣ почти семинаріи, кромѣ центральныхъ, имѣютъ въ числѣ своихъ предметовъ мѣстные языки, гимназіи же задаются цѣлью уничтожить въ своихъ воспитанникахъ всякій слѣдъ даже мѣстнаго говора). Пока же не будетъ единства въ словѣ, до тѣхъ поръ люди будутъ братьями, которые не говорятъ другъ съ другомъ, точно также, пока люди не будутъ сближены лучшими средствами сообщенія, не на основаніи экономическихъ интересовъ созданными, до тѣхъ поръ люди будутъ братьями, которые даже не бываютъ одинъ у другого.

Мѣстныя литургіи суть миссіонерскія дѣйствія, дѣйствія собиранія, пріобщающія мѣстныя населенія ко всеобщему союзу для всеобщей литургіи; и если каждая мѣстная литургія не приводитъ мѣстное населеніе къ общему дѣлу, то служитъ лишь къ большему осужденію; мы живемъ въ періодѣ оглашенія, покаянія, и называть себя вѣрными было бы дерзостью.

Съ войны 1877 года, казалось, должна бы начаться для насъ новая

эпоха; собираніе Русской земли должно бы было, повидимому, расширить-ся въ собираніе цѣлаго Славянскаго племени; казалось, что узы, соединяющіе свободные народы съ нами, будутъ тѣснѣе, глубже; изчезнетъ все принудительное, все насиліе въ этомъ новомъ собираніи. Плачей подобныхъ плачамъ Новгорода и Пскова, которые доходили, конечно, до слуха Іоанна III-го, не услышитъ новый собиратель. Связь умственная, нравственная, художественная соединитъ насъ съ освобожденными народами. Ближайшею же нашею цѣлью должно быть раскрытіе родства всѣхъ народовъ славянскаго племени.

Въ проектъ церкви, въ научномъ смыслѣ, входитъ прежде всего проектъ всеобщаго переоруженія, т. е. употребленія оружія для метеорологической регуляціи, что только и можетъ привести къ устраненію причинъ вражды и борьбы. Нѣтъ надобности скрывать, что нынѣшніе передовые сдѣлаются отсталыми, обскурантами, защитниками сословнаго знанія, юридической лжи и экономической продажности; «всякій трудъ есть товаръ, каждый шагъ долженъ быть оплаченъ»,—будутъ повторять они; «весь міръ торжище, борьба законна»... Нынѣшніе прогрессисты, утратившіе всякій нравственный смыслъ, безсознательно, простодушно-циничны, а будущіе консерваторы, т. е. эти же нынѣшніе прогрессисты, будутъ наглыми циниками. Настоящее человѣчества, благодаря своему устройству, есть ложь и ложь организованная; но человѣчество станетъ, сдѣлается истиною, когда переоружится. Долгъ ученаго и интеллигентнаго сословія быть дѣятелями, посредниками при этомъ переоруженіи. Истина можетъ принадлежать не сословію, а только всему человѣчеству въ совокупности всѣхъ поколѣній. Разумъ всего человѣчества и наука должны быть тождественными, тогда и будетъ истина.

Византія была столицею Греко-Славянскаго міра; исторія Московскаго государства, какъ справедливо замѣчено, являлась отраженіемъ исторіи Византіи, но Византіи временъ упадка. Москва, собирательница Россіи, можно сказать,—дочь Византіи, но рожденная въ старости, потому то и храмомъ собиранія былъ въ ней храмъ Успенія Богоматери, (Примѣч. 6 е) а не храмъ Софіи—Премудрости Божіей, которая была символомъ Троицы, и храмъ коей, созданный въ цвѣтущую эпоху Константинополя, былъ какъ бы художественнымъ выраженіемъ этого догмата. Въ образѣ Троицы Царьградъ создалъ идею собиранія человѣчества, какъ въ иконописи и, вообще, въ священномъ искусствѣ, или обрядѣ, создалъ средство къ этому собиранію, котораго совершить однако не смогъ, потому что на выработанное имъ же ученіе о Тріединствѣ смотрѣлъ лишь какъ на догматъ, а не какъ на проектъ собиранія, на иконопись же и на обрядъ даже и не смотрѣлъ какъ на средство къ собиранію. И Москва, находившаяся подъ опекою Византіи до самаго почти паденія ея, не могла усвоить иного взгляда на собираніе кромѣ того, какой былъ у ея воспитательницы; поэтому то Московское собираніе и отличалось такою суровостью; она, какъ говорили, «вынимала души изъ областей». Если православіе есть иконопись, обрядъ,

или вообще искусство, какъ средство народо-образовательное, то въ настоящей, временной столицѣ православія, всѣ наглядныя средства образованія должны быть соединены, т. е. должны быть соединены всѣ музеи: историческій, этнографическій, антропологическій, (или путь къ обединенію всеславянскому и къ всенародному)—и музей земледѣльческій,—(или естествознаніе, какъ образовательное средство къ разрѣшенію вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго). Всѣ эти музеи должны быть соединены и обращены въ храмъ премудрости, въ чемъ и будетъ выражаться объединеніе свѣтскаго и духовнаго, научнаго и религіознаго, классическаго и реальнаго въ христіанскомъ, потому что христіанство не сторона, не партія, оно само объединеніе. И такимъ образомъ объединяющимъ храмомъ премудрости будетъ выражено объединеніе всего того, что не могло быть объединено Константинополемъ, всего того, что послѣ паденія его разошлось въ разныя стороны: одно (классическое, языческое и проч.) перешло на Западъ, а другое стало наслѣдіемъ Россіи; Западъ получилъ капиталъ древняго знанія, Москва же наслѣдовала лишь долгъ, приняла на себя обязанность освобожденія Востока и просвѣщенія его (Мелетій Пигасъ); но исполнить этотъ долгъ Москва можетъ только получивши умственныя средства отъ Запада. Музей и долженъ представлять соединеніе всѣхъ этихъ средствъ въ видахъ достиженія одной общей христіанской цѣли. Созданіе музея, коего центромъ, основаніемъ и вѣнцомъ будетъ храмъ Премудрости Божіей, и укажетъ человѣку дальнѣйшую его цѣль и долгъ. Созданіе такого народо-воспитательнаго храма есть превращеніе промышленной, художественной и научной (хаотической) розни въ одно общее отеческое прародительское дѣло (Примѣч. 7-е), есть возсоединеніе объединенной такимъ образомъ интеллигенціи съ земледѣльческимъ трудомъ. Строеніе этого храма премудрости есть въ тоже время и внесеніе стройности въ общество. Созидая храмъ, создаютъ изъ себя церковь. Функція этого храма, какъ и созидательница его, есть литургія.

Первая вещь, сохраненная на память объ отцахъ, была началомъ музея, какъ сыновняя любовь, благочестіе, была началомъ премудрости. Музей и храмъ премудрости, т. е. храмъ Софіи съ храмомъ Аѳины или музъ, будетъ скрижалью, на коей начертается планъ, или проектъ, всеобщаго воскрешенія, и такимъ образомъ, сдѣлается всенароднымъ иконописнымъ университетомъ. Тогда обязательное посѣщеніе каждымъ этого святого мѣста просвѣщенія будетъ имѣть смыслъ завершенія, запечатлѣнія образованія, замѣны кругосвѣтнаго или всесвѣтнаго путешествія; побывать тамъ, значило бы побывать вездѣ, а не въ Іерусалимѣ только или на Самарянской горѣ. Такое посѣщеніе будетъ не предпочтеніемъ, не обожаніемъ одного мѣста передъ другими, а расширеніемъ мысли на цѣлый міръ, мысли, обнимающей прошедшее и отдаленное и видящей во всемъ этомъ многоразличное единство, руководящее въ общемъ, совмѣстномъ трудѣ. Посѣщеніе такого храма было бы не поклоненіемъ только въ духѣ и истинѣ, но вело бы къ обращенію слѣпой силы въ сознательную, разумную, въ

орудіе служенія Духу и Истинѣ. Этотъ храмъ-музей былъ бы безплоденъ, если бы онъ не былъ эквивалентнымъ замѣщеніемъ торгово-промышленнаго идолопоклонства, потому что онъ не объединялъ бы, если бы не уничтожалъ поводовъ къ разрыву, если бы художественныя силы, употребляемыя на отдѣлку частнаго, домашняго употребленія, не обращались бы на созданіе этого храма и на свойственное ему отправленіе, т. е. на осуществленіе объединенія; ибо обращеніе художественнаго произведенія въ личную, частную собственность есть святотатство, а созданіе храма на деньги симонія.

Называя симоніею строеніе храма при посредствѣ денегъ, мы не хотимъ этимъ осуждать нынѣшній способъ созиданія и поддержанія храмовъ, который, правду сказать, доходитъ до крайняго неприличія, (такъ въ настоящее время уже не скрываютъ, что храмъ и служба имѣютъ главною цѣлью пріобрѣтеніе денегъ); но самое неприличіе служитъ къ оправданію; оно указываетъ, по крайней мѣрѣ, на отсутствіе лицемѣрія, ибо что бы ни дѣлали, чѣмъ бы ни прикрывались, сущность дѣла отъ того не измѣнится, и въ настоящее время созиданіе и поддержаніе храмовъ только отъ денегъ и можетъ зависѣть; и такой способъ неизбѣженъ, пока строеніе храма не станетъ вмѣстѣ и строеніемъ церкви.

Началомъ премудрости, во имя которой создается храмъ-музей, будетъ не ветхозавѣтный страхъ, но и не хула, или порицаніе и осужденіе, не критика, а сыновняя любовь, т. е. благочестіе, какъ это слѣдуетъ изъ вышесказаннаго; созданіе такого образовательнаго храма будетъ концомъ критико-революціоннаго періода, и началомъ періода объединенія, возстановленія, сознательнаго движенія. Критико-революціонный періодъ, кромѣ вліянія, которое онъ производилъ на насъ, являлся противъ насъ и вооруженною силой, въ лицѣ Наполеоновъ I-го и III-го. Наполеонъ I-й самъ отожествлялъ себя съ принципомъ этого періода, и въ тоже время объявлялъ, что миръ въ Москвѣ былъ бы завершеніемъ задачи вѣка. Точно также и Наполеонъ III-й являлся провозвѣстникомъ принциповъ 89-го года, полнымъ торжествомъ которыхъ было бы узаконеніе раздора, антагонизма, что и называется конституціей. Мы должны ожидать и третьяго нашествія этихъ принциповъ въ лицѣ Нѣмцевъ, Англіи и вообще всего Запада, который есть органъ того же критико-революціоннаго принципа. Мысль же, выраженная въ христіанскомъ храмѣ языческихъ музъ (не по Греческой миѳологіи, а по Западно-Европейской или, иначе сказать, въ храмѣ музъ всѣхъ вѣтвей знанія и искусства, такъ какъ съ появленіемъ новыхъ наукъ и искусствъ увеличивается и число музъ), есть предложеніе съ нашей стороны мира, условія котораго были выработаны нашимъ общимъ наставникомъ Константинополемъ на вселенскихъ соборахъ и были приняты предками нынѣшнихъ Западныхъ Европейцевъ, но лишь какъ теорія, а не какъ условія, на коихъ могли бы возсоединиться разрозненные и враждебные другъ другу народы. Всенародный храмъ всѣхъ музеевъ третьяго Рима, Кремля, будетъ по преимуществу всеславянскимъ храмомъ,

потому что славянскому племени принадлежитъ раскрытіе мысли о всеобщемъ соединеніи и принятіе ея какъ руководства, какъ плана, проекта дѣятельности, жизни.

Созданіе такого храма будетъ внѣшнимъ выраженіемъ согласія строителей, единства ихъ мыслей, чувства и всего міросозерцанія, результатомъ соглашенія всѣхъ во взглядахъ на все настоящее и прошедшее; безъ такого согласія и безъ личнаго участія всего ученаго, художественнаго, промышленнаго, ремесленнаго, вообще всѣхъ классовъ людей невозможна постройка такого храма, ибо если бы на построеніе его жертвовались только деньги, это построеніе не было бы выраженіемъ внутренняго согласія; (деньгами мы собственно откупаемся отъ работы); не принимая же участія въ самой работѣ, мы исключаемъ, отлучаемъ себя отъ церкви, отъ единства въ мысли, въ чувствѣ, въ общемъ дѣйствіи, обрекаемъ себя на безслѣдное исчезновеніе, предаемъ себя смерти, отлучаемся не только отъ настоящаго союза, но и отъ будущаго блаженства, (т. е. сами себя анаѳематствуемъ). Возсоздавая другихъ, мы возсоздаемъ себя, какъ, говоря о другихъ, мы сами высказываемся, раскрываемъ самихъ себя; скажи мнѣ, какъ ты думаешь о тѣхъ или другихъ лицахъ, о томъ или другомъ предметѣ, и я скажу, кто ты таковъ; и если ты выскажешься обо всемъ и обо всѣхъ, то ничего сокровеннаго въ тебѣ не останется, ты раскроешься вполнѣ. Создавая храмъ премудрости, — мы сами умудряемся, потому что черезъ это созданіе вступаемъ въ согласіе другъ съ другомъ, и такимъ образомъ трансцендетный образецъ общества дѣлается имманентнымъ: мы сами создаемъ себѣ памятникъ, и не памятникъ, а силу, которая возвратитъ намъ жизнь, мы приготовляемъ свое собственное воскресеніе. Ибо въ чемъ заключается отправленіе храма? оно есть литургія; литургія же состоитъ въ томъ, что берутъ прахъ предковъ въ видѣ хлѣба, изъ хлѣба вынимаются части, называются по имени, напояются виномъ и затѣмъ претворяются въ тѣло и кровь; и это было бы дѣйствительно тѣло и кровь, если бы наша вѣра была живая, если бы она выражалась, обнаруживалась въ дѣлѣ, если бы литургія не ограничивалась храмомъ, если бы внутреннее общеніе переходило въ общее всечеловѣческое дѣло. Соединеніе всѣхъ въ одномъ дѣлѣ и одной задачѣ и есть отправленіе этого храма, или литургія, т. е. всеобщее дѣйствіе. Интеллигенція всѣхъ музъ, возсоединясь съ сельскимъ людомъ, имѣющимъ дѣло съ прахомъ предковъ, будетъ обращать этотъ прахъ уже не въ пищу только потомкамъ. Отъ силы этого братскаго возсоединенія во имя отцовъ зависитъ дальнѣйшій ходъ литургіи, принимая, что литургіи всѣхъ странъ и мѣстъ входятъ въ одну, еще неоконченную, продолжающуюся.

Такъ называемая интеллигенція должна необходимо пройти курсъ этого храма, чтобы сдѣлаться миссіонерами новаго объединенія, не по типу организма, а по образу Тріединаго Бога (Примѣч. 8-е). Объединеніе по типу организма обезглавливаетъ большинство людей и обращаетъ ихъ въ механическія орудія; тогда какъ истинное единство, или родство по мысли и чувству, не можетъ допустить такого противорѣчія, преступнаго

изуродованія; напротивъ, оно возглавливаетъ всяческая. Истинное единство по образу Троицы, есть тѣснѣйшій союзъ личностей, въ коемъ выражено то начало, которое мы называемъ нравственностью; объединеніе же по типу организма построено прямо на отрицаніи нравственнаго начала, потому-то оно и можетъ держаться только насиліемъ, принужденіемъ. Общество по образу Троицы не нуждается во внѣшнемъ принужденіи, въ насиліи, которое удерживало бы людей въ обществѣ, и тѣмъ не менѣе это глубочайшій союзъ личностей; держится онъ психическою, душевною силою, взаимознаніемъ; слѣдовательно, въ такомъ обществѣ знаніе не можетъ оставаться достояніемъ только нѣкоторыхъ, оно необходимо принадлежитъ **всѣмъ**, такъ какъ взаимознаніе есть основа общества, безъ него и не будетъ такого общества. Наоборотъ, въ обществѣ по типу организма, въ которомъ, чѣмъ больше раздѣляются занятія, тѣмъ больше оно приближается къ своему идеалу, т. е. къ типу организма, и по новѣйшимъ воззрѣніямъ, дѣлается совершеннѣе, въ такомъ обществѣ знаніе становится достояніемъ однихъ, меньшинства, а дѣло, дѣйствіе, работа,—удѣломъ другихъ, большинства. Поэтому, чѣмъ такое раздѣленіе въ обществѣ совершеннѣе, тѣмъ менѣе оно дѣлается способнымъ къ просвѣщенію, ибо просвѣщеніе, не поддерживаемое главнымъ занятіемъ, не имѣющее ничего общаго съ нимъ, не обращающее въ изслѣдованіе главнаго занятія человѣка, (а такимъ занятіемъ можетъ быть лишь трудъ земледѣльческій и ни въ какомъ случаѣ не мануфактурный), **просвѣщеніе на досугѣ**, такое просвѣщеніе не можетъ быть плодотворно. Для рабочаго, исполняющаго роль руки въ теченіи шести дней, голова точно шляпа, которую онъ надѣваетъ по праздникамъ, (если онъ только будетъ ее надѣвать; не предпочтетъ ли онъ этой шляпѣ что-либо другое, разгулъ, напримѣръ?). Въ обществѣ по типу организма одни, такъ сказать, имѣютъ право производить изслѣдованія, а другіе могутъ только читать на досугѣ, если умѣютъ, или же слушать популярное изложеніе этихъ изслѣдованій. Не напоминаетъ ли это кастовое устройство, при которомъ одни могли читать и толковать, другіе только читать, третьи только слушать и т. д.? Конечно, все это неизбѣжно; обойтись безъ этого нельзя; развѣ безъ такого раздѣленія возможно произвести такія горы брошекъ, сережекъ и т. п. бездѣлушекъ, горы, неизмѣримо превосходящія пирамиды и другія сооруженія древнихъ? Откажется ли когда человѣкъ отъ всѣхъ этихъ пустяковъ, осуждающихъ его на Египетскую работу?... Красивое опереніе (разумѣемъ фабрикацію хлопчато-бумажныхъ и другихъ тканей), развиваемое въ человѣческомъ родѣ, какъ и въ царствѣ животныхъ, половымъ подборомъ, обходится чрезвычайно дорого, наряды покупаются утратою взаимности, (т. е. внѣшнее замѣняетъ внутреннее).

Эти два типа общественнаго строя (по типу оргинизма и по образу Троицы), одинъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, другой же въ зачаткѣ, представлены въ настоящее время, первый—Англіею, или Западомъ вообще, а второй—Россіею (если только Россія не окончательно еще объевропеилась) и

всѣми земледѣльческими народами. Второй типъ, какъ зачатокъ, принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія, потому что онъ истинно человѣческій и истинно Божественный (въ Богѣ же онъ полная дѣйствительность); но сохранился этотъ типъ наиболѣе у отсталыхъ, у дикарей, въ захолустьяхъ.

Западъ съ Англіею во главѣ считаетъ ученіе о Троицѣ самымъ антифилософскимъ ученіемъ и почему то даже мистическимъ. Если бы Христосъ сказалъ: «Я не въ Тебѣ и Ты не во Мнѣ, и тѣ въ вѣчной розни, внѣ насъ, да будутъ», или же: «Я на Тебя и Ты на Меня» и т. д,—тогда это ученіе не было бы мистическимъ, антифилософскимъ, ибо никакого другого единства, кромѣ экономическаго и юридическаго, нынѣ не допускается и борьба во всѣхъ видахъ считается даже условіемъ прогресса. Россія же хочетъ (если только хочетъ?) быть тѣмъ, что Западомъ отвергнуто, отброшено; и если она приметъ этотъ образецъ (обратится къ нему сознательно), то возьметъ на себя только долгъ, обязанность, и долженствуя въ такомъ случаѣ служить кадромъ для объединенія по образу Тріединаго Бога (т. е. для раскрытія родства всего человѣчества), она не можетъ уже быть стороною, партіею, она должна будетъ избѣгать войны и направить свою дѣятельность на устраненіе причинъ ко враждѣ и, прежде всего, въ себѣ самой, конечно.

Нѣтъ вражды вѣчной, устраненіе же вражды временной составляетъ нашу задачу. Россіи остается на выборъ: 1) или примирить Европу и Азію, Западъ и Востокъ (ближній и дальній), и примирить не теоретически только, какъ это сдѣлалъ Константинополь, но и практически, устраняя причины къ раздору; 2) или же самой разложиться на Азію и Европу. Даже и замѣчено уже было, что народъ въ Россіи уйдетъ въ расколъ, а верхніе слои обратятся въ католическое суевѣріе или въ протестантское невѣріе.

Не вѣчно также раздѣленіе на нѣмыхъ, или Нѣмцевъ (варваровъ) и словесныхъ, или Славянъ, потому что въ основѣ взаимно-непонятныхъ словъ лежатъ корни (эти общіе предки), понятные для всѣхъ народовъ Арійскаго происхожденія, обзывающихъ другъ друга варварами, т. е. безсловесными. Устраненіе этой временной непонятности есть задача филологіи, (если не считать ее не имѣющею практическаго приложенія), и воспитанія. **„Еще святъ не перестанетъ быть святомъ, какъ Славянинъ станетъ Нѣмцу братомъ“**, таковъ краеугольный камень панславизма.

Но не смѣшеніе языковъ только не вѣчно; умретъ и конкуренція; будетъ имѣть конецъ и революція; даже внѣшняя борьба и естественный законъ борьбы не имѣютъ права на вѣчное существованіе! Законъ, который признаетъ совершеннѣйшимъ того, кто матеріально сильнѣе и умственно хитрѣе и, вообще, кто искуснѣе поддѣлывается подъ природу, такой законъ можетъ держаться только невѣжествомъ и слѣпотою. Должна быть умерщвлена, наконецъ **и смерть сама**,—самое крайнее выраженіе вражды, невѣжества и слѣпоты, т. е. неродственности.

Итакъ,—нѣтъ вражды вѣчной, устраненіе же временной составляетъ нашу задачу, задачу Россіи, какъ задачу, долгъ и всѣхъ народовъ, (но нельзя же говорить о долгѣ другимъ, когда не исполняемъ его сами), задачу Россіи, которая поздно вступила въ Европейскій союзъ (правильнѣе было бы сказать въ раздоръ), вступила въ качествѣ посредницы, въ качествѣ миротворца.

Въ чемъ же долженъ состоять миротворный, посредническій планъ?

Англія имѣетъ цѣлью посредствомъ, такъ называемаго, свободнаго торга, поддерживаемаго, однако, новоусовершенствованнымъ оружіемъ, обратить человѣчество въ международный организмъ, т. е. дать всему человѣчеству антихристіанскую форму, въ которой «субординація», даже «сліяніе», при величайшемъ взаимномъ отчужденіи, «раздѣльности», найдутъ свое полное выраженіе,—Англія стремится дать роду человѣческому такую форму, при которой всѣ народы будутъ исполнять роль низшихъ сословій, чернорабочихъ, производящихъ сырые или полусырые продукты, сама же она, какъ мастеровой, будетъ прилагать послѣднюю руку къ нимъ. Но для всего этого необходимо обезземеленіе большинства населенія; и ни въ одной странѣ не произведено оно въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ Англіи. Это обезземеленіе не просто экспропріація, это экспатріація, нечестивое дѣло отлученія дѣтей отъ праха отцовъ, лишеніе ихъ возможности исполнить долгъ къ нимъ (Примѣч. 9).

Называя обезземеленіе экспатріаціею, лишеніемъ отечества, мы это дѣлаемъ для уясненія, почему возникшій изъ экспропріаціи пролетаріатъ (болѣзнь, не обѣщающая Англіи благоденствія), есть наказаніе, соотвѣтственное винѣ, хотя и невольной. Но всю силу этого безсознательнаго грѣха мы поймемъ тогда лишь, когда представимъ себѣ долгъ къ отцамъ въ истинномъ его значеніи, т. е. какъ долгъ воскрешенія. Тогда экспропріація будетъ, во 1-хъ, лишеніемъ дѣтей матеріала, изъ котораго они, подобно художникамъ, могутъ осуществить свою мысль, выразить свою отцеподобную, единосущную отцамъ душу!, во 2-хъ, это будетъ лишеніемъ разумнаго существа предмета, на который можетъ быть обращена его мысль, его знаніе, ибо только земледѣліе можетъ быть изслѣдованіемъ природы и только земля—предметомъ археологіи въ обширномъ смыслѣ, науки, которая, руководимая чуткимъ сердцемъ сыновей, разыскиваетъ разсѣянныя частицы отцовскаго праха; и въ 3-хъ, экспропріація есть лишеніе предмета любви, заставляющее забывать отцовъ и тѣмъ уничтожающее и братскую любовь, возможность выразиться ей во всей силѣ, что можетъ имѣть мѣсто только въ воскрешеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ такихъ лишеній будетъ атрофія всѣхъ способностей души, разума, чувства, воли, способностей познающей, чувствующей, дѣйствующей, т. е. всѣ эти лишенія суть полное вываніе души. Подобное же дѣло Англія совершила и въ другихъ странахъ, въ Ирландіи, въ Индіи и проч.

Подчиненіе себѣ міра посредствомъ свободнаго торга, Англія считаетъ своею миссіею, призваніемъ, помазаніемъ; т. е. своимъ, будто бы христіан-

скимъ дѣломъ, какъ и революція считала свое дѣло настоящимъ христіанскимъ дѣломъ, распространеніемъ братства. Торговля, хотя и не можетъ назваться дѣломъ христіанскимъ, тѣмъ не менѣе именно въ ней, проявляется въ настоящее время историческая дѣятельность, а не въ католической или англиканской пропагандѣ, которая есть только тѣнь дѣла. Эта пропаганда распространяетъ Библію; но книга, хотя и священная, все таки остается только книгою; чтеніе, напримѣръ, о смѣшеніи языковъ, о пятидесятницѣ, не уничтожаетъ раздѣленія языковъ и не даетъ возможности пониманія другъ друга; мы всѣ язычники въ полномъ-буквальномъ смыслѣ слова, пока не понимаемъ другъ друга. Евангеліе есть только программа объединенія, которая не приводится въ исполненіе. Христіане сокрушаются о грѣхахъ сего міра, не вникая въ условія, дѣлающія зло неизбѣжнымъ, грозятъ міру страшнымъ судомъ, не замѣчая, что зло и въ нихъ самихъ, этихъ проповѣдникахъ, живетъ въ той же силѣ, какъ и во всемъ мірѣ, ибо при нынѣшнихъ естественныхъ условіяхъ, (а ихъ принято почему то считать непреодолимыми), нельзя дѣлать добро, не дѣлая этимъ самымъ зла.

Долгъ, вытекающій изъ всѣхъ вышеизложенныхъ задатковъ, врожденныхъ и историко географическихъ, т. е. сама природа и исторія требуютъ отъ Россіи, отъ насъ (Примѣч. 10-е) (несмотря на трудности и опасность, сопряженныя съ исполненіемъ такой миссіи), не только не содѣйствовать осуществленію антихристіанскаго идеала, но и принять на себя долгъ посредничества за Индусовъ и за всѣхъ эксплоатируемыхъ народовъ, не отказываясь при этомъ, изъ угодливости къ Англіи, и отъ исконнаго долга—обращенія кочевниковъ,—(за коихъ Англія принимаетъ на себя долгъ ходатайства), въ осѣдлый, земледѣльческій народъ. И если исполненіе этой миссіи навлечетъ на насъ войну, то и необходимые способы войны мы должны, или по крайней мѣрѣ, желательно сдѣлать безкровными. Способы эти: 1. крейсерство и 2. проведеніе желѣзной дороги до Индіи.

1. Крейсерство. Волга и вся удивительная сѣть нашихъ рѣкъ, воспитавшая удаль ушкуйниковъ, Разинцевъ, всѣхъ этихъ богатырей, духъ которыхъ не умеръ еще, конечно, въ милліонѣ людей, работающихъ на 150 тысячахъ судовъ и плотовъ по всѣмъ нашимъ рѣкамъ и озерамъ, но способенъ преобразиться и, оставаясь безстрашнымъ, удалымъ, не быть жестокимъ, какимъ онъ былъ тогда;—вся эта рѣчная сѣть, можно сказать, создаетъ на континентѣ силы, которыя найдутъ свой исходъ и приложеніе только на океанѣ, съ котораго въ настоящее время мы совершенно вытѣснены. Такимъ образомъ, сама природа, такъ сказать, создаетъ для континента необходимость искать выхода въ океанъ, вынуждаетъ насъ къ борьбѣ съ воспитанными океаномъ мореплавателями, и даетъ средства къ созданію крейсерства, которое только и можетъ бороться противъ эксплоатаціи со стороны Англіи. Конечно, эта необходимость выхода можетъ найти иное приложеніе (какъ о томъ и будетъ сказано ниже), кромѣ войны, во всякомъ случаѣ не желательной; но и крейсерство, чтобы стоять

на высотѣ изложенной миссіи, должно, насколько возможно, быть безкровной войной. Крейсеръ, завладѣвшій кораблемъ безъ пролитія крови, удостоивается высшей почетной награды, которая служитъ въ этомъ случаѣ выраженіемъ того, что признается самымъ лучшимъ, самымъ желательнымъ въ видахъ достиженія цѣли. Взятое крейсеромъ имущество, не становится добычею, оно обращается на содержаніе раненыхъ и семей убитыхъ воиновъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ, т. е. на залѣченіе ранъ, неизбѣжныхъ при всякой войнѣ и при томъ безъ различія,—которой бы изъ сторонъ онѣ нанесены ни были. На морѣ мы должны слѣдовать той же традиціонной политикѣ, какъ и на сушѣ; у насъ нѣтъ пріобрѣтеній, которыя служили бы доходною статьей, возьмемъ Кавказъ, Туркестанъ и проч... Да и какая иная политика можетъ быть у народа, который даетъ такое наставленіе своему богатырю: «не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина», и при этомъ не обѣщаетъ ему за это никакой награды. Крейсерство, если оно будетъ такимъ, какъ сказано, оставитъ по себѣ иное воспоминаніе, создастъ себѣ другой памятникъ, чѣмъ прежнія войны; изъ добычи не сдѣлаютъ трофеевъ, не обратятъ ее на созданіе тріумфальныхъ арокъ и колоннъ, и побѣдныхъ музеевъ, т. е на увѣковѣченіе вражды; добыча должна быть обращена на увѣковѣченіе лишь доблестныхъ примѣровъ великодушія и безкорыстія.

2. **Проведеніе желѣзной дороги до Индіи.** Можно надѣяться, что одно проложеніе этой дороги избавитъ Россію отъ кровопролитія и придастъ большую силу, особое значеніе нашему посредничеству въ дѣлѣ репатріаціи, въ дѣлѣ всеобщаго сельскаго ополченія, или сельской воинской повинности, въ дѣлѣ надѣленія Индусовъ землею. Такое посредничество Англіею сочтется, конечно, за вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла; но мы принимаемъ же и весьма смиренно вмѣшательство Англіи въ наши Средне-Азіатскія дѣла. Одно наше приближеніе къ Индіи избавитъ насъ отъ необходимости дѣлать какія-либо прямыя предложенія Англіи въ интересахъ Индусовъ; оно будетъ говорить сильнѣе всякихъ словъ. Надѣлить землею, это значитъ вложить опять душу, которую вынимаютъ, когда родной прахъ дѣлаютъ чужимъ, т. е. когда отчуждаютъ землю, когда самихъ земледѣльцевъ обращаютъ лишь въ орудіе, лишаютъ ихъ и разума и воли, безъ коихъ земледѣліе не можетъ стать изслѣдованіемъ природы, не можетъ сдѣлаться обращеніемъ слѣпыхъ силъ природы въ сознательныя; отнимая прахъ предковъ, дѣлая его чужимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и этотъ прахъ изъ предмета любви, въ который также должна быть вложена душа, превращается лишь въ доходную статью. Индусы признаютъ только одно средство для улучшенія быта лицъ отверженныхъ кастъ,—смерть, ибо только она даетъ возможность, по ихъ убѣжденію, возрождаться въ высшихъ кастахъ; т. е. въ Индіи признается нужною смерть для того самаго, для чего въ христіанскомъ мірѣ считается нужнымъ крещеніе, уравнивающее во Христѣ раба и свободнаго и которое должно сдѣлать крещенаго нравственно и умственно способнымъ членомъ церкви. Гражданскій законъ со-

вершить этого, конечно, не можетъ, но онъ долженъ поддержать актъ крещенія актомъ, подобнымъ положенію 19-го Февраля 1861 года, соединеннымъ при томъ съ закономъ всеобщей воинской повинности; т. е. гражданскій законъ долженъ надѣлить крещеныхъ землею и возложить на нихъ обязанность защиты отечества, что должно подѣйствовать благотворно и на высшія касты, отвлекая ихъ отъ созерцательности и праздности.

Покровительствуя извѣстнымъ ученіямъ Рамъ-Могунъ-Роя, Кешубъ-Чандерсена и друг., объявляя «деизмъ» естественною религіею всѣхъ племенъ и людей, и Англичане дѣлали съ своей стороны попытку объединить Индусовъ съ собою и со всѣми народами. Это объединеніе, при коемъ сохраняются и международный и междусословный раздоры, въ сущности весьма невиннаго свойства. Если бы это шуточное объединеніе не вызывало упорнаго противодѣйствія со стороны дѣйствительно натуральной, т. е. свойственной Индіи, религіи Браманизма, а съ другой стороны, если бы адепты этого мнимаго объединенія (большая часть интеллигенціи) не придавали ему серьезнаго значенія, то оно и не стоило бы упоминовенія.—Рамъ-Могунъ-Рой сдѣлалъ попытку, продолженную Дебендра Натъ Тагаромъ, Кешубъ-Чандеръ Сеномъ, Ананда-Моганъ-Бозе, создать общую религію. Въ сущности, это - попытка--обратить Индусовъ въ Англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «соединить Евангельское благочестіе съ унитарною теологіею». «Брамаизмъ», по мнѣнію индійскихъ деистовъ, «отличенъ отъ другихъ религій, и однако онъ сущность всѣхъ». Люди, исповѣдующіе эту натуральную религію, какой бы странѣ или народу они ни принадлежали, суть браманисты.

Но въ чемъ же выразится это единство людей разныхъ странъ и народовъ? Не говоря уже о вѣковыхъ антипатіяхъ, люди разныхъ странъ и понимать то другъ друга не могутъ. Возможно-ли, чтобы международная вражда прекратилась только отъ того, что всѣ народы будутъ исповѣдывать деистическое Credo? Въ отвлеченномъ единствѣ нѣтъ и не можетъ быть отвѣта на вопросъ: какъ прекратить наши раздоры? Что можемъ мы узнать отъ существа, которому не свойственно никакое опредѣленіе? Изъ соединенія во имя единаго, отвлеченнаго существа получается и общество тоже отвлеченное, безсильное. Въ унитарномъ догматѣ (деизмъ признаетъ два лишь догмата: существованіе только Бога и безсмертіе душъ) не заключается ни заповѣди, ни образца для насъ; унитаризмъ ограничивается словами безъ дѣла; онъ не примиряетъ, а только игнорируетъ всѣ различія, всѣ причины къ раздору, всѣ основанія, на которыхъ держатся касты не въ Индіи только, а всюду. Гимны, молитвы, рѣчи и проповѣди, чѣмъ только и ограничивается служеніе Богу унитаріевъ, не подвигаютъ къ единству.

Деизмъ - самая искусственная, ненатуральная религія; натуральною можетъ быть названа только религія, свойственная природѣ страны, которая въ ней родилась; такъ Брамаизмъ, или Индуизмъ, есть религія натуральная Индіи, потому что она въ ней родилась. Считаясь Браминскою, Индія имѣетъ столько религій, сколько въ ней кастъ, сколько профессій,—(«Солдатъ обожаетъ свое оружіе, ремесленникъ—свои орудія»),—какъ и всякая

другая страна въ большей или меньшей степени, если только имѣютъ привязанность къ своей профессіи.

Но религія натуральная, т. е. поставляющая предметомъ обожанія природу (то, что ниже человѣка), собственно не можетъ быть названа натуральною, или свойственною человѣку; но освободиться отъ такой религіи, какъ и отъ господства природы одними только словами, перемѣною лишь мнѣній, само собою разумѣется, невозможно.

Ввести деизмъ въ Индію значитъ обратить двѣсти милліоновъ Индусовъ въ кабинетныхъ ученыхъ. Деизмъ вовсе не высшая форма религіи, какъ и ученый или философъ отнюдь не высшая ступень, не идеалъ человѣчества, а только его одностороннее, уродливое развитіе.

Въ своихъ попыткахъ Рамъ-Могунъ-Рой еще не совершенно отрѣшился отъ натуральной Индійской религіи; отрицая Брамаизмъ, онъ признавалъ Веды. Дебендра-Натъ-Тагаръ отрекся и отъ нихъ, но полной отвлеченности и безжизненности еще не достигъ; онъ признавалъ еще личнаго Бога, безсмертіе души, молитвы, и вмѣстѣ признавалъ дѣйствительнымъ только нравственное, внутреннее раскаяніе; признавалъ также за всѣми и право слушать и читать священное писаніе, право, нужно замѣтить, совершенно мнимое для тѣхъ, кто не умѣетъ читать и не можетъ понимать читаннаго или слышаннаго.

Кешубъ Чандеръ-Сенъ вступилъ въ борьбу съ кастовыми предразсудками; но эти предразсудки основаны на различіи занятій и происходящемъ отсюда различіи образа мыслей, чувствъ и понятій; необходимо замѣтить, что причинъ, отъ коихъ зависятъ различія, гораздо больше, чѣмъ основаній къ единству,—и пока не будетъ общаго дѣла и общей цѣли, до тѣхъ поръ и касты не уничтожатся, и люди не будутъ имѣть общаго Бога. Но ни тамъ въ Индіи, да и нигдѣ, нѣтъ не только общаго, но даже одинаковаго дѣла. Началомъ общаго дѣла могла бы быть всеобщая воинская повинность, какъ наилучшее средство противъ кастъ, основанныхъ на образѣ жизни: пища создаетъ касту.

Англія гораздо болѣе содѣйствовала бы объединенію внесеніемъ въ Индію науки, естествознанія, если бы только наука противодѣйствовала тому вліянію природы, которое Брамаизмъ возводитъ въ естественную, натуральную религію Индіи, т. е. если бы всесословное, всекастовое войско стало естественноиспытательною и регулирующею силою; и тогда Индія могла бы сдѣлаться христіанскою на дѣлѣ прежде, чѣмъ сдѣлалась бы таковою по имени, могла бы преобразоваться изъ типа организма,—который въ ней получилъ санкцію (хотя и не очень древнюю), въ самомъ Брамѣ,—(создавшемъ изъ своей головы сословіе Браминовъ, изъ рукъ—воиновъ и проч.), въ типъ Богочеловѣческій.

Наше предложеніе улучшить или, точнѣе, обезпечить бытъ земледѣльцевъ, нашихъ соработниковъ по дѣлу воскрешенія и единственныхъ союзниковъ во всемъ мірѣ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, безъ сотрудничества которыхъ мы не можемъ достигнуть цѣли, будетъ имѣть

большой вѣсъ, особое значеніе потому, что оно будетъ сдѣлано на самомъ рубежѣ Индіи.

Впрочемъ «наше предложеніе» выраженіе неточное: мы должны дѣйствовать обаятельнымъ вліяніемъ того образца совершеннѣйшаго общества, подобіе коего слѣдуетъ болѣе и болѣе принимать на себя, выражать его въ себѣ; мы обязаны дѣйствовать вліяніемъ, а не угрозами, во время мира, какъ великодушіемъ и безкорыстіемъ—во время войны. Такова должна быть борьба двухъ типовъ, которую даже и борьбою назвать нельзя; ибо, если мы будемъ вѣрны Богу, то великодушіе и безкорыстіе, не жаждущія ни добычи, ни торжества, но сколько можно оберегающія и во время самой войны жизнь и имущество своего временнаго непріятеля, притомъ во время войны, которой цѣль лишь отнятіе орудій наносящихъ вредъ другимъ, сдѣлаютъ насъ не партіею, не воюющею стороною, а силою дружественною, братственною, по существу устраняющею только поводы къ непріязни съ другими, въ видахъ установленія полнаго братства. Для государства съ населеніемъ въ 100 милліоновъ, занимающаго шестую часть материка, великодушіе не можетъ быть какою-либо особою добродѣтелью, оно лишь необходимое обязательное свойство такого государства; безъ великодушія оно было бы только страшилищемъ.

Не надо забывать, что рубежъ Индіи, возвышенность Памиръ съ ея окрестностями, есть мѣсто одинаково священное, какъ для насъ, такъ и для Англичанъ, и послѣ Палестины и Византіи нѣтъ мѣста на землѣ болѣе священнаго; здѣсь покоятся забытые предки всѣхъ арійскихъ и анарійскихъ племенъ (Іафета, Сима и Хама). (Примѣч. 11-е) Отъ того, будемъ ли мы и Англичане понимать значеніе этого священнаго мѣста, на которомъ предстоитъ наша встрѣча, проникнетъ ли въ насъ чувство ужаса при одной мысли, какъ бы не осквернить ту почву, въ которой столько тысячелѣтій покоится прахъ нашихъ предковъ, чрезъ которыхъ мы и Англичане—братья, отъ этого зависитъ, будетъ ли на этихъ священныхъ мѣстахъ заключенъ миръ и союзъ, или же прахъ предковъ обагрится кровью потомковъ и, быть можетъ, колыбель рода человѣческаго сдѣлается и могилою его. И почему пролитіе братской крови въ этомъ случаѣ будетъ менѣе безнравственно, преступно, менѣе ужасно, чѣмъ убійство непосредственныхъ братьевъ? Почему колыбель нашего рода, могилы нашихъ предковъ не кажутся намъ мѣстомъ священнымъ, а могутъ служить лишь предметомъ любопытства и то для немногихъ? Почему кровопролитіе въ этихъ мѣстахъ не возбудитъ священнаго ужаса, или хотя нѣкотораго безпокойства? Не указываетъ ли это на узкость, неразвитость, на дѣтскость пониманія. На Россіи вмѣстѣ съ Англіей лежитъ долгъ снарядить экспедицію на высоты Памира съ цѣлью розыска останковъ нашихъ предковъ; и если только эта экспедиція будетъ успѣшна, то богатства, извлеченныя ею изъ могилъ, состоящія изъ сухихъ костей, изъ остатковъ первобытныхъ орудій,—(этихъ предковъ всѣхъ нынѣшнихъ машинъ), будутъ слишкомъ достаточною наградою за трудный, паломническій подвигъ, потому что эти

реликвіи должны пролить яркій свѣтъ на нераздѣльную еще семью пращевъ, нынѣ враждебныхъ другъ другу народовъ, должны быть источникомъ тепла, которое соединитъ сердца этихъ родственныхъ враговъ. Почему бы не принять на себя исполненіе долга, лежащаго на Россіи, антропологическому обществу? тогда перенесеніе останковъ нашихъ предковъ въ Москву было бы началомъ новаго соединенія всего рода человѣческаго, соединенія гораздо болѣе широкаго, чѣмъ даже панарійское. не говоря уже о всѣхъ прежнихъ соединеніяхъ, въ томъ числѣ и о всеславянскомъ, которое имѣло связь съ Этнографическою Выставкою 1867 года; и тогда день внесенія этихъ реликвій въ Москву былъ-бы отблескомъ, хотя и слабымъ, быть можетъ, зари свѣтозарнаго, свѣтоноснаго дня воскресенія. Во всякомъ случаѣ принесенныя реликвіи были бы памятникомъ нашего пребыванія на могилѣ нашихъ предковъ или, иначе сказать, началомъ, основою музея всего рода сыновъ человѣческихъ. Но почему самое это предложеніе покажется въ высшей степени наивнымъ даже для тѣхъ, кои желаютъ, чтобы знаніе не было отдѣляемо отъ чувства, чтобы между религіею и знаніемъ не было разрыва? Неужели наука потерпитъ ущербъ, если, напримѣръ, собираніе статистическихъ свѣдѣній будетъ считаться священнымъ дѣломъ и будетъ производиться съ религіозною точностью? къ раскопкамъ же могилъ это относится еще больше. Питать благоговѣйныя чувства къ отдаленнымъ предкамъ нынѣшнее поколѣніе, конечно, не можетъ, потому что оно не питаетъ ихъ и къ ближайшимъ, какъ и вообще къ отцамъ; но оно можетъ убѣдиться, и даже очень легко, что не имѣть такихъ чувствъ не только не составляетъ достоинства, а есть самый великій порокъ. Это сознаніе будетъ уже началомъ исправленія; начатое по сознанію долга, оно кончитъ пробужденіемъ отеческаго чувства, когда возвратятся къ сельской жизни и земледѣлію, т. е. когда вопросъ продовольственный станетъ главнымъ дѣломъ.

Народъ знаменія ищетъ, желаетъ видѣть проявленіе жизненной силы, т. е. мощи въ останкахъ, въ мертвыхъ костяхъ; въ ученыхъ же нѣтъ согласія, и даже мѣстонахожденіе колыбели Арійскаго племени и всего рода человѣческаго не пользуется общимъ признаніемъ. Конечно, кости не могутъ дать достовѣрнаго свидѣтельства; нужно, чтобы онѣ облеклись плотію, чтобы въ этомъ тѣлѣ появилось сознаніе, которое засвидѣтельствовало бы о себѣ, о томъ, **кто оно есть**. Всеобщее воскрешеніе будетъ послѣднимъ, несомнѣннымъ доказательствомъ; въ немъ только заключается несомнѣнный критерій достовѣрности, ибо только во всеобщемъ воскрешеніи мыслимое воспроизводится, дѣлается осязаемымъ, и тогда самыя ничтожныя останки проявятъ свойственную жизни мощь. Христіанство, по словамъ Фаустина Манихея, обратило культъ идоловъ въ культъ мощей. Оно не отвергало, конечно, нѣкоторой жизненной силы въ останкахъ; да такое отрицаніе и невозможно, если не будетъ доказана безусловная дѣйствительность смерти; но христіанство и не ограничивалось жизненностью, признаваемою въ мощахъ, ибо имѣло впереди **Всеобщее Воскресеніе**. Не отвер-

гая жизненности въ самыхъ останкахъ, мы можемъ положительно утверждать, что останки отцовъ или вообще людей, чѣмъ-либо славныхъ, могутъ пробуждать въ насъ силы; это и проявлялось при защитѣ могилъ отцовъ или въ подражаніи ихъ дѣламъ, подвигамъ. Между отвергающимъ мощи протестантизмомъ и суевѣрнымъ католицизмомъ, православіе должно стать въ иное положеніе; не отвергая **нѣкоторой жизненности мощей**, оно должно открывать ихъ, какъ и иконы для воспитанія народа, для пробужденія тѣхъ доблестей, кои необходимы на пути къ осуществленію **полной жизненности**. Въ данномъ случаѣ открытіе костей предковъ всѣхъ народовъ должно дѣйствовать въ цѣляхъ примиренія, объединенія для общей цѣли.

Когда будутъ надѣлены землею Индусы, въ видахъ исполненія всеобщей всекастной воинской повинности, въ связи со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, т. е. изслѣдованіемъ, тогда Англія силою самихъ обстоятельствъ, принуждена будетъ къ справедливости и относительно собственныхъ земледѣльцевъ; и тогда исчезнетъ эта удивительная аномалія, при которой населеніе въ 30 милліоновъ находится на постоѣ у 30 тысячъ человѣкъ. Россія стоитъ за земледѣльческую Англію, или за обезземеленныхъ Англичанъ, противъ Англіи промышленной, за старую Британію противъ новой; но и тутъ нѣтъ строгой противоположности. Что же касается Западной Европы, тамъ измѣненіе въ пользу земледѣльцевъ послѣдуетъ еще скорѣе. Не нужно опасаться, чтобы требованіе о надѣлѣ земледѣльцевъ землею могло продлить войну, потому что и безъ того самою главною затаенною причиною войны служитъ опасеніе такого вліянія Россіи. Само собою разумѣется, что Россія не должна искать владѣній въ Индіи, ибо такое обладаніе неизбѣжно влечетъ народъ къ гибели; надо надѣяться, что кашмирскія шали и пряности не обольстятъ насъ, какъ не обольстили онѣ и нашего соотечественника Аѳанасія Никитина, хотя и обольстили всѣ народы. Требованіе же поземельнаго надѣла заключается въ дѣлѣ воскрешенія, ибо земля—прахъ нашихъ предковъ, матеріалъ воскрешенія, а поземельный надѣлъ съ общиною есть первое его условіе; такимъ образомъ это требованіе не юридическаго, а нравственнаго характера. Только община, примиряющая въ себѣ всѣ касты, можетъ возвратить Индіи единство и свободу, послѣ такого многовѣковаго ига почти всѣхъ народовъ, отъ древнихъ Персовъ, можетъ быть, даже Ассиріанъ, до Англичанъ, которые овладѣли Индіею уже вполнѣ. Освобожденіе Индіи необходимо для того, чтобы человѣчество могло устроиться по образу Тріединаго Бога; ибо съ освобожденіемъ Индіи вся торгово-промышленная организація, во главѣ которой стоитъ Англія, должна пасть; тогда Англіи не нужны уже будутъ ни Гибралтаръ, ни Мальта, ни такъ беззастѣнчиво пріобрѣтенный Кипръ, ни всѣ другія ея станціи къ Индіи; тогда всѣ народы, служащіе Англіи чернорабочими (а на нее работаютъ и Ю. Америка, и Африка, и Австралія), возвратятъ себѣ экономическую независимость и, можно надѣяться, промышленность соединится съ земледѣліемъ, какъ побочный

промыселъ, и тѣмъ самымъ міръ будетъ избавленъ отъ борьбы города съ селомъ, 4-го сословія съ 5-мъ, борьбы, которая повидимому уже начинается.

Всемірное вліяніе Индіи. Индія играла до сихъ поръ роль искусительнаго древа познанія добра и зла; всѣ народы, имѣвшіе значеніе въ исторіи, вкушали отъ него и эпоха такого вкушенія была порою ихъ процвѣтанія и, вмѣстѣ, паденія. Всѣ великія, такъ называемыя всемірныя монархіи, какъ Вавилонія, Ассирія, возникли на перепутьи въ Индію; Финикія, Царство Соломона также обязаны своимъ возвышеніемъ и паденіемъ сношеніямъ съ нею; пятиградіе, потопленное водами Мертваго моря, могло бы служить примѣромъ вліянія Индіи, если бы было доказано, что и оно лежало на пути къ ней,—что впрочемъ вѣроятно. Греко-Македонія, Римъ и Византія лежали на тѣхъ же путяхъ. Италія и Германія въ Средніе Вѣка своимъ возвышеніемъ были обязаны тому же пути чрезъ нихъ въ Индію; онѣ пали, когда были открыты иные пути, и теперь опять возвышаются, благодаря открытію Суэцкаго канала. Пиринейскія государства, Голландія, Франція, Англія смѣняютъ другъ друга въ обладаніи этими новыми дорогами. Всѣ исчисленныя государства играли всемірную роль, когда обладали путями къ Индіи, но только Англія въ настоящее время, когда Россія, единственный ея противникъ, такъ унижена (писано лѣтомъ 1878 г.) по справедливости можетъ назваться всемірною Имперіею.

Стремленіе къ обладанію богатствами Индіи есть фактъ естественный (но не нравственный), оно возникаетъ само собою, подобно тому, какъ само собою совершается паденіе тѣлъ, и это стремленіе ведетъ къ распаденію общества. Индія есть притягательный центръ, куда стремятся всѣ нечистыя пожеланія человѣчества, центръ, вносящій вражду въ него и преобладаніе или иго богатства; словомъ, центръ, дающій человѣческому роду антихристіанскую форму, отвлекающую его отъ истиннаго долга. Съ освобожденіемъ же Индіи освободится и Царь градъ, этотъ другой, истинный центръ, гдѣ могутъ найти свое выраженіе чистѣйшія стремленія человѣческаго рода и гдѣ долженъ быть поднятъ вопросъ о международномъ переоруженіи.

Характеръ вліянія Индіи. Натуралистическій типъ. Разумныя существа берутъ образецъ для своихъ отношеній другъ къ другу у слѣпой силы, т. е. изгоняютъ изъ своихъ отношеній нравственность и разумъ. Вредное вліяніе Индіи объясняется очень просто; сношенія съ нею вызываютъ торговлю и промышленность, вмѣстѣ съ коими и начинается обезземеленіе; возникаютъ многолюдные города съ неизбѣжнымъ пролетаріатомъ; общество распадается на рѣзко раздѣленныя сословія; взаимное отчужденіе, «раздѣльность» увеличивается, а вмѣстѣ увеличивается и порабощеніе, т. е. «субординація»; словомъ, государство устраивается по типу организма и, какъ все органическое, неизбѣжно умираетъ, ибо нельзя удаляться отъ безсмертнаго образца, не подвергаясь смерти, т. е. паденію. Наступающая эпоха составляетъ, можетъ быть, рѣшительный моментъ въ исторіи всего человѣческаго рода; увлечется ли и Россія общимъ пото-

комъ, и вмѣсто того, чтобы быть стражемъ индійской свободы, не пожелаетъ ли и она обладать богатствами Индіи? Если же Россія удержится отъ этого влеченія, тогда настанетъ переходъ отъ исторіи человѣчества, какъ факта естестественнаго, къ исторіи, какъ къ нравственному дѣянію, и тогда откроется возможность обратить внѣшнее сближеніе во внутреннее объединеніе. Для Западной Европы непонятно, почему иго Англіи такъ тяжело, такъ невыносимо для Индіи, какъ не было ни одного изъ предшествовавшихъ; хотя Англія надѣлила Индію свободою прессы, почти конституціонными учрежденіями, въ которыхъ Европа видитъ верхъ возможнаго для человѣка совершенства и непринятіе коихъ Индусами никакъ уже не отнесетъ къ ограниченности самихъ учрежденій, а скорѣе къ неспособности племени или недостаточности его развитія для принятія этихъ формъ жизни, въ которыхъ нашли свое выраженіе идеалы европейцевъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ всемірности, общечеловѣчности. Но уничтоживъ общину, а съ нею и орошеніе, Англичане сдѣлались истинными виновниками голода и эпидемій въ Индіи. Послѣднія не ограничивались предѣлами ея, а, кажется, болѣе всего обрушивались на Россію и менѣе всего на Англію. И это справедливо! Россія, въ силу общей солидарности народовъ, справедливо терпитъ такое наказаніе, она не защитила Индію отъ Англіи и потому на нее обрушиваются бѣдствія, которыя, постоянно усиливаясь, должны или обратить ее къ долгу или же привести къ гибели. Къ этому нужно прибавить, что Англичане въ Индіи составили изъ себя самую гордую, самую недоступную касту, какая никогда не существовала даже въ этой классической странѣ кастъ; а Европа умиляется между тѣмъ, когда слышитъ, что, благодаря Англичанамъ, Индусы уже не бросаются подъ колесницу Джагерната, а находятъ иные способы, чтобы освобождаться отъ жизни, которую кроткая власть Англичанъ сдѣлала имъ невыносимою. Стремленіямъ, которыя выражаются въ бросаніяхъ подъ колесницу Джагерната и тому подобнымъ подвигамъ, указывающимъ на способность къ великому дѣлу, необходимо дать соотвѣтствующій исходъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ общее, которое соотвѣтствовало бы великости подвиговъ, для коихъ нѣтъ приложенія на уровнѣ посредственности и пошлости, удовлетворяющихъ европейскіе идеалы. Запрещеніемъ же такихъ подвиговъ нельзя уничтожить, задушить самыя стремленія, и они всегда найдутъ иной себѣ исходъ.

Оканчивая Индійскій вопросъ, нужно сказать, что христіанское дѣло, **какъ общее** всего нашего рода, не можетъ выразиться ни въ политикѣ, ни въ войнѣ, которыя составляютъ предметъ **общественнаго дѣла**; христіанское дѣло, въ самой войнѣ, дѣйствуя противъ непріятеля путемъ великодушія, безкорыстія, путемъ, такъ сказать, полубратскимъ, имѣетъ своею задачею вовлекать всѣхъ въ общее дѣло, и не уничтоженіемъ лишь поводовъ къ враждѣ или невѣрности (что опять-таки предметъ общественнаго дѣла), а установленіемъ необходимости постояннаго сближенія и сотрудничества въ вопросахъ, какъ продовольственно-санитарный, который есть

внѣхрамовая литургія вѣрныхъ; такимъ сотрудничествомъ и будутъ уничтожены не поводы только, но самая возможность войны.

Если же Россія будетъ вынуждена вести войну, то и себя не можетъ считать правою, ибо становиться воюющею стороною, значитъ утрачивать братство, хотя это и можетъ быть смягчено великодушіемъ и безкорыстіемъ. Вина Россіи заключается въ томъ, что тотъ общественный типъ, коего задатокъ содержится въ родовомъ быту, не выраженъ ею во всей полнотѣ въ самомъ устройствѣ общества или государства, и даже не формулированъ надлежащимъ образомъ; напротивъ, мы подражаемъ вовсе не свойственному намъ западному образцу. По западному же взгляду, утратившему сознаніе истинной цѣли, цѣль соединенія людей состоитъ въ достиженіи матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія; но таковое невозможно для общества, устроеннаго по типу организма, ибо это устройство, по существу своему, безнравственно; при такомъ строѣ большинство дѣлается механическимъ орудіемъ съ вознагражденіемъ за односторонность красивыми нарядами и тому подобными благами, а также правомъ на досугъ, если будетъ охота, составлять мнѣніе о чемъ угодно; незначительному же меньшинству предоставляется заниматься познаніемъ, носить въ себѣ цѣлый міръ въ видѣ мнимомъ или мысленномъ, подчинять понятію всю вселенную, ибо приложенія знанія лишь случайны и незначительны. Усовершенствованіе подобнаго общества, такъ называемое развитіе, состоитъ въ наибольшемъ раздѣленіи занятій; т. е. цѣль состоитъ въ томъ, чтобы оставить за каждымъ человѣкомъ только одну какую-либо способность и лишить его всѣхъ другихъ, такъ что лишь въ совокупности люди составляютъ цѣлаго человѣка. Такое общество состоитъ не изъ личностей, не изъ людей, а изъ органовъ производства. Просвѣщеніе является только задержкою естественнаго развитія этого организма, искусственнымъ внесеніемъ чего-то чуждаго, инороднаго, изъ другого міра взятаго. Хотя просвѣщеніе съ своей стороны и старается приладиться къ новой родинѣ, обращаясь въ грамотность, счетъ, катехизисъ, популярные разсказы, и не переходитъ въ дѣло, но, несмотря и на такое искаженіе, оно все-таки плохо прививается къ несвойственной ему средѣ. При такой безцѣльности общества никакое распредѣленіе занятій между особями не можетъ улучшить положеніе человѣка. Если бы даже каждый употреблялъ одинаковое время, какъ на механическую, такъ и на умственную работу, то и тогда отъ мнѣнія, каково бы оно ни было, положеніе несамостоятельное не измѣнится; оно и останется несамостоятельнымъ, пока дѣйствіе человѣка ограничивается подлѣлкою подъ природу, т. е. мануфактурною промышленностью, которою напрасно думаютъ создать матеріальное благосостояніе. Дѣло въ томъ, что при такомъ строѣ общества одинаково парализованы и знаніе и дѣятельность: первое вращается безвыходно въ области мысли, а вторая, эксплоатируя природу, даетъ лишь сырому матеріалу все болѣе и болѣе красивый видъ. Въ такомъ видѣ этотъ матеріалъ способенъ въ высшей степени возбуждать и усиливать вражду въ обществѣ. Вся за-

дача промышленности, какъ и современнаго искусства, скрыть настоящее положеніе человѣка, отвлечь его отъ истиннаго назначенія; если даже и на трупы наводятъ лоскъ жизни, бѣлятъ и румянятъ мертвецовъ, то дѣйствуютъ весьма послѣдовательно.

Совершенно иная наша задача; она не изобрѣтенная, не выдуманная, не можетъ служить для насъ и предметомъ гордости;—(она была для насъ предметомъ порицанія со стороны Западнаго сосѣда и тѣхъ изъ насъ, кои не устояли противъ этого порицанія); все наше преимущество заключается лишь въ томъ, что мы сохранили самую первобытную форму жизни, съ коей началось истинно человѣческое существованіе, т. е. родовой бытъ. Въ основѣ его лежитъ пятая заповѣдь, и тѣмъ не менѣе мы пережили смерть предковъ! мы одного только грѣха не совершили, это-то, что весь народъ не отрекся еще отъ отеческаго завѣта. Христіанство, можно сказать, придало окончательную форму пятой заповѣди; и въ этой окончательной формѣ пятая заповѣдь есть самая сущность христіанства. Откровеніе о предвѣчномъ рожденіи Сына заключается въ томъ, что Сынъ, рождаясь, какъ Духъ, исходя, и будучи оба самостоятельными лицами, не отдѣляются однако отъ Отца, а пребываютъ съ Нимъ въ неразрывномъ единствѣ; и это, какъ противоположность отживающей формы вселенной, не пришедшей еще черезъ человѣка къ самосознанію, въ коей всякое послѣдующее поглощаетъ предыдущее, чтобы быть поглощеннымъ въ свою очередь, и гдѣ жизнь, вслѣдствіе изолированности міровъ, не можетъ проявляться иначе, какъ смѣною поколѣній; личности чувствующія, сознающія умираютъ, живетъ же только родъ, онъ одинъ не умираетъ, не исчезаетъ, сохранятеся. Съ пятою заповѣдью наступаетъ новая эпоха во вселенной, устанавливаются новыя отношенія между послѣдующими и предыдущими, между отцами и дѣтьми, а въ христіанствѣ эта заповѣдь переходитъ въ заповѣдь о воскрешеніи, которая долгъ къ родителямъ не ограничиваетъ уже только почтеніемъ, еврейскимъ-ли то или китайскимъ; и послѣдствіемъ исполненія этой заповѣди будетъ уже не долгоденствіе, а безсмертіе. Сыны поставленные между умирающими отцами и разцвѣтающими дщерями человѣческими, не увлекаются послѣдними до оставленія первыхъ, а дщери, поставленныя между отходящими родителями и цвѣтущими сынами, не оставляютъ первыхъ ради послѣднихъ; сочетаніе сыновъ и дочерей тогда только будетъ приближаться къ своему образцу, когда союзъ для рожденія будетъ превращаться въ союзъ для воскрешенія.

Въ 10-ти заповѣдяхъ нѣтъ заповѣди о любви къ дѣтямъ, къ женѣ, какъ нѣтъ заповѣди и о любви къ самому себѣ; по разуму Декалога слѣдуетъ ожидать скорѣе ограниченія этихъ трехъ родовъ любви; онъ вводитъ строгость въ воспитаніе, ограничивая этимъ непосредственное (естественное) чувство чадолюбія; онъ дисциплинировалъ любовь къ женщинѣ, усматривая въ женолюбіи слабость, наклонность къ чувственности. Это ограниченіе не такъ естественно, животно, за то болѣе человѣчно. Наше время отличается глубочайшимъ разрывомъ между дѣтьми и отцами. Дѣти, утра-

тивъ связь съ отцами, утратили и цѣль въ жизни. Пятая заповѣдь подтвердилась: дѣти, утративши связь съ отцами и естественную цѣль въ жизни, при всякомъ ничтожномъ случаѣ лишаютъ себя ея; потому то настоящее время нуждается уже въ заповѣди о любви къ самому себѣ или, лучше сказать, о любви къ жизни, къ сохраненію ея. Такая заповѣдь будетъ противодѣйствіемъ усиливающемуся самоубійству, которое можно разсматривать также, какъ любовь къ самому себѣ, выразившуюся въ желаніи избавиться отъ непріятностей жизни. Напрасно думаютъ, что матеріальное улучшеніе жизни, наслажденія, могутъ уменьшить число самоубійствъ; человѣкъ не дорожитъ даровымъ, а жизнь, конечно, есть даръ, и напрасный и случайный, нужно прибавить и безцѣльный, если только онъ не будетъ выкупленъ трудомъ, объединеннымъ въ общей цѣли;—для человѣка дорого лишь то, что онъ самъ выработалъ, пріобрѣлъ трудомъ. Любовь къ дѣтямъ увеличивается преимущественно продолжительнымъ трудомъ воспитанія. Дѣти для родителей не только плодъ ихъ рожденія, но и ихъ труда, заботъ и проч. Любовь же дѣтей къ родителямъ не имѣетъ такихъ сильныхъ побужденій. Поддержаніе угасающей жизни родителей не можетъ усилить любви къ нимъ, какъ дѣло отчаянное.

Вотъ почему нельзя ограничивать долгъ къ родителямъ однимъ почтеніемъ. Христіанство устраняетъ этотъ недостатокъ ветхозавѣтной заповѣди, превращая дѣло отчаянное въ дѣло упованія, надежды, въ дѣло воскрешенія, и изъ долга воскрешенія выводитъ самый долгъ къ дѣтямъ. Дѣти—надежда будущаго и прошедшаго, ибо будущее, т. е. воскрешеніе, есть обращеніе прошедшаго въ настоящее, въ дѣйствительное. И любовь братская можетъ получить твердую основу только въ воскрешеніи же, ибо только оно объединитъ каждое поколѣніе въ работѣ для общей цѣли; и чѣмъ ближе къ ней будетъ подвигаться эта работа, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться братство, ибо воскрешеніе есть возстановленіе всѣхъ посредствующихъ степеней, кои и дѣлаютъ изъ насъ, братій, единый родъ, уподобляя нашъ родъ тому неразрывному единству, въ которомъ пребываютъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Если нашъ родъ распался и мы обратились въ непомнящіе родства народы и сословія, и если тотъ же процессъ распаденія продолжается внутри самихъ народовъ, сословій и отдѣльныхъ обществъ, то причину этого явленія нужно искать въ отсутствіи, въ недостаткѣ прочной основы, т. е. общей цѣли и общей работы; **а иной** высокой **цѣли, естественной, невыдуманной, неискуственной, кромѣ воскрешенія отцовъ, или возстановленія всеобщей любви, нѣтъ и быть не можетъ.** Итакъ, долгъ воскрешенія, или любовь къ отцамъ, и вытекающая отсюда любовь братій, соработниковъ (разумѣя оба пола), и любовь къ дѣтямъ, какъ продолжателямъ труда воскрешенія,—этими тремя заповѣдями и исчерпывается все законодательство. Нѣтъ въ человѣческомъ родѣ чуждыхъ, оттого и весь законъ заключается въ одной богоподбной заповѣди о родствѣ (Примѣч. 12-е).

Но пока человѣчество не достигло воскрешенія, оно составляетъ единый родъ только въ представленіи, въ мысли, и то неопредѣленной; оно

не можетъ еще имѣть полнаго взаимознанія и совершенной любви, а потому необходима власть, которая представляетъ прошедшія поколѣнія, становится въ отца-или праотца-мѣсто, блюдетъ и представляетъ интересы всѣхъ прошедшихъ поколѣній,—и Христосъ, какъ царь и первосвященникъ, названъ вторымъ Адамомъ и сталъ для насъ въ новаго Адама-мѣсто. Только такая власть, такое представительство и имѣетъ законное основаніе; власть же, представляющая интересы лишь одного поколѣнія, заботящаяся объ однихъ матеріальныхъ выгодахъ, не можетъ имѣть нравственной основы. (Обѣщаніе долгоденствія за почтеніе къ отцамъ еще болѣе приложимо къ обществамъ, государствамъ). Поколѣніе, отрекшееся отъ своихъ отцовъ, написало на своемъ знамени: свобода, равенство и братство; но изъ свободы слѣдовать своимъ личнымъ влеченіямъ и изъ завистливаго равенства неизбѣжно должна произойти вражда, а не братство. Нужно искать братства, а все прочее само собою приложится, ибо при истинномъ братствѣ немыслимо порабощеніе и неравенство. Удивительно при этомъ то обстоятельство, что поколѣнія, которыя наиболѣе отрекались отъ прошедшаго, наиболѣе и потурдились для изученія его (прошедшее, изгнанное изъ жизни, переселилось, можно сказать, въ науку). Эти поколѣнія открыли и арійское родство такихъ, повидимому, несходныхъ народовъ, какъ Нѣмцы, Славяне и проч, изучали гіероглифы, клинообразныя письмена, и самымъ прилежнымъ образомъ искали и ищутъ останки до-историческаго человѣка.

Санитарный вопросъ. Впрочемъ, интересы прошедшихъ поколѣній не противоположны интересамъ настоящихъ и будущихъ, если главною заботою будетъ прочное обезпеченіе бытія человѣческаго, а не наслажденіе существованіемъ. Но прочное существованіе невозможно, пока земля остается изолированною отъ другихъ міровъ. Каждый обособленный міръ, по своей ограниченности, не можетъ имѣть безсмертныхъ существъ. На каждой планетѣ средства къ жизни ограничены, небезконечны, хотя и могутъ быть очень велики, а слѣдовательно и смерть должна, въ концѣ концовъ, явиться уже по недостатку средствъ къ существованію, если бы она не успѣла явиться раньше по причинамъ случайнымъ.

Большій или меньшій недостатокъ пищи, голодъ производитъ скорую, либо медленную смерть. Смерть есть результатъ голода въ смыслѣ или недостаточнаго питанія, или же полнаго его прекращенія.—Недостатокъ производитъ борьбу, которая ограничиваетъ жизнь существъ, т. е. дѣлаетъ ихъ ограниченными во времени и пространствѣ. Смерть происходитъ и отъ болѣзни, въ смыслѣ менѣе или болѣе вреднаго, смертоноснаго, вліянія природы. (Смерть какъ разложеніе, заразы). Вообще, смерть есть слѣдствіе зависимости отъ слѣпой силы природы, извнѣ и внутри насъ дѣйствующей и нами неуправляемой; мы же признаемъ эту зависимость и подчиняемся ей.

Голодъ и смерть происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, а потому вопросъ о воскрешеніи есть вопросъ и объ освобожденіи отъ голода.

Человѣкъ, чтобы быть обезпеченнымъ отъ голода, долженъ настолько познать себя и міръ, чтобы имѣть возможность производить себя изъ самыхъ основныхъ началъ, на которыя разлагается всякое человѣческое существо; а чрезъ это онъ не только пріобрѣтетъ возможность, но и станетъ въ необходимость воспроизвести и всѣ умершія существа; т. е. живущіе должны будутъ подвергнуть какъ себя, такъ и умершихъ одному и тому же процессу воскрешенія, и только чрезъ воскрешеніе умершихъ живущіе могутъ возсоздать и себя въ жизнь вѣчную.

За вопросомъ о средствахъ существованія, вопросомъ о голодѣ или продовольственнымъ поднимается **вопросъ санитарный.**

Процессъ гніенія, необходимый, (по причинѣ той же обособленности земной планеты) для жизни смѣняющихся поколѣній, своимъ вліяніемъ производитъ различныя эпидеміи и, въ случаѣ недѣятельности человѣка, долженъ ускорить гибель рода. Вопросъ о способахъ погребенія составляетъ часть санитарнаго вопроса объ ассенизаціи (оздоровленіи) земного шара. Сожиганіе труповъ, проведенное послѣдовательно, какъ истребленіе огнемъ всѣхъ гніющихъ веществъ, привело бы насъ къ истощенію средствъ къ жизни, т. е. къ смерти отъ голода. Для человѣческаго рода остается, такимъ образомъ, только выборъ рода смерти, отъ голода или отъ эпидемій. Вопросъ объ эпидеміяхъ, какъ и о голодѣ, выводитъ насъ за предѣлы земного шара; трудъ человѣческій не долженъ ограничиваться предѣлами земли тѣмъ болѣе, что такихъ предѣловъ, границъ, и не существуетъ; земля, можно сказать, открыта со всѣхъ сторонъ, средства же перемѣщенія и способы жизни въ различныхъ средахъ не только могутъ, но и должны измѣняться.

Радикальное разрѣшеніе санитарнаго вопроса состоитъ въ возвращеніи разложенныхъ частицъ тѣмъ существамъ, коимъ онѣ первоначально принадлежали; всякое другое рѣшеніе этого вопроса не представляетъ полной гарантіи безвредности частицъ (молекулъ), подвергавшихся процессу смерти въ цѣломъ рядѣ существъ. Такимъ образомъ, вопросъ санитарный, какъ и продовольственный, приводитъ насъ ко всеобщему воскрешенію. Обращая безсознательный процессъ рожденія, а также и питанія, въ дѣйствіе, во всеобщее воскрешеніе, человѣчество чрезъ возсозданныя поколѣнія дѣлаетъ всѣ міры средствами существованія. Только такимъ путемъ можетъ разрѣшиться формула Мальтуса, противоположность между размноженіемъ и средствами существованія. Съ другой стороны, только такимъ путемъ избавится человѣчество и отъ всеобщей смертности, явившейся какъ случайность, отъ невѣжества, слѣдовательно, отъ безсилія, и чрезъ наслѣдство сдѣлавшейся врожденною, эпидемическою болѣзнью, предъ которой всѣ прочія эпидеміи могутъ считаться спорадическими болѣзнями. Смертность сдѣлалась всеобщимъ органическимъ порокомъ, уродствомъ, которое мы уже не замѣчаемъ и не считаемъ ни за порокъ, ни за уродство. (Смерть нѣкоторые Философы не хотятъ признать даже зломъ на томъ основаніи, что она не можетъ быть чувствуема, что она есть по-

теря чувства, смысла; но въ такомъ случаѣ и всякое отупѣніе, безуміе, идіотство нужно исключить изъ области зла, а чувство и разумъ не считать благомъ). Кромѣ того, смертность еще постоянно усиливается внѣшнимъ гніеніемъ, разложеніемъ, которое мы должны обращать, чрезъ посредство растеній, въ пищу себѣ и потомкамъ. Очевидно, что разрѣшеніе вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго зависитъ исключительно отъ земледѣльческаго класса. Городской ничего не производитъ; онъ даетъ лишь утонченную форму всему добываемому внѣ города. Продовольственный вопросъ для города представляется только съ экономической стороны, т. е. со стороны распредѣленія. Городъ игнорируетъ зависимость человѣка отъ природы, онъ равнодушенъ къ урожаю и неурожаю, онъ и не воображаетъ, не хочетъ знать, что недостаточное количество нельзя раздѣлить такъ, чтобы всѣ были довольны, что нельзя раздѣлить 100 фунтовъ хлѣба на 100 человѣкъ такъ, чтобы каждому досталось по 2 фунта. Въ этомъ и выражается вся странность предлагаемыхъ рѣшеній соціально-экономическихъ вопросовъ. Отдѣленіе города отъ села, независимое существованіе мануфактурной промышленности отъ земледѣлія, и даже господство надъ послѣднимъ, составляетъ главную причину пролетаріата. Кромѣ взаимнаго страхованія, городъ ничего не придумалъ для обезпеченія существованія, а такъ какъ природа не принимала при этомъ никакого обязательства, то и нельзя считать дѣйствительнымъ подобное застрахованіе.

Цивилизація, умѣющая брать съ земли большіе барыши, не умѣетъ обезпечить даже необходимаго минимума навсегда и для всѣхъ. Судя по равнодушію города къ земледѣлію, къ урожаю или неурожаю, можно подумать, что городъ вѣритъ въ буквальное значеніе выраженія, что можно «питаться отъ всякаго ремесла». Но неурожаи въ большихъ размѣрахъ напоминаютъ городу объ его зависимости отъ села, напоминаютъ на какомъ непрочномъ основаніи держится существованіе всего человѣчества. Ничтожная тля, жучекъ, муха могутъ положить конецъ жизни человѣчества. Какое мѣсто занимаетъ въ общемъ міровомъ ходѣ явленіе этихъ насѣкомыхъ? Будетъ ли оно идти, прогрессивно возрастая, или же на оборотъ, во всякомъ случаѣ мы въ полной зависимости отъ этихъ случайностей; потому то на всѣхъ питающихся и лежитъ обязанность принимать участіе въ дѣлѣ огражденія, обезпеченія человѣчества отъ подобныхъ случайностей. Уничтоженіе жучковъ посредствомъ посѣва грибковъ, производящихъ эпидеміи въ средѣ ихъ, не значитъ предупреждать появленіе жучковъ, предупреждать извращеніе природнаго процесса, вслѣдствіе котораго органическая сила принимаетъ энтомологическую форму; а, между тѣмъ, самое производство хлѣбныхъ растеній, превратившее степи въ непрерывное поле пшеницы, способствуетъ размноженію насѣкомыхъ, питающихся этими растеніями. Признающіе прогрессъ въ природѣ, а не въ разумномъ трудѣ, отнесутъ ли это явленіе (размноженіе фауны, живущей чужимъ трудомъ) къ явленіямъ прогрессивнымъ? Для поклонниковъ слѣпого прогресса Австрійскій жучекъ имѣетъ такое же право на существова-

ніе, какъ и человѣкъ. Борьба должна рѣшить, кто изъ нихъ имѣетъ большее право на существованіе. Послѣдователи естественнаго прогресса должны признать не законными, т. е. не естественными, самыя средства употребляемыя человѣкомъ для борьбы. Признавая же, что прогрессъ состоитъ въ обращеніи само собой производящагося (рождающагося) въ дѣйствіе, въ трудъ, мы дожны признать чужеядныхъ кореннымъ порокомъ, свойственнымъ слѣпой природѣ. Приведенное средство борьбы противъ жучка не можетъ считаться безусловно нравственнымъ, ибо пользуются порокомъ природы, распространеніемъ эпидемій; не можетъ быть названо нравственнымъ и вообще истребленіе насѣкомаго, какими то ни было средствами. Истинно нравственно только полное обращеніе слѣпой силы—рожденія, въ сознательное дѣйствіе. Второе средство (противъ Гессенской мухи), измѣненіе времени посѣва, дастъ, вѣроятно, преимущество особямъ позднѣе выводящимся, такъ какъ время посѣва можетъ быть измѣняемо только въ ограниченныхъ, весьма тѣсныхъ предѣлахъ, время же вывода насѣкомыхъ едва ли ограничено такими узкими границами, какъ это предполагаютъ. Наконецъ, культурныя средства, лучшая обработка земли, плодопеременность, могутъ ослабить, но не уничтожить развитія этой чужеядной фауны; надо предполагать, что съ обращеніемъ необработанныхъ земель въ пашни будетъ совершаться и превращеніе насѣкомыхъ въ исключительно хлѣбоядныя, и такихъ хлѣбоядныхъ образуется столько видовъ, сколько видовъ будетъ разводиться культурныхъ растеній, и они приспособятся ко всякаго рода плодоперемѣнности. Существенный біологическій вопросъ заключается въ объясненіи условій, которыя вынуждаютъ органическую силу принимать энтомологическую форму.

Въ санитарномъ отношеніи города производятъ только гниль и затѣмъ почти не превращаютъ ее въ растительные продукты; слѣдовательно, отдѣльное существованіе городовъ должно давать перевѣсъ процессамъ гніенія надъ процессами жизни. Города производятъ фауну вибріоновъ, бактерій и т. п, борьба съ которыми будетъ несравненно труднѣе борьбы съ мамонтами и мастодонтами, этими исполинами допотопнаго міра. По мѣрѣ увеличенія городовъ, вопросы санитарный и продовольственный будутъ принимать все болѣе острую форму, становиться все жгучѣй и жгучѣй. Существованіе города есть вообще признакъ того, что человѣкъ предпочитаетъ роскошь, минутное наслажденіе прочному обезпеченію существованія. Отдѣльное существованіе города и преобладаніе его надъ селомъ развилось по преимуществу въ океаническихъ странахъ; въ континентальной же глуши установилась иная форма жизни; здѣсь перевѣсъ доженъ перейти на сторону земледѣлія, а мануфактурная промышленность должна обратиться въ побочный промыселъ Въ континентальной глуши установилось общинное владѣніе, при которомъ со смертью отца соединена потеря участка земли, что должно усиливать свойственное человѣку чувство утраты и, слѣдовательно, воспитывать то чувство, которое лежитъ въ основѣ долга воскрешенія; вмѣстѣ съ тѣмъ община, надѣляя семьи новыми участками

не на каждое новорожденное дитя, а лишь на достигшихъ совершенно-лѣтія, воспитываетъ въ членахъ общины цѣломудріе, которое также требуется долгомъ воскрешенія въ наивысшей степени. Но самая великая выгода общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что земледѣліе не можетъ принять промышленнаго характера, будетъ заботиться не объ извлеченіи наибольшаго дохода, а объ наиболѣе вѣрномъ доходѣ, т. е. главная забота общины обезпечить урожай. Этимъ община воспитываетъ стремленіе прочно обезпечить существованіе, окончательнымъ выраженіемъ коего является безсмертіе, вмѣсто временныхъ удовольствій и наслажденій. Въ странахъ мануфактурныхъ наука не можетъ раскрыться во всей полнотѣ, не можетъ получить приложенія, соотвѣтственнаго широтѣ мысли, тамъ дѣйствительность не совпадаетъ съ знаніемъ, ибо первая ограничена производствомъ мелочей (пустяковъ), тогда какъ послѣднее, т. е. знаніе, стремится охватить всю природу. Очевидно, наука перерастаетъ свою колыбель, ей тѣсно въ мастерской и фабрика не даетъ ей должнаго простора. Положимъ, наука достигла бы, какъ нѣкоторые надѣются, возможности производить зерно фабричнымъ путемъ, (это идеалъ городского Запада), но тогда и разнообразная дѣятельность земледѣльца будетъ приведена къ однообразному исполненію роли клапана, рычага и т. п., фабричная тюрьма вмѣсто поля, неба! Не говоря уже о томъ, что измѣненіе въ способѣ производства не можетъ дать обезпеченія, ибо средства земного шара не безграничны, какъ все это ничтожно, чтобы не сказать гадко, (ибо это было бы окончательною нравственною и умственною гибелью народа), въ сравненіи съ тѣмъ безграничнымъ просторомъ, который открывается въ дѣлѣ обезпеченія урожая, такъ какъ условія, отъ коихъ зависитъ урожай, вообще растительная жизнь, не ограничиваются даже предѣлами земной планеты, **„не земля насъ кормитъ, а небо“**, говорятъ крестьяне («Податная десятина» Трирогова, Вѣстн. Европы 1878 г. № 11); т. е., урожай зависитъ не столько отъ почвы, сколько отъ метеорологическихъ явленій. Проектъ Каразина (1. Русск. Старина 1873 г. Февраль; 2. Сборникъ историч. матеріал., извлеченныхъ изъ Архива 1-го Отдѣлен. собств. Е. И. В. Канцеляріи 1876 г. вып. I-й стр. 460, 461;—нѣчто подобное предлагалъ и Араго для предохраненія отъ градобитій. Громъ и Молнія.) **регулировать метеорическими явленіями природы посредствомъ громоотвода, поднятаго на аэростатѣ**, какъ бы созданъ для земледѣльческой общины, которая, къ счастію для человѣческаго рода, далеко еще не вездѣ убита цивилизаціею въ нынѣшней ея формѣ, такъ что, можно думать, что большинство даже тѣхъ народовъ, внѣшніе слои коихъ объевропеились, въ болѣе глубокихъ слояхъ продолжаютъ жить еще въ общинѣ; а потому мудрено себѣ представить, что Западная Европа и Америка не возстановятъ у себя общину, когда большинство человѣческаго рода удержитъ эту форму жизни не вслѣдствіе косности только, какъ теперь, а сознавъ преимущество ея предъ формами цивилизованной жизни. Когда же предлагаемое Каразинымъ орудіе будетъ въ рукахъ всѣхъ общинъ, тогда весь метеорическій процессъ земного ша-

ра будетъ регулируемъ, вѣтры и дожди обратятся въ вентиляцію и ирригацію земного шара, какъ общаго хозяйства. «Человѣкъ, вооруженный электрическою силою», говоритъ Каразинъ, «станетъ производить, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ великую часть тѣхъ чудесъ, кои природа до сихъ поръ предоставляла себѣ одной. Напр., свѣтъ есть причиною цвѣтовъ, запаховъ, пряности и сладости соковъ растеній, производимыхъ теплыми странами. Искуснымъ приспособленіемъ сей силы мы можемъ производить свѣтъ, изливаемый природою въ южныхъ лучахъ. Я не мало не сомнѣваюсь, что преобразованіе мучныхъ веществъ и меду (?) въ сахаръ и подобныя тому преобразованія, въ которыхъ отчаялись химики, сдѣлаются возможными и весьма удобными, при томъ въ самыхъ большихъ количествахъ». Оставивъ сладости и пряности, цвѣты и запахи, которыми, быть можетъ, Каразинъ хотѣлъ только привлечь къ своему предпріятію людей, неспособныхъ пойти ни на что другое, кромѣ подобной приманки, должно эту силу (электрическую) преобразованія, пресуществленія обратить на другое, на дѣло общее всѣмъ людямъ, должно обратить ее въ орудіе литургіи.

Отъ дождей и тучъ естественный переходъ къ ливнямъ падающихъ звѣздъ, къ тучамъ метеоритовъ. «Когда мы видимъ массу падающихъ звѣздъ, мы проходимъ черезъ ту или другую часть кометы, а наблюдая ее на небѣ, мы въ сущности наблюдаемъ издали тучу метеоритовъ» (27 стр. лекцій Локьера «Почему таковъ составъ земли?»). Неотрѣшившіеся еще отъ общаго родового чувства во всѣхъ открытіяхъ ищутъ и будутъ искать, только средствъ возстановленія и обезпеченія существованія, въ противоположность Канто-Лапласовской теоріи, которая имѣетъ цѣлью только объяснить образованіе міровыхъ системъ безъ всякаго участія, безъ всякаго когда бы то ни было дѣйствія на эти міры творческой силы разума; задача неотрѣшившихся отъ общаго родового чувства состоитъ въ отысканіи способа возстановленія угасающихъ міровъ силами дѣйствующаго разума, и только такимъ путемъ будетъ объяснено и самое образованіе міровыхъ системъ, такъ какъ безъ дѣйствительнаго возстановленія ихъ, всякія объясненія будутъ только предположеніями. Только для большаго уясненія противоположности между двумя сказанными воззрѣніями, а не для того, чтобы сдѣлать хотя бы малѣйшій намекъ на способъ дѣйствія, который требуется задачею неотрѣшившихся отъ общаго родового чувства, мы приведемъ слѣдующій примѣръ дѣйствія разумныхъ существъ въ области міровыхъ системъ. Продолжая мысль Каразина, допустимъ, что электрическіе токи на землѣ получили опредѣленныя направленія, посредствомъ ли-то телеграфныхъ проволокъ, обвивающихъ землю въ видѣ спирали, или другимъ какимъ-либо способомъ, и земля, этотъ огромный сидеролитъ, естественный магнитъ, преобразилась въ электромагнитъ; тогда область дѣятельности земли была бы усилена и расширена, и мелкіе сидериты и сидеролиты, облегающіе, какъ полагаютъ, земную орбиту и представляющіеся намъ подъ видомъ зодіакальнаго сіянія, подъ вліяніемъ регулируемой силы земного магнетизма, могли бы быть, подобно парамъ, сгущаемы, разрѣжаемы и,

слѣдовательно, въ свою очередь могли бы служить для регулированія солнечнаго лучеиспусканія и на увеличеніе массы земли, а также на образованіе колецъ, спиралей на пути движенія земли или кругомъ солнца,—могли бы служить на созиданіе какъ бы новаго небеснаго свода, арокъ, и, такимъ образомъ, мы могли бы управлять магнитною силою самого солнца.. Словомъ, способъ дѣйствія неотрѣшившихся отъ общаго родового чувства, требующаго возстановленія угасающихъ міровъ, не только не будетъ ограничиваться кабинетными опытами, но будетъ безграниченъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И какъ бы ни казались предположенія, подобныя вышеизложенному, невѣроятными, невозможными съ точки зрѣнія современной науки, но отказаться отъ нихъ было бы величайшимъ преступленіемъ; это значило бы отказаться и отъ устраненія преступленій, если перевороты, всякаго рода нестроенія, потрясенія, войны считать преступленіями; и преступниками въ этомъ случаѣ были бы люди не худшіе, а скорѣе лучшіе, наиболѣе способные, силы которыхъ, воспитанныя ширью континента и океана, требуютъ наибольшаго простора; тогда нужно было бы также уничтожить, порвать всякую связь органовъ зрѣнія съ органами движенія, дѣйствія, чтобы уничтожить и это стремленіе, т. е. стремленіе обратить видимое въ доступное движенію, дѣйствію.

Всесословная земледѣльческая община, въ коей интеллигентный классъ исполняетъ и должность наставниковъ, съ мануфактурнымъ промысломъ на зимнее время, ослабитъ и, наконецъ, уничтожитъ конкурренцію, спекуляцію, соціальныя смуты, революцію и даже внѣшнія войны, ибо для всей той силы, которая тратится во взаимныхъ распряхъ, найдется широкое приложеніе; въ міровой дѣятельности всесословной сельской общины оно найдется какъ для мирнаго труда, такъ и для беззавѣтной отваги, удали, жажды самопожертвованія, желанія новизны, приключеній. Извѣстный процентъ характеровъ съ подобными наклонностями выдѣляетъ всякая община. Тотъ матеріалъ, изъ коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшіе пути въ сѣверныхъ лѣсахъ, казачество, бѣглые и т. п., это тѣ силы, которыя проявятся еще болѣе въ крейсерствѣ и, воспитанныя широкими просторами суши и океана, потребуютъ себѣ необходимо выхода, иначе неизбѣжны перевороты и всякаго рода нестроенія, потрясенія. Ширь Русской земли способствуетъ образованію подобныхъ характеровъ; нашъ просторъ служитъ переходомъ къ простору небеснаго пространства, этого новаго поприща для великаго подвига. Постепенно, вѣками образовавшійся предразсудокъ о недоступности небеснаго пространства не можетъ быть, однако, названъ изначальнымъ. Только переворотъ, порвавшій всякія преданія, отдѣлившій рѣзкою гранью людей мысли отъ людей дѣла, **дѣйствія**, можетъ считаться началомъ этого предразсудка. Когда термины душевнаго міра имѣли чувственное значеніе (ко[illegible], напр., понимать, значило брать), тогда такого предразсудка быть еще не могло. Если бы не были порваны традиціи, то всѣ изслѣдованія небеснаго пространства имѣли бы значеніе изслѣдованія путей, т. е. рекогносцировокъ, а изученіе планетъ имѣло бы

значеніе открытія новыхъ «землицъ»,—по выраженію Сибирскихъ казаковъ, новыхъ міровъ. Но и въ настоящее время, несмотря на рутину и предразсудки, при всѣхъ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, даже при самыхъ умственныхъ, отвлеченныхъ операціяхъ, **эта мысль о пользованіи изслѣдуемыми путями и міpами**, въ тайнѣ присутствуетъ въ умахъ изслѣдователей, ибо человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ себя, не можетъ не относить къ себѣ всего и не ставить себя всюду (разумѣемъ философовъ, ученыхъ). Для сыновъ же человѣческихъ небесные міры,—это будушія обители отцовъ, ибо небесныя пространства могутъ быть доступны только для воскрешенныхъ и воскрешающихъ; изслѣдованіе небесныхъ пространствъ есть приготовленіе этихъ обителей. Если же такія экспедиціи въ изслѣдуемые міры невозможны, то наука лишена всякой доказательности; не говоря уже о пустотѣ такой науки, низведенной на степень празднаго любопытства, мы даже не имѣемъ права утверждать, что небесное пространство имѣетъ три, а не два измѣренія. Распространеніе человѣка и по земному шару сопровождалось созданіемъ новыхъ (искусственныхъ) органовъ, новыхъ покрововъ. Задача человѣка состоитъ въ измѣненіи всего природнаго, дарового въ произведенное трудомъ, въ трудовое; небесное же пространство (распространеніе за предѣлы земли) и требуетъ именно радикальныхъ измѣненій въ этомъ родѣ. Въ настоящее время, когда аэростаты обращены въ забаву и увеселеніе, когда въ рѣдкомъ городѣ не видали аэронавтическихъ представленій, не будетъ чрезмѣрнымъ желаніе, чтобы, если не каждая община, и волость, то хотя бы каждый уѣздъ имѣлъ такой воздушный крейсеръ для изслѣдованія и новыхъ опытовъ. (Должно замѣтить, какъ ни велики здѣсь замыслы, но исполненіе ихъ стоитъ не дороже того, что тратится на увеселенія и даже не вводится никакого новаго расхода, а измѣняется лишь назначеніе того, что прежде служило одному увеселенію). Аэростатъ, паря надъ мѣстностью, вызывалъ бы отвагу и изобрѣтательность, т. е. дѣйствовалъ бы образовательно; это было бы, такъ сказать, приглашеніемъ всѣхъ умовъ къ открытію пути въ небесное пространство. Долгъ воскрешенія требуетъ такого открытія, ибо безъ обладанія небеснымъ пространствомъ невозможно одновременное существованіе поколѣній, хотя, съ другой стороны, безъ воскрешенія невозможно достиженіе полнаго обладанія небеснымъ пространствомъ. Къ этому нужно прибавить, что время, когда будутъ колонизированы наши азіатскія владѣнія, есть именно тотъ срокъ, въ который открытія въ небесныхъ пространствахъ должны привести къ положительному результату, ибо къ тому времени, нѣтъ сомнѣнія, всѣ остальныя части свѣта будутъ переполнены населеніемъ. Этотъ великій подвигъ, который предстоитъ совершить человѣку, заключаетъ въ себѣ все, что есть возвышеннаго въ войнѣ (отвага, самоотверженіе) и исключаетъ все, что есть въ ней ужаснаго (лишеніе жизни себѣ подобныхъ).

Вопросъ объ участи земли приводитъ насъ къ убѣжденію, что человѣческая дѣятельность не должна ограничиваться предѣлами земной пла-

неты. Мы должны спросить себя: знаніе объ ожидающей землю судьбѣ, сбъ ея неизбѣжномъ концѣ, обязываетъ ли насъ къ чему-либо или нѣтъ? или, иначе сказать, такое знаніе естественно-ли, т. е. необходимо ли и нужно ли оно на что нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ безполезный придатокъ? Въ 1-мъ случаѣ, т. е. если такое знаніе естественно, мы можемъ сказать, что сама земля пришла въ насъ къ сознанію своей участи и это сознаніе, конечно, дѣятельное, есть средство спасенія; явился и механикъ, когда механизмъ сталъ портиться. Дико сказать, что природа создала не только механизмъ, но и механика; нужно сознаться, что Богъ воспитываетъ человѣка собственнымъ его опытомъ; Онъ—Царь, который дѣлаетъ все не только лишь **для человѣка**, но и **чрезъ человѣка**; потому то и нѣтъ въ природѣ цѣлесообразности, что ее долженъ внести **самъ** человѣкъ, и въ этомъ заключается высшая цѣлесообразность. Творецъ чрезъ насъ возсоздаетъ міръ, воскрешаетъ все погибшее; вотъ почему природа и была оставлена своей слѣпотѣ, а человѣкъ своимъ похстямъ. Чрезъ трудъ воскрешенія человѣкъ, какъ самобытное, самосозданное, свободное существо, свободно привязывается къ Богу любовью. Поэтому же человѣчество должно быть не праздномъ пассажиромъ, а прислугою, экипажемъ нашего земного,—неизвѣстно еще какою силою приводимаго въ движеніе,- корабля,-- есть ли онъ фото,-термо-или электроходъ. Да мы и знать не будемъ достовѣрно, какою силою движется наша земля, пока не будемъ управлять ея ходомъ. **Во второмъ же случаѣ**, т. е. если знаніе о конечной судьбѣ земли неестественно, чуждо, безполезно для нея, тогда остается сложить руки и застыть въ страдательномъ (въ полномъ смыслѣ этого слова) созерцаніи постепеннаго разрушенія нашего жилища и кладбища, т. е. погубить не себя только, не живущее лишь поколѣніе, но лишить будущаго и все прошедшее, совершить грѣхъ, преступленіе не противъ братьевъ только, но и противъ отцовъ. Естественно ли это?! Такое положеніе можетъ быть нормальнымъ только для кабинетнаго ученаго, который и самъ есть величайшая аномалія, неестественность.

Фантастичность предполагаемой возможности реальнаго перехода изъ одного міра въ другой только кажущаяся; необходимость такого перехода несомнѣнна для трезваго, прямого взгляда на предметъ, для тѣхъ, кто захочетъ принять во вниманіе всѣ трудности къ созданію общества вполнѣ нравственнаго, къ исправленію всѣхъ общественныхъ пороковъ и золъ, ибо, отказавшись отъ обладанія небеснымъ пространствомъ, мы должны будемъ отказаться и отъ разрѣшенія экономическаго вопроса, поставленнаго Мальтусомъ, и, вообще, отъ нравственнаго существованія человѣчества. Что фантастичнѣе: думать объ осуществленіи нравственнаго идеала въ обществѣ и закрывать глаза на громадность, обширность препятствій къ тому, или же трезво признавать всѣ эти препятствія? Конечно, можно отказаться и отъ нравственности, но это значитъ отказаться быть человѣкомъ. Что фантастичнѣе: построеніе нравственнаго общества на признаніи существованія въ иныхъ мірахъ иныхъ существъ, на признаніи эмиграціи туда душъ, въ дѣй-

ствительномъ существованіи чего мы даже и убѣдиться не можемъ,— или же обращеніе этой трансцендентной миграціи въ имманентную, т. е. поставленіе такой миграціи цѣлью дѣятельности человѣчества?

Препятствія къ построенію нравственнаго общества заключаются въ томъ, что нѣтъ дѣла на столько обширнаго, чтобы поглотить всѣ силы людей, которыя въ настоящее время расходуются на вражду; во всей всемірной исторіи мы не знаемъ такого событія, которое, грозя гибелью обществу, соединило бы всѣ силы и прекратило бы всѣ раздоры, всякую вражду въ немъ. Во всѣ періоды исторіи очевидно стремленіе, которое доказываетъ, что человѣчество не можетъ удовлетвориться тѣсными предѣлами земли, только земнымъ. Такъ называемыя экстатическія хожденія, восхищенія на небеса суть выраженія этого же стремленія; не доказываетъ ли это, что пока не открыто болѣе широкой дѣятельности, не общественной, а естественной, до тѣхъ поръ за эпохами трезвости, собственно, усталости отъ безплодныхъ стремленій, будутъ наступать вновь эпохи энтузіазма съ экстатическими восхищеніями на небеса, всякаго рода видѣніями и т. п.? Вся исторія и заключается въ такихъ безплодныхъ переходахъ изъ одного настроенія въ другое; наше же время можетъ служить еще большимъ доказательствомъ сказаннаго положенія, такъ какъ теперь мы видимъ рядомъ съ проявленіемъ «царства міра сего» во всей его грязной дѣйствительности, и Царство Божіе въ видѣ самообольщеній (ревивали, спиритическіе фокусы и т. п.). Если не будетъ естественнаго, реальнаго перехода въ иные міры, будутъ фантастическіе, экстатическія хожденія, будутъ упиваться наркотиками; да и самое обыкновенное пьянство въ большинствѣ случаевъ можно, повидимому, отнести къ тому же недостатку болѣе широкой, чистой, всепоглощающей дѣятельности.

Три частные вопроса: о регулированіи атмосферныхъ явленій, объ управленіи движеніемъ земли и объ отысканіи «новыхъ землицъ», входитъ въ одинъ общій вопросъ объ обезпеченіи отъ голода, въ продовольственный вопросъ, или, точнѣе, въ вопросъ о возстановленіи жизни предковъ.—Какъ же отнесется родовая община (составленная даже не изъ однородцевъ, она приписываетъ себѣ общее происхожденіе, въ чемъ, конечно, и не дѣлаетъ ошибки) къ другому существенному вопросу, санитарному или гигіеническому; разумѣемъ преимущественно вопросъ о погребеніи? Вопросъ этотъ растетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Чѣмъ шире и тѣснѣе становятся сношенія, тѣмъ болѣе увеличиваются эпидеміи, заразы, какъ бы ни была различна племенная воспріимчивость къ болѣзнямъ. Обязанность каждаго человѣка участвовать въ разрѣшеніи этого вопроса основывается на томъ, что нѣтъ человѣка, который и при жизни, и по смерти не увеличивалъ бы заразы. И спиритуалисты, въ этомъ отношеніи не составляющіе исключенія, ибо и они также производятъ гниль, не могутъ считать себя изъятыми отъ этой обязанности; матеріалисты же, которые считаютъ свое ученіе самымъ здравымъ, тогда только будутъ правы, когда поставятъ своею задачею возвратить гнойной матеріи прежнюю жизнь, а не будутъ

орудіями производства матеріи въ медицинскомъ смыслѣ. Ученые съ сознаніемъ собственнаго превосходства говорятъ о дикаряхъ, выказывающихъ страхъ къ трупамъ, опасающихся посѣщеній мертвецовъ; а, между тѣмъ, вопросъ о способахъ погребенія доказываетъ, что и цивилизованные люди не чужды этого страха. Напрасно только думаютъ ученые и цивилизованные, что основа страха у дикарей другая, а не то же опасеніе,—какъ и у цивилизованныхъ: зараженіе отъ трупа и посѣщенія мертвецами живыхъ въ видѣ газовъ, міазмовъ и т. п., дѣйствующихъ не менѣе заразительно самаго трупа; только дикари представляютъ себѣ все это въ иныхъ образахъ, они и мертвыхъ облекаютъ въ живыя формы, какъ одушевляютъ и неодушевленную природу; но нельзя же считать ихъ ниже себя за то только, что они говорятъ другимъ, чѣмъ мы, языкомъ! Нѣкоторые дикари вбиваютъ колъ въ трупы, а цивилизованные довольствуются словомъ; «спи, говорятъ, въ могилѣ и не мѣшай намъ наслаждаться жизнью»; но и слово оказывается также безсильно, какъ и колъ, мертвецы не оставляютъ насъ въ покоѣ, они постоянно напоминаютъ намъ о своей солидарности, которой мы измѣнили, за что и наказываемся; и кара будетъ все тяжеле, пока мы снова не войдемъ въ единство съ мертвецами, которое ихъ смертью разрушилось и въ которое, очевидно, нельзя войти ни словами, какъ это дѣлаютъ цивилизованные, ни угощеніями, къ которымъ прибѣгаютъ дикари Несмотря на толстый слой земли, трупъ не остается спать въ могилѣ, а проникаетъ въ атмосферу въ видѣ міазмовъ, зародышей, составляя необходимое условіе жизни и даже красоты (производя, напр., голубой цвѣтъ неба) и грозя при недѣятельности человѣка завладѣть всей землей, замѣнить собою все ея населеніе и вытѣснитъ нашъ родъ. Напрасно въ порывѣ дешеваго великодушія нѣкоторые завѣщаютъ (считая себя въ правѣ дѣлать распоряженія о непринадлежащемъ имъ ни при жизни, ни по смерти тѣлѣ), сжечь свое тѣло по смерти; не внѣ только, а и внутри, предки, противъ своей воли властвуютъ надъ своимъ потомствомъ, (законъ наслѣдственности, атавизмъ), доказывая тѣмъ солидарность всѣхъ поколѣній, доказывая, что не для наслажденія, а для какой то высшей цѣли назначенъ человѣкъ. Сожиганіе труповъ, такъ странно противорѣчащее утилитарному направленію вѣка, а послѣдовательно проведенное, осуждающее все человѣчество на голодную смерть, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ трусость, эгоизмъ поколѣнія. Сожигать не значитъ развязывать узелъ, а разрубать его. Для разрѣшенія вопроса нужна смѣлость. для коей нѣтъ мотива у нынѣшняго поколѣнія, не только не сожигать трупы, но даже не выбрасывать ихъ за ограду населенныхъ мѣстъ, какими бы лицемѣрно почтительными знаками ни сопровождалось это выбрасываніе, напротивъ, должно помѣстить ихъ въ самый центръ каждаго поселенія и заняться изслѣдованіемъ еще совершенно неизвѣстнаго явленія, которое называется смертью.

Вопросъ, есть ли смерть нѣчто безусловное или же нѣтъ, для позитивистовъ представляетъ неразрѣшимую диллему. Придавъ смерти без-

условное значеніе, они признаютъ существованіе ненавистной имъ абсолютности; въ противномъ же случаѣ,—т. е. если смерть не безусловна,—нужно будетъ признать, что она не выходитъ изъ области, доступной нашему вѣдѣнію и дѣятельности. Впрочемъ, ученіе позитивистовъ, не признающее въ жизни ничего, кромѣ явленій, не распространяется, повидимому, на область смерти, иначе, (т. е. если бы они были послѣдовательны и въ этомъ случаѣ), имъ пришлось бы измѣнить всю систему. Всѣ философіи, разноглася во всемъ, сходятся въ одномъ: всѣ онѣ признаютъ дѣйствительность смерти, несомнѣнность ея, даже не признавая, какъ нѣкоторыя изъ нихъ, ничего дѣйствительнаго въ мірѣ. Самыя скептическія системы, сомнѣвающіяся даже въ самомъ сомнѣніи, преклоняются предъ фактомъ дѣйствительности смерти. Только нѣкоторыя дикія племена стоятъ твердо на позитивной почвѣ; они знаютъ явленія, какъ напримѣръ, прекращеніе дыханія, неподвижность членовъ, охлажденіе и т. д., и если имъ случится констатировать появленіе въ трупѣ вновь этихъ признаковъ, то они не скажутъ, что человѣкъ не умиралъ, что въ немъ оставалась еще жизнь и дѣйствительная смерть не наступала. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣйствительность смерти была уже признана, удавалось возвращать жизнь посредствомъ гальванизма: какъ бы незначительны подобные случаи ни были, все-же они заставляютъ насъ дать болѣе строгое опредѣленіе такъ называемой дѣйствительной смерти. **Дѣйствительною** смерть можетъ быть названа только тогда, когда **никакими** средствами возстановить жизнь невозможно, или когда всѣ средства, какія только существуютъ въ природѣ, какія только могутъ быть открыты человѣческимъ родомъ, были уже употреблены. Не нужно думать, чтобы мы надѣялись на открытіе какой-либо силы спеціально для этого назначенной; мы полагаемъ, что обращеніе слѣпой силы природы въ сознательную и есть это средство. Смертность есть индуктивный выводъ; она значитъ, что мы сыны множества умершихъ отцовъ; но какъ бы ни было велико количество умершихъ, оно не можетъ дать основаніе къ безусловному признанію смерти, такъ какъ это было-бы отреченіемъ отъ сыновняго долга, отъ сыновства. Смерть есть свойство, состояніе, обусловленное причинами, но не качество, безъ коего человѣкъ перестаетъ быть тѣмъ, **что онъ есть и чѣмъ долженъ быть.** Увеличивающееся количество умершихъ отцовъ не уменьшаетъ, а увеличиваетъ сыновній долгъ. Для нашего притупившагося чувства непонятно, какая аномалія, какая безнравственность, заключается въ выраженіи **„сыны умершихъ отцовъ»**, т. е. сыны, живущіе по смерти отцовъ, какъ будто ничего особеннаго, ничего ужаснаго не произошло! Нравственное противорѣчіе **„живущихъ сыновъ“ и „отцовъ умершихъ“** можетъ разрѣшиться только долгомъ всеобщаго воскрешенія.

Итакъ, мы столь же мало знаемъ сущность смерти, дѣйствительную смерть, какъ и дѣйствительную жизнь; но ограничивая себя знаніемъ только явленій жизни, мы суживаемъ свою дѣятельность, не признавая же за собой гордаго права рѣшить дѣйствительность смерти, мы расширяемъ нашу

дѣятельность, становимся исполнителями воли Божіей и орудіями Христа въ дѣлѣ всеобщаго воскрешенія. Легковѣрное отношеніе къ разсматриваемому явленію мыслящаго класса, это философское суевѣріе, никакъ не можетъ быть отнесено къ числу невинныхъ. Когда дѣло идетъ о безсмертіи души, мыслящіе люди становятся недовѣрчивыми, требуютъ строгихъ доказательствъ; почему же, когда дѣло коснется смерти, философы впадаютъ въ ребяческое суевѣріе и легковѣріе и тѣмъ суживаютъ область дѣятельности? Гніеніе считается при этомъ такимъ признакомъ, который не допускаетъ уже дальнѣйшихъ опытовъ. Приходится однако напомнить кому слѣдуетъ, что гніеніе не сверхъестественное явленіе, и самое разсѣяніе частицъ не можетъ выступить за предѣлы конечнаго пространства; что организмъ—машина, и что сознаніе относится къ нему, какъ желчь къ печени; соберите машину и сознаніе возвратится къ ней! Ваши собственныя слова обязываютъ же васъ, наконецъ, къ дѣлу. Можетъ быть, впрочемъ, что воскрешенію не должно быть, потому что—«умирать значитъ отдавать послѣдній долгъ природѣ» (это псевдонатурализмъ), но выраженіе это, очевидно, не точное; во 1 хъ, смерть есть банкротство, конфискація, а не свободное возвращеніе долга; во 2-хъ, признавать долгъ природѣ, т. е. подчиняться природѣ, явное нарушеніе первыхъ двухъ заповѣдей—«Умирать и платить налогъ всѣмъ должно»; сколько грубѣйшаго эгоизма въ этомъ выраженіи американскаго мѣщанина Вашингтона; если налогъ, это служеніе обществу, приравнивается къ смерти, то не значитъ ли это, что за жизнь признается только существованіе для узкой, личной выгоды? Такая постановка вопроса о смерти обязываетъ насъ превратить усыпальницы, гдѣ царствуетъ пассивное ожиданіе (не оживетъ ли мертвецъ самъ?), и самыя могилы въ предметъ изслѣдованія и дѣятельности.

Мѣры же предосторожности, кои должны быть приняты при такихъ опасныхъ изслѣдованіяхъ, требующихъ героизма, также какъ и изслѣдованія небесныхъ пространствъ, не должны мѣшать намъ исполнять нашъ долгъ воскрешенія и требованія, изъ него вытекающія; ибо если бы вся забота наша была лишь о томъ, какъ бы не заразиться, то пришлось бы всѣхъ больныхъ бросить на произволъ судьбы, потому что теперь почти доказано (насколько наука, вообще, въ силахъ доказать что-либо), что всякая болѣзнь заразительна и пребываніе съ больнымъ, если и полезно для больного, то во всякомъ случаѣ вредно для здороваго. Для родовой общины такая дѣятельность будетъ наиболѣе сообразною съ самимъ ея опредѣленіемъ родовой, сыновней. **Такимъ образомъ, мы совершенно лишены способности,** желательной для пессимистовъ, **доказать дѣйствительность смерти, т. е. невозможность воскрешенія.** Смерть есть явленіе внѣшнее для насъ, а потому и можетъ быть познаваема лишь индуктивно, тогда какъ воскрешеніе есть естественный всей природѣ нашей отвѣтъ на это чуждое намъ явленіе. **Смерть относительно нашихъ умершихъ есть фактъ** въ вышеозначенныхъ предѣлахъ, т. е. въ предѣлахъ разложенія, разсѣянія праха, но это не конецъ; **относительно же насъ,** живущихъ сыновъ, **смерт-**

ность есть лишь наведеніе. То же самое орудіе, которое, по проекту Каразина, назначено для управленія атмосферными явленіями, не можетъ ли послужить и для регулированія зародышами, плавающими въ атмосферѣ, или озонируя кислородъ воздуха, если только онъ можетъ такимъ образомъ озонироваться, или производя какое-либо иное дѣйствіе? Какъ вообще естественная наука, такъ и приложеніе ея, медицина, должна отъ кабинетныхъ, аптечно-терапевтическихъ опытовъ, производимыхъ въ области больнично-клинической, перейти къ употребленію теллуро солярной и психо-физіологической силы, регулируемой знаніемъ, должна перейти къ уничтоженію болѣзненности вообще, а не ограничиваться только леченіемъ отдѣльныхъ лицъ. Не можетъ ли также орудіе, указанное Каразинымъ, быть употреблено для прямого дѣйствія на трупы въ видахъ изслѣдованія и даже, быть можетъ, оживленія, и не будетъ ли это первымъ шагомъ по пути къ воскрешенію.

Настоящее время едва ли не самое критическое; предстоитъ рѣшить основной вопросъ: выдѣлившіеся-ли изъ общины должны возвратиться въ нее, или же община должна разрушиться? Въ послѣднемъ случаѣ судьба наша извѣстна; настоящее Запада есть наше будущее, точно также какъ настоящее Китая есть будущее Запада; и на Западѣ, какъ нынѣ на дальнемъ Востокѣ, «вещь» будетъ все, а человѣкъ ничто; иначе сказать,—совершенное уничтоженіе всякаго довѣрія и любви между людьми; различіе будетъ состоять только развѣ въ томъ, что на Западѣ, будетъ дѣлаться тоже съ отцами, что въ Китаѣ дѣлаютъ съ дѣтьми. Въ случаѣ разрушенія общины, подражать, а не думать, будетъ нашимъ удѣломъ, нашимъ девизомъ. Если же выдѣлившіеся изъ общины возвратятся въ нее, то намъ предстоитъ большой, вполнѣ самостоятельный трудъ. Тѣ, которые возвратятся, составляютъ по преимуществу интеллигенцію и потому на ихъ обязанности будетъ лежать внести въ общино-земледѣльческій трудъ тѣ изслѣдованія, которыя поведутъ къ разрѣшенію вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго во всеобщее воскрешеніе; интеллигенція должна будетъ принять на себя трудъ, подвигъ всяческихъ изслѣдованій и вмѣстѣ, на ней же будетъ лежать обязанность руководить, быть наставникомъ, учителемъ, въ дѣлѣ изслѣдованій, всѣхъ сочленовъ общины земледѣльцевъ, будетъ лежать обязанность сдѣлаться служилымъ сословіемъ наравнѣ съ крестьянами (помѣщики и крестьяне). Такъ, помѣщики, долгъ которыхъ быть агрономами и, конечно, не въ смыслѣ увеличенія дохода, получаемаго отъ земли, но въ видахъ обезпеченія урожая, въ видахъ того, чтобы земледѣліе, производимое на-авось, обратилось бы въ такое, при которомъ ожидаемый результатъ не могъ бы обманывать, помѣщики должны будутъ регулировать земледѣліе или посредствомъ способа Каразина, или же инымъ какимъ либо образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ же лежитъ обязанность привлечь къ участію въ управленіи земледѣліемъ,—и не въ качествѣ лишь

слѣпыхъ орудій,—но къ участію сознательному, ихъ сочленовъ по общинѣ, крестьянъ, слѣдовательно, сдѣлаться учителями ихъ въ этомъ дѣлѣ, органами естествознанія въ своей мѣстности. Подобнымъ образомъ, какъ помѣщики стоятъ къ продовольственному вопросу, медики станутъ къ санитарному, землемѣры будутъ мѣстными органами астрономіи и т. д. Такимъ образомъ, всѣ виды знанія получатъ священное значеніе и участіе въ дѣлѣ всеобщаго воскрешенія, въ дѣлѣ литургіи; пріобрѣтетъ великое, общирное значеніе и священство, въ противоположность протестантству и католицизму, такъ какъ при этомъ представители всѣхъ знаній, все учительство, будетъ и священствомъ, т. е. это будетъ не простымъ уже учительствомъ, въ которое протестанты обращаютъ и самихъ священниковъ; это не будетъ также и такимъ священствомъ, которое становится посредникомъ между Богомъ и людьми; это священство будетъ не отдалять вѣрующихъ отъ Христова дѣла, а посвящать ихъ въ него.

При такихъ учителяхъ какова должна быть наша школа, чѣмъ она будетъ отличаться отъ нѣмецкой и вообще западно европейской, которая, давая естественныя объясненія, вмѣсто миѳическихъ, въ видѣ популярныхъ разсказовъ, имѣетъ цѣлью привести учащихся къ вѣрованію, что природа есть слѣпая сила и что повиновеніе разумнаго существа слѣпой силѣ есть нашъ долгъ? Авторитетъ какого бы то ни было разумнаго существа, даже авторитетъ всего человѣческаго рода, говорятъ намъ, можно, и даже должно отвергать; но слѣпая сила природы—святыня! (Къ чести нынѣшнихъ учителей нужно однако сказать, что они, закрѣпощая человѣка природѣ, проповѣдуя язычество, сами не даютъ себѣ яснаго отчета о дѣлѣ, коему служатъ). Въ нашей же школѣ не можетъ быть антагонизма между вѣрой и наукой, какъ это теперь. Впрочемъ, образованіе, вносимое современною школою, есть также вѣра, или правильнѣе суевѣріе, ибо не только учащіеся, но и сами учащіе, если они не спеціалисты-астрономы, приняли на вѣру ученіе Коперника, наглядно же и сами учащіе незнакомы съ движеніями небесныхъ тѣлъ, и въ этомъ отношеніи они не рѣдко стоятъ даже ниже сельскихъ ребятишекъ, своихъ учениковъ. Нѣмецкимъ педагогамъ точно не нравится вертикальное положеніе человѣка, возможность обращать взоры къ небу; они дѣйствуютъ какъ разъ въ противоположность тому направленію, которое заставило человѣка принять его настоящее, вертикальное положеніе; они употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы отвратить его отъ неба и помѣстить въ изобрѣтенные и созданные Фребелемъ міры, эти мизерныя каюты. Отсюда и ихъ вражда къ вѣрѣ. Итакъ въ нашей школѣ не будетъ антагонизма между наукой и вѣрой. Законъ Божій есть требованіе, выраженное въ символѣ Христовомъ, (какъ есть символъ апостольскій, Никейско-Цареградскій, такъ, можно сказать, есть символъ и Самого Христа)—«шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа», («**крестяще**», т. е. очищая отъ грѣха, въ наказаніе за который явилась смерть); это требованіе много-единства или всѣ-единства, т. е. такого прочнаго союза, при которомъ ни-

какая внѣшняя сила, хотя бы то была и сама слѣпая сила всей природы, не могла бы исхитить даже единаго изъ среды насъ,—требованіе такого союза, при которомъ не было бы и внутри стремленія удаляться, разойтись, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы и ни малѣйшаго принужденія, насилія, удерживающаго въ союзѣ. Очевидно, что этотъ законъ, требующій такой заботы другъ о другѣ, такой охраны каждаго всѣми другими, постоянно нарушается. Есть какая-то сила систематически, послѣдовательно похищающая, наносящая намъ утраты, такъ что нѣкоторые считаютъ дѣйствіе ея закономъ, и закономъ неизбѣжнымъ, и творятъ себѣ изъ него кумиръ. Мы же не имѣемъ права признать законность этого явленія послѣ побѣды Христа надъ смертью; мы должны слѣдить за этой силой, наблюдать ее, **воспользоваться ею самою** для возвращенія нашихъ утратъ. Сила эта—**природа**. Такимъ образомъ въ нашей школѣ нѣтъ другого закона, кромѣ Божія, а между тѣмъ изъ преподаванія не исключается ни одна наука, даже естественная; напротивъ наша школа снабжена даже вышкою для того, чтобы преподаваніе было наглядно, при чемъ наглядность будетъ пріобрѣтаема не путемъ показыванія со стороны наставника, а участіемъ самихъ учениковъ въ наблюденіи явленій небеснаго свода; эта наглядность и создастъ цѣльность воззрѣнія. Закрывъ отъ себя небо, нынѣшняя (городская) школа можетъ быть уподоблена каютѣ, въ которой пассажиры остаются во все время переѣзда чрезъ океанъ. Наше же образованіе можетъ быть уподоблено выходу на палубу. Нужно сознать движеніе земли, принять, такъ сказать, участіе въ космической жизни, что совершенно противоположно участію въ рыночно-гражданской жизни; частое пребываніе на палубѣ (т. е. на вышкѣ) дастъ учащемуся почувствовать себя пловцомъ, то прорѣзывающимъ своимъ движеніемъ на земномъ кораблѣ хвосты кометъ и осыпаемымъ цѣлымъ ливнемъ падающихъ звѣздъ, то плывущимъ чрезъ пустыни неба, гдѣ лишь изрѣдка упадетъ нѣсколько капель космической матеріи или пыли. Только совокупными наблюденіями со всѣхъ вышекъ можетъ быть изучена эта масса мельчайшихъ планетокъ, имѣющихъ, быть можетъ, гораздо большее значеніе въ жизни солнечной системы, чѣмъ самыя большія планеты. Но не вдругъ можно достигнуть сознанія движенія земли; нужно изучить ту науку, которая впервые открыта пастухами Месопатаміи и другихъ равнинъ. На вышкѣ же можно ознакомиться и съ положеніемъ, которое мы занимаемъ на нашей земной горѣ. Высоко стоящая звѣздочка (полярная) показываетъ, что недалеко то мѣсто, гдѣ стоитъ она надъ самой головой, т. е. недалеко вершина нашей земной горы, полюсъ, а вмѣстѣ и поучаетъ, къ чему обязываетъ насъ пребываніе на суровыхъ высотахъ.

При обращеніи народнаго міровоззрѣнія, (которое Памиръ признавало кровлею міра, а Меру, которая своею вершиною, достигаетъ неба, осью міра) въ Колумбо-Коперниканское сама земля будетъ соединеніемъ двухъ Меру, у которыхъ вершинами будутъ полюсы, а экваторъ будетъ общимъ основаніемъ, подошвою этихъ соединенныхъ Меру. Земной шаръ и есть

земная гора, дѣйствительная Меру нашихъ предковъ. Только восходя на вышки, эти мирныя сторожи, составляющія центръ и основу всѣхъ острожковъ и Кремлей и служившія прежде сторожевыми башнями, а потомъ обратившіяся только въ колокольни, мы сознаемъ себя на горѣ предковъ Меру, сознаемъ себя продолжателями мысли предковъ. Называя себя сынами, мы дожны назвать и наше материковое полушаріе Меру или же Памиромъ, если вершину, или полюсъ, назовемъ Меру. Такое названіе будетъ лишь возстановленіемъ порваннаго преданія, ибо первоначальные Кремли (какъ Вавилонъ, Экбатана, даже Іерусалимъ съ горою Моріа) были памятниками Эдема, или Памира. Но земля тогда только будетъ дѣйствительно Меру и Памиромъ, или Эдемомъ, когда все человѣчество будетъ родомъ; тогда и географія будетъ родиновѣдѣніемъ, и такъ называемая всеобщая исторія станетъ отечественною или праотечественною.—Мы забыли о происхожденіи, значеніи, и назначеніи Кремлей (соединительныхъ центровъ), мы забыли, что Кремль есть, или ставится, въ Памиро-мѣсто, т. е. вмѣсто могилы праотца съ воздвигнутымъ надъ этою могилою храмомъ обсерваторіею, которые (т. е. храмы и обсерваторіи) у насъ отдѣлились одни отъ другихъ; назначеніе же Кремля состоитъ въ возстановленіи Эдема, потеряннаго нами рая, не въ смыслѣ висячихъ садовъ (какъ въ Вавилонѣ), а въ видахъ соединенія всѣхъ сыновъ въ храмѣ съ обсерваторіею для воскрешенія отцовъ.

Вышка также необходима для религіознаго, какъ и для научнаго воспитанія; здѣсь очень можетъ быть указано, что эти самыя, наблюдаемыя съ вышки, звѣзды назначены не для того, чтобы служить и поклоняться имъ, но что они большею частію также земли, также соединеніе двухъ Меру, назначенныя для распространенія области нашего труда. Вся земля наша мала и ничтожна и мы должны искать средствъ къ жизни въ иныхъ мірахъ; земля же, этотъ прахъ предковъ нашихъ, должна быть возвращена тѣмъ, кому принадлежала. (Для насъ, воспитанныхъ въ каютахъ, дикою покажется мысль считать землю только исходнымъ пунктомъ, а цѣлое мірозданіе поприщемъ нашей дѣятельности). Все естествознаніе при такомъ изученіи должно представиться единымъ, цѣльнымъ, небеснымъ; небесная механика, небесная физика и такая же химія, ботаника,—наука о солнечныхъ лучахъ въ формѣ растеній, а что всего важнѣе, сама географія есть наука о небольшой небесной звѣздочкѣ. Подобное свѣдѣніе сообщала и нѣмецкая школа, но она никогда не проводила его въ жизнь, не ставила его существеннымъ интересомъ человѣчества. Нынѣшнее міровоззрѣніе вовсе не имѣетъ въ основѣ своей системы Коперника; по этой системѣ всѣ тѣла подобны землѣ и находятся лишь въ разныхъ фазахъ развитія; этимъ и опредѣляется наша задача сдѣлать всѣ земли небесными, т. е. управляемыми сознаніемъ и волею. Мы должны быть небесными механиками, небесными физиками и проч. Когда весь міръ, оставленный, вслѣдствіе паденія человѣка, своей слѣпотѣ, будетъ управляться сознаніемъ, тогда все будетъ духовно, оставаясь и тѣлеснымъ, все будетъ небесами,

оставаясь и землями. Промышленность и торговля, вся эта мелочь, которою такъ гордится современный человѣкъ, которую онъ собираетъ со всѣхъ концовъ земли подъ неподходящимъ названіемъ «Всемірныхъ (выставокъ)» и которая держитъ подъ гнетомъ человѣческую мысль и дѣятельность, самые даже физическіе кабинеты и лабораторіи,— все это лишь «дѣтская» науки. Какъ мысль сама по себѣ не рѣшаетъ никакихъ вопросовъ, такъ и кабинетные опыты не рѣшаютъ ихъ. Вопросъ о движеніи земли тогда только разрѣшится, когда человѣчество сдѣлается изъ празднаго пассажира прислугою, экипажемъ этого, какъ выше сказано, неизвѣстно еще какою силою приводимаго въ движеніе корабля — земного шара. Когда этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, тогда впервые въ небесномъ пространствѣ явится звѣзда, или планета, управляемая сознаніемъ и волею. Но не въ этомъ одномъ мысль Коперника должна найти свое приложеніе, если только есть единство между мыслью и дѣйствіемъ, разумомъ и волею. Противорѣчіе между внѣшними чувствами и мыслью должно же побуждать насъ къ выходу изъ этого противорѣчія. Если геоцентрическая точка зрѣнія ложна, мы должны стать на геліоцентрическую. Пока земля считалась центромъ, мы могли быть спокойными зрителями, принимая кажущееся за дѣйствительное, истинное; но какъ только исчезло это убѣжденіе, центральное положеніе мыслящаго существа стало цѣлью, проектомъ. По отношенію къ осуществленію его получаютъ значеніе такіе слои, группы человѣчества, которые при прежней формѣ жизни находились въ презрѣніи, крестьяне-пахари имѣютъ наибольшее значеніе въ дѣлѣ небесномъ; для банкировъ же и фабрикантовъ нѣтъ мѣста въ міровой, небесной дѣятельности. Для села менѣе препятствій сдѣлаться гражданиномъ вселенной; Лондоны же и Парижи изъ первыхъ дѣлаются послѣдними. Искусственность городской жизни и все зло, связанное съ нею, не разъ вызывали протесты противъ себя, приглашавшіе возвратиться къ дикой жизни, а не къ небесной; звали подчиниться природѣ, отказаться отъ мысли, (ибо мыслящее существо есть развращенное животное, какъ увѣрялъ Руссо), а не внести ее въ природу; обѣщали тихую идиллію, жизнь легкую, покойную, а между тѣмъ, нуженъ тяжелый трудъ во благо всего человѣчества, и не живущаго только поколѣнія, а дѣйствительно всего человѣчества, въ совокупности всѣхъ прошедшихъ поколѣній.

Предъ лицомъ космической силы умолкаютъ всѣ интересы личные, сословные, народные, одинъ только интересъ не забывается, интересъ общій всѣмъ людямъ, т. е. всѣмъ смертнымъ... Не трудно рѣшить, когда народъ стоялъ умственно выше, міровоззрѣніе его было шире, тогда ли, когда онъ создавалъ былины, религіозный эпосъ, обнимавшій цѣлый міръ, какъ единое цѣлое, когда признавалъ въ огнѣ (въ Сварожичѣ), въ вѣтрахъ, во всѣхъ земныхъ явленіяхъ, въ самомъ себѣ дѣйствіе солнечной силы, т. е. имѣлъ тотъ самый взглядъ, къ коему приближается нынѣшняя наука; или же, когда фабричная жизнь оторвала его отъ сельской и обратила отъ единаго, всеобъемлющаго вопроса о смерти къ мелочнымъ вопросамъ ци-

вилизаціи, если даже мы примемъ цивилизацію въ самомъ обширномъ смыслѣ? Какъ пусты и жалки всѣ эти вопросы о гарантіяхъ одной части народа противъ другой, всѣ эти declarations des droits, т. е объявленіе всеобщей войны. Истинное образованіе имѣетъ въ виду обратить человѣка отъ всѣхъ этихъ сваръ, (только усиливаемыхъ грамотностью, знаніемъ ариѳметики и досугомъ, даваемымъ замѣною рукъ машинами), къ общему труду; ибо только тогда человѣкъ будетъ образованъ, когда не только небо будетъ кормить его, но и солнечная сила, проведенная во всѣ хижины, явится тамъ въ видѣ очага, домашняго солнца, освѣщающаго, согрѣвающаго и созидающаго тѣлесный организмъ его; тогда даже женскій, сельскій трудъ возвысится до знанія міровыхъ, теллуро-солярныхъ процессовъ; космогоническій эпосъ будетъ переходить тогда отъ словъ къ дѣлу и къ дѣлу такому же широкому, какъ и эпическая поэма; точно также и былинный историческій эпосъ получитъ тогда новое поприще; не развлекаемый мануфактурными игрушками, народъ во всѣхъ своихъ слояхъ почувствуетъ тогда единство.

Не для языческаго удивленія предъ красотою и величіемъ космоса всходили мы на вышку; нѣтъ, здѣсь должно быть сознано, что громадное пространство, отдѣлюящее нашу сравнительно небольшую обитель отъ другихъ міровъ, также какъ и слѣпое, фатальное движеніе нашей планеты обусловливаютъ смѣну поколѣній, т. е. наши утраты. Здѣсь же должно быть сознано, что и сама космическая сила безсильна противъ смерти, потому что не имѣетъ о себѣ ни сознанія, ни чувства; но что эта космическая сила въ насъ, въ человѣкѣ, начинаетъ сознавать себя и чувствовать, и, конечно, это сознаніе **обязываетъ** человѣка, такъ какъ всякій человѣкъ есть **сынъ**, и эта обязанность есть долгъ воскрешенія. Вышка сама по себѣ не могла бы, конечно, настроить души такъ, чтобы мірозданіе возбудило въ насъ вопросъ о возсозданіи, чтобы космосъ сталъ вопросомъ о воскрешеніи. Учащіеся подготовляются къ этому въ школѣ Закономъ Божіимъ; Законъ же Божій, выраженный въ образѣ Тріединаго Бога, или въ заповѣди о воскрешеніи, раскрывается въ сознаніи учащихся литургіею по преимуществу и храмомъ, который есть тоже литургія только не въ дѣйствіи; и самое всеобщее воскрешеніе есть литургія, только литургія внѣхрамовая, **внѣхрамовое пресуществленіе**,—внѣхрамовое и не таинственное, а явное, дѣйствительное. (Школа перестаетъ быть подобіемъ человѣка, подобіемъ существа къ небу обращеннаго, когда не имѣетъ вышки). Литургія, или общественное служеніе - въ смыслѣ всечеловѣческаго служенія, а также и храмъ объединяютъ всю общину или приходъ въ единой мысли, въ общемъ чувствѣ и совокупной дѣятельности. Отвлекая общину отъ заботъ и попеченій объ исключительно личныхъ интересахъ, о нуждахъ чисто искусственныхъ, которыя главнымъ образомъ и тяготѣютъ надъ людьми, занятыми торгово-промышленнымъ дѣломъ, и направляя ее къ дѣлу міровому, къ разрѣшенію основныхъ двухъ вопросовъ, продовольственнаго и санитарнаго, къ которымъ такъ легко сводятся всѣ занятія

земледѣльцевъ, литургія даже матеріально возвышаетъ человѣка надъ землею «горе». Если литургія въ настоящее время не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію или значенію, служенія общему дѣлу, то только потому, что въ жизни мы выказываемся не тѣми людьми, какими являемся въ молитвѣ. Въ молитвѣ мы возвышаемся, повидимому, до скорби объ общихъ бѣдствіяхъ, удручающихъ человѣческій родъ, дѣятельность же наша ограничивается такими интересами, что, называя ихъ нашими личными, мы даемъ оскорбительное опредѣленіе и нашей личности, и личности вообще. Какъ же можетъ быть разрѣшено это раздвоеніе между молитвою и жизнью? Разсматривая литургію, какъ строительницу церкви, мы видимъ, что она при обращеніи минутнаго настроенія въ прочное единство, или церковь, встрѣчаетъ препятствія въ самыхъ занятіяхъ и образѣ жизни христіанъ. Дѣйствительно, занятія, состоянія или сословія даютъ особый складъ мысли и чувству и, такимъ образомъ, внутренно раздѣляютъ людей; а занятія нѣкоторыхъ находятся даже въ полномъ противорѣчіи съ дѣломъ церкви и дѣлаютъ невозможнымъ внутреннее общеніе. Это прискорбное раздвоеніе, весьма понятное при раздѣленіи интересовъ, не оставляетъ людей и въ самой церкви. Купецъ, фабрикантъ могутъ, конечно, отрываться минутно отъ своихъ заботъ и попеченій, могутъ, слѣдовательно, и съ крестьянами быть въ одной церкви; но могутъ ли они быть съ ними и одною церковью, т. е. находиться съ ними не въ минутномъ только, а постоянномъ единеніи? тѣмъ болѣе, что торгово-мануфактурная промышленность, не ставя себѣ задачею обращеніе гніющихъ веществъ въ живыя и здоровыя тѣла, тѣмъ самымъ отказывается отъ литургіи, которая имѣетъ свое начало въ земледѣліи и концомъ которой будетъ возвращеніе гніющихъ веществъ въ тѣ именно тѣла, которымъ они принадлежали. Торгово-мануфактурная промышленность не только не ставитъ себѣ задачею разрѣшенія продвольственно-санитарнаго вопроса, что составляетъ сущность земледѣлія и литургіи, но она дѣйствуетъ прямо въ противоположномъ разрѣшенію этого вопроса смыслѣ, т. е. она есть обращеніе живого въ мертвое. Единеніе между торгово-промышленнымъ классомъ и земледѣльцами состоится, когда торгово-промышленная дѣятельность сдѣлается зимнимъ промысломъ сельскихъ общинъ, тогда не будетъ противоположности интересовъ, и нынѣшніе особые классы людей, посвящающихъ себя исключительно—одни земледѣлію, а другіе—торгово-промышленной дѣятельности, составятъ тогда единую церковь. Способствовать такому соединенію составляетъ долгъ торгово-промышленнаго класса, который, какъ и помѣщики, долженъ сдѣлаться учителемъ народа техники различныхъ промышленно-ремесленныхъ занятій и распредѣленія ихъ согласно съ мѣстными условіями, которыя людямъ этого класса должны быть лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстны. Не могутъ же эти люди не сознавать сказаннаго раздвоенія ихъ съ другими людьми, и подъ вліяніемъ настроенія, производимаго на нихъ литургіею, не могутъ же они не искать выхода изъ этого раздвоенія; ибо литургія своею художественною стороною не можетъ не производить впе-

чатлѣнія даже на невѣрующихъ!

Если для вѣрующихъ литургія—божественное служеніе, то для невѣрующихъ она—художественное воспитаніе, и какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, она имѣетъ одинаково священный характеръ по важности вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго, входящихъ въ евхаристію. Что для вѣрующихъ тѣло и кровь Христовы, то для невѣрующихъ хлѣбъ и вино, или только символъ тѣла и крови Христовой, но какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ—глубокая тайна, въ разрѣшеніи коей и состоитъ наша задача. Объединеніе народовъ произойдетъ въ общемъ дѣлѣ, въ литургіи, приготовляющей трапезу всѣмъ (вопросъ продовольственный) для исцѣленія души и тѣла всѣхъ (вопросъ санитарный), и эта всѣмъ человѣчествомъ совершаемая литургія будетъ молитвою, переходящею въ дѣйствіе; мысленнымъ воспоминаніемъ, переходящимъ въ дѣйствительность; престоломъ этой литургіи будетъ вся земля, какъ прахъ умершихъ, «силы небесныя»,—свѣтъ, теплота,—будутъ видимо (а не таинственно) служить для обращенія праха въ тѣло и кровь умершихъ.

Во всякомъ случаѣ, найдутъ-ли люди торгово-промышленнаго класса разрѣшеніе вышеозначеннаго раздвоенія или нѣтъ, но несомнѣнно, что долгъ требуетъ отъ нихъ такого разрѣшенія. Но кромѣ долга нужно принять во вниманіе и самое величіе вопросовъ санитарнаго и продовольственнаго, какъ составныхъ частей общаго вопроса о воскрешеніи, а также должно обратить вниманіе и на бѣдствія, кои необходимо должны произойти отъ пренебреженія этими вопросами.

Надъ разрѣшеніемъ вопроса о выходѣ изъ вышеозначеннаго раздвоенія работаютъ также и науки экономическія, которыя могутъ быть названы отрицательными или переходными, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. При обращеніи промышленности въ побочное, зимнее занятіе при земледѣліи, самый характеръ производства измѣнится; продукты не будутъ имѣть такой красивой внѣшности, какъ теперь, за то выиграютъ въ прочности и, конечно, найдутъ сбытъ у тѣхъ, которые сущность предпочитаютъ красивой внѣшности, т. е. у крестьянъ всѣхъ странъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ той измѣнчивости, какъ теперь, не будетъ моды; промышленность и капиталъ займутъ свое надлежащее мѣсто, т. е. не первое, а послѣднее, ибо назначеніе ихъ не расти, а умаляться по мѣрѣ того, какъ земледѣліе, управляя метеорическими процессами земли, будетъ все глубже входить въ жизнь растительную, усвоять себѣ растительные процессы, пользоваться созидающею силою живого организма, чтобы самому себѣ фабриковать всю свою тѣлесную оболочку со всѣми органами, кои дѣлали бы ненужными искусственные покровы и орудія; т. е. всю мануфактурно-промышленную дѣятельность.

Литургія можетъ дать такое широкое и глубокое образованіе, какого не можетъ дать никогда наука, если останется при своей отвлеченности. Литургія, обнимая своими молитвами постоянныя нужды человѣка, не останется равнодушною и къ великимъ вопросамъ дня. Конечно, въ этомъ по-

слѣднемъ случаѣ многое зависитъ отъ жизненности и чуткости къ этимъ вопросамъ самихъ служителей церкви.

Въ августѣ 1877 года, когда мы переживали страшныя минуты въ ожиданіи извѣстій съ Шипки, гдѣ рѣшалась судьба Болгаръ и всего Славянскаго племени, мы не слыхали особенныхъ молитвъ объ этомъ именно мѣстѣ, о Шипкинскихъ стояльцахъ или страдальцахъ, за весь родъ Славянскій и даже за тѣхъ, противъ кого они, повидимому, боролись, такъ что молитва церкви оставалась бы все таки вселенскою, хотя видимо она и приносилась бы лишь за часть рода человѣческаго, (не переставала бы быть каѳолическою). Если бы наше духовенство, тотчасъ по полученіи извѣстій о нападеніи цѣлой арміи на горсть нашихъ воиновъ, созвало бы народъ и, пояснивъ ему потрясающую важность этой минуты, пригласило бы помолиться, такая минута не забылась бы никогда, вся Русь молилась бы, какъ одинъ человѣкъ, а народъ, молящійся какъ одинъ человѣкъ, будетъ и дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ. Такіе случаи не часто повторяются въ жизни народовъ, (въ дѣлѣ же объединенія они имѣютъ большую важность), а молитвенное участіе народа въ текущихъ событіяхъ должно быть постояннымъ; и въ нынѣшнемъ (1878) году, когда уже не на Балканскихъ проходахъ, не у Плевны, а на Берлинскомъ Съѣздѣ рѣшается вопросъ о бытіи славянскаго племени, молитвенныя пожеланія могли бы дать твердость и Берлинскимъ нашимъ стояльцамъ.

Нужно однако твердо стоять на высотѣ всеобщаго долга, чтобы церковь не сдѣлалась поприщемъ политическихъ агитацій.

Литургія, предполагая предварительное оглашеніе, или школу, возводитъ насъ на «Божественную стражу» и заставляетъ мысленно совершить утренній обходъ всѣхъ предѣловъ Русско-Славянской земли. Обращая взоры къ Востоку, мы видимъ «Дальній Западъ», откуда долетали до насъ случайные голоса объ единеніи, но пропасть большая, чѣмъ самъ Великій Океанъ, отдѣляетъ насъ отъ заатлантическихъ друзей. Сочувственно остановившись на зарождающейся Японской церкви, пожелавъ, чтобы Японія сдѣлалась мостомъ для православія ко всему «Дальнему Востоку», мы съ глубокимъ вздохомъ за свое безсиліе отведемъ глаза отъ безотрадной картины Китая и Индіи. Вспомнивъ о монгольскомъ игѣ и вообще о нашествіи дикихъ кочевниковъ, отодвинутыхъ и стрегомыхъ на всемъ пространствѣ отъ великаго Океана до Каспія, но необращенныхъ еще къ мирной жизни, мы отнесемъ вопросъ о монгольскомъ игѣ, о нашествіяхъ Гунновъ и друг., къ вопросамъ еще не рѣшеннымъ и не будемъ равнодущны къ тѣмъ, кои стерегутъ эту линію и отодвигаютъ ее все далѣе. А если представимъ себѣ, что Англія, погубивъ Китай и снабдивъ оружіемъ кочевниковъ, можетъ открыть новую эпоху нашествій, то поймемъ, что мы дѣйствительно стоимъ на народовержущемъ вулканѣ. Англичане и тогда, конечно, будутъ говорить объ Европейскихъ интересахъ и общечеловѣческомъ благѣ и имъ будутъ вѣрить даже у насъ. Взглянувъ на ненадежную Персію (хотя все должно бы было располагать ее къ прочному союзу съ

нами) мы открываемъ въ одинъ изъ утреннихъ обходовъ страшное, или, лучше сказать, рѣшительное явленіе: Англія, до сихъ поръ охватывавшая насъ со всѣхъ сторонъ, но нигдѣ непосредственно не соприкасавшаяся съ нами, внезапно оказывается у самыхъ границъ нашихъ, замѣнивъ собою слабую Турцію и войдя въ непосредственную связь съ другимъ угнетателемъ Славянъ, съ другою Турціею, носящею только христіанское имя, съ Австро-Венгріею или Венгро-Австріею. Вотъ мы достигли того великаго момента, когда двѣ силы земного шара, океаническая и континентальная, выступили другъ противъ друга. Всѣ прочіе могутъ быть только нейтральными маклерами или союзниками той или другой изъ этихъ силъ. Но мы не будемъ продолжать этого обзора, потому что все совершающееся въ мірѣ, все, о чемъ было говорено выше, можетъ и должно быть предметомъ общей молитвы; и церковь къ неизмѣнной части литургіи, чтобы войти въ живую связь съ составляющими ее членами, необходимо должна присоединить молитвы о вопросахъ дня, которые имѣютъ теперь убѣжище въ газетахъ, и тогда чтеніе газетъ, изъ празднаго любопытства, политиканства, обратится въ нѣчто священное, а молитвенный обзоръ, который ежедневно дѣлается въ церкви, будетъ руководящимъ, онъ поможетъ вѣрующимъ, проникшимся долгомъ воскрешенія, дать надлежащее значеніе каждому событію, понять къ чему оно должно ихъ побуждать, обязывать, какъ они должны имъ воспользоваться для достиженія цѣли, выраженной двумя словами эктеніи: «о соединеніи всѣхъ».

Непосредственное соприкосновеніе двухъ силъ, океанической и континентальной, можетъ разрѣшиться или въ постоянную борьбу, нескочаемую рѣзню, болѣе свирѣпую и обширную, чѣмъ до сихъ поръ съ магометанствомъ (можно сказать во вселенскую борьбу); или же весь міръ изъ поля битвы обратится въ одинъ храмъ и вся исторія будетъ общимъ служеніемъ, литургіею.

Пока центромъ стремленій всѣхъ народовъ служитъ Индія, немыслима постановка продовольственно-санитарнаго вопроса, какъ общечеловѣческаго священнаго дѣла литургіи, потому что, пока существуетъ означенное стремленіе, земледѣліе и гигіена останутся спеціальными занятіями, отдѣльными одна отъ другой профессіями, изъ которыхъ 1-е будетъ служить для добыванія сырыхъ продуктовъ, предметовъ наслажденій для города; а 2-я будетъ давать только облегченіе отъ страданій, только нѣкоторое улучшеніе гигіеническихъ условій; при существованіи такого стремленія земледѣліе и гигіена не сдѣлаются однимъ занятіемъ, обращающимъ всѣ науки въ искусство полнаго обезпеченія существованія и совершеннаго избавленія отъ болѣзней. А между тѣмъ земледѣліе, обращающее гниль въ растительное и животное вещество, есть естественное гигіеническое средство, тогда какъ городская гигіена есть лишь средство искусственное, паллiативное.

Стремленіе народовъ къ Индіи, сближая ихъ лишь внѣшне, (сближеніе, основанное на корысти, отравляетъ человѣческое общеніе, потому что тор-

говое сближеніе есть профанація, искаженіе евхаристіи, т е. общенія, основаннаго на знаніи), въ санитарномъ отношеніи производитъ травматическія эпидеміи и, какъ естественныя ихъ послѣдствія, другія заразы, которыя, въ силу удобствъ сообщенія еще усиливаются, распространяются. Это стремленіе, способствуя раздѣленію народовъ на сословія, производитъ профессіональныя болѣзни, а развивая городскую жизнь, не только устраняетъ человѣчество отъ разрѣшенія продовольственно-санитарнаго вопроса, но и создаетъ самую антигигіеническую форму общественной жизни, потому что городъ антигигіеиченъ по существу, онъ источникъ и разсадникъ болѣзней и если бы деревня чрезъ постоянный приливъ лучшей, чистѣйшей крови не возрождала его, онъ не могъ бы и существовать. Но городъ не только обновляется деревенскою кровью, но и снабжаетъ село своею, испорченною. Вопросъ въ томъ: какой изъ этихъ токовъ, городской ли, болѣзнетворный, или же сельскій, здоровый, возьметъ перевѣсъ, допуская даже, что отношеніе сельскаго населенія къ городскому не перейдетъ принимаемой нѣкоторыми гигіенистами нормы трехъ къ одному? Деревня совершенно не нуждалась бы въ искусственной гигіенѣ, если бы не подвергалась эксплуатаціи города, благодаря коей пользуется и тѣснымъ помѣщеніемъ и часто нездоровой пищей. Деревня была бы даже радикальнымъ средствомъ всеобщаго оздоровленія, если бы городъ своимъ знаніемъ помогъ ей въ этомъ, вмѣсто того, чтобы вынуждать ее обратить земледѣліе въ способъ извлеченія наибольшаго дохода, наибольшаго истощенія земли. Лучшій медицинскій совѣтъ, который можетъ дать гигіена городу, городскому Западу и всему міру, если она не будетъ служанкою торгово-промышленнаго направленія, это возвратиться въ село изъ городовъ, этихъ, по выраженію Руссо, очаговъ нравственной и физической заразы, но не съ цѣлью, конечно, подчиненія слѣпой силѣ природы, а съ цѣлью обратить ее въ цѣлебную, животворную силу, въ орудіе исцѣленія, оживленія. Гигіеническій вопросъ возникъ въ городахъ, потому что городъ антигигіеиченъ по существу; болѣзнями сопровождается фабричное производство, но и потребленіе приноситъ болѣзни, т. е. вся искусственная жизнь города болѣзнетворна; конкурренція производитъ нравственныя боли; словомъ весь юридико-экономическій бытъ есть столько же нравственное искаженіе родового, какъ и здороваго сельскаго быта, въ патологическій городской. Вся исторія, какъ исторія цивилизаціи, искусственной культуры, (т. е. превращенія села въ городъ), есть уклоненіе отъ продовольственнаго вопроса и развитіе антигигіеническаго быта. Нынѣшнее политическое состояніе міра есть самое крайнее уклоненіе отъ гигіенически-продовольственной цѣли. Самый союзъ Англіи и всего торгово-промышленнаго Запада съ фаталистическимъ Исламомъ и неземледѣльческими кочевниками противъ земледѣльческой Россіи есть борьба странъ, производящихъ болѣзни и непроизводящихъ хлѣба, противъ народа, вынужденнаго истощать землю и могущаго давать здоровье, но дающаго пока только болѣзни, какъ голодный тифъ и т. п.

Если бы городъ передавалъ полямъ не только всю накопляемую имъ гниль, (чего однако нѣтъ) но даже и пыль и дымъ, то и тогда мануфактурный промыселъ, т. е. обращеніе живого вещества въ мертвое, а родственныхъ отношеній (родового быта) въ болѣзненныя, торговыя (т. е. въ бытъ юридико-экономическій), а также уклоненіе отъ животворнаго дѣла села, дѣлали бы его антигигіеничнымъ и антихристіанскимъ. Между тѣмъ городъ не только не возвращаетъ всей производимой имъ гнили полямъ, но, потворствуя фаталистическому Исламизму, поддерживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чуму и другія болѣзни, такъ какъ Исламъ, означая буквально: **„Безусловная покорность“**, въ данномъ случаѣ является покорностью чумѣ, богохульно отожествляемой съ волею Божіею.

Если при непосредственномъ соприкосновеніи двухъ силъ, океаническої и континентальной, весь міръ изъ поля битвы обратится въ единый храмъ, въ этомъ храмѣ соединятся и торгово-промышленная Англія, и весь Западъ, ближній и дальній, (носящій тотъ же меркантильный характеръ), а также и земледѣльческая Россія. Чтобы литургія могла объединить всѣ эти народы въ единой мысли, единомъ чувствѣ и дѣйствіи, нужно, чтобы съ ними совершилась перемѣна или, правильнѣе, раскаяніе въ измѣнѣ и возвращеніе къ земледѣльческому единству, подобно тому возвращенію, (соединенію съ земледѣльческою общиною торгово промышленнаго класса), о которомъ говорилось выше, такъ что, приглашая эти народы соединиться съ нами на вечери любви, мы приглашаемъ ихъ быть нашими учителями. Отношеніе земледѣльческой Россіи къ Англіи и Западнымъ народамъ, такимъ образомъ, совершенно тоже, что и земледѣльческой общины къ торгово-промышленному классу, Но пока не совершилось это объединеніе, мы, молясь о всеобщемъ соединеніи, можемъ, безъ нарушенія каѳолическаго характера церкви, молиться и о христолюбивомъ крейсерствѣ, если оно останется вѣрнымъ своему долгу, о священныхъ путяхъ къ Памиру, къ могилѣ праотца, и къ другимъ прародинамъ, такъ какъ эти пути,—вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ освобожденію Китая и Индіи; мы можемъ молиться и вообще о всѣхъ средствахъ къ обезопасенію отъ Англіи и къ обращенію ея на путь всеобщаго долга.

Но въ Англіи, несомнѣнно, много великодушныхъ элементовъ, много личностей, способныхъ возвыситься надъ матеріальными и частными народными интересами и поступить такъ, какъ поступилъ Закхей мытарь. Мытарь,—это господствующая Англія; и если она не послѣдуетъ совѣту Евангельскому вольно, то вынуждена будетъ къ тому невольно. Когда Англія поставлена будетъ въ необходимость призвать всѣхъ на защиту, тогда и узнаетъ она, что парламентъ ея былъ голосомъ не общаго предка, не завѣтомъ земли, почему земля Англійская и была не для всѣхъ матерью. Между Россіею и Англіею гораздо больше точекъ къ соединенію и единству, чѣмъ къ раздѣленію и враждѣ; и та вражда, которая между ними нынѣ, могла бы кончиться еще до захожденія солнца перваго дня воскресенія. Англія гораздо лучше знаетъ тщету богатства и власти, чѣмъ тѣ, кои

никогда ими не пользовались; и она еще болѣе можетъ обнаружить энергіи при отреченіи отъ этихъ благъ, чѣмъ было ею выказано при ихъ пріобрѣтеніи. Воспитанная широкимъ просторомъ океана, какъ Россія широкимъ просторомъ континента, мы въ состояніи понять другъ друга. Англичанинъ, повидимому, самъ тяготится своими дымными фабриками, туманными городами и спѣшитъ при первой возможности въ сельскіе коттеджи и замки, окруженные парками. Британецъ въ состояніи понять всю грандіозность предпріятія обратить паровую силу океана въ человѣческое орудіе, а подчиненные ему народы въ сотрудниковъ этого предпріятія; при выполненіи же этого предпріятія необходимы дружныя дѣйствія Россіи и Англіи, континента и океана. И тотъ, кто въ знаменательный для него день Рождества Христова самое почетное мѣсто отводитъ своимъ предкамъ, тотъ не можетъ остаться чуждымъ дѣлу воскрешенія, долгъ этотъ долженъ говорить его сердцу.

Какъ мелки и ничтожны тѣ причины, которыя раздѣляютъ насъ нынѣ, и какъ глубоки и велики тѣ, что могутъ и должны соединить насъ!!. А если бы такой союзъ состоялся, то всѣ другіе народы волею, или сначала и неволею, присоединились бы къ нему. Магометанскій Востокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ христіанами, вступая въ храмъ, оставитъ оружіе; и дальній Востокъ, освобожденный отъ антихристіанскаго давленія, вступитъ въ единеніе съ принявшими на себя долгъ воскрешенія, и, вмѣсто нирваны, раздѣлитъ съ ними этотъ долгъ. Тогда можно будетъ сказать, что литургія оглашенныхъ уже кончилась, оглашенные сдѣлались вѣрными, третья часть литургіи, литургія вѣрныхъ, начинается, т. е. наступаетъ третій день воскрешенія. Необходимо замѣтить, что и объ отношеніяхъ всѣхъ народовъ другъ къ другу вообще, и о нашихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ народамъ въ особенности, можно также сказать, что причины насъ раздѣляющія мелки и ничтожны, причины же, которыя должны вести къ нашему соединенію, велики и глубоки.

Мѣстная литургія. Литургіи мѣстныя приготовляютъ къ литургіи вселенской. Призывная коммиссія и ея испытательно-воспитательное значеніе. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этой священнѣйшей части служенія, мы должны возвратиться къ общинѣ, къ приходу, и разсмотрѣть дѣйствіе литургіи въ этомъ небольшомъ кругу, коего численность опредѣляется возможностью личнаго знакомства всѣхъ его членовъ и отъ надлежащаго устройства коего зависитъ строй всей церкви.

Литургія должна знакомство превратить въ дружество, а наука должна всѣхъ сдѣлать и познающими, и предметомъ знанія; въ этомъ случаѣ и субъектъ, и объектъ знанія будутъ тождественны. Подъ руководствомъ врачей душъ, т. е. священниковъ, и врачей тѣла, медиковъ, учащіеся должны производить психо-физіологическіе опыты надъ своими собственными личностями, т. е. изслѣдованія органическихъ отправленій, темпераментовъ и способовъ подчиненія чувственныхъ наклонностей, (постъ въ религіозномъ смыслѣ, а діэтетика въ научномъ освобождаютъ образъ жизни отъ состоянія,

или богатства, и ставятъ его въ зависимость отъ изслѣдованія); изслѣдованія надъ осязаніемъ, зрѣніемъ и вообще внѣшними чувствами въ каждомъ организмѣ (Вундтъ, Фехнеръ, Веберъ), изслѣдованія физіогномическія и наблюденія надъ психическими состояніями въ видахъ открытія соотношенія между наружными и внутренними явленіями, чтобы по первымъ можно было знать о послѣднихъ; изслѣдованія наслѣдственности, темпераментовъ, наклонностей, ощущеній, и вообще всѣхъ отправленій, изъ которыхъ слагается личность. Руководство при производствѣ этихъ изслѣдованій принадлежитъ врачу и священнику, потому что только такія изслѣдованія и дадутъ имъ возможность исполнить надлежащимъ образомъ ихъ обязанности и вложатъ душу въ ихъ дѣятельность.

Въ литургію первоначально входили всѣ таинства, т. е. эти таинства были общимъ дѣломъ всѣхъ; чтобы возстановить старину и устранить новшество (состоявшее просто въ послабленіяхъ), нужно, чтобы вся община—приходъ была воспреемникомъ при крещеніи, крестнымъ отцомъ каждаго новорожденнаго сочлена, т. е. чтобы вся община принимала на себя обязанность давать всѣмъ воспитаніе, завершеніемъ котораго будетъ публичное всею общиною-приходомъ производимое испытаніе. Какъ и крещеніе, испытаніе должно производиться между литургіею учащихся (оглашенныхъ) и литургіею совершеннолѣтнихъ (окончившихъ курсъ, вѣрныхъ); учащійся долженъ дать объясненіе храма и всей иконописи, т. е. сдать экзаменъ изъ всеобщей и мѣстной священно-всемірной исторіи. Испытаніе не ограничивается храмомъ и оканчивается на вышкѣ, въ больницѣ, на кладбищѣ, въ полѣ; учащійся объясняетъ значеніе суточной и годовой литургіи въ храмѣ и внѣ храма, т. е. свое тягло и подушную повинность въ санитарномъ и продовольственномъ вопросахъ, или долгъ воскрешенія. При бракахъ община-приходъ занимаетъ мѣсто посаженнаго отца, ибо бракъ заключается для исполненія родительскаго дѣла; при погребеніи община дѣлается душеприказчикомъ, строителемъ душъ и тѣлъ. [У нѣкоторыхъ отцовъ Церкви (Ѳеодоръ Студитъ?) погребеніе причисляется къ числу таинствъ]. Если литургія внутри храма есть таинственное исцѣленіе душъ и тѣлъ, то внѣ храма она должна быть врачебнымъ и всякимъ другимъ человѣческимъ пособіемъ (утѣшеніемъ, напр., скорбящихъ, т. е. понесшихъ утраты, осиротѣвшихъ, овдовѣвшихъ), ибо если расположеніе, настроеніе, даваемое литургіею въ храмѣ, не будетъ выражаться внѣ храма, то и молитва, и вѣра будутъ безплодными, т. е. не будетъ ни вѣры, ни молитвы.

При вышеизложенныхъ изслѣдованіяхъ каждымъ себя и притомъ постоянныхъ, при взаимномъ сообщеніи этихъ изслѣдованій сотрудниками другъ другу, чужая душа не будетъ уже такими глубокими потемками, т. е. души не будутъ взаимно чуждыми и наружность не будетъ такъ обманчива. Тогда станутъ возможными сближеніе людей по внутреннимъ, душевнымъ свойствамъ, психическая группировка, классификація, психическій подборъ или, правильнѣе, выборъ въ видѣ дальнѣйшаго труда. Знаніе дастъ прочное основаніе для дружества и психологія найдетъ свое прило-

женіе въ психократіи, которая есть общество, держащееся внутреннею силою, а не внѣшнимъ закономъ, какъ государство или общество юридическое, изъ котораго изгнано чувство, вынута душа. Психократія держится силою, направляющею человѣка къ труду воскрешенія; она такое общество, въ которомъ знаніе опредѣляетъ какъ нужды каждаго, такъ и его способности къ тому или другому дѣлу въ общемъ отцовскомъ дѣлѣ; и на этомъ основаніи опредѣляются какъ подушная подать каждаго (т. е. его служба обществу), такъ и душевой его надѣлъ. Психократія, такимъ образомъ, есть не царство безтѣлесныхъ, безплотныхъ духовъ, а вложеніе души во всѣ матеріальныя отправленія.

Конечно, нечего думать при нынѣшнихъ средствахъ о полномъ проявленіи души во внѣшности; невозможно это, во 1-хъ, по причинѣ наслѣдственной склонности къ скрытности и, вообще, ко всѣмъ порокамъ; и во вторыхъ, потому, что наружность не располагаетъ достаточными средствами для всесторонняго выраженія души. Человѣкъ не обладаетъ въ настоящее время ни полною способностью самооткровенія, ни способностью проникнуть во внутреннюю глубину другого существа. Для того, чтобы раскрыться, показать и вмѣстѣ понять себя, человѣчество должно воспроизвести себя изъ простѣйшихъ элементовъ, и не въ подобномъ только, или сокращенномъ, порядкѣ, но въ дѣйствительномъ, чрезъ всѣ индивидуальности, чрезъ кои проходили эти элементы (изслѣдованіе сынами самихъ себя въ отцахъ, отцами—въ сынахъ, узнаваніе братьями себя въ близкихъ и дальнихъ своихъ братьяхъ), иначе не будетъ полнаго взаимознанія, какъ безъ палеонтологіи не можетъ быть и полной зоологической классификаціи, т. е. безъ внесенія въ классификацію посредствующихъ исчезнувшихъ видовъ.

Вопросъ психократическій есть вопросъ о всеобщемъ воскрешеніи. Пораженные трудностями, которыя для многихъ покажутся непреодолимыми, мы не должны забывать, что въ случаѣ неосуществимости полной взаимности, мы осуждены на такое одиночество, на такое разобщеніе, что не можемъ быть даже увѣренными, что тотъ внѣшній міръ, который мы только созерцаемъ, есть общій у всѣхъ насъ, т. е. не можемъ быть убѣждены даже во взаимномъ существованіи другъ друга; намъ остается на выборъ: **или полное одиночное заключеніе, или всеобщее воскрешеніе,** въ которомъ и полное взаимознаніе. Иначе: **или ни Бога, ни міра, ни людей, или же все это въ совершенной полнотѣ!**

Недостатки нашего начальнаго объединенія выказываются въ его безсиліи противъ смерти, а потому оно и служитъ только средствомъ для высшаго объединенія, всеобщаго воскрешенія.

Благопріобрѣтенное въ насъ, сравнительно съ наслѣдственнымъ, незначительно; а потому высказываясь сами, мы выражаемъ и жизнь нашихъ родителей, нашихъ предковъ, а выше упомянутыя (психо-физіологическія) наблюденія, производимыя повсюду, послужатъ средствами или данными для выводовъ законовъ наслѣдственности. Руководствуясь же сими послѣдними,

мы получимъ возможность мысленно возстановлять образы предковъ, какъ необходимое условіе дѣйствительнаго воскрешенія.

Внутренніе источники исторіи. Всякій приходъ или община, въ коемъ каждый членъ—историкъ и лѣтописецъ, а вмѣстѣ и длинная лѣтопись своихъ предковъ, есть историческое общество, т. е. общество исторіи и древностей, а также и новостей, если можно такъ выразиться, такъ какъ общество это, изучая древности, должно слѣдить и за текущими явленіями, ибо то и другое равно необходимы, да въ новомъ-то и живетъ старина. Но прежде, чѣмъ каждая личность станетъ историческою, или, вѣрнѣе, одновременно съ этимъ, должно ввести въ исторію каждый городокъ и село, какъ бы незначительны они ни были; каждый поселокъ долженъ открыть свою непосредственную мать, метрополію, и прослѣдить свою генеалогію до извѣстнаго нынѣшней исторіи мѣста.

Церковь не гражданское общество, она не исключаетъ изъ своихъ списковъ умершихъ, а побуждаетъ своихъ членовъ вспоминать отцовъ и предковъ, не ограничиваясь какими бы то ни было степенями; это воспоминаніе и есть историческая работа, получающая свою санкцію отъ религіи. Только не должна историческая наука принимать мысленные образы за дѣйствительные, за конечную цѣль, творить себѣ изъ нихъ идоловъ; историческій трудъ есть только средство, и притомъ не единственное, ибо и земледѣліе въ окончательной формѣ есть обращеніе праха предковъ въ ихъ тѣло и кровь.

Обращаясь къ живущимъ, т. е. къ еще не умершимъ, но приближающимся, идущимъ къ смерти (выраженія «живущій» и «умершій» указываютъ какъ бы на противоположность, которой въ дѣйствительности нѣтъ; церковь есть общество **еще неумершихъ**, имѣющее своимъ предметомъ, цѣлью **уже умершихъ**, т. е. **всеобщее воскрешеніе**), литургія призываетъ къ молитвѣ не только вообще о людяхъ, находящихся въ немощахъ, болѣзняхъ, скорбяхъ и другихъ положеніяхъ, требующихъ особой о нихъ заботы, но и называетъ ихъ поименно, оживляя тѣмъ молитву и указывая, куда должно быть направлено вызванное ею дѣятельное сочувствіе. Мы говоримъ поименно, потому что только тогда, когда можно будетъ назвать въ церкви каждаго по имени и отчеству, само общество станетъ нѣкоторымъ братствомъ, будетъ основано, если еще и не на взаимной любви, то уже на взаимномъ уваженіи. Точно также церковь молится поименно и объ отсутствующихъ, т. е. плавающихъ, путешествующихъ, о всѣхъ выселившихся на новыя мѣста, о сохраненіи съ ними тѣсной и непрерывной связи, потому что приходъ долженъ составлять такое единство, которое не уничтожалось бы ни разстояніемъ, ни временемъ; а чтобы поддержать эту связь съ отсутствующими, церковь и напоминаетъ о нихъ въ своихъ молитвахъ; и чѣмъ продолжительнѣе или опаснѣе предпринятое путешествіе, тѣмъ чаще церковь напоминаетъ о предпринявшемъ его сочленѣ, и чѣмъ дальше отъ родины выселившіеся, тѣмъ заботливѣе должно сохранять наши съ ними связи. Церковь молится также и о нераздѣльности семей, какъ и

вообще о вопросахъ дня, касающихся всей общины. Словомъ, нѣтъ такого положенія, состоянія, въ которомъ можетъ находиться прихожанинъ, и на которое церковь не обращала бы въ своихъ ектеньяхъ молитвеннаго вниманія, сочувствія, дѣятельности всѣхъ безъ исключенія членовъ прихода, а потому и нѣтъ никакой надобности въ частныхъ молебнахъ при такихъ все и всѣхъ объемлющихъ молитвахъ; ибо молиться только о себѣ (частный молебенъ), какъ и думать только о себѣ, знать самого себя (т. е. только себя) также не согласно съ религіею Тріединаго Бога, какъ и не молиться всѣмъ о каждомъ въ приходѣ, коего численность опредѣляется возможностью личнаго знакомства. Отсутствіе частныхъ молебновъ признакъ высокаго нравственнаго успѣха, сдѣланнаго приходомъ.

Не однѣ печали, но также и радость находитъ сочувствіе, отзывъ; такъ тезоименитство каждаго прихожанина дѣлаетъ его предметомъ молитвъ цѣлаго прихода; на литургіи имя его вспоминается на каждой ектеньѣ, и тѣмъ паче, если онъ находится въ отсутствіи, если отбываетъ воинскую повинность въ отдаленномъ краю или даже сосланъ по обвиненію въ какомъ-либо преступленіи.

Если нашъ народъ видитъ въ преступникѣ только несчастнаго, то тѣмъ болѣе церковь, вспоминая притчу запрещающую исторгать плевелы, изъ опасенія исторгнуть и пшеницу, не назоветъ преступникомъ, хотя бы и осужденнаго закономъ юридическимъ. Не исключая изъ своихъ списковъ умершихъ естественною смертью, церковь не исключаетъ изъ нихъ и подвергшихся гражданской смерти, развѣ усиливаетъ лишь за нихъ свои молитвы. Строгое же знаніе, не обладая еще никакими безусловно-вѣрными доказательствами, не можетъ считать кого бы то ни было преступникомъ, несмотря ни на собственное признаніе, ни на другія доказательства, какъ бы вѣски они ни были. Но не признавая преступника, наука признаетъ преступленіе, и напутствуемая благословеніями церкви, отыскиваетъ условія, его вызвавшія и искоренняя, такимъ образомъ преступленіе, не касается лица преступника. Даже установивши фактъ преступленія, для признанія виновности требуется такое знаніе душевной глубины, что развѣ только одно легкомысліе способно присвоить себѣ право осуждать,— законъ же дѣйствуетъ по нуждѣ.

Подобнымъ же образомъ, какъ относительно преступленія, общинное знаніе дѣйствуетъ и при возникновеніи болѣзни; оно отыскиваетъ условія ея происхожденія, которыя могутъ скрываться или въ недостаткахъ самой общины, или же обусловливаются самою мѣстностью. Такимъ образомъ, община есть постоянная санитарная комиссія, какъ въ то же время она есть историческое и сельско-хозяйственное общество.

Но если приходъ, какъ нравственное и познающее общество, не можетъ признать за собою права наказывать, то съ другой стороны онъ не можетъ не признавать себя виновнымъ въ каждомъ преступленіи, какъ и въ каждой болѣзни, а наконецъ и въ смерти каждаго члена своей общины. Каждый смертный случай есть признакъ, доказательство нашего ум-

ственнаго и нравственнаго несовершенства. Хотя мы и присутствуемъ при погребеніи не краснѣя, тѣмъ не менѣе мы не можемъ же не признавать себя виновными въ смерти каждаго въ обширномъ смыслѣ, потому что каждый смертный случай показываетъ недостатокъ заботъ другъ о другѣ, какъ способность переживать умершихъ показываетъ недостатокъ любви къ нимъ; въ смерти же близкаго намъ мы виновны даже и въ тѣсномъ смыслѣ, потому что смерть есть результатъ, кромѣ общихъ причинъ, еще суммы мельчайшихъ непріятностей, перенесенныхъ умершимъ отъ своихъ близкихъ, присныхъ. Поэтому всякое мельчайшее оскорбленіе есть уже смертный грѣхъ, т. е. грѣхъ, наносящій смерть. Но такое сознаніе своей виновности должно вести не къ безплодному сокрушенію, а служить побужденіемъ къ труду воскрешенія.

Въ общинѣ-приходѣ никто никого другого не называетъ преступникомъ, но каждый себя считаетъ виновнымъ во всемъ, что совершается въ ней—(чрезъ кого бы то ни было)—преступнаго и вообще ненормальнаго. Самоосужденіе есть единственное средство къ выходу общества изъ нынѣшняго дѣтскаго его состоянія, при коемъ оно нуждается въ дядькахъ, судьяхъ и проч. Есть народы, которые, какъ и люди, неизбалованные судьбою, всегда считаютъ себя виноватыми; такъ, Русскій народъ не только всегда бываетъ виноватъ передъ Европейцами, но даже татары и мордва всегда оказываются передъ нимъ правыми. Это свойство, которое ничего, кромѣ вреда, до сихъ поръ намъ не приносило, когда наступитъ время обратиться, подъ давленіемъ естественныхъ бѣдствій, отъ взаимныхъ пререканій всякаго рода (т. е. борьбы) къ общей дѣятельности, тогда только это наше свойство получитъ настоящую цѣну.

Признаніе каждымъ себя правымъ создаетъ извращенное общество, ведетъ къ столкновеніямъ и заставляетъ призывать посредниковъ, судей; признающіе же себя виновными сами дѣлаются неумытными для себя судьями-обвинителями; и чѣмъ глубже самообвиненіе, тѣмъ шире исправленіе, или возстановленіе. Потому-то церковь и свята, что она состоитъ изъ признающихъ себя грѣшниками мытарей, а не изъ кичащихся своею праведностью фарисеевъ.

Вмѣсто того, чтобы дѣлать народъ источникомъ закона и власти, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы народъ или каждый изъ насъ не былъ источникомъ преступленій; ибо сими послѣдними обусловливается необходимость закона и власти.

Передъ нами два народа: одинъ загнанный судьбою, неизбалованный ни природою, ни исторіею, и народъ этотъ не признаетъ за собою никакихъ правъ; другой же иной, и занимаемое имъ на землѣ мѣсто одно изъ самыхъ благословенныхъ, и судьба почти всегда ему благопріятствовала; этотъ народъ приписываетъ себѣ право давать законы, смѣнять власти. Но первый, если твердо пойдетъ путемъ самоосужденія и самоисправленія, можетъ достигнуть такого состоянія, при которомъ не будетъ имѣть нужды во внѣшней власти; другой же, самъ поставляющій себѣ власти, при-

дающій такую важность праву избирать себѣ дядекъ, тѣмъ самымъ можетъ увѣковѣчить свое состояніе несовершеннолѣтія, при которомъ ссоры и тяжбы являются необходимостью; а эта необходимость вызываетъ другую необходимость тюремъ, наказаній и, вообще, всего, чѣмъ побѣдители здѣсь выражаютъ свое торжество надъ побѣжденными...

И такое состояніе, при которомъ одни превознесены, а другіе низвергнуты, попраны, признается нормальнымъ, тогда какъ оно ближе всего напоминаетъ намъ объ адѣ и раѣ и, конечно, о такомъ раѣ, какой можетъ быть лишь при существованіи ада, т. е. довольство немногихъ, созерцающихъ скудость многихъ, большинства,—игрушки и забавы, даваемыя богатствомъ, знаніе безъ силы, искусство безъ дѣйствительности.

И въ самомъ дѣлѣ, путемъ самоосужденія и критики открывается, что мѣсто, лишенное свѣта, т. е. адъ и есть весь міръ, природа, какъ слѣпая сила, и въ особенности мы сами, не смотря, и даже тѣмъ больше, чѣмъ просвѣщеннѣе мы себя считаемъ; потому что при настоящемъ состояніи, когда люди больше всего заботятся быть непроницаемыми для другихъ, когда и слово, и гласность чаще употребляются, чтобы обморочить, когда души самыхъ близкихъ людей—потемки другъ для друга, когда состояніе всеобщей борьбы дѣлаетъ такую скрытность даже необходимостью, о какомъ просвѣщеніи можно говорить при этомъ?.. Должно однако замѣтить, что различіе между самоосужденіемъ (покаяніемъ) и критикою заключается въ томъ, что критикуя, отрицая внѣмірное существованіе ада и рая, и объясняя ихъ внутренними, душевными явленіями, останавливаются на этомъ объясненіи и не признаютъ дѣйствительности ада ни въ мірѣ естественномъ, ни въ мірѣ общественномъ, т. е, собственно, не признаютъ за нравственнымъ самоосужденіемъ и знаніемъ силы превратить этотъ мракъ въ свѣтъ, адъ въ рай, слѣпую силу въ сознательную, юридико-экономическое общество въ психократію; и это подобно тому, какъ отвергая существованіе языческихъ боговъ въ качествѣ живыхъ личностей, критика забываетъ, что тѣмъ не менѣе эти боги весьма дѣйствительны, если принимать ихъ за слѣпыя силы, и что власть ихъ въ этомъ отношеніи вовсе не номинальна только. Точно также дѣйствительны и мученія ада, происходящія вообще отъ невѣжества; они дѣйствительны независимо отъ того, признаютъ ихъ дѣйствительность или нѣтъ; развѣ столкновенія народовъ, сословій, отдѣльныхъ, наконецъ, личностей не производятъ дѣйствительныхъ мученій, а самыя столкновенія происходятъ развѣ не изъ мрака или ада, раздѣляющаго и народы, и сословія, и отдѣльныхъ людей? Отъ того лишь, что народы не будутъ называть другъ друга нѣмцами, варварами и т. п., они еще не станутъ понимать другъ друга, и отъ того, что всѣ будутъ объявлены равными, братьями, положеніе сословій и ихъ взаимныя чувства не измѣнятся, все останется неизмѣннымъ, пока природа остается адскою силою, т. е. пока есть въ ней что либо неизслѣдованное, неизвѣстное, слѣдовательно непросвѣщенное, не направляемое разумною волею.

Вообще во всей исторіи, во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враж-

дахъ нельзя не признать дѣйствія темныхъ силъ. Однако отвлеченное знаніе не разсѣиваетъ еще мрака, одно такое знаніе не дѣлаетъ еще человѣка просвѣщеннымъ и оно весьма соединимо съ понятіемъ злого, т. е. темнаго, духа.

Настоящимъ дѣйствительнымъ просвѣщеніемъ можетъ быть признано не индивидуальное только, но и общее, конкретное, дѣятельное знаніе; самоосужденіе и есть не просто знаніе, а знаніе соединенное съ нравственнымъ чувствомъ, слѣдовательно, дѣятельное; оно тоже покаяніе, которымъ и сама церковь начинаетъ приготовленіе вѣрующихъ къ воскрешенію.

Это приготовленіе начинается съ недѣли Мытаря и Фарисея, когда общество вѣрующихъ переживаетъ то состояніе, которое послужило оправданіемъ мытарю, т. е. оно также, какъ и мытарь, признаетъ себя грѣшнымъ и въ политическомъ, и въ экономическомъ, и въ естественномъ отношеніяхъ. Слѣдующая за тѣмъ недѣля заставитъ насъ съ распростертыми объятіями принять не праведниковъ, а возвращающихся грѣшниковъ, она возбудитъ въ насъ большую радость объ одномъ кающемся, чѣмъ о 99 праведникахъ, и, вмѣстѣ, предостережетъ отъ признанія за собою какихъ либо правъ, какъ это сдѣлалъ старшій братъ, не покидавшій отца.

Подобна этимъ притчамъ и притча о работникахъ, трудившихся одинъ часъ и получившихъ такую же плату, какъ и трудившіеся цѣлый день; и если притчамъ о Мытарѣ и Фарисеѣ и о Блудномъ сынѣ, размышленію о нихъ церковь посвящаетъ по цѣлой недѣлѣ, то означенной притчѣ слѣдовало бы отвести двѣ недѣли, потому что пониманіе ея слишкомъ трудно въ правовомъ обществѣ, гдѣ зависть возведена въ добродѣтель, гдѣ говорится даже,—«кто не защищаетъ свое право, тотъ и не достоинъ его». Тѣ, которые находятъ, что притча въ Талмудѣ о рабочемъ, получившемъ за два часа работы столько же, сколько другіе за цѣлый день труда, потому что онъ въ два часа сдѣлалъ столько же, сколько тѣ въ 12 часовъ, гораздо справедливѣе приведенной Евангельской, очевидно не понимаютъ, что Евангельская притча осуждаетъ зависть («или глазъ твой завистливъ, что я добръ»), а притча въ Талмудѣ превозноситъ качество, успѣшность работы. Тѣ, которые такъ думаютъ, и сами принадлежали бы къ этимъ ропщущимъ рабочимъ, въ притчѣ же о Блудномъ сынѣ были бы вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ, а въ притчѣ о Мытарѣ и Фарисеѣ они были бы съ Фарисеемъ, который такой же ревнитель правды, какъ и старшій сынъ и ропщущіе рабочіе. Въ своей притчѣ Христосъ какъ бы говоритъ ропщущимъ:—«А я думалъ, что вы братья, и порадуетесь за вашихъ братьевъ, которые получили одинаковую съ вами плату!». Не такъ, какъ обыкновенно, какъ вышеизложено, понималъ эту притчу Златоустъ въ извѣстной проповѣди «Аще кто благочестивъ»; не такъ понимала ее и церковь, если дала мѣсто этой проповѣди Златоуста въ Великій День Воскресенія. Но если эта проповѣдь Златоуста сдѣлалась неотъемлемою принадлежностію пасхальной службы, если ни одна изъ предыдущихъ не удержалась, ни одна изъ послѣдующихъ проповѣдей не замѣстила ее, слѣдовательно, про-

повѣдь Златоуста составляетъ наилучшее выраженіе праздника Пасхи и потому Пасхальную недѣлю мы можемъ признать недѣлею о работникахъ, трудившихся одинъ часъ, и получившихъ такую же плату, какъ и трудившіеся цѣлый день...

Слѣдующая за недѣлей о Блудномъ сынѣ недѣля Страшнаго Суда дѣлаетъ каждаго своимъ страшнымъ судіею; представляя взорамъ картину Страшнаго Суда, она заставляетъ, такъ сказать, каждаго зрителя назначить себѣ мѣсто въ ней, такъ что сами они представятъ изъ-себя живую картину этого суда.

Нашъ церковный годъ ставитъ напоминаніе о Страшномъ Судѣ прежде воскресенія. Недѣля передъ постомъ и первые два дня Страстной посвящены напоминанію суда, тогда какъ день Пасхи не омрачается напоминаніемъ вѣчнаго наказанія; оно даже немыслимо при этомъ. Принимая во вниманіе, что обрядъ несравненно труднѣй измѣнить, чѣмъ догматъ (послѣдній чаще рождается изъ перваго, т. е. изъ обряда рождается догматъ), мы можемъ сказать, что судъ, какъ предварительная угроза, а воскресеніе, какъ предметъ труда, укоренились въ обрядѣ, хотя и не приведенномъ еще въ сознаніе. Только въ такъ называемыхъ догматическихъ богословіяхъ и катехизисахъ драма человѣческая имѣетъ фатальную развязку, въ видѣ deus ex machina; истинная же догматика, выраженная въ Символѣ Вѣры, болѣе сообразна съ церковнымъ годомъ, чѣмъ съ катехизисами. Цареградскій Символъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первый оканчивается седьмымъ членомъ, говорящимъ о судѣ; но затѣмъ слѣдуетъ вторая часть о Св. Духѣ, говорившемъ чрезъ пророковъ, (очевидно въ ветхомъ завѣтѣ), въ новомъ же дѣйствующемъ чрезъ церковь, и дѣйствіе это совершается въ чаяніи достигнуть цѣли всеобщаго воскресенія. Къ этому присоединить слѣдуетъ, что 4-е Евангеліе «славнымъ» называетъ первое пришествіе и къ этому времени относитъ и Судъ—«нынѣ судъ міру сему»; фатальная же развязка есть вымыселъ книжниковъ и разныхъ академій. Эта фатальность, этотъ deus ex machina, вноситъ неразрѣшимое противорѣчіе въ богословія. Только кабинетная ученость могла превратить искупленіе отъ смерти, воскресеніе, въ метафору, въ какое-то духовное воскресеніе. Гораздо проще понять, что слово о воскрешеніи вышло въ 1-мъ вѣкѣ, какъ указъ объ освобожденіи, напримѣръ, крестьянъ 19-го февраля 1861 года; но какъ этотъ указъ и теперь не вполнѣ еще приведенъ въ исполненіе, и теперь еще не всѣ расчеты крестьянъ съ помѣщиками окончены, такъ и указъ о воскрешеніи не приведенъ еще въ исполненіе. Какъ крестьяне не даромъ получаютъ землю, (даровое всегда дурно и должно быть выкуплено) такъ и всеобщее, всѣ-личное воскрешеніе есть дѣло труда всего христіанства, всѣхъ силъ, всѣхъ способностей человѣка, т. е. соединенныхъ науки, искусства и проч. Хотя и народъ на масленицу дѣлается фаталистомъ, какъ и ученые богословы, и кутитъ цѣлымъ міромъ, думая: «коли погибать, такъ всѣмъ погибать»; а на Пасху забываетъ обо всемъ отъ радости; но иначе и быть не можетъ, когда

народу, вмѣсто великаго дѣла, даютъ слова, и только слова, и когда воскресеніе есть праздное время; народъ, поневолѣ, предается разгулу всѣмъ міромъ, потому что и хорошее и дурное само собой придетъ! такъ уже учатъ его ученые и неученые пастыри!

Всѣ вышеуказанныя функціи общины: историческая (или психофизіологическая), земледѣльческая и санитарная объединяются въ трудѣ воскрешенія, и эта цѣль общины заключается въ самомъ ея опредѣленіи; ибо если государство мы называемъ отечествомъ, то и общину, какъ и все человѣчество, не можемъ не назвать также отечествомъ, а этимъ и опредѣлится долгъ ея относительно отцовъ, предковъ, и цѣль ея воскрешеніе отцовъ и, вообще, прежде-жившихъ поколѣній. А чтобы придти къ еще болѣе точному и убѣдительному опредѣленію цѣли общины, должно обратиться къ ея началу, къ ея происхожденію.

Страсть, обуявшая въ послѣднее время нѣкоторую часть интеллигенціи, походить какъ можно болѣе на животныхъ, уничтожать всякое различіе между сими послѣдними и человѣкомъ, мѣшаетъ трезвому воззрѣнію на начало человѣческаго общества. (Не только теорія Дарвина, но и теорія Кювье прилагалась къ исторіи рода человѣческаго. Теорія Кювье нашла свое выраженіе въ культурно-историческихъ типахъ, въ коихъ племена превратились въ касты безъ всякой надежды на объединеніе). Замѣтимъ прежде всего, что фактическая сторона вопроса не измѣнится отъ того, скажемъ ли мы, что въ животныхъ есть **уже** все, что есть въ человѣкѣ, или же примемъ, что въ человѣкѣ есть **еще** все, что есть въ нихъ.—Но отстаивающіе первое положеніе тѣмъ самымъ доказываютъ, что человѣкъ не можетъ и не долженъ выходить изъ состоянія животнаго, что различіе между ними не качественное, а лишь количественное, что средства къ прогрессу и у человѣка остаются тѣ же, какъ и у животныхъ, т. е. наслѣдственность, борьба, половой подборъ и проч., иначе сказать, прогрессъ совершается лишь путемъ безсознательнымъ. Второе же положеніе есть обыкновенный и въ тоже время самый сильный укоръ, который бросали въ лицо человѣку великіе провозвѣстники нравственныхъ истинъ, пророки, отцы церкви и проч., указывая тѣмъ, что задача человѣка состоитъ въ томъ, чтобы въ немъ не осталось ничего животнаго, т. е. безсознательнаго. Нужно сдѣлать выборъ между этими воззрѣніями и отъ него будетъ зависѣть, составитъ-ли вся исторія человѣчества одну страничку въ зоологіи, или же мысль, осуждающая человѣка на животное состояніе, будетъ одной строчкой въ исторіи развитія ума человѣческаго? Нельзя не признавать фактовъ, но не слѣдуетъ преклоняться предъ ними! Нельзя не признать, что человѣкъ смертенъ, что въ немъ много животнаго и проч., но нельзя сказать, что это и **должно быть такъ**, хотя бы мы и желали этого! Нужно сознаться, что животная сторона дѣлаетъ въ человѣкѣ страшные успѣхи; въ человѣкѣ была всегда рабская наклонность выказывать благоговѣніе ко всякому обнаруженію силы, ко всякому успѣху, какъ бы безнравственъ онъ ни былъ; такъ, поклонился онъ и этому выраженію и

усиленію животности, мысль же рабски послѣдовала за жизнью, ибо она составляетъ только ее сознаніе.

Нынѣшнее время можно считать переходомъ отъ язычества классическаго, антропоморфическаго къ зооморфическому. Понятно, какое предрасположеніе вносится при этомъ въ вопросъ о началѣ человѣческаго общества...

Итакъ, что же послужило началомъ человѣческаго общества: половое-ли влеченіе, соединившее самца и самку и удерживающее ихъ въ союзѣ до совершеннолѣтія птенцовъ? или же сыновнее чувство сожалѣнія къ слабѣющимъ родителямъ заставило дѣтей въ возрастѣ силы и крѣпости не оставлять ихъ? Для Запада едва ли можетъ быть въ этомъ вопросъ; но въ 1-мъ случаѣ человѣкъ является лишь орудіемъ природы для сохраненія рода; въ послѣднемъ же онъ противодѣйствуетъ ей, поддерживаетъ жизнь въ осужденномъ ею на смерть, или же, можно сказать, сама природа въ этомъ новомъ чувствѣ сознаетъ свое прежнее несовершенство и усиливается возсоздать себя въ новомъ видѣ, т. е. человѣкъ дѣлается орудіемъ воскрешенія. Для зооморфистовъ оставленіе дѣтей родителями—естественное явленіе, тогда какъ по человѣчески это измѣна. Со смертію родителей поддержаніе ихъ жизни естественно переходитъ въ вопросъ о возстановленіи, если допускать послѣдовательность, ибо чувство есть также сила, которая не уничтожается; если же она, выражавшись въ поддержаніи, не перейдетъ въ возстановленіе, то это будетъ уже измѣна.

Но и прежде, чѣмъ природа пришла къ сознанію своего несовершенства, какъ природы,—въ вышесказанномъ чувствѣ состраданія къ старѣющимъ и умирающимъ родителямъ, въ чувствѣ смертности, она начинаетъ какъ бы стыдиться, отказываться отъ своего самаго существеннаго свойства, отъ акта рожденія. Въ растеніяхъ оплодотвореніе есть высшій, послѣдній актъ; органы оплодотворенія стоятъ во главѣ растенія, окружены особеннымъ блескомъ; въ животныхъ же этотъ актъ теряетъ первенствующее значеніе, органы сознанія и дѣйствія замѣняютъ ихъ, становятся на первое и самое видное мѣсто. Если прогрессъ будетъ продолжаться въ этомъ направленіи, то должно наступить время, когда сознаніе и дѣйствіе замѣнятъ рожденіе.

Замѣтимъ, что говорить о **наступленіи** того, что должно быть **результатомъ** нашей дѣятельности, неправильно; между тѣмъ, нѣкоторые натуралисты идутъ въ этомъ отношеніи весьма далеко; они предполагаютъ, что природа породитъ высшее, болѣе совершенное существо, чѣмъ человѣкъ, признавая, однако, что мышленіе и дѣятельность уже совершеннѣйшія явленія въ мірѣ. И выходитъ, что мышленіе будетъ производиться не трудомъ мысли, а рожденіемъ!.. Это высшее человѣка существо, безъ собственнаго труда и не зная, какъ это произошло, получитъ вмѣсто глазъ микроскопы, телескопы, спектроскопы и т. п. Нелѣпѣе же всего предполагать, что природа породитъ, или наградитъ предполагаемое существо болѣе и лучше организованнымъ мозгомъ;—ибо и въ настоящее время

мозгъ совершенствуется не природою, а мышленіемъ, природа же только сохраняетъ и передаетъ по наслѣдству выработанный трудомъ мышленія мозгъ. Именно сохраненіе и передача, **помимо труда человѣческаго**, и составляетъ несовершенство человѣка, какъ и самой природы. Правда, искусственныя орудія человѣка также несовершенны, какъ и естественные органы, и потому, конечно, что природа творитъ безъ знанія, а человѣкъ безсиленъ. То обстоятельство, что прогрессъ переносится въ область безсознательнаго и слѣпого, можетъ считаться характеристическою чертою времени. Въ однихъ ученіяхъ прогрессъ идетъ путемъ полового подбора и борьбы, вызываемой слѣпыми влеченіями; въ другихъ же чрезъ слѣпыя орудія, черезъ медіумовъ, надѣются открыть міровыя тайны и даже возвращаютъ яко бы тѣла умершихъ, что называется у нихъ матеріализаціей; это, конечно, темное, а не свѣтлое воскрешеніе. Такимъ образомъ, два ученія, не имѣющія повидимому ничего общаго, относительно слѣпоты прогресса, вполнѣ согласны; въ этомъ смыслѣ послѣдователей ихъ нужно причислить къ обскурантамъ.

Въ ученіяхъ спиритическихъ, мистическихъ придается большое значеніе сновидѣніямъ, естественно и искусственно производимымъ, такъ что жизнь человѣческая раздвояется и соннымъ видѣніямъ приписывается высшее, объективное значеніе. Если и нельзя вполнѣ согласиться съ тѣми, кои производятъ идею загробнаго міра изъ сновидѣній, во всякомъ случаѣ сновидѣнія содѣйствовали извращенію этой идеи.

Сновидѣнія должно причислить отчасти къ болѣзненнымъ явленіямъ, отчасти къ праздной жизни. Они составляютъ проявленіе тѣхъ силъ, кои не перешли въ работу. Короткій, но крѣпкій, богатырскій сонъ (безъ видѣній) предпочтительнѣе продолжительнаго, но не крѣпкаго, прерываемаго видѣніями сна. Сонъ долженъ быть интенсивный, а не экстенсивный. Жизнь бодрственная должна взять перевѣсъ надъ сонною, какъ жизнь дѣятельная надъ созерцательною. Созерцанія, видѣнія, мысли должны замѣняться проектами, или точнѣе сказать, участіемъ во **Всеобщемъ проектѣ**.

Къ тому же безплодному растрачиванію силъ, какъ и въ сновидѣніяхъ, нужно причислить употребленіе опіума, гашиша, отчасти и вина, также и механическія возбужденія, какъ скаканія, круженія, кои употребляются у скопцовъ, хлыстовъ и въ другихъ мистическихъ сектахъ... Но пока человѣку не будетъ открыто обширное поприще для дѣятельности, до тѣхъ поръ не истребятся мистическія секты и пьянство. (Падучая болѣзнь и другія нервныя болѣзни, обнаруживающіяся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ зрѣломъ возрастѣ производятъ кликушъ въ нисшихъ слояхъ общества, мистиковъ въ высшихъ).

Существенною, отличительною чертою человѣка являются два чувства, —чувство смертности и стыдъ рожденія. Можно догадываться, что у человѣка вся кровь должна была броситься въ лицо, когда онъ узналъ о своемъ началѣ, и какъ долженъ былъ онъ поблѣднѣть отъ ужаса, когда увидѣлъ конецъ въ лицѣ себѣ подобнаго, единокровнаго. Если эти два чувства не

убили человѣка мгновенно, то это лишь потому, что онъ, вѣроятно, узналъ ихъ постепенно и не могъ вдругъ оцѣнить весь ужасъ и низость своего состоянія. Педагоги затрудняются отвѣчать на вопросъ весьма естественный, какъ полагаютъ, вѣрнѣе же сказать, совершенно праздный, у дѣтей,—объ ихъ происхожденіи, началѣ; а отвѣтъ данъ въ писаніи:—**животно-подобное рожденіе будетъ наказаніемъ**. Сознаніе же, вдумывающееся въ процессъ рожденія, открываетъ нѣчто еще болѣе ужасное; - смерть, по опредѣленію одного мыслителя есть переходъ существа, (или двухъ существъ, слившихся въ плоть едину), въ другое посредствомъ рожденія. У низшихъ животныхъ это—наглядно, очевидно: внутри клѣточки появляются зародыши новыхъ клѣточекъ; выростая —эти послѣднія разрываютъ материнскую клѣточку и выходятъ на свѣтъ. Здѣсь—очевидно, что рожденіе дѣтей есть вмѣстѣ съ тѣмъ смерть матери. Они, конечно, не сознаютъ, что ихъ рожденіе было причиною смерти родительницы; но придадимъ имъ это сознаніе, что они почувствуютъ тогда? Сознавъ себя убійцами, хотя и невольными,--куда будетъ устремлена ихъ дѣятельность, если они будутъ обладать волею, способностью дѣйствовать, полагая, что воля ихъ не будетъ злая, что они не будутъ лишены совѣсти? Несомнѣнно, они не скажутъ, не испытавъ всѣхъ способовъ, что убитыхъ ими невозможно воскресить, у нихъ никогда не повернется языкъ сказать страшное слово **„невозможно“**, что грѣхъ не искупимъ. И во всякомъ уже случаѣ они не захотятъ скрыть отъ себя концовъ своего грѣха и не примутся за пиръ жизни. Въ приведенномъ примѣрѣ клѣточка явилась на свѣтъ совершеннолѣтнею,—человѣкъ же рождается несовершеннолѣтнимъ; во все время вскормленія, воспитанія, онъ поглощаетъ силы родительскія, питаясь, такъ сказать, ихъ тѣломъ и кровью (конечно-небуквально, не въ прямомъ смыслѣ); такъ что, когда окончится воспитаніе, силы родительскія оказываются совершенно истощенными и они умираютъ или же дѣлаются дряхлыми, т. е. приближаются къ смерти. То обстоятельство, что процессъ умерщвленія совершается не внутри организма, какъ напр.въ клѣточкѣ, а внутри семьи, не смягчаетъ преступности этого дѣла [«Живорожденіе»,—какъ въ примѣрѣ клѣточки, распавшейся на новыя клѣточки—**„есть лишь частный случай паразитизма“** (Фауссекъ). Но почему же ovi paria (яйце-рожденіе) не причислить къ паразитизму? Полагать же, что питаніе зародыша не ослабляетъ матери, болѣе, чѣмъ странно].

Итакъ, и стыдъ рожденія, и страхъ смерти, сливаются въ одно чувство преступности, откуда и возникаетъ долгъ воскрешенія, который прежде всего требуетъ прогресса въ цѣломудріи. Въ нынѣшнемъ же обществѣ, слѣдующемъ природѣ, т, е. избравшемъ себѣ за образецъ животное, все направлено къ развитію половыхъ инстинктовъ. Вся промышленность, прямо или косвенно, возникаетъ изъ полового подбора. Красивое опереніе, устройство гнѣзда,—т. е. моды, будуары, мягкая мебель,—все это возникаетъ и служитъ половымъ инстинктамъ. Англія беретъ изъ обѣихъ Индій матеріалы для тканей, краски для приданія имъ особаго блеска, а так-

же пряности, косметики... Франція же, какъ модистка, парикмахеръ, придаетъ этимъ матеріаламъ ту форму, ту иллюзію, которая содѣйствуетъ природѣ въ **„обманѣ индивидуумовъ для сохраненія рода“.** (Такъ одинъ философъ опредѣляетъ любовь). Литература, художество, забывъ свое истинное назначеніе, большею частью служатъ тому же инстинкту. Наука, какъ служанка мануфактурной промышленности, профанируетъ разумъ служеніемъ тому же половому подбору.

Замѣчательно, что Французскіе и Англійскіе позитивисты видятъ въ половомъ стремленіи зародышъ самопожертвованія (altruism'a,— какъ называетъ его позитивизмъ, бѣдный мыслями и богатый новыми словами),— **безсознательную добродѣтель.** Принимая, что наше рожденіе есть смерть родителей,— цѣль дается вмѣстѣ съ сознаніемъ; тогда какъ принимая положеніе позитивистовъ, выводящихъ самопожертвованіе изъ акта рожденія, нельзя понять, почему самопожертвованіе предпочительнѣе эгоизма, вытекающаго изъ питанія. (Если половая страсть называется любовью, то и пожираніе хищникомъ есть также страсть, любовь къ мясу). Признавать за собою **невольный** грѣхъ—если и не добродѣтель, то нѣкоторый поворотъ къ ней; признавать же **невольную добродѣтель, безсознательное самоотверженіе**—есть просто порокъ. Альтруизмъ—терминъ отвлеченной, а не родственной нравственности. **Знать только себя—есть зло, знать только другихъ** (альтруизмъ, жертвовать собою для другихъ), есть **добродѣтель,** которая указываетъ на существованіе зла въ обществѣ, но не устраняетъ его. Нужно жить **не для себя и не для другихъ, а со всѣми и для всѣхъ.**

Вопросъ о цѣломудріи въ обширномъ, или даже вопросъ лишь о нравственномъ воздержаніи въ тѣсномъ смыслѣ, возникшій въ тѣхъ именно странахъ, кои своею всемірно-торговою дѣятельностью наиболѣе возбуждаютъ половые инстинкты, не устранится даже и въ томъ случаѣ, если бы сошли со сцены и великіе развратители, т. е. Франція и Англія. Проповѣдь не уничтожитъ страсти къ нарядамъ; только предавшись великому дѣлу воскрешенія, человѣчество можетъ освободиться отъ торгово-промышленной суеты. Если даже вопросъ соціальный,—который въ томъ лишь и состоитъ, чтобы сдѣлать доступными для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ для большинства, наряды, комфортъ, и т. п.,—заставляетъ наиболѣе честныхъ изъ его адептовъ забывать о наружныхъ украшеніяхъ, то тѣмъ паче долженъ такъ дѣйствовать на своихъ послѣдователей вопросъ, имѣющій несравненно болѣе возвышенную цѣль. Устраняя роскошь, вопросъ о воскрешеніи дѣлаетъ доступнымъ для всѣхъ хлѣбъ насущный, и именно потому, что не придаетъ большого значенія матеріальнымъ благамъ,—вопросъ о воскрешеніи - тождественъ съ вопросомъ о полномъ обезпеченіи средствъ къ жизни.

Когда устранятся искусственныя возбужденія половаго инстинкта, тогда останется естественный инстинктъ,—сила могучая и страшная, ибо это вся природа. И пока эта слѣпая сила не будетъ побѣждена цѣлому-

дріемъ, т. е полною мудростью, сколько умственною, столько же и нравственною, иначе, пока природа не придетъ черезъ человѣка къ полному сознанію и управленію собой, пока существуетъ рожденіе, пока у людей будутъ потомки, до тѣхъ поръ и въ земледѣліи не будетъ еще правды и полнаго знанія, и земледѣліе должно будетъ обращать прахъ предковъ не по принадлежности, а въ пищу потомкамъ, для чего не нужно знаніе прошедшаго, а достаточно знать лишь настоящее. (Хотя прахъ человѣческій и смѣшанъ съ гнилью, производимою при жизни и по смерти всѣми животными, тѣмъ не менѣе присутствіе въ землѣ хотя бы незначительной частицы праха предковъ даетъ намъ право говорить о превращеніи праха предковъ въ пищу потомковъ). Вещество же, разсѣянное въ небесныхъ пространствахъ, тогда только сдѣлается доступнымъ, когда и самое питаніе, ѣда, обратится въ творческій процессъ созданія себя изъ веществъ элементарныхъ. И въ самомъ человѣкѣ не будетъ не только любви, но и правды, пока излишекъ силы, процентъ на капиталъ, полученный отъ отцовъ, будетъ употребляться на невѣжественное, слѣпое рожденіе, а не на просвѣщенное, свободное возвращеніе его кому слѣдуетъ. Язва вибріоновъ не прекратится, ибо пока будетъ рожденіе, будетъ и смерть, а гдѣ трупъ, тамъ соберутся и вибріоны.

Литургія вѣрныхъ и есть превращеніе процесса питанія и рожденія въ возсозданіе или всеобщее Воскрешеніе. По католическимъ воззрѣніямъ священникъ въ таинствѣ эвхаристіи **„творитъ тѣло“**. По мнѣнію католиковъ «худшій священникъ достойнѣе Матери Господа», потому что если блаженна Богоматерь, однажды родившая Христа, то гораздо блаженнѣе всякій священникъ, который творитъ ежедневно своего Господа (въ пресуществленіи даровъ) и можетъ творить его, когда захочетъ.

Цѣломудріе не можетъ быть усвоено вполнѣ процессомъ рожденія, чрезъ наслѣдственность, ибо передача по наслѣдству совершается все же чрезъ нарушеніе цѣломудрія; а потому борьба съ половымъ инстинктомъ для пріобрѣтенія цѣломудрія не можетъ быть только личною (какъ и вообще все личное не имѣетъ искупительной силы, хотя оно и имѣетъ предварительное значеніе), такъ какъ недостаточно сохраненіе невинности только, нужно полное торжество надъ чувственностью, нужно достигнуть такого состоянія, чтобы виновность была невозможна, чтобы освободиться отъ всякаго пожеланія нечистаго, т. е. не только не рождаться, но и сдѣлаться нерожденнымъ, т. е. возстановляя изъ себя тѣхъ, отъ коихъ рожденъ самъ, и себя возсоздать въ видѣ существа, въ коемъ все сознается и управляется волею. Такое существо, будучи **матеріальнымъ**, ничѣмъ не отличается отъ духа.

Слѣдовательно, цѣломудріе можетъ быть достигнуто только чрезъ всеобщее воскрешеніе и оно является въ двухъ видахъ: отрицательное, или непосредственное, цѣломудріе и цѣломудріе положительное, возстановленное. Первое, это—невинность, дѣвственность; борьба за сохраненіе дѣвственности есть борьба оборонительная, образъ ея намъ данъ въ лицѣ

Пречистой Дѣвы, сохранившей дѣвственность и по рожденіи. Этотъ образецъ данъ не для нѣкоторыхъ только людей, а рѣшительно для всѣхъ; ибо и послѣ рожденія душевная, нравственная дѣвственность должна быть сохраняема, хотя бываетъ и такъ, что невинность душевная теряется прежде тѣлесной. Достигая цѣломудрія положительнаго, полнаго, человѣчество должно хранить и дѣвственность непосредственную. Рожденіе должно быть очищено, сколь возможно, отъ всякой похоти, душа должна оставаться **до и послѣ** рожденія цѣломудренною, присно-дѣвственною. Деревня въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, представляетъ наиболѣе условій для сохраненія дѣвственной чистоты. Хотя пока существуетъ рожденіе, нельзя достигнуть полноты цѣломудрія, но и **чистота**, какъ и **грязь** душевная, способны передаваться по наслѣдству и переходить въ роды родовъ. Понятно, какой налагаетъ долгъ эта передача всякаго нечистаго пожеланія. Въ нѣкоторыя эпохи христіанства дѣвственное цѣломудріе было отожествляемо съ самою премудростью Божіею, съ Софіею, и изображалась подъ видомъ Богоматери съ сонмомъ дѣвственниковъ; эти эпохи, кажется, особенно, соотвѣтсвовали періодамъ борьбы съ чувственнымъ магометанствомъ.

Итакъ, для возстановленія непосредственнаго цѣломудрія необходимо оцѣломудреніе всемірной торговли и обращеніе города въ деревню. Литургія также имѣетъ въ виду поддержаніе дѣвственной чистоты прихода, оканчивая каждую ектенью воспоминаніемъ о Приснодѣвѣ и, наконецъ, **изрядно** выставляя для подражанія Преблагословенную. Говоря объ обращеніи города въ деревню, мы разумѣемъ собственно идеальныя условія сельской жизни; нынѣшняя же деревня, отчасти по вліянію города, отчасти же и по собственной грубости, далеко отстоитъ отъ этого идеала, да и приблизиться къ нему не можетъ, пока литургія въ связи со школой не окажутъ своего очищающаго дѣйствія. Хотя идея цѣломудрія и родилась въ городѣ, но осуществиться она можетъ только въ деревнѣ. Село, въ которомъ мануфактурная промышленность составляетъ зимнее занятіе, заключаетъ въ себѣ свойства города и деревни; задача такой деревни-города соединить достоинство города и села и устранить ихъ недостатки. Выдѣленіе изъ природы, возвышеніе надъ слѣпой силою, развиваемыя городской жизнью, также необходимы, какъ и близость къ ней, являющаяся въ деревнѣ.

Положительное цѣломудріе, это—не оборонительная война, а наступательное дѣйствіе противъ того духа чувственности, т. е. пожиранія и слѣпой производительности, который былъ обожаемъ въ древности, который и нынѣ боготворится подъ видомъ ли **„матеріи“**. **„безсознательнаго“**, **„воли“**, или точнѣе похоти. (Брама- безконечое сладострастіе, похоть; Сива- пожираніе; а Кроносъ есть и Брама и Сива). Этотъ же духъ является и въ ученіяхъ новѣйшихъ трансформистовъ,—(и ихъ противниковъ, не допускающихъ превращеній, измѣненій, а вѣчность разъединенія, касты),— въ секуляризованномъ, можно сказать, видѣ, безъ миѳической своей оболочки. Согласно этихъ ученій родоначальникомъ живыхъ существъ является какая-нибудь гастрея, т. е. органъ пожиранія, а излишекъ пожиранія

служитъ къ размноженію, является причиною борьбы и, слѣдовательно, прогресса.

Евангеліе этихъ трансформистовъ могло бы начинаться такъ: **„въ началѣ была гастрея** (желудокъ) и гастерія была у природы и сама природа была желудокъ». Такимъ образомъ, природное, естественное, совершенно противоположно христіанскому или даже человѣческому;—природное- пожираніе, христіанское же въ отрицательномъ смыслѣ - постъ, а въ положительномъ—творческій процессъ, **возсозданіе** своего организма, замѣняющее питаніе; природному размноженію въ христіанствѣ соотвѣтствуетъ, въ отрицательномъ смыслѣ—цѣломудріе, т. е. отрицаніе рожденія, а въ положительномъ—**всеобщее воскрешеніе**, т. е. воспроизведеніе изъ того излишка, который тратится на родотвореніе, и **изъ праха**, произведеннаго разрушительной борьбой, **прежде жившихъ поколѣній.** Можно сказать, что между природнымъ и христіанскимъ такое же отношеніе, т. е. такая же поразительная противоположность, какъ между Троицею христіанской и Тримурти Индійской, открытію которой такъ обрадовались противники христіанства, находя въ ней изумительное сходство съ христіанскою Троицею;—и дѣйствительно, сходство поразительное,—тамъ **три** и здѣсь **три**...

Необходимость положительнаго цѣломудрія, не говоря уже о невозможности для отрицательнаго цѣломудрія полной побѣды, явствуетъ изъ того, что постъ въ смыслѣ полнаго отрицанія питанія есть самоубійство индивидуума, а всеобщая дѣвственность—самоубійство рода. Если христіанское ученіе не допускаетъ самоубійства даже, когда оно совершается, когда лишаютъ себя жизни посредствомъ подвига, посредствомъ двухъ великихъ добродѣтелей, постомъ и дѣвственностью, то именно потому, что по Божественному плану, искупленіе должно совершиться **чрезъ человѣческій родъ** («Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ». Посл. 1-е къ Коринѳ., XV, 21); иначе, почему бы не допустить освобожденіе человѣчества отъ плотской жизни чрезъ подвигъ дѣвственности и поста. Такое освобожденіе произошло бы и не безъ участія воли, но воли отвлеченной, непосредственной. Эти-то противорѣчія, заключающіяся въ отрицательномъ цѣломудріи, дѣлаютъ необходимымъ положительное цѣломудріе. Положительное цѣломудріе должно проявиться не чрезъ непосредственную только силу воли, а чрезъ посредство всей силы природы, обращенной въ дѣйствіе разумомъ, знаніемъ, наукою, словомъ, полною мудростью. Положительное цѣломудріе дѣйствуетъ не чрезъ лишеніе пищи, а посредствомъ земледѣлія, какъ опыта, обнимающаго постепенно и всю землю и земли, т. е. планеты, и проч., и обращающаго весь этотъ матеріалъ на постройку, какъ собственнаго тѣла, такъ и тѣлъ своихъ отцовъ и предковъ. Отсюда сама собою опредѣляется сущность того организма, который мы должны себѣ выработать. Этотъ организмъ есть **единство знанія и дѣйствія; питаніе** этого организма есть **сознательно-творческій процессъ**—обращенія человѣкомъ элементарныхъ, космическихъ веществъ въ минеральныя,

потомъ растительныя и, наконецъ, живыя ткани. Органами этого организма будутъ тѣ орудія, посредствомъ коихъ человѣкъ будетъ дѣйствовать на условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь растительная и животная, т. е. земледѣліе—какъ опытъ, чрезъ который открывается знаніе земной планеты, сдѣлается органомъ, принадлежностью этого организма. Органами его сдѣлаются и тѣ способы аэро-и эфиро-навтическіе, помощью коихъ онъ будетъ перемѣщаться и добывать себѣ въ пространствѣ вселенной матеріалы для построенія своего организма. Человѣкъ будетъ тогда носить въ себѣ всю исторію открытій, весь ходъ этого прогресса; въ немъ будетъ заключаться и физика и химія, словомъ вся космологія только не въ видѣ мысленнаго образа, а въ видѣ космическаго аппарата, дающаго ему возможность быть дѣйствительнымъ космополитомъ, т. е. быть послѣдовательно всюду; и человѣкъ будетъ тогда дѣйствительно просвѣщеннымъ существомъ.

Несмотря на такія, повидимому, измѣненія, въ сущности человѣкъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ того, что такое онъ нынѣ,—онъ будетъ тогда **больше самимъ собою, чѣмъ теперь**; чѣмъ въ настоящее время человѣкъ **пассивно**, тѣмъ же онъ будетъ и тогда, но только **активно**; то, что въ немъ существуетъ въ настоящее время **мысленно**, или въ неопредѣленныхъ лишь стремленіяхъ, только **проективно**, то будетъ тогда въ немъ **дѣйствительно, явно, крылья души сдѣлаются тогда тѣлесными крыльями**.

Но чтобы окрылиться, одухотвориться, сдѣлаться сознательно дѣйствующимъ, нужно полное возсозданіе. Человѣкъ есть существо рожденное, а не непосредственно возникшее, онъ есть изображеніе и подобіе отцовскаго и материнскаго организмовъ со всѣми ихъ недостатками и достоинствами. Хотя иногда нѣкоторыя изъ родительскихъ свойствъ будутъ проявляться въ немъ въ преувеличенномъ, а другія въ ослабленномъ видѣ, но въ этомъ случаѣ онъ есть какъ бы интерференція, происходящая отъ столкновенія двухъ системъ волнъ и производящая или потемнѣніе, ослабленіе, или же усиленіе свѣта. Человѣкъ, углубляясь въ самого себя съ цѣлью самопознанія, открываетъ, находитъ въ себѣ самомъ предрасположенія, наклонности,—явленія, для коихъ нѣтъ основанія или причины въ его собственной жизни; такъ что изъ намѣренія познать себя выходитъ познаніе своихъ составныхъ частей, сознаніе того, что было прежде него, отчего онъ самъ, познающій, произошелъ, что въ него перешло, т. е. познаніе своихъ родителей.

Душа человѣка не tabula rasa, не листъ чистой бумаги, не мягкій воскъ, изъ котораго можно сдѣлать все, что угодно, а два изображенія, двѣ біографіи, соединенныя въ одинъ образъ. Чѣмъ утонченнѣе будутъ способы познанія, тѣмъ больше будетъ открываться признаковъ наслѣдственности, тѣмъ ярче будутъ возставать образы родителей; такъ что полный отвѣтъ на древній вопросъ, написанный надъ воротами Дельфійскаго оракула—**„познай самого себя“**—мы будемъ имѣть во всеобщемъ воскре-

шеніи, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго; тогда **„познай самого себя“** не будетъ значить: **знай только себя**, отъ котораго и произошелъ **солипсизмъ**. **„Познай самого себя“** заповѣдуетъ **одному**, а не **всѣмъ**, говоритъ о **знаніи** и умалчиваетъ о **дѣлѣ**; указываетъ **на самого себя** и забываетъ **о всѣхъ другихъ**.

Всякое знакомство начинается взаимнымъ заявленіемъ о своихъ отцахъ и матеряхъ. Мы не можемъ даже обойти такого заявленія, если хотимъ назвать себя по имени и отчеству; а называя фамилію, мы переносимся иногда въ глубокую древность; называя себя по національности и даже просто человѣкомъ, мы тоже опредѣляемъ лишь свой родъ, свое происхожденіе. То, что считалось и считается еще пустою формою (именованіе по отчеству) пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Генеалогія, которая до сего времени была самою презрѣнною, самою безжизненною наукою, оживляется, изъ юридической она дѣлается наукою естественною.

Біографія и въ прежнее время начиналась выпискою изъ метрическаго свидѣтельства,—но то была пустая форма,—настоящая же біографія силится дѣлать выводы изъ происхожденія; идеаломъ же современнаго жизнеописанія нужно считать такое изображеніе жизни, въ которомъ во всѣхъ событіяхъ жизни описываемаго лица выдѣлено наслѣдственное отъ благопріобрѣтеннаго.

Безъ наслѣдственности нѣтъ возможности объяснить самыхъ простѣйшихъ явленій въ жизни живыхъ существъ; безъ этого невозможно понять, почему цыпленокъ, только что вышедшій изъ яйца, уже способенъ бѣгать и клевать.

Современное направленіе въ наукѣ идетъ въ разрѣзъ съ направленіями жизни, въ основѣ коихъ положены принципы XVIII вѣка. Прошлому вѣку не была извѣстна самая простая истина, всѣми считаемая за непреложную, что отъ собаки родится щенокъ, а отъ курицы цыпленокъ; и сами философы, конечно, допускали ее въ обыкновенной жизни, а въ теоріи отвергали, и на отрицаніи этой истины хотѣли построить общество и жизнь.

Для знанія, допускающаго наслѣдственность, рабство негровъ должно казаться совершенно естественнымъ, касты понятны, замѣщеніе должностей по наслѣдству не будетъ страннымъ, гордость предками въ порядкѣ вещей; а между тѣмъ, кто же изъ современныхъ людей, такъ отстаивающихъ свое происхожденіе отъ обезьянъ, (хотя и говорятъ, будто это пережитая фаза, но законъ наслѣдственности и въ особенности законъ атавизма вполнѣ противорѣчатъ такой оговоркѣ),—кто согласится признать рабство негровъ, касты и проч. Какъ же примирить эти противорѣчія знанія съ нравственными началами; не возвратиться же къ кастовому устройству, тѣмъ болѣе, что этимъ однимъ ограничиться нельзя въ дѣлѣ ретроградности, соглашаясь съ знаніемъ. А между тѣмъ, человѣкъ не можетъ, да и не долженъ отрекаться ни отъ знанія, ни отъ нравственныхъ началъ;

знаніе и нравственность могутъ примириться на высшей ступени, при совершенной полнотѣ знанія и нравственности.

Нужно прежде всего признать, что никакими общественными перестройками судьбу человѣка улучшить нельзя;—зло лежитъ гораздо глубже, зло въ самой природѣ, въ ея безсознательности, зло въ самомъ рожденіи и связанной съ нимъ неразрывно смерти. Уничтоживъ посредствующія ступени, смерть сдѣлала невозможною психическую классификацію лицъ и основанную на ней группировку общества.

Требованіе знанія отцовъ есть требованіе постоянное, вынуждаемое всѣми обстоятельствами жизни. Знаніе жизни отцовъ получаетъ все большее и большее значеніе,—всякій врачъ, давая совѣтъ, желаетъ прежде всего знать о жизни въ патологическомъ отношеніи родителей паціента. Жизнь отцовъ должна бы приниматься во вниманіе при опредѣленіи рода занятій; и педагогія для успѣшности обученія должна бы знать образъ жизни родителей учащихся.

И такъ для обученія, для опредѣленія—что способенъ наилучше дѣлать человѣкъ для опредѣленія круга его занятій, для вступленія въ бракъ и т. п.,—для всего этого нужно знать жизнь родителей.

Принимая во вниманіе громадную важность закона наслѣдственности, должно признать самою священною обязанностью каждаго вести психо-физіологическій дневникъ, и первою религіозною обязанностью школы—научить вести такіе дневники; для составленія же программы сказаннаго дневника нужно никакъ не менѣе, какъ цѣлый международный съѣздъ психологовъ, физіологовъ и проч. Эти дневники послужатъ основою для психократическаго общества.

Первая христіанская церковь, основанная только на чувствѣ, не могла удержаться на первоначальной высотѣ и должна была ввести внѣшній законъ подъ видомъ каноническаго права, потому что не имѣла въ основѣ знанія. Также и родовая община, не имѣя въ основѣ знанія, не могла перейти въ такой союзъ, который держался бы внутреннею силою, чувствомъ, безъ всякаго внѣшняго принужденія, насилія. Наука въ истинномъ, а не сословномъ смыслѣ, не можетъ выразиться при юридико-экономическомъ устройствѣ; наука должна состоять въ психо-физіологическомъ познаваніи человѣчествомъ самого себя **чрезъ всѣхъ** безъ исключенія своихъ членовъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго половъ, какъ высшаго, такъ и нисшаго сословій; и на этомъ познаніи или,—точнѣе,—взаимознаніи, человѣчество должно созидаться въ союзы; созданные же на такомъ прочномъ основаніи союзы будутъ неразрушимы, не подвержены разводу. Но пока между людьми существуетъ борьба, пока люди будутъ считать себя за товаръ, который нужно подороже продать, пока они признаютъ навсегда нужнымъ внѣшній юридическій законъ, до тѣхъ поръ **скрытность и обманъ** будутъ составлять орудіе самозащиты. Экономическая оцѣнка и юридическая истина не могутъ быть тождественны съ научною истинною; человѣчество, организованное юридико-экономически, не можетъ знать се-

бя. Когда же общество будетъ основано на знаніи, на вышеозначенныхъ дневникахъ, оно приметъ психо-родовую форму, перейдетъ въ новую фазу, столь же новую, какъ и самую древнюю; и задача Россіи по дѣлу воспитанія дикихъ кочевниковъ для мирной жизни въ сказанной программѣ найдетъ тогда твердую основу.

Когда христіанскіе миссіонеры, руководствуясь программою, выработанною наукою, свободною отъ торгово-промышленнаго давленія, слѣдовательно, христіанскою же, проникнутъ повсюду, когда церковное устройство будетъ вмѣстѣ и организаціею знанія, т. е. когда приходъ, благочиніе, епархія, частный синодъ, до синода—международно-постояннаго конгресса, будутъ ступенями болѣе и болѣе общихъ выводовъ изъ психо-физіологическихъ дневниковъ; когда эти выводы о наслѣдственности, получивъ въ синодальномъ конгрессѣ характеръ закона, вселенской истины, низойдутъ въ такомъ видѣ опять до первоначальныхъ точекъ исхода, приходовъ, тогда въ каждой человѣческой душѣ образы родителей получатъ точную опредѣленность, и если бы всеобщее воскресеніе зависѣло непосредственно отъ мысли, то оно тогда же и совершилось бы.

Въ законѣ наслѣдственности мы имѣемъ дѣло съ первороднымъ грѣхомъ, принявшимъ органическую форму порока, обращающую любовь духовную въ любовь чувственную съ необходимою ея спутницею смертью. Знаніе закона наслѣдственности можетъ послужить для группировки людей въ такіе союзы, при коихъ можетъ выказаться наибольшая дѣятельность по дѣлу воскрешенія. Къ числу такихъ союзовъ принадлежитъ и брачный союзъ. Не для половой страсти и слѣпого рожденія соединяются два существа въ бракѣ, который долженъ быть соединеніемъ такихъ двухъ существъ, которыя наиболѣе пробуждаютъ дѣятельность другъ въ другѣ и наименѣе чувственное влеченіе; иначе сказать, въ этомъ союзѣ животный, половой инстинктъ превращается въ героизмъ, въ подвигъ, не какъ порывъ, а какъ возвышенное продолжительное дѣйствіе. Прогрессъ брака состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи чувственной любви и въ увеличеніи дѣятельности. Очень возможно, что такимъ требованіямъ брака будутъ удовлетворять гораздо болѣе,—(вѣроятнѣе же всего, что только такіе союзы и будутъ удовлетворять этимъ требованіямъ)—брачные союзы, заключаемые при посредствѣ образованія между лицами разныхъ народностей, даже расъ. Образованіе, которое имѣетъ цѣлью приготовить не супругъ, ни невѣстъ, а дочерей, при томъ дочерей всѣхъ отцовъ, какъ одного отца, будетъ безусловно необходимымъ посредникомъ такихъ международныхъ, междурасовыхъ, междусословныхъ браковъ. Свойство есть первая ступень возстановленія родства, а международные брачные союзы столько же необходимы для предупрежденія вырожденія, какъ и для предупрежденія войнъ. Бракъ, основанный на знаніи отцовъ,—по мѣрѣ перехода знанія въ дѣло, превращается въ воскрешеніе, связывая всѣ семьи въ этомъ всеобщемъ дѣлѣ. Превращеніе рожденія въ воскрешеніе есть совершенство брачнаго союза. Бракъ есть шко-

ла цѣломудрія и труда, (съ чѣмъ согласны и противники брака, когда говорятъ, что бракъ есть могила любви, конечно, чувственной), а вмѣстѣ вопросъ психофизіологическій и долженъ быть выводомъ изъ тѣхъ психическихъ и физіологическихъ наблюденій, о которыхъ говорено было выше. Бракъ, имѣющій цѣлью не рожденіе только, но и трудъ воскрешенія, не можетъ выражаться въ оставленіи родителей. Если женихъ не любитъ родителей своей невѣсты, а невѣста родителей жениха, то прочнаго союза не можетъ быть между ними по той простой причинѣ, что, вообще, по закону наслѣдственности, женихъ и невѣста въ родителяхъ другъ друга могутъ приблизительно видѣть то, чѣмъ они будутъ въ старости или зрѣлыхъ лѣтахъ, т. е. будущность другъ друга. Не по взаимнымъ влеченіямъ, вводящимъ въ обманъ, а по тѣмъ чувствамъ, кои вступающіе въ брачный союзъ питаютъ къ родителямъ другъ друга, можетъ быть рѣшенъ вопросъ о бракѣ. Въ родителяхъ они могутъ видѣть образы другъ друга раздѣленными или разложенными на ихъ составныя части. (Правда, недостатки родителей могутъ иногда нейтрализоваться въ дѣтяхъ, и въ этомъ случаѣ, если только такой случай возможенъ, прочный союзъ брачной четы можетъ, повидимому, имѣть мѣсто и безъ связи ея съ родителями; но недостатки, нейтрализованные во вступающихъ въ брачный союзъ, могутъ обнаружиться въ ихъ дѣтяхъ).

Вступленіе въ бракъ требуетъ предвѣдѣнія; пусть же намъ укажутъ другую путеводную нить, которая могла бы дать твердыя основанія для заключеній къ будущему, кромѣ наслѣдственности, хотя въ ней весьма много неразъясненнаго; но законъ наслѣдственности разъяснится тогда только, когда мы поймемъ всю важность его для разрѣшенія брачнаго вопроса; разводъ же есть не рѣшеніе, а просто отрицаніе брака, разрушеніе его, такъ какъ бракъ есть союзъ безсмертный, не разрушаемый даже смертію.

Долгъ воскрешенія требуетъ, чтобы послѣдствіемъ брака было не оставленіе дѣтьми родителей, а закрѣпленіе съ ними связи. Человѣкъ **„оставитъ отца и матерь“**—не заповѣдь, а заявленіе факта глубоко безнравственнаго.

Дѣятельность брачной четы въ качествѣ членовъ прихода, какъ общества исторіи и древностей, или членовъ общества психофизіологическаго возстановленія отцовъ и предковъ, выражается въ ихъ обязанности дѣлать общую запись фактовъ, открывающихся изъ ихъ сближенія или сожительства. (Примѣч. 13-е) Обязанность эта налагается долгомъ воскрешенія, потому что всякая брачная чета составляетъ необходимое звено въ генеалогіи человѣческаго рода. Кромѣ того такая запись необходима для жизни душа въ душу, (а не сліяніе только въ плоть едину), для уподобленія тому единству, образъ котораго намъ данъ въ единствѣ Отца съ Сыномъ или, точнѣе, въ единствѣ Сына и Духа, одинаково любящихъ, одинаково вѣдующихъ Отца, въ вѣдѣніи и любви къ Отцу находящихъ свое глубочайшее единство. Разнородность, разносословность, разноплеменность есть, можетъ быть, даже необходимое условіе такой жизни, жизни душа

въ душу, невозможной безъ предварительнаго образованія. По закону наслѣдственности запись эта будетъ не исторіею только супруговъ, но и ихъ родителей, и даже вообще исторіею ихъ рода, по колику сія послѣдняя выражается въ жизни супруговъ.

Бракъ, основанный на любви къ родителямъ, имѣетъ главною цѣлью уже не рожденіе, а воскрешеніе, и такой бракъ (съ цѣлью воскрешенія) имѣетъ рѣшительную всеобщность; ибо нѣтъ людей, у коихъ не было бы родителей, тогда какъ неимѣніе дѣтей явленіе возможное и не очень рѣдкое. Союзъ, основанный на совершеннѣйшей откровенности, на ежедневной взаимной исповѣди, безъ коей онъ немыслимъ, ибо и тѣнь лжи дѣлаетъ невозможнымъ воскрешеніе, такой союзъ и въ этомъ отношеніи имѣетъ рѣшительное преимущество предъ союзомъ для рожденія, который не заключаетъ въ себѣ безусловнаго требованія чистоты и душевной откровенности. Точно также бракъ для воскрешенія требуетъ значительной подготовки, просвѣщенія, тогда какъ рожденіе вовсе не нуждается въ просвѣщеніи. Не смотря на такой тѣсный союзъ, въ какой приводитъ долгъ воскрешенія брачную чету, не можетъ она враждебно относиться къ другимъ подобнымъ союзамъ, ибо всеобщее воскресеніе—результатъ всеобщей любви; церковь—общество, основанное на взаимознаніи, психократія есть для нея первое, необходимое условіе.

Воскрешеніе не есть дѣло (результатъ) одного ума и даже воли, оно есть результатъ также и чувства, откуда и слѣдуетъ, что участіе женскаго элемента въ дѣлѣ воскрешенія составляетъ необходимость. Марія Магдалина, которая первая удостоилась видѣть Воскресшаго, является представительницею женщинъ съ ихъ лучшей, чистѣйшей стороны. Если бы даже явленіе Христа было только психическимъ фактомъ, (какъ желаютъ того тѣ, для большей части коихъ вовсе не существуетъ дѣйствительности и весь міръ есть только фактъ психическій), то и тогда подобный фактъ открываетъ въ женщинѣ неоцѣненное свойство для того дѣла, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Почти всѣхъ женщинъ можно подвести подъ два типа; въ первомъ типѣ преобладаетъ, можно сказать,—исключительно властвуетъ чадолюбіе, способное воздоить и воскормить не людей, а деспотовъ; типъ этотъ очевидно низшій, чувственный, нетерпимый, котораго весь міръ ограничивается дѣтской; женщины этого рода способны и къ самоотверженію, (котораго не лишены впрочемъ, и животныя), можетъ быть и къ другимъ добродѣтелямъ.

Ко второму типу принадлежатъ Антигоны, отчасти Корделіи и т. п., типъ, отличающійся преобладаніемъ души, способностью къ глубокому состраданію; въ противоположность первому типу, добродѣтель свойственную женщинамъ 2-го рода слѣдовало бы назвать отцелюбіемъ. Недостатокъ слова для выраженія этой добродѣтели, (если только нѣтъ такого слова), доказываетъ, кажется, что классъ этотъ немногочисленъ. Есть, конечно, женщины, соединяющія въ себѣ добродѣтели того и другого типа, какъ есть, впрочемъ, и такія, которыя не имѣютъ ни одного изъ добрыхъ свойствъ

обоихъ этихъ типовъ. Просвѣщеніе имѣетъ задачею во всѣхъ женщинахъ развить свойства второго типа, ибо только при этихъ свойствахъ можно приступить къ труду воскрешенія. (Мы не желаемъ унизить этимъ принадлежащихъ къ первому типу, ибо отсутствіе чадолюбія въ женщинѣ есть страшный порокъ, ставящій ее ниже животнаго, но потому то, впрочемъ, чадолюбіе и не добродѣтель еще). Конечно, принадлежащія ко 2-му типу, когда услышатъ радостную вѣсть о трудѣ воскрешенія, не повѣрятъ, какъ не повѣрила и Марія Магдалина, встрѣтивъ воскресшаго; но невѣріе, слово «невозможно», которое мы услышимъ изъ устъ женщинъ 2-го типа, будетъ звучать иначе, чѣмъ въ устахъ женщинъ 1-го типа.

Еще есть разновидность женщинъ, это женщины, которыя желаютъ казаться мужчинами; быть мужчиною, быть подобными, во всемъ равными, равноправными мужчинамъ, идеалъ такихъ женщинъ. Въ основѣ этого стремленія, конечно, лежитъ глубокое презрѣніе къ женской природѣ; между тѣмъ этимъ ревнительницамъ кажется, что онѣ возвышаютъ женщину. Причина этого анормальнаго, тератологическаго явленія лежитъ въ городской жизни. Такой типъ отличается искусственностью и вызванъ необходимостью имѣть занятія внѣ семейной жизни. Конечно, пока достоинство человѣка, его самостоятельность будутъ зависѣть отъ денегъ, и женщина будетъ стремиться къ пріобрѣтенію правъ на участіе во всей этой юридической и экономической жизни, доставляющей денежную самостоятельность; а между тѣмъ эта жизнь является какъ нѣчто временное, допускаемое лишь въ силу необходимости, можно сказать, какъ необходимое зло. До сихъ поръ женшина была избавлена отъ участія въ этой жизни, которая ни какъ уже не можетъ быть настоящею, дѣйствительною жизнью (въ смыслѣ, которою должно жить). Освобожденіе отъ этой жизни составляетъ идеалъ даже мужчины, потому и нечего закабалять ей женщину, которая должна беречь свои силы, развивать ихъ въ цѣляхъ иной жизни, въ видахъ жизни основанной на долгѣ воскрешенія. Если бы и женщина сдѣлалась участницею жизни юридико-экономической, тогда можно было бы сказать, что конецъ близокъ.

Вліяніе женщинъ 2-го типа, остающихся дѣвами и по рожденіи, которыя становясь дочерьми родителей своего мужа, не оставляютъ и своихъ родителей, должно придать иной характеръ и иную обстановку семейной жизни. Семейное жилище, домъ не будетъ капищемъ, художественною игрушкою, принимаемою за осуществленную дѣйствительность, для коей уже все закончено, нѣтъ уже упованія, нѣтъ будущности, остается одна безвыходность. Оно, это капище, игрушка, можетъ быть и прекрасно, уютно, комфортабельно, но **одно оно и только оно,**—можетъ привести къ отчаянію, навести ужасъ. Такихъ домовъ—фетишей особенно много въ Англіи, Голландіи, гдѣ рядомъ съ этими до безвыходности законченными домами —идолищами еще больше такихъ жилищъ человѣческихъ, которыя скорѣе похожи на груды развалинъ, чѣмъ на жилища человѣческія, или на что либо законченное; отчего замкнутость, законченность, игрушечный харак-

теръ первыхъ еще болѣе поражаетъ. Дома эти (перваго рода) производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они созданы для того, чтобы заставить забыть, что смерть и тлѣніе еще существуютъ; они, какъ маска, прикрываютъ собой наше безсиліе передъ природой; все въ нихъ такъ выглажено, вылощено, все такъ блеститъ, что можетъ казаться, будто естественная сила потеряла способность производить тлѣніе, гніеніе, ржавчину и т. п. Въ этихъ домахъ отведено мѣсто и предкамъ, и они въ нихъ живутъ, но только портретною жизнью.

При вліяніи женщинъ 2-го типа семейныя жилища не будутъ и замкнутыми крѣпостями, такъ какъ семьи составляютъ единицы прихода, общины. Идея общины и теперь даже выражается въ архитектурѣ, или постройкѣ, нашего села, что будетъ очевидно, если мы сравнимъ наше село съ нѣмецкимъ или вообще съ западно-европейскимъ; послѣднее строится не сплошною улицею, съ площадью посрединѣ, какъ у насъ, но отдѣльными домиками, или группами домовъ, по разнымъ фасадамъ. Что же касается до прихода, т. е. той же общины, но въ смыслѣ священнаго союза, то онъ не имѣетъ архитектурнаго выраженія. Правда съ принятіемъ христіанства на площади былъ воздвигнутъ храмъ, но единство храма съ жилищами прихожанъ не было выражено; вѣроятно единство это не было на столько сильно, чтобы выразиться архитектурно. Если бы христіанство было принято не внѣшне только, а преобразовало бы общину въ церковь въ томъ смыслѣ, какъ это было сказано выше, тогда и самыя избы своими фасадами составили бы стѣну храма, которая могла бы быть украшена священными изображеніями; (въ образахъ, крестахъ, которые нерѣдко можно видѣть на воротахъ крестьянъ, купцовъ и т. п., нельзя ли даже видѣть начало такого архитектурнаго выраженія церкви). Тогда самый храмъ обратился бы въ святилище прихода, въ общій кіотъ съ образами, въ общій передній уголъ всѣхъ прихожанъ; на кровлѣ же этого невысокаго храма могъ бы быть воздвигнутъ престолъ для совершенія службы лѣтомъ; и тогда вся площадь, окруженная домами прихожанъ, обратилась бы въ храмъ. Кладбище, помѣщенное на площади, около святилища, въ сердцѣ общины (внутри самаго лѣтняго храма), вѣрно выражало бы идею объ отношеніи живущихъ къ отшедшимъ; школа помѣстилась бы въ ряду домовъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ былъ бы входъ на площадь, т. е. въ храмъ, внутри котораго, не можетъ конечно, быть мѣста ни судебнымъ, ни административнымъ учрежденіямъ, которыя ничего общаго съ церковью не имѣютъ и если существуютъ, то лишь потому, что церковь не успѣла еще объединить всѣхъ людей въ союзъ безъ принужденія и внѣшней силы; означенныя учрежденія существуютъ, какъ внѣшняя сила, связующая людей до тѣхъ поръ, пока церковь не соединитъ ихъ внутренно. Словомъ, чѣмъ больше будетъ возрастать церковь, тѣмъ дальше будутъ отодвигаться, умаляться, приходить въ запустѣніе суды, волостныя и всякія другія правленія и управы. И тогда, конечно, семейныя жилища не будутъ уже капищами, не имѣющими будущности, не будутъ и Англійскими крѣпостями

(мой домъ—моя крѣпость) и Турецкими, вообще мусульманскими, тюрьмами (безъ оконъ на улицу), но представятъ вѣрное изображеніе общенія, единства прихода.

Само собою разумѣется—прежде нравственное преображеніе, архитектурное же выраженіе придетъ за нимъ само; или, лучше сказать, что нравственное преображеніе и архитектурное выраженіе необходимо должны послѣдовать одно за другимъ, и при томъ послѣднее должно служить закрѣпленіемъ перваго. Препятствія (для архитектурнаго выраженія) являются не съ художественной, не съ технической стороны, а съ нравственной; и пока воскрешеніе не поставлено цѣлью, пока отцы не помѣщены внутри храма, въ сердцѣ общины, не будетъ и братства, и будутъ, слѣдовательно, лачужки рядомъ съ домами зажиточныхъ, притча о богачѣ и Лазарѣ будетъ представлена еще наглядно и приходъ не будетъ еще многоединствомъ.

Какая противоположность между Россіею и Англіею и въ жизни и въ ихъ архитектурныхъ проявленіяхъ! Англія, окруженная океаномъ, на «отоцѣ» моря, можетъ считаться превосходной крѣпостью, внутри которой, подъ защитою моря, живущіе могли свободно предаваться собственнымъ дѣламъ, жить для самихъ себя. Россія же не имѣетъ никакой естественной защиты, отсюда и служилый характеръ ея населенія; жить для себя, для личнаго наслажденія, какъ въ Англіи, было невозможно; постройки при такихъ условіяхъ приняли временный характеръ, жилища не могли принять видъ законченности, обратиться въ идоловъ, кумировъ; при всякомъ нападеніи ихъ оставляли почти безъ сожалѣнія. Съ другой стороны на нашихъ постройкахъ лежитъ характеръ родовой общины; ибо что такое нашъ русскій домъ? По словамъ одного нашего археолога (Примѣчаніе 14 е), русскій домъ есть совокупность клѣтей, соединенныхъ сѣнями или покрытіями. Онъ могъ расширяться неопредѣленно вмѣстѣ съ расширеніемъ рода; оттого онъ и носитъ собирательное названіе хоромы, палаты. И когда христіанство не будетъ у насъ однимъ только обрядомъ, тогда рядъ своеобразныхъ клѣтей, (не какъ казарма, которая есть рядъ совершенно одинаковыхъ клѣтокъ), не замкнутыхъ (не крѣпостей), а соединенныхъ сѣнями, рядъ такихъ клѣтей составитъ тогда внѣшнюю оболочку храма, съ населеніемъ умершихъ внутри, и храмъ этотъ будетъ свободенъ, открытъ со стороны неба, призракъ небеснаго свода въ видѣ крѣпкихъ, неподвижныхъ сводовъ, куполовъ, не закроетъ отъ взора дѣйствительныхъ явленій, происходящихъ въ небесномъ пространствѣ, и они не будутъ казаться намъ столь недоступными, какъ теперь.

И весь домашній скарбъ по тѣмъ же причинамъ, постояннаго опасенія грабежей, не могъ сдѣлаться у насъ кумиромъ, какъ онъ сдѣлался у западныхъ народовъ и особенно у Голландцевъ и Англичанъ. Произведенія мануфактурной промышленности (домашній скарбъ, хламъ) также нужно причислить къ идоламъ или идольчикамъ, какъ напр. одежды, это несовершенное подобіе естественныхъ покрововъ, (также, впрочемъ, несовер-

шенныхъ по причинѣ безсознательности происхожденія), эти тлѣнныя, и еще болѣе тлѣнныя оболочки нашего тлѣннаго одѣянія, т. е. тѣла.

Мануфактурная промышленность и есть истинное, дѣйствительное идолодѣланіе, въ противоположность земледѣлію, которое гніющія вещества обращаетъ въ живыя, здоровыя тѣла, (т. е. можетъ служить къ разрѣшенію санитарнаго и продовольственнаго вопросовъ, и даже въ настоящемъ состояніи служитъ началомъ литургіи, дающей священное значеніе этимъ вопросамъ); мануфактурная промышленность въ противоположность земледѣлію есть обращеніе живого въ мертвое, она увеличиваетъ только гниль, и, не увеличивая продовольственныхъ запасовъ, умножаетъ число потребителей; т. е. мануфактурная промышленность дѣйствуетъ антигигіенически и вопреки разрѣшенію продовольственнаго вопроса; или, лучше сказать, мануфактурная промышленность не принимаетъ никакого участія въ разрѣшеніи вопросовъ санитарнаго и продовольственнаго въ настоящемъ смыслѣ, т. е. такъ, какъ они должны быть разрѣшены.

Но если прежде мы не сдѣлали себѣ идоловъ изъ нашихъ жилищъ, изъ нашего скарба по нуждѣ, то теперь мы должны уберечься отъ сего вслѣдствіе сознанія истиннаго отношенія человѣка къ вещи. Въ дѣйствительности не человѣкъ владѣетъ вещью, а вещь обладаетъ человѣкомъ, связываетъ его, дѣлаетъ несвободнымъ, вноситъ раздоръ въ среду людей. Мы разумѣемъ здѣсь какъ вообще вещь, такъ и ту, которая получила отпечатокъ труда человѣческаго; этотъ отпечатокъ заставляетъ думать человѣка, что онъ овладѣлъ уже вещью, тогда какъ отпечатокъ этотъ закрываетъ отъ человѣка истинную сущность вещи, которой человѣкъ не знаетъ, потому что не владѣетъ ею. Называя уже теперь вещь своею, мы присвоиваемъ не принадлежащее намъ, грѣшимъ, слѣдовательно, противъ 8-й заповѣди; только принимая то, чѣмъ мы пользуемся, какъ полученное нами въ долгъ съ обязанностью уплаты, мы снимаемъ съ себя обвиненіе въ нарушеніи 8-й заповѣди;но за то можемъ навлечь на себя другое обвиненіе, не менѣе тяжкое, обвиненіе въ несостоятельности, такъ какъ все, чѣмъ мы пользуемся, есть произведеніе земли, т. е. проценты съ капитала, который не принадлежитъ намъ. Чтобы не быть обвиненными въ кражѣ, или чтобы не стать несостоятельными должниками, что должно повлечь тяжкія для насъ послѣдствія, мы должны посредствомъ труда пріобрѣсти этотъ капиталъ, пріобрѣсти его именно трудомъ, а не хищеніемъ или грабежомъ.

Совокупность вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ труда человѣческаго (жилище со всѣмъ въ немъ скарбомъ), составляетъ особый мірокъ, приспособленный къ жизни человѣка; изъ этого-то мірка и не должно творить себѣ кумира, потому что онъ есть лишь подобіе другого, большого міра, который также не долженъ быть обожаемъ. Не соперничать, не равняться съ лиліями долинъ, съ блескомъ солнца, какъ это мы дѣлаемъ въ нашихъ позолотахъ, съ голубизною неба, въ нашихъ обояхъ, стѣнныхъ украшеніяхъ, въ нашихъ одеждахъ, но вносить сознаніе и волю въ слѣ-

пую силу, вотъ въ чемъ задача человѣка.

Теперь должно рѣшить, что мы выберемъ, будетъ ли наше жилище замкнутымъ, закрытымъ и отъ Бога, общаго нашего отца, и отъ другихъ людей, нашихъ братьевъ, соработниковъ въ общемъ дѣлѣ, будетъ ли оно съ своими исключительными, семейными богами, съ своими ларами и пенатами, или же нашъ домъ будетъ самостоятельною клѣтью, принадлежностью храма воскрешенія, съ сѣнями, знаменующими узы братства, съ теремомъ или вышкою (покрытіемъ на четырехъ подпорахъ, родъ балдахина надъ сѣнями) для молитвы и воспитанія.

Нужно замѣтить, что семейная исключительность сдѣлается невозможною по причинамъ, такъ сказать, техническаго свойства, когда электрическая свѣча замѣнитъ огонь очага, добываемый изъ старыхъ все болѣе и болѣе истощаемыхъ запасовъ солнечной теплоты, когда электрическая свѣча замѣнитъ эти запасы силою, получаемою не изъ искусственныхъ батарей, а изъ атмосферы или же изъ самой земной планеты, какъ одного электро-магнитнаго или магнито-электрическаго аппарата, для управленія которымъ нужно всеобщее и самое тѣсное единеніе, тогда эпоха **агни**, т. е. эпоха исключительности, закончится.

Электрическій токъ, способный передавать голосъ, движеніе и т. п., не можетъ быть лишенъ способности передавать и мускульныя движенія и физіологическія явленія, а также и психическія, если они имѣютъ физіологическое выраженіе. Мы не видимъ также причины, почему бы явленія, совершающіяся въ здоровомъ организмѣ, не могли бы посредствомъ передачи возвращать нормальное теченіе организмамъ заболѣвшимъ, патологическимъ. Такая-то дивная сила будетъ въ рукахъ всѣхъ (подобно тому, какъ въ настоящее время огонь), когда электрическая свѣча загорится въ сельской хижинѣ.

Вліяніе женщины, если въ ней будетъ воспитанъ типъ Маріи Магдалины, отразится и на всей дѣятельности человѣка, также какъ оно отразится и на его жилищѣ, въ его семейной жизни. Въ женщинѣ нужно воспитать, главнымъ образомъ, дочь человѣческую, внуку, правнуку, и потомъ лишь мать. То чувство, зарожденіе котораго сдѣлало человѣка человѣкомъ, и о которомъ говорилось въ началѣ сего труда, быть можетъ зародилось въ первой дочери человѣческой даже прежде, чѣмъ въ первомъ человѣческомъ сынѣ, и прежде къ матери, а потомъ къ отцу. Но также и паденіе, забвеніе долга начато ею же, женщиною. Такъ называемая эмансипація женщины не сопровождаетъ ли всякое паденіе общества? Чѣмъ меньше будетъ домашнихъ заботъ, чѣмъ проще семейное хозяйство, тѣмъ болѣе женщина должна будетъ преобразоваться изъ Марфы, заботящейся о многомъ, въ Марію, избравшую благую часть—быть помощницею въ трудѣ воскрешенія. Точнѣе сказать, нужно соединеніе этихъ двухъ типовъ, Марія не должна оставаться при одномъ созерцаніи, а Марфа не должна ограничивать своей дѣятельности предѣлами кухни.

Въ качествѣ помощницы въ трудѣ воскрешенія, какую роль должна

играть женщина въ вопросахъ продовольственномъ и санитарномъ? Эти два вопроса находятся въ такой зависимости одинъ отъ другого, что безъ успѣха въ одномъ, нельзя шага ступить въ другомъ. Первый вопросъ,—о средствахъ къ жизни, о регулированіи процессомъ земной планеты и объ открытіяхъ въ небесномъ пространствѣ, есть вопросъ, надо полагать, по преимуществу, мужской. Женщина можетъ участвовать въ немъ возбужденіемъ къ подвигу, утѣшеніемъ въ неизбѣжныхъ при этомъ неудачахъ. Второй же вопросъ, санитарный, нужно думать, есть по преимуществу женскій; женщина съумѣетъ лучше слѣдить за малѣйшими появленіями признаковъ жизни въ умершемъ, наблюдать за молекулярнымъ строеніемъ вещественной оболочки человѣка.

Смерть, можно сказать, есть анестезія, при коей происходитъ самое полное трупоразъятіе, разложеніе и разсѣяніе вещества. Собираніе разсѣянныхъ частицъ есть вопросъ космотеллурической науки и искусства, слѣдовательно, мужское дѣло, а сложеніе уже собранныхъ частицъ есть вопросъ физіологическій, гистологическій, вопросъ сшиванія, такъ сказать, тканей человѣческаго тѣла, тѣла своихъ отцовъ и матерей, есть женское дѣло; конечно, было бы странно, если бы физіологическая и гистологическая наука ограничивалась только живосѣченіемъ и не могла бы перейти къ возстановленію. Какъ ни великъ трудъ, который предстоитъ при возстановленіи разсѣяннаго вещества, не слѣдуетъ, однако, отчаяваться, чтобы и тѣ мельчайшія частицы, кои по сказанію проникавшихъ въ нихъ мыслью (занимавшихся вычисленіемъ величины атома, какъ Круксъ, Томсонъ, напр.), заключаютъ въ себѣ столько еще болѣе мелкихъ частичекъ, сколько въ землѣ можетъ умѣститься пистолетныхъ пулекъ,—не нужно думать, что и эти частицы не откроютъ намъ своихъ нѣдръ.

Все вещество есть прахъ предковъ, и въ тѣхъ мельчайшихъ частицахъ, которыя могли бы быть доступны невидимымъ для нашихъ глазъ микроскопическимъ животнымъ, и то лишь, если бы они были вооружены такими микроскопами, которые расширяли бы область ихъ зрѣнія на столько же, на сколько наши микроскопы расширяютъ кругъ нашего зрѣнія, и тамъ, и въ этихъ въ квадратѣ, въ кубѣ и т. д. микроскопическихъ частичкахъ, мы можемъ найти слѣды нашихъ предковъ. Каждая частица, состоящая изъ такого множества частичекъ, представляетъ такое же разнообразіе, въ какомъ является для насъ земля. Каждая среда, чрезъ которую проходила эта частица, оставила на ней свое вліяніе, свой слѣдъ. Разсматриваемая съ археологической или палеонтологической стороны, частица, можетъ быть, представляетъ нѣчто въ родѣ слоевъ, сохраняющихъ, быть можетъ, отпечатки всѣхъ вліяній, которымъ подвергалась частица, проходя разныя среды, разные организмы. Какъ бы ни дробилась частица, новыя, происшедшія отъ этого дробленія частицы, вѣроятно, хранятъ слѣды разлома; онѣ, эти частицы, подобны, можетъ быть, тѣмъ знакамъ гостепріимства у древнихъ, которые назывались сѵмволами, сфрагидами: при разставаніи разламывалась вещь, и куда бы не разошлись минутные друзья,

унося каждый половину разломанной вещи, при новой встрѣчѣ, складывая половинки, они тотчасъ же узнавали другъ друга. Представимъ же себѣ, что міръ, вдругъ или не вдругъ, освѣтился, сдѣлался знаемъ во всѣхъ своихъ мельчайшихъ частицахъ, не будетъ ли тогда для насъ ясно, какія частицы были въ минутной дружбѣ одна съ другой, въ какомъ домѣ или организмѣ онѣ гостили вмѣстѣ, или какого цѣлаго онѣ составляли часть, принадлежность. И нынѣ даже какой-нибудь валунъ, лежащій въ южной Россіи, своимъ составомъ и другими признаками, не открываетъ ли намъ, что онъ есть только обломокъ съ какихъ-нибудь Финскихъ горъ, унесенный оттуда льдинами. Если изслѣдованіе такихъ громадныхъ, сравнительно, тѣлъ, какъ валуны, еще не окончено, то какой трудъ и сколько времени потребуется для изслѣдованія частицъ величиною въ милліонную долю линіи, и при томъ для изслѣдованія не настоящаго только ихъ состоянія, строенія, но всей исторіи каждой такой частицы? Трудно открытіе способовъ изслѣдованія, трудно также изслѣдованіе первыхъ двухъ, трехъ частицъ, но затѣмъ работа становится доступною для многихъ, и наконецъ, для всѣхъ людей, освобожденныхъ отъ торгово-промышленной суеты. Наконецъ, самое изслѣдованіе такъ упрощается, что то, для чего требовались прежде годы труда, дѣлается достижимымъ для одного взгляда, достаточно становится одного взгляда, чтобы опредѣлить мѣсто и время нахожденія частицъ въ томъ или другомъ тѣлѣ. Хотя частицы и могутъ сохранять слѣды своего пребыванія въ томъ или другомъ организмѣ, въ той или другой средѣ, очень долгое время, но слѣды эти могутъ изглаживаться и исчезать, можетъ быть; въ такомъ случаѣ, намъ нужно знать законъ сохраненія и исчезновенія слѣдовъ.

Трудность возстановленія для каждаго поколѣнія того поколѣнія, которое непосредственно ему предшествовало, совершенно одинакова; ибо отношеніе нынѣшняго поколѣнія къ своимъ отцамъ, и того поколѣнія, которое первое достигнетъ искусства возстановленія, къ его отцамъ точно такое же, какъ нашихъ прапрадѣдовъ къ ихъ отцамъ. Хотя первый воскрешенный будетъ, по всей вѣроятности, воскрешенъ почти тотчасъ же послѣ смерти, едва успѣвъ умереть, а за нимъ послѣдуютъ тѣ, которые менѣе отдались тлѣнію, но каждый новый опытъ въ этомъ дѣлѣ будетъ облегчать дальнѣйшіе шаги. Съ каждымъ новымъ воскрешеннымъ знаніе будетъ расти; будетъ оно на высотѣ задачи и тогда, когда родъ человѣческій дойдетъ и до перваго умершаго. Мало того, для нашихъ прапрапрадѣдовъ воскрешеніе должно быть даже легче, несравненно легче, т. е. нашимъ прапраправнукамъ будетъ несравненно труднѣе возстановить ихъ отцовъ, чѣмъ намъ и нашимъ прапрапрадѣдамъ, ибо мы воспользуемся при воскрешеніи своихъ отцовъ не только всѣми предыдущими въ этомъ дѣлѣ опытами, но и сотрудничествомъ нашихъ воскресителей; такъ что первому сыну человѣческому будетъ легче всѣхъ возстановить его отца, отца всѣхъ людей.

Для воскрешенія недостаточно одного изученія молекулярнаго строе-

нія частицъ; но такъ какъ они разсѣяны въ пространствѣ солнечной системы, можетъ быть и другихъ міровъ, ихъ нужно еще и собрать; слѣдовательно, вопросъ о воскрешеніи есть теллуро-солярный или даже теллуро-космическій. Для науки, развившейся въ торгово-промышленномъ организмѣ, для науки разложенія и умерщвленія, такая задача недостижима; такая задача не можетъ быть и цѣлью подобной науки, если только наука не переростетъ торгово-промышленнаго организма и не перейдетъ въ иную среду, въ среду сельско-хозяйственную, гдѣ она сдѣлается уже наукою не разложенія и умерщвленія, но наукою сложенія и возстановленія. Сельское хозяйство, чтобы достигнуть обезпеченія урожая, не можетъ ограничиваться предѣлами земли, ибо условія, отъ коихъ зависитъ урожай, или вообще растительная и животная жизнь на землѣ, не заключаются только въ ней самой. Если вѣрно предположеніе, что солнечная система есть перемѣнная звѣзда съ одинадцати лѣтнимъ электро-магнитнымъ періодомъ, въ теченіи коего и количество солнечныхъ пятенъ, и магнитныя (сѣверныя сіянія), и электрическія грозы достигаютъ то своего максимума, то минимума, а съ сими явленіями находится въ связи весь метеорическій процессъ, отъ коего непосредственно зависитъ урожай или неурожай, въ такомъ случаѣ весь теллуро-солярный процессъ доженъ бы войти въ область сельскаго хозяйства. Если вѣрно также, что всѣ переходы отъ одного явленія къ другому совершаются чрезъ посредство электричества, силы подобной или даже тождественной нервной силѣ, служащей орудіемъ воли и сознанія, то нынѣшнее состояніе солнечной системы можно уподобить тѣмъ организмамъ, въ коихъ нервная система еще не образовалась, не отдѣлилась отъ мускульной и другихъ системъ. Хозяйственная задача человѣка состоитъ именно въ устройствѣ такого регулирующаго аппарата, безъ коего солнечная система остается слѣпою, не свободною, смертоносною силою; т. е. задача состоитъ въ проложеніи, съ одной стороны тѣхъ путей, при пособіи коихъ доходило бы до человѣческаго сознанія все совершающееся въ подсолнечной, а съ другой, въ проложеніи такихъ проводниковъ, при посредствѣ коихъ все происходящее въ ней, рождающееся, обращалось бы въ дѣйствіе, въ возстановленіе.

Пока же не существуетъ такихъ путей сознанія и такихъ проводниковъ дѣйствія, не говоря уже о періодическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, міръ будетъ представлять странный, извращенный порядокъ, который лучше бы, кажется, назвать безпорядкомъ. «Равнодушная природа», нечувствующая, несознающая, будетъ «красою вѣчною сіять», личность же, сознающая благолѣпіе нетлѣнія, будетъ чувствовать себя не только вытѣсняемой, но и вытѣсняющей. Существо, въ коемъ нѣтъ ни вытѣсняющаго, ни вытѣсняемаго, могло ли быть творцомъ такого не космоса, а хаоса?

Міръ, какимъ онъ былъ изначала, мы не можемъ, конечно, знать, потому что мы знаемъ его только такимъ, каковъ онъ есть теперь; но, судя по Творцу, мы можемъ себѣ составить хотя отчасти и хотя нѣкоторое только представленіе или предположеніе объ этомъ мірѣ невинности

и чистоты. Не должны ли мы себѣ представить отношенія первыхъ людей къ міру подобными тому отношенію, въ коемъ находится ребенокъ къ своимъ органамъ, которыми онъ еще не владѣетъ, не научился еще управлять ими; т. е. не были ли первые люди существами, которыя должны были (и могли это сдѣлать безъ страданія и боли) создать себѣ органы для существованія во всѣхъ мірахъ, и во всѣхъ средахъ, и такимъ образомъ сдѣлаться сушествами всеобщими, способными жить всюду. Отдавъ предпочтеніе наслажденію, человѣкъ не принялъ въ обладаніе этихъ органовъ и не создалъ себѣ органовъ, соотвѣтствующихъ средамъ; и они, эти органы, т. е. всѣ стихіи, міры, атрофировались, парализировались, земля обратилась въ рѣзко изолированную планету и уже съ тѣхъ поръ мысль и бытіе перестали соотвѣтствовать другъ другу. Вмѣсто творческаго процесса созданія себѣ органовъ, соотвѣтствующихъ средамъ, явилось питаніе, а потомъ и пожираніе.

Человѣкъ самъ себя поставилъ въ зависимость отъ рока (т. е. отъ годового обращенія земли), подчинилъ себя землѣ, при чемъ рожденіе замѣнило художественный процессъ воспроизведенія себя въ другихъ существахъ, процессъ подобный рожденію Сына отъ Отца, исхожденію отъ Него Св. Духа. Далѣе размноженіе обратилось въ необузданную родотворную силу, усилило борьбу, съ увеличеніемъ рожденія усилилась и смертность. Тѣ проводники, коими могли быть регулируемы переходы явленій однихъ въ другія, непринятые въ управленіе, исчезли и постепенные переходы обратились въ перевороты, въ грозы, засухи, землетрясенія, словомъ, солнечная система обратилась въ міръ, въ перемѣнную звѣзду съ одиннадцатилѣтнимъ, или инымъ какимъ-либо періодомъ, всевозможныхъ бѣдствій. Такою и знаемъ мы теперь эту систему. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ для самой достовѣрности знанія солнечная система должна быть обращена въ хозяйственную силу. Колоссальность солнечнаго міра въ состояніи навести страхъ и возраженіе естественно будетъ указывать на нашу малость. Когда же мы обратимъ вниманіе на малыя частицы, состоящія изъ колоссально громаднаго числа частичекъ, кои также должны быть обращены въ человѣческое хозяйство, тогда возраженіе будетъ указывать на нашу громадность, ибо для инфузоріи, для коей эти малыя частицы кажутся слишкомъ великими, они все-таки болѣе доступны, чѣмъ намъ.

Вопросъ, очевидно, не въ величинѣ и наша сравнительная малость и громадность указываютъ лишь на трудность, на чрезвычайную трудность, но не на невозможность. «Обширный умъ, который обнялъ бы въ одной и той же формулѣ и движенія самыхъ большихъ тѣлъ вселенной, и движенія самаго легкаго атома,—для такого ума ничего не оставалось бы неизвѣстнымъ, и будущее, также какъ и прошедшее, было бы ему открыто». Собирательный умъ всѣхъ людей, работающихъ въ теченіи многихъ поколѣній, конечно, былъ бы достаточно обширенъ, нужно только полное согласіе, многоединство. (Въ томъ мірѣ, гдѣ есть литературная собственность, и плагеатъ, или литературное воровство, полемика, или литератур-

ная война, въ такомъ мірѣ невозможно, конечно, согласіе, многоединство, при которомъ умъ всѣхъ людей былъ бы однимъ обширнымъ, собирательнымъ умомъ). Хозяйственное дѣйствіе, о которомъ говорилось выше, только облегчило бы трудъ собирательнаго ума или, говоря точнѣе, безъ этого дѣйствія работа собирательнаго ума даже невозможна.

Мы не обольщаемся мнимыми успѣхами, тѣмъ, что нынѣ называется торжествомъ надъ природою, и не эти мнимые успѣхи заставляютъ насъ приписывать наукѣ ту важную роль, которую ей предстоитъ совершить. Взять ведро воды и, обративъ его въ паръ, заставить работать, это не значитъ побѣдить природу, это не значитъ одержать побѣду и надъ ведромъ воды. Нужно видѣть, какъ эта побѣжденная сила рветъ пальцы, руки, ноги у прислужниковъ машины, чтобы поумѣрить свои восторги; очевидно, что эта сила не наша еще, не составляетъ нашего органа. Конечно, и истребленіе топлива (безъ возстановленія его), необходимое при упомянутомъ торжествѣ надъ природою, тоже можно причислить къ побѣдамъ, но къ побѣдамъ, конечно, Пирра. И не это однако же самое важное, мы несемъ неисчислимую потерю, приводимъ къ бездѣйствію умъ многихъ милліоновъ многихъ поколѣній людей, ибо мануфактурная промышленность, какой бы досугъ ни былъ выговоренъ рабочимъ, не можетъ дать приложенія столькимъ умамъ, не говоря уже о безплодности самого приложенія къ мнимымъ побѣдамъ надъ природою и къ производству по большей части пустяковъ, (бездѣлушекъ). Эта промышленность требуетъ одного ума на тысячу рукъ, долгъ же воскрешенія, дѣйствующій чрезъ сельское хозяйство, требуетъ и головъ, а не однѣхъ только рукъ.

Вопросъ объ обращеніи солнечной системы, въ хозяйство есть вопросъ объ отношеніи сознательной силы къ силѣ слѣпой, къ слѣпымъ движеніямъ. Чѣмъ больше выставимъ мы разумныхъ силъ, тѣмъ успѣхъ надежнѣе, вѣроятнѣе. Если бы раздѣлить всю солнечную систему на число погибшихъ умовъ, то оказалось бы, что на каждый умъ придется небольшая ея часть; хотя мы и не имѣемъ мѣры для опредѣленія силы ума, его дѣятельности, (что, конечно, и несоизмѣримо съ пространствомъ), однако и приведенное сравненіе можетъ дать нѣкоторое понятіе о великости потери и о громадности результатовъ, которые могли бы быть достигнуты въ противномъ случаѣ.

Выставляя на видъ страшный вредъ, приносимый мануфактурною промышленностью, должно указать и на нѣкоторую пользу, которую она принесла: вопросъ о механическомъ эквивалентѣ теплоты былъ вызванъ приложеніемъ паровой силы къ мануфактурной промышленности, точно также, какъ вопросъ о наслѣдственности улучшеніемъ породъ скота; производство инструментовъ для наблюденій и изслѣдованій можетъ долго еще приносить пользу, и усиленіе такого производства на счетъ другихъ отраслей промышленности, служащихъ роскоши и комфорту, укажетъ на прогрессъ въ жизни, такое усиленіе и необхдимо, какъ переходная ступень.

Если произойдетъ означенная перемѣна въ производствѣ, то несом-

нѣнно, что самый взглядъ на жизнь измѣнится, цѣль жизни будетъ ставляться не въ наслажденіи, и наука перестанетъ быть служанкою мануфактурно-торговаго класса; сама промышленность облагородится, получивъ званіе служанки знанія. Въ настоящее вреия наука считаетъ себя счастливою, что купеческіе корабли завели у себя нѣкоторыя наблюденія; и хотя такое преимущество барыша надъ знаніемъ можетъ показаться страннымъ, но имѣетъ однако причины, нелишенныя основанія. Наука тогда только будетъ имѣть право обратить промышленность и торговлю себѣ на службу, когда она сама сознаетъ свое истинное назначеніе; знаніе само себѣ не можетъ служить цѣлью, это значило бы мысль принимать за дѣйствительность, мертвое за живое, изъ мысли или идеи творить себѣ кумира или идола. Пока наука находилась въ услуженіи, не имѣла самостоятельности, она могла ограничиваться страдательнымъ наблюденіемъ неба, ибо только это отъ нея и требовало торговое мореплаваніе; она также могла ограничиваться кабинетными опытами, имѣющими всѣ свойства дѣтскихъ игрушекъ, ибо настоящее свое значеніе эти опыты получали въ приложеніи къ фабричнымъ производствамъ; лабораторіи и физическіе кабинеты—прихожая къ фабрикамъ и заводамъ. Но наукѣ предстоитъ, быть можетъ, еще худшая участь, если мечта соціализма когда-либо осуществится и наука сдѣлается рабою фабричныхъ рабочихъ; тогда все, неимѣющее непосредственнаго приложенія, должно будетъ исчезнуть. Не придется ли тогда наукѣ искать спасенія подъ кровомъ религіи; впрочемъ, соціализмъ и въ этомъ отношеніи принялъ свои мѣры, соединившись съ матеріалистами; послѣдніе же, чтобы фанатизировать массы, убѣждаютъ ихъ, что нѣтъ другого блага, кромѣ матеріальнаго, (т. е. кромѣ того, что производятъ фабрики).

Вымираніе наукъ, неимѣющихъ приложенія, уже начинается; такой участи подвергается философія. мы присутствуемъ при ея смерти. Явленіе это легко объяснить себѣ: принципъ, что все, неимѣющее приложенія, должно исчезнуть, имѣетъ свое основаніе, долженъ быть признанъ истиннымъ, если мы выразимъ его такъ: **все, неимѣющее приложенія, должно не исчезнуть, а получить свое приложеніе.** Философія, если она считаетъ себя идеею для идеи, можетъ имѣть только слѣдующее, очевидно предсмертное, утѣшеніе: дитя нисколько не смущается, когда ему говорятъ, что его куклы неживыя существа; онѣ живы въ душѣ дитяти. И философы могутъ спокойно продолжать свою игру съ понятіями и идеями, сознавая, что эти понятія и идеи только мечты философскаго воображенія и реальны только,—какъ психическія состоянія».

Мысль и бытіе не тождественны, т. е. мысль не осуществлена, а она должна быть осуществлена. Мысль, или вообще представленіе, есть образъ, остающійся въ душѣ послѣ того, какъ самый предметъ исчезъ. Такое опредѣленіе совершенно вѣрно для философа; въ душѣ философа, дѣйствительно, ничего не остается отъ исчезнувшаго предмета, кромѣ мысленнаго образа. Въ душѣ же человѣка, вѣрнѣе сына человѣческаго, съ этимъ обра-

зомъ соединяется чувство утраты и стремленіе возвратить утраченное. Хотя философы имѣютъ дѣло съ образами не живыхъ существъ, а съ отвлеченіями, но тѣмъ не менѣе, если бы философъ не измѣнилъ человѣческому чувству, если бы онъ не забылъ, что человѣкъ есть существо дѣйствующее, а не мыслящее только, то вышеприведенное опредѣленіе имѣло бы другой видъ. Въ мірѣ все измѣняется, все исчезаетъ, и это измѣненіе опредѣляется не волею сознающаго и чувствующаго существа, а слѣпою силою, (такою она сдѣлалась послѣ паденія), поэтому въ сознающемъ и чувствующемъ существѣ обобщеніе, представленіе будетъ проектомъ обращенія слѣпой силы природы въ сознательную, или проектомъ всеобщаго воскрешенія. Если бы философія была продолженіемъ первой мысли перваго сына человѣческаго, если бы она не отрѣшилась отъ плана искупленія второго Адама, то и ей не грозила бы смерть и не сдѣлалась бы она игрою въ понятія.

Такая же участь (т. е. смерть или игра въ классификацію наукъ) грозитъ не метафизикѣ только, но и позитивизму, въ коемъ дѣйствіе также не соотвѣтствуетъ знанію. Міръ данъ не на поглядѣніе, не міросозерцаніе —цѣль человѣка. Человѣкъ всегда считалъ возможнымъ дѣйствіе на міръ, измѣненіе его согласно своимъ желаніямъ. Миѳическая стадія развитія состоитъ не въ знаніи только, миѳизмъ есть дѣйствіе при предположеніи, что міръ состоитъ изъ совокупности сознающихъ существъ, на кои можно дѣйствовать просьбами, мольбами, заклинаніями, т. е. человѣкъ въ этой стадіи развитія приписывалъ своему слову силу непосредственнаго дѣйствія на міръ. Такое пониманіе выразилось и у Браминовъ, когда они говорили, что человѣкъ зависитъ отъ природы, природа отъ боговъ, боги отъ молитвъ и заклинаній, слѣдовательно брамины-то и есть боги. Индусы думали также, вѣрили, что жертвами и молитвами можно низводить дождь на землю, доить небесныхъ коровъ. Не ясно ли, что всѣ миѳическіе образы были проектомъ дѣйствія на міръ, причемъ проектъ этотъ постоянно измѣнялся по мѣрѣ того, какъ люди приходили къ убѣжденію въ недѣйствительности тѣхъ или другихъ боговъ, которыхъ они и замѣняли новыми. Если бы въ сознаніи и жизни сохранилась непрерывность, единство, то **миѳическій** проектъ прямо перешелъ бы **въ положительный**, и не осаждали бы насъ докучливые, и въ тоже время весьма однако естественные вопросы, **къ чему?**—вопросы, которые позитивизмъ, не имѣя возможности разрѣшить, устраняетъ, затыкаетъ отъ нихъ уши. И только благодаря тому обстоятельству, что первоначальный смыслъ человѣческихъ стремленій утраченъ, позитивизмъ могъ полагать произвольныя границы человѣческой дѣятельности; позитивизмъ является выраженіемъ дряхлости, мирится со зломъ, прогрессъ по позитивизму заключается не въ расширеніи человѣческой дѣятельности, а въ суженіи ея.

Раздѣленіе на періоды миѳологическій, метафизическій и позитивный (т. е. положительный), очевидно, невѣрно, раздѣлить **прошедшую** исторію человѣчества и **будущую до объединенія во всеобщемъ дѣлѣ воскреше-**

нія возможно только на два періода миѳологическій, т. е. мито-ургическій, или теургическій (миѳическое искусство) (Примѣч. 15-е), и метафорическій, и къ послѣднему должны быть отнесены, какъ метафизическій, такъ и позитивный, потому что какъ метафизикою, такъ и позитивизмомъ одинаково полагается въ основу, ставится цѣлью не дѣйствіе, а одно лишь мысленное знаніе; и самые термины дѣйствія превращаются ими въ метафоры, такъ слово **понимать**, что значило **брать**, теряетъ свой реальный характеръ; такъ говорятъ о проектѣ эфира въ смыслѣ лишь гипотезы эфира и т. п. Встрѣчается даже самое понятіе о воскрешеніи, пишутся цѣлыя картины возсозданія всего протекшаго, но въ концѣ концовъ все это оказывается лишь метафорою, какъ у автора «Писемъ о природѣ» (Стр. 83-я XXXIX т. Отеч. Записокъ) въ отрывкѣ, приведенномъ въ началѣ этой статьи.

Но нигдѣ не выказывается такъ рѣзко анормальность положенія философа, т. е. существа исключительно мыслящаго, какъ въ нравственной философіи, въ этикѣ. Одни изъ философовъ принимаютъ одно лишь стремленіе къ свободѣ за дѣйствительную свободу, другіе же, не находя свободы въ дѣйствительности, отрицаютъ ее и въ идеѣ, третьи же, хотя и признаютъ свободу въ идеѣ, но считаютъ ее за фикцію. Въ дѣйствительности же эти мыслители ни наблюденіемъ, ни опытомъ (пассивнымъ, конечно) не могли открыть свободы; да и можно ли представить себѣ что-либо нелѣпѣе попытки открыть свободу, сидя въ кабинетѣ: задумайте сшить сапоги мысленно, и получится иллюзія сапога, а не сапогъ; безъ дѣйствія, безъ освобожденія, свобода, оставаясь знаніемъ только, будетъ фикціею.

Свободными **дѣлаются**, а не **рождаются**; знаніе, какъ лишь таковое, оставаясь знаніемъ только, можетъ открыть, конечно, одно лишь рабство, а не свободу. Когда всѣ измѣненія въ мірѣ будутъ опредѣляться разумною волею, когда всѣ условія, отъ коихъ зависитъ человѣкъ, сдѣлаются его орудіями, органами, тогда онъ будетъ свободенъ, т. е. проектъ воскрешенія есть и проектъ освобожденія. Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна.

Высшее благо, какъ и свобода, составляетъ проектъ; въ настоящее время подъ свободою разумѣется полное подчиненіе природѣ и такая же полная независимость другъ отъ друга, отъ общаго дѣла, отъ долга, если понимать его въ надлежащемъ смыслѣ, т. е. измѣна общему союзу, союзу на жизнь и смерть, какимъ онъ долженъ быть. Не видятъ зла въ отчужденіи другъ отъ друга и видятъ даже благо въ подчиненіи слѣпой силѣ, считая все это естественнымъ и необходимымъ. А между тѣмъ сама природа не подверждаетъ, не оправдываетъ такого взгляда; человѣкъ крѣпостной земли, праздный пассажиръ, паразитъ, захребетникъ ея и совершаетъ съ нею невольные рейсы вокругъ солнца, которое тоже не свободно въ своихъ движеніяхъ; но въ то же время солнце изливаетъ на землю волны силы, изъ коихъ растенія дѣлаютъ запасы, на счетъ же этихъ за-

пасовъ образуются движущіяся существа, и существа не только движущіяся, но и сознающія это движеніе и силящіяся отдѣлиться отъ земли; слѣдовательно, сама природа какъ бы нарушаетъ крѣпостное право. Въ человѣкѣ движеніе получаетъ сознаніе, соединенное съ понятіемъ безконечности; такимъ образомъ, слѣдуя природѣ, задача человѣка есть безграничное перемѣщеніе. Существо, одаренное движеніемъ, если оно изслѣдуетъ отдаленные міры, то, конечно, какъ цѣли движенія, пространства же между ними, какъ пути къ нимъ.

Вопросъ состоитъ въ томъ, на что употреблять силу солнца? на освобожденіе человѣка или же на большее его закрѣпощеніе. Природа начинаетъ освобожденіе человѣка не только отъ закрѣпощенія, но и отъ паразитизма и всякаго захребетничества: она непосредственно не кормитъ и не одѣваетъ его, заставляя добывать все это трудомъ. «Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто каждый день ихъ долженъ добывать». Если мы примемъ это выраженіе буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что добывается дѣйствительно жизнь, а не средства только къ поддержанію жизни, и не мнимая, а дѣйствительная свобода, тогда личность приметъ гигантскіе размѣры, колоссальный образъ. Тотъ еще захребетникъ земли, солнца, своихъ предковъ, тотъ еще недостоинъ жизни и свободы, кто не воспроизвелъ въ своемъ организмѣ всю исторію земной планеты и солнечной системы, въ коемъ остается еще хотя одна клѣточка не своимъ трудомъ построенная, тотъ еще не свободенъ, не можетъ жизнь назвать своею, онъ еще не расквитался съ своими отцами. Человѣческій родъ долженъ обратить въ пространную исторію, и не въ представленіи только, а въ дѣйствительности, эмбріологическій процессъ, этотъ, такъ сказать, генеалогическій учебникъ, который каждый проходилъ во чревѣ матери. Личности человѣческія, обратясь въ микрокосмы земли и солнечной системы, обратятъ и самую землю и всю систему въ новое небо и въ новую землю, въ которой живетъ сознаніе; тогда, вѣроятно, яснѣе назнаменуется на насъ и образъ Божій. Постановка вопроса должна быть такова: **при какихъ условіяхъ возможно знаніе и свобода или, другими словами, можетъ ли человѣкъ освободиться, выйти изъ животнаго состоянія?**

Мы намѣренно выдвинули индивидуальный образъ свободнаго человѣка, чтобы понять, сколько гордости заключается въ названіи свободнаго существа, которое придаетъ себѣ человѣкъ и въ настоящее время. Идеалъ свободнаго существа не долженъ быть, однако, цѣлью человѣка; не изъ личной свободы вытекаетъ долгъ воскрешенія, а изъ сего послѣдняго должна произойти свобода, безъ исполненія же этого долга свобода даже невозможна. Наше различіе отъ Запада въ томъ и заключается, что Западъ на первый планъ ставитъ всегда себя, свою личную свободу. Но нѣтъ достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоцѣнной личности, и защищать свою личную свободу, всякій звѣрь такъ поступаетъ. И какую цѣнность можетъ имѣть жизнь и свобода, если homo homini lupus.

У насъ искренно или неискренно оправдываютъ свое личное суще-

ствованіе необходимостью его для дѣтей. Но что это за апоѳеозъ поденщины эфемернаго существованія; даже съ точки зрѣнія личной, эгоистической свободы такое опредѣленіе неудовлетворительно.

Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто не только жизнь и свободу добываетъ трудомъ, но и самыя орудія добыванія ихъ, словомъ весь онъ есть плодъ собственнаго труда; т. е. полная свобода, самодѣятельность тождественна безсмертію. И только къ такому идеалу, т. е. къ безсмертію, и могъ придти Западъ, оставаясь при своей измѣнѣ общему долгу. Со стороны нынѣшнихъ людей, мечтающихъ вывести свое потомство въ безсмертные, эта мечта можетъ показаться самопожертвованіемъ; на самомъ же дѣлѣ только тотъ способенъ мечтать о безсмертіи для другихъ, покупаемомъ цѣною смерти многихъ поколѣній, кто и самъ способенъ принять такое бесмертіе. Но безсмертіе безъ воскрешенія невозможно физически, если бы даже оно и было возможно нравственно, оно невозможно безъ воскрешенія также, какъ невозможно быть микрокосмомъ, не умѣя управлять и возсоздать мегакосмъ, или макрокосмъ. Только такіе пассажиры большого парохода могли бы создать себѣ, въ случаѣ нужды въ томъ, каждый свой малый пароходикъ, если бы они были экипажемъ и строителями большаго парохода. Точно также нужно умѣть управлять землею и до извѣстной степени возсоздавать ее изъ того космическаго матеріала, изъ коего она образовалась и, вѣроятно, продолжаетъ строиться, что бы каждый могъ быть независимымъ отъ земли микрокосмомъ, или подобіемъ ея въ маломъ видѣ. Еще менѣе возможно возсозданіе своего организма безъ возстановленія организмовъ своихъ родителей, отъ коихъ человѣкъ произошелъ и кои въ себѣ носитъ. Нравственную же невозможность безсмертія безъ воскрешенія необходимо доказывать только Западу, не считающему измѣну за порокъ. Тотъ не достоинъ жизни и свободы, кто не возвратилъ жизни тѣмъ, отъ коихъ ее получилъ. Итакъ тѣ, которые, отыскивая свободу, и не добровольно, а по неизбѣжной необходимости возстановляютъ жизнь предковъ, не могутъ быть названы дѣйствующими нравственно, полагающими въ основу своего дѣла истинно нравственное начало.

Измѣнивъ въ началѣ Отцу Небесному въ своемъ паденіи, человѣчество совершило цѣлый рядъ измѣнъ. Вторая измѣна состояла въ оставленіи земледѣлія, т. е. праха своихъ предковъ, измѣна роду и племени и устройство города (или юридико-экономическаго общества). Полное выраженіе этой измѣны представляетъ Римъ, составившійся изъ бродягъ, не помнящихъ родства (если исключить патриціевъ), создавшій право. На этомъ корню выросла еще новая измѣна, измѣна Христіанству, выросъ католицизмъ, обратившій законъ благодатный въ законъ юридическій. Но самое полное выраженіе измѣны Христіанству представляетъ Англія, создавшая политическую экономію, въ которой всѣмъ людямъ дѣлается денежная оцѣнка, гдѣ люди трактуются какъ товаръ, цѣнность котораго опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Конечно, самая крайность зла можетъ

вызвать реакцію; если же такая перемѣна не произойдетъ, то для насъ вражда Англіи будетъ величайшимъ благомъ; нужно, чтобы не англичане, но все англійское сдѣлалось для насъ ненавистнымъ; торговая зараза распространяется, люди перестаютъ быть людьми, а обращаются въ купцовъ, продающихъ свои таланты, способности; съ другой стороны общество проникается все болѣе и болѣе ледяными, юридическими отношеніями, отношеніями канцелярскими, чиновничьими ко всякому дѣлу. Если ко всему этому присоединить, что канцелярскій и конторскій порядокъ придаетъ всему обществу чисто механическій характеръ, то не трудно видѣть, что это общество можетъ быть скоро доведено до такого совершенства, при которомъ оно не будетъ нуждаться даже въ умѣ, не говоря уже о чувствѣ или душѣ. Нравственное будетъ замѣнено юридическимъ, экономическимъ и механическимъ, и окончательною судьбою такого общества, общества, построеннаго на идеалѣ Римско-Англійскомъ, будетъ изгнаніе всего священнаго, полная профанація.

«Что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?» отвѣтъ на это далъ поэтъ, можно сказать, всей Европы; въ лицѣ Фауста онъ представилъ человѣка, продающаго свою душу за наслажденіе. Мыслью Фаустъ не удовлетворяется, а крылья ея (т. е. мысли, души) никогда, по его убѣжденію, не могутъ сдѣлаться тѣлесными, вотъ онъ и продалъ душу за наслажденіе. Дѣйствительный Фаустъ, особенно Англійскій, далеко не былъ такъ грандіозенъ, душа была продана имъ за мануфактурныя лишь игрушки... Впрочемъ, въ концѣ концовъ, и Фаустъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ осушить болото и завести на этомъ мѣстѣ фабрику. Тѣмъ не менѣе чудовище, лишенное души, которое не могутъ тронуть никакіе стоны, несущіеся изъ странъ отъ Китая до Болгаріи, имѣетъ что то страшное. Но не страхъ, а какое то безсмысленное благоговѣніе мы питаемъ къ этому идолу. Предъ чѣмъ, однако, мы благоговѣемъ? Не передъ наукою-ли? Но наука, которая имѣетъ цѣлью только знаніе, что такое, какъ не схоластика, а ученые школьники, не думающіе даже о выходѣ изъ школы?!. Кабинетные опыты?! Но не ученическія ли это работы, которыя сами по себѣ никакого значенія не имѣютъ?! Точно также и художники суть только ученики, пробующіе себя на камнѣ или полотнѣ.

Ни въ чемъ, однако, не обнаружилась до такой степени узость воззрѣнія европейца, какъ въ ученіи о нравственности. Нашелся даже ученый, изъ Англичанъ, который прямо высказалъ, что нравственность не развивается. А между тѣмъ, нравственность не только не ограничивается личностями, обществомъ, а должна распространяться на всю природу. Задача человѣка морализировать все естественное, обратить слѣпую, невольную силу природы въ орудіе свободы.

Смерть есть торжество силы слѣпой, не нравственной, всеобщее же воскрешеніе будетъ побѣдою нравственности, будетъ послѣднею высшею степенью, до которой можетъ дойти нравственность. Конечно, не признавая единства религіи и нравственности, догмата и заповѣди, достопочтен-

ный англичанинъ могъ и не замѣтить, какой высоконравственный образецъ данъ намъ въ ученіи о Тріединомъ Богѣ. А какое развитіе подъ вліяніемъ христіанства получаетъ пятая заповѣдь, на которую особенно указываетъ этотъ писатель!! Также и область отвѣтственности расширяется и ограничивается только предѣлами **зла**, и при томъ не одного общественнаго, но и естественнаго, потому что **зло** состоитъ въ отчужденіи человѣка отъ Существа всевѣдущаго, всемогущаго, всеблагого, вслѣдствіе чего человѣкъ и впадаетъ въ невѣжество и въ безсиліе, вслѣдствіе чего природа уже не сознаетъ себя и не управляетъ собою чрезъ человѣка, является разъединеніе міровъ и смѣна поколѣній. Сообразно съ отвѣтственностью распространяется и область **блага**, которое состоитъ въ обращеніи слѣпого, невѣжественнаго, невольнаго, того, что само собою дѣлается, въ сознательное дѣйствіе, т. е. чрезъ возстановленіе угасшихъ человѣкъ собираетъ распавшуюся храмину міровъ и совокупность ихъ дѣлаетъ выраженіемъ единства умовъ и сердецъ всѣхъ поколѣній, чѣмъ и уничтожается грѣхъ, смерть и отчужденіе отъ Существа всеблагого, совершается возвращеніе человѣка къ источнику всякаго блага, ума и воли. Истинная нравственность не должна считать зло неистребимымъ, а благо недоступнымъ.

Самая важная ошибка Запада состояла въ томъ, что онъ все дѣлилъ, отвлекалъ; и что же стало съ религіею по отдѣленіи отъ нея знанія, нравственности, не обратилась ли она въ личное мечтаніе или въ обряды? А что сдѣлалось съ государствомъ, обществомъ, когда оно отдѣлилось отъ церкви, утратило всякое священное значеніе? «Царство Мое не отъ міра сего», т. е. ничего общаго не имѣетъ со зломъ и неправдою; но можетъ ли это значить, что Христосъ далъ благословеніе злу и неправдѣ на отдѣльное, самостоятельное существованіе? Христосъ не давалъ своего благословенія враждѣ, зависти, мщенію, хотя бы они были и справедливы. А что сталось съ нравственностью, когда она была отдѣлена отъ религіи, когда даже право, политика, все юридическое и экономическое заявили свою независимость отъ нравственности, т. е. пожелали быть безнравственными. До какой пошлости была доведена добродѣтель, благодаря всѣмъ этимъ отвлеченіямъ, отдѣленіямъ, что даже художество считаетъ добродѣтель самымъ неблагодарнымъ предметомъ для изображенія. Нравственность, приготовляя добродѣтельныхъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была хранить и зло, какъ сокровище, потому что оно—необходимое условіе существованія добродѣтели; нравственность должна радоваться существованію злыхъ людей, иначе не могла бы существовать великая добродѣтель (?!) правосудіе, которое не мыслимо безъ существованія людей попирающихъ правду. Такая добродѣтель вполнѣ соотвѣтствуетъ заботѣ о личномъ спасеніи, вовсе не безпокоющемся о спасеніи всеобщемъ; но если уже въ этой жизни исключительная забота о личномъ благѣ противна, то какою скаредною она должна представляться, когда переносится въ другую жизнь.

Еще Гоголь говорилъ, что заѣздили **добродѣтельнаго человѣка**; въ настоящее же время можно сказать, что заѣздили вообще **человѣка**, и

пора бы замѣнить это теперь ничего не выражающее слово другимъ и именно словомъ **смертный**, вѣрнѣе **Сынъ человѣческій**, или **сынъ умершихъ отцовъ**, которое указываетъ на характернѣйшее свойство человѣка; и кромѣ того, съ словомъ **человѣкъ** соединяли понятіе о чемъ то гордомъ, тогда какъ со словомъ смертный такого понятія соединить нельзя и оно напоминало бы задачу человѣка—**достиженіе безсмертія**. Точно также и міръ названъ природою по одному лишь своему свойству, рожденію; но онъ имѣетъ и другое свойство смерть, по которому его можно было бы съ такимъ же правомъ назвать словомъ, произведеннымъ не отъ рожденія, а отъ смерти. Называя міръ природою, хотѣли замаскировать другую сторону міра; но иначе и поступить было нельзя, пока не существовало общаго дѣла, состоящаго не въ освобожденіи только отъ смерти, но въ возстановленіи всего угасшаго, въ воскрешеніи.

Слово **смертный** никогда не изъѣздится, если будетъ общее дѣло если человѣчество войдетъ въ это дѣло; слово **смертный** сдѣлается даже **безсмертнымъ**, когда человѣкъ достигнетъ безсмертія, оно останется безсмертнымъ памятникомъ того, что человѣкъ былъ когда-то смертнымъ; воспоминаніе о томъ, что человѣкъ былъ смертнымъ и сдѣлался безсмертнымъ, составитъ его вѣчную славу. Потому то и изъѣздилось, опошлилось слово **человѣкъ** и, въ особенности, **добродѣтельный человѣкъ**, что добродѣтели служили не дѣломъ; если же и приносилась дань добродѣтели, то лишь лицемѣріемъ, поэтому и слова эти, **человѣкъ**, **добродѣтельный человѣкъ** стали противны, какъ лицемѣріе.

Очевидно, наше время требуетъ радикальнаго измѣненія, какъ во взглядахъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ, если и слова, употреблявшіяся прежде для обозначенія самого себя и міра, изъѣздились, опошлѣли; а что слова эти изъѣздились, это видно изъ того, что они дошли уже до насъ, а мы, какъ извѣстно, носимъ только обноски и, кажется, уже доносили ихъ.

Все, здѣсь разсмотрѣнное, суть составныя части внѣхрамовой литургіи, храмъ же есть мѣсто, гдѣ совершаются всѣ таинства братотворенія для исполненія долга къ отцамъ; онъ есть изображеніе того момента, когда говорится: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа, любы Бога Отца и причастіе Святого Духа»..., эта основа всѣхъ литургій. Обыкновенное изображеніе въ выси храма, на внутренней сторонѣ свода Отца—благословляющаго, Духа—исходящаго, въ присутствіи изображенныхъ на стѣнахъ отцовъ—отшедшихъ, получаетъ значеніе дѣйствія и дѣйствія образовательнаго, когда подъ нимъ совершаются различныя таинства по примѣру, по образу Сына Божія и человѣческаго: **крещеніе**, т. е. принятіе въ братство, **мvропомазаніе**, т. е. приготовленіе къ дѣлу служенія, **бракъ**, означающій, что этотъ тѣснѣйшій союзъ двухъ лицъ не выдѣленіе изъ общаго союза, братства, не оставленіе родителей, а служеніе тому же отечеству, ибо бракъ заключается въ видахъ воспитанія новыхъ дѣятелей для отеческаго дѣла, вступленіе же въ бракъ показываетъ, что до окончанія дѣла остается болѣе человѣческаго вѣка (бракъ есть предчувствіе смерти и начало ея).

покаяніе, или раскаяніе предъ Богомъ и всѣми отцами, ибо вина передъ предками еще не искуплена, и, наконецъ, **причащеніе**. Когда совершается причащеніе, когда кровь изъ-подъ Распятаго съ прободеннымъ ребромъ, собранная въ чашѣ, входитъ во всѣхъ и всѣ дѣлаются послѣдователями Христа, одной крови съ Нимъ, тогда новая единокровность связываетъ забывшихъ братство. Такимъ образомъ, храмъ есть форма, въ которой человѣчество принимаетъ видъ братства, чтобы сохранить братство и въ то время, когда человѣчество не будетъ уже болѣе заключено въ этой формѣ (т. е. въ храмѣ).—когда стѣны храма, соотвѣтствующія поясу въ чинѣ братотворенія, станутъ ненужны. Отпустъ есть не конецъ, а начало новой внѣ-храмовой литургіи.

Всѣ эти приготовленія къ исполненію миссіи, состоящей въ возстановленіи образа Божія въ природѣ, представляющей извращеніе этого образа, совершаются въ присутствіи изображеній отшедшихъ, жертвъ этого извращенія естества. Различнымъ образомъ можетъ быть выражено это участіе предковъ въ дѣлѣ потомковъ, въ таинствахъ; напр.: оно можетъ быть выражено вписываніемъ въ свитки (въ рукахъ изображеній умершихъ) новокрещаемыхъ, и тогда метрики получили бы священное значеніе и были бы книгою, открытою для всѣхъ. Такимъ образомъ, все, совершаемое въ храмѣ, совершалось бы съ благословеніемъ Бога Отца и молитвами отецъ нашихъ.

Таинство причащенія, какъ изображеніе погребенія и воскресенія Христа, а съ Нимъ и всѣхъ умершихъ, такой же торжественный моментъ въ суточномъ періодѣ, какъ Пасха въ годовомъ, и онъ отмѣченъ лобызаніемъ иконъ, какъ бы Христосованіемъ, и долженъ бы быть отмѣченъ еще, хотя бы большимъ, напримѣръ, освѣщеніемъ, для напоминанія завѣта, обязанности къ отцамъ дѣйствующаго поколѣнія, для указанія на внѣ-храмовую дѣйствительность.

Если литургія есть строительница храма, то изображеніе умершихъ на стѣнахъ храма есть произведеніе таинства евхаристіи, вспоминающаго умершихъ, представляющаго воскресеніе ихъ, выводящаго ихъ изъ гробовъ, художество же изображаетъ этотъ моментъ. Такимъ образомъ, храмъ есть художественное изображеніе сосуществованія поколѣній (безсмертія), погребеніе же вноситъ въ храмъ внѣхрамовую дѣйствительность.

Внѣхрамовая дѣйствительность, или природа, есть извращеніе образа Божія, во 1-хъ, какъ извращеніе сосуществованія лицъ (безсмертія) въ послѣдовательность, т. е. въ смѣну поколѣній, въ вытѣсненіе младшими старшихъ, или въ поглощеніе послѣдующими предыдущихъ; иначе сказать, это есть смерть или переходъ однихъ существъ въ другія посредствомъ рожденія; извращенная природа подъ видомъ брака и рожденія скрываетъ смерть. Общество гражданское, принимая сторону или партію живущихъ, ставя исключительною цѣлью благо одного поколѣнія, отрекается отъ отцовъ, признаетъ дѣйствительность смерти. Такое общество и есть подобіе слѣпой природы, храмъ же есть возстановленіе прошедшихъ поколѣній,

хотя и художественное только, т. е. воспитательное; храмъ выводитъ изъ себя объединенное общество на внѣхрамовую дѣятельность.

Во 2-хъ, природа, какъ совокупность міровъ, представляетъ извращеніе образа Божія, потому что въ этой совокупности нѣтъ разумнаго единства. Если не отдѣлять человѣка отъ природы, (мнѣніе, отдѣляющее человѣка отъ природы, недавнее и не всеобщее, оно есть порожденіе города), то вина этого извращенія можетъ лежать только на существахъ, сознающихъ въ себѣ разумъ. Отсутствіе разумной дѣятельности въ природѣ выражается въ томъ, что движеніе отдѣльныхъ міровъ, ихъ отдаленіе и сближеніе (паденіе), не регулируется разумно-нравственною волею, точно также какъ не регулируются ею и процессы свѣтовые и другіе, происходящія при этихъ движеніяхъ, и потому міры эти, находясь въ настоящее время на разныхъ стадіяхъ угасанія, подвержены гибели. Во всемъ этомъ разумнаго дѣйствія признать, конечно, нельзя, а нужно признать неисполненіе разумными существами Божественной воли. Если и въ цѣлой совокупности міровъ жизнь можетъ уничтожиться, какъ это полагаютъ, то отъ этого вина разумныхъ существъ не уменьшается. Въ 3-хъ, извращеніе образа Божія въ природѣ выражается и въ томъ, что единство отдѣльныхъ міровъ со всѣми другими мірами даже не сознается, и что міры эти недоступны всѣмъ нашимъ чувствамъ, т. е. намъ недоступны другіе міры, а нашъ міръ недоступенъ обитателямъ иныхъ міровъ, если бы таковые гдѣ либо и были, и это вслѣдствіе отсутствія регуляціи и потому, что разумныя существа не обладаютъ полнотою органовъ, т. е. такимъ знаніемъ метаморфозы вещества, которое давало бы имъ всемірность, послѣдовательное вездѣсущіе.

А между тѣмъ, только такія полноорганныя существа и могутъ составить глубочайшее, нераздѣльное соединеніе равныхъ лицъ; соединеніе же особей-органовъ не можетъ быть обществомъ понимающихъ другъ друга лицъ, а можетъ быть лишь соединеніемъ ненавидящихъ другъ друга существъ, если только они сохранили въ себѣ свойства лица, сохранили въ себѣ задатки или остатки души, т. е. не сдѣлались еще исключительно орудіями; и тѣ, которые играютъ роль ума въ этомъ обществѣ-организмѣ, не могутъ быть довольны орудіями-лицами, если эти послѣднія не вполнѣ утратили личныя свойства. Если-же эти лица-орудія сдѣлались исключительно орудіями, потеряли всякія свойства лица, совершенно перестали быть лицами, то общество, составленное изъ такихъ лицъ-орудій, перестаетъ быть обществомъ, оно обращается въ дѣйствительный организмъ, который обреченъ на одиночество; и тотъ, кто совершитъ такое превращеніе общества въ свой организмъ, докажетъ этимъ, что онъ предпочитаетъ одиночество общенію.

Такимъ образомъ ничего нѣтъ противоположнѣе одно другому, какъ общество и организмъ. Хотя наши общества несомнѣнно есть нѣкоторое подобіе организму, но и они на столько подобны организму, на сколько держатся насиліемъ и выгодами; на сколько же въ этихъ обществахъ за-

ключается дѣйствительно нравственнаго, душевнаго, на столько они и въ настоящее время не подобны организму. Если мы не принимаемъ Единаго Бога въ Трехъ лицахъ, то это именно потому, что другихъ связей, кромѣ насилія и выгодъ, не признаемъ.

Отсутствіе регуляціи, недостатокъ способности полно-органности, или способности создавать себѣ всякаго рода органы, т. е. совершеннѣйшій организмъ, и производитъ вмѣсто **сосуществованія** личностей ихъ **послѣдовательность** или эфемерность, смертность. При сосуществованіи, при полноорганности личности безсмертны, а послѣдовательность является свободнымъ дѣйствіемъ личностей, перемѣною формъ, путешествіемъ, такъ сказать, при коемъ мѣняются органы, какъ экипажи, одежды (т. е. время не будетъ имѣть вліяніе на личности, оно будетъ ихъ дѣйствіемъ, дѣятельностью); единство же личностей будетъ проявляться въ согласномъ ихъ дѣйствіи на весь міръ, въ регуляціи и безконечномъ творчествѣ.

Не пользуется ли земля печальнымъ преимуществомъ только понять во всей силѣ, а не искоренить зло, и не потому ли оно достигло на землѣ высшей степени?! Земля, это уединенный островъ, уединенный потому, что сознаніе не раскрыло и не установило разумной связи между нимъ и тѣмъ міромъ, отъ котораго онъ произошелъ и котораго онъ составляетъ обломокъ, или большихъ, относительно, размѣровъ пузырекъ съ отвердѣвшею оболочкою, о внутреннемъ содержаніи и состояніи котораго разумные обитатели этого міра точно не знаютъ, но чувствуютъ, что внутренняя сила въ землетрясеніяхъ, изверженіяхъ, стремится какъ бы прорвать эту оболочку и, слѣдовательно, требуетъ регуляціи; точно также требуютъ регуляціи и воздушные слои, токи, которые, воспринимая силы солнца, проявляются въ ураганахъ, ливняхъ, грозахъ. Отвѣтственный же житель этого міра, хотя и хорошо знаетъ непрочность своего жилища, хотя и наказывается разными невзгодами, бѣдствіями, недостатками, но о регуляціи теллуро-метеорической не заботится, а остается въ полномъ подчиненіи средѣ.

Человѣкъ не пріобрѣлъ себѣ полноты органовъ (недостатокъ необходимыхъ органовъ могъ служить для развитія мысли, для самоуглубленія, но не для того, чтобы всегда оставаться при одной мысли; недостатокъ органовъ могъ быть полезенъ только временно) даже относительно земли и потому органическій міръ, который долженъ-бы быть органами человѣка, превратился въ особое самостоятельное царство; органическій міръ, это органы, превратившіеся въ особыя существа, увѣковѣчиваемыя въ этомъ ненормальномъ состояніи рожденіемъ; это органы или способы, средства, коими существа чувствующія, сознающія смертность, могли бы возсоздать изъ разрушеннаго животнаго вещества, (а также строить непосредственно изъ неорганическаго вещества), свои организмы, скоплять запасы солнечной силы, и они то, эти органы, превратились въ особыя существа, составляющія самостоятельное царство. Странное явленіе членовъ, живущихъ самостоятельно, даже получившихъ способность увѣковѣчивать свое цар-

ство, создавая себѣ подобныхъ! Человѣкъ беретъ дань съ этого царства, безъ коего и жить, понятно, не можетъ, но не владѣетъ имъ; человѣкъ только грабитъ нѣкоторыя области этого царства, а съ другими борется, какъ съ равными вмѣсто того, чтобы вносить въ это царство свѣтъ сознанія.

Животное царство, это особыя орудія, органы, получившіе нѣкоторое сознаніе; но это сознаніе осуждено состоять при одномъ или нѣсколькихъ преобладающихъ орудіяхъ—органахъ, сознаніе въ животномъ царствѣ не создаетъ орудій или органовъ, не совершенствуетъ ихъ, а само вполнѣ подчинено имъ. (По этимъ то преобладающимъ органамъ животное царство и представляется каррикатурою, пародіею на разумныя существа). Усовершенствованіе въ животномъ царствѣ производится не разумнымъ путемъ, случайности увѣковѣчиваются путемъ наслѣдственности (но разумно ли ждать такого усовершенствованія для разумнаго существа?!), жизнь этихъ существъ-органовъ состоитъ не въ расширеніи сознанія и дѣйствія, а въ размноженіи, въ увѣковѣчиваніи этого несовершеннаго, искалѣченнаго существованія; и такимъ путемъ эти существа превратились въ касты плавающихъ, летающихъ, пресмыкающихся, хищничествующихъ и проч. Сознаніе у этихъ существъ безсильно и даже не пытается руководить, управлять инстинктомъ размноженія, и потому то размноженіе, смѣясь, такъ сказать, надъ разумомъ, расширяется; и само, можно сказать, превращается въ особое существованіе въ бактеріяхъ, трихинахъ и т. п., проникаетъ всѣ поры вещества, живетъ на другихъ существахъ, вселяется внутрь ихъ ..

Размноженіе вызываетъ взаимное истребленіе существъ и увлекло на тотъ же путь, на путь истребленія, и человѣка, и разумное существо подчинилось тому же стремленію, сдѣлалось истребителемъ и даже способствовало размноженію иныхъ существъ, необходимыхъ для его питанія. По этому тѣ, которые восклицаютъ,—«неужели Господь оставилъ всѣ остальные міры безъ обитателей?!»,—сожалѣютъ, слѣдовательно, о томъ, что эта неразумная родотворная сила не была перенесена и въ другіе міры; даже человѣкъ, единственно разумное существо на землѣ, и тотъ остается еще рабомъ этой родотворной силы. Такое состояніе есть результатъ **недѣятельности** разума и служитъ ему глубокимъ укоромъ, потому что родотворная сила есть только извращеніе той силы жизни, которая могла бы быть употреблена на возстановленіе, или воскрешеніе, жизни разумныхъ существъ.

Живая сила, ограниченная предѣлами земли, могла проявиться только въ размноженіи, въ обособленіи органовъ, т. е. въ превращеніи ихъ въ особи, и въ полномъ подчиненіи средѣ; эквивалентное же замѣщеніе ихъ можетъ выразиться въ регуляціи, въ воскрешеніи въ полно-органности, т. е. въ полномъ подчиненіи органовъ личностямъ, въ господствѣ сознанія, дающаго, вырабатывающаго себѣ органы.

Извращеніе міра въ природу въ 4-хъ вышеисчисленныхъ свойствахъ, (1 е, послѣдовательность вмѣсто сосуществованія, 2-е, —распаденіе или от-

сутствіе регуляціи, 3-е, личности, обратившіяся въ орудія, и органы, обратившіеся въ особи, и 4-е, общество по типу организма вмѣсто общества полно-органныхъ существъ), извращеніе въ слѣпую силу (все равно дошелъ ли міръ до настоящаго его состоянія путемъ извращенія или же онъ такимъ былъ изначала) есть, во всякомъ случаѣ, не безконечное явленіе, ибо кромѣ слѣпой силы существуетъ и разумная, хотя бы и на одной только землѣ, и между человѣкомъ и природою нѣтъ противоположности, разъединеніе же ихъ временно, а потому устраненіе этого извращенія, возстановленіе жертвъ этого извращенія—**задача человѣка, смертнаго, сына умершихъ отцовъ.**

Примѣчанія.

1-е Можно согласиться, что 4-е Евангеліе есть богословскій трактатъ въ формѣ діалоговъ и событій, имѣющихъ цѣлью развить ученіе о воскрешеніи (возрожденіи), о воскрешеніи не духовномъ только, но и тѣлесномъ; вѣрнѣе же было бы сказать, что все Евангеліе Іоанна есть описаніе литургіи, потому-то, надо полагать, въ немъ и нѣтъ описанія установленія Евхаристіи; — такъ по Евангелію Іоанна Христосъ съ самаго начала является въ міръ, какъ агнецъ Божій, (о чемъ и свидѣтельствуетъ Іоаннъ Креститель), очищаетъ храмъ отъ торговцевъ, изгоняя жертвенныхъ животныхъ, называетъ себя хлѣбомъ, сходящимъ съ небеси, хлѣбомъ животнымъ, т. е. дающимъ жизнь, «сей есть хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, его же азъ дамъ, плоть моя есть» (Іоаннъ VI, 51) и проч. Но въ этой литургіи нѣтъ отпуста, нѣтъ конца, нѣтъ вознесенія, а даже поощряется продолженіе безконечнаго Еванелія [«Суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще-бы по единому писана быша, ни самому, мню, (всему) міру вмѣстити пишемыхъ книгъ» (Іоаннъ XXI, 25)].

2-е Когда солнце достигало лѣтняго «крѣса», вся славянская, литовская (отчасти и нѣмецкая) земли покрывались крѣсами, т. е. кострами; межславянскія Карпаты, Судеты и проч. иллюминовались такими же крѣсами; это былъ праздникъ крѣсинъ, праздникъ высшаго проявленія силы солнца, силы оживленія, крѣсенія. — Праздникъ Крѣсинъ до такой степени естественный, что едва ли былъ народъ, умѣющій высѣкать огонь, который не праздновалъ бы этихъ дней, такъ что въ дни праздника крѣсинъ все наше полушаріе было иллюминовано, т. е. дѣлалось подобіемъ солнца, насколько въ человѣкѣ было на это умѣнія и силы. Въ религіи славянъ,— т. е. въ той, которая считается самой низшею изъ всѣхъ культовъ арійскихъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самою древнею,— крѣсины, надо полагать, были праздникъ праздникамъ. Высшимъ же изъ этихъ культовъ былъ Зендскій, который воскрешеніе называлъ **„Фрашо керете“**, т. е. прекраснымъ, добрымъ дѣломъ. Но и у славянъ крѣсъ,— откуда произошло крѣсеніе, оживленіе, имѣлъ значеніе конца, т. е. цѣли, такъ что крѣсеніе

было **конечною цѣлью**. Крѣсеніемъ же назывались самыя разнообразныя дѣйствія. Кромѣ черченія и даже рисованія (въ польскомъ—кресленіе), оно означало «обрубать, отесать» (kresati камениево, drewo), вообще давать форму, видъ. На этомъ дѣйствіи, крѣсеніи, высѣканіи огня, основывалась и догматика славянъ, особенно восточныхъ, сохраненная народомъ. «Ударилъ Господь кремень о кремень, посыпались ангелы, архангелы, словомъ вся сила небесная». Въ человѣкѣ душа, что въ кремнѣ огонь. Душу славяне представляли искрою, возженною Перуномъ, богомъ грома. Высѣкая огонь, человѣкъ видѣлъ въ искрѣ подобіе молонія, а разводя костеръ, творилъ подобіе солнца, потому, вѣроятно, Парьяніа (Parjanya), громовержецъ, Перунъ, Перкунъ, сталъ выше Урана, выше солнца, дневного неба или Дажбога, выше его отца-Сварога Парьянія поражаетъ своими перунами демоновъ съ такою силою, что кровь изъ ихъ ранъ течетъ рѣками (дождями). Христіанство могло побѣдить Перуна, только замѣнивъ его Ильею. Воплощеніемъ этого пророка былъ Илья Муромецъ. Культъ Агни тоже не исчезъ, а вошелъ въ христіанское богослуженіе въ видѣ сожиганія масла, воска.

Вышеизложеннымъ не ограничивалась однако «бѣдная» религія славянъ. «Присѣдя Янтарному морю», славяне видѣли въ этомъ студеномъ морѣ островъ Буянъ, островъ огня, а на томъ островѣ бѣлъ-горючъ камень, алатырь (электронъ). А въ этомъ камнѣ, отцѣ всѣхъ камней,—Провидѣніе, можно сказать, благоволило открыть человѣку ту силу, которая заставляла чтить Перуновъ, Зевсовъ, Юпитеровъ. Потрите янтарь и частички бумаги, лежавшія близъ него неподвижно, какъ мертвые, точно слышатъ голосъ отца камней, приходятъ въ движеніе, въ нихъ пробуждается стремленіе.. Для тѣхъ, которые сознаютъ себя смертными, т. е. чувствуютъ утраты, такой опытъ будетъ новымъ образомъ воскрешенія. Если искры, высѣкаемыя изъ мертваго камня, возбудили въ человѣкѣ надежду на оживленіе, то что должно было возбудитъ въ нихъ открытіе свойства алатыря, янтаря?.. Впрочемъ, славяне, живущіе подлѣ моря, выбрасывающаго янтарь, приписывая янтарю много чудесныхъ свойствъ, повидимому не знали его свойствъ естественныхъ. Даже то сословіе, сословіе смердовъ (смертныхъ?), которое подъ страхомъ голодной смерти должно было вникать въ существо силы, отъ которой зависѣло существованіе его, а съ нимъ и его предковъ, (ибо оно вѣрило, что существованіе его предковъ зависитъ отъ жертвъ имъ приносимыхъ), и это сословіе не могло открыть то общее, которое заключается между явленіями, вызываемыми въ янтарѣ, и явленіями грома и молніи; не могло оно сдѣлать этого открытія потому, что было отвлечено отъ дѣла, которое должно привести къ этому открытію, для борьбы съ кочевниками. Когда же борьба съ степными чудищами кончится, тогда настанетъ время обратиться отъ борьбы и героическаго эпоса къ космическому дѣлу.

Крѣсеніе имѣло на столько важное значеніе въ жизни славянъ, что дѣлалось предметомъ размышленія;—иначе, какъ объяснить появленіе та-

кихъ собственныхъ именъ, какъ Крѣсомыслъ (или просто Крѣсина, Крѣсиславъ). Конечно, нельзя допустить, чтобы у тогдашнихъ Славянъ были спеціалисты-мыслители, но можно предположить, что были люди, преданные всею мыслью тому дѣйствію, въ которомъ, какъ въ возжиганіи огня, крѣсеніи, предполагалась сила оживляющая, составлявшая существенное религіозное дѣйствіе, жертвоприношеніе; можно предположить, что были люди преданные всею мыслью этому дѣйствію, религіи (Крѣсомыслъ, какъ Гостомыслъ). Не въ личныхъ только именахъ, но и въ названіяхъ урочищъ и населенныхъ мѣстъ могутъ оказаться слѣды крѣшенія. Греческое слово «анастасисъ», имѣющее отвлеченный смыслъ «востаніе», у насъ при принятіи христіанства переведено словомъ **воскресеніе**; производилось это послѣднее слово и отъ «крестъ» и отъ «крещеніе», но тогда же найденъ былъ и истинный его корень — «крѣсъ».

3-е Новѣйшія краніологическо-лингвистическія изслѣдованія открываютъ еще болѣе древнее родство между Арійскою и Финно-Мадьярскою (Чудскою) группами (длинноголовые); впрочемъ, нынѣшніе Мадьяры принадлежатъ къ брахикефаламъ, какъ Туранское племя. Съ другой стороны открывается родственная связь между Алтайскою (т. е. Татаро-Монголькою и Манджу-Тунгузско-Самоѣдскою) и Семито-Африканскою группами (короткоголовые). Это раздѣленіе человѣческаго рода на два племени (на длинно-и коротко-головыхъ) можно привести въ связь съ двумя формами антихристіанства, исключительнымъ единствомъ и крайнимъ сепаратизмомъ.

4-е Исторія Памира есть исторія пратріархальнаго родового быта, для котораго родство составляетъ высшую, идеальную, проективную форму; исторія Памира, для которой пока нѣтъ источниковъ, не политическая исторія, не гражданская, не исторія цивилизаціи, она есть исторія распаденія, небратства, изучаемое въ его причинахъ, но такое изученіе небратства есть вмѣстѣ изысканіе средствъ къ возстановленію родства.

5-е Индустріальное направленіе XIX вѣка требуетъ замѣны языковъ —школы языками — торговли; и если языки—школы, классическіе, можно назвать мертвыми, то языки, на которыхъ говоритъ бездушная торговля, никакъ нельзя назвать живыми. Эти языки, между коими Англійскій занимаетъ первое мѣсто, какъ самый мертвый, имѣютъ столько же права на названіе живыхъ, сколько деизмъ на названіе естественной, народной, т. е. живой религіи. Слова утратили смыслъ, потому что и народы, говорящіе ими, забыли о своемъ происхожденіи, родствѣ. Упрощенный, безжизненный, синтаксическій механизмъ замѣняетъ живой народный складъ рѣчи. Писать нужно также, какъ и говорятъ, т. е. и изъ письма исчезаютъ, изгоняются признаки родства. Очевидно, что это языки блудныхъ сыновъ.— Нужно изучать праотеческій языкъ, чтобы говорить однимъ братскимъ языкомъ; нужно обратиться отъ такъ называемыхъ живыхъ языковъ къ мертвымъ языкамъ, даже къ самымъ древнѣйшимъ мертвымъ языкамъ, каковы Санскритъ, Зендскій языкъ, и т. п., чтобы слова, которыми мы говоримъ, оживились, стали бы понятными. Открытіе общихъ корней всѣхъ

языковъ Арійской семьи мы имѣемъ полное право назвать **филологическимъ воскресеніемъ.** Этотъ свѣтъ, идущій съ Дальняго Востока, возсіялъ для насъ изъ гроба, ибо обходныя движенія, морское и сухопутное, привели насъ къ Памиру, въ Памирѣ же даже наука, лишенная отеческаго чувства, признала могилу предковъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что и филологическое воскресеніе, какъ и обходныя движенія, приведшія къ Памиру, совершалось и до сихъ еще поръ совершается безсознательно и невольно.

6-е Испытывая постоянно, до начала предпослѣдняго вѣка, а по окраинамъ и до настоящаго времени, то, что Европа испытывала только въ V-мъ вѣкѣ,—мы возложили все упованіе на Непреоборимую Стѣну, на Взбранную Воеводу-Свободительницу отъ всѣхъ бѣдъ;—множество явленныхъ иконъ Богоматери несомнѣнно свидѣтельствуетъ о множествѣ перенесенныхъ нами бѣдъ и скорбей. Кремль имѣетъ необходимо два храма: храмъ подателю побѣдъ (Михаилу Архангелу, Георгію Побѣдоносцу) и храмъ, въ которомъ оплакиваются жертвы войны; ибо въ военныя эпохи наибольшая смертность падаетъ на молодой возрастъ, способный носить оружіе. Мужество есть высшая добродѣтель этого времени, премудрость же занимаетъ второстепенное мѣсто.

7-е Нынѣшняя наука понимаетъ, повидимому, патріотизмъ въ смыслѣ сепаратизма. Ей какъ будто неизвѣстно, что **человѣчество** есть также **отечество.**

8-е Два типа общества,—общество по типу организма и общество по образу Тріединаго Бога. Образцы для перваго типа берутся изъ слѣпой безсознательной природы, изъ животнаго царства и съ самого человѣка, насколько онъ остается животнымъ. Источникомъ второго типа служитъ именно то, что въ человѣкѣ противоположно животному, то, чѣмъ онъ отличается отъ сего послѣдняго. Зоологическія теоріи, прилагаемыя къ жизни человѣческой, къ исторіи, будетъ ли это теорія типовъ Кювье или же теорія происхожденія видовъ Дарвина, имѣютъ ту общую черту, что онѣ одинаково равнодушны къ отношеніямъ, въ которыя по этимъ воззрѣніямъ ставятся люди, - равнодушны къ положенію людей, осужденныхъ по теоріи организма исполнять, напримѣръ, роль какого либо орудія. Общество по типу организма есть общество, устрояемое, можно сказать, по типу смертной личности; другой же типъ общества устрояется по образцу безсмертныхъ личностей. Государство, переходящее отъ родовой сельской жизни въ городскую, секуляризованную, отдаетъ предпочтеніе временному благосостоянію предъ безсмерною жизнію. Городская воинская повинность можетъ продлить существованіе, защищая его отъ гибели, которая грозитъ отъ себѣ подобныхъ, но она не избавляетъ его отъ неизбѣжнаго паденія, смерти. Сельская же воинская повинность, обращенная на борьбу съ слѣпою силою, на регуляцію, т. е. на управленіе слѣпыми силами природы, несущими теперь, когда ими не управляетъ сила разумная, голодъ, язвы и смерть, сельская воинская повинность есть радикаль-

ное средство противъ смерти, а вмѣстѣ она сохраняетъ и укрѣпляетъ въ народѣ тѣ свойства (мужество, умѣренность и т. п.), утрата коихъ ведетъ къ неизбѣжному паденію. Только въ государствахъ, устрояемыхъ по послѣднему типу, по образу безсмертныхъ личностей, и возможна узѣренность въ воскрешеніи и безсмертіи.

9-е При такой экспатріаціи Англія не въ правѣ требовать отъ всѣхъ и защиты отечества, т. е. всеобщей обязательной воинской повинности; ибо всеобщая воинская повинность требуетъ и всеобщей помѣстной системы. Море, окружая, защищая Англію отъ внѣшнихъ нашествій, оказало ей плохую услугу, ибо благодаря такой естественной защитѣ, тому, что считалось наибольшимъ ея преимуществомъ, Англія могла совершить великое преступленіе противъ отечества, т. е. экспатріацію, которая есть необходимое условіе развитія фабричной промышленности и всемірной торговли, этого небратскаго дѣла.

10-е Мы говоримъ долгъ «требуетъ отъ Россіи, т. е. отъ насъ», потому что исполненіе нижеозначенныхъ обязанностей зависитъ отъ того, насколько каждый солдатъ и матросъ будетъ проникнутъ этими требованіями, а они будутъ ими проникнуты на столько, на сколько эти обязанности будутъ всеобщимъ духомъ всѣхъ, духомъ великодушія, безкорыстія.

11-е Палестина учила насъ быть **сынами человѣческими**; и мы, сыны человѣческіе, стремясь къ освобожденію Палестины, пришли къ Памиру, могилѣ отцовъ, и здѣсь узнали, что Византія безъ Памира тоже, что мысль безъ дѣла. Если бы наука обладала чувствомъ, то она услышала бы въ Памирской пустынѣ голосъ Бога отцовъ нашихъ Адама, Ноя, отцовъ живыхъ для Бога, мертвыхъ для насъ; для насъ мертвыхъ потому, что въ насъ нѣтъ еще подобія Божія. Здѣсь и долженъ бы начаться поворотъ отъ долга отвлеченнаго къ повинности сыновней, утоляющей международную вражду; а между тѣмъ при всякомъ новомъ шагѣ нашемъ къ Памиру возбуждается противъ насъ вопросъ Восточный, Константинопольскій (а нынѣ, не можемъ не добавить отъ себя, возбужденъ и вопросъ Востока дальняго, подняты противъ насъ японцы, поднимутся, вѣроятно и Китайцы) (*) И не изъ опасенія за Памирскую отчину, а страхъ за богатства Индіи возбуждаетъ при этомъ вражду противъ насъ Англичанъ. То, что вначалѣ было Эдемомъ, стало Памиромъ, ибо Памиръ есть запустѣвшее мѣсто не по причинамъ лишь историческимъ, но по причинамъ и естественнымъ. Памиръ дѣлается болѣе и болѣе пустынею. Средства, которыми до сихъ поръ располагалъ человѣкъ, не въ состояніи предотвратить этого запустѣнія, высыханія рѣкъ и озеръ. Если Россія своею азіатскою частью обращена къ Сѣверу и не имѣетъ другихъ враговъ, кромѣ гигантскихъ льдинъ и полярнаго холода, то и въ другой, Европейской части,— обращенной къ югу, она имѣетъ главнаго врага не въ Туранцахъ, ни даже въ Англичанахъ, а въ той опустошающей силѣ, которая дѣлаетъ ее болѣе и болѣе пустынею, засыпая песками губернію Астраханскую, Землю Вой-

(*) Писано въ 1897 году!

ска Донского, губернію Воронежскую, подвигаясь все дальше и дальше въ глубь Россіи. Въ преданіи о Джемшидѣ и о выселеніи Зендовъ съ Памира отъ усиленія холода, можно видѣть начало того геологическаго періода, который въ настоящее время достигъ уже значительной степени силы. Въ борьбѣ съ этою опустошающею, пустынерождающею силою Туранъ и Иранъ изъ враговъ сдѣлаются, должны сдѣлаться союзниками, чтобы не погибнуть тому и другому.

12-е Если самоубійства и указываютъ, повидимому, на необходимость новой заповѣди, **заповѣди о любви къ самому себѣ**, это еще не значитъ, чтобы такая заповѣдь дѣйствительно могла быть установлена, внесена, и дѣйствительно могла бы имѣть какое либо дѣйствіе. Ни приказанія, ни какія либо приманки не въ силахъ привязать къ жизни;— только смыслъ жизни, великая цѣль, **всеобъемлющее дѣло** можетъ заставить дорожить жизнью; а такое дѣло будетъ найдено только тогда, когда сердца сыновъ обратятся къ отцамъ, т. е. когда возстановится пятая заповѣдь.

13-е Такъ какъ наступающій періодъ будетъ эпохою не **слова** только, а по преимуществу **дѣла**, то можно надѣяться, что человѣчество доведетъ до совершенства телеграфный слогъ и стенографное письмо, и тѣмъ облегчитъ запись. Изобрѣтеніе письма тогда только получитъ окончательный смыслъ, достигнетъ цѣли, когда письмо будетъ полною регистраціею всѣхъ ощущеній, переживаемыхъ человѣчествомъ; само собою разумѣется, что задача человѣчества не ограничивается одною регистраціею,—быть регистраторомъ хотя бы и всемірнымъ не можетъ быть цѣлью человѣчества. —такой бюрократическій идеалъ не удовлетворитъ никого. Правда, основатель позитивизма, признававшій смерть переходомъ изъ объективной жизни въ субъективную, вмѣсто проективной (изъ дѣйствительной, слѣдовательно, въ мнимую), видимо довольствовался одною регистратурою (жизнью въ памяти);—но что такое позитивизмъ, какъ не философія человѣка, который все великое призналъ мечтою, отказался отъ всякихъ идеаловъ, сдѣлался человѣкомъ положительнымъ, примирившимся со всякимъ зломъ,— чего можно ожидать отъ мысли, если мысль только сознаніе жизни, а въ жизни первая роль отведена банкиру?

14-е Къ выраженію: «по словамъ одного нашего археолога», сдѣлано такое замѣчаніе: избѣгая вообще называть имена, мы этимъ самымъ принимаемъ на себя обязанность не называть и собственнаго; если бы мы вздумали назвать свое имя, это было бы чистѣйшимъ плагеатомъ. Въ настоящее время считается предосудительнымъ приписываніе какого-либо произведенія авторитетному лицу, которое въ немъ **видимо** не участвовало; но еще несравненно предосудительнѣе приписывать произведеніе **себѣ**, одному лицу, тогда какъ оно, очевидно, результатъ множества предшествовавшихъ трудовъ; предосудительнѣе же и этого разыскивать лицо, чтобы по немъ судить о произведеніи, тогда какъ судить нужно лишь произведеніе, и по произведенію возстановлять лицо автора, которое тогда только и явится предъ нами въ истинной его сущности, которая поможетъ разо-

браться и въ тѣхъ противорѣчіяхъ, на которыя возможно натолкнуться въ жизни автора. Тѣмъ менѣе необходимо знать автора настоящаго произведенія, такъ какъ оно не м. б. названо ни ученымъ, ни литературнымъ произведеніемъ, потому что оно есть только призывъ къ дѣлу; по дѣлу, къ которому призываетъ авторъ, и нужно судить его.

15-е Названіе миѳологическаго вмѣсто миѳо- (или мито-) ургическаго есть философо-морфизмъ, превращающій первобытныхъ людей въ мыслителей, создающій ихъ по своему образу и подобію, а не такими, какими они были и могли быть въ дѣйствительности. Вообще, для народа существуетъ только **ургія**, т. е. **дѣло**, а не **логія**; а если и сушествуетъ для народа **логія**, то лишь какъ проектъ, **логія** въ смыслѣ проекта. Для народа нѣтъ двухъ разумовъ, какъ для философовъ, теоретическій и практическій, одинъ другому противорѣчащіе, другъ друга исключающіе, для народа теоретическій разумъ указываетъ на то, что должно быть приведено въ дѣйствіе, исполнено, осуществлено въ дѣйствительности.

САМОДЕРЖАВІЕ.

а) «Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула».

Статья о царскомъ титулѣ, помѣщенная въ 5-мъ выпускѣ «Русскаго Архива», за 1895 годъ, наводитъ на многія размышленія.

«Титулъ царскій заключаетъ въ себѣ сокращенно всю этнографію, всю географію и всю исторію не только русскую, но и включаетъ въ себя болѣе и болѣе всемірную [1]). Смыслъ или философія этой всемірной исторіи можетъ быть выраженъ однимъ словомъ: **умиротвореніе** или **собираніе земель и народовъ**, собираніе продолжающееся и еще неоконченное ни по внѣшнему пространству, ни по внутреннему содержанію или глубинѣ, т. е. нѣтъ еще ни полнаго собиранія, ни совершеннаго умиротворенія. Самодержецъ, царь, обладатель, повелитель, всѣ эти наименованія, заключающіяся въ титулѣ, сливаются и завершаются въ одномъ словѣ: **миротворецъ**.

Титулъ царскій прочитывается, по древнему обычаю, въ храмѣ собиранія русской земли, Успенскомъ соборѣ [2]) и въ областныхъ соборахъ наканунѣ рождества І. Христа, пришедшаго водворить миръ на всей землѣ. И это ежегодное чтеніе указываетъ и напоминаетъ, что царь, расширяя, увеличивая титулъ, является исполнителемъ Его (Христа-Бога) святой воли, чтобы на землѣ былъ миръ. Потому-то и увеличеніе титула и расширеніе области мира, а съ нимъ и царства знанія, вѣдѣнія, не прекращается, не останавливается. Въ 1828 г. внесена въ титулъ Армянская область,—Урарту-Ассирійскихъ лѣтописей,—которая, по новѣйшимъ открытіямъ, русскими учеными совершеннымъ, играла очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ судьбахъ народа Божія, отвлекая силы Ассиріанъ на сѣверъ,—она (Урарту—Арменія) замедляла паденіе царства Израильскаго, а вступая въ союзъ съ Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и приблизила явленіе царства Божія, царства мира, царства Христова. Санъ-Стефанскій договоръ дѣлалъ царя русскаго обладателемъ верхней до-

[1]) Самый первый политическій актъ нашей исторіи: призывъ **Славянами и Финнами Нѣмцевъ,** заключаетъ въ себѣ уже что-то международное, а первый актъ нашей духовной жизни открывается соборомъ представителей всѣхъ религій Запада и ближняго Востока, Евреевъ, Магометанъ, Католиковъ, и Грековъ; потому-то и наша исторія была отъ начала всемірна.

[2]) Въ Московскій Успенскій соборъ переносились, какъ извѣстно, иконы и даже иконостасы изъ присоединенныхъ городовъ.

лины Евфрата и, можетъ быть, обладаніе этими мѣстами предупредило бы кровопролитія въ турецкой Арменіи, если бы С.-Стефанскій договоръ не былъ замѣненъ берлинскимъ, поставившимъ Арменію и внѣ знанія, и внѣ мира, т. е. закрывъ ее для изслѣдованія и предавъ раззоренію и кровопролитію.

Царь Туркестанскій, т. е. царь или побѣдитель надъ преемниками **Туранскаго** Афрасіаба (противника мирныхъ царей **Иранскихъ**, нашихъ предшественниковъ въ борьбѣ или, вѣрнѣе въ защитѣ отъ степныхъ кочевниковъ), царь туркестанскій, этотъ новый титулъ царя русскаго, еще не есть послѣднее слово титула.

Недавно заключенная конвенція съ Англіею уже указываетъ на новый титулъ, титулъ царя сѣвернаго Памира. А какое глубокое значеніе имѣетъ новое присоединеніе, если подъ Памиромъ, согласно съ древнѣйшими народными преданіями (не опровергнутыми окончательно, но и не подтвержденными еще учеными изслѣдованіями) разумѣть прародину Арійскаго племени и могилу предковъ всѣхъ арійскихъ, а можетъ быть и не арійскихъ народовъ. Тогда царь нашъ становится въ **отца или праотца мѣсто** не одного племени славянъ, т. е. его долгъ смотрѣть и на другіе народы, какъ на не—чуждые себѣ, какъ и смотрѣлъ царь-миротворецъ (Александръ III).

Не русскимъ ли вмѣстѣ съ англичанами предлежитъ изслѣдованіе въ археологическо-историческомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ священнаго Памира, библейскаго Эдема, и не въ видѣ лишь временныхъ экспедицій, но и въ видѣ постоянной англо-русской обсерваторіи, наблюдающей землю и небо въ изумительно-прозрачномъ воздухѣ Памира?

Но прежде чѣмъ стать царемъ всего Памира, нужно преемнику князей владимирскихъ и московскихъ стать царемъ Каракорума, развалины котораго недавно открыты русскими учеными, и возстановить эту столицу Чингиза и его наслѣдниковъ въ возмездіе за разореніе ими городовъ русскихъ и не русскихъ и для поминовенія странствовавшихъ туда князей русскихъ (Александра Невскаго).

Внѣшнему выраженію царскаго титула (предполагаемой ли процессіи, или, что гораздо проще, лицевому изображенію на наружныхъ стѣнахъ одного изъ музеевъ московскихъ, или, что еще лучше, изображенію на стѣнахъ Кремля, роспись которыхъ предлагалась въ Русскомъ же Архивѣ), этому внѣшнему выраженію царскаго титула нужно придать нравственное значеніе, а не выраженіе грозной силы, обнявшей шестую часть міра и грозящей остальнымъ пяти частямъ. Народы, когда-то вооруженные съ головы до ногъ, каковы татары, даже мордва, ногаи, башкиры, чеченцы, лезгинцы, узбеки и еще недавно страшные туркмены, являются безоружными. Эта безоружность бывшихъ всеоружными есть фактъ, котораго не могутъ опровергнуть наши Европейскіе враги, снабжавшіе оружіемъ Кавказъ и Туркестанъ. Эту-то картину мирнаго разоруженія или умиротворенія и нужно представить на наружныхъ стѣнахъ музея, оставивъ стѣны Кремля для чего-либо еще болѣе высшаго. (Замѣна вооруженнаго татари-

на татариномъ, торгующимъ мыломъ, есть конечно начало умиротворенія, но далеко не полное). На стѣнахъ Кремля должна быть представлена замѣна военнаго оружія другимъ оружіемъ, избавляющимъ родъ человѣческій отъ бѣдъ, производимыхъ слѣпою силой, чтобы оно было видимо всѣми, воспитывало бы для мира народъ, призванный подъ видомъ воинской повинности къ разрѣшенію міроваго вопроса. Подъ каждымъ словомъ титула кроется и земля или народъ, и имя царя, который присоединилъ эту землю, или пріобщилъ этотъ народъ къ сонму другихъ народовъ, уже соединенныхъ. Гербъ второго Рима, принятый третьимъ Римомъ и носящій на себѣ гербы всѣхъ княжествъ, земель и царствъ, жившихъ прежде въ непрерывной войнѣ и нашедшихъ себѣ миръ подъ распростертыми крыльями орла, собравшаго ихъ, какъ кокошъ собираетъ птенцы своя, этотъ-то, такъ сказать, многоединый гербъ и можетъ послужить исходнымъ пунктомъ художнику. Княжества, земли, царства могутъ быть представлены и подъ видомъ тѣхъ народовъ, которые обитаютъ въ нихъ, а также подъ видомъ тѣхъ князей, царей и императоровъ, которые присоединяли ихъ, собирали въ общую единую силу, такъ что роспись представитъ рядъ собирателей, лицевую генеалогію, степенную книгу или же титулъ царскій въ лицахъ, начиная отъ владимирскаго или московскаго до Туркестанскаго, уже принятаго, и памирскаго, ожидающаго еще принятія.

Итакъ, титулъ царскій можетъ быть изображенъ тремя способами (этнографическимъ, историческимъ и географическимъ) въ отдѣльности, или всѣми ими въ совокупности.

Роспись невольно возбуждаетъ вопросъ, для чего нужно это собираніе, это совокупленіе силъ всѣхъ народовъ въ одну силу, если завоеваніе не есть цѣль? Въ царѣ, **„въ отцовъ, и праотца мѣсто“** поставленномъ, данъ **ясный для сыновъ человѣческихъ отвѣтъ** на вопросъ, для какого безусловно-общаго Божія дѣла нужно это собираніе. Очевидно, что ни царь для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится исполнителемъ воли Бога въ дѣлѣ Божіемъ; участіе всѣхъ въ этомъ великомъ трудѣ и сдѣлаетъ невозможнымъ ни тираннію со стороны царя, ни возстаніе со стороны народа...

Было бы даже оскорбительно для сыновъ, внуковъ, правнуковъ... потомковъ **умершихъ** отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ... предковъ, праотца, разъясненіе имъ общаго ихъ дѣла. Тѣмъ не менѣе лишь чистые сердцемъ дадутъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, если, конечно, онъ поставленъ понятно.

б) Отвѣтъ на вопросъ—„Что такое Россія“, заданный В. С. Соловьевымъ (газ. «Русь» 1897 г. № 37-й), — отвѣтъ, основанный на письмѣ Ѳ. М. Достоевскаго отъ 23 марта 1878 года (Русск. Архивъ 1904 г. № 3-й).

> Неужели вы думаете, что съ земли на небо нѣтъ другой дороги кромѣ той, которая лежитъ чрезъ гробъ и могилу.
>
> Митрополитъ *Филаретъ* (московскій).

Въ замѣткѣ—**„Еще о царскомъ титулѣ“** (Русск. Архивъ 1895 г. № 7-й) было уже сказано, что на вопросъ—**для чего нужно собираніе,**

совокупленіе силъ всѣхъ народовъ въ одну силу,—данъ отвѣтъ въ Царѣ **„въ отцовъ и праотца—мѣсто поставленномъ“**. «Очевидно,—говорится въ этой замѣткѣ,—что ни царь для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится **исполнителемъ** воли Бога (отцовъ) въ дѣлѣ Божьемъ. Въ чемъ же заключается это Божье дѣло,—замѣтка предоставляетъ догадаться сынамъ, внукамъ, правнукамъ... потомкамъ **умершихъ** отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ.. предковъ,—и считая даже оскорбительнымъ для потомковъ разъяснять, въ чемъ заключается общее ихъ дѣло, дѣло Божье,—замѣчаетъ однако, что лишь **чистымъ сердцемъ** (т. е. тѣ, для коихъ не все уже мертво, а есть еще живые) отвѣтятъ на этотъ вопросъ.

Въ статьѣ «Что такое Россія»,—напечатанной въ № 37-мъ газеты «Русь» за 1897 годъ, повторяется, повидимому, первая часть того же вопроса, который былъ заданъ въ замѣткѣ—«Еще о царскомъ титулѣ»,—повторяется вопросъ о томъ, для чего народъ русскій собралъ вокругъ себя и продолжаетъ собирать другіе народы. Авторъ статьи полагаетъ, что отвѣтъ будетъ найденъ лишь тогда, когда будетъ опредѣлено,—во что русскій народъ вѣритъ, т. е. какой смыслъ даетъ онъ христіанству. Но опредѣлить—во что русскій народъ вѣритъ, авторъ статьи находитъ невозможнымъ, потому что русскій народъ,—говорится въ статьѣ,—**„раздѣлился въ своемъ пониманіи православія и безвыходно пребываетъ въ этомъ раздѣленіи**,—безвыходно потому, что два пути, которые только и ведутъ будто бы къ выходу изъ раздѣленія,—**„путь высшаго авторитета и путь свободнаго обсужденія“**,—по мнѣнію автора статьи,—недоступны русскому народу: **Путь высшаго авторитета**, т. е. вселенскій соборъ, который имѣлъ бы высшій авторитетъ, чѣмъ московскій соборъ 1666—7 г.г. (на которомъ **„кромѣ русскихъ іерарховъ дѣйствовали и главные представители греко-восточныхъ церквей“** и благодаря которому **„расколъ кристаллизовался“**) **оказывается невозможнымъ**; путь же свободнаго обсужденія **„до сихъ поръ загражденъ рогатками“**.—Мы же съ своей стороны думаемъ, что этотъ послѣдній путь уже достаточно испытанъ и оказался чрезвычайно способнымъ не примирять, не уничтожать раздѣленія, а усиливать раздоры; такъ напримѣръ тысячелѣтній споръ въ Византіи произвелъ, какъ извѣстно, множество раздѣленій, а кого онъ примирилъ?.. Или же четырехвѣковой споръ католиковъ съ протестантами, которому никакія рогатки не мѣшали, привелъ-ли ихъ къ миру, или по крайней мѣрѣ хоть къ надеждѣ, что этимъ путемъ можетъ быть водворенъ между ними миръ?!... Очевидно, что **путь свободнаго обсужденія**, если бы и не было на немъ рогатокъ, приведетъ не къ выходу изъ раздѣленій, а къ усиленію лишь раздора. Нѣтъ ничего по вопросамъ вѣры, что бы не было высказано много разъ, и тѣмъ не менѣе еще разъ высказанное вызываетъ возраженія, опроверженія,—возгорается споръ, возбуждается вражда, которая къ миру, т. е. къ выходу изъ раздѣленія, привести не можетъ; одни слова, очевидно, тутъ безсильны. Гдѣ же искать намъ выхода изъ раздѣленія, въ которомъ пребываемъ; гдѣ тотъ авторитетъ, который и по мы-

сли самого автора статьи «Что такое Россія», — повидимому,—есть единственно **дѣйствительный** путь спасенія; при чемъ такимъ авторитетомъ не можетъ быть, конечно, вселенскій соборъ, котораго нѣтъ, по признанію автора статьи, и быть не можетъ..... Или же нѣтъ-ли другого пути къ выходу изъ раздѣленія кромѣ тѣхъ двухъ, которые указываются въ статьѣ —«Что такое Россія»?!..

Имѣлъ-ли въ виду какой либо изъ существующихъ **нынѣ** авторитетовъ самъ авторъ статьи, мы не знаемъ, но единственный авторитетъ, о которомъ можно въ данномъ случаѣ говорить, это авторитетъ папскій, признаніе котораго предлагается русскому народу въ теченіи многихъ столѣтій; русскій же народъ настойчиво отвергаетъ его, до сихъ поръ успѣлъ сохранить свою въ отношеніи его самостоятельность, и повидимому, этотъ авторитетъ составляетъ нѣчто столь противоположное сущности русскаго народа, что самое раздѣленіе его, расколъ, произошелъ именно изъ опасенія,—не олатинилась-ли, не уклонилась-ли въ папизмъ русская православная церковь. Русскій народъ страшится, можно сказать, самой тѣни папизма.

Въ статьѣ—«Что такое Россія»—говорится о православіи между прочимъ слѣдующее: «Какъ ни жмурься, какъ ни замалчивай, а религіозное отдѣленіе нѣсколькихъ милліоновъ чисто русскихъ людей, отдѣленіе самостоятельное, никакимъ внѣшнимъ, чужеземнымъ вліяніемъ невызванное и образованіе вслѣдствіе этого двухъ особыхъ вѣрованій, уже болѣе двухъ вѣковъ противостоящихъ другъ другу, есть явленіе, въ которомъ народная совѣсть и разумъ должны, наконецъ, такъ или иначе разобраться»... Но все это и съ гораздо большимъ правомъ можно сказать также о католицизмѣ, отдѣленіе отъ котораго не нѣсколькихъ милліоновъ, а нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ людей, и образованіе вслѣдствіе того двухъ особыхъ вѣрованій, почти четыре вѣка противостоящихъ другъ другу, сдѣлало изъ **просто** католицизма—католицизмъ **опротестованный**, какимъ онъ и доселѣ остается. И развѣ это явленіе не требуетъ отъ совѣсти и разума такъ или иначе разобраться въ немъ; и развѣ разрѣшеніе этого домашняго спора на западѣ не должно предшествовать его притязаніямъ на авторитетъ надъ Востокомъ, который, впрочемъ, никогда и до раскола на Западѣ не признавалъ западнаго авторитета надъ собою, а потому даже примиреніе католиковъ и протестантовъ, если бы таковое и совершилось, не было бы еще достаточнымъ аргументомъ для Востока, чтобы признать надъ собою авторитетъ Запада.—Не вступая однако въ споръ, т. е. не вдаваясь въ протестантизмъ, мы отказываемся и отъ авторитета римскаго, повторяя слова нашихъ кіевскихъ предковъ: «отцы наши не приняли его» (*). Мы

(*) Старый Римъ палъ, вдавшись въ аполлинаріеву **ересь**. говорятъ старообрядцы вмѣстѣ со всею древнею Русью. Новѣйшее же протестантство осуждаетъ Восточную церковь за отступленіе отъ Аполлинарія, т. е. сближаетъ православіе съ расколомъ, а себя съ старымъ Римомъ.... И потому, чтобы найдти выходъ изъ раздѣленія, нужно не уподобиться Западу, а Западъ привлечь къ подобію себѣ (къ православію), нужно признать

позволимъ себѣ лишь указать автору статьи «Что такое Росссія» — на письмо Ѳ. М. Достоевскаго, напечатанное въ № 80-мъ газеты «Донъ» за 1897 годъ, (а нынѣ и въ № 3-мъ Русск. Архива за 1904 г.), которое было написано еще 24 марта 1878 года, когда авторъ означенной статьи читалъ въ Петербургѣ лекціи по религіи, всего 12-ть, и изъ нихъ къ 24 марта было прочитано уже восемь. Въ указываемомъ письмѣ Достоевскій, какъ бы отвѣчая на вопросъ (поставленный, впрочемъ, гораздо позднѣе, чѣмъ данъ былъ отвѣтъ)—**въ чемъ заключается Божье дѣло**, исполнителемъ котораго является Царь вмѣстѣ съ народомъ („**Еще о царскомъ титулѣ**“—Русск. Арх. 1895 г. № 7-й), говоритъ, что „**самое существенное есть долгъ воскресенія прежде жившихъ предковъ**“, и прибавляетъ, что въ этомъ согласенъ съ нимъ и В. С. С. Возможно, что подъ этими инціалами разумѣется авторъ статьи—«Что такое Россія»; но въ такомъ случаѣ написавшій эту статью признавалъ въ 1878 году вмѣстѣ **съ несомнѣнно православнымъ** Ѳ. М. Достоевскимъ, что самое важное есть **долгъ воскресенія** прежде жившихъ предковъ, признавалъ, слѣдовательно, тотъ долгъ, для открытія котораго сынамъ **умершихъ** отцевъ нѣтъ нужды ни въ свободномъ обсужденіи, ни въ чьемъ либо авторитетѣ, для этого нужно сохранить лишь дѣтское чувство, **чистое** сердце... Если же самое важное **долгъ воскрешенія**, то въ этомъ великомъ, всеобъемлющемъ, общемъ для всѣхъ сыновъ человѣческихъ долгѣ, требующемъ такого же великаго, всеобъемлющаго, общаго всѣмъ людямъ дѣла, и заключается положительное опредѣленіе, положительное содержаніе православія. И возможно ли, чтобы признававшій въ православіи долгъ—всеобщаго воскрешенія, затѣмъ —въ статьѣ «Что такое Россія»—рѣшился сказать о томъ же православіи, будто оно есть **лишь не** католицизмъ и **не** протестантизмъ. А между тѣмъ,—если православіе есть долгъ воскрешенія, то оба другія исповѣданія окажутся не имѣющими ничего положительнаго, ибо въ обоихъ нѣтъ опредѣленнаго долга: въ одномъ долгъ замѣненъ папскимъ произволомъ, требовавшимъ отъ своихъ послѣдователей, какъ платы за спасеніе, **дѣлъ**, состоявшихъ то въ мирныхъ, то въ вооруженныхъ паломничествахъ, крестовыхъ походахъ, и противъ чужихъ, и противъ своихъ; папскій произволъ требовалъ—и прямо денежной дани (индульгенціи); въ другомъ же исповѣданіи долгъ замѣненъ **личнымъ произволомъ** каждаго, т. е. дѣйствительное спасеніе замѣнено внутренними иллюзіями спасенія... Но такими путями ни протестантизмъ не могъ привести къ истинѣ, ни католицизмъ къ благу; а между тѣмъ многовѣковой споръ католицизма и протестантизма о спасеніи вѣрою или дѣлами тотчасъ же былъ бы разрѣшенъ, если бы подъ вѣрою стали разумѣть **осуществленіе чаемаго** (чаю воскресенія мертвыхъ), т. е. единое дѣло воскрешенія (Посл. къ Евр. гл. 11-я, ст. 1 й, синод. перев.).

вочеловѣченіе вмѣсто признаваемаго Аполлинаріемъ пантеистическаго **воплощенія**, т. е. нужно не человѣка и даже Бога унизить до слѣпой природы, а человѣка, какъ **образъ Божій**, надо поставить надъ природою,—**не въ природѣ Богъ, а съ нами Богъ!**... Нужно быть подобіемъ Бога, а не природы; нужно объединеніе не по типу организма, а по образу Тріединаго Бога, по образу Пресвятой Троицы, нераздѣльной и несліянной.

Православіе въ смыслѣ долга воскрешенія налагаетъ на всѣхъ одинъ общій трудъ, въ которомъ соединяется и знаніе и дѣло, немыслимъ онъ и безъ вѣры; потому-то этотъ трудъ и имѣетъ полную доказательную силу, потому-то онъ и спасителенъ, что есть осуществленіе чаемаго, ожидаемаго, что и самую мысль объ отцахъ, представленіе ихъ, дѣлаетъ видимою, осязаемою, т.-е. православіе ведетъ къ истинѣ и благу, ведетъ къ истинному, дѣйствительному спасенію.

Протестантизмъ, какъ свободное изслѣдованіе (или обсужденіе), не переходящее **въ дѣло**, ограниченное **мысленнымъ**, **словеснымъ** лишь выраженіемъ,—обреченъ **на вѣчный споръ**. Католицизмъ, признающій папскій авторитетъ, а потому не нуждающійся ни въ какихъ доказательствахъ, **отрицающій обсужденіе**, а слѣдовательно и разумъ, и знаніе, какъ орудіе, какъ средство искупленія, или спасенія, не признающій и необходимости одного общаго для всѣхъ сыновъ человѣческихъ дѣла, остается безцѣльнымъ, если порабощеніе не считать цѣлью. Существованіе папизма, внѣшняго авторитета, указываетъ на отсутствіе у папистовъ общаго долга, который можетъ и **несомнѣнно объединитъ** всѣхъ **въ познаніи** всего текущаго, умирающаго, для возстановленія всего умершаго; **невѣжество**, вѣчное несовершеннолѣтіе, есть необходимое условіе существованія папизма. Признать долгъ воскрешенія для папы значило бы подписать свое отреченіе, свой смертный приговоръ. Не признавъ же этого долга, папскій авторитетъ самъ не знаетъ, куда идетъ, не знаетъ и куда ведетъ своихъ подданныхъ, а потому для подданныхъ онъ есть чужой и, составляя для нихъ гнетъ и иго, всегда будетъ возбуждать противъ себя бунтъ и возстанія, такъ что католицизмъ всегда будетъ имѣть противъ себя протестантизмъ; —протестантизмъ,—и самъ обреченный оставаться при розни и раздорѣ,—будетъ слѣдовать за католицизмомъ, какъ тѣнь его.

Другое дѣло **долгъ воскрешенія** отцовъ—предковъ,—этотъ долгъ для сыновъ человѣческихъ есть для каждаго свой, родной, а вмѣстѣ и общій со всѣми другими; онъ есть именно то, что только и можетъ ихъ, сыновъ человѣческихъ, сдѣлать братьями. И какъ-бы ни былъ этотъ долгъ тяжелъ, бремя его все таки будетъ легко, игомъ же его и назвать нельзя,—такое великое благо заключаетъ онъ въ себѣ. **Отрицательно**—православіе есть печалованіе объ игѣ и гнетѣ—католическомъ, а вмѣстѣ и о протестантскомъ возстаніи и розни; **положительно-же**—православіе есть храмъ собиранія, возсоединенія отдѣлившихся; точно также—**отрицательно**—православіе есть печалованіе о всѣхъ умершихъ и умирающихъ, а **положительно**—оно есть долгъ воскрешенія.

Итакъ, если православіе есть долгъ воскрешенія, то къ двумъ путямъ, указываемымъ въ статьѣ—«Что такое Россія»,—какъ на единственные ведущіе будто бы къ выходу изъ раздвоенія, въ которомъ пребываетъ русскій народъ,—(одинъ—путь свободнаго обсужденія, т.-е. признаніе и употребленіе разума, мышленія, діалектики какъ средства спасенія, а другой—путь отреченія отъ разума, путь слѣпого подчиненія авторитету),—нужно

присоединить еще третій – путь долга, который требуетъ соединенія знанія и дѣла,—путь осуществленія чаемаго, ожидаемаго, осуществленія трудомъ; причемъ догматъ становится заповѣдью и мысль сыновъ объ отцахъ найдетъ свое внѣшнее выраженіе во всей природѣ, во всей вселенной. Этотъ послѣдній путь и даетъ смыслъ собиранію русскаго народа вокругъ себя другихъ народовъ и христіанскихъ, и нехристіанскихъ, – **инородцевъ**, — вся религія которыхъ заключается въ поминовеніи предковъ; такъ что Россія, можно сказать, есть семья народовъ, собранныхъ вокругъ **православнаго** русскаго народа, которые всѣ, не исключая даже магометанъ, **творятъ поминовеніе предковъ.** Поминовеніе же, или культъ предковъ, и есть первобытное выраженіе долга воскрешенія: а потому путь, **ведущій къ дѣйствительному исполненію этого долга**, легко примиритъ всѣ эти народы и сдѣлаетъ изъ нихъ дѣйствительную семью и внутренно и внѣшне—связанную единымъ общимъ дѣломъ воскрешенія.

Единственнымъ въ этомъ отношеніи, въ средѣ русскаго народа, исключеніемъ – является одно лишь сословіе, которое не считаетъ нужнымъ поминовеніе, среди котораго возможенъ былъ даже торгъ мертвыми душами и безъ малѣйшаго при этомъ угрызенія совѣсти, для котораго какъ будто не существуетъ проскомидіи подобно тому, какъ нѣтъ ея у католиковъ; принадлежащіе къ этому сословію повидимому не желаютъ, а можетъ быть имъ непріятно (какъ напоминаніе о собственной смертности) слышать имена своихъ умершихъ на литургіи и къ молитвѣ за нихъ церкви присоединить и свои собственныя моленія; такимъ образомъ они уподобляются даже протестантамъ, у которыхъ молитва за умершихъ совсѣмъ не допускается; но протестантизмъ и религіею назвать нельзя, потому что это начало отрицанія религіи, переходъ къ невѣрію. Различіе между посѣщающими лишь поздніе обѣдни,—да и то весьма поздно, послѣ часовъ, послѣ совершенія проскомидіи,—и посѣщающими обѣдни раннія,—для которыхъ весь смыслъ службы заключается въ поминовеніи,—также велико (а можетъ быть и гораздо больше) какъ между православными и старообрядцами.

Оправданіемъ для первыхъ,—т. е. посѣщающихъ лишь поздніе обѣдни,—можетъ служить, впрочемъ, то, что поминовеніе въ настоящее время сдѣлалось простымъ, голымъ перечнемъ именъ; тогда какъ оно могло, да и должно бы быть собраніемъ житій, т. е. составлять общественную часть исторіи прихода, исторіи церкви, а не одного только храма; хотя и исторія храма имѣетъ большое значеніе, въ особенности если храмъ получитъ надлежащую роспись и на нижней части стѣнъ его будетъ допущено изображеніе умершихъ прихожанъ въ молитвенномъ положеніи; это былъ бы лицевой сѵнодикъ, изображеніе нашихъ отцовъ, какъ бы возстающими изъ земли; и это вполнѣ согласно съ ученіемъ православной церкви, какъ понимала его древняя Русь; иначе, впрочемъ, ученіе православной церкви и понятно быть не можетъ, ибо если по физической необходимости мы вынуждены зарывать умершаго, то по нравственной необходимости, **по долгу**

воскрешенія, мы тотчасъ-же, въ томъ или другомъ видѣ, возстановляемъ его. Такъ произошли надгробные памятники,—плиты съ изображеніями умершихъ (хотя бы въ видѣ лишь т. н. адамовыхъ головъ), а также и всякой иной формы; изъ этихъ памятниковъ создался и самый храмъ, который есть изображеніе земли, отдающей своихъ мертвецовъ, и неба, населяемаго воскресшими поколѣніями. Въ этомъ обращеніи храма въ школу возвращенія сердецъ сыновъ къ отцамъ (Луки, гл. 1-я ст. 17-й,—изъ пророка Малахіи) найдутъ примиреніе не только православные съ старообрядцами, но и вѣра съ знаніемъ, духовное съ свѣтскимъ.

Сословіе, не считающее нужнымъ поминовеніе, не признаетъ, конечно, и воскрешенія;—но забвеніе отцовъ необходимо ведетъ къ вырожденію и вымиранію, и нашему времени остается на выборъ—воскрешеніе или вымираніе. Къ сословію, оставившему поминовеніе—къ этой новой породѣ людей, созданной Екатериной Второй,—принадлежатъ и западники, и славянофилы, между которыми нѣтъ даже и различія, потому что и славянофилы въ сущности такіе же нетолько искренніе, но и восторженные поклонники **„страны святыхъ чудесъ“**, какъ выражается о западѣ самый коренной изъ славянофиловъ, Хомяковъ!..

Отличительную черту православія славянофилы видѣли **только** въ соборности (хотя православная церковь не имѣла вселенскаго собора уже одинадцать вѣковъ); но собраніе не только всѣхъ православныхъ, всѣхъ христіанъ право—и ино-славныхъ, а даже и всѣхъ живущихъ **само по себѣ** цѣлью быть не можетъ и все таки остается вопросъ,—для чего это собираніе нужно? Только въ долгѣ воскрешенія можно найдти отвѣтъ на этотъ вопросъ, только для исполненія этого долга и можетъ быть нужно собираніе; въ долгѣ воскрешенія заключается и сущность православія, какъ это признавалъ Достоевскій и догадывался, надо полагать, одинъ лишь изъ славянофиловъ—Языковъ, спросившій предъ смертью своихъ друзей славянофиловъ **«вѣруютъ ли они въ воскресеніе мертвыхъ“**,—какъ передаетъ объ этомъ Погодинъ («Москвит.» 1846 г. № 11—12, стр. 254-258-я). Кирѣевскій же передаетъ вопросъ Языкова такъ: **„вѣрятъ ли они воскресенію душъ“** (Полн. собр. соч. И В. Кирѣевскаго I, 97—99). Очевидно, крайнему спиритуалисту Кирѣевскому **„воскресеніе мертвыхъ“**—казалось очень грубымъ, мужицкимъ, и изъ дружбы къ Языкову онъ сдѣлалъ поправку въ его вопросѣ въ Оригеновскомъ вкусѣ (осужденномъ на 5-мъ вселенскомъ соборѣ) и съ этой поправкой были согласны, конечно, всѣ эти Хомяковы, Аксаковы и проч. Но молчаніе, послѣдовавшее на вопросъ Языкова, свидѣтельствуетъ, что вопросъ былъ заданъ такъ, какъ передаетъ это Погодинъ, т. е. согласно съ символомъ вѣры, свидѣтельствуетъ и о томъ, что окружавшіе Языкова, при его смерти, славянофилы въ воскресеніе не вѣрили и такъ мало обратили вниманія на вопросъ Языкова о воскресеніи, что никто даже не вспомнилъ, на какую книгу указалъ Языковъ своимъ друзьямъ, которая, по его словамъ, совсѣмъ перемѣнила бы образъ ихъ мыслей, если бы они прочитали ее. И неужели же, благодаря

столь невнимательному, можно сказать—нечестивому, отношенію славянофиловъ къ словамъ **умиравшаго друга**, потеряна всякая возможность открыть, что это была за книга, на которую указывалъ Языковъ. Невнимательнымъ отношеніемъ къ **воскресенію** славянофилы превзошли, можно сказать, даже Аѳинянъ, которые слушали ап. Павла съ большимъ вниманіемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ о воскресеніи; услыхавъ же о воскресеніи, Аѳиняне сказали апостолу - «объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время».

Только путь всеобщаго спасенія, долгъ воскрешенія, приведетъ къ выходу изъ того раздѣленія, въ которомъ пребываетъ русскій народъ; это очевидно уже изъ того, что самое уклоненіе части русскаго народа въ расколъ было вызвано опасеніемъ, что принятіе новыхъ обрядовъ, отвергавшее обряды старые, старыя книги, означало бы признаніе вѣчной погибели отцовъ, дѣдовъ, предковъ, державшихся отвергнутыхъ, осужденныхъ старыхъ обрядовъ, старыхъ книгъ. Происхожденіе раскола указываетъ, какъ на глубочайшую ненависть въ русскомъ народѣ къ папскому Риму, такъ и на еще болѣе глубокую любовь къ предкамъ; что и понятно у народа, который всю многовѣковую жизнь свою прожилъ въ патріархальномъ быту, совершенно противоположномъ юридическому характеру какъ древняго, такъ и папскаго Рима. Какъ первый Римъ сталъ для русскаго народа предметомъ глубочайшей ненависти, такъ въ мысли о третьемъ Римѣ, въ этой, можно сказать, мечтѣ русскаго народа, онъ хотѣлъ представить предметъ наиглубочайшей любви своей; «Москва—третій Римъ»—было для раскола высшимъ выраженіемъ любви къ предкамъ, такой любви, больше которой и быть не можетъ, а потому **„четвертому Риму и не быть“**. Если для отдѣльнаго человѣка нѣтъ большей любви, какъ положить жизнь за други, то для сыновъ человѣческихъ **въ совокупности** нѣтъ большей добродѣтели, какъ замѣна вытѣсненія воскрешеніемъ. Въ третьемъ Римѣ, какъ средоточіи живущихъ для воскрешенія умершихъ, уже не можетъ быть раскола, какъ и вообще не можетъ быть розни, потому-то онъ и не нуждается ни въ какомъ, подобномъ папскому, авторитетѣ.

Выходъ изъ того раздѣленія, въ которомъ будто бы **безвыходно** (по мнѣнію автора статьи—«Что такое Россія») пребываетъ русскій народъ, уже видѣнъ; онъ видѣнъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ собраны старыя рукописи, иконы, древняя утварь,—привлекающія вниманіе посѣтителей,—въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ и профессора (т. е. ученые духовные и свѣтскіе) и старообрядческіе начетчики сидятъ рядомъ. Конечно, при этой внѣшней близости остается еще внутреннее разъединеніе, ибо то самое, что для однихъ—предметъ лишь знанія, для другихъ—святыня, предметъ благоговѣйнаго почитанія, но тѣмъ не менѣе должно сказать, что собираніе уже началось, хотя соединенія еще и нѣтъ. Когда же эти учрежденія, эти всенаучные храмы предковъ (музеи), нынѣ еще недозрѣвшіе (см. «Долгъ авторскій и право музея библіотеки»—«Донъ» 1897 года № 72-й), станутъ выше отживающихъ университетовъ,—этихъ храмовъ сомнѣнія, хамитиче-

ского осужденія, осмѣянія предковъ, имѣющихъ цѣлью одно лишь знаніе, т. е. когда нравственность нынѣшняго вѣка, нравственность университетская, нравственность фарисейская, основанная на **сознаніи каждымъ** своего **мнимаго достоинства**, вносящемъ рознь и борьбу,—замѣнится нравственностью, основанною на высшемъ началѣ, на **сознаніи дѣйствительнаго общаго всѣмъ** сынамъ человѣческимъ **несовершенства** (смертности), чувствуемаго и признаваемаго въ смерти и утратѣ отцовъ,—когда нравственность фарисейская (университетская) замѣнится нравственностью мытарскою (музейскою), требующею объединенія въ общеобязательномъ трудѣ познанія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, т. е. **требующею воскрешенія**,—тогда эти храмы предковъ (музеи) сдѣлаются орудіями новаго собиранія, которое и начнетъ Москва—третій Римъ

Въ предисловіи къ **„Сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ“** (Чт. въ Общ. ист. и др. рос. т. 166, кн. 3-я 1893 г.), въ «Вопросѣ о Каразинской метеорологической станціи въ Москвѣ» и «Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину» («Наука и Жизнь»—1893 г. № 44-й и 1894 № 15—16 й) представлено то новое собираніе, которое предстоитъ Москвѣ —третьему Риму,—оно представлено подъ видомъ проектовъ **всеобще-обязательнаго образованія** и **всеобще-обязательнаго знанія**. Проектъ всеобще-обязательнаго образованія представленъ въ видѣ построенія повсемѣстно школъ-храмовъ, посвященныхъ образцу единодушія и согласія, Пресвятой Троицѣ, въ память **святого**, чтителя Бога собиранія и объединенія, внѣшняго и внутренняго,—въ память **святого**, равно-чтимаго православными и старообрядцами. Проектъ этотъ,—(доморощенный, а не заграницею выращенный),—основанъ на изученіи построенія обыденныхъ храмовъ, какъ частнаго, но самаго высокаго проявленія того духа, который выражается въ помочахъ и толокахъ, въ этомъ обычаѣ, общемъ на Руси нетолько всему русскому народу, но и всѣмъ собраннымъ имъ вокругъ себя инородцамъ, обычаѣ высоко нравственномъ (т. е. родственномъ), а не юридическомъ, *) какъ заклеймили его наши ученые, до сихъ поръ, повидимому, недогадавшіеся, что юридическое, столь почитаемое ими, есть самое ненавистное нашему народу.

Подъ многознаменательнымъ названіемъ **„школы-храмы, посвященные Пресв. Троицѣ“**,—разумѣется, конечно, не зданіе лишь, не экономія или выигрышъ мѣста посредствомъ совмѣщенія храмовъ и школъ, а цѣлый курсъ **новой, мытарской** нравственности, основанной на новомъ, высшемъ началѣ, на долгѣ воскрешенія; подъ вышеозначеннымъ названіемъ подразумѣвается цѣлый курсъ, приготовляющій къ осуществленію долга воскрешенія

Новое собираніе Москвы—третьяго Рима будетъ не выниманіемъ душъ изъ областей, какъ это было въ первое Московское собираніе, а вложе-

*) См. **„Обыденныя церкви на Руси“**, особый оттискъ изъ „Русск. Арх.“ 1894 г.; „О доставленіи свѣдѣній объ обыденныхъ храмахъ“ и проч. и „Вопросы и запросы къ археологическому съѣзду въ Ригѣ“.

ніемъ души (т. е. **чувства долга къ предкамъ** и **знанія**) въ каждую мѣстность, ибо по проекту всеобще-обязательнаго знанія («Наука и Жизнь» —1893 г. № 44 и 1894 г. № 15/16-й) къ школамъ-храмамъ присоединяются и школы музеи, расширяющіе вмѣстѣ съ образованіемъ и самую область знанія.

Собираніе во имя предковъ и ради предковъ, соединеніе всѣхъ живущихъ для воскрешенія всѣхъ умершихъ,—этотъ высшій долгъ,—дѣлаетъ уже рѣшительно не нужнымъ, какъ выше сказано, авторитетъ папскій, который есть **власть законодательная**; это собираніе вызываетъ необходимость власти свѣтской, **власти исполнительной въ дѣлѣ Божьемъ**; долгъ воскрешенія вызываетъ необходимость власти **стоящаго въ праотца — мѣсто**, того праотца, отъ котораго происходятъ всѣ народы, всѣ племена, всѣ колѣна, собравшіеся вокругъ православнаго русскаго народа въ одну семью; вызываетъ необходимость власти царя, **„въ отцовъ и праотца — мѣсто“** поставленнаго, **въ которомъ**, какъ выше сказано, **и данъ отвѣтъ на вопросъ.—для чего нужно собираніе, совокупленіе силъ всѣхъ народовъ въ одну силу.** Въ царѣ, поставленномъ отъ Бога отцовъ, поставленномъ въ умершихъ, отшедшихъ мѣсто для ихъ возстановленія, для возвращенія имъ жизни, въ царѣ, въ отцовъ мѣсто поставленномъ, данъ такой же отвѣтъ о долгѣ воскрешенія, какъ въ Богѣ отцовъ, въ Богѣ Авраама, Исаака, Іакова,—(по словамъ Спасителя, сказаннымъ евреямъ),—данъ отвѣтъ о воскресеніи (Луки, XX, 37 и 38). Собираніе для исполненія долга воскрешенія вызываетъ необходимость власти **душеприказчика всѣхъ умершихъ** и **воспріемника всѣхъ рождающихся**, необходимость власти сильной, власти крѣпкой; эта власть, соединивъ воинскую повинность съ всеобщеобязательнымъ образованіемъ, введетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ дѣло познанія и управленія текущими явленіями природы для возстановленія протекшаго (отцовъ). Въ этомъ заключается послѣдній и **окончательный** проектъ всеобще-обязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго образованія, знанія и дѣла, осуществленіе котораго и приведетъ къ тому, что царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ самодержцемъ, властителемъ, управителемъ слѣпой силы природы, ея царемъ,—царемъ не душъ, какъ Папа, а повелителемъ матеріи, внѣшняго, матеріальнаго міра, и освободителемъ отъ закона юридическаго и экономическаго. Въ этомъ господствѣ царя вмѣстѣ съ народомъ надъ природою и заключается гарантія противъ произвола, или, какъ сказано въ замѣткѣ **„Еще о царскомъ титулѣ“**,—это господство надъ природою и сдѣлаетъ «невозможнымъ ни тиранію со стороны царя, ни возстаніе со стороны народа». Самодержавіе—**положительно**—есть власть надъ природою,—**отрицательно**—оно есть освобожденіе отъ законовъ юридическихъ и экономическихъ, а вмѣстѣ и подчиненіе закону Божію, т. е. господству нравственнаго, или—что тоже—родственнаго закона. Подчиненіе же стоящаго въ отцовъ—мѣсто **Богу отцовъ**, Богу не мертвыхъ, а живыхъ, можетъ выразиться лишь въ воскрешеніи; осуществленіе долга воскрешенія и есть дѣло Божіе, чрезъ насъ совершаемое. Если же

это не такъ, то какъ будетъ исполнена заповѣдь - **„Будьте** (а не **будь**), совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ»; и что бы значили эти слова Спасителя—«вѣрующій въ меня, дѣла, которыя творю я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ».

Папство, такимъ образомъ, является отживающимъ, а самодержавію открывается великая будущность. И что значитъ предъ самодержавіемъ, **призывающимъ всѣхъ сыновъ къ дѣлу отеческому**, всѣ республики и конституціонныя монархіи, въ которыхъ защищается право каждаго на безсмысленное и безцѣльное существованіе, право жить для наживы?!.. Въ долгѣ воскрешенія заключается торжество и православія, и самодержавія, и всякой народности вообще, а народности русской,—презираемой западомъ за ея примитивность, патріархальность,—въ особенности.

Итакъ,—«Что такое Россія»?—или,—что тоже,—**для чего нужно собираніе?**.... Для чего, зачѣмъ, не щадя силъ, лишивъ себя свободы (т. е. обратившись въ служилыя сословія, обложивъ всякую душу—живую и даже умершую—тяжкою податью)—народъ русскій присоединялъ обширныя тундры, громадныя пустыни, проводилъ тысячеверстные рвы и валы, приносилъ въ жертву,—ради умиротворенія дикихъ кочевниковъ и воинственныхъ горцевъ,—тысячи жизней?!.. И до сихъ поръ русскій народъ не пришелъ еще къ концу этого своего дѣла, и теперь ему предстоятъ все еще новыя и новыя собиранія... Зачѣмъ все это, для чего же нужно это собираніе? Авторъ замѣтки **„Еще о титулѣ“** находитъ оскорбительнымъ для ума и для чувства **сыновъ-потомковъ умершихъ отцовъ-предковъ** подсказывать имъ отвѣтъ на этотъ вопросъ,—до такой степени онъ кажется ему очевиднымъ, яснымъ, понятнымъ и простымъ. И Христосъ, говоря,—**„шедше научите** вся языки, крестяще во имя Отца, Сына и Св. Духа»,—не призналъ нужнымъ указать на цѣль собиранія и объединенія, предоставляя собственной **сыновней** проницательности открытіе этой цѣли, уча—такъ сказать—гевристически; т. е человѣкъ долженъ не только вложить собственный трудъ, весь умъ, все свое искусство въ великое дѣло воскрешенія, но и додуматься до необходимости собственнаго участія въ немъ. Какъ это ни просто, повидимому, для всякаго, еще несовершенно вытравившаго въ себѣ чувство, для всякаго, кто не можетъ еще помириться съ безсмыслицею существованія,—но простыя вещи труднѣе всего и даются... По всему этому,—и по настоятельному требованію автора статьи **„Что такое Россія“**,—мы вынуждены указать на долгъ воскрешенія, впервые выраженный въ письмѣ Достоевскаго; мы вынуждены напомнить, что переживаніе дѣтьми отцовъ не ради исполненія долга воскрешенія,—хотябы въ видѣ лишь поминовенія,—было-бы величайшимъ преступленіемъ. И только исполненіе долга воскрешенія во всей его полнотѣ и **дѣйствительности**, а не въ видѣ одного поминовенія (причитанія, отпѣванія), можетъ объяснить необходимость такихъ тяжелыхъ собираній, каково собираніе, совершенное и еще совершаемое русскимъ народомъ, только внесеніе этого долга въ міръ, призваніе всего міра къ исполненію его, можетъ дать

смыслъ существованію Россіи, требовавшему величайшаго самоотверженія и по положенію, и по климату, и по совершенной беззащитности для нападеній со всѣхъ сторонъ... Но за то и исполненіе этого долга будетъ эпохою не въ исторіи лишь человѣчества, а въ исторіи самой земной планеты, въ исторіи всей вселенной.

Вотъ что такое Россія, — по смыслу письма Достоевскаго. И это отвѣтъ не одного Достоевскаго, но и В. С. С.;— если же подъ этими иніціалами разумѣется авторъ статьи «Что такое Россія»,— то слѣдовательно, на вопросъ, поставленный имъ въ 1897 году, онъ самъ же далъ отвѣтъ еще въ 1878 году.

Нельзя не пожалѣть, что Достоевскій не успѣлъ при жизни обратиться съ призывомъ къ исполненію этого великаго долга, долга воскрешенія. И онъ, конечно, не успѣлъ лишь этого сдѣлать, ибо признавать долгъ и ничего ради исполненія этого долга не дѣлать для такого человѣка, какъ Достоевскій, невозможно. И велика была-бы радость въ этомъ призывѣ, въ этой благой вѣсти для всѣхъ еще здоровыхъ, неистощенныхъ; а можетъ быть въ ней же нашли-бы исцѣленіе и разслабленные современною **культурою,** выродившіеся, для которыхъ теперь остается только Буддизмъ, эта религія пресыщенныхъ, вымирающихъ.

и в) Самодержавіе.

Въ статьѣ «Что такое Россія» заключается попытка разрѣшить вопросъ, для чего нужно собираніе, для чего нужно совокупленіе силъ всѣхъ народовъ въ одну силу; настоящая же статья пытается разрѣшить — какъ, какимъ путемъ можетъ быть совершено собираніе? Между прочимъ и Толстой, въ статьѣ объ искусствѣ говоритъ **„о братскомъ единеніи людей“,** и въ осуществленіи этого единенія видитъ задачу **христіанскаго искусства.** Но говоря о **братскомъ** единеніи, Толстой на самомъ дѣлѣ никакого значенія братству не придаетъ, забывая, что люди вмѣстѣ съ тѣмъ и **сыны,** что братство основывается на отечествѣ, и только по отцамъ мы — братья, что братство безъ отечества непонятно и братское единеніе сыновъ можетъ быть полнымъ только въ дѣлѣ отеческомъ. Толстой объ отцахъ не упоминаетъ, и если не отрицаетъ отцовъ, во всякомъ случаѣ игнорируетъ ихъ, на чемъ же основано его **братское** единеніе людей.

Толстой можетъ сказать, что онъ признаетъ братство не по отечеству, а по человѣчеству; въ такомъ случаѣ, чтобы понять значеніе братства по человѣчеству, надо опредѣлить, что такое человѣкъ? Прежде **человѣкъ** значило—**смертный;** но это опредѣленіе не точно и даже не вѣрно, въ строгомъ смыслѣ человѣкъ есть **сынъ** умершихъ отцовъ; т. е. онъ смерть знаетъ не въ себѣ, а лишь по предшествующимъ случаямъ, **смертный** есть индукція, а не дедукція. Если же человѣкъ есть сынъ умершихъ отцовъ, въ такомъ случаѣ мы опять возвращаемся къ отечеству, и смерть въ этомъ случаѣ должна вести къ объединенію, но къ объединенію—**для чего?**

Если же человѣкъ есть существо словесное,—въ противоположность безсловесным, къ какимъ относятъ животныхъ,—въ такомъ случаѣ объединеніе будетъ литературнымъ, или говорящимъ, обществомъ. Но если такое объединеніе и назвать братствомъ, то исключаетъ-ли оно вражду? Впрочемъ для того, чтобы и это объединеніе было всемірнымъ, нужно объединеніе въ языкѣ всѣхъ народовъ, и объединеніе въ языкѣ не искусственномъ, **какъ воляпюкъ**, а въ языкѣ естественномъ, т. е. праотеческомъ. Лингвистика,—наука, изучающая всѣ языки,—другого приложенія, кромѣ выработки общаго языка для всѣхъ народовъ, и имѣть не можетъ; въ настоящее время есть корнесловъ языковъ арійскаго происхожденія,—будетъ, конечно, корнесловъ и всѣхъ языковъ; изученіе корней словъ путемъ общеобязательнаго образованія будетъ распространяться всюду; а изученіе своего и иностранныхъ языковъ будетъ вести къ познанію того, что въ нихъ есть общаго, родственнаго, праотеческаго. Въ самой азбукѣ склады и слоги замѣнятся общими корнями и тѣмъ осмыслятъ ихъ. Создаваемый, такимъ образомъ, общій языкъ, будетъ необходимо приближаться къ языку отеческому, который будетъ входить въ употребленіе однако только по мѣрѣ усвоенія всѣми людьми общаго труда; такимъ же трудомъ можетъ быть лишь дѣло отеческое. Итакъ, дѣйствительное объединеніе и въ языкѣ приводитъ къ отечеству.

Если человѣкъ есть существо разумное, въ такомъ случаѣ объединеніе, или братство, будетъ ученымъ обществомъ; но если-бы и возможно было всѣхъ соединить въ познаніи и это объединеніе было бы всемірнымъ, тѣмъ не менѣе вражды оно не исключало бы и было бы, очевидно, не братскимъ; только сыновнее чувство, общее всѣмъ, даетъ знанію цѣль, т. е. объединяетъ людей въ познаніи силы умершвляющей отцовъ, раскрываетъ ихъ души, соединяетъ ихъ во взаимознаніи и. дѣлая братьями въ самомъ глубочайшемъ смыслѣ этого слова, ведетъ ихъ къ возвращенію жизни умершимъ. Но это невозможно, скажетъ Толстой. Хотя мы, какъ и онъ, не знаемъ, почему это невозможно, однако утверждать, что воскрешеніе совершится, не будемъ; но то уже вѣрно, что если всѣ не соединимся въ дѣлѣ воскрешенія, въ дѣлѣ несомнѣнно братскомъ, то братьями не будемъ; и если человѣкъ есть нравственное существо, то ему, чтобы остаться нравственнымъ, нужно или возвратить жизнь умершимъ или же самому умереть, но пережить смерть отца, признавъ невозможность воскрешенія, значитъ не быть сыномъ, не быть и братомъ, не быть, слѣдовательно, существомъ нравственнымъ. Поэтому то для возстановленія братскаго единенія, для постепеннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а так же и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ **умершихъ** отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами, требуется намѣстникъ, душеприказчикъ, **стоящій въ отцовъ—мѣсто**, это и есть **самодержецъ**.

Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ—мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога—отцовъ, Бога Тріединаго, высшее освященіе, дѣ-

лается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ,—т. е. сыновъ всѣхъ умершихъ отцовъ, сыновъ, пережившихъ своихъ отцовъ и даже повинныхъ въ ихъ вытѣсненіи, въ ихъ смерти,—чтобы руководить ихъ въ дѣлѣ отеческомъ, объединяя самихъ сыновъ въ этомъ дѣлѣ по образу Бога Тріединаго. Это освященіе, или посвященіе, самодержца на руководительство сынами въ дѣлѣ отеческомъ выражается не въ исповѣданіи лишь вѣры, а главнымъ образомъ въ **акакіи**, этой самой существенной части коронаціоннаго акта, которая въ настоящее время замѣнена, по словамъ Горскаго, поклоненіемъ коронующагося предкамъ въ Архангельскомъ соборѣ, почему и требуется, не оставляя поклоненія предкамъ, возстановить **акакію**, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Высшее назначеніе даетъ самодержавію православіе, такъ какъ дѣло самодержавія не сграничивается лишь внѣшнимъ и неполнымъ умиротвореніемъ. Начало внѣшнему умиротворенію было положено призывомъ князей; въ этомъ призывѣ воинственныхъ иностранцевъ, т. е. въ самомъ началѣ русской исторіи, кроется и начало всеобщей воинской повинности. **Русская земля, какъ наслѣдница Ирана, ничѣмъ не защищенная отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ**,—обитателей той громадной полосы степей, которая, начинаясь у Великаго океана на востокѣ, тянется чрезъ весь материкъ до Атлантическаго океана въ Африкѣ,—**и терзаемая внутренними раздорами, вынуждена была призвать для своего спасенія воинственныхъ иностранцевъ**. Въ этомъ призывѣ нѣтъ, конечно, подвига, какъ смотрятъ на него иные, ибо такими подвижниками, которые умѣютъ ссориться и не умѣютъ безъ чужого посредства мириться, переполнены камеры всѣхъ мировыхъ судей, но нѣтъ въ немъ, въ этомъ призывѣ,—какъ соединеніи и подчиненіи для великой цѣли,—ничего и позорнаго. Первые городки и острожки, срубленные призванными князьями, положили начало тѣмъ сторожевымъ линіямъ, которыя, подвигаясь на югъ и юго-востокъ, охватывая степи и обращая кочевниковъ въ земледѣльцевъ, достигли въ настоящее время до Атрека, Аму-Дарьи, Амура, Уссури!.. И такимъ образомъ былъ совершенъ великій подвигъ умиротворенія значительной части степи, изъ которой исламъ почерпалъ свою силу, и стали невозможными такіе погромы, какъ произведенные Аттилами, Чингизъ-ханами, Тимурами и проч. Если Парижъ могъ безнаказанно оставить почитаніе Св. Женевьевы, спасительницы его отъ Аттилы, отъ гунновъ, то этимъ онъ обязанъ тѣмъ самымъ, которыхъ обозвалъ туранцами, такъ какъ именно прозванные этимъ именемъ обезоружили Туранъ, родину страшныхъ ордъ, для которыхъ война была условіемъ существованія.

Но, какъ сказано, дѣло самодержавія не ограничивается лишь внѣшнимъ и, слѣдовательно, неполнымъ умиротвореніемъ; для умиротворенія внутренняго было принято христіанство, принятія котораго пожелалъ и и самъ народъ, инстинктивно, повидимому, чувствовавшій глубоко-скрытое всемірное родство; христіанство было принято въ его высшей византійской

формѣ, въ формѣ всемірнаго печалованія, печалованія о жертвахъ розни и гнета, т. е. о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе, однако, не такъ называемая міровая скорбь, ограничивающаяся однимъ лишь нытьемъ, всемірное печалованіе о гнетѣ и розни,—которое и есть православіе, —требуетъ дѣла. Православіе свѣтской власти, какъ папизмъ, не имѣетъ, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую, подъ именемъ свободы, обожаетъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Печалованіе о гнетѣ и розни выражено въ самомъ основномъ догматѣ христіанъ, въ догматѣ о Пресв. Троицѣ, который не догматъ только, но и заповѣдь для людей не въ отдѣльности, а въ ихъ совокупности. Признавая нераздѣльность и самое глубокое единство Божественныхъ личностей, а вмѣстѣ и ихъ совершеннѣйшую самостоятельность, догматъ Пресв. Троицы требуетъ, чтобы и въ родѣ человѣческомъ при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ было и полное ихъ единство; только достигнувъ многоединства, подобнаго Божественному Тріединству, родъ человѣческій будетъ носить въ себѣ образъ и подобіе Божіе; по одиночкѣ же подобными Тріединому Богу быть мы не можемъ, и каждый человѣкъ въ отдѣльности, какъ бы ни старался онъ увѣрить себя въ собственномъ достоинствѣ,—можетъ чувствовать лишь свою малость, свое ничтожество свое полнѣйшее неподобіе Богу. Такимъ образомъ христіанство, или православіе, требуетъ такого общенія или общества, обнимающаго весь родъ человѣческій, предъ которымъ самые высокіе идеалы соціологіи становятся не только низкими, но и нечистыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ, и по справедливости считаетъ несовершеннолѣтними общества, которыя нуждаются въ дядькахъ, т. е. общества, въ основѣ которыхъ лежатъ начала юридическія и экономическія, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Тріединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ. Къ многоединству по образу Божественнаго Тріединства самодержавіе и ведетъ родъ человѣческій. Санъ Самодержца—свойства религіознаго и нравственнаго и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго.

Что русское православіе есть дѣло, осуществленіе, а не сѣнь, не подобіе, прообразъ, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное дѣйствіе, это видно уже изъ перваго вопроса, который предлагаетъ миссіонерамъ равноапостальный Владиміръ: «Какая ваша **заповѣдь**»,—а не **во что** вы вѣруете,—спрашиваетъ онъ. (Впрочемъ, и слово **„вѣра“** значило въ то время не мнѣніе только, а **клятву**, обѣтъ исполнить дѣло; отсюда и **„вѣроломный“**, т. е. нарушитель обѣта, клятвы). Въ вопросѣ, заданномъ Владиміромъ, и начинаетъ открываться значеніе самодержавія. Со стороны Владиміра вопросъ о заповѣди не былъ только вопросомъ, ибо онъ и отвѣтъ далъ не словомъ, а дѣломъ, хотя и личнымъ только, и отрицательнымъ. Принявъ крещеніе, Владиміръ распустилъ свой гаремъ, пересталъ казнить даже разбойниковъ и не раздавалъ только имущество, но и ра-

зыскивалъ нищету... Русскій народъ былъ крещенъ безъ оглашенія, безъ наученія, какъ крестятъ младенцевъ, онъ пошелъ къ купели **по приказу князя**... Но какого князя?!...—который на самомъ себѣ, **на дѣлѣ** показалъ, что такое христіанство. Какой катехизисъ, какой аргументъ можетъ быть сильнѣе этого примѣра, спросимъ мы клеветниковъ на русскій народъ, которые видятъ въ немъ безсмысленную толпу,—клеветниковъ на тотъ народъ, для убѣжденія котораго нуженъ былъ такой великій, нравственный аргументъ, на тотъ народъ, который въ двухъ князьяхъ-братьяхъ, жертвахъ усобицъ, канонизовалъ христіанскую любовь и осудилъ раздоръ, предшествовавшій самодержавію. Первый, отъ кого русская земля ведетъ самодержавіе,—Владиміръ Мономахъ, былъ чтителемъ именно этихъ двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба. Народъ, способный къ такому единодушію, которое созидаетъ храмы въ одинъ день, народъ, который можно вызвать даже на бунтъ, отнимая у него зараженныхъ смертельнымъ недугомъ, потому что онъ предпочитаетъ жить и умирать вмѣстѣ,—(«умирать, такъ умирать всѣмъ»,—думаетъ онъ, что весьма неблагоразумно, конечно, но тѣмъ не менѣе высоконравственно),—для такого народа, у котораго все дѣлается сообща, помочами и толоками, и крещеніе возможно было только въ общей купели, а не поодиночкѣ, по мѣрѣ наученія отдѣльныхъ лицъ; для такого народа и способы леченія нужны не индивидуальные, а общіе, поражающіе болѣзнь въ ея общемъ корнѣ, заключающемся въ слѣпой силѣ природы, онъ и лечиться, какъ и креститься, не хочетъ въ одиночку.

Крещеніе безъ оглашенія указывало на великую задачу самодержавія, какъ воспріемника народа отъ общей купели. Самодержавіе, какъ воспріемничество, есть принятіе на себя долга за воспринятый народъ, долга, заключающагося въ осуществленіи чаемаго (чаю воскресенія мертвыхъ), въ осуществленіи явномъ, дѣйствительномъ, вмѣсто ветхозавѣтной сѣни, прообразованія; т. е. воспріемничество самодержцемъ народа, заключается въ томъ, что самодержавіе приняло на себя долгъ, обязанность приготовить народъ, сдѣлать его способнымъ къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что при крещеніи, мѵропомазаніи и другихъ таинствахъ совершается таинственно; поэтому самодержавіе, какъ воспріемничество, есть **возглавленіе**, тогда какъ папство, какъ непогрѣшимое, есть **обезглавленіе**: воспріемничество, какъ выраженіе самодержавія, имѣетъ цѣлью **возглавленіе всѣхъ**, т. е. **всеобщее обязательное просвѣщеніе**, а не обезглавленіе, чтобы сдѣлаться главою церкви. **Возглавленіе всѣхъ** означаетъ обращеніе общества,—по типу животнаго организма слѣпою силою созданнаго,—въ общество по образу и подобію Пресв. Троицы. Возглавленіе означаетъ, что земнымъ главою дѣлается церковь; это не папо-цезаризмъ и не цезаро-папизмъ; самодержавная власть, въ отца—мѣсто стоящая, **есть сила воспитывающая**, т. е. **ведущая къ совершеннолѣтію**. Всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность Царя-воспріемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ сдѣлать достойными аттестата зрѣлости, свидѣтельствующаго, что получившіе его вышли изъ возраста шалостей и баловства (къ **ша-**

лостямъ, въ обширномъ, народномъ смыслѣ причисляются и разбои, а **война** къ **баловству**), вышли изъ возраста увлеченія игрушками (мануфактурами всякаго рода) и, какъ участники **общаго великаго дѣла**, не нуждаются ни въ надзирателяхъ, ни въ гувернерахъ, ни въ карцерахъ. Владиміръ былъ воспріемникомъ русскаго народа отъ **общей** купели и этимъ принялъ на себя и всѣхъ своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія, которое въ настоящее время должно быть необходимымъ дополненіемъ всеобщей воинской повинности для того, чтобы постепенно превратить воинскую повинность изъ борьбы съ себѣ подобными въ объединеніе въ трудѣ познанія слѣпой силы и обращенія ея въ управляемую разумомъ.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства русская церковь стала одною изъ епархій константинопольскаго патріархата и самъ великій князь, породнившійся при этомъ съ императорами, не могъ не признавать нѣкоторой зависимости отъ мірового города. Владиміръ I-й, равноапостольный, овладѣвъ Корсунемъ, могъ предписать Византіи условія мира, такъ какъ Корсунь имѣлъ тогда большее значеніе въ отношеніи Константинополя, чѣмъ нынѣшній Севастополь, ибо до изобрѣтенія пороха, дававшаго возможность запереть проливы, обладателю Корсуня была открыта дорога къ Царь-Граду. И императоры, вынужденные отдать въ замужество за варвара, какимъ казался имъ Владиміръ, свою сестру, должны были дать своему свойственнику и соотвѣтствующій санъ, какъ они давали всѣмъ варварскимъ князьямъ и королямъ, и, конечно, санъ гораздо выше патриція, который былъ данъ Хлодвигу. Тѣснимые Западомъ, узурпировавшимъ санъ императора, начавшимъ отдѣляться отъ Востока и религіозно, императоры законные должны были искать опоры и союза Сѣвера противъ Запада. Выраженіемъ этой необходимости и долженъ былъ служить титулъ и соотвѣтствующія инсигніи, или регаліи *). Въ рукахъ императора новый (быть можетъ) цезарь долженъ былъ служить орудіемъ для защиты или даже для низложенія западныхъ узурпаторовъ. Такимъ образомъ легенда о регаліяхъ имѣетъ историческое основаніе, хотя она и пріурочивается, съ нарушеніемъ хронологіи, съ одной стороны къ Владиміру Мономаху, котораго однако не отдѣляютъ, повидимому, отъ перваго Владиміра, а съ другой—къ Константину Мономаху, при которомъ произошло раздѣленіе церквей и который былъ соименникомъ первому равноапостальному императору.

Такимъ образомъ двѣ великія обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами превратить въ объединеніе для познанія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ. Для совершенія **этого дѣла, для исполненія этого дога**, которо-

*) Византійскіе лѣтописцы по гордости умалчиваютъ объ этомъ, а слѣдовательно не знаетъ этого и русскій лѣтописецъ, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ греческихъ лѣтописей.

му нужно принести въ жертву и имущество и жизнь (т. е. къ обязательному налогу должно присоединить добровольный, а интеллигенція кромѣ того—къ обязательной службѣ должна присоединить и добровольное учительство),—какое значеніе могутъ имѣть конституціонныя учрежденія?!. Какія права будутъ отстаивать выборные отъ народа, когда все заключается только въ обязанностяхъ?! При существованіи обязательной и вмѣстѣ образовательной службы, при существованіи всеобщаго **отеческаго** дѣла злоупотребленія сами собой окажутся невозможными. И что будетъ значить свобода, охраненіе коей конституція ставитъ своей задачей, если дѣло самодержавія заключается въ объединеніи всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, т. е. въ трудѣ **познанія**, освобождающаго отъ голода, язвы и смерти? Не будетъ-ли такая свобода освобожденіемъ отъ труда знанія, правомъ оставаться въ невѣжествѣ, пребывать въ порабощеніи у силы умерщвляющей? Для интеллигенціи это было бы и освобожденіемъ отъ учительства ради забавы и игры, а для народа – ограниченіемъ участія въ этомъ всеобщемъ и священномъ дѣлѣ восемью часами работы, ради 16 ти часоваго бездѣлья, праздности. Словомъ конституція будетъ противодѣйствіемъ благу, ограниченіемъ добра.

Вопросъ о самодержавіи и отрицаніи его, т. е. конституціи, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о долгѣ и цѣли, для осуществленія которыхъ требуется объединеніе въ трудѣ. Имѣемъ-ли мы долгъ къ тѣмъ, отъ которыхъ получили жизнь и которыхъ по роковой необходимости вытѣсняемъ изъ жизни, лишаемъ ея? Или же никакого долга, никакой обязанности въ отношеніи къ умершимъ,—вѣрнѣе къ умершвленнымъ,—на насъ не лежитъ, и мы прямо и открыто можемъ признать за собою право на вытѣсненіе?!. Вытѣсненіе кажется правомъ, кажется законнымъ, естественнымъ, благодаря привлекательности всего того, что заключается въ memento vivere, и это въ особенности при кажущейся невозможности противодѣйствовать смерти, или умершвляющей силѣ. Благодря кажущейся невозможности противостоять смерти, memento vivere очень удачно борется съ отвлеченнымъ memento mori, или съ безплоднымъ аскетизмомъ. Если же разоблачить vivere отъ всего, что въ немъ обманчиваго, а отвлеченное mori замѣнить **умершими**, т. е. реальными фактами, изъ которыхъ выведено mori, то подъ **живи** мы увидимъ **борись**, т. е. **умершвляй**, а въ **„помни смерть“** и еще болѣе въ **„помни умершвленныхъ“**, мы увидимъ указаніе на долгъ, на обязанность, вызываемую раскаяніемъ, на обязательность совокупнаго труда для возстановленія жизни, для искупленія грѣха; и тогда-то пріобрѣтетъ все свое значеніе самодержавіе, значеніе не только великое, но и въ высшей степени священное, какъ руководство этимъ совокупнымъ трудомъ; тогда только будетъ оцѣнена по достоинству и конституція, или отрицаніе самодержавія, отрицаніе, слѣдовательно, совокупнаго труда ради права на жизнь врознь, въ одиночку, ради соблазновъ, заключающихся въ memento vivere. Эти соблазны неизмѣримо преувеличиваютъ къ тому же кажущуюся, вслѣдствіе нашей розни, невозможность борьбы съ

умершвляющею силою; борьба эта, будучи и дѣйствительно невозможною и даже немыслимою для каждаго въ отдѣльности,—какъ не возможно для каждаго въ отдѣльности быть образомъ и подобіемъ Тріединаго Бога, -- при соблазнахъ жизни кажется невозможною даже для труда соединеннаго во едино всего рода человѣческаго.

Самодержавіе есть долгъ къ умершимъ всѣхъ живущихъ, а конституція есть право живущихъ, которые удержать, сохранить жизнь однако не въ силахъ. Самодержавіе есть общее дѣло, предметомъ котораго служитъ жизнь всего рода человѣческаго, какъ выраженіе совершеннолѣтія; конституція же есть отрицаніе совершеннолѣтія и охраненіе, увѣковѣченіе несовершеннолѣтія, признаніе забавы и игры цѣлью жизни. Конституціонная власть, или ограниченіе власти воспитывающей, т. е. ведущей къ совершеннолѣтію, есть замѣна отцовъ выборными, наемниками, и означаетъ увѣковѣченіе несовершеннолѣтія, потому что всякій выборъ попечителей, или опекуновъ, есть новое подтвержденіе избирателями своего несовершеннолѣтія. Конституція есть наказаніе вѣчными надзирателями, педелями, карцерами за отреченіе отъ отечества, отъ самодержавія, а потому она, конституція, и есть самый великій порокъ. Дѣло самодержавія есть дѣло священное, внѣхрамовая литургія, есть братотвореніе черезъ усыновленіе—(какъ дѣло воспріемника въ крещеніи и помазаніи)—для исполненія долга душеприказчества, а душеприказчество и есть сущность самодержавія. Конституція означаетъ изгнаніе довѣрія и добровольности, обращеніе стоящаго въ отца или праотца—мѣсто въ наемника (конституціонные монархи или президенты республикъ суть наемники, а liste civile есть наемная плата конституціонному государю), изгнаніе всего религіознаго и нравственнаго. Самодержавіе есть послѣдняя гарантія, охрана родственнаго, патріархальнаго, родоваго быта, который еще живетъ во всѣхъ семьяхъ, ибо самодержавіе по существу есть замѣна всего юридико-экономическаго нравственнымъ, т. е. родственнымъ; замѣна же самодержавія наемничествомъ т. е конституціею, будетъ означать изгнаніе родственнаго, замѣну его юридическимъ даже во всѣхъ семьяхъ, т. е. вездѣ и во всемъ, такъ какъ конституція по существу есть замѣна нравственнаго, родственнаго юридико-экономическимъ. Конституція, это—эмансипація, освобожденіе личности, или обращеніе сыновъ человѣческихъ въ блудныхъ сыновъ, замѣна жизни для прошедшаго, имѣющаго и долженствующаго имѣть будущность, жизнью для настоящаго, превозношеніе сыновъ предъ отцами (прогрессъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и безцѣльность существованія. Признаніе себя **сынами** человѣческими есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе на небѣ Бога всѣхъ умершихъ отцовъ, а на землѣ признаніе власти, стоящей въ отцовъ (всѣхъ умершихъ, отцовъ)—мѣсто. Власть эта защищаетъ сыновъ человѣческихъ отъ блудныхъ сыновъ, промѣнявшихъ отцовъ на комфортъ и роскошь. Для самодержавія, стоящаго въ отца или праотца—мѣсто, въ словахъ пророка Малахіи—«Не отецъ-ли **единъ** всѣмъ намъ? не Богъ ли единъ созда насъ!» —нѣтъ вопроса, какъ нѣтъ вопроса и въ задачѣ самодержавія, заклю-

чающейся, говоря словами того же пророка, въ возвращеніи «сердецъ сыновъ къ отцамъ и сердецъ отцовъ къ сынамъ». Вопросъ заключается лишь въ знаніи, въ отысканіи тѣхъ средствъ, которыми могутъ быть возвращены къ отцамъ забывшіе свое сыновство и живущіе—потому—въ розни, или замѣнившіе **сыновство** ничего опредѣленнаго въ себѣ не заключающимъ **гуманизмомъ**. Гуманизмъ, замѣнивъ божеское человѣческимъ, заставлялъ забывать и прошедшее и будущее, призывалъ къ memento vivere, т. е. къ настоящему. Гуманизмъ первоначальный ограничивался еще деизмомъ; позднѣйшій же,—гуманизмъ на высшей своей ступени,—не знаетъ и этой границы, такъ какъ призналъ Бога лишь идеализмъ, т. е. своимъ произведеніемъ. Замѣнивъ выраженіе—**„сыновъ человѣческихъ“** (Господь Іисусъ Христосъ называетъ себя не **человѣкомъ**, а **сыномъ человѣческимъ**), т. е. **сыновъ умершихъ отцовъ**, словомъ **человѣкъ**, въ коемъ не видно ни родства, ни смертности, гуманизмъ употребляетъ это, ничего не говорящее, слово **то какъ предметъ гордости**, ни на чемъ не основанной, этого гуманистическаго фарисейства, заключающагося въ сознаніи собственнаго достоинства, какъ основы безбожной этики, **то какъ разрѣшеніе на всѣ пороки**, потому что они не чужды человѣку. Отдѣливъ человѣка отъ Бога, гуманизмъ сближаетъ его, а наконецъ и совсѣмъ отождествляетъ съ животнымъ. Самое величайшее зло заключается въ томъ, что удалившіеся отъ отцовъ, блудные сыны, не только не видятъ зла въ этомъ удаленіи, но и предпочитаютъ братству и сыновству гражданство и эмансипацію, признавая именно въ нихъ, въ эмансипаціи и гражданствѣ, благо. Но можетъ ли быть благомъ то, что основано на недовѣріи и борьбѣ, какъ общество людей, удалившихся отъ отцовъ, общество не сыновъ и братьевъ, а гражданъ, отношенія которыхъ опредѣляются не нравственными, а юридико-экономическими законами?! Зло заключается въ слѣпой силѣ, обладающей нами и вооружающей насъ другъ противъ друга; иначе сказать,—зло заключается въ нашемъ незнаніи слѣпой силы и подчиненіи ей вмѣсто управленія ею.

Конституція, или право живущихъ, можетъ бороться съ самодержавіемъ, или долгомъ къ умершимъ, до тѣхъ лишь поръ, пока самодержавіе не стало еще всемірнымъ, т. е. пока оно вынуждено защищать могилы отцовъ отъ непризнающихъ общаго отечества (а слѣдовательно и братства), и пока оно, самодержавіе, не стало еще орудіемъ Бога—отцовъ, не обратило еще природы въ средство исполненія воли **Животворящей** Троицы. Конституція не въ силахъ была-бы бороться съ самодержавіемъ, или съ отечествомъ, въ отца—мѣсто, съ самодержавіемъ, какъ выраженіемъ долга къ умершимъ (душеприказчествомъ), даже и въ томъ случаѣ, если бы оказалось возможнымъ пріобрѣсти безсмертіе для живущихъ безъ воскрешенія умершихъ, ибо это было бы нарушеніемъ, замѣною злого закона, или злой правды, по которой послѣдующее поглощаетъ предыдущее для того, чтобы быть поглощеннымъ и въ свою очередь, злою неправдою, которая состояла-бы въ томъ, что поглотившее пользовалось бы безсмертіемъ,

жизнью, не возвращая жизни тѣмъ, отъ которыхъ оно ее получило и которыхъ затѣмъ поглотило; самодержавіе же есть замѣна злой правды правдою благою, по которой поглотившее возвращаетъ жизнь поглощенному, и только этимъ путемъ и себѣ пріобрѣтаетъ безсмертіе.

Если нѣтъ вражды вѣчной, а устраненіе вражды временной есть наша задача, то конституція, какъ одинъ изъ видовъ вражды, имѣетъ лишь временное значеніе, и тѣмъ кратковременнѣе будетъ ея существованіе, чѣмъ скорѣе исчезнетъ предразсудокъ объ ея будто-бы полезности.

Самодержавіе въ первоначальномъ смыслѣ есть диктатура, вызванная опасностью не отъ другихъ себѣ подобныхъ людей, а отъ силы слѣпой, всѣмъ безъ исключенія грозящей смертью.

Самодержавіе, т. е. власть въ отца—мѣсто стоящая, явилась тотчасъ послѣ смерти перваго отца, соединивъ всѣхъ въ единой волѣ, въ единомъ желаніи, вызванномъ утратою, смертію; самодержавіе было выраженіемъ вѣры въ животворящую силу и невѣріемъ въ окончательное торжество умерщвляющей силы, было вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніемъ обязанности (т. е. вѣрою, или клятвою, обѣтомъ) быть орудіемъ силы животворящей и пользоваться умершвляющею силою,—умершвляющею по своей лишь слѣпотѣ,—какъ средствомъ оживленія; сыны умершихъ отцовъ думали, или чаяли, видѣть во всемъ, что вызывалось утратами, т. е. въ голосѣ и словѣ (плачъ, причитанія), во всякомъ дѣйствіи и движеніи (совокупномъ) средство оживленія;—отсюда и долгъ душеприказчества.

Конституція въ ея первоначальномъ видѣ есть произведеніе сыновъ, забывшихъ отцовъ, произведеніе сыновъ блудныхъ, или бродягъ, непомнящихъ родства, избиравшихъ изъ среды своей правителя не какъ отца, а какъ чужого, на условіяхъ, которыя могли-бы ограждать ихъ отъ возможныхъ злоупотребленій властью со стороны ихъ избранника. Очевидно, что во всѣхъ такого рода обществахъ, т. е. въ обществахъ конституціонныхъ, республиканскихъ, въ обществахъ политическаго, гражданскаго и, вообще, юридическаго характера, утрачены смыслъ и цѣль объединенія, власть лишена священнаго значенія, она не занимаетъ мѣста умершихъ отцовъ и не желаетъ быть орудіемъ воли Бога-отцовъ.

Если задача человѣческаго рода есть дѣло, а не разсужденія и пренія, которыя тормазятъ лишь дѣло, то будущность принадлежитъ самодержавію, освящаемому православіемъ, а не секуляризованнымъ парламентамъ, отрѣшеннымъ отъ всякаго религіозно-нравственнаго начала. Самодержавіе есть дѣло, подвигъ, а конституція игра во время безопасное, которая тотчасъ обращается въ диктатуру, т. е. въ нѣчто подобное самодержавію, какъ только наступаетъ опасность. Были автократоры даже у грековъ и диктаторы у римлянъ, не смотря на завистливый и сварливый характеръ этихъ народовъ нетерпѣвшихъ и изгонявшихъ отъ себя все, что было выше посредственности. Постоянство же и непрерывность самодержавія у какого-либо народа, свидѣтельствуетъ, что этотъ народъ не зналъ безопаснаго, спокойнаго времени, что вся жизнь его была не исканіемъ наслажденій, удо-

вольствій, комфорта, а исполненіемъ долга, подвигомъ. Таково было положеніе Россіи, которое привело ее къ самодержавію, и только самодержавіе спасло Россію; отсутствіе же самодержавія привело ее болѣе чѣмъ къ двухвѣковому игу, чуть не довело до совершенной гибели. Ту эпоху, которая привела было Россію къ гибели, нѣкоторые современные историки, смотря на нее издали, возвеличиваютъ, называютъ федеративною, свободною; а жившій въ то время пѣвецъ **„Слова о полку Игоревѣ“**, описывая мрачными красками тогдашнее настоящее и предвидя еще худшее будущее, восклицаетъ: «О, стонать тебѣ, земля Русская!» И должны ли мы печалиться вмѣстѣ съ пѣвцомъ **„Слова“**, или же восхищаться съ новыми историками тѣми порядками, которые привели къ игу?!... Стоявшее на постоянной стражѣ царство, это по истинѣ сторожевое государство, и дало возможность своимъ захребетникамъ, западнымъ народамъ, предаваться конституціонной игрѣ.

Конституція не только игра, но и игра злая, борьба все болѣе и болѣе ожесточающаяся, такъ что конституціонное государство само въ себѣ носитъ разрушеніе. И кто знаетъ, не обратятся ли конституціонные народы къ Россіи, если она сохранитъ самодержавіе, съ мольбою о спасеніи отъ нихъ же самихъ. Но «подобаетъ царствующему держати сіе съ великимъ опасеніемъ и къ Богу обращеніемъ и не уповати на силу, на злато и богатство исчезновенное» (посланіе старца Филофея).

Самодержавіе есть всемірно-историческое и всемірно-географическое начало, конституціализмъ же есть только отрицаніе самодержавія и ничего положительнаго въ себѣ не заключаетъ. Конституціализмъ—явленіе мѣстное, временное, сословное (дворянское, купеческое), а не всенародное; конституціализмъ есть произведеніе сословія интеллигентнаго, ученаго, забывшаго о своемъ происхожденіи, а слѣдовательно и о своемъ назначеніи, забывшаго о цѣли существованія; словомъ, конституція есть произведеніе не сыновъ, а гражданъ, т. е. сыновъ блудныхъ. Самодержавіе **предполагаетъ** существованіе такого человѣка, который, **„будучи отвѣтственъ только предъ Богомъ и своею совѣстью“**, не нуждается для выполненія лежащаго на немъ долга въ какомъ бы то ни было надзорѣ, ни въ надзорѣ со стороны выборныхъ отъ народа, ни въ обличеніяхъ гласности; и обязанность самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, наконецъ, сдѣлать подобными себѣ, т. е. отвѣтственными лишь предъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставить долгъ безъ исполненія; слѣдовательно образцомъ для государства монархическаго можетъ быть лишь полное совершеннолѣіе. Конституціализмъ же, не допуская возможности совершеннолѣтія, ограничивается лишь идеалами юридическаго и экономическаго свойства, ничего высокаго въ себѣ не заключающими и свойственными несовершеннолѣтнимъ; но и въ тѣхъ, какъ идеалахъ, видитъ нѣчто недостижимое Самодержавіе, напротивъ, носитъ въ себѣ не идеалы, а единую цѣль, или проектъ постепеннаго освобожденія отъ началъ юридическихъ и

экономическихъ, которыя не устраняютъ, а лишь сдерживаютъ борьбу между непризнающими родства, братства; въ самодержавномъ государствѣ, переходящемъ отъ **обязательной** повинности, службы, къ **добровольному** исполненію долга, борьба всѣхъ родовъ и видовъ замѣнятся общимъ, отеческимъ дѣломъ, дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, обращающимъ ихъ въ братьевъ, такимъ дѣломъ, предъ которымъ все возбуждающее нынѣ вражду, споры, тяжбы становится мелкимъ и ничтожнымъ. И потому самодержавіе есть правило, законъ, путь къ совершеннолѣтію, а конституціализмъ, закрѣпляющій несовершеннолѣтіе, узаконяющій борьбу, есть уклоненіе отъ этого по истинѣ царственнаго пути, исключеніе изъ общаго правила.

Правда, кромѣ Западной Европы, гдѣ господствуетъ конституціализмъ, есть цѣлая часть свѣта, гдѣ господствуетъ республиканизмъ; но нигдѣ въ такой степени и не сознается все несовершенство этого устройства, какъ именно въ Америкѣ, и не въ Южной только, а и въ Сѣверной, правленіе которой можетъ быть названо **какократіею**, такъ какъ лучшіе изъ американцевъ не считаютъ политику достойною ихъ вниманія и занятіе ею оставляютъ худшимъ.

Исторія есть изображеніе ряда попытокъ объединенія, все болѣе и болѣе расширяющагося, объединенія, долженствующаго, наконецъ, сдѣлаться всемірнымъ. Изображеніе исторіи въ видѣ ряда міровыхъ монархій есть самое древнѣйшее, практическое, дѣловое, библейское, священное, народное; тогда какъ нынѣшнее дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю, новую,—(на новую, отрекшуюся отъ родной ей, такъ называемой, средней исторіи, и возстановившую чуждую—древнюю, которая является отрицаніемъ объединенія, собиранія, упованія, надежды, общаго отеческаго дѣла),—есть недавнее, ученое, не дѣловое, а теоретическое, секуляризованное, не народное, и только западное; это дѣленіе тѣхъ, которые требуютъ отреченія отъ отцовъ (отъ преданій, традицій), не довѣряютъ братьямъ (свидѣтельству другихъ), желаютъ вѣрить только себѣ, знать лишь себя самихъ (Cogito ergo sum); это дѣленіе приводитъ къ скептицизму, критицизму и пессимизму.

Для насъ нѣтъ истины ни въ средней исторіи, ни въ новой: въ средней (т. е. въ папизмѣ) мы не можемъ признать исполненія воли Божіей ни въ крестовыхъ походахъ, ни въ замѣнѣ ихъ индульгенціями; нѣтъ для насъ истины и въ новой исторіи, которая есть торжество протестантизма, гуманизма, псевдоантичнаго язычества или же новаго католицизма (іезуитскаго, невѣрующаго). Отказъ отъ индульгенцій не есть, конечно, противленіе волѣ Божіей, а волѣ лишь папской, но протестантизмъ, какъ и гуманизмъ, не есть и исполненіе воли Божіей, ибо, требуя свободы, всякаго рода льготъ, политическихъ, религіозныхъ, онъ хочетъ исполненія каждымъ своей лишь человѣческой, личной воли; идеаломъ является minimum религіи или даже полное отреченіе отъ нея,—уменьшеніе податей, всякаго рода повинностей. Средняя исторія—духовная, религіозная, новая—свѣтская; въ средней—господство отцовъ, въ новой—бунтъ сыновъ. Съ Петра I на

ступаетъ время и намъ высказаться за средневѣковое или новое, за католицизмъ или протестантизмъ, или же отречься отъ нихъ, примирить ихъ. Но католицизмъ есть даже не приказъ или повелѣніе только, а приказъ съ угрозою проклятія, съ насиліемъ; протестантизмъ же не отказъ лишь отъ исполненія приказа, а протестъ съ обвиненіемъ въ деспотизмѣ, съ возстаніемъ противъ него;—вотъ почему истина въ печалованіи... А между тѣмъ отъ Ѳеофана Прокоповича до Л. Толстого, какъ самаго крайняго протестанта, и отъ Стефана Яворскаго до Вл. Соловьева, мы знали или католическое или протестантское, и не хотѣли знать православія, которое и есть печалованіе о всякой розни, ибо рознь ведетъ къ гибели, и православіе все сдѣлало для усиленія самодержавія, т. е. для собиранія, умиротворенія, для объединенія сыновъ въ дѣлѣ отеческомъ; — въ этомъ дѣлѣ и найдутъ примиреніе средневѣковое и новое міровоззрѣнія и дѣянія.

Признаніе Москвы 3 мъ Римомъ, не допускающее 4-го, есть также фактъ исторіи дѣловой, народной, священной, малопонятый славянофилами и ненавистный западникамъ, начиная съ Юрія Крижанича, этого перваго псевдославянофила, носившаго лишь маску славянофильства. Первымъ же и истиннымъ славянофиломъ былъ старецъ Филофей, первый провозгласившій Москву 3-мъ Римомъ и тѣмъ опредѣлившій наше назначеніе во всемірной исторіи, нашъ долгъ, наше міровое, всемірное дѣло. Москва—3-й Римъ, это еще проектъ, нынѣ забытый, но тѣмъ не менѣе, хотя и невольно, еще осуществляемый.

Самодержавіе есть хранитель нашего единства, не русскаго только или славянскаго, а вообще единства человѣческаго рода, ибо оно стоитъ въ праотца—мѣсто. Какъ ни называйте этого предка—Адамъ или Ной, согласно съ вѣрующими, или же,—согласно съ невѣрующими,—общимъ безыменнымъ предкомъ арійцевъ, семитовъ, финно-монголовъ и проч., гдѣ ни помѣщайте его, въ Эдемѣ или на Памирѣ, (а Эдемъ и Памиръ отождествляютъ и благочестивый Ленорманъ и нечестивый Ренанъ), во всякомъ случаѣ самодержецъ будетъ намѣстникомъ его, этого праотца. Какъ самодержецъ стоитъ въ праотца—мѣсто, такъ и кремль 3-го Рима стоитъ въ Памира или Эдема—мѣсто, каковыми и были Вавилонъ и другія столицы Востока. Если **исторически** возможно еще сомнѣніе относительно Памира, какъ могилы (по народнымъ сказаніямъ) или колыбели (какъ выражаются желающіе забыть о смерти) предка, праотца, то **географически** и особенно **этнографически** Памиръ есть, несомнѣнно, центръ, кровля міра, и весь старый свѣтъ, по общепринятой нынѣ географической номенклатурѣ, должно называть Памирскимъ материкомъ, какъ Западную Европу начинаютъ называть Альпійскимъ полуостровомъ, а Грецію можно назвать полуостровомъ Парнасскимъ, причемъ **исторически** Альпійскій полуостровъ есть возстановленіе, или возрожденіе Парнасскаго, нѣсколько лишь въ большемъ видѣ ..

На обширномъ Памирскомъ материкѣ, обнимающемъ три части свѣта, на материкѣ самодержавія и объединенія, небольшую часть самой ма-

лой изъ трехъ частей свѣта занимаетъ Западная Европа, полуостровъ розни, или конституціи, отвоевавшій для каждаго живущаго тамъ незавидное право жить **только для себя**,—право на рознь, на свободу, защита которой и составляетъ дѣло конституціи. Но и въ этой странѣ закоренѣлаго не **добро-**, а **свое-волія**, начинаетъ, повидимому, сознаваться несостоятельность конституціи, начинаетъ проявляться уваженіе къ самодержавію. Случай для проявленія уваженія къ самодержавію былъ данъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ смертью Монарха—хранителя мира. Если бы людямъ сороковыхъ годовъ показать октябрьскіе нумера даже либеральныхъ иностранныхъ газетъ 1894 года, въ которыхъ съ такою глубокою скорбью говорилось объ умиравшемъ, а затѣмъ умершемъ Императорѣ, они (люди 40-хъ годовъ) не повѣрили-бы глазамъ своимъ, такъ была велика ненависть къ самодержавію въ ихъ время. Чѣмъ же вызвана такая необычайная перемѣна въ мысли и чувствѣ, что сдѣлано самодержавіемъ столь великаго, чтобы вызвать такое неслыханное сочувствіе въ его принципіальныхъ противникахъ, что сдѣлало оно въ прошедшемъ, и что, повидимому, предстоитъ ему сдѣлать въ будущемъ?—Четырнадцатилѣтнее сохраненіе мира при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно было каждый день и часъ ожидать войны,—(и какой войны, обширность и разрушительность которой даже представить невозможно при нынѣшнемъ вооруженіи и при возможности, благодаря существующимъ путямъ сообщенія, вовлечь въ войну и самыхъ отдаленныхъ), есть, конечно, великое дѣло, это великое дѣло и было совершено Александромъ III мъ. Но еще болѣе великое дѣло было совершено Александромъ II-мъ, положившимъ за него и душу свою. Къ сожалѣнію въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ **освобожденія** крестьянъ, была допущена ошибка, благодаря тому, что оно было совершено въ духѣ европейскихъ началъ, слѣдовательно, въ духѣ началъ не христіанскихъ, и ошибка эта принадлежитъ не самодержавію, конечно, а именно уклоненію отъ самодержавія, какъ бы нѣкоторой даже измѣнѣ ему, измѣнѣ и православію... Не царю-мученику нужно приписать эту ошибку, а его прабабкѣ, освободившей дворянство отъ обязательной службы Государю и Отечеству и тѣмъ не менѣе оставившей дворянству помѣстья, которыя давались дворянамъ какъ жалованье, давались для службы. Народъ же всегда стоялъ крѣпко за самодержавіе и требовалъ для себя не **освобожденія**, а **службы**, но службы **непосредственно** царю и отечеству, такой службы, которую несло дворянство до своего освобожденія при Екатеринѣ II-й. При такомъ изумительномъ и высоконравственномъ требованіи не освобожденія, а службы, не свободы, а рабства Богу, царю отъ Бога поставленному и всѣмъ отцамъ, народъ оставался и въ то время, когда вступилъ на престолъ царь-освободитель.—Вліяніе запада, выразившееся не столько даже въ западникахъ, сколько въ славянофилахъ, исказило народное требованіе службы въ освобожденіе отъ нея, хотя сами обстоятельства того времени требовали чрезвычайной службы, ибо въ это время союзники Ислама, постояннаго врага нашего, послѣ одинадцатимѣсячной осады завладѣли по-

ловиною священнаго Корсуня, который, въ угоду напитанному классическими преданіями западу, былъ названъ Севастополемъ, именемъ, ничего не говорящимъ русскому народу. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы достигнуть мира, нужно было не просить его, а напротивъ — сдѣлать призывъ къ поголовному ополченію для защиты земли, потребовавъ присяги Государю и Отечеству ото всѣхъ и особенно—отъ крѣпостныхъ крестьянъ. Для большинства интеллигенціи, чуждой исторической жизни русскаго народа, будетъ непонятно, конечно, значеніе этой присяги, а крестьяне никогда не сомнѣвались, что какъ только они поцѣлуютъ крестъ и евангеліе, такъ и барщинѣ придетъ конецъ, и отъ службы помѣщикамъ они перейдутъ на службу Государю и Отечеству, оставаясь крѣпкими землѣ, прикрѣпленными къ ней, перейдутъ вмѣстѣ съ землею, на которой сидятъ и которую обрабатываютъ для своихъ семей, чтобы быть способными къ защитѣ земли, чтобы быть «**конны и оружны**“, какъ говорилось въ старину *). Освобожденіе, связанное съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ отечества, съ призывомъ къ службѣ для этой защиты, въ особенности если-бы со всеобщей обязательной службой было соединено и всеобщее обязательное образованіе, какъ необходимое условіе службы плодотворной, — такое освобожденіе, даже не успѣвъ проявить **всей** силы своей, дало-бы благовидный предлогъ лицемѣрнымъ друзьямъ свободы,—(которые тотчасъ по заключеніи съ нами мира поспѣшили на защиту рабства въ Америкѣ),—къ заключенію мира, къ почетному отступленію, и они сами поспѣшили бы воспользоваться этимъ предлогомъ безъ всякаго обращенія къ нимъ съ просьбою о мирѣ. Поспѣшное же заключеніе мира послѣ взятія Севастополя было ошибкою не политическою только, но и **бытовою**; торжество запада выразилось не въ низведеніи лишь Россіи съ той высоты, на которой она стояла до войны въ политическомъ отношеніи, но и въ возстаніи молодого противъ стараго, сыновъ **противъ отцовъ**, т. е. въ крайнемъ нравственномъ упадкѣ, которымъ даже кичились, признавая въ немъ оживленіе, хотя это оживленіе было лишь мнимымъ послѣ **дѣйствительнаго** застоя... Этотъ переворотъ и былъ констатированъ, хотя и очень слабо, Тургеневымъ въ **„Отцахъ и Дѣтяхъ**“, и конституція была бы только узаконеніемъ, воплощеніемъ вражды сыновъ къ отцамъ, каковою она, констиуція, и является на западѣ, гдѣ даже на самой вершинѣ общества **сынъ** стоялъ обыкновенно во главѣ оппозиціи. Приверженцы самодержавія суть приверженцы

*) Во время отечественной войны Александръ 1-й обѣщалъ дворянамъ, что уцѣлѣвшіе отъ смерти защитники отечества, взятые изъ крѣпостныхъ, послѣ войны будутъ возвращены ихъ помѣщикамъ; по этому ополченцы въ 1812 году, какъ остававшіеся крѣпостными, къ присягѣ приводимы не были. Такое распоряженіе вызвало бунтъ, между прочимъ, среди ополченцевъ Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губ., которые требовали, **чтобы ихъ привели къ присягѣ**. За это они были сосланы въ Сибирь. Война 1812 года была, можно сказать, торжествомъ рабства надъ безсодержательной свободой, зла надъ пустымъ благомъ, искаженнаго долга, надъ совершеннымъ отрицаніемъ его. Александръ I-й, перейдя Нѣманъ и Рейнъ, былъ истиннымъ виновникомъ высадки въ Крымъ безсодержательной свободы, лишающей жизнь смысла и цѣли, т. е. война 1813 и 1814 г.г. была причиной войны, во время которой и вступилъ на престолъ Царь-Освободитель.

вмѣстѣ съ тѣмъ мира и долга, а конституціалисты—любители права и вражды, ибо право безъ вражды не живетъ.

Въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1895 г. № 8 й, въ статьѣ **„О русскомъ самодержавіи“**, указывается, что самодержавная форма правленія **не хуже** другихъ правленій, что существованіе и происхожденіе его объясняется **мѣстными и временными условіями** и не особенно высокой степени культурнаго развитія населенія; статья же о **„Титулѣ“** (Рус. Архивъ 1895 г., № 7-й) и настоящая статья имѣютъ цѣлью доказать, что самодержавіе не только **не хуже**, а безъ сравненія лучше всѣхъ другихъ формъ правленія, и лучше тѣмъ именно, что составляетъ единственное средство, есть единственный путь къ достиженію истиннаго назначенія родомъ человѣческимъ, къ достиженію Царствія Божія, т. е. такого общества людей, которое не нуждается ни въ надзорѣ, ни въ угрозахъ наказаніемъ. Въ этихъ статьяхъ доказывается, что самодержавіе **всеобще** и **необходимо**, тогда какъ всѣ другія формы правленія представляютъ лишь исключенія. Самодержавіе необходимо и для наиболѣе культурныхъ, т. е. для наиболѣе испорченныхъ, и для этихъ послѣднихъ оно необходимѣе даже, чѣмъ для находящихся на нисшей степени культуры; и на вопросъ Соловьева—«Почему самъ Богочеловѣкъ... явился въ 8-мъ вѣкѣ послѣ основанія вѣчнаго города, въ предѣлахъ великаго римскаго государства, среди культурнаго населенія Галилеи и Іерусалима»,—данъ отвѣтъ самимъ же Богочеловѣкомъ: «не здравіи требуютъ врача, а болящіи», т. е. вырождающіеся, умирающіе, или культурные. Въ статьѣ «Русскаго Обозрѣнія» въ видахъ оправданія, конечно, самодержавія приводится такая выписка изъ Хомякова:—«Когда... русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ Государемъ (таково высокое происхожденіе Императорской власти! *), народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ во всѣхъ ея видахъ»... Кто узнаетъ въ этихъ словахъ—**славянофила, признающаго православіе, самодержавіе и народность**,—въ этихъ словахъ такъ ясна радость нашедшаго и въ своей исторіи что-то подобное западному; а между тѣмъ такое пониманіе призванія Михаила Ѳеодоровича противорѣчитъ и православію, и самодержавію, несогласно и съ понятіемъ русскаго народа, который не признаетъ за собою права давать власть, а Богу приписываетъ это право... И народъ **не выбралъ**, а **принудилъ** Михаила Ѳеодоровича, несовершеннолѣтняго сына страдальца за русскую землю, бывшаго во время избранія сына въ плѣну у поляковъ,—народъ принудилъ Михаила Ѳеодоровича вступить на царство угрозою гнѣва Божія, и избранный принялъ это избраніе съ гнѣвомъ и плачемъ, принялъ какъ тяжелую обязанность, и тѣмъ болѣе тяжелую, что это избраніе могло повредить его отцу, бывшему тогда, какъ уже сказано, въ плѣну у поляковъ. Конечно, такое отношеніе къ отцу для людей нашего времени непонятно; но во время избранія Михаила Ѳеодоровича на родителей не

*) Т. е. происхожденіе власти отъ народа, по Хомякову, выше происхожденія ея отъ Бога.

смотрѣли еще какъ на людей, которымъ пора убираться съ дороги дѣтей ихъ... А вотъ какое понятіе о самодержавіи имѣлъ Ю. Самаринъ (другъ Гагарина, перешедшаго въ католицизмъ); въ своей статьѣ—«Чему должны мы научиться?» —онъ говоритъ: «унизительный миръ, окончившій Крымскую войну, — **вездѣ бы вызвалъ строгій запросъ правительству и подалъ бы поводъ цѣлому обществу искать на немъ свое безчестіе**", вездѣ, конечно, тамъ, гдѣ общество считаетъ себя невиннымъ и всю вину слагаетъ на правительство. Гордый славянофилъ, признающій самодержавіе и говорящій конституціоннымъ языкомъ, до того доводитъ свое поклоненіе Западу, что полагаетъ, будто никакая сила не могла отвратить **исторически законнаго** исхода восточной войны. Другого исхода, по его мнѣнію, быть не могло, и продолженіе войны было-бы безумнымъ упорствомъ... Но,—искренно или неискренно,—Европа объявляла войну рабовладѣльческой Россіи; - почему-же Самаринъ и его собратья не предложили тогда же освобожденіе крестьянъ?!. Не царь, а само дворянство должно было-бы предложить и себя въ службу, признавъ, что именно освобожденіе его, дворянства, отъ службы и обращеніе крестьянъ на службу ему, дворянству, и было причиною **„исторически законнаго исхода войны"**.. Такимъ образомъ на вопросъ, поставленный Самаринымъ въ заглавіи статьи, можетъ быть одинъ лишь отвѣтъ,— **должно было научиться винить себя, а не другихъ.**

Если бы не было допущено въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вышеозначенной ошибки, то чрезъ призывъ ко всеобщей обязательной повинности еще въ 1855 году были-бы освобождены и крестьяне, т. е. были-бы совершены двѣ реформы,—которыхъ и отдѣлять одну отъ другой было не должно,—освобожденіе крестьянъ и введеніе всеобще-обязательной воинской повинности; такимъ образомъ было бы совершено и возвращеніе къ старинѣ, къ тому времени, когда и дворянство было служилымъ сословіемъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что возможность призыва къ службѣ всѣхъ во время вступленія на престолъ царя-освободителя облегчалось тѣмъ, что не народъ только требовалъ тогда службы, но и интеллигенція; все лучшее и особенно молодое въ ней, требуя по недоразумѣнію —свободы, въ сущности, желало именно дѣла, службы и даже, можно сказать, **ига**, вслѣдствіе чего и дѣлались орудіемъ тѣхъ, которые указывали имъ дѣло, ведущее будто бы къ свободѣ; благодаря такому настроенію интеллигентной учащейся молодежи и образовалось въ шестидесятыхъ годахъ множество различныхъ обществъ, кружковъ, въ которыхъ была строгая дисциплина, подчиненность, не допускавшая никакихъ разсужденій. Требовалось слѣдовательно, не освобожденіе для того, что-бы было легче дышать, —какъ это нѣкоторые лицемѣрно или по недомыслію говорили тогда; дышать становилось невозможно именно вслѣдствіе отсутствія всякаго дѣла, всякой обязанности, цѣли и смысла. Впрочемъ, вскорѣ наступила реакція; реакція противъ освобожденія крестьянъ выразилась въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого, этой поэмѣ, прославившей жизнь людей, никакого долга не знавшихъ, никакой службы не несшихъ и жившихъ на средства, которыя по-

лучались ими отъ помѣстій и крѣпостныхъ, данныхъ для службы, для выполненія долга, жизнь людей, которымъ не надо было грудиться даже для снисканія себѣ пропитанія. Такимъ реакціонеромъ Толстой остался и до сихъ поръ, хотя и не сознавая этого. Можно сказать даже, что эта реакція противъ освобожденія крестьянъ и ненависть къ освободителямъ въ Толстомъ росла и теперь дошла до отрицанія всякой службы освободителямъ, т. е. до отрицанія податей и всякихъ повинностей.

Хотя самодержавіе въ первоначальномъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ обращенія смертоносной силы въ средство оживленія) и утратилось, но въ смыслѣ духовномъ, особенно въ смыслѣ единства всего рода человѣческаго, оно еще сохранилось, что выражается не столько въ признаніи Москвы 3-мъ Римомъ, сколько въ утвержденіи—„**а четвертому не быти**“. Этимъ признается возможность объединенія полнаго, окончательнаго, выраженіемъ чего и было императорство. Согласно съ историческимъ значеніемъ императорскаго сана—всѣ императоры должны составлять **одного**. Только въ наше время, утратившее смыслъ исторической жизни, и возможно говорить о многихъ императорахъ **не какъ объ одномъ**. Для насъ уже непонятно значеніе этого **мы** въ устахъ Императора Востока или Россіи—3 го Рима; а между тѣмъ происхожденіе его относится, очевидно, къ тому времени, когда сама необходимость заставляла имѣть нѣсколькихъ императоровъ, не нарушая однако **единства, которое составляло существенное свойство императорской власти**, такъ какъ съ этою властью былъ связанъ миръ всего тогдашняго міра. Это единство при множествѣ, конечно, фикція и даже нѣчто мистическое, какъ находятъ нѣкоторые; но въ настоящее время эта фикція должна и можетъ стать дѣйствительностію, и въ ней не будетъ уже ничего ни фиктивнаго, ни мистическаго, если будетъ признано, что противъ усиливающихся неурожаевъ необходимо принять радикальную мѣру, придавъ войскамъ всѣхъ государствъ значеніе естество-испытательной силы. Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ быть разширяема до дѣйствительной всеобщности, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу въ **дѣлѣ для всѣхъ необходимомъ**, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ **случайности**, отъ каприза погоды... И это лишь первый шагъ въ осуществленіи того, что заключается въ многосодержательномъ понятіи о самодержавіи патріархальномъ, т. е. въ понятіи о самодержавіи въ его первоначальномъ смыслѣ, когда къ духовному присоединялось свѣтское, или не отдѣлялось отъ него, при чемъ знаніе было-бы средствомъ осуществленія чаемаго, т. е. средствомъ превращенія невидимаго и ожидаемаго въ видимое и осязаемое. Но это понятіе о самодержавіи, по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служилыхъ (находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу, - такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно Екатерины II-й, подъ вліяніемъ Запада,—т. е. невѣрія въ будущ-

ность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ *), осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе,—стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы отъ всѣхъ, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могилъ, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась, прежде всего, въ освобожденіи, начиная съ дворянъ, отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишило жизнь цѣли и смысла и обрекало Россію, какъ и весь родъ человѣческій, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводитъ тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности: тогда какъ самодержавіе въ истинномъ смыслѣ есть путь къ достиженію цѣли, совершеннолѣтія, и не ставя своею цѣлью благосостоянія живущихъ, ведетъ ихъ къ несравненно большему благосостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достиженіи одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщая блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ.

Въ самодержавіи и конституціи даются на выборъ двѣ будущности: въ самодержавіи дается замѣна юридическаго нравственнымъ, которое тождественно родственному, съ конституціею же необходимо связано изгнаніе всего родственнаго, т. е. нравственнаго, и замѣна его юридическимъ. Самодержавіе ведетъ родъ человѣческій къ такому объединенію, которое будетъ держаться не надзоромъ, не страхомъ наказанія, ведетъ къ объединенію, основанному на взаимознаніи, и на такомъ взаимознаніи, при которомъ соотношеніе внутренняго съ наружнымъ сдѣлается яснымъ, наружность не будетъ обманчива, и душа не будетъ потемками, такъ какъ не будетъ и причинъ къ скрытности и обману; такое объединеніе рода человѣческаго будетъ прямымъ приложеніемъ психологіи, но психологіи не индивидуалистической только, какова она нынѣ, а такой, когда всѣ сдѣлаются и познающими, и предметомъ знанія; что и должно быть, когда знаніе станетъ достояніемъ всѣхъ разумныхъ существъ, т. е. всѣхъ людей.

Искаженіе же понятія о самодержавіи, т. е. секуляризованіе, или превращеніе его изъ священнаго въ свѣтское, мірское, не внушающее никакого благоговѣнія, цивилизованіе его, или превращеніе изъ высоко-нравственнаго, глубоко-родственнаго, въ праотца—мѣсто стоящаго, отъ Бога происшедшаго, съ началомъ человѣческаго рода связаннаго, въ юридиче-

*) Христіанскую любовь нельзя отождествлять съ жалостью; христіанская любовь вѣритъ въ великое назначеніе человѣка и имѣетъ цѣлью устранить самыя причины людскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыя признаются неизбѣжными. Любовь обращается въ жалость только при отсутствіи всякой вѣры и надежды; и это не христіанство, не воскрешеніе, а буддизмъ, который видитъ избавленіе отъ бѣдствій жизни только въ потерѣ жизни, т. е. въ нирванѣ.

ское, политическое и гражданское, необходимо привело бы къ полному отрицанію самодержавія и превращенію его въ конституцію, на сторонѣ которой, должно замѣтить, и будетъ несомнѣнно окончательная побѣда въ борьбѣ ея съ секуляризованною и цивилизованною монархіею, т. е. съ монархіею, отрекшеюся отъ отцовъ ради соблазновъ настоящей жизни.

До полнаго отрицанія самодержавія и разрыва его съ православіемъ не доставало лишь уничтоженія чина вѣнчанія, для разрыва же нравственной связи съ народомъ не доставало договорнаго начала, контракта самодержца съ народомъ, т. е. именно конституціи. Вѣнчаніе на царство или коронаціонный актъ есть возведеніе самодержавія въ священное, христіанское, нравственное, словомъ, въ родственное дѣло, есть, такъ сказать, религіонизація самодержавія въ эпоху всеобщей секуляризаціи, въ эпоху возвращенія къ язычеству, когда все развѣнчивается, когда не имѣть ничего святого считается верхомъ развитія. А между тѣмъ именно изъ коронаціоннаго акта можно вывести опредѣленіе православія и самодержавія, опредѣленіе какъ ихъ взаимнаго отношенія, такъ и отношенія ихъ къ народности. Всѣ эти три начала,—православіе, самодержавіе и народность,—служатъ выраженіемъ патріотизма въ самомъ высшемъ, священномъ, народномъ и, въ то же время, въ самомъ древнемъ его значеніи, въ смыслѣ любви ко всѣмъ отцамъ, выраженіемъ для которой должно и можетъ быть лишь всеотеческое дѣло; и они, эти начала, совершенно чужды патріотизму въ смыслѣ гордости своими предками, каковъ патріотизмъ, понятый по-дворянски, по-рыцарски, какъ понимаетъ его и вообще интеллигенція, разумѣющая подъ отечествомъ совокупность гражданъ, а не сыновъ; чужды они, эти начала, и патріотизму, понятому по-купечески, какъ понимаютъ его купцы, торговцы, отождествляющіе отечество съ богатствомъ, въ борьбѣ за которое не щадятъ жизни главнымъ образомъ другихъ, а иногда даже и своей.

Къ сожалѣнію, и славянофилы, и западники имѣютъ понятіе о патріотизмѣ одинаково весьма далекое отъ истиннаго, и съ тою лишь разницею, что славянофилы хотятъ показать, будто они гордятся своими предками, а западники искренно презираютъ ихъ; и, надо думать, что ни тѣ, ни другіе одинаково не примутъ отождествленія православія, самодержавія и народности съ патріотизмомъ, въ смыслѣ любви къ отцамъ. Славянофилъ Хомяковъ даже въ пасхальной утрени не замѣчаетъ отцовъ и ихъ сыновъ, а видитъ лишь братьевъ, почему и говоритъ, будто **„слово братья всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй“**. Крайній же западникъ Толстой, обругавъ науку и искусство, обругалъ, наконецъ, и патріотизмъ, т. е. отцовъ и матерей. Смотря на патріотизмъ по-дворянски, воспитанный на грамотѣ о вольностяхъ дворянскихъ, Толстой называетъ патріотизмъ любовью, которая будто-бы ненавидитъ, убиваетъ?!. А между тѣмъ патріотизмъ въ его истинномъ, священномъ значеніи не только не убиваетъ, но оживляетъ, воскрешаетъ.

Православіе, какъ печалованіе о розни и гнетѣ, или небратствѣ, на-

ходитъ свой образецъ въ безграничной любви и преданности Сына Божія и Духа Святаго Богу Отцу, т. е. въ основномъ догматѣ, а вмѣстѣ и заповѣди христіанства, заповѣди для людей, вѣрнѣе—для сыновъ и дочерей человѣческихъ, въ ихъ совокупности, въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, какъ высшемъ выраженіи любви. «Ты во Мнѣ (Отецъ въ Сынѣ) и Я въ Тебѣ» (Сынъ въ Отцѣ), это—божественный патріотизмъ, какъ образецъ патріотизма земного, выраженнаго въ словахъ: **„и тіи въ Насъ едино будутъ“**. Православіе, которое и есть Божественный патріотизмъ, даетъ освященіе земному патріотизму, находящему свое выраженіе въ самодержавіи и народности. Въ приведенныхъ словахъ первосвященнической молитвы и заключается молитва объ осуществленіи Божественнаго патріотизма на землѣ чрезъ самодержавіе, руководящее народъ въ дѣлѣ объединенія по образу Божественнаго Тріединства. Самодержавіе, какъ стоящее въ отцовъ – мѣсто, какъ душеприказчество, есть по существу патріотизмъ, что выражается и въ словѣ **„Мы“**, употребляемомъ самодержцемъ, ибо подъ этимъ **„Мы“** разумѣется не одинъ говорящій, но и всѣ, вмѣсто которыхъ стоитъ Онъ. Въ этомъ „Мы“ выражается, что онъ живетъ не для себя (эгоизмъ) и не для другихъ (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ, т. е. со всѣми живушими для всѣхъ умершихъ и только въ жизни всѣхъ живущихъ для всѣхъ умершихъ и возможно земное благополучіе; это-то и есть то блаженство, которое христіанство обѣщаетъ только въ будущемъ, а даетъ его и въ настоящемъ. Получившій освященіе самодержецъ, какъ руководитель сыновъ и орудіе Бога отцовъ, осуществляетъ вмѣстѣ съ народомъ образецъ, данный въ Божественномъ Тріединствѣ, ибо и самъ народъ заключаетъ въ себѣ уже все необходимое для такого осуществленія, что имъ и выражено въ самомъ названіи себя славянами, т. е. не **славными**, какъ это слѣдуетъ по дворянски, а славящими отцовъ своихъ, т. е служащими имъ, какъ это должно по-крестьянски, по-сельски, по-деревенски, по понятіямъ народа, живущаго у могилъ отцовъ, у праха предковъ. То же самое выражается и въ названіи арійцевъ, что значитъ не **достопочтенные**, а чтущіе своихъ отцовъ, въ противоположность не чтущимъ отцовъ, или нечестивымъ, безбожнымъ, неземледѣльческимъ, лишеннымъ отечества; для народовъ земледѣльческихъ, какими были арійцы, экспропріація есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и экспатріація. Почитаніе, поминовеніе отцовъ есть общая черта всѣхъ земледѣльческихъ народовъ и особенно народа русскаго. Почитаніе отцовъ выражается и въ обычаѣ брать съ собою при переселеніи горсть земли съ могилъ отцовъ, т. е. прахъ предковъ.

Самодержавіе, именующее себя просвѣщеннымъ деспотизмомъ и въ вѣнчаніи не нуждающееся, хочетъ, какъ и всякая конституція, жить не для мертвыхъ, а для живыхъ, не признаетъ никакой обязанности къ умершимъ, считая долгъ къ нимъ предразсудкомъ; такое самодержавіе не считаетъ себя и орудіемъ воли Бога умершихъ отцовъ; напротивъ, видя въ этомъ грубое суевѣріе, признаетъ себя рабомъ **слѣпой**, чувственной силы, считая такую покорность слѣпой силѣ **разумною**, вмѣняя въ добродѣтель уступки

чувственнымъ влеченіямъ, и видитъ во всемъ этомъ, т. е. въ борьбѣ за существованіе и въ половомъ влеченіи, жизнь, а не начало смерти.

Ничѣмъ такъ не злоупотребляютъ, какъ словами **живой**,—живые люди, живое дѣло, а также и словами—**безжизненное, мертвое**. Такъ говорятъ—«не могилы намъ нужны, а живые люди, чтобы вести живое, общее дѣло». Автору, усвоившему эту, нынѣ общеупотребительную, фразу, извинительно, конечно, не знать, что самое живое на свѣтѣ - война, которая оставляетъ такъ много могилъ. Автору думать, конечно, некогда, а потому, занимаясь рецензіями, онъ не знаетъ, что и рецензія тѣмъ живѣе, чѣмъ больнѣе критикъ бьетъ автора, бьетъ разумѣется лишь словами, которыя не убиваютъ, но лишь сокращаютъ жизнь, т. е. тоже убиваютъ, только медленно, какъ и всякая подобная непрямая война.. Такъ что у цивилизованныхъ народовъ нѣтъ, можно сказать, умершихъ, а только убитые; и всякая попытка уничтожить войну, не устранивъ причинъ борьбы, не только не принесетъ никакой пользы, а скорѣе будетъ вредна, потому что этимъ болѣзнь извнѣ будетъ вогнана внутрь. Только тогда, когда силамъ, употребляемымъ нынѣ на борьбу, будетъ данъ иной исходъ, когда онѣ будутъ обращены на общее отеческое дѣло, только тогда война будетъ невозможна. Полемика, которая составляетъ душу журналистики и которая такъ оживляетъ журналъ, конечно, не война; но она, по справедливому замѣчанію одного историка, замѣнила ту брань, которая въ старину, когда не было журналистики, предшествовала непосредственно битвѣ. Кратковременная брань, возбуждавшая ярость только въ войскахъ, въ настоящее время замѣнена журнальною или, вообще, литературною полемикою, которая подготовляетъ уже не битву, а войну, возбуждая ярость въ **полноправныхъ** гражданахъ, т. е. въ гражданахъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Эти граждане, занимаясь не **общимъ** всѣмъ людямъ **дѣломъ**, т. е. **не дѣломъ** сыновъ умершихъ отцовъ, а лишь общественными, гражданскими дѣлами, ведутъ борьбу и между собою, и не на бумагѣ лишь, но и на словахъ (въ парламентахъ) и внѣ парламентовъ, въ домахъ и внѣ ихъ, въ самыхъ нѣдрахъ семей, и это несравненно дѣйствительнѣй въ смыслѣ возбужденія ярости, подготовляющей войну уже не внѣшнюю, а внутреннюю, которая всегда злѣе войны внѣшней. Всякій разговоръ оживляется, когда переходитъ въ споръ, а споръ становится еще живѣе, когда спорящіе начинаютъ задѣвать другъ друга за живое, т. е. когда причиняютъ боль другъ другу, и если-бы послѣ такого спора оказался трупъ, то никто не скажетъ, что споръ не былъ живымъ.

Чтобы оставить вражду, нужно прежде всего понять, къ чему ведутъ насъ **живыя**, общественныя, гражданскія дѣла, нужно видѣть плодъ этихъ дѣлъ, т. е. могилы. Только изъ **сознанія** послѣдствій своихъ **живыхъ** дѣлъ, могилъ, изъ раскаянія и можетъ родиться общее дѣло, которое, чтобы не остаться мнимымъ, мысленнымъ, должно быть оживляющимъ. А вотъ и еще подобное вышеприведенному выраженіе: «Мы... принадлежимъ къ **молодому** поколѣнію, въ рукахъ котораго **жизнь** и **будущность**, ... и съ

презрѣніемъ внимаемъ **старческимъ жалобамъ** людей, которые любятъ **не живую** Русь, а **ветхій призракъ***), **вызванный ими изъ могилы**, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ». И это было сказано въ сороковыхъ годахъ профессоромъ всеобщей исторіи, все дѣло котораго состояло въ ежегодномъ вызываніи ветхихъ призраковъ изъ могилъ всего міра. Но профессоръ, очевидно, забываетъ, что и онъ самъ, и все молодое поколѣніе, **„въ рукахъ котораго жизнь и будущность“**, также сойдетъ въ могилу (и сошло уже большею частью), и тогда тѣ, которые будутъ потомъ держать въ своихъ рукахъ **жизнь** и **будущность**, также съ презрѣніемъ осудятъ вызовъ изъ могилъ и людей сороковыхъ годовъ. Такова та будущность, которую держало въ своихъ рукахъ молодое поколѣніе 40-хъ годовъ. А гдѣ же жизнь, которая была будто бы въ его рукахъ, въ его, слѣдовательно, распоряженіи?!.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ живое, общее дѣло: въ умершвленіи ли живущихъ, что скрывается подъ memento vivere **), или же въ оживленіи мертвыхъ, что должно бы заключаться въ memento mori? Чего-же желать, —конституціи-ли и просвѣщеннаго деспотизма, задача которыхъ заключается лишь въ заботѣ о живыхъ, въ доставленіи только живымъ комфорта, хотя эти живые являются вытѣснителями, конечно – невольными, вытѣснителями по роковой лишь необходимости своихъ предшественниковъ, умершихъ, или же желать самодержавія, стоящаго для живущихъ въ отца—мѣсто,—самодержавія, какъ воспріемника всѣхъ рождающихся и душеприказчика всѣхъ умершихъ, руководящаго всѣхъ живущихъ къ исполненію долга душеприказчества?!. Теперь, когда уяснилось, что жить **не умершвляя**, не возможно, когда подъ **жизнью** открылась **смерть**, когда жизнь, какъ борьба, оказалась медленнымъ убійствомъ, когда всякое послѣдующее (дѣти) показало себя враждебнымъ, вытѣсняющимъ **предыдущее** (отцовъ),—довольствоваться напоминаніемъ лишь о концѣ, о mori, уже нельзя, memento mori, т. е. помнить о своей лишь смерти, становится недостаточнымъ, ибо каждый, прежде чѣмъ быть умершвленнымъ, былъ уже умершвляющимъ, хотя и безъ намѣренія и даже вопреки намѣренію;—при такихъ обстоятельствахъ становится необходимымъ помнить прежде всего объ умершихъ, т. е. умершвленныхъ, и ни на минуту не терять изъ виду силы умершвляющей, въ которой желающіе забыть о смерти видятъ лишь силу рождающую, т. е. природу, и восхищаются ею; при такихъ обстоятельствахъ нужно объединиться въ трудѣ познанія умершвляющей силы, давъ неограниченную власть представителю всѣхъ умершихъ, самодержцу.

Въ вѣнчаніи на царство выражается то благословеніе, та милость

*) **Ветхимъ призракомъ**,—желая тѣмъ оскорбить,—профессоръ называетъ ту старую Русь, которая правъ не знала и ихъ не требовала, а зная и исполняя только долгъ, полагала жизнь въ защитѣ Европы отъ азіатскихъ ордъ.

**) Въ царствѣ животныхъ нѣтъ сознанія смертности, а потому животныя безусловно отдаются чувственнымъ влеченіямъ и борьбѣ, въ чемъ и заключается скотство и звѣрство, или полное осуществленіе memento vivere въ пассивномъ (скотство) и активномъ (звѣрство) смыслѣ.

Божія, чрезъ которую коронуемый становится всѣмъ тѣмъ, что исчисляется въ титулѣ, т. е. обязывается сохранить собранное и продолжать собираніе, или умиротвореніе, и количественно, и качественно, благословляется, слѣдовательно, на дѣло общее, отеческое, которое и есть внѣхрамовая литургія, заключающая въ себѣ и воспріемничество и душеприказчество..

Внѣхрамовая литургія есть **братотвореніе,** (къ которому относятся, какъ низшія ступени, и собираніе и умиротвореніе),—есть братотвореніе чрезъ усыновленіе, т. е. чрезъ крещеніе, муропомазаніе на дѣло отеческое, на исполненіе каждымъ своей миссіи, раскрываемой всеобщимъ обязательнымъ воспитаніемъ. Самую высшую степень муропомазанія составляетъ помазаніе на царство, помазаніе на предводительство въ дѣлѣ отеческомъ для исполненія долга душеприказчества, долга къ отцамъ и къ Богу—отцовъ, который заключается въ томъ, чтобы всѣ въ разумъ истинный пришли. Становясь въ отца—мѣсто, царь, какъ преемникъ императоровъ 2-го Рима, дѣлается защитникомъ гроба 2-го Адама, а принявъ титулъ памирскаго, сдѣлается защитникомъ могилы и 1-го Адама, станетъ **въ праотца — мѣсто.** Помазаніе на царство есть не противодѣйствіе лишь поглощенію послѣдующимъ предыдущаго (сынами отцовъ), а возстановленіе, т. е. воскрешеніе. Помазаніе на царство, въ смыслѣ дѣла воскрешенія, **даетъ цѣль собиранію.** Самое приличное для коронаціи, или помазанія на царство, время есть служба, начинающаяся въ великую Субботу и оканчивающаяся въ свѣтлое Воскресеніе, т. е. литургія великой Субботы съ вечерней, относящейся уже къ Пасхѣ, такъ какъ прежде это именно время было назначено для вступленія въ христіанство, т. е. для принятія крещенія и муропомазанія, высшая степень коего, т. е. муропомазанія, и есть помазаніе на царство. На это именно время для совершенія коронаціи указываетъ и обрядъ **акакіи,** который, составляя необходимую часть вѣнчанія на царство, совершался въ Византіи и въ день Пасхи, такъ какъ составлялъ необходимую часть пасхальной службы, ибо **акакія** указываетъ на самую сущность Пасхи, и на то дѣло, руководительство которымъ принимаетъ на себя въ помазаніи на царство самодержецъ. У насъ обрядъ **акакіи** на Пасху былъ замѣненъ тѣмъ, что по окончаніи заутрени Государь со своею свитою шелъ изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, прикладывался тамъ къ святымъ иконамъ и мощамъ и **„христосовался съ родителями“,** поклоняясь гробницамъ своихъ усопшихъ предковъ. Соединеніе праздника коронаціи съ праздникомъ воскресенія Христова, неразрывно связаннаго со всеобщимъ воскресеніемъ, имѣло-бы великое значеніе для душеприказчика всѣхъ умершихъ. Милостивый манифестъ, какъ необходимая принадлежность коронаціи, имѣетъ естественное мѣсто на пасхальной утрени послѣ слова Златоуста, которое должно назвать амнистіей.

Коронованіе есть освященіе, даваемое занявшему мѣсто отцовъ; въ короновании ему дается благодать для исполненія воли Бога отцовъ. Въ чемъ заключается эта воля Бога-отцовъ, исполненіе которой возлагается на коронуемаго, и указываетъ обрядъ, или дѣйство, **„акакіи“,** понятое

не въ философскомъ смыслѣ, по которому **акакія** есть лишь напоминаніе коронующемуся о собственной его смертности, тлѣнности, чѣмъ было и поднесеніе мраморовъ для выбора на гробницу, а въ смыслѣ народномъ, неискусственномъ, въ прямомъ значеніи праха отцовъ, который и содержала въ себѣ **акакія**. Дѣйство **акакіи** состояло въ томъ, что **акакія**, или шелковый платокъ съ землею,—которая есть **„знакъ земного нашего существа, имѣющаго востать“**,—возлагался на лѣвую руку вѣнчавшагося на царство, въ правой рукѣ котораго былъ скипетръ, увѣнчанный побѣднымъ знаменіемъ креста; такъ что прямѣе было бы сказать, что царь одною рукою собралъ прахъ отцовъ, а другою беретъ орудіе побѣды надъ смертію, орудіе оживленія..... Въ нынѣшнемъ чинѣ вѣнчанія дѣйство **акакіи**, какъ сказано, оставлено, или же, какъ говоритъ Горскій, замѣнено хожденіемъ въ Архангельскій соборъ, на кладбище отцовъ для поклоненія ихъ праху. Это поклоненіе гробамъ предковъ, какъ и акакія, не можетъ быть напоминаніемъ лишь о смертномъ концѣ,—предъ поклоняющимся гробамъ предковъ возстаютъ умершіе, каждый съ своимъ титуломъ; титулы же ихъ указываютъ, что каждымъ изъ умершихъ сдѣлано и что нужно еще сдѣлать, что ими уже пріобщено и что остается еще пріобщить во исполненіе воли **Бога-отцовъ всѣхъ племенъ**, вошедшихъ въ составъ Русскаго Царства. Вдохновляемый всѣми своими предшественниками, вѣнчанный на царство начинаетъ свою дѣятельность отъ имени всѣхъ ихъ, предавъ себя, свой народъ, всю жизнь свою и народа въ волю Бога-отцовъ не семитическихъ лишь, но и арійскихъ, туранскихъ и другихъ. Таково значеніе поклоненія гробамъ предковъ; дѣйство же акакіи указываетъ на самое дѣло, для котораго совершается объединеніе, на дѣло, въ которомъ и заключается цѣль и которое состоитъ въ томъ, чтобы царь, руководя всѣми сынами умершихъ отцовъ, направлялъ ихъ къ обращенію умершвляющей силы **живой природы** въ оживляющую, какою она и должна быть, и будетъ, конечно, когда будетъ не слѣпою, когда будетъ руководима разумомъ. А потому, не оставляя поклоненія праху предковъ, необходимо возстановить и дѣйство акакіи, какъ существеннѣйшую часть чина вѣнчанія, ибо этимъ будетъ возстановлено и вышеозначенное первоначальное понятіе о самодержавіи, какъ о предводительствѣ въ дѣлѣ обращенія смертоносной силы въ средство оживленія силою знанія, науки, которая должна стать общимъ достояніемъ.

Помазанный на царство самодержецъ получаетъ миссіанское значеніе, какъ въ области знанія, такъ и въ области дѣла. Онъ дѣлается иниціаторомъ (основоположникомъ) новаго знанія, которое можно назвать философіею самодержавія, неотдѣлимаго отъ религіи, какъ самаго древнѣйшаго откровенія. Знаніе говорящаго **„мы“**, неотдѣлимое отъ дѣла, отъ религіи, не можетъ исходить отъ языческаго оракула, требовавшаго **познанія самого себя**, т. е. указывавшаго только на **знаніе** и на **себя**, забывшаго о **дѣлѣ** и **другихъ** и скрывавшаго подъ этимъ требованіемъ себялюбіе и самолюбіе. Когда подъ гордымъ, которое только по привычкѣ уже не кажет-

ся такимъ, **„познай самого себя“** увидимъ—**знай только себя самого**, тогда отъ гордости перейдемъ къ смиренію, къ раскаянію въ отчужденіи себя отъ **всего** и отъ **всѣхъ**, т. е. отъ братій, отъ отцовъ, отъ Бога-отцовъ... Царственное знаніе (философія самодержавія) исходитъ отъ христіанскаго—«покайтесь» (въ розни), «приблизилось бо Царствіе небесное»; начинается, слѣдовательно, отрицаніемъ отчужденія людей другъ отъ друга, т. е. признаніемъ братства, отрицаніемъ измѣны отцамъ, т. е. признаніемъ себя сынами всѣхъ отцовъ, отрицаніемъ отчужденія отъ Бога — отцовъ, т. е. признаніемъ себя орудіемъ Бога-отцовъ; словомъ, **„познай себя“** обращается въ—**познайте въ себѣ отцовъ, въ отцахъ себя и во всѣхъ Бога**, въ которомъ Сынъ въ Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, и тогда не будете блудными сынами, т. е. не будетъ уже исторіи, какова она нынѣ есть, исторія не будетъ фактомъ, совершающимся безсознательно, исторія будетъ исполненіемъ проекта, заключающагося въ уподобленіи рода человѣческаго Божественному Тріединству, это будетъ исторія не какъ фактъ, а какъ проектъ, которую, т. е. исторію, человѣческій родъ будетъ **самъ** дѣлать,—исторія активная, какъ выраженіе совокупной воли..

Только при отдѣленіи отъ братій и забвеніи отцовъ становится возможнымъ незаконный вопросъ о происхожденіи вѣры въ Бога-отцовъ; раскаяніе же въ отчужденіи отъ братьевъ, въ забвеніи отцовъ, обращаетъ вопросъ о происхожденіи вѣры въ Бога-отцовъ въ вопросъ о происхожденіи **невѣрія**, зависящаго отъ **измѣны отцамъ** и **невѣрности братьямъ**, причемъ послѣдняя,—невѣрность братьямъ,—есть прямое слѣдствіе первой, т. е. измѣны отцамъ. Христіанство, какъ вѣра въ Тріединаго Бога, есть обожествленіе неотдѣлимости отцовъ отъ Бога, а вмѣстѣ и несліянности ихъ съ Богомъ, и потому самодержавіе, стоящее въ отцовъ—мѣсто и признающее себя орудіемъ Бога-отцовъ, есть истинно-христіанское учрежденіе, и оно не можетъ признать ни **пантеизама**,—въ которомъ заключается ученіе о сліяніи отцовъ съ Богомъ, ученіе, обращающее отцовъ лишь въ модусы,—**ни деизма**, въ которомъ заключается ученіе объ отдѣленіи отцовъ отъ Бога, не можетъ допустить и **протестантизма**, которымъ начинается отрицаніе религіи, сомнѣніе въ самомъ Тріединствѣ, и тѣмъ менѣе самодержавіе можетъ допустить **атеизмъ**, который есть вѣнецъ отрицанія религіи; по существу же атеизмъ не отрицаніе Бога, а признаніе за Бога слѣпой силы и вмѣстѣ—признаніе своего вѣчнаго этой силѣ рабства. Истинная религія, религія самодержавія, есть не **идеолатрія**, т. е. не обожествленіе **мысли** только и отрицаніе дѣла, но и не **идололатрія**, т. е. не обожествленіе слѣпой силы, не преклоненіе передъ нею и всякаго рода вещами рукотворными и нерукотворными... Съ самодержавіемъ начинается переходъ отъ знанія къ дѣлу; въ дѣлѣ же возсоединяются три неестественно отдѣленныя знанія: теологія, психологія и космологія, ибо отдѣленіе теологіи отъ психологіи, есть отдѣленіе Бога отъ отцовъ и сыновъ, отдѣленіе психологіи отъ космологіи есть отдѣленіе души отъ тѣла, или отрицаніе регуляціи, т. е. управленія слѣпой силы разумомъ, но разумомъ не

отвлеченнымъ, а сыновнимъ; при отрицаніи регуляціи міръ становится, или остается, неразумною и бездушною силою, а психологія—безсильнымъ разумомъ и чувствомъ. Регуляція,—взамѣнъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ къ истощенію и разрушенію,—есть только направленіе, которому теологія даетъ цѣль, психологія содержаніе, а космологія средство. Регуляція и есть общее дѣло, дѣло братское сыновъ, исполняемое ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство, и является первою причиною небратства. Такимъ образомъ самодержецъ становится иниціаторомъ въ вопросѣ о причинахъ небратства и о средствахъ возстановленія братства, родства, въ вопросѣ о томъ, какъ всѣ люди могутъ въ разумъ истинный придти; самодержцу принадлежитъ починъ въ переходѣ науки отъ знанія причинъ **вообще** къ знанію причинъ **небратства**, къ наукѣ плодотворной, къ наукѣ, переходящей къ дѣлу, къ наукѣ, которая не можетъ ограничиваться знаніемъ, отвѣчающимъ лишь на вопросъ—**„почему сущее существуетъ“**, а желаетъ знать, почему живущее умираетъ, не можетъ ограничиваться лишь **знаніемъ зла и добра**, а считаетъ долгомъ искорененіе **перваго** и водвореніе **второго**; словомъ, самодержецъ становится иниціаторомъ въ переходѣ науки отъ нынѣшняго ея отвлеченнаго, бездушнаго состоянія, въ науку братскую, сыновнюю, отеческую, и только въ такой наукѣ, въ такомъ знаніи и можетъ быть участникомъ самодержецъ.

Какъ иниціаторъ въ дѣлѣ братскомъ и отеческомъ самодержецъ является предводителемъ, императоромъ въ борьбѣ съ разъединяющимъ пространствомъ,—первымъ условіемъ чуждости, неродственности. Главнокомандующимъ всенароднаго ополченія въ этой истинно-христіанской борьбѣ или войнѣ,—уничтожающей разобщеніе, открывающей для тѣсно (плотно) населенныхъ мѣстъ исходъ въ малонаселенныя, исходъ, не прерывающій однако связей переселенцевъ съ старою родиной, съ могилами отцовъ, и предупреждающій развитіе безземелья и нищеты,—можетъ быть только самодержецъ. Важнѣйшимъ дѣломъ въ этой борьбѣ является построеніе сибирской дороги, дороги отъ незамерзающаго полярнаго порта на Варангеръ-фіордѣ (Портъ-Александровскъ) до подтропическаго порта на Квантунскомъ полуостровѣ (Портъ-Артуръ), съ портомъ и въ центрѣ этой дороги, въ Красноярскѣ, на многоводномъ, доступномъ для морскихъ кораблей Енисеѣ. Своевременная постройка этой дороги не допустила бы войны между Китаемъ и Японіею; наша дорога, дойдя до Кореи, стала бы между двумя врагами и предупредила бы ихъ столкновеніе. (При существованіи этой дороги не могла бы разыграться и та драма, которая разыгралась въ прошломъ 1900 году въ Манчжуріи) Но и не одно стратегическое значеніе будетъ имѣть эта дорога; мы можемъ возлагать на нее надежды въ видахъ умиротворенія non solum armis. Эта дорога, соединяя Западъ, приносящій дожденосные вѣтры, съ Востокомъ, источникомъ засухи, изсушающихъ вѣтровъ, должна стать въ основу метеорической регуляціи. Метеорическая же регуляція, предупреждающая засухи и ливни, распредѣляющая согласно

мѣстнымъ нуждамъ влагу и тепло, и будетъ тѣмъ дѣломъ,—началомъ дѣла,—для котораго необходимо соединеніе силъ не только всей Россіи, но и всей земли, для котораго требуется приложеніе воинской повинности. Пролегающая чрезъ весь материкъ дорога, развѣтвляясь, должна, наконецъ, соединить всѣ, даже самыя малыя населенныя мѣста съ общимъ центромъ для того, чтобы соединеніе (совокупленіе) силъ стало возможнымъ и даже легкимъ, чтобы стала возможною мобилизація для регуляціи.

Борьба съ разъединяющимъ пространствомъ, борьба съ разъединеніемъ и препятствіемъ къ соединенію есть первый шагъ въ борьбѣ **съ всепоглощающимъ временемъ**, а потому самодержецъ, какъ душеприказчикъ всѣхъ поглощенныхъ, необходимо является предводителемъ какъ археологовъ-историковъ, такъ и натуралистовъ-астрономовъ, понимая астрономію какъ совокупность всѣхъ естественныхъ наукъ, какъ ихъ самую простую, естественную форму. Вступленіе самодержца въ предводительство (а не въ предсѣдательство) учеными дѣлается новою эпохою, эрою, великимъ переворотомъ въ наукѣ, благодаря которому два класса ученыхъ соединятся, и не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи будутъ тогда заниматься не изученіемъ лишь останковъ отжившаго, разрушеннаго, а натуралисты—не изученіемъ лишь умершвляющей, разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) текущаго для возстановленія протекшаго (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ живоносную; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ братотворенія чрезъ исполненіе сынами долга къ отцамъ. Самодержавіе можетъ пріобрѣсти полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ свое непосредственное руководство два, соединенные въ одинъ, съѣзда, постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два съѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: съѣздъ историко-археологическій, въ которомъ соединяются знанія о человѣкѣ, знаніе протекшаго и текущаго—въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ, и съѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно-санитарнаго вопроса. Принявъ подъ свое руководительство этихъ испытателей жизни человѣческой и жизни природы, самодержавіе получитъ возможность **провѣрки** знанія оффиціальнаго знаніемъ добровольнымъ, знаніемъ наиболѣе безпристрастнымъ, и избавится отъ необходимости прибѣгать къ гласности (газетной или журнальной), къ гласу народа въ лицѣ мнимыхъ его представителей, который также не безпристрастенъ, пока весь народъ не станетъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ. Вопросъ о самодержавіи и конституціи разрѣшается самимъ знаніемъ въ пользу перваго, ибо конституція сама есть **одинъ изъ неистинныхъ способовъ знанія**,—даже можетъ быть болѣе неистинный, чѣмъ знаніе оффиціальное,—способъ—худшій самой гласности, которая также ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истиною, и будучи ничтожна, какъ сплетня, становится страшною, когда достигаетъ

громадныхъ размѣровъ. Конституція, разсматриваемая какъ способъ знанія, должна быть отнесена къ самымъ некомпетентнымъ, ибо она мнимымъ представителямъ народнымъ даетъ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи спеціалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія; т. е конституція невѣжеству даетъ власть надъ знаніемъ и умомъ. Глупость, сказалъ гдѣ-то Герценъ, есть сила; но онъ не добавилъ, что конституція развязываетъ руки этой силѣ, даетъ ей власть. Что конституція не другъ, а врагъ науки, видно уже изъ того, что въ самодержавной Россіи писатели обязаны вносить одинадцать экземпляровъ въ общественныя библіотеки, тогда какъ въ конституціонной Франціи голько два экземпляра. Нужно послушать пренія, поднявшіяся въ парламентѣ по вспросу объ основаніи новой астрономической обсерваторіи, чтобы судить о благосклонности представителей и защитниковъ личной наживы къ наукѣ. Противники занятія Туниса упрекали министерство, что ему Тунисъ нуженъ для того, чтобы произвести раскопки на мѣстѣ Карѳагена;—что же можетъ быть ненужнѣе, безполезнѣе этого?!.. Если самодержавіе ведетъ къ расширенію области мира и знанія, то конституція покровительствуетъ расширенію рынка, ради чего не останавливается и передъ войнами; и чѣмъ болѣе невѣжество (рабочіе) будутъ пріобрѣтать голосовъ въ палатахъ, тѣмъ болѣе будетъ сокращаться область вѣдѣнія: астрономія и археологія съ исторіей первые подвергнутся изгнанію. Самодержавіе ставитъ знаніе, прежде всего, внѣ интересовъ земныхъ, выше области себялюбія и самолюбія, а потому знаніе, не искаженное страстями, становится безпристрастнымъ. Изъ всѣхъ способовъ знанія самодержавною властью народа, каковы **оффиціальное**, или бюрократическое, **конституціонное**, въ которомъ представительство закрываетъ собою народъ также, какъ въ первомъ способѣ чиновничество, **журнальное**, лживость котораго стала общепризнанною истиною,—выше всѣхъ стоитъ **знаніе**, или **наука**, т. е. познаніе чрезъ особое сословіе, которое истину сдѣлало своимъ предметомъ, своею цѣлью, и которое имѣетъ свои соборы, или съѣзды. Но и наука, какъ выводъ изъ наблюденій и кабинетныхъ опытовъ, сдѣланныхъ **кой гдѣ, кой когда** и **кой-кѣмъ**, не можетъ быть признана истиною; а для того, чтобы знаніе стало выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ всѣми, вездѣ и постоянно, нужна власть, которая просвѣщеніе, т. е. введеніе всѣхъ въ область знанія, сдѣлала бы обязательнымъ; тогда и опыты изъ кабинетныхъ сдѣлались бы естественными, т. е. регуляціею силами природы. Иначе сказать, для науки, чтобы ей знать истину, или быть истиной, нужна самодержавная власть, а для самодержавной власти нужно знаніе истины, нужна наука.

Самодержавіе, обращая науку въ свое орудіе, дѣлаетъ науку **выводомъ изъ непрерывныхъ наблюденій, объемлющихъ всю землю**; для провѣрки же этого вывода земная планета превращается усиліями всѣхъ людей, объединенныхъ самодержавіемъ, въ предметъ опыта, опытъ же станетъ дѣломъ управленія ходомъ земли, дѣломъ управленія тѣхъ, которые связаны съ нею,—съ этою планетою, съ ея ходомъ,—жизнью и смертью;

т. е. земля сдѣлается свѣтиломъ, движимымъ не слѣпою силою, а разум. ною волею, какъ выраженіемъ божественнаго промысла. Нужно **править** временнымъ, чтобы быть невременнымъ... Таково значеніе **державы**, изображаемой земнымъ шаромъ, увѣнчаннымъ крестомъ, какъ скипетръ, тоже увѣнчанный крестомъ, есть жезлъ оживленія; а титулъ, наименованіе (слово) требуетъ отъ носящаго титулъ осуществленія его въ дѣйствительности, т. е. титулъ есть задача носящаго титулъ. Въ тѣснѣйшей связи съ расширеніемъ **царства мира** находится расширеніе **царства знанія**, —знанія земли (географія), народа (этнографія) и жизни (исторія). Въ статьѣ Соловьева **„О смыслѣ войны“** (приложеніе къ «Нивѣ», 1895 г. № 7-й), говорится о расширеніи **царства мира** и умалчивается о расширеніи **царства знанія**, а между тѣмъ царство мира обусловливается царствомъ знанія; Соловьевъ открылъ смыслъ войны, но не открылъ смысла мира. Наиболѣе полнымъ, наиболѣе живымъ выраженіемъ **титула**, заключающаго въ себѣ этнографію, географію и исторію, были бы съѣзды людей, занимающихся познаніемъ земли, народовъ и ихъ жизни, послѣдовательно открываемые во всѣхъ областяхъ, исчисляемыхъ въ титулѣ.

Трудная задача самодержавія, его святая обязанность заключается въ томъ, чтобы, освободивъ науку отъ рабства купцамъ и фабрикантамъ, сдѣлать ее орудіемъ религіи. Наука, находясь подъ игомъ фабрикантовъ и купцовъ, должна доказывать, что нѣтъ другого блага кромѣ того, которое производится на фабрикахъ: для процвѣтанія фабрикъ, производящихъ земныя блага, нужно отрицаніе блага небеснаго.—Трудность при освобожденіи науки отъ ига купцовъ и фабрикантовъ будетъ заключаться въ томъ, что сами служители науки несутъ это иго весьма охотно и очень дорожатъ возможностью быть совѣтниками и сотрудниками коммерціи, мануфактуры и крупной агрикультуры, потому-то воспріемникъ народа отъ общей купели и душеприказчикъ долженъ встрѣтить наибольшее противодѣйствіе со стороны самихъ же ученыхъ при освобожденіи науки отъ городского ига, которое не допускаетъ къ переходу отъ несовершеннолѣтія къ совершеннолѣтію, къ переходу отъ опытовъ, въ кабинатахъ прозводимыхъ, къ опытамъ въ природѣ совершаемымъ, отъ опытовъ въ маломъ видѣ къ опытамъ въ натуральную величину, отъ искусственныхъ къ естественнымъ, къ переходу отъ мысли къ дѣлу, къ обращенію **слѣпой силы** въ **волю человѣческую**, которая и станетъ орудіемъ божественнаго промысла. Для того, чтобы вся природа стала предметомъ дѣла, нужно, чтобы родъ человѣческій сталъ единымъ дѣятелемъ. Разумъ, или наука, находится еще въ дѣтскомъ, или вѣрнѣе - въ эмбріональномъ состояніи, т. е. онъ, разумъ, не собрался еще воедино, еще не владѣетъ своими членами и даже не имѣетъ ихъ. Задача самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы помогать рожденію науки, переходу ея отъ сословнаго состоянія ко всеобщему, къ дѣйствію во внѣшнемъ мірѣ.

Въ настоящеее время, когда для самодержавія нуженъ новый способъ знанія, въ это время для науки наступилъ кризисъ. Наука, говорятъ мни-

мые ея защитники, стараясь оправдать несостоятельность науки относительно истиннаго блага,—наука, говорятъ, не давала обѣщаній. Дѣйствительно, наука, составлявшая одно съ философіею, не только не давала обѣщаній, но и отрицала обѣтованія религіи; теперь же, когда наука совершенно отдѣлена отъ философіи, философія, лишившись рукъ, пала, а наука, потерявъ голову, все болѣе и болѣе распадается. Научная же философія есть не голова, а хвостъ; отвергая цѣль, она сама осудила себя, сама обрекла себя на зависимое положеніе.

Въ заключеніе должно опять обратиться къ **титулу**, который содержитъ въ себѣ, или долженъ содержать, всѣ опредѣленія самодержавія. Смыслъ титула не исчерпывается собираніемъ, ибо собираніе всѣхъ живущихъ въ единую силу должно имѣть цѣль. По мѣрѣ приближенія собиранія, или объединенія, къ дѣйствительной всемірности, когда заповѣдь—**„шедше научите вся языки**, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына и Св. Духа»,—будетъ исполнена, тогда не можетъ не открыться и истинная цѣль объединенія, предуказанная уже въ словахъ—**„и врата ада не одолѣютъ ее“**,—т. е. не одолѣетъ смерть...

Титулъ царскій,—по мѣрѣ присоединенія къ соединеннымъ уже силамъ новыхъ областей живущихъ,—расширяется по пространству; съ областями же живущихъ принимаются самодержавіемъ подъ свою охрану и защиту и забытыя царства умершихъ,—кладбища вскрываются и имена исчезнувшихъ царствъ присоединяются къ царскому титулу. Вмѣстѣ съ этимъ на самодержавіи, **въ качествѣ воспріемника**,—въ единеніи съ отцами духовными и народными толпами, способными созидать обыденные храмы всеобщею помочью,—**лежитъ долгъ—съ одной стороны**—созидать повсемѣстно школы-храмы, посвященные Пресв. Троицѣ, какъ образцу единодушія и согласія, **а съ другой**—присоединять къ этимъ храмамъ-школамъ школы-музеи, не ограничивающіеся только храненіемъ останковъ отжившаго, но и присоединяющіе къ храненію наблюденіе и регуляцію текущаго (природы) для возстановленія и оживленія протекшаго, принуждая и интеллигентную толпу, распущенную, развращенную современнымъ воспитаніемъ, неспособную къ единству,—принуждая и эту толпу къ познанію и учительству въ школахъ музеяхъ... *). Этими учрежденіями въ **собранное** будетъ вноситься дѣйствительное умиротвореніе, это и будетъ объединеніемъ въ трудѣ познанія слѣпой силы природы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ трудѣ обращенія ея въ оживляющую (регуляція); и по мѣрѣ расширенія регуляціи, по мѣрѣ устраненія метеорическихъ и другихъ погромовъ, титулъ царскій будетъ обогащаться новыми наименованіями, изъ хода регуляціи, а не изъ торжества надъ другими народами почерпнутыми.

---

*) О школахъ-храмахъ и школахъ-музеяхъ смотри: 1) „Предисловіе къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ“ (Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1893 г. т. 166-й); 2) Вопросъ о Каразинской метеорологической станціи въ Москвѣ, или Центральный музей, какъ образецъ мѣстныхъ музеевъ-школъ; и 3) Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину. („Наука и Жизнь“ 1893 г. № 44 и 1894 г. № 15—16).

Это и есть наступающая исторія, исторія какъ проектъ, въ ученіи Живоначальной Троицы открываемый...

Вообще всю задачу, все дѣло самодержавія можно опредѣлить—обращеніемъ **исторіи какъ фактъ**, какъ событіе, какъ дѣйствія и движенія безъ общаго плана совершаемыя, **въ исторію какъ проектъ**, какъ одно планомѣрное дѣйствіе рода человѣческаго. Исторія, какъ фактъ, это то, что мы дѣлаемъ и дѣлали, слѣдуя естественнымъ влеченіямъ, или то, что дѣлаетъ слѣпая сила природы въ насъ и чрезъ насъ. Исторія является движеніями и дѣйствіями безъ плана, именно благодаря безсознательному или даже и сознательному подчиненію человѣка слѣпой силѣ, выражающемуся въ розни и борьбѣ, или въ порабощеніи и насиліи. Движенія и дѣйствія, безъ плана совершаемыя, выражаются блужданіями въ мысли (философія) и на самомъ дѣлѣ (ереси, секты, реформація, революціи),—въ блужданіяхъ, закрѣпляемыхъ различными конституціями, въ видѣ большей или меньшей свободы мысли и свободы дѣйствія. Поэтому исторія, какъ фактъ, становится взаимнымъ истребленіемъ—или явнымъ, открытымъ, какъ въ эпохи варварства,—или же скрытымъ, какъ цивилизація нашего времени. Такое истребленіе есть противленіе волѣ Божіей со стороны человѣка, противленіе, выражающееся въ отдѣленіи, въ отчужденіи сыновъ (младшаго поколѣнія) отъ отцовъ (отъ старшаго поколѣнія), въ отчужденіи по мысли и волѣ; причемъ сыновняя мысль становится антитезою мысли отцовской. Но это истребленіе есть вмѣстѣ и попущеніе со стороны Бога, въ видахъ евристическаго воспитанія собственнымъ опытомъ и трудомъ. Кажущаяся при этомъ свобода дѣйствія—вовсе не свобода, а подчиненіе слѣпой силѣ, благодаря которому общество складывается въ форму организма, причемъ большинство обезглавливается; въ форму организма, въ форму, свойственную всей животной природѣ, общество складывается, слѣдовательно, не сознательно, а слѣдуя слѣпымъ влеченіямъ и подъ вліяніемъ борьбы. Это складываніе путемъ борьбы въ такое подчиненіе и есть эволюція, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа планомѣрнымъ дѣйствіемъ. Самодержавіе же есть постепеное ограниченіе взаимнаго истребленія путемъ собиранія, и пока собираніе не достигло полноты, пока оно не стало умиротвореніемъ, оно вынуждено защищаться отъ непризнающихъ общаго отечества, и не можетъ трудиться вмѣстѣ со всѣми въ дѣлѣ замѣны истребленія дѣйствительнымъ возвращеніемъ отнятаго, т. е. жизни.

Исторія какъ проектъ, исторія, которую родъ человѣческій будетъ самъ дѣлать, предначертана въ догматѣ Пресв. Троицы, понимаемомъ какъ заповѣдь, для всѣхъ сыновъ и дочерей человѣческихъ. Согласно съ этою заповѣдью, сыны и дочери, **пользуясь знаніемъ природы**, направляемымъ безграничною любовью къ умершимъ родителямъ, возвращаютъ жизнь послѣднимъ, а **самимъ себѣ**,—объединеннымъ въ общемъ дѣлѣ, въ братствѣ, —пріобрѣтаютъ уже не **долгоденствіе, а безсмертіе**. Исторія какъ проектъ есть само христіанство, т. е. всѣ языки, собранные и наученные во имя Тріединаго Бога,—само христіанство, переходящее отъ мысли къ дѣлу,

отъ оправданія лишь, или таинственнаго искупленія, къ спасенію явному, или воскрешенію. Самодержецъ и помазывается для осуществленія проекта, во Святой Троицѣ заповѣданнаго.

Такое, какъ оно здѣсь изложено, пониманіе Символа Вѣры русскаго патріотизма, выраженнаго въ словахъ—**православіе, самодержавіе и народность**,—можетъ ли оно служить новымъ **„словомъ и дѣломъ“**, т. е. доносомъ,—спросимъ мы кн. Трубецкого, автора статьи—«Противорѣчія культуры» («Вѣстн. Евр.» 1894 г., августъ № 8 й). И пусть кн. Трубецкой, не признающій всеобъемлемости этой формулы (стр. 515-я Прот. культуры), укажетъ на то, что не входило бы въ нее въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ?!.

То, что дается православіемъ и осуществляется самодержавіемъ чрезъ всѣ народы въ ихъ совокупности, есть не **мысль** только всеобъемлющая, а **дѣло**, для коего предѣломъ можетъ быть лишь безпредѣльность. Тутъ не одно только настоящее, не одно живущее, дѣйствующее, но и все прошедшее, умершее, какъ предметъ дѣйствія, какъ великое будущее... И что могутъ значить всѣ эти пошлости,—какъ интересы демократіи, національной независимости, политической свободы, культурнаго прогресса (стр. 515-я Прот. культуры), которыя могутъ будто-бы объединить,—предъ всеобщимъ соединеніемъ въ святѣйшемъ и величайшемъ дѣлѣ, которое только по предразсудку, по рутинѣ, по отсталости могутъ отвергать, и которое исключаетъ и политическій, и національный гнетъ.. Въ томъ и ошибка славянофиловъ, что они формулѣ этой (православіе, самодержавіе и народность) не умѣли или не хотѣли дать всеобщаго значенія, что они мечтали о такой культурѣ, т. е. вырожденіи, или вымираніи (культура—по существу вырожденіе и вымираніе), которая можетъ быть будто бы не гнилою. Ошибка славянофиловъ заключалась, наконецъ, и въ томъ, что они не умѣли отличить политическаго отъ нравственнаго. Если православіе есть выраженіе этики, а самодержавіе,—какъ думаютъ славянофилы,—политики, то послѣднее должно быть отвергнуто, насколько оно есть политика. И въ чемъ состоитъ въ такомъ случаѣ народность, для которой эти противорѣчія (православіе и самодержавіе) служатъ выраженіемъ? Православіе будетъ печалованіемъ, сокрушеніемъ о неродственности (т. е. о политикѣ), пока самодержавіе не сдѣлается истиннымъ выраженіемъ власти, стоящей въ отца-мѣсто, а такое православное самодержавіе и есть выраженіе народа, сохранившаго родовой бытъ. Православіе будетъ печалованіемъ, пока самодержавіе будетъ политическимъ, народъ же—не сынами умершихъ отцовъ, а гражданствомъ, такъ какъ политическое и гражданское тождественно юридическому, которое и славянофилы замѣняютъ этическимъ, оставляя въ то же время и даже прославляя политическое, гражданственность, цивилизацію, какъ будто все это не заключается въ юридическомъ.

Супраморализмъ или всеобщій синтезъ, (т. е. всеобщее объединеніе).

Синтезъ двухъ разумовъ (теоретическаго и практическаго) и трехъ предметовъ знанія и дѣла (Богъ, человѣкъ и природа,—изъ которыхъ человѣкъ является орудіемъ божественнаго разума и самъ становится разумомъ вселенной), а **вмѣстѣ и синтезъ науки и искусства въ религіи, отожествляемой съ Пасхою, какъ великимъ праздникомъ и великимъ дѣломъ.**

Супраморализмъ, это—долгъ къ отцамъ-предкамъ, воскрешеніе,—какъ самая высшая и безусловно-всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумныхъ и чувствующихъ существъ, отъ исполненія которой, т. е. долга воскрешенія, зависитъ судьба человѣческаго рода.—Называя долгъ къ отцамъ-предкамъ, долгъ воскрешенія, супраморализмомъ, мы говоримъ языкомъ тѣхъ, къ которымъ обращаемся, что-бы быть ими понятыми, для которыхъ слова,—долгъ къ отцамъ-предкамъ, воскрешеніе, —совершенно непонятны, такъ какъ всѣ они, можно сказать, иностранцы и ницшеанцы; это тѣ, которые, удаляясь отъ могилъ отцовъ, не только не взяли щепотки праха ихъ, (какъ то дѣлаютъ переселенцы, чтущіе своихъ отцовъ, незабывшіе долга къ предкамъ), но и отрясли даже прахъ отцовъ отъ ногъ своихъ,—какъ это, можно сказать, сдѣлалъ извѣстный Ницше, назвавъ предковъ отвратительными,—**„эти отвратительные предки“**, —чѣмъ и выразилъ мнѣніе и чувства большинства своихъ современниковъ-интеллигентовъ.

Супраморализмъ, это не высшая только христіанская нравственность, а само христіанство, въ коемъ вся догматика стала этикою (догматы заповѣдями), и этикою, неотдѣлимою отъ знанія и искусства, отъ науки и эстетики,—которыя должны сдѣлаться, стать орудіями этики, само же богослуженіе должно обратиться въ дѣло искупленія, т. е. воскрешенія. Супраморализмъ основанъ не на заповѣдяхъ блаженства,—этой элементарной, такъ сказать, нравственности,—а на заповѣди наибольшей, данной предъ Пасхою страданія, и на заповѣди завершительной, данной по воскресеніи своемъ Первенцемъ отъ умершихъ, какъ необходимое условіе для продолженія дѣла воскрешенія; супраморализмъ есть въ сущности синонимъ, или переводъ, наибольшей заповѣди и ведетъ чрезъ исполненіе заповѣди завершительной («шедше, научите вся языки» и пр.) къ осуществленію заповѣди, призывающей быть совершенными, какъ Отецъ нашъ небесный совершенъ, призывающей къ тому, чтобы возсозданіемъ и воскрешеніемъ быть подобными самому Творцу, о чемъ и просилъ въ послѣд-

ней своей молитвѣ ко Отцу Христосъ,—«да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино», а тотчасъ по воскресеніи Христосъ указалъ и путь къ этому объединенію,—уподобляющему насъ Богу, дѣлающему насъ совершенными, какъ Отецъ нашъ небесный совершенъ,—сказавъ: «шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа»,—гдѣ подъ крещеніемъ, т. е. очищеніемъ отъ первороднаго грѣха, вызвавшаго смерть, разумѣется, конечно, воскрешеніе,—воскрешеніе для умершихъ и безсмертіе для живущихъ.

Супраморализмъ, это вопросъ о двухъ розняхъ и о двухъ объединеніяхъ;—вопросъ о двухъ розняхъ, т. е. о внѣшней розни,—о богатыхъ и бѣдныхъ,—и о розни внутренней,—объ ученыхъ и неученыхъ,—(о двухъ разумахъ), разрѣшаемый чрезъ замѣну вопроса о всеобщемъ обогащеніи вопросомъ о всеобщемъ возвращеніи жизни, т. е. чрезъ замѣну нашей искусственной жизни, искусственнаго дѣла, дѣломъ естественнымъ, творимымъ въ насъ самою природою, приходящею чрезъ насъ въ сознаніе.—Конечно, для нашего городского быта,—въ высшей степени искусственнаго, которымъ всѣ тяготятся,—естественное дѣло человѣка, всеобщее воскрешеніе, должно казаться неестественнымъ и даже, можно сказать, въ высшей степени неестественнымъ, но это не значитъ, что оно, дѣло всеобщаго воскрешенія, и въ самомъ дѣлѣ неестественно, это значитъ лишь, что мы стали уже слишкомъ искусственны, исказили себя, свою природу. Для природы, переходящей изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное,—всскрешеніе есть такое же необходимое и самое естественное дѣло, какъ для природы слѣпой естественны рожденіе и смерть. Природа стала сознавать себя въ сынахъ человѣческихъ, въ сынахъ умершихъ отцовъ, и естественнымъ это сознаніе должно считать въ народахъ, живущихъ сельскою жизнью, у могилъ отцовъ, тогда какъ въ отдѣлившихся отъ отцовъ, въ покинувшихъ землю горожанахъ, какъ сынахъ блудныхъ, естественность сознанія утрачена; наибольшаго же удаленія отъ естественности, наибольшей искуственности сознаніе достигаетъ у ученыхъ, у которыхъ **„Богъ отцовъ“** превращается въ отвлеченнаго **Бога деизма, „сыны человѣческіе“**—въ неопредѣленное **„человѣкъ“**, получается полная свобода, а вмѣстѣ отсутствіе смысла и цѣли жизни, получается раздѣленіе на два класса, на два разума,—является сознаніе разрыва, но въ тоже время является и стремленіе къ возстановленію единства; и только по достиженіи единенія родомъ человѣческимъ, (т. е. природою, приходящею въ сознаніе, въ пониманіе самой себя),—начнется дальнѣйшее движеніе какъ въ этомъ сознаніи, такъ и въ управленіи природою самой себя чрезъ родъ человѣческій, который есть та же природа, только пришедшая въ сознаніе. Чѣмъ природа,—сила въ настоящемъ ея, т. е. безсознательномъ, состояніи, рождающая и умершвляющая,—чѣмъ природа сдѣлается, станетъ, достигнувъ сознанія, какъ не силою возстановляющею то, что было ею разрушено по своей слѣпотѣ. И какой смыслъ имѣютъ слова о несоразмѣрности силъ человѣка, т. е. природы, стремящейся къ сознанію и управленію, съ сила-

ми той-же природы, но какъ силы слѣпой.. И что считать силою человѣческою, —непосредственную-ли силу рукъ, или же то, что можетъ онъ сдѣлать при посредствѣ силъ природы.. И можно ли считать предѣломъ человѣческой силы, человѣческой дѣятельности то, что мы можемъ сдѣлать теперь при посредствѣ силъ природы.. Настоящее, естественное дѣло еще и не начиналось; такъ, весною нынѣшняго (1902 г.) посредствомъ змѣйковаго аппарата была вызвана гроза, —вызвана ненамѣренно, а совершенно случайно;—почему же не вызывать грозъ намѣренно, почему не пользоваться въ этихъ видахъ змѣйковымъ аппаратомъ вездѣ и всегда по общему опредѣленному плану?.. Въ этомъ то дѣлѣ, въ вызываніи грозъ, т. е. въ управленіи метеорическимъ процессомъ, и могло бы состояться объединеніе всего рода человѣческаго.—Въ организмѣ съ его чувствующими и двигательными нервами, связанными въ мозговомъ узлу, данъ образецъ для управленія всею вселенною, и всѣ міры вселенной должны быть соединены двумя рядами проводниковъ, проводниками силы чувствующей и проводниками силы двигающей. Если такое объединеніе вселенной будетъ достигнуто не черезъ насъ, не черезъ воскрешенныхъ сынами поколѣній отцовъ-предковъ, если не черезъ человѣческій родъ вселенная достигнетъ полнаго самосознанія и самоуправленія, или подобія Богу-Творцу, то не потому, чтобы мы были мало одарены, а скорѣе наоборотъ;—ибо болѣе одаренные имѣютъ менѣе побужденій къ труду самоустроенія, самосозиданія, а только этотъ трудъ ведетъ къ самосознанію, къ самоусовершенствованію, или къ совершеннолѣтію, которое состоитъ въ способности вести самостоятельную жизнь. Возлагать же все упованіе на слѣпую силу, надѣяться, что она создастъ болѣе сильныя, съ болѣе совершенными органами существа, которыя замѣнятъ, вытѣснятъ человѣка, есть полная измѣна разуму, который останется ненужнымъ придаткомъ, если не черезъ разумъ будетъ достигаться дальнѣйшее совершенствованіе, дальнѣйшее созиданіе органовъ вмѣсто органовъ, слѣпымъ путемъ рожденія данныхъ.

Для своего осуществленія естественное дѣло, т. е. воскрешеніе, требуетъ двухъ объединеній,—объединенія внѣшняго, которое можетъ совершиться чрезъ самодержавіе, и внутренняго чрезъ православіе; и это будетъ объединеніемъ всѣхъ разумныхъ существъ въ дѣлѣ познаванія неразумной силы, которая, рождая, умершвляетъ, и управленія ею, неразумною силою, ими, разумными существами (сынами).

Супраморализмъ излагается въ Пасхальныхъ вопросахъ, которые обращаются ко всѣмъ живущимъ, ко всѣмъ сынамъ, надѣленнымъ способностью познаванія, т. е. такою способностью, которая даетъ силу даровое замѣнять трудовымъ. Вопросы эти требуютъ, чтобы всѣ рожденные поняли и почувствовали, что рожденіе есть принятіе, взятіе жизни отъ отцовъ, т. е. лишеніе отцовъ жизни,—откуда и вытекаетъ долгъ воскрешенія отцовъ, который сынамъ даетъ безсмертіе. На переходѣ отъ исторіи какъ взаимнаго истребленія,—нами безсознательно совершаемаго,—къ исторіи какъ исполненію проекта воскрешенія,—сознаніемъ необходимо требуема-

го,—и ставятся эти вопросы, которые должно назвать пасхальными, т. е. возвращающими къ жизни, или приводящими искупленіе отъ грѣха и смерти во исполненіе. Какъ самый долгъ возвращенія къ жизни есть долгъ безусловно всеобщій, такъ и пасхальные вопросы обращаются, относятся ко всѣмъ и, не смотря на свою немногочисленность, дѣйствительно обнимаютъ собою все многообразіе современной жизни, направляя ее, согласно со своею цѣлью и назначеніемъ, къ объединенію всѣхъ. И существующему уже явленію,—стремленію къ селамъ, къ опрощенію,—стремленію, до сихъ поръ не приведенному къ полному сознанію, только пасхальные вопросы могутъ дать смыслъ и цѣль.

Вопросъ I-й. О двухъ вопросахъ: **соціальномъ** (о богатствѣ и бѣдности, или о всеобщемъ обогащеніи) и **естественномъ** (о жизни и смерти, или о всеобщемъ возвращеніи жизни), не въ теоретическомъ лишь смыслѣ, разрѣшающемъ—«почему сущее сушествуетъ», а въ практическомъ, требующемъ разрѣшенія—«почему живущее страдаетъ и умираетъ».

Нужно имѣть въ виду, что вопросъ о богатствѣ есть вопросъ лишь о мануфактурныхъ игрушкахъ и забавахъ, а не вопросъ о насущномъ и необходимо-нужномъ, разрѣшеніе котораго безъ радикальнаго устраненія неурожаевъ,—или голода, и моровыхъ язвъ,—или болѣзней вообще (вопросъ санитарно-продовольственный), немыслимо, а потому вопросъ о насущномъ входитъ въ вопросъ о всеобщемъ возвращеніи жизни.

«Пока будетъ смерть—будетъ и бѣдность».—Что цѣннѣе,—золото-ли, являющееся источникомъ взаимнаго истребленія, или же прахъ отцовъ, какъ цѣль соединенія сыновъ.—Что нужно выдвинуть впередъ,—рѣшеніе ли вопроса о богатствѣ и бѣдности (вопросъ соціальный), или же рѣшеніе вопроса о жизни и смерти (вопросъ естественный). Что важнѣе,—общественныя-ли бѣдствія (т. е. пауперизмъ искусственный) или же бѣдствія общія природныя (—пауперизмъ естественный).—Богатство ли—добро, а бѣдность зло, или же жизнь, т. е. жизнь безсмертная, есть истинное добро, а смерть истинное зло,—и въ чемъ состоитъ наше дѣло.

Вопросъ о бѣдности и мнимомъ богатствѣ есть вопросъ о двухъ званіяхъ, или сословіяхъ, (бѣдныхъ и богатыхъ),—вопросъ неразрѣшимый; вопросъ же о смерти и жизни есть вопросъ объ единомъ призваніи, объединяющемъ богатыхъ и бѣдныхъ въ общемъ дѣлѣ возвращенія жизни, которая, какъ пріобрѣтенная трудомъ, будетъ неотъемлема, безсмертна;—первый пасхальный вопросъ и требуетъ замѣны вопроса о бѣдности и богатствѣ вопросомъ о смерти и жизни,—вопросомъ общимъ для богатыхъ и бѣдныхъ; этотъ послѣдній вопросъ даетъ предметъ, или объектъ, для знанія и дѣла, и предметъ этотъ есть вся природа, т. е. сила неразумная и слѣпая, рождающая и умершвляющая; этотъ вопросъ требуетъ и соединенія двухъ разумовъ, или двухъ сословій,—ученыхъ и неученыхъ,—которые должны составить общій субъектъ знанія и дѣла.—Только замѣна вопроса о бѣдности и богатствѣ (искусственномъ, соціальномъ пауперизмѣ) вопросомъ о смерти и жизни (естественномъ пауперизмѣ) даетъ такой

обширный предметъ (т. е. всю природу) для знанія и дѣла, и только этотъ послѣдній можетъ соединить два разума въ общемъ для всѣхъ дѣлѣ познанія и управленія слѣпою, рождающею и умершвляющею силою, а въ этомъ дѣлѣ,—познанія и управленія,—и заключается исполненіе воли Божіей. Итакъ, первый пасхальный вопросъ есть проектъ, поставляющій цѣлью: —**всѣхъ** сдѣлать субъектомъ и **все** сдѣлать объектомъ знанія и дѣла.

Вопросъ о богатствѣ и бѣдности отожествляется, конечно, съ вопросомъ о всеобщемъ счастіи, невозможномъ при существованіи смерти; вопросъ же о смерти и жизни должно отожествить съ вопросомъ о полномъ и всеобщемъ спасеніи вмѣсто спасенія неполнаго и невсеобщаго, при коемъ одни (грѣшники) осуждаются на вѣчныя муки, а другіе (праведники) на вѣчное созерцаніе этихъ мукъ. Замѣна вопроса о бѣдности и богатствѣ вопросомъ о смерти и жизни, не исключаетъ однако изъ послѣдняго вопроса о сытости, т. е. о насущномъ, или необходимо-нужномъ, ибо вопросъ о богатствѣ, какъ излишествѣ, и бѣдности, какъ недостаткахъ и лишеніяхъ, ведущихъ къ смерти, входитъ въ вопросъ о смерти, вопросъ же о сытости, какъ условіи труда и жизни, и есть вопросъ о жизни, вопросъ о поддержаніи жизни въ еще живущихъ и о возвращеніи жизни уже потерявшимъ ее, вопросъ санитарно-продовольственный.

Вопросъ о богатствѣ есть лишь вопросъ, какъ сказано, о мануфактурныхъ игрушкахъ и забавахъ,—всѣ выставки свидѣтельствуютъ объ этомъ, на каждомъ шагу слышны тамъ восторженныя восклицанія—«точно игрушечка». Вопросъ о богатствѣ и бѣдности, собственно говоря, есть вопросъ несовершеннолѣтнихъ, и не говоря уже объ его неразрѣшимости, онъ не можетъ устранить и вопроса о смерти, а этотъ послѣдній и лишаетъ богатство всякой его цѣнности. Поэтому то за эпохою увлеченія богатствомъ и слѣдуетъ всегда отреченіе отъ него, эпоха аскетизма. Но ни всеобщее обогащеніе, ни всеобщее обѣдненіе (аскетизмъ) не могутъ быть цѣлью, давать смыслъ жизни, такъ какъ то и другое приводитъ къ смерти, то и другое безсильно устранить вопросъ о смерти, какъ это прекрасно выражено въ индійской легендѣ о царѣ, окружившемъ сына своего всевозможною роскошью и желавшемъ устранить отъ него всякую возможность узнать о существованіи болѣзни, старости и смерти. Только одно всеобщее возвращеніе жизни можетъ дать смыслъ и цѣль жизни, хотя возможности осуществленія этой цѣли одними словами ни доказать, ни опровергнуть нельзя,—только дѣло дастъ такое доказательство.

Вопросъ II-й. О двухъ мертвыхъ религіяхъ- и объ одной живой: 1) о внутренней, лицемѣрной, бездѣльной, безжизненной религіи (идео-латрія, деизмъ, объединенія нетребующій, никакого дѣла неналогающій, и гуманизмъ, требующій даже разъединенія подъ видомъ свободы); 2) о внѣшней обрядовой и столь-же безжизненной, или мертвой, религіи (идоло-латрія) и 3) объ единой живой, или дѣловой религіи, возводящей въ религію вопросъ о смерти и жизни, вопросъ о воскрешеніи,—такъ что каждый пятокъ ставитъ намъ вопросъ,—«почему живущее страдаетъ», каждая суббо-

та заключаетъ въ себѣ вопросъ,—«почему живущее умираетъ» и каждое воскресеніе спрашиваетъ,—«почему умершіе не оживаютъ, сущіе во гробѣхъ не воскресаютъ».

«Азъ есмь Богъ отцовъ, Богъ не мертвыхъ, а живыхъ», и да не будетъ тебѣ (т. е. сынамъ человѣческимъ) иныхъ боговъ (т. е. да не будетъ тебѣ мертваго бога деизма и безжизненнаго бога гуманизма).—Не природа богъ и не въ природѣ (слѣпой и падшей) Богъ, а съ нами Богъ.—Разумная сила должна управлять слѣпою, а не наоборотъ. Разумная сила и будетъ управлять, когда не будетъ между нами, разумными существами, розни, т. е. когда съ нами будетъ Богъ.—«И поставилъ его (человѣка) надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его» (человѣка). (Псал. VIII, 4—7). «Внегда-же покорити ему» (человѣку) «всяческая, ничто-же остави ему непокорена» (Евр. 11, 8).

Богъ отцовъ,—не мертвыхъ, а живыхъ,—по своему подобію создалъ человѣка,—и сыны **живущіе**, сыны отцовъ **умершихъ**, для которыхъ отцы **мертвы, мертвы безусловно, навседа**,—очевидно,—неподобны Богу; подобіе же Ему будетъ заключаться лишь въ возвращеніи жизни отцамъ, въ возсозданіи, но въ возсозданіи дѣйствительномъ, живомъ, а не мертвомъ.—Живая религія есть лишь религіонизація,—т. е. возведеніе въ религію,—вопроса о смерти и жизни, или вопроса о всеобщемъ возвращеніи жизни, о всеобщемъ воскрешеніи. Живою является религія въ сельскомъ язычествѣ, которое не только хоронитъ, погребаетъ зерно и сѣетъ своихъ умершихъ, но и вѣритъ, что своими хороводами (хор-солнце, отсюда Хоросанъ-страна солнца), подобіемъ солнечному бѣгу,—возвращаетъ солнце отъ зимы на лѣто и животворною силою этого свѣтила возвращаетъ зерно и воскрешаетъ умершихъ, воскрешаетъ, конечно, лишь въ живомъ воображеніи народа.—И живое христіанство не можетъ не считать сыновъ умершихъ отцовъ орудіями Бога отцовъ, орудіями въ дѣлѣ возвращенія имъ, отцамъ, жизни; это и есть религія, какою она должна быть.—Чѣмъ больше мѣста занимаетъ въ жизни вопросъ о богатствѣ, объ обогащеніи, тѣмъ менѣе остается мѣста для религіи, тѣмъ она становится безжизненнѣе, отвлеченнѣе, дѣлается внутреннею, личною, бездѣльною, т. е. нетребующею никакого дѣла, словомъ превращается въ призракъ; можно бы сказать, что религія, когда господствуетъ стремленіе къ обогощенію, дѣлается наиболѣе свѣтскою, наименѣе религіозною, становится секуляризованною, если-бы выраженіе —«секулярная религія»—не заключало въ себѣ противорѣчія, противорѣчія въ самыхъ терминахъ. Искусство скрывать смерть составляетъ самое существенное свойство мертвой религіи, въ этомъ и заключается, можно сказать, совершенное отрицаніе религіи,—искусство скрывать смерть и дѣлаетъ религію мертвою. Итакъ, въ чемъ же мы должны искать наше дѣло, нашу обязанность,—въ безжизненномъ-ли, ни къ чему не обязывающемъ, никакого дѣла не налагающемъ Богѣ деизма и въ отвлеченномъ, неопредѣленномъ человѣкѣ гуманизма, или же должны мы искать его, наше дѣло, нашу обязанность въ Богѣ отцовъ (не мертвыхъ, а живыхъ), и въ сынахъ

отцовъ уже умершихъ и еще не умершихъ, но умирающихъ, имѣющихъ умереть (morituri). Должны ли мы, сыны отцовъ умершихъ, быть орудіями воли Бога объ отцахъ, чтобы они были живы,—или же мы, сыны, навсегда останемся противниками божественной воли и, не соединяясь въ отеческомъ дѣлѣ, будемъ вытѣснять отцовъ и истреблять другъ друга, какъ это нынѣ есть.

Вопросъ III-й. О двухъ отношеніяхъ разумныхъ существъ къ неразумной силѣ,—о томъ, какое нынѣ есть (эксплуатирующее, истощающее), и о томъ, какое должно быть (регулирующее, возсозидающее).

Эксплуатація, истощеніе, утилицазація,—вынуждаютъ задаться вопросомъ,—ради чего, на какую потребу истощаются многовѣковые запасы земли? И оказывается, что все это нужно для производства игрушекъ и бездѣлушекъ, для забавы и игры. Приходить отъ этого въ негодованіе, конечно, нельзя;—нужно всегда помнить, что мы имѣемъ дѣло съ еще несовершеннолѣтними, хотя-бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.

И «не съ природою слѣпою одною жизнью надо жить», а съ себѣ подобными, чтобы существа разумныя управляли силою неразумною.

„Міръ какъ не воля и какъ проектъ освобожденія отъ неволи“, отъ зависимости, или подчиненія слѣпой силѣ, въ противоположность Шопенгауэрову—**„Міръ какъ воля и представленіе“**,—ибо для насъ въ мірѣ нѣтъ воли, и для существъ, необреченныхъ только на созерцаніе, для существъ чувствующихъ и способныхъ къ дѣятельности, міръ-не представленіе только, а проектъ освобожденія отъ неволи. Выраженіе **„міръ какъ воля и представленіе“**, по справедливости, можно замѣнить выраженіемъ: **„міръ какъ похоть“**,—которая рождая, умершвляетъ, рождая сыновъ, поглощаетъ отцовъ,—и не представленіе лишь, а проектъ, и притомъ не отрицающій только похоть (отрицаніе похоти—аскетизмъ), но обращающій силу рождающую въ возсозидающую, а умершвляющую въ оживляющую, такъ что міръ не можетъ остаться только представленіемъ, созерцаніемъ, а становится проектомъ возстановленія послѣдующими предыдущихъ, т. е. проектомъ воскрешенія. Такъ должно-бы быть, но въ настоящее время міръ,—таковъ, какъ онъ есть,—остается при похоти и представленіи.

О двухъ отношеніяхъ разумныхъ существъ къ неразумной силѣ:

I. О теоретическомъ, или мнимомъ, господствѣ надъ природою и дѣйствительномъ подчиненіи ей;—это значитъ, что въ теоріи признаютъ превосходство разумныхъ существъ надъ неразумною силою, а въ дѣйствительности мирятся съ зависимостью отъ неразумной силы, и на практикѣ не только ничѣмъ не проявляютъ своего превосходства надъ неразумною силою, а напротивъ находятся въ полномъ у нея подчиненіи. Также недѣйствительно, т. е. неправильно, отношеніе къ природѣ и тѣхъ, которые ограничиваются лишь кабинетными опытами и приложеніемъ ихъ къ фабричной, заводской и т. п. дѣятельности, къ эксплуатаціи и утилизаціи.

II. Только регуляція естественнаго процесса, или слѣпой силы природы, есть истинное отношеніе разумнаго существа къ неразумной силѣ; регуляція же, это значитъ обращеніе рождающей и умершвляющей силы въ возсозидающую и оживляющую. Регуляція природы—не барство (т. е. не подчиненіе природы капризу, произволу) и не своеволіе (эксплуатація), а внесеніе въ природу воли и разума. Человѣкъ и будетъ управлять природою, когда между людьми не будетъ розни, когда не своеволіе, а доброволіе они будутъ вносить въ міръ, и когда, слѣдовательно, станутъ орудіемъ Божественной воли. У человѣка, какъ существа разумнаго, есть одинъ только врагъ, это—слѣпая сила природы; но и этотъ врагъ лишь временный и станетъ другомъ вѣчнымъ, когда между людьми не будетъ вражды, а будетъ соединеніе въ познаваніи и управленіи ею, слѣпою силою природы, которая казнитъ за невѣжество, какъ казнила въ настоящемъ 1902 г. на Мартиникѣ за невѣрное пониманіе учеными вулканическаго процесса.

Итакъ, существа разумныя, не въ розни, а въ ихъ совокупности пребывающія, существа разумныя и чувствующія утраты,—какъ они должны относиться къ силѣ неразумной, которая,—рождая,—не можетъ не умершвлять?! Подобаетъ ли существу разумному, волею одаренному, въ которомъ не все только даровое—рожденное, а есть и теперь уже нѣчто трудовое, самимъ созданное,—подобаетъ-ли такому существу подчиняться силѣ слѣпой, невольной. И въ чемъ должно состоять наше, существъ разумныхъ и чувствующихъ, общее дѣло: въ эксплуатаціи-ли и утилизаціи природы, т. е. въ ея истощеніи (въ истощеніи даровaго, рожденнаго) или же въ регуляціи природы, т. е. въ обращеніи даровoго въ трудовое, рожденнаго въ созидаемое, рождающаго въ возсозидающее, умершвляющаго въ оживляющее...—Повиноваться природѣ для разумнаго существа значитъ управлять ею, неразумною силою, ибо природа въ разумныхъ существахъ пріобрѣла себѣ главу и правителя, за раболѣпіе же и рабство передъ собою и за невѣжество природа, какъ сказано, подвергаетъ смертной казни, и въ настоящемъ 1902 году заразъ казнила болѣе сорока тысячъ, казнила за плохіе успѣхи въ изученіи вулканической силы. Для человѣка, какъ **сознанія** природы, вопросъ естественный, вопросъ о природѣ, какъ силѣ, которая, рождая, умершвляетъ, составляетъ естественное его, человѣка, дѣло, ибо это дѣло разрѣшаетъ вопросъ о голодѣ, моровыхъ язвахъ и болѣзняхъ вообще, т. е. о старости и смерти. И вѣрующіе и невѣрующіе могутъ объединиться въ этомъ естественномъ дѣлѣ, объединившись же въ дѣлѣ, придутъ и къ единомыслію. И для вѣрующихъ—участіе въ этомъ естественномъ дѣлѣ будетъ не противленіемъ волѣ Божіей, а исполненіемъ ея, для невѣрующихъ же это будетъ освобожденіемъ отъ рабства слѣпой силѣ и подчиненіемъ волѣ Божіей вмѣсто отрицанія божественной воли, на которое безплодно растрачивала свои силы философія.

Вопросъ IV-й. О двухъ разумахъ (теоретическомъ и практическомъ) и о двухъ сословіяхъ (сословіе ученыхъ—интеллигенція и неученыхъ—народъ); о философіи, какъ младенческомъ лепетѣ человѣческаго рода, или

мысли безъ дѣла, и объ единомъ истинномъ разумѣ, объединяющемъ всѣхъ во всеобщемъ познаваніи и управленіи слѣпою неразумною силою (въ регуляціи),—въ познаваніи и управленіи, постепенно расширяющемся на всѣ міры, на всѣ системы міровъ до окончательнаго одухотворенія вселенной чрезъ регуляцію воскрешенными поколѣніями. Это и будетъ то,—въ совершенной полнотѣ,—что каждое существо въ утробномъ своемъ существованіи проходитъ, но въ самомъ сокращенномъ видѣ.

„Познай самаго себя“ (не вѣрь, слѣдовательно, отцамъ, т. е. преданію, не вѣрь свидѣтельству другихъ, или братьевъ, знай только себя) говоритъ демонъ (Дельфійскій или Сократовъ). **„Познаю, слѣдовательно существую“**, отвѣчаетъ Картезій; то-есть,—поясняетъ Фихте,—**Я—познающее и есть существующее; все же прочее есть лишь познаваемое, т. е. лишь мысленное, слѣдовательно несуществующее“**. И такъ: **„Возлюби, себя всею душою твоею, всѣмъ сердцемъ твоимъ“**,—заключаютъ Штирнеръ и Ницше,—т. е. **найди въ себѣ себя, будь единственнымъ и ничего кромѣ себя не признавай...**

Или-же: **Познайте себя въ отцахъ, и отцовъ въ себѣ, и будете братствомъ сыновъ**; тогда осужденіе (критика) замѣнится искупленіемъ, искупленіемъ не словомъ лишь, а дѣломъ, т. е. воскрешеніемъ, и тогда будемъ, воистину, учениками Христовыми..

О двухъ разумахъ: о разумѣ созерцающемъ (теоретическомъ), т. е. считающемъ Бога, какъ и отцовъ умершихъ, лишь мыслимымъ (*), а другъ друга—вещами, но не мыслящими существами,—о разумѣ, хотя и признающемъ регуляцію природы (космологію), но лишь въ области знанія (въ представленіи), а не въ дѣйствительности; и о разумѣ практическомъ, не обращающемъ однако мыслимое въ дѣйствительное, а остающемся при мыслимомъ, т. е. при суевѣріи. О критикѣ чистаго разума и о суевѣріи—практическаго, а также и о томъ, почему критика не касается основъ раздѣленія на два разума и на два сословія (ученое и неученое), основъ раздѣленія, приводящаго къ двумъ невѣжествамъ.

О двухъ сословіяхъ, изъ коихъ одно считаетъ себя темнымъ, а другое (философы-интеллигенты) не признаетъ возможности дѣйствительнаго (объективнаго) знанія, т. е. о двухъ невѣжествахъ, какъ необходимомъ слѣдствіи раздвоенія разума.—Теоретическій разумъ оказывается неспособнымъ отличить бредъ отъ дѣйствительности, а практическій,—относясь пассивно, страдательно къ умершвляющей силѣ и обращая рождающую силу въ похоть нерождающую (искусственно-бездѣтный бракъ),—ведетъ къ уничтоженію рода и дѣлаетъ невозможною дѣйствительную, безсмертную жизнь.

(*) Но прежде еще признанія критикою Бога и отцовъ лишь мыслимыми, гуманизмъ,—присвоившій право на свободную критику, и не отрицающій въ человѣкѣ разума, не для созерцанія лишь даннаго,—тѣмъ не менѣе все зло, творимое и человѣкомъ и слѣпою силою природы, поставилъ въ вину Творцу; а между тѣмъ разумъ и данъ, конечно, для управленія слѣпою силою, чтобы она не творила зла по своей слѣпотѣ.—

И о разумѣ единомъ, томъ «истинномъ» разумѣ, въ который всѣ должны придти, чтобы никто не погибъ, но чтобы всѣ объединились въ дѣлѣ «сыновъ человѣческихъ», дабы **„вси едино были“** (одинъ родъ).

Разумъ теоретическій, смерть и жизнь познающій (вопросъ о смерти и жизни), и разумъ практическій, жизнь возвращающій и смерть тѣмъ побѣждающій (вспросъ о всеобщемъ дѣлѣ воскрешенія),—и это, какъ исполненіе воли Бога-отцовъ, не мертвыхъ, а живыхъ, воли Сына, давшаго заповѣдь собиранія, и воли Св. Духа, дѣйствующаго (а не глаголющаго лишь) чрезъ собирающихъ и научающихъ въ общемъ дѣлѣ осуществленія чаемаго, въ которомъ вѣра возсоединяется съ разумомъ,—таково истинное, естественнное отношеніе двухъ разумовъ, т. е. это такое отношеніе двухъ разумовъ, какимъ оно должно быть и какого въ настоящее время нѣтъ. Въ настоящее время теоретическій разумъ,—отдѣлясь отъ народнаго, практическаго, вѣрующаго (христіанскаго или крестьянскаго) разума,—замѣняетъ вопросъ о жизни и смерти городскимъ вопросомъ о бѣдности и богатствѣ, возводя его въ вопросъ о всеобщемъ обогащеніи или же о всеобщемъ обѣдненіи, и тѣмъ осуждая родъ человѣческій на вѣчное несовершеннолѣтіе. Для установленія должнаго, надлежащаго отношенія двухъ разумовъ, нужно поставить на первое мѣсто разумъ практическій въ лицѣ народа, который вѣритъ въ воскресеніе и въ свое участіе въ дѣлѣ воскресенія, вѣритъ, что участвуетъ въ этомъ дѣлѣ какъ орудіе воли Бога отцовъ и,—какъ язычникъ,—хороводу приписываетъ силу быть солнцеводомъ, силу возвращать солнце отъ зимы на лѣто **для возращенія погребеннаго зерна и воскрешенія посѣянныхъ тѣлъ отцовъ** (мертвецовъ); или же такое же дѣйствіе народъ приписываетъ силѣ **одной молитвы**, потому что не знаетъ такого труда дѣла, которымъ можно было бы производить нужное дѣйствіе на природу, въ случаяхъ,—напримѣръ, засухъ, наводненій и т. п. бѣдствій. И не откажется отъ этихъ суевѣрій, или суевѣрныхъ дѣйствій, живущій съ природою, въ полной отъ нея зависимости народъ, чтобы ему ни говорили, пока не укажутъ дѣйствительнаго средства, которымъ онъ могъ-бы управлять тѣми силами, отъ которыхъ теперь въ зависимости. Въ указаніи такого средства,—а вовсе не въ отрицаніи разумной причины всякаго бытія и разумной цѣли существованія,—и заключается задача теоретическаго разума; а потому первое мѣсто, даваемое теоретическому разуму, есть узурпація, измѣна своему родителю—практическому разуму, отъ котораго онъ, теоретическій разумъ, происходитъ, какъ городъ отъ села, какъ горожанинъ отъ крестьянина; возвращеніе же теоретическаго разума къ практическому, т. е. въ село, будетъ выраженіемъ раскаянія въ своей измѣнѣ или узурпаціи. Удалившись изъ села, горожане забыли отцовъ и Бога-отцовъ, Богъ обратился у нихъ въ идеалъ неосуществимый, въ одну мысль, и явился даже вопросъ о происхожденіи идеи о Богѣ,—горожане стали спрашивать откуда взялась такая мысль въ ихъ головахъ;—возвратившись же въ село, они не могли бы не раскаяться въ забвеніи отцовъ и Бога отцовъ и поняли-бы, что можно говорить о

грѣхѣ удаленія, забвенія, о грѣхѣ отчужденія, а не о просхожденіи мысли о Богѣ, которая всегда была, явилась вмѣстѣ съ сознаніемъ. Выражаясь образно, можно сказать, что горожане, удаляясь изъ села, не только не захватили щепотки земли съ могилъ отцовъ, а даже отрясли прахъ отцовъ отъ ногъ своихъ; возвратившись же въ село, они должны будутъ посыпать этимъ прахомъ главы свои... Будучи въ отдѣльности, два разума, - теоретическій и практическій, - являлись двумя невѣжествами, двумя мраками; при соединеніи же разума теоретическаго съ практическимъ, съ разумомъ вѣрующимъ, крестьянскимъ и христіанскимъ,—они возсіяютъ двойнымъ свѣтомъ, и прежнихъ взаимныхъ обвиненій,—вѣрующими невѣрующихъ въ мракѣ сомнѣнія, а невѣрующими вѣрующихъ въ обскурантизмѣ, въ мракобѣсіи,—уже не будетъ. Нельзя не замѣтить, что обвиняя вѣрующихъ въ мракобѣсіи, **невѣрующіе** и сами не считаютъ свой свѣтъ истиннымъ, потому что сами **признаютъ свое знаніе**, знаніе теоретическаго разума, **лишь субъективнымъ**.

Вопросъ V й. **О двухъ чувствахъ**: 1) о половой чувственности и 2) о дѣтской любви къ родителямъ, или,—что то же, - о всемірной враждѣ и о всемірной любви.

„Нѣтъ вражды вѣчной, а устраненіе временной—наша задача". „Будьте какъ дѣти".

О двухъ чувствахъ,—половая чувственность и порождаемый ею аскетизмъ, какъ отрицаніе чувственности,—и **объ единомъ чувствѣ всеобщей любви къ родителямъ**, неотдѣлимомъ отъ единаго разума.

Безпричинна ли вражда, или же есть **реальныя** причины **небратскихъ** отношеній между людьми и **неродственныхъ** отношеній слѣпой природы къ разумнымъ существамъ? И какія нужны средства для возстановленія родства?

Увлеченіе **внѣшнею** красотою чувственной силы,—особенно въ половомъ инстинктѣ, этомъ **„обманѣ индивидуумовъ для сохраненія рода"**,—увлеченіе, не видящее, или не желающее видѣть въ ней, въ силѣ чувственной, и силу умершвляющую,—не видящее связанной съ рожденіемъ смерти,—и производитъ **индустріализмъ**, служащій къ возбужденію полового инстинкта, индустріализмъ же создаетъ для своей защиты милитаризмъ, производитъ богатство и бѣдность, а сіи послѣднія,—(богатство и бѣдность) —вызываютъ соціализмъ, или вопросъ о всеобщемъ обогащеніи.

Сила **чувствующая**, но не чувственная, зарождается въ дѣтскихъ душахъ; сила эта вмѣстѣ съ наступленіемъ старости и смерти родителей переходитъ въ силу **сострадающую** и **соумирающую**, а соединяя всѣхъ сыновъ и дочерей въ познаніи и управленіи, т. е. въ регуляціи, природы, обращается въ могучую силу, возсоздающую умершихъ;—чрезъ воскрешаемыя же поколѣнія регуляція постепенно распространяется на всѣ міры.

Любовь всемірная рождается изъ дѣтски-сыновняго и особенно дочерняго чувства, развивается же и укрѣпляется она только въ дѣлѣ отчѣскомъ, общемъ для всѣхъ и родномъ, близкомъ, своемъ для каждаго.

Вопросъ VI-й. **О двухъ воляхъ или двухъ нравственностяхъ.**

а) **О двухъ воляхъ. Воля къ рожденію**,— т. е. воля—какъ похоть и какъ отрицаніе похоти (аскетизмъ), жизнь только для себя (эгоизмъ) и жизнь только для другихъ (альтруизмъ),—и воля къ воскрешенію,—т. е. чтобы жить со всѣми живущими для воскрешенія всѣхъ умершихъ.

«Познай себя, ибо приближается царство міра сего».

«Покайтесь знающіе только себя, ибо приближается Царство Божіе, царство всѣхъ»...

О двухъ воляхъ (къ рожденію и къ отрицанію рожденія—аскетизмъ) и **объ единой волѣ къ воскрешенію**, неотдѣлимой отъ единаго разума и единаго чувства.

б) **О двухъ нравственностяхъ**. Что предпочтительнѣе: **нравственность ли разъединенія**, т. е. свобода личности, выражающаяся въ борьбѣ за мнимыя **достоинства** и мнимыя **блага** сыновъ, забывшихъ отцовъ, замѣнившихъ любовь къ отцамъ похотью;—или же **нравственность объединенія**, нравсвенность сыновъ, сознающихъ утрату, свое сиротство, и только въ исполненіи долга къ отцамъ находящихъ свое благо, свое дѣло.

Воля къ рожденію, какъ похоть, порождая богатство, приводитъ весь родъ человѣческій къ деморализаціи, (всемірная выставка есть полное выраженіе деморализаціи); а воля къ воскрешенію,—или когда вопросъ о возвращеніи жизни ставится цѣлью разумныхъ существъ,—приводитъ къ морализаціи всѣхъ міровъ вселенной, ибо тогда всѣ міры, движимые нынѣ безчувственными силами, будутъ управляемы братскимъ чувствомъ всѣхъ воскрешенныхъ поколѣній;—въ этомъ и будетъ заключаться **морализація** всѣхъ міровъ, равно какъ и **раціонализація** ихъ, ибо тогда міры вселенной, движимые нынѣ безчувственными и слѣпыми силами, будутъ управляемы не чувствомъ только, но и разумомъ воскрешенныхъ поколѣній.

Вопросъ VII-й. О двухъ образахъ жизни, **о двухъ бытахъ**, или, можно сказать, объ единой сельской жизни, (т. е. о сынахъ, у праха отцовъ живущихъ),—недозрѣвшая форма которой есть жизнь кочевая, а отживающая форма—жизнь городская, культурная.

Постановка во всей городской мануфактуѣ на первое мѣсто **красочной промышленности**, которой присвоено дажа названіе—**„ученой индустріи“**, показываетъ, что вся промышленность, вся технологія обречены на службу половому подбору, и это свидѣтельствуетъ о глубокомъ униженіи и позорѣ ума человѣческаго, о приближеніи человѣка къ животности, о большемъ и большемъ нравственномъ упадкѣ города. Можно сказать, что **вся городская культура есть** обожаніе, обоготвореніе, т. е. **культъ женщины**.

Куда-же направиться,—къ городскому-ли культу вещи и женщины, къ **„благолѣпію тлѣнія“**, или же къ селу. къ праху отцовъ,—къ селу въ упованіи, что оно достигнетъ такого состоянія, при которомъ прахъ отцовъ будетъ обращаться уже не въ пищу потомкамъ, а въ тѣло и кровь самихъ отцовъ, такъ что отцы станутъ живы и для насъ, тѣлесныхъ су-

ществъ, какъ живы они для Бога... Культъ-ли кладбищъ, т. е. мертвыхъ, ждущихъ оживленія, или же Всемірная Выставка — плодъ индустріализма, учрежденіе уже созрѣвшее и отживающее, учрежденіе мнимо-враждебное, а на самомъ дѣлѣ дружественное милитаризму,—вытѣснившее кладбище, вытѣсняющее храмы, тѣснящее университеты, презирающее музеи, которые хранятъ останки предковъ (мощи), — словомъ, учрежденіе только въ себѣ признающее жизнь..

Сельская жизнь, какъ она нынѣ есть, хотя и высшая двухъ другихъ (кочевой и городской), не есть еще жизнь совершенная; сельская жизнь пріобрѣтетъ условіе къ достиженію совершенства, сдѣлается способною достигнуть совершенства только тогда, когда горожане возвратятся къ праху отцовъ и кочевые сдѣлаются осѣдлыми, т. е. когда никто уже не будетъ удаляться отъ могилъ отцовъ, когда кладбища сдѣлаются центрами собиранія сыновъ, когда совершится объединеніе въ дѣлѣ отеческомъ, которое вмѣстѣ будетъ и братскимъ. Условіе для достиженія совершенной жизни будетъ пріобрѣтено лишь тогда, когда разрѣшится вопросъ о двухъ типахъ людей: о сынахъ умершихъ отцовъ, помнящихъ и поминающихъ отцовъ, и о сынахъ, забывшихъ отцовъ, о блудныхъ сынахъ, или о высшемъ званіи «человѣкъ», общечеловѣкъ, всечеловѣкъ и, наконецъ, сверхчеловѣкъ, (это отвлеченнѣйшее философское опредѣленіе, ничего опредѣленнаго въ себѣ не заключающее), когда разрѣшится вопросъ о крестьянахъ и горожанахъ, о крестьянахъ, у которыхъ культъ отцовъ, и о горожанахъ, у которыхъ культъ женщинъ и, вообще, культъ половой страсти во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, и когда будетъ признано, что истинно высшее, это — сынъ человѣческій,—опредѣленіе, заключающее въ себѣ истинный долгъ всѣхъ сыновъ, какъ одного сына, ко всѣмъ отцамъ, какъ одному отцу, т. е. долгъ воскрешенія, долгъ разумныхъ существъ, объединенныхъ по образу Тріединаго Существа, въ Коемъ открывается для насъ причина безсмертія и вина человѣка, которая привела его къ смерти.

Вопросъ VIII-й **О наукѣ**, какъ она есть и какою должна быть, о наукѣ сословной и о наукѣ на всеобщемъ наблюденіи и опытѣ основанной, на выводахъ изъ наблюденій, производимыхъ вездѣ (повсюду), всегда и всѣми, и на опытѣ, производимомъ въ самой природѣ, на опытѣ какъ регуляціи метеорическихъ, вулканическихъ, или плутоническихъ, и космическихъ явленій, — а не на опытахъ лишь въ кабинетахъ и лабораторіяхъ производимыхъ, на фабрикахъ и заводахъ прилагаемыхъ,—на опытѣ единомъ, производимомъ всѣми живущими въ совокупности, надъ всею землею какъ однимъ цѣлымъ, какъ кладбищемъ множества поколѣній, постепенно возвращаемыхъ къ жизни и присоединяющихся къ познающимъ и правящимъ для расширенія регуляціи отъ одной планеты, нашей земли, къ другимъ, на всю солнечную систему, какъ цѣлое, а затѣмъ и на другія системы, на всю вселенную.

Состоятельна-ли наука, какъ она есть, и не отживающее-ли учрежде-

ніе Университетъ,—этотъ рабъ индустріализма, невидящій въ немъ (индустріализмѣ) игрушекъ и бездѣлушекъ, ничего выше индустріализма и доставляемыхъ имъ благъ непризнающій «врагъ престола и алтаря, врагъ самодержавія, православія и народности, призывающій къ суду отцовъ, пророковъ, Христа, и, наконецъ, Самого Бога, врагъ всякой власти, вооружающій сыновъ противъ отцовъ, учениковъ противъ учителей, студентовъ противъ профессоровъ, разрушающій братство, ставящій рознь выше общенія, приводящій къ монизму, къ солипсизму, приводящій каждаго къ сознанію себя единственнымъ и весь міръ обращающій въ представленіе;—вотъ принципы, на которыхъ держится университетъ и вся его жизнь, что и дѣлаетъ его учрежденіемъ отживающимъ, въ которомъ уже не слышно голоса профессоровъ, заглушаемаго требованіями учебныхъ забастовокъ со стороны учениковъ-студентовъ. Заслуживаетъ ли названія истинной та сословная наука, наука университетская, которая основывается на наблюденіяхъ, производимыхъ кое-гдѣ, кой-когда и кое-кѣмъ, выводы изъ которыхъ, а также изъ кабинетныхъ и лабораторныхъ опытовъ, прилагаются къ фабричной и заводской дѣятельности. Или же наука должна быть, какъ это выше сказано, достояніемъ всѣхъ, т. е. быть выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ вездѣ, всегда и всѣми,—выводомъ прилагаемымъ къ регуляціи, или управленію, слѣпою и безчувственною силою природы.... Въ правѣ ли наука чистая, наука университетская, быть безучастною къ человѣческимъ бѣдствіямъ, т. е. должна ли она быть знаніемъ лишь для знанія, знаніемъ лишь того, почему сущее существуетъ, а не того,—почему живущее страдаетъ и умираетъ?!. И не преступна ли наука прикладная, создающая предметы вражды,—мануфактурныя игрушки,—и вооружающая враждующихъ изъ-за этихъ игрушекъ истребительнѣйшими и мучительнѣйшими орудіями, мощно содѣйствующими къ обращенію земли въ кладбище. Наука, какъ она есть, можетъ всѣ отрасли знанія соединить или въ астрономіи или же въ исторіи; при чемъ, если соединить всѣ знанія въ астрономіи, то исторія обратится лишь въ небольшую часть зоологіи, если же всѣ отрасли знанія соединить въ исторіи, то астрономія будетъ лишь страничкою въ исторіи человѣческой мысли. Наука-же,—какою она должна быть,—чтобы быть истинною и дѣйствительною, обязана открыть исторіи, т. е. ряду поколѣній, на тѣсной землѣ заключенныхъ, пострадавшихъ и умершихъ,—всю вселенную, всѣ небесныя тѣла, какъ поприще ихъ дѣятельности.

Вопросъ IX-й. **Объ искусствѣ**, какъ оно есть, т. е. объ игрѣ, твореніи мертвыхъ подобій, и объ искусствѣ, какимъ оно должно быть, т. е. объ искусствѣ, какъ о возсозданіи,—всеобщимъ трудомъ,—жизни всего прошедшаго, жизни дѣйствительной, тождественной.

Человѣкъ не природы порожденіе, а Бога черезъ насъ самихъ твореніе, и къ жизни всѣхъ умершихъ на землѣ,—чрезъ насъ же,—возвращеніе для разумнаго всѣми мірами управленія.

Искусство, какимъ оно должно быть, и какимъ оно было и стало.—

Должно-ли оно, искусство, для сыновъ умершихъ отцовъ ограничиться твореніемъ мертвыхъ лишь подобій всего прошедшаго и воспроизведеніемъ всего мірозданія въ кажущемся лишь видѣ, каковъ храмъ: или же искусство должно быть дѣйствительнымъ ихъ,- прошедшаго и мірозданія,—воссозданіемъ, дѣломъ Божескимъ и человѣческимъ. Не явствуетъ-ли второе назначеніе искусства изъ самаго его начала.. Ибо, начавшись востаніемъ живущаго,—т. е. вертикальнымъ положеніемъ человѣка,—и возстановленіемъ падшаго, т. е. умершаго, обращеніемъ къ небу перваго (живущаго—при вертикальномъ положеніи) и мнимымъ воскрешеніемъ,—въ видѣ памятника,- второго (т. е. умершаго), - искусство достигало въ храмахъ возсозданія подобій земли и неба. и только затѣмъ пало до всемірной промышленно-художественной выставки, въ которой забывшіе отцовъ сыны собрали лишь все то, что служитъ къ усиленію полового подбора...

Всѣ искусства могутъ быть объединены или, - по нѣмецки,—въ музыкальной драмѣ, въ театрѣ, или же, какъ полагаемъ мы,—по-славянски, по русски,—въ архитектурѣ, въ ея высшемъ произведеніи—храмѣ, и въ службѣ, совершаемой въ храмѣ, въ храмѣ, какъ изображеніи мірозданія, безконечно маломъ по сравненію съ мірозданіемъ, но безконечно высшемъ его (мірозданія) по смыслу, по вложенной въ него (храмъ) мысли,—въ храмѣ, какъ проектѣ міра такого, какимъ онъ долженъ быть.—Храмъ есть изображеніе неба, свода небеснаго, съ изображенными на немъ поколѣніями умершихъ, какъ бы ожившими; на иконостасахъ, какъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, какъ и во всякомъ храмѣ,—только сокращенно,—мы видимъ изображеніе всей исторіи, начиная отъ Адама,—праотцы допотопные, праотцы послѣпотопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христосъ, апостолы, святые, и это до послѣднихъ дней; въ божественной же службѣ всѣ эти небожители объединяются въ одно цѣлое со служащими въ храмѣ и предстоящими (еще живыми),—въ божественной службѣ всѣ,—умершіе и живые,--составляютъ одну церковь. Но храмъ есть изображеніе міра по Птоломеевскому міровоззрѣнію, и пока господствовало Птоломеевское міровоззрѣніе до тѣхъ поръ, между знаніемъ и искусствомъ не было противорчія; когда же міровоззрѣніе Птоломеевское замѣнилось Коперниканскимъ, тогда явилось противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ, ибо искусство остается Птоломеевскимъ, а знаніе дѣлается Коперниканскимъ. Птоломеевское міровоззрѣніе, какъ оно выражается въ искусствѣ, въ храмѣ съ его службами, есть мнимая патрофикація неба, а Коперниканское — должно быть дѣйствительнымъ отцетвореніемъ, воскрешеніемъ, въ чемъ и найдетъ свое разрѣшеніе противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ.

Хранилище памятниковъ прошлаго—Музей, не есть-ли учрежденіе еще недозрѣвшее и еще непонимающее, для чего оно собираетъ отжившее,—учрежденіе, не задававшееся еще вопросомъ,—«оживутъ-ли кости сіи»?—не понимающее своего единства съ храмомъ Бога отцовъ и полной противоположности индустріализму и милитаризму, и не замѣчающее своихъ враговъ ни въ современномъ университетѣ, чтителѣ слѣпой силы природы,

отцовъ умершвляющей, ни въ повелителѣ университета индустріализмѣ, явно презирающемъ Музей, неявно и самый университетъ.

Вопросъ X-й. **О вѣрѣ и знаніи**, или о Пасхѣ, какъ праздникѣ и какъ дѣлѣ воскрешенія.

Религія, возсоединяя знаніе и искусство въ Пасхѣ,—по христіански, —и даже въ культѣ умершихъ,—по язычески,—достигнетъ совершенства, дѣйствительности, осуществленія... Религія, какъ соединеніе знанія и дѣла, и есть культъ умершихъ, или Пасха страданія и воскрешенія: религія есть совокупная молитва всѣхъ живущихъ, вызванная страданіемъ и смертью, молитва о возвращеніи жизни всѣмъ умершимъ, исполненіе которой есть долгъ и дѣло самихъ молящихся, а въ этомъ исполненіи заключается и истина, и благо, и красота, или благолѣпіе нетлѣнія. Страждущій и воскресшій Христосъ есть типъ всѣхъ людей, сыновъ человѣческихъ; Ему посвящены двѣ недѣли въ году, но и остальныя пятьдесятъ есть лишь повтореніе этихъ двухъ.

Должны-ли вѣра и знаніе быть всегда противоположными и враждебными, или же они должны объединиться, и какимъ образомъ. Разрѣшимъ-ли этотъ вопросъ въ городѣ, переходящемъ къ четвертому сословію, къ сословію утилитаризма и секуляризма, которое наибольшее наслажденіе, наименьшій трудъ считаетъ высшимъ благомъ, а потому и въ наукѣ отвергаетъ, какъ отбросы, все, неимѣющее непосредственнаго приложенія къ этой цѣли?! Или же вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только селомъ, гдѣ должно возсоединиться все, вытѣсненное городомъ, для того, чтобы, ставъ въ прямыя, непосредственныя отношенія къ землѣ, т. е. къ праху предковъ, и къ небу,—къ силѣ умершвляющей и оживляющей,— превратить слѣпую силу въ управляемую разумомъ, въ дѣлѣ же управленія слѣпою силою, которое есть дѣло воскрешенія, все знаніе и все искусство будутъ служить лишь орудіями этого великаго дѣла; и только такимъ путемъ, такимъ образомъ и могутъ объединиться вѣра и знаніе.

Пасха начинается съ созданія человѣка Богомъ чрезъ него-же, т. е. чрезъ человѣка самого; она выражается въ востаніи сыновъ (вертикальное положеніе) и въ возстановленіи (въ видѣ памятниковъ) умершихъ отцовъ; она выражается и въ весеннемъ хороводѣ, въ этомъ мнимомъ солнцеводѣ, на красной горкѣ, т. е. на кладбищѣ совершаемомъ,—въ солнцеводѣ, возвращающемъ солнце отъ зимы на лѣто для возвращенія жизни.. И эта Пасха,—возвращеніе сынами жизни отцамъ,—есть необходимая функція, необходимое отправленіе сыновъ, утратившихъ отцовъ; она не прекращается и при вынужденномъ удаленіи сыновъ отъ могилъ отцовъ, когда они уносятъ горсть земли съ могилы отцовъ. Прекращается Пасха только у блудныхъ сыновъ, отрясающихъ прахъ отъ ногъ, т. е. при превращеніи села въ городъ, что наглядно выражается удаленіемъ праха умершихъ за черту поселенія; въ селѣ же, въ настоящемъ селѣ, незараженномъ городомъ, этотъ прахъ имѣетъ всегда центральное положеніе. И въ городѣ, чѣмъ выше поднимаются сыны, тѣмъ болѣе утрачивается ими чувство

къ отцамъ, а съ утратою чувства утрачивается и эта потребность такъ или иначе, хотя-бы и мнимо, возвращать, возстановлять жизнь отцовъ; названіе Пасхи, или воскресенія, хотя и остается, но подъ этимъ названіемъ разумѣется уже весеннее лишь возрожденіе, половая страсть, какъ это можно видѣть изъ пасхальныхъ номеровъ всѣхъ газетъ, можно видѣть это и на первыхъ страницахъ «Воскресенія» Толстого.—Пасха родилась съ человѣкомъ, не оставитъ его никогда, не можетъ быть и имъ оставлена, потому что составляетъ самую сущность сыновъ человѣческихъ, и мы встрѣчаемъ ее вездѣ и всегда подъ разными формами, начиная, какъ было сказано, съ перваго востанія, вертикальнаго положенія,—этого перваго сознательнаго человѣческаго акта,—начала созиданія себя человѣкомъ (Богъ созидаетъ человѣка чрезъ самаго человѣка), — и начиная съ перваго воссозданія сынами человѣческими умершихъ отцовъ своихъ въ видѣ памятниковъ;—это и есть первая Пасха,—воскрешеніе.

Сыны человѣческіе дорожили и самымъ прахомъ отцовъ, возвращенія жизни коему чаяли,—дорожили такъ, что переносили его съ собою при удаленіи отъ могилъ отцовъ, вынужденномъ необходимостью. Даже тѣ, кои отрясли прахъ предковъ отъ ногъ своихъ,—разумѣемъ горожанъ, удаляющихъ останки умершихъ за городъ,—даже ученые, высшая стадія горожанъ, отрекшіеся отъ самого имени сыновъ, замѣнившіе его отвлеченнымъ, неопредѣленнымъ, ничего не говорящимъ словомъ человѣкъ, всѣ они въ самихъ себѣ носятъ своихъ отцовъ-предковъ и всячески, различнымъ образомъ ихъ воспроизводятъ, хотя и не сознаютъ, не понимаютъ этого. Даже величайшій врагъ воскресенія—Толстой, который, чтобы отвергнуть истинное воскресеніе, назвалъ воскресеніемъ неважную нравственную, совершенно безплодную перемѣну,—что онъ дѣлалъ, создавая «Войну и Миръ», какъ не возсоздавалъ, воскрешалъ своихъ предковъ, хотя и дѣлалъ это лишь мнимо, а не дѣйствительно.—Не понялъ Пасхи и Хомяковъ, отожествивъ ее въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи съ братствомъ безъ отечества.—Исчезнувъ на Западѣ, и особенно на дальнемъ, Пасха сохранилась въ Россіи и особенно въ Кремлѣ при гробахъ собирателей, или объединителей сыновъ для дѣла воскрешенія отцовъ,—въ Кремлѣ. т. е. въ крѣпости, оборонявшей прахъ отцовъ, и долженствующей орудія обороны обратить въ орудія оживленія праха, когда небратство исчезнетъ. Коронація, т. е. поставленіе стоящаго въ отцовъ—мѣсто на общее дѣло воскрешенія отцовъ, не имѣла бы смысла, если бы совершалась не въ Кремлѣ, а гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ; но еще большее значеніе получила бы коронація, если бы совершалась въ день Пасхи. Манифестъ 12-го августа 1898 года, манифестъ о разоруженіи, какъ его называютъ, имѣлъ бы полный смыслъ только въ день Пасхи, которая замѣняетъ день воздаянія, Суда, наказанія днемъ всепрощенія, амнистіею. Извѣстное слово Іоанна Златоуста, произносимое обыкновенно въ концѣ пасхальной утрени, и есть амнистія. Тоже выражается и христосованіемъ, свидѣтельствующимъ, что всѣ оскорбленія и обиды забыты. Пасха на мѣстѣ своего происхожденія, въ старомъ Іерусалимѣ и въ его подо-

біи Новомъ Іерусалимѣ,—построенномъ патріархомъ Никономъ,—особенно ощутительна, осязательна, въ нихъ она постоянна, цѣлогодня, и отожествленіе Пасхи съ Православіемъ въ этихъ мѣстахъ особенно понятно, вразумительно.

Сыны, чтущіе своихъ отцовъ, не хранили только прахъ ихъ, и не защищали лишь самоотверженно свою землю, какъ прахъ предковъ, но и въ самомъ небѣ видѣли отцовъ, и въ храмахъ воспроизводили это небо, т. е. міръ, какъ онъ кажется, представляется нашимъ чувствамъ. Когда же ученые отвергли Птоломеевское міровоззрѣніе, дававшее возможность патрофикаціи, и уже торжествовали, что убито все, никакого неба нѣтъ, патрофикація невозможна,—оказалось, что Коперниканское воззрѣніе, замѣнившее Птоломеевское, чтобы быть доказаннымъ, требуетъ дѣйствительной патрофикаціи, т. е. регуляціи всѣхъ міровъ чрезъ не рожденныя уже, а возсозданныя прошедшія поколѣнія,—потому что **всякое положеніе,** (а Коперниканское воззрѣніе было и есть лишь положеніе), **какъ только перестаетъ быть предположеніемъ, дѣлается суевѣріемъ, если не доказано осязательно;** какимъ же образомъ Коперниканское воззрѣніе можетъ быть доказано осязательно, если мы не пріобрѣтемъ способности жить и внѣ земли, во всей вселенной; безъ такой способности, которая дастъ намъ возможность не только посѣтить, но и населить всѣ міры вселенной, мы не можемъ убѣдиться, что эти міры именно таковы, какъ это слѣдуетъ по воззрѣнію Коперника, а не таковы, каковыми они намъ кажутся. Способность же жить во всей вселенной, давъ возможность роду человѣческому населить всѣ міры, дастъ намъ и силу объединить міры вселенной въ художественное цѣлое, въ художественное произведеніе, многоединымъ художникомъ коего, въ подобіе Тріединому Творцу, – будетъ весь родъ человѣческій, въ совокупности всѣхъ воскрешенныхъ и возсозданныхъ поколѣній, воодушевляемыхъ Богомъ, или Духомъ Святымъ, уже не говорящимъ —лишь, и при томъ чрезъ нѣкоторыхъ только людей, пророковъ, а дѣйствующимъ чрезъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ ихъ этической, или братской (супраморалистической) совокупности,—чрезъ всѣхъ сыновъ-человѣческихъ, достигающихъ божественнаго совершенства, («будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ»), въ дѣлѣ, въ трудѣ возстановленія міра въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія. При этомъ объединенныя наука и искусство станутъ этикой и эстетикой, сдѣлаются естественной, міровой техникой этого художественнаго произведенія, космоса,—объединенныя наука и искусство будутъ тогда этико-эстетическимъ богодѣйствомъ, и не мистическимъ уже, а реальнымъ. Итакъ, если храмъ Птоломеевскаго искусства, будучи подобіемъ мірозданія, какъ оно представляется **нашимъ внѣшнимъ чувствамъ,** если этотъ, сравнительно, малый до ничтожества храмъ, но **одушевляемый внутреннимъ чувствомъ,** по своему глубокому смыслу, по духу, оказывается несравненно выше вселенной, то въ Коперниканскомъ искусствѣ внутреннее и внѣшнее выраженіе должны достигнуть полнаго соотвѣтствія;—**сего ради и созданъ человѣкъ,**

въ этомъ и заключается отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и цѣли, которымъ не переставали заниматься разумныя существа, не переставали мучиться надъ его разрѣшеніемъ забывшіе отцовъ, потерявшіе вѣру въ Бога отцовъ. Наша же древняя Русь, отцовъ не забывавшая и вѣры въ Бога-отцовъ не терявшая, на которую мы смотримъ, какъ Іудеи смотрѣли на Галилею, на Назаретъ, не ожидая отъ нея ничего добраго, ничего высокаго, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, наша древняя Русь не сомнѣвалась, что отвѣтъ на вопросъ,—**„чесо ради созданъ бысть человѣкъ“**, заключается въ томъ, что люди созданы быть небесными силами, взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія его въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія.

Вопросъ XI-й. О несовершеннолѣтіи и совершеннолѣтіи.

„Будьте совершены, какъ Богъ-Отецъ Вашъ совершенъ,—Богъ-Отецъ не мертвыхъ, а живыхъ“. Гдѣ нужно брать образцы для жизни,—въ мірѣ-ли животныхъ, въ мірѣ-ли слѣпой силы природы, или же въ мірѣ высшемъ человѣческаго рода. Организмъ-ли нужно поставить образцомъ для нашего общества и слѣпую эволюцію для жизни; или же образцомъ для нашего многоединства должно поставить Божественное Тріединство, въ которомъ единство—не иго, а самостоятельность личностей не рознь,—и тогда Божественное творчество не послужитъ-ли намъ образцомъ для возсозданія жизни вмѣсто нынѣшняго разрушенія жизни.

Вопросъ о несовершеннолѣтіи и о совершеннолѣтіи есть вопросъ о кризисѣ, какъ необходимомъ слѣдствіи несовершеннолѣтія, и объ амнистіи, какъ условіи совершеннолѣтія; амнистія вмѣсто страшнаго суда, всеобщей войны, кончины или катастрофы міра.

Богатство, страсть къ мануфактурнымъ игрушкамъ обрекаетъ человѣка на вѣчное несовершеннолѣтіе, дѣлаетъ человѣка изъ сына и брата гражданиномъ, нуждающимся въ надзорѣ въ угрозахъ наказаніемъ, ведетъ къ дипломатическимъ дрязгамъ, къ военнымъ шалостямъ. Несовершеннолѣтіе не состоитъ-ли въ подчиненіи слѣпой эволюціи, приводящей къ возстанію сыновъ на отцовъ и къ борьбѣ между братьями, т. е. **къ депатріаціи и дефратернизаціи,** (*) а потомъ къ вырожденію и вымиранію. Совершеннолѣтіе же не состоитъ-ли въ братотвореніи для отцетворенія, т. е. въ объединеніи сыновъ для возвращенія жизни отцамъ,—жертвамъ борьбы и прогресса,—что и выразится въ переходѣ Кремля изъ крѣпости, защищавшей прахъ отцовъ, и изъ храма отпѣванія къ внѣхрамовой литургіи, или къ воскрешенію?

Родъ человѣческій, оставаясь несовершеннолѣтнимъ, оставаясь въ розни, не объединяясь въ трудѣ познаванія слѣпой силы, а подчиняясь ей,

---

(*) За неимѣніемъ въ русскомъ языкѣ словъ, обозначающихъ эти **„современныя“** понятія и чувства, мы принуждены прибѣгнуть къ помощи рѣчи иностранной; достойно замѣчанія однако, что понятія и чувства, противоположныя депатріаціи и дефратернизаціи, свободно находятъ соотвѣтствующія имъ русскія выраженія

естественнымъ путемъ придетъ къ вырожденію и вымиранію, а путемъ **сверхъ-естественнымъ** можетъ ожидать лишь трансцендентнаго воскресенія, не чрезъ насъ совершаемаго, а извнѣ, помимо и даже вопреки нашей воли приходящаго, воскресенія гнѣва, страшнаго суда и осужденія однихъ (грѣшниковъ) на вѣчныя муки, а другихъ (праведниковъ) на созерцаніе этихъ мукъ. Мы, чтущіе Бога, **„Который всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастися“**, чтобы всѣ въ разумъ истинный пришли и никто не погибъ,—не можемъ не признать такой конецъ въ высшей степени печальнымъ, въ высшей степени безотраднымъ, и потому позволяемъ себѣ думать, что пророчество о страшномъ судѣ условно, какъ пророчество пророка Іоны, какъ и всякое пророчество, ибо всякое пророчество имѣетъ воспитательную цѣль, имѣетъ въ виду исправленіе тѣхъ, къ кому оно обращено, и не можетъ осуждать на безысходную гибель и притомъ даже тѣхъ, которые еще не родились; если бы это было такъ, то какой смыслъ, какую цѣль могло-бы имѣть такое пророчество, и можетъ ли оно быть согласно съ волею Бога, Который, какъ сказано,—всѣмъ хочетъ спастись, чтобы всѣ въ разумъ истинный пришли, чтобы никто не погибъ.... Огорченіе пророка Іоны, когда пророчество его не исполнилось, получило осужденіе, поставлено ему въ вину,—творецъ же Апокалипсиса, онъ же и апостолъ любви,—думается намъ,—возблагодарилъ бы Господа, если бы не исполнилось его пророчество.

Вопросъ XII-й. **О деспотизмѣ** (неволіи) и **конституціи** (своеволіи) или объ открытомъ господствѣ (деспотизмъ) и о скрытомъ игѣ (конституція), и **о самодержавіи**, въ коемъ власть надъ себѣ подобными замѣняется властью надъ слѣпою силою, что и ведетъ къ совершеннолѣтію,—къ дѣйствительному умиротворенію, т. е. къ доброволію, а въ доброволіи и заключается сущность самодержавія.

„Божіе—Богови, Кесарево- Кесарю“,— завѣтъ для власти языческой. —**„Не народъ для Царя и не Царь для народа, а Царь вмѣстѣ съ народомъ, какъ исполнитель дѣла Божія, дѣла всечеловѣческаго“**,—завѣтъ для власти христіанской, православной.—**Разрѣшеніе антиноміи Божія и Кесарева, духовнаго и свѣтскаго, и антиноміи двухъ разумовъ.**

Конституція—какъ забава—въ Австріи, какъ кулачная расправа—въ Италіи, какъ «игра не стоющая свѣчъ»—во Франціи, какъ праздное пустословіе вездѣ,—или же **Самодержавіе**—какъ сыновство и отечество, какъ дѣло сыновъ, направляемое **„стоящимъ въ отцовъ или праотца—мѣсто“**, поставленнымъ отъ Бога отцовъ (живыхъ, а не мертвыхъ) для защиты земли, какъ праха отцовъ, отъ непризнающихъ еще братства сыновъ, самодержавіе, какъ дѣло сыновъ, переходящее,—при полномъ объединеніи сыновъ,—въ возвращеніе праху отцовъ жизни, т. е. въ борьбу уже не съ себѣ подобными, а съ силою темною, которая рождая, умерщвляетъ...

Исполненіе задачи самодержавія не положитъ-ли конецъ всяческому раздвоенію: раздвоенію религіи, двухъ разумовъ, двухъ сословій (ученыхъ

и неученыхъ); а чрезъ это не положится ли конецъ и раздвоенію властей, власти Кесаря отъ власти Божіей, такъ что Кесарь станетъ орудіемъ Бога, Царь вмѣстѣ съ народомъ станетъ исполнителемъ дѣла Божія, и вопросъ о жизни и смерти замѣнитъ собою вопросъ о богатствѣ и бѣдности, нравственное будетъ поставлено выше юридическаго, экономическаго, соціальнаго, обязательное замѣнится добровольнымъ, и бѣдность существа человѣческаго, бѣдность естественная, не говоря уже о бѣдности искусственной, превратится въ **„богатство неветшающее“**, въ жизнь всѣхъ со всѣми и для всѣхъ, въ сокровище, которому и должны быть всецѣло отданы умы, сердца и воли наши.

Вопросъ пасхальный есть вопросъ о томъ: остаться ли человѣческому роду въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи, или же достигнуть полноты совершеннолѣтія,—остаться-ли на той первой ступени перехода природы отъ слѣпоты къ сознанію, на какую въ настоящее время природа поднялась чрезъ насъ, или же природа должна достигнуть полноты сознанія и управленія всѣми мірами чрезъ всѣ воскрешенныя поколѣнія.

Отреченіе же отъ дѣла воскрешенія оставляетъ роду человѣческому на выборъ только: остаться ли при конституціонныхъ преніяхъ или же при деспотизмѣ; остаться ли при Пасхѣ, какъ праздникѣ только, и при литургіи лишь храмовой, какъ выраженіи еще неполномъ любви къ отцамъ, —выраженіи, не переходящемъ въ дѣйствительное воскрешеніе,—или же при совершенномъ отреченіи отъ отечества и братства, предаться на могилахъ отцовъ скотскимъ оргіямъ и затѣмъ звѣрскому истребленію другъ друга; остаться-ли при искусствѣ лишь мертвыхъ подобій, или же уничтожить всякія подобія, и не осуждать лишь отцовъ за дарованіе жизни безъ согласія рожденныхъ, а проклинать породившихъ, остаться-ли при наукѣ сословной, кабинетной, или же, отказавшись отъ всякаго знанія, погрузиться въ непроглядный мракъ обскурантизма; остаться-ли при вѣчномъ городѣ женіховъ и невѣстъ, окруженныхъ игрушками и бездѣлушками, въ забавахъ и удовольствіяхъ, или же, отрекшись не только отъ предковъ и отцовъ, но даже отъ потомковъ и сыновъ (искусственно бездѣтный бракъ), предаться безграничному сладострастію; остаться ли при волѣ, какъ похоти, или же при плотоумершвленіи, остаться-ли при чувственности и только при печалованіи объ умершихъ, или же какъ самое послѣднее и величайшее зло,—погрузиться въ нирвану, произведеніе злой нѣтовщины; - таковъ плодъ отреченія отъ дѣла воскрешенія.

Не такова благая вѣсть Христіанства;—какъ Буддизмъ противоположенъ Христіанству, такъ противоположна и чаемая будущность, обѣщаемая христіанствомъ, буддійскому небытію. Супраморализмъ, въ противоположность буддійской нирванѣ, небытію, требуетъ отъ разумныхъ существъ полнаго раскрытія бытія, т. е. всего, что въ немъ есть, было и можетъ быть: разумныя существа, располагая настоящимъ, т. е. всѣмъ, что есть, воскрешаютъ то, что было, во всевозможномъ совершенствѣ. Супраморализмъ требуетъ рая, Царства Божія, не по-ту сторонняго, а по-сю сторон-

няго, требуетъ преображенія по-сюсторонней, земной дѣйствительности, преображенія, распространяющагося на всѣ небесные міры и сближающаго насъ съ невѣдомымъ намъ по-тустороннимъ міромъ: рай или Царство Божіе, не внутри лишь насъ, не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое органами, произведенными психофизіологическою регуляціею (т. е. управленіемъ душевно-тѣлесными явленіями), —органами, которымъ доступны не травъ лишь прозябаніе, но и молекулъ и атомовъ всей вселенной движеніе, — что и сдѣлаетъ возможнымъ воскрешеніе и всей вселенной преображеніе. Итакъ Царство Божіе, или рай, есть произведеніе всѣхъ силъ всѣхъ способностей, всѣхъ людей въ ихъ совокупности, произведеніе не отрицательныхъ, а положительныхъ добродѣтелей;—таковъ, можно сказать, рай для совершеннолѣтнихъ;—онъ можетъ быть произведеніемъ лишь самихъ людей, произведеніемъ полноты знанія, глубины чувства, могущества, воли; рай можетъ быть созданъ только самими людьми, во исполненіе воли Божіей, и не въ одиночку, а всѣми силами всѣхъ людей въ ихъ совокупности; и онъ не можетъ заключаться въ бездѣйствіи, въ вѣчномъ покоѣ,—покой, это—нирвана; совершенство заключается въ жизни, въ дѣятельности: «Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и азъ дѣлаю»,—вотъ въ чемъ совершенство. Рая для **несовершенныхъ**, или несовершеннолѣтнихъ, и быть не можетъ; потому-то всѣ попытки создать такой рай,—каковы попытки Данта, Мильтона, Шенавара и множество другихъ, были совершенно безплодны; представить рай, созданный не самими людьми, а помимо ихъ, данный имъ какъ награда, по справедливости считается предметомъ самымъ неблагодарнымъ. Совершенство, совершеннолѣтіе и есть рай, точно также, какъ вышеописанное состояніе несовершеннолѣтія, выражающееся въ скотскихъ оргіяхъ, въ звѣрскомъ истребленіи другъ друга, въ безграничномъ и ненасытномъ сладострастіи,—есть истинный адъ.

Первый недостатокъ Дантова рая, этого рая для несовершеннолѣтнихъ, для тѣхъ, которые безсмертіе и блаженство считаютъ принадлежащими имъ по праву рожденія, а не по труду, и заключается въ томъ, что этотъ рай не создается самими, а уже существуетъ, созданъ для нихъ, но помимо ихъ Въ этомъ отрицаніи труда, въ этомъ презрѣніи къ труду,—какъ это видно напримѣръ въ Каинѣ Байрона, который такой же аристократъ, какъ и его авторъ, и заключается несовершеннолѣтіе, ребячество; а между тѣмъ блаженство состоитъ прежде всего и выше всего въ его созиданіи.—Регуляція метеорическаго процесса есть уже первое начало небеснаго дѣла, созиданія рая.

Второй недостатокъ Дантова рая, рая для несовершеннолѣтнихъ,—можно сказать,—порокъ его,—состоитъ въ томъ, что онъ переноситъ на небо человѣчество со всею его теперешнею нравственною ограниченностью; такъ,—созерцателямъ, какъ творцамъ такой райской жизни, отведено мѣсто въ наивысшемъ изъ планетныхъ небесъ; а между тѣмъ созерцаніе, именно потому, что оно созерцаніе, и не можетъ быть въ дѣйствительномъ раю,

ибо крылья его только мнимыя, мысленныя и не могутъ поднять его до рая; только созерцаніе, переходящее въ дѣло, могло бы создать рай, и мысленныя крылья превратить въ тѣлесныя: человѣку будутъ доступны всѣ небесныя пространства, всѣ небесные міры только тогда, когда онъ самъ будетъ возсоздавать себя изъ самыхъ первоначальныхъ веществъ, атомовъ, молекулъ, потому что тогда только онъ будетъ способенъ жить во всѣхъ средахъ, принимать всякія формы, и быть въ гостяхъ у всѣхъ поколѣній отъ самыхъ древнѣйшихъ до самыхъ новѣйшихъ, во всѣхъ мірахъ, какъ самыхъ отдаленныхъ, такъ и самыхъ близкихъ, управляемыхъ всѣми воскрешенными поколѣніями, — во всѣхъ мірахъ, которые во всей ихъ цѣлости, будутъ предметомъ художественнаго дѣла всѣхъ поколѣній въ ихъ совокупности, какъ единаго художника.

Рай Данта, какъ онъ изображенъ имъ, есть царство языческихъ добродѣтелей.—рая они не созидаютъ, а потому и быть въ немъ не могутъ. Римскій Орелъ, т. е. Западный Императоръ, произволомъ папскимъ въ это достоинство возведенный, отъ котораго происходитъ и нынѣшній Нѣмецкій, черный Царь, какъ его можно назвать, въ противоположность Бѣлому Русскому Царю,—Римскій Орелъ, внесшій раздоръ въ христіанскій міръ, поднялся до неба Меркурія, но не очистился отъ властолюбія и честолюбія, которыя способны создавать государства и безсильны создать рай, райское общество, въ которомъ нѣтъ ничего юридическаго и экономическаго, а одно лишь родственное. Только Императоръ нераздѣльной Имперіи, предводительствующій войскомъ, идущимъ не противъ себѣ подобныхъ, а противъ силы слѣпой, темной, можетъ войти съ своими сподвижниками въ рай, ими созидаемый. Богословіе вознеслось до солнца, но осталось лишь Богоговореніемъ, словомъ, а не дѣломъ Божіимъ; только Богодѣйство, — но не мистическая теургія,—только превращеніе самихъ себя въ орудія дѣла Божія обратитъ всѣ солнца, всѣ небесные міры въ Царство Божіе, въ рай. Отрицательная дѣвственность еще не небесная добродѣтель, цѣломудріе — еще не дѣятельная мудрость, не рождать еще не значитъ освобождать отъ смерти, воскрешать: — нужно, чтобы безсознательное рожденіе замѣнилось дѣломъ воскрешенія; нынѣ же въ помѣщеніи дѣвственницъ на Венерѣ можно бы видѣть скорѣе злую иронію, такъ какъ и сама земля не освободилась еще отъ власти Венеры, а отрицательная дѣвственность освободить ее отъ этой власти не въ силахъ. Такую же иронію можно видѣть и въ помѣщеніи воиновъ и крестоносцевъ подъ покровъ языческаго бога Марса, а между тѣмъ война, вопреки мнѣнію католиковъ, создать рая не можетъ, — война можетъ только разрушать, истреблять, и только обращеніе орудій истребленія въ орудія спасенія можетъ создать рай. Воины, помѣщенные на Марсѣ, могли бы и на землѣ обратиться въ воинство, спасающее отъ голода, язвы и смерти, т. е. и на землѣ могли-бы освободиться отъ власти бога войны Марса. И легистовъ не зачѣмъ было отправлять на Юпитеръ, такъ какъ потребность въ нихъ и на землѣ очень велика и все увеличивается,—земля стонетъ подъ игомъ юристовъ, и еще

недавно юристы своимъ участіемъ въ конференціи мира погубили ее, превративъ ее въ третейскій лишь Судъ. Переносить на небо недостатки земли, заключающіеся въ томъ, что земля не можетъ еще жить подъ нравственнымъ закономъ и потому нуждается въ законѣ юридическомъ, *) значитъ создавать не рай;—и надо благодарить Бога, что это только мечта поэта, а не дѣйствительность.—Но самый великій грѣхъ совершаетъ Дантъ, поэтъ рая несовершеннолѣтнихъ, когда достигаетъ высшей степени рая, когда изображаетъ Св. Троицу;—онъ видитъ въ Ней лишь вѣчный свѣтъ, т. е. одно лишь знаніе, который самъ въ себѣ покоится (бездѣйствіе), одинъ себя постигаетъ и собою постигнутый, себя (только себя) знаетъ, себя (только себя) любитъ,—т. е. Пресвятую Троицу, какъ образецъ единодушія и согласія, Дантъ замѣняетъ обоготвореніемъ себялюбія;—небо оказывается не лучше земли.

Въ основу Дантова рая положено Птоломеевское суевѣріе, но и Коперниканское міровоззрѣніе не вышло еще изъ области суевѣрія, потому что оно есть лишь мысленное: не управляя движеніемъ земли, мы не можемъ убѣдиться въ дѣйствительности этого движенія и лишь предполагаемъ его; точно также мы можемъ, конечно, вѣрить, что земля есть небольшая звѣздочка, что и солнце есть звѣзда,—но мы всему этому лишь вѣримъ и ничего этого не видимъ—и, слѣдовательно, не знаемъ.

Способъ рѣшенія пасхальныхъ вопросовъ, или ходъ естественнаго дѣла.

„Шедше, научите вся языки, крестяще“..

Предложеніе замѣнить вопросъ о бѣдности и богатствѣ вопроссмъ о смерти и жизни (вопросъ о роскоши вопросомъ о насущно необходимомъ) обращается какъ къ вѣрующимъ, такъ и къ невѣрущимъ, и отъ вѣрующихъ требуется—для исполненія сего,—отказаться отъ противленія волѣ Божіей, въ каковомъ (т. е. противленіи) мы нынѣ находимся, постоянно служа и инымъ богамъ, постоянно нарушая всѣ заповѣди и особенно первыя пять, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одну,—заповѣдь наибольшую**),

*) Подобно этому Леруа Болье, сокрушаясь о малости земли,—какъ сокрушаются объ этомъ, конечно, и всѣ милліонеры и биллліонеры,—хотѣлъ бы перенести нашу промышленность на другіе планеты и міры и заразить ихъ нашею торговою наживою.

**) Создавая мануфактурныя игрушки, (т. е. роскошь), мы творимъ себѣ кумировъ; обоготворяя силу, посылающую бездождіе, многодождіе, моровыя и другія язвы,—вмѣсто познаванія и управленія ею, какъ то требуетъ Божественная заповѣдь,—мы лишаемъ себя насущно-необходимаго; предавшись вопросу о богатствѣ, т. е. вопросу объ игрушкахъ и забавахъ, или суетности, мы лишаемъ себя возможности даже призывать имя Бога, не дѣлая изъ этого призыванія грѣха, преступленія, противъ третьей заповѣди; служить же одинъ лишь день въ недѣлю,—и то мнимо, бездѣйственно, Богу, а шесть дней истинно служить мнимымъ, ложнымъ богамъ, предаваясь заботамъ объ обогащеніи,—не значитъ ли нарушать четвертую заповѣдь, которая,—понятая по христіански,—требуетъ предать себя, другъ друга и всю жизнь свою труду, дѣлу воскрешенія; а въ этомъ только дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, и можетъ состоять исполненіе требованія пятой заповѣди, понятой по христіански, ибо заповѣдь эта, понятая по христіански, требуетъ уже не почтенія лишь къ отцу и матери, по ветхозавѣтному,—а по христіански воскрешенія;—воскрешеніемъ же отцовъ-предковъ пріобрѣтается и собственное безсмертіе.

—отъ вѣрующихъ требуется замѣнить это противленіе исполненіемъ Божественной воли;—отъ невѣрующихъ же требуется замѣнить рабство слѣпой силѣ, въ каковомъ (т. е. рабствѣ) мы нынѣ находимся, управленіемъ (регуляціею) ею, слѣпою силою. Впрочемъ, требованіе управленія и подчиненія неразумной—слѣпой силы разуму относится не къ невѣрующимъ только, но какъ требованіе Божественной воли оно относится и къ вѣрующимъ, такъ что въ дѣлѣ управленія слѣпою силою могутъ соединиться тѣ и другіе, т. е. вѣрующіе и невѣрующіе, хотя **въ мысли** они и были-бы сначала несогласны между собою; и такое управленіе слѣпою силою и подчиненіе ея разумной волѣ сыновъ человѣческихъ будетъ равнозначуще подчиненію всѣхъ сыновъ человѣческихъ волѣ Бога-отцовъ и приведетъ ихъ **къ единомыслію,** т е. участіе въ одномъ общемъ дѣлѣ приведетъ къ единомыслію и вѣрующихъ и невѣрующихъ. Объединеніе должно начаться съ интеллигенціи; объединенная же въ качествѣ воспитательной силы интелигенція соединитъ всѣ народы въ дѣлѣ управленія слѣпою—неразумною природою, т. е. обратитъ ихъ, всѣ народы, **въ естествоиспытательную силу**, и такимъ образомъ чрезъ воспитательную силу интеллигенціи **всѣ** обратятся въ естествоиспытателей, разумъ народный, **практическій**, объединится, придетъ въ единство съ разумомъ интеллигенціи, ученыхъ, т. е. **съ разумомъ теоретическимъ,** идеалъ этого послѣдняго станетъ долгомъ для разума практическаго, долгомъ, требующимъ исполненія, а человѣкъ сдѣлается орудіемъ воли Божіей въ исполненіи долга.—Въ этомъ и найдетъ свое разрѣшеніе вопросъ о двухъ разумахъ, разрѣшится антиномія между двумя разумами; въ этомъ-же найдетъ свое разрѣшеніе и вопросъ о двухъ чувствахъ, о двухъ воляхъ, о двухъ нравственностяхъ при чемъ культъ женщины замѣнится культомъ отцовъ во исполненіе воли Бога-отцовъ, Бога не мертвыхъ, а живыхъ.—Обращеніе въ естествоиспытательную силу всѣхъ народовъ чрезъ интеллигенцію, какъ—силу воспитательную, есть соединеніе всѣхъ способностей,—всѣхъ силъ всѣхъ людей въ общемъ дѣлѣ обращенія силы рождающей и умершвляющей въ силу возсозидающую и оживляющую, что и совершится чрезъ науку и искусство, объединяемыхъ въ религіи, которая отожествляется съ Пасхою, какъ великимъ священнымъ дѣломъ.—Объединеніе всѣхъ способностей и силъ всѣхъ людей достигается чрезъ школу: чрезъ школу-храмъ (Троице воскресенскій, объединяющій для воскрешенія), чрезъ школу музей (храмъ предковъ) и чрезъ школу-лагерь (служащую переходомъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, отъ городской къ сельской,—къ жизни у праха предковъ, у ихъ могилъ); и всѣ эти школы объединяются въ Кремляхъ, т. е. въ крѣпостяхъ, защищающихъ прахъ отцовъ. По мѣрѣ-же объединенія народовъ, чрезъ конференцію мира совершаемаго, гдѣ представители всѣхъ народовъ земли не судъ третейскій учреждаютъ, а принимаютъ обязательство присоединить ко всеобще-обязательной воинской повинности, и всеобще-обязательное же образованіе, т. е. познаваніе той силы, которая и дѣлаетъ народы враждебными другъ другу, въ которой и заключается причина войнъ, вы-

нуждающая защищать самый прахъ предковъ,—по мѣрѣ такого объединенія народовъ орудія истребленія обращаются въ орудія управленія этою враждоносною силою; управленіе-же силою рождающею и умершвляющею не только устранитъ причины войнъ, но и возвратитъ жизнь всѣмъ жертвамъ войны. Самодержецъ, **какъ воспріемникъ всѣхъ рождающихся**, принимаетъ на себя долгъ дать ученіе, чрезъ всѣхъ ученыхъ и интеллигентовъ, всему народу, и чрезъ это ученіе народъ вводится въ общее отеческое дѣло, которымъ руководитъ самодержецъ, **какъ душеприказчикъ всѣхъ умершихъ.** Такимъ образомъ самодержецъ, становясь исполнителемъ заповѣди Первенца изъ умершихъ,—заповѣди о ученіи,—является продолжателемъ дѣла воскрешенія. Самодержецъ русскій, которому при самомъ вѣнчаніи на царство вручается акакія *) (т. е. прахъ, который имѣетъ востати), въ противоположность Западу,—**временное** пасхальное движеніе изъ городовъ въ села,—что и у насъ въ подражаніе Западу совершается, **) —обращаетъ **въ постоянное**; при чемъ небесная (грозовая) сила,—чрезъ обращеніе всеобще—обязательной воинской повинности во всеобще—обязательное познаваніе пріобрѣтаемая и дѣлающаяся доступною не только каждому селу, но и каждому малому поселку,—дастъ возможность сельской кустарной промышленности торжествовать надъ фабрично-городскою и замѣнить послѣднюю. При регуляціи внѣшнею силою регуляція внутренняя, психофизіологическая, дастъ перевѣсъ любви къ родителямъ надъ половымъ чувствомъ и похотью, и даже совсѣмъ замѣнитъ ихъ, обращая силу рождающую въ возсозидающую, умершвляющую въ оживляющую, т. е. замѣняя дѣторожденіе отцетвореніемъ,—или возсозиданіемъ отцовъ, какъ исполненіемъ воли Бога отцовъ. Антиномія двухъ разумовъ,—само собою разумѣется—при этомъ разрѣшится, невѣрующіе, соединясь въ одномъ дѣлѣ съ вѣрующими, объединятся съ послѣдними въ единомысліи, въ одновѣріи, и вопросъ о богатствѣ и бѣдности окончательно устранится какъ ненужный, ибо пока была смерть, была и бѣдность, когда же наступитъ безсмертная жизнь, трудомъ пріобрѣтенная, тогда уже ни о какой бѣдности и рѣчи быть не можетъ.

Резюмируя все вышеизложенное, должно сказать, что **предложеніе замѣнить вопросъ о богатствѣ и бѣдности вопросомъ о смерти и жизни, или о всеобщемъ возвращеніи жизни,**—коимъ начинаются пасхальные вопросы,—предложеніе это даетъ, или указываетъ, предметъ дѣйствія, указываетъ на силу рождающую и умершвляющую, т. е. на природу, которая, рождая—умершвляетъ, созидая—разрушаетъ,—какъ на предметъ этого дѣйствія, указываетъ, какъ на предметъ дѣйствія, на всю вселенную, ко-

*) Смотри статью **„Самодержавіе“.**

**) Говорится: во 1-хъ о возвращеніи фабричныхъ, не вполнѣ еще порвавшихъ съ селомъ, съ сельскою жизнью, въ села къ Пасхѣ, къ празднику, имѣющему смыслъ только на могилахъ отцовъ, и къ началу сельскихъ работъ; это движеніе самостоятельное, тутъ нѣтъ подражанія Западу; и во 2-хъ о выселеніи изъ городовъ интеллигенціи въ имѣнія, у кого они есть, или же на дачи и во всякаго рода курорты на лѣтній сезонъ,—это совершается въ подражаніе Западу

торая нынѣ подчинена слѣпой силѣ, — предметъ громадный!! Послѣдній же пасхальный вопросъ говоритъ о самодержцѣ, — умиротворителѣ, собирателѣ всѣхъ силъ всѣхъ людей для познаванія и управленія тѣмъ предметомъ, который данъ, указанъ первымъ вопросомъ. Одинадцатый пасхальный вопросъ говоритъ о несовершеннолѣтіи, которое требуетъ школъ, какъ учрежденій, предназначенныхъ къ тому, чтобы всѣхъ сдѣлать совершеннолѣтними, т. е. познающими, а слѣдовательно и управляющими тѣмъ предметомъ, на который указывается въ первомъ вопросѣ. Десятый вопросъ дѣлаетъ такое познаваніе,—познаваніе для управленія, для возвращенія жизни —священнымъ, даже въ высшей степени священнымъ,—**Пасхою**, какъ дѣломъ и какъ праздникомъ, т. е. торжествомъ этого дѣла. IX и VIII вопросы привлекаютъ къ дѣлу познанія и управленія для возвращенія жизни - науку и искусство, отвлекая ихъ отъ служенія индустріализму и милитаризму; а VII вопросъ возвращаетъ всѣхъ отчудившихся отъ отцовъ къ праху ихъ, къ ихъ могиламъ, и этимъ начинается самое дѣло возвращенія жизни. Вопросы VI и V, отвлекая отъ культа женщинъ, которому служатъ въ городахъ, замѣняютъ этотъ культъ культомъ отцовъ-предковъ. Но для осуществленія сего необходимо, чтобы интеллигенты, какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе, т. е. всѣ интеллигенты, объединились въ воспитаніи народа,—какъ это говорится во II и III вопросахъ,—обращая народъ въ естествоиспытательную силу; а этимъ будетъ достигнуто разрѣшеніе противорѣчія между двумя разумами, теоретическимъ и практическимъ, (вопросъ IV-й), будетъ достигнуто и объединеніе интеллигенціи съ народомъ, - подъ руководствомъ самодержца,—**въ единый субъектъ**, дѣйствующій, на **объектъ**, указанный въ 1-мъ пасхальномъ вопросѣ. Итакъ, **субъектомъ** естественнаго дѣла, естественнаго вопроса, который ставится самою природою, приходящею чрезъ родъ человѣческій въ сознаніе и чувство, смертью вызываемыя, **будутъ всѣ живущіе**, дѣйствующіе, - подъ руководствомъ душеприказчика всѣхъ умершихъ,—на силу умершвляющую, въ видахъ возвращенія жизни всѣмъ умершимъ,—**всѣ живущіе**, т. е. **всѣ сыны и дочери** уже умершихъ или же имѣющихъ умереть родителей, объединяемые стоящимъ въ отцовъ-мѣсто,—**всѣ разумныя существа**, объединяемыя въ познаніи неразумной силы и въ управленіи ею воспріемникомъ отъ купели всѣхъ рождающихся,—самодержцемъ, обращающимъ орудія истребленія въ орудія спасенія. **Объектомъ же** этого дѣла будетъ сила рождающая и умершвляющая, прахъ отцовъ, или молекулы и атомы, на которые разлагаются тѣла жившихъ,—силы слѣпыя, неразумныя, которыя должны быть познаны и управляемы. **Только супраморализмъ**, какъ всеобщее естественное дѣло, какъ вопросъ о всеобщемъ возвращеніи жизни, и **можетъ устранить внѣшнюю** (богатство и бѣдность) и **внутреннюю** (ученыхъ и неученыхъ) **розни** и **объединить внутренно**,—въ чувствѣ и мысли,—**и внѣшне**,—въ общемъ дѣлѣ обращенія рождающей и умершвляющей силы въ возсозидающую. Супраморализмъ есть естественный вопросъ для всѣхъ живущихъ, который ставится самою природою,

приходящею въ сознаніе и чувство,—ставится этотъ вопросъ не столько по любви къ жизни, которую мы знаемъ лишь въ связи съ отравляющею ее непрестанно смертью, сколько по отвращенію къ смерти, по естественному сожалѣнію къ умершимъ и умирающимъ. Супраморализмъ есть естественный и священный вопросъ для всѣхъ сыновъ и тѣмъ болѣе для сыновъ, вѣрующихъ въ Бога отцовъ. И, наконецъ, супраморализмъ есть наиболѣе естественный вопросъ для разумныхъ существъ, потому что смерть есть произведеніе силы неразумной.- **А потому въ рѣшеніи этого вопроса, или въ дѣлѣ возвращенія жизни,**—(въ чемъ заключается безусловный, нравственный долгъ, обращающій отвлеченное - «почему сущее существуетъ» -- въ живое знаніе, въ живое искусство не мертваго подобія, а живой дѣйствительности, въ знаніе самой жизни всего бывшаго, прошлаго)—**дѣйствующими должны быть всѣ живущіе, всѣ сыны и дочери, всѣ разумныя существа.**

Проектъ общ-го дѣйствія субъекта, въ его совокупности,—на объектъ въ его цѣлости, (т. е. на всю земную планету въ ея цѣлости, а не на какую либо часть лишь ея, на всю солнечную систему въ ея цѣлости и, наконецъ, на всю вселенную) Дѣйствіе это состоитъ: во 1-хъ въ обращеніи рождающей силы въ возсозидающую и умершвляющей въ оживляющую; во 2-хъ въ собираніи разсѣяннаго праха и въ совокупленіи его въ тѣла, пользуясь для сего и лучистыми образами, или изображеніями, оставляемыми волнами отъ вибрацій всякой молекулы; и въ 3-хъ въ регуляціи земли, т. е въ управленіи землею, какъ кладбищемъ,—управленіе же это состоитъ въ послѣдовательномъ воскрешеніи, или возсозданіи, множества поколѣній умершихъ,—въ воскрешеніи для распространенія чрезъ воскрешенныхъ регуляціи на всѣ міры, обитателей неимѣющіе. Такой проектъ есть полное выраженіе супраморализма, или отвѣтъ на вопросъ—**„чесо ради созданъ бысть человѣкъ“**, указывающій, что родъ человѣческій, всѣ сыны человѣческіе, - чрезъ регуляцію небесныхъ міровъ,— сами станутъ небесными силами, мірами вселенной правящими.— Итакъ, чѣмъ же должна быть супраморалистическая заповѣдь собиранія—**„шедше научите вся языки, крестяще ихъ“**, т. е. очищая отъ грѣха, какъ причины смерти, --какъ должна измѣниться эта заповѣдь внѣшне,—ибо по сущности она неизмѣнна, вѣчна —какъ должна она измѣниться въ эпоху такихъ путей сообщенія, связывающихъ всю землю, которые дѣлаютъ ненужнымъ хожденіе (шедше), въ эпоху, когда печать дѣлаетъ ненужною и устную проповѣдь? - Не вникая въ глубокій, а вмѣстѣ и простой смыслъ этой заповѣди, можно подумать, что въ ней не указано цѣли соединенія, сказано—**„научите“**, а чему должно научить, не говорится. Но если мы примемъ во вниманіе, что заповѣдь эта дана тотчасъ-же по воскресеніи и самимъ воскресшимъ Первенцемъ изъ мертвыхъ, за Которымъ необходимо должно было слѣдовать продолженіе воскрешенія,—то поймемъ, что въ требованіи научить заключается повелѣніе всеобщеобязательнаго образованія —въ смыслѣ познаванія первороднаго грѣха, сдѣлавшаго весь родъ нашъ

смертнымъ, въ смыслѣ такого познаванія, которое переходитъ въ дѣло очищенія отъ первороднаго грѣха, какъ причины смерти; мы поймемъ тогда, что въ наше время наученіе можетъ быть только въ школѣ-храмѣ, соединенной съ школою-музеемъ зимою и съ школою лагеремъ лѣтомъ,—въ школѣ, получающей завершеніе въ Кремлѣ, т. е. на кладбищѣ—крѣпости, въ которой орудія обороны праха отцовъ обращаются въ орудія возвращенія имъ жизни; при чемъ **таинство Крещенія**,—т. е. очищенія отъ первороднаго грѣха, сдѣлавшаго, какъ выше сказано, человѣческій родъ смертнымъ,—сдѣлается, или станетъ совокупнымъ дѣломъ всѣхъ людей, правящихъ всѣми силами природы, на что они, т. е. люди, и помазуются; изъ невидимаго это очищеніе сдѣлается видимымъ, изъ тайнаго явнымъ, и тогда крещеніе не будетъ повторяемымъ, не будетъ и необходимости въ такомъ повтореніи, необходимости, вызвавшей замѣну новыхъ крещеній покаяніемъ. Тогда сдѣлается ясною и явною и тайна хлѣба и вина, изъ праха отцовскаго полученныхъ и въ ихъ тѣло и кровь обращаемыхъ. И все это будетъ дѣлаться во имя Тріединаго Бога, при чемъ дѣлающіе будутъ уподобляться Тріединому, пребывающему въ безграничной любви Сына и Святого Духа ко Отцу, въ любви, исключающей возможность смерти.

Двоякій результатъ хода естественнаго дѣла, двоякая будущность, или условность пророчествъ о кончинѣ міра.

О всеобщемъ обогащеніи и о всеобщемъ воскрешеніи.

а) **Вопросъ о богатствѣ и бѣдности**, (1-й пасхальный вопросъ) по своей неразрѣшимости, долженъ быть отнесенъ къ вопросамъ отживающимъ. Искусственный пауперизмъ и богатство служатъ источникомъ всѣхъ золъ и порождаютъ всѣ остальные одинадцать вопросовъ. **Стремленіе къ богатству** обращаетъ живую религію въ мертвую (2-й вопросъ), ставитъ человѣка въ ложное положеніе къ природѣ (3 й вопросъ), раздвояетъ разумъ (4-й вопросъ), обращаетъ чувство въ чувственность (5-й вопросъ) и волю въ похоть (6 й вопросъ), порабощаетъ село городу (7-й вопросъ),—искажая истинную религію, порабощаетъ науку и искусство индустріализму и милитаризму (8, 9, и 10 вопросы),—не сознавая своего ребячества, несовершеннолѣтности, создаетъ конституціи, искажаетъ самодержавіе и неизбѣжно приведетъ родъ человѣческій къ гибели (11 и 12 вопросы).

б) **Вопросъ о жизни и смерти** (1-й пасхальный вопросъ), не въ теоретическомъ лишь смыслѣ понимаемый, а понимаемый какъ возвращеніе жизни всѣмъ потерявшимъ ее, или возстановленіе кровнаго родства,—возвращеніе жизни праху умершихъ, возвращеніе жизни изъ крови и тѣла сыновъ, правящихъ силою рождающею и умершвляющею,—вопросъ этотъ долженъ замѣнить вопросъ о богатствѣ и бѣдности уже потому, что сей послѣдній есть только частный случай перваго,—ибо бѣдность, въ смыслѣ

недостатка средствъ къ жизни, и богатство, въ смыслѣ излишества, сокращающаго жизнь, есть, конечно, часть вопроса о жизни и смерти. Стремленіе къ возвращенію жизни создаетъ живую религію (2-й вопросъ), ставитъ человѣка въ истинное отношеніе къ природѣ (3-й вопросъ), объединяетъ два разума (4-й вопросъ), любовь сыновнюю ставитъ выше половой (5-й вопросъ), а волю изъ похоти обращаетъ въ общее дѣло всѣхъ людей, направляемое сыновнею любовью (6-вопросъ), возвращаетъ городское къ сельскому (7-й вопросъ), объединяя знаніе и искусство въ религіи, отождествляемой **съ Пасхою** (8, 9 и 10 вопросы). Осуществляется же это общее дѣло перехода отъ розни несовершеннолѣтія (вопросъ 11-й) къ общему дѣлу Самодержцемъ (вопр. 12 й), - воспріемникомъ всѣхъ рождающихся и душеприказчикомъ всѣхъ умершихъ, чрезъ соединеніе всеобще-обязательнаго образованія съ всеобще обязательною воинскою повинностью, или обращеніемъ орудій истребленія въ орудія спасенія.

Торжество Пасхи, любви сыновней и братской, это—сознательное естественное дѣло; или же, на оборотъ, **побѣда порнократіи**, т. е. скотской и звѣрской страсти, прикрытой культурною фальсификаціею, это—**анти**, или **контръ-Пасха**, безсознательное естественное дѣло, переходящее въ противоестественное.

Возможно, конечно, остаться при вопросѣ о бѣдности и богатствѣ (1-й вопросъ Пасхальн.), и тогда концомъ будетъ вырожденіе и вымираніе, это—высшая ступень культуры; тогда не только живая, но и двѣ мертвыя религіи (2 й вопр.) исчезнутъ, т. е. не будетъ уже вѣрующихъ, изсякнутъ **и вѣра и вѣрность**;—религія знаетъ только **вѣрныхъ и невѣрныхъ**, вѣрующіе же и невѣрующіе суть созданіе философіи, для которой,—какъ принадлежности младенчества, или ребячества, человѣческаго рода,—религія кажется чѣмъ то случайнымъ, какимъ то придаткомъ, далеко не важнымъ и совсѣмъ ненужнымъ. Переходя отъ теологіи къ антропологіи, а отъ сей послѣдней къ зоологіи, признавъ себя порожденіемъ природы безъ участія Бога и собственнаго труда созиданія,—невѣрующіе, эти эпигоны натуралистовъ,—вмѣсто возсозданія собственнымъ трудомъ,—возсозданія, какъ проявленія Божественной воли,—будутъ ждать, что слѣпая природа сама породитъ **новые высшіе виды** животныхъ;*) т. е. возлагая всю свою надежду на слѣпое рожденіе и смерть, невѣрующіе не понимаютъ, что только сознаніе, только трудъ можетъ привести къ совершенству (3 й вопр.),—эти декаденты не въ состояніи понять Бога даже какъ идеалъ. Сознавъ себя животными, люди и будутъ превращаться въ животныхъ. т. е. разумъ будетъ атрофироваться, антиномія двухъ разумовъ (вопр. 4-й) разрѣшится тогда атрофіею сперва теоретическаго разума, а затѣмъ и практическаго. Объ отрицаніи Бога,—даже какъ идеала только,—было уже сказано, космологія же, какъ астрономія, и въ настоящее время держится лишь милліардерами или

*) Подобно тому, какъ историки, напр. Соловьевъ-отецъ,—приходятъ въ отчаяніе, думаютъ, что насталъ конецъ исторіи, потому что не видятъ новыхъ народовъ, которые могли бы поглотить старыхъ.

билліонерами, а при господствѣ 4-го сословія ни **космологія неодушевленная** (астрономія), ни **космологія одушевленная** (исторія) не имѣютъ шансовъ на существованіе; сія же послѣдняя, т. е. исторія, какъ напоминающая о предкахъ, будетъ съ озлобленіемъ истребляться этими чтителями исключительно настоящаго, будетъ истребляться во всѣхъ ея видахъ, въ видѣ памятниковъ, храмовъ, музеевъ, кладбищъ... Только технологія, обратившись въ безсознательную технику — что будетъ равняться атрофіи практическаго разума,—станетъ господствовать. Половое чувство, или похоть (вопр. 5 и 6), создавъ **бездѣтный бракъ**, вытѣснитъ тогда любовь и къ отцамъ и къ дѣтямъ. Если это существо, которое не будетъ даже рождать, а будетъ лишь умершвлять, достигнетъ искусства добывать питательныя и другія сырыя вещества фабричнымъ путемъ,—которое (т. е. такое искусство добыванія) также обратится въ безсознательную технику, —тогда это животное—горожанинъ сдѣлается самымъ противоестественнымъ произведеніемъ природы (7-й пасх. вопр.). Что же тогда сдѣлаетъ съ животными и растеніями, ставшими ненужными, это животное, вытѣснившее предковъ, не пощадившее своихъ собственныхъ потомковъ?!.. Не щадя никого, этотъ животный человѣкъ, или горожанинъ, очень будетъ дорожить собственнымъ существованіемъ, и наибольшее его продолженіе сдѣлаетъ своею задачею, *) уничтоживъ все, что можетъ грозить ему хотя бы малѣйшею опасностью, какъ поднятіе на аэростатѣ, опыты надъ грозовою силою и т п.; аэростатъ же прежде всего будетъ оставленъ тѣмъ болѣе, что горожанину небо ненужно. Вытѣснивъ предковъ, уничтоживъ бездѣтнымъ бракомъ потомство, это поколѣніе, отрекшееся отъ сыновства и отечества, возненавидѣвшее прошедшее и будущее, сдѣлаетъ невозможнымъ со стороны человѣка возвращеніе жизни предкамъ,—что и есть **Анти-Пасха** и самое великое противленіе волѣ Бога отцовъ не мертвыхъ, а живыхъ. Истребивъ огнемъ кладбища, разрушивъ, не оставивъ камня на камнѣ отъ храмовъ, назначивъ страшныя наказанія за всякое напоминаніе объ отцахъ и матеряхъ,—которые дали имъ жизнь, не спросивъ ихъ согласія,—люди этого поколѣнія обратятъ въ храмы два рода домовъ терпимости,—признаютъ, что не **естественное** лишь, но и **противоестественное** non est pudendum, возведутъ пороки въ добродѣтели (вопр. 8, 9 и 10). Увѣковѣчивъ несовершеннолѣтіе, они станутъ истреблять другъ друга, пока не наступитъ день гнѣва (вопр. 11 и 12).

Супраморализмъ или объединеніе для воскрешенія, какъ совершенная противоположность имморализму Макса Штирнера и Ницше.

„Я единственный и ничего другого не признаю“, сказалъ Максъ Штирнеръ; съ этимъ согласенъ и Фридрихъ Ницше, и въ этомъ заключает-

*) О продленіи жизни не до infini, а до indefini мечталъ Кондорсе въ своей **„Картинѣ прогресса“**, и даже Декартъ находитъ это возможнымъ. Вообще для философовъ, исходящихъ изъ познанія самого себя, противно воскрешеніе и любезно продленіе настоящаго.

ся послѣдній отвѣтъ на **„познай самого себя“**, бывшее началомъ философскихъ блужданій.

Супраморализмъ, или объединеніе для воскрешенія, есть совершенная **противоположность имморализму Макса Штирнера и Ницше**, выраженному въ вышеприведенномъ выраженіи и въ ученіи Ницше о безусловности кончины міра, трагической его гибели, (или же о безконечномъ множествѣ кончинъ міра), а также и въ ученіи его, Ницше, о благѣ войны,—ибо, по слову Божію, война есть уже начало болѣзней кончины. Вопреки Ницше, **Супраморализмъ**, т. е. активное христіанство, или воскрешеніе, требуетъ обращенія орудій войны въ орудія спасенія отъ голода и язвъ, слѣдовательно—признаетъ не безусловность, а условность кончины міра, какъ наказанія, какъ угрозы наказаніемъ за оставленіе слѣпой силы безъ управленія;—супраморализмъ признаетъ, что катастрофа, или гибель міра, послѣдуетъ въ томъ лишь случаѣ, если послѣ проповѣди евангелія не состоится объединенія.

Относясь отрицательно къ вопросу «о бѣдности и богатствѣ» (1-й пасх. вопросъ), т. е. къ соціализму и индустріализму, и превознося войну, Ницше устами Заратуштры говоритъ, что **„не благая цѣль оправдываетъ войну, а благо войны оправдываетъ всякую цѣль“**, и затѣмъ, по словамъ Ницше,—**„отвергая войну, мы отказываемся отъ великаго въ жизни“**. **„Мужчину“**, говоритъ Ницше,—**„нужно воспитать для войны, а женщину для доставленія воину покоя“**. Такимъ образомъ Ницше замѣняетъ соціализмъ и индустріализмъ милитаризмомъ, войною, т. е. смертью, и не ставитъ при этомъ вопроса о возвращеніи жизни,—вопросъ о соціализмѣ и индустріализмѣ Ницше замѣняетъ не общимъ дѣломъ, или трудомъ спасенія гибнущей вселенной, а приглашеніемъ - **„идти съ трагическимъ пониманіемъ на встрѣчу предстоящей гибели“**. Для сверхъ-человѣковъ, или героевъ, остается при этомъ показывать только примѣръ, какъ безстрашно, а вмѣстѣ и безполезно нужно гибнуть,—такъ какъ **сверхъ-человѣки** сильны лишь надъ слабыми,—или тѣми, которыхъ они ставятъ ниже себя, - и безсильны предъ слѣпою-неразумною силою.

Приглашеніе къ объединенію, обращенное къ ницшеанцамъ,—къ объединенію для борьбы противъ слѣпой силы, - равносильно предложенію имъ отречься отъ ихъ ученія. На вопросъ,—какъ должны относиться разумныя существа къ неразумной силѣ, по своей слѣпотѣ грозящей катастрофами (2 й и 3-й пасх. вопр.), должны ли разумныя существа срастись въ одно цѣлое и пассивно ждать, когда поразитъ ихъ катастрофа, или же не должны-ли они объединиться въ трудѣ познаванія и управленія силою, грозящею разрушеніемъ, для предотвращенія катастрофы, - на этотъ вопросъ Ницше уже отвѣтилъ приглашеніемъ къ пассивному ожиданію гибели отъ той именно силы, которая начала уже **въ насъ** сознавать себя, а отчасти даже управлять собою, и если можно ожидать отъ нея катастрофы, разрушенія міра, то только **по нашей винѣ**, потому что мы еще не объединились въ трудѣ познанія этой силы и управленія ею. Но какъ могло явить-

ся такое странное,—чтобы не сказать нелѣпое,—ученіе о пассивномъ отношеніи разумныхъ существъ къ слѣпой неразумной силѣ, которая въ сущности не враждебна намъ, а лишь кажется таковою, **не можетъ быть** враждебною намъ, потому что въ насъ же самихъ и сознаетъ себя, какъ объ этомъ и было уже сказано, а если и наноситъ намъ вредъ, то не сознательно, а по слѣпотѣ лишь своей, и по нашей же винѣ, по нашей недѣятельности и розни, потому, что **мы,—сознаніе этой силы,** - до сихъ поръ **не объединились,** чтобы познать ее,—т. е. привести въ полное сознаніе,—и управлять ею, чтобы обратить ее изъ врага кажущагося, изъ врага временнаго въ друга вѣчнаго. Какъ могъ не догадаться обо всемъ этомъ философъ?!. Разгадка такого непониманія заключается въ принадлежности философа къ народу, который все свое призваніе видитъ **въ знаніи лишь для знанія, въ знаніи безъ общаго дѣла,** т. е. къ народу нѣмецкому. Хотя Ницше и выражаетъ свою нелюбовь къ нѣмцамъ, и причисляетъ себя къ славянской, высшей, по его словамъ, рассѣ,—тѣмъ не менѣе всегда оставался нѣмцемъ. Разгадка непониманія со стороны Ницше истиннаго отношенія къ слѣпой силѣ еще болѣе, быть можетъ, заключается въ принадлежности его къ ученому и даже духовному сословію, которое **обречено** на бездѣйствіе и на одно лишь мышленіе,—**обречено,** если только не само сложило съ себя трудъ механическій, матеріальный, физическій, обезпечивающій существованіе,—если не само сложило этотъ трудъ на другихъ, а себѣ оставило лишь созерцаніе и мышленіе, какъ нѣчто высшее. Въ ученіи о безусловной кончинѣ или гибели міра нужно видѣть даже наказаніе сословію ученыхъ за отчужденіе, за удаленіе отъ праха отцовъ своихъ;—сдѣлавъ временное удаленіе,—вызванное командировкой для познанія въ видахъ общаго дѣла,—постояннымъ, ученое сословіе отрясло, можно сказать, прахъ отцовъ отъ ногъ своихъ.—Ницше не только не видитъ надобности въ соединеніи двухъ разумовъ, двухъ сословій въ одну естествоиспытательную силу, которая должна спасти міръ отъ катастрофы, отъ гибели (вопр. 4-й),—напротивъ созданіемъ **сверхъ человѣка** Ницше ведетъ къ еще большему разъединенію, къ разъединенію разума **сверхъ-человѣковъ** отъ разума всѣхъ другихъ людей. Въ чувствѣ же (вопр. 5-й) Ницше знаетъ лишь господство, и господство надъ себѣ подобными, подобія которыхъ **себѣ** Ницше однако не признаетъ. **„Не любите другъ друга, и потому узнаютъ, что вы мои ученики; падающаго не поддержи, а подтолкни,—и будете помощниками слѣпой силы природы“**;—такъ, повидимому, нужно понимать ученіе Ницше. Въ волѣ (вопр. 6-й) Ницше видитъ власть и власть не надъ природою; въ христіанствѣ же онъ видитъ рабство, нравственность рабовъ, и тѣмъ выражаетъ совершенное непониманіе христіанства, ибо истинное христіанство, т. е. **супраморализмъ, не рабство** и **не барство,** а **родство;** пока же не будетъ послѣдняго, т. е. **родства,** будутъ два первыя, т. е. и барство и рабство въ разныхъ видахъ. Нравственность не должна быть ни утвержденіемъ барства, а слѣдовательно и рабства, ни отрицаніемъ ихъ, т. е. ни Ницшеанствомъ, ни анархизмомъ,

нравственность должна быть признаніемъ родства. Только при отрицаніи родства состраданіе дѣлается оскорбленіемъ; но во всякомъ случаѣ – состраданіе есть принадлежность несовершеннолѣтія, ибо когда не будетъ страданія, не будетъ нужды и въ состраданіи. Ницше не хочетъ оставить, уничтожить, и даже хочетъ увеличить – страданіе, и въ тоже время хочетъ уничтожить состраданіе, т. е. онъ хочетъ создать и адъ и рай, и вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ, чтобы адъ своимъ существованіемъ не возмущалъ блаженства обитателей рая, почему и дѣлаетъ ихъ неспособными къ состраданію. – Къ вопросу о возвращеніи къ селу, къ праху предковъ (вопр, 7 й) Ницше относится и можетъ относиться только отрицательно. – Въ знаніи, въ наукѣ, (вопр. 8-й) Ницше видитъ нѣчто мертвенное и противополагаетъ ему **живое**, не замѣчая, – или не желая замѣчать, – въ этомъ живомъ умерщвляющее, – каковы война, полемика, конкуренція и, вообще, борьба. Ницше правъ, конечно, видя мертвенное въ наукѣ, – въ наукѣ, непереходящей въ общее всѣхъ людей дѣло, ибо и **знаніе**, какъ и вѣра, **безъ всеобщаго дѣла мертво есть**; но онъ не правъ, не догадываясь, что возможно и **живое** знаніе, какимъ и будетъ знаніе, переходящее во всеобщее дѣло, потому что оно станетъ средствомъ оживленія, оживленія уже небезсознательнаго и потому безсмертнаго. . Мертвеннѣе всѣхъ другихъ знаній – исторія, потому что она говоритъ о прошломъ, о томъ, чего уже нѣтъ, и что остается лишь въ книгахъ, въ рукописяхъ, въ обломкахъ, въ развалинахъ, хранится въ музеяхъ, на кладбищахъ, и потому исторія менѣе, чѣмъ всякая другая наука, можетъ быть безъ дѣла; переходя же въ общее всѣхъ дѣло, исторія будетъ оживленіемъ, и поэтому говорить со стороны Ницше о чрезмѣрности исторіи – значитъ не допускать, ограничивать оживленіе; но говоря о чрезмѣрности исторіи, Ницше знаетъ и говоритъ, очевидно, только о школьной исторіи. – По Ницше, всѣ искусства (вопр 9-й) должны, повидимому, соединиться въ музыкальной драмѣ или трагедіи, какъ изображеніи гибели міра, хотя Вагнеріанское соединеніе и не удовлетворило требованіямъ Ницшеанскаго идеала. – Ученіе Ницше совершенно противоположно христіанству, отожествляемому **съ Пасхою**, какъ праздникомъ и дѣломъ (вопр. 10 й). Въ противоположность греческой, т. е. языческой, трагедіи, – какъ понималъ ее Ницше, признавая за ней вакхическое происхожденіе, производя эту трагедію изъ духа опьяненія, который есть искаженіе плачей и причитаній, – нужно поставить христіанскую трагедію великаго пятка, субботы и воскресенія, т. е. Пасху страданія и Пасху воскресенія. Трагедія возникла изъ духа музыки, если эта музыка есть выраженіе печали объ утратахъ рожденными родившихъ, сынами отцовъ, и особенно о роковомъ вытѣсненіи первыми послѣднихъ, эта трагедія будетъ христіанскою, а не языческою, не отъ опьяненія, а отъ отрезвленія происшедшею: смерть положила начало отрезвленію. – Заратуштра, т. е. Ницше, желаетъ, – не сознавая, конечно, того, – вѣчно пребывать въ несовершеннолѣтіи (вопр. 11-й), ибо онъ хотя и говоритъ, будто не ищетъ счастья, а ищетъ дѣла, заблуждается на свой счетъ, и на самомъ дѣлѣ ищетъ именно только сча-

стья, которое онъ полагаетъ въ зрѣлищахъ, представленіяхъ, играхъ, и потому весь міръ превратилъ въ своей душѣ въ представленія и жаждетъ наслаждаться безконечнымъ ихъ повтореніемъ; а это и значитъ, что онъ, Ницше, не только не совершеннолѣтній, но и желаетъ пребывать въ несовершеннолѣтіи вѣчно. Въ этой неутолимой жаждѣ театральныхъ игръ, представленій, мы имѣемъ ключъ и къ жизни и къ ученію Ницше. Съ дѣтства онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки, потомъ Вагнеріанцемъ и, наконецъ, анти-Вагнеріанцемъ, но всегда эстетомъ и никогда дѣятелемъ, никогда и не желалъ дѣятельности. Недовольный нѣмецкимъ Байретомъ, онъ въ своемъ воображеніи весь міръ обратилъ въ театръ, въ игру, и ничего кромѣ игры не желаетъ. Потому и должно Заратуштру назвать **проповѣдникомъ вѣчнаго несовершеннолѣтія съ дядьками въ видѣ сверхъчеловѣковъ, а не провозвѣстникомъ общаго дѣла**, единаго возврата всего умершвленнаго темною силою природы въ періодъ ея слѣпоты и нашей (т. е. разумныхъ существъ) розни и бездѣйствія.—Объединеніемъ, или устраненіемъ розни, и руководствомъ въ общемъ дѣлѣ должно сдѣлаться **Самодержавіе** (вопр. 12-й); и Ницще выражаетъ свое сочувствіе самодержавію и даже считаетъ себя славяниномъ,—впрочемъ только польскимъ,—и прославляетъ liberum vetum; но подъ самодержавіемъ Ницше разумѣетъ произволъ, деспотизмъ, господство надъ толпой, надъ сволочью; говоря такъ, Ницше разумѣетъ, конечно, городъ, который и есть созданіе бродягъ, непомнящихъ родства, т. е. блудныхъ сыновъ. И это, конечно, самодержавіе искаженное; самодержавіе же, какимъ оно должно быть, стоитъ въ **отцовъ-мѣсто**, признается поставленнымъ отъ Бога-отцовъ для обороны земли,—какъ праха отцовъ,—и для руководства дѣломъ сыновъ въ управленіи силою слѣпою, а не для господства надъ ними, сынами, т. е разумными существами; не господствуя даже надъ природою, не внося и въ природу своего произвола, самодержавіе не заставляетъ работать, а освобождаетъ и силы природы отъ работы тлѣнію, промышленности, половому подбору.—Фр. Ницше, этотъ послѣдній язычникъ, въ своей статьѣ **„О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни“**, подъ словомъ **„исторія“** разумѣетъ познаваніе прошлаго, знаніе бывшаго, т. е. минувшаго, мертваго, какъ противоположности живой силѣ настоящаго, новообразующагося, не замѣчая, что если **исторія** есть для насъ **прошлое** и **мертвое**, то только потому, что **настоящее**, т. е. то, что Ницше считаетъ живымъ, есть **убивающее**, вытѣсняющее, и если **исторія** есть лишь познаваніе, то опять таки потому, что **настоящее не есть дѣло**. Если **настоящее** познаетъ, пойметъ себя **убивающимъ** и не останется при одномъ **знаніи**, то оно, настоящее, сдѣлается **воскрешающимъ**, и тогда будетъ нужна **вся исторія**, потому что она **вся** служитъ жизни; она **вся** и будетъ нужна, даже согласно съ мыслью самого Ницше, сказавшаго, что исторія нужна постольку, поскольку она служитъ жизни.

Супраморализмъ, или объединеніе для воскрешенія, въ противоположность имморализму Толстого, т. е. ученію его о разъединеніи, къ которому ведетъ дѣлаемое имъ приглашеніе на не-думаніе и не-дѣланіе.

Въ пасхальныхъ вопросахъ заключается призывъ, обращенный къ блуднымъ сынамъ,—возвратиться къ праху отцовъ для совершенія Пасхи, какъ дѣла и какъ праздника.—Опрощеніе, хожденіе въ народъ, возвращеніе въ село,—къ чему призываетъ и Толстой,—во всемъ этомъ заключается тотъ-же призывъ къ праху отцовъ, только не приведенный въ сознаніе ни Толстымъ, ни его послѣдователями, непонявшими, что въ этомъ призывѣ заключается требованіе—**„будьте какъ дѣти“**, слѣдовательно—**призывъ къ миру**. Не сознавъ этого, Толстой и толстовцы злоупотребили этимъ призывомъ и, прикрываясь ученіемъ **о непротивленіи**,—этой самой злой насмѣшкой надъ христіанствомъ и надъ здравымъ смысломъ,—обратили его въ призывъ—**не платить податей, не исполнять воинской повинности**,—хотя Толстому было извѣстно, что войско могло бы быть обращено не на войну только, но и на спасеніе отъ голода, и самимъ имъ было признано такое обращеніе возможнымъ; если бы Толстой дѣйствительно желалъ мира, дѣйствительной любви, то обѣими руками схватился бы за такое мирное разрѣшеніе вопроса о войнѣ. Гдѣ же его искренность!... Поэтому-то мы и обращаемся къ Ясно-Полянскому фарисею, иностранцу, пишущему о чуждой ему Россіи, въ которой онъ желалъ бы видѣть только нестроенія, возстанія, вражду, обращаемся къ нему отъ русскихъ мытарей, надѣясь, что простая истина побѣдитъ, наконецъ, не окажется безсильною противъ него, одареннаго всѣми талантами,—обращаемся съ предложеніемъ замѣнить господствующій нынѣ вопросъ **„о богатствѣ и бѣдности“**,— чѣмъ и начинаются пасхальные вопросы,— вопросомъ **„о смерти и жизни“**. Но предлагая этотъ вопросъ, чтобы быть понятыми, мы должны оговориться, что вопросъ о жизни и смерти предлагается не въ метафорическомъ, т. е. Толстовскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ физическомъ, физіологическомъ, словомъ—въ такомъ смыслѣ, какъ его знаютъ ученые и неученые, всѣ люди. Предлагая замѣнить вопросъ о всеобщемъ обогащеніи, или обѣдненіи,—а послѣдняго, т. е. обѣдненія, повидимому, и желаетъ Толстой,—вопросомъ о всеобщемъ воскрешеніи, мы и **воскресеніе** понимаемъ не въ Нехлюдовскомъ смыслѣ,—какъ это въ романѣ «Воскресеніе»,—а въ дѣйствительномъ, самомъ простомъ, вульгарномъ значеніи. Впрочемъ Толстой отрицаетъ смерть, и потому для него не существуетъ вопроса **„о смерти и жизни“**, или о всеобщемъ **воскрешеніи**; вопросъ же о богатствѣ и бѣдности,—съ точки зрѣнія Толстого,—можетъ разрѣшиться лишь всеобщимъ обѣдненіемъ, которое несомнѣнно и произошло-бы, если-бы возвратились, по его призыву, въ село, не зная какъ тамъ устроиться, неприспособленные къ сельскому труду, къ сельскому дѣлу.

Признавая лишь **идеолятрію** и страстно отвергая **идололятрію** даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ, Толстой не знаетъ религіи единой, живой и дѣловой,

которая состоитъ въ томъ, чтобы объединить всѣхъ не для поклоненія, а для управленія темными, слѣпыми силами (вопр. 2 и 3), — каковы бы они ни были, небесныя-ли то или же земныя; а такое объединеніе,—**объединеніе для управленія слѣпыми силами**, отъ которыхъ зависятъ неурожаи, голодъ и язвы,—произойдетъ лишь тогда, когда войска будутъ не уничтожены, какъ желаетъ того Толстой, а обращены въ естествоиспытательную силу. Но въ обезпеченіи отъ голода Толстой не видитъ необходимости, —(если въ такой необезпеченности нельзя обвинить правительства), — ибо и голодъ и язвы ведутъ къ любезной Толстому смерти. — Поразительно противоположно ученіе Толстого вопросу о двухъ разумахъ, теоретическомъ и практическомъ, объединеніе которыхъ соединяетъ всѣхъ ученыхъ и неученыхъ въ познаваніи, управленіи и обращеніи умершвляющей силы въ оживляющую;—Толстымъ этотъ вопросъ разрѣшается простымъ отрицаніемъ обоихъ разумовъ: **„не-думаніе“** отрицаетъ теоретическій разумъ, а **«не-дѣланіе»**—разумъ практическій. Впрочемъ, какъ не-думаніе, такъ и не-дѣланіе,—не смотря на отрицательное только свойство, — нашли свое приложеніе въ забастовкахъ: въ забастовкахъ студентовъ,—въ отказѣ ихъ отъ труда умственнаго,—нашло приложеніе **не-думаніе**, а въ забастовкахъ фабричныхъ, въ отказѣ отъ труда физическаго, — нашло приложеніе — **не-дѣланіе**. Когда къ требованію разъединенія,—этому требованію Толстого и, вообще, нашего времени, кроющемуся подъ вопросами **о свободѣ мысли, о свободѣ совѣсти**, т. е. о свободѣ безконечныхъ блужданій, создающей чрезвычайное множество философскихъ ученій, одно другое опровергающихъ,—если къ требованію о разъединеніи присоединить еще требованіе Толстого объ объединеніи,—объ объединеніи на **не думаніе** и **не-дѣланіе**, прямымъ приложеніемъ котораго было приглашеніе къ забастовкамъ, обращенное къ студентамъ, а наконецъ и ко всѣмъ, — къ забастовкамъ, какъ **«единственному средству спасенія»**, какъ это говорится въ заглавіи приглашенія или прокламаціи,—тогда станетъ очевиднымъ, что Толстой, сознательно или же безсознательно,- требуетъ уничтоженія труда, какъ умственнаго, такъ и физическаго, или механическаго, требуетъ, слѣдовательно, уничтоженія разума, воли;—и это согласно, конечно, съ ученіемъ о нирванѣ, о нирванѣ уже не трансцендентной, а имманентной, т. е. самими создаваемой. Итакъ, если въ основу христіанства,—согласно перевода, сдѣланнаго самимъ Толстымъ, перваго стиха Евангелія Іоанна,—стало **разумѣніе** (вмѣсто разума, или Логоса), то въ основу Толстовскаго ученія стало **не**-разумѣніе (не-думаніе и не-дѣланіе),—и не есть-ли это полное отрицаніе разума, воли, вообще—жизни. Вотъ явился, наконецъ, искупитель, спаситель, который хочетъ **жизнью жизнь попрать и всѣмъ смерть даровать!** Толстому несомнѣнно принадлежитъ честь открытія того, въ чемъ заключается безсмыслiе (т. е. отсутствіе смысла и цѣли жизни): если разумъ лишенъ способности достигнуть познанія, а воля лишена способности проявиться въ дѣлѣ, то до очевидности становится яснымъ, что въ жизни нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Если отъ разума,—мыслящей способно-

сти,—требуется **не-думаніе**, а отъ воли—**не-дѣланіе**, то въ этомъ уже заключается отрицаніе не только смысла и цѣли, но и самой жизни (вопросы 4, 5 и 6). Въ возвращеніи въ село (7-й пасх. вопр.), къ сельской жизни, Толстой видитъ возвращеніе лишь къ землѣ, т. е. отрицаніе роскоши и богатства, а не возвращеніе къ праху предковъ, въ чемъ только и заключается разрѣшеніе вопроса о жизни и смерти, или о всеобщемъ возвращеніи жизни,—**что и даетъ смыслъ и цѣль жизни**. Въ возвращеніи къ землѣ Толстой видитъ лишь экономическую сторону вопроса, и не видитъ всей глубины этого вопроса, не видитъ дѣла, вытекающаго изъ этого вопроса, дѣла, въ которомъ смыслъ и цѣль жизни.—**Науку** (вопр. 8-й) **Толстой знаетъ только какъ она есть.**—И видя приложеніе ея къ мануфактуно-фабричнымъ игрушкамъ и ко всякимъ бездѣлушкамъ, а также и нынѣшнюю неприложимость ея къ вопросу о жизни и смерти (почему живущее умираетъ?), дающему смыслъ и цѣль жизни, какъ наукоборецъ отвергаетъ ее, вовсе неподозрѣвая, чѣмъ она могла и должна бы быть, и потому съ легкимъ сердцемъ совершаетъ великое преступленіе, возбуждая учащихся къ забастовкамъ, подстрекая погасить этотъ свѣточъ, который можетъ и долженъ сдѣлаться орудіемъ побѣды надъ смертію, орудіемъ возвращенія къ жизни. (Не удивительно ли, что это подстрекательство къ уничтоженію науки никого не возмущаетъ; не свидѣтельствуетъ-ли это о легкости, съ которою наука будетъ оставлена, когда четвертое сословіе станетъ господствующимъ). Относительно отрицанія науки, знанія, Толстой могъ-бы поучиться у столь презираемыхъ имъ церковныхъ учителей, которые не менѣе ревниво относятся къ знанію, покушающемуся занять мѣсто вѣры. Такъ Филаретъ, знаменитый митрополитъ московскій, въ рѣчи, произнесенной въ университетской церкви передъ актомъ, осуждая астрономію, осуждалъ ее не за то, что она изучаетъ небо, а за то, что, изучая небо, она не открываетъ путей въ небо, осуждая палеонтологію, осуждаетъ ее не за то, что она открываетъ мертвые останки, а за то, что не возвращаетъ имъ жизни, т. е. Филаретъ осуждаетъ науку **не за знаніе**, а за **бездѣйственность знанія**.—Въ искусствѣ (вопр. 9 й), не ставя въ основу его знанія, знанія природы, Толстой, какъ ярый иконоборецъ, осуждаетъ безжизненныя, мертвыя подобія, которыя производитъ искусство, какъ напр. памятники въ видѣ статуй, картинныя изображенія и т. п.; хотя въ отдѣльности отъ знанія, и при томъ знанія, **какъ дѣла всѣхъ**,—искусство ничего кромѣ мертвыхъ подобій и произвести не можетъ. Сочиненіе Толстого «Объ искусствѣ» требуетъ братскаго объединенія, но объединенія безцѣльнаго, ибо требуетъ соединенія всѣхъ на **не-думаніе** и **не-дѣланіе**. Вопросъ объ искусствѣ, по Толстому, имѣетъ цѣлью всѣхъ сдѣлать недумающими и недѣлающими, т. е. это—искусство дѣлать людей безсмысленными и бездѣльниками. Чтобы уничтожить всякое поползновеніе къ дѣлу и мысли, Толстой признаетъ красоту и истину недостойными цѣлями, а добро объявляетъ неопредѣлимымъ. Средствомъ для безцѣльнаго объединенія и должно слу-

жить **искусство**, т. е. художество, художественное уговариваніе; такъ,—чтобы уничтожить иконопочитаніе, нужно иконы назвать **дощечками**, а чтобы уничтожить страсть къ деньгамъ, нужно назвать ихъ **кружечками**. Въ такомъ образномъ выраженіи и заключается мегущество художества, потому что такое выраженіе дѣйствуетъ на воображеніе и чувство. Но согрѣвать и питать тѣло художество сднако не можетъ, а потому пока можно на деньги пріобрѣтать пищу и одежду, никакое художество не уничтожитъ силы денегъ, не уничтожитъ художество и дощечекъ, пока будутъ утраты (смерть) и пока не будетъ возвращенно все утраченное (воскрешеніе). До сихъ поръ **„не-дѣланіе“** было теоріею, но въ забастовкахъ оно переходитъ въ дѣло и становится величайшимъ преступленіемъ, ибо подъ **не-дѣланіемъ**, какъ и подъ **непротивленіемъ**, скрывается возстаніе молодого противъ стараго и господство худшаго, нестѣсняющагося никакими средствами, надъ лучшимъ, желающимъ трудиться. **Въ Толстомъ**,— который былъ другомъ крѣпостника Фета (Шеншина) до самой смерти послѣдняго, и восхищался произведеніемъ этого писателя, помѣщавшемся съ 1862-го года въ Русскомъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ—«Изъ деревни»,—**является мститель за отмѣну** крѣпостного права,—онъ жаждетъ разрушенія государства и подъ маской крайняго либерализма призываетъ къ отказу отъ воинской повинности, къ неплатежу податей, безъ которыхъ государство существовать не можетъ.... Признавая только себя, игнорируя всѣхъ другихъ, какъ живыхъ, такъ и еще болѣе умершихъ, Толстой отвергаетъ объединеніе для воскрешенія (церковь), т. е. соединеніе со всѣми живущими, съ тѣми, которые никакъ не могутъ понять,—какъ можно жить безъ умершихъ, не могутъ понять,—какъ возможно отказаться отъ мысли—возвратить жизнь всѣмъ умершимъ. Объединеніе Толстому ненужно, ненужно ему и общее дѣло, потому что и самую цѣль онъ отвергаетъ. Признавая лишь смерть, Толстой отвергаетъ воскрешеніе, и нѣтъ ничего ненавистнѣе для него воскресенія, которое онъ также ненавидитъ, какъ само православіе, потому что **православіе и есть дѣло воскрешенія—Пасха**. Толстой, какъ было уже сказано,—**„жизнью жизнь попралъ и всѣмъ смерть даровалъ“**,—такъ, по крайней мѣрѣ, ему хотѣлось-бы,—это и есть **анти-пасха**. Пасха—самый чтимый праздникъ на Руси, какъ же Толстому любить его, какъ же не питать къ нему глубочайшей ненависти.. Наиболѣе почитаемое наиболѣе ненавистно Толстому: ненавидитъ онъ чтимыя русскимъ народомъ иконы, а наибольшую ненависть питаетъ онъ къ иконѣ, которую наиболѣе почитаютъ,—къ иконѣ Иверской Божіей Матери, называя ее въ своей ненависти даже **злою**, и конечно потому, что признавая за собою только право на всеобщее почитаніе, онъ не хочетъ съ кѣмъ либо дѣлить его; отсюда и то, что отвергая почитаніе иконъ, священныхъ изображеній,—свои изображенія, свои иконы Толстой распространяетъ всюду, такъ что если бы собрать всѣ разнообразныя иконы Толстого,—а это и будетъ когда либо сдѣлано,—получится громадный иконостасъ (вопросъ 10-й).—Совершеннолѣтіе рода человѣческаго (вопросъ 11)

для Толстого есть всеобщая смерть, или нирвана; по мысли Толстого какъ только **исчезнетъ** между людьми послѣдняя **непріязнь,** тотчасъ же **кончится и жизнь, наступитъ не-бытіе.** Не-бытіе Толстой признаетъ благомъ и упрекаетъ великихъ мыслителей Германіи,—признающихъ, конечно, логику,—за то, что они не видятъ въ не-бытіи блага, ибо, по логикѣ, небытіе и значитъ, что нѣтъ блага. Но Толстой логики не признаетъ, онъ выше ея; не признавая логики, Толстой и въ чудо не вѣритъ. Что же онъ признаетъ?!.. Толстой признаетъ только себя, собственное **Я;**—онъ выше закона, выше всего.—Наравнѣ съ православіемъ раздѣляетъ ненависть Толстого и **самодержавіе** (вопросъ 12-й), которое равнозначуще умиротворенію, ибо власть самодержавія надъ себѣ подобными переходитъ во власть надъ слѣпою силою, надъ тою силою, которая и производитъ вражду. Толстой не хочетъ видѣть, намѣренно игнорируетъ, что вся исторія, вся жизнь человѣческаго рода есть взаимное истребленіе, и старается скрыть онъ это отъ себя и другихъ только для того, что-бы сдѣлать властителей убійцами, что-бы имъ только приписать убійство, т. е. Толстой хочетъ всѣхъ увѣрить въ томъ, **что въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ,** ибо власть возникла именно для ограниченія взаимной вражды, взаимной борьбы, взаимнаго истребленія, что и исполняла и исполняетъ по мѣрѣ силъ и возможности. Если же были и бываютъ злоупотребленія властью, то безъ власти,—люди, находящіеся въ розни, ничѣмъ необъединенные, еще недостигшіе, слѣдовательно, совершеннолѣтія, давно уже пожрали-бы другъ друга;—давно уже сказано— homo homini lupus. Нужно замѣтить, что въ титулѣ турецкаго султана стоитъ, какъ самое почетное наименованіе, **убійца;**—и это значитъ, что султанъ имѣетъ право карать за всякую неправду. Необходимость же каръ для людей, пока они еще несовершеннолѣтніе, видна изъ того, что за эпохами, когда злоупотребляютъ правомъ помилованія, правомъ оправданія,—въ чемъ выражается ослабленіе власти, —всегда слѣдуютъ, какъ реакція, эпохи, въ которыя наибольшею добродѣтелью считается употребленіе карательныхъ мѣръ; въ одну изъ такихъ эпохъ возникъ и судъ Линча, пришедшій на помощь обществу, къ которому изъ-за жалости къ преступникамъ оказались безжалостными. И Толстой, всегда ходатайствующій за всѣхъ политическихъ убійцъ, вѣчно ихъ оправдывающій, только возбуждаетъ анархистовъ къ убійствамъ такими брошюрами, какъ его—**„Не убій“.** Какъ у Ричліанцевъ—**темнота** (о Ричлѣ говорится ниже), такъ у Толстого—**лицемѣріе** есть необходимая принадлежность системы. **Обезцѣненіе** жизни составляетъ первую основу философіи Толстого, а **лицемѣріе**—вторую ея основу. **Лицемѣріе** составляетъ силу Толстого, какъ это было и у фарисеевъ. Нашъ вѣкъ въ лицѣ Толстого имѣетъ такого представителя, какого онъ достоинъ и съ которымъ онъ вмѣстѣ лицемѣритъ, будто бы не замѣчая того, что скрывается подъ проповѣдью **„не-противленія“.**

Супраморализмъ, или объединеніе для воскрешенія путемъ знанія и дѣла, средствами естественными, реальными, а не мистическими, **въ противоположность мистицизму**, вообще, и мистицизму Достоевскаго и Соловьева —въ особенности.

Мистицизмъ, если и допускаетъ объединеніе для воскресенія, то это объединеніе совершается мистически, т. е. способомъ непонятнымъ, изслѣдованію неподдающимся, который можно представить лишь въ видѣ присушиванія людей другъ къ другу; и самое воскресеніе въ этомъ случаѣ совершается не чрезъ естественное познаніе и управленіе слѣпою силою, не путемъ опыта, опытнаго познанія, познанія свѣтлаго, а путемъ таинственнымъ, темнымъ, который можетъ быть представленъ въ видѣ колдовства, какъ, напримѣръ, матеріализація у спиритовъ. Мистицизмъ есть принадлежность еще недозрѣвшихъ народовъ, слабыхъ въ познаніи природы, или же народовъ отживающихъ, отчаявшихся достигнуть путемъ естественнаго знанія разрѣшенія вопроса **«о жизни и смерти»**, т. е. мистицизмъ не даетъ дѣйствительныхъ средствъ для разрѣшенія вопроса о возвращеніи жизни умершимъ. И вотъ благодаря этому-то мистицизму, Достоевскій ни въ письмѣ своемъ отъ 23-го марта 1878 года, напечатанномъ въ № 80-омъ газеты «Донъ» за 1897 годъ, (нынѣ напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1904 года № 3-й, стр. 402 и 403), въ которомъ онъ говоритъ **о долгѣ воскресенія**, какъ самомъ существенномъ, ни во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго указанія на путь, на ходъ дѣла, которымъ долженъ быть исполненъ этотъ долгъ, т. е. **долгъ воскрешенія.** Въ письмѣ говорится, что оно, воскресеніе, **«сбудется на землѣ;»**—но одно уже это **«сбудется»** показываетъ, что по мысли Достоевскаго воскресеніе какъ будто само собою совершится, что оно не есть дѣло человѣческаго рода; а между тѣмъ въ томъ же письмѣ воскресеніе называется долгомъ и, казалось-бы,—что и долгъ воскрешенія, какъ всякій долгъ,—долженъ быть исполненъ, долженъ стать дѣломъ. Признавая воскресеніе долгомъ, обязанностью человѣка, намъ не говорятъ однако, что мы должны дѣлать для исполненія этого долга; соціалисты такъ или иначе дали отвѣтъ, **что нужно дѣлать** для осуществленія ихъ чаяній, а признающій долгъ воскресеніе Достоевскій не даетъ никакого отвѣта на вопросъ, **что нужно дѣлать** для исполненія этого долга?!... И о **самомъ долгѣ воскресенія** Достоевскій говоритъ **не** какъ о требованіи безусловной, нравственной необходимости, Достоевскій не говоритъ, что никакія обязанности не идутъ въ сравненіе съ этимъ долгомъ, что этотъ долгъ выше всѣхъ другихъ обязанностей и всѣ ихъ въ себѣ заключаетъ,—какъ это на самомъ дѣлѣ и есть,—такъ что только тѣ обязанности истинны, которыя входятъ въ долгъ воскрешенія, тѣ же, которыя въ этотъ долгъ не входятъ, исключаются, какъ неистинныя. Достоевскій не говоритъ также, что долгъ воскрешенія есть долгъ сыновъ **прежде всего** къ ихъ отцамъ, а не къ отдаленнымъ предкамъ, потому что долгъ этотъ,—если исполняется не сверхъестественно,—

исполняется постепенно, начиная съ ближайшихъ и восходя къ отдаленнѣйшимъ. Если между сынами и отцами существуетъ любовь, то переживаніе возможно только на условіи воскрешенія;—безъ отцовъ сыны жить не могутъ, а потому они должны жить **только** для воскрешенія отцовъ,—и въ этомъ **только** заключается **все**. Если-бы Достоевскій понималъ долгъ воскрешенія (а не воскресенія) во всей глубинѣ и широтѣ его, то онъ не могъ бы не говоритъ и о **дѣлѣ**, ведущемъ къ исполненію долга. Достоевскій, говоря о долгѣ воскресенія, какъ о такомъ, который стоитъ въ ряду многихъ другихъ обязанностей, и даже не въ числѣ первыхъ, а скорѣе послѣднихъ, вѣроятно полагалъ, что осуществленіе этого долга возможно лишь въ самомъ отдаленномъ будущемъ, не ранѣе, какъ черезъ двадцать пять тысячъ лѣтъ, примѣрно, т. е. также, какъ думалъ объ этомъ и Соловьевъ; а что Соловьевъ такъ думалъ, это мы знаемъ уже несомнѣнно. Поэтому-то, говоря постоянно о настоящемъ, о современныхъ интересахъ и вопросахъ, о самыхъ животрепещущихъ задачахъ времени, Достоевскій не говоритъ, въ какомъ отношеніи эти задачи находятся къ долгу воскрешенія, какое вліяніе имѣло-бы на исполненіе этого долга то или другое разрѣшеніе этихъ задачъ.—Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ такихъ частыхъ убійствъ, и когда убійцы не только почти постоянно оправдываются, но само убійство возводится, можно сказать, въ героизмъ, въ доблесть, когда Раскольниковы сравниваютъ себя съ Наполеономъ, въ нашъ вѣкъ, когда **жизнь** теряетъ всякую цѣнность, а цѣнность **богатства** неизмѣримо растетъ,—Достоевскій не взглянулъ на вопросъ **о богатствѣ и бѣдности** съ точки зрѣнія долга воскрешенія, и потому не увидалъ, что вопросъ о богатствѣ и бѣдности,—съ этой точки зрѣнія,—долженъ замѣниться вопросомъ **о жизни и смерти**, т. е. вопросомъ о всеобщемъ возвращеніи жизни **общимъ трудомъ**; а въ этотъ послѣдній вопросъ входитъ и вопросъ **о насущно-необходимомъ** (санитарно-продовольственный вопросъ). Не увидалъ Достоевскій и того, что преступность убійства съ точки зрѣнія долга воскрешенія достигаетъ степени, выше которой нѣтъ, а Раскольниковы и существовать не могли-бы, **если-бы былъ признанъ долгъ воскрешенія**. Оставляя безъ разрѣшенія вопросъ о двухъ разумахъ (4-й пасх. вопросъ), мистицизмъ создаетъ особую непонятную способность, принадлежащую только немногимъ (сензитивы, медіумы, гипнотизеры, сверх-человѣки), постигать непостижимое, т. е. сверхъестественное, и управлять по ту-сторонниммъ міромъ; при чемъ всеобщее воспитаніе для всеобщаго познаванія и управленія слѣпою силою оказывается совсѣмъ ненужнымъ; поэтому-то, вѣроятно, Достоевскій и отнесся весьма равнодушно къ школѣ, о которой ему сообщалось и которая прямою цѣлію имѣетъ—осуществленіе долга воскрешенія. При мистицизмѣ не требуется объединенія ни разума, ни чувства, ни воли,—слѣпая сила сознаетъ себя не въ человѣкѣ, т. е. не въ объединенномъ родѣ человѣческомъ,—она и сама не слѣпа, слышитъ и видитъ, такъ что къ ней можно обращаться, нарушая вторую заповѣдь,—и въ 1891-мъ году, напримѣръ, по словамъ Соловьева (Рѣчь о средне-вѣко-

вомъ міровоззрѣніи, произнесенная 19 октября 1891 года въ психологическомъ О-вѣ въ Москвѣ, природа обидѣлась, почему и былъ голодъ; а какъ можно и нужно было **извиниться предъ природою,** Соловьевъ не сказалъ. Предъ промышленностью Соловьевъ благоговѣлъ, произведеній ея не считалъ игрушками, вносящими рознь и вражду, не видѣлъ, что индустріализмъ именно и есть отецъ милитаризма;—напротивъ, промышленно-торговымъ интересамъ онъ приписывалъ такую силу, что у народовъ, связанныхъ этими интересами, по его мнѣнію, войнъ быть не могло, и онъ предсказывалъ невозможность войны между цивилизованными народами; но почти тотчасъ же былъ опровергнутъ,—вслѣдъ за пророчествомъ разразилась война между С. Американскими Штатами и Испаніею. Затѣмъ, предсказавъ панмонгольскую войну и торжество панмонголизма, Соловьевъ торжественно объявилъ, что исторія кончена, такъ какъ новыхъ народовъ, которые могли-бы смѣнить, т. е. поглотить старые, больше нѣтъ... Изумительно, какъ это Соловьевъ даже не понялъ, что поглощеніе новыми народами старыхъ, сопровождаемое, конечно, болью и страданіями, поглощеніе стараго поколѣнія молодымъ, послѣдующими предыдущихъ, сынами отцовъ, и есть самое великое зло,—сама смерть Не понялъ этого Соловьевъ, конечно, потому, что смотрѣлъ на поглощеніе отвлеченно, самъ такого состоянія не переживалъ, и поглощающіе для Соловьева не были сыны, а поглощаемые—отцы, и долга сыновняго, **т е. воскрешенія**, Соловьевъ совсѣмъ не понималъ.—Самодержавіе (вопр. 12-й) Соловьевъ признавалъ, но значенія и цѣли объединенія, вносимаго самодержавіемъ, объединенія для власти **не** надъ себѣ подобными, а надъ слѣпою силою природы, не постигалъ.—Достоевскій хотя и признавалъ долгъ воскрешенія предковъ, но никогда, повидимому, никого къ исполненію его не призывалъ, никогда о немъ, кромѣ письма, напечатаннаго въ № 80-мъ газеты «Донъ» за 1897 г. и № 3-мъ Русскаго Архива 1904 г., не писалъ, никогда, вѣроятно, и не думалъ о немъ серьезно, считая, какъ выше сказано, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что воскресеніе совершится чрезъ 25 тысячъ лѣтъ, а потому съ призывомъ къ долгу воскрешенія можно и подождать, чтобы заняться задачами своего времени, которыя,—какъ надо догадываться,—по понятію Достоевскаго, никакого отношенія къ долгу воскрешенія не имѣютъ.. Достоевскій, какъ уже сказано, былъ мистикъ и, какъ мистикъ, былъ убѣжденъ, что человѣчество находится **„въ соприкосновеніи мірамъ инымъ“** и не видитъ ихъ, не живетъ въ этихъ мірахъ, или по крайней мѣрѣ не сознаетъ своей жизни въ нихъ, благодаря лишь настоящей своей организаціи; но какъ только эта организація разстраивается, или вѣрнѣе,—съ точки зрѣнія Достоевскаго,—измѣняется тѣмъ, что мы называемъ болѣзнью, а также,—можно прибавить,—пріемами алкоголя, гашиша, опіума и пр., т. е. пороками,—такъ и начинаемъ мы видѣть этотъ иной міръ, начинаемъ ощущать его. Отсюда легко заключить, что смерть, къ которой ведутъ болѣзни и пороки, и есть переходъ въ иные міры. Но если иные міры достигаются пороками, то это уже не Царство Божіе, и они, эти иные міры, гораздо даль-

ше отъ Царства Божія, чѣмъ даже нашъ міръ; и если пьянство у насъ считается порокомъ, то неужели тамъ, въ иныхъ мірахъ, безпросыпное пьянство считается добродѣтелью... Съ этой точки зрѣнія—долгъ воскрешенія является пустымъ звукомъ, потому что ни къ чему не обязываетъ, никакого дѣла не указываетъ;—все дѣлается само собою, безъ участія человѣка, безъ участія его ума, чувства, воли;—всѣ способности его и самъ онъ оказываются ни на что ненужными, все преподносится человѣку даромъ. Что Достоевскій представлялъ себѣ долгъ воскрешенія именно такъ, какъ выше сказано, это видно и изъ слѣдующей фразы въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Донъ» и нынѣ въ Русскомъ Архивѣ: **„пропасть, отдѣляющая насъ отъ душъ предковъ, засыплется, побѣдится побѣжденною смертью, а они** (т. е. наши предки) **воскреснутъ“**... Мы же о пропасти и побѣдѣ побѣжденной смерти ничего не знаемъ, но полагаемъ возможнымъ для насъ,—какъ орудій Бога-отцовъ, вдохнувшаго въ насъ жизнь,— возможнымъ и необходимымъ, съ одной стороны, достигнуть чрезъ всѣхъ, конечно, людей познанія и управленія всѣми молекулами и атомами внѣшняго міра такъ, чтобы разсѣянное собрать, разложенное соединить, т. е. сложить въ тѣла отцовъ, какія они имѣли при своей кончинѣ; а съ другой,— полагаемъ возможнымъ и необходимымъ, достигнувъ и внутренняго управленія психофизіологическимъ процессомъ, замѣнить рожденіе дѣтей, подобныхъ себѣ, своимъ отцамъ и предкамъ (атавизмъ), возвращеніемъ отцамъ полученной отъ нихъ жизни.– Но неправы и противники мистицизма, которые, отрицая дѣйствительность мистическихъ видѣній отцовъ, предковъ, ограничиваются однимъ лишь отрицаніемъ, и воскрешеніе прошедшихъ поколѣній не дѣлаютъ проектомъ общаго дѣла.

Супраморализмъ въ противоположность псевдоморализму Канта, требующему такого добра, которое не уничтожаетъ зла.

Философія Канта есть **узаконеніе, освященіе зла—разъединенія,** въ которомъ лежитъ міръ. Въ безусловномъ раздѣленіи трехъ идей,— или предметовъ разума,—Бога, человѣка и природы, и заключается причина зла; изъ такого раздѣленія происходитъ и раздѣленіе на два разума. **Безусловное отдѣленіе Бога** (Богословіе) **отъ міра** (т. е. человѣка и природы) лишаетъ міръ образца, смысла и цѣли, заключающихся въ Богѣ, или Богословіи, ибо Богъ требуетъ подобія Себѣ и въ Себѣ Самомъ заключаетъ указаніе на то, въ чемъ это подобіе можетъ выразиться. **Безусловное же раздѣленіе міра на человѣка** (психологія) **и природу** (космологія) не только заключаетъ въ себѣ признаніе, что природа (космологія) лишена разума, души, т. е бездушна и слѣпа, а люди, т. е. разумъ и души (психологія), безсильны, но и узаконяетъ такое состояніе;—такое раздѣленіе—природу обрекаетъ на вѣчную слѣпоту и происходящее отсюда (отъ слѣпоты) зло, а души осуждаются на созерцаніе этого зла, слѣпою силою

творимаго; т. е. идеи теоретическаго, созерцающаго лишь разума не обращаются въ дѣло разума практическаго, и такимъ образомъ происходитъ раздѣленіе на два разума, ничего общаго не имѣющіе. Раздвоивъ разумъ на теоретическій и практическій, Кантъ сдѣлалъ то, что теоретическій разумъ оказывается неспособнымъ различить бредъ отъ дѣйствительности; а практическій, относясь пассивно къ умершвляющей силѣ и къ силѣ, или похоти, рождающей (т. е. къ природѣ), оказывается неспособнымъ къ дѣйствію; и такимъ образомъ **разумъ познающій лишается способности знать дѣствительность, а дѣйствующій, практическій, лишается способности, силы, управлять дѣйствительностью,** возсозидать разрушенное, дѣятельность практическаго разума ограничивается безсильною, узкою нравственностью, т. е. требованіемъ такого лишь добра, которое не уничтожаетъ зла. Раздвоивъ разумъ, Кантъ создалъ разумъ скептическій, **теоретическій**, и разумъ **практическій**, вѣрующій, или догматическій; т. е. разумъ теоретическій остался субъективнымъ, а практическій не сдѣлался объективнымъ; и только тогда, когда субъективное теоретическаго разума обратится въ проективное, и когда проектъ этотъ будетъ исполненъ, только тогда разумъ практическій сдѣлается дѣйствительно объективнымъ, т. е. будетъ имѣть доказательную силу, такъ какъ только дѣломъ можетъ быть все доказано; тогда и антиномія двухъ разумовъ будетъ разрѣшена. Нужно признать, что Богъ, въ Которомъ безграничная любовь Сына и Св. Духа къ Отцу дѣлаетъ смерть невозможною и жизнь безсмертною, есть образецъ міру, въ коемъ рожденное (сыны и дочери) не стало еще безграничною любовью къ родившему (къ отцамъ), почему въ мірѣ и господствуетъ рожденіе и смерть, и человѣкъ, какъ разумное существо, не достигъ еще познанія и управленія слѣпою силою (природою), а слѣпая сила остается еще не познанною и не управляемою. Но имѣя образцомъ Бога, рожденные, т. е. сыны человѣческіе, **должны стать** безграничною любовью къ родившимъ (къ отцамъ); а такъ какъ отцы суть или уже умершіе, или же умирающіе, т. е. имѣющіе умереть (morituri), то сыны должны обратиться въ возсозидающихъ, оживляющихъ, т. е. въ воскрешающихъ чрезъ познаніе и управленіе слѣпою силою,—чрезъ это міръ (т. е. человѣкъ и природа) достигнетъ подобія Богу безсмертному. Съ точки зрѣнія вопроса о жизни и смерти, въ Богѣ явленъ намъ образецъ Сына и Духа, безусловная любовь коихъ къ Отцу дѣлаетъ смерть невозможною и жизнь Ихъ безсмертною; въ мірѣ же будетъ безсмертіе лишь тогда, когда рожденные (сыны и дочери) объединятся въ любви къ отцамъ, рожденіе обратится въ возсозданіе, а смерть въ оживленіе, когда міръ, или всѣ міры, будутъ управляемы разумомъ, т. е всѣми возвращенными къ жизни поколѣніями, - въ чемъ и состоитъ **долгъ**, т. е. содержаніе долга. Кантъ же знаетъ лишь формальный долгъ; онъ восхищается **долгомъ**,—съ одной стороны,—и небомъ, т. е. небесными мірами —съ другой, не подозрѣвая, что долгъ разумныхъ существъ состоитъ въ обращеніи міровъ, слѣпыми силами движимыхъ, въ управляемые разумомъ возвращенныхъ къ жизни по

колѣній. Формальный же, отвлеченный долгъ и слѣпые міры — предметомъ восхищенія быть не могутъ. – Ошибка Канта заключалась въ томъ, что онъ „идеалъ“ теоретическаго разума, подъ которымъ разумѣетъ Бога, не поставилъ долгомъ человѣческому роду въ практическомъ разумѣ, т. е. остался при созерцаніи, не переходя къ дѣлу; а затѣмъ, признавъ въ практическомъ разумѣ Бога уже не мыслью (идеаломъ), а **существомъ**, Кантъ не сдѣлалъ человѣка орудіемъ воли этого существа, напротивъ Кантъ сдѣлалъ Бога орудіемъ человѣка для доставленія послѣднему счастья, какъ вознагражденія за добродѣтель. При троекратномъ въ теченіе вѣка возвращеніи къ Канту философы не исправили его ошибки, состоящей въ отдѣленіи практическаго разума отъ теоретическаго и въ признаніи такого отдѣленія безусловнымъ. Возвращеніе къ Канту означаетъ возвращеніе къ разъединенію, къ узкому практицизму отъ мнимой широты теоретическаго знанія. Движеніе же отъ Канта впередъ будетъ означать призывъ къ объединенію двухъ разумовъ чрезъ расширеніе предмета практическаго разума до широты теоретическаго, при чемъ Богъ, признаваемый теоретическимъ разумомъ лишь за идеалъ, изъ регулятивной идеи знанія становится Существомъ, Которое чрезъ самого человѣка приводитъ въ исполненіе плановъ спасенія, или, – что тоже,—самъ человѣкъ дѣлается орудіемъ спасенія; паралогизмъ безсмертія теоретическаго разума разрѣшается дѣйствительнымъ всеобщимъ воскрешеніемъ, какъ дѣломъ практическаго разума. При этомъ **психологія** изъ общей обращается въ коллективную, дѣлается психократіею, т. е. объединяетъ родъ человѣческій и внутренно и внѣшне въ трудѣ познанія и управленія бездушною силою космоса, и такимъ образомъ **психологія** не отдѣляется отъ **космологіи**, а воскрешенныя поколѣнія становятся разумомъ и душою всѣхъ міровъ вселенной. Въ противоположность Канту, обратившему критику практическаго разума въ орудіе лишь теоретическаго доказательства бытія Божія и безсмертія души,—практическій разумъ, оставаясь именно практическимъ, дѣловымъ, можетъ доказать и даже долженъ быть доказательствомъ сказанныхъ истинъ; онъ и будетъ такимъ доказательствомъ, сдѣлавшись орудіемъ воли Бога отцовъ чрезъ всѣхъ сыновъ, соединенныхъ въ дѣлѣ возвращенія жизни отцамъ, т. е. сдѣлавшись орудіемъ въ дѣлѣ уничтоженія зла. Нельзя не сказать, что Кантъ сталъ измѣнникомъ критикѣ, давая, вмѣсто дѣлового доказательства (доказательства дѣломъ), несвойственное практическому разуму доказательство мысленное, теоретическое. Въ теченіе 19 го столѣтія философія, особенно нѣмецкая, трижды возвращалась къ Канту; но оставляя не разрѣшенною антиномію двухъ разумовъ, философія не могла разрѣшить и вопроса о раздѣленіи на богатыхъ и бѣдныхъ, на ученыхъ и неученыхъ, вопроса о распаденіи человѣческаго рода на два сословія. Вопросъ о богатствѣ и бѣдности, – откуда происходитъ индустріализмъ и милитаризмъ, и въ наилучшемъ случаѣ — стремленіе къ всеобщему обогащенію,—сдѣлался предметомъ практическаго разума; вопросъ же коренной, – о смерти и жизни,—только созерцается и остался

предметомъ теоретическаго разума. Отсюда происходятъ и два сословія, богатыхъ и бѣдныхъ, ученыхъ и неученыхъ. Только замѣною вопроса о богатствѣ и бѣдности вопросомъ о смерти и жизни (1-й пасх. вопр.) можетъ начаться разрѣшеніе вопроса о раздѣленіи на два сословія; съ этимъ вмѣстѣ начнется и выходъ изъ несовершеннолѣтія, въ состояніи котораго, т. е. несовершеннолѣтія, держатъ родъ человѣческій главнымъ образомъ мануфактурныя игрушки, дѣля людей на богатыхъ и бѣдныхъ, съ чѣмъ связано и раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ, или образованныхъ и необразованныхъ, а также и на вѣрующихъ и невѣрующихъ, т. е. на живущихъ вѣрою и на живущихъ разумомъ. Вопросъ о богатствѣ и бѣдности есть вопросъ по преимуществу городской, и чѣмъ выше городъ въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ и различіе въ немъ между богатыми и бѣдными рѣзче, съ одной стороны билліонеры, милліардеры, а съ другой — ничего не имѣющіе, пролетаріи. Въ сельскомъ быту и ему подобныхъ, напр. у кочевниковъ, различіе между богатствомъ и бѣдностью только количественное, а не качественное, какъ въ городахъ; въ послѣднихъ богатые и бѣдные по образу жизни такъ между собой различаются, что представляютъ изъ себя какъ бы двѣ совершенно различныя породы, неспособныя даже понять другъ друга. Это различіе и создаетъ два разума, а между тѣмъ раздѣленіе на два разума признается чѣмъ-то необходимымъ, неизбѣжнымъ, безусловнымъ, а не обусловленнымъ раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ. Богатство, дающее досугъ и праздность, создаетъ теоретическій, или созерцательный, разумъ, работа же создаетъ разумъ практическій, не приводимый однако въ сознаніе. Раздѣленіе на два разума производитъ и раздѣленіе на два чувства, на двѣ воли. Праздность, доставляемая богатствомъ, создаетъ культъ женщинъ, т. е. чувство превращается въ половое, а воля въ похоть; потому-то въ городахъ и превращаются всѣ отъ мала до велика, отъ колыбели до могилы въ жениховъ и невѣстъ, жизнь ставитъ себѣ цѣлію только удовольствіе, смыслъ и цѣль жизни утрачиваются. Когда городская жизнь доходитъ до крайности,—является реакція, исканіе смысла и цѣли жизни, начинается хожденіе въ народъ, опрощеніе. Но однимъ отрицаніемъ всего созданнаго городомъ,—въ томъ числѣ науки и искусства,—однимъ возвращеніемъ къ землѣ какъ источнику только средствъ къ жизни, однимъ опрощеніемъ, принятіемъ участія въ земледѣльческихъ работахъ, т. е. принятіемъ лишь внѣшняго образа сельскихъ жителей, вопросъ о раздѣленіи не разрѣшается. Вопросъ этотъ разрѣшится только тогда, когда опростившіеся горожане войдутъ въ душу сельскихъ жителей, увидятъ въ землѣ не источникъ лишь средствъ къ жизни, но и прахъ отцовъ, требующій возвращенія жизни,—тогда лишь они найдутъ смыслъ и цѣль жизни, сохраняющіеся только въ селахъ живущими у праха отцовъ. Только въ селахъ, и при томъ въ селахъ, неиспорченныхъ городскимъ вліяніемъ, становится понятнымъ культъ предковъ, праздникъ Пасхи, съ которымъ отожествляется все православіе. Переходъ отъ городского культа женщинъ къ сельскому культу предковъ выражается тѣмъ, что кладбища,

вынесенныя нынѣ за городъ, становятся вновь центрами, какъ было это въ селахъ, но такими центрами, въ которыхъ собраны всѣ учрежденія, или орудія знанія и искусства,—чего не было въ селахъ; при чемъ эти орудія, орудія знанія и искусства, получаютъ иное назначеніе, чѣмъ имѣли въ городѣ, они становятся орудіями возсозданія и оживленія;—такъ что новый храмъ воскресенія съ орудіями знанія и искусства,—не такими, какъ они нынѣ есть, а такими, какими они должны быть, когда будутъ перенесены на кладбище, къ праху отцовъ, когда станутъ выраженіемъ любви къ отцамъ сыновъ,—новый храмъ воскресенія представитъ наглядно 8, 9 и 10-й пасхальные вопросы, т. е. это будетъ храмъ Бога отцовъ (теологія), обращающій чрезъ объединенныхъ на кладбищѣ сыновъ (психологія) силы внѣшняго міра (космологія) въ силы оживляющія отцовъ; при чемъ всѣ три предмета теоретическаго разума - **Богъ** (теологія), **одушевленныя существа** (психологія, изъ отвлеченной, ставшая собирательною) **и внѣшнія силы, управляемыя разумомъ** (космологія) соединяются въ одинъ предметъ дѣла практическаго разума. Нынѣшніе единичные переходы отъ городовъ въ села должны обратиться—**чрезъ воинскую повинность**—въ общую правительственную мѣру, хотя-бы сначала и въ видѣ лишь временныхъ лѣтнихъ выходовъ изъ городовъ въ школы лагери для производства опытовъ надъ взрывчатыми веществами, для опытовъ съ змѣйковыми или аэростатными, Каразинскими, аппаратами и т. п. При полной же воинской повинности, соединенной со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, каждое сельское кладбище дѣлается Кремлемъ, въ коемъ знаніе переходитъ въ дѣйствіе, а искусство отъ изображенія, отъ мертваго лишь подобія переходитъ къ оживленію самого праха. Этотъ переходъ отъ городовъ, производящихъ мануфактурныя игрушки (выраженіе несовершеннолѣтія), переходъ въ село съ орудіями знанія, выработанными въ городѣ, совершается чрезъ самодержца, входящаго въ соглашеніе со всѣми царствами міра, чтобы такой переходъ совершился повсюду одновременно.—Итакъ, вопросъ о двухъ разумахъ (знаніе и дѣло) и трехъ предметахъ познающаго, или теоретическаго, разума, т. е. **мы**—познающіе, **міръ**, (природа), какъ предметъ знанія и дѣла, и **Богъ**, какъ создатель того и другого (насъ и природы),—разрѣшается подчиненіемъ **познающихъ** Богу, при чемъ подчиненіе это выражается **управленіемъ** познающими **міромъ** (природою). Подчинившись Богу, ставъ его орудіемъ, люди становятся правящими и вмѣстѣ съ природою станутъ уже **міромъ**, а не **міромъ**, какъ это нынѣ есть. Тройное дѣленіе,—**Богъ, человѣкъ** и **природа**,—возможно и должно замѣнить двойнымъ, **Богъ** и **міръ**, при чемъ подъ послѣднимъ разумѣется **человѣкъ** и **природа**. Но когда природа будетъ управляема разумомъ, т. е когда совсѣмъ не будетъ слѣпой силы, тогда наименованіе **міръ**, употреблямое для обозначенія міра въ нынѣшнемъ его состояніи при которомъ человѣкъ подчиненъ слѣпой силѣ, должно будетъ замѣнить наименованіемъ **миръ**, и это наименованіе будетъ обозначать новое уже состояніе **міра**, въ которомъ слѣпой силы, производящей вражду, не будетъ. Не будетъ въ этомъ **мирѣ**, подобіи Богу, ни

борьбы, ни смерти, потому что рожденные или сыны, по причинѣ безграничной любви къ родившимъ уже не будутъ рождать смертное, а будутъ возсоздавать умершихъ, т. е. безсмертное. **Міръ**, это-то, что существуетъ въ настоящее время, когда природа господствуетъ надъ чувствующимъ и разумнымъ существомъ, когда и это чувствующее и разумное существо, рождая, т. е безсознательно производя новое существо, само старѣетъ и умираетъ вмѣсто того, чтобы, возсозидая умершихъ, самому дѣлаться безсмертнымъ, нестарѣющимъ, т. е. самовозстановляющимся.—Когда мы говоримъ, что **„природа есть врагъ временный, а другъ вѣчный“**,— или же **„нѣтъ вражды вѣчной, а устраненіе временной—наша задача“**,—то признаемъ единство человѣка и природы, отвергаемъ раздвоеніе міра на природу и человѣка, отвергаемъ раздвоеніе, которое не меньше такого отдѣленія, какъ Богъ и міръ, творецъ и твореніе... **Богъ и міръ**, это нынѣшнее отношеніе не подобное; **Богъ и миръ**, это—будущее, если человѣкъ, или вообще разумное существо, будетъ управлять, а не подчиняться слѣпой силѣ.—Есть и еще воззрѣніе, по которому Богъ и міръ (или миръ) составляютъ одно—**міръ**, и въ этомъ мірѣ человѣкъ подчиненъ природѣ вѣчно. Это воззрѣніе тѣхъ, для которыхъ нѣтъ **мира** ни въ **мірѣ**, ни внѣ **міра**, по воззрѣнію которыхъ существуетъ неограниченная матерія и лишь ограниченный разумъ. По другому же воззрѣнію существуютъ рядомъ **міръ и миръ**, т. е. **миръ** существуетъ внѣ **міра** (спиритуалисты). Наше же воззрѣніе таково, что въ настоящее время существуетъ Богъ и **міръ**, при чемъ **міръ** обозначаетъ состояніе міра, каково оно нынѣ есть, т. е. обозначаетъ **міръ** съ неисполненнымъ долгомъ, когда же долгъ будетъ исполненъ, тогда **міръ** станетъ **миромъ**. Когда говоримъ,—**„не въ природѣ Богъ, а съ нами Богъ“**, то признаемъ господство разума надъ слѣпою силою, т. е. говоримъ о **мирѣ**, а не о **мірѣ**, гдѣ царствуетъ обратное отношеніе.—**Міръ** есть фактъ, а **миръ**—проектъ.

Почему наука вмѣсто раскрытія плана искупленія (спасенія) отъ грѣха и смерти, **плана воскрешенія**, какъ общаго дѣла, стала отрицаніемъ христіанства?! Отрицаніе шло отъ людей ученыхъ, отъ тѣхъ, которые занимались знаніемъ для знанія, вопросомъ - **„почему сущее существуетъ“**, вопросомъ только любопытства, вопросомъ праздным, **прямо** къ дѣлу непобуждающимъ. Если же вопросъ—**«почему сущее существуетъ»**, замѣнить вопросомъ—**«почему живущіе страдаютъ и умираютъ»**, а также и подобными ему—**«о причинахъ небратскихъ отношеній между людьми», «о неродственныхъ отношеніяхъ къ намъ слѣпой силы, то есть природы»**,—хотя сама природа приходитъ именно въ насъ къ сознанію и познанію себя,—**«почему неразумная сила господствуетъ надъ разумными существами и дѣлаетъ ихъ врагами другъ другу»**, и **почему разумныя существа не дѣлаются служителями, или орудіями, Существа, бытіе Котораго** (т. е. Бога) **не могутъ не предполагать, и отрицать Которое,—не на словахъ только,— возможно, лишь дѣлая зло, дѣлая же добро въ совокупности, мы утверждаемъ Его бытіе**, — если

этими вопросами замѣнить вопросъ — **«почему сущее существуетъ»**, то послѣдній будетъ замѣненъ такими вопросами, которые вполнѣ его въ себѣ заключаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они составляютъ вопросъ **объ искупленіи (спасеніи) міра**, или вопросъ о грѣхѣ, т. е. враждѣ между людьми, начатой Каиномъ, вопросъ о небратствѣ, о **проклятіи,** или отчужденіи отъ Благого Существа, и подчиненіи злому, что и выражается во взаимномъ вытѣсненіи, или смерти;— отвѣтъ же на эти вопросы будетъ заключать въ себѣ не отвѣтъ только на вопросъ—**„почему сущее существуетъ“**, но вмѣстѣ и побужденіе къ дѣлу всеобщаго спасенія, а потому люди ученые, занимающіеся разрѣшеніемъ вопроса—**„почему сущее существуетъ“**, не имѣютъ основанія отказываться отъ замѣны этого вопроса выше приведенными, разрѣшеніе которыхъ, удовлетворяя любопытство, знаніе для знанія, сдѣлаетъ знаніе (науку) спасительнымъ, искупляющимъ.— Но чтобы заниматься вопросомъ **не о личномъ лишь, а о всеобщемъ спасеніи**, необходимо пріобрѣсти способность обобщенія; а потому общеобязательное образованіе, вѣрно понятое, должно имѣть цѣлью воспитать въ людяхъ способность обобщенія, которая и приведетъ къ замѣнѣ заботы о личномъ лишь счастіи стремленіемъ къ общему всѣхъ людей спасенію. Общеобязательное образованіе и будетъ имѣть эту цѣль, когда оно будетъ соединено съ общеобязательною воинскою повинностію, обращающею орудія истребленія въ орудія познаванія (изслѣдованія) и управленія слѣпою силою; только участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ управленія и подниметъ мысль на высоту обобщенія, и тогда станутъ невозможными такіе вопросы, какъ вопросъ **„о свободѣ совѣсти“**, или —что тоже—**„о свободѣ на рознь“**, и **„о свободѣ мысли“**, т. е. **„о свободѣ на ложь“**, которые такъ волнуютъ въ настоящее время общество, производятъ раздоры, вражду, самую ожесточенную полемику. Такимъ образомъ соединеніе общеобязательнаго образованія съ общеобязательною воинскою повинностію положитъ конецъ не только войнѣ внѣшней, международной, но и полемикѣ, спору, раздору,— войнѣ внутренней; т. е. объединеніе въ **одномъ** дѣлѣ приведетъ и къ **едино**мыслію. Нужно, чтобы каждый понялъ общую причину человѣческихъ бѣдствій, и это будетъ значить, что способности умственнаго обобщенія придано нравственное значеніе, или,—что тоже,—умственное не будетъ отдѣляться отъ нравственнаго. Такое соединеніе нравственнаго съ умственнымъ можетъ дать и даетъ ученіе о воскрешеніи, какъ общемъ и самомъ естественномъ для разумныхъ существъ дѣлѣ, требующемъ соединенія всѣхъ силъ всѣхъ людей.— Если вопросъ—**„почему сущее существуетъ“** связать, соединить съ вопросомъ—**«почему живущее умираетъ»**, то это и будетъ означать соединеніе, или объединеніе двухъ разумовъ, теоретическаго съ практическимъ, при чемъ послѣдній, практическій, будетъ полнымъ приложеніемъ перваго, т. е. теоретическаго,—это будетъ означать также соединеніе умственнаго съ нравственнымъ. И тогда субъективное станетъ проективнымъ, а не идеаломъ неосуществимымъ; теорія, или мысль, станетъ замысломъ,

а практика осуществленіемъ мысли, осязательнымъ ея доказательствомъ.— Съ вопросомъ—**«почему живущее умираетъ»**—ставится на первое мѣсто вопросъ **о жизни и смерти**, тогда какъ наше время на первое мѣсто ставитъ вопросъ **о бѣдности и богатствѣ**, вопросъ соціальный. Замѣною сего послѣдняго первымъ вопросомъ и открывается программа **пасхальныхъ вопросовъ**. Но пока будетъ смерть, будетъ и бѣдность, и какъ бы ни было ничтожно богатство, но и оно предпочтительнѣе совершеннаго ничто; слѣдовательно, **пока будетъ смерть,** не уничтожится стремленіе къ наживѣ, къ богатству; поэтому требованіе отреченія отъ богатства **при признаніи смерти** больше, чѣмъ странно. Вопросъ о всебщемъ обогащеніи, какъ и о всеобщемъ обѣдненіи, одинаково неразрѣшимъ. Вопросъ же о двухъ разумахъ въ самомъ себѣ заключаетъ указаніе на разрѣшеніе, ибо разумъ теоретическій, какъ отживающій, и разумъ практическій, какъ еще недозрѣвшій, требуютъ, чтобы послѣдній, какъ недозрѣвшій, былъ доведенъ до зрѣлости путемъ воспитанія, т. е. участіемъ во всеобщемъ познаніи и дѣлѣ, представители же отживающаго разума въ дѣлѣ воспитанія недозрѣвшаго найдутъ свое оживленіе, получатъ новыя силы.

Супраморализмъ, какъ объединеніе двухъ разумовъ, — такое объединеніе, при которомъ мысль теоретическаго разума во всей широтѣ ея становится для разума практическаго проектомъ, т. е. предметомъ дѣла, исполненія,— **въ противоположность одностороннимъ рѣшеніямъ вопроса о двухъ разумахъ**,—по которымъ или признается одинъ лишь узкій практическій разумъ и отвергается широкій, хотя и призрачный лишь, мысленный, теоретическій разумъ, **или же** отвергаются оба разума, какъ теоретическій, такъ и разумъ практическій.

Ницше не придавалъ особо-важнаго значенія теоретическому разуму; разумъ для Ницше былъ способностью низшею; инстинктивное, безсознательное для Ницше было важнѣе, **больше** сознательнаго; практическій же разумъ проявлялся для Ницше въ разрушительной силѣ, въ войнѣ, въ истребленіи всего слабаго, больного. Признавая въ практическомъ разумѣ лишь разрушительную силу, Ницше не признавалъ въ немъ созидательной или возсозидательной силы, которая могла бы противодѣйствовать разрушенію, и потому, пассивно подчиняясь слѣпой силѣ, Ницше съ восторгомъ ожидалъ послѣднюю катострофу, кончину міра, считая ее безусловно неизбѣжною. Ницше—антихристомъ себя, по скромности, не называлъ, потому что былъ только,—по выраженію одного критика,—**„разбойникомъ пера“**, разбойникомъ, такъ сказать, въ мысли,—антихристъ же долженъ быть міровымъ разбойникомъ, разбойникомъ всеобщаго дѣла разрушенія, и не въ мысли лишь, но и на самомъ дѣлѣ.— Толстой вопросъ о двухъ разумахъ разрѣшаетъ отрицаніемъ того и другого, и въ замѣну ихъ ставитъ **«не-думаніе»** и **«не-дѣланіе»**, т. е. ставитъ въ основу отри-

цаніе **ума**, или **безуміе**, и отрицаніе дѣла, или **бездѣйствіе**. Хотя въ сдѣланномъ Толстымъ переводѣ евангелія и сказано, что въ основу стало разумѣніе (логосъ), но для него (Толстого), отвергшаго законы разума, логика и послѣдовательность необязательны; логику Толстой не признаетъ и въ чудо не вѣритъ, а потому позволительно заключить, что, отвергнувъ разумъ естественный, Толстой отвергъ и разумъ сверхъестественный, мистическій.—Достоевскій же признаетъ лишь разумъ мистическій, т. е. онъ объединяетъ въ мистическомъ разумѣ оба, теоретическій и практическій; но такое объединеніе, какъ это уже и сказано, недѣйствительно; потому то и признавая долгъ воскрешенія, Достоевскій не говоритъ, что нужно дѣлать для исполненія этого долга.— **Нынѣшній католицизмъ, католицизмъ Льва 13-го**, не придаетъ большого значенія догматикѣ, т. е. разуму теоретическому, а разумъ практическій для нынѣшняго католицизма есть орудіе для рѣшенія лишь **вопроса соціальнаго, вопроса «о богатствѣ и бѣдности»**, которымъ въ противоположность супраморализму и замѣняется вопросъ **«о жизни и смерти»**. Протестантизмъ же, — въ лицѣ Альберта Ричля (Ritschl) и его послѣдователей, стоящихъ, нынѣ во главѣ, можно сказать, протестантизма, (каковы Гарнакъ, Кафтанъ и друг.), — совсѣмъ отвергаетъ догматику, даже приписываетъ ей языческое происхожденіе. Ричлисты на первое мѣсто ставятъ Царство Божіе; но подъ царствомъ Божіимъ они разумѣютъ лишь **«идеалъ достижимаго на землѣ счастія»**; т. е. они видятъ счастіе не въ трудѣ познанія и управленія слѣпою силою, не въ трудѣ, необходимомъ для разрѣшенія вопроса **о жизни и смерти**, о всеобщемъ возвращеніи жизни, не въ трудѣ, **искореняющемъ зло**, которому (т. е. труду) никакихъ предѣловъ, или границъ, и поставить нельзя, потому что слѣпая сила проявляется не въ землѣ только, но и въ другіхъ мірахъ, земляхъ, во всей безграничной вселенной,— Ричліанцы, — насколько можно понять ихъ при намѣренной темнотѣ ихъ выраженій, видятъ счастье только въ доставленіи всѣмъ комфорта, т. е. въ разрѣшеніи вопроса соціальнаго.—Если это не такъ, то что же можетъ значить этотъ **«идеалъ достижимаго на землѣ счастія"?!**. А если для Ричліанцевъ счастіе, дѣйствительно, лишь въ доставленіи всѣмъ комфорта, въ такомъ случаѣ и они, подобно современному католицизму и въ совершеннную противоположность супраморализму, пришли къ вопросу **о богатствѣ и бѣдности** и замѣнили имъ вопросъ **о жизни и смерти**, т. е. вопросъ о всеобщемъ возвращеніи жизни. Имѣя въ виду лишь живущихъ, Ричль и его послѣдователи забываютъ объ умершихъ, и въ Царствѣ Божіемъ, какъ его понимаютъ Ричліанцы, во всякомъ случаѣ нѣтъ мѣста для умершихъ. Ставя на первое мѣсто Царствіе Божіе, ричліанцы понимаютъ его какъ церковь, но церковь **лишь живущихъ**, т. е. церковь сыновъ, совершенно забывшихъ отцовъ, или блудныхъ сыновъ, если только общество такихъ сыновъ можетъ быть названо церковью. Ричліанцы создаютъ церковь, объединеніе, но это объединеніе не имѣетъ цѣлью разрѣшеніе вопроса **о жизни и смерти**; не полагая въ разрѣшеніи этого вопроса своей цѣли, церковь какъ-бы сама для себя становится цѣлью, на

первое мѣсто ставится IX-й членъ символа вѣры; а между тѣмъ, въ видахъ разрѣшенія вопроса **о жизни и смерти**, на первое мѣсто надо поставить 11-й и 12-й члены симв. вѣры, т. е. на первое мѣсто надо поставить дѣло, осуществленіе котораго мы ожидаемъ, (чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка); для осуществленія этого дѣла и необходимо наученіе (крещеніе 10-й чл. символа), долженствующее соединить всѣхъ, т. е. создать церковь (IX-й чл. симв.), объединить во всеобщемъ дѣлѣ, которое и поставлено на первое мѣсто. Въ VIII-мъ членѣ говорится о Духѣ, въ ветхомъ завѣтѣ глаголавшемъ чрезъ нѣкоторыхъ только людей (пророковъ), а въ новомъ завѣтѣ Духъ воодушевляетъ уже всю церковь, —воодушевляетъ и руководитъ церковь въ осуществленіи дѣла, для котораго и совершилось (т. е. должно совершиться) объединеніе, создалась церковь,—въ осуществленіи дѣла нашего спасенія отъ смерти и отъ суда, по слову Іоанна Богослова («и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ»). Первые шесть членовъ символа вѣры имѣютъ историческое значеніе, какъ изложеніе творенія и искупленія міра; VII-й же членъ имѣетъ значеніе угрозы на случай, если мы не соединимся для совершенія дѣла нашего спасенія, если проповѣдь евангельская не будетъ нами принята. Теоретическій разумъ, не дѣлаясь орудіемъ разрѣшенія вопроса о жизни и смерти, а оставаясь отвлеченнымъ, неприложимымъ **во всей полнотѣ своей**, (какимъ онъ является въ астрономіи и въ исторіи, въ которыхъ могутъ соединиться всѣ науки, какъ объ этомъ уже говорилось),—будетъ побѣжденъ своими врагами, католицизмомъ и протестантизмомъ, когда сіи послѣдніе, окончательно сдѣлавшись соціалистическими, пріобрѣтутъ власть, станутъ государственною силою чрезъ вооружаемое ими уже и въ настоящее время четвертое сословіе;— приложеніе же **во всей полнотѣ своей** теоретическій разумъ можетъ получить, лишь сдѣлавшись орудіемъ христіанства, отожествляемаго съ Пасхою въ смыслѣ не праздника только, но и всеобщаго дѣла, дѣла естественнаго и священнаго. Лишь только папство объявило себя непогрѣшимымъ, какъ протестантская Германія напала на главную опору папизма Францію, и папство лишилось своего маленькаго царства; но лишившись маленькаго царства, папство пріобрѣло,—на погибель человѣческаго рода,—такую большую силу надъ душами, что самъ Бисмаркъ, рѣшившійся бороться съ нимъ, оказался побѣжденнымъ. Съ Германо-Французскою борьбою связано и появленіе **ричліанства**, которое внесло вражду между этикою и догматикою и вступило, надо полагать, на тотъ же путь, какъ и католицизмъ, превращающійся изъ религіозной силы въ экономическую, и въ то время, когда **протестантизмъ достигъ наибольшаго развитія, въ смыслѣ полнаго разложенія**, въ это время католицизмъ создалъ такую власть, которая подъ видомъ спасенія отъ разложенія, могла бы подавить всякую жизнь. Въ этихъ двухъ крайностяхъ,—въ католическомъ насиліи и въ протестантской розни,—и проявляется отреченіе отъ христіанства,—антихристіанство. Католицизмъ, какъ и протестантизмъ, могутъ быть названы могильщика-

ми христіанства.—Въ настоящее время въ мірѣ выступаютъ два самодержавія,—духовное, т. е. папство, и свѣтское—русскій православный императоръ, стоящій въ отцовъ-мѣсто. Если духовное самодержаніе саму **церковь** превращаетъ въ государство, т. е. создаетъ изъ церкви учрежденіе, регулирующее лишь экономическія и соціально-юридическія отношенія живущихъ, то свѣтское самодержавіе можетъ само государство,—или все юридическое и экономическое,—превратить въ церковь, т. е въ нравственное, въ родственное объединеніе, и привести такимъ образомъ къ совершеннолѣтію. Перенося власть на слѣпую силу и объединяя въ борьбѣ съ нею умственныя и нравственныя силы, свѣтское самодержавіе можетъ освободить эти послѣднія отъ принужденія и насилія и превратить государство, или всемірное общество, въ подобіе Тріединому Богу.—Къ сожалѣнію, свѣтское самодержавіе не сознаетъ своего преимущества надъ самодержавіемъ папскимъ и, повидимому, даже совсѣмъ не понимаетъ своего смысла и назначенія, а потому едва ли и само видитъ въ себѣ какую либо надобность, необходимость; но что хуже всего и уже безнадежно дурно, это готовность самодержавія отказаться отъ самого принципа самодержавія, который создавался всею исторіею въ видѣ объединительныхъ центровъ, при чемъ послѣднимъ такимъ центромъ является **„Москва—третій Римъ, а четвертому не быть“**. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ самодержавіе свѣтское едва совсѣмъ не отказалось отъ самого себя, и тогда торжество католицизма было-бы полное.

Супраморализмъ,—какъ выраженіе духа славянства и совершенная противоположность Западу,—**не указываетъ-ли путь, по которому мы должны идти, отказавшись отъ подражанія Западу, подражаніе которому привело насъ на край гибели, поднявъ сыновъ на отцовъ.**

Супраморализмъ, или пасхальные вопросы,—(способъ ихъ рѣшенія и результатъ, къ которому рѣшеніе этихъ вопросовъ приводитъ),—не есть-ли выраженіе самаго духа славянства, такъ какъ несомнѣнно изъ всего предыдущаго, что супраморализмъ составляетъ полную противоположность духу Запада, а Западъ самъ противополагаетъ себя славянству, обвиняя его въ отсталости, въ примитивности, т. е. открывая въ славянахъ дѣтственность (примитивность,—что такое,—если не дѣтственность?), и указывая на это ихъ свойство не съ цѣлью, конечно, польстить своимъ врагамъ, не съ цѣлью похвалить ихъ. Но если это вѣрно, если въ насъ, славянахъ, дѣйствительно сохранилась дѣтственнось (и женственность, на сколько она сходна съ дѣтственностью), то мы, славяне, обязаны этимъ континентальной глуши, захолустью, въ которомъ такъ долго жили, что дѣтственность стала нашимъ характеромъ, нашимъ неискоренимымъ свойствомъ, до того неискоренимымъ, что даже вываріваніе въ фабричномъ котлѣ не вполнѣ очищаетъ насъ отъ этого свойства.—Не благодаря-ли жизни въ континен-

тальной глуши, сохранившейся въ насъ дѣтственности, русскимъ кажется, что **„на людяхъ и смерть красна“**, а въ минуты опасности со словами— **„умирать, такъ умирать всѣмъ“**—русскіе люди идутъ на дѣйствительную смерть. **„Жить не для себя, ни для другихъ, а со всѣми и для всѣхъ“**, —не кажется ли, что выраженіе это вырвано изъ самой души русскаго народа?!.. Русскій народъ намъ извѣстенъ по описаніямъ двухъ-трехъ хотя и вышедшихъ изъ русскихъ, но смотряшихъ на свой народъ съ иностранной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія крайняго индивидуализма, а потому эти наши иностранцы знаютъ русскихъ только въ отдѣльности, въ отдѣльно взятыхъ личностяхъ, и, изображая ихъ, представляютъ цѣлый рядъ пошлѣйшихъ людей, среди коихъ только глупцы оказываются порядочными. А между тѣмъ, чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку русскихъ людей, нужно взглянуть на нихъ, взять ихъ тогда, когда они соединяются для общаго священнаго дѣла, какъ построеніе обыденнаго (въ одинъ день воздвигаемаго) храма,—этого высшаго проявленія **помочей и толокъ**, явленій у насъ, можно сказать, обыденныхъ, т. е. обыкновенныхъ, постоянныхъ и повсемѣстныхъ,—или же когда русскихъ людей соединяетъ общее бѣдствіе;— не показались-ли бы при этомъ съ иной стороны и тѣ, которые въ обычной жизни являлись совершенными пошляками; и не сдѣлалась-ли бы для насъ Русь даже по-хорошу мила, а не на оборотъ, если-бы изобразили ее намъ въ великіе и святые моменты ея жизни?!..

Супраморализмъ составляетъ полную противоположность духу Запада: **во 1-хъ, онъ противоположенъ имморализму Ницше,**—послѣдняго философа съ его предтечею Максомъ Штирнеромъ,—который хотя и перешелъ за предѣлы добра, но остался въ предѣлахъ зла. Ницше вѣрилъ въ безусловную кончину міра;—а такое вѣрованіе есть необходимое слѣдствіе **знанія безъ дѣла**, слѣдствіе **только** знанія, и при томъ знанія **одного лишь себя**, ибо «познай самого себя» (заповѣдь Дельфійскаго демона), говоритъ **только** о знаніи и умалчиваетъ о дѣлѣ, говоритъ **только** о себѣ и умалчиваетъ о другихъ, а потому и приводитъ **лишь къ себѣ, къ единственному („Я—единственный**, и ничего другого не признаю“), или же требуетъ—**„найдти въ себѣ лишь себя“**,—это послѣдній отвѣтъ на **„познай самого себя“**, положившее начало философскимъ блужданіямъ. **Супраморализмъ противоположенъ, во 2-хъ, имморализму Толстого**, этого иностранца, пишущаго о Россіи, для котораго однако въ дѣтствѣ,—по его собственнымъ словамъ,—любовь къ матери сливалась съ любовью къ Богу, т. е. это значитъ, что онъ вѣрилъ тогда въ Бога матери, въ Бога родителей, въ Бога отцовъ, а слѣдовательно онъ не былъ тогда иностранцемъ и вѣрно понималъ наибольшую заповѣдь, понималъ ее такъ, какъ это слѣдуетъ по евангельски, тогда Толстой былъ истинно евангельское дитя; но впослѣдствіи Толстой, по собственному его признанію, утратилъ чувство дѣтственности и ему стало казаться страннымъ, что чувство его къ матери сливалось съ любовью къ Богу,—стало казаться страннымъ именно то, въ чемъ заключается самое **святѣйшее**, самое великое, то, что всѣхъ лю-

дей роднитъ между собою, дѣлая ихъ сынами и дочерьми Бога-отцовъ. По причинѣ утраты дѣтственности изъ Толстого и выработался крайній индивидуалистъ, отрицатель христіанства, и особенно послѣднихъ страницъ всѣхъ четырехъ евангелій. Въ душѣ утратившаго дѣтственность Толстого Христосъ могъ только умереть и не могъ уже воскреснуть, какъ воскресъ въ душахъ не утратившихъ дѣтственности галилейскихъ рыбаковъ.—Противоположенъ супраморализмъ, въ 3-хъ, и мистицизму Достоевскаго, для коего **Римъ**, конечно не **третій**, **Парижъ**, этотъ **Іерусалимъ** интелегентовъ, **наука Запада**, даже и въ томъ несовершенномъ видѣ, какъ нынѣ есть, и вся его исторія,—это отреченіе отъ смысла и цѣли жизни, безусловная свобода,—милѣе Россіи (См. Полное собраніе сочиненій, изд. 4-ое, 1892-го года, «Подростокъ», стран. 465-я). Этими немногими словами Достоевскій несомнѣнно доказалъ свою иностранность;—милъ и по-милу хорошъ, т. е. былъ ему роднымъ, очевидно Западъ, а не Россія; Россію если онъ и любилъ, то головою, а не сердцемъ; сердце его всецѣло принадлежало Западу; даже природа Запада, Венеція, была ему милѣе русской. Супраморализмъ противоположенъ мистицизму и славянофиловъ, для коихъ Западъ—«**страна святыхъ чудесъ**», по выраженію Хомякова, также какъ и мистицизму Соловьева,—явнаго поклонника 1-го Рима (папскаго) и явнаго же врага своихъ единомышленниковъ, поклонниковъ «**страны святыхъ чудесъ**». Супраморализмъ противоположенъ, въ 4-хъ, и псевдоморализму Канта, хотя не вышедшаго еще изъ предѣловъ добра, но и не перешедшаго за предѣлы зла, ибо его нравственность не уничтожила зла и знаетъ лишь личное, безсильное добро. Нравственность Канта оставляетъ зло въ дѣйствительности, тогда какъ при водвореніи безусловнаго добра зло можетъ и должно быть оставлено только въ представленіи, и тогда оно будетъ лишь усиливать добро. **Супраморализмъ**, или **православіе**, отожествляемый съ Пасхою, какъ величайшимъ праздникомъ, (который состоитъ не въ сознаніи каждымъ принадлежности самому лишь себѣ, т. е. не въ отчужденіи отъ всѣхъ,—что такъ высоко цѣнится западниками, индивидуалистами, солипсистами и пр.), супраморализмъ отожествляемый съ Пасхою, какъ величайшимъ праздникомъ и какъ **величайшимъ дѣломъ**, **общимъ** для всѣхъ и **роднымъ** для каждаго, **дѣломъ всеобщаго возвращенія жизни**,—**супраморализмъ** противоположенъ, въ 5-хъ, и романскому католицизму, какъ спасенію не **дѣломъ**,—а **дѣлами**, ничего спасительнаго въ себѣ не заключающими, и германскому протестантизму, какъ спасенію **безъ** дѣла. Католицизмъ средствами искупленія считалъ и **священныя войны**, крестовые походы, замѣненныя потомъ **денежными** взносами, индульгенціями; протестантизмъ же, отвергнувъ эти способы искупленія, ничего не поставилъ на мѣсто ихъ, никакого дѣла, а только вѣру въ смыслѣ представленія. А между тѣмъ только обращеніе орудій истребленія въ орудія спасенія, въ орудія возвращенія жизни всѣмъ жертвамъ войны и всякой борьбы, вмѣсто священныхъ войнъ,—какъ искупительнаго средства,—будетъ замѣною очевидно ложнаго католическаго средства средствомъ несомнѣнно истиннымъ;

это же будетъ и необходимымъ дополненіемъ къ вѣрѣ,—понятой по протестантски,—недостающаго въ ней, и тогда вѣра будетъ уже не представленіемъ только, а осуществленіемъ чаемаго, какъ это слѣдуетъ по православному.—Разоруженіе, или обращеніе орудій истребленія въ орудія спасенія, въ орудія возвращенія жизни всѣмъ жертвамъ войны и всякой борьбы,—вотъ положительный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ,—что такое православіе, которое какъ будто (по ядовитому опредѣленію В. С. Соловьева) есть **только не** католицизмъ и **не** протестантизмъ. Составляя совершенную противоположность гордому Западу, можетъ-ли супраморализмъ быть дѣломъ такого племени. какъ славяне..... Какъ можно ожидать исполненія столь громаднаго плана отъ такого племени, все отличительное свойство котораго заключается въ его **лишь дѣтственности,** которое всю долгую жизнь прожило въ захолустьи, въ континентальной глуши, въ средѣ котораго писавшіе и изображавшіе его съумѣли найти лишь самыя ничтожныя до пошлости личности, только такъ называемые отрицательные типы, и не нашли ничего положительнаго.... Но **„Создатель міра изъ ничего“** и въ созданномъ Имъ мірѣ проявляетъ свою мощь лишь въ немощи; и ни въ чемъ, конечно, не можетъ такъ выразиться глубина и богатство премудрости, какъ въ спасеніи безграничной вселенной чрезъ такую ничтожную пылинку, какъ земля, и чрезъ такое ничтожное существо, какъ человѣкъ. Проявленіе мощи въ немощи составляетъ сущность христіанства и великій законъ исторіи земной и внѣземной. Божество является въ міръ, воплощается не въ такой мощной системѣ какъ, напримѣръ, Сиріусъ, а въ сравнительно небольшой нашей солнечной системѣ, и при томъ въ такое время, когда она идетъ уже къ упадку. И въ самой солнечной системѣ Божество избираетъ не такія великія планеты, какъ, напримѣръ, Юпитеръ, или не такія близкія къ солнцу, какъ Меркурій, а нашу ничтожную землю, одного лишь спутника имѣющую, а не двухъ, какъ Марсъ. Да и на самой землѣ,—презираемая всѣми, бывшая подъ игомъ всѣхъ народовъ-завоевателей Палестина становится отечествомъ Божества, восхотѣвшаго на себѣ испытать горькую судьбу падшаго существа, побывать, пожить въ его кожѣ. Въ презираемой Палестинѣ была осмѣянная іудеями Галилея, а въ Галилеѣ Назаретъ, отъ коего никакого добра не чаяли, и вотъ этотъ-то Назаретъ и сталъ отечествомъ Божества; родиною же его сдѣлался не менѣе ничтожный Виѳлеемъ; да и не самъ Виѳлеемъ, а пастушеская пещера внѣ его, скотскія ясли стали колыбелью Бого-человѣка. Не изъ царствующей династіи, а изъ захудалаго царскаго рода произошелъ, и не въ знатной и богатой, а въ семьѣ плотника родился Онъ. Языкомъ плотника предъ учеными садукеями и фарисеями выразилъ Онъ свое ученіе о трехдневномъ,—въ дѣйствительности же обыденномъ, т. е. однодневномъ,—построеніи (воскресеніи) храма тѣла своего, что и было поставлено Ему въ вину на судѣ, и какъ насмѣшку услыхалъ Онъ это при послѣднемъ исходѣ своемъ.—Наши строители обыденныхъ храмовъ скорость постройки приписывали, вѣроятно, помощи небеснаго плотника.—И самъ человѣкъ также

служитъ выраженіемъ мощи, вытекающей изъ естественной его немощи.—Человѣкъ по рожденію не царь животныхъ, какъ его называютъ, а самое обездоленное существо изъ всѣхъ живыхъ существъ;—онъ пасынокъ природы. Лишенный покрововъ, преданный холоду, голоду, болѣзнямъ, человѣкъ на каждомъ шагу чувствовалъ близость смерти, и потому изъ рожденнаго человѣкъ **поневолѣ сталъ** созидающимъ,—строителемъ своего тѣла,—и вынужденъ все болѣе и болѣе распространять свое вліяніе на внѣшній міръ, поражающій его голодомъ, язвами и смертію. Человѣкъ, немощный по природѣ,—могучъ по работѣ, по труду. Нужда, бѣдность ведетъ къ открытіямъ. Голландское болото и безплодный берегъ Финикіи могутъ служить примѣромъ самодѣятельности. Открытія дѣлаются не учеными: скрытое отъ мудрецовъ открывается младенцамъ. Противъ всякаго рода Голіафовъ являются Давиды; милліоны Ксеркса поражаются горстью грековъ. Агнецъ побѣдитъ звѣря...— Дитя, т. е. дѣтское чувство, любовь къ родителямъ, или любовь къ Богу отцовъ станетъ первою заповѣдью, главнымъ долгомъ. И при настоящемъ кризисѣ не нужно ли ждать спасенія изъ села, изъ захолустья, изъ континентальной глуши, съ которою такъ сжилось славянское племя, сохранившее въ себѣ, благодаря захолустной жизни, дѣтское чувство... И вотъ объ этомъ-то слабомъ, ничтожномъ существѣ и сказано: «умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честью вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею («небеса дѣла перстъ Твоихъ, луна и звѣзды, яже Ты основалъ еси»), вся покорилъ еси подъ нозѣ его»; т. е. «не ангеломъ бо покори Богъ вселенную грядущую», а человѣку... «Внегда же покорити ему всяческая, ничтоже остави ему не покорено. Нынѣ же не увидимъ ему всяческая покорена»... Но если **всяческая еще** и не покорена тому существу, которое малымъ чѣмъ умалено отъ ангелъ, которое искуплено кровію Сына Божія («И Тотъ, Кто искупляетъ, освящаетъ, и тѣ, которые искуплены и освящены,—суть одно»), во всякомъ случаѣ со стороны этого существа мы видимъ уже попытки къ покоренію, хотя эти попытки и очень еще незначительны, можно сказать—ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что должно быть покорено. Такъ еще Каразинъ предлагалъ поднять на аэростатѣ громоотводъ въ царство тучегонителя Зевса, чтобы изъ облаковъ извлечь силу, которая можетъ дать земледѣльцу дождь, а кустарю (т. е. тому же земледѣльцу) силу небесную, которою онъ побѣдитъ билліонеровъ-фабрикантовъ... Если же до сихъ поръ и употребляется это орудіе на покореніе не той силы, которая Божественнымъ провидѣніемъ предназначена быть управляемою родомъ человѣческимъ, а на взаимное истребленіе, на производство соблазнительныхъ игрушекъ, вносящихъ вражду въ среду людей,—если такое употребленіе дается оружію даже православными, не смотря на то, что отличительная черта православія, осязательный признакъ, отличающій православіе отъ католицизма и протестантизма, заключается, какъ выше сказано, въ обращеніи орудій разрушенія въ орудія спасенія отъ смерти, то не слѣдуетъ забывать, что родъ человѣческій не достигъ еще совершеннолѣтія и даже совсѣмъ еще

не сознаѣъ тотъ путь, не сознаѣъ того дѣла, чрезъ которое только и можетъ воспринять искупленіе, совершенное нашимъ Спасителемъ; а такое сознаніе есть необходимое условіе достиженія совершеннолѣтія. Не было этого сознанія и въ конференціи мира, созванной по иниціативѣ православнаго самодержца, что уже непростительно православнымъ, хотя и извинительно католикамъ и протестантамъ, которымъ мысль объ обращеніи орудій истребленія въ орудія спасенія совсѣмъ чужда, и не только чужда, но и противоположна всему строю ихъ жизни.

Регуляція, т. е. первыя, слабыя попытки управленія со стороны разумнаго существа слѣпою, неразумною силою, или **супраморализмъ** (само христіанство, какъ отвѣтъ на вопросъ — «чесо ради созданъ человѣкъ») въ связи съ событіями, вызвавшими мысль о супраморализмѣ и его противоположностяхъ (имморализмѣ, псевдоморализмѣ и мистицизмѣ, т. е. нехристіанствѣ и даже антихристіанствѣ), въ связи съ исторіею естественною (природы, земли) отъ 1891—1892 года, года метеорическаго погрома, — приведшаго къ голоду, — и американскаго опыта вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, до года вулканическаго погрома 1902 года, года сейсмическихъ и необыкновенныхъ метеорическихъ грозъ, когда была вызвана также гроза (змѣйковымъ аппаратомъ), — хотя случайно, неумышленно, — доказавшая однако возможность вызывать грозы, а слѣдовательно и управлять силами, производящими грозу, какъ и всѣми явленіями, съ грозою связанными.

Супраморализмъ былъ вызванъ, можно сказать, погромами метеорическими и сейсмическими, которые грозятъ гибелью не отдѣльнымъ уже лицамъ, а повидимому цѣлому роду разумныхъ существъ земной планеты, и вопросъ идетъ уже о томъ, — окажется ли способнымъ родъ человѣческій, т. е, разумныя существа земной планеты, разрѣшить вопросъ о регуляціи, объ управленіи своею планетою, какъ цѣлымъ, и о распространеніи регуляціи чрезъ воскрешенныя поколѣнія также и на другіе міры; или же, увлеченный городскою суетою, торгово-промышленной игрой, забавами и мануфактурными игрушками, бездѣлушками, родъ человѣческій признаетъ регуляцію невозможною, дѣломъ для себя непосильнымъ, — окажется, такимъ образомъ, безплоднымъ и будетъ отвергнутъ, какъ отверженъ еврейскій народъ... И отнимется у него царство Божіе и дано будетъ другому роду разумныхъ существъ на иной землѣ, или планетѣ, живущихъ.

Вопросъ идетъ о томъ, — нѣтъ ли какого соотношенія между сейсмическими и метеорическими явленіями. А если такая связь существуетъ, то имѣя болѣе или менѣе дѣйствительное орудіе для защиты отъ метеорическихъ грозъ, — не можетъ ли быть найдено или открыто и орудіе, прямо или хотя косвенно дѣйствующее на земное, т. е. подземное, электричество, — если только электричество дѣйствуетъ въ сейсмическихъ явленіяхъ. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что электричество, если не единственный, то не

послѣдній дѣятель въ сейсмическихъ явленіяхъ. Эти явленія для опредѣленія, въ чемъ заключается ихъ сущность, требуютъ изученія, постоянныхъ и повсемѣстныхъ наблюденій; изученіе сейсмическихъ явленій можетъ стать предметомъ общаго дѣла всѣхъ чрезъ всеобщую воинскую повинность, если только эта повинность будетъ имѣть цѣлью обратить людей отъ борьбы съ себѣ подобными къ дѣйствію на слѣпыя силы, проявляющіяся и въ сейсмическихъ явленіяхъ, какъ-бы ни казались несоразмѣрными силы **дѣйствующихъ** съ силою, на которую **должно дѣйствовать**. Нельзя не замѣтить, что силы накопляются обыкновенно понемногу, въ продолженіи долгаго періода времени прежде, чѣмъ разразятся какими либо разрушеніями; при настойчивомъ же, постоянномъ и повсемѣстномъ изученіи, станетъ, вѣроятно, возможнымъ слѣдить за накопленіемъ силъ, проявляющихся въ сейсмическихъ погромахъ, и предупреждать погромы, не допуская проявляющуюся въ нихъ силу до разрушительныхъ взрывовъ. Говорить о несоотвѣтствіи силъ непозволительно, ибо человѣкъ никакими въ сущности силами не обладаетъ, а располагать можетъ всѣми; — человѣкъ дѣйствуетъ не силою лишь своихъ рукъ. Сама природа приходитъ въ человѣкѣ къ сознанію себя, а это сознаніе требуетъ, чтобы управленіе, регуляція, было расширяемо постепенно на все, что остается еще неуправляемымъ, темнымъ; надо только, чтобы человѣкъ не сопротивлялся этому требованію; для выполненія же его нужно лишь соединеніе всѣхъ силъ всѣхъ людей въ трудѣ познанія и управленія слѣпою силою природы.

Вопросъ о регуляціи связанъ съ вопросомъ объ единствѣ двухъ разумовъ; единство же двухъ разумовъ выражается, или заключается, въ томъ, что теоретическій разумъ находитъ свое полное приложеніе въ разумѣ практическомъ. Можно сказать также, что вопросъ о регуляціи связанъ съ вопросомъ объ единствѣ трехъ разумовъ, если подъ **„критикою сужденія“** видѣть также особый разумъ, который у ученаго профессора-мыслителя принялъ характеръ тоже тесретическаго; между тѣмъ **эстетика**, скрывающаяся подъ критикою сужденія, обнимаетъ собою и **телеологическое сужденіе**, а потому она можетъ и даже должна быть дѣломъ созиданія, или — точнѣе — возсозиданія, должна **не открывать въ мірозданіи**, а вносить въ него **цѣлесообразность**, существованіе которой (т. е. цѣлесообразности) въ мірозданіи критика чистаго разума признать, или доказать не можетъ. При этомъ, т. е. при внесеніи въ мірозданіе цѣлесообразности, регуляція имѣла бы цѣлью, т. е. стала бы возстановленіемъ или возсозиданіемъ разрушеннаго природою въ періодъ ея безсознательнаго существованія. Вопреки однако тому, что должно, критика сужденія, т. е. эстетика, оставаясь вѣрною сословію ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, не требовала и не требуетъ объединенія всѣхъ разумныхъ существъ во всеобщемъ дѣлѣ управленія, регуляціи, силами природы, рождающей и разрушающей, не требовала и не требуетъ ни регуляціи внутренней,—психо-физіологической, —ни регуляціи внѣшней,—т. е. метеорической, вулканической и космической,—а довольствуется лишь изображеніями подобій, изображеніями сло-

весными, звуковыми, пластическими, т. е. такими, которыя имѣютъ лишь призракъ жизни... Для того же, чтобы перейдти отъ творенія подобій **бывшему** къ **дѣйствительному** возстановленію, **возсозданію бывшаго**, нужно заниматься не эксплуатаціею, а регуляціею, и распространеніемъ регуляціи повсемѣстно, на всю земную планету, чтобы — наконецъ — управлять этимъ кораблемъ, неизвѣстно какъ и какою силою движимымъ, на которомъ мы живемъ и совершаемъ невольныя и постоянныя странствованія вокругъ солнца. Естественность и своевременность мысли о регуляціи доказывается одновременнымъ и независимымъ появленіемъ этой мысли въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ даже самые способы регуляціи указываются почти одни и тѣже, во всякомъ случаѣ весьма близкіе одинъ къ другому. Такъ у насъ, въ Россіи,—кромѣ статьи «Разоруженіе»,—въ статьѣ «Борьба съ градомъ» В. Р-кова, предлагается **возложить на войска, на военные воздухоплавательные парки**, изслѣдованіе различныхъ аппаратовъ, предназначаемыхъ для борьбы съ градомъ и, вообще, съ метеорическими явленіями,—разсѣевать градовыя тучи, предупреждать ливни, вызывать дожди во время засухи... Въ другихъ статьяхъ говорится о неудачахъ отъ неумѣлаго употребленія градобойныхъ мортиръ,—что прямо указываетъ на то, кому должно быть поручено это дѣло, кому естественно оно принадлежитъ. А вотъ на Западѣ предлагается устройство разумной организаціи борьбы противъ природы, и говорится, что для этого нужно что-то въ родѣ общей противъ природы воинской повинности (Нордау, «Вырожденіе», стр 103-я, Кіевъ, 1894 г.), забывая или не замѣчая, что такая повинность уже существуетъ, и нужно не создавать искусственно новой организаціи, а обратить уже существующую, само-собою создавшуюся организацію къ дѣйствію, которое требуется высшею нравственностью, т. е. нужно обратить на борьбу противъ природы уже существующую воинскую повинность, при чемъ это новое назначеніе нисколько не помѣшаетъ исполненію и того, противъ чего направлена эта повинность **теперь**, пока новое назначеніе ея не приведетъ къ общему умиротворенію и союзу. Попытки къ регуляціи естественныхъ явленій мы видимъ въ американскихъ опытахъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, въ градобойныхъ орудіяхъ (мортирахъ), въ аппаратахъ, изъ которыхъ одинъ давно уже предложенъ Каразинымъ, а другой—недавно Станаевичемъ. Но вотъ и еще лучше,—аппараты, предназначенные совсѣмъ для другой цѣли, **только для наблюденій**, оказываются способными, сами, можно сказать, рекомендуютъ себя, какъ орудія регуляціи грозовой силы; - разумѣемъ змѣйковый аппаратъ, вызвавшій грозу въ такой день (19 апрѣля 1902 г.), когда на всемъ пространствѣ Россіи не было ни одной грозы, и тѣмъ доказавшій, что способенъ дѣйствовать на грозовую силу, способенъ, слѣдовательно, сдѣлаться орудіемъ управленія этой силы. Повидимому, сама слѣпая сила учитъ разумныя существа, какъ нужно управлять ею! Какъ ни малы, ни слабы всѣ эти попытки, однако же онѣ указываютъ, что вопросъ о регуляціи уже открытъ и зоветъ къ разрѣшенію; но сословіе, для котораго

важно только знаніе для знанія, только наблюденія, а не опытъ,— въ самой природѣ производимый, сословіе, которое съ непонятною гордостью говоритъ, что **наука никакихъ обѣщаній не давала**, не хочетъ принять никакого участія въ разрѣшеніи вопроса о регуляціи, оно, повидимому, даже не подумало воспользоваться представившеюся возможностью, — змѣйковымъ аппаратомъ,— вызывать грозу.

Просвѣщеніе,—т. е. обращеніе всѣхъ разумныхъ существъ въ познающихъ, какъ выраженіе стремленія самой природы достигнуть полнаго сознанія и управленія собою во исполненіе воли Бога-отцовъ,—или **супраморализмъ** въ связи съ политическою, международною исторіею, отъ начала внѣшняго сближенія съ Франціею, оказавшеюся неспособною къ просвѣтительному союзу, и до объявленія Германіею войны славянамъ, пока лишь внутри Германіи;—(такая борьба съ славянами могла бы сдѣлать Москву, т. е Россію, 3-мъ Римомъ, всеславянскимъ, а Германію въ союзѣ съ двумя Британіями, европейскою и американскою, а также и съ Японіею, этою азіатскою Британіею, обратить въ послѣдній всеокеаническій Карфагенъ, т. е. во врага третьяго Рима, всеконтинентальнаго).

Въ 1891 году,—въ годъ французской у насъ выставки и метеорическаго погрома, т. е. засухи, приведшей къ голоду,—была сдѣлана попытка придать союзу Россіи съ Франціею просвѣтительное значеніе, заключить съ нею конвенцію объ обмѣнѣ произведеніями печати, чрезъ что могло-бы усилиться взаимное пониманіе союзниковъ и союзъ имѣлъ-бы не юридическое только, но и умственное, нравственное, душевное даже значеніе. Но для осуществленія этого оказалось необходимымъ потребовать отъ французскихъ писателей,—доставляющихъ нынѣ по два экземпляра своихъ произведеній на нужды отечественнаго просвѣщенія,—доставлять **еще** по одному экземпляру; и это требованіе показалось столь безмѣрнымъ, что не нашлось ни одного члена парламента, который рѣшился бы поднять вопросъ о такомъ увеличеніи налога на французскихъ писателей; хотя вопросъ о книжномъ обмѣнѣ съ Россіею поднимался во французскомъ парламентѣ, но за невозможностью осуществить его по неимѣнію для этого свободнаго экземпляра произведеній французскихъ писателей, не могъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Французы, и особенно французскіе писатели, во главѣ съ недавно умершимъ Золя, противопоставили просвѣтительному союзу другой, совершенно ему противоположный,—Французы оказались ревнителями не просвѣщенія, а литературной собственности, и требовали заключенія конвенціи, воспрещающей дѣлать переводы безплатно, при чемъ Золя, убѣждая въ необходимости такой конвенціи русскихъ писателей, утверждалъ, что французскій рынокъ заваленъ безплатными переводами произведеній русскихъ писателей.—**Супраморализмъ**, обращающій всѣ разумныя существа въ познающихъ, **ставитъ задачею** обращеніе всѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій въ мѣста

изслѣдованій и всѣхъ служащихъ въ изслѣдователей и учителей въ видахъ общей цѣли умиротворенія для перехода отъ юридико-экономическихъ отношеній въ нравственныя, родственныя. Какъ примѣръ обращенія учрежденій въ мѣста изслѣдованій должно указать на статьи: 1. **Международное изслѣдованіе повѣсти объ обращеніи Индіи въ христіанство,** повѣсти аскетической, вышедшей изъ страны величайшей роскоши и обошедшей весь міръ.—Не докажетъ ли эта повѣсть, что ни отреченіе отъ роскоши, ни принятіе ея, ни всеобщее обѣдненіе, ни всеобщее обогащеніе, ни аскетическій буддизмъ, ни эпикурейское язычество не рѣшаютъ вопроса о смыслѣ и цѣли жизни, и только христіанство рѣшаетъ его, ставя, вмѣсто вопроса о всеобщемъ обѣдненіи и о всеобщемъ обогащеніи, вопросъ о всеобщемъ возвращеніи жизни;—2. **XXXI-я годовщина Воронежскаго Окружнаго Суда;**—статья эта указываетъ, какъ изслѣдованіе, изученіе судебныхъ дѣлъ, вводитъ въ общее дѣло умиротворенія; и 3. **„Еще о памятникѣ Каразину“;** въ этой статьѣ говорится о повсемѣстномъ устройствѣ школъ, соединяющихъ въ себѣ наглядное преподаваніе съ наблюденіемъ, образованіе съ познаваніемъ въ видахъ созданія такой науки, которая основана на наблюденіяхъ не **кое-гдѣ, кое-когда, кое-кѣмъ** производимыхъ, а на наблюденіяхъ, производимыхъ **вездѣ, всегда и всѣми** съ присоединеніемъ къ этимъ наблюденіямъ опытовъ въ самой природѣ производимыхъ, т. е. регуляціи, посредствомъ аппарата Каразина и другихъ, подобныхъ сему послѣднему.

Объединеніе чрезъ построеніе школъ-храмовъ,—посвященныхъ Пресвятой Троицѣ,—**повсемѣстно,** и **высшихъ школъ-храмовъ,**—посвященныхъ Воскресенію, въ подобіе Новому Іерусалиму, выражающихъ цѣль объединенія,—**въ центральныхъ мѣстахъ всей Россіи,** какъ Великой, Малой, Бѣлой, и въ другихъ частяхъ европейской и азіатской Россіи,—или **супраморализмъ** въ связи съ внутреннею исторіею Россіи отъ 500-лѣтняго юбилея чтителя Пресвятой Троицы, преп. Сергія, до приближающагося 250-лѣтняго юбилея храма Воскресенія, Новаго Іерусалима, памятника разрыва свѣтской власти съ духовною, послѣ кратко-временнаго тѣснѣйшаго ихъ единенія.

Патріархъ Никонъ,—составившій себѣ самое высокое понятіе объ единствѣ и согласіи свѣтской и духовной власти, непризнававшій противоположности между Божіимъ и Кесаревымъ,—когда согласіе это, благодаря боярамъ, было нарушено, оставилъ патріаршую кафедру, и въ ожиданіи грядущихъ бѣдъ и скорбей приступилъ къ постройкѣ храма страданій Господа, Голгоѳскаго храма, а подъ нимъ поставилъ алтарь Іоанну Крестителю, котораго былъ самымъ усерднымъ чтителемъ, тутъ же поставилъ алтарь и всѣмъ мученикамъ, приготовилъ могилу и себѣ. Памятникомъ этого разрыва двухъ властей, а вмѣстѣ и глубочайшаго желанія единенія и согласія ихъ, желанія разрѣшенія противорѣчія между Божіимъ и Кесаре-

вымъ, и былъ созданъ Новый Іерусалимъ, служащій также памятникомъ и наибольшей любви Древней Руси,—не изсякнувшей и въ Новой,—къ послѣднимъ днямъ жизни Господа и къ празднику воскресенія, который нигдѣ такъ свѣтло не празднуется, какъ въ русской землѣ. Разрѣшеніе противорѣчія между Божіимъ и Кесаревымъ заключается въ самодержавіи, **какъ доброй волѣ,** какъ выраженіи воли Божіей, въ самодержавіи, составляющемъ противоположность и деспотизму, т. е. произволу, самоволію, и конституціи, т. е. своеволію, поэтому-то супраморализмъ можетъ и долженъ относиться только отрицательно и къ послѣднимъ годамъ царствованія Николая I-го, и ко всему царствованію Александра II-го. Несвоевременно начатая при Николаѣ война и еще болѣе несвоевременно оконченная уже при Александрѣ, будущемъ освободителѣ крестьянъ,—война за совсѣмъ непонятный русскому народу Севастополь, а не за священный Корсунь,—война эта чуть не привела къ гибели,—могла же привести къ естественному рѣшенію крестьянскаго вопроса,—способомъ, можно сказать, указывавшимся самимъ народомъ, искавшимъ не свободы, а перехода отъ службы барской къ службѣ царской,—вмѣсто того искусственнаго рѣшенія этого вопроса, къ какому пришли послѣ заключенія мира. Супраморализмъ одинаково отрицательно относится, какъ къ льготамъ дворянскимъ, такъ и къ льготамъ крестьянскимъ, ибо онъ знаетъ лишь долгъ, обязанность, службу, но службу лишь царскую, а не барскую. Къ этой то службѣ, къ поголовному ополченію для защиты отечества отъ грозившей ему опасности, для защиты отъ враговъ, занявшихъ половину священнаго Корсуня, и могъ призвать Царь и крестьянъ, и дворянъ, что и было-бы для крестьянъ переходомъ отъ барской службы къ царской, а для дворянъ возвращеніемъ къ прежней службѣ вмѣсто льготъ, которыя ничего, кромѣ зла, дворянству не принесли, воспитавъ изъ дворянъ такихъ, какими они изображены Гоголемъ, Толстымъ и пр. Супраморализму грозила опасность умереть, даже не родившись, въ самомъ началѣ девятаго десятилѣтія прошлаго XIX вѣка, когда Россія готовилась получить послѣднюю льготу, которая была-бы горше всѣхъ предыдущихъ, потому что была-бы уничтоженіемъ самодержавія —Первое проявленіе супраморализма можно видѣть въ предложеніи С. С. построить обыденный храмъ-школу во имя Пресвятой Троицы для увѣковѣченія юбилейнаго крестнаго хода къ Троицѣ-Сергіевской Лаврѣ въ 1892 году и въ предисловіи къ сказанію о построеніи **обыденнаго** храма въ Вологдѣ,—въ предисловіи этомъ предлагается для всеобщаго объединенія построить повсюду храмы-школы къ будущему юбилею (5 іюля 1922 г.) открытія мощей преподобнаго Сергія, чтителя Пресвятой Троицы, какъ образца единодушія и согласія; **обыденные** же храмы—это памятники не только единодушія и согласія, выраженнаго въ ученіи Пресвятой Троицы, но и памятники служенія общимъ трудомъ, служенія, недопускающаго ничего дароваго. Въ стѣсненіи обыденныхъ храмовъ супраморализмъ имѣетъ уже прообразъ, прототипъ будущаго объединенія всѣхъ живущихъ для воскрешенія всѣхъ умершихъ, прообразъ не спасенія лишь

отъ голода и язвъ, а прообразъ спасенія всѣхъ отъ смерти и всеобшей катастрофы, отъ всеобщаго разрушенія міра. Построеніе обыденныхъ храмовъ и не прообразъ только, но и самое средство, способъ воспитанія для этой именно цѣли, т. е. для воскрешенія всѣхъ умершихъ, для спасенія всѣхъ отъ смерти, отъ всеобшей катастрофы, всеобщаго разрушенія міра. —Затѣмъ супраморализмъ выразился въ приглашеніи, - обращенномъ чрезъ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей ко всѣмъ интересующимся, - сообщить свѣдѣнія объ обыденныхъ храмахъ, этомъ самомъ характерномъ и самомъ загадочномъ явленіи русской земли, которое можно отнести къ предмету коллективной психологіи, этой новой науки, только что въ концѣ прошлаго вѣка возникшей на Западѣ, при чемъ построеніе обыденныхъ храмовъ идетъ въ совершенный разрѣзъ со всѣми выводами, сдѣланными коллективною психологіею изъ данныхъ, собранныхъ на Западѣ, ибо по этимъ выводамъ всѣ коллективныя дѣйтвія суть лишь душевныя эпидеміи, явленія болѣзненныя, произведенія преступной толпы (Les épidemies psychiques et la foule criminelle. Revue des revues, 1894 г. № 1-й); а между тѣмъ построеніе обыденныхъ храмовъ было явленіемъ оздоровляющимъ, произведеніемъ не преступной толпы, а толпы, раскаявшейся въ преступленіяхъ, если только можно назвать толпою строителей обыденныхъ храмовъ, которые всѣ, не смотря на великое множество, дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ, какъ одинъ, можно сказать, художникъ. Это явленіе,—столь загадочное и столь непонятное всѣмъ индивидуалистамъ-западникамъ,—показалось Далю, составившему толковый словарь русскаго языка, какимъ то миѳомъ, хотя этотъ миѳъ совершался въ весьма близкое къ намъ время, при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, въ мѣстахъ, лежавшихъ на пути сношеній Россіи съ Западною Европой, и исторически несомнѣнно засвидѣтельствованъ. Не замѣтили этого явленія и такъ называемые великіе писатели земли русской; ни одинъ изъ нихъ даже не коснулся этого высоко нравственнаго явленія, или же—вѣрнѣе—великаго дѣла,—ни одинъ не коснулся его хотя-бы мимоходомъ; наши великіе писатели берутъ людей не въ томъ состояніи, когда люди достигаютъ такой высоты, что въ нихъ исчезаютъ всѣ слабости, всѣ пороки, и они дѣлаются героями, святыми, хотя, къ сожалѣнію, и на самое короткое лишь время; наши писатели видятъ людей только въ розни, въ ихъ слабостяхъ, въ ихъ порокахъ, и копаться во всемъ этомъ имъ доставляетъ, повидимому, великое удовольствіе; и только Гоголь почувствовалъ отвращеніе къ этому исканію мерзостей, которыя, наконецъ, стали его преслѣдовать, и онъ, можно сказать, не умеръ, а былъ убитъ носителями этихъ мерзостей и пошлостей, которыхъ онъ изображалъ въ своихъ призведеніяхъ. Но то былъ Гоголь; а Бѣлинскій былъ-бы убитъ, если-бы исчезли эти мерзости. Другой же великій писатель, переводя евангеліе, очень сокрушался, что жену, **впадшую въ прелюбодѣяніе,**—по выраженію истинно евангельскому,—нельзя печатно назвать площаднымъ именемъ, въ печати неупотребляемымъ, т. е. нельзя замѣнить вышеприведенное глубоко-знаменательное евангельское выраженіе

площаднымъ браннымъ словомъ.—Выраженіе супраморализма не ограничилось собираніемъ свѣдѣній объ обыденнымъ храмахъ только внутри Россіи, супраморализмъ выразился и въ запросахъ о томъ же ко всему Западу, т. е. къ собравшемуся въ то время въ Ригѣ, на рубежѣ Россіи съ Западомъ, Археологическому Съѣзду. Впрочемъ Археологическій Съѣздъ не обратилъ вниманія на этотъ запросъ, какъ не обратилъ вниманія и на запросъ о Памирѣ, въ которомъ предлагалось международное изслѣдованіе Памира, какъ предполагаемой прародины человѣческаго рода, потому что Археологическій Съѣздъ, собравшійся въ Ригѣ, занимался только боевыми вопросами, вопросы же объ обыденныхъ храмахъ и о Памирѣ вели не къ раздору, не къ войнѣ, а къ примиренію. Обращались къ Археологическому Съѣзду съ запросомъ также и о томъ,—было-ли что-либо подобное построенію нашихъ обыденныхъ храмовъ и на Востокѣ, ближнемъ и дальнемъ, указывалось и на необходимость Съѣзда въ Туркестанѣ; дѣлались розыски подобнаго построенію обыденныхъ храмовъ въ исторіи, и какъ выраженіе покаянія, построеніе это сравнивалось съ покаяніемъ Ниневитянъ, послѣ проповѣди пророка Іоны; при чемъ справедливо было признано, что покаяніе Ниневитянъ къ построенію обыденныхъ храмовъ относится какъ ветхозавѣтное къ новозавѣтному, ибо въ послѣднемъ, т. е. при построеніи обыденныхъ храмовъ, не ограничивались только постомъ, воздержаніемъ отъ пищи, но и совершали великое общее дѣло построенія храма, какъ бы въ подобіе Христова воскресенія, которое Самъ Христосъ назвалъ трехдневнымъ построеніемъ храма („**въ три дня воздвигну его**“), въ дѣйствительности же оно было обыденнымъ, замѣнившимъ субботу покоя дѣломъ воскресенія. Аналогичное построенію обыденныхъ храмовъ, какъ выраженію религіозныхъ подъемовъ, можно видѣть въ ревиваляхъ, случающихся на Западѣ, съ которыми и сравнивалось это построеніе;—общаго между этими явленіями оказалось однако немного, это общее ограничилось лишь стремленіемъ къ раскаянію, которое и производило оба явленія; но ревивали, и особенно въ Америкѣ, обращались въ самобичеваніе, въ драки, даже въ убійства, т. е. въ преступленія; стремленіе же къ раскаянію у насъ выражалось въ необычайно быстромъ, однодневномъ, т. е. обыденномъ, построеніи храма, которое вело къ очищенію отъ всего преступнаго и дѣлало людей чистыми, можно сказать, святыми.—Нашелся человѣкъ, который побывалъ на самомъ мѣстѣ построенія обыденнаго храма въ Вологдѣ и въ другихъ мѣстахъ, и составилъ статью, въ которой собралъ, на сколько возможно, всѣ случаи построенія такихъ храмовъ, и старался уяснить условія ихъ возникновенія; но, конечно, одною статьею невозможно было исчерпать такой неисчерпаемый, глубоко народный предметъ, какъ обыденные храмы, исчезнувшій, повидимому, съ тѣхъ поръ, какъ Россія вступила въ болѣе тѣсныя сношенія съ Западною Европою и началась уже нѣкоторая измѣна народному духу.—Супраморализмъ нашелъ выраженіе и въ статьѣ о Каразинѣ, напечатанной въ 1892 году въ Русскомъ Архивѣ, въ которой говорится о возможности

регуляціи атмосферными явленіями, въ видахъ прекращенія неурожаевъ отъ бездождія и многодождія, въ статьѣ «Разоруженіе», напечатанной въ 1898 году въ Новомъ Времени и другихъ статьяхъ, касавшихся того же предмета. — Съ Александра III-го, перваго императора, усвоившаго внѣшній видъ русскихъ московскихъ царей, (разумѣемъ бороду), — какъ будто начинается возвращеніе къ старинѣ, къ своему родному быту, къ основнымъ началамъ русской жизни, и первымъ шагомъ Александра III-го было укрѣпленіе самодержавія, поколебавшагося въ предшествовавшее царствованіе. Этотъ смѣлый шагъ Александра III-го вызвалъ къ нему на Западѣ общее уваженіе, которое и выразилось при извѣстіи о преждевременной кончинѣ императора. Смерть Александра III-го, вызвавшая небывалое сочувствіе къ умершему императору-миротворцу, доказала, что самодержавіе перестало быть такимъ пугаломъ для Запада, какимъ оно было въ первой половинѣ прошлаго, XIX-го вѣка, доказала, что и конституція перестала быть такою прелестью, имѣть такую обаятельную силу, какъ это было раньше, что народы, надѣленные благами конституціоннаго правленія, извѣрились въ благотворность этого правленія. Такое направленіе чувствъ и мыслей сдѣлало возможнымъ появленіе такихъ статей, какъ— **„Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула“**, напечатанной передъ коронаціею царствующаго императора, въ концѣ которой дается формула, соединяющая въ себѣ Божіе и Кесарево; въ этой формулѣ сказано: **„не Царь для народа, ни народъ для Царя, а Царь вмѣстѣ съ народомъ дѣлается исполнителемъ дѣла Божія“;** дѣло же Божіе и состоитъ въ постепенномъ переходѣ отъ власти надъ себѣ подобными къ власти вмѣстѣ со всѣми надъ слѣпою, темною силою, т. е. дѣло Божіе и есть супраморализмъ.— Супраморализмъ могъ выразиться, - отчасти и выразился,— въ коронаціонныхъ выставкахъ, которыя дадутъ возможность,— въ особенности если будутъ устраиваться въ храмахъ-школахъ,—принять всей землѣ, всему народу, т. е. всѣмъ народамъ русской земли, самое живое, а вмѣстѣ самое образовательное и сознательное участіе въ коронаціонномъ актѣ, раскрывая глубокій смыслъ самодержавія и тѣмъ давая защитникамъ самодержавія оружіе противъ враговъ его. Въ составъ коронаціонныхъ выставокъ должны входить: 1. Изображенія коронаціонныхъ храмовъ: Софіи (Премудрости Божіей) въ Византіи, Софіи въ Кіевѣ, Успенскаго Собора въ Москвѣ, а также и Архангельскаго собора, куда ходятъ самодержцы на поклоненіе предкамъ по совершеніи коронованія; необходимо выставить и виды тѣхъ городовъ, гдѣ совершаются коронаціонные акты, т. е. городовъ стольныхъ, а также и виды тѣхъ городовъ, которые были центрами міровыхъ монархій, каковы Ниневія, Вавилонъ, 1-й, 2-й и 3-й Римъ; 2. изображенія регалій византійскихъ и русскихъ; должно присоединить къ нимъ изображенія регалій и другихъ народовъ; 3. изображенія византійскихъ и русскихъ царей въ ихъ царственныхъ одеждахъ; 4. изображенія самыхъ коронацій и особенно тѣхъ обрядовъ, которые вышли нынѣ изъ употребленія, каковъ обрядъ,

называемый акакіей, а также участіе царя въ великомъ выходѣ (съ дарами), при чемъ царь шелъ впереди церковнаго хода; 5. портреты мѣстныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ депутатовъ на прежде бывшихъ коронаціяхъ, начиная съ послѣдней въ восходящемъ порядкѣ; или же хотя списки этихъ депутатовъ, а можетъ быть и воспоминанія, если не обо всѣхъ, то о нѣкоторыхъ, воспоминанія о томъ, какое каждая мѣстность принимала участіе въ прежде бывшихъ коронаціяхъ; 6. собраніе коронаціонныхъ медалей, жетоновъ, кружекъ, платковъ и т. п., или же — изображеній всего этого; 7. изображенія народныхъ празднествъ, которыя устраивались по случаю коронаціи... Эти выставки могли бы положить начало мѣстнымъ, хотя бы и очень малымъ, но глубоко содержательнымъ музеямъ, могли бы дать понять,—что значитъ **царь-въ праотца и отцовъмѣсто стоящій**, какой долгъ это положеніе открываетъ царю,— что такое значитъ—**„Москва 3-й Римъ“** и почему **„четвертому не быть“**; что значитъ противникъ 3-го Рима, нынѣшній Карѳагенъ; что значитъ **Кремль-въ Памира или Эдема-мѣсто стоящій;** что значитъ преемникъ Владиміра святого, воспріемника отъ купели всего русскаго народа... Коронаціонныя выставки должны имѣть высоко и глубоко образовательное значеніе, такъ какъ вмѣщаютъ въ себѣ всю русско-всемірную исторію, при чемъ священная исторія не отдѣляется отъ свѣтской, и если коронаціонный актъ будетъ совершаться въ день Пасхи, то весь народъ можетъ принять въ немъ участіе особыми молитвами о ниспосланіи благословенія на новое царствованіе, начиная эти молитвы съ недѣль, приготовительныхъ къ посту. Не привлечетъ-ли такое участіе народа въ коронаціонномъ актѣ и иновѣрцевъ; многіе изъ нихъ, безъ всякаго съ чьей либо стороны принужденія, несомнѣнно заинтересуются выставками, пожелаютъ ихъ видѣть; а такъ какъ выставка будетъ соединена съ самою службою, они услышатъ — о Мытарѣ и Фарисеѣ, услышатъ **рѣзкое осужденіе лицемѣрію,** фарисейской нравственности, какъ принадлежности торгово-промышленныхъ народовъ Запада, ближняго и дальняго, и **похвалу смиренію**, мытарской нравственности тѣхъ, которые сознаютъ свою смертность, и потому не признаютъ за собою высокаго достоинства; услышатъ и о блудномъ сынѣ, т. е. о сынахъ, оставившихъ, забывшихъ отцовъ, къ каковымъ можно причислить горожанъ, и о послѣдствіяхъ, къ которымъ приведетъ это оставленіе, если сыны не возвратятся къ отцамъ, въ село, къ праху отцовъ, т. е. услышатъ о разрушеніи, о кончинѣ міра, на которую и указывается въ седмицу, слѣдующую за недѣлею о Блудномъ сынѣ;—и это не одно христіанское, а исторія—общая всѣмъ народамъ. Ежедневное чтеніе постомъ паремій изъ книги Бытія съ помощію школы можетъ раскрыть всѣ формы быта: бродячій (Исавъ), кочевой (Іаковъ), земледѣльческій, — и укажетъ тотъ бытъ, съ которымъ наиболѣе связано почитаніе отцовъ, какъ на самый высшій.—Супраморализмъ выразился и въ статьѣ **„Самодержавіе“**, напечатанной лишь въ 1901 г. и при томъ на Туркестанской окраинѣ, но написанной еще до коронаціи Николая II-го. Статья эта,—по заглавію объ-

щающая самый узкій консерватизмъ,—на самомъ дѣлѣ поражаетъ крайнимъ радикализмомъ, который оставляетъ за собою не только конституціонныя монархіи и республики, но и самыхъ крайнихъ соціалистовъ, ибо въ самодержавіи авторъ статьи видитъ средство возвести всѣхъ людей къ такому нравственному совершенству, при которомъ они, подобно самому самодержцу, были-бы отвѣтственны только передъ Богомъ и своею совѣстію, т. е. не нуждались бы ни въ какомъ принужденіи и надзорѣ. Осуществленіе этого и составляетъ естественную задачу стоящаго въ **праотца-мѣсто**, отъ Бога отцовъ не мертвыхъ, а живыхъ поставленнаго, въ которомъ кесаревское стало орудіемъ Бога. Самодержавіе, о которомъ говорится въ статьѣ, нетолько безъ ига, безъ гнета, безъ насилія и принужденія, но оно и освобождаетъ всѣхъ отъ ига слѣпой силы, которая именно вноситъ вражду, дѣлаетъ необходимымъ иго и гнетъ. **Самодержавіе** это неразрывно связано **съ православіемъ**, печалующемся о розни и гнетѣ, сокрушающемся объ общихъ всѣмъ грѣхахъ, которые и отдаютъ насъ во власть слѣпой силѣ, т. е. смерти. Такое самодержавіе создано,—можно сказать, выстрадано народомъ русскимъ, полагающимъ свое народное достоинство въ отрицаніи національной исключительности; отрицаніе національной исключительности не только будетъ осуществлено въ школахъ, **соединяющихъ образованіе съ познаваніемъ**, т. е съ расширеніемъ самого знанія, —но при такихъ школахъ и не можетъ быть никакой исключительности. Отсутствіемъ исключительности отличается и православіе, которое знаетъ только сыновъ, отцовъ, братьевъ, и въ самомъ Богѣ видитъ только сыновство и отечество; это ученіе и составляетъ предметъ преподаванія въ школахъ-храмахъ, которое можетъ быть принято всѣми, потому что нѣтъ человѣка, который не былъ бы сыномъ, не имѣлъ бы отца.—Былъ одинъ моментъ, когда супраморализмъ могъ разсчитывать на благопріятный пріемъ, это въ моментъ обнародованія циркуляра 12 августа 1898 г. объ умиротвореніи, которое и составляетъ сущность самодержавія, выраженнаго въ словахъ—**„Москва 3-й Римъ, а четвертому не быть“**;—и циркуляръ отъ 12-го августа можно считать выраженіемъ самодержавія, если только нѣкоторыя выраженія въ этомъ циркулярѣ объ индустріализмѣ не считать существенными, т. е. такими, которыя могли бы стѣснять дѣйствія конференціи. Къ сожалѣнію, юристы погубили конференцію мира, обративъ ее въ безплодный третейскій судъ, ни отъ какой войны не избавляющій, какъ это доказали событія, наступившія тотчасъ послѣ конференціи,—и конференція обратилась лишь въ приготовленіе средствъ къ смягченію войны. Второй моментъ, который могъ оказаться важнымъ для супраморализма, былъ моментъ изданія въ 1901-мъ году пасхальнаго манифеста, возбудившаго надежду, что Москва сдѣлается пасхальною столицею. Въ этомъ манифестѣ самодержецъ христосуется со всѣмъ своимъ народомъ и молитъ, чтобы Господь подкрѣпилъ вѣрующихъ, поддержалъ колеблющихся, возсоединилъ отторгнувшихся; т. е. этотъ манифестъ,—подобно циркуляру отъ 12-го августа 1898 г., въ которомъ говорится о

мирѣ всѣхъ народовъ, объ умиротвореніи внѣшнемъ,—молится объ умиротвореніи внутреннемъ, объ умиротвореніи русскаго народа, молится у могилъ духовныхъ и свѣтскихъ собирателей и умиротворителей земли русской.— Равнодушіе, съ которымъ были встрѣчены оба эти акта нашею русскою интеллигенціею, неспособною возвыситься до пониманія высокихъ и глубокихъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ актовъ,—сдѣлало то, что начала эти не были положены и въ основу предпринятой и еще не оконченной школьной реформы, а между тѣмъ только въ этихъ началахъ наша школа и могла бы почерпнуть новыя силы, обновиться, сдѣлаться народною, не сдѣлавшись враждебною ни одному изъ всѣхъ другихъ народовъ,— сдѣлаться православною, не сдѣлавшись враждебною ничему инославному ни одному изъ другихъ вѣрованій, которыя признаютъ сыновство и отечество.

Проектъ соединенія церквей. (Примѣчаніе 1-ое).

Проектъ соединенія церквей, **соединенія дѣйствительнаго, а не мнимаго,** какъ парламентъ религій въ Чикаго. Въ чемъ могутъ примириться стародогматцы (старокатолики) и старообрядцы?

Записка, или посланіе, отъ неученыхъ къ ученымъ духовнаго сана и къ ученымъ военнаго дѣла, отъ неученыхъ, т. е. отъ всѣхъ несущихъ воинскую повинность, отъ ихъ матерей и родственниковъ,—отъ неученыхъ, кои при **всеобщей** воинской повинности,—**повинности необходимой,—не могутъ не признавать** военное дѣло—**дѣломъ общимъ, и потому не могутъ признать** достаточными тѣ опредѣленія, которыя военному дѣлу обыкновенно даются, ибо эти опредѣленія не обнимаютъ тѣхъ дѣлъ, на которыя войска и въ настоящее время употребляются, каковы дѣйствія противъ саранчи, наводненій и т. п., т. е. не обнимаютъ дѣйствія войска противъ стихійной, слѣпой силы; дѣйствія, нынѣ игнорируемыя, и которыя, —будемъ надѣяться,—станутъ, должны стать главнымъ и, наконецъ, единственнымъ дѣломъ,—**дѣломъ общимъ**, дѣломъ **всѣхъ** безъ исключенія; записка эта, или посланіе, доказывая, что храмовая служба **съ безкровною жертвою** была приготовленіемъ (воспитаніемъ) къ внѣ-храмовому **безкровному дѣлу,** заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ моленіе къ **духовнымъ** о благословеніи **военныхъ** на этотъ новый подвигъ, подвигъ безкровный.

Самое ненавистное изъ всѣхъ раздѣленій есть раздѣленіе церквей. Названіе именно-**ненавистнаго** должно быть дано раздѣленію церквей, какъ самой глубокой розни; и православіе, вопреки мнѣнію славянофиловъ, вовсе не есть **терпимость** къ раздѣленію; православіе, напротивъ, есть **печалованіе** о всякомъ раздѣленіи, печалованіе, для проявленія котораго во всемъ величіи и широтѣ теперь **только** наступаетъ время, **теперь,** т. е. послѣ 12 августа 1898 г. Точно также нельзя возводить терпимость и въ **добродѣтель,** какъ дѣлаютъ это западники, подражая Западу: возводить терпимость, индеферентизмъ, въ добродѣтель, это значитъ утратить всякую надежду на то великое благо, которое могло бы объединить всѣхъ. Западъ, говорятъ его поклонники, долгимъ и труднымъ историческимъ процессомъ доработался до принципа вѣротерпимости; т. е. дошелъ, слѣдовательно, до этого принципа, извѣрившись послѣ долгой умственной жизни, создавъ множество системъ, истинъ, оказавшихся равно неудовлетворительными. Послѣ такого процесса немудрено придти въ отчаяніе и остановиться на принципѣ вѣротерпимости,—но какъ могли дойдти до такого от-

чаянія наши западники и славянофилы? Судя по этому, можно полагать, что мы не принадлежимъ къ тѣмъ свѣжимъ, полнымъ надеждъ племенамъ, которыхъ исторія выводитъ на смѣну утратившихъ всякое упованіе,—или же наша интеллигенція (Западники и Славянофилы) совершенно чужды народу. Терпимость требуетъ лишь бездѣйствія, требуетъ только не дѣлать зла иновѣрнымъ, инославнымъ и, вообще, не согласнымъ съ нами; а печалованіе, напротивъ, требуетъ, и требуетъ повелительно, не бездѣйствовать, печалованіе побуждаетъ, нудитъ употребить всѣ силы на водвореніе въ мірѣ мира, согласія. Вопросъ о соединеніи церквей и можетъ показать нашу истинную стоимость, цѣнность, т. е. мы тогда окажемся достойными, когда проявимъ неустанную, не смущающуюся никакими неудачами, никакими препятствіями дѣятельность въ виду великой цѣли, великаго блага не только будущихъ, но и всѣхъ безъ исключенія прошедшихъ поколѣній. Что же касается славянофиловъ и западниковъ, то между ними нѣтъ различія въ принципѣ, ибо какъ первые, такъ и послѣдніе желаютъ не только терпимости, но и **уваженія** къ чужой вѣрѣ, уваженія, слѣдовательно, къ тому, что считаемъ ложью и порокомъ, каковы, напримѣръ, папская непогрѣшимость—у католиковъ, личная непогрѣшимость—у протестантовъ; нужно не уважать зло, а именно печаловаться, т. е. нужно стараться понять причины существованія зла и изыскивать средства, путь **къ соединенію раздѣлившихся**, къ примиренію не согласныхъ и прежде всего, конечно, къ устраненію раздѣленія церквей, какъ самаго ненавистнаго изъ всѣхъ раздѣленій. Религіозная рознь есть величайшій, **закорѣнелый** порокъ, благодаря которому мы такъ легко представляемъ себѣ **множество религій**, какъ **что то совершенно естественное;** тогда какъ нѣтъ ничего нравственно, или родственно,—неестественнѣе **раздвоенія** религіи. Этотъ порокъ былъ бы непростительнымъ, если бы не выражалъ собою лишь **религіознаго несовершеннолѣтія**. Въ чемъ заключается религіозное несовершеннолѣтіе, это можно видѣть изъ того, что было сказано о рѣчахъ Амвросія и Антонія. Амвросій видѣлъ въ вызываніи пушечными выстрѣлами дождя дерзость, **противленіе Господу, смѣшивая слѣпую чувственную природу** съ Богомъ, и не входя въ объясненіе, въ чемъ собственно состоитъ эта дерзость или противленіе; другіе же видятъ въ этихъ дѣйствіяхъ посягательство на Божественную власть, на желаніе отнять у Бога орудіе наказанія; не очевидно ли, что люди представляются при этомъ въ состояніи дѣтства, т. е. въ такомъ состояніи, при которомъ наказанія необходимы, неизбѣжны; не говоря уже о томъ, что самое это дѣтство представляется въ высшей степени испорченнымъ, т. е. ребячествомъ, что люди представляются при этомъ такими дѣтьми, которыя боятся только розги, и дѣлаютъ все лишь изъ подъ палки, а какъ только не видятъ палки, становятся заносчивыми и дерзкими; и такое состояніе рода человѣческаго представляется не временнымъ лишь, а вѣчнымъ. Вмѣстѣ съ такимъ представленіемъ людей и Богу приписываются, какъ свойства, такія его состоянія,—какъ Судія, Господь, или Владыко,—которыя вызываются нашимъ лишь несовершен-

нолѣтіемъ; называя же при этомъ Бога и Отцомъ, представляютъ Его, слѣдовательно, такимъ отцомъ, который оставляетъ своихъ дѣтей въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи. Тотно также и Антоній, говоря въ своей рѣчи о догматѣ Пресвятой Троицы, видитъ въ этомъ догматѣ только нравственную идею, мысль, а не образецъ для соединенія и не планъ для совокупнаго дѣйствія рода человѣческаго; Антоній не представляетъ даже возможнымъ такое дѣйствіе, не считаетъ его и нужнымъ. Но не достаточно только **мыслить** о Богѣ; и самое **слово** о Богѣ не заключаетъ еще въ себѣ религіознаго совершенства; чтобы достигнуть религіознаго совершенства, нужно быть **орудіемъ** воли Божіей, а такимъ одудіемъ можно быть только въ совокупности, вмѣстѣ со всѣми; въ спорахъ же и ссорахъ можно видѣть лишь ребячество, какъ въ раздѣленіяхъ,—вообще,—несовершеннолѣтіе, дѣтское состояніе, дѣтскій возрастъ; въ раздѣленіи же церквей, въ религіозной розни, выражается религіозное несовершеннолѣтіе человѣческаго рода, несовершеннолѣтіе не въ догматѣ лишь, но и въ самой жизни. Можно ли однако оставаться въ состояніи несовершеннолѣтія безнаказанно? Оставаться въ несовершеннолѣтіи, надѣясь на безнаказанность, не значитъ-ли разсчитывать на косненіе, о которомъ говоритъ ап. Петръ въ 9 ст. 3 гл. 2-го своего посланія? А между тѣмъ наказанія, или бѣдствія, предшествующія кончинѣ, уже начались, они-то и вызвали вопросъ о примиреніи и соединеніи для защиты отъ этихъ бѣдствій,—отъ голода, язвы и войны;—остается, слѣдовательно, признать, что наказанія эти неизбѣжны, что безусловно неизбѣженъ, фаталенъ и конецъ;—но въ томъ же мѣстѣ посланія ап. Петра говорится о Божественномъ долготерпѣніи въ надеждѣ на то, что **всѣ** придутъ къ покаянію; не значитъ-ли это, что предсказанія о концѣ **только** условны, что фатализма въ христіанствѣ нѣтъ и что эти предсказанія суть только побужденія къ дѣлу, которое можетъ предупредить гибель, конецъ,—побужденія для находящихся еще въ дѣтствѣ, въ несовершеннолѣтіи, для питающихся лишь **„млекомъ“**, по выраженію апостола; не значитъ ли это, что проповѣдь Христіанства можетъ быть успѣшна, объединеніе можетъ совершиться, и что переходъ въ этомъ случаѣ къ новому небу, къ новой землѣ, будетъ безъ катастрофы, безъ суда, будетъ дѣломъ самого рода человѣческаго, какъ послушнаго орудія Божественной воли,—**„и на судъ не пріидутъ, но отъ смерти въ животъ“**? Если воскрешеніе ограничилось только Лазаремъ, и то не для безсмертія, если за воскресеніемъ Христа не послѣдовало всеобщее воскресеніе, то причину этого не должно-ли искать въ нашей собственной винѣ, въ нашей бездѣятельности, въ нашей розни; а вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно-ли видѣть въ этомъ и Божественной благости, желающей дать участіе всѣмъ въ дѣлѣ воскрешенія, желающей, чтобы мы сами были исполнителями, а не противниками Божественной воли? Но если воскресеніе не совершится по нашей доброй волѣ, то оно совершится помимо, вопреки, противъ нашей воли; и въ этомъ случаѣ не всѣ въ разумъ истинный придутъ, всеобщаго объединенія, всеобщаго раскаянія не будетъ, а будетъ неумолимый страш-

ный судъ; и потому не только позволительно спросить, но не позволительно не задаться вопросомъ,—что надо дѣлать, чтобы проповѣдь Христіанская имѣла успѣхъ, чтобы всѣ покаялись, чтобы всѣ въ разумъ истинный пришли? Предлагаемый проектъ и есть попытка къ постановкѣ этого вопроса.

Христіанство распалось прежде, чѣмъ оно,—а съ нимъ и человѣческій родъ,—успѣло достичь совершеннолѣтія, т. е. прежде, чѣмъ успѣло устроиться по образцу нераздѣльной и несліянной Троицы, чтобы приступить къ общему дѣлу, или къ службѣ внѣхрамовой, исключающей войну внѣшнюю и внутреннюю; Христіанство распалось прежде даже, чѣмъ этотъ коренной догматъ былъ вполнѣ сознанъ, т. е. получилъ архитектурно-живописное выраженіе,—выраженіе въ храмовой росписи и въ храмовой службѣ,—вечерней, утренней, обѣденной, въ стихирахъ, канонахъ, паремiяхъ, въ апостолѣ и евангеліи,—словомъ—въ особомъ праздникѣ, а потому и въ особомъ храмѣ-школѣ, т. е. Христіанство распалось прежде, чѣмъ догматъ Пресвятой Троицы сталъ образовательнымъ, педагогическимъ орудіемъ, прежде соединенія храма со школою. (См. Роспись храма и Предисловіе къ сказанію о построеніи обыденной церкви, т. 166 й чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.). Это распаденіе извѣстно подъ именемъ раздѣленія церквей,—этого великаго грѣха противъ нераздѣльной Троицы, до сихъ поръ неискупленнаго, неисправленнаго. Западная церковь, узурпируя право вселенской, создала особый праздникъ Св Троицы; но этотъ праздникъ сталъ выраженіемъ лишь догмата, а не заповѣди, вѣры безъ дѣла и храма безъ школы; въ восточной же церкви, хотя и не былъ установленъ особый праздникъ Св. Троицѣ, но общее мнѣніе, народный голосъ усвоилъ дню **Сошествія Св. Духа** наименованіе Св. Троицы, т. е. первому дню собиранія, объединенія, усвоили наименованіе Троицы, полагая, конечно, что въ объединеніи многихъ, или, вѣрнѣе, **всѣхъ**, и заключается сущность праздника Троицы; и этимъ догмату нераздѣльной и несліянной Троицы давалось значеніе образца, заповѣди для общества, для всего человѣческаго рода; и понятно, что такой образецъ требуетъ соединенія не мнимаго, а дѣйствительнаго, не внутренняго лишь, но и внѣшняго; при чемъ ограничивать соединеніе только политическимъ, конечно, нельзя, но и устранять политическое соединеніе также не должно,—развѣ можно внутренно, мысленно пребывать въ любви, а внѣшне—въ непрестанной враждѣ и войнѣ? Раздѣленіе церквей, будучи вмѣстѣ и раздѣленіемъ политическимъ, было именно освященіемъ послѣдняго, благословеніемъ **Запада на войну съ Востокомъ,** на завоеваніе Восточной Имеріи, что и случилось въ такъ называемый 4-й крестовый походъ. Папству нуженъ былъ для борьбы съ Восточными Императорами анти-императоръ, и Левъ III-й короновалъ Карла Великаго; но анти-императоромъ онъ былъ, пока признавалъ возможнымъ или отдѣльное существованіе, или же господство надъ Восточнымъ Императоромъ. Возстановленіе западнаго императорства не было однако признаваемо за раздѣленіе Имперіи даже и тогда, когда на Востокѣ былъ

опять свой императоръ, потому что два императора въ христіанской мысли тогдашняго времени, должны были составлять одно по образу Троицы, какъ это видно изъ словъ императора Людовика II-го: «toutefois, si les patriarches, pendant le saint sacrement et le sacrifice, ne mentionnent qu' un empire unique, ils ont raison, car l'empire est un: à savoir celui du Père, du Fils et du Saint—Esprit»; и еще—«Dieu n'a pas donné cette part à gouverner à moi seul, mais à tous les deux à cette condition, que nous soyons tellement unis entre nous par liens de la charite qu' aucune division ne subsiste entre nous» и проч.*) Поэтому политическое соединеніе должно предшествовать церковному; — папскія благословенія на священную войну запада съ востокомъ были бы безсильны если бы не было политическаго раздѣленія. Всѣ императоры, согласно съ историческимъ значеніемъ этого сана, должны составлять **одного**; только въ наше время, утратившее смыслъ исторической жизни, и возможно говорить о многихъ императорахъ—**не какъ объ одномъ**; для насъ уже не понятно значеніе этого **мы** въ устахъ Императора Востока, или Россіи—3-го Рима; а происхожденіе его, очевидно, относится къ тому времени, когда сама необходимость заставляла имѣть нѣсколькихъ императоровъ, не нарушая однако единства, которое составляло самое существенное свойство императорской власти, съ которою былъ связанъ **міръ** всего тогдашняго **міра**. Это единство при множествѣ, конечно, фикція и даже нѣчто мистическое, какъ находятъ нѣкоторые; но въ настоящее время эта фикція должна и можетъ сдѣлаться дѣйствительностью, въ ней не будетъ ничего ни фиктивнаго, ни мистическаго, если будетъ признано, что противъ усиливающихся неурожаевъ необходимо принять радикальную мѣру, придавъ войску всѣхъ государствъ значеніе естествоизслѣдовательной силы. Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ быть расширяема до дѣйствительной всеобщности, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу **въ дѣлѣ для всѣхъ необходимомъ**, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ случайностей, отъ капризовъ погоды. Такою помощью селу будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ соціализму, этой внутренней войнѣ, войнѣ гражданской, междоусобной, которая есть произведеніе города, вызванное неестественнымъ развитіемъ искусственныхъ потребностей. Тогда и церкви разныхъ исповѣданій,— соединившись во внѣхрамовомъ дѣлѣ, давши войскамъ благословеніе на новый ихъ **безкровный подвигъ**, къ которому просвѣщеніе народа, (т. е. храмовая служба), **будетъ приготовлять и содѣйствовать** поучительною росписью и **самою службою**, —соединятся не въ догматѣ только, но и въ обрядѣ, т. е. въ воспитаніи; это и будетъ соединеніемъ въ храмовой литургіи, въ храмахъ-школахъ, и

*) „Однако, если патріархи при возношеніи св. даровъ поминаютъ только одну имперію, они правы, потому что имперія одна подобно тому, какъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ"; и еще—„Богъ не отдалъ эту часть въ управленіе одному мнѣ, а намъ обоимъ, на томъ условіи, чтобы между нами было такое единство чрезъ союзъ любви, чтобы ни какого раздѣленія между нами не было.

храмовая служба при этомъ будетъ лишь крестнымъ знаменіемъ, полагаемымъ при началѣ дѣла; самая безкровная жертва будетъ напутствіемъ къ другой жизни, которая начнется на землѣ же послѣ перехода отъ кровавыхъ подвиговъ къ безкровному подвигу. Соединеніе въ догматѣ есть мнимое соединеніе; соединеніе въ обрядѣ есть соединеніе въ общемъ воспитаніи, въ воспитаніи по одинаковому методу,—въ храмахъ нагляднаго образованія,—(а не наглядное образованіе по картинкамъ жанровой живописи, или еще хуже, по педагогической живописи).—Вопросъ о соединеніи въ обрядѣ есть вопросъ о томъ, долженъ-ли и Западъ признать соединеніе школы,—т. е. знанія,—съ храмомъ, или съ общимъ дѣломъ? Долженъ-ли и западъ, забывъ о гордости, построить въ память русскаго подвижника при всѣхъ своихъ костелахъ и киркахъ школы-храмы, посвященные Пресвятой Троицѣ.

Въ дѣлѣ такого соединенія церквей разныхъ исповѣданій наилучшими союзниками могутъ быть старокатолики, какъ бы предназначенные для этой цѣли, способные и почти ставш'е коммиссіею по вопросу о соединеніи церквей, судя по словамъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей старокатолицизма (Овербека): «Намъ (Старокатоликамъ) предстоитъ примирить эти два направленія (католицизмъ и протестантизмъ) .. и съ помощью Востока стать снова православными; не ограничиваясь возстановленіемъ нашего единства съ Востокомъ, мы должны привлечь къ нему весь Западъ». Не принявши догматическихъ новшествъ, старокатолики были оставлены папистами, не приняты и протестантами; выдѣленные, такимъ образомъ, отъ Запада, они могутъ сдѣлаться и даже дѣлаются естественными союзниками Востока, (Восточной церкви),—но не единовѣрцами, почему и могутъ стать посредниками между восточными и западными исповѣданіями, а также между католиками и протестантами, сохраняя въ тоже время тѣснѣйшую связь съ учеными всѣхъ странъ. Тяжесть положенія этихъ людей стараго догмата, ихъ горе, заключающееся въ **отчужденіи отъ народа** и въ отдѣленіи отъ собратій, католиковъ и протестантовъ,- дѣлаютъ ихъ печаль о розни постояннымъ чувствомъ, печалованіемъ, которое и сближаетъ ихъ съ православіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ естественнѣе для сословія,—чувствующаго тяжесть розни, для сословія ученыхъ, т. е. познающихъ,—поставить своею задачею раскрытіе причинъ разъединенія и постоянное исканіе средствъ къ соединенію. Этимъ и объясняется, почему старокатолики отъ самаго зарожденія своего ищутъ союзниковъ, составляютъ съѣзды, собираютъ соборы даже международные, такъ какъ подготовлять, облегчать дѣло соединенія церквей есть ихъ первая, самая существенная задача; въ этомъ—весь старокатолицизмъ, хотя органъ старокатоликовъ, носящій названіе, прямо указывающее на эту ихъ задачу,—**„Международное Богословское Обозрѣніе“**,—и ставитъ эту задачу на второе лишь мѣсто,—поставивъ на первомъ мѣстѣ ознакомленіе съ основоположеніемъ и вѣроученіемъ старокатолической церкви; а между тѣмъ ихъ вѣроученіе и основоположеніе должны вытекать изъ дѣла соединенія,

такъ что основной догматъ Христіанства, Тріединство, будетъ имъ образцомъ и заповѣдью соединенія, какъ это было изложено по поводу рѣчи Антонія,—будетъ заповѣдью соединенія, въ общемъ дѣлѣ, устраняющемъ причины розни, приготовляющемъ къ внутреннему соединенію, т. е. къ единомыслію, къ единодушію,—это—догматъ спасенія живою вѣрою, выражающеюся въ школѣ-храмѣ, приготовляющемъ къ общему дѣлу. Въ чемъ можетъ заключаться начало этого дѣла, объ этомъ было сказано, въ разборѣ слова Амвросія Харьковскаго, въ чемъ же будетъ его полное выраженіе, объ этомъ будетъ сказано ниже. Въ виду такой посреднической роли старокатоликовъ нельзя желать немедленнаго ихъ соединенія, соединенія уже въ настоящее время, даже съ Греко-Россійскою церковью, потому что, сдѣлавшись христіанами по восточному обряду, они утратили бы силу своего нейтральнаго между церквами положенія. Если бы соединеніе съ старокатоликами произошло, какъ это предполагается въ настоящее время, только въ догматѣ, съ сохраненіемъ каждою церковью своихъ особыхъ обрядовъ, то и при этомъ посредническая роль старокатоликовъ лишилась бы силы. Да и какое значеніе можетъ имѣть примиреніе только въ догматѣ безъ примиренія въ обрядѣ и жизни? Примиреніе въ мысли, т. е. въ мнѣніи, не есть-ли мнимое;—примиреніе, не исключающее войны, можетъ ли считаться дѣйствительнымъ примиреніемъ? Примиреніе въ догматѣ безъ примиренія въ обрядѣ, безъ усвоенія — **того обряда, который есть вѣрное выраженіе догмата,** не будетъ ли единомыслiемъ безъ единодушія, которое не можетъ остаться внутреннимъ, а требуетъ внѣшняго выраженія? Какъ возможно внутреннее согласіе при внѣшнемъ противорѣчіи? Примиреніе въ догматѣ безъ примиренія въ обрядѣ есть не легкомыслiе а чистѣйшая ложь и фальшь, основанная на невѣріи, и даже на пренебреженіи къ вѣрѣ, на индеферентизмѣ, который въ настоящее время является главнымъ врагомъ соединенія церквей, какъ прежде этимъ врагомъ былъ фанатизмъ. (Примѣч. 2-е). И въ самомъ дѣлѣ, какъ произошло отдѣленіе догмата отъ обряда, откуда пошло превозношеніе догмата надъ обрядомъ? Вѣра состоитъ въ единствѣ догмата, обряда и жизни, т. е. въ цѣльности; просвѣщеніе же есть скептицизмъ, раздвоеніе: начальное просвѣщеніе состоитъ въ сомнѣніи относительно обряда, въ пренебреженіи къ нему, въ превозношеніи надъ нимъ догмата; а высшее просвѣщеніе простираетъ сомнѣніе на самый догматъ, отрицаетъ самую догматику. (Примѣч 3-е) Если же начальное просвѣщеніе есть скептицизмъ въ отношеніи обряда, то благоговѣніе къ обряду и тщательное его охраненіе есть необходимая принадлежность невѣжества.— Со времени Флорентійскаго собора и паденія Царь-Града Русскіе, по своей непросвѣщенности, сдѣлались старообрядцами, или, какъ ихъ нынѣ называютъ, раскольниками; Греки же, по своей просвѣщенности, стали православными въ нынѣшнемъ смыслѣ, т. е. индеферентными къ обряду. (Принятіе отъ Грековъ патріаршества, посвященіе Ѳеофаномъ Филарета—совершенно подобно исканію архіерейства раскольниками и принятію ими Амвросія. Съ половины XVII вѣка,

съ 1649 г., начинается православіе и у насъ; первымъ проповѣдникомъ православія у насъ былъ Паисій Іерусалимскій, а потому названіе Никоніанъ, которое раскольники даютъ православнымъ, вѣрнѣе было бы замѣнить названіемъ Паисіанъ. Царь по совѣту съ духовникомъ и Никономъ, подобно Владимиру, рѣшился испытать вѣру Грековъ, проповѣданную Паисіемъ, и узнать, какъ они отправляютъ службу Божію въ своей землѣ, для чего и былъ туда посланъ Арсеній Сухановъ; несмотря, однако, на неблагопріятные отзывы Суханова о Грекахъ, Россія пошла путемъ просвѣщенія и стала православною. Благодаря такому просвѣщенію, православіе, оставаясь во враждѣ со старообрядцами, легко можетъ примириться со старокатоликами, несмотря на заключающееся въ этомъ противорѣчіе. Но задумывая соединеніе церквей на условіи сохраненія каждою изъ нихъ свойственныхъ ей обрядовъ, — что думаютъ произвести, — общеніе или рознь? Западная церковь употребляетъ **„Аллилуіа“**,—эту **древнѣйшую пѣснь**,— какъ выраженіе **радости въ день святой Пасхи**; а Восточная церковь ту же самую пѣснь употребляетъ, какъ **выраженіе печали**, покаянія, во дни поста и особенно **въ седьмицу страстей**;—какое же можетъ быть общеніе между этими церквами?... Напротивъ, имъ нужно разойтись, чтобы не ссориться; соединившіеся въ догматѣ, въ мысли, и расходящіеся при самомъ богослуженіи, достигаютъ, очевидно, такого лишь соединенія, которое можетъ быть названо примиреніемъ развѣ въ полицейскомъ только смыслѣ, т. е. разошлись, чтобы не ссорится; не говоря уже о томъ, что такое **объединеніе чрезъ расхожденіе** нисколько не приближаетъ къ избавленію даже отъ войнъ.—Невѣрующіе,—какъ и вообще образованный и интеллигентный классъ, — считаютъ вздоромъ вопросъ о троеніи или двоеніи, о сугубой или трегубой **Аллилуіа**; но если религія есть почитаніе Бога отцовъ, то **Аллилуіа** есть краткое выраженіе всей религіи, и притомъ оно есть продолженіе почитанія, начатаго нашими отцами, т. е. предками; а потому если мы не имѣемъ вѣры, то не нужно ни троить, ни двоить, а лучше совсѣмъ не говорить **Аллилуіа**; если же мы хотимъ вѣры, то нельзя допускать розни,—иначе двѣ церкви, соединясь въ одинъ хоръ, согласно произнесутъ хвалу Тріединому только дважды, при третьемъ же произнесеніи одна изъ церквей останется безгласною, отказывая въ хвалѣ одному изъ трехъ лицъ Св. Троицы. Впрочемъ, двоеніе хвалы также истинно, ложно же только раздвоеніе самаго хора человѣческаго; при двоеніи сыны человѣческіе совокупно съ Сыномъ Божіимъ воздаютъ хвалу Отцу и Св. Духу, не отдѣляя отъ Нихъ и нашихъ отцовъ. (Въ куполѣ Софійскаго собора въ Вологдѣ изображена Св. Троица и праотцы съ надписью: «пріидите людіе, Тріипостасному Божеству поклонимся»). И одиночное **Аллилуіа** имѣетъ смыслъ, даже расширяя согласіе человѣческое, — къ одиночному **Аллилуіа** могутъ приступить и поклонники исключительно единаго Бога, —Евреи и Магометане,—ибо при одиночномъ **Аллилуіа** сыны и дщери человѣческіе, совокупно съ Сыномъ Божіимъ, нисшедшимъ на землю, и съ Духомъ Святымъ, вдохновляющимъ людей, воздаютъ хвалу Отцу со всѣми

нашими отцами и матерями отшедшими. Религія не исчерпывается, конечно, одной хвалой; не всякъ глаголяй Аллилуіа, даже сугубо и трегубо, внидетъ въ царствіе Божіе; люди не пѣвцы только, не чтецы лишь, (не ученые или мыслители), кромѣ хороваго слова, хоровой пѣсни, нужно хоровое дѣло, дѣло всѣхъ сыновъ и дочерей, лишившихся отцовъ и матерей,—нужно хоровое дѣло, т. е. согласное дѣйствіе, чтобы весь міръ обратился въ хвалебный ликъ. Не во внутреннихъ волненіяхъ, не во внѣшнихъ браняхъ, не въ вопляхъ жертвъ борьбы—хвала Богу согласія, хора; не въ буряхъ и разрушительныхъ ураганахъ, не въ потопахъ и засухахъ—слава Его;—хоровое же дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ и все призвать къ хвалѣ и прославленію Тріединаго; къ земному хору живущихъ нужно призвать хоръ и всѣхъ умершихъ, чтобы вмѣстѣ съ землей и звѣздные, небесные міры стали многоединымъ хвалебнымъ ликомъ... Если Западъ усвоилъ **Аллилуіа радости**, хвалу благодарности, предшествующую исполненію дѣла, а Востокъ **Аллилуіа** скорби, ведущей къ дѣлу, то для истиннаго примиренія нужно не оставаться каждому при своемъ,—что значило бы оставаться въ розни,—но и не отрекаться отъ своего, а нужно взаимное усвоеніе. Въ **Аллилуіа** радости и Аллилуіа печалованія, можно сказать, заключается коренное различіе церквей Восточной отъ Западной. Въ Аллилуіа радости не скрывалась-ли и проповѣдь Св. Франциска противъ аскетизма и весь будущій Renaissance?! Разобщеніе въ чувствахъ, повидимому, предшествовало разобщенію въ мысли.

Полнота и точное соотвѣтствіе внѣшняго выраженія догмата заключается въ объединеніи для воскрешенія; троеніе же и двоеніе **Аллилуіа**, двуперстное и трехперстное крестосложеніе есть также внѣшнее выраженіе догмата, но въ символической лишь формѣ; у насъ, какъ людей простыхъ, у которыхъ цѣнность имѣетъ только дѣло, эти знаки крестосложенія получили первостепенную важность, и можно сказать, что византійскіе споры IV—VII вѣковъ о догматахъ перешли у насъ въ XV—XVII вѣкахъ, т. е. со времени самостоятельности нашей церкви и особенно со времени учрежденія у насъ патріаршества,—въ споры объ этихъ знакахъ; т. е. догматическіе споры о тріединствѣ и двухъ естествахъ въ К-полѣ, у насъ, въ Москвѣ, обратились въ обрядовые споры о двухъ- и трехперстномъ крестосложеніи вмѣсто соглашенія о дѣлѣ, которое подъ этими знаменіями кроется. Старообрядцы, признавая догматъ Троицы, отвергли знакъ перстосложенія, выражавшій эту идею, или догматъ; съ другой стороны и православные, не отвергавшіе догмата о двухъ естествахъ, отвергли двуперстное сложеніе... Впрочемъ, и споры объ идеяхъ согласія, не переходившіе въ дѣйствительное согласіе, были не лучше споровъ о сложеніи перстовъ вмѣсто соединенія лицъ, т. е. всеобщаго объединенія;—не лучше этихъ споровъ были и споры о двухъ естествахъ, о двухъ воляхъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ Христа, вмѣсто соединенія двойного дѣла, священнаго и мірского, въ одно дѣло, которое соединяетъ земную работу пропитанія и оздоровленія съ дѣломъ небеснымъ искупленія, т. е. воскре-

шенія. Но, безъ сомнѣнія, еще хуже то равнодушіе, съ которымъ относятся въ настоящее время къ этимъ знакамъ перстосложенія, не замѣняя ихъ дѣйствительнымъ дѣломъ. (Примѣч. 4-е). Плодомъ равнодушія, или — вѣрнѣе—высокомѣрія, съ которымъ поклонники идеи безъ дѣла относились къ поклонникамъ обряда, т. е. дѣла безъ знанія, было установленіе въ XVIII вѣкѣ **единовѣрія** вмѣсто единаго дѣла,—установленіе единовѣрія, въ которомъ, очевидно, не оставалось даже и вѣры; потому-то, вѣроятно, оно и не нашло себѣ многихъ послѣдователей, и такой способъ примиренія оказался неудачнымъ. Только превращеніе знаковъ дѣла въ самое дѣло можетъ внести миръ, примиреніе; и если Русь, принявъ Западную науку, знаніе, твердо сохранитъ Христіанство, тогда и знаніе она употребитъ на осуществленіе Христіанства на дѣлѣ. Сближеніе наше съ старокатоликами будетъ имѣть важность, и важность величайшую, только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на посредниковъ всеобщаго и притомъ дѣйствительнаго соединенія, соединенія въ дѣлѣ, и всѣми силами будемъ содѣйствовать имъ въ этомъ. Соединеніе же съ ними въ догматѣ буетъ не только безплодно, но и представитъ для насъ особую опасность; — давно уже было сказано, что наше дворянство, усвоившее западное образованіе и западный образъ жизни, уйдетъ въ католицизмъ, а простой народъ въ расколъ, или въ старообрядчество; — соединеніе съ старокатоликами не положитъ ли начала осуществленію этого пророчества, потому что признаніе законною іерархіею старокатолической требуетъ признанія такою же и іерархіи нашихъ старообрядцевъ-раскольниковъ; по крайней мѣрѣ эти послѣдніе такъ думаютъ и, несомнѣнно, этого потребуютъ; и если имъ будетъ въ этомъ отказано, то они будутъ обвинять православныхъ въ облатыненіи, и многіе изъ народа имъ повѣрятъ, и расколъ усилится; а если требованіе ихъ будетъ удовлетворено, то при существованіи,—признанной православіемъ законною,— старообрядческой іерархіи рядомъ съ іерархіею православною, не останется ли эта послѣдняя безъ паствы, не перейдетъ ли большинство народа къ болѣе ему близкой и понятной іерархіи старообрядческой? (Примѣч. 5 е). Точно также признаніе законною іерархіи старокатолической не сдѣлается-ли узаконеніемъ перехода православныхъ дворянъ,— предпочитающихъ католическій обрядъ православному, —въ католицизмъ, не сдѣлается ли это средствомъ, оставаясь номинально православными, быть въ дѣйствительности католиками, слѣдовательно, вполнѣ отчудиться отъ Россіи.

Нельзя не замѣтить также, что простое соединеніе съ старокатоликами не можетъ само по себѣ представлять такой серьезной важности, какъ соединеніе съ другими исповѣданіями,—которымъ принадлежатъ цѣлые народы, обращенные нынѣ въ арміи,— еще и потому, что старокатолики, по выраженію одного писателя, есть армія генераловъ безъ солдатъ, т. е. это сословіе, а не народъ; поэтому, занявшись соединеніемъ съ старокатоликами, забыть о соединеніи съ католиками, протестантами и друг., это значитъ ради одной заблудшейся овцы оставить

на погибель 99 также заблудшихся... Въ вопросѣ о примиреніи съ старокатоликами, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ примиреніи, такъ какъ они не составляютъ особаго народа или государства, и предпочтеніе примиренія съ ними примиренію съ католиками и протестантами было бы предпочтеніемъ мнимаго примиренія примиренію дѣйствительному, которое могло бы избавить отъ двухъ величайшихъ золъ нашего времени, войны внѣшней и войны внутренней,—гражданской, междоусобной, динамитной, подпольной, которая грозитъ обратиться въ открытую.

Очевидно, что примиренію церквей, примиренію не временному, а вѣчному, исключающему войны внутреннія и внѣшнія, примиренію, какъ оно изложено здѣсь, должно предшествовать примиреніе вѣрующихъ съ невѣрующими, примиреніе **знанія** съ **вѣрою,** принятіе наукою христіанства и усвоеніе наукѣ христіанствомъ. Терпимости для этого дѣла, для дѣла примиренія вѣры и знанія, недостаточно; чтобы состоялось ихъ соединеніе, нужно сокрушеніе о раздорѣ вѣрующихъ съ невѣрующими, т. е. нужно печалованіе объ ихъ разъединеніи. Примиреніе это, т. е. дѣйствительное соединеніе, можетъ быть основано прежде всего на познаніи причинъ разъединенія, на познаніи этихъ причинъ учеными, т. е. невѣрующими, и на устраненіи ихъ невѣрующими совокупно съ вѣруюшими,—и затѣмъ на познаніи условій соединенія и на усвоеніи ихъ также тѣми и другими совокупно.

Различіе между терпимостью къ чужимъ вѣрованіямъ и печалованіемъ о несогласіи, требующемъ и ведущемъ къ общему дѣлу, безплодность первой (т. е. терпимости) и противорѣчія, въ ней заключающіяся, лучше всего могутъ быть показаны на рефератѣ Соловьева въ засѣданіи Психологическаго Общества 19-го октября 1891 года— **„О причинахъ упадка Средневѣковаго міровоззрѣнія“.**

Этотъ рефератъ превозноситъ **терпимость** къ чужимъ вѣрованіямъ, и въ тоже время признаетъ необходимость **общаго дѣла;** тогда какъ это послѣднее требуетъ не терпимости, не уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ, мнѣніямъ, а именно **единомыслія;** существованіе терпимости указываетъ на отсутствіе общей мысли и даже на примиреніе съ этимъ великимъ зломъ, т. е. съ разномысліемъ, тогда какъ **общая мысль** лежитъ въ основѣ **общаго дѣла** и въ свою очередь держится только этимъ послѣднимъ. Соловьевъ, лишь упоминая въ своемъ рефератѣ объ общемъ дѣлѣ,—(которое только можетъ, примирить всѣхъ даже вѣрующихъ съ невѣрующими, которое и только можетъ привести всѣхъ къ согласію),—и восхваляя терпимость, (Примѣч. 6-е) въ тоже время проникнутъ самой исключительной, глубочайшей, внутренней нетерпимостью, при соблюденіи, впрочемъ, терпимости внѣшней, т. е. онъ никого не хватаетъ за горло. Объ общемъ дѣлѣ Соловьевъ говоритъ какимъ-то метафорическимъ, или же пантеистически-спиритическимъ языкомъ, какъ бы одухотворяя природу, какъ бы допуская возможность обидѣть ее, а слѣдовательно и выпросить у нея прощеніе;—онъ говоритъ: «Невѣрующіе двигатели... **обидѣли** ту самую приро-

ду, во имя которой многіе изъ нихъ дѣйствовали... И вотъ она, **какъ бы обиженная,** отказывается кормить.» Въ этихъ странныхъ словахъ, очевидно, разумѣется метеорическій погромъ 1891 года, т. е. та именно **общая опасность,—общая для христіанъ всѣхъ видовъ** и не христіанъ, для **вѣрующихъ и невѣрующихъ,**— о которой и нужно было говорить, какъ о приступѣ къ христіанскому дѣлу, о положеніи начала этому дѣлу, **безъ котораго самая вѣра мертва.** (Примѣч. 7-е). Вмѣсто этого Соловьевъ съ любовью останавливается на обвиненіяхъ христіанъ въ нетерпимости, указывая въ каждой главѣ своего реферата на самыя разнообразныя и въ настоящее время немыслимыя проявленія этой нетерпимости. Такъ Соловьевъ говоритъ, что апостолы изгоняли бѣсовъ изъ одержимыхъ, а представители псевдохристіанства для изгнанія бѣсовъ стали умерщвлять одержимыхъ? Гдѣ могъ видѣть Соловьевъ что либо подобное въ настоящее время, чтобы найдти нужнымъ вспомнить это **теперь,** когда **общая опасность призываетъ всѣхъ къ соединенію...** Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о мученіяхъ, которыми пріучали будто бы еретиковъ къ адскимъ мукамъ; въ третьемъ о пролитіи христіанами чужой крови и проч., и проч.,—въ настоящее время невозможное и даже немыслимое, и упоминаніе обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ лишь о нетерпимости Соловьева, ни передъ чѣмъ не останавливающейся. Винить Солозьева за его нетерпимость, конечно, нельзя, потому что пока нѣтъ общаго дѣла, всегда будетъ нетерпимость, (Примѣч. 8-е), и **вся исторія,**—которая, какъ мы увидимъ дальше, можетъ быть сведена къ борьбѣ Востока съ Западомъ (Примѣч. 9-е), **есть лишь выраженіе нетерпимости,** такъ что рефератъ Соловьева составляетъ **только частный случай этого** общаго выраженія нетерпимости, а самъ Соловьевъ—**орудіе такого выраженія.** Нельзя винить, но нельзя не удивляться, что, имѣя передъ собою такое великое дѣло, какъ соединеніе для избавленія отъ голода и войны, дѣло положительное, созидательное, Соловьевъ предпочелъ изложенію этого истинно-новозавѣтнаго дѣла старое дѣло раздора, дѣло отрицательное, ведущее ко враждѣ, разъединенію и разрушенію, при чемъ повторилъ избитыя и, какъ увидимъ сейчасъ, совершенно несправедливыя обвиненія противъ христіанства, которое онъ разумѣетъ подъ именемъ Средневѣковаго міровоззрѣнія, и которое, по его мнѣнію,—а особенно не любимое имъ христіанство восточное,—не только не одно и тоже съ истиннымъ христіанствомъ, но между ними прямая будто бы противоположность. А между тѣмъ, если хотятъ примиренія, то нынѣшнее христіанство неистиннымъ называть не должно; оно и не можетъ быть такъ называемо, ибо оно истинно, но не завершено еще ни по объему, ни по содержанію, оно не перешло еще отъ слова къ общему дѣлу, отъ **тайнодѣйствія** къ **явному дѣлу;** и причина не завершенности христіанства заключается именно въ наукѣ, потому что она изъ служанки богословія стала рабою фабрики и торга,—и, какъ чистая, сдѣлалась безучастною къ такимъ бѣдствіямъ, которыя общи всѣмъ людямъ, а какъ прикладная-сама вноситъ вражду (мануфактура) и усиливаетъ ее (усовершенствованіе воен-

наго искусства). Полуязычество, въ которомъ Соловьевъ обвиняетъ настоящее христіанство, свойственно именно наукѣ, возрожденіе которой связано съ возрожденіемъ литературы древней Греціи и Рима, литературы языческой, а современная наука есть только дальнѣйшее развитіе этой до христіанской еще литературы. При этомъ возрожденіи, или вырожденіи своемъ, наука поставила цѣлью земное наслажденіе, и потому производство предметовъ наслажденія, роскоши,—которые въ тоже время и предметы, производящіе раздоръ,—заняло съ тѣхъ поръ первое мѣсто, сдѣлало жизнь языческою (рознь), объединеніе же, примиреніе всѣхъ въ дѣлѣ спасенія, или искупленія, т. е. христіанство, вынужденное оставаться только вѣрою безъ **единаго** общаго дѣла, обратилось съ тѣхъ поръ въ мертвый догматъ. Не имѣя общаго дѣла, христіанство стало индивидуализмомъ, т. е. спасеніемъ только личнымъ, спасеніемъ врознь вмѣсто общаго спасенія. Вытѣсненное изъ дѣйствительной жизни, христіанство сдѣлалось спиритуализмомъ, т. е внутреннимъ лишь, духовнымъ спасеніемъ, а не воскресеніемъ во плоти; другими словами,—религія вынуждена была удалиться изъ міра, стать внѣмірною, оставивъ міръ наукѣ и ея дщерямъ,— цивилизаціи, т. е. вырожденію душевному, и культурѣ, т. е. вырожденію тѣлесному, вымиранію,—оставивъ родъ человѣческій въ подчиненіи слѣпой силѣ, орудіемъ которой онъ и сдѣлался, какъ въ дѣлѣ производства предметовъ наслажденія и вражды (мануфактура), такъ и въ борьбѣ за нихъ всѣми средствами, всѣми способами, всѣми все болѣе совершенствующимися орудіями взаимнаго истребленія.—Настоящее бездѣйственное христіанство есть компромисъ между религіею и наукою, т. е. взаимное ихъ стѣсненіе: христіанство же, какъ общее дѣло, есть не компромисъ, въ которомъ стѣснены обѣ стороны, а такой союзъ, при которомъ наука изъ безучастной и враждоносной дѣлается живоносною, а религія—**догматизмъ** превращаетъ въ **проективизмъ, индивидуализмъ—въ универсализмъ,** и въ универсализмъ истинный, дѣйствительный, обнимающій всѣ поколѣнія, а не ограничивающійся однимъ лишь живущимъ поколѣніемъ, какъ универсализмъ научный;—спиритуализмъ же религія превращаетъ во всемірный реализмъ (воскресеніе во плоти), ибо задача христіанства, какъ общаго дѣла, состоитъ въ томъ, чтобы объединить всѣхъ въ трудѣ познанія смертоносной силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ видахъ обращенія слѣпой смертоносной силы въ животворную, или точнѣе-оживотворяющую; тогда какъ дѣло науки, остающейся языческою, состоитъ лишь въ томъ, чтобы дать **всѣмъ,** или даже **наибольшему** лишь числу живущихъ, участіе въ комфортѣ, какъ это хочетъ соціологія и обѣщаетъ соціализмъ... Только поставивъ на послѣднее мѣсто планъ спасенія отъ голода, стало возможнымъ громить средневѣковое міровоззрѣніе, т. е. прошедшее и нынѣшнее христіанство, за индивидуализмъ, т. е. рознь, за догматизмъ и спиритуализмъ, не обращая вниманія на то, что христіанство даже не обладало и теперь еще не обладаетъ орудіемъ для соединенія всѣхъ и обращенія мысли (догмата) въ дѣйствіе возвращенія жизни, т. е. души, праху умершихъ, почему и не могло

освободиться отъ догматизма, индивидуализма и сциритуализма; только поставивъ на послѣднее мѣсто планъ спасенія отъ голода, лишивъ его характера плана, стало возможнымъ обратить рефератъ въ объявленіе войны вмѣсто приглашенія къ примиренію. Такъ и сдѣлалъ Соловьевъ, а потому вмѣсто прямаго и возможно полнаго изложенія дѣла, т. е. вмѣсто приглашенія измѣнить компромисъ, или внѣшнюю сдѣлку, на тѣснѣйшій, или внутренно-неразъединимый союзъ, Соловьевъ поднимаетъ старую вражду, старается унизить Іоанна передъ Петромъ, православіе предъ папизмомъ, не замѣчая, конечно, что православіе, не имѣя свѣтской власти, можетъ и должно быть лишь всемірнымъ печалованіемъ о протестанской розни и католическомъ гнетѣ; а въ концѣ концовъ, все дѣло христіанства Соловьевъ видитъ лишь въ уничтоженіи гоненій, въ смягченіи наказаній, въ прекращеніи рабства, т. е. отожествляя христіанство съ такимъ отрицательнымъ дѣломъ, Соловьевъ, очевидно, уничтожаетъ, дѣлаетъ ни на что ненужнымъ общее дѣло. Оказывается, что Соловьевъ не усвоилъ себѣ истиннаго смысла христіанства, какъ общаго всеотеческаго дѣла, передъ коимъ должны умолкнуть всѣ пререканія, потому и рефератъ его весь проникнутъ желаніемъ усилить вражду и безплодные споры... И это въ такое время, когда голодъ 1891 года представлялся даже страшнѣе, чѣмъ оказался въ послѣдствіи, въ такое время, когда вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно объ американскихъ опытахъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, т. е. когда, слѣдовательно, были на лицо такія обстоятельства, которыя при обращеніи военныхъ силъ, вооруженныхъ огненнымъ боемъ, къ изслѣдованію дѣйствія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія, т. е. при обращеніи войска къ общему дѣлу, въ естествоиспытательную силу, могли и должны были возбудить надежду на избавленіе разомъ отъ двухъ величайшихъ бѣдствій, отъ голода и войны. Въ эпоху обращенія народовъ въ арміи и всего выработаннаго знаніемъ въ орудія войны было бы въ высшей степени важно показать, что оружіе м. б. употреблено и на спасеніе отъ голода, что война можетъ быть замѣнена регуляціею; и имѣя предъ собою такое дѣло, не слѣдовало-ли воздержаться отъ возобновленія старыхъ мелкихъ дрязгъ, не слѣдовало ли всѣ силы, все вниманіе устремить на это великое дѣло, если бы даже оно и ограничилось спасеніемъ только отъ голода и войны, не слѣдовало ли постараться **приглашеніе** къ этому святому дѣлу изложить такъ, чтобы приглашаемые могли ясно уразумѣть возможность спасенія въ томъ случаѣ, если бы войску было дано новое назначеніе, если бы войско было обращено въ естествоиспытательную, въ естествоислѣдовательную силу, что помимо даже общей нужды, вызываемой повторяющимися и у насъ и на Западѣ метеорическими погромами, было бы согласно съ общимъ направленіемъ времени, которое стремится, повидимому, обратить всѣхъ въ изслѣдователей и все въ предметъ знанія. Тогда, быть можетъ, и Амвросій Харьковскій не рѣшился бы назвать дерзостью, противленіемъ Господу дѣйствіе войскъ, направленное къ спасенію отъ засухи, къ спасенію отъ голода, отъ смерти, вмѣсто обыч-

наго ихъ дѣйствія, несущаго смерть и разрушеніе. (Слово о христіанскомъ направленіи естествознанія. Церк. Вѣд. 1892 г. № 5-й). Тогда быть можетъ и тѣ, отъ кого это зависитъ, сдѣлали бы уже надлежащія распоряженія о введеніи въ войскахъ наблюденій, необходимыхъ для разрѣшенія вопроса о дѣйствіи на атмосферныя явленія взрывчатыхъ веществъ, вопроса, который не могъ быть разрѣшенъ американскими опытами, и не будетъ разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока къ разрѣшенію его не будутъ привлечены силы, соотвѣтствующія громадности задачи, заключающейся въ дѣйствіи на цѣлую атмосферу, т. е. пока не будутъ привлечены къ этому дѣлу всѣ народы, обращенные нынѣ въ арміи, въ войска. Соловьевъ не въ силахъ былъ подняться на должную для выполненія этой задачи высоту и погрузился во всѣ старыя мелкія дрязги; его не воодушевило величіе дѣла, которое, какъ онъ и самъ понималъ, не ограничивается даже спасеніемъ отъ голода и войны; и вотъ съ любовью поднимая тѣ вопросы, въ которыхъ кроется вражда, Соловьевъ даже избѣгаетъ говорить о томъ, что ведетъ къ миру. Такъ Соловьевъ заявляетъ, что онъ не хочетъ говорить о фактическомъ компромиссѣ; а между тѣмъ то, что Соловьевъ называетъ фактическимъ компромисомъ, есть вовсе не сдѣлка, и компромисомъ названо быть не можетъ, это—неизбѣжная терпимость со стороны существъ, поставленныхъ и остающихся еще въ зависимости отъ слѣпой силы природы. Родъ человѣческій голодаетъ, болѣетъ, умираетъ, впадаетъ въ разнообразные пороки, тщетно борясь съ увлекающимъ его порокомъ.—порокъ остается, хотя бы и побѣждался въ отдѣльныхъ личностяхъ и случаяхъ; и человѣческій родъ вынужденъ переносить все это, онъ можетъ даже и погибнуть, и непремѣнно погибнетъ, если вмѣсто вопроса о фактическомъ компромиссѣ, т. е. вопроса о подчиненіи внѣшней природѣ и объ освобожденіи изъ-подъ·ея власти, вмѣсто выработки орудій для обращенія слѣпой силы въ управляемую совокупнымъ разумомъ всего рода человѣческаго, будетъ заниматься вопросомъ о такъ называемомъ принципіальномъ компромиссѣ, только усиливающемъ споры. **„Я не говорю о фактическомъ компромиссѣ“**, —т. е. другими словами,—я не говорю о дѣлѣ.—заявляетъ Соловьевъ; но если онъ считаетъ христіанство дѣломъ, то обязанъ былъ говорить именно о фактическомъ, а не мысленномъ (принципіальномъ) компромиссѣ,—который измѣнится самъ собою подъ вліяніемъ общаго дѣла, когда оно будетъ. Если бы Соловьевъ понялъ надлежащимъ образомъ то, что самъ называетъ фактическимъ компромисомъ, то не впалъ бы въ буддизмъ, полагая, будто вмѣстѣ съ концомъ компромиса исчезнетъ и жизнь, т. е. если не будетъ **несовершенства**, не будетъ будто бы и жизни. **„Вся наша жизнь... до конца исторіи есть фактическій компромисъ между идеальнымъ началомъ и .. матеріальною средою“**; «когда же идеальное начало осуществится въ матеріальной средѣ вполнѣ, тогда конецъ всякому компромису, но тогда же конецъ исторіи и всему **міровому процессу“**. Такимъ образомъ, по мнѣнію Соловьева, **жизнь** и **несовершенство** также тѣсно связаны, какъ, по буддійскому воззрѣнію, смерть и совершенство ..

Соловьевъ, очевидно, не понялъ, что зло, грѣхъ и, вообще, всякое несовершенство связаны со смертью, а не съ жизнью, что воскрешеніе есть высшая добродѣтель и неотдѣлима отъ совершенства, потому Соловьеву и кажется, будто жизнь несовмѣстна съ совершенствомъ. Соловьевъ не понялъ воскрешенія во всемъ его объемѣ, не понялъ, что **воскрешеніе есть** замѣна историческаго процесса, эволюціи, прогресса, **замѣна того**, что само собою дѣлается, т. е. рождается, а потому и умираетъ; Соловьевъ не понялъ, что переходъ, напр., отъ села въ городъ есть процессъ естественный, въ которомъ слѣдуютъ, отдаются слѣпому животному влеченію, и напротивъ, обратное движеніе, движеніе къ селу, къ праху предковъ, было бы движеніемъ нравственнымъ, вытекающимъ изъ сознанія вреда и блага для цѣлаго рода, и такое движеніе было бы однимъ изъ моментовъ дѣла воскрешенія. Точно также уменьшеніе труда и налога есть процессъ слѣпо-естественный,—добровольное же увеличеніе работы и добровольное увеличеніе налога входитъ въ дѣло воскрешенія, потому что составляетъ переходъ отъ общества, нуждающагося въ надзорѣ, держащагося карою наказаній, къ обществу нравственному, держащемуся силою общаго отеческаго дѣла и взаимознанія, а не внѣшнимъ принужденіемъ, — къ обществу, которое есть братство сыновъ. Соловьевъ подъ дѣломъ воскрешенія, очевидно, разумѣетъ только конечный результатъ, считая его какимъ-то придаткомъ къ прогрессу; тогда какъ дѣло воскрешенія начинается противодѣйствіемъ прогрессу, какъ явленію слѣпому, начинается возвращеніемъ чрезъ посредство воинской повинности отъ городовъ къ селамъ, **къ праху предковъ**, начинается обращеніемъ къ регуляціи, т. е. къ измѣненію смертоносной силы въ живоносную. Впрочемъ, и вся исторія есть дѣло воскрешенія, хотя и состоитъ изъ двухъ періодовъ:— **прошедшаго**, въ которомъ совершалось мнимое, миѳическое, но все же воскрешеніе, и **начинающагося,** въ которомъ будетъ приступлено къ дѣйствительному воскрешенію; періоды эти раздѣлены оргіею нововѣковаго міровоззрѣнія, поставившаго девизомъ memento vivere (исторія послѣднихъ 4-хъ вѣковъ съ эпохи Возрожденія), отрицающаго мнимое и не пришедшаго еще къ дѣйствительному воскрешенію. По нововѣковому міровоззрѣнію, прогрессъ, открытый въ слѣпой природѣ, и особенно въ животномъ царствѣ, примѣнимъ и къ человѣку;— и въ отношеніи человѣка естественный подборъ можетъ быть замѣненъ искусственнымъ въ видахъ улучшенія породы; въ этомъ вѣнецъ прогресса, который составляетъ прямую противоположность воскрешенію, какъ дѣйствію сознательному и долженствующему замѣнить дѣйствіе безсознательное, слѣпое.. **Осуществленіе истины до конца міра невозможно,** — говоритъ Соловьевъ,— и тѣмъ свидѣтельствуетъ, какъ мало онъ думалъ объ общемъ дѣлѣ, которе въ томъ и состоитъ, чтобы предупредить конецъ и земли и всего міра; — конецъ неизбѣженъ лишь для природы, оставленной своей слѣпотѣ. Только уразумѣвъ все это, Соловьевъ понялъ-бы и настоящую терпимость; а безъ этого фанатизмъ постоянно будетъ увлекать его въ сторону отъ общаго дѣла, будетъ заставлять его

поносить несогласныхъ съ нимъ въ мысляхъ.

Отказываясь говорить о фактическомъ компромисѣ, Соловьевъ не хочетъ излагать и ученія о Троицѣ, предпочитая, вмѣсто того, восхвалять **честное магометанство**, т. е. **честный газаватъ**, **честное** многоженство, а также и единство—**какъ иго**, **какъ гнетъ**; а если-бы Соловьевъ изложилъ ученіе о Тріединствѣ, ничего подобнаго въ себѣ не заключающемъ, говорить о которомъ значитъ говорить о примиреніи, объ общемъ дѣлѣ, тогда, быть можетъ, и Антоній, уразумѣвъ, что ученіе о Троицѣ есть планъ объединенія всѣхъ во многоединствѣ по подобію Божественнаго Тріединства, при которомъ не можетъ быть войны ни внѣшней, ни внутренней,—понявъ, что ученіе о Троицѣ есть образецъ такой высочайшей добродѣтели, которой далеко еще не достигло христіанство, не сталъ-бы доказывать въ своей рѣчи—**„О Троицѣ какъ нравственной идеѣ“**—ту безплодную и нехристіанскую мысль, что внѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть добродѣтельной жизни, не сталъ бы сравнивать любовь объединенныхъ по подобію Тріединаго съ любовью матери къ своимъ дѣтямъ и т. п.

Такія умолчанія о томъ, что могло привести къ миру, и поднятіе такихъ вопросовъ, которые не могутъ не возбуждать вражды, тѣмъ не объяснимѣе, что дѣло, о которомъ говорилъ Соловьевъ, не ограничивается даже спасеніемъ отъ голода и войны, а заключаетъ въ себѣ осуществленіе той высочайшей добродѣтели, образецъ которой явленъ въ Божественномъ Тріединствѣ, какъ догадывался объ этомъ и Соловьевъ, который говорилъ въ своемъ рефератѣ, что **„христіанство предполагаетъ дѣйствіе Божіе и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и дѣйствія человѣческаго“**, что **„оно есть дѣло, на насъ возложенное, задача, которую мы должны разрѣшить“** (стр. 2-я). Но что же это за дѣло, которое есть дѣйствіе Божіе и вмѣстѣ человѣческое, что это за дѣло, которое на насъ возложено, и задача, которую мы должны разрѣшить?...

„Христіанство“, продолжаетъ Соловьевъ, **„есть дѣло,— дѣло жизни для человѣчества“** (стр. 7-я). Стало быть, это дѣло, отъ котораго зависитъ наше существованіе, и существованіе не временное, конечно, а вѣчное. Соловьевъ такъ это и понимаетъ, очевидно, говоря нѣсколько выше, —**„Своею смертью и воскресеніемъ Онъ** (т. е. Христосъ) **спасъ міръ въ принципѣ, въ корнѣ, въ центрѣ, а распространить это спасеніе на весь кругъ человѣческой и мірской жизни, осуществить начало спасенія во всей нашей дѣйствительности,— это Онъ можетъ сдѣлать уже, не одинъ, а лишь вмѣстѣ съ самимъ человѣчествомъ“**. Изъ этого ясно, что дѣйствіе божественное и вмѣстѣ человѣческое, дѣло, **на насъ** возложенное, задача, которую **мы** должны разрѣшить, есть спасеніе отъ смерти, есть воскрешеніе, и воскрешеніе не въ мысли только, а настоящее, дѣйствительное, такъ какъ на стр. 11-й Соловьевъ говоритъ, что **„христіанство есть религія воплощенія** (т. е. вочеловѣченія) **Божія и воскресенія плоти“**. Надо думать, что этими словами Соловьевъ хотѣлъ сказать также, что Христосъ воскрешаетъ не какъ Сынъ только Божій, но

и какъ Сынъ человѣческій, для чего и долженъ былъ воплотиться, т. е. вочеловѣчиться... Впрочемъ, все это такъ смутно и неясно, что можно сомнѣваться, догадывался ли самъ Соловьевъ, какой смыслъ заключается въ его собственныхъ словахъ; понималъ ли онъ, напримѣръ, что спасеніе, какъ и искупленіе, есть лишь отвлеченная форма всеобщаго воскрешенія, понималъ ли онъ, что распространить спасеніе **„на весь кругъ человѣческой и мірской жизни“**, какъ и **„осуществить начало спасенія во всей нашей дѣйствительности“**,—значитъ обратить смертоносную силу природы въ живоносную для воскрешенія умершихъ?... Во всякомъ случаѣ заключительныя слова реферата свидѣтельствуютъ, что нѣчто подобное представлялось Соловьеву, и если Соловьевъ не вполнѣ ясно сознавалъ, что общее дѣло есть воскрешеніе, то догадывался объ этомъ;—онъ говоритъ: **Если мы не по имени только, а на дѣлѣ христіане, то отъ насъ зависитъ, чтобы воскресъ Христосъ въ своемъ человѣчествѣ; тогда и историческій Ѳома приложитъ руку свою къ этому дѣствительно во плоти воскресшему христіанству и съ радостью воскликнетъ:“ Господь мой, и Богъ мой!!!“** Нельзя, однако, не замѣтить, что и эти слова, какъ и весь рефератъ, возбуждаютъ множество недоразумѣній; такъ напримѣръ, что значитъ, какъ понять слова —**„чтобы воскресъ Христосъ въ своемъ человѣчествѣ?“** Разумѣть ли ихъ такъ, что Христосъ воскреснетъ, какъ человѣкъ, и это будетъ зависѣть отъ насъ, если мы будемъ христіанами на дѣлѣ; или же не разумѣть ли подъ этими словами воскресеніе всего человѣчества, какъ это можно догадываться изъ словъ,—**„тогда историческій Ѳома приложитъ руку свою къ этому дѣйствительно во плоти воскресшему христіанству“**,—историческій Ѳома т. е. духъ сомнѣнія, скептицизмъ, требующій для своего убѣжденія осязательности, скептицизмъ, не только возможный, но и необходимый, пока мертвые существуютъ лишь какъ мысль, какъ представленіе, а не какъ видимые лицомъ къ лицу, не какъ осязаемые. Можно думать также, что произойдетъ то и другое, т. е. воскреснетъ Христосъ, воскреснутъ и умершіе, и тогда не будетъ уже мѣста сомнѣнію, и весь хоръ живыхъ и ожившихъ, воскрешающихъ и воскресающихъ воскликнетъ: — «Господь мой и Богъ мой»!.. Нельзя не обратить вниманія и на странность выраженія, будто распространить **„спасеніе на весь кругъ человѣческой и мірской жизни, осуществить начало спасенія во всей нашей дѣйствительности“** Христосъ **„можетъ сдѣлать уже не одинъ“**,—т. е. какъ будто Онъ одинъ и не можетъ сдѣлать этого?.. Нѣтъ, это можетъ быть совершено и одною божественною силою; но участіе, которое дается роду человѣческому въ собственномъ спасеніи, есть выраженіе величайшей любви, величайшей благости къ людямъ Бога, нашего Отца. Спасеніе не только можетъ, но и произойдетъ помимо участія людей, если только они не объединятся въ общемъ дѣлѣ; но это спасеніе будетъ только для отдѣльныхъ избранныхъ, въ отношеніи же остальныхъ оно будетъ выраженіемъ гнѣва; а потому вся наша забота, все наше вниманіе должно быть обращено на то, чтобы не прогнѣвить

Господа, на то, чтобы всѣмъ въ разумъ истинный придти, чтобы состоялось всеобщее объединеніе, путь къ которому во всеобщемъ образованіи, въ связи съ всеобщею воинскою повинностью, переходящею отъ войны съ себѣ подобными къ регуляціи слѣпой силы. И по Евангелію конецъ міра наступитъ лишь тогда, если объединеніе не состоится, если проповѣдь Евангелія окажется безуспѣшною;—голодъ же и болѣзни есть лишь начало конца. Если же объединеніе въ общемъ дѣлѣ состоится, въ такомъ случаѣ конца и не будетъ, потому что въ этомъ случаѣ конецъ міроваго процесса, совершающагося въ насъ и внѣ насъ, будетъ превращеніемъ этого слѣпого хода земли и всѣхъ міровъ въ управляемый совокупнымъ разумомъ всѣхъ ожившихъ, воскресшихъ поколѣній. Что и Соловьевъ подъ общимъ дѣломъ разумѣетъ именно воскрешеніе всего человѣческаго рода, это видно изъ отрицанія имъ догматизма, какъ мысли, не переходящей въ дѣло, изъ отрицанія индивидуализма какъ розни и изъ отрицанія спиритуализма, потому что онъ не допускаетъ тѣлеснаго воскресенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ Соловьевъ объ общемъ дѣлѣ, о воскрешеніи, не только не высказывается нигдѣ ясно и открыто, а такъ постарался скрыть свою мысль, что въ послѣдовавшихъ за его рефератомъ преніяхъ не было даже упомянуто ни объ общемъ дѣлѣ, ни о воскресеніи, и самъ Соловьевъ не выказалъ нималѣйшаго желанія направить пренія на настоящій путь, и всѣ 800 гостей, выслушавшихъ **въ закрытомъ засѣданіи** психологическаго общества рефератъ Соловьева, поняли, конечно, подъ воскресшимъ христіанствомъ возстановленіе лишь истиннаго христіанскаго ученія, хотя самъ Соловьевъ придавалъ слову **христіанство** не отвлеченный смыслъ ученія, а собирательный, и не братства **лишь** живущихъ,—подъ словомъ **христіанство** Соловьевъ несомѣнно понималъ **совокупность всѣхъ живыхъ и умершихъ.** Опасаясь больше всего быть смѣшнымъ,—другой опасности для Соловьева и не могло, конечно, быть въ нашемъ столь якобы нетерпимомъ обществѣ,—Соловьевъ не имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы открыто и прямо сказать, что задача, дѣло общее, многовѣковое, дѣло Божіе и вмѣстѣ человѣческое – есть **всеобщее воскрешеніе**; и потому вмѣсто прямого утвержденія воскрешенія, какъ дѣла общаго, Соловьевъ говоритъ о внутреннемъ перерожденіи, которое для апостоловъ и первой христіанской общины совершилось въ день Пятидесятницы,—этого общаго миропомазанія христіанской общины,—а **„церковь въ обширномъ смыслѣ, христіанское человѣчество во всемъ объемѣ, до сихъ поръ еще не дожило до своей пятидесятницы“** (стр. 4-я Реферата). Но если пятидесятницѣ, т. е. минутному восторгу, энтузіазму Соловьевъ приписываетъ силу перерожденія, то не значитъ ли это, что онъ ограничиваетъ христіанство только мессіанскимъ дѣломъ, т. е. объединеніемъ лишь духовновозрожденныхъ чрезъ слово, или проповѣдь, ограничиваетъ, слѣдовательно, христіанство только духовнымъ объединеніемъ, т. е. тѣмъ, что выражено въ Троицѣ Мессіанской, за которою естественно слѣдуетъ день пятидесятницы, вдохновенія, духовнаго возрожденія. Но ограничивая христіанство духовнымъ лишь объединеніемъ,

Соловьевъ, не противорѣча себѣ, не можетъ признавать и Троицы общаго дѣла, за которой должно слѣдовать объединеніе въ регуляціи, воздѣйствіе на матеріальную природу, воздѣйствіе, закрѣпляющее и поддерживающее духъ всѣхъ на высотѣ подъема, даннаго духовною пятидесятницею. Далѣе Соловьевъ признаетъ, что **„Золотой вѣкъ“** (т. е. первые вѣка) христіанства не былъ совершенствомъ; но онъ не говоритъ, что несовершенство заключалось **въ пассивномъ ожиданіи катастрофы**,— которая считается возможною и невѣрующими (только сими послѣдними ожидается не чудодѣйственная катастрофа) и первое начало которой, т е. катастрофы, можно видѣть и теперь въ метеорическихъ погромахъ... Кто признаетъ **дѣло**, тотъ необходмо долженъ указать на пассивность, какъ на великій недостатокъ; для признающихъ дѣло и мученничество должно представляться препятствіемъ, ибо мученичество предполагаетъ мучителей, предполагаетъ, слѣдовательно, разъединеніе, несогласіе; для общаго дѣла необходимо было показать не то, чѣмъ первые вѣка были выше нынѣшнихъ, а то, чего имъ не доставало для совершенства. Соловьевъ же только караетъ и укоряетъ своихъ враговъ (т. е. средневѣковое, православное христіанство) въ несовершенствѣ и вовсе не указываетъ пути къ совершенству. Признавая мученичество высшимъ совершенствомъ, невѣрующіе употребили всѣ силы для доказательства, что гоненія не были ни такъ продолжительны, ни такъ обширны, какъ это думаютъ вѣрующіе; и Соловьевъ, неизвѣстно зачѣмъ, повторяетъ эти утвержденія; а, между тѣмъ, мученичество не составляетъ совершенства для человѣчества, взятаго въ цѣломъ, для родственнаго чувства коего и мученики и мучители не чужіе, а родственныя существа. Первое условіе общаго дѣла не имѣть ни гонимыхъ, ни гонителей, ни мучениковъ, ни мучителей, а потому, преимущество, приписываемое Соловьевымъ первымъ христіанамъ и заключающееся въ мученичествѣ, важнаго значенія не имѣетъ; если же это преимущество первыхъ вѣковъ надъ послѣдующими было бы такъ велико, какъ представляетъ это авторъ реферата, то христіанскимъ апологетамъ слѣдовало бы молить объ усиленіи гоненій, а не о прекращеніи ихъ, ибо прекращеніе гоненій вело къ средневѣковому міровоззрѣнію, которое Соловьевъ считаетъ себя призваннымъ громить, и не хочетъ указать выхода изъ диллемы,—быть или гонимыми, или же гонителями.

19-е октября 1891 г. могло бы сдѣлаться величайшимъ днемъ, днемъ, когда было бы положено начало христіанству, какъ общему всеотеческому дѣлу, когда было бы приступлено къ рѣшенію возложенной на человѣческій родъ задачи, если бы Соловьевъ, сказавъ, что христіанство есть общее дѣло, тотчасъ же не повторилъ той самой ошибки, въ которой упрекаетъ любимаго ученика Христова и его брата, пожелавшихъ низвести огонь на самарянскую весь; – и Соловьевъ пожелалъ разрушить, сокрушить нынѣшнее христіанство и въ осебенности нелюбимое имъ православіе, пожелалъ доказать не только не истинность, но и противоположность его истинѣ. Такимъ образомъ, общее всеотеческое дѣло стало для Соловь-

ева **„внѣшнимъ лишь фактомъ“** и весь рефератъ обратился, вмѣсто приглашенія къ разработкѣ проекта общаго дѣла, въ объявленіе войны... А, между тѣмъ, это приглашеніе не терпѣло отлагательства ни на минуту, ибо тотъ вопросъ, къ разрѣшенію коего предполагалось пригласить, вызвалъ бы къ жизни даже натуралистовъ, неговоря уже о духовномъ и военномъ сословіяхъ, такъ какъ опыты, давшіе основаніе къ постановкѣ этого вопроса, указывали на возможность не только искорененія неурожаевъ въ ихъ основныхъ причинахъ, не только на избавленіе отъ метеорическихъ погромовъ **лишь въ будущемъ**, но и на возможность избавленія отъ засухъ въ однихъ мѣстахъ и разрушительныхъ ливней -- въ другихъ,—**даже въ настоящемъ**,—когда слѣпыя силы Востока съ его изсушающими вѣтрами и влажные вѣтры слѣпого Запада соединились противъ насъ и требуютъ, вопіютъ о соединеніи разумныхъ силъ, о соединеніи всѣхъ народовъ Востока и Запада, требуютъ возвышенія въ разумную силу темнаго, по его собственнымъ словамъ, народа.. Но чтобы соединиться для общей **помочи** бѣдствующимъ отъ голода, необходимо сознаніе,— сознаніе о постоянномъ усиленіи неурожаевъ въ будущемъ и о необходимости противодѣйствовать такому усиленію соединенными силами. Возбужденіе такого сознанія или, по крайней мѣрѣ,такая постановка этого вопроса, которая сдѣлала бы его предметомъ обсужденія, было бы славою 19 октября 1891 г.; и мы глубоко и горько сожалѣемъ, что обстоятельства помѣшали этому дню сдѣлаться славою Соловьева, обстоятельства, какъ Соловьевъ выражается, **публичнаго** свойства; но **публичное** есть злоупотребленіе **общественнаго**; однако употребленіе времени даже на общественное не есть еще благое его употребленіе, въ особенности когда оно могло быть упореблено на **общее всепримиряющее дѣло**, въ коемъ ничего нѣтъ суетнаго и которое не вызвало бы противъ Соловьева вражды, нелишенной въ настоящее время основанія. Есть люди, которые въ такомъ возбужденіи вражды, въ намѣренномъ ея вызываніи, видятъ пробужденіе общества; но такое пробужденіе совершенно суетно, ибо пробужденные такимъ образомъ, переругавшись, погружаются въ еще большую спячку. Если бы мы были врагами Соловьева, то пожелали бы ему полнаго торжества надъ защитниками православія, потому что тогда вполнѣ выяснилась бы роль, которую Соловьевъ принялъ на себя, сдѣлавшись обвинителемъ православія, выискивая въ немъ все самое дурное... И въ самомъ дѣлѣ, въ кого Соловьевъ обратился при этомъ?... Споръ напоминаетъ канонизацію, при которой являются съ одной стороны выискивающіе все доброе, а съ другой—выискивающіе все злое, первые называются адвокатами Божіими, а послѣдніе, выискивая всѣми способами все злое, и сами дѣлаются злыми, овладѣваются непріязнью къ обвиняемому до ослѣпленія, и благодаря этому выискиваютъ въ обвиняемомъ пороки, даже несовмѣстимые. Такъ и Соловьевъ желаетъ видѣть въ православіи и фанатизмъ, и равнодушіе, т. е. пороки, очевидно, несовмѣстимые. Кромѣ того, фанатизмъ у церкви, не имѣющей свѣтской власти, можетъ быть только словомъ, а не дѣломъ, и

будетъ служить указателемъ не равнодушія, а ревности, такъ что въ православіи фанатизмъ не порокъ, а добродѣтель, если равнодушіе къ истинѣ и благу есть порокъ. Вѣротерпимость—сочетаніе невозможное, потому что если есть вѣра, то не можетъ быть терпимости, а если есть терпимость, то нѣтъ, слѣдовательно, вѣры. Терпимость въ смыслѣ отрицанія всякой ссоры изъ-за убѣжденій, изъ-за мысли, будетъ существовать, когда будетъ единомысліе, выраженное въ общемъ, всеотеческомъ дѣлѣ, или же когда наступитъ полное равнодушіе къ убѣжденіямъ, чего, однако, никогда не будетъ, потому что нѣтъ вѣры безъ дѣла, кромѣ мертвой. Ограничивать свое желаніе терпимостью, частнымъ случаемъ правды, или справедливостью, вмѣсто единомыслія, какъ условія общаго дѣла, значитъ не только желать очень малаго, ничтожнаго, но вмѣстѣ и неисполнимаго, и едва ли желательнаго, такъ какъ терпимость служитъ показателемъ равнодушія и одряхленія.

Примѣчанія.

1. Проектъ соединенія церквей есть приложеніе къ посланію, или запискѣ, отъ неученыхъ,—(отъ всѣхъ несущихъ воинскую повинность, отъ ихъ матерей и родственниковъ),—къ ученымъ духовнаго сана и къ ученымъ военнаго дѣла; въ этой запискѣ испрашивается у первыхъ (духовныхъ) благословеніе послѣднимъ (военнымъ) на новый безкровный подвигъ; это —записка отъ неученыхъ, кои при **всеобщей** воинской повинности не могутъ признать достаточными тѣ опредѣленія, которыя обыкновенно даются войску, ибо эти опредѣленія не обнимаютъ тѣхъ дѣлъ, на которыя войско употребляется и въ настоящее время, напр. дѣйствія противъ саранчи, дѣйствія во время пожаровъ, наводненій, и вообще во время бѣдствій, причиняемыхъ слѣпыми силами; эти дѣйствія войска игнорируются **теперь** и станутъ, **должны стать**, главнымъ и, наконецъ, единственнымъ дѣломъ, общимъ дѣломъ всѣхъ безъ исключенія. Эта записка, испрашивая благословеніе духовныхъ войску на новый **безкровный** подвигъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что храмовая служба съ **безкровной** жертвой была и есть приготовленіемъ, воспитаніемъ къ этому внѣхрамовому **безкровному подвигу**, т. е. къ дѣйствію на слѣпыя, стихійныя силы, къ управленію ими во исполненіе Божественной заповѣди, данной человѣку при его сотвореніи.

2. Старокатоликовъ слѣдовало бы назвать стародогматцами, также какъ старообрядцевъ не называютъ **старокаѳоликами или староправославными**. Стародогматцамъ не слѣдовало бы ограничиваться лишь мыслію, а старообрядцамъ обрядомъ, т. е. дѣломъ лишь церковнымъ, но слѣдовало бы признать внѣцерковное, внѣхрамовое дѣло, въ которомъ старокатолики могутъ видѣть исполненіе своей мысли или догмата. Тѣмъ не менѣе и въ стародогматцахъ и старообрядцахъ выражается любовь младшаго по-

колѣнія къ старшему, сыновъ къ отцамъ, безбородыхъ къ бородатымъ. Эпоху возрожденія правильнѣе назвать эпохою мнимаго омолаживанія; снятіе бороды было началомъ омолаживанія. Сущность старообрядства есть признаніе бороды (отцовъ) и отрицаніе «безбородаго гуманизма», который признаетъ лишь юность, отрицая (т. е. маскируя) не только старость, но и мужество и распространяя юность на отрочество и даже на дѣтство. Дѣтскіе балы есть игра въ жениховъ и невѣстъ. Отецъ тѣмъ гуманнѣе, чѣмъ ранѣе разрѣшитъ сыну табакъ, вино и т. п. Эпоху возрожденія правильнѣе назвать эпохою мнимаго омолаживанія и дѣйствительнаго старѣнія, мнимаго возрожденія и дѣйствительнаго вырожденія.

3. Догматъ и обрядъ находятся въ такомъ же отнсшеніи между собою, въ какомъ философія къ искусству;—но что выше,— первая или послѣднее?.. Можно ли ради отвлеченной мысли отказаться отъ поэзіи, живописи, архитектуры?...

4. Старое, истовое перстосложеніе и крестное знаменіе замѣнилось нынѣшнимъ неистовымъ, безформеннымъ, подобно тому какъ уставное и полууставное письмо замѣнилось неистовою, неразборчивою «скорописью», въ которой выражается, распущенность (безхарактерность), мнимое уваженіе къ себѣ и презрѣніе къ другимъ, болѣзненное самолюбіе, нервозность. Истовость есть принадлежность эпохи преобладанія военнаго, а неистовость есть выраженіе свѣтской неуважительности и гражданской распущенности.

5. Для народа - соединеніе съ старокатоликами будетъ мнимое, а для нашего дворянства, воспитаннаго на итальянской оперѣ, на итальянской живописи, это соединеніе будетъ не мнимое, а въ обрядѣ и жизни. Итальянская опера есть первый миссіонеръ католицизма.

6. Терпимость,—эта жалкая, истасканная добродѣтель, – порожденная отчаяніемъ, выражаетъ дряхлость. Что хуже: гнусный ли фанатизмъ или же пошлая терпимость? ..

7. Безъ **общаго дѣла** вѣра еще не жива, или, по крайней мѣрѣ, не живоносна. При **общемъ дѣлѣ** вѣра становится не живою только, но и **живоносною.**

8 Христіанство никогда не было терпимостью, оно или себя отдавало на казнь, или само казнило. Если послѣднее есть зло, то и первое еще не есть благо.

9. Не въ однихъ крестовыхъ походахъ война была вызвана несогласіемъ въ вѣрованіяхъ; и бывшая въ недалекомъ прошломъ Крымская война началась изъ-за Св. мѣстъ, и архіепископъ Сибуръ благославлялъ французовъ на защиту Турокъ, за что и былъ прозванъ Сибуръ-пашею. Если скажутъ, что вопросъ о Св. мѣстахъ былъ въ этомъ случаѣ лишь предлогомъ, то и въ крестовыхъ походахъ торговые интересы играли далеко не послѣднюю роль.

ВЫСТАВКА 1889 ГОДА,— или наглядное изображеніе культуры, цивилизаціи и эксплуатаціи,—**юбилей столѣтняго господства средняго класса, буржуазіи, или городского сословія; и чѣмъ должна быть выставка послѣдняго года XIX-го вѣка или перваго года XX-го,— точнѣе же,—выставка на рубежѣ этихъ двухъ вѣковъ;—что XIX-й вѣкъ завѣщаетъ XX-му?.**

Къ проекту юбилейной столѣтней выставки (Примѣч. 1-е).

Если человѣкъ XIX вѣка отрекся отъ вѣры въ небесное царство, отъ града Божія, отказался, можно сказать, отъ надежды и на земное счастіе, отъ вѣры въ царство земное, въ градъ человѣческій (пессимизмъ), то чѣмъ будетъ выставка, подводящая итоги этому вѣку?.. Она должна быть критикою его, а не панегирикомъ, тѣмъ болѣе, что выставка 1889 года была изображеніемъ земного града,—надъ созданіемъ, осуществленіемъ или улучшеніемъ котораго такъ безплодно трудился XIX-й вѣкъ,—была изображеніемъ этого города въ панегиристическомъ смыслѣ; по этому разборъ выставки 89 года и покажетъ, чѣмъ должна быть выставка, имѣющая завершить XIX-й и начать XX-й вѣкъ.—Выставку 89 г. можно признать послѣднею, или—точнѣе—полнымъ выраженіемъ господства третьяго сословія, городского по преимуществу, апогеемъ, кульминаціоннымъ пунктомъ господства этого сословія, за которою хотя и могутъ послѣдовать много другихъ выставокъ, но они будутъ выражать уже упадокъ, вымираніе третьяго сословія. Выставку 89 г. можно считать полнымъ изображеніемъ не Франціи только, но всего Европейскаго, или Альпійскаго полуострова, даже съ изображеніемъ Альпъ въ видѣ Эйфелевой башни, поднявшись на которую европеецъ могъ чувствовать и отчужденіе отъ толпы, и **превозношеніе надъ нею**,—что и составляетъ самую характерную черту западно-европейца и, вообще, Запада, особенно въ отношеніи его къ Востоку (въ томъ числѣ и къ намъ), на который западный человѣкъ смотритъ свысока, съ высоты Альпъ (Примѣч. 2-е), и преувеличивая свое съ нимъ несходство, принимаетъ это несходство за превосходство, за прогрессъ, чѣмъ и свидѣтельствуетъ о собственномъ своемъ несовершеннолѣтіи, потому что забываетъ при этомъ о самомъ существенномъ своемъ сходствѣ со всѣми людьми, **о смертности**, т. е. о томъ бѣдствіи, въ которомъ люди находятъ дѣйствительное равенство и въ соединеніи противъ котораго только и могутъ достигнуть совершеннолѣтія. Послѣдующія выставки будутъ выражать и вымираніе не одной только Франціи; а потому выставкѣ, 89 г., которая есть лишь непосредственное, безсознательное выраженіе духа времени,—т. е. господствующаго нынѣ класса,—нужно бы обратиться

изъ временнаго въ постоянный памятникъ буржуазной эпохи, въ музей, какъ сознательное воспроизведеніе отходящаго времени,—такое воспроизведеніе, изъ котораго можно было бы понять, кому или чему служило третье сословіе.—Наша мѣстная, всероссійская мануфактурно-художественная выставка 1882 года была близка къ истинѣ, она почти открыла кому служило и служитъ то общество, выраженіемъ котораго была всемірная выставка 1889 года, она открыла это, поставивъ при самомъ входѣ на выставку изображеніе женшины, (или—лучше—дамы, барыни, гетеры,—будетъ ли это наслѣдница Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазіи...), въ нарядѣ, поднесенномъ ей промышленностью всей Россіи, изъ матерій, признанныхъ, вѣроятно, наилучшими изъ всѣхъ, представленныхъ на выставку, —изображеніе женщины, созерцающей себя въ зеркалѣ (Примѣч. 3-е) и, кажется, сознающей свое центральное положеніе въ мірѣ (конечно—Европейскомъ только), сознающей себя конечною причиною цивилизаціи и культуры,—изображеніе женщины въ обстановкѣ (въ будуарѣ), представляющей въ маломъ видѣ всѣ произведенія, не только получившія мѣсто на выставкѣ, но и признанныя наилучшими,—произведенія премированныя (мебель, мыло, духи, книжки въ великолѣпныхъ переплетахъ, въ женскихъ, можно сказать, нарядахъ, это не тѣ кожаные переплеты съ мѣдными застежками, какъ у церковныхъ книгъ,— и проч. и проч. и проч.);— такъ что эта женщина со всею ея обстановкою должна бы быть произведеніемъ самой выставочной экспертизы, а между тѣмъ она была произведеніемъ инстинктивнымъ, ненамѣреннымъ, была произведеніемъ нашего крайняго простодушія;—Западъ слишкомъ хитеръ, чтобы откровенно признать эту истину. Немногое оставалось выразить, чтобы показать, кому служитъ то общество (Западная Европа и Франція), которому подражала Россія, создавая въ 1882 году свою мѣстную выставку; немногое оставалось, чтобы сказать, что вся культура есть культъ этого идола, который поставленъ былъ при входѣ.

Парижская выставка служитъ наилучшимъ доказательствомъ обожанія женщины; внѣшность выставки убрана яркими и нѣжными красками, гармонія которыхъ,—говоритъ одинъ изъ описателей выставки, «оставляетъ въ памяти какъ бы слѣдъ прочтенной поэмы»,— поэмы, конечно, паденія человѣка... Если райское **„древо познанія добра и зла“**, вкушеніе котораго принесло смерть, было прекрасно по виду и вкусу, то часть выставки, расположенной на Трокадеро, обращенная въ садъ цвѣтовъ и плодовъ, представляла именно это древо.—«Отъ самаго моста Іенскаго до бассейна каскадовъ»,—говоритъ тотъ же писатель,—«направо и налѣво пестрѣютъ розаны всѣхъ 4500 существующихъ въ мірѣ сортовъ;—вообразите же себѣ это поле розъ въ цвѣту, это разнообразіе красокъ, это благоуханіе»... И все это назначено быть орудіемъ женщины для соблазна мужчины, также какъ и первая половина выставки, одеждъ и всей обстановки женщины, завладѣвшая полемъ бога войны (Марса), которая есть также подобіе Трокадерскаго древа и отъ него заимствовала соблазнительную наруж-

ность.

У насъ, вѣроятно, нашлось много такихъ, которые, обойдя всю Французскую въ Москвѣ выставку, устроенную въ подражаніе Парижской, не пожелали имѣть ничего, что на ней есть; но если бы французы открыли такую выставку въ Турціи, то возбудили бы вожделеніе весьма многихъ,—для устройства гарема и всей его обстановки выставка представляетъ богатый и даже, быть можетъ, очень трудный выборъ, начиная отъ хрупкаго стекла, скудели (керамика), которая по своей непрочности,—составляющей самую характерную черту произведеній XIX вѣка,—достойно занимаютъ мѣсто въ первомъ павильонѣ, открывающемъ выставку, до парфюмеріи и косметикъ,—въ томъ же павильонѣ,— предназначенныхъ для сокрытія старѣнія и гніенія, для наружнаго омолаживанія, и самихъ книгъ, щеголяющихъ въ женскихъ нарядахъ (т. е. переплетахъ);—запрещеніе касаться всѣхъ этихъ предметовъ имѣетъ смыслъ, ибо эти нѣжныя созданія не выдерживаютъ прикосновенія.

Музей, какъ памятникъ протекшаго столѣтія,—какъ и всякій музей,—долженъ имѣть въ основѣ своей книгу, или литературу, созданную временемъ съ 1789-го по 1889-й годъ, или вѣрнѣе—съ 1750-го года, т. е. отъ начала знаменитой Энциклопедіи. А если ставить въ основу Музея книгу, то несмотря на все наше дружелюбіе къ Франціи, справедливость требуетъ замѣтить, что притязаніе Франціи на исключительное право устроить выставку XIX-го вѣка не справедливо, ибо нѣмецкая литература, философія и проч.,—со второй половины XVIII и въ теченіи всего XIX вѣка вполнѣ самостоятельная,—не только не уступаетъ, но и превосходитъ французскую. Энциклопедія,—этотъ словарь модныхъ словъ,—превратившій сухое, школьное знаніе въ популярное, т. е. безплодное въ наукѣ и разрушительное въ жизни, въ обществѣ, въ которомъ измѣненія совершаются не путемъ эволюціи, но и путемъ революціи, т. е. или слѣпымъ или же насильственнымъ, злымъ,—путями, свойственными несовершеннолѣтнимъ,—Энциклопедія имѣла цѣлью поднять третье, т. е. промышленное сословіе,—а потому Музей 1889 года и долженъ служить памятникомъ этому сословію. Господство промышленности основано на отреченіи отъ града Божія, отъ будущей небесной жизни, отъ жизни со всѣми отцами,— ради земного благополучія, ради матеріальнаго и нравственнаго (?!) благосостоянія **большинства** („**большинства**“ прибавлено для того, чтобы придать нѣкоторое нравственное значеніе промышленности, и не сказано „**всѣхъ**“—изъ боязни впасть въ утопію), ради благосостоянія, которое и должна дать промышленность, вспомоществуемая наукою и искусствомъ. Энциклопедія,—и вообще XVIII вѣкъ,—и была пропагандою этого отреченія отъ небеснаго и замѣны его земнымъ, пропагандою въ популярной формѣ,— завершеніемъ мысли предшествовавшихъ трехъ вѣковъ. Само собою разумѣется, что подъ собраніемъ книгъ долженъ **не скрываться**, а **открываться** соборъ ихъ сочинителей, т. е. подобныхъ намъ людей, способныхъ, слѣдовательно, ошибаться. Помня же это, мы обезпечиваемъ себя отъ

опасности принять мнѣніе за истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдаемъ должное автору, не останавливаемся на **вещи**, или книгѣ, но восходимъ къ лицу ея сочинителя, дѣлая его предметомъ общаго поминовенія, чтимъ его со всѣми другими отцами въ свитѣ, такъ сказать, Бога всѣхъ нашихъ отцовъ. Несмотря на безбожіе многихъ изъ этихъ авторовъ, несмотря на ихъ невѣріе въ будущую жизнь, или – вѣрнѣе — на ихъ **отчаяніе** въ ней,—каковы, напримѣръ, энциклопедисты,—поминовеніемъ ихъ полагается начало ихъ будущности. Библіотека есть, или должна бы быть, культомъ не книгъ, а сочинителей этихъ книгъ, но культомъ въ духѣ истины, т. е. изслѣдованіемъ. Библіотека должна быть не читальнею, не мѣстомъ для чтенія ради забавы, а мѣстомъ изслѣдованія, должна быть не **четьи** Минеями, а **Минеями изслѣдованія** и, конечно, подобными Макарьевскимъ, въ которыхъ подъ днями памяти святыхъ помѣщены не только житія, но и всѣ произведенія этихъ святыхъ. Только календарно-хронологическое расположеніе и можетъ быть сообразнымъ цѣли музея, какъ памятника, мѣста поминовенія, изслѣдованія. Изслѣдованіе же можетъ заключаться лишь въ возстановленіи сочинителя по сочиненію, автора по его произведенію Самъ музей есть лишь разнообразная иллюстрація къ книгѣ, т. е. возстановленіе авторовъ, ихъ жизни, всѣми средствами наукъ и искусствъ; а потому **Музей третьяго сословія**, музей французскій 1889 года, въ основу котораго должна быть положена Энциклопедія,—(Энциклопедія, которая прежде, чѣмъ сдѣлаться книгою, была остроумнымъ, банкетнымъ разговоромъ, была проектомъ промышленнаго государства, т. е. земного счастія, проектомъ царства женщинъ, и создавалась подъ вліяніемъ женщинъ),—самъ Музей, имѣющій такую основу, долженъ быть изображеніемъ этого царства, **господства** женщинъ, господства не тяжелаго, но губительнаго.

Ассамблея, — балъ, какъ введеніе, приготовленіе къ брачному пиру,— со всею ихъ обстановкою, есть произведеніе промышленности, ея цвѣтъ, корни котораго кроются въ глубокихъ рудникахъ, шахтахъ,— **это всемірная промышленность въ ея потребленіи; изображеніе же фабрики и завода**, поставленныхъ подъ ассамблеею, **было бы изображеніемъ всей индустріи въ ея производствѣ и добываніи. Высшее, основное европейское искусство есть искусство одѣваться**, искусство половой борьбы, **половаго подбора**, которое и создало промышленное государство; тогда какъ искусство эллинское, парнасское или олимпійское, искусство гимнастическое (нагое, безодежное) служило приготовленіемъ къ военному государству и создало его, военное государство. Полнымъ проявленіемъ, выраженіемъ, выставкою гимнастическаго искусства были олимпійскія, пиѳійскія и другія подобныя игры, приготовлявшія къ внутреннимъ и внѣшнимъ войнамъ и дававшія содержаніе пластикѣ, поэзіи и другимъ искусствамъ. Греки дорожили красотою тѣла, а европейцы дорожатъ красотою одежды; наши выставки замѣнили греческія игры, но только ассамблеи и балы служатъ поприщемъ для высшаго проявленія искусства одѣваться, при, чемъ одѣваніе не ограничивается одними лицами, одѣваютъ даже вещи,— все

облекается въ благолѣпіе тлѣнія, непрочности, а потому только въ формѣ ассамблеи выставка и получитъ смыслъ. Тутъ явится вся промышленность, но не въ видѣ склада, ибо при устройствѣ выставокъ, (обращаемыхъ потомъ въ Музеи), въ видѣ складовъ, будущему нашему потомству нельзя будетъ и понять назначенія многихъ изъ нашихъ вещей, а какъ не подѣлиться съ потомствомъ своими игрушками, своими забавами; на выставкѣ же въ формѣ ассамблеи мы видимъ всѣ произведенія исполняющими свое назначеніе, вліяющими на человѣка, подчиняющими его себѣ, держащими его въ вѣчномъ дѣтствѣ, несовершеннолѣтіи, разслабляющими его тѣло, уродующими его душу. Въ вещахъ такимъ образомъ расположенныхъ, видимъ изобрѣтателей и производителей нижняго этажа (въ изображеніи фабрики и завода), а въ лицахъ, какъ будто пользующихся вещами, видимъ господство вещей надъ людьми. Ассамблея есть не соборъ только женщинъ, одѣтыхъ промышленностью по ихъ вкусу и заказу, и не съѣздъ **только ихъ однѣхъ**, (пѣшкомъ туда не ходятъ, а ѣздятъ въ экипажахъ и притомъ такихъ прекрасныхъ, какъ игрушки, — эти игрушки, стоящія у ассамблеи, и составятъ экипажный отдѣлъ выставки), ассамблея и не соборъ также, или съѣздъ, лишь мужчинъ, одѣтыхъ по вкусу женщинъ, т. е. жениховъ всѣхъ возрастовъ, отъ дѣтскаго и до молодящейся старости, (ибо въ царствѣ женщинъ молодость есть добродѣтель, а старость порокъ,—въ царствѣ женщинъ, въ царствѣ прогресса дѣти господствуютъ надъ отцами, т. е. молодое превозносится надъ старымъ), — ассамблея есть **поприще половаго подбора**, ибо женщина, пользуясь всѣми произведеніями фабрикъ и заводовъ для соблазна мужчинъ, заставляетъ и сихъ послѣднихъ пользоваться произведеніями тѣхъ же фабрикъ и заводовъ, чтобы и въ свою очередь, путемъ соперничества другъ съ другомъ, дѣйствовать на нее, на женщину. (Экипажи, мебель и, вообще, все ассамблейное суть игрушки,—но **не для взрослыхъ**, какъ это говорятъ нѣкоторые въ осужденіе,—а именно **для несовершеннолѣтнихъ**, какъ бы стары они ни были; это несовершеннолѣтіе и служитъ владѣльцамъ, или рабамъ, этихъ вещей-игрушекъ оправданіемъ). Такимъ образомъ и совершенствуется европейское искусство одѣванія, соотвѣтствующее оперенію въ царствѣ животныхъ, вызываемому также половымъ подборомъ, т. е. это торжество женщины и пораженіе мужчины, **смягченіе нравовъ** или **прогрессъ**, — на свѣтскомъ языкѣ, — и **паденіе человѣка** — на языкѣ религіозномъ. Ассамблея видитъ счастіе въ сближеніи половъ, совершенно отдѣляя его отъ рожденія, т. е. признаетъ бракъ союзомъ не для дѣторожденія, а для наслажденія, и боясь смерти, ассамблея старается увѣрить себя, что смерти нѣтъ. Такое отдѣленіе сближенія половъ отъ рожденія хотя и не уничтожаетъ рожденія **совершенно**,— приводитъ, однако, къ вырожденію и вымиранію. **Ассамблеи** — костюмами, своею женоподобною наружностью, романическою литературою, эротическою поэзіею, музыкою, танцами, **знаніемъ** и **всѣми искусствами**, прилагаемыми къ ассамблейному дѣлу,— **возбуждаютъ** половыя страсти, приводятъ къ преждевременной зрѣлости, къ истощенію. Ас-

самблеи есть общество **эмансипированныхъ** женщинъ, т. е. освобожденныхъ отъ власти родителей и забывшихъ отцовъ (блудныя дочери), подчинившихъ себѣ мужчинъ (сыновъ), которые также забыли отцовъ (блудные сыны).

Фабрики, подчиняясь женщинамъ, имѣютъ и у себя рабовъ, рабы эти —всѣ общества естествознанія и вообще - ученыя общества, ибо фабрика заставляетъ даже археологовъ извлекать изъ старыхъ рукописей и памятниковъ орнаменты, которые и употребляетъ также какъ орудія половаго подбора; поэтому ни академіи, ни университеты не могутъ быть представлены на выставкѣ или въ музеѣ,—какъ изображеніи города, посада, или царства женщинъ,—на одной высотѣ съ ассамблеями или рядомъ съ фабрикою,—они должны быть поставлены ниже первыхъ и сзади послѣднихъ; самую же нижнюю и заднюю часть займутъ **чистыя**, т. е. **неприкладныя науки**; ближе къ фабрикѣ станутъ прикладныя науки, а самое высшее мѣсто на заднемъ дворѣ наукъ и искусствъ должно быть отведено оперѣ и балету; Оффенбахъ и есть Гомеръ этой поэзіи; но если Гомеръ **отецъ** поэзіи; то Оффенбахъ—**блудный ея сынъ**, и если женщины въ промышленномъ государствѣ—царицы, то танцовщицы и пѣвицы-богини, а опера и балетъ—святая святыхъ въ псевдо-религіозномъ культѣ женщинъ. Самое же низшее, самое послѣднее мѣсто въ этомъ царствѣ, не признающемъ ни старости, ни смерти, а старающемся лишь скрыть ихъ, въ этомъ царствѣ очень рано старѣющихъ и очень рано умирающихъ и даже вымирающихъ, (какъ Франція, идущая во главѣ цивилизаціи, что ожидаетъ и другіе народы, идущіе вслѣдъ за нею),—самое послѣднее мѣсто въ немъ занимаютъ музеи, какъ остатки культа предковъ,—музеи, которымъ въ наше время, т. е. музеямъ XIX вѣка, остается быть лишь собраніемъ ветоши, такъ какъ въ царствѣ женщинъ, въ томъ царствѣ, гдѣ **одѣваться** оставляетъ высшее искусство, больше всего цѣнятъ тряпки; занятые тряпками, т. е. живымъ дѣломъ, какъ это кажется людямъ нашего времени,—они съ гордостью смотрятъ на археологовъ, занятыхъ ветошью;—какъ не сказать нынѣшнему поколѣнію: **не гордись тряпка, завтра будешь ветошкою!** Четвертымъ сословіемъ музеи и совсѣмъ будутъ уничтожены, если только это возможно; самимъ же предкамъ, т. е. кладбищамъ, и нынѣ нѣтъ мѣста въ городѣ, они вынесены далеко за городъ. А между тѣмъ всѣ дѣятели 1789 года уже поглощены кладбищемъ, и весь періодъ съ 1789 г. по 1889 г. сталъ достояніемъ исторіи, сданъ въ архивъ и возстановляется всесторонне въ книгахъ и въ другихъ произведеніяхъ искусства, словомъ, дѣлается музеемъ. Погребальному искусству, искусству придавать мертвому видъ живого, было ли дано мѣсто на выставкѣ,—такъ какъ и въ этомъ искусствѣ существуетъ прогрессъ?! Если женщинѣ дано мѣсто при входѣ на выставку, то почему бы обществу похоронныхъ процессій не отвести мѣсто при выходѣ и при томъ тотчасъ за медицинскимъ и хирургическимъ отдѣлами, указывающими на вѣчность болѣзни и смерти, что,—по ученію прогресса, считается явленіемъ естественнымъ, неизбѣжнымъ, нормальнымъ. Погребальнымъ принадлежностямъ нельзя во всякомъ

случаѣ отказать въ мѣстѣ на выставкѣ, будетъ ли она, т. е. выставка, выраженіемъ истины и дѣйствительности, или же только стремленіемъ скрыть прискорбную истину, горькую дѣйствительность: похоронное или погребальное искусство въ современномъ его состояніи есть величайшая фальсификація, стремящаяся самой смерти придать видъ жизни и мертвому образъ и подобіе живого; у насъ въ этомъ отношеніи ограничиваются употребленіемъ ароматовъ, обманывая тѣмъ только обоняніе, а въ Парижѣ пошли дальше, тамъ бѣлятъ и румянятъ мертвеца, стараясь представить его не только живымъ, но и вполнѣ здоровымъ, даже цвѣтущимъ; въ Парижѣ обманываютъ не только обоняніе, обманываютъ и зрѣніе, хотятъ отвести даже глаза. Несмотря, однако, на все желаніе скрыть истину, погребальное искусство, тѣмъ не менѣе, раскрываетъ ее, показываетъ дѣйствительность во всей ея наготѣ, раскрываетъ самую **суть** прогресса, будемъ ли считать прогрессомъ **улучшеніе того, что испорчено въ корнѣ,** или же будемъ въ немъ, прогрессѣ, признавать усиленіе вражды въ ея причинахъ и въ средствахъ къ ней. (Примѣч. 4 е .

Ассамблея есть изображеніе третьяго сословія, уравненнаго съ первыми двумя, усвоившаго образъ жизни первыхъ съ различіями, которыя замѣтны, доступны только для знатоковъ дореволюціоннаго аристократизма, находящихъ въ его подражателяхъ что-то мѣщанское. Нижній этажъ, поставленный подъ ассамблеею, занимаетъ четвертое сословіе. Ассамблея, это пиръ третьяго сословія, пиръ, слѣдовательно, надъ вулканомъ; ассамблея для третьяго сословія то же, что для четвертаго трактиръ и домъ проституціи, только въ менѣе откровенной и болѣе утонченной формѣ. Въ такомъ положеніи четвертаго и третьяго сословій и выражается взаимное ихъ отношеніе. Нижній этажъ долженъ быть изображеніемъ надземной фабрики и подземнаго завода, или, вѣрнѣе, копи (каменноугольной шахты), грозящихъ постоянными стачками; а этихъ изображеній и нѣтъ, обыкновенно, на выставкахъ, хотя копи составляютъ основу, корень, глубочайшій фундаментъ промышленныхъ государствъ,—но основу вулканическую, а потому изображеніе этой основы въ связи со всѣмъ остальнымъ дало бы надлежащее представленіе о всей непрочности этихъ государствъ.

Для изображенія четвертаго сословія мы пользуемся мыслью знаменитаго Лекки, который,—утверждая, что основаніе каждой фабрики непремѣнно увеличиваетъ пьянство и развратъ, и со временемъ, какъ онъ увѣренъ, статистика будетъ въ состояніи точно опредѣлить это увеличеніе,—вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что всякій, все общество одобритъ, тѣмъ не менѣе, основаніе новой фабрики; и говоритъ это писатель, избравшій своимъ предметомъ этику, нравственность. Одобритъ основаніе новой фабрики, конечно, и правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилитъ полицію, увеличитъ **мирный** составъ войскъ, не оставитъ безъ увеличенія и судебные трибуналы, и съ помощью статистики также съ точностью опредѣлитъ необходимую степень увеличенія всего этого. На основаніи мысли Лекки нижній этажъ можетъ быть изображенъ такъ: первое, т. е. центральное мѣ-

сто займетъ фабрика и заводъ съ необходимыми придатками, т. е. съ трактиромъ (пьянство и разгулъ) съ одной стороны и домомъ проституціи (развратъ) – съ другой; торговый магазинъ съ его вывѣсками будетъ представлять фасадъ этого зданія; фасадъ,— это казовая сторона, товаръ лицомъ, представленный купеческимъ искусствомъ; фабрика же, гдѣ люди на шесть дней превращаются въ клапаны и т. п. орудія, съ трактиромъ и домомъ проституціи, гдѣ фабричные проводятъ седьмой день,— это изнанка; но самое заднее мѣсто за фабрикою и ея придатками, на заднемъ дворѣ фабрики, займетъ, долженъ быть помѣщенъ университетъ, и всѣ ученыя, художественныя и учебныя заведенія. **Ученое сословіе**, — дѣля барыши съ третьимъ сословіемъ, т. е. участвуя въ обращеніи принадлежащихъ къ четвертому сословію,—фабричныхъ рабочихъ,—въ машины, въ клапаны,—такъ сказать обезглавливая ихъ на всѣ шесть дней недѣли,— показываетъ видъ, будто принимаетъ горячее участіе въ рабочихъ и въ седьмой день занимаетъ ихъ популярными чтеніями, т. е. какъ бы возвращаетъ имъ на этотъ день голову, которая для рабочихъ такимъ образомъ то же, что шляпа, которую надѣваютъ по праздникамъ. Участвуя въ дѣйствительномъ порабощеніи, въ дѣйствительномъ обезглавливаніи людей четвертаго сословія, ученые даютъ имъ мнимое, поддѣльное, популярное просвѣщеніе вмѣсто **дѣйствительнаго участія въ познаніи**, и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаютъ ихъ отъ предразсудковъ, т. е. отъ религіи, замѣняя авторитетъ духовенства своимъ собственнымъ. Тѣ же ученые, которые не успѣли еще войдти въ долю съ третьимъ сословіемъ, тѣ стараются вооружить четвертое сословіе противъ третьяго. – Описанная группа зданій будетъ служить выраженіемъ **политико-экономической мудрости посада**, эксплуатирующаго село; противъ же этой группы должна быть расположена другая группа зданій, состоящая изъ казармы для войскъ, изъ полицейскихъ частей, будокъ, суда, тюрьмы, – какъ необходимое дополненіе къ учрежденіямъ, сложившимся въ первую группу; и эта вторая группа зданій будетъ выраженіемъ **политико-юридической мудрости посада, города**, вспомоществующей промышленно-торговому классу, совокупно съ рабочимъ классомъ, въ эксплуатаціи села, или пятаго сословія, потому что городъ относится къ селу какъ хищникъ, или какъ плотоядное къ травоядному. —Душу этого города составляетъ прогрессъ,— **прогрессъ промышленно-торговый**, постоянно усиливающій внутреннюю борьбу, **и прогрессъ полицейско-судебныхъ, учрежденій**, обязанныхъ сдерживать борьбу, предупреждать столкновенія путемъ постояннаго наблюденія, путемъ наказанія тѣхъ, которые выходятъ за предѣлы личной свободы, допускаемой закономъ.

Такимъ образомъ городъ есть общество, находящееся подъ надзоромъ постоянно усиливающимся,—общество, держащееся карою наказаній; это — не братство, а гражданство, не отечество, а безродное государство, и на выставкѣ городъ можетъ и долженъ быть представленъ: – извнутри – острогомъ или тюрьмою, гдѣ собраны всевозможныя орудія наказаній,—въ смягченіи которыхъ нынѣшніе прогрессисты – криминалисты видятъ ошибку сен-

тиментальнаго XVIII-го вѣка,—извнѣ же—городъ долженъ быть изображенъ крѣпостью, представляющею всѣ усовершенствованія въ наступательныхъ и оборонительныхъ орудіяхъ войны,—**это прогрессъ военный.**—Выставка и должна быть изображеніемъ трехъ прогрессовъ,—милитарнаго, юридическаго и экономическо-индустріальнаго, т. е. изображеніемъ того, что есть, изображеніемъ дѣйствительности, или того, что **не должно быть.** Если милитаризмъ есть проклятіе нашего времени — по выраженію Гладстона,—то индустріализмъ, усиливающій,- по признанію Лекки,— развратъ и пьянство, а слѣдовательно и преступленія, и возбуждающій кромѣ того внутреннюю войну, внутренній гражданскій—такъ сказать—милитаризмъ. не есть ли онъ, индустріализмъ, еще большее зло, еще большее проклятіе, чѣмъ милитаризмъ между-народный?!... А между тѣмъ соціализмъ стремится—**злу**, вызываемому индустріализмомъ, **дать просторъ шестнадцати часовою праздностью** (восьми часовой рабочій день), увеличивая все болѣе и болѣе эту праздность на счетъ трудового дня, въ чемъ соціализмъ и видитъ прогрессъ; но когда родъ человѣческій почіетъ отъ дѣлъ своихъ, по подобію ветхозавѣтнаго, а не христіанскаго Бога, который всегда дѣлалъ и дѣлаетъ, то этотъ день будетъ его субботою, нирваною, т. е. концомъ его жизни. **Дѣло же человѣка заключается въ обращеніи всего** рождающагося, само собою дѣлающагося,— производящагося, а потому и смертнаго,—**въ трудовое и потому безсмертное.** Самое же величайшее проклятіе, зло, это наше постоянное сторожевое положеніе, страхъ или опасеніе покушеній на плоды нашихъ личныхъ трудовъ, на наши личныя права,—этотъ нашъ внутренній, **душевный милитаризмъ**, эта первая заповѣдь лаицизма, свѣтскаго катихизиса, на которой только и можетъ держаться соціализмъ. Этотъ внутренній милитаризмъ вызываетъ также необходимость и постояннаго внѣшняго надзора, контроля,—контроль надъ контролемъ до безконечности.

Образовательное значеніе выставки. Въ наше время никто не сомнѣвается въ великомъ и благотворномъ, образовательномъ значеніи выставокъ. Въ чемъ же заключается вліяніе выставокъ? Что можетъ произвести выставка, развивая вкусъ къ такимъ напримѣръ, предметамъ, какъ **артикль-де-Пари?** Что могутъ произвести 7-й и 8-й отдѣлы Французской выставки въ Москвѣ, наполненные кружевами, шляпками съ искусственными цвѣтами, обувью изъ позлащенной и посеребренной кожи, женскими и мужскими платьями, выставленными на безголовыхъ манекенахъ, съ предлиннѣйшими у женскихъ платій хвостами на подобіе павлиньихъ или райскихъ птицъ? Это одежды для жениховъ и невѣстъ, а не для отцовъ и матерей, не для сыновъ и дочерей; но въ городѣ и есть только женихи и невѣсты отъ дѣтства до старости. Не одну однако чувственность выражаютъ эти одежды, онѣ служатъ также выраженіемъ гордости, презрѣнія, отчужденія, отталкиванія всего противоположнаго, всего **не**-городского. А между тѣмъ отдѣлы 7 й и 8-й, гдѣ все это выставлено, вмѣстѣ съ первымъ, въ которомъ парфюмерія и косметика, назначенныя для сокрытія

старенія и гніенія, для наружнаго омолаживанія, и съ 3 мъ, который имѣетъ цѣлью — очаровать обольстительной наружностію и блескомъ, приданнымъ грубымъ продуктамъ нѣдръ земли, — составляютъ центръ притяженія выставки, цвѣтъ ея.. Не страсть ли къ блеску металловъ и, — такъ называемыхъ, — драгоцѣнныхъ камней создала Евреевъ-ростовщиковъ?! Третьему отдѣлу можно бы придать видъ апокалипсическаго города: для развращеннаго вкуса Евреевъ и язычниковъ и Іерусалимъ Небесный могъ быть представленъ лишь въ видѣ города со стѣнами изъ драгоцѣнныхъ камней и воротами изъ цѣльныхъ жемчужинъ (Апокал., XXI, 18—21).

Въ IV-мъ павильонѣ можно видѣть **царь-бутылку**, достигающую своею пробкою до высокаго свода, равняющуюся по высотѣ хорошей колокольнѣ, съ надписью **„шампанское“**; тутъ же зданіе изъ бочекъ и боченковъ, поддерживающее **царя-бочку**; символическая фигура Франціи угощаетъ виномъ такую же фигуру Россіи. Какое образовательное дѣйствіе хотѣли произвести этимъ отдѣломъ, — возбудить жажду, восхвалить пьянство?!...

Въ VI-мъ отдѣлѣ можно было видѣть, а въ X мъ и на себѣ испытать извращеніе простого вкуса и питанія во Французскую кухню и въ подражающую ей русскую, которыя какъ-бы назначены для произведенія болѣзней пищевого аппарата. Послѣдніе отдѣлы выставки, — какъ и вся впрочемъ выставка, — какъ-бы говорятъ: «пій, яждь, и веселись»; — другихъ благъ, другого добра кромѣ того, которое выставлено на этомъ позорищѣ, нѣтъ и быть не можетъ. Вещь есть богъ и нѣтъ иныхъ боговъ, кромѣ этихъ фетишей. — Истинная религія XIX-го вѣка есть мармонизмъ, — (религія американцевъ, этихъ истинныхъ представителей нашего вѣка), — мармонизмъ, и въ будущемъ вѣкѣ награждающій богатствами за богатства, пріобрѣтенныя въ настоящей жизни; на мармонскомъ небѣ нѣтъ мѣста, надо полагать, для Лазарей; - Вандербильты, Ротшильды — святые этой религіи. Блаженны богатые, ибо имъ принадлежитъ царство земное, и горе бѣднымъ, слабымъ, больнымъ, — имъ нѣтъ мѣста на пиру жизни, на выставкѣ, — двери этого рая мармоновъ для нихъ закрыты. Итакъ, пріобрѣтай эти вещи, богатства, пріобрѣтенію ихъ посвяти всю жизнь, эксплуатируй, утилизируй, истощай природу, т. е. злоупотребляй силами природы, — при чемъ V-й отдѣлъ выставки, гдѣ собраны машины, механическіе, электрическіе и всякіе другіе двигатели, наглядно представляетъ, — демонстрируетъ, какъ нынѣ говорятъ, — разнообразные способы злоупотребленія силами природы и обращенія ихъ на служеніе женскимъ прихотямъ; — убѣдись, что красота въ непрочности, истина въ фальсификаціи, благо же въ игрѣ, подъ коей кроется борьба, разрушеніе, хищничество.

Хищничество, вызываемое страстью (яростію, маніей) къ пріобрѣтенію и грозящее взаимнымъ истребленіемъ, вынуждаетъ общество положить ему предѣлы; но законы оказываются безсильными сдерживать въ границахъ эту бѣшеную игру, и она проявляется въ колоссальныхъ кражахъ, въ грандіозныхъ подкупахъ и обманахъ, не останавливаясь передъ грѣ-

хомъ даже противъ всей исторіи, задерживая ходъ ея, движеніе къ сближенію двухъ міровъ, Востока и Запада, какъ въ извѣстномъ Панамскомъ дѣлѣ. И несмотря на столь громадное зло, производимое увлеченіемъ блестящими вещицами, сконцентрированными для наибольшаго дѣйствія на выставкахъ, самыя эти увлеченія, поступки, остаются тѣмъ не менѣе только баловствомъ, шалостями несовершеннолѣтнихъ дѣтей...

Къ сожалѣнію вліяніе выставки не ограничивается только городами и горожанами, вліяніе выставки простирается и на село, пріучая поселянъ заботиться лишь объ извращеніи произведеній природы исключительно въ видахъ полученія наибольшаго дохода, для чего свинья обращается въ кусокъ сала, а быкъ въ одно безкостное почти мясо. Вся забота города о селѣ и земледѣліи заключается въ томъ, что-бы и къ селу привить пороки города, внося въ среду сельчанъ состязаніе и конкуренцію, разрушая родовой порядокъ и замѣняя его юридическими и экономическими пороками. Благодаря вліянію города и сельчане привыкаютъ смотрѣть на принадлежащую имъ землю, какъ на капиталъ, изъ котораго каждый можетъ и даже долженъ извлекать наибольшій для себя доходъ съ наименьшею затратою труда, вовсе не заботясь о томъ, что изъ этого можетъ произойдти, не заботясь о регуляціи метеорическимъ и вообще—растительнымъ процессомъ, о регуляціи, которая составляетъ общую нужду въ особенности въ наше время, когда даже въ въ Нормандіи такая засуха, что «во многихъ деревняхъ принуждены пить грязную воду, да и такая вода стоитъ 15 сантимовъ за ведро» (Русск. Вѣд. 1893 г., 23 іюня, № 170-й).

Устроивъ выставку, показавъ свои богатства въ 1867 году, стараясь показать даже больше, чѣмъ было ихъ въ дѣйствительности, — Франція возбудила аппетитъ Германіи и особенно Пруссіи, только что въ 1866 г. познавшей свою военную силу. Въ 1889 году Франція опять рѣшилась выставить на видъ всему міру свои дѣйствительныя и мнимыя богатства, какъ бы говоря, что пять милліардовъ для нея ничего не значатъ. Франція дѣйствительно возстановила свой престижъ,—престижъ промышленной и богатой страны, (который она, впрочемъ, никогда не теряла), стараясь показать,—кому это знать надлежитъ,—что можетъ уплатить какую угодно контрибуцію. Если революція, юбилей коей праздновался выставкою 1889 года, имѣла въ виду создать промышленное государство, поднять третье, т. е. промышленное сословіе, и низложить первыя два (дворянство и духовенство), то она несомнѣнно достигла своей цѣли и лучшаго доказательства тому нельзя было дать, какъ устроивъ всемірно-сравнительную выставку. Франція, очевидно, желаетъ войны и употребляетъ всѣ возможныя средства, чтобы вызвать ее; выставка свидѣтельствуетъ, что всѣ возможныя мѣры для поощренія промышленности были приняты во Франціи, т. е. привлечено къ этому дѣлу возможно наибольшее число; а между тѣмъ занимающіеся томительною по своему однообразію, хотя и легкою, фабричною работою, представляютъ себѣ войну, по ея противоположности съ ихъ ежедневными занятіями, чѣмъ то желаннымъ; но располагая къ войнѣ,

фабричная работа лишаетъ однако занимающихся ею способности къ войнѣ, такъ что покровительство промышленности не только вызываетъ войну, но и ведетъ къ пораженію. Аппетитъ къ богатствамъ, которыя такъ искусно были выставлены Франціею, пробужденъ не въ Германіи только, но еще болѣе въ самой Франціи: четвертое сословіе самой Франціи также увидало богатства третьяго сословія, и быть можетъ въ конференціи по рабочему вопросу, собранной императоромъ Вильгельмомъ, можно видѣть начало союза между Германіей и четвертымъ сословіемъ самой Франціи. Но у Франціи есть врагъ посильнѣе Германіи, посильнѣе и четвертаго сословія, врагъ общій третьему и четвертому сословію, этотъ врагъ — вымираніе того и другого сословія, вообще — горожанъ. Для спасенія отъ этого врага недостаточно одного ограниченія прилива сельскаго населенія въ города (въ эти морильни всего живого), для этого необходимъ обязательный, въ видахъ спасенія земли, ежегодный наборъ въ городахъ для перевода въ села и на окраины съ устройствомъ кустарнаго производства вмѣсто фабричнаго. Это и будетъ такимъ приготовленіемъ къ войнѣ, которое можетъ дать миръ; это же средство, спасительное отъ внѣшнихъ враговъ, ведетъ къ водворенію и внутренняго мира, оно же избавитъ и отъ переворота, который ожидаютъ отъ четвертаго сословія.

Еще вреднѣе, можетъ быть, вліяніе Французской выставки въ Москвѣ, въ центрѣ русской промышленности. Кромѣ увеличенія спроса на французскія произведенія, русскіе друзья французской промышленности ожидаютъ —какъ великаго блага,— что совершеннѣйшая въ мірѣ промышленность вызоветъ въ нашей промышленности подражаніе, т. е. не только увеличитъ движеніе отъ селъ въ города, но и нынѣшнихъ фабричныхъ, временныхъ лишь горожанъ, заставитъ порвать послѣднюю связь съ селомъ, сдѣлавъ ихъ спеціалистами, посвятившими себя исключительно фабричному дѣлу, такъ что Св. Пасха окажется уже безсильною возвратить ихъ къ полямъ, къ могиламъ предковъ, какъ это было до сихъ поръ, когда праздникъ Пасхи, этотъ весенній праздникъ, вызывалъ движеніе рабочихъ изъ городовъ въ села,—вызывалъ возвращеніе къ селамъ, къ земледѣльческимъ работамъ. А между тѣмъ голодъ 1891 года у насъ въ Россіи, какъ и засуха въ 1893 году во Франціи, когда во многихъ деревняхъ Нормандіи и въ другихъ частяхъ Франціи были принуждены пить грязную воду, какъ объ этомъ уже выше упоминалось,— настоятельно требуютъ нетолько не отвлекать, а даже приковать вниманіе всѣхъ,—людей всѣхъ спеціальностей, ученыхъ всѣхъ наукъ,— къ селу, къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ живетъ село, чтобы не могла ускользнуть отъ вниманія малѣйшая возможность регуляціи метеорическимъ и вообще растительнымъ процессомъ, такъ какъ только такое разностороннее вниманіе и можетъ привести къ открытіямъ; отвлекать же вниманіе отъ этого дѣла, отъ регуляціи метеорическимъ процессомъ, въ такое время, какъ наше (1893 годъ), устройствомъ выставки можетъ только самый злѣйшій врагъ не только Россіи, но и Франціи. Если же союзъ съ Франціею долженъ выразиться выставкою въ Москвѣ,

то не можетъ не родиться вопросъ: что лучше, дружба ли съ Франціею или же война съ Германіею;—что лучше, грозное ли нашествіе на насъ Французовъ въ 1812 году, или же соблазнительное, развращающее нашествіе на насъ тѣхъ же Французовъ въ 1891 году, губительное не только для Россіи, но и для самой Франціи, какъ подтачивающее ту опору, на которую она возлагаетъ свои упованія. Этотъ вопросъ столько же важенъ для Франціи, сколько и для Россіи, и для первой даже больше важенъ, чѣмъ для послѣдней;—если Франція желаетъ ослабить своего будущаго союзника въ войнѣ съ Германіею, то ничего лучшаго не могла придумать, какъ выставку. Если ходъ цивилизаціи, культуры, т. е. вырожденія тѣлеснаго и душевнаго неизбѣженъ, то такому бѣдствію должна прежде подвергнуться Германія, а потомъ уже Россія. Германія и умирая, можетъ однако сказать, что она не даромъ жила. А Россія?!... Хуже всего, что Россія не сознаетъ опасности, какъ не сознаетъ ее, конечно, и Франція... Выставкою, устроенною въ Парижѣ, у насъ или восхищались или же молчали, потому что не хватало смѣлости говорить противъ культа всего интеллигентнаго класса.

Выставка имѣетъ цѣлью сдѣлать Россію данницею французской промышленности, имѣетъ цѣлью эксплуатацію, это мирное завоеваніе; т. е. то, чего нѣмцы думаютъ достигнуть войною, Франція думаетъ достигнуть подъ видомъ дружбы. Для насъ,—можетъ быть,—выгоднѣе не только война съ Германіею, но и первоначальное пораженіе, которое заставило бы Францію отказаться отъ преслѣдованія насъ своею дружбою.—Французская выставка въ Москвѣ, это приглашеніе гувернера или гувернантки для всей Россіи. Въ дѣлѣ нашего подчиненія Западу, нашего обезличенія, дальше идти нельзя, если уже партія, считающая себя самобытною (славянофилы), опредѣляетъ **православіе**, въ которомъ видитъ нашу отличительную черту отъ Запада, **вѣротерпимостью**, составляющею принадлежность именно Запада, и притомъ эпохи упадка, когда изсякла всякая вѣра, потеряна всякая надежда въ истину и въ такое благо, которое могло бы объединить всѣхъ, которое исключало бы рознь. Безплодность трехсотлѣтняго проповѣдыванія вѣротерпимости на Западѣ, казалось, могла бы насъ чему-нибудь научить; безплодность этой проповѣди, казалось, могла бы дать познать все ничтожество этой терпимости. Опредѣлять православіе вѣротерпимостью тѣмъ удивительнѣе, что православіе само себя опредѣлило не терпимостью ко враждѣ и розни, а именно **печалованіемъ о всякой розни и враждѣ;** да и не вѣротерпимостью только опредѣляется православіе у самобытной партіи, а вѣротерпимостью, соединенною съ уваженіемъ къ чужой вѣрѣ, т. е. къ вѣрѣ западной, а вся вѣра, вся надежда, вся любовь Запада заключается въ этой выставкѣ,— она соединяетъ и католиковъ, и протестантовъ, и евреевъ, въ нее вѣрили и Хомяковъ, и Аксаковы, и Самарины, а западники молились и молятся на нее.

Городская роскошь и составляетъ предметъ спора между буржуазіей и рабочими, между либеральною и соціалистическою партіями, хотя пред-

метъ раздора и не называется настоящимъ именемъ. Эта же роскошь,— производство которой считается дѣломъ достойнымъ человѣка,— мѣшаетъ и пятому сословію, поселянамъ, понять настоящее свое положеніе; эта же роскошь держитъ и всѣ науки въ разъединеніи и заставляетъ ихъ работать тлѣнію, т. е. прихотямъ города. Когда предъ мыслію, понявшею причины раздора, откроется великое отеческое дѣло, въ которомъ всѣ науки могутъ объединиться,— объединиться не искусственно, а естественно,— тогда науки, насильственно отдѣленныя одна отъ другой и порабощенныя городомъ,—освободясь, будутъ возвращаться часть къ части, каждая къ своему составу. Всѣ науки, сознавшія въ своихъ спеціальныхъ органахъ свое служеніе небратскому дѣлу, представятъ картину воссоединенія наукъ и соединеніе служителей этихъ наукъ (т. е ученыхъ) въ одинъ соборъ,— это и будетъ **всенаучный музей.** Мысль, изслѣдующая раздоры въ видахъ соединенія для общеотеческаго дѣла, объединитъ и художниковъ всѣхъ направленій всѣхъ мѣстъ въ созданіи одной поэмы, иллюстрируемой, драматизируемой и не оканчивающейся со смертью даже цѣлаго поколѣнія,— такъ что произведеніе одного поколѣнія будетъ однимъ лишь актомъ драмы.—Мысль, дѣйствующая всѣми художественными средствами, не разъединяемая пространствомъ, не разрываемая временемъ, дѣйствующая воспитательно,—объединитъ искусство, соберетъ и всѣхъ художниковъ въ одинъ всехудожественный соборъ, въ одинъ храмъ-музей, соединяющій въ себѣ всѣ искусства. Драма объединитъ всѣ направленія въ одномъ естественно-человѣческомъ направленіи,—и объединеніе это произойдетъ изъ изслѣдованія причинъ разъединенія по мѣсту и времени,— причинъ, препятствующихъ драмѣ быть объединеннымъ дѣйствіемъ всѣхъ мѣстъ и многихъ поколѣній. Не можетъ и не быть единства, если произведеніе выходитъ отъ сотрудниковъ, литераторовъ, художниковъ всѣхъ редакцій, пришедшихъ къ согласію,—когда произведеніе это есть ихъ общее созданіе. Три пресловутыя единства драмы, которыхъ требовали классики и которыя отрицали романтики, могутъ быть приняты тѣми и другими, если въ основѣ будетъ единство самой дѣйствительности: потому что единство мѣста,— несмотря на обширность пространства, обнятаго дѣйствіемъ,—дѣйствительно **будетъ**, если мѣстныя будутъ дѣйствовать согласно съ центральными; **будетъ** и единство времени, если произведеніе послѣдующихъ поколѣній станетъ только продолженіемъ произведенія предыдущихъ; такъ что,— какъ бы ни продолжительно было время, которое произведеніе обнимаетъ,—единство **ни времени, ни дѣйствія** утрачено быть не можетъ. Итакъ это будетъ музей трехъ единствъ, - объединеніемъ направленій выразится **единство дѣйствія**, въ объединеніи всѣхъ мѣстностей въ общемъ центрѣ выразится **единство мѣста** и, наконецъ, въ такой послѣдовательности поколѣній, при которой младшія поколѣнія дѣйствуютъ подъ руководствомъ старшихъ, выразится **единство времени**.

Истинный музей есть музей всѣхъ трехъ способностей души, объединенныхъ въ памяти, т. е. онъ есть выраженіе согласія и полноты ду-

шевной, ибо онъ есть разумъ не только понимающій, но и чувствующій утраты, и не только чувствующій (т. е. не скорбящій только), но и дѣйствующій для возвращенія утратъ, для воскрешенія погибшихъ.

Музей не допускаетъ отвлеченія отъ всеобщаго **блага** ни знанія, или **истины**, ни художества, т. е. **красоты**,—но только память дѣлаетъ **благо** всеобщимъ. Если изъ разума, или знанія, выдѣлить нравственное, то безнравственное знаніе будетъ служить чувственности, произведетъ промышленность и подчинится ей, т. е. вслѣдствіе такого выдѣленія нравственности изъ разума произойдетъ городъ. При отвлеченіи отъ знанія нравственнаго начала, знаніе не можетъ остаться даже и чистымъ, т. е. равнодушнымъ къ чувственности;—городъ же безъ чистаго знанія, это—идеалъ четвертаго сословія, которое понимаетъ только приложенія, а чистымъ знаніемъ не дорожитъ. Знаніе, отвлеченное отъ художественнаго, отъ прекраснаго, будетъ чистымъ, мертвымъ. Художественное, отвлеченное отъ нравственнаго, обратится въ промышленность (въ мануфактурное производство),—въ промшленно-художественный музей; отвлеченное отъ нравственнаго, художественное не можетъ быть даже искусствомъ для искусства;—прекрасное, отдѣленное отъ нравственнаго, будетъ чувственною красотою, которая создаетъ общество полового подбора, живущее для настоящаго и забывающее прошедшее; если же отдѣлить отъ прекраснаго истинное, то получится обманъ, обольщеніе. Благо, отдѣленное отъ прекраснаго, будетъ страданіемъ, а не блаженствомъ;—отдѣленное отъ прекраснаго,—благо не можетъ быть даже мертвымъ, бездушнымъ аскетизмомъ; благо же безъ знанія, невѣжественное благо, обращается или въ личную, эгоистическую добродѣтель,—(въ заботу о личномъ лишь спасеніи, о личномъ самоусовершенствованіи),— обращается въ добродѣтель, безсильную уничтожить зло, объ уничтоженіи котораго она и не помышляетъ,—или же въ добродѣтель гражданскую, которая состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать **дѣйствительное зло** однимъ въ видахъ доставленія **воображаемаго блага** другимъ. Нравственное, благое, истинное, прекрасное, стали отвлеченными понятіями, а должны быть необходимыми принадлежностями жизни и составлять самое существо человѣка.—Чувство прекраснаго, или эстетическое чувство, возможно только у разумно-нравственныхъ существъ и предметомъ эстетическаго чувства можетъ быть только одушевленное существо, т. е. нравственно-разумное; ибо если и находятъ природу прекрасною, то только потому, что приписываютъ ей душу, чувство. Если находятъ прекрасное въ произведеніяхъ искусства, то тоже лишь потому, что видятъ въ нихъ нѣчто живое. Потому то истинно прекраснымъ и можетъ быть только общество, т. е. одушевленныя существа, союзъ одушевленныхъ существъ. Приписывать прекрасное только обществу, это не значитъ ограничивать область прекраснаго, ибо искусство есть напоминаніе, а воскрешеніе, какъ осуществленіе въ памяти хранимаго, есть расширеніе общества, а слѣдовательно и области прекраснаго, на всѣ поколѣнія. Точно также и природа, когда будетъ управляема разумомъ, будетъ выраженіемъ человѣческой мы-

сли и чувства, т. е. будетъ прекрасною.—Эти три свойства Бога и человѣка,—благо, истина и красота,—недѣлимы ни между собою, не отдѣлимы и отъ того, кому принадлежатъ, не могутъ дѣлаться эти свойства принадлежностью и отдѣльныхъ сословій,—истина не можетъ быть принадлежностью ученыхъ, а прекрасное—принадлежностью художниковъ. Прекрасное не можетъ принадлежать бездушнымъ вещамъ,—ни даже лицамъ, взятымъ въ ихъ розни, или въ ихъ подчиненіи,—**прекрасное, истина и благо принадлежатъ только Богу, какъ Тріединому, и человѣку—какъ многоединому.**

Всемірная Выставка, какъ указаніе значенія города (или городской, Европейско-Американской цивилизаціи и культуры),—**значеніе города, заключающееся въ отрицаніи цѣли и смысла жизни.** Выставка есть изображеніе **измѣны отцамъ** сынами, увлекшимися красотою женщинъ; это дефратернизація чрезъ депатріацію, или экспатріація для служенія женщинамъ, эффеминизація. Въ гуманизмѣ, или гомункулизмѣ,—въ самой неопредѣленности уже этого слова заключается отрицаніе смысла жизни. Сыны, оставившіе прахъ отцовъ, построили городъ, измѣнили наименованіе **сыновъ** на **человѣкъ**, чтобы ничто не напоминало о смерти, объ умершихъ отцахъ. Городъ долженъ быть вѣчнымъ брачнымъ пиромъ, на которомъ **слово**, переставшее быть **дѣломъ**, стало орудіемъ увеселенія, забавы, какъ и всѣ другія **искусства**,—ставшія служанками полового подбора,—**искусства не Парнасскаго, а Альпійскаго** полуострова, подчиняющія художественное промышленному.

Выставка 1882 года можетъ быть названа, художественно-промышленною не потому, что она заключала въ себѣ особый отдѣлъ изящныхъ искусствъ, а потому, что **выставки суть,**—вообще,—**художество** нашего времени, хотя со стороны выразительности формы ихъ и не представляются удовлетворительными. Видно, что авторы выставки 1882 года недостаточно продумали, прочувствовали ту жизнь, тотъ бытъ, который они изображали въ этой выставкѣ, и потому не могли дать ей такого единства, какое требуется отъ художественнаго произведенія. Выставка, это—панегирикъ XIX-му вѣку; но панегирикъ, пока жизнь не представляетъ совершенства, есть самая несовершенная форма искусства. Необходима экспертиза—какъ новая критика для новаго искусства,—экспертиза необходима для того, что бы выставка получила надлежащую форму. Сравнивая двѣ выставки,—ту, которая основана на сознаніи смертности (Музей), съ тою, которая старается скрыть смерть,—экспертиза не можетъ не признать первую гораздо болѣе вѣрною дѣйствительности, чѣмъ послѣдняя.

Наша выставка 1882 года была близка къ истинѣ, къ дѣйствительности, когда представила Елену или Еву,—(вообще женщину, которая и повинна въ паденіи міра);—но выставка не дала этому изображенію центральнаго положенія, не показала отношенія къ этой фигурѣ всѣхъ произведеній промышленности, не показала, что вся культура есть культъ этого идола. Но если бы это и было осуществлено, то и тогда выставка была

бы одностороннимъ лишь изображеніемъ дѣйствительности. Согласно съ дѣйствительностью выставка, по крайней мѣрѣ съ наружной стороны, должна представлять крѣпость, т. е. быть выставкою всѣхъ усовершенствованій въ дѣлѣ военнаго искусства, должна представить это въ видѣ битвы или осады... Точно также не было бы противорѣчія дѣйствительности, если бы подлѣ самой ассамблеи,—или же противъ нея,- была представлена казарма, или полицейское учрежденіе, ибо и эта часть не оставалась въ застоѣ, а совершенствовалась вмѣстѣ съ успѣхами самой промышленности и ея слѣдствіями: проституціей и пьянствомъ. Намекъ на эти темныя стороны фабричнаго производства не былъ бы лишнимъ, ибо это тотъ же культъ, только въ самой грубой формѣ;—устранить эти темныя стороны фабричнаго производства можетъ замѣна фабричнаго производства кустарнымъ промысломъ. Такимъ образомъ выставка была бы романтическою внутри и героическою внѣ, но героическою не въ смыслѣ торжества, побѣды, а въ смыслѣ сокрушенія о жертвахъ, о гибели, которую несутъ новоизобрѣтенныя наукою и учеными орудія. Съ одной стороны,—**внутри,**—брачный пиръ, вѣчный праздникъ, постоянная ярмарка, а съ другой,—**внѣ,**—пиръ смерти. Но было бы ошибкою видѣть противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ,--напротивъ, внутреннее порождаетъ внѣшнее, **внутренній пиръ** есть истинная причина внѣшней битвы—**пира смерти.**

Всемірная Выставка, должнымъ образомъ представленная, будетъ изображеніемъ индустріализма—внутри и милитаризма—внѣ. Милитаризмъ на подкладкѣ индустріализма оказывается безсильнымъ для защиты: оружіе улучшается, а войско ухудшается; не говоря уже о разслабляющемъ дѣйствіи индустріи,—населеніе, отторгнутое отъ земли, становится интернаціональнымъ, земля для такого населенія не прахъ предковъ, а богатство, только не ему (большинству) принадлежащее. Поэтому Выставка, вѣрная истинѣ, должна показать, что оружіе, устроенное искусною техникою промышленнаго народа, хотя и назначается для своей защиты, въ дѣйствительности оказывается приготовленнымъ на свое пораженіе и погибель. Развѣ мы не видали, какъ земледѣльцы Буры побивали Англичанъ оружіемъ, въ усовершенствованіи коего Англичане принимали очень живое участіе. Промышленный западъ не долженъ отъ себя скрывать, что онъ изобрѣтаетъ и куетъ оружіе чтобы вооружить имъ земледѣльцевъ или же кочевниковъ Востока для своего же этимъ оружіемъ пораженія.

Итакъ Выставка съ одной стороны показываетъ богатство, какъ приманку, а съ другой—показываетъ оружіе, которымъ эти богатства будутъ отняты, взяты у Запада;—Западъ даже самъ вооружаетъ тѣ народы, которыя явятся,--могутъ явиться,—на смѣну ему. Слухъ о колоссальной выставкѣ проникаетъ въ самые дальніе аулы Верхней Азіи и степи пустынной Африки, и притомъ въ преувеличенномъ до миѳическихъ размѣровъ видѣ: башню построили до небесъ и т. п.

Всемірная выставка представляетъ собою нарушеніе, или,—вѣрнѣе—отрицаніе всѣхъ десяти заповѣдей вообще, а двухъ первыхъ и пятой въ

особенности. Она признаетъ только иныхъ боговъ, въ слѣпыхъ силахъ природы и въ чувственныхъ влеченіяхъ проявляющихся, и отрицаетъ Единаго и особенно Тріединаго, требующаго отъ разумныхъ существъ объединенія противъ слѣпыхъ силъ природы, торжество надъ которыми, управленіе ими и дастъ человѣку власть и надъ собственными влеченіями.—Вся выставка, само зданіе и все въ немъ заключающееся есть именно твореніе подобій и не тому лишь, что есть на небѣ и на землѣ, но даже и самого неба, подобій коего столько же, сколько куполовъ на этомъ, многоязычномъ храмѣ народовъ, состязающихся въ воспроизведеніи всего, что есть на небѣ и на землѣ, въ водѣ и подъ водою. Всемірная выставка, эта гигантская суета суетъ, поглошающая всѣ силы души, не даетъ ни мѣста, ни времени даже для **мысли** о Богѣ, не говоря уже **о дѣлѣ**, объ исполненіи заповѣди **управленія** слѣпыми силами, которое только и освободитъ насъ отъ ига этой силы и всяческой суеты. Четвертая заповѣдь ветхаго закона,—снисходительно, какъ дѣтямъ, разрѣшавшая шесть дней дѣйствительно служить мнимымъ богамъ, и требовавшая только одного дня для служенія истинному Богу, и для служенія при томъ мнимаго,—лишь мыслью, созерцаніемъ, а не исполненіемъ Божественной воли, не дѣломъ управленія (регуляціи) слѣпыми силами во всемъ мірѣ,—который (т. е. міръ) по причинѣ бездѣйствія человѣка и сталъ смертоносною силою,—этотъ то единственный день, хотя бы лишь созерцанія Бога, и отнимаетъ выставка, чтобы всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ привлечь къ душепагубному созерцанію соблазнительныхъ вещей, порабощающихъ человѣка. Съ величайшимъ озлобленіемъ относится выставка къ пятой заповѣди; облекая дочь человѣческую всѣмъ, что есть на выставкѣ самаго соблазнительнаго, выставка старается отвлечь сыновъ и дочерей отъ отцовъ и матерей; освобождая отъ запрещенія, заключающагося въ седьмой заповѣди, и не только разрѣшая, а даже соблазняя, подталкивая всѣмъ, что есть на выставкѣ, къ нарушенію этого запрещенія, возводя запрещаемое этою заповѣдью въ высшее благо жизни, превращая воспрещеніе въ повелѣніе, выставка хочетъ вычеркнуть пятую заповѣдь изъ закона внѣшняго и внутренняго,—выставка требуетъ осужденія отцовъ за рожденіе сыновъ безъ ихъ, сыновъ, на то разрѣшенія (Примѣч. 5-е). Строгое примѣненіе новой заповѣди прелюбодѣянія (проституція) и приведетъ къ исполненію заповѣди нерожденія. Франція,—по-справедливости получившая право на всемірную выставку,—на себѣ можетъ показать вѣрность этого закона. Развивая во всей силѣ соблазнительную привлекательность внѣшности, наружной стороны вещей, выставка пробуждаетъ апетиты стяжанія, хищенія, кражи, наживы и всякаго рода нечистыя пожеланія, она вселяетъ зависть, вражду въ людяхъ другъ къ другу, возбуждаетъ сословіе на сословіе (4-е на 3-е, 5-е на 4-е), сыновъ на отцовъ, возстановляетъ народъ на народъ, царство на царство, вооружая ихъ истребительнѣйшими орудіями; такъ что выставка, будучи **внутри** магазиномъ,—не дамскимъ только, но и кавалерскимъ счастіемъ,—**извнѣ** является крѣпостью съ образцами истребительнѣйшихъ орудій,—орудій не убивающихъ только,

но и сожигающихъ трупы убитыхъ, предающихъ ихъ огненному погребенію (кремація). Такимъ образомъ выставка всю жизнь обращаетъ во взаимное истребленіе,—истребленіе всякаго рода оружіемъ, даже мыслью, словомъ,—писанымъ, печатнымъ, скоропечатнымъ,—она и знать не хочетъ шестой заповѣди, признаетъ ее даже вредною, антипрогрессивною, сохраняющею жизнь менѣе сильнымъ. Еще болѣе, конечно, игнорируетъ выставка заповѣди девятую и десятую, и возбуждая взаимныя обвиненія рабочими капиталистовъ, а капиталистами рабочихъ въ нарушеніи восьмой заповѣди, выставка доказываетъ только, что ни тѣ, ни другіе не могутъ считаться дѣйствительными обладателями, собственниками,—вся выставка есть колоссальная кража, въ которой много дарового и мало трудового, ибо она, какъ и вся наша жизнь, есть произведеніе неуправляемой разумными существами слѣпой силы, которая,—потому что не управляема разумомъ,—и творитъ зло; представляя это зло благомъ, выставка есть величайшая ложь.—Называя выставку величайшею ложью, мы не можемъ однако не признать необходимости ея созиданія, устройства, только нужно относиться къ ней не панегиристически, а критически;—въ самомъ устройствѣ выставки надо показать, что она есть не благо, а величайшее зло; но это зло можетъ быть обращено въ величайшее благо.

Выставка и Музей, или **кажущееся** (Выставка) и **дѣйствительное** (Музей),—дѣйствительное, скрываемое подъ внѣшнимъ блескомъ 4-хъ вѣкового прогресса,—**Музей,** раскрывая дѣйствительное, **раскрываетъ и то, что должно быть. Музей** не отрицаніе лишь Выставки, какъ лжи и порока, но и **указаніе, проектъ истиннаго** и **дѣйствительнаго.** Выставка есть произведеніе гуманизма, а Музей-произведеніе сыновъ человѣческихъ.

Проектъ юбилейной выставки XIX вѣка есть проектъ наглядаго изображенія—XIX-го или даже,—точнѣе,—четырехъ послѣднихъ вѣковъ,—изображеніе этихъ вѣковъ **не** хвалебное, **не** такое, какими они кажутся, **не казовое,** а изображеніе ихъ, т. е. такъ называемой новой исторіи (гуманистической) въ ея истинѣ и дѣйствительности,—въ истинѣ и дѣйствителности отрицательной; проектъ же Музея не гуманистическаго, а сынами отцамъ воздвигаемаго, который не ограничивается храненіемъ останковъ прошедшаго, но присоединяетъ къ храненію наблюденіе и текущаго для возстановленія протекшаго,—проектъ Музея есть проектъ изображенія дѣйствительности въ положительномъ смыслѣ,—**изображеніе того, что должно быть,** въ противоположность Выставкѣ, которая есть изображеніе того, что не должно быть,—т. е. такой музей, какимъ онъ здѣсь проектируется, есть то, во что должна обратиться Выставка.

Такимъ образомъ Музей,—въ которомъ погребается то, что на Выставкѣ есть ложнаго,—занимаетъ во 2-мъ предисловіи,—[которое есть призывъ ученыхъ (людей знанія или мысли) русскихъ и не русскихъ къ переходу отъ мысли къ дѣлу],—то же мѣсто, какое въ первомъ,—(т. е. въ призывѣ ученыхъ духовнаго сана, православныхъ и инославныхъ, къ дѣлу объединенія внутренняго и внѣшняго), занимаетъ храмъ памятникъ (или

тотъ же музей) въ его внутренней и наружной росписи, т. е. Музей во 2-мъ предисловіи есть указаніе на **положительное**, на то, **что должно быть;** выставка же относится ко 2 му предисловію, какъ парламентъ религій въ Чикаго относится къ 1-му предисловію, т. е. съ отрицательной стороны; — говоримъ о парламентѣ религій въ Чикаго въ его Шенаваровскомъ изображеніи или какомъ бы то ни было Пантеонѣ, какъ соединеніи религій, признаваемыхъ и одинаково истинными, и одинаково ложными. Парламенту религій перваго предисловія, или лже-собору, соотвѣтствуетъ Выставка второго предисловія, а храму памятнику (1-го предисловія), заключающему въ себѣ проектъ дѣйствительнаго соединенія церквей, соотвѣтствуетъ Музей (2-го предисловія) въ отрицательномъ (какъ отрицаніе лжи и порока Выставки, какъ погребеніе всего ложнаго на Выставкѣ) и въ положительномъ, или проективномъ смыслѣ.

Выставка и Музей указываютъ и на то, **что не должно быть,** и на то, **что должно быть:** общество человѣческое не должно брать себѣ образецъ въ слѣпой, или въ животной, природѣ, каковъ организмъ, гдѣ большинство обезглавливается и обращается въ слѣпыя орудія; и только лишь лицемѣрно, или же по недомыслію можно говорить при этомъ о всеобщемъ просвѣщеніи, невозможномъ при обезглавленіи большинства, какъ бы ни увеличивали часы праздности. Всѣ юридико-экономическія общества построены по типу организма и никакой гуманизмъ смягчить этого зла не можетъ, ибо гуманизмъ состоитъ въ снисхожденіи и поблажкахъ слѣпой чувственности; таковс выраженіе: человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, т. е не чуждо **человѣческое,** въ которомъ такъ много еще скотскаго и звѣрскаго. Только въ долгѣ сыновъ человѣческихъ, коихъ слѣпая смертоносная сила лишаетъ отцовъ, не можетъ быть никакого снисхожденія, никакой поблажки. Только Сынъ Божій и Духъ Святой въ ихъ отношеніи къ Богу-Отцу могутъ служить образцомъ для общества сыновъ и дочерей человѣческихъ.

Всемірная Выставка, какъ послѣднее искаженіе Птоломеевскаго искусства, и **Музей, какъ переходъ къ Коперниканскому искусству.** Птоломеевское искусство,—(по преимуществу религіозное),—падаетъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ Коперниканскаго воззрѣнія, Каперниканской системы, которая низводитъ небесное на земное, подчиненное тому же закону паденія, какъ и все земное;—и **тамъ,** слѣдовательно (думали), **нѣтъ существъ свободныхъ, высшихъ человѣка.** Хотя Коперниканская система оставалась гипотезою, тѣмъ не менѣе Птоломеевскому искусству,—и вообще искусству,—былъ нанесенъ ударъ, и оно, искусство, стало замѣняться промышленностью, храмы высшимъ существамъ замѣнились дворцами и храмами выставокъ, литература сдѣлалась земною, реальною, она только знала любовь сыновъ и дочерей другъ къ другу, а не къ отцамъ, и особенно умершимъ, т. е. искусство признавало Царицу промышленности Царицею міра, а слѣдовательно и **для литературы, какъ и для философіи, не было другого блага кромѣ того, которое производитъ фабрика, ко-**

торое обобщается въ деньгахъ. Когда пессимисты позволили себѣ усомниться и въ этомъ благѣ, то такое отрицаніе вызвало изумленіе; однако перваго мѣста деньги не потеряли,—деньги не лишились перваго мѣста, потому что пессимисты, какъ напр. Толстой, не признавая блага въ деньгахъ, ничего другого на мѣсто ихъ не поставили. Если и деньги,—они думали,—не благо, то остается лишь нирвана.

Но точно-ли Коперниканская система отвергала всякое благо, закрывала всякій путь къ благу?!... Если Коперникъ распространилъ земное далеко за предѣлы земли, если Кеплеръ лишилъ эти земли свободнаго движенія, а Ньютонъ подчинилъ и ихъ земному закону паденія, **то не слѣдуетъ ли изъ этого прямо, что существо**,—самое начало котораго совпадаетъ съ противодѣйствіемъ паденію, всеобщему тяготѣнію, и которое изъ этого противодѣйствія сдѣлало, можно сказать, законъ жизни, которое и въ движеніи кругомъ земли не подчиняется Кеплеровскому закону,—**не слѣдуетъ ли изъ этого, что для такого существа земля не граница.** И если бы во всей вселенной, доступной нашимъ чувствамъ, не было ничего, кромѣ земного, то для существа, для коего уже при самомъ началѣ **не все** было **данное природою** и которое постоянно трудится, чтобы замѣнить рожденное трудовымъ, превосходящимъ даже рожденное,—для такого существа распространеніе земного на всю вселенную будетъ лишь распространеніемъ предѣловъ его собственнаго существованія. Когда все будетъ дѣломъ,—дѣломъ, конечно, возсозданнымъ, а не созданнымъ, тогда не будетъ ничего искусственнаго, а все естественное, **тогда существующее**, правимое разумомъ, **и будетъ возсоздатель и Создатель.**—За признаніемъ производимаго фабрикою не только не благомъ, а даже зломъ,—какъ и всей культуры,—и откроется истинный путь къ благу.

Къ Эстетикѣ Птоломеевскаго и Коперниканскаго искусства. Слѣдя за послѣднимъ вздохомъ отцовъ и матерей, сыны обратили взоръ къ небу, а вмѣстѣ со взорами **и руки**,—или переднія конечности, которыя у животныхъ служатъ опорами (у человѣка переднія конечности,—слабые какъ опоры,—сдѣлались орудіями взятія, вооруженія),—**поднялись вверхъ,** къ тому же небу, прося о помощи, ища опоры въ небѣ; и эта просьба, мольба о помощи, это обращеніе переднихъ конечностей, рукъ, изъ опоръ въ орудія дѣйствія, дала существу,—отъ земли поднявшемуся,—силу, мощь. Вмѣстѣ съ обращеніемъ къ небу и **чело этого существа поднялось и сдѣлалось подобнымъ небесному своду,** и стало оно, это существо, храмомъ, руки его, стремящіяся вверхъ, сдѣлались какъ бы башнями, а между ними глава. Голосъ или вопль, обратилъ это созданіе слезъ въ храмъ отпѣванія.—Руки поднялись къ небу, чтобы привлечь, возвратить удаляющійся духъ жизни умершаго; вмѣстѣ съ стремленіемъ возвратить духъ жизни, руками же старались вызвать умершаго изъ земли,—ставили столбъ и давали ему подобіе умершаго. Соединеніе многихъ столбовъ или плитъ съ изображеніями умершихъ,—соединеніе ихъ совокупными силами сыновъ составляло, или создавало, храмъ; сводя плиты къ верху, сыны создавали

подобіе небу и своему **челу**, головѣ, носящей образы умершихъ отцовъ.— **Храмъ-Музей съ вышкою,** (съ вышкою—для наблюденій и для изученія небесныхъ явленій), открываетъ въ куполѣ храма, какъ подобіи кажущагося неба, выходъ къ небу дѣйствительному, къ небеснымъ мірамъ, или землямъ, носящимся въ немъ, т. е. въ небѣ, чтобы изображеннымъ на куполѣ (на этомъ подобіи неба) умершимъ дать дѣйствительную жизнь на дѣйствительномъ небѣ, т. е. **храмъ-музей съ вышкою** представляетъ переходъ отъ **Птоломеевскаго созерцанія къ Коперниканскому небесному дѣлу**; тогда какъ Всемірная Выставка XIX вѣка, какъ собраніе всѣхъ произведеній **„безцѣльнаго труда“**, есть крайнее искаженіе Птоломеевскаго искусства, есть торжество нововѣковой безцѣльности, (какъ естественное слѣдствіе признанія своего ничтожества во вселенной), надъ средневѣковымъ обманомъ, торжество отрицательной стороны Коперниканскаго міровоззрѣнія надъ положительной Птоломеевскаго.— **Храмъ-Музей съ вышкою,** поднимая, возвышая взоръ къ небу, возвращаетъ блудныхъ сыновъ къ первобытному ихъ состоянію, къ началу вертикальной выправки,— а вмѣстѣ съ тѣмъ **храмъ-музей съ вышкою** составляетъ оборотную сторону Всемірной Выставки, указываетъ на ея изнанку: на выставкѣ блестящія тряпки, служащія для сближенія половъ, а въ Музеѣ-ветошь.— Музей открываетъ тлѣнность того, что на выставкѣ является **красотою** и что приводило бы къ **„не-дѣланію“**, если бы Музей съ вышкою не указывалъ дѣла и ради этого дѣла не объединялъ бы всѣ науки въ астрономіи, а всѣ искусства въ архитектурѣ, т. е. въ Храмѣ-музеѣ, и притомъ въ храмѣ-музеѣ съ вышкою, какъ переходѣ къ Коперниканскому искусству. Соединяя въ себѣ всѣ искусства, какъ способы выраженія, и всѣ науки, какъ способы изученія, Храмъ-Музей есть истинный памятникъ умершимъ и не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ скульптурнымъ только изображеніемъ, которое было, какъ это видно изъ выше-изложеннаго, лишь началомъ, **первымъ камнемъ** созиданія храма.

Всемірная Выставка парижскаго вѣка,— такъ, кажется, слѣдуетъ назвать отходящій (нынѣ уже отшедшій) вѣкъ,—органомъ которой должно считать всѣ свѣтскія школы, хотя бы изъ нихъ и не были еще вынесены иконы,—эти дощечки, по ядовитому выраженію фанатическаго представителя опошлѣвшаго иконоборства, который онъ считаетъ своимъ открытіемъ—(говорится о Толстомъ),—Всемірная выставка съ этими школами,—хотя они и **не называются школами-выставками,** но по своему направленію заслуживаютъ такого названія,—самымъ названіемъ своимъ (выставка) указываетъ на значеніе вѣка, который, считая себя **декадентскимъ**, признаетъ однако за собою право на всемірное распространеніе, что равнозначуще всемірному паденію, кончинѣ вѣка. Христіанство,— основателя котораго XIX вѣкъ, въ лицѣ новыхъ іудеевъ и язычниковъ, призвалъ къ своему нечестивому суду и лишилъ Его сана Сына Божія и Сына человѣческаго,—христіанство вступило въ XX вѣкъ съ обновленною заповѣдью: **„научите, крестяще“**,—понявъ въ самомъ обширномъ смыслѣ **„научите“**

и въ самомъ глубокомъ—**„крестяще“**,—и противопоставило выставкѣ храмъ Богу-отцовъ съ Музеемъ,—посвященнымъ всѣмъ предкамъ и открытымъ къ небу (Музей съ вышкою),—т. е. соединившимъ всѣ знанія въ исторіи и астрономіи; вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство противопоставляетъ и философскому критицизму апостольскій скептицизмъ, **по глубокой любви** недовольствующійся представленіемъ, а требующій видѣнія и осязанія для удостовѣренія въ воскресеніи. Этотъ новый подъемъ христіанства,— или юбилей,—быть можетъ самый высокій, видитъ въ критицизмѣ и циничномъ позитивизмѣ новый великій Пятокъ. Признавъ воскресеніе Христово только актомъ живоносной души рыбаковъ, критицизмъ профессоровъ и ученыхъ обнаружилъ всю мертвенность души своихъ представителей, новыхъ судей Христа, т. е. самъ себя осудилъ. Противопоставленіе апостоловъ, какъ исполнителей воли воскресшаго въ дѣлѣ собиранія и умиротворенія, въ наученіи для совершенія воскрешенія,— (ибо воскресеніе Христово не было бы побѣдою надъ смертію, попраніемъ смерти, не было бы искупленіемъ отъ грѣха, какъ причины смерти, если бы собираніе и наученіе не было условіемъ всеобщаго воскресенія),— противопоставленіе апостоловъ, какъ исполнителей воли Воскресшаго въ дѣлѣ всеобщаго воскрешенія, ученымъ и философамъ, живущимъ отрицаніемъ, признающимъ лишь опыты въ одиночку, въ видѣ только подобій, игры, игрушечные опыты, или же признающимъ знаніе только для знанія,—такое противопоставленіе нельзя не признать весьма невыгоднымъ для ученыхъ и философовъ, не говоря уже объ интеллигентахъ, повторяюшихъ лишь чужія слова, живущихъ чужимъ мнѣніемъ. Апостольскій скептицизмъ былъ послѣдовательнѣе Кантовскаго критицизма; апостольская вѣра требовала доказательства отъ дѣла, ихъ вѣра въ Бога отцовъ доказывалась дѣломъ собиранія,—или объединенія,—какъ условія осуществленія чаемаго воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. И церковь апостольская, имѣющая главою Воскресшаго, —начатокъ воскресенія,—есть собираніе, объединеніе живущихъ, или сыновъ, разумныхъ существъ для исполненія долга къ умершимъ (т. е. еще не-воскресшимъ), приносящая въ жертву этому долгу, въ жертву Евхаристіи (благодарности) всѣ силы,- силы и знанія, и чувства, и воли. Если во главѣ собиранія стоитъ Тотъ, въ Комъ **началось воскресеніе, - первенецъ изъ мертвыхъ**,—когда самое крещеніе есть **образъ воскрешенія**, то какая можетъ быть другая цѣль собиранія всѣхъ живущихъ, какъ не воскрешеніе всѣхъ умершихъ?! Это собираніе, совершаемое Тѣмъ, Кто собою началъ воскресеніе, есть лишь продолженіе неоконченнаго акта воскресенія: Воскресеніе Христово со всеобщимъ воскрешеніемъ составляетъ одинъ нераздѣльный, цѣльный актъ. Дѣло церкви есть литургія, т. е. братотвореніе чрезъ усыновленіе для исполненія долга душеприказчества, т. е. воскрешенія; церковь, т. е. собраніе всѣхъ живущихъ на землѣ, какъ кладбище всѣхъ умершихъ, имѣя во главѣ Воскресшаго, совершаетъ **Пасху**, т. е. **переходъ отъ земли на небо**.—Апостольскій скептицизмъ и философскій критицизмъ показываютъ, что примиреніе между ними,— прими-

реніе вѣрующихъ съ невѣрующими,—возможно, если только философы признаютъ, что бездѣлье не есть добродѣтель, **признаютъ необходимость объединенія для воскрешенія.**—Совершенную противоположность юбилейной выставкѣ XIX вѣка, или изображенію западнаго города, какимъ онъ былъ въ теченіе четырехъ вѣковъ секуляризаціи, **вообще,** и какимъ сталъ къ концу XIX-го вѣка—**въ особенности,** составляетъ выставка коронаціонная, или изображеніе Кремлей, центровъ міровыхъ монархій, и особенно Кремля 3-го Рима, каковъ онъ есть и какимъ онъ долженъ быть къ XX-му вѣку. Коронаціонная Выставка,—составляя полную противоположность выставкѣ конца XIX вѣка, или послѣднихъ четырехъ вѣковъ секуляризаціи,—есть изображеніе центровъ міровыхъ монархій, Кремлей, и,—особенно,—Кремля 3-го Рима съ росписью наружныхъ стѣнъ храмовъ, съ росписью стѣнъ самого Кремля, съ поющими башнями (башни съ колоколами, колокольни), превращающими самый Кремль, въ поющій Кремль,—точнѣе въ Кремль отпѣванія, или воскрешенія,—Коронаціонная Выставка есть изображеніе этого Кремля, какъ образца всѣмъ кладбищамъ, обращаемымъ въ образовательныя крѣпости, или Кремли, посредствомъ воинской повинности въ связи съ всеобщеобязательнымъ образованіемъ.

Примѣчанія.

1-е. Роскошь, представляемая выставкою даже какъ будущность міра,—въ смыслѣ участія въ ней всѣхъ,—есть тѣмъ не менѣе преступленіе,—преступленіе противъ бѣдныхъ еще живущихъ и, главнымъ образомъ, противъ всѣхъ умершихъ, (какъ бѣдныхъ, такъ **при жизни** и небѣдныхъ), приводя къ ихъ забвенію, совершенному оставленію, пренебреженію;—преступленіе самое великое и тѣмъ не менѣе извинимое, какъ баловство, шалость несовершеннолѣтняго ребенка, подающаго большія надежды.

2-е. Швейцарія была мѣстомъ **завершенія воспитанія,** высшимъ курсомъ **сознанія своего достоинства,** воспитанія въ себѣ **презрѣнія къ толпѣ.** Названіе **альпійца** можетъ быть общимъ названіемъ для нѣмцевъ, французовъ и, особенно, для англичанъ, принадлежащихъ къ классу образованныхъ, т. е. къ классу презирающихъ толпу и не сознающихъ, что въ отдѣльности отъ презираемыхъ и для нихъ нѣтъ ни истины, ни добра, ни свѣта, ни счастія.

3-е. Зеркало есть орудіе полового подбора, и орудіе необходимое для города, который приготовляетъ жениховъ и невѣстъ, воспитывая людей для этой цѣли съ дѣтства... Зеркало есть также наглядное выраженіе того направленія, которое учитъ—**„познай самого себя“,** т. е знай **только** себя.—Мануфактурно-художественная выставка была изображеніемъ торжества женщины и пораженія мужчины,—что на языкѣ религіозномъ, согласно Моисею и Гезіоду, называется **паденіемъ** человѣка, а на языкѣ науки можно назвать этотъ актъ—**половымъ подборомъ.** Созерцая эту женщи-

ну, эту Елену, которая была поставлена при входѣ на Выставку, философъ могъ бы придти къ глубокимъ выводамъ, могъ бы освободиться отъ многихъ иллюзій: всѣ войны,—не религіозныя, а секуляризованныя,— всѣ войны, изъ борьбы за торговые интересы возникающія, не представляютъ ли,—(могъ бы подумать философъ),—поразительнаго сходства съ Троянскою войною;—не изъ угожденія-ли Еленамъ эти войны ведутся, ибо вся промышленность не есть-ли превращеніе рыцарской courtoisie въ купеческую любезность нашего времени?!. Если же потребовалось бы представить одною фигурою кустарную промышленность, не въ современномъ ея, искаженномъ состояніи, а какъ временное, зимнее занятіе земледѣльческаго населенія, то для этого нужно было бы выбрать не женщину, ибо какъ мужественное отличается отъ женственнаго, такъ и истинно кустарное производство вполнѣ противоположно производству мануфактурному, городскому, отличаяясь не внѣшнею красотою и привлекательностію, а прежде всего прочностію, имѣя въ виду удовлетвореніе не прихоти, а дѣйствительныхъ потребностей. Истинно кустарная промышленность освобождаетъ селяниновичей отъ фабричной тюрьмы, отъ фабричнаго заключенія и возвращаетъ ихъ къ землѣ и къ открытому небу, такъ что вѣрнымъ выраженіемъ сельскаго дѣла,—нераздѣльную часть котораго составляетъ кустарное производство,—было бы изображеніе существа, **смотрящаго на небо,** а **не въ зеркало,** созерцающаго **не себя, а отцовъ въ лонѣ Отца небеснаго.** И если бы возможно было изобразить это существо лучше вооруженнымъ,—чѣмъ это теперь,—противъ стихійной силы, дѣлающей существованіе его непрочнымъ, зависимымъ отъ капризовъ этой силы, отъ погоды и т. п., лишающей его даже орудія памяти,—то слѣдовало бы изобразить это существо вооруженнымъ, напримѣръ, орудіемъ Каразина,—громоотводомъ, поднятымъ на воздушномъ шарѣ выше **„лѣса стоячаго“** и до **„облака ходячаго“!...**

4-е. Не смотря на ожесточенную борьбу и на усиленную вслѣдствіе того смертность въ городахъ, городъ желаетъ отогнать отъ себя самую мысль о смерти, а потому и произвелъ ученіе, проповѣдующее, будто смерти нѣтъ; вслѣдствіе этого и на выставкахъ не видно ни гробовъ, ни вообще предметовъ погребальнаго искусства; если же человѣкъ есть существо, **которое погребаетъ,** то очевидно, что выставки есть созданіе **не человѣка,** или по крайней мѣрѣ **не сына человѣческаго.** Но и муравьи погребаютъ,—скажутъ натуралисты... **„Обычай муравьевъ хоронить умершихъ собратовъ и обычай чистить себя—свидѣтельствуютъ о пониманіи, что вредно оставлять себя среди нечистотъ“,**— хотя бы,—замѣтимъ отъ себя,—нечистоты эти и были наши собратья и отцы. Но въ этомъ муравьи подобны, конечно, не дикарямъ, а горожанамъ, особенно американскимъ и даже только **будущимъ,** когда удалять останки умершихъ будетъ предоставлено обществу ассенизаціи. Слѣдовательно **„погребать“** у животныхъ,—(какъ и у будущихъ горожанъ, и у нынѣшнихъ натуралистовъ, которымъ принадлежатъ выше приведенныя слова и которые въ нравственномъ

отношеніи стоятъ не выше изучаемыхъ ими муравьевъ),—не имѣетъ ничего общаго съ погребеніемъ у людей, т. е. сыновъ человѣческихъ; **„погребать“** у послѣднихъ значитъ оживлять, или воскрешать соразмѣрно съ знаніемъ и умѣніемъ. Скрытое, т. е. зарытое въ землю, или сожженное по физической необходимости тѣло умершаго, тотчасъ же возстановляется по необходимости нравственной, по сыновнему долгу: каменныя «бабы» (отцы), погребальныя урны, хранящія прахъ сожженныхъ и принимающія постепенно все болѣе человѣкообразную форму,—свидѣтельствуютъ объ этомъ долгѣ.

Если бы Китай устроилъ у себя выставку,—выставку Китайскую, самобытную, а не подражательную,—(послѣднее очень возможно, такъ какъ Китай принималъ уже участіе въ выставкахъ, въ Филадельфійской напримѣръ),—то онъ на первомъ мѣстѣ выставилъ бы гроба, «доски долговѣчности», матеріалъ для гробовъ, заготовленіемъ коихъ сыновья начинаютъ заниматься за долго до смерти отцовъ; но такъ какъ смыслъ погребенія есть оживленіе, а такой смыслъ утраченъ Китаемъ, то и Китайская выставка была бы созданіемъ существъ, утратившихъ смыслъ и цѣль жизни. И Китай, лицемѣрно чтущій предковъ, и Европа, искренно отрекающаяся отъ нихъ, въ дѣйствительности преданы культу женщины.

5-е. **Небывалый случай въ судебной практикѣ,—жалоба сыновъ на отцовъ въ томъ, что отцы дали имъ жизнь, не спросясь,—безъ ихъ, сыновъ, на то согласія.** Къ участію въ такой справедливой жалобѣ сыны **„конца вѣка“** приглашали и современныхъ дочерей, но тѣ отказались, кромѣ, конечно, курсистокъ, которымъ очень даже польстило это предложеніе, такъ какъ оно предполагало, что женщины уже достигли такой высокой степени развитія, т. е. эволюціи и культуры, на которой онѣ совершенно уровниваются съ мужчинами,—гдѣ царитъ полная свобода отъ сентиментальности и предразсудковъ. Судъ призналъ обвиненіе доказаннымъ, но требованіе обвинителей,—назначить за совершенное отцами преступленіе смертную казнь,—нашелъ не соотвѣтствующимъ сущности и тяжести совершеннаго отцами преступнаго дѣянія, смертная казнь въ этомъ случаѣ наказаніе недостаточное или, вѣрнѣе, вовсе не наказаніе, ибо если давать жизнь есть преступленіе, то лишать жизни—будетъ наградою, а не наказаніемъ; а потому, признавая, что единственно справедливымъ, соотвѣтствующимъ преступленію наказаніемъ будетъ въ данномъ случаѣ не лишеніе жизни отцовъ еще живущихъ, но поддержаніе таковой до безконечности (in infini) и возвращеніе жизни отцамъ уже умершимъ, и притомъ не только безъ согласія на то отцовъ, но даже и вопреки ихъ на то волѣ, если бы они таковую выразили.—Признавая затѣмъ, что не только наилучшимъ, но и единственнымъ удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, т. е сыновъ, будетъ, если на нихъ самихъ будетъ возложено, какъ поддержаніе жизни отцовъ еще живущихъ, такъ и возвращеніе жизни уже умершимъ, Судъ и постановилъ соотвѣтствующій сему приговоръ.—Студенты, т. е. сыны ученые, такимъ приговоромъ остались недовольны, находя, что при-

веденіе его въ исполненіе не-возможно; въ своей жалобѣ студенты настаивали на первоначальномъ требованіи и поясняли, что они, пострадавшіе отъ произвола отцовъ, непрошенно вызвавшихъ ихъ къ жизни, не требуютъ отъ родителей невозможнаго воздержанія, готовы допустить проституцію для отцовъ и вытравленіе плода матерями, даже, по прецеденту древняго міра, пожалуй дѣтоубійство при самомъ рожденіи, но рѣшительно отказываются признать допустимымъ съ легальной точки зрѣнія сообщеніе дѣтямъ жизни безъ ихъ на то согласія. Въ словесныхъ объясненіяхъ, — при разборѣ дѣла апелляціонною инстанціею,—повѣренный потерпѣвшихъ сыновъ заявилъ, что сыны жалуются собственно не на то, что отцы дали имъ жизнь, а на то, что дали имъ такую жизнь, которой грозитъ смерть и при томъ во всякое время. Сами же потерпѣвшіе,—сыны,—присовокупили къ этому, что они неудовольствовались-бы и безсмертіемъ, а потребовали бы присоединить къ нему и счастіе. Обвиняемые—отцы,—изъ тѣхъ, которые еще не умерли,—оставались на судѣ все время безгласными.

Разобравъ дѣло, апелляціонная инстанція нашла: 1. требованіе сыновъ, —спросить ихъ, прежде начала ихъ существованія, желаютъ ли они жить? —какъ физически, такъ и логически невозможнымъ; 2. отцы, давая жизнь сынамъ, подчинялись силѣ, которую побѣдить не могли, которая дѣйствуетъ во всей природѣ, не говоря уже о томъ, что отцы въ данномъ случаѣ дѣйствовали согласно съ повсемѣстно и издавна установившимся обычаемъ, до сихъ поръ и самими сынами не оспаривавшимся; 3. указаніе же сыновъ на невозможность исполнить возложенную на нихъ судомъ обязанность не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія, потому что **возможность** возвращенія жизни уже умершимъ и поддержаніе жизни еще не умершихъ **логически** опровергнута быть не можетъ, а **невозможность** возвращенія и поддержанія жизни какъ фактъ отрицательный **никакими опытами** доказать нельзя;—напротивъ, наука признаетъ,—и съ нею согласны, конечно, принесшіе жалобу на приговоръ суда—сыны-студенты,—что земля и все на ней находящееся, какъ и все мірозданіе, есть результатъ эволюціи слѣпыхъ силъ,—даже самъ человѣкъ, т. е. существо, носящее разумъ, есть созданіе слѣпыхъ силъ;—всѣ эти силы остаются и дѣйствуютъ до сихъ поръ; но съ появленіемъ человѣка явилась въ мірѣ новая сила-разумъ, дѣйствіе котораго выражается въ изученіи силъ, существовавшихъ до него, и въ такомъ ихъ сочетаніи, основанномъ на знаніи, которое произвело уже множество чудесъ, давшихъ возможность человѣку жить тамъ, гдѣ по организаціи, дарованной ему игрою - (по признанію науки)—слѣпыхъ силъ, онъ не могъ бы существовать;—остается сынамъ, не въ розни, конечно, а всѣмъ въ совокупности, неустанно дѣйствовать въ этомъ направленіи, и какъ возможно допустить, что бы силы,—слѣпо, случайно создавшія всѣхъ умершихъ и нынѣ живущихъ,—не могли бы, при управленіи разумомъ, этою величайшею изъ силъ, потому что она располагаетъ, (т. е. при желаніи при надлежащей пытливости, при надлежащей дѣятельности можетъ располагать), всѣми остальными,—какъ возможно допустить, что бы эти силы

не могли бы возсоздать ими же созданное, ими и разрушенное, не могли бы поддержать готовое,—по установившейся традиціи,—къ разрушенію. Исполнивъ возложенную на нихъ судомъ обязанность, сыны не только бы возвратили жизнь отцамъ умершимъ и поддержали бы жизнь отцовъ еще не-умершихъ, но создали бы и свое собственное безсмертіе, котораго они не могли бы получить, если бы отцы не дали имъ жизни. Что же касается счастія, то развѣ безсмертіе возможно безъ счастія, а смерть безъ несчастія?!—Всякое несчастіе, какъ и болѣзнь, есть только умаленіе жизни; —безсмертіе возможно лишь тогда, когда умаленія жизни, т. е. несчастія и болѣзни, не будетъ, т. е. когда будетъ полное счастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ апелляціонная инстанція признала, что нѣтъ возможности заставить, силою принудить къ исполненію обязанности возстановить жизнь умершихъ; что исполненіе этой обязанности,—какъ и поддержаніе жизни еще не-умершихъ родителей,— можетъ исходить только изъ внутренняго чувства, изъ глубочайшей благодарности къ тѣмъ, которые дали намъ жизнь,—а также и изъ сознанія, что полнота жизни **физически** невозможна, пока есть умершіе, какъ полнота счастія невозможна **нравственно** на могилахъ тѣхъ, которымъ мы обязаны жизнью и своимъ благополучіемъ,—такъ какъ полная удовлетворенность при этомъ условіи свидѣтельствовала бы объ отсутствіи нравственнаго чувства, вѣрнѣе—о совершенной безнравственности того существа, для котораго возможна такая удовлетворенность. Въ виду сего аппеляціонная инстанція находитъ, что обязанность, возложенная судомъ на сыновъ, не можетъ быть предметомъ судебнаго постановленія, которое предполагаетъ возможность принужденія при нежеланіи подчиниться приговору добровольно, что лишь надлежащее воспитаніе сыновъ приведетъ ихъ къ добровольному принятію на себя выше означенной обязанности, а таковое воспитаніе лежитъ на обязанности отцовъ, которые еще живы; но какъ обязанность сыновъ въ отношеніи отцовъ можетъ быть исполнена ими не врознь, не въ одиночку, а въ совокупности, такъ и отцы не могутъ дать своимъ сынамъ надлежащаго воспитанія, если каждый будетъ думать о воспитаніи лишь своихъ дѣтей, или же слагать съ себя эту обязанность на другихъ, обращая ее изъ натуральной въ денежную,—всеобщность задачи, требуетъ всеобщаго и наиглубочайшаго союза всѣхъ отцовъ для воспитанія всѣхъ сыновъ и дочерей, которое и должно привести къ союзу дѣтей для воскрешенія отцовъ. По симъ основаніямъ апелляціонная инстанція отмѣнила приговоръ Суда первой степени и прекратила производствомъ это необычайное въ судебной практикѣ дѣло.

Вопросъ о возстановленіи всемірнаго родства.
Средства возстановленія родства.

Соборъ.

Въ спорахъ съ желающими объединенія церкви въ лицѣ Римскаго папы православные указываютъ **на вселенскій соборъ**, какъ на **„выраженіе сознанія и жизнедѣятельности цѣлой вселенской церкви“**. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, признавая органомъ единства вселенскій соборъ, нельзя однако не спросить, гдѣ же этотъ органъ единства, существуетъ ли онъ, въ чемъ выражается его дѣятельность? Въ 1887 году исполнилось одинадцать столѣтій со времени послѣдняго вселенскаго собора, т. е. въ 1887 году въ 1100 разъ должно было оплакивать прекращеніе вселенскаго единства. Но никто, кажется, не оплакивалъ, никто, повидимому, даже не вспомнилъ объ утратѣ органа вселенскаго единства, а между тѣмъ для насъ, христіанъ, это такое же печальное событіе, такой же юбилей плача какъ для Евреевъ разрушеніе храма и Іерусалима. Мы такъ отвыкли отъ единства, что, повидимому, даже потребности въ немъ не ощущаемъ, можно подумать даже, что мы радуемся, повторяя ежегодно (съ 842 года) клятвы, положенныя на послѣднемъ соборѣ,— (который, вѣроятно, и не считалъ себя послѣднимъ),—и называя этотъ день **„Торжествомъ Православія“**. Хотя положенія послѣдняго собора, конечно, истинны и имѣютъ очень важное значеніе для будущаго собора,— **ибо седьмой соборъ не ограничилъ религію однимъ мысленнымъ, внутреннимъ міромъ**, но тѣмъ не менѣе торжествовать при воспоминаніи объ отсѣченныхъ членахъ показывало бы недостатокъ чувства единства. [Нельзя не замѣтить при этомъ, что отсѣченные члены продолжаютъ расти, и расти въ ущербъ даже православію, напр. протестантство (штундизмъ), которое и есть иконоборство]. (Примѣч 1 е). На самомъ же дѣлѣ потребность единства въ настоящее время чувствуется гораздо болѣе, чѣмъ прежде; для доказательства можно указать на переговоры, веденные въ 70-хъ годахъ прошлаго, девятнадцатаго, столѣтія между Восточною и Англиканскою церквами, и на самый характеръ этихъ переговоровъ. Перечитывая письма, которыми обмѣнялись тогда представители Восточной церкви съ представителями Англо-Американской, и признавая искренность выраженныхъ въ нихъ чувствъ, можно бы даже считать соединеніе совершившимся, т. е.

начавшимся,—ибо въ чемъ же и состоитъ христіанство, какъ не въ братской любви, основанной на полномъ взаимномъ знаніи: а между тѣмъ оказываются препятствія къ соединенію и,—что всего страннѣе, изумительнѣе,—этими препятствіями оказываются догматы, таинства, обряды, каноны самого же христіанства. Въ наше время нерѣдки случаи, когда дружба завязывается между людьми разныхъ исповѣданій, разныхъ вѣръ; иногда наука, искусство соединяютъ иновѣрцевъ въ общихъ занятіяхъ, или бракъ заключается между лицами разныхъ исповѣданій, и въ этихъ случаяхъ религія, даже христіанская, вопреки своей сущности, становится орудіемъ раздѣленія между друзьями, между мужемъ и женой (супругами), между сыномъ и отцомъ или матерью. Такія явленія не только нерѣдки, а даже составляютъ необходимую принадлежность нашего вѣка, облегчившаго и усилившаго сношенія между народами. Уже это одно обстоятельство,—если бы даже не признавать, (что совершенно невозможно), **за христіанствомъ активнаго** дѣла, дѣла **водворенія братства путемъ изслѣдованія причинъ** небратскаго состоянія всего міра, всей вселенной, путемъ изслѣдованія, возможнаго лишь при участіи свѣтскихъ ученыхъ,—составляетъ достаточную причину къ созванію вселенскаго собора. Собору, созванному по этому вопросу, не будетъ ни малѣйшей нужды вдаваться въ догматическіе споры, ибо на вопросъ, почему догматы (догматы о Тріединствѣ, искупленіи и т. д.) могутъ быть причинами разъединенія,—отвѣтъ дать легко: догматы будутъ вести къ сближенію, а не къ разъединенію, когда за ними будетъ признано значеніе не вѣрованій только,—мыслей, словъ,—а заповѣдей, которыя требуютъ исполненія, дѣла. Тоже самое нужно сказать, и было уже говорено, о таинствахъ и обрядахъ. Словомъ, собору необходимо признать за христіанствомъ активное дѣло и сдѣлаться постояннымъ, а не временнымъ только органомъ братотворенія. Если вселенскій соборъ есть **„органъ сознанія и жизнедѣятельности“**, то остается признать, что съ окончаніемъ соборнаго періода христіанство утратило вселенское, всечеловѣческое сознаніе и жизнедѣятельность, т. е. человѣчество не въ христіанствѣ, не во Христѣ уже сознаетъ свое единство: такъ что въ настоящее время едва ли даже не забыли, что переживаемое христіанствомъ время есть лишь **„межсоборная пора“**. А, между тѣмъ, потребность во вселенскомъ соборѣ на столько велика, что едва ли есть такое сословіе, такая спеціальность, которыя не имѣютъ своихъ международныхъ съѣздовъ; но этимъ спеціальнымъ международнымъ съѣздамъ не достаетъ единства, общей цѣли, общаго дѣла, чтобы отъ международнаго диспута перейдти во всенародную комиссію съ священнымъ значеніемъ, т. е. во вселенскій соборъ; имъ, т. е. спеціальнымъ международнымъ съѣздамъ, не достаетъ христіанства, а христіанству не достаетъ этихъ съѣздовъ, чтобы возвратить себѣ сознаніе и жизнедѣятельность. Мы, прежде всего, должны признать необходимость общаго дѣла, которое объединяетъ всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой умершвляющей силы, т. е. мы прежде всего должны рѣшить вопросъ о небратскомъ отношеніи людей между со-

бою и о неродственномъ отношеніи слѣпой силы къ намъ. (Примѣчаніе 2 е).

Соборъ, возстановившій почитаніе умершихъ, т. е. иконы,— послѣдній соборъ, дѣло котораго мы должны продолжать, — не ограничилъ религіозную жизнь однимъ внутреннимъ міромъ, созерцаніемъ, а призналъ необходимость **внѣшняго выраженія**. Въ признаніи необходимости внѣшняго,—недовольство только внутреннимъ,— и заключается вся будущность, ибо открывается для сознающаго существа обширное поприще дѣятельности,—цѣлый міръ во злѣ физическомъ лежащій. (Примѣч. 3-е). А между тѣмъ иконоборство расширилось, приняло новыя формы; общая черта между Византійскимъ иконоборствомъ, нѣмецкою реформаціею и французскою революціею заключается въ уничтоженіи прошедшаго, отеческаго, ради настоящаго. Революцію можно назвать архивоборствомъ, музееборствомъ, монументофобіею. Истребленіе архивовъ и памятниковъ было не случайнымъ явленіемъ, не случайною принадлежностью революціи, а необходимымъ ея свойствомъ: разорвать актъ, на которомъ основывалось право тѣхъ, которыхъ революція низлагала, есть необходимое завершеніе переворота. Революція не ограничивалась даже истребленіемъ памятниковъ, она разрывала могилы и подвергала поруганіямъ и уничтоженію трупы,— что напоминаетъ обращеніе иконобрцевъ съ мощами;—имена же тѣхъ, которые самоотверженно спасали памятники, едва ли упоминаютъ самыя подробныя исторіи революціи. (Примѣч. 4-е). Тѣ отступаютъ отъ истины православія, которые отдаютъ предпочтеніе отвлеченной мысли предъ внѣшнимъ ея выраженіемъ. Если обрядъ есть мертвое безжизненное дѣйствіе, то и догматъ, не проявляющійся во внѣ, въ жизни, въ дѣлѣ, есть не живая мысль. Культъ идей есть также идололатрія, или точнѣе идеолатрія,— порокъ ученаго сословія. (Идеолатрія однихъ обусловливаетъ идололатрію другихъ. См. О двухъ разумахъ и двухъ сословіяхъ,— ученыхъ и неученыхъ). Придавать важность и дѣйствительность мыслимому только, мнимому, задуманному, **значитъ ли пребывать въ истинѣ, быть совершеннолѣтнимъ человѣкомъ?** (Примѣч. 5-е) Не высказывается ли, напротивъ, въ этомъ благоговѣніи къ мысли, не выраженной въ дѣйствіи, или выраженной въ уничтоженіи, въ разрушеніи,—(какъ у иконоборцевъ и у архивоборцевъ),—только самодовольное суевѣріе философовъ, бездушное варварство мыслителей и дѣятелей, не только отвергающихъ всѣ средства возстановленія отшедшихъ, но и уничтожающихъ всѣ слѣды прошедшаго. Протестантизмъ есть начало отрицанія дѣла, внѣшности, отрицаніе самой религіи, какъ культа предковъ. Послѣдній соборъ не осудилъ сохраненія памятниковъ, памяти объ отцахъ; напротивъ, онъ возвелъ въ высшій законъ **поминовеніе**, ибо сама религія есть совокупная молитва всѣхъ живущихъ о возвращеніи жизни всѣмъ умершимъ; исключеніе же изъ синодиковъ (поминаній) вселенскіе синоды признавали высшею мѣрою наказанія; это исключеніе употреблялось, какъ духовная смертная казнь, наказаніе вѣчною смертью. Такой-то казни и предалъ соборъ не признавшихъ памят-

никовъ,—при чемъ онъ осуждалъ одинаково и тѣхъ, которые довольствовались мысленными образами, которые удовлетворялись изображеніями, приписывая имъ жизнь: онъ осудилъ и **идеи** и **идоловъ**. Слѣдовательно,—внесеніе въ синодикъ было залогомъ не только вѣчной памяти, но и необходимымъ условіемъ спасенія,—если признавать, что внѣ церкви нѣтъ спасенія; а что безъ соединенія, безъ любви невозможно искупленіе, въ это не только можно вѣрить, но искупленіе иначе и понять нельзя. Внѣшнимъ выраженіемъ синодика служитъ кладбище съ его памятниками, также какъ внѣшнимъ выраженіемъ святцъ служитъ самъ храмъ съ его иконами; (нужно замѣтить при этомъ, что синодикъ, т. е. диптихъ, предшествовалъ святцамъ, ибо послѣдніе выдѣлились изъ перваго). Если соборомъ признана необходимость иконъ, то этимъ самымъ признана нужда и памятниковъ; ибо иконами изображались тѣ, чрезъ которыхъ обращались съ мольбою къ Богу, а надгробными памятниками изображалось самое содержаніе молитвы, т. е. тѣ, за кого приносились молитвы; отвергавшіе же иконопочитаніе не должны были допускать и памятниковъ, чтобы не ввести во искушеніе, не вызвать невольно молитвы за умершихъ у своихъ единовѣрцевъ, т. е. соумышленниковъ противъ солидарности поколѣній. Соборъ не признавалъ безусловно святыхъ,—это были бы боги,—хотя въ этомъ именно и обвиняли иконопчитателей; но соборъ не признавалъ и безусловно-грѣшныхъ, чего, повидимому, хотѣли иконоборцы, отвергая молитву за умершихъ.

Синодики не только церковные, но и частныхъ лицъ были вселенскими, какъ и дни поминовенія назывались вселенскими субботами. (Великій пятокъ былъ также днемъ вселенскаго поминовенія, покаявшійся разбойникъ положилъ начало поминовенію, какъ это видно изъ проповѣди Златоуста, произнесенной на Антіохійскомъ кладбищѣ). Въ синодики вносились имена не ближайшихъ только родственниковъ, а въ самомъ началѣ ставились имена первыхъ прародителей, прадѣда Адама и прабабы Евы, т. е. тѣхъ, которые первые подпали грѣху; затѣмъ по смыслу вселенскаго синодика,—(ибо синодики начинаются истинно-вселенскою формулою: «Помяни, Господи, всѣхъ отшедшихъ отъ Адама и до сего дни», т. е. **„о всѣхъ и за вся“**),—слѣдовало ожидать цѣлаго ряда грѣшниковъ отъ Каина и Ламеха до Ирода, и далѣе всѣхъ евреевъ и не евреевъ до насъ, послѣднихъ по времени, (но не по грѣхамъ), такъ какъ синодикъ есть списокъ не святыхъ, а тѣхъ, которые нуждаются въ молитвѣ за нихъ, и особенно тѣхъ, которые наиболѣе въ ней нуждаются. Въ синодикѣ, составленномъ по благословенію перваго патріарха Всероссійскаго Іова, говорится, что Григорій Богословъ (sic) молитвою **„нечестиваго царя Траяна** (гонителя христіанъ) **по смерти спасе“**,—и при этомъ не получилъ приказанія свыше впредь не молиться за такихъ, какъ это по католической легендѣ; также и Ѳеодора царица умолила за богомерзкаго царя Ѳеофила (иконоборца) и т. д. Говорится же это въ опроверженіе глаголющихъ тако: **„яко не пользуется душа, со грѣхомъ отходяща отъ сего житія, аще и въ приношеніи**

поминаема будетъ“, т. е. въ опроверженіе протестантовъ. Такимъ образомъ помянники, за исключеніемъ синодика недѣли православія, не только не имѣли совсѣмъ анафематствованій,—хотя нѣкоторые и заключали въ себѣ благословенія,—но и анафематствуемыхъ не считаютъ осужденными. Послѣ такихъ примѣровъ избавленія душъ,—(примѣровъ не полагающихъ границъ поминальной молитвѣ,— особенно соборной,— отрицающихъ адъ, какъ вѣчный),—можно бы ожидать истинно вселенскаго помянника; къ сожалѣнію небольшой синодикъ, изъ котораго сдѣлана приведенная выписка, чисто именословный, не обозначающій ни времени, ни мѣста, ни положенія поминаемыхъ лицъ; но есть синодики съ историческимъ характеромъ, которые также снабжены повѣстями объ избавленіи отъ мукъ и не только по молитвѣ святыхъ, но по молитвѣ и **„нѣкіихъ человѣкъ“**; такіе синодики поминаютъ и греческихъ патріарховъ и царей, сопровождая иногда имя краткой епитафіею, напр.:—царя Константина, пострадавшаго за православную вѣру отъ безбожнаго царя Турскаго; воспоминаютъ Римскихъ папъ, но только бывшихъ до раздѣленія церквей, хотя по логикѣ вселенской церкви слѣдовало бы поминать въ особенности тѣхъ, которые были по раздѣленіи церквей. Не молиться за отдѣлившихся, значитъ не признавать церковь вселенскою, каѳолическою. Въ новооткрытомъ памятникѣ, въ 1-й главѣ, говорится; **„молитесь за враговъ вашихъ и поститесь за гонителей“**. Отъ всеобщей исторіи синодикъ переходитъ къ русской, поминаетъ кіевскихъ митрополитовъ, московскихъ патріарховъ и царей,—(раскольники сами себя изобличаютъ въ расколѣ, заканчивая поминовеніе царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и патріархомъ Іосифомъ),—поминаетъ князей, бояръ и братій нашихъ, убіенныхъ отъ татаръ, отъ Литвы, отъ нѣмцевъ, отъ иноплеменныхъ и отъ своей братіи, крещенныхъ,—убіенныхъ на Калкахъ, за Дономъ..., подъ Казанью, подъ тихою Сосною, на ледовомъ побоищѣ, на Мурманѣхъ, въ полону скончавшихся .. Истинно-вселенскаго характера, но только по чувству, синодикъ достигаетъ въ такъ называемой общей памяти, въ которой исчисляются всевозможные роды смерти: въ темницахъ заключенныхъ, въ лѣсахъ, въ блатѣхъ и дебряхъ заблудившихся, громомъ убіенныхъ... гладомъ, мразомъ... отъ рыбъ раздробленныхъ, **ихъ же некому именъ ихъ помянути**... Да и имена ихъ неизвѣстны, потому что разумъ и знаніе далеко отстали отъ чувства. Синодикъ не будетъ вселенскимъ, не будетъ имѣть полноты, пока соборы будутъ отлучать,—что, конечно, легко,—а не изслѣдовать причины появленія ересей, вызвавшія необходимость отлученій. (Примѣч. 6-е). Соборъ вселенскій не сказалъ еще послѣдняго слова, и только въ чаяніи будущаго собора,—т. е. продолженія предыдущихъ соборовъ, мы можемъ считать и бывшіе вселенскими. Изслѣдованіе, какъ дѣйствіе разума, входитъ въ молитву, **которая есть проявленіе всей души, всѣхъ ея способностей**, чувства и разума; изслѣдованіе и есть та составная часть молитвы, которая очищаетъ признанныхъ грѣшниками, отлученныхъ и, вообще, не святыхъ; изслѣдованіе даже Іуду-предателя не оставило въ адѣ, на самомъ днѣ бездны;

оправданіе же Іуды есть справданіе послѣдняго грѣшника; если изслѣдованіе, на основаніи священнаго же писанія, входя въ душу Іуды, находитъ, что не корыстолюбіе руководило имъ въ дѣлѣ преданія (Прав. Обозрѣн. 1884 г. статья Муретова), то изслѣдованію, руководимому любовью, надо приписать оправдывающую, возстановляющую силу; но съ оправданіемъ Іуды уничтожается причина нашего раздора и съ Іудейскимъ народомъ. Не нужно забывать, что притязанія наши на каѳоличность тогда лишь могутъ имѣть основанія, когда мы хотя въ будущемъ видимъ всеобщее примиреніе, когда всеобщее примиреніе ставимъ всеобщею цѣлью. Синодикъ по тому значенію, которое онъ имѣлъ въ древней Руси, могъ бы быть великимъ, образовательнымъ, т. е. примирительнымъ, орудіемъ, если бы выдержалъ значеніе вселенскаго. Первая молитва, которой научаютъ ребенка, заставляя его поминать отца, мать и все православное христіанство, т. е. живущее и умершее, есть уже сокращенный синодикъ, синодикъ первоначальный, элементарный, но тѣмъ не менѣе вселенскій, которому остается только наполняться, расширяться, чтобы сдѣлаться всемірною исторіею нашего рода. Если первая устная молитва есть синодикъ, то и первый опытъ письма долженъ быть составленіемъ синодика, расширяющагося по мѣрѣ воспитанія. (Примѣч. 7-е). Въ свѣтскомъ воспитаніи **синодикамъ** соотвѣтствуютъ, замѣняютъ ихъ, учебники всеобщей исторіи, почти также только именословные (у Ю. Крижанича историкъ называется **„изпоминникъ“**); это списки лицъ воевавшихъ, или производившихъ перевороты, изобрѣтавшихъ орудія разрушенія или орудія производства роскоши, т. е. тоже грѣшившихъ, хотя **эти грѣхи вмѣняются имъ въ славу,—въ чемъ и заключается противоположность свѣтскихъ учебниковъ исторіи съ синодикомъ, или священною исторіею.** Синодикъ,— въ смыслѣ не поминовенія только, а оправданія и искупленія грѣшниковъ, — примиряетъ священную исторію съ свѣтскою; и если всеобщая обязательность синодика, какъ поминовенія, совершенно-понятна для вѣрующаго, (синодикъ приказывается читать **„по вся дни“**), то въ дѣлѣ искупленія, или примиренія, она также понятна и для невѣрующаго, тогда какъ обязательность обученія всеобщей исторіи, не имѣющей никакого приложенія, совершенно непонятна. Иллюстрированные синодики наглядно показываютъ дѣйствіе поминальной молитвы; имена, вписываемыя въ синодикъ, **вписываются** въ животную книгу на небѣ. Имена эти, или же изображенія тѣхъ, которые носили ихъ, могутъ писаться и на сводѣ храма,— соотвѣтствующемъ въ храмѣ небу; въ числѣ этихъ именъ могутъ писаться тамъ и имена, или изображенія тѣхъ, которые были врагами нашей вѣры, нашей народности, нашими личными врагами, **и не могутъ только,** но мѣсто таковыхъ и есть **именно тамъ**, на первомъ планѣ, предъ нашими глазами, ибо это есть выраженіе нашего **примиренія** съ ихъ единовѣрцами, соотечественниками, съ ихъ близкими: дѣлая такія изображенія на сводѣ храма, мы будемъ изображать то самое, что предполагается происходящимъ на небѣ, будучи твердо убѣждены, что если мы примиримся съ потомками враговъ нашихъ на землѣ,

то и сами они, враги наши, будутъ внесены въ животную книгу на небѣ, ибо оживленіе и на землѣ, можетъ быть только результатомъ дѣйствія примиренныхъ. Не въ отрицаніи поминовенія, какъ это дѣлаютъ протестанты-иконоборцы, а **во взаимномъ внесеніи именъ отцовъ-церкви, отцовъ знанія и пр., восточными западныхъ и западными восточныхъ въ свои синодики заключается начало примиренія (соборъ)** и дальнѣйшій ходъ его, который долженъ выразиться въ собраніи вещественныхъ памятниковъ прошедшаго, т. е. въ созданіи музея, который **есть выраженіе синодика, какъ проекта, а Всеобщее Воскрешеніе есть осуществленіе этого проекта.**

Синодикъ—личный, диптихъ, или поминаніе—по церковному, памятная книжка—по свѣтски, есть тоже, что иконы въ домѣ, крестъ на шеѣ —въ отношеніи къ храму,—тоже, что миніатюры (карманный, такъ сказать, музей) къ музею;—личный синодикъ дѣлаетъ пребываніе въ музеѣ, т. е. трудъ музейскій, постояннымъ. Но памятная книжка отличается отъ наперснаго крестика (Примѣч. 8-е) и образковъ тѣмъ, что она есть не одно храненіе въ памяти, а возстановленіе, какъ дѣйствіе разума. Синодикъ, или памятная книжка, есть знакъ принадлежности къ вселенскому собору, или, что тоже, къ единой соборной церкви, знакъ участія въ трудѣ всеобщаго возстановленія. Если бы литургія,—(которая есть также выраженіе синодика, или поминовенія святыхъ и не святыхъ, умершихъ и живущихъ, изъ всѣхъ народовъ),—не была бы именословнымъ только поминовеніемъ, а сдѣлалась бы выраженіемъ расширяющагося историческаго знанія, возстановленіемъ памяти въ каждомъ приходѣ, то война прекращала бы богослуженіе, ибо для исторической работы возстановленія необходимы самыя дѣятельныя сношенія между всѣми странами міра.

Не разъ принимали мѣры къ тому, чтобы священники вели лѣтопись, писали исторіи своихъ приходовъ, но только въ исключительныхъ случаяхъ эти мѣры приводили къ чему-нибудь; а между тѣмъ исторія, понимаемая въ смыслѣ синодика, есть священнѣйшая, самая существенная обязанность священника, есть его долгъ; исторія, какъ поминовеніе, какъ синодикъ, такая же обязанность, какъ совершеніе литургіи, которая и есть поминовеніе. (См.—О синодикѣ, составленномъ свящ. Орловымъ,—въ зап. Архіеп. Саввы). Синодикъ возводитъ свое происхожденіе къ собору апостольскому, происходившему, будто бы, тотчасъ по Вознесеніи. («Сказаніе святыхъ отецъ, како узакониша святіи апостоли и святіи отцы **на седьмомъ соборѣ** изложиша, иже въ Никеи, усопшихъ душа поминати»). Соборъ этотъ не только дѣйствительно былъ, потому что ученики до Пятидесятницы не разлучались, пребывали вмѣстѣ, но онъ былъ даже постоянный, а не періодическій или временный, ибо соборъ и церковь составляли одно и тоже, и поминовеніе было ежедневное, ибо основою собора или церкви была память, или воспоминаніе, о Христѣ.

Въ дѣйствительности же синодикъ установленъ былъ гораздо ранѣе, самимъ Христомъ, на вечери, когда онъ завѣщалъ своимъ ученикамъ —**„сіе тво-**

рите въ мое воспоминаніе“, (Примѣч. 9-е),—(это слово нельзя не слышать и во всякомъ завѣщаніи),—это и была литургія, поминальная вечеря, въ которой синодикъ не можетъ не составлять существеннѣйшей, важнѣйшей части. По мѣрѣ успѣховъ собиранія, синодикъ, въ который включались новые члены изъ евреевъ и язычниковъ и не исключались умершіе, принялъ письменную форму, затѣмъ получилъ новое выраженіе въ епитафіяхъ, въ живописныхъ изображеніяхъ. Григорій Нисскій въ своей рѣчи противъ тѣхъ, которые откладываютъ крещеніе, говоритъ: «Дайте мнѣ ваши имена, чтобы я внесъ ихъ въ чувственныя (видимыя) книги... (это и есть, надо полагать, диптихъ, или синодикъ), а Богъ напишетъ ихъ въ скрижаляхъ, надъ которыми разрушеніе не имѣетъ силы». Какимъ уваженіемъ пользовались синодики въ старину можно судить по переплетамъ на нихъ, не уступавшимъ Евангелію, по почетному мѣсту, на которое они ставились; занимающіеся древностью говорятъ, что синодикъ былъ первою книгою у нашихъ предковъ.

Чтобы синодикъ имѣлъ характеръ дѣйствительно-вселенскій, нужно не ограничиваться возстановленіемъ его по однимъ только христіанскимъ кладбищамъ, а должно расширить его на всѣ жальники, курганы, мары, городища,—это обширное доисторическое всероссійское кладбище,—для котораго не было письменнаго синодика, хотя они сами, эти жальники, курганы и пр., и есть письмена, которыми хотѣли увѣковѣчить память умершихъ и указатели которымъ уже составляются. Родословныя суть также синодики, если составители ихъ не имѣютъ въ виду превознесеніе своего рода надъ другими родами, зная, что—чѣмъ родъ древнѣе, тѣмъ онъ больше сближается со всѣми другими. Хотя и теперь составляются родословныя и указатели того, что можетъ быть названо до-историческимъ кладбищемъ, составляются исторіи церквей, приходовъ, но составляется все это только случайно, потому что не считается священною обязанностью; а между тѣмъ составленіе исторіи церквей не какъ храмовъ, а какъ приходовъ. или же исторіи храмовъ, какъ выраженія синодиковъ, должно быть вмѣнено въ обязанность не какъ что-либо побочное, но обязанность эта должна быть поставлена рядомъ съ обязанностью совершенія литургіи, которая безъ синодика, какъ сказано, лишена своей существеннѣйшей части; исполненіе же этой обязанности и приведетъ къ тому, чтобы не отдѣлять вѣры отъ знанія... Какъ только синодикъ отдѣляется отъ исторіи, храмъ отъ музея, такъ вѣра превращается для народа въ суевѣріе, а для духовенства дѣлается доходною статьею, т. е. начинается упадокъ; знаніе же, если оно ведетъ къ дѣлу, спасаетъ отъ упадка.

Внѣшнимъ выраженіемъ синодика, какъ это уже сказано, служитъ кладбище съ его памятниками (Примѣч. 10-е), также точно какъ внѣшнимъ выраженіемъ святцъ служитъ храмъ съ его иконами. Храмы, можно сказать, выросли надъ могилами мучениковъ, потому они и назывались martyrium'ами: въ подземной криптѣ, надъ могилою, воздвигался алтарь, по нашему престолъ; на поверхности, надъ криптою, созидался другой ал-

тарь и покрывался навѣсомъ (cyborium); такимъ образомъ, самый храмъ былъ уже сѣнью надъ сѣнью. Величина и богатство храма соотвѣтствовали достоинству мученика или, вѣрнѣе сказать, той степени уваженія, которое къ нему питали; этимъ и объясняется, почему martyrium Salvatoris, какъ называетъ его Евсевій, уступалъ въ величинѣ и великолѣпіи martyrium'y Petri et Pauli. Не святые не имѣли достаточной силы, чтобы создать надъ собою храмы, т. е., можно сказать, надгробные памятники суть храмы въ зародышномъ состояніи. Впрочемъ, сила, созидавшая памятники, зависѣла столько же отъ достоинства умершихъ, сколько и отъ памяти и пониманія ихъ живущими (Примѣч. 11-е)... Крестъ,—[обыкновенно осьмиконечный, съ 3-хъ ступеннымъ подножіемъ (это Голгофа), съ копіемъ и тростью на подножіи—по обѣ стороны креста],—изображаемый на антиминсахъ,—имѣетъ поразительное сходство съ крестомъ на могильныхъ плитахъ. Но если у подножія могильнаго креста изображался черепъ, то это было изображеніе не Адамовой головы, а головы его потомка, лежащаго въ той могилѣ, къ которой относился крестъ,—зарытаго въ нее по физической необходимости, и вызваннаго наружу по необходимости нравственной. Убѣдиться въ этомъ можно изъ древнѣйшей христіанской живописи въ катакомбахъ, гдѣ портреты погребенныхъ встрѣчаются въ символическихъ изображеніяхъ;—иначе,—т. е. не признавая это изображеніе символическимъ,—какъ понять, что Ной въ ковчегѣ изображается то старикомъ, то молодымъ, а разъ изображенъ даже въ видѣ женщины; точно также и воскрешенный Лазарь,—другое изображеніе часто встрѣчающееся на могильныхъ плитахъ въ катакомбахъ,—встрѣчается съ лицомъ дѣвочки;—очевидно, что Ной представляетъ здѣсь самого умершаго, надѣющагося послѣ плаванія по бурному житейскому морю получить съ неба масличную вѣтвь мира; тоже можно сказать и объ изображеніяхъ воскрешеннаго Лазаря. Портреты погребенныхъ вводятся въ символическо-библейскія сцены, они встрѣчаются и въ картинахъ крещенія, брака, угощенія, и въ формѣ, такъ называемыхъ, **орансъ**,—молящейся фигуры съ распростертыми руками. [**Орансъ**—женщина; въ позднѣйшее время это изображеніе играло очень важную роль,—(такъ какъ въ такомъ видѣ изображалась церковь),—замѣнившееся въ эпоху историческаго искусства Богородицею. «Словарь Христіанскихъ Древностей»,—Мартиньи]. Введеніе портретной живописи въ символическую вполнѣ объясняетъ эти изображенія, осмысливаетъ изображенія и такихъ символовъ, какъ фениксъ, павлинъ (символы воскресенія);—эти послѣдніе нужно принимать за **предложенія**, въ которыхъ подлежащее, лицо, подразумѣвается. (Примѣч. 12-е).

Живопись называютъ грамотою для неграмотныхъ, а между тѣмъ эту грамоту (т. е живопись) умѣютъ читать немногіе и изъ грамотныхъ, потому что отрѣшились отъ старой жизни. Живопись и у насъ называлась письмомъ, называлась она такъ и у Грековъ, а Римляне говорили о картинахъ—не разсматривать, а читать; но даже мало сказать и читать, по картинамъ нужно не читать только, а учиться; точно также не достаточ-

но говорить о живописи только „**писать**“, но „**учить**“. (Примѣч. 13-е). У археологовъ и въ настоящее время живопись называется письмомъ, но къ современной живописи это названіе не приложимо, потому что читать ее нельзя,—это не слова даже, а только буквы; что можно прочитать, напримѣръ, въ картинѣ „**мальчикъ, играющій въ свайку**“. Еще шагъ по этому пути и мы будемъ выставлять глаза, носы, рисовать которые научаютъ въ школѣ. Но если мы возьмемъ картины даже историческаго содержанія, то какой смыслъ имѣетъ изображеніе **отдѣльнаго событія**, какое образовательное значеніе можетъ имѣть изображеніе **отдѣльнаго событія**, въ которомъ отношеніе его къ цѣлому не опредѣляется? Монументальной же живописи у насъ совсѣмъ нѣтъ, потому что нѣтъ и своего цѣльнаго міровоззрѣнія, которое напрашивалось бы на изображеніе, требовало бы выраженія. Отъ того и образованіе народа ограничивается у насъ распространеніемъ общеполезныхъ книжекъ безъ всякой общей мысли.

Если бы этимъ символамъ воскрешенія, (т. е. фениксу и павлину), были приданы человѣческія лица, то несмотря на чудовищность такихъ изображеній, изображенія означенныхъ символовъ выиграли бы въ ясности; за такія именно изображенія и надо принимать сфинксы и, вообще, изображенія животныхъ съ человѣческими лицами;—изъ этого можно заключить, что различіе, которое стараются найдти въ христіанствѣ по отношенію къ другимъ религіямъ, вовсе не такъ существенно, какъ это думаютъ; и это не въ ущербъ христіанству, напротивъ, это согласно съ самою сущностью его, которая заключается во всеобщемъ умиротвореніи, объединеніи, а не въ раззореніи чего-либо. И для чего мы стараемся видѣть различіе даже тамъ, гдѣ сходство очевидно,—(не находятъ ли уже, что вражды еще мало въ мірѣ?),—какъ, напримѣръ, въ поминовеніи умершихъ, которое, очевидно, тождественно съ Евхаристіею. Находимые въ катакомбахъ сосуды съ золотыми картинками на днѣ, изображавшими портреты не только святыхъ или мучениковъ, но и простыхъ людей, доказываютъ, какъ глубоко входило въ жизнь поминовеніе, ибо такіе сосуды употреблялись на поминкахъ, какъ потиры употреблялись въ Евхаристіи, т. е. при воспоминаніи страданій и смерти Христа. Могутъ сказать, что всѣ эти изображенія имѣютъ въ виду только поученія, а не изображенія умершихъ, изображенія же череповъ имѣютъ въ виду напомнить о смерти,—memento mori! Но чему научаетъ такое изображеніе, какъ Ной въ ковчегѣ съ лицомъ дѣвочки; напоминаніе же о смерти нужно только тѣмъ, которые забыли о смерти. И, дѣйствительно, изображенія череповъ не относятся къ такимъ изображеніямъ, которыя явились въ самомъ началѣ,—они явились, надо полагать, когда люди для того, чтобы почувствовать, стали нуждаться въ болѣе сильныхъ возбужденіяхъ, они явились у людей уже испорченныхъ, а не у простыхъ и здоровыхъ натуръ, которымъ не нужны эффектныя изображенія, какъ не нужны перецъ и другія пряности въ пищѣ; такія изображенія понятны, напримѣръ, у франкъ-массоновъ, этого искусственнѣйшаго, антинароднѣйшаго общества, построеннаго на началахъ

XVIII-го вѣка. Такъ называемая **адамова голова** есть, очевидно, сокращеніе полной фигуры человѣка, которая, въ свою очередь, есть изображеніе цѣлаго человѣчества, оживающаго отъ крови, проливающейся на него изъ прободеннаго ребра. Это наглядно представляетъ то самое, что совершается въ таинствѣ Евхаристіи на престолѣ, который есть надгробіе (надгробная плита); потому и антиминсъ, какъ вмѣстопрестольникъ, имѣетъ такое же изображеніе, какое было на верхней сторонѣ престола, какъ это видно изъ менологія императора Василія (см. 5 и 23 сентября, 16 и 23 января).

На позднѣйшихъ антиминсахъ изображалось погребеніе Христа. Прежде же такое изображеніе писалось на пеленѣ, которою покрываются святые дары, которая называется воздухомъ и изъ которой произошла плащаница. Если на воздухѣ нѣтъ изображенія того святого, которому посвященъ храмъ, изображенія его умирающимъ и воскресающимъ со Христомъ, то въ этомъ нельзя не видѣть непослѣдовательности.

Не дѣтское тщеславіе покрыло изображеніями, гигантскими картинами, и крутые берега рѣкъ, и скалы горныхъ проходовъ,—превративъ ихъ, такъ сказать, въ картинныя галлереи,— и внутренности пещеръ С. и Ю. Америки, и даже самую почву обширной равнины Запада С. Америки,—расписавъ ее рельефами кургановъ (а иногда и углубленіями) отъ простѣйшихъ, геометрическихъ, до весьма сложныхъ формъ, изображающихъ и птицъ съ распростертыми крыльями (до 30 метровъ длины), аллигаторовъ, черепахъ, пауковъ (паукъ въ Менизотѣ покрываетъ цѣлый акръ, т. е. шестую часть десятины), и, наконецъ, человѣка; — это, такъ называемыя Mund-Builders. Все это, можно сказать, лѣтопись, изображенія дѣяній предковъ, въ которыхъ изображавшіе видѣли не памятники только,— по ихъ убѣжденію съ этими изображеніями было связано, надо полагать, дѣйствительное существованіе цѣлаго ихъ племени; и, во всякомъ случаѣ, это не было изображеніемъ собственныхъ дѣлъ, что могло бы быть отнесено къ дѣтскому тщеславію, пороку, свойственному нашему времени, особенно ученымъ, и до такой степени нами усвоенному, что ученый нашего времени, объясняющій происхожденіе американскихъ памятниковъ дѣтскимъ тщеславіемъ, даже не замѣчаетъ, ему и сомнѣнія не приходитъ въ голову, что это можетъ быть только гипотезою,—нѣтъ, ему такое объясненіе кажется несомнѣнною истиною, какъ и всѣмъ, впрочемъ, людямъ нашего времени, утратившимъ вѣру и которымъ ничего не остается взамѣнъ дѣйствительной будущей жизни, кромѣ одного лишь тщеславія. Американцы, надо полагать, не представляли исключенія изъ другихъ первобытныхъ народовъ, и ихъ земляныя сооруженія были не укрѣпленіями только, но по всей вѣроятности, какъ и у другихъ народовъ, также и надгробными памятниками, которые дѣлались или въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, служившихъ алтарями, жертвенниками, храмами, и воздвигались надъ могилами героевъ; или же въ видѣ простыхъ кургановъ; самыя же укрѣпленія строились,—вѣроятно,—**для защиты отеческихъ могилъ**, т. е. это были Кремли. Тѣ и

другіе вмѣстѣ были племенными кладбищами, и судя по формѣ кургановъ, имѣвшихъ въ планѣ, по большей части, видъ животныхъ, можно заключать, что и племена, которымъ принадлежали эти кладбища, носили имена этихъ животныхъ **(Тотемизмъ)**. Судя по этимъ памятникамъ, насколько мы ихъ знаемъ, надо полагать, что личности были совершенно поглощены родомъ, ибо не видимъ лицевыхъ изображеній, а только общую могилу въ видѣ **тотема** племени. Когда два племени соединялись, заключали союзъ, то создавали себѣ общее кладбище, представлявшее сложную фигуру изъ соединенія двухъ животныхъ, служившихъ, такъ сказать, гербами этихъ племенъ. Если бы всѣ эти племена соединились и составили **соединенныя племена**,—роды, а **не штаты С. Америки**, то памятникомъ этого собиранія было бы **общее кладбище**, которое изображало бы,—такъ сказать,—**вязью** имена или **гербы этихъ племенъ**. Но эти племена не соединились и потому сдѣлались легкою добычею нынѣшнихъ Европейскихъ Американцевъ, которые,—виновные въ ихъ вымираніи,—составляютъ и, вѣроятно, успѣшнѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи, синодикъ Американскаго кладбища и музей. (Примѣч. 14-е).

И въ другой половинѣ земного шара, на дальнемъ востокѣ, храмы и иконы имѣли такое же происхожденіе, какъ и у насъ. Ступы, топы и дагобы, (такъ называются въ различныхъ странахъ буддійскіе храмы), были надгробными памятниками Будды. Надъ урнами съ остатками отъ сожженаго тѣла Будды возникли ступы, которыя и сами представляли подобіе цилиндрическихъ погребальныхъ урнъ съ куполами, изображавшими крышки погребальныхъ урнъ. (Примѣч. 15-е). Во всякой странѣ, которая принимала буддизмъ, создавалась легенда о томъ, будто одинъ кто-либо изъ этой страны получилъ отъ самого Будды волосъ, обрѣзокъ ногтей его или что-нибудь подобное, на чемъ и создавался храмъ, ступа; —ступа и можетъ быть построена только на мощахъ, какъ и у насъ храмъ не можетъ быть безъ мощей въ самомъ престолѣ или антиминсѣ. (Климентъ Александрійскій говоритъ о мудрецахъ, обожавшихъ пирамиды, подъ коими погребены кости ихъ боговъ). Это то и составляетъ сущность буддизма, которою онъ не отличается и отъ другихъ религій, и религій не простого только народа, но даже и тѣхъ классовъ, которые совсѣмъ уже утратили вѣру; —ибо что такое празднованіе юбилея, какъ не своего рода служба умершему, юбиляру; не напоминаетъ ли это празднованіе литію или панихиду, когда на возвышенномъ мѣстѣ ставится портретъ или бюстъ юбиляра, увѣнчанный цвѣтами, вѣнками, когда читаются передъ нимъ похвальныя рѣчи, (величаніе), лирическія и другія произведенія, а если онъ былъ авторомъ, читаются извлеченія и изъ его сочиненій; заканчивается же все это поминальной трапезой. (Примѣч. 16-е).

Есть у буддистовъ легенда, объясняющая или оправдывающая, подобно нашей легендѣ о царѣ Авгарѣ Эдесскомъ, происхожденіе изображеній. Въ этой легендѣ самъ Будда дозволяетъ очертить свою тѣнь; этотъ очеркъ, раскрашенный, обращенный въ изображеніе, отправляется къ одному изъ

индійскихъ царей. Мощи, – çarirani,—множественное отъ—carira— тѣло, т. е. буддисты почитали самое тѣло Будды. Ступа, какъ сказано, можетъ быть построена только на мощахъ, какъ и у насъ храмъ не можетъ быть безъ мощей въ самомъ престолѣ или антиминсѣ. Будда изображался погруженнымъ въ размышленіе или проповѣдующимъ. Сущность проповѣди буддизма выражалась въ надписи на статуѣ; – знаніе причинъ существованія съ цѣлью освобожденія отъ него и есть сущность Буддійскаго ученія, въ основѣ котораго лежитъ признаніе, что всякое существованіе есть стѣсненіе другихъ существованій, и потому самое существованіе есть не братство, т. е. **зло**. Вселенскій же соборъ есть изслѣдованіе причинъ небратскаго состоянія, а не предположеніе, не гипотеза о неизбѣжномъ тождествѣ небратства съ существованіемъ, принимаемая буддистами за неопровержимую истину. Потому мыслящій и не можетъ не принять участія въ работѣ вселенскаго собора.

Внѣшнимъ выраженіемъ синодика, какъ уже говорилось, служитъ кладбище съ его памятниками (Примѣч. 17-е); памятники же есть еще искусственное (а не естественное) воспроизведеніе тѣхъ, которые заключены въ могилахъ; столообразное возвышеніе съ изображеніемъ умершаго есть обыкновенный типъ памятниковъ, т. е. умершій продолжаетъ лежать предъ нами на столѣ, какъ въ первый день смерти, представляя тѣмъ недоумѣніе наше передъ явленіемъ смерти,— недоумѣніе, продолжающееся и доселѣ, которое выражается и въ церковной погребальной пѣснѣ, которое выражается и во всѣхъ нашихъ спорахъ о состояніи умершихъ, объ ихъ участи послѣ смерти; и мы до сихъ поръ не рѣшили, что намъ дѣлать при этомъ. Впрочемъ, большая часть памятниковъ не дорастаютъ, не доразвиваются до такого выраженія, ограничиваясь помѣщеніемъ,— вмѣсто изображенія умершаго,—такъ называемой, Адамовой головы; иногда же и того нѣтъ; хотя есть и такіе, которые, превращаясь въ мавзолеи, какъ бы хотятъ замѣнить дѣйствительность, и потому служатъ выраженіемъ невѣрія, отрицанія вѣры и надежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ переразвитіемъ, и такимъ отрицательнымъ разрѣшеніемъ общаго недоумѣнія, мѣшаютъ развитію остальныхъ памятниковъ.

До какой степени неестественъ запретъ, наложенный Исламомъ на лицевыя изображенія, доказываютъ самыя надгробныя надписи на мусульманскихъ кладбищахъ, замѣняющія изображенія;—надписи эти не остаются простыми буквами, а переходятъ въ самыя затѣйливыя арабески, въ которыхъ нельзя не видѣть стремленія къ изображенію живого. Еще очевиднѣе неестественность этого запрета видна на турецкихъ кладбищахъ, гдѣ накрываютъ чалмою столбъ;—очевидно, это только потому, что не могутъ вмѣсто столба поставить изображеніе умершаго. (Примѣч. 18-е). Изучающіе славянскій орнаментъ находятъ и цвѣтокъ, смотрящій глазомъ, и листки въ иниціалахъ, снабженные ушами и глазами;—такъ было бы и съ мусульманами, если бы не тяготѣло надъ ними запрета. Самое названіе орнаментъ совершенно невѣрно, такъ какъ создавая то, что нынѣ носитъ на-

званіе орнамента, стремились не къ украшенію, а къ оживленію; если даже самый орнаментъ служитъ не къ украшенію, то какъ же вѣрна, стало быть, теорія, по которой все искусство обращается въ украшеніе, т. е. во что-то лишнее, не необходимое, слѣдовательно, ненужное;— и теорія эта создается защитниками искусства. Ни протестанты, ни даже магометане не отказались отъ надгробныхъ памятниковъ; только, кажется, у насъ молокане не дозволяютъ насыпать даже возвышенностей надъ могилами, не говоря уже о крестахъ или оградахъ на мѣстахъ, гдѣ хоронятъ умершихъ; это значитъ, уже вовсе нѣтъ кладбищъ.

Если бы на могильныхъ плитахъ съ орудіями страстей, или на водруженныхъ надъ могилами крестахъ, вмѣсто адамовой головы,—(изображавшейся и на старинныхъ антиминсахъ, замѣняющихъ престолы, бывшіе также надгробными памятниками, надъ которыми творилось не воспоминаніе только, а таинство тѣла и крови, т. е. воскрешенія),—если бы на всякой могилѣ вмѣсто адамовой головы было портретное изображеніе погребеннаго, тогда было бы легко.—(при перенесеніи кладбищъ за предѣлы населенныхъ мѣстъ, по физической необходимости, вслѣдствіе которой производится и самое погребеніе),—скопировавъ эти изображенія, составить иконографическое собраніе, портретный синодикъ. Если надъ могилами мучениковъ и святыхъ воздвигались алтари, престолы, а на престолахъ совершалось таинство тѣла и крови,—то и надъ могилами не прославленныхъ, не святыхъ, совершались поминальныя трапезы; поэтому, какъ алтари первыхъ замѣнялись переносными алтарями, такъ и могилы, служившія поминальными трапезами, могли бы замѣняться, при перенесеніи ихъ, т. е. могилъ, **вмѣсто-стольниками**, такъ сказать, т. е. могильными-плитами съ надписями именъ погребенныхъ или же съ ихъ изображеніями. Собраніе такихъ изображеній, какъ выраженіе синодика,—лицевой синодикъ,—должно быть главнымъ, центральнымъ мѣстомъ музея; общій же крестъ или распятіе съ атрибутами страстей, поставленное надъ этими снимками съ могильныхъ памятниковъ, съ обширнымъ подножіемъ, обнимающимъ всѣ эти изображенія, эти головы, выступившія изъ своихъ Голгофъ и ждущія у подножія креста окропленія животворящею кровью, (это—музейскій иконостасъ),—такое распятіе сохранило бы смыслъ и цѣль этихъ собраній въ отличіе отъ портретныхъ галлерей, не имѣющихъ другого значенія, кромѣ воспоминанія объ изображенныхъ и ихъ прославленія; такъ что картинныя галлереи есть, собственно, искаженное только выраженіе синодика, создавшее себѣ даже особую теорію происхожденія лицевыхъ изображеній, которая выводитъ происхожденіе портретовъ не изъ сыновней любви, а изъ любви невѣсты къ жениху или жениха къ невѣстѣ. (Разсказъ Плинія о Дебутадѣ). Это тоже секуляризація, которая есть не профанація только, но обезсмысленіе, разложеніе цѣлаго; а между тѣмъ, и секуляризація была протестомъ противъ мертвенности, жаждала жизни (memento mori и memento vivere, изображеніе съ живства и съ мощей, съ метрвыхъ); но не отвергая ни того, ни другого, можно соединить первое съ послѣднимъ, имѣя на одной сто-

ронѣ портретное изображеніе съ живого, на другой съ умершаго.

Синодикъ,—[которому галлерея портретовъ съ дѣяніями на ихъ поляхъ, наполняемыми по мѣрѣ изслѣдованія, служитъ выраженіемъ (Примѣч. 19-е)],—заключаетъ въ себѣ не только поминовеніе, но и побужденіе къ поминовенію, для чего и присоединяются къ нему вступительная часть, рядъ повѣстей, извлеченныхъ изъ такъ называемаго Великаго Зерцала, раскрывающихъ **значеніе поминовенія и различныя наказанія въ загробномъ мірѣ въ видахъ устрашенія**. Синодикъ съ Великимъ Зерцаломъ (imago mundi) есть уже философія исторіи, которая имѣетъ то преимущество передъ обыкновенною философіею исторіи, что въ ней не отдѣляется нравственное отъ умственнаго. Разсказы, приложенные къ синодику, имѣютъ значеніе примѣровъ, прикладовъ, прилоговъ, притчей, exempla, почему Великое Зерцало, которое было экстрактомъ всей средневѣковой литературы, и называется также Speculum exemplorum. Эти разсказы служили темами для проповѣдей, изъ нихъ почерпала содержаніе и позднѣйшая литература, хотя разсказы эти и были примѣрами только личной жизни, церковно-аскетическаго свойства. Для полнаго соотвѣтствія синодику передняя часть музея должна быть изображеніемъ Великаго Зерцала, но изображеніемъ, вытекающимъ изъ изслѣдованія, ибо музей есть созданіе науки, критики, содѣйствующей религіи.

Музей заимствовалъ отъ могилъ не одни только надписи и изображенія; въ могилахъ помѣщалось все, что нужно было умершимъ при жизни, и потому отъ нихъ, отъ могилъ, можно было получить все, что нужно для познанія жизни умершихъ. Изъ могилъ могутъ извлекаться также черепа, собраніе которыхъ можетъ быть названо **краніологическимъ или остеологическимъ синодикомъ**.

Данта можно считать послѣднимъ выраженіемъ Зерцала, его произведеніе—самимъ Великимъ Зерцаломъ, и тѣмъ не менѣе истиннымъ образомъ міра оно быть не можетъ. Но если Дантовская комедія удовлетворить человѣка не можетъ, то и другое направленіе, которое для краткости можно назвать Шекспировскимъ, которое адъ переноситъ на землю и наказаніе сверхъестественное дѣлаетъ естественнымъ, а людей, взятыхъ въ отдѣльности, дѣлаетъ виновниками адскаго, т. е. небратскаго состоянія міра,—и это направленіе можетъ служить лишь прикладомъ, или примѣромъ, для отдѣльныхъ только личностей, а не цѣлому міру;—Шекспиръ указываетъ только зло и не указываетъ выхода изъ него. Критика показываетъ, **что все**, чего человѣкъ страшился и на что надѣялся въ прежнее время, **отъ чего**, (т. е. отъ этого страха и надежды), не вполнѣ освободилось большинство и въ настоящее время, **черезъ что**, (т. е. черезъ этотъ страхъ и надежду), и въ настоящее еще время проходятъ почти всѣ,—**что все это**, (т. е. эти страхи и надежды), есть произведеніе самого человѣка;—но это еще не значитъ, чтобы все это было ложно, напротивъ, наказаніе будущее существуетъ уже въ настоящемъ, а то, что считалось наградою, можетъ быть только **произведеніемъ общаго труда. Изображенія Дантов-**

ской комедіи—по западному, хожденія по мытарствамъ—по восточному, изображеніе ада земного, не менѣе жестокаго, чѣмъ подземный,—по свѣтскому, изображеніе земного рая и, наконецъ, **изображеніе великой апокалипсической притчи,** составляетъ только входъ, паперть музея. Самый же музей открывается вопросомъ о причинахъ страданій и смерти, вопросомъ, тождественнымъ съ вопросомъ о причинахъ неродственнаго состоянія, а также съ вопросомъ о средствахъ возстановленія всемірнаго родства, къ постановкѣ котораго и ведетъ все изображенное на паперти. (Примѣч. 20 е).

Апокалипсисъ представляетъ въ чудовищныхъ формахъ горькую, хотя и весьма простую истину; картины апокалипсиса изображаютъ, съ одной стороны, необходимыя слѣдствія крайняго развитія городскаго (мануфактурно-торговаго) быта, въ себѣ самомъ носящаго наказаніе и паденіе; а съ другой стороны—естественныя бѣдствія, происходящія отъ исключительной преданности производству предметовъ наслажденія и отъ оставленія природы, трудиться надъ которою есть первая обязанность человѣка по заповѣди Божіей. Это общія всѣмъ временамъ черты, толкованія же ихъ примѣнялись къ каждому времени, къ каждому вѣку; такъ, въ настоящее время, подъ многоголовымъ звѣремъ, съ рогами многими, мы вынуждены разумѣть князей промышленности, милліардеровъ, билліонеровъ.

Но если бѣдствія, представляемыя апокалипсисомъ, суть необходимыя слѣдствія городскаго быта, то самъ городской бытъ не есть необходимое явленіе. Изображеніе апокалипсиса на **паперти** показываетъ, что онъ есть не послѣднее слово, а самое первое, и это слово означаетъ **„покайтесь“,** —потому то оно и изображалось на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли каюшіеся. Апокалипсисъ не единственное явленіе: на картинѣ страшнаго суда, писавшейся, обыкновенно, на Западной только сторонѣ, въ хартіяхъ у всѣхъ пророковъ, апостоловъ, въ трехъ Евангеліяхъ—можемъ читать апокалипсическія угрозы. По Ерминіи, росписаніе храма начинается изображеніемъ Вседержителя-Христа, явленіемъ его среди чиновъ ангельскихъ, за которыми слѣдуютъ пророки съ вышесказанными изрѣченіями на хартіяхъ въ рукахъ; выше же чиновъ ангельскихъ изображенъ **деисусъ,** т. е. моленіе о спасеніи міра Богоматери и Іоанна Предтечи; (входящіе въ храмъ, присоединяются къ **деисусу,** т. е. къ моленію о спасеніи); такимъ образомъ, и росписаніе храма начинается тоже апокалипсическою картиною, угрозою конца міра. Апокалипсисъ есть самая великая **всемірно-поучительная притча;** апокалипсисъ есть притча потому, что и всѣ притчи имѣютъ въ виду конецъ міра, хотя нѣкоторые изъ нихъ и заключаютъ въ себѣ не угрозу, а обнадеживаніе; но обнадеживаніе заключается и въ апокалипсисѣ, гдѣ конецъ не разъ откладывается, какъ мы увидимъ. Апокалипсическая притча есть изображеніе судьбы земного Вавилона и небеснаго Іерусалима, (а каждый городъ имѣетъ свой Вавилонъ, бывшій торговый посадъ, нынѣшнюю базарную площадь, и свой Іерусалимъ—бывшій Кремль или острожекъ и остающійся еще и нынѣ храмъ или соборъ), какъ и въ Евангельскихъ

притчахъ заключается изображеніе не только Царствія Божія, но и **міра сего**, который тотъ же Вавилонъ,—апостолы же это—закваска, зерно горчишное, изъ котораго должно было произрасти Царствіе Божіе. Глава XVIII-я Апокалипсиса есть полное изображеніе Вавилона,—а по нынѣшнему просто города, который, апокалипсически, не можетъ быть изображенъ иначе, какъ звѣремъ съ атрубитами, взятыми изъ современнаго состоянія, слѣдовательно, вооруженнымъ такими орудіями, о которыхъ даже самому Риму никогда и на умъ не приходило; на немъ, на звѣрѣ, сидитъ жена, разукрашеная всѣми соблазнами, производимыми нынѣшнею промышленностію, соблазнами, отъ которыхъ гибнетъ и послѣдній здоровый **остатокъ** на землѣ; другой звѣрь, выходящій отъ земли, имѣетъ видъ агнца, а говоритъ языкомъ змѣи обольстительницы, это—мысль, философія міра сего, которая, обольщая городскими соблазнами, старается возбудить распри, раздоры, и самую борьбу хочетъ представить благомъ.

Пройдя паперть, просмотрѣвъ или, лучше, прочитавъ внимательно изображенія, вступая въ храмъ, мы приходимъ къ самому простому рѣшенію апокалипсической притчи, а именно, что апокалипсическій звѣрь это и есть мы сами, и горожане, и сельчане,—для послѣднихъ апокалипсисъ служитъ предупрежденіемъ, чтобы они не увлекались соблазнами города, горожанъ же учитъ возвращенію къ селу. (Недостатки всѣхъ толкованій апокалипсиса въ томъ и заключаются, что всякая ересь, секта и проч., видѣла въ звѣрѣ своихъ противниковъ и не замѣчала звѣриныхъ свойствъ въ себѣ самой). Но снять съ себя звѣриный образъ, въ этомъ и заключается нашъ вопросъ, наша задача;—апокалипсисъ есть крайнее изображеніе противобратскаго состоянія и потому онъ есть первая, начальная, книга новаго завѣта. Апокалипсисъ, какъ притча, относится не къ отдѣльнымъ людямъ и не къ отдѣльнымъ даже народамъ, а ко всему человѣчеству. Въ апокалипсисѣ подъ угрозами кроется глубокая надежда на спасеніе; притча, очевидно, научаетъ насъ не унывать, когда отверста и седьмая печать и настала страшная тишина, когда, казалось бы, тотчасъ же и долженъ бы былъ настать конецъ; но и послѣ этого конецъ еще не настаетъ, конецъ еще отложенъ и опять являются семь ангеловъ; не нужно приходить въ отчаяніе и тогда, когда протрубитъ и седьмой ангелъ, и когда будетъ посланъ серпъ, чтобы пожать виноградъ, не сросшійся въ одну вѣтвь, потому что и тогда еще возможно спасеніе. Но притча научаетъ также не оставаться и въ бездѣйствіи, ибо въ семи ангелахъ, имущихъ седмь язвъ послѣднихъ, кончается гнѣвъ Божій. (Примѣч. 21-е). Апокалипсисъ служитъ дополненіемъ притчей Евангельскихъ, или притчи служатъ дополненіемъ апокалипсиса; такъ притча о сѣятелѣ прямо заставляетъ насъ подумать о причинахъ неуспѣшности проповѣди. Но обращаясь къ **притчамъ**, мы будемъ читать ихъ по изображеніямъ византійскаго письма, которыя многому могутъ научить и не однихъ неграмотныхъ;—такъ изображеніе **притчи о работникахъ**, нанятыхъ въ разные часы дня, ставитъ Еноха и Ноя въ положеніе трудившихся въ первый часъ, Авраама—въ третій, а Апосто-

лы изображаются, какъ работники послѣдняго часа, и возбуждаютъ зависть Еноха и Ноя.

Уже одна мысль видѣть въ исторіи,—хотя еще только и священной,—въ нынѣшнемъ смыслѣ.—**работу спасенія**, работу поколѣній, генерацій въ разныя эпохи, или періоды исторіи,—показываетъ, сколько образовательнаго матеріала заключается въ такомъ толкованіи, если это толкованіе не будетъ ограничиваться одною Еврейскою исторіею и опредѣленнѣе обозначитъ—**самую работу**. (Примѣч. 22-е).

Притча о купцѣ, ищущемъ добрыхъ „**бисерей**“, объясняется сказаніемъ о Варлаамѣ и царевичѣ Іосафѣ;—Варлаамъ указываетъ на Христа и держитъ хартію съ словами,—т. е. говоритъ,—„**вотъ многоцѣнный бисеръ**“; а позади ихъ разбросаны короны, золото, серебро и обломки идоловъ. Въ другомъ отдѣленіи этой картины стоятъ Эллинскіе философы, и надъ головою Христа надпись—„**Христосъ многоцѣнный бисеръ**“;— въ этомъ нужно видѣть побѣду надъ апокалипсическимъ звѣремъ, хотя звѣремъ и не XIX-го еще вѣка. (Примѣч. 23-е). Притча о погибшей одной изъ ста овцѣ, и объ утраченной драхмѣ изображается такъ: на небѣ незанятый престолъ; взоры девяти чиновъ ангельскихъ устремлены долу, гдѣ Оставившій престолъ выводитъ изъ ада грѣшника и, надо думать, послѣдняго, потому что на другой картинѣ виденъ Христосъ уже на престолѣ и держитъ въ одной рукѣ Адама, а въ другой хартію съ надписью: „**радуйтесь со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую**“. Въ изображеніи притчи о крѣпкомъ (Матѳ. 12, 29. Марк. 3, 27)—Христосъ благословляетъ Матѳея (мытаря), Павла (Савла-гонителя), Марію Магдалину,—кающихся грѣшниковъ, припадающихъ къ его стопамъ;—а въ другомъ отдѣленіи ангелы связываютъ дьявола (т. е. зло) и повергаютъ его въ адъ;— не значитъ ли это ненавидѣть зло, грѣхъ, и любить грѣшниковъ, не указываетъ ли это на необходимость искорененія самыхъ причинъ вражды, чтобы достигнуть всеобщаго спасенія.

Но для нагляднаго изображенія вопроса о причинахъ небратства, для того, чтобы всѣхъ воспитать въ единодушіи, въ единомысліи, чтобы всѣхъ сдѣлать участниками въ разрѣшеніи этого вопроса, чтобы всѣхъ приготовить къ совокупной дѣятельности, необходимо обратиться также и къ западной живописи, которая также, впрочемъ, выросла на Византійскомъ корнѣ.

Въ Ватиканѣ, въ такъ называемой палатѣ «подписи», Рафаэль изобразилъ богословіе, философію, поэзію и юстицію; и хотя онъ не имѣлъ намѣренія изображать въ этихъ картинахъ **небратства** и причинъ его, но такъ какъ онъ былъ вѣренъ дѣйствительности, мы видимъ въ этихъ картинахъ изображеніе, и довольно рѣзкое, какъ небратства, такъ и причинъ его, если не первыхъ, то второстепенныхъ. Богословіе изображено въ картинѣ, которая носитъ названіе—„**диспутъ о таинствѣ**“, о таинствѣ причащенія (т. е. о таинствѣ братства), или поминовенія всѣми сынами и дочерями, какъ однимъ потомкомъ, всѣхъ отцовъ и матерей, какъ одного предка, которое и изображается въ срединѣ картины подъ видомъ „**Гостіи**“.

Допустимъ, что названіе, усвоенное этой картинѣ, и не совсѣмъ точно, но тѣмъ не менѣе изображенная на верху картины Троица, не заключаетъ въ себѣ ни единаго намека на согласіе, на требованіе братства, (хотя Троица есть образецъ высочайшаго согласія Сына и Св. Духа, живущихъ для Отца, съ Отцомъ и въ Отцѣ), какъ нѣтъ такого намека и въ срединной картинѣ, въ «Гостіи». И хотя богословы, окружающіе алтарь, на которомъ **„Гостія“**,—судя по ихъ взорамъ, устремленнымъ къ Троицѣ,—и выражаютъ, быть можетъ, нѣкоторое согласіе, то въ картинѣ есть и другія группы, которыя совершенно выдѣлились и, повидимому, даютъ свое особенное толкованіе таинству, и толкуютъ его, конечно, не въ смыслѣ братства, иначе они не отдѣлились бы отъ другихъ. И, во всякомъ случаѣ, единодушіе, котораго нужно было бы ожидать при изображеніи такого таинства, въ картинѣ ничѣмъ не выражено. Нужно еще прибавить къ этому, что Рафаэль не дожилъ до самыхъ горячихъ споровъ о таинствѣ,—споровъ, которые произвели расколъ въ самихъ отдѣлившихся отъ католицизма протестантахъ. (Примѣч. 24-е). Вторая картина, изображающая философію, хотя и называется аѳинскою школою, но вѣрнѣе бы назвать ее споромъ; —въ самой серединѣ этой картины изображены Платонъ и Аристотель, и судя по тому, что одинъ изъ нихъ указываетъ на небо, а другой на землю, между ними не могло быть другихъ отношеній, кромѣ полемическихъ. (Не нужно забывать, что эта картина писана была до Коперника, признавшаго и землю звѣздою, небеснымъ тѣломъ). Нравственная философія,—отъ которой можно бы было ожидать объединенія даже и неба и земли, —въ лицѣ Сократа могла быть поставлена лишь въ сторонѣ отъ главныхъ фигуръ, какъ нравственность отвлеченная. Относительно же другихъ философскихъ направленій, какъ то стоиковъ, какъ нравственности отрицательной, и эпикурейцевъ, какъ положительной безнравственности, само собою понятно, что между ними кромѣ спора,—и при томъ пустого, самаго пустѣйшаго,—и быть ничего не могло. Поэзія представлена подъ видомъ Парнаса съ музами, во главѣ съ Аполлономъ подъ сѣнью лавровъ, и поэтами, во главѣ которыхъ Гомеръ со скрипкою, вмѣсто древней лиры; но уже одно то, что поэты увѣнчаны лаврами, показываетъ, что они увѣнчаны за прославленіе вражды (и приготовленіе къ ней,—военное воспитаніе, Пиндаръ),—и чувственности (Сафо). Вообще Парнасъ есть изображеніе **„восторга“**, понятнаго лишь при забвеніи дѣйствительности. Но если существуютъ эти три картины, то необходимость четвертой,—изображенія юстиціи, символическая фигура которой представлена съ карающимъ мечемъ и вѣсами,—становится понятною, очевидною. Было бы странно, конечно, рядомъ съ богословіемъ, философіею и поэзіею видѣть также и юстицію; но если богословіе развивалось путемъ диспута, философія путемъ спора, а поэзія прославляла вражду,—то необходима и юстиція съ карающимъ мечемъ. Какъ нѣтъ связи между четырьмя стѣнными картинами (диспутомъ, аѳинскою школою, Парнасомъ и юстиціею), такъ нѣтъ связи и между четырьмя символическими фигурами, соотвѣтствующи-

ми этимъ картинамъ; и эта отдѣльность ихъ чрезвычайно важна,—въ ней, можно сказать, нѣчто пророческое, такъ какъ писались эти картины еще при самомъ началѣ новой исторіи, при самомъ возникновеніи новой философіи. Въ этихъ картинахъ представляется новый секуляризованный университетъ съ его распаденіемъ на факультеты. Въ символическихъ же фигурахъ богословія и философіи,—[изъ которыхъ трехцвѣтною одеждою женской фигуры богословія выражены вѣра (бѣлый цвѣтъ), любовь (красный) и надежда (зеленый), а одежда фигуры философіи составлена изъ слѣпыхъ стихій міра]—заключается намекъ даже на ихъ противоположность; и дѣйствительно на долю философіи, вмѣсто вѣры, досталось сомнѣніе (Декартъ), вмѣсто любви—борьба (Дарвинъ), вмѣсто надежды—отчаяніе (Шопенгауэръ и Гартманъ)...

Въ отдѣленіи каждой изъ этихъ силъ (выражающихся въ богословіи, философіи и поэзіи) отъ всѣхъ другихъ, въ раздѣльности ихъ, и заключаются причины небратства, распаденія, если не первыя, то, по крайней мѣрѣ, второстепенныя.. И при этомъ не замѣтно ни малѣйшей даже попытки къ соединенію, что видно, между прочимъ, и изъ изображенія этихъ силъ въ видѣ женскихъ,—т. е. страдательныхъ (пассивныхъ) фигуръ. Такъ какъ картины, изображающія эти силы, были написаны лишь при началѣ послѣдняго раздѣленія,—того раздѣленія, до котораго дошли лишь въ настоящее время,—то раздѣльность ихъ, этихъ картинъ, не поражаетъ; надлежащее впечатлѣніе произвели бы эти картины, если бы они были продолжены и если бы философія (Аѳинская школа), напримѣръ, доведена была до послѣднихъ Европейскихъ школъ, поэзія до Зола, юстиція до Игеринга съ хартіею въ рукахъ, на которой было бы написано: «Вора, который покушается отнять у меня золотые часы, я имѣю полное право лишить жизни на томъ основаніи, что часы принадлежатъ мнѣ, а тѣло (т. е. жизнь?) хотя и имѣетъ значеніе для самого вора, для меня не имѣетъ ни малѣйшей важности». (Съ точки зрѣнія высшаго права,—которое, какъ извѣстно, есть высшая несправедливость,—это было бы справедливо, если бы даже золотые часы замѣнить мѣднымъ грошомъ).

Подобный же сюжетъ былъ разработанъ въ первой четверти настоящаго вѣка однимъ изъ представителей новѣйшей нѣмецкой школы — Корнеліусомъ, который росписалъ актовую залу, мѣсто собранія 4-хъ факультетовъ Боннскаго Университета. Четыре факультета, или четыре науки, изображены у него и въ видѣ символическихъ фигуръ, и исторически, въ видѣ главныхъ создателей права,—юридической науки,—а также и трехъ другихъ предметовъ знанія (богословія, философіи, медицины), и нѣтъ ни малѣйшаго намека на ихъ преходящее значеніе, на ихъ отношеніе къ цѣлой жизни человѣческаго рода, т. е. всегда, значитъ, будутъ существовать преступленія, болѣзни; и даже двѣ очевидныя крайности религіи, католицизмъ и протестантизмъ, будутъ существовать вѣчно; поэтому эти изображенія должно признать панегирикомъ партикуляризму, законодателямъ и юритамъ;—не достаетъ только нимбовъ и ореоловъ, которыми можно бы бы-

ло наградить и католическихъ и протестантскихъ богослововъ за ихъ упорную полемику; самыя же символическія фигуры этихъ отвлеченностей, взятыя въ ихъ отдѣльности, повидимому, вполнѣ сознаютъ вѣчность своего назначенія, и возвышая себя, унижаютъ человѣческій родъ, признавая его неспособнымъ существовать безъ внѣшняго принужденія,—неспособнымъ перейти отъ мысли (философіи) къ дѣлу, и хотя бы только въ религіи чувствовать свое единство, согласіе. Но если бы эта школа, представляемая Корнеліусомъ, была истинно универсальною, дѣйствительно христіанскою, то надъ этими четырьмя символическими фигурами, которыя по справедливости могутъ быть названы языческими богинями, былъ бы представленъ символъ высшаго единства, заключающій въ себѣ указаніе пути къ объединенію; эти фигуры получили бы значеніе, если бы правду представить въ траурѣ по жертвамъ, которыя она вынуждена приносить, философію — блѣдною фигурою, ибо она только представленіе, отраженіе міра, и при томъ міра, не одно добро въ себѣ заключающаго, для уничтоженія же зла у нея нѣтъ рукъ; (свою короткорукость, свое безсиліе искоренять болѣзни медицина не считаетъ даже недостаткомъ)... А, между тѣмъ, эта блѣдная, въ сущности—безсильная фигура имѣетъ притязанія чрезвычайныя...

Мысль новѣйшей философіи, Канта, и въ особенности Фихте, что **міръ** есть мое представленіе, нашла свое выраженіе въ картинахъ того же Корнеліуса, которыми росписаны три залы Мюнхенской Глиптотеки. Въ 1-й залѣ изображено происхожденіе міра и боговъ, и происхожденіе это приписано генію человѣчества, поставленному на мѣсто Эроса, вліянію котораго въ древности приписывалось образованіе міра и боговъ изъ хаоса. Переходъ отъ хаоса и образованіе стихій изображено въ 4-хъ отдѣленіяхъ; — въ одномъ отдѣленіи — Эросъ, — въ видѣ генія человѣчества, — на дельфинѣ, сопровождаемый авророю (утро) и богинею весны,—этимъ изображается образованіе воды; въ другомъ отдѣленіи, - Эросъ въ томъ же видѣ генія человѣчества, на орлѣ Юпитера съ перунами въ когтяхъ, въ сопровожденіи Аполлона на колесницѣ солнца,—это—образованіе огня и лѣтняго полдня; въ третьемъ отдѣленіи, - Амуръ съ павлиномъ въ сопровожденіи символическихъ фигуръ вечера и осени,— это воздухъ; въ четвертомъ,—Амуръ играетъ съ Церберомъ, свитою его служатъ ночь и зима,— этимъ изображается земля.

Конечно, геній человѣчества не управляетъ стихіями, иначе вода не производила бы потоповъ, огонь не былъ бы губительною силою, воздухъ не разрѣжался бы чуть не до нирваны, земля не твердѣла бы до омертвѣнія... Самое представленіе о стихіяхъ,—въ прошедшемъ неистинное, въ настоящемъ недостаточное и недосказанное...

Было бы гораздо цѣлесообразнѣе не смѣшивать представленія съ дѣйствительностію, не приписывать **„генію человѣческому“** господства надъ силою, которую онъ даже не знаетъ, надъ силою безчеловѣчною, неразумною, которою онъ не управляетъ; гораздо вѣрнѣе видѣть въ нихъ, въ стихіяхъ, дѣйствительно стихійныя силы, изъ коихъ каждая способна унич-

тожить человѣчество.. Потому то апокалипсическое воззрѣніе гораздо трезвѣе философіи ..

Подъ стихіями изображены три царства: Зевса, Посейдона и Плутона, торжество человѣка надъ которыми представлено: въ видѣ Орфея, спускающагося въ адъ—царство Плутона,—въ видѣ Геркулеса, съ торжествомъ входящаго на Олимпъ—царство Зевеса,—и въ видѣ Оріона, также побѣдоносно дѣйствующаго на водѣ—въ царствѣ Поссейдона.

Согласно духу времени и живопись приняла участіе въ бунтѣ земли противъ неба, по выраженію Фортуля; но какъ древняя борьба титановъ происходила лишь въ воображеніи, т. е. была миѳическою, такъ и настоящее возстаніе происходитъ въ области только мысли, т. е. эта борьба по отношенію къ небу совершенно мнимая; но, производя опустошеніе въ душахъ и мысляхъ людей, въ жизни—она отражается революціями, отрицаніемъ братства и отечества, т. е. родства. Когда,— съ появленіемъ Орфея въ аду,—адскіе боги лишаются силы, приговоры адскихъ судей замираютъ на устахъ. Сизифы, Данаиды освобождаются отъ безплодной, безцѣльной работы,—это, конечно, значитъ, что вѣра въ адъ кончается, но тѣмъ не менѣе безцѣльная работа въ самой жизни продолжается.

Впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно люди были освобождены отъ работъ, отъ труда, какъ мечтаетъ о томъ современная цивилизація, изобрѣтая машины, то адъ не исчезъ бы, ибо наказаніе заключается не въ работѣ, а въ ея безцѣльности; праздностью также можно наказывать, да и наказываютъ, когда подвергаютъ тюремному заключенію безъ работы.

Божество было изгнано изъ всѣхъ стихій, не осталось ему мѣста и внѣ или выше ихъ, и сталъ міръ слѣпою силою, а въ душахъ водворилась пустота, въ жизни раздоръ.

Въ переходной залѣ изображенъ и самый бунтъ, и бунтовщикъ въ видѣ миѳа Прометея, т. е.—изображенъ новый человѣкъ, вѣрующій въ прирожденныя права не только въ обществѣ, но и въ природѣ, и потому знающій одно только средство, это — возмущеніе: Каинъ Байрона протестуетъ противъ труда.—Спиритизмъ и, вообще, мистицизмъ также вѣритъ въ прирожденное право, если приписываетъ себѣ силу—вызывать души, дѣйствовать силою не пріобрѣтенною, не разумною, а прирожденною...

Сюжетъ того же содержанія, который былъ разработываемъ Рафаэлемъ и Корнеліусомъ, но позднѣе ихъ, въ концѣ первой половины девятнадцатаго вѣка, разработывалъ также французскій художникъ,—хотя и не получившій извѣстность, но заслужизающій ее болѣе, чѣмъ многіе другіе, пользующіеся ею,—Шенаваръ. Въ 1848 г. Шенавару было поручено Ледрю-Ролленомъ росписать Пантеонъ. Шенаваръ задумалъ, говоритъ Т. Готье, **замѣнить наивную покровительницу Парижа (Св. Женевьеву) геніемъ человѣчества,** задумалъ написать на стѣнахъ этого храма біографію, или синтетическую исторію коллективнаго существа, состоящаго изъ людей всѣхъ мѣстъ и временъ, котораго душа-Богъ, и которое отъ Адама

идетъ твердымъ шагомъ къ цѣли, ему будто бы извѣстной; это—легенда —апотеозъ человѣчества. Такой храмъ былъ бы вѣрнымъ изображеніемъ пантеистической мысли первой половины XIX вѣка; такой храмъ былъ бы пантеономъ, въ которомъ, говоритъ Т. Готье, и халдеи, – (давно уже, надо замѣтить, исчезнувшіе), – найдутъ свои звѣзды, и Египтяне найдутъ своихъ Озириса и Тифона, которые, впрочемъ, давно забыты и вспоминать ихъ считается за грѣхъ и не должно, если не уклоняться отъ истины и долга, не смотря на то, что явленія и силы, въ нихъ олицетворенныя, **существуютъ и господствуютъ надъ Египтомъ** по прежнему; но на это продолжающееся и даже усиливающееся господство ихъ Шенаваръ не обратилъ вниманія, какъ не обратилъ онъ вниманія на продолжающееся господство и боговъ Олимпа, которыхъ хотя и найдетъ Грекъ въ Пантеонѣ, но онъ не любилъ ихъ и въ до-христіанское время, считая завистниками человѣческаго счастія, боится ихъ и до сихъ поръ, поклоняясь имъ и въ настоящее время, хотя и подъ другими именами; такъ вмѣсто Зевеса поклоняются нынѣ Ильѣ Пророку, что очевидно изъ одного уже того, что на Олимпѣ существуетъ въ настоящее время монастырь во имя Ильи Пророка, такого же, по понятію народа, громовержца ... Христіане не признаютъ въ этомъ Пантеонѣ Христа, уравненнаго здѣсь съ Зароастромъ и Магометомъ; отъ изображенія же Магомета отвернутся и мусульмане,—фанатики изъ мусульманъ,—считая самое изображеніе за нечестивое дѣло; не поклонятся Іеговѣ, не признаютъ Пантеонъ за его храмъ, и Евреи,—которые ищутъ не братства и чтутъ Іегову, обѣщавшаго имъ господство. Нѣмецкому же народу нѣтъ надобности напоминать о воинственномъ Одинѣ, потому что нѣмцы и въ настоящее время чтутъ своего Одина, чтутъ его на дѣлѣ.... Пантеонъ Шенавара былъ бы храмомъ только для тѣхъ, которые не вѣруютъ ни въ какихъ боговъ:—очевидно, что серьезной цѣли собиранія и примиренія Шенаваръ не имѣлъ; замѣнивъ св. Женевьеву геніемъ человѣчества, онъ оттолкнулъ бы католиковъ и не привлекъ бы другіе народы, художникъ хотя и видѣлъ зло во враждѣ, въ войнахъ, но равнодушный ко всѣмъ религіямъ, онъ не искалъ того, что есть общаго въ религіяхъ ... (Примѣч. 25-е).

Шенаваръ, не входя въ разсмотрѣніе причинъ небратства, не придавая и братству истиннаго его смысла, считалъ, повидимому, не труднымъ дѣломъ дать общую, эклектическую, религію всѣмъ народамъ и даже примирить ихъ, и потому надъ дверями съ внутренней стороны онъ предполагалъ изобразить **братскую** (конечно забывшую отцовъ) вечерю, **агапе,** всѣхъ народовъ; въ этой картинѣ, говоритъ его толкователь Т. Готье, хотѣлъ онъ изобразить, иллюстрировать, пѣсню Беранже «Священный союзъ народовъ», (написанную въ 1818 г. по поводу очищенія Французской территоріи отъ союзныхъ войскъ), приглашающую народы покинуть вражду, подать другъ другу руки. Судя по мѣсту, занимаемому этой картиной, —надъ самымъ входомъ,– можно подумать, что Шенаваръ или въ искусствѣ признавалъ могущественную силу примирять и дѣйствительно вѣрилъ,

что всѣ народы, къ какимъ бы религіямъ они не принадлежали, могутъ въ росписываемомъ имъ храмѣ приносить молитву, или же онъ не придавалъ никакого значенія причинамъ, считая небратство, вражду, безпричинною. Но даже либеральные католики,—Монталамберъ и его приверженцы,—не сочли возможнымъ для себя молиться въ этомъ храмѣ и постарались помѣшать исполненію плановъ Шенавара, что имъ и удалось.

За картиною **братской** трапезы человѣчества идутъ изображенія внутренней его (человѣчества) исторіи, **панафинеи**, какъ называетъ ихъ Т. Готье, занимающія весь фризъ. Изображенія фриза начинаются хаосомъ, изъ котораго рождается индусская тримурти, затѣмъ различныя аватары **чудовищныхъ формъ,** (Примѣч. 26-е), постепенно переходящія въ **человѣческія** формы, въ **боговъ Греціи**, которымъ не достаетъ только нравственной красоты,—красота эта дается христіанствомъ; затѣмъ слѣдуютъ великіе люди и фризъ оканчивается неясными, блѣдными, постепенно исчезающими картинами дальняго будущаго.

На стѣнахъ изображена уже самая исторія человѣчества, открывающаяся потопомъ, изображеннымъ не столько по библейскому сказанію, сколько по ученію Кювье и другихъ геологовъ, допускающихъ катаклизмы въ прошедшемъ, но не отвергающихъ возможности ихъ въ настоящемъ и будущемъ; тутъ гибнутъ колоссальные ихтіозавры, чудовища первобытнаго міра, но волны достигаютъ и человѣчества, изображеннаго въ видѣ города Энохіи. (27-е примѣч.). Вторая картина начинается отверженіемъ Хама за непочтеніе къ отцу и обреченіемъ его на рабство братьямъ, потомкамъ двоихъ другихъ сыновей. Въ посмертномъ судѣ жрецовъ надъ царями Египта,—(въ слѣдующихъ картинахъ),—можно видѣть крайнее выраженіе господства теократіи; въ смерти Зароастра отъ скифовъ, когда воинъ убиваетъ жреца, виденъ переходъ отъ теократіи къ военной аристократіи, къ героическому періоду. (28-е примѣч.). Противъ самаго входа изображены: на верху тріумфальное шествіе, т. е. самое высшее господство Рима, а внизу въ тоже время видны катакомбы, и въ нихъ незримое для торжествующихъ дѣло христіанъ, подтачивающее древній Римъ... Оканчивается исторія человѣчества картиною революціи, которая изображена Шенаваромъ, какъ высшее проявленіе разума, правды и проч... (29-е примѣч.)

Отъ изображеній на столбахъ, которыми поддерживается сводъ, естественно ожидать отвѣта на вопросъ, чѣмъ держится міръ, и въ отвѣтѣ этомъ мы прочтемъ, конечно, воззрѣнія на этотъ предметъ времени, т. е. идею вѣка. Въ XVI-мъ вѣкѣ отвѣтъ этотъ данъ Рафаэлемъ въ палатѣ **„подписи“**, въ концѣ же первой половины XIX-го вѣка воззрѣнія на этотъ предметъ своего времени хотѣлъ увѣковѣчить Шенаваръ,—воззрѣнія, которыя онъ признавалъ, конечно, несомнѣнно истинными. Религія не исключена еще изъ основъ міра и потому она, представленная Моисеемъ, помѣщена на одномъ изъ столбовъ,—но геній съ дѣтскою маскою въ рукѣ поясняетъ намъ, что вѣра есть принадлежность ранняго, дѣтскаго возраста человѣчества. Геніями, держащими маски, обозначены: и искусство (пред-

ставителемъ котораго является Гомеръ)—юношескою маскою,—и философія (представленная Аристотелемъ)—маскою зрѣлаго возроста,—и наука (представленная Галилеемъ)—обозначена маскою старости.... Но такое обозначеніе опоръ, силъ, уничтожаетъ ихъ, дѣлая ихъ преходящими, исчезающими явленіями, призраками; а между тѣмъ, религія рѣшительно безсмертна, и философію убить нельзя, а должно лишь превратить ее въ планъ, проектъ, и тогда миѳологія, олицетвореніе, исчезнетъ, потому что осуществится. Наука же можетъ быть старостью только для Запада; для человѣческаго же рода, она,—наука,—т. е. знаніе безъ дѣла, есть лишь несовершеннолѣтіе.

Сравненіе воззрѣній первой половины XIX-го вѣка съ воззрѣніями эпохи возрожденія, выраженными Рафаэлемъ, т. е. воззрѣній **антропологическихъ** съ **теологическими**, а затѣмъ и съ воззрѣніями второй половины XIX-го вѣка, которыя должны быть названы **зоологическими**,—весьма поучительно. У Шенавара уже нѣтъ раздѣленія на небо и землю, Моисей получаетъ не скрижали отъ руки Божіей, а смерть, которая изображена на картинѣ, помѣщенной надъ нимъ, Моисеемъ, и эта смерть вмѣняется ему въ мученичество; Христу, ведомому на смертную казнь, и Магомету, бѣгствомъ спасающемуся отъ преслѣдованія, дано равное значеніе, т. е. равно мученическое. (Примѣч. 30-е). Символическая фигура вѣры **не указываетъ** богословамъ, на землѣ находящимся, на небо, гдѣ Христосъ съ Отцомъ и Духомъ, какъ у Рафаэля,—она сама имѣетъ распростертыя крылья, которыя и вознесли ее къ небу и она касается неба головою; прикрытая облакомъ, эта воздушная фигура какъ будто намекаетъ, что она есть только парящая мысль человѣка; по зоологическому же воззрѣнію нашего времени эта парящая мысль низведена уже до представленія, свойственнаго и животнымъ, такъ что собака, лающая на зонтикъ, движимый вѣтромъ, за которымъ ей чудится кто-то чужой, считается достаточнымъ объясненіемъ всей обширной области религіи, цѣлаго внутренняго міра, этихъ глубокихъ, высокихъ, захватывающихъ духъ образовъ и мыслей...

Шенавару кажется недостаточнымъ дѣтской маски для указанія, что религія суть принадлежность ранняго возраста человѣчества; какъ бы опасаясь, что его не поймутъ, онъ придумалъ еще новый символъ для изображенія той же мысли,—восходящее солнце показываетъ, что эти видѣнія, эти парящія фигуры, принадлежатъ къ утреннимъ миражамъ. Искусство въ лицѣ Гомера, представленнаго слѣпымъ, очень вѣрно, хотя и ненамѣренно, изображаетъ, что искусство безъ знанія слѣпо; - впрочемъ, собственно къ Гомеру это относиться не можетъ. Символическая фигура поэзіи, какъ и религія, съ крыльями, но эти крылья не возносятъ ее до небесъ; фигура эта обращена лицомъ къ высоко-поднявшемуся солнцу, и это, надо полагать, значитъ, что поэзія видитъ будто бы яснѣе и отчетливѣе религіи; точно также и геній человѣчества съ юношеской маской даетъ поэзіи высшее предъ религіей мѣсто въ жизни человѣческаго рода. Сократъ помѣщенъ на одномъ столбѣ съ искусствомъ, что, вѣроятно, озна-

чаетъ нравственное вліяніе искусства; хотя Сократъ скорѣе былъ иконоборецъ и противникъ поэзіи, судя по діалогамъ ученика его, Платона; да и самъ Сократъ, скульпторъ по профессіи, отказался отъ скульптуры, ради философіи;—но Шенавару нуженъ былъ мученикъ поэзіи, или искусства, для его новой церкви, которая, нужно замѣтить, другого безсмертія, кромѣ художественнаго не обѣщаетъ. И Фидій, который изображенъ на этомъ же столбѣ, также сопричисленъ къ лику мучениковъ новой церкви,—и только потому, что былъ заподозренъ въ утайкѣ золота, хотя и оправдался. По зоологической же теоріи 2-й половины XIX-го вѣка, половой подборъ и игра собакъ, притворно грызущихся въ свободное отъ дѣйствительной службы время, считается достаточнымъ для объясненія художественной способности человѣка; при такой теоріи символической фигурѣ искусства нѣтъ надобности уже и въ крыльяхъ, она съ успѣхомъ можетъ превратиться даже въ пресмыкающееся.

Историческая фигура философіи у Шенавара—**Аристотель;** у Рафаэля же въ центрѣ картины помѣщенъ не одинъ Аристотель, но и Платонъ; и это, конечно, показываетъ, что во время Шенавара философія, показывающая на землю, предпочитается той, которая показываетъ на небо. Выше Аристотель представленъ учителемъ Александра,—какъ Сократъ учителемъ Алкивіада и Критія,—и это, повидимому,—указаніе на политическое значеніе философіи;—а еще выше Аристотель представленъ мученикомъ, въ виду выше объясненной уже цѣли, хотя мученія Аристотеля и заключались только въ томъ, что онъ удалился изъ возбужденныхъ противъ него Аѳинъ, не желая сдѣлать Аѳинянъ во второй разъ виновными противъ философіи. Помѣщая на томъ же столбѣ Юстиніана, окруженнаго законовѣдами всѣхъ временъ,—Макіавели, Гуго Гроціемъ, Пуффендорфомъ, Монтескье и проч.,—не давая, слѣдовательно, юстиціи самостоятельнаго значенія, дѣлая законодательство органомъ, такъ сказать, философіи, Шенаваръ желалъ этимъ выразить лишь соціальное значеніе философіи; тогда какъ у Рафаэля юстиція, т. е. каноническое, (котораго у Шенавара совсѣмъ уже нѣтъ), и свѣтское право,—отдѣлена и отъ философіи и отъ богословія. Затѣмъ слѣдуютъ Руссо и дѣти, (Примѣч. 31-е), т. е. значеніе философіи въ воспитаніи, реформа воспитанія и т. д. Символическая фигура философіи представлена съ сложенными крыльями, лишенною всякой одежды, смотрящеюся въ зеркало **„познай себя“** (Примѣч. 32-е)... Сопоставляя же эти воззрѣнія Рафаэля и Шенавара съ зоологическою точкою зрѣнія второй половины XIX-го вѣка, должно сказать, что по зоологической теоріи—общество есть муравейникъ, потому что и человѣкъ—только общественное животное.

Въ такомъ же родѣ представлена и наука въ лицѣ Галилея,—мученика,—въ темницѣ съ цѣлымъ рядомъ научныхъ дѣятелей: Бюффонъ, Лавуазье (дѣйствительный мученикъ) и т. д. Судя по маскѣ и заходящему солнцу, наука, т. е. собственно естествознаніе, есть старческое занятіе, для котораго нѣтъ будущности. Отдѣленіе науки отъ философіи,—хотя та и другая есть **знаніе**, предметъ котораго,—въ наукѣ и философіи,—

одинъ, ибо и въ естествознаніи есть философія, и общество имѣетъ не одну философію, но и науку,—(даже если бы оставитъ въ сторонѣ, такъ называемую соціологію); такое отдѣленіе науки отъ философіи вынуждаетъ поставить вопросъ, чѣмъ же онѣ, будучи знаніемъ одного и того же предмета, отличаются одна отъ другой? И если наука—истина, то что же будетъ философія? Для многихъ въ наше время этотъ вопросъ рѣшенъ, и рѣшенъ въ смыслѣ отрицанія истинности философіи; но такое рѣшеніе нельзя не признать нѣсколько поспѣшнымъ, ибо философія есть знаніе того, что должно быть, она есть планъ дѣятельности, который есть у всѣхъ людей; наука же, изучающая то, что есть, даетъ лишь средства для дѣйствія. (Примѣч. 33 е).

Философскія воззрѣнія собственно своего времени,— пантеистическое воззрѣніе, принимаемое самимъ Шенаваромъ за вѣчное,—онъ хотѣлъ изобразить мозаичными картинами въ пяти кругахъ, подъ пятью куполами Пантеона, расположенныхъ крестомъ на полу.

То, что религія изображаетъ на верху, на сводахъ, какъ на небѣ, —то свѣтскій художникъ хотѣлъ изобразить внизу — на полу; для насъ это и выговорить дико, а на Западѣ такъ дѣлается. Восточная церковь, не довольствуясь изображеніями на стѣнахъ храма, на верхнемъ куполѣ, и не внутри лишь храма, но и внѣ его, создала, кромѣ того, иконостасъ, поднимая его все выше и выше, создала **высокій амвонъ** и покрыла его изображеніями, не оставила безъ изображеній и **клиросы**, но никогда не писала на полу, развѣ травный орнаментъ. Правда, кладбище можетъ быть названо барельефною картиною —или іероглифическимъ синодикомъ на самой землѣ,—но съ проходами между могилъ или надгробныхъ плитъ, какъ буквъ.

Въ центральной мозаикѣ предполагалось изобразить колоссальную фигуру **Слова**, котораго Христосъ является только однимъ изъ провозвѣстниковъ; на правой сторонѣ той же мозаики—четыре основныя добродѣтели [**сила**, или мужество, **правда**, **благоразуміе**, **терпѣніе** (Прим. 34-е)] —ведутъ къ подножію **Слова** боговъ востока—Кроноса, Юпитера, Изиду и проч.; на лѣвой сторонѣ три богословскія добродѣтели (вѣра, надежда, любовь) ведутъ боговъ сѣвера, Одина, Тора и проч.

Эта мысль о концѣ религіи, воспроизведена позднѣе въ картинѣ **„Божественная Трагедія“**: при концѣ древняго міра, при явленіи на небѣ Троицы, смерть съ помощью правды и разума поражаетъ боговъ. Такимъ образомъ и у религіи есть свои парки, которыя перерѣзываютъ нить ихъ бытія,—такъ это и изображено на картинѣ. Смерть, наконецъ, вознесена на самое небо, чѣмъ показывается, что и Христіанству и, вообще, всѣмъ религіямъ будетъ конецъ.

Облачная полоса отдѣляетъ ту часть картины, на которой изображено **Слово** съ умирающими у подножія его религіями, отъ средней части этого круга, которая представляетъ портикъ изъ трехъ арокъ и подъ средней изъ этихъ арокъ изображенъ идолъ, составленный изъ символовъ всѣхъ

религій: надъ тремя животными, — (коровою-символомъ браманизма, грифомъ-символомъ Персіи и сфинксомъ-символомъ семитическаго племени), —изображена погребальная барка Египтянъ, на баркѣ кивотъ ветхаго завѣта и надъ кивотомъ католическая **гостія**. Этотъ же эклектическій символъ, воспроизведенный изъ гранита, долженъ быть алтаремъ для поклоненія всѣхъ народовъ.

Полагаемъ, что многіе даже изъ тѣхъ, которые раздѣляли пантеистическія воззрѣнія, предъ этимъ алтаремъ увидѣли бы больше, чѣмъ странность,—увидѣли бы всю ложь этихъ воззрѣній; и въ этомъ мы не можемъ не видѣть громаднаго преимущества искусства предъ философіею. (Примѣчаніе 35-е).

Однако, что же общаго въ этихъ символахъ различныхъ религій; а между тѣмъ во всѣхъ религіяхъ есть общее. Нашъ престолъ,—по католически алтарь,—представляетъ это общее, ибо онъ есть памятникъ всѣмъ умершимъ и, слѣдовательно, святыня для всѣхъ, кто признаетъ себя смертнымъ. (Самъ Шенаваръ, который отвергаетъ, конечно, поминовеніе, создаетъ памятникъ и даже расширяетъ синодикъ, внося ученыхъ, философовъ и пр.) И почему изображены именно эти символы, а не другіе? Хлѣбъ и вино, это святыни земледѣльческихъ народовъ, это—христіанская религія; кивотъ—это святыня кочевыхъ народовъ, это—Еврейство и Магометанство.. Но гдѣ же символы городской религіи, которая бываетъ то идолопоклонническая, то идолоборческая?.. Нельзя не пожалѣть, что П. Шенавару не удалось осуществить свой планъ: Пантеонъ, росписанный Шенаваромъ, былъ бы полнымъ выраженіемъ критико-революціонной философіи; это былъ бы уже памятникъ всему революціонному періоду, необходимое его заключеніе и выходъ къ новому. И тѣмъ болѣе можно надѣяться на окончаніе революціоннаго періода, что Франція опять выступаетъ на поприще колонизаціи, прекращеніе коей и было главною причиною революціи.

Подъ правымъ и лѣвымъ портиками по лѣстницамъ, ведущимъ отъ нихъ на площадку, изображены распространители Слова... Въ нижней же части этого круга представлена терраса, и на ней изображена новая исторія въ лицѣ реформаторовъ, художниковъ, философовъ, политиковъ, и на первомъ планѣ—Наполеонъ, какъ послѣдній представитель перваго періода новой исторіи, и Вашингтонъ и Уаттъ, которые открываютъ новѣйшее время, при чемъ эти послѣдніе стоятъ на террасѣ одной только ногой, другая же занесена ими въ туманное будущее. Но художникъ не хочетъ оставить насъ въ невѣдѣніи и будущаго;—вновь мы видимъ лѣстницу, высѣченную въ скалѣ, а на ней купца, склонившагося надъ банковыми билетами, надъ золотомъ, опирающагося на тюкъ хлопка, но хранящаго еще черты человѣческаго образа; у ниже изображенныхъ—человѣческій образъ постепенно утрачивается; еще ниже—исхудалыя матери съ изсохшими грудями, это—природа человѣческая, утратившая плодотворность; а дальше—умирающія парки, веретено и ножницы выпали изъ ихъ рукъ; а въ самомъ низу, въ противоположность верхней части, изображающей твореніе свѣта,

представленъ огонь, погребальный костеръ, въ который геніи бросаютъ послѣдніе трупы. Но этотъ погребальный костеръ міра—не конецъ, не выраженіе отчаянія, а неразумное упованіе на огонь,— (вмѣсто того, чтобы уповать на разумный трудъ),—ибо изъ погребальнаго костра вылетаетъ фениксъ, сынъ собственнаго праха, пепла. Впрочемъ и этого феникса ожидаетъ такой же конецъ; слѣдовательно, это не отвѣтъ, а лишь повтореніе того же вопроса.

Въ четырехъ остальныхъ кругахъ изображены: въ лѣвой и нижней оконечностяхъ креста—чистилище и адъ, а въ верхней и правой—элизій и рай. Изображеніемъ чистилища и ада художество (или искусство) не затруднялось, но воображеніе отказывалось служить въ изображеніи элизія и, особенно, рая. Изображеніе Фіезоли и Рафаэля созерцающими въ нѣмомъ восторгѣ дѣйствительную Мадонну,—вотъ все, что могъ сдѣлать художникъ для изображенія мистическаго рая. Элизій разнообразнѣе, но и тутъ на сто адскихъ наказаній едва можно придумать одно лишь удовольствіе. Въ Елисейскихъ поляхъ, по изображенію Шенавара, виденъ банкетъ философовъ, подъ предсѣдательствомъ Эпикура, который принимаетъ въ свое стадо Рабле, Лафонтена и т. п. веселыхъ особъ. Затѣмъ концертъ, гдѣ Бетховенъ и Гайденъ перевертываютъ страницы нотъ для хора небесныхъ дѣвъ.. Слѣдуя этой мысли, нужно было бы ожидать, что мы встрѣтимъ картинную галлерею, а вмѣсто того находимъ садъ, гдѣ бродитъ дружба и очищенная отъ грубой чувственности любовь, или гдѣ иные просто спятъ на лугахъ, усѣянныхъ цвѣтами... Что же это за рай, гдѣ только разсуждаютъ, т. е. гадаютъ объ истинѣ, гдѣ только предчувствуютъ гармонію, какъ въ музыкѣ, гдѣ дружба и любовь безъ содержанія, гдѣ, наконецъ, можно заснуть? Для чего въ такомъ случаѣ и пробуждаться? Положимъ, что все это не серьезно, что адъ, какъ поясняетъ Т. Готье, есть—зависть, чистилище—сомнѣніе...

Трудность представленія рая заключается въ томъ, что нынѣшній человѣкъ, пресыщенный эпикуреецъ, разумѣя подъ раемъ пріятное, а не великое, ограничиваетъ эстетику, **т. е. науку о вѣчномъ блаженствѣ, страдательными** удовольствіями, что нынѣшній больной человѣкъ не можетъ представить себя здоровымъ, мощнымъ, сильнымъ, дѣятельнымъ, а между тѣмъ здоровье, свѣжесть, мощь и сила есть первыя условія райскаго состоянія, потому что состояніе это можетъ быть найдено только въ дѣятельности, столь же широкой, какъ знаніе, и не отдѣлять знаніе,—какъ бы обширно оно ни было,—отъ дѣятельности есть первое условіе пониманія райскаго состоянія; въ отдѣленіи же знанія отъ дѣятельности и заключается причина того, что для художниковъ и философовъ нѣтъ рая. Для больного, утомленнаго воображенія нѣтъ ничего страшнѣе вѣчности и безграничной шири...

Въ только что изложенныхъ изображеніяхъ всемірно историческому знанію дана художественная форма, но недостаетъ этимъ изображеніямъ религіозно-нравственнаго характера; въ нихъ заключается изображеніе

познанія, даже причинъ познанія, но не причинъ **небратства** (Примѣч. 36), въ нихъ заключается и изображеніе **„божественныхъ вещей познанія“**, но нѣтъ указанія средствъ для возстановленія **братства**; оттого-то и отличаются холодомъ эти изображенія, особенно символическія; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы нужно было обращаться къ такъ называемымъ жанровымъ картинкамъ,—должно, не оставляя широты и высоты этихъ изображеній, дать имъ и глубину чувства, и тогда монументальная живопись получитъ воспитательное значеніе, котораго въ настоящее время,— имѣя значеніе учебное,—она не имѣетъ; и это возможно, потому что холодность означенныхъ изображеній произошла лишь отъ забвенія, что все человѣчество составляетъ семью, одинъ родъ, и даже философскіе, самые отвлеченные термины были терминами родственныхъ отошеній;— еще въ старославянскихъ переводахъ то, что мы называемъ категоріями, т. е. самыя общія понятія, переводились—**„роднѣйшіе роды“**; да и вообще какъ общественный бытъ,—всѣ формы общества,—есть только искаженіе рода, родового быта, такъ и отвлеченные,—философскіе,—термины есть только искаженіе родовыхъ терминовъ.

Мы могли бы перенести къ себѣ, воспроизвести художественно, всю исторію философіи отъ Афинской школы Рафаэля до новѣйшей Европейской—Шенавара, Корнеліуса, до зоологическихъ теорій, если бы они нашли свое выраженіе;—но мы перенесли бы ее къ себѣ, какъ отжившую, какъ высказавшую свои недостатки, научающую насъ не отвергать стараго, праотеческаго. Наша Ерминія, или наставленіе, должна быть составлена по наблюденіямъ въ древнихъ Византійскихъ росписанныхъ церквахъ и въ Европейскихъ, также росписанныхъ, музеяхъ, отъ Ватиканскихъ палатъ до музеевъ Мюнхенскихъ и Берлинскихъ.

По Византійской Ерминіи весь храмъ и въ особенности куполъ есть изображеніе исполненія молитвы—**призрить, посѣтить, утвердить виноградъ**, подъ которымъ въ христіанскомъ смыслѣ, разумѣется весь родъ человѣческій, а не одинъ еврейскій народъ; самое изображеніе выражаетъ, что молитва услышена: на небѣ купола уже виденъ Господь-Вседержитель, т. е. Христосъ, или возносящимся или паки грядущимъ, а кругомъ написана эта молитва, которую мы произносимъ, а Онъ слышитъ... Виноградъ, —обвивающій образы Христа, двѣнадцати учениковъ, семидесяти апостоловъ,—спускается по аркамъ, но не обвилъ еще всего человѣчества, потому что оно не сдѣлалось еще одною виноградною лозою. Если бы всѣ вѣтви соединились въ одну лозу, т. е. если бы кочевые народы обратились въ земледѣльческіе, если бы и городъ обратился къ землѣ, тогда не было бы раздѣленія между религіею, наукою и искусствомъ, не писали бы ихъ раздѣленными и западные художники. Слѣдуя дѣйствительности, мы не можемъ представить символическія фигуры религіи, науки и искусства соединившимися, какъ не можемъ изобразить и села, объединившимъ въ себѣ горожанъ и номадовъ; слѣдуя же не одному тому, что есть, но и тому, что должно быть, мы можемъ представить ихъ на Западной сторонѣ,—**какъ**

существующее, какъ фактъ, — раздѣленными, а на Восточной,—**какъ долженствующее, какъ проектъ,** — соединенными или сближающимися. (Примѣчаніе 37-е).

Но и на Западной сторонѣ, согласно съ исторіею, центральное мѣсто должно быть дано религіи, науку же и искусство должно изобразить по сторонамъ, потому что знаніе и искусство выдѣлились изъ религіи, родились отъ нея, какъ отъ матери. Одежда символической фигуры религіи и по Рафаэлю заключаетъ въ себѣ красный цвѣтъ, что означаетъ не только любовь, но и любовь родственную, кровную, ибо, по писанію, отъ единой крови созданы всѣ языки; по нашему же изображенію красный цвѣтъ доженъ быть главнымъ, основнымъ цвѣтомъ одежды символической фигуры религіи, ибо другіе цвѣта, въ которые облекъ символическую фигуру богословія Рафаэль,—бѣлый, означающій вѣру, зеленый—надежду, — не составляютъ что-либо самостоятельное, отдѣльное отъ любви, потому что вѣра,—довѣріе и вѣрность,—суть свойства любви, а надежда есть таже любовь только къ тѣмъ, которыхъ нѣтъ,—утраты превращаютъ любовь въ надежду. Въ одной рукѣ символическая фигура держитъ книгу, какъ это изображено у того же художника,—по нашему эта книга-синодикъ, облеченный цвѣтомъ надежды (зеленый); другою же рукою она указываетъ, должна указывать на свой образецъ, прототипъ, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Духъ Святый по своему символу есть также любовь, и любовь дочерняя, т. е. такая же какъ и сыновняя, а своимъ названіемъ указываетъ на ту глубину, которую заключаетъ въ себѣ любовь Сына и Св. Духа ко Отцу, и Отца къ Сыну и Святому Духу, т. е. указываетъ на вѣдѣніе, но не отвлеченное, а оживляющее, животворное. Родственная любовь, обозначающаяся краснымъ цвѣтомъ, есть любовь тройная: **первая и главная любовь есть сыновняя и дочерняя,** отеческая же и братская ею утверждается, тогда какъ силу и крѣпость супружеской любви придаетъ любовь къ дѣтямъ; и потому супругамъ, имѣющимъ дѣтей, обычно называть другъ друга **отцомъ** и **матерью,** какъ бы забывая, что они мужъ и жена, да и напоминать имъ объ этомъ нѣтъ надобности, какъ нѣтъ надобности въ заповѣди о любви къ самому себѣ; нечего и говорить, что нѣтъ такой любви и въ прототипѣ, т. е. въ Троицѣ.

Религія въ сущности только одна,—это любовь сыновъ и дочерей (т. е. дѣтей) къ отцамъ, т. е. культъ отцовъ-предковъ; отъ этой любви зависитъ и братская любовь; любовь же отцовъ къ дѣтямъ должна выражаться только во внушеніи имъ, дѣтямъ, любви къ себѣ, къ отцу, но это **„къ себѣ"** не значитъ къ **одному** себѣ, а ко **всѣмъ** отцамъ, какъ къ одному отцу, (иначе это былъ бы эгоизмъ). Такая любовь требуетъ и знанія и дѣйствія, т. е. не только науки во всей ея полнотѣ, но и приложенія этой полноты знанія ко всей дѣйствительности; при томъ такая любовь, совершенно безкорыстная, представляетъ высшую степень нравственности. Любовь же отцовъ къ самимъ дѣтямъ можетъ выражаться только въ питаніи ихъ, въ потворствѣ имъ, т. е. такая любовь воспитываетъ только эгоистовъ.

Наука (подъ которою разумѣемъ и философію) и искусство (подъ которымъ понимаемъ и поэзію) хотя, согласно дѣйствительности, и должны быть представлены отдѣлившимися отъ своей матери, религіи, но не совершенно еще утратившими ея цвѣтъ. Основной цвѣтъ науки **бѣлый,** потому что она происходитъ изъ вѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ наука, хотя и блѣдно, все же сохраняетъ красноватый оттѣнокъ своей матери, указывая тѣмъ, что и въ ней не изсякла еще совершенно любовь, и любовь сыновняя къ отцамъ, которая, какъ сказано, есть основная любовь.

Этотъ блѣдный, красноватый оттѣнокъ есть выраженіе недостатка любви, выражаетъ слабую любовь. Такимъ недостаткомъ любви и отличается, напримѣръ, такъ называемая, филантропія, которая, не обращая надлежащаго вниманія на причины преступленій, требуетъ лишь **смягченія** наказаній, тогда какъ изслѣдованіе причинъ небратскаго состоянія требуетъ искорененія преступленій и ведетъ къ уничтоженію наказаній.

Искусство также не вполнѣ утратило и **цвѣтъ родственной любви,** и свой основной—**зеленый** цвѣтъ, хотя и изображаетъ большею частью уже не то, **что нами утрачено,** изображаетъ не **утраты наши,**—а угождая чувственности,—изображаетъ то, что еще существуетъ. И религія можетъ отождествляться съ искусствомъ и съ художественною промышленностью, дѣлаясь идолопоклонническою и постепенно утрачивая свое существенное свойство, т. е. любовь къ отцамъ, и ставя цѣлью жизни чувственное наслажденіе (Афродиты, Мелиты, Гермесы въ смыслѣ покровителя торговли и промышленности); но тогда начинается реакція, т. е. религія, соединяясь съ отвлеченною философіею, дѣлается идолоборческою, отождествляясь съ нею, довольствуется одною внутреннею областью, становится только внутреннею религіею.

Религія можетъ дѣлаться идолопоклонническою и идолоборческою, но это лишь искаженія религіи, а не особыя религіи, ибо религія, какъ уже сказано, только одна:—религія есть объединеніе живущихъ (сыновъ и дочерей) для воскрешенія умершихъ (отцовъ,—подъ именемъ же отцовъ разумѣются отцы и матери). Допускать **болѣе одной** религіи,—значитъ не имѣть **ни одной.**

Двѣ религіи,—это безсмыслица.

Сближеніемъ и отдаленіемъ символическихъ фигуръ науки и искусства отъ символической фигуры религіи, и перемѣнами, которыя въ нихъ при этомъ происходятъ, можно изобразить поучительную исторію науки и искусства. Символическая фигура науки, при отдаленіи отъ религіи дѣлаясь чистою, не прикладною, блѣднѣетъ, становится очеркомъ безъ красокъ, безъ свѣта и тѣни: становясь же при этомъ отдаленіи прикладною, она вооружается телескопами, микроскопами и другими разными орудіями,—но все, производимое ею при этомъ, кратко можно представить въ видѣ Пандоры, при чемъ богами, надѣляющими ее обольстительными качествами, будутъ распавшіяся науки. При дальнѣйшемъ движеніи блѣдный очеркъ, обнимающій собою все,—и прошедшее, и отдаленное,—можетъ и совершенно,

наконецъ, исчезнуть, какъ неимѣющій приложенія; прикладное же знаніе обратится тогда на удовлетвореніе исключительно чувственныхъ потребностей. Искусство можетъ указать даже причины такого явленія, находя ихъ въ отдѣленіи города отъ села, что и даетъ городу возможность обратить всѣ силы, какъ умственныя, такъ и физическія, на удовлетвореніе сказанныхъ (т. е. чувственныхъ) потребностей. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ величайшую услугу, которую можетъ при этомъ оказать искусство, нужно не забывать, что промышленность, не представленная въ цѣломъ, —въ ея причинахъ и послѣдствіяхъ,—поражаетъ, изумляетъ человѣка, представляется благодѣтельницею его и потому господствуетъ надъ нимъ.

Одно лишь слово,—безъ нагляднаго изображенія,—безсильно бороться съ впечатлѣніемъ, производимымъ, напримѣръ, промышленными выставками, особенно на большинство, которому сама же промышленность не даетъ времени обдумать, представить себѣ ее въ цѣломъ, въ ея вредныхъ слѣдствіяхъ, въ ея нечистыхъ источникахъ; чтобы выразить это коротко, должно сказать, что **чистая наука безучастна къ бѣдствіямъ** человѣка (къ борьбѣ и истребленію), а прикладная дѣлается даже участницею истребленія,—въ войнѣ **прямо**, изобрѣтеніемъ орудій истребленія, и въ промышленности **косвенно**, придавая соблазнительную наружность вещамъ, предметамъ потребленія, вносящимъ вражду въ среду людей; промышленность происходитъ изъ животнаго источника и обращаетъ человѣка въ скота, разрушаетъ братство, вооружаетъ сыновъ противъ отцовъ, культъ отцовъ превращаетъ въ культъ женъ, комфортъ становится цѣлью, и дать участіе въ комфортѣ **всѣмъ** считается высшею цѣлью; въ этомъ и заключается истинный смыслъ промышленности, ибо человѣкъ безъ знанія причинъ небратства, и даже не задающійся этимъ вопросомъ, есть только промышленное животное. Чтобы бороться съ впечатлѣніемъ, производимымъ промышленною выставкою, нужно противопоставить ей музей, храмъ, съ такою монументальною живописью, о которой теперь говоримъ. Искусство черезъ такой трудъ станетъ истиннымъ участникомъ искупленія, или спасенія, облегчая обнять причины страданій, утратъ, небратства.

По другую сторону фигуры религіи въ той же полосѣ, соотвѣтствующей фризу, нужно изобразить подобную же исторію искусства, показывающую, чѣмъ становится искусство по мѣрѣ отдаленія отъ религіи. Отдаляясь отъ религіи, искусство оставляетъ могилу,—(изъ которой оно по нравственной необходимости возникло),—за собою, за своими, такъ сказать, плечами; отказываясь отъ возстановленія утраченнаго, оно обращается къ настоящему, удвоиваетъ удовольствіе, давая возможность переживать настоящее не только въ дѣйствительности, но еще и въ изображеніи; или же искусство сердится (и сердится и гнѣвается за **всѣхъ**, въ чемъ и видитъ свое нравственное, гражданское, свое образовательное значеніе),—сердится на препятствія къ достиженію идеала, заключающагося въ томъ, чтобы всѣхъ избавить отъ всякаго труда и всѣмъ доставить наслажденіе. А между тѣмъ только трудъ можетъ доставить высшее удовлетвореніе,

изъ пассивныхъ же, т. е. страдательныхъ удовольствій, рая,—вопреки мнѣнію Шіенавара,—создать нельзя, только изъ великаго,—мірового,—труда создастся рай. При дальнѣйшемъ движеніи въ томъ направленіи, въ которомъ оно развивается въ настоящее время, искусство, надо ожидать, превратится только въ орнаментъ промышленности.

То, что на верху, на фризѣ, выражено символически,—(т. е. религія, а также наука и искусство въ ихъ отношеніи къ религіи),—тоже самое ниже, на той же Западной сторонѣ, должно быть изображено исторически. Паденіе,—(т. е. отдѣленіе, удаленіе человѣка отъ Бога, сына отъ Отца, творенія отъ своего Творца),—творенія, не пожелавшаго творить волю Творца, быть разумомъ слѣпыхъ силъ, вслѣдствіе чего эти слѣпыя силы и обрушились на него,—(что и естественно было ожидать, въ чемъ и заключается утрата рая),—воздухъ сталъ бурею, ураганомъ, вода—ливнями, разливомъ, лавинами, потопомъ, земля поколебалась и полуслѣпыя силы природы, т. е. животныя, сдѣлались врагами человѣка, райское состояніе кончилось, земля приняла первыя жертвы грѣха;—такою картиною открывается исторія, эта картина сопровождаетъ ее, служитъ, такъ сказать, фономъ, на которомъ развивается исторія—какъ фактъ. Изображая бушующія, необузданныя разумною волею стихіи, внизу мы должны изображать жертвы этихъ стихій, т. е. начало ада, который полосою, то расширяясь, то съуживаясь, тянется подъ всею исторіею,—подъ изображеніемъ исторіи, какъ факта,—и обходитъ весь храмъ-музей, естественно оканчиваясь подъ жертвенникомъ, чтобы вновь выйдти въ видѣ синодика, или собора воскресающихъ,—это исторія какъ проектъ, обнимающая всю восточную сторону подъ фризомъ. Въ первомъ паденіи, въ отдѣленіи человѣка отъ Бога, какъ отца, кроются всѣ слѣдующія отпаденія, кроется тотъ распадъ, въ которомъ нынѣ находится родъ человѣческій. (Примѣч. 38-е).

Вторая картина—нечестіе сына (Хама), отвергнутаго отцомъ и обреченнаго на рабство другимъ сынамъ, т. е. это небратство. Въ нечестіи Хама—начало города; потомство Хама (хамиты) было изобрѣтательнымъ, промышленнымъ, городскимъ и какъ городское, изнѣженное оно дѣлалось добычею воинственныхъ кочевниковъ и пиратовъ, т. е. Семитовъ и Яфетидовъ. Вавилонъ есть продолженіе и слѣдствіе нечестія Хама; потомки отверженнаго работаютъ потомкамъ другихъ сыновъ; въ картинѣ Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ (одной изъ шести картинъ, изображающихъ всемірную исторію) Нимвродъ приказываетъ продолжать работы даже въ то время, когда гнѣвъ Божій уже разразился надъ промышленнымъ городомъ, и не смотря на просьбы жены, дѣтей; тутъ и надсмотрщики съ бичами, у которыхъ рукоятки изъ человѣческихъ костей; на этой картинѣ и возстаніе противъ рабства,—работники убиваютъ архитектора; внизу же жертвы рабства и возстанія—адъ; и полоса ада, начавшаяся подъ картиною перваго паденія, наполняясь тамъ жертвами слѣпыхъ силъ, подъ Вавилономъ должна получить большую глубину, такъ какъ тутъ она приняла въ себя, кромѣ жертвъ слѣпыхъ стихій, оставленныхъ безъ управленія, еще

жертвы прямого небратства, жертвы рабства и возстанія. Конечно, этого необходимаго послѣдствія промышленности въ картинѣ Каульбаха нѣтъ; художникъ, рисовавшій картину Вавилона съ неумолимымъ строителемъ и его надсмотрщиками съ бичами, конечно, думалъ, и не безъ внутренняго удовольствія (такое впечатлѣніе сообщается и зрителямъ его картины),— на сколько Берлинъ и вообще всѣ нынѣшніе промышленные города стоятъ высоко въ нравственномъ отношеніи надъ Вавилономъ: бичей нѣтъ, работаютъ повидимому не по принужденію, работа очень легкая, сидячая, въ закрытомъ помѣщеніи; а между тѣмъ не одинъ подъ-Вавилонскій, но и всякій подъ-промышленный городской адъ заключаетъ въ себѣ жертвы не одной ужъ слѣпой силы природы (Примѣч. 39-е).

Третья картина – первое столкновеніе варварскаго Запада съ промышленнымъ цивилизованнымъ Востокомъ. Слѣдуя первымъ строкамъ Иліады, мы должны внизу, подъ картинами, изображающими поля битвъ, отвести мѣсто и для гибнущихъ на этихъ поляхъ. По картинѣ Берлинскаго музея, въ которой изображено появленіе Гомера въ Греціи, на верху, надъ радужной полосой, представлено небо, а на небѣ – боги всѣхъ племенъ Греціи, боги и Троянъ; и хотя боги эти были собраны на одинъ Олимпъ, но мира между ними не было, иначе онъ былъ бы и между людьми, не было бы и Троянской войны, которую раздували боги; а потому, слѣдуя дѣйствительности, Гомеръ и боговъ не могъ изобразить въ согласіи между собою.

Трудно объяснить, почему Каульбахъ, отведя на верху мѣсто для изображенія причинъ вражды, для изображенія боговъ, не отвелъ, вопреки тексту поэмы, вопреки логической послѣдовательности, мѣста для изображенія слѣдствій вражды. Въ картинѣ Греціи, нарисованной Каульбахомъ, мы видимъ лишь эффектную внѣшность, а между тѣмъ по существу Эллада есть раздоръ; такъ бы и слѣдовало назвать ее (подобно тому, какъ у насъ назывались нѣкоторыя поселенія, названія которыхъ, очевидно, соотвѣтствовали дѣйствительности), – такое названіе, данное всей Греціи, также было бы согласно съ дѣйствительно въ ней происходившимъ. Гомеръ, водимый Сивиллою, пристаетъ къ берегамъ Греціи и привлекаетъ своими пѣснями народъ, – такъ изображаетъ Каульбахъ; слушаютъ его художники, поэты, скульпторы, архитекторы... Но Гомеръ передаетъ имъ печальную,— или какъ это у насъ въ извѣстномъ Словѣ называется, трудную повѣсть,—повѣсть о гибели ихъ героевъ; а они лишь восхищаются храбростью ихъ, ихъ удальствомъ, военными хитростями; Гомеръ указываетъ имъ на раздоры Олимпійцевъ, а скульпторы видятъ въ нихъ и изображаютъ только красоту, силу, могущество, и даже мудрость... Гомеръ, или Омиръ, такъ понимаемый, могъ бы быть внесенъ и въ христіанскій храмъ; да онъ и былъ тамъ изображаемъ, напримѣръ, въ Московской придворной церкви **„Распятія“**, гдѣ на нижнихъ клеймахъ самого иконостаса изображены Омиръ и Менандръ, а также и въ другихъ храмахъ. Поэма Гомера есть эпическій синодикъ; и поэма эта, хотя и не съ такимъ характеромъ, продол-

жала расти въ особенности въ сказаніи объ Энеѣ, который и по Гомеру основалъ новый городъ. Оракулъ на Идѣ предсказывалъ, въ утѣшеніе разореннымъ Троянамъ, возстановленіе Иліона и предсказаніе это исполнилось... (Примѣч. 40-е). Завладѣвъ Иліономъ, Греки продолжали свое движеніе въ Азію до Александра и его преемниковъ; но съ тыла противъ Грековъ появились возставшіе Трояне, т. е. Римляне, которые сами себѣ приписали Троянское происхожденіе; они-то въ лицѣ Константина и возстановили Иліонъ, отодвинувъ его только на другой проливъ; этотъ возстановленный Иліонъ, 2-й Римъ, и сдѣлался центромъ новаго міра, какъ храмъ примиренія Востока и Запада, какъ городъ соборовъ, примиряющій ученія Восточное и Западное, создавшій символъ, принятый всѣми христіанскими исповѣданіями; потому-то Константинополь и можетъ быть изображенъ храмомъ Софіи, но не такимъ, каковъ онъ теперь, а какимъ онъ вышелъ изъ рукъ строителя,—храмомъ, воздвигнутымъ еще тогда, когда не только не было протестантства, но не было и раздѣленія церквей; и при томъ это храмъ божественной премудрости, противъ которой ничего не могутъ сказать ни магометане, ни евреи.. И если на одной сторонѣ храма или музея, мы изобразимъ Иліонъ и съ нимъ всю древнюю исторію міра, то на другой сторонѣ должны будемъ изобразить Константинополь и новую исторію, начиная отъ Константина, Юстиніана и проч.

Всѣ народы не только Европейскіе, или - точнѣе—христіанскіе, католическаго-ли то или протестантскаго толка,—но и тѣ изъ нехристіанскихъ народовъ, которымъ враждебенъ Исламизмъ,—напримѣръ Китай, - имѣютъ виды на К-поль, или имѣютъ его въ виду на самомъ крайнемъ планѣ, такъ какъ К-поль составляетъ центръ панъ-исламизма; и потому тѣ народы, которые желаютъ всеобщаго мира, тѣ, которые желаютъ воспитать себя въ этой мысли, въ этомъ чувствѣ, въ этомъ стремленіи, должны въ своихъ храмахъ, въ своихъ школахъ, въ своихъ музеяхъ, вездѣ, гдѣ изображается исторія всего міра, поставить въ самомъ центрѣ К-поль, который былъ конечною цѣлью всѣхъ войнъ, веденныхъ народами; но, - главное, - нужно изображать его съ жертвами подъ нимъ, съ жертвами уже принесенными для завоеванія или, какъ это у всѣхъ христіанскихъ народовъ называется, для освобожденія его (К-поля).

Впечатлѣніе, произведенное взятіемъ К-поля, было сильно на Западѣ, но еще сильнѣе оно было у насъ; оно открыло намъ наше значеніе въ мірѣ, какъ преемниковъ примирительной миссіи К-поля. Носителемъ этой мысли о преемствѣ мы можемъ считать Макарія-дивнаго, по выраженію современниковъ, по стопамъ котораго слѣдовалъ, по собственному признанію его, св. Филиппъ. Изображеніе Макарія съ дѣяніями его мы поставимъ на высокомъ амвонѣ, подобномъ тому, который самъ онъ создалъ въ Новгородской Софіи и, конечно, съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать богослуженіе поучительнымъ, а не для проповѣди, которой у насъ почти не было и которая потому и возникла, что богослуженіе стало непоучительнымъ; дѣянія Макарія будутъ поучительны и для нашего времени; въ рукахъ у него

хронографъ, открытый на повѣсги о паденіи Царь-Града, начинающейся такъ: «хощу глаголати повѣсть, еже не точію человѣки, но и нечувственное каменіе и самыя стихіи творятъ плакати» (Примѣч 41-е); на поляхъ этой повѣсти вѣнчаніе на царство Іоанна, какъ преемника Константина, Ѳеодосія, Юстиніана. Далѣе Макарій поддерживаетъ своими посланіями Іоанна, идущаго на Казань (Примѣч. 42-е), приказываетъ написать житіе литовскимъ мученикамъ и болгарскому Георгію, замученному турками; тутъ же должны быть изображены соборы и канонизація мѣстныхъ святыхъ. Передъ амвономъ,—какъ учительнымъ мѣстомъ, съ котораго произносятся и ектеньи о соединеніи всѣхъ, читаются поминовенія, который находится среди храма, сбведеннаго кругомъ вышеописаннымъ истинновселенскимъ синодикомъ,— стоитъ громадная наглядная картина, иконостасъ, какъ это въ Успенскомъ соборѣ; на ней, на этой картинѣ мы видимъ праотцевъ, которые въ вѣрованіи **во единаго** Бога хранили завѣтъ о собираніи всѣхъ колѣнъ земныхъ; видимъ пророковъ, какъ предвозвѣстниковъ собора, апостоловъ, какъ вѣстниковъ, посланныхъ для собиранія; самый амвонъ м. б. подобіемъ иконы Софіи, т. е. седьми столпнымъ зданіемъ, съ изображеніемъ на седьми столбахъ и седьми соборовъ, ждущихъ продолженія, и седьми таинствъ, въ которыхъ также выражается собираніе, начиная отъ **„шедше научите, крестяще“**, съ надписью надъ этими изображеніями,—какъ на холмогорской иконѣ Софіи,—«Посла рабы своя, созывающе съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу».

Дальнѣйшее раскрытіе мысли Макарія принадлежитъ Западной Руси, когда католицизмъ ополчился на православіе; въ полемикѣ, открывшейся при этомъ, впервые, надо полагать, выяснилось существенное различіе между идеей монархизма въ Западной церкви и идеею соборности въ Восточной церкви. Эта соборность, составляя наше отличіе отъ католическаго монархизма, точно также отличаетъ насъ и отъ протестантскаго анархизма. Реформація, можно сказать, есть соборобopство и иконоборство: картина Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ—Реформація—(одна изъ шести, изображающихъ Всемірную исторію, о которыхъ мы говорили выше)—далеко не выражаетъ истиннаго смысла реформаціи: изображая—съ одной стороны Лютера-реформатовъ, а съ другой Лютера-лютеранъ, двѣ главныя секты протестантства, Каульбахъ посредствомъ причащенія представляетъ обращеніе въ протестантство;—но значеніе причащенія есть общеніе, объединеніе, тогда какъ смыслъ протестантства есть свобода, разъединеніе даже по мысли, а относительно дѣла—протестантство не только не признаетъ необходимости общаго дѣла, но даже и личное дѣло не считаетъ необходимымъ условіемъ спасенія. Если бы картина ограничилась изображеніемъ только множества капеллъ, представляющихъ ереси, на которыя естественно распалось протестантство, то и тогда не былъ бы еще выраженъ настоящій смыслъ протестантства;—всякая капелла есть собраніе приносящихъ общую молитву, тогда какъ протестантизмъ, не допуская молитвы за умершихъ вообще, допускаетъ, слѣдовательно, молитву лишь за себя

лично. Протестантство можно, кажется, изобразить только хаосомъ, который произвелъ, поднявъ книгу,— библію, – Лютеръ (Примѣч. 43-е). Само собою разумѣется, что протестантство не осталось вѣрно своей мысли и не могло быть послѣдовательно въ особенности по отношенію къ иконоборству; отвергнувъ иконы, протестанты завели музеи и впали въ самую худшую изъ всѣхъ лятрій, въ мануфактуро-лятрію. Чтители иконъ имѣли бы полное право, если бы сами не отдѣляли музеевъ отъ храмовъ, спросить своихъ противниковъ,—почему у нихъ то самое, что осуждается и не допускается въ храмахъ, это самое внѣ храма не только дозволяется, какъ уступка слабости человѣческой, но и величается творчествомъ, изобрѣтательностью, даже и въ томъ случаѣ, когда творческій даръ употребляется на удовлетвореніе личныхъ прихотей. Если идоломъ называется то, къ чему человѣкъ наиболѣе привязанъ, чему преданъ всей душой, то существованіе иконъ,--(изображеній отцовъ и братьевъ, даже великихъ, святыхъ отцовъ), —доказываетъ, что идоломъ въ этомъ случаѣ служитъ отечество, братство и нравственное величіе; существованіе же мануфактурной промышленности доказываетъ, что идоломъ для человѣка будутъ не лица, а вещи. Тоже самое нужно сказать и объ общеніи;— существованіе различныхъ ученыхъ обществъ, въ особенности историческихъ,— что, конечно, вовсе не соотвѣтствуетъ запрещенію молиться объ умершихъ,—также составляетъ противорѣчіе основнымъ началамъ протестантства.

Потому то и нужно для изображенія протестантства дѣлить картину на двѣ половины, изъ которыхъ на одной будетъ отвергаться то, что утверждается на другой, такъ что если на одной половинѣ протестантство отвергаетъ и соборы и иконы, то на другой оно признаетъ ихъ. Точно также признавая,—и совершенно справедливо,—ничтожество дѣлъ (напримѣръ благотворительности), протестанты тѣмъ не менѣе дѣлаютъ ихъ.

Выше представленное противорѣчіе, очевидно, не замѣчается; не замѣчаютъ и крайняго бездушія протестантизма, по крайней мѣрѣ, не замѣчаютъ его у насъ; иначе, какъ объяснить появленіе такихъ запоздалыхъ подражателей протестантизма, каковы штундисты, редстокисты, пашковцы; а православіе остается или безотвѣтнымъ, или что еще хуже оправдывается, а что всего уже хуже само подражаетъ протестантству, ограничивая себя заведеніемъ церковно-приходскихъ школъ, проповѣди, тогда какъ въ самомъ храмѣ и богослуженіи можетъ заключаться самое дѣйствительное, самое широкое поученіе, въ которомъ не будетъ того противорѣчія, какое есть у протестантовъ.

Папство сдѣлало уже шагъ къ примиренію съ православіемъ, если подъ православіемъ понимать такое ученіе, которое не отдѣляетъ отъ вѣры знанія, любви отъ правды, искусства отъ надежды, такъ какъ папство начало сближаться съ знаніемъ и искусствомъ еще съ самаго паденія К-поля, иногда даже подчиняясь свѣтскому знанію въ ущербъ вѣры; и только постоянныя вмѣшательства въ политическія дѣла, т. е. свѣтская власть, которая не соединима съ нравственнымъ долгомъ и чувствомъ, служитъ

препятствіемъ къ тѣснѣйшему соединенію религіи съ наукою и искусствомъ; и потому **то, что считается упадкомъ папства,** т. е. утрата имъ политическаго вліянія и свѣтской власти, нужно считать благотворнымъ явленіемъ, эпохою въ исторіи папства. По православному воззрѣнію,—Климента XIV-го, уничтожившаго іезуитскій орденъ, т. е. сокрушившаго самое орудіе политическаго вліянія папства, начавшаго обращеніе въ музей самого Ватикана, т. е. открывшаго собою рядъ папъ, преимущественно извѣстныхъ, какъ основатели музеевъ, и почти неизвѣстныхъ или мало значившихъ въ политикѣ,—Климента XIV нужно поставить выше Николая I го, Григорія VII-го, вовлекшихъ папство въ политическіе свары, и тѣмъ выше, что уничтоженіе Іезуитскаго ордена было съ его стороны подвигомъ и стоило ему, какъ полагаютъ, жизни. Съ Климента XIV-го начинается новая эпоха въ исторіи папъ, хотя важность и значеніе этой перемѣны въ наше время могутъ быть оцѣнены немногими. Уничтоженіе Іезуитскаго ордена есть первая и при томъ отрицательная только заслуга, но тѣмъ не менѣе великая, ибо это значило отреченіе отъ политическихъ интригъ, нравственное очищеніе папства; мало того, этимъ, можно сказать, положено начало отреченію отъ свѣтской власти. Къ сожалѣнію преемники Климента не только не продолжали этого дѣла, а даже возстановили уничтоженный имъ орденъ, и свѣтская власть, отъ которой не хотѣли отречься добровольно, была взята у папства силою. Вторая заслуга положительная, относится къ знанію и состоитъ въ томъ, что папы, лишенные политическаго вліянія, дѣлаются основателями музеевъ и, можно сказать, ограничиваются ролью хранителей ихъ. (Примѣч. 44-е). Хотя и прежніе папы, начиная съ Николая V-го созидали библіотеки, музеи, но эта дѣятельность ихъ была побочною, а не главною. Такую перемѣну въ папахъ нужно приписать тому значенію, какое получили въ XVIII вѣкѣ знаніе и искусство. Но потому-то и можно надѣяться, что когда знаніе изъ отвлеченнаго превратится въ нравственное, т. е. изъ безцѣльнаго познанія причинъ сдѣлается познаніемъ причинъ небратства, а искусство будетъ поучительнымъ изображеніемъ этого небратства и его причинъ, и когда такое знаніе и искусство получатъ силу, то окажутъ подобное же дѣйствіе и на папство, обративъ папство—господствующее—въ учащее, въ изслѣдующее соборно,—всемірно—соборно,—тотъ же нравственный вопросъ о причинахъ небратства. Понятно, что обращеніе, примиреніе папства съ православіемъ находится въ зависимости отъ того усердія, отъ той распространенности,—которую получитъ дѣло о братствѣ у насъ самихъ; тогда сами папы, благодаря вліянію, пріобрѣтшему силу, обратятъ музеи, и теперь сближенные съ храмами, въ храмы-музеи.

Исторію папства можно раздѣлить на два періода, изъ коихъ первый періодъ,—господства,—окончился Бонифаціемъ VIII-мъ. Тотъ же народъ, который возвеличилъ папство, далъ ему свѣтскую власть, нанесъ и оскорбленіе въ лицѣ Бонифація VIII, отвелъ его въ плѣнъ. Въ тоже время Дантъ осудилъ папство, какъ свѣтское. 2-й періодъ начинается возвращеніемъ

папства въ Римъ, строеніемъ Ватикана, гдѣ папство, дозволивъ Рафаэлю помѣстить Данта въ числѣ богослововъ (въ диспутѣ о таинствѣ), тѣмъ признало незаконность свѣтской власти. Комедію Данта, т. е осужденіе свѣтской власти, могли читать и неграмотные, и не въ одной Италіи, а вездѣ, гдѣ она была изображаема. Катедраль Флорентійскій, помѣстивъ самого Данта съ раскрытою книгою его сочиненія, какъ бы приглашалъ ее читать. Въ этомъ отношеніи, и только въ этомъ, Дантъ—союзникъ православія.

Папство въ отношеніи науки виновно не въ томъ, что оно считало ее служанкою религіи, а въ томъ, что оно употребляло науку не на изслѣдованіе причинъ небратства, не на всеотеческое дѣло, а на поддержаніе своего господства и своей непогрѣшимости.

Папы, сдѣлавшись основателями музеевъ, тѣмъ самымъ сдѣлали и первый шагъ къ сближенію съ православіемъ;—но чтобы папство сдѣлало и еще шагъ къ сближенію съ православіемъ, т. е. чтобы перешло отъ науки и искусства, чуждыхъ религіи, къ наукѣ и искусству, составляющимъ съ религіею одно,—нужны и съ нашей стороны труды и усилія и тѣмъ большіе, что самая цѣль, которая будетъ ими достигнута, несравненно выше цѣлей чисто научныхъ и только художественныхъ; наши усилія и труды д. б. направлены во 1-хъ къ сближенію знанія съ вѣрою,—а такое сближеніе произойдетъ, когда знаніе будетъ, какъ выше сказано, изслѣдованіемъ причинъ небратства; во 2 хъ къ сближенію надежды съ искусствомъ, —сближаться же надежда съ искусствомъ будетъ, когда искусство, возстановляя прошедшее, отцовъ, будетъ мирить сыновъ, чтобы составить изъ нихъ соборъ для дѣйствительнаго осуществленія надежды всеобщаго воскрешенія, при чемъ только и возможенъ крѣпкій союзъ сыновъ, братство, въ которомъ любовь соединится съ правдою. Чѣмъ болѣе знаніе, сближенное съ вѣрою, искусство съ надеждою, т. е. музей съ храмомъ, общество съ церковью (правда съ любовью), получатъ силы и значенія, тѣмъ болѣе можемъ имѣть надежды на примиреніе съ католицизмомъ; сила же и значеніе ихъ пропорціональны трудамъ и усиліямъ, которыя мы употребимъ на созданіе храмовъ и музеевъ и на соборное изслѣдованіе въ нихъ, ибо въ нихъ, въ этихъ трудахъ будетъ говорить духъ времени, подобный тому, который въ прошломъ вѣкѣ принудилъ папъ отказаться отъ политики и побудилъ ихъ предаться созиданію музеевъ. И Римъ представляетъ благопріятную почву для воспріятія этого духа, ибо не только храмъ св. Петра имѣетъ свой музей въ Ватиканѣ, храмъ Іоанна Латеранскаго соединенъ съ музеемъ того же имени, но и сама конгрегація распространенія вѣры (Congregatio de propaganda fide) при помощи миссіонеровъ, которыхъ она имѣетъ во всѣхъ частяхъ свѣта, созидаетъ себѣ музей. Но не говоря уже о музеяхъ, отдѣльныхъ отъ храмовъ, не говоря объ институтахъ,—соборахъ,—изслѣдователей нѣмецкихъ, французскихъ, которые давно уже тамъ существуютъ, и существуютъ отдѣльно, самъ Ватиканъ, заключающій въ себѣ древности классическія, Этрусскія, Египетскія, какое

можетъ имѣть отношеніе къ христіанскимъ храмамъ, если католицизмъ считаетъ христіанство противоположнымъ язычеству? А устраненіе, примиреніе этого противорѣчія, православіе и ставитъ своею задачею. Усвоивъ себѣ единство вѣры и знанія, правды и любви, Папство будетъ читать себѣ осужденія и въ панегирикѣ, который ему написанъ художниками въ Ватиканѣ, и въ Варѳоломеевской ночи, и въ картинахъ превозношенія его надъ свѣтскою властью (Григорій VII и Генрихъ IV, Александръ III и Фридрихъ I); еще большее осужденіе будетъ читать себѣ папство въ палатѣ, разрисованной Рафаэлемъ, такъ какъ въ разъединеніи, которое тамъ выражено, виновно то же папство, которое было вождемъ западной Европы. И осужденіе это будетъ плодотворно, потому что изъ сознанія виновности, ставшей на мѣсто жалкой, безплодной непогрѣшимости, родится мысль, которой тѣсенъ будетъ и Ватиканъ, и храмъ св. Петра, ибо она воспримет въ себя не только музеи, хотя и бывшіе при храмахъ, но чуждые имъ, воспримет въ себя и тѣ институты изслѣдователей (французскіе, нѣмецкіе), о которыхъ говорилось. И чѣмъ глубже папство проникнется сознаніемъ своей погрѣшимости, (Примѣч. 45-е), тѣмъ оно будетъ православнѣе, ибо православіе, не приписывая непогрѣшимости ни каждому въ отдѣльности, ни одному изъ всѣхъ, ставитъ ее цѣлью совокупнаго дѣйствія всѣхъ, т. е. вселенскаго собора. (Примѣч. 46-е).

При обращеніи базилики въ христіанскій храмъ къ средней абсидѣ пристраивались, обыкноенно, двѣ другія абсиды, изъ которыхъ въ одной хранились книги, а въ другой—сосуды и вообще принадлежности богослуженія; изъ первой образовалась библіотека, а изъ второй хранилище вещественныхъ памятниковъ; и всѣ эти три части, такимъ образомъ, составляли одно цѣлое. Но между храмомъ и музеемъ существовала еще болѣе тѣсная связь; древній храмъ, какъ мы знаемъ, допускалъ изображенія и не святыхъ, и даже болѣе того—язычниковъ,—въ подлинникахъ даются наставленія какъ писать философовъ, сивиллъ, между философами упоминаются, кромѣ Платона, Аристотеля, Плутарха, и историки, какъ Фукидитъ, трагики, какъ Софоклъ; и православная церковь не составляла въ этомъ исключенія, даже католицизмъ въ этомъ отношеніи поступалъ совершенно также,—католицизмъ, какъ извѣстно, почти канонизовалъ Аристотеля, и на картинѣ въ церкви св. Екатерины въ Пизѣ, изображающей Ѳому Аквинскаго,—нѣсколько ниже его,—по обѣ стороны,—изображены Платонъ и Аристотель, отъ устъ которыхъ идутъ къ св. Ѳомѣ золотыя нити, означающія, что въ богословскую систему св Ѳомы вошли также ученія Платона и Аристотеля. Такимъ образомъ, нетерпимость въ этомъ отношеніи принадлежитъ не древней Руси и не среднимъ вѣкамъ, это—спеціальная принадлежность новѣйшаго времени, уступка протестантизму, подражаніе ему; слѣдовательно, по православному воззрѣнію, къ соединенію музея съ храмомъ нѣтъ препятствій, и портретное собраніе не составляетъ чего-либо несовмѣстнаго съ храмомъ,—и потому вопросъ можетъ состоять не **„о соединеніи ихъ“**, а о томъ, почему музей суще-

ствуетъ отдѣльно отъ храма; ибо что такое музей, отдѣленный отъ храма, какъ не расколъ, **„наука-ересь“**, а ученое общество—самочинное собраніе. (Примѣч. 47-е). И неужели же всѣ эти явленія,— музей, наука,— должны быть отнесены къ такимъ, которыя могутъ быть только терпимы и не могутъ служить для назиданія; если же они могутъ служить для назиданія, то почему церковь ими не пользуется; а если они только терпимы, терпимы, слѣдовательно, какъ зло, то почему она ихъ не искореняетъ?.. Если бы мысль о соединеніи музея и храма явилась,— интересно знать,—кто большее оказалъ бы сопротивленіе этому соединенію, или,— вѣрнѣе сказать,—возсоединенію,—духовные или свѣтскіе? Надо полагать, что духовные; хотя и свѣтскіе не отличаются особою терпимостью къ духовному, но тѣмъ не менѣе наибольшаго сопротивленія должно ждать со стороны духовныхъ, какъ это ни странно, какъ ни удивительно, въ особенности въ настоящее время, когда съ одной стороны, съ юга надвигается Штундизмъ (Примѣч. 48-е), требующій поучительности и по этой именно причинѣ отдѣлившійся, а съ другой стороны заявляетъ о себѣ старообрядчество, которое требуетъ отъ духовенства также учительности. Для протестантовъ вопросъ о храмѣ и музеѣ, которые въ отдѣленіи теряютъ образовательную силу, есть вопросъ о соединеніи; для православныхъ же и католиковъ это—вопросъ о возсоединеніи; но въ высшей степени замѣчательно, что протестанты, соединивъ музей съ храмомъ, перестанутъ быть иконоборцами, противниками поминовенія, т. е. самыя причины къ отдѣленію ихъ отъ католицизма уничтожатся; мало того,— создастся необходимость, и необходимость неизбѣжная, къ соединенію. Католицизмъ же, или папство, допустивъ въ храмъ музей, который есть выраженіе знанія, т. е. изслѣдованія, не можетъ признавать своего главу,— себя,— непогрѣшимымъ. Въ этой то непогрѣшимости, въ правѣ, присвоенномъ папами, рѣшать догматическіе вопросы, вводить новые догматы и, вообще, новшества, и заключается существенная причина отдѣленія католицизма отъ католицизма.

Признавая въ ученіи о Троицѣ образецъ собора, мы должны будемъ признать въ первой человѣческой семьѣ соборъ вселенскій, такъ какъ въ ней заключался весь родъ человѣческій (Примѣч. 49-е). Но соборъ этотъ продолжался до тѣхъ только поръ, пока въ первой человѣческой семьѣ существовало согласіе. Затѣмъ, когда родъ человѣческій распался, тогда тѣ, которые увѣровали въ Бога единаго, общаго для всѣхъ людей, и въ тоже время надѣялись, что черезъ ихъ потомство будетъ дано благословеніе всѣмъ колѣнамъ земнымъ, т. е. произойдетъ соединеніе, или иначе сказать, видѣли въ потомствѣ своемъ миссіонеровъ единства, апостоловъ, или народъ іереевъ Бога вышняго,—сочли нужнымъ для сохраненія своей вѣры обособиться отъ всѣхъ. Но тѣмъ не менѣе въ отдѣленіи, въ отчужденіи себя ради даже сохраненія вѣры въ единаго Бога, ради упованія на будущее единство, нельзя видѣть приближенія къ соединенію. Впрочемъ, не Авраамъ служилъ своимъ потомкамъ образцомъ въ отчужденіи отъ

другихъ народовъ, ибо, по библейскому сказанію, Авраамъ принялъ чуждыхъ, неизвѣстныхъ ему странниковъ, какъ близкихъ, какъ родныхъ, какъ Самого **Единаго Бога**, и этимъ призналъ, что **Единый** по отношенію къ намъ, **въ себѣ, —при единствѣ,—Онъ заключаетъ и множество.** Явленіе Аврааму трехъ странниковъ заключаетъ въ себѣ для Авраама и для его потомковъ урокъ объ отношеніи къ тѣмъ, отъ которыхъ онъ отдѣлился и которыхъ потомки его чуждаются и теперь. Патріархи хранили эту мысль о собираніи, потомки ее забывали; пророки напоминали и предвозвѣщали соборъ, исполнителемъ же этой мысли былъ самъ Христосъ, пославшій вѣстниковъ; несогласіе среди этого собранія разныхъ народовъ вызвало необходимость новаго примирителя,—собора въ соборѣ. Согласно съ этими самыми соборами, въ которыхъ и послѣдній не считалъ себя окончательнымъ, послѣднимъ, необходимо признать ихъ вселенскими. Мы можемъ и должны даже представить этотъ рядъ соборовъ засѣданіями одного и того же, еще неоконченнаго собора, а всѣхъ жившихъ позже послѣдняго засѣданія этого многовѣковаго собора, и въ особенности самихъ себя, виновными въ томъ, что соборъ не былъ продолжаемъ. Протестанты, проповѣдовавшіе противъ соборовъ и церкви и тѣмъ препятствовавшіе ихъ продолженію, не замѣчали, что они сами (протестанты) были виновниками того, что соборы не достигли **окончательной цѣли,**— которая лежала въ ихъ основѣ, — т. е. **примиренія**... Соборы не пришли еще и къ тому, чтобы предметомъ своихъ изслѣдованій сдѣлать причины вражды или небратскаго состоянія; — первые два собора выработали лишь образецъ примиренія, въ слѣдующихъ, до седьмого, они раскрывали способъ дѣйствія; наконецъ, седьмой соборъ защищалъ необходимость внѣшняго выраженія противъ тѣхъ, которые хотѣли ограничить религію лишь мыслію и чувствомъ; этотъ соборъ защищалъ, во 1-хъ иконописный храмъ, т. е. храмъ поучительный, воспитывающій для объединенія въ единой мысли и чувствѣ, въ чемъ только и можетъ заключаться цѣль нагляднаго поученія; во 2-хъ соборъ этотъ защищалъ мощи святыхъ и все, что служитъ къ напоминанію о нихъ, а также моленіе за умершихъ (вселенскій синодикъ) (Примѣчаніе 50-е); путемъ же такого воспитанія сама церковь обращалась бы въ постоянный соборъ, каждый приходъ призывался бы къ соборному дѣянію, къ устроенію всеобщаго мира, такъ что всѣ помѣстные соборы были бы частями одного вселенскаго и ихъ нельзя было бы ни различать, ни тѣмъ болѣе противополагать вселенскому.

Дѣянія такъ называемаго седьмого вселенскаго собора состояли въ историческихъ и даже археологическихъ изслѣдованіяхъ; онъ собралъ мнѣнія отцовъ всѣхъ предшествующихъ вѣковъ по вопросу объ иконахъ и, вообще, живописи; кромѣ мнѣній онъ основывался на обычаѣ, т. е. на употребленіи церковью иконъ въ предшествующіе вѣка; но что болѣе всего дѣлаетъ этотъ соборъ вселенскимъ, это то, что онъ не вошелъ въ разсужденіе по вопросу, который ему дѣлали противники иконъ: «Необходимы ли иконы для спасенія?» По образу мысли того времени положитель-

наго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя было дать, но соборъ не придалъ мнѣніямъ, взглядамъ вѣка значенія равнаго вселенскому преданію. Опредѣленія этого собора и до сихъ поръ не были еще надлежащимъ образомъ приведены въ исполненіе, а потому едва ли мы имѣемъ право жаловаться, что со времени седьмого не было вселенскихъ соборовъ...

Почему вселенскіе соборы прекратились и прекратились ли они? Можетъ быть, послѣдующіе соборы ничѣмъ въ дѣйствительности не отличались отъ предыдущихъ и только не были признаны вселенскими? Католики и называли ихъ вселенскими, мы же, не удовлетворяясь ими, не давали имъ такого наименованія. Такъ католики Флорентійскій соборъ называютъ VIII вселенскимъ; но если бы даже на Флорентійскомъ соборѣ и состоялось примиреніе, то и тогда нельзя бы было приписывать ему наименованіе вселенскаго, ибо такое примиреніе сдѣлало бы лишь возможнымъ вселенскій соборъ; вселенскій соборъ предполагаетъ согласіе двухъ половинъ, но такого согласія предъ Флорентійскимъ соборомъ не было, потому Восточная церковь не признала и самой флорентійской уніи. Затѣмъ не было и предварительныхъ соборовъ, соборовъ для примиренія, вѣроятно потому, что перестали вѣрить въ возможность достигнуть этимъ путемъ примиренія, и имѣли, конечно, основаніе не вѣрить,—соборъ въ смыслѣ спора утратилъ повидимому довѣріе. Но если бы даже соборъ духовенства всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и достигъ примиренія, согласился на соединеніе, то рѣшенія этого собора все-таки не были бы приняты народомъ, или народами (Примѣч. 51-е), потому что образованіе положило рѣзкую грань между народомъ и образованнымъ классомъ, и согласіе на соединеніе между образованными классами не можетъ имѣть никакого значенія для народовъ, различія между которыми коренятся въ самомъ быту ихъ. Соединеніе между духовенствами не только христіанскихъ, но даже и нехристіанскихъ странъ, благодаря индиферентизму, или терпимости, легко можетъ состояться; но такое соединеніе не имѣло бы никакой цѣны и было бы даже сигналомъ къ новому расколу. Впрочемъ, нѣтъ ничего прискорбнаго въ томъ, что примиреніе не можетъ состояться на такомъ основаніи, потому что, если бы народъ и согласился на него, оно не было бы дѣйствительнымъ примиреніемъ; для дѣйствительнаго примиренія нужно народъ ввести въ соборъ, нужно міръ,—нужно народы всѣхъ религій,—обратить въ соборъ.. Между церковью и соборомъ,—по объему,—нѣтъ и не должно быть различія; различіе заключается въ томъ, что соборъ предполагаетъ опредѣленное сознаніе единства, даже больше,—онъ предполагаетъ совокупное общее дѣйствіе, тогда какъ церковь основывается на неопредѣленномъ лишь сознаніи, на чувствѣ лишь единства; такимъ образомъ, обращеніе церкви во вселенскій соборъ предполагаетъ опредѣленное сознаніе каждою мѣстностью, каждымъ даже членомъ церкви своего отношенія къ цѣлому міру, такая церковь и была бы соборною, каковою она и въ настоящее время называется, но не есть. Къ счастью седьмой соборъ отстоялъ средство для пріобщенія народовъ къ собору или для обращенія ихъ и цѣлаго

міра въ одинъ соборъ, отстоялъ вселенскій синодикъ и иконописный поучительный храмъ и вообще внѣшнія дѣйствія. Въ положеніяхъ 7-го собора заключается возможность соединенія музея и школы съ храмомъ.

Благодаря, конечно, седьмому собору, который далъ живописи священное значеніе, создалась и теорія живописи (Іоаннъ Дамаскинъ), которая приравнивала живопись ко всѣмъ искусствамъ, служащимъ внѣшнему выраженію, тогда какъ древній міръ даже не далъ особой музы зодчеству, ваянію, живописи. Живопись, благодаря тому же собору, не была удержана въ своемъ полетѣ,—именно полетѣ,—потому что ни разстояніе, ни время не составляли для нея препятствія, **внутреннее** не было для нея недоступнымъ,—она писала то, что было за стѣнами, что происходило въ душѣ, внутри человѣка и т. п. По причинѣ такого образовательнаго значенія иконописи, продолженіемъ вселенскихъ соборовъ можно считать то строительно-иконописное движеніе, которое созидало храмы, историровало ихъ; движеніе это обняло не только Россію, но и весь Западъ Европы усвоилъ Византійскую иконопись; движеніе это не прекратилось и въ настоящее время, хотя почти утратило свою поучительную силу; утрата этой поучительной силы и составляетъ силу протестантизма. Иконопись на Западѣ, подавленная протестантизмомъ въ храмахъ, возродилась въ музейной и, вообще, монументальной живописи, не приводящей, однако, къ сознанію разъединенія и не указывающей пути къ соединенію. Подавляющее вліяніе протестантизма, враждебнаго всему, что служитъ къ соединенію, не только проникло къ намъ, но даже вошло въ насъ, вошло въ самое духовенство, выражаясь въ немъ предпочтеніемъ проповѣди поучительному богослуженію, пренебреженіемъ къ образовательному значенію иконописи, и къ иконописи вообще,—(иконы стараются скрыться сколько можно, стушеваться, не только въ частныхъ домахъ, а даже и въ храмахъ),—сказываясь полною увѣренностью, хотя и скрываемою, въ силѣ и истинности протестантства и въ безсиліи православія, такъ что не столько страшенъ намъ штундизмъ, сколько этотъ, живущій въ насъ самихъ, союзникъ протестантизма. А живетъ онъ, этотъ союзникъ протестантизма, и въ большей части интеллигенціи, выражаясь въ благоговѣніи къ отвлеченному разуму, живетъ онъ въ интеллигенціи, не считающей необходимымъ для разума, мысли, внѣшняго выраженія, проявленія во внѣ. Благодаря тому же протестантизму, наши свѣтскія школы враждебны церковно-приходскимъ и всякій школьный учитель ставитъ себя безконечно выше священника, полагая, что у него можно многому научиться, тогда какъ въ храмѣ учиться нечему. Благодаря, наконецъ, тому же протестантизму, вырыта непроходимая пропасть между наукой и религіею, храмомъ и музеемъ; и конечно не далеко то время, когда строительно-живописное движеніе, въ которомъ, какъ сказано, мы видимъ продолженіе вселенскихъ соборовъ, прекратится. Протестантизмъ не столько вреденъ даже для Германіи,—которая терпитъ противорѣчія, даже возводитъ ихъ въ законъ разума,— всю разрушительную силу протестантизмъ можетъ проявить у насъ, которые не умѣемъ оставлять

въ жизни то, что отрицаемъ въ теоріи. Противъ протестантскаго соборо-борства (протестантизмъ есть и соборо—и иконо- и дѣло-борство) нужно не соборо-поклоненіе, **нужно дѣйствовать соборно**, соединиться въ одинъ соборъ, такъ чтобы каждый приходъ, каждая отдѣльная мѣстность вошла въ него; и это нужно точно также, какъ противъ протестантскаго иконоборства, нуженъ музей,—музей нуженъ какъ внѣшнее выраженіе собора. Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды вступать въ борьбу съ протестантизмомъ, если онъ возстаетъ только противъ отдѣльныхъ иконъ, если онъ возстаетъ противъ дѣлъ, разумѣя подъ этимъ только личныя дѣла, которыя,—дѣйствительно,—не имѣютъ силы, какъ не могутъ имѣть образовательной силы и отдѣльныя иконы;—мы говоримъ о соборной, такъ сказать, живописи, о храмѣ, всемірно-исторированномъ, также какъ и о дѣлахъ не личныхъ, а о дѣлѣ всеотеческомъ. (Единая соборная живопись, какъ единая и соборная церковь, какъ единое и совокупное дѣло, единое, соборное толкованіе, т. е. проектъ). Противъ протестантскаго соборо-борства, допускающаго личное толкованіе, нуженъ соборъ, изслѣдующій причины, по которымъ люди приходятъ къ различнымъ толкованіямъ, изъ чего и создаются различные религіи, толки,—состояніе, протестантизмомъ одобряемое, признаваемое **за то, что такъ и быть должно**;—но при этомъ изслѣдованіи **необходимо самое толкованіе** писанія,—ведущее только къ раздору,—**замѣнить исполненіемъ** писанія, т. е. устраненіемъ причинъ къ раздору,—нужно обращеніе міра, людей всѣхъ мѣстностей въ соборъ отцовъ учащихъ и сыновъ учащихся, изъ коихъ ни одинъ не считаетъ себя святымъ, непогрѣшимымъ, ибо христіанство учитъ покаянію, сознанію своей вины, поэтому-то входъ въ храмъ и есть мѣсто для кающихся, а первая часть литургіи—литургія оглашенныхъ, т. е. кающихся; это объясняетъ также, почему православіе не признаетъ чистилища,—чистилище мы имѣемъ въ самомъ храмѣ, какъ покаяніе.

Говоря объ обращеніи міра въ соборъ, подъ словомъ міръ мы разумѣемъ все признаваемое стоящимъ внѣ религіи, т. е. не церковное, свѣтское, мірское, временное, **плотское**, если церковное признавать **духовнымъ**; и этотъ міръ, хотя и связанный экономико-юридическими отношеніями, тѣмъ не менѣе и онъ, какъ и церковь, есть соборъ, но соборъ искаженный; искаженіе его состоитъ въ томъ, что онъ не ставитъ своею задачею дѣйствительнаго примиренія, братства; но поставить этотъ вопросъ онъ **можетъ**, и тогда сдѣлается дѣйствительнымъ соборомъ; такъ что если бы какой либо парламентъ вмѣсто того, чтобы продолжать пренія, задался вопросомъ о причинахъ существованія партій,—не въ немъ (парламентѣ), конечно, ибо онъ представляетъ только партіи, раздирающія самую страну, которой онъ служитъ представителемъ,—то онъ и сдѣлался бы соборомъ. Въ мірѣ есть и спеціальные международные конгрессы, которые представляютъ собою распавшійся вселенскій соборъ, ибо вселенскіе соборы,—центральные, представительные,—были собраніемъ пастырей, и учителей; подъ послѣдними разумѣются ученые, такъ какъ въ эпоху вселенскихъ со-

боровъ, особенно послѣдняго изъ нихъ, свѣтское, т. е. свѣтская наука,—какъ отдѣльное,—почти не существовало. Есть въ мірѣ и помѣстные соборы, это—парламенты, законодательныя палаты; существуютъ подобныя же соотвѣтствія и между другими дѣленіями церкви и общества: каждый приходъ имѣетъ свое собраніе, храмъ, нѣсколько приходовъ имѣютъ соборный храмъ, затѣмъ каѳедральный и т. д.; но эти церковные союзы не имѣютъ ничего общаго съ сельскимъ міромъ, съ волостями, уѣздами и проч. (Примѣч. 52-е); существуютъ и еще соотвѣтствія между міромъ и церковью: вѣроученіе—въ церкви, наука—въ мірскомъ обществѣ: иконопись—въ одномъ, живопись—въ другомъ, и вообще,—церковное искусство и свѣтское искусство и т. д.

По протестантскому воззрѣнію отдѣльное существованіе свѣтскаго и духовнаго, военнаго и гражданскаго, **совершенно нормально**... Но нельзя забывать, что протестантство,—даже и умѣренное,—признаетъ до извѣстной степени законными ереси и расколы; радикальное же протестантство въ ересяхъ и расколахъ видитъ жизнь религіи; тогда какъ православная, соборная церковь, въ раздѣленіяхъ не можетъ видѣть дѣйствительнаго блага,—напротивъ, она, **православная церковь**, какъ печалованіе обо всѣхъ вообще раздорахъ, **въ наукѣ, не изслѣдующей причины небратства, не можетъ не видѣть ереси, а во всѣхъ разнообразныхъ собраніяхъ, сходкахъ, конгрессахъ, парламентахъ, не имѣющихъ цѣлью устраненіе причинъ къ раздору,**—не можетъ не видѣть раскола, не можетъ не ставить ихъ наравнѣ съ инославными, съ иновѣрными, ибо она, **сама православная церковь,** есть, какъ сказано, печалованіе о всѣхъ, вообще, раздорахъ. Впрочемъ, если **православная церковь,** будучи по существу печалованіемъ о всѣхъ раздорахъ, **и не задается цѣлью изслѣдованія причинъ раздоровъ,** причинъ неродственности, небратства, **сознательно,** то въ той цѣли, которую она не отвергаетъ (разумѣемъ примиреніе религій), если понять ее надлежащимъ образомъ, и заключается устраненіе причинъ небратства (междусословныхъ, международныхъ и проч.), безъ чего, какъ это было уже сказано, никакого примиренія и соединенія произойти не можетъ; но духовное въ дѣйствительности такою цѣлью не задается, а хотя и считаетъ возможнымъ дѣйствительное примиреніе, признаетъ возможнымъ примиреніе только внѣ міра, внѣ времени, т. е. когда не будетъ времени, когда, слѣдовательно, будетъ уже поздно, и благодаря лишь этому, духовное уживается и съ наукою, въ настоящемъ ея видѣ, и со всѣмъ свѣтскимъ, мірскимъ, допускающимъ вражду, какъ необходимое; только въ прежнее время допускалась эта вражда, какъ необходимое зло, и потому **„мірское“** было синонимомъ грѣховнаго, въ настоящее же время свѣтское не признаетъ себя грѣшнымъ, и, мало того, во враждѣ оно усмотрѣло путь къ прогрессу, въ своихъ недостаткахъ оно видитъ свое достоинство; въ настоящее время возводится въ обязанность не достигать, а сознавать свое достоинство, считая его врожденнымъ по происхожденію,—вѣроятно, отъ приматовъ. Пока свѣтское будетъ относиться легкомысленно къ поро-

камъ, къ злу, до тѣхъ поръ духовное должно считать его расколомъ, а пока будетъ расколъ между духовнымъ и свѣтскимъ, соборовъ ни центральнаго, ни мѣстнаго быть не можетъ,—мѣстные соборы не могутъ приступить къ дѣлу, къ устроенію поучительныхъ храма и богослуженія, пока не будутъ направляемы центральнымъ.

Впрочемъ, мѣстный соборъ можетъ и теперь приготовляться къ совокупному дѣйствію съ центральнымъ, если только не будетъ вносить при этомъ никакихъ новшествъ, а даже будетъ возстановлять старину; и если, руководствуясь единственно поучительностью, онъ будетъ сближаться съ одной стороны съ старообрядчествомъ, а съ другой,—не ссорясь съ протестантствомъ,—дастъ высшую миротворную поучительность, то въ этомъ выразится требованіе времени, требованіе, чтобы православіе не оставалось безотвѣтнымъ предъ возстающими на него сектами, которыя всѣ могутъ быть распредѣлены на два класса,—на отвергающія новшества (старокатолики, т. е. стародогматцы) и на отвергающія старину (протестантскія, раціоналистическія, мистическія). Такой соборъ напишетъ на куполѣ своего храма, (согласно съ древними изображеніями, существовавшими уже въ X-мъ вѣкѣ въ храмѣ монастыря св. Луки въ Ливадіи), угрозу суда, т. е. будетъ торопить примиреніемъ, пока есть еще время; на фризѣ напишетъ примирительный катехизисъ, какъ выраженіе Богословія и философіи; на стѣнахъ же изобразитъ священную исторію, внося въ нее и свѣтскую, согласно съ палеею и хронографомъ; будетъ писать и мѣстную лѣтопись, отмѣчая, какъ предметъ покаянія, то, въ чемъ должны покаяться, сознать себя виновными партіи въ нынѣшнихъ городахъ,—земскія, дворянскія и всякія другія.

Соборъ, имѣющій цѣлью дѣйствительное примиреніе всѣхъ религій, отыскивающій коренныя причины раздѣленія ихъ, можетъ остановиться только на бытовыхъ, на коренящихся въ образѣ жизни причинахъ. Бытовыя причины, коренящіяся въ образѣ жизни, существуютъ и въ настоящее время въ видѣ отдѣльныхъ сословій; изъ этихъ сословій духовное и свѣтское, отъ которыхъ зависитъ починъ собора, хотя и составляютъ еще особыя сословія, особенно у насъ, но не различаясь по образу жизни, если и будутъ сопротивляться сближенію въ общей мысли, то продолжительнымъ такое сопротивленіе быть не можетъ; гораздо скорѣе можно ожидать отъ нихъ,—какъ городскихъ, какъ сходныхъ по образу жизни,—совокупнаго противодѣйствія осуществленію собора **въ самомъ дѣйствіи, которое** у городскихъ должно быть общимъ съ сельскими жителями. Происхожденіе различныхъ толковъ у единаго человѣческаго рода, рода смертныхъ, о Подателѣ жизни, о судьбѣ человѣческой объясняется способами пропитанія. Главныхъ способовъ пропитанія два,—земледѣліе и скотоводство. Городъ не имѣетъ своего особаго источника пропитанія, городъ только перерабатываетъ добываемое первыми двумя способами; онъ не имѣетъ и самостоятельной религіи, а только преобразованную изъ тѣхъ двухъ, которыя возникаютъ у землевладѣльческихъ и кочевыхъ народовъ. Первоначальная религія, которая предшествовала раздѣленію на кочевниковъ и земледѣль-

цевъ, была вѣрою въ небесныхъ Сына и Отца, отношеніе между которыми обозначалось третьимъ существомъ. (Примѣч. 53-е). Религія кочевыхъ—вѣра въ суроваго, грознаго Бога,—такъ какъ самый способъ пропитанія требовалъ умершвленія животныхъ и это умершвленіе сдѣлалось кровавыми жертвами. (Примѣч. 54-е). Религія земледѣльца—вѣра въ Бога (или боговъ) милостиваго, которому приносили плоды. Въ грозности, въ суровости, въ нетерпимости и нужно искать происхожденіе исключительнаго единства.

Задача центральнаго собора—не изслѣдованіе только причинъ различныхъ толковъ, но и устраненіе ихъ для соединенія всѣхъ въ одинъ соборъ, въ соборъ дѣйствія для цѣли, которая у смертнаго рода можетъ быть лишь одна. На этомъ основаніи религіи могутъ быть раздѣлены:

1) на земледѣльческія,—въ которыхъ заключаются всѣ задатки истиннаго христіанства, такъ какъ для земледѣльцевъ, живущихъ въ родовомъ, патріархальномъ быту, и въ Богѣ будетъ понятна родственная любовь, но только наука и образованіе могутъ любовь, ограниченную семьей или племенемъ, возвести до универсальности; должно присовокупить также, что евхаристія и воскресеніе мертвыхъ также имѣютъ задатки въ земледѣльческомъ быту.

2) Городскія религіи бываютъ или художественно,—или промышленно-**идолопоклонническія;** послѣднія (промышленное идолопоклонство), отрицающія первыя (художественное идолопоклонство, т. е. поминовеніе отцовъ) и есть идоло- или иконо-борческія религіи, религіи вообще отрицающія внѣшнія выраженія. Доказательства тому, что идоло- и иконо-борческая религія есть вмѣстѣ религія промышленно-поклонническая (мануфактуро-латрія), можетъ представить и Византійское иконоборство; ибо Императоры иконоборцы, лишивъ храмы иконописи, обратили въ храмы свои дворцы, украсивъ ихъ всѣмъ, что можетъ сдѣлать искусство, порабощенное промышленностью. Существовали, конечно, и послѣдовательные идолоборцы, которые не поклонялись идоламъ и промышленности; но такія секты по неустойчивости, по сравнительно малой роспространенности ихъ, не заслуживаютъ вниманія; не слѣдуетъ придавать имъ и значенія, ибо на энтузіазмѣ, на явленіяхъ исключительныхъ, нельзя построить чего-либо прочнаго.

3) Кочевыя религіи,—къ которымъ нужно причислить (кромѣ первобытной, ничѣмъ не отличающейся отъ первобытной земледѣльческой) еврейство и магометанство,—бываютъ воинственныя (Исламизмъ) и торговыя (Іудаизмъ). Исламизмъ соотвѣтствуетъ той стадіи кочевого быта, когда разрозненныя племена соединились для завоеванія, или сдѣлались завоевателями; такъ приняли магометантство татары и турки; для аравитянъ же Исламизмъ былъ, можно сказать, проектомъ завоеванія міра. Переходъ къ городу легокъ вообще, а для кочевыхъ легокъ въ особенности,—завоеватели руками завоеванныхъ строятъ города; но городъ оказываетъ свое дѣйствіе, изнѣженность лишаетъ кочевниковъ воинственности, и религія, примѣняясь къ новому быту, превращается въ богословіе.

Общее во всѣхъ этихъ религіяхъ—расколахъ, въ религіяхъ земледѣльческой, городской,—въ ея художественно-идолопоклонической стадіи, —и кочевой, есть поминовеніе отцовъ умершихъ; отрицается же такое поминовеніе только тогда, когда городъ творитъ себѣ идола изъ промышленности. Хотя, впрочемъ, поминовеніе и отрицается въ идолоборческихъ религіяхъ, какъ у протестантовъ, отчасти у магометанъ, но изгнанное въ одной формѣ, оно появляется въ другой,—у протестантовъ музеи, юбилеи, магометане чтутъ могилы своихъ святыхъ... Значеніе идолоборческихъ религій заключается въ томъ, что они показываютъ дѣйствительное значеніе поминовеній, учатъ не ограничиваться однимъ только поминовеніемъ, — своимъ отрицаніемъ идолоборческія религіи заставляютъ поставить цѣлью дѣйствительное воскрешеніе.

Примиреніе религій можетъ заключаться лишь въ обращеніи кочевыхъ народовъ въ земледѣльческіе и въ возвращеніи города къ селу, но къ селу, въ которомъ естествознаніе будетъ душею и разумомъ земледѣлія, въ которомъ знаніе вообще будетъ одушевлять сельскую жизнь. Къ этому нужно прибавить, что село съ зимнею промышленностью и скотоводствомъ не уничтожаетъ, а только ограничиваетъ крайности двухъ родовъ быта, городскаго и кочеваго.

Въ селѣ съ зимнею только промышленностью, т. е гдѣ промышленность не составляетъ исключительнаго занятія, не можетъ быть промышленнаго идолопоклонства; не можетъ быть тамъ и художественнаго идолопоклонства, ибо природа не только постоянно передъ глазами, но въ ней совершается и главная работа села. Знаніе въ селѣ не можетъ служить исключительно промышленности, ибо для села главное заключается въ обезпеченіи урожая; потому же знаніе въ селѣ не можетъ остаться чистымъ, неприкладнымъ, а религія внутреннею, духовною, какъ не можетъ сдѣлаться и фетишизмомъ, язычествомъ; слѣдовательно сельская наука, согласная съ религіею, будетъ изучать самыя условія, причины смертности, а искусство въ родовой,—но неограниченной племенемъ или народомъ,—религіи будетъ не мысленнымъ, или искусственнымъ (т. е мнимымъ), возстановленіемъ, а дѣйствительнымъ воскрешеніемъ. Такимъ образомъ, изъ всего этого видно, что **религія, наука и искусство въ возсоединившемъ въ себѣ городъ и кочевой бытъ селѣ будутъ одно.** Народъ, перемѣняя образъ жизни можетъ, и даже очень долго, сохранять религію, родившуюся при иныхъ условіяхъ жизни, но въ такомъ случаѣ религія дѣлается одною формою; точно также народъ, оставаясь при прежнемъ образѣ жизни, принимаетъ новую религію, но въ такомъ случаѣ самая религія значительно измѣняется.

Для вселенскаго собора необходимо одно только условіе, условіе это желаніе мира. Признавая коренными причинами раздѣленія единаго человѣческаго рода на различныя религіозныя толки—бытовыя условія, мы, съ примиреніемъ религій, получимъ дѣйствительный миръ, при которомъ не возможны ни война, ни революція.

Теоретическое раздѣленіе религіи, которое можно назвать послѣднимъ словомъ науки, раздѣленіе, въ которомъ религіи расположены, какъ партіи парламента, гдѣ религіи пантеистическая и деистическая, съ различными оттѣнками ихъ составляютъ крайнюю правую, и крайнюю лѣвую, дуализмъ и магометантство—правую и лѣвую, христіанскія ереси составляютъ правый и лѣвый центръ, а христіанство, которое и само не представляетъ единства, распадаясь на православіе, имѣющее въ основѣ своей село, католицизмъ, соотвѣтствующій первой стадіи развитія городской жизни (идолопоклоннической) и протестантство, соотвѣтствующее второй стадіи развитія городской жизни (идолоборческой),—составляетъ центръ;—такое представленіе религій, очевидно, не имѣетъ въ виду примиренія ихъ, а, напротивъ, признаетъ необходимость вѣчнаго ихъ существованія, вѣчнаго раздѣленія религій, видитъ въ нихъ не различные лишь толки, но вѣчный споръ; въ такомъ представленіи выразился взглядъ, по которому религія есть различные лишь толки, не имѣющіе въ основѣ своей ничего дѣйствительнаго. Наука о религіяхъ, изслѣдованіе ихъ, тогда только достигнетъ полноты, когда будетъ изучать религіи въ связи съ самимъ бытомъ народа; и когда это положеніе (о связи религіи съ бытомъ) будетъ признано вѣрнымъ, такое признаніе будетъ требованіемъ собора какъ тѣхъ, которые изучаютъ религіи, такъ и тѣхъ, которые изучаютъ бытъ, т. е всѣхъ изучающихъ человѣка и общество. И если соборъ имѣетъ въ виду не изученіе только причинъ раздора, но и самое примиреніе, то явится необходимость присутствія на соборѣ и естествознанія... Такимъ образомъ, вселенскій соборъ будетъ собраніемъ представителей всѣхъ спеціальныхъ знаній, собраніемъ всѣхъ представителей науки. (Примѣч. 55-е).

Сообразно теоретической классификаціи религій (Прав. Обозр. 1884 г. № 3 й, стр. 497-я), соборъ представителей всѣхъ религій распался бы на шесть партій,—христіанство же, составляющее центръ, нельзя считать за партію. 1. къ крайней правой принадлежатъ язычники и нынѣшніе пантеисты; 2. къ крайней лѣвой - Іудеи и нынѣшніе деисты; 3. правую составляютъ дуализмъ (Примѣч. 56-е), по ученію котораго Богъ благъ, но не всемогущъ; 4. лѣвую—Исламъ, по ученію котораго Богъ всемогущъ, но не благъ; 5. къ правому центру принадлежатъ язычествующія ереси христіанства, отрицающія личность Сына и Духа и 6. къ лѣвому центру—Іудействующія ереси христіанства, не допускающія ревенства Сына и Духа съ Богомъ Отцемъ. (Примѣч. 57-е). Всѣ эти религіи и ереси можно соединить въ двѣ партіи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ фракцій, при чемъ правая партія будетъ языческая, а лѣвая—іудейская; и обѣ эти партіи, ненавидя другъ друга, согласны между собой лишь въ одномъ, въ общей ненависти къ христіанству; и если бы этотъ соборъ шести партій обратился въ судилище, то судилище это и было бы то беззаконное соборище (Пилатъ—язычникъ и Іудеи), которое осудило Христа. Но осудивъ христіанство, эти партіи могутъ придти въ раскаяніе, такъ какъ религіи эти представляютъ лишь крайности, которыя удовлетворить человѣка не могутъ;

однако, раскаяться и признать христіанстзо они могутъ только тогда, когда само христіанство не будетъ отрицаніемъ только крайностей, а такимъ соединеніемъ противоположностей, которое въ настоящее время оно само объявляетъ непонятнымъ. Впрочемъ, авторъ статьи въ сочувствіи видитъ нѣкоторую слабую аналогію чуду единенія безпредѣльнаго и личнаго; а между тѣмъ слаба не аналогія, а слабо сочувствіе, слаба любовь между людьми, слабо согласіе; люди тѣснятъ другъ друга на каждомъ шагу и потому такъ свыклись съ мыслію, что они, т. е. личности, составляютъ другъ для друга стѣсненіе, ограниченіе, а не расширеніе, какъ-бы это было, если бы были устранены причины, заставляющія другъ друга тѣснить и ослабляющія сочувствіе; стѣсненіе, существующее въ дѣйствительности, возведено въ философію, въ религію, словомъ, почти признано закономъ мысли. Иначе и быть не можетъ при нынѣшнихъ условіяхъ жизни, но этимъ условіямъ нельзя придавать безусловнаго значенія.

Нельзя не замѣтить, что никакая любовь не можетъ служить аналогіею для того пункта христіанской истины, который поставленъ авторомъ статьи въ Православномъ Обозрѣніи первымъ, и по которому Богъ безпредѣленъ и личенъ. Но въ какомъ символѣ авторъ вычиталъ такую истину; — христіанство не знаетъ Бога единоличнаго, мы читаемъ—«Вѣрую во Единаго Бога Отца», что предполагаетъ и сына, а не во единаго Бога—лицо, которое можетъ быть и одно. **„Богъ безпредѣленъ и личенъ“** есть отрицаніе любви, отрицаніе второго пункта, который ставится самимъ авторомъ,— «Единъ въ трехъ лицахъ». Христіанство выражается вполнѣ однимъ пунктомъ **„Богъ безпредѣленъ, но не единоличенъ, а триличенъ“**; безпредѣльнымъ же и личнымъ признаютъ Бога и деисты. И если христіанство выставляетъ тріединство, какъ образецъ для многоединства, то совершенно понятно его центральное положеніе, какъ представляющаго проектъ мира для всѣхъ религій, ибо тогда христіанство будетъ продолженіемъ того самаго, чего не достаетъ пантеистамъ и деистамъ, язычествующимъ и іудействующимъ. Что не понятно для людей, живущихъ въ вѣчныхъ раздорахъ, то будетъ понятно для того, кто хотя чувствуетъ только сокрушеніе о раздорахъ.

Вселенскіе соборы имѣли дѣло съ пантеизмомъ и деизмомъ уже въ лицѣ ересей, то язычествующихъ, то іудействующихъ; и продолженію ихъ, т. е. послѣдующимъ соборамъ, придется имѣть дѣло съ тѣми же формами религій, если только всѣ ихъ можно свести на пантеизмъ и деизмъ. Осуждать безполезно, потому что, очевидно, есть причины, порождающія эти крайности: въ созерцательныхъ характерахъ проявляется пантеизмъ, въ характерахъ дѣятельныхъ - деизмъ; иногда эти двѣ формы религіи совмѣщаютъ съ двумя племенами: пантеизмъ съ арійскимъ племенемъ, деизмъ съ семитическимъ. Но если узость поля дѣятельности, борьба, нечистыя средства, къ которымъ по неволѣ приходится прибѣгать, отталкиваютъ многихъ отъ практической дѣятельности и принуждаютъ ихъ бросаться въ пантеизмъ, довольствоваться мечтами, то при совокупной дѣятельности,

обращенной на устраненіе причинъ зла, дѣятельная, практическая жизнь потеряетъ свой отталкивающій характеръ. Расширеніе поля дѣятельности произойдетъ тогда, когда соборъ поставитъ себѣ вопросъ о причинахъ происхожденія крайностей, заставляющихъ человѣческій родъ распадаться на деистовъ и язычниковъ, такъ какъ причины эти, очевидно, кроются въ бытовыхъ условіяхъ жизни, ибо пантеизмъ соотвѣтствуетъ земледѣльческимъ формамъ жизни и первой стадіи развитія городской, а деизмъ соотвѣтствуетъ кочевымъ формамъ и второй стадіи развитія городской жизни; изъ этого слѣдуетъ также, что научная классификація религій можетъ быть сведена на практическую, объясняющую ихъ распаденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что вопросы о городѣ, о городскихъ религіяхъ, о кочевникахъ и религіяхъ войны, также какъ о селѣ и его суевѣріяхъ, разсматривать и рѣшать отдѣльно невозможно;—села будутъ оставаться при своихъ суевѣріяхъ и скудости, пока города остаются при невѣріи и роскоши; – существованіе грабителей-кочевниковъ находитъ свое объясненіе, главнымъ образомъ, въ существованіи городовъ съ ихъ роскошью, какъ существованіе хищниковъ объясняется существованіемъ травоядныхъ. Роскошь городовъ вызывала соединеніе кочевниковъ въ большія массы и нашествія ихъ. Вопросъ о магометанствѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о промышленности и торговлѣ.

Исламъ признаетъ войну открытую, а еврейство ведетъ войну скрытую, войну обманомъ. Но если бы города и отказались отъ роскоши, то магометане не отказались бы отъ войны явной, также какъ и Евреи, не имѣющіе другихъ,—кромѣ обмана,—средствъ къ жизни, не отказались бы отъ войны тайной. Кочевники могутъ и обращаются къ земледѣлію, а Евреи? Вмѣшательство въ дѣла магометанства необходимо признать неизбѣжнымъ; занятія, подобныя занятію Англичанами (въ 1884 г.) Суакима, Берберы, или съ нашей стороны—Мерва, Серакса,—необходимы; но занятія эти, сдѣланныя въ видахъ промышленно-торговыхъ, даютъ имъ видъ ненавистныхъ захватовъ; но если бы эти занятія дѣлались только въ видахъ или обращенія кочевниковъ въ земледѣльцевъ, или для предотвращенія эпидемій,—такія занятія могли бы быть встрѣчены съ сочувствіемъ даже со стороны всего лучшаго въ самомъ исламѣ.

Если корыстолюбіе, проявляющееся въ обманахъ, кражахъ, роскоши, составляетъ сущность города, а пьянство и проституція суть необходимыя слѣдствія, принадлежности, городской жизни (Примѣч. 58-е), какъ это признаютъ и сами экономисты, и какъ это особенно сильно выраженно у Лекки, то понятно, что городскія религіи, религіи, не признающія въ городской жизни зла, должны были допустить или индульгенціи, какъ католицизмъ, или же спасеніе одной вѣрою, какъ протестантство; изъ этого, между прочимъ, видно, въ какой тѣсной связи религіи находятся съ бытомъ.

Протестанты, уничтоживъ обрядность въ храмѣ, внѣ храма завели театры и оперы; а католики самое богослуженіе обратили въ оперу, внесли въ самый храмъ роскошь;—очевидно, что не католицизмъ только, но

и протестантизмъ находятся въ зависимости отъ городскаго быта: протестантизмъ разрѣшаетъ роскошь, а католицизмъ подаетъ даже примѣръ роскоши въ своихъ храмахъ. Подъ видомъ спасенія одною вѣрою давалась идульгенція корыстолюбію, сребролюбію, роскоши, т. е. промышленности и торговлѣ. Вопросъ объ этомъ коренномъ порокѣ города и слѣдствіяхъ его показываетъ, что городъ не совмѣстимъ съ христіанствомъ, что католическія индульгенціи и протестантское спасеніе вѣрою явились необходимостью, какъ только городская жизнь была признана благомъ. При такой связи этихъ вопросовъ понятно, что отдѣльные спеціальные конгрессы по какому-либо одному изъ нихъ,—какъ напримѣръ по вопросу о пьянствѣ, о проституціи,—не могутъ привести къ удовлетворительному рѣшенію; спеціальные конгрессы, оставаясь отдѣльными, могутъ ставить вопросы только объ ослабленіи городскихъ пороковъ, искорененіе же городского порока, можетъ быть задачею лишь соединенныхъ конгрессовъ,— для этого необходимо соединеніе всѣхъ спеціальныхъ конгрессовъ въ одинъ вселенскій соборъ.

Но и вселенскій соборъ, въ смыслѣ центральнаго, рѣшить городской вопросъ не можетъ, ибо для рѣшенія его необходимо содѣйствіе и всѣхъ помѣстныхъ. Въ рукахъ центральнаго собора—знаніе и искусство; **знаніе же есть** и представленіе міра, какъ распавшагося собора—(вслѣдствіе забвенія смертности),—и представленіе его возстановленнымъ, т. е. **проектъ всеобщаго братства**; а искусство есть образное выраженіе и распаденія и возстановленія, т. е. архитектурно-живописный образъ міра, въ которомъ одинаково сильно и художественно выражено какъ распаденіе, такъ и возстановленіе; и этотъ образъ должно ввести въ душу каждаго путемъ воспитанія, какъ схематическую формулу, въ которой должны расположиться всѣ мысли, всѣ понятія; для этой цѣли и служитъ вышеописанный поучительный храмъ-музей. Впрочемъ, поучительность тогда только достигнетъ цѣли, когда всѣ зданія, общественныя и частныя, сдѣлаются частями музея, его, такъ сказать, службами.

Живопись,—только отрекшись отъ самостоятельности и свободы, въ союзѣ съ зодчествомъ, пребывая въ единомысліи съ знаніемъ, изслѣдующимъ причины распаденія,—сознаетъ свое назначеніе содѣйствовать пріобщенію всѣхъ къ вселенскому собору, станетъ миссіонеромъ храма-музея. Входя въ учрежденія научныя, художественныя, живопись всѣмъ имъ кистью будетъ проповѣдывать о соединеніи, т. е. будетъ уяснять и содѣйствовать вступленію ихъ въ соборъ; въ зданіяхъ этихъ учрежденій живопись будетъ подробно развивать тѣ изображенія науки и искусства въ ихъ отдѣленіи отъ религіи, которыя мы видѣли на западной сторонѣ фриза поучительнаго храма, будетъ изображать имъ и путь къ возстановленію единства, развивая изображенія восточной стороны фриза. Всѣ зданія, отмѣченныя такою живописью, будутъ дѣлаться частями поучительнаго музея; иначе эти изображенія остались бы только схематическими, не получили бы подробнаго развитія, и искусство не было бы постояннымъ и вѣр-

нымъ спутникомъ, выразителемъ знанія. Эти изображенія полезны не потому, что отвлеченный путь доступенъ для немногихъ, а потому что художественныя картины и знающимъ, самимъ философамъ, даютъ яснѣе и глубже понять и тверже сохранить въ памяти истины, проповѣдуемыя этими изображеніями. Сокращенная историческая живопись,— на стѣнахъ того же поучительнаго центральнаго храма,— въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ, и во всѣхъ мѣстностяхъ, - т. е. въ музеяхъ мѣстныхъ, областныхъ, уѣздныхъ, волостныхъ,- получитъ подробность, полноту, или дальнѣйшее развитіе, и такимъ образомъ, живопись сдѣлается миссіонеромъ соединенія мѣстныхъ музеевъ съ центральнымъ, также какъ она была миссіонеромъ соединенія спеціальныхъ учрежденій съ общимъ; и историческія картины мѣстныхъ музеевъ, будучи подробнымъ только развитіемъ историческихъ же картинъ центральнаго музея, этимъ самымъ сдѣлаютъ мѣстныя музеи частями центральнаго. Живопись имѣетъ и международную миссію, обличая бывшее раздѣленіе, или содѣйствуя сознанію этого раздѣленія и указывая на соединеніе.

Примѣчанія къ Собору.

1-е. Анаѳемы нужно обращать не на лица, а на **мысли** и **догматы**, какъ **идео-латрія**, препятствующая **единомыслію**, и на **бездѣйствіе**, увѣковѣчивающее розни,—разномысліе; единомысліе дается только общимъ священнымъ дѣломъ и истинное православіе состоитъ въ сокрушеніи, **въ печалованіи** о разъединеніи.

2-е. **Соборъ** и **сборъ** (наборъ), или внѣшнее собираніе, **всеобщая сельская воинская повинность**, и собираніе внутреннее, **всеобщее обязательное воспитаніе**; - послѣднее и дѣлаетъ сельскую воинскую повинность переходомъ отъ наборовъ для защиты отъ себѣ подобныхъ, для взаимнаго истребленія, къ собору для всеобщаго оживленія. Всеобщеобязательное образованіе есть повинность всего ученаго и интеллигентнаго класса.

Вопросы, поднятые на соборахъ, рѣшаются наборами, т. е. войнами, или лучше сказать, что эти вопросы также мало рѣшаются войнами, какъ и соборами. – Сколько было соборовъ по вопросу объ иконахъ, сколько было войнъ между иконоборцами и почитателями иконъ, а рѣшился ли вопросъ объ иконахъ?! Если иконопочитатели готовы были,— чтобы сохранить образы умершихъ,—убивать живущихъ, а иконоборцы убивали иконопочитателей за то, что они довольствовались повидимому образами умершихъ,—не очевидно ли, что не только войны, но и основаній для спора между признающими иконы и непризнающими ихъ не будетъ, когда произойдетъ переходъ или переводъ (пасха) отъ наборовъ для взаимнаго истребленія къ соборамъ для всеобщаго оживленія.

Соборъ есть военный совѣтъ, или совѣщаніе, не только по вопросу

о неродственныхъ (непріязненныхъ) отношеніяхъ сословій и народовъ (вообще людей), но и по вопросу вообще о неродственномъ отношеніи природы къ роду человѣческому, потому и сборъ можетъ быть или мобилизаціею для защиты отъ себѣ подобныхъ или же мобилизаціею для регуляціи (управленія) стихійными силами, предупреждающей разрушительное (прямое или косвенное) дѣйствіе стихійныхъ силъ и обращающей это дѣйствіе въ созидательное. Организація армій или объединеніе силъ каждаго народа, не можетъ имѣть **конечною цѣлью** взаимное истребленіе;—такое объединеніе силъ каждаго народа можетъ имѣть цѣлью только соединеніе всѣхъ армій, или силъ всѣхъ народовъ, въ дѣлѣ регуляціи слѣпыми силами природы. При всеобщей воинской повинности между-народныя гарантіи войны теряютъ всякое значеніе. Если всѣ **поселяне** воины и всѣ **поселенія** крѣпости, то и война не можетъ ограничиваться одними войсками и укрѣпленными мѣстами. Покровительство на войнѣ учрежденіямъ науки и искусства также не можетъ имѣть мѣста, если всѣ эти учрежденія въ каждомъ поселеніи объединены въ музеѣ, составляющемъ самую крѣпость. **Вселенскій соборъ, или международный съѣздъ,** есть также военный совѣтъ, но уже исключительно въ смыслѣ, т. е. по вопросу о регуляціи природы. Такъ что вопросъ состоитъ въ томъ: или истребительнѣйшая война, война до окончательнаго взаимнаго уничтоженія, или же всеобщее примиреніе для взаимнаго возвращенія всѣхъ утратъ, потерь, причиненныхъ взаимною борьбою, т. е. для всеобщаго воскрешенія. Только всеобщее воскрешеніе есть полное выраженіе дѣйствительнаго, положительнаго, вѣчнаго мира и согласія, ибо только всеобщее воскрешеніе даетъ, во 1-хъ, силамъ, затрачиваемымъ въ борьбѣ (въ борьбѣ всѣхъ родовъ,— народной, сословной, личной), эквивалентный исходъ въ дѣлѣ, въ дѣлѣ Воскрешенія, и во 2-хъ, только оно, **всеобщее воскрешеніе,** даетъ вознагражденіе за издержки, или утраты, и не равноцѣнное только, а дѣйствительное, тождественное, т. е. возвращаетъ все утраченное. Проектъ вѣчнаго мира, основанный на возвращеніи жизни убитымъ, или на всеобщемъ воскрешеніи, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ всѣми проектами, основанными на забвеніи убитыхъ, на забвеніи изъ-за выгодъ, изъ за корыстолюбія.

Вселенскій соборъ есть совокупность всѣхъ спеціальныхъ международныхъ съѣзодвъ, объединенныхъ въ общей цѣли,- т. е. въ видахъ разрѣшенія вопроса **о неродственномъ состояніи.**— Одолѣваемые со всѣхъ сторонъ,—Ламаизмомъ въ Восточной Сибири, Исламизмомъ въ самой Европейской Россіи, Протестантизмомъ въ лицѣ Штунды на югѣ, Католицизмомъ на Западѣ, Западнымъ Буддизмомъ во всей Россіи,—что намъ остается дѣлать, какъ не сойтись на соборъ, какъ **на общую думу,** и пригласить своихъ противниковъ для заключенія мира, чтобы сойдтись наконецъ со всѣми во **вселенской Думѣ. Соборъ и есть вселенская Дума о великомъ** царственномъ дѣлѣ, **дѣлѣ воскрешенія.**

Въ идеѣ нѣтъ ничего выше православія; но тѣмъ рѣзче бросается въ глаза несоотвѣтствіе идеи съ дѣйствительностью. Въ идеѣ Православная

Церковь и единая, и соборная,—на дѣлѣ нѣтъ въ ней ни соборовъ, ни единства. Она не допускаетъ **господствованія**, т. е не прибѣгаетъ къ свѣтской власти противъ иномыслящихъ и не терпитъ вмѣшательства мірской, т. е **не отеческой еще**, власти въ церковныя дѣла.. Впрочемъ, такое отдѣленіе свѣтскаго отъ духовнаго, когда власть правящая **еще не отеческая** по отношенію къ управляемымъ, а управляемые не **сыны** въ отношеніи власти, не **братья** между собою, не представляетъ ничего идеальнаго, **православнаго**, и для православія такое отдѣленіе свѣтскаго отъ духовнаго составляетъ предметъ печалованія...

По неимѣнію общаго дѣла не было **постояннаго** вселенскаго собора. Вселенскіе соборы были **чрезвѣчайными** собраніями, собиравшимися для примиренія церковныхъ раздоровъ. Но примирительное ихъ дѣло было неудачно именно потому, что не было **общаго дѣла**. Прекращеніе вселенскихъ соборовъ указываетъ на индифферентизмъ, на отчаяніе достигнуть примиренія. И безсиліе, безплодность. — безплодная трата силъ,— международныхъ спеціальныхъ съѣздовъ происходитъ также отъ ихъ розни. Ни одинъ вопросъ, по поводу которыхъ собираются эти съѣзды, не можетъ быть рѣшенъ въ отдѣльности, безъ содѣйствія всѣхъ другихъ съѣздовъ по спеціальнымъ вопросамъ. Даже надлежащую лишь постановку всѣ вопросы, по которымъ собираются спеціальные съѣзды, могутъ получить только въ общемъ собраніи всѣхъ спеціальныхъ съѣздовъ, ибо всѣ эти вопросы составляютъ различныя лишь стороны одного и того же вопроса, вопроса о причинахъ неродственнаго отношенія между людьми и о неродственномъ отношеніи природы къ людямъ; такъ вопросы, которыми занимается метеорологическій конгресъ и всѣ съѣзды по естествознанію, относятся къ послѣднему отдѣлу, т. е. къ вопросамъ о неродственномъ отношеніи къ намъ природы. Но недостаточно и одного соединенія всѣхъ съѣздовъ по спеціальнымъ вопросамъ во **всенаучный международный** съѣздъ, нужно, чтобы это соединеніе было **непрерывнымъ, при всѣхъ смѣнахъ было бы постояннымъ**. А что всего важнѣе, такъ это сознаніе, что дѣло, исполняемое всѣми членами этого всенаучнаго международнаго съѣзда, **собора**, есть дѣло священное, есть дѣло Божіе. Нѣтъ нужды даже въ вѣрѣ, чтобы понять всю истинность этихъ простыхъ словъ,—„**ничего не можете творить, если не будете на лозѣ**“. Въ этихъ словахъ Сына человѣческаго и Сына Божія не одно лишь осужденіе или отрицаніе розни, но и требованіе соединенія сыновъ человѣческихъ въ дѣлѣ отеческомъ, **а въ дѣлѣ отеческомъ** и заключается общая цѣль, цѣль священная, само христіанство. Что же касается собора спеціально-церковнаго, собраннаго для соединенія, которое не исключаетъ ни войнъ, ни вообще всего неродственнаго,—такой соборъ не имѣетъ значенія. Вселенскій соборъ, какъ соединеніе всѣхъ международныхъ съѣздовъ въ дѣлѣ всеотеческомъ, будетъ собраніемъ сыновъ, образцомъ для котораго будетъ не организмъ, а иной, высшій типъ; этотъ вселенскій соборъ будетъ продолжать дѣло послѣдняго собора, ибо нынѣшніе международные съѣзды можно разсматривать какъ

распавшійся соборъ. Послѣдній соборъ не исключалъ изъ себя знанія, потому что тогда и не было другого знанія кромѣ религіознаго,- если не считать иконоборцевъ за представителей свѣтскаго знанія, хотя они сами себя признавали болѣе религіозными, чѣмъ политическими.

3-е. «Относительно внѣшняго культа»,—говоритъ иностранный писатель (An. Leroy—Beaulieu), «Восточная церковь занимаетъ не средину, а стоитъ сзади, ниже и протестантизма и католицизма». Русская же церковь стоитъ въ этомъ отношеніи еще ниже Греческой. «Мужикъ», говоритъ тотъ же писатель,—«молится всѣми своими членами», т. е. иностранный писатель осуждаетъ этими словами полноту внѣшности, при которой молитва переходитъ въ дѣйствіе, и при томъ это дѣйствіе не есть только личное, ибо православная литургія господствуетъ надъ вниманіемъ всѣхъ,—молятся такъ сказать, **всѣ по общему молитвеннику**; имѣть при себѣ свой молитвенникъ, значило бы **выдѣлять себя изъ общаго дѣла**.—Давая такое важное значеніе внѣшности, православная церковь не допускаетъ въ тоже время живописи, ибо имѣетъ только **фигуративное письмо**, не допускаетъ **музыки**, отвергаетъ музыкальные инструменты, даже пѣніе замѣняетъ многоголосными словами; литургія въ православной церкви не драма, а **служба**. Православіе не желаетъ искусства, т. е. не хочетъ обманывать себя, а желаетъ дѣйствительности. Отвергая протестантскую **рознь**, православная церковь не желаетъ и папскаго единства, въ основѣ котораго лежитъ **гнетъ**, а между тѣмъ не составляетъ и вселенскаго собора, т. е. не имѣетъ единства безъ гнета, и потому нѣтъ у нея и общаго дѣйствія. Литургія едва начинается и еще далека отъ конца,—это только **благовѣстъ**. Даже **внѣшній соборъ**, который долженъ обратиться въ **соборъ внутренній**, далеко еще не оконченъ. Вся миссіонерская дѣятельность есть только **благовѣстъ**, призывъ къ дѣлу, для котораго не составлена еще программа, нѣтъ еще и орудія.— **Пуританизмъ**—высшая степень протестантизма. Вотъ описаніе пуританскаго храма: «Murs blanchis á la chaux; en guise d'autel une table; point de vitraux, point d'orgue, point de croix, jamais un chant; rien qui aide á prier, rien pour pacifier, exalter, attendrir»,*) словомъ, ничего, что напоминаетъ присутствіе Бога въ его жилищѣ. «Философъ пуританизма Карлейль, и у него былъ единственный ученикъ Фроудъ, хотя вліяніе Карлейля во вторую половину XIX вѣка»,—говоритъ Aug. Filon,—«равнялось вліянію Гете въ первую половину этого вѣка». **Вѣрованія.**—по Карлейлю,—суть **иллюзіи** религіозной оптики... Всѣ религіи, по его мнѣнію, ложны въ своихъ догматахъ и истинны въ принципѣ. Богъ есть, и больше ничего мы не знаемъ;—но этого и довольно для него. Молчаніе—единственная молитва. Къ отрицанію изображеній, музыки, пѣнія, въ пуританскомъ храмѣ (отрицающемъ и самый храмъ) присоединяется отрицаніе **Слова**. Чтобы въ храмѣ было мол-

*) Стѣны, выбѣленныя известью; вмѣсто алтаря столъ; никакихъ витринъ, ни органа, ни креста, никогда—пѣнія; ничего, что помогало-бы молиться, ничего, чтобы успокоило, возбудило, смягчило.

чаніе нужно, чтобы внѣ храма слово употреблялось только для самоотрицанія. Вотъ это—**истинный унитаріанизмъ**, который, отрицая въ человѣкѣ не только дѣйствіе, а даже и слово, не могъ допустить и въ Богѣ сына-Логоса. »Эта доктрина молчаливаго обожанія, вѣры безъ догмата, какъ музыка безъ словъ, усыпляла« его (Фроуда) «сомнѣнія, не отвѣчая на нихъ. Она удовлетворяла и религіозному инстинкту и критическому духу». Хотя всю исторію они (Карлейль и Фроудъ) признаютъ библіею, но въ исторіи они видятъ только героевъ, при томъ по своему выбору; такъ Карлейль видитъ героя въ Кромвелѣ и не признаетъ героя въ Наполеонѣ; Фроудъ Генриха VIII возводитъ въ герои и развѣнчиваетъ Елисавету. Шотландцы—народъ героевъ, Ирландцы же—народъ мошенниковъ—vauriens;—Ирландія—крыса, Англія - слонъ. Но мечта Карлейля о земледѣльческой колонизаціи,—съ цѣлью облегчить города отъ опаснаго переполненія,— заслуживаетъ уваженія. La terre moralise, disait—on á Chelsea *) (предмѣстье самаго торговаго города Лондона). Несправедливые къ Ирландцамъ, Карлейль и Фроудъ говорили горькую правду и Англичанамъ относительно захватовъ колоній, парламентаризма.. Даже въ униженіи Елисаветы, можетъ быть, высказывается желаніе освободить Англичанъ отъ эксклювизма, самообожанія. Карлейль и Фроудъ—это почти не западники,— по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Карлейль не раціоналистъ и не супранатуралистъ, ни одно изъ **„измовъ“** къ нему не приложимо,— онъ рѣшительно ихъ отвергаетъ: скептицизмъ — это параличъ, метеріализмъ—профанація творенія Божія, механическое объясненіе вселенной—это интеллектуальное злодѣяніе, посягательство на величіе вселенной... Вдохновеніе, инстинктъ онъ предпочитаетъ **только лишь** разсужденію, **только лишь** разсчету, какъ пророковъ, поэтовъ, героевъ предпочитаетъ **только лишь** философамъ, **только** мыслителямъ, политикамъ, какъ пѣснь ставитъ выше слова;— признаетъ же Карлейль лишь одно молчаніе. «Молчаніе»—говоритъ онъ, «есть сокровище души, самое драгоцѣнное благо въ наше шумное время. Горе тому, у кого нѣтъ ничего, чтобы не могло выразиться словомъ.» Молчаніе, конечно, предпочтительнѣе слова, если въ этомъ словѣ нѣтъ всеродственнаго слова, выражающагося и въ соотвѣтствующемъ ему, т. е. во всенародномъ дѣлѣ, и молчаніе было бы смертью, если бы не было приготовленіемъ къ такому дѣлу

4-е. Разрушеніемъ памятниковъ (и мощей) заявила себя революція и у насъ въ 1812 году въ лицѣ Наполеона и его войска, также какъ и реформація въ лицѣ Тверитинова и т. п. заявила себя у насъ иконоборствомъ.

5-е. На вопросъ,—значитъ ли пребывать въ истинѣ, быть совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, если придавать важность и дѣйствительность мыслимому только, мнимому, задуманному? Отвѣчается:—нѣтъ, это значитъ быть философомъ. Если анаѳематствованіе можетъ быть признано строгимъ,

*) Земля морализуетъ, т. е. дѣлаетъ нравственными, говорили въ Chelsea.

то лишь потому, что оно относится къ философамъ, т. е. несовершенно-лѣтнимъ. Возраженія противъ изображеній,—которыя дѣлались Іустиномъ и Климентомъ въ то время, когда христіане на гробницахъ и символическимъ письмомъ и символическими изображеніями выражали свои вѣрованія и упованія,—возраженія эти нужно относить не къ христіанству, а къ философіи. Не отъ Христа, а отъ Платона научились презрѣнію къ изображеніямъ Іустинъ-философъ и Климентъ-учитель, а **не отецъ церкви**.

6-е. По синодикамъ не только поминаютъ, но и проклинаютъ, какъ въ синодикѣ недѣли православія (проклинать,— это исключительная, впрочемъ, принадлежность недѣли православія), и проклинаютъ за мысли, за догматы, т. е. проклинаютъ отсутствіе единомыслія,—(такъ бы это должно быть);—но вмѣстѣ и благословляютъ тѣхъ, которые единомысленны, исповѣдуютъ единомысліе словомъ, умомъ, сердцемъ, писаніемъ и изображеніемъ,—слѣдовательно, тѣхъ, у коихъ нѣтъ разлада между сердцемъ и умомъ, нѣтъ внутренняго разлада;—благословляютъ и мыслителелей, писателей, художниковъ, распространяющихъ и утверждающихъ одну и ту же истину словомъ и изображеніями,— т. е. миссіонеровъ,— благословляютъ согласныхъ между собою. Синодикъ не будетъ вселенскимъ, не будетъ имѣть полноты, пока соборы будутъ отлучать,— что, конечно, легко,—а не изслѣдовать причины появленія ересей, вызвавшихъ необходимость отлученій. Отлучать стало легко, потому что церковь стала на столько безчувственна, что отсѣкая у себя члены, дѣлая себя калекою, не чувствуетъ боли, не сознаетъ своей искалеченности.—Если религія есть совокупная (вселенская) молитва всѣхъ живущихъ о всѣхъ умершихъ, то изъ молитвы не можетъ быть исключенъ и Іуда,—этотъ послѣдній грѣшникъ; изслѣдованіе, какъ составная часть молитвы, очищая грѣшниковъ, не можетъ исключить и Іуду изъ предмета своего дѣйствія.—**„Сіе творите въ мое воспоминаніе“**,—этими словами положено начало христіанскому синодику. Кающійся разбойникъ первый вписалъ себя въ синодикъ словами: **„Помяни мя Господи“**... Сознаніе смертности въ лицѣ близкихъ есть внутренняя причина, порождающая синодикъ; раскопки есть схожденіе въ могилы, есть дальнѣйшее раскрытіе мысли о смертности; само общество есть братство сыновъ, живущее у могилъ отцовъ (церковь), сходящееся (соборъ) въ опредѣленные дни и часы для поминовенія, для вечери (литургія) и ведущая запись умершихъ (синодикъ).

7-е. Если первая устная молитва есть синодикъ, то и первый опытъ письма долженъ быть составленіемъ синодика, расширяющагося по мѣрѣ воспитанія; пусть это письмо будетъ первоначально-символическимъ, будетъ символическими изображеніями, какими началась христіанская иконографія и началась при томъ на гробницахъ. Иконографія и въ этихъ уже изображеніяхъ, обнимала,—говорятъ свѣдующіе въ этомъ дѣлѣ,—все существенное содержаніе христіанской вѣры. И почему воспитаніе не начинается у могилъ прадѣдовъ или прапрадѣдовъ, почему не начинается съ сознанія, что онъ, ребенокъ, не сынъ только своихъ живыхъ родителей, но и внукъ,

правнукъ умершихъ дѣдовъ или прадѣдовъ. На праздные вопросы ребенка о рожденіи, о началѣ, можно бы было обращать его вниманіе **на конецъ**. Почему педагогія нынѣшняя игнорируетъ вопросъ о концѣ?... Потому-то наше воспитаніе и лишено всякой серьезности, не имѣетъ прочной основы. Педагогія, поддѣлывающаяся подъ дѣтскія понятія, можетъ быть только фальшью; а то, что взрослымъ приходится скрывать отъ дѣтей, это—по большей чисти—наши пороки.—Школа есть произведеніе **раціонализма**, т. е. **отрицанія отечества**, и будетъ воспитывать **не сыновъ**, пока не возстановитъ поминальныхъ дней, пока не обратитъ исторіи въ синодикъ, а географіи въ описаніе не жилищъ только, но и кладбищъ, т. е. школа будетъ воспитывать не сыновъ, пока она не будетъ музеемъ. Религія есть совокупная (вселенская) молитва всѣхъ живущихъ обо всѣхъ умершихъ **къ Богу отцовъ,--молитва, переходящая въ дѣло**. Отсюда, понятно значеніе поминальныхъ дней въ воспитательномъ дѣлѣ, ибо безъ поминальныхъ дней нѣтъ религіи.—Новый семинарскій уставъ освобождаетъ отъ школьныхъ занятій учащихся въ **„дни поминовеній“**. Освобождая отъ школьныхъ занятій, новый уставъ не лишалъ бы эти дни **образовательнаго значенія**, а даже увеличилъ бы такое значеніе, если бы сама служба сдѣлалась поучительною. Составители устава, дѣйствуя вопреки духу времени, требующему сокращенія праздниковъ и, вообще, не понимающему значенія **поминовеній**, совершили истинный подвигъ и показали рѣдкую проницательность. Въ видахъ **оживленія знанія** свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ нужно подражать въ этомъ отношеніи духовнымъ учебнымъ заведеніямъ. Если наука исключаетъ изъ своей области знаніе родителей, или поминовеніе, то она сокращаетъ свою территорію, мертвитъ знаніе. Преподаватели словесности могли бы, т. е. должны, къ днямъ поминовеній давать такія темы для сочиненій, какъ воспоминанія о своихъ дѣдахъ и отцахъ, преподаватели географіи должны требовать къ этимъ днямъ планъ и описаніе родины, т. е. отчины; и тогда учебныя заведенія не были бы обвиняемы въ томъ, что они отучаютъ учащихся отъ своихъ, дѣлаютъ ихъ чуждыми дому и семьѣ, роду-племени, своему селу, приходу; напротивъ, учебныя заведнія будутъ тогда приготовлять вступившихъ въ эти заведенія къ изученію своихъ, родныхъ, но въ духѣ вселенскомъ, а не въ духѣ партикуляризма. Исходнымъ пунктомъ **„реформы“** школъ, или,—точнѣе сказать,—возстановленія ихъ истиннаго значенія, и должно быть изъятіе вселенскихъ субботъ изъ будничныхъ дней и обращеніе ихъ въ воспитательные дни. Значеніе поминальныхъ дней (каждой субботы) заключается въ томъ, чтобы **поддерживать общеніе каждаго съ родиною и приготовлять къ изученію ея, какъ части вселенной**, такъ что связь съ родиною будетъ не въ ущербъ и вселенскому союзу и собору.

8-е. Если у каждаго есть свои страданія, свое горе, т. е. свой крестъ, а также и свое дѣло, дѣло жизни,—крестъ, какъ искупленіе,—то и наперсный крестъ долженъ имѣть для каждаго свои особенности, отличія, дол-

женъ быть личнымъ выраженіемъ **„крестнаго слова“**. Хотя въ наше время много говорится о личности, а между тѣмъ не принимается не только никакихъ мѣръ для сохраненія личныхъ особенностей, а даже все дѣлается для уничтоженія ихъ, потому что **однообразіе** принимается за **единство.**

9-е. Синодикъ былъ установленъ гораздо ранѣе даже произнесенія Христомъ **„Сіе творите въ мое воспоминаніе“**,—ибо онъ родился вмѣстѣ съ памятью въ первомъ сынѣ человѣческомъ, видившемъ смерть своихъ родителей.

10-е. Кладбище есть синодикъ, писанный на землѣ,—на лицѣ земли,—рельефный синодикъ. Кладбище есть только монументальное, и то неполное воскрешеніе, а синодикъ воскрешеніе лишь номинальное; святцы, или житія, есть словесное воскрешеніе, а храмъ—полное монументальное воскрешеніе. И теперь еще на ектеніяхъ мы слышимъ мольбы - **„о здѣ** (т. е. въ храмѣ) **лежащихъ“** (и это выраженіе показываетъ, что храмъ былъ кладбищемъ) **„и по всюду“**.

11-е. Въ 1855 году праздновали столѣтній юбилей перваго нашего университета и большинство, кажется, совсѣмъ не знало, или забыло, что въ этотъ годъ исполнилось тысячу лѣтъ, какъ полагаютъ, отъ изобрѣтенія славянской азбуки. А между тѣмъ, этотъ годъ ознаменовался событіемъ чрезвычайнымъ, хотя почти не замѣченнымъ, событіемъ принесеніе мощей, **—частицы той руки, которая первая начала писать по славянски,** и первое слово, которое эта рука написала по славянски, было:—**„Искони былъ логосъ“**. И если эта частица не стала въ основу университетскаго храма, не обратила его въ памятникъ Кириллу, то зависѣло это ужъ, конечно, не отъ недостатка достоинства первоучителя; напротивъ, въ немъ было столько силы, что онъ могъ бы оживить университетъ, обративъ его въ музей,—онъ,—который самъ былъ и вивліофикаріемъ и профессоромъ при храмѣ Премудрости. Онъ вмѣстѣ съ братомъ еще до паденія Царь-града положилъ начало освобожденію его: онъ принесъ слово евангельское кочевникамъ, признававшимъ въ Богѣ только суровую правду, онъ проповѣдывалъ любовь, онъ сдѣлалъ для всѣхъ народовъ понятнымъ слово писанія вопреки треязычникамъ-католикамъ. Онъ предвидѣлъ недостатки и протестантства и началъ переводъ съ богослужебныхъ книгъ, которыя назначены для службы, для дѣла, и для слушанія также и неграмотнымъ. Онъ сошелъ съ своею проповѣдью къ самому низшему слою общества, къ крестьянамъ, къ славянамъ.

12-е. На саркофагахъ, приготовлявшихся заранѣе для продажи, оставлялось мѣсто для надписи, а иногда (par fois) и для изображенія умершаго. (René Grousset,—Etude sur l'histoire des sarcoghagues Chretiennes).

13-е. Церковная народная школа безъ рисованія и живописи, или иконописи, есть величайшая безсмыслица. Задача школы не въ томъ состоитъ, чтобы создавать философовъ,—ибо философъ—не идеалъ человѣка, а **односторонность, уродство;** философія,—какъ мысль безъ дѣла,—есть **абсурдъ, порокъ.**

14-е. Но синодикъ Американскихъ кладбищъ и Музей не выражаютъ раскаянія, ибо этотъ Музей не школа и священнымъ себя не считаетъ, въ союзѣ съ храмомъ не состоитъ. Америка и не народъ, а штаты, и не имѣетъ народной литературы, которая разсказала бы о началѣ штатовъ и о кончинѣ Американскихъ племенъ.

Если разсматривать человѣка какъ животное только (zoon politkon), то и опредѣленіе политической географіи,—какъ описаніе жилища человѣческаго рода,—будетъ удовлетворительно. Если же человѣкъ есть не безцѣльное существо, если онъ есть **„животное, которое погребаетъ“**, то и опредѣленіе политической географіи нуждается въ дополненіи, выражающемъ цѣль жизни человѣческаго рода; погребеніе же можетъ быть цѣлью только тогда, когда будетъ и въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ оно было въ предположеніи, т. е. оживленіемъ, сохраненіемъ жизни. Политическая географія должна разсматривать землю не какъ жилище только человѣка, но и какъ кладбище. Если бы географія была писана **сынами** человѣческими, то не описаніемъ **жилища** была бы она занята, ибо жилище есть только оборонительное орудіе **для еще живущихъ** противъ естественной, смертоносной силы;—сыновнее описаніе земли было бы описаніемъ того, что они, сыны, дѣлали для возвращенія къ жизни умершихъ отцовъ, или желали дѣлать, но исполнить своего желанія не могли. Египетъ, Мексика, и Перу, Индія и Китай свидѣтельствуютъ о такихъ дѣлахъ сыновъ. И если вся Африка не обратилась въ Египетъ, т. е. въ надгробный памятникъ, Америка—въ Мексику, Азія—въ Китай,—то недостатокъ лишь умѣнія, средствъ, а не желанія было тому причиной. Если бы творцомъ географіи былъ **сынъ**, то вмѣсто политической мы имѣли бы **патристическую, отеческую** географію. Въ учебникахъ географіи нѣтъ рубрики—**„кладбища“**; археологическая географія едва зарождается, но тѣмъ не менѣе переходъ отъ географіи политической къ географіи отечественной, археологической, начинается. Если Африка, Азія, Америка, суть строительницы могилъ, то Европа вскрываетъ могилы, т. е. совершаетъ схожденіе въ могилы, дѣлаетъ новый шагъ, новое усиліе въ дѣлѣ, которое не удалось совершить ни Африкѣ, ни Азіи, ни Америкѣ.

15-е. Въ некрополѣ Альба-Лонги погребальныя урны имѣли видъ коническихъ хижинъ, т. е. видъ хижинъ, которыя тогда служили жилищами.

16-е. Наступающій юбилей Меѳодія (нынѣ уже давно прошедшій) имѣетъ ту особенность, что онъ **долженъ** и **будетъ** почтенъ и свѣтскою и духовною службою. И свѣтское празднованіе начнется наканунѣ самаго дня юбилея. Второе отдѣленіе Академіи наукъ, т. е. высшее ученое учрежденіе въ Россіи, открываетъ праздникъ. На раннюю, такъ сказать, вечерню, въ часъ пополудни, Академія созываетъ торжественное собраніе, на которомъ обѣщаетъ раскрыть значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. А Общество любителей духовнаго просвѣщенія собирается почтить память св. Кирилла и Меѳодія на другой день юбилея, т. е на отданіе праздника. Память тѣхъ, которые дали книгу славянскимъ народамъ, должна быть поч-

тена всѣми учащимися,—начиная отъ учащихся **азамъ**,—читающими, пишущими, слушающими. Память ихъ чтутъ не только православные, но чтутъ и католики, по справедливости же должны почтить и протестанты.—Отвергая священную литургію, не могли, однако, не создать гражданской или секуляризованной литургіи. Юбилей прежде былъ дѣломъ, а теперь сталъ словомъ и молитвою, не переходящею въ дѣло, службою свѣтскою и духовною. Въ чемъ же должно состоять дѣло, дѣйствительная служба первоучителямъ славянскимъ? Въ нихъ **единство** славянскихъ племенъ, основанное на общей книгѣ; въ нихъ **примиренъ** католицизмъ съ православіемъ, Европейскій Западъ съ Востокомъ; для нихъ **нѣтъ различія** между свѣтскимъ и духовнымъ; – осуществленіе этихъ трехъ единствъ и будетъ истинною службою (дѣломъ) Солунскимъ братьямъ.

17-е. Къ словамъ: «Внѣшнимъ выраженіемъ синодика служитъ кладбище съ его памятниками», - приписано: лучше сказать, кладбище есть синодикъ, писанный на самой землѣ и отразившій въ себѣ все неравенство, царствующее въ обществѣ, утратившемъ пониманіе значенія памятниковъ, какъ поминальныхъ трапезъ; съ упадкомъ же родства воцарилась на кладбищахъ мерзость запустѣнія, т. е. разрушеніе памятниковъ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ. Единственное средство противъ запустѣнія — Музей со школою на самомъ кладбищѣ, чѣмъ и перенесется сюда центръ тяжести общества,—Музей со школою, возвращающій сердца сыновъ отцамъ. возстановляющій памятники умершимъ чрезъ уничтоженіе неравенства среди живущихъ. Не гораздо ли естественнѣе, (т. е. нравственно-естественнѣе), вмѣсто перенесенія кладбищъ за предѣлы населенныхъ мѣстъ,—что дѣлается по физической необходимости, по которой село превращается въ городъ,—переселеніе живущихъ изъ городовъ въ села, изъ центровъ на окраины. Въ перенесеніи кладбищъ за черту населенныхъ мѣстъ заключается отличительная черта города; хотя бы это случилось и въ селѣ,— (какъ это и случается),—это значило бы, что село становится городомъ; чтобы не допускать превращенія селъ въ города и нужно переселеніе живущихъ изъ центровъ на окраины, на кладбища, къ могиламъ отцовъ и, вообще, умершихъ.

18-е. Несмотря на строгость запрета, наложеннаго Исламомъ на лицевыя изображенія, нарушенія этого запрета были не рѣдки. Въ Дамасской мечети, устроенной Валидомъ, въ орнаментацію входили фигуры живыхъ существъ. Абдъ-ель-Малекъ въ Іерусалимской мечети приказалъ изобразить рай и адъ Магомета. Даже и Евреи не могли выдержать такого запрещенія: Іерусалимскій храмъ Соломона не былъ ли явнымъ нарушеніемъ второй заповѣди, ибо въ немъ, какъ кажется, все было изображено, что есть на небѣ и на землѣ.

19 е. 1. Нижній этажъ музея—краніологическій или остеологическій синодикъ съ надписями, вещами и изображеніями, перенесенными изъ разнаго рода могилъ; 2. Средній этажъ—лицевой синодикъ или галлерея портретовъ съ живого лица на одной сторонѣ и съ мертваго лика – на другой,

съ дѣяніями на поляхъ, въ общей рамкѣ подножія креста, выходящаго въ верхній этажъ, который есть самый храмъ, гдѣ приносится безкровная жертва.

20-е. Вопросъ о средствахъ возстановленія всемірнаго родства ставится на мѣсто эгоистическаго совѣта—**„познай самого себя“**, т. е знай только себя, а не **объ общей бѣдѣ** радѣй и помышляй. Благодаря этому коварному совѣту, философія и самый міръ признала своимъ представленіемъ, и жизнь, исторію, превратила въ миѳъ. Въ этомъ совѣтѣ Дельфійскаго оракула заключалась гибель самого оракула, а съ нимъ и единства греческаго. Въ немъ уже заключалось ученіе о личномъ спасеніи. Между: — **„Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божіе“** и—**„познай самого себя“**,—ибо. (какъ подразумѣвается), приближается паденіе, гибель царства, или республикъ земныхъ,—если и есть нѣкоторое сходство, то различія между ними гораздо болѣе, чѣмъ сходства. Въ **„покайтесь“** требуется личное самоосужденіе и надежда на общее спасеніе, тогда какъ въ **„познай“** заключается отчаяніе въ спасеніи общества и указаніе на личное спасеніе. Въ вопросѣ же о причинахъ страданія и смерти, или всеобщей гибели,—въ вопросѣ о причинахъ неродственности,—заключается сознаніе грѣха распаденія (покаяніе), а слѣдовательно указывается и на средство спасенія, и это средство заключается не въ самомъ себѣ, не въ отдѣльности, а во всеобщемъ лишь соединеніи, во вселенскомъ соборѣ — Другое изрѣченіе того же оракула, которое стало основою иѳики Аристотеля, уже предполагаетъ первое изрѣченіе, т. е. знаніе только себя (личности), и даетъ совѣтъ - **„ничего слишкомъ“** или **„все въ мѣру“**, т. е. мѣра самое лучшее:—совѣтъ этотъ относится, очевидно, къ личностямъ, взятымъ въ отдѣльности, а не въ ихъ совокупности. Алкивіадъ и Критій хорошо поняли правило Сократа и повиновались только своимъ влеченіямъ, своимъ демонамъ, и не соображались съ благомъ Аѳинъ.— **Сознаю**, это значитъ лишь, что **Я не ничто**; но ни мое существованіе, ни существованіе другихъ отъ нашей мысли, отъ нашего представленія еще не зависятъ. Мысль есть только планъ, проектъ общаго дѣла.

21-е. Этотъ гнѣвъ Божій и изображенъ знаменитымъ нѣмецкимъ художникомъ П. Корнеліусомъ, котораго Германія чтила при жизни, какъ чтутъ только умершихъ, чтила почти какъ бога, говоритъ Theoph. Gautier (Les Beaux—arts en Europe—1855, 2-me serie, page—168). Апокалипсическія сцены представлены въ портикахъ королевскаго Campo Santo въ Берлинѣ. Предметомъ главной картины служитъ **„Истребленіе человѣческаго рода язвою, голодомъ, войною, смертью,“** представленное подъ видомъ 4-хъ всадниковъ, несущихся ураганомъ надъ толпою людей, гибнущихъ во всевозможныхъ видахъ ужаса, страха, оцѣпененія, отчаянія. Это одна изъ лучшихъ композицій нѣмецкаго великаго художника, говоритъ упомянутый французскій критикъ. По дикости, звѣрству, сильно выраженному въ ней, она напоминаетъ кровавыя истребленія Нибелунговъ. Подражаніе исчезаетъ, становится незамѣтнымъ при такомъ выраженіи старо-

нѣмецкаго элемента. Но было бы гораздо поучительнѣе, согласнѣе съ пророческимъ духомъ Апокалипсиса, если бы всадникъ, которому власть дана изгнать **миръ съ земли** и внести **взаимное истребленіе** въ среду народовъ, былъ представленъ подъ видомъ не средневѣковаго рыцарства, а подъ видомъ новѣйшаго милитаризма, милитаризма городскаго, спеціальнаго, которому подражали всѣ народы земли, естественнымъ же слѣдствіемъ коего ожидается, предчувствуется всемірная война. За этимъ то Юношею (21 г.) съ пыломъ и яростью воинственною, столько же одушевляющею коня, какъ и всадника, и достойною лучшаго дѣла, слѣдуетъ какъ необходимые спутники: 2-й всадникъ на бѣломъ конѣ въ восточномъ костюмѣ (Индійскомъ) съ Ефіопскими чертами лица, съ стрѣлами, омоченными **ядами всѣхъ язвъ**; за тѣмъ 3-й всадникъ,—изсохшій, преждевременно—состарившійся, на черномъ исхудаломъ конѣ, съ вѣсами, на которыхъ корка хлѣба перевѣшиваетъ все золото земли. Все завершается шестымъ всадникомъ, подъ которымъ конь блѣдъ, это—смерть.

Подъ этою картиною самоистребленія рода человѣческаго, изображены добродѣтели человѣческія, и конечно, для того, чтобы показать всю слабость и ничтожество ихъ сравнительно съ человѣческимъ зломъ, представленнымъ въ верхней картинѣ.

22. Одна мысль видѣть въ исторіи работу спасенія,—работу поколѣній, генерацій, въ разныя эпохи, или періоды, исторіи,—показываетъ, сколько образовательнаго матеріала заключается въ такомъ пониманіи исторіи, если только не будемъ ограничиваться исторіею одного Еврейскаго народа и опредѣленнѣе обозначимъ самую работу, въ которой заключается спасеніе. Но это уже 3 е слово, для изображенія котораго недостаточно и самого храма, которое требуетъ для изображенія живописи внѣхрамовой, кремлевской, живописи, обращающей самый Кремль въ воспитательный Музей для народа, призваннаго подъ видомъ воинской повинности къ всемірно-историческому дѣлу.

23-е. Въ толкованіи притчи о купцѣ, ищущемъ добрыхъ **„бисирей“**, нужно видѣть свидѣтельство Іоасафа (т. е. Будды), что не въ нирванѣ спасеніе, нужно видѣть и сознаніе собора философовъ отъ Ѳалеса до Гартмана и Ницше, что нѣсть спасенія въ знаніи безъ дѣйствія. Это—картина не прошедшаго, а будущаго, она какъ бы создана для проективнаго музея.

24-е. Въ мысли, что Богословіе есть споръ,—или диспутъ,—о таинствѣ согласія, заключается обличеніе Богословія.—Картина ожесточеннаго спора (реализма) о таинствѣ согласія (идеализма) могла бы быть картиною соединенія **реализма** и **идеализма**.

25-е. Если французы оставили культъ Св. Женевьевы, спасительницы Парижа отъ Аттилы, отъ кочевыхъ ордъ Азіи, то это потому, что есть народъ, который они причисляютъ къ Туранцамъ,—онъ то и защищаетъ ихъ отъ чистокровныхъ Туранцевъ. Шенаваръ могъ замѣнить св. Женевьеву геніемъ человѣчества, благодаря лишь Россіи, оттѣснившей кочевыя

орды, отъ коихъ и спасла св. Женевьева Парижъ; точно также, благодаря мужикамъ-пахарямъ всѣхъ странъ, Шенаваръ могъ считать боговъ всѣхъ странъ миѳами, а недѣйствительностью, такъ какъ не зналъ, не испытывалъ ихъ слѣпого могущества, защищаемый отъ нихъ мужиками пахарями, принимающими на себя весь гнетъ, всѣ удары этого могущества; мужики же пахари всѣхъ странъ, на себѣ несущіе весь гнетъ слѣпыхъ силъ, и до сихъ поръ не перестаютъ признавать боговъ не миѳами, а дѣйствительно существующими, за что и обзываются тѣми, которыхъ защищаютъ, суевѣрами и изувѣрами.—Миѳологія—не басня, а истина, дѣйствительность, и никогда ее не убьетъ метафизика, также какъ и сію послѣднюю никогда не убьетъ позитивизмъ, ибо сей послѣдній есть лишь **недостаточное знаніе той силы, которою хочетъ управлять**, такъ называемая, миѳологія. Отрицательное отношеніе къ миѳологіи означаетъ лишь то, что нельзя отдѣлять музея историческаго, (ибо какъ иначе назвать этотъ Пантеонъ), отъ музея естествознанія, который продолжаетъ наблюдать и надъ Тиѳонами и надъ богами Олимпа, относительно которыхъ религія учитъ не поклоняться имъ, а естествознаніе находитъ, что господство ихъ не прерывается, исторія же свидѣтельствуетъ, что и страхъ къ нимъ не прекращается, что народы, боясь однихъ боговъ и обольщаясь другими, готовы всегда идти на бой за своихъ мѣстныхъ боговъ. Чтобы не оттолкнуть иновѣрцевъ, а привлечь ихъ, нужно только не сливать съ храмомъ этотъ музей, но и не отдѣлять его отъ храма; полное слiяніе храма съ музеемъ могло бы оттолкнуть отъ него и массу простого народа. Обращаясь къ иновѣрцамъ, мы не будемъ скрывать своего единенія съ храмомъ, ибо не можемъ находиться во враждѣ съ самими собою; но отказать, напримѣръ, татарамъ отъ посѣщенія музея значило бы, признавая всеобщность воинской повинности, не признавать всеобщности воспитанія.

26-е. Очевидно, что подъ чудовищными формами нужно разумѣть необузданныя стихіи, слѣпыя силы природы; и потому индусская миѳологія, изображающая ихъ подъ видомъ чудовищъ, ближе къ истинѣ и дѣйствительности, чѣмъ греческая, представляющая ихъ подъ видомъ людей, хотя человѣкъ этими силами вовсе не управляетъ.—Въ пристрастіи къ Эллинизму, къ художественности, и кроются недостатки Шенаваровскаго Музея.

27-е. Море создало изъ **сыновъ**—блуждающихъ по морямъ купцевъ, ищущихъ прибыли,—создало **гражданъ**,—ищущихъ въ свободѣ и равенствѣ счастья, также какъ океанъ создалъ Европейцевъ, думающихъ въ томъ же (т. е. въ свободѣ и равенствѣ) найдти высшее благо. Море, какъ и океанъ, разрушало родство, создавало пиратовъ, флибустьеровъ и купцевъ, возбуждало промышленную конкуренцію, превращало **сыновъ въ гражданъ, создало городъ.**

28-е. Вся эта исторія могла бы быть упрощена: воинъ убиваетъ жреца, воина убиваетъ буржуа, а этого послѣдняго [въ тотъ самый годъ (1848-й), когда Шенаваръ думалъ расписывать Пантеонъ] собирался убить фабричный рабочій.

29-е. Вся исторія, представленная въ картинахъ Шенавара, можетъ быть изображена въ лицѣ Хама: непочтительностью Хама начинается исторія,—и если родъ человѣческій не пойметъ всемірнаго значенія притчи о блудномъ сынѣ,—то возстаніемъ сыновъ противъ отцовъ и кончится всемірная исторія.

30-е. Моисей—единственный пророкъ, котораго не убили свои, хотя онъ и не обращался въ бѣгство. Изъ позорнаго бѣгства своего полководца-пророка послѣдователи его (магометане) сдѣлали Эру. Сравнительной наукѣ религій должно противопоставить **бѣгству** Магомета **вольное страданіе** Христа, хотя и Христосъ могъ бы **избѣжать** страданій и Магометъ могъ **не бѣжать**, а **пострадать**.—Христосъ, идущій на казнь, и Магометъ, спасающійся отъ нея, какъ бы военною хитростію,—что ставитъ его несравненно ниже даже Сократа! Магометанство вѣритъ въ бѣгствующаго Магомета, какъ Христіанство въ распятаго Христа. **Геджира** (бѣгство) и **распятіе?!**

31-е. Ратуя противъ пеленанія, которое даетъ человѣку вертикальное положеніе, не желаетъ ли Руссо обратить человѣка въ четвероногое существо? Руссо видитъ въ ребенкѣ свободное существо, говоря будто человѣкъ **рождается** свободнымъ; но свобода при дѣтской безпомощности есть свобода лишь на смерть,—своею жизнью ребенокъ **обязанъ** всецѣло заботамъ о немъ другихъ. Руссо желаетъ также избавить, спасти отъ горестей дѣтство,—которое ихъ менѣе всего имѣетъ,—желаетъ ученье обратить въ игру, т. е. хочетъ осудить человѣка на вѣчное дѣтство. Не Гомера, а Руссо нужно было изобразить слѣпымъ.

32-е. Философія развѣнчиваетъ поэзію, обрубаетъ ей крылья, лишаетъ ее роскошныхъ одеждъ, сдираетъ съ нея, можно сказать, кожу,—это истина вмѣсто красоты.

33-е. Наука, какъ произведеніе сословія, очень вѣрно изображена мрачною ночью, этотъ мракъ не разсѣетъ не только факелъ, какъ это изображено на картинѣ, но и газовое и электрическое освѣщеніе, т. е. наука останется безсильною, пока она не выступитъ изъ келій, лабораторій, физическихъ кабинетовъ, анатомическихъ театровъ.

34-е. Правда еще не добродѣтель, благоразуміе—отрицательная добродѣтель, терпѣніе—признаніе зла, и мужество еще не побѣда надъ зломъ, а лишь безстрашіе предъ нимъ.

35-е. Въ то время, когда Фейербахъ читалъ свои лекціи о сущности религіи и христіанства, въ которыхъ **Богословіе** превращалось **въ антропологію**, въ это время Шенаваръ задумалъ превратить **храмъ Бога** въ **храмъ человѣку**. Живописи онъ приписывалъ миссію религіозную и философскую, т. е. миссію превращенія религіи въ философію, и притомъ въ философію очень не глубокую,—въ философію Кузена. Символическій образъ, долженствовавшій замѣнить алтарь, могъ служить лишь символомъ эклектической религіи, которая, какъ не дѣло, ни въ чемъ больше и не нуждалась. Шенаваръ,—говоритъ Silvestre,— разрушаетъ одну систему за другою,

создавая изъ нихъ свою собственную, которую также разрушаетъ.—Если и ту систему, которая должна была найдти свое выраженіе въ росписи Пантеона, Шенаваръ также разрушаетъ, то съ нимъ можно согласиться... Потому то и жаль, что планъ этотъ не осуществился. Удивляясь искусству выраженія, нельзя не видѣть, что система Шенавара приводитъ именно къ тому, чего онъ такъ—боится,—**къ абсурду** („Je ne crains qu'une chose, c'est l'absurde").

Изобразить **всемірную** исторію, какъ фактъ, онъ не могъ по той простой причинѣ, что ея и нѣтъ, нѣтъ исторіи **всемірной** въ смыслѣ участія въ ней **всѣхъ** народовъ. Западники справедливо говорятъ, что Россія не имѣетъ мірового значенія, но это потому, что нѣтъ и **всемірной** исторіи.

Шенаваръ, какъ и отцы седьмого вселенскаго собора, видѣлъ въ истинномъ искусствѣ,—которое отдаетъ предпочтеніе рисунку предъ колоритомъ,—**грамоту для неграмотныхъ.** Предпочтеніе, отдаваемое колориту, увлекло живопись въ салоны, сдѣлало ее утонченною, а вмѣстѣ и тривіальною. Что однако выиграли при этомъ сами художники? **Немногіе**—деньги и ордена, **большинство**—бѣдность, и **всѣ**—глубокое убѣжденіе въ своемъ ничтожествѣ.

Пюви-де-Шаванну выпало на долю росписать Пантеонъ. Если этотъ импрессіонистъ остался вѣренъ 3-ьей республикѣ, то нужно полагать, что изъ его росписи вышло нѣчто очень жалкое.

36-е. На причины **небратства** не обращается вниманія, потому что непризнано важности заповѣди **сыновства,**—этой первой заповѣди христіанства, выраженной праздникомъ Рождества Христова. Заповѣдь: «**Будьте какъ дѣти**», т. е. какъ сыны, какъ дочери, относится не къ нравственной лишь области, но и къ **знанію** и къ **искусству, и вся религія уже въ ней, въ этой заповѣди.** Праздникъ Рождества Христова не имѣлъ бы нравственнаго значенія, если бы не былъ выраженіемъ этой заповѣди—**быть сыномъ.** Въ сыновствѣ заключается долгъ къ отцамъ, **т. е. вся религія, какъ культъ отцовъ. Сынъ человѣческій есть сынъ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца, и Сынъ Божій есть Сынъ Бога отцовъ.**

37-е. Символическія фигуры Религіи, Науки и Искусства суть наглядное изображеніе нашего, т. е православнаго кетехизиса, который состоитъ изъ тѣхъ же трехъ частей, вѣры, надежды и любви, которые должны составлять одно. Школьный катехизисъ, очевидно, не нашъ, не православный, хотя и дѣлится на тѣ же три части. Катехизисъ, или малое Богословіе, также, какъ и пространное, носитъ характеръ протестантскій. Небольшія поправки и вставки,—о преданіи, напримѣръ,—не измѣняютъ сущности дѣла. Для православнаго нѣтъ никакой нужды доказывать каждое положеніе текстомъ священнаго писанія; въ Православномъ Богословіи нѣтъ также нужды и въ раціональныхъ доказательствахъ, которыя ничего доказать не могутъ. Иное дѣло вселенское преданіе, или, лучше, обычай поминовенія, которое можетъ быть доказываемо, или констатируемо, американ-

скими, буддійскими и всероссійскими кладбищами; но и преданіе, какъ доказательство **отъ прошлаго**, можетъ быть оспариваемо, подлежать спорамъ; одно только **дѣло**, и при томъ **всеобщее**, т. е. **воскрешеніе, какъ доказательство отъ будущаго**, заставляетъ умолкнуть споры, оно—**доказательно**, ибо **обращаетъ къ дѣйствію**.

38-е. Зло человѣкъ понимаетъ, обыкновенно, только тогда, когда оно является въ рѣзкой формѣ, т. е. когда онъ видитъ кровь, слышитъ стоны. При отдѣленіи науки и искусства отъ религіи, которое религію лишаетъ силы, знаніе—чувства, а искусство—смысла, мы не видимъ ни кровопролитія, не слышимъ воплей; а между тѣмъ, и реформація и секуляризація сопровождались войнами, и потому, говоря объ этихъ отдѣленіяхъ, мы имѣемъ въ виду объяснить ими причины войны, или борьбы,—въ соединеніи же мы видимъ условія мира.

39-е. Если въ изображеніи Хамитовъ, скрывающихся отъ стыда въ глубь Африки, представленъ порокъ, который обращаетъ человѣка въ скотское состояніе, то нужно признать это изображеніе недостаточно сильнымъ. Не нужно, однако, забывать, что хамитизмъ происходитъ или отъ крайняго недостатка, какъ у дикарей, или же отъ крайняго излишка, какъ нашъ позитивизмъ. Но не входитъ ли въ изображеніе хамитовъ желаніе со стороны Семитовъ и Яфетидовъ оправдать свое господство надъ ними? Къ картинѣ разрушенной башни, то есть крѣпости, воздвигнутой нечестіемъ, а не любовью къ отцамъ, крѣпости, защищающей сокровища и женъ, а не прахъ отцовъ, присоединены изображенія, которыя можно назвать живописнымъ **опредѣленіемъ источниковъ исторіи**. Преданіе представлено подъ видомъ **ветхой деньми** старухи, сидящей на разрушенной, **изъѣденной временемъ гранитной могилѣ**. Долговѣчныя животныя (вороны) сообщаютъ кратковременному существу былины стараго времени;—заржавлѣнныя орудія, черепа, выставляющіеся изъ земли или разсѣянныя по лугу, дополняютъ картину. За преданіемъ слѣдуетъ исторія: старуха превращается въ Музу, начинается собираніе череповъ, орудій. Въ этой картинѣ можно видѣть происхожденіе Музея,—Музея, конечно, городскаго, къ которому необходимо прибавить картину **„будущности Музея“** для того, чтобы посѣтители Музея выносили изъ него сознаніе необходимости повсемѣстнаго Музея, ибо пока не будетъ повсемѣстнаго, умственнаго, искусственно-художественнаго и естественно-художественнаго почитанія отцовъ, до тѣхъ поръ невозможно будетъ братство. Потому-то церковная школа, которая не можетъ имѣть другой цѣли, какъ образованіе истинныхъ христіанъ, **т. е. сыновъ человѣческихъ**, должна обратиться въ Музей. Согласно происхожденію и значенію Музея, и живопись Музейская должна осуждать непочтеніе, отдѣленіе отъ отцовъ и особенно возстаніе противъ отцовъ (секуляризацію, реформацію), не можетъ одобрить и злоупотребленіе отцовскою властью. Имѣя въ виду, что Музей,—проектъ котораго здѣсь предлагается,—назначенъ для воспитанія народа, обязаннаго воинскою повинностью, нужно яснѣе обозначить это соотношеніе. Недостатокъ описы-

ваемаго Музея, **назначаемаго для воспитанія народа, несущаго воинскую повинность** (правда, далеко не всеобщую, въ чемъ и заключается недостатокъ этой повинности, ибо если бы она была дѣйствительно всеобщею, то будучи у насъ по преимуществу сельскою,—не отрывая при томъ отъ семьи, отъ родины, прихода,—сообщала бы особо живой интересъ воспитанію),—недостатокъ описываемаго Музея заключается въ томъ, что не положенъ въ основу его (Музея) самый живой вопросъ времени,—вопросъ о войнѣ, или борьбѣ (ожидаемой) между Германіею, или вообще, **Западомъ, иначе—морскими державами**, (такъ какъ и Германія выступила на колонизаціонное поприще), и **Россіею**,—словомъ, **между океаномъ и континентомъ**. Конечно, для Музея **этотъ всемірный вопросъ о войнѣ, есть вопросъ о примиреніи**.

40-е. Поэма Гомера не имѣетъ конца,—она не говоритъ о взятіи Трои, не говоритъ о торжествѣ Грековъ; и въ этомъ есть смыслъ, ибо торжество Грековъ было подобно той преждевременной радости, которую испытываетъ полководецъ, когда, разбивъ находящееся предъ нимъ войско, онъ спѣшитъ извѣстить о своей побѣдѣ, а между тѣмъ, съ тыла появляется свѣжее войско, союзники побѣжденныхъ. Римляне и были этими союзниками Троянцевъ.

41-е. Ставя въ центрѣ К-поль, мы слѣдуемъ хронографу. Хотя и современная исторія даетъ важное значеніе К-полю, но она не ставитъ его центромъ, потому, конечно, что, заботясь только о внутреннемъ, она мало заботится о внѣшнемъ единствѣ, **не ставитъ цѣлію миръ**,—и внѣшнее разъединеніе не считаетъ противорѣчіемъ внутреннему единству; все внѣшнее такъ презирается, что при сознаніи внутренняго единства даже войны не считаются ни во что, даже войнамъ не придаютъ никакого значенія. Хронографъ передаетъ наше дѣйствительное отношеніе къ К-полю, ставя его на первомъ планѣ; тогда какъ нынѣшняя **Русская** исторія и, такъ называемая,—**всемірная**, опускаютъ такое отношеніе. Хронографъ принимаетъ самое живое участіе въ судьбѣ Царе-града, даже болѣе живое, чѣмъ въ судьбѣ своей родной земли; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить начало повѣсти о взятіи Ц-града съ повѣстью о нашествіи безбожнаго царя Батыя на Русскую землю, которая начинается словами: «хощу рещи, о друзіе, повѣсть, иже и **самѣхъ безсловесныхъ** можетъ подвигнути на плачъ»; въ повѣсти же о Царь-градѣ говорится уже о плачѣ не безсловесныхъ только, повѣсть о паденіи Ц-града творитъ плакати и **„нечувственное каменіе и самыя стихіи“**. Такое же сочувствіе къ К-полю видно и въ сказаніи **„о Латынѣхъ, како отступиша отъ православныхъ патріархъ“**; описавъ вѣнчаніе Карла «греческимъ закономъ», но «примѣсивъ законы жидовскіе»,—«да царство, рече, паки отъ Рима начнется», хронографъ такъ оканчиваетъ—**„сице убо первый союзъ градомъ раздрася, сице между матери и дщери вниде мечъ**. Видѣ же Латыне изнеможеніе Греческое примѣсивше (?) къ своей прелести Угровъ, Поляковъ... и Вретанскій островъ».. **„Паденіе Западной Римской Имперіи“** есть, конечно, изобрѣтеніе

эпохи возрожденія, вовсе неизвѣстное тому времени, къ которому его относятъ. Уничтоженіе титула Западнаго Императора означаетъ возстановленіе единства. Просьба Римскаго Сената къ Императору Зенону о назначеніи правителемъ Италіи Одоакра съ титуломъ патриція и оставленіе сана Августа за собою было **возстановленіемъ единства**, хотя и номинальнаго, тогда какъ присвоеніе титула Западнаго Императора Карломъ Великимъ было **разрушеніемъ единства;**—отреченіе Западныхъ королей отъ титула **„патриція“** также не законно, какъ и присвоеніе ими сана Западнаго Императора. Не менѣе незаконно было бы отреченіе отъ сана императора со стороны Московскихъ царей со времени паденія Константинополя. Титулъ патриція, соединенный съ званіемъ нѣмецкаго короля, имѣлъ значеніе примиренія латинскаго съ германскимъ, но онъ же, этотъ титулъ, означалъ подчиненіе Константинопольскому Императору. Къ сожалѣнію хронографъ XVI вѣка, начиная съ Комненовъ, за неимѣніемъ источниковъ почти оставляетъ Латынямъ и ограничивается перечисленіемъ греческихъ императоровъ, вставляя между ними сказанія о царствѣ Болгарскомъ, Сербскомъ, Русскомъ. Отмѣтимъ, между прочимъ, и сказаніе хронографа объ Евфиміи Тырновскомъ, который, послѣ взятія К-поля, хотѣлъ, кажется, Тырновъ поставить на мѣсто К-поля и дѣлалъ тоже, что впослѣдствіи Макарій въ Москвѣ, собиралъ житія, мощи и проч. Но если хронографъ не исключаетъ изъ себя священныхъ сказаній, то Палея, которая въ настоящее время замѣнена, такъ называемою, священною исторіею не исключала изъ себя свѣтскаго повѣствованія. Если сравнивать палею съ нашею священною исторіею, то не легко признать происхожденіе послѣдней изъ первой; (правда, палея не дѣтская книга, но тогда дѣтской литературы и не было, и нужды въ ней не признавалось, теперь же она хотя и есть, но не дѣтская, а поддѣльная); тѣмъ не менѣе, священная исторія есть таже палея, только переработанная протестантизмомъ и философіею равнодушія, или терпимости. Палея есть Библія или, лучше, ветхій завѣтъ, доведенный до гибели жидовской (т. е. до разоренія Іерусалима Титомъ), раскрашенный апокрифами, истолкованный прообразованіями и съ постояннымъ обличеніемъ жидовинамъ, почему Палея и называлась: **„Толковая Палея на Іудея“**. Священная же исторія очищена отъ апокрифовъ, даже отъ многаго библейскаго; эта книга, назначенная для дѣтей, уничтожила въ себѣ все дѣтское, прообразованіе потеряло въ ней значеніе связи между ветхимъ и новымъ завѣтомъ и ничѣмъ не замѣнено; а полемика палеи замѣнена величайшимъ равнодушіемъ. Палея не задумывалась помѣстить подъ 4-мъ днемъ творенія свѣдѣнія астрономическія, пасхальныя таблицы, свѣдѣнія метеорологическія, подъ 5-мъ днемъ палея помѣщаетъ физіологъ, нравственно миѳическую зоологію, а въ 4-й главѣ Бытія объясняется эмбріологія, проводится паралель между развитіемъ ребенка и разложеніемъ трупа (3, 9 и 40 дни). Палея иногда называлась **„Книга Бытія небесе и земли“**. Конечно, свѣдѣнія сообщаемыя палеею, сообразны знанію тогдашняго времени; но палея не оставляла этихъ свѣдѣній

не измѣнными, она измѣнялась сообразно знанію времени; такъ бы и продолжалось, если бы само знаніе не отнеслось къ ней враждебно. Палея, т. е. «Палея на Іудея», обращаясь постоянно съ обличеніями къ жидовинамъ, имѣла въ виду обращеніе ихъ въ христіанство, т. е. къ единству; такъ что въ этой брани, въ этомъ гнѣвѣ, была не ненависть, какъ бы это могли подумать. Священная же исторія отличается не только равнодушіемъ, но и безцѣльностью. Палея съ толкомъ, какъ она также называется, съ толкомъ, хотя часто натянутымъ, тѣмъ не менѣе она, излагая и поэтическіе легенды, какъ напримѣръ, о древѣ крестномъ, о билѣ Ноя, собравшемъ животныхъ въ ковчегъ отъ всѣхъ концовъ вселенной, и т. д., —объясняетъ также происхожденіе идоловъ, какъ изображеніе мертвыхъ людей за ихъ храбрость, объясняетъ погребеніе и т. п. Наша же священная исторія игнорируетъ эти вопросы,—которые палея объясняетъ апокрифически,—и совершенно выдѣляетъ себя изъ всемірной исторіи. Хронографъ и Палея, это не памятники, имѣющіе историческое только значеніе, значеніе только для знанія, для ученыхъ.—Палея и хронографъ, это произведенія, имѣющія смыслъ для воспитанія, для жизни. Замѣнивъ Палею священною исторіею, мы поступили такъ, подражая протестантству, протестантской Германіи; но сама Германія, уничтоживъ все апокрифическое въ храмахъ, возстановило апокрифическое въ школахъ; т. е. и въ этомъ случаѣ впала въ такое же противорѣчіе, какъ при отрицаніи соборовъ, иконъ и проч. Мы стали подражать Германіи и въ этомъ возстановленіи, и ждемъ теперь, когда Германія замѣтитъ это противорѣчіе и разрѣшитъ его. Для старообрядцевъ же и въ настоящее время, какъ Палея, такъ и Хронографъ, и пчелы, и азбуковники, имѣютъ живое значеніе. Степенная книга, также какъ и царственная книга, и лѣтопись, не есть простая лѣтопись, записываніе событій по годамъ; въ этихъ книгахъ выражется стремленіе опредѣлить мѣсто Россіи, или вѣрнѣе Москвы, во всемірной исторіи, обозначить предстоящую ей задачу. Степенная книга говоритъ не о томъ, откуда пошла Русская земля, а откуда началось скифетродержательство. Эта книга, т. е. Макарій, творецъ ея,—который превратилъ Кремль въ 3-й Римъ,—не могъ уже остановиться на Рюрикѣ, какъ родоначальникѣ рода московскихъ князей, а произвелъ его отъ Августа, и такое производство было естественнымъ выводомъ изъ тогдашняго знанія, а не выдумкою. Тѣ, для которыхъ взятіе Трои было всемірною побѣдою Грековъ надъ Фрягами, т. е. Варягами, могли дать Троянское происхожденіе Варяжскимъ князьямъ, назвавъ Троянцевъ—Фрягами, потому что эти Фряги сами производили себя отъ Троянцевъ,—тѣмъ самымъ и Августу и Рюрику давали одинаковое происхожденіе. Поэтому уже повѣсть о Царь-градѣ, въ которой говорится о всемірной побѣдѣ Грековъ надъ Фрягами, давала основаніе Макарію для генеалогіи Рюрика. Точно также легко понять, почему Константинъ Мономахъ, при которомъ произошло отпаденіе Рима, посылаетъ регаліи Владиміру. Этимъ, конечно, хотѣли сказать, что Русь назначается для замѣщенія Стараго Рима.

Реставрація Кремля въ духѣ Макарія всероссійскаго была бы возстановленіемъ самостоятельности, освобожденіемъ отъ западныхъ вліяній. Эта реставрація была бы невѣрна мысли Макарія, или мысли тогдашняго времени, какъ результату всего предшествовавшаго хода, если бы совершена была не сообразно современнымъ намъ положеніямъ, или состояніямъ, если бы не сообразовалась съ современнымъ ходомъ міра.

Царственная лѣтопись имѣла въ виду царственное дѣло, потому эта лѣтопись и не имѣетъ никакого значенія для ученыхъ, по словамъ ученѣйшаго профессора. Лѣтопись эта, говоритъ тотъ же профессоръ, сохранилась въ одномъ спискѣ поздняго письма, и никѣмъ не была читана. Но онъ забылъ о стѣнномъ спискѣ важнѣйшей части ея въ Золотой Палатѣ, гдѣ она имѣла многихъ читателей. Она не была учебникомъ, а употреблялась въ видѣ забавы; но что больше производитъ впечатлѣніе и глубже врѣзывается въ память, то ли, что преподаютъ въ школѣ, или то, что узнаютъ, съ чѣмъ знакомятся внѣ школы?

Степенная книга, давая Варяжско-троянское происхожденіе Великимъ князьямъ и боярамъ, объединяла древнюю и новую исторію, а вмѣстѣ съ тѣмъ это родословіе не могло быть выраженіемъ вражды къ Западу. Ей нельзя приписывать вражду къ Западу и нельзя отказывать въ любви къ Славянамъ.

Ученое сословіе, подчиняясь купеческой власти, игу капитала, превращается болѣе и болѣе въ журналистику, въ коей умственное дѣло подпадаетъ законамъ фабричнаго производства,—конкуренціи производителей и фальсификаціи произведеній. Журналистика, какъ результатъ изобрѣтенія книгопечатанія, почему она и отождествляется съ прессою, печатью, сдѣлала уже все зло, которое могла сдѣлать, попавъ въ общество, раздробленное на небратскія состоянія. Сдѣлалось это само собою, какъ все безсознательно производящееся. Отсюда и является вопросъ: чѣмъ могла бы быть печать, если бы она была произведеніемъ не слѣпой силы, а общаго сознанія, если бы она воспользовалась опытомъ доселѣшней исторіи?...

42-е. Херасковъ, назвавъ взятіе Казани Россіадою, т. е. всероссійскою поэмою, очень вѣрно отгадалъ значеніе этого событія, которое открыло намъ дороги къ Каспію, Кавказу, Сибири, Туркестану,—гдѣ и Памиръ,—хотя самъ Херасковъ видѣлъ въ этомъ **„приключеніи“** Россійской Исторіи безопасность и **„спокойство“** потомства, **„сладкую тишину“, „спокойныхъ лѣтъ начало“**, а не всеобщій миръ, не обходное движеніе, не продолженіе борьбы, начатой Зендами.

43-е. Лютеръ — **разъединитель Германіи,** разъединитель Западной Европы, а судя по штундистамъ, разъединительная миссія его не окончилась еще и до сихъ поръ, хотя протестантизмъ, сопутствуя папизму, и проникъ во всѣ части свѣта. Этотъ разъединитель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ **въ числѣ основателей нынѣшней Нѣмецкой Имперіи,** оказавшейся однако безсильною противъ папизма, безсильною соединить раздѣленное имъ же, Лютеромъ. Имперскій языкъ,—созданный дьяками Средневѣковыхъ Им-

нераторовъ Германіи,—Лютеръ сдѣлалъ своимъ переводомъ на него Библіи языкомъ религіи, или—лучше—Богословія и вообще литературы. Языкъ этотъ приняла не только протестантская Германія, а даже и католическая; языкъ этотъ господствуетъ и въ нѣмецкой Швейцаріи и у нѣмецкихъ эмигрантовъ-колонистовъ. Раздѣленные религіозно, нѣмцы соединены языкомъ, отчасти литературою, наукою и искусствомъ, и могли бы соединиться вполнѣ **Музеемъ, какъ культомъ предковъ,** если бы протестантизмъ не считалъ, т. е. не долженъ былъ бы считать своихъ католическихъ предковъ погибшими, а католицизмъ не считалъ бы погибшими своихъ протестантскихъ потомковъ. (Картину Каульбаха въ берлинскомъ Музеѣ католики не могутъ признать). Но Германія не имѣетъ еще **примирительнаго Музея**, какъ не имѣетъ такого Музея и вся Западная (католико-протестантская) Европа. Хотя и католицизмъ, какъ и протестантизмъ, признаютъ догматъ Троицы, но тѣмъ не менѣе на дѣлѣ протестантизмъ всюду несетъ свою **разъединительную** миссію, какъ католицизмъ **поработительную**. Православіе при своемъ распространеніи встрѣчаетъ повсюду папизмъ и его необходимаго спутника протестантизмъ (напр. въ Китаѣ, въ Японіи); но и само,- не признавая единства заповѣди и догмата, не признавая въ догматѣ заповѣди,—**православіе не признаетъ своей посреднической миссіи**. Поставивъ же первымъ, **священнымъ** дѣломъ спасеніе предковъ, православіе могло бы начать свою посредническую миссію основаніемъ Музея, который признаютъ католики и протестанты, хотя и отвергаютъ спасеніе предковъ, т. е. языческихъ народовъ. Начавъ съ изслѣдованія быта и языка, которыми опредѣляется **степень** родства народовъ, православіе начинало бы свою проповѣдь основаніемъ Музея, т. е. почитаніемъ предковъ, а не бранью на нихъ. Прибавляя къ нашей исторіи, какъ **Степенной книгѣ рода славянскаго, новую степень**,— болѣе древнюю,— православіе дѣйствовало бы во исполненіе **Евангелія Сына человѣческаго и Божія**. Ставя Музей, православіе полагало бы начало **общему**, а не **личному** обращенію.—Если бы и возможно было полное сліяніе Музея съ храмомъ, то такое сліяніе,—полагая даже, что оно не встрѣтитъ препятствія со стороны духовенства,—не было бы полезно для музея, потому что музей не имѣлъ бы тогда значенія для иновѣрцевъ. Церковно-приходская же школа естественно можетъ преобразоваться **въ воспитательный Музей** для несущаго воинскую повинность народа; но обратившись въ музей, школа не должна уже давать ни изъятій, ни льготъ по отправленію повинности, и чѣмъ воинская повиность ближе къ дѣйствительной всеобщности, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ воспитательное вліяніе музея. Воинская повинность призываетъ всѣхъ къ участію во всемірно-историческомъ дѣлѣ, которое выражается въ борьбѣ и войнѣ; музей же наглядно объясняетъ это дѣло **отъ начала**, раскрывая причины войны и условія примиренія;— **это и есть исторія. Задача музея—всеобщее примиреніе, а не освобожденіе** только **нѣкоторыхъ отъ воинской повинности.**

44-е. Къ словамъ въ текстѣ: «Папы... дѣлаются основателями Музе-

евъ и, можно сказать, ограничивается ролью хранителей ихъ»,— сдѣлана приписка: «Что, конечно, недостаточно, такъ какъ Музей не хранилище только. Впрочемъ, между Музеемъ нынѣшнимъ и Музеемъ кладбищенскимъ, какъ истинно-вселенскимъ, соединяющимъ въ себѣ и исторію и естествовѣдѣніе, т. е. изучающимъ и умершихъ и смертоносную силу, въ видахъ обращенія ея, смертоносной силы, въ живоносную, — огромное разстояніе».

45-е. Раскаиваясь въ своей непогрѣшимости, папамъ нужно бы было посыпать главу тѣмъ пепломъ и прахомъ, который кардиналъ Гумбертъ отресъ на Константинополь и на всю Восточную церковь, должно было бы сознаться въ своемъ грѣхѣ противъ Константинополя, который палъ по причинѣ равнодушія Запада. **Непогрѣшимость,—это самый великій грѣхъ**. Лучше бы было признать себя грѣшнѣйшимъ изъ мытарей, чѣмъ праведнѣйшимъ изъ всѣхъ фарисеевъ. Подвигъ папы въ признаніи своей погрѣшимости было бы тѣмъ выше, что не только протестантизмъ, если онъ послѣдователенъ, признаетъ **за каждымъ** непогрѣшимость, но и философія, отрекшись отъ папизма и протестантизма, не отреклась отъ фарисейства, ставя въ основу нравственности **сознаніе личнаго достоинства**.

46-е. Сближеніе съ папствомъ, поставленное въ зависимость отъ нашихъ трудовъ и усилій, и должно быть темою картины католицизма въ соотвѣтствіе картины протестантства, такъ что отдаленность отъ насъ католицизма, которая должна быть изображена на ней согласно дѣйствительности, будетъ вести насъ къ сознанію своей вины и станетъ побужденіемъ къ дѣятельности, какъ исправленію. Можемъ мы выразить въ этой картинѣ и благожеланіе католицизму, представивъ папъ раздирающими списокъ анаѳематствъ (буллу — in coena Domini), этотъ извращенный синодикъ,— который есть и у насъ,—изобразивъ папу (въ митрѣ, безъ короны), полагающимъ вмѣстѣ съ королемъ Италіи въ присутствіи ученыхъ и художниковъ первый камень храма примиренія науки и искусства съ религіею; и въ этомъ храмѣ та мысль, которой мы не въ силахъ были дать художественной формы въ вышеприведенномъ описаніи, получитъ истинно-художественное выраженіе.

47-е. Музей существуетъ отдѣльно отъ храма потому, конечно, что особой нужды въ Музеѣ при храмѣ не чувствуется. Иное дѣло **на кладбищѣ**, тамъ нѣтъ органа для поддержанія памятниковъ, который интересовался бы памятниками **вообще**, какъ своими, такъ и чужими,—Музей на кладбищахъ вопіющая необходимость. — Однако его и тамъ нѣтъ, хотя только въ соединеніи съ кладбищенскимъ храмомъ и Музей получитъ **душу живу**. Подлинно-живые храмы могутъ быть только на кладбищахъ, внѣ же кладбищъ храмы, **храмы—по нуждѣ**, какъ запасные дары, какъ преждеосвященныя литургіи. Внѣкладбищенскіе храмы только **замѣняютъ** храмы, —построенные на гробахъ и у гробовъ,—какъ храмы переносные. Высшую степень святости имѣетъ храмъ кладбищенскій, ибо на кладбищахъ мы видимъ дѣйствіе той силы, которая носитъ въ себѣ голодъ, язву и смерть, противъ которой и нужно соединеніе всѣхъ.

48-е. До послѣдняго времени существовало у насъ убѣжденіе, что протестантизмъ не можетъ переступить предѣловъ Россіи, потому что Россія представляетъ неблагопріятную почву для его развитія. Штундизмъ поколебалъ или даже опровергъ это мнѣніе; а между тѣмъ это мнѣніе можетъ считаться вѣрнымъ и теперь, когда штундизмъ распространился на значительномъ пространствѣ, если только вѣрны свѣдѣнія, что эта зараза дѣйствуетъ преимущественно на безземельныхъ крестьянъ, на шляхту, на мѣщанъ, такъ какъ то, что мы называемъ Россіею, есть по преимуществу земледѣльческій классъ; протестантизмъ же есть городская религія по преимуществу.

49 е. Въ первой человѣческой семьѣ, въ семейномъ ея вопросѣ заключались уже всѣ вопросы, которые въ настоящее время составляютъ предметы обсужденія множества спеціальныхъ международныхъ съѣздовъ; точно также и религіозные соборы, по скольку они обнимали весь извѣстный тогда міръ, по скольку религія входила тогда во всѣ человѣческія отношенія, по стольку они были вселенскими по составу и по содержанію.

50-е. Послѣдній соборъ приблизилъ храмъ къ кладбищу, сдѣлалъ его народнымъ, и въ то же время этотъ соборъ былъ по преимуществу археологическимъ и историческимъ, тогда какъ предшествовавшіе были болѣе философскими и богословскими.

51-е. Мнѣніе о томъ, что согласіе православнаго духовенства на соединеніе съ англиканами не было бы принято народомъ, принадлежитъ митрополиту московскому Филарету, который въ разговорѣ съ Шотландскимъ епископомъ сказалъ, что соединеніе православной церкви съ англиканскою легко могло бы состояться, но препятствіе заключается въ народѣ.

52-е. Отсутствіе общаго между сельскими сходками и храмовыми собраніями состоитъ въ томъ, что предметы, возбуждающіе раздоры на первыхъ (на сельскихъ сходкахъ), не только не подвергаются разсмотрѣнію съ точки зрѣнія небратства въ храмовыхъ собраніяхъ, а даже не дѣлаются предметомъ молитвы на ектиніяхъ объ утоленіи ихъ.

53-е. Политеизмъ легко можетъ быть разложенъ **на тріады,** т. е. политеизмъ состоитъ изъ **тріадъ** и именно потому, что міръ боговъ, какъ и родъ человѣческій, живетъ семьями. И въ мірѣ боговъ господствуетъ раздѣленіе занятій и нѣтъ одного общаго дѣла. Политеизмъ есть выраженіе и результатъ распаденія. Тріады боговъ суть тріады рожденія, рожденіе же есть свойство общее людямъ съ животными, но нѣтъ въ этихъ тріадахъ свойства спеціально принадлежащаго человѣку, нѣтъ стремленія къ воскрешенію, въ какой бы формѣ оно не выражалось. Христіанство замѣнило тріады рожденія Тріадою общаго дѣла воскрешенія, Божественною Троицею, въ Которой **„начатокъ умершимъ бысть“**. Въ христіанствѣ выразилась другая сторона семьи,—**не рожденія,**—ибо всѣ родители, заботясь о благѣ своихъ дѣтей, приходятъ ко враждѣ между собою, возбуждаютъ къ себѣ вражду и дѣтей своихъ, когда для блага ихъ же, дѣтей, приходится ихъ сдерживать; а между тѣмъ всѣ родители суть также чада, и да-

же **всѣ они—одно чадо,** одинъ потомокъ, ибо забота о родителяхъ, если эта забота есть стремленіе къ воскрешенію, не можетъ вести ко враждѣ, а только къ единству.

54-е. Извѣстно, что,—когда почти весь Израиль забылъ Бога отцовъ своихъ, жившихъ въ палаткахъ, въ пустынѣ,—вѣра эта сохранилась у Кенитовъ, этихъ фанатиковъ кочеваго быта, которые дали обѣтъ никогда не жить подъ кровлею домовъ, не пить вина, не пахать земли. Къ Кенитамъ принадлежалъ тесть Моисея.

55-е. Въ представленіи (классификаціи) религій **разложеніемъ** одной религіи заключается требованіе соединенія. Другое (повидимому лишь) раздѣленіе религій,—которое можно считать общепринятымъ,—раздѣленіе на монотеизмъ и политеизмъ, представляетъ **разложеніе религіозное,** ибо истинная религія въ ученіи **о Тріединствѣ** соединяетъ, **примиряетъ** эти два вида религій. Если мы въ этомъ раздѣленіи, распаденіи, **не ощущаемъ боли разложенія**, то нужно отнести этотъ недостатокъ не къ преобладанію только мысли надъ чувствомъ, но и къ недостаткамъ пониманія,—пониманія того, чѣмъ религія должна быть.—Замѣчательно, что Альбертъ Ревиль, принимающій дѣленіе на моно- и поли-теистическія религіи, находитъ, какъ между первыми, такъ и вторыми религіи универсальныя, или между-народныя. Къ такому пониманію Альбертъ Ревиль пришелъ, конечно, потому, что не замѣчаетъ крайней аномаліи въ отдѣленіи догмата отъ заповѣди. —На основаніи разсужденій А. Ревиля о раздѣленіи религій можно представить слѣдующую классификацію: религіи **без**-законныя, законныя (номистическія или легалистическія) и религіи искупительныя. Если изъ области нравственности исключить любовь къ умершимъ отцамъ, которая выражается въ культѣ предковъ, то нужно будетъ признать, существованіе религій не съ искаженною только нравственностью, а съ совершеннымъ отсутствіемъ нравственности. На дѣлѣ религіи **почитанія предковъ** ближе къ религіямъ искупительнымъ, чѣмъ къ номистическимъ.—Религіи номистическія слѣдуетъ назвать полунравственными, ибо **законъ, правда,** не искореняютъ зла, а только ограничиваютъ его;—а потому дѣлами закона и не можетъ спастись родъ человѣческій.—Къ религіямъ искупленія Буддизмъ причислить нельзя, ибо искупленіе чрезъ уничтоженіе есть отрицаніе искупленія. Въ классификаціи религій Буддизмъ долженъ занять самое низшее мѣсто, какъ религія отчаянія, паденія; такое мѣсто принадлежитъ Буддизму не по теоріи прогресса, а по теоріи регресса. Въ религіи такой, какою она должна быть, и раздѣленіе должно основываться на томъ же началѣ, т. е распредѣлять религіи должно по степени ихъ близости къ религіи совершенной. Въ религіи такой, какою она должна быть, заключается долгъ возведенія всѣхъ религій къ этой высшей ступени.

56-е. Странно среди религій, имѣющихъ многочисленныхъ послѣдователей, встрѣтить дуализмъ, который имѣетъ весьма небольшое число поклонниковъ,—всѣ они заключаются въ однихъ Парсахъ или Гебрахъ; это —остатокъ религіи, имѣвшей прежде большое значеніе; согласно же бы-

товой классификаціи весьма понятно, почему въ настоящее время эта религія утратила значеніе; она имѣла его въ то время, когда шла ожесточенная борьба между Тураномъ и Ираномъ, въ настоящее же время, когда такихъ нашествій со стороны кочевниковъ нѣтъ, понятно, что и религія, выражавшая борьбу съ кочевниками, потеряла значеніе.

57-е. Религіозная классификація совершенно соотвѣтствуетъ бытовой. Земледѣльческій бытъ соотвѣтствуетъ христіанству не потому, что признаетъ себя святымъ, а именно потому, что глубже сознаетъ свою грѣховность. Обращеніе праха предковъ въ средство жизни потомкамъ,—какъ это въ земледѣліи,—указываетъ на грѣхъ и на то, въ чемъ долженъ заключаться выходъ изъ грѣха. Церковь потому и свята, что состоитъ изъ сознающихъ себя грѣшными, и святые—это тѣ, которые глубже чувствовали свою грѣховность.

Въ лѣствицѣ покаянія,—въ Великомъ постѣ,— земледѣлію отводятъ 3-ю недѣлю, 4-я недѣля принадлежитъ городу;—городъ казнитъ пророковъ, потому **кающемуся** городу и отведена крестопоклонная недѣля.

58-е. Евреи, представляющіе самое крайнее развитіе городского зла, повидимому противрѣчатъ этому; но въ нихъ корыстолюбіе,— **главнѣйшій изъ городскихъ пороковъ**,—доведенъ до такой степени, что подавляетъ пьянство и отчасти даже проституцію,—пороки признаваемые неизбѣжными для горожанъ всѣхъ другихъ народовъ.

Роспись наружныхъ стѣнъ храма во имя двухъ ревностныхъ чтителей Живоначальной Троицы,—греческаго и русскаго,—при которомъ находится музей или библіотека.

Въ христіанствѣ нѣтъ, конечно, святыхъ, которые не были бы чтителями Живоначальной Троицы, нѣтъ и праздниковъ, которые не были бы прославленіемъ Ея, какъ нѣтъ и храмовъ, при которыхъ не было бы собранія книгъ и предметовъ древности, постепенно увеличивающагося, т. е. нѣтъ храма, при коемъ не было бы музея, а потому и роспись эта относится ко всѣмъ храмамъ и могла бы замѣнить нынѣшній, ничего неговорящій орнаментъ,—свидѣтельствующій о душевной пустотѣ, безсодержательности современнаго, изъѣденнаго сомнѣніемъ поколѣнія,—къ которому прибѣгаетъ архитектура, чтобы прикрыть наготу стѣнъ.—Жизнеописатель пр. Сергія, называя построенный пр. Сергіемъ храмъ Троицы зерцаломъ для общежитія монашествующихъ, зерцаломъ, которое необходимо, однако, не для однихъ только монашествующихъ, но и для всего міра, не указываетъ-ли этимъ новаго пути для архитектуры, не указываетъ ли на необходимость замѣны орнамента живописью, на необходимость тѣснѣйшаго соединенія этихъ искусствъ, такъ что самые планы храмовыхъ построекъ не должны ли бы обсуждаться архитекторами вмѣстѣ съ живописцами и не должны ли быть не архитектурными только, но и живописно-архитектурными?

Преп. Сергій поставилъ храмъ Троицы какъ зерцало для собранныхъ имъ въ единожитіе отшельниковъ отъ міра, и мы были бы не вѣрны памяти чтителя Пресв. Троицы, были бы не вѣрны Первосвященнической молитвѣ (Іоаннъ, 17 гл., особенно стих. 21—23, какъ основа ученія о Троицѣ), какъ предсмертному завѣщанію Самого Господа, если бы храмъ Тріединаго Бога не поставили зерцаломъ не для однихъ отшельниковъ, а для всего міра, для насъ самихъ. Объединеніе немногихъ, непринадлежащихъ къ міру, по смыслу Первосвященнической молитвы, и нужно для того, чтобы и весь міръ объединился по подобію ихъ, по подобію отношеній Сына Божія къ Небесному Отцу. Зерцало прежнихъ временъ было собраніемъ примѣровъ, образцовъ для людей, взятыхъ въ отдѣльности; но только образъ исполненія Первосвященнической молитвы, только одинъ этотъ образъ можетъ служить образцомъ, **Великимъ Зерцаломъ**, для людей, взятыхъ въ совокупности, можетъ служить указаніемъ на то, **что должны дѣлать** всѣ люди не **по одиночкѣ, а въ совокупности**, **всѣ люди, какъ**

одинъ человѣкъ, какъ сынъ человѣческій, — только этотъ образъ можетъ служить указаніемъ, въ чемъ состоитъ литургія, т. е. общее дѣло.

Образъ исполненія Первосвященнической молитвы обнимаетъ всѣ четыре стороны храма, начиная отъ шейки подъ главой до основанія (фундамента), и будетъ указывать на то, что дѣлается въ землѣ и внѣ земли, что дѣлается въ самомъ храмѣ и внѣ храма. Въ этомъ зерцалѣ человѣкъ долженъ увидѣть себя не только такимъ, **каковъ онъ есть**, но и такимъ, **какимъ онъ долженъ быть.**

Мы должны увидѣть не только то, что мы дѣлали и дѣлаемъ (въ причинахъ и слѣдствіяхъ), но и то, **что должны дѣлать.** На шейкѣ же храма будетъ изображена самая исторія превращеніе догмата въ заповѣдь, которая должна наглядно показать это превращеніе, такъ какъ въ наше время, когда отдѣленіе мысли отъ дѣла сжилось съ нами, вошло въ нашу плоть и кровь, сами учителя церкви не видятъ возможности, не понимаютъ и необходимости того, что бы догматъ сталъ заповѣдью, правиломъ жизни, чтобы мысль, содержащаяся въ догматѣ, не осталась бы только мыслью, а была бы проектомъ, планомъ общаго дѣла, въ осуществленіи котораго и можетъ лишь заключаться исполненіе Первосвященнической молитвы. Итакъ роспись храма, обнимающая всѣ четыре стороны храма, на шейкѣ его, подъ **единою** главою, изобразитъ исторію догмата Живоначальной Троицы въ видѣ осьми лицъ, единомышленно и единодушно исповѣдовавшихъ Тріединаго Бога (т. е. имѣвшихъ какъ бы одну главу). Рядъ этихъ лицъ начинается Іоанномъ, сохранившимъ для насъ Первосвященническую молитву и прощальную бесѣду, въ которыхъ и заключается истинная основа догмата Троицы; завершается же этотъ рядъ Преподобнымъ Сергіемъ, поставившимъ храмъ Троицы какъ зерцало, какъ образецъ, т. е. завершается превращеніемъ догмата въ заповѣдь.

На шейкѣ, подъ самой главой, слѣдуетъ написать прежде всего первыхъ двухъ Богослововъ,– Іоанна и Григорія,—ибо Богословіемъ первоначально называлось исключительно ученіе о Троицѣ, и самое это слово появилось въ первый разъ у христіанъ вскорѣ послѣ того, какъ стало извѣстно и имя Живоначальной Троицы. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить Ѳеофила, у котораго въ первый разъ встрѣчается это святое слово; затѣмъ должно поставить Василія Великаго, какъ творца трехъ молитвъ на вечернѣ въ праздникъ Св. Троицы; далѣе Митрофана, епископа Смирнскаго, творца 8 каноновъ Св. Троицѣ, читаемыхъ на воскресныхъ полунощницахъ; Марка Гидрунтскаго, или Отрантскаго, какъ составителя молитвы ко Св. Троицѣ, и, наконецъ, предъ Сергіемъ Преподобнымъ, Іоанна Дамаскина, какъ завершителя древнихъ Богослововъ, ставшаго ихъ истолкователемъ и образцомъ для послѣдовавшихъ за нимъ. Это отцы нераздѣльной еще церкви.

Такъ будетъ положено начало росписи наружной стороны храма, росписи, долженствующей стать зерцаломъ и не для монашескаго общежитія, а великимъ зерцаломъ для всеобщаго общежитія, для общежитія всего че-

лсвѣческаго рода.

Роспись наружной стороны храма гораздо важнѣе росписи внутренней его стороны, потому что послѣдняя относится къ храмовой службѣ, а первая, т. е. наружная, ко внѣ-храмовой, а потому и имѣетъ гораздо большее образовательное значеніе для массы. Наружная роспись храма—самый храмъ превращаетъ въ алтарь, во Святая Святыхъ, а окружающія его частныя жилища, какъ его службы, обращаются при этомъ въ храмъ, покрываясь также по подобію храма, фасадною живописью. Такимъ образомъ роспись наружной стороны храма и положитъ начало превращенію храмовой службы во внѣ-храмовую, положитъ начало превращенію всего улич. наго, площаднаго, общественнаго, демократическаго,—не оставаясь и въ аристократическомъ, брезгливомъ отчужденіи,—въ родное, братское, отеческое, во вселенско храмовое, положитъ начало превращенію базарной, биржевой суеты, **сутолоки**,—стачекъ совершенно противоположныхъ нашимъ крестьянскимъ **толокамъ**, **помочамъ** и особенно **созидателямъ обыденныхъ храмовъ**,—въ истинно-общее дѣло, въ литургію, положитъ начало превращенію ярмарки тщеславія въ славу у Богу и въ славу другъ у друга, т. е. во взаимное знаніе, молитву въ мірѣ внутреннемъ превратитъ въ молитву всѣмъ міромъ, города (міра) въ Царство Божіе **(въ миръ)**, т. е. это будетъ уже началомъ осуществленія образца. Такимъ образомъ, внѣхрамовая литургія состоитъ въ томъ чтобы и внѣ храма быть тѣмъ же, чѣмъ должно быть внутри храма, т. е въ полномъ отрѣшеніи отъ **„всякой суеты“**, отъ всей **„юридико-экономической суеты“**, и если третья заповѣдь требуетъ, чтобы имя Божіе не было употребляемо всуе. то это не значитъ, чтобы заповѣдь эта ограничивала употребленіе имени Божія, какъ это понимало Еврейство, нѣтъ оно требуетъ, чтобы **не было суеты.** Впрочемъ, это опредѣленіе внѣ-храмовой литургіи есть только отрицательное; суету нужно замѣнить великимъ дѣломъ.

Вся западная часть наружной стороны храма, имѣющаго при себѣ музей,—(Музей есть библіотека, или книга, объясняемая картинами, статуями, всякаго рода наблюденіями и опытами и, вообще, всѣмъ, что служитъ къ поясненію заключающагося въ книгѣ), - должна изобразить одну **картину-икону**, или образъ исполненія Первосвященнической молитвы,—молитвы, не имѣвшей до сихъ поръ иконописнаго выраженія. Церковь, въ которой даже символъ вѣры получилъ иконописное выраженіе, (въ чемъ очевидна глубокая заботливость церкви о томъ, чтобы быть доступной не для однихъ только грамотныхъ, не для однихъ только ученыхъ), гдѣ этотъ символъ не только ежедневно читается, но и поется, въ этой церкви Первосвященническая молитва Нашего Господа не только не сдѣлалась предметомъ иконописи, не только не поется, но и читается вполнѣ одинъ лишь разъ въ году, и читается при томъ только какъ фактъ давно прошедшей жизни, а не какъ молитва, не какъ желаніе сердца или души, чающей осуществленія ея въ жизни. А между тѣмъ эта,—такъ называемая,—Первосвященническая молитва замѣняетъ въ Евангеліи Іоанна молитву Господню

другихъ Евангелистовъ, и даже начало ея одинако съ началомъ молитвы Господней.

И хотя самое мѣсто этой молитвы,— въ Іерусалимѣ,— опредѣлить приблизительно возможно, тѣмъ не менѣе на этомъ мѣстѣ не поставлено, повидимому, накакого памятника, ни часовни, ни молельни, не говоря уже о храмѣ, какового во имя этой молитвы нигдѣ, кажется, не было и еще нѣтъ. И богословіе какъ нравственное, такъ и догматическое не поставило этой молитвы въ свою основу, почему, – надо полагать, – и отдѣлился догматъ отъ заповѣди, мысль отъ дѣла и христіанство стало лишь мыслью, чувствомъ, но не дѣломъ общимъ христіанъ. И какъ возможно общее дѣло при раздѣленіи Церквей и при множествѣ сектъ, при обожаніи розни...

А между тѣмъ въ этой молитвѣ заключается завѣщаніе Самого Господа, въ ней выражается послѣдняя предсмертная воля Его, т. е. то, что наиболѣе обязательно, и тѣмъ не менѣе объ исполненіи этого завѣщанія мы даже и не молимся. Потому то и необходимо, чтобы музей,— собравшій подъ видомъ книгъ на всѣхъ языкахъ міра всѣ знанія человѣческія,— изобразилъ на наружной, передней (входной, обращенной къ западу) сторонѣ храма, при которомъ онъ находится, икону, или образъ исполненія Первосвященнической молитвы, дабы не остаться безплоднымъ хранилищемъ собранныхъ въ немъ знаній, дабы и знанія эти не остались только книгами, но стали живымъ, всеобщимъ дѣломъ, исполненіемъ завѣщанія Господа.

Образъ исполненія Первосвященнической молитвы долженъ быть представленъ въ видѣ объединенія всѣхъ племенъ и языковъ, изображенныхъ идущими къ дверямъ храма, чтобы принять участіе въ литургіи (общемъ дѣлѣ). Образъ этотъ д. б. написанъ на затворенныхъ дверяхъ храма, представленныхъ живописью отверстыми. Только византійскимъ стилемъ можетъ быть изображена молитва Богочеловѣческаго Сына къ Отцу Небесному, къ Богу Отцовъ, ибо только этотъ стиль имѣетъ силу и смѣлость показать въ душѣ Сына (подобно тому, какъ это на иконѣ Знаменія) отраженіе неба отверстаго, т. е. въ самой глуби Его души образъ Отца, Бога Отцовъ, съ Евангеліемъ, открытымъ на послѣдней страницѣ, (какъ выраженіе того, что слова, которыя онъ далъ Ему, уже переданы), и лики ряда отцовъ нашихъ съ Нимъ, Отцомъ Небеснымъ, по обѣимъ сторонамъ,—показать все это въ душѣ Сына, какъ выраженіе глубочайшей сыновней любви Сына Божія и Сына человѣческаго. Вставивъ въ грудь Сына икону Отца и сильно освѣтивъ ее, византійское искусство дастъ намъ возможность въ эту сугубо-мрачную ночь видѣть въ душѣ Сына свѣтлый образъ Отца, такъ что намъ нельзя уже будетъ сказать: **„покажи намъ Отца“**, ибо видя Сына, мы увидимъ въ Немъ и Отца. И не слухомъ только услышимъ, что, оставленный всѣми, Онъ не былъ одинъ, мы очами будемъ созерцать въ Немъ Отца. И мы, которые отъ міра сего, легко поймемъ, что міръ сей, увидѣвъ въ сердцѣ Его внѣдреннымъ образъ Отца, увѣруетъ и познаетъ, что Онъ отъ Бога исшелъ, отъ Бога посланъ, какъ

увѣровали въ Него ученики и стали едино съ Нимъ.

Только византійское искусство имѣетъ смѣлость написать въ самой картинѣ, (буквально написать),—жертвуя красотой глубинѣ мысли,—слова, исходящія изъ устъ молящагося, написать для грамотныхъ фонетически то самое, что уже изображено фигуративно для неграмотныхъ. **„Я въ Тебѣ и Ты во Мнѣ и тіи въ Насъ“**, говоритъ Богочеловѣческій Сынъ, указывая одною рукою на апостоловъ; указывая же другою рукою на **„міръ“**, —въ лицѣ стражи, идущей изъ города, во главѣ съ Іудою,— Онъ прибавляетъ: «и Міръ да увѣруетъ и познаетъ, что Ты послалъ Меня», и, слѣдовательно, въ этой вѣрѣ, въ этомъ познаніи **объединится**. Міръ, это и есть городъ, который, какъ бы ни назывался: Іерусалимомъ или Римомъ, всегда казнитъ пророковъ, т. е. тѣхъ, которые напоминаютъ о смерти ему, поставившему цѣлью забыть о ней, замаскировать ее, который и самыя кладбища обращаетъ въ сады, въ гульбища, чуть не въ рай. Показавъ Отца въ душѣ Сына, византійское искусство отверзаетъ передъ нашими очами и небо, показывая отраженіе земли въ лонѣ Отца въ видѣ Сына Божія, окруженнаго сіяніемъ славы, и это въ то самое время, когда земля, міръ, готовится покрыть Его, Сына Божія, позоромъ. Вмѣстѣ съ Сыномъ, созерцаемымъ въ глубинѣ Отцовскаго существа, видимъ на ближнемъ планѣ и сыновъ человѣческихъ, апостоловъ, а также и увѣровавшихъ Никодима и Іосифа, и также прославленными, окруженными ореоломъ. Видимъ и образъ міра, но не въ его розни, а міръ увѣровавшій и познавшій, многоединый. Послѣдній можетъ быть представленъ въ видѣ небеснаго храма, какъ отраженія земного, слѣдовательно, подобнаго росписываемому, но въ видѣ храма отверстаго и окруженнаго сіяніемъ, куда уже вступили племена и языки, которые на нижней части картины будутъ представлены лишь подходящими къ дверямъ храма, въ небесномъ же храмѣ они будутъ изображены уже соединившимися и не въ мысленномъ лишь, но въ животворномъ поминовеніи. Этотъ держимый божественною дланію храмъ и есть **„домъ Отца моего“**, въ коемъ **„обители многи“**. Другая рука благословляетъ обитателей земли на устроеніе подобнаго храма, т. е на устраненіе розни и на объединеніе всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой смертоносной силы для обращенія ея въ живоносную, ибо Первосвященническая молитва имѣетъ цѣлью—**земное родство сдѣлать подобнымъ небесному**, и именно возвысить земную, сыновнюю любовь до любви Сына Божія къ Небесному Отцу. Показать въ небѣ будущность, которой должно достигнуть человѣчество молитвою и трудомъ, это значитъ написать на небѣ планъ, проектъ, который обязанъ исполнить родъ человѣческій въ совокупности; исполненіе же или осуществленіе этого плана и будетъ прославленіемъ на землѣ Отца небеснаго. Понятно, что даже созерцая только этотъ планъ въ отверстомъ небѣ, Сынъ человѣческій могъ сказать: **„Мужайтесь,—Я побѣдилъ міръ“**.

Первосвященническая молитва была произнесена у Іосафатовой долины, т. е. у кладбища Іерусалимскаго, и погребенные на этомъ мѣстѣ

мертвые, превратившіеся въ прахъ, являются на небѣ живыми передъ Тѣмъ, для Кого нѣтъ мертвыхъ (Примѣч. 1-е); оживаетъ этотъ прахъ въ душѣ и Сына человѣческаго и у галилейскихъ рыбаковъ, у простого народа; прахомъ же, для котораго нѣтъ и не будетъ жизни, умершіе являются лишь у книжниковъ, у ученаго сословія, для коихъ нѣтъ ничего живого, а все—мертво, какъ для разума чистаго, теоретическаго все остается лишь ограниченнымъ, временнымъ, условнымъ, зависимымъ, т. е. смертнымъ,—а вѣчное, безконечное существуетъ лишь, какъ мысль, какъ идеалъ, какъ невозможное... Такое изображеніе первосвященнической молитвы дастъ уразумѣть, почему Христосъ ожилъ, воскресъ въ душахъ галилейскихъ рыбаковъ и умеръ въ душахъ ученыхъ и интеллигентовъ. И такая роспись будетъ составлять совершенную противоположность новѣйшей живописи, изобразившей учениковъ, предъ которыми будетъ произнесена Первосвященническая молитва,—шайкою разбойниковъ со скрытыми подъ одеждою мечами, Христа, предъ самымъ произнесеніемъ этой молитвы, смущеннымъ и растерянным,—Христа, въ душѣ котораго мы видимъ, напротивъ, столь ясное отображеніе Отца, что ни о какомъ смущеніи или растерянности и рѣчи быть не можетъ. Для художника, который сподобится изобразить исполненіе Первосвященнической, этой священнѣйшей, святѣйшей молитвы Сына Божія и Сына человѣческаго, небо должно быть отверсто, и долженъ онъ, художникъ, видѣть въ небѣ и Отца небеснаго и отцовъ земныхъ, т. е. Бога всѣхъ отцовъ человѣческихъ, какъ одного Отца; такъ же, какъ на землѣ, у юдоли плача, у праха отцовъ, гдѣ произнесена эта молитва, художникъ долженъ провидѣть и будущее объединеніе всѣхъ сыновъ человѣческихъ, всѣхъ еще живущихъ, т. е. смертныхъ, для воскрешенія умершихъ. И не только небо должно быть открыто этому художнику, ему должно быть открыто и сердце Сына Божія, невозмутимо носящаго въ Себѣ образъ Отца Небеснаго. Для тѣхъ же, которые изображаютъ Христа въ самый важный моментъ Его служенія, смущеннымъ и растерянным, небо, значитъ, закрыто; для нихъ нѣтъ надежды и упованія, они примирились, слѣдовательно, сжились со зломъ, они имъ восхищаются, и представленіе добраго, святого имъ кажется ложью, фальшью, потому что для нихъ нѣтъ добраго, святого ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ.

Ниже трибуны, на фронтонѣ музейско-библіотечнаго храма, должна быть изображена книга въ лучезарномъ сіяніи, вознесенная на тронѣ. Это —апоѳеозъ просвѣщенія. Надъ книгою Духъ Святой,—въ видѣ голубя **съ масличною вѣтвью** въ клювѣ,—указываетъ на содержаніе книги, тождественное съ молитвою Сына Божія, выше изображенною, ибо Духъ Св. напоминаетъ лишь то, что говорилъ Сынъ Божій въ молитвѣ къ Отцу, т. е. это просвѣщеніе, которое примиряетъ сословія и народы, а не возбуждаетъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, низшихъ противъ высшихъ, сыновъ противъ отцовъ. (Картина, обнимающая фронтонъ, взята изъ Кодекса Григорія Богослова № 510-й, по соч. Покровскаго—«Евангеліе въ памяти иконографіи», стр. 450).

Книга, вознесенная на тронъ на наружной сторонѣ храма, при которомъ музей и библіотека, обозначаетъ все множество, всю совокупность находящихся въ послѣднихъ книгъ. Но подъ книгою кроется авторъ, и не одинъ непосредственный ея авторъ, но и всѣ тѣ, чьи мысли вошли въ книгу, чьихъ мыслей авторъ книги явился выразителемъ, а потому вознесенная на тронъ книга, представляющая всю совокупность книгъ, есть книга, содержащая въ себѣ всю **думу** человѣческаго рода, начиная отъ первой мысли перваго человѣка; и не одну **думу** только, но и **чувство, душу,** такъ что изъ всѣхъ собраній, коллекцій, останковъ человѣческихъ, входящихъ въ музей, ни одно не заключаетъ въ себѣ такой полноты жизни, какъ библіотека. Только библіотека, расположенная календарнымъ порядкомъ, по днямъ смерти авторовъ, сочинителей, заключающая въ себѣ волею-неволею требованіе поминовенія, т. е. возстановленія по произведеніямъ самого автора, м б. изображена **открытою книгою,** и это означаетъ, что она не остается простымъ хранилищемъ, что ни одна книга библіотеки не останется забытою, что для каждой книги наступаетъ очередь, назначено время изученія. Помѣщаемыя въ настоящее время въ Рус. Вѣд. перечни сочиненій писателей, умершихъ въ день выхода № газеты, есть уже призывъ къ такому изученію, къ устроенію такого порядка въ библіотекахъ, самому для нихъ живому. Чрезъ годъ или нѣсколько лѣтъ изъ перечней, печатаемыхъ въ Рус. Вѣд., можетъ быть составленъ катологъ, расположенный календарнымъ порядкомъ. И это дѣйствительно гробокопательство, какъ называютъ нѣкоторые,—въ насмѣшку,—отдѣлъ, открытый Рус. Вѣдомостями. Но что же лучше,—оставить ли книгу, погребенною подъ пылью, преданною тлѣнію, или же въ опредѣленный день освобождать ее отъ этой пыли, чтобы изученіемъ ея вызвать живой образъ автора? (См. статью подъ заглавіемъ **„Библіографія“**).

Отъ Духа Божія, представленнаго въ видѣ голубя, и книги, или же изъ книги, вдохновленной Духомъ Святымъ, выходятъ лучи съ огненными языками и нисходятъ на апостоловъ, просвѣщая ихъ и вооружая огненнымъ словомъ для пораженія розни и для возсоединенія. Апостолы,—представленные на картинѣ Первосвященнической молитвы готовыми разбѣжаться, на аркѣ подъ фронтономъ съ книгою, какъ символомъ просвѣщенія, и вмѣстѣ надъ дверями храма, куда они должны ввести всѣ племена и языки, изображены пребывающими вкупѣ, въ тѣснѣйшемъ единеніи, почему и надпись надъ ними гласитъ: «и было у нихъ одно сердце и одна душа», и вмѣстѣ съ тѣмъ апостолы изображены съ жезлами въ рукахъ, со свитками и книгами, т. е. готовыми выступить на проповѣдь собиранія. Они не сидятъ, а какъ бы присѣли только, по народному обычаю, передъ отправленіемъ, чтобы тотчасъ, вставъ и помолившись, идти въ разныя стороны, во всѣ концы земли, но такъ, что никакое разстояніе не будетъ въ состояніи порвать внутреннюю связь, ихъ соединившую.

Подъ красными ихъ ногами написаны названія тѣхъ странъ, гдѣ кто проповѣдывалъ: подъ Петромъ—Римъ и Италія, подъ Андреемъ—Византія

и Скиѳія гиперборейская (Русь); подъ Іаковомъ—Испанія, крайній Западъ, подъ Ѳомою – Индія, подъ Іоанномъ – царство пресвитера Іоанна, крайній Востокъ; подъ Филиппомъ—Эѳіопія, крайній Югъ,—часть того же царства; подъ всею же группою апостоловъ должно быть начертано: **„Изыде вѣщанія ихъ по всей землѣ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“**. Царство пресвитера Іоанна, почти отождествляемое съ земнымъ раемъ, стало для Запада страною упованій, откуда ждали помощи противъ враговъ, и страною, исканій, что и привело къ кругосвѣтному обходу, къ открытію новой Индіи (Америка). Съ царствомъ пресвитера Іоанна незамѣтно сливаливались – и рай языческій (Сатурнія), и рай арійскій (Меропія, Меру, Памиръ) и рай семитическій (Эдемъ) и, наконецъ, рай философскій-Атлантида. Но единодушіе апостоловъ не стало еще единодушіемъ народовъ,—у нихъ, т. е. у народовъ, еще не было одного сердца и одной души.

Подъ аркой съ двухъ сторонъ передней стѣны храма долженъ быть представленъ результатъ дѣяній апостоловъ и ихъ преемниковъ по проповѣди, прошедшихъ и будущихъ, а также результаты, добытыя знаніемъ этнографическимъ и лингвистическимъ, хотя и не поставившимъ еще своею задачею объединеніе въ языкѣ и въ жизни всѣхъ народовъ, т. е. знаніемъ еще нехристіанскимъ, не обращеннымъ въ христіанство. Результаты этнографическаго знанія должны быть представлены въ видѣ главныхъ племенъ или расъ рода человѣческаго въ лицѣ типическихъ представителей племенъ негрскаго, монгольскаго, кавказскаго и проч., имѣющихъ передъ собою дѣтей тѣхъ же племенъ, у которыхъ племенныя особенности и скрывающіяся подъ ними психическія свойства выражены уже не такъ рѣзко, съ которыхъ, т. е. съ дѣтей, потому и начинается Царствіе Божіе, т. е. примиреніе Крайнія расовыя различія суть результаты слѣпого хода исторіи; въ видахъ же объединенія было бы совершенно въ христіанскомъ духѣ ввести свойство между племенами; потому на картинѣ дѣти и должны быть представлены въ лицѣ не только сыновъ, но и дочерей, идущихъ объ руку, и притомъ такъ, что дочери европейскихъ народовъ будутъ идти объ руку съ сынами негрскихъ, монгольскихъ народовъ, и наоборотъ.

На заднемъ планѣ картины племенъ долженъ быть представленъ земной городъ въ видѣ фабрики и магазина, покрытаго на лицевой сторонѣ вывѣсками всѣхъ издѣлій, - т. е. бездѣлій;—корни города въ видѣ шахты проникаютъ въ каменоугольный слой, т. е глубже краніологическаго слоя, а вершина, фабричная труба, перерастаетъ всѣ зданія благочестиваго стремленія къ небу; густой дымъ изъ этой трубы покрываетъ полъ неба, свидѣтельствуя не только объ истощеніи запасовъ солнечной силы, скопленныхъ землею еще до появленія человѣка, но и о заключеніи для извлеченія этихъ запасовъ въ глубочайшей подземной тюрьмѣ (глубже мертвыхъ) части человѣческаго рода. Отъ этого города въ видѣ фабрики, подавляющей всѣ учрежденія ума, (университеты и музеи), задушающей храмы, выбрасывающей за городъ умершихъ отцовъ и огражденной со всѣхъ сторонъ пушками и всякаго рода истребительными орудіями, удаляются племена человѣческія,

удаляются, не оглядываясь, не зря вспять.

Городъ, **внизу** господствующій надъ всѣми учрежденіями ума и чувства, ради производства бездѣлушекъ приносящій лицо, личность въ жертву вещи,—**наверху** представленъ уже отжившимъ, съ потухшей трубой, съ закрытыми у магазина окнами и дверями, представленъ сданнымъ въ архивъ, въ музей, какъ памятникъ заблужденій человѣческихъ, какъ предостереженіе отъ повтореній ихъ на пути къ осуществленію Царствія Божія. Соединеніе же въ **Градѣ небесномъ** университета съ музеемъ,—какъ памятникомъ прошедшаго,—показываетъ, что мысль человѣческая перешла отъ служенія женщинѣ къ служенію предкамъ, ибо поняла, что брачный пиръ, и при томъ съ борьбою за участіе въ немъ, какъ явленіемъ неизбѣжнымъ, пиръ на могилахъ отцовъ, какъ бы они старательно ни были удалены и замаскированы, есть глубоко-безнравственная жизнь,—мысль человѣческая поняла, что счастіе лицъ въ отдѣльности и даже цѣлыхъ отдѣльныхъ поколѣній не только невозможно, но и влечетъ за собою бѣдствія, обращаетъ **миръ** въ адъ.

И такъ мы будемъ имѣть два града: градъ земной,—Вавилонъ, Римъ, въ которомъ царствуетъ женщина, который поставилъ цѣлью наслажденіе, отрекся отъ отцовъ и есть совокупность жениховъ и невѣстъ, начиная съ дѣтскаго возраста, на дѣтскихъ балахъ, до молодящейся старости, т. е. это половой подборъ, имѣющій своимъ закономъ **прогрессъ**, который состоитъ въ борьбѣ и вытѣсненіи, необходимомъ слѣдствіи того, что человѣкъ, подчиняясь закону прогресса, слѣпому влеченію, эволюціи, живетъ на готовомъ, пользуется запасомъ, скопленнымъ землею до его еще на ней появленія, и чтобы оправдать жизнь на готовомъ, считаетъ себя только жителемъ земли, запасы которой, какъ бы велики ни были, все-таки ограничены, что и даетъ уже себя знать, а потому и ведетъ къ борьбѣ за обладаніе ими, ведетъ ко взаимному ограниченію и смерти, какъ результатамъ борьбы. Небесный же градъ состоитъ, напротивъ, въ спасеніи всего вытѣсненнаго, потому что соединенный человѣческій родъ будетъ имѣть источникомъ жизни, будетъ получать средства къ существованію не отъ ограниченной земли, а отъ безграничнаго неба, управленіе силами котораго будетъ результатомъ труда объединеннаго рода человѣческаго.

На переднемъ планѣ картины будетъ представлено засѣянное поле съ избой для живыхъ и памятникомъ въ видѣ креста и голгоѳы надъ умершимъ, при чемъ самъ умершій будетъ представленъ въ видѣ головы Адама, ибо скрытый по физической необходимости, — по необходимости, явившейся, благодаря лишь розни и бездѣйствію,— онъ выступаетъ изъ земли по необходимости нравственной, т. е. возстановляется. Это, такъ сказать, художественное воскрешеніе. Такимъ образомъ, и картина племенъ представляетъ шествіе отъ города къ селу, отъ цивилизаціи (вырожденія душевнаго) и культуры (вырожденія тѣлеснаго) къ возстановленію силъ, къ исцѣленію души и тѣла, къ Евхаристіи, въ храмѣ совершающейся

Относительно одѣяній, особенно дѣтей, важно не допускать на изображеніи ни рубищъ, ни роскоши, чтобы подъ видомъ сочувствія къ бѣднымъ не возбудить вражды къ богатымъ. Одежды кустарнаго производства должны быть предпочтены одеждамъ городскихъ фабрикъ, если только первое, т. е. кустарное, не будетъ увлекаться подражаніемъ фабричному производству, такъ что и въ самыхъ одеждахъ будетъ виденъ переходъ отъ городской жизни, суеты, къ сельскому дѣлу. Устраненіе городскихъ соблазновъ и объединеніе въ трудѣ познанія и управленія слѣпыми силами природы, носящей въ себѣ голодъ, язву и смерть, (что и будетъ изображено надъ дверями храма въ видѣ орудій управленія силами природы,—какъ предложенный Каразинымъ громоотводъ на аэростатѣ, поднятый въ облака небесныя), сдѣлаютъ ненужнымъ и внѣшній законъ, который **„преступленій ради приложися“**. Въ этомъ шествіи отъ городскихъ соблазновъ къ сельской простотѣ и происходитъ замѣна внѣшняго, юридическаго закона закономъ внутреннимъ, въ сердцѣ написаннымъ, замѣна скрижалей каменныхъ Евангеліемъ, что и можно изобразить скрижалями на заднемъ планѣ предъ городомъ и Евангеліемъ на самомъ переднемъ планѣ, надъ дѣтьми.

Кромѣ свойства между сынами и дочерями различныхъ племенъ, совершенно въ духѣ христіанства будетъ и введеніе между ними духовнаго родства, **крестоваго братства**. Образки, носимыя на груди, означаютъ, конечно, то, что находится въ сердцѣ, въ самой груди. Воспитанные по такой наружной росписи, какова изложенная здѣсь, по росписи, какъ наглядной картинѣ, будутъ имѣть ее, эту картину, и въ душѣ своей, ибо воспитаніе, (для котораго и не можетъ быть другого основанія, кромѣ Первосвященнической молитвы), будетъ лишь переводомъ этой молитвы въ душу каждаго. Слѣдовательно, и образки, носимые на груди каждымъ, будутъ тою же картиною осуществленія Первосвященнической молитвы, которая изображена на наружной сторонѣ храма, но лишь въ маломъ видѣ, и съ тою разницею, что племена на этихъ образкахъ будутъ представлены типомъ того племени, къ которому принадлежитъ носящій его. При заключеніи крестоваго братства принадлежащіе къ различнымъ племенамъ будутъ мѣняться своими образками и каждый крестовый братъ будетъ, такимъ образомъ, носить образокъ съ изображеніемъ не того племени, къ которому принадлежитъ самъ, а того, къ которому принадлежитъ его крестовый братъ. Такой обмѣнъ будетъ выражать **международное крестовое братство** или **братотвореніе**. На самой же картинѣ исполненія Первосвященнической молитвы, на наружной сторонѣ храма, каждый отрокъ и отроковица одного племени будутъ представлены носящими на себѣ образки съ изображеніемъ типовъ всѣхъ другихъ племенъ въ знаменіе примиренія и любви къ нимъ, ибо, какъ выше сказано, образки, носимые на груди, означаютъ то самое, что находится, должно находиться въ самой груди, въ сердцѣ. **Это и есть этнографическая пятидесятница.**

По другую сторону дверей будетъ изображена **лингвистическая пя-**

тидесятница: взрослые представители различныхъ языковъ (народовъ) будутъ изображены каждый со свиткомъ письма-китайскаго, или вообще моносиллабическаго, монгольскаго—агглютинирующаго, греческаго, латинскаго, славянскаго, или, вообще, флексивнаго. Словомъ, изображеніе должно согласоваться съ наиболѣе принятою классификаціею языковъ. На этихъ свиткахъ различными письменами будетъ написана одна и та же молитва: «и насъ сопричти къ стаду Твоему, чтобы и въ насъ во всѣхъ было одно сердце и одна душа; и насъ сподоби быть едиными, какъ Ты въ Отцѣ»... Дѣти же всѣхъ племенъ и языковъ держатъ уже всѣ вмѣстѣ одну общую азбуку, или книгу — **всемірный панлингвистическій корнесловъ**, какъ практическій результатъ всемірнаго языкознанія, а не произвольныхъ, искусственныхъ измышленій въ родѣ **„воляпюка“**. И этимъ будетъ изображена не только всеобщность письма и языка, но и всеобщность просвѣщенія, образованія, приводящаго къ единству.

Затѣмъ, по одну сторону дверей будетъ изображено одно изъ посмертныхъ чудесъ Николая Чудотворца, которымъ онъ спасаетъ христіанъ отъ магометанъ, какъ самыхъ непримиримыхъ противниковъ Троицы, а по другую сторону будетъ изображенъ преп. Сергій, созидающій вмѣстѣ съ братомъ храмъ Живоначальной Троицы, (образцомъ для этого храма можетъ быть принятъ храмъ, построенный преподобнымъ Трифономъ Печенгскимъ, просвѣтителемъ лопарей; храмъ этотъ сохраняется и до сихъ поръ), какъ знамя, соединяющее христіанъ для освобожденія отъ татаръ, обратившихся въ это время въ магометанство.

Въ самомъ низу, на фундаментѣ, какъ бы въ верхнемъ слоѣ земли, д. б. представлены черепа и брахи –, и доли—, и месо-кефалическіе, т. е. результаты краніологическихъ изслѣдованій. Краніологическій слой показываетъ, что въ основѣ храма лежитъ кладбище, а также и геологическій разрѣзъ, или кладбище животныхъ.

Наверху, надъ дверями, должно изобразить переоруженіе: орудія взаимнаго истребленія превращаются въ орудія обращенія слѣпой, естественной силы природы изъ смертоносной въ живоносную, изъ слѣпой въ управляемую разумомъ.

На затворенныхъ дверяхъ написаны двери отверстыми, а черезъ нихъ, выше краніологическаго пояса, пояса череповъ и скелетовъ, видно общее дѣло, облеченіе этихъ череповъ и скелетовъ плотію, т. е. виденъ великій выходъ, какъ обычно изображается литургія (общее дѣло). Такимъ образомъ надъ черепами и скелетами, изображенными въ фундаментѣ, будетъ изображенъ ходъ съ дарами, готовыми стать плотію и кровію, чтобы облечь кости и влить въ нихъ вмѣстѣ съ кровію жизнь, съ площаницею и синодиками, изображающими животворное поминовеніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Но это только евхаристія, т. е. благодареніе предъ воскрешеніемъ, подобное благодаренію Христа передъ воскрешеніемъ Лазаря. Это—храмовая литургія, тогда какъ внѣ храмовая литургія есть полное братотвореніе черезъ усыновленіе для исполненія долга душеприказчества;

короче же,—литургія есть братотвореніе черезъ крещеніе для воскрешенія (черезъ крещеніе для не христіанъ, черезъ покаяніе для христіанъ). (Примѣчаніе 2-е).

Поэтому на сѣверной сторонѣ храма, въ верху на трибунѣ, подъ сводомъ, д. б. изображено крещеніе Господне въ связи съ крещеніемъ всѣхъ народовъ. Крещеніе, какъ начало Тройческаго поклоненія, т. е. возвращенія сердецъ сыновъ къ отцамъ и сердецъ отцовъ къ сынамъ, изображается такъ: Духъ Св,—въ видѣ голубя съ масличною вѣтвію,—между Отцомъ,- въ видѣ благословляющей руки и гласа: «Сей сынъ возлюбленный»,—и Сыномъ съ десницею на груди и преклоненною главою; и тотчасъ при этомъ гласѣ появляется, или—точнѣе—освѣщается, въ сердцѣ Сына образъ Отца съ книгою, открытою на первой страницѣ; тутъ же, внѣ, изображается и пораженіе дракона, т е. **духа вѣка**, и **древо** (міръ) съ сѣкирою у корени (Н. Покровскій, «Еванг. въ памятн. иконографіи», стр. 183, 173, 179, 186 и др). Должно вспомнить, нужно понять, что такъ называемая новая исторія, прогрессъ, начинается **депатріаціею,** т. е. отчужденіемъ отъ отцовъ, и кончается контръ-патріаціею, т. е. возстаніемъ сыновъ противъ отцовъ, что заключается въ сущности прогресса.

Крещеніе, какъ взаимное возвращеніе отцами и сынами своихъ сердецъ другъ другу, выражено всѣми Евангелистами и даже Іоанномъ, который, не говоря о самомъ крещеніи, говоритъ о Духѣ, сходящемъ отъ Отца; иконографія же прибавляетъ и еще весьма многознаменательную черту, —десницу, приложенную къ груди у пріемлющаго крещеніе,— руку, положенную на сердце, какъ выраженіе сыновней любви. И масличная вѣтвь въ клювѣ голубя усиливаетъ значеніе крещенія, какъ примиренія,— она въ иконѣ крещенія изображаетъ тоже самое, что въ иконѣ Рождества изображается пѣснью ангеловъ—**„и на земли миръ“**. Преклоненіемъ главы Іисуса Христа выражается признаніе пустоты гордости нынѣшняго (ветхаго) вѣка, гордости Фаустовъ, Манфредовъ, Каиновъ,—и особенно послѣднихъ, какъ самаго полнаго выраженія нынѣшняго ветхозавѣтнаго типа,— выражается признаніе нелѣпости сознанія личнаго достоинства, неоправдываемаго участіемъ въ общемъ всѣхъ трудѣ; изображеніемъ же поражаемаго дракона, змѣи,- ставшей предметомъ обожанія для поэтовъ-антихристіанъ, —символа искусителя (на свѣтскомъ языкѣ—Мефистофеля, Люцифера), изображается пораженіе самого Духа вѣка, хотѣвшаго жить одною жизнію съ слѣпою силою и бунтовавшаго противъ Разумной силы Божества, требовавшаго объединенія противъ слѣпой силы. (Примѣч. 3-е). Это—конецъ общественнымъ катаклизмамъ, революціямъ. Крещеніе есть отреченіе отъ **міра** въ смыслѣ розни, чтобы стать **миромъ** въ смыслѣ согласія, но отреченіе не одиночное, ибо послѣдствія розни—голодъ, язва, вынуждаютъ къ соединенію для регуляціи слѣпой силы. Когда же **міръ** станетъ **миромъ,** то и Христосъ будетъ **отъ мі(и)ра сего.**

Совмѣстное и одновременное крещеніе д. б. изображено ниже на самой стѣнѣ храма въ видѣ крещенія народа русскаго съ воспріемникомъ

въ лицѣ Св. Владимира. Крещеніе русскаго народа означаетъ принятіе его въ христіанское братство чрезъ усыновленіе и просвѣщеніе, что и изображается и благословляющею рукою Бога Отца, и гласомъ: «и сей (т. е. народъ) есть Сынъ Мой возлюбленный», и голубемъ съ масличною вѣтвью и лучами свѣта. Крещеніе русскаго народа было крещеніе общее, крещеніе безъ оглашенія, подобное тому, какое совершается надъ дѣтьми, и воспріемникъ русскаго народа Св. Владимиръ поручился за себя и своихъ преемниковъ, ставшихъ народу **„въ отца мѣсто"**, ввести общее, обязательное для всѣхъ образованіе.

Крещеніе, какъ просвѣщеніе, есть объединеніе всѣхъ для обращенія темной (адъ), слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ; дѣло управленія природы и замѣнитъ взаимную борьбу, войну. Просвѣщеніе, не отдѣлимое отъ крещенія, есть долгъ воспріемниковъ, каковымъ при крещеніи русскаго народа былъ Владиміръ, который и принялъ на себя и своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія. Музей московскій, музей второго Кіева, обѣщалъ построить храмъ воспріемнику русскаго народа Св. Владиміру, на подобіе того, въ которомъ Владиміръ самъ крестился, но не исполнилъ своего обѣщанія, —этотъ храмъ и нужно изобразить на картинѣ крещенія русскаго народа, какъ мать всѣхъ русскихъ храмовъ.

Крещеніе, какъ усыновленіе, требуетъ объединенія всѣхъ сыновъ для обращенія темной (адъ) и потому разрушительной, смертоносной силы въ живоносную, требуетъ прочнаго объединенія сыновъ для воскрешенія отцовъ, т. е крещеніе есть уже начало воскрешенія, а всеобщее воскрешеніе есть завершеніе крещенія; потому-то на третьей сторонѣ храма, на южной стѣнѣ его, и должно изобразить воскресеніе Христово въ связи съ всеобщимъ воскрешеніемъ, какъ конечный результатъ литургіи, или братотворенія, должно изобразить воскрешеніе отцовъ, какъ требуемое самимъ усыновленіемъ.

Крещеніе потому и пишется на наружной стѣнѣ храма, что оно есть условіе вступленія въ храмъ; а воскресеніе—потому, что оно не ограничивается внѣмірнымъ искупленіемъ, или изведеніемъ изъ ада душъ; оно не есть также литургія, или пасха, совершаемая ангелами, т. е. внѣ міра сего; воскрешеніе есть воскрешеніе тѣлесное, оно есть дѣло Божіе, совершаемое при участіи всѣхъ людей, къ которому люди безучастными оставаться не могутъ, а потому оно и должно быть совершено при участіи всѣхъ людей. («Ибо какъ смерть черезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ». 1-е къ Коринѳ., XV, 21. **Чрезъ человѣка,** который по Первосвященнической молитвѣ Господа, долженъ быть едино съ Богомъ,—«да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и **они** да будутъ въ насъ едино». Іоаннъ XVII, 21).

На трибунѣ южной стѣны должно изобразить Воскресеніе Христа и по-ту-стороннее, внѣмірное, воскресеніе отцовъ, т. е. сошествіе въ адъ, разрушеніе его и изведеніе изъ ада Адама, Евы и др. На стѣнѣ подъ вос-

кресеніемъ Христа изображаемъ Пасху въ Кремлѣ, или пасхальный ходъ. На фундаментѣ же изображаютъ черепа и скелеты, такъ какъ Кремль, какъ и Капитолій, основанъ на костяхъ отцовъ, надъ которыми и изображенъ пасхальный ходъ, т. е. ходъ сыновъ, носящихъ въ душѣ отцовъ. Пока Кремль будетъ оставаться **крѣпостью**, защищающею мощи и кости отцовъ отъ сыновъ другихъ отцовъ, до тѣхъ поръ и кости будутъ оставаться костями и мысли объ отцахъ только мыслями, одними лишь представленіями. Но когда Кремлевскія орудія взаимнаго истребленія обратятся въ орудія обращенія смертоносной силы въ живоносную, тогда и Кремль-крѣпость обратится въ храмъ-музей, т. е. въ мѣсто изученія темной, разрушительной силы для обращенія ея въ управляемую чувствомъ и разумомъ сыновъ.

Восточная сторона представляетъ полное осуществленіе Первосвященнической молитвы, написанной на западной сторонѣ. На восточной сторонѣ храма д. б. изображена картина Преображенія Господня и картина преображеннаго міра, т. е. такого міра, какимъ онъ будетъ по воскрешеніи, міра возсозданнаго трудомъ, т. е. міра не дарового, а трудового.

Если бы въ настоящее время Христосъ, обратясь къ современному поколѣнію, спросилъ его: «а вы за кого почитаете меня»? то люди XIX вѣка не преминули бы сказать, что только они во всей **глубинѣ** поняли его. —«Ты проповѣдникъ братства, отвѣтили бы они Тому, Кто самъ себя называлъ прежде всего сыномъ человѣческимъ и Котораго Петръ исповѣдывалъ Сыномъ Божіимъ, указывая тѣмъ, что первый долгъ, первая заповѣдь есть любовь къ Богу и Отцамъ, т. е. къ Богу Отцовъ. Называющіе же Христа проповѣдникомъ братства тѣмъ свидѣтельствуютъ о себѣ, что они если бы и понимали братство въ его настоящемъ смыслѣ, то и тогда они принимали бы слѣдствіе за причину, т. е. не понимали бы всей глубины, не понимали бы самого корня братства. Отсюда и является неопредѣленность, безцѣльность и произвольность братства, которое то опредѣляется лишь отрицательно, какъ отсутствіе вражды, непріязни, или же только какъ товарищество и какъ пріязнь, основанная лишь на товарищескихъ отношеніяхъ, имѣющихъ цѣлью достиженіе комфорта, т. е. полный произволъ, тогда какъ въ понятіи Сына человѣческаго, т. е. въ любви сыновъ къ отцамъ, заключается указаніе на происхожденіе братства, на цѣль и долгъ его.

Отвѣтомъ на вопросъ Христа и будетъ роспись восточной стороны музейскаго храма.

Восточная сторона представляетъ картину Преображенія Господня и изображенія міра въ его будущемъ, прославленномъ состояніи. На трибунѣ, т. е. на верху, изображено Преображеніе Христа, въ которомъ живущее, настоящее поколѣніе представлено тремя апостолами, а прошедшія поколѣнія двумя пророками, Христосъ же посредникъ между живущими и умершими, между прошедшимъ и настоящимъ. Подъ трибуною, на стѣнахъ алтаря и на сводахъ, долженъ быть изображенъ будущій прославленный міръ.

Подобно тому, какъ Преображеніе Господа нужно было для того, чтобы укрѣпить учениковъ въ вѣрѣ и надеждѣ при предстоящихъ страданіяхъ, такъ и изображеніе преображеннаго міра нужно для того, чтобы укрѣпиться при тѣхъ великихъ, невообразимыхъ трудностяхъ, которыя неизбѣжны при осуществленіи плана новаго неба и новой земли, чтобы не остановиться, не возвратиться вспять. Преображенное человѣчество будетъ полнымъ осуществленіемъ душеприказчества, т. е. оно будетъ полною регуляціею, или распространеніемъ регуляціи на всѣ нынѣ разъединенные міры, будетъ объединеніемъ этихъ міровъ черезъ воскрешенныя поколѣнія, т. е. то, что въ настоящее время,—при распаденіи міровъ,—являлось послѣдовательно, тогда явится одновременно, явится сосуществующимъ. Тогда всѣ міры будутъ одушевлены, соединены узами родства, будутъ однимъ генеалогическимъ древомъ. Это будетъ полнымъ осуществленіемъ психократіи, и то, что было поэтическимъ лишь образомъ,—представлявшимъ звѣзды лишь обителями, съ которыхъ отцы съ любовью взираютъ на сыновъ, а сіи послѣдніе съ такимъ же чувствомъ на отцовъ,—будетъ дѣйствительностью. Взаимное отношеніе міровъ будетъ выраженіемъ взаимности всѣхъ поколѣній. Тогда не будетъ этого поразительнаго, какъ нынѣ, явленія, когда живущія, чувствующія существа приносятся въ жертву безчувственной слѣпой силѣ, т. е. этотъ міръ будетъ не хроносомъ, пожирающимъ своихъ дѣтей, т. е. личности будутъ не модусами и послѣдующія (сыны) не будутъ поглощать своихъ предыдущихъ (отцовъ), чтобы быть поглощенными въ свою очередь; личности не будутъ и монадами, не имѣющими оконъ, т. е. такими, для которыхъ нужна скрытность для сохраненія своей самостоятельности. Тогда уничтожится раздѣленіе разума на теоретическій и практическій, потому что тогда не будетъ и особаго сословія, для котораго мышленіе или знаніе составляетъ исключительное занятіе. Тогда катастеризація, перенесеніе земного на небо, вознесеніе поколѣній, будетъ не метафорою, а самою дѣйствительностью. Если предѣлы міровъ расширяются, если открываются такіе міры, которые никакой глазъ, вооруженный самыми сильными телескопами, еще не видѣлъ, то съ другой стороны и число поколѣній все увеличивается, и слѣды человѣка открываются въ самыхъ глубокихъ слояхъ земного шара. Преображенный міръ есть всемірная исторія всѣхъ поколѣній, вытѣснявшихъ одно другое, представленныхъ на небесной картѣ одновременно существующими,—на картѣ космоса, ставшаго вселенною, т. е. всенаселеннымъ; тогда какъ нынѣшній космосъ, или—правильнѣе—хаосъ, заслуживаетъ болѣе названія не вселенной, а пустыни съ рѣдкими оазисами міровъ, и большею частью бездушныхъ, а вѣрнѣе съ одною только небольшею планетою, назначенною для населенія всѣхъ міровъ, что и согласно, или требуется, экономіею силъ.

Попытка изобразить картину преображеннаго міра, представляемаго уже существующимъ, родилась, можно сказать, вмѣстѣ съ человѣкомъ: всѣ миѳологіи, населявшія небо богами, или своими предками, и христіанство, въ

чинахъ ангельскихъ создавшее небожителей,—все это попытки сдѣлать небо театромъ или поприщемъ всемірной исторіи, лѣтописью всего міра. Такимъ образомъ книга, представленная закрытою на западной сторонѣ, является открытою на восточной, и открытою на послѣдней страницѣ, т. е. прочитанною, изученною, и является такою по возстановленіи ея творцовъ въ видѣ изображенія преображенныхъ поколѣній, осуществившихъ въ себѣ Первосвященническою молитву: «Да будутъ едино». Но это осуществленіе есть лишь указаніе на переходъ отъ слова къ дѣлу, и если этотъ переходъ дѣйствительно состоится, если дѣйствительно будетъ производиться изученіе слѣпой силы и обращеніе ея изъ смертоносной въ живоносную, то это мысленное или художественное возстановленіе станетъ дѣйствительно воскрешеніемъ и вознесеніемъ воскрешенныхъ поколѣній на небесные міры, или земли, которые и будутъ ими не населены только, какъ обитателями, паразитами, живущими на готовомъ,—міры эти будутъ одушевлены, возсозидаемы и управляемы вознесенными на нихъ поколѣніями воскрешенныхъ.

Эта роспись храма, кратко изложенная здѣсь, предполагаетъ существованіе при храмѣ музея, музея всенаучнаго, воспитательнаго, потому что безъ сего послѣдняго представленный въ росписи образецъ остался бы недоступнымъ идеаломъ, а не планомъ или проектомъ для исполненія и осуществленія его въ самой жизни.

Въ началѣ же статьи было сказано, что нѣтъ храма, при которомъ не было бы собранія древностей, т. е. музея, но вѣрнѣе сказать, что при всякомъ храмѣ могъ бы быть музей, если бы вещи и книги, выходящія изъ церковнаго употребленія, не сваливались на чердакахъ или въ чуланахъ при храмахъ, а имѣли бы особыя помѣщенія.

Потому-то музеи при храмахъ существуютъ лишь въ возможности, а въ дѣйствительности есть и музеи безъ храмовъ, т. е безбожные, какъ напримѣръ, промышленно-художественные, пользующіеся даже заставками въ старинныхъ рукописяхъ, какъ образцами для женскихъ украшеній, т. е. для усиленія полового подбора; но есть и храмы безмузейные, т. е. безчеловѣчные, которые даже останковъ человѣческихъ не допускаютъ въ свои стѣны, гдѣ никогда не раздавался плачъ надъ умершимъ, какъ храмъ Спасителя въ Москвѣ. (Когда хотѣли внести въ храмъ Спасителя тѣло убитаго городского головы Алексѣева для отпѣванія, то нашли это неприличнымъ).

Въ № 254 Моск Вѣд. 1892 г. было сдѣлано предложеніе построить при музеѣ въ одинъ день храмъ Св. Троицы на подобіе того храма, который былъ построенъ Пр. Сергіемъ, а такой храмъ былъ бы не церковью только, но и памятникомъ, необходимымъ завершеніемъ юбилейнаго хода (музеемъ юбилея). Согласно съ этимъ предложеніемъ сущность празднованія выражается въ построеніи храмовъ при музеяхъ и въ построеніи при храмахъ музеевъ въ видѣ же храмовъ, при томъ именно обыденныхъ, такъ какъ при такомъ только краткомъ времени храмъ можетъ быть воздвиг-

нутъ совокупными силами, соединеніемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способностей, всѣхъ людей данной мѣстности,—какъ бы однимъ человѣкомъ,—при чемъ и трудъ будетъ доведенъ до высшей степени напряженности, и тѣмъ не менѣе трудъ этотъ будетъ **добровольнымъ**, а храмъ будетъ сооруженъ самымъ святымъ способомъ. Храмъ-же-музей будетъ примиреніемъ двухъ сословій, изъ коихъ одно, ученое, въ своей крайности доходитъ до безбожія, а другое—до безчеловѣчія.

Если празднованіе юбилея преподобнаго Сергія, поминовеніе его выражается построеніемъ обыденнаго, деревяннаго храма Троицы, то гдѣ, въ какикъ мѣстахъ должны быть построены такіе храмы? Не сдѣлать ли изъ построенія такого храма привиллегію одной только Москвы, или же сдѣлать изъ него (такого построенія) преимущество и губернскихъ городовъ, отказавъ въ немъ уѣзднымъ и безуѣзднымъ? Но всякія ограниченія въ этомъ случаѣ будутъ лишь произволомъ и даже воспрещеніемъ поминовенія, полагающимъ предѣлы усердію почитателей. Устранивъ же произволъ, придется признать, что храмы Троицы должны быть построены во всякомъ селѣ, при всякомъ храмѣ, какому бы святому посвященъ онъ ни былъ, потому что всякій святой есть чтитель Троицы, ибо это почитаніе и дѣлаетъ его святымъ, и всѣ праздники, начиная съ Крещенія до Пятидесятницы, суть проявленія общаго дѣла, заключающагося въ Троицѣ, и Рождествомъ Христа открываемаго.

Храмъ Троицы, какъ хранилище древнихъ книгъ, иконъ и всякой утвари, какъ видно выше, могъ бы не быть только при тѣхъ храмахъ, въ которыхъ ничто не вѣтшаетъ, при тѣхъ церквахъ, въ которыхъ никто не умираетъ, а гдѣ есть умирающіе, тамъ должны быть и музеи, точно также, какъ должны быть и школы тамъ, гдѣ есть рождающіеся, т. е. крещаемые съ обязательствомъ воспитанія. Отдѣлять музей отъ школы, отдѣлять отцовъ отъ сыновъ - значитъ вносить раздѣленіе въ самую Св. Троицу, т. е. впадать въ ересь. Отдѣлять же школы и музеи отъ храма значитъ отдѣлять отцовъ человѣческихъ отъ Отца Небеснаго, отъ Бога отцовъ, отдѣлять сыновъ и дочерей человѣческихъ отъ Сына Божія и отъ Духа Божія. Отдѣлять же школы отъ алтаря, (какъ это предполагаютъ распорядители общественныхъ работъ для голодающихъ), значитъ лишить школу наилучшаго нагляднаго пособія, заключающагося въ иконостасѣ надлежащимъ образомъ, (по старинѣ,—по подобію иконостаса въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ), устроенномъ.

Примѣчанія.

1-е. Кладбища суть истинныя мѣста для молитвы, такъ какъ сама религія есть совокупная молитва всѣхъ живущихъ о всѣхъ умершихъ, обращенная **къ Богу отцовъ**, а не къ Богу отвлеченному,— (къ богу, такъ сказать, безчеловѣчному). Молитва Первосвященническая, у поля умершихъ

(у Іосафатовой долины, т. е у кладбища Іерусалимскаго), о соединеніи всѣхъ живущихъ (еще не умершихъ) есть образъ самой религіи. Только кладбищенскіе храмы суть истинные храмы, а внѣ кладбищенскіе суть ихъ замѣстители, какъ антиминсы (вмѣсто-стольники) замѣняютъ гробы, которые суть истинные столы, трапезы для живущихъ. Точно также только кладбища могутъ быть превращены въ полные музеи, а не въ музеи-кабинеты лишь рѣдкостей, каковы нынѣшніе музеи. Только кладбищенскіе музеи есть памятники для всѣхъ безъ исключенія людей, а не однихъ только великихъ, только кладбищенскіе музеи все дѣлаютъ предметомъ знанія и всѣхъ познающими, если не отдѣлены отъ школъ.

2-е. Литургія есть таинство въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ это слово («Mysterion» и «Sacramentum») употребляется въ новомъ завѣтѣ (т. е. именно, какъ устроеніе всего дѣла Христова, переходящаго отъ **тайнодѣйствія къ явному дѣлу**), напр въ 1-мъ посланіи къ Коринѳ. IV, 1— «каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и **домостроителей** таинъ Божіихъ»;—по словамъ нѣмецкаго богослова подъ **„домостроителей тайнъ Божіихъ“** нужно понимать – **„провозвѣстниковъ Тайнъ Божіихъ“**. По мнѣнію русскаго богослова **„Тайны,** какъ **устроеніе всего дѣла Христова“**, не тождественны съ таинствами. Но не отожествлять **Таинства** съ устроеніемъ всего дѣла Христова значитъ **умалять** значеніе нашихъ таинствъ, освобождать церковь отъ ея прямой обязанности. Говорить, что въ новомъ завѣтѣ слово—«mysterion» — употребляется въ другомъ значеніи, чѣмъ наше **таинство**,—значитъ обвинять себя въ невѣрномъ пониманіи и употребленіи таинствъ. Подъ таинствомъ нужно разумѣть—литургію храмовую, т. е. всю храмовую службу со всѣми ея частями, которыя могутъ совершаться и внѣ храма.

3-е. Только признавъ поэзію **„опьяненіемъ“**, можно понять безуміе тѣхъ, которые упивались, восторгались, считая себя частью (орудіемъ) силы, носящей въ себѣ голодъ, язву и смерть, и не признавали себѣ подобныхъ въ помѣщикахъ, купцахъ, капиталистахъ, попахъ,— словомъ, въ тѣхъ, къ которымъ старались они возбудить ненависть, дѣлаясь орудіями обожаемой ими слѣпой силы. Легко понять это опьяненіе въ живописной Швейцаріи и прекрасной Италіи, но трудно понять, какъ не произошло отрезвленія въ суровой Россіи.

Внутренняя роспись храма.

Памятникъ Александру III-му, миротворцу,—„князю мира“, —по выраженію Стэда.

„Царь столько же сохранилъ жизней,
сколько Наполеонъ истребилъ ихъ“.

Памятникъ Миротворцу долженъ не только напоминать о мирѣ, но и пробуждать размышленіе о причинахъ **размирія** и о средствахъ возстановленія всеобщаго мира; а причины размирія такъ глубоки, такъ законны и справедливы, что примиреніе безъ воскрешенія, или не во имя воскрешенія, было бы преступленіемъ; мщеніе же не уменьшаетъ, а увеличиваетъ вину; но если Богу принадлежитъ отмщеніе, то людямъ остается воскрешеніе, какъ требованіе воли Божіей.

Тотчасъ по смерти поднимается вопросъ о памятникѣ: такова уже природа человѣческая,—она не мирится съ утратою и требуетъ возстановленія, потерявъ дѣйствительное, создаетъ подобіе, скрывая **по физической необходимости** умершаго подъ землею, возстановляетъ, выводитъ его изъ-подъ земли **по необходимости нравственной**, хотя и въ видѣ лишь изображенія, памятника. Въ смерти всякаго человѣка заключается требованіе возстановленія, какъ въ жизни каждаго заключается требованіе сохраненія ея, воспрещеніе отнятія жизни, отнятіе же ея производитъ законныя разъединенія;—и тѣмъ **все** это **паче** въ отношеніи стоящаго **въ отца и даже праотца мѣсто**, со времени вступленія на Урарту, на Памиръ-могилу предка всѣхъ разновидностей человѣческаго рода. Іудейство, магометанство, протестантство, словомъ – всякое **иконоборство** свидѣтельствуетъ лишь о недовольствѣ сыновъ человѣческихъ подобіемъ и заключаетъ въ себѣ требованіе дѣйствительности. Статуя,— самая первобытная форма памятника,—по своей малосодержательности недостаточна и для всякаго сына человѣческаго, (чѣмъ статуя живѣе, тѣмъ большее возбуждаетъ недовольство, какъ явный обманъ), и тѣмъ больше статуя недостаточна быть памятникомъ для отшедшаго къ отцамъ, къ Богу-отцовъ, если отшедшій стоялъ въ ихъ, **всѣхъ отцовъ-мѣсто**.

Чтобы не быть произвольнымъ въ выборѣ памятника, нужно общему представленію, составившемуся объ отшедшемъ, дать внѣшнее, наглядное выраженіе, художественный образъ.

Общій голосъ нарекъ Царя миротворцемъ, охраненіе мира признано

Его служеніемъ, т. е. признано, что онъ не любилъ (или ненавидѣлъ) истребленіе,—Россія же кромѣ того знала, что онъ любилъ возстановленіе истребленнаго и сохраненіе истребляемаго,—(разумѣемъ Его покровительство и собственное занятіе наукою Древностей Отечественныхъ, что и составляетъ долгъ стоящаго въ отцовъ-мѣсто),— а потому и памятникомъ нетерпѣвшему истребленія и возлюбившему возстановленіе можетъ служить лишь **храмъ-музей,** собирающій живущихъ для ихъ умиротворенія,—храмъ въ качествѣ музея (архитектурно-иконнаго возстановителя), вмѣщающій въ себѣ всѣ храмы христіанскіе въ типическихъ ихъ представителяхъ, съ тѣмъ глубоко нравственнымъ различіемъ, что храмы нераздѣльной церкви (до IX—XI вѣка) явятся въ видѣ алтарей,— главнаго и придѣловъ,— для молитвы и службы, какъ святая святыхъ, а храмы раздѣленной Церкви и Имперіи, молившіеся о соединеніи, будутъ помѣщены въ видѣ лишь изображеній на стѣнахъ, и при томъ **въ нижней полосѣ** въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, въ состояніи раздѣленія, на одной сторонѣ православные, страждущіе подъ игомъ Ислама (безъ колоколовъ, безъ крестовъ, безъ литій) и подъ игомъ католицизма, и только въ Восточной Руси освободившіеся отъ ига, какъ Ислама, такъ и католицизма, а на другой сторонѣ храмы торжествующаго католицизма; **въ верхней же полосѣ** эти храмы будутъ изображены въ ихъ будущемъ состояніи, возсоединенными чрезъ посредство школъ-храмовъ, посвященныхъ Животворящей Троицѣ, соединенными въ общемъ наблюденіи и регуляціи силы, носящей голодъ, язвы и смерть. Облачный слой надъ изображеніями храмовъ и Каразинскій (военный) аппаратъ (аэростатъ громоотводъ) можетъ представить это дѣйствіе. Среди изображеній храмовъ могутъ и должны быть помѣщены храмы и готическаго стиля, изъ стремленія къ небу забывшіе землю, ея бѣдствія и нужды, и храмы стиля возрожденія, забывавшіе небо, ради земли. Девизъ первыхъ memento mori, вторыхъ—memento vivere; это послѣднее подъ видомъ мнимаго омолаживанія, начинающагося снятіемъ бороды, скрываетъ дѣйствительное стареніе, а подъ видомъ мнимаго возрожденія скрываетъ дѣйствительное вырожденіе. Кто хочетъ понимать такъ называемую новую исторію, т. е. нашу нынѣшнюю жизнь, тотъ долженъ много подумать **объ этомъ невинномъ дѣлѣ,** какъ брадобритіе, объ этомъ первомъ шагѣ къ созданію косметики, къ обращенію всей промышленности въ средство къ сближенію половъ,—и **къ разъединенію**, къ борьбѣ, **однополыхъ**, къ борьбѣ и похоти, какъ конечной цѣли существованія, т. е. безцѣльности и безсмыслія. Памятникъ, проектъ котораго здѣсь предлагается, будетъ не мертвый, хотя и изъ бездушнаго камня построенный. Храмами всѣхъ стилей, всѣхъ вѣковъ **изображаемъ** прошедшія поколѣнія всѣхъ временъ, т. е. всѣхъ умершихъ отцовъ, въ коихъ **мѣсто** и стоялъ Миротворецъ для всѣхъ еще живущихъ сыновъ. Для Миротворца, стоявшаго въ отцовъ-мѣсто не можетъ быть болѣе полнаго изображенія, наилучшаго памятника, какъ собираніе, или объединеніе **живущихъ** въ памятникѣ **умершимъ.**

Главный алтарь миротворнаго храма долженъ быть въ видѣ храма Софіи, а придѣлы,—посвященные Кириллу и Меѳодію, этимъ послѣднимъ святымъ, общимъ Западной и Восточной церквамъ,—въ видѣ храмовъ въ старо-римскомъ и греческомъ стиляхъ. Храмы нераздѣльной Церкви и Имперіи возстановляются, оживаютъ, а храмы эпохи раздѣленія,—молившіеся о соединеніи,—умираютъ для жизни разъединенія, вражды, оставаясь въ изображеніяхъ, т. е. въ воспоминаніи,—какъ предупрежденіе отъ новаго паденія,—и возстаютъ для жизни соединенной, что и изображается, какъ сказано, въ верхней полосѣ, гдѣ показывается то время, когда при каждомъ храмѣ будетъ создаваться школа-церковь, посвященная Пресвятой, Нераздѣльной Троицѣ, т. е. это будетъ изображеніе, проектъ перваго юбилейнаго акта, имѣющій выразиться повсемѣстнымъ построеніемъ при всѣхъ церквахъ школъ храмовъ Живоначальной Троицы.

На сводѣ миротворнаго храма долженъ быть изображенъ глубочайшій миръ, само согласіе въ видѣ Пресвятой, Нераздѣльной и Несліянной Троицы во всѣхъ ея изводахъ, т. е. во всѣхъ попыткахъ выразить единство при сохраненіи личной самостоятельности: первый изводъ—Божественный совѣтъ о созданіи,—(по единомысленному совѣту),—не одного человѣка, а четы человѣческой,—по своему образу и подобію—для безгрѣшнаго рожденія; послѣдній же изводъ есть Совѣтъ о возсоединеніи Имперіи и Церкви...

Подъ именемъ **храмовъ**, возстановляемыхъ въ видѣ алтарей и изображеній, разумѣемъ **церкви**, т. е. тѣхъ, которые наполняли храмы и искали въ нихъ спасенія,—живущіе же, (собранные въ миротворномъ храмѣ), молятся за нихъ (нынѣ умершихъ) или у нихъ самихъ ходатайствуютъ о молитвѣ...

Въ верхней части галлереи, кругомъ храма, изображены—на одной стѣнѣ—святые нераздѣльной церкви, чтимые и Западной и Восточной церквами, а на другой стѣнѣ святые Восточной церкви, оплакивающіе раздѣленіе и молящіеся о соединеніи. Верхъ же галлереи,—на сводѣ,—приготовленъ,—въ видѣ незанятыхъ клеймъ, рамокъ, ореоловъ, для святыхъ будущей возсоединенной церкви. А если галлерея будетъ наполнена кромѣ того старинными иконами, вывезенными Севастьяновымъ съ Востока, и особенно иконами, принадлежавшими самому Царю, то галлерея эта и сама сдѣлается священнымъ храмомъ для старообрядцевъ.

Если подъ **храмами** Нераздѣльной Церкви и Нераздѣльной Имперіи нужно разумѣть **церкви**, т. е. тѣхъ, которые наполняли храмы, то молитва живущихъ будетъ ходатайствомъ передъ святыми о **всѣхъ** умершихъ. Галлерея же будетъ не подлинникомъ только, но и синодикомъ, изображаемымъ на нижней части стѣны; за изображенныхъ въ синодикѣ и молятся святые, молятся о всѣхъ и за вся, потому что раздѣленіе и отсутствіе единаго общаго дѣла и было причиною всѣхъ грѣховъ и преступленій. Въ нижней части, какъ сказано, изображается синодикъ, или историческіе грѣхи,—**самый большой послѣ двухъ хамитизмовъ**,—хамитизма,

какъ нарушеніе воли Отца Небеснаго (потерянный рай) и хамитизма, какъ оскорбленіе отца земного (каинизмъ или окаянство),—**раздѣленіе Имперій, а за нимъ раздѣленіе Церкви,** т. е. освященіе раздѣленія Имперій, и затѣмъ стремленіе Западной Церкви къ порабощенію себѣ Восточной. (Раздѣленіе церквей отразилось и въ трехъ Императорахъ, не составляющихъ одного, при чемъ Католическій и Протестантскій могутъ быть лишь антиимператорами или узурпаторами. Протестантизмъ уравнялся съ католицизмомъ, когда протестантскій король былъ признанъ Императоромъ)... На той сторонѣ галлереи, гдѣ изображены святые Восточной православной церкви, подъ ихъ образами, изображается исполненіе Божественнаго Совѣта о соединеніи Имперій и Церквей, выражающееся перенесеніемъ регалій изъ осужденнаго на завоеваніе 2-го Рима въ предназначенный къ возрастанію подъ покровомъ Троице-Сергіевской Лавры 3-й Римъ.

Константинъ Мономахъ и Владиміръ Мономахъ перенесли регаліи на сѣверъ. Значеніе этого перенесенія заключается въ томъ, что регаліи были перенесены изъ города, изъ 2-го Рима, обреченнаго на гибель или отъ Папизма, или отъ Исламизма,—а вѣрнѣе отъ того и другого вмѣстѣ,—перенесены на сѣверъ, чтобы придать тому мѣсту, гдѣ они водворятся, значеніе 3-го Рима,—(по паденіи, конечно, 2-го),—т. е значеніе новаго объединенія, самаго глубокаго, такъ какъ 4-му Риму не быть,—значеніе царства Божія,—и потому на Западной сторонѣ, гдѣ писалась обыкновенно картина Страшнаго Суда, должно быть изображено паденіе послѣднихъ двухъ препятствій къ осуществленію Царства Божія: замѣна **бездѣйствія**, покоя или субботы, **дѣломъ**, воскрешеніемъ,—(въ видѣ воскрешенія Лазаря, и эта замѣна относится не только къ Іудейству, но и къ Буддизму),—и паденіе религіи **Меча,** который долженъ быть **вложенъ въ ножны,** т. е. не употребляться противъ себѣ подобныхъ, такъ какъ не можетъ быть ключемъ рая, **мечъ—ключъ не рая, но ада.**

Такимъ образомъ внутренняя роспись Музея храма, посвященнаго миру и согласію (Пресвятой Троицѣ), представитъ планъ соединенія церквей, основанный на примиреніи Имперій въ дѣлѣ обезоруженія Ислама,—планъ умиротворенія степи (кочевья), чрезъ превращеніе городской воинской повинности въ сельскую, съ чѣмъ связано и превращеніе денежнаго хозяйства въ натуральное, т. е. **обезоруженіе Евреевъ.** Какъ у Ислама мечъ, такъ у Евреевъ деньги есть орудіе ихъ господства; но не отнимать у нихъ это орудіе мѣны, вражды, невѣжества, а должно замѣнить его просвѣщеніемъ;—это и будетъ достигнуто соединеніемъ церквей, на примиреніи Имперій основанномъ, на примиреніи въ дѣлѣ обращенія городской воинской повинности въ сельскую, т. е. въ дѣлѣ обращенія орудія войны въ средство спасенія отъ голода,—въ орудіе регуляціи; обращеніе орудія войны (меча) въ орудіе спасенія отъ смерти и будетъ обезоруженіемъ Ислама, а такое обращеніе возможно лишь тогда, когда **всѣ** будутъ обращаемы въ познающихъ и **все**—въ предметъ знанія, т. е. при всеобщемъ просвѣщеніи, которое и въ дѣлѣ обмѣна устранитъ необходимость денежныхъ

знаковъ, этого орудія невѣжества, вносящаго вражду и ведущаго къ господству.. Иконописнымъ изображеніемъ двойного обезоруженія можетъ служить,—**для перваго,** повелѣніе Христа—**„вложить мечъ въ ножны“,** повелѣніе заключающее въ себѣ заповѣдь, обращенную ко всѣмъ народамъ о всеобщемъ прекращеніи войнъ. Хотя Воскреситель и повелѣлъ вложить мечъ въ ножны, хотя христіанство и признало войну зломъ, но прекращеніе войнъ не поставило своею задачею, и Папство, считающее себя преемникомъ апостола Петра, къ которому именно и было обращено повелѣніе—**вложить мечъ,** не считало грѣхомъ обнажать его, Магометъ же прямо призналъ **мечъ ключемъ рая;** и мечъ остался силою, такъ что является вопросъ, въ чемъ заключается его сила и какъ она можетъ быть устранена; это и есть одинъ изъ вопросовъ практическаго, дѣятельнаго или, такъ называемаго нынѣ, нравственнаго Богословія, т. е. проекта осуществленія Царства Божія въ мірѣ. Обезоруженіе же Евреевъ можетъ быть представлено изгнаніемъ изъ храма мѣнялъ, банкировъ, родоначальниковъ нынѣшнихъ Ротшильдовъ, милліонеровъ и билліардеровъ. Низверженныя деньги выказали, однако, страшную силу, соблазнивъ даже одного изъ ближайшихъ учениковъ Христа; страданіе и смерть Спасителя, т. е. Воскресителя, есть лишь послѣдствіе соблазна, произведеннаго силою денегъ, а потому и возбуждаетъ вопросъ, въ **чемъ эта сила** и какъ она можетъ быть устранена; это второй вопросъ нравственнаго практическаго Богословія. Деньги—замѣна внутренняго, на взаимномъ знаніи основаннаго общенія, соединеніемъ внѣшнимъ, на невѣжествѣ или скрытности основанномъ.

Съ паденіемъ второго Рима вновь возстало язычество, непобѣжденное въ дѣйствительности ни во внѣ, ни внутри, и вступило въ союзъ съ Іудействомъ и Магометанствомъ; т. е. Западъ, обрившись (помолодившись), принявъ девизомъ memento vivere, почувствовалъ необходимость въ деньгахъ и призналъ войну благомъ; а пока будетъ существовать необходимость въ денежныхъ знакахъ и въ оружіи, до тѣхъ поръ будутъ существовать и Іудейство, и Магометанство. Не прекратится и Господство Зевса, Перуна, пока будутъ метеорическіе погромы; пока будутъ господствовать плутоническія и нептуническія силы, а бритые будутъ плясать на могилахъ жертвъ этихъ погромовъ, до тѣхъ поръ будетъ существовать, царствовать язычество, паганизмъ. Это-то язычество, союзное Іудаизму и Исламу, и прикрываясь лишь христіанствомъ, которое признали только догматомъ, мыслью, а не дѣломъ,—и сдѣлало С.-Петербургъ своимъ орудіемъ. Упадокъ С.-Петербурга будетъ возстановленіемъ Москвы и ея руководителя Преподобнаго Сергія, т. е. будетъ возстановленіемъ Москвы, какъ дѣла: Музей-храмъ Пресвятой Живоначальной Троицы, вмѣстивъ въ себѣ, въ изображеніяхъ, храмы всѣхъ стилей, храмы одушевленные, и иконы всѣхъ пошибовъ, требуетъ внѣхрамового дѣла, которое и изображается на наружныхъ стѣнахъ храма...

Вникнувъ, признавъ силу причинъ, производящихъ рознь въ религіи,

и понявъ всю трудность устраненія ихъ, легко видѣть не легкомысліе **только**, а всю фальшъ и ложь,—прикрытую изумительнымъ самовосхваленіемъ,—парламента религій, члены котораго въ своихъ комфортабельныхъ путешествіяхъ видятъ подвигъ, а не partie de plaisir.... Парламентъ религій въ Чикаго,—это игра въ примиреніе, комедія примиренія религій, явно свидѣтельствующая о несовершеннолѣтіи; этотъ парламентъ не издалъ ни одного акта, и этимъ **лишь** засвидѣтельствовалъ, что въ душахъ членовъ его несовершенно еще угасло чувство религіи. И почему въ этомъ собраніи людей разныхъ (якобы) вѣръ, на короткое время сошедшихся, видятъ чтото небывалое?.. У насъ чуть не въ каждомъ уѣздномъ городишкѣ живутъ вмѣстѣ и католикъ-французъ, протестантъ-нѣмецъ, татаринъ-магометанинъ, еврей и калмыкъ-буддистъ; и живутъ несравненно мирнѣе, чѣмъ встрѣтились на короткое время собравшіеяся въ Чикаго; даже въ привѣтствіяхъ при открытіи Чикагскаго парламента религій цѣлое море вражды... Представителямъ различныхъ религій нужно было или **молчать** или притворяться не слышащими; третьимъ же исходомъ представлялась **фраза**, т. е. много говорить и ничего не сказать.. И не нашлось ни одного искренняго человѣка, который бы показалъ всю фальшъ этого собора, притворяющагося мирнымъ. Если представить всѣхъ членовъ собора **профессорами сравнительной религіи**, тогда, конечно, это будетъ не соборъ религій, а съѣздъ ученыхъ, это будетъ отрицаніе религіи, которая есть дѣло, или вѣра, въ дѣлѣ общемъ выражающаяся. А между тѣмъ, всѣ эти представители религій, мирясь съ различіемъ вѣрованій, признаютъ единство въ частныхъ дѣлахъ благочестивой жизни («дѣлаяй правду пріятенъ ему есть». Дѣян. X, 35). Вотъ до какого жалкаго ничтожества низведена религія. Возраженіе, что парламентъ въ Чикаго есть сближеніе не въ жизни, а на религіозной почвѣ, не было бы вѣрно, если бы мѣстомъ собранія былъ даже храмъ съ какимъ-либо выраженіемъ единства, (хотя есть религіи, отвергающія храмъ, отвергающія даже слово для своего выраженія), ибо истинная религія должна выражаться во всемъ безъ исключенія, устраняя все, что не способно для ея выраженія. Отъ соединенія ни **въ чемъ**, какъ это есть, до соединенія **во всемъ**, какъ это должно быть,—вотъ что указываетъ на пустоту этого парламента.

Парламентъ религій, или мнимое ихъ примиреніе, есть полная противоположность плану дѣйствительнаго примиренія, плану примиренія въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, который изображенъ въ храмѣ-музеѣ, какъ памятникѣ міра,—полная противоположность плану примиренія, на разрѣшеніи вопроса о глубокихъ причинахъ небратства и о средствахъ возстановленія братства основанному, такъ какъ примиреніе, которое нашло свое выраженіе въ Чикагскомъ парламентѣ религій основано, очевидно, на признаніи **безпричинности небратства**, и потому въ этомъ парламентѣ не было примиренія даже на словахъ. Наглядным выраженіемъ парламента религій могла бы быть роспись Шенаваромъ Пантеона (неисполненная), могъ бы быть созданъ этимъ парламентомъ и свой пантеонъ; изъ рефератовъ же, присланныхъ въ выставки, можно и должно было составить библіоте-

ку; – такихъ рефератовъ были тысячи, а прочитано изъ нихъ только 159. Въ самомъ названіи этого съѣзда парламентомъ религій, первое слово можетъ считаться вѣрнымъ, потому что въ этомъ съѣздѣ ничего, кромѣ разговоровъ, не было, да и быть не могло; но присоединеніе къ этому названію слова—«религій»—совершенно не вѣрно, потому что тутъ или не было ни одной религіи, или же только одна—языческая, (т. е. гуманизмъ съ деизмомъ, или гуманизмъ съ атеизмомъ-буддизмомъ—, парламентъ представлялъ философію религій, которая ни одну религію не считаетъ истинною, подобно тому, какъ въ Римской Имперіи, за исключеніемъ Іудейства, а потомъ и Христіанства, была одна религія, религія язычниковъ, которые взаимно признавали всѣхъ боговъ, признали бы Іегову и Христа, если бы только Іудеи и Христіане согласились съ своей стороны служить и ихъ богамъ.

Благо, въ которое вѣрили эти единовѣрцы изъ всѣхъ религій,—т. е. язычники,—было то, которое представляла выставка; и всѣ религіи оцѣнивались по содѣйствію, которое онѣ оказывали созданію этого блага, блага, выраженнаго выставкою; т. е. истинность религіи оцѣнивалась потому, по скольку та или другая изъ нихъ содѣйствовала цивилизаціи, или культурѣ, высшая ступень которой, ступень, которой она достигла къ данному моменту, т. е. къ 1893 году, была представлена выставкою. (Примѣч. 1-е).

Если уже выставка есть **„ложь“**, то выставка религій есть верхъ лжи, вѣнецъ фальши.—(Никогда не произносились такъ часто слова **братство** и **любовь**, какъ въ XIX вѣкѣ, вѣкѣ наибольшей ненависти). Комитетъ выставки приглашалъ представителей всѣхъ религій оказать содѣйствіе, чтобы на выставкѣ 1893 года **явить** міру **религіозное согласіе и единеніе, существующее между людьми** (?!), приглашалъ, слѣдовательно, сыграть комедію примиренія религій; и эта комедія есть завершеніе 4-хъ вѣковаго маскарада (такъ называемой Новой исторіи) послѣ десяти вѣковаго поста, или аскетизма (такъ называемой Средней Исторіи), т. е. отрицательнаго дѣла... Максъ Мюллеръ, восторгаясь Чикагскимъ соборомъ, не находитъ ему прецедентовъ во всей всемірной исторіи: соборъ Асоки былъ лишь Буддійскимъ, соборъ Константина исключилъ даже преверженцевъ Арія, Великій Моголъ-Акбаръ, разубѣдившись въ Исламѣ, хотѣлъ собрать послѣдователей всѣхъ религій: отозвались христіане, евреи, отказались брамины и парсы... Максу Мюллеру, неизвѣстно, конечно, что подобный же соборъ предшествовалъ принятію христіанства Владимиромъ...

На юбилейной выставкѣ XIX-го вѣка необходимъ второй съѣздъ, или парламентъ религій, на которомъ мнимые представители народныхъ религій могли бы прочитать разборъ перваго парламента, и не только признать несостоятельность этого парламента, но и фальшъ, и ложь его...

Народы,—представителями которыхъ считаютъ себя эти мнимые делегаты,—**вездѣ и всегда имѣли одну религію** (это культъ предковъ),—и потому народы нуждаются не **въ примиреніи, а въ объединеніи въ одномъ, общемъ дѣлѣ.** Но такое объединеніе не можетъ состояться, пока

ученые его представители довольствуются парламентомъ религій, т. е. примиреніемъ лишь на словахъ. Потому-то чикагскій парламентъ и оставилъ послѣ себя только сборникъ рѣчей и никакого вещественнаго памятника, каковымъ могъ бы быть храмъ, въ которомъ былъ бы отведенъ уголокъ каждой изъ религій, представленныхъ на конгрессѣ, и каждая въ своемъ уголкѣ могла бы поставить алтарь по своему вкусу. Кардиналъ Джибсонъ, (благодаря отсутствію на конгрессѣ представителя азіатскаго папы—Далай-Ламы),—конечно, поспѣшилъ бы занять первое мѣсто, или центральное, въ этомъ храмѣ. Если бы могло осуществиться это предпріятіе, то оно было бы лишь повтореніемъ того, что уже было въ концѣ древняго міра, воздвигшаго Пантеонъ, т. е храмъ богамъ всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Римской Имперіи, собранныхъ для противодѣйствія зарождавшемуся христіанству; и это, конечно, былъ бы не храмъ, а музей въ смыслѣ хранилища памятниковъ отжившихъ вѣрованій. Но если бы даже между всѣми собравшимися въ Чикаго мнимыми представителями различныхъ религій установилось полное соглашеніе, то такое соглашеніе не было бы **примиреніемъ религій**, а означало бы лишь появленіе новой секты и при томъ очень малой.

Храмъ-музей, какъ памятникъ миротворца, посвященный Пресвятой Троицѣ и служащій нагляднымъ выраженіемъ проекта примиренія всѣхъ религій,—есть начало примиренія духовнаго и свѣтскаго

Статья о **„соборѣ“**, написанная за долго до появленія самой мысли о **„парламентѣ религій“**, заключаетъ въ себѣ, однако, не только полное опроверженіе этой мысли, т. е. мысли о парламентѣ религій, какъ средствѣ примиренія религій, но даже показываетъ, что парламентъ есть самое **полное выраженіе разложенія религій**,—если бы только устроители его рѣшились быть послѣдовательными, т. е. сдѣлали бы его дѣйствительно парламентомъ, въ коемъ религіи,—(раздѣленныя на партіи: центръ, правая, лѣвая, крайняя правая и крайняя лѣвая),—вступили бы въ ожесточенныя пренія. Запретивъ пренія, парламентъ осудилъ себя на безплодность. Оставивъ много рѣчей, рефератовъ, преимущественно англо-американскихъ, парламентъ не оставилъ ни одного акта, ни одного рѣшенія; - для чего онъ собирался?!. Парламентъ безъ преній тоже, что храмъ безъ пѣнія, или точнѣе—безъ отпѣванія, т. е. первый будетъ безжизненнымъ, а второй, храмъ, не будетъ оживляющимъ. Но если парламентъ безъ преній безжизненъ, то парламентъ съ преніями убійственъ... Парламентъ никогда не занимался вопросомъ о причинахъ существованія въ немъ партій, **ибо безъ партій нѣтъ парламента, партіи—его сущность**. Какъ только парламентъ войдетъ въ вопросъ о причинахъ существованія различныхъ религій, онъ перестанетъ быть парламентомъ и обратится въ соборъ, соборъ не догматическій или каноническій, т. е. частныхъ правилъ, а одного общаго правила для всѣхъ, для выработки проекта осуществленія **чаемаго;** или же парламентъ обратится тогда только въ ученый, научный съѣздъ, если ограничится знаніемъ причинъ и откажется отъ дѣйствія, хотя въ зна-

ніи причинъ заключается и указаніе на средства осуществленія, если только знаніе это не искусственное ..

Итакъ, наука о религіяхъ, изслѣдованіе ихъ, тогда только достигнетъ полноты, когда будетъ изучать религію въ связи съ самымъ бытомъ народа. Когда же это положеніе (о связи религіи съ бытомъ) будетъ признано вѣрнымъ, такое признаніе будетъ требованіемъ собора какъ тѣхъ, которые изучаютъ религіи, такъ и тѣхъ, которые изучаютъ бытъ, т. е. всѣхъ изучающихъ человѣка и общество. А если соборъ будетъ имѣть въ виду не изученіе только причинъ раздора, но и самое примиреніе, то явится необходимость присутствія на соборѣ и естествознанія.. Такимъ образомъ, вселенскій соборъ будетъ собраніемъ представителей всѣхъ спеціальныхъ знаній,—науки, будетъ соединеніемъ двухъ съѣздовъ,—историко-археологическаго и естественно-научнаго, ученыхъ свѣтскихъ и духовныхъ, имѣя во главѣ **стоящаго въ праотца-мѣсто** для объединенія всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы природы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, такое объединеніе со стороны стоящаго въ отцовъ и праотца мѣсто и будетъ истиннымъ миротворческимъ актомъ, надлежащимъ памятникомъ Царю Миротворцу со стороны его преемниковъ.

Примѣчанія.

1-е Не признавать вѣрнымъ опредѣленіе культуры, какъ **вымиранія и вырожденія,** можно только по недоразумѣнію и недомыслію. Культура есть произведеніе эпохи, которая отказалась отъ безсмертной жизни, слѣдовательно не признавала зла въ умираніи личномъ и въ вымираніи родовомъ. Она хотѣла жить, наслаждаться жизнью, издерживать капиталъ, а не создавать и не возсоздавать его. Кто хочетъ утонченной, интенсивной жизни, тотъ не долженъ жаловаться на скоротечность; даже, вообще, кто не ставитъ цѣлью жизни трудъ, и даже именно трудъ возсозиданія, тотъ не имѣетъ права жаловаться на смерть. Только аристократическая привычка **жить даровымъ** можетъ требовать безсмертія прирожденнаго, по праву рожденія, а не какъ результатъ труда.

Если признать культуру вымираніемъ, то нѣтъ основанія удивляться, что цѣлью жизни будетъ **спасеніе отъ культуры,** губительной для жизни человѣка и для природы внѣшней, насколько человѣкъ имѣетъ на нее вліянія. Культурность выражается въ самоистребленіи, во взаимостребленіи, въ истощеніи силы природы, и прогрессомъ будетъ въ этомъ случаѣ такое улучшеніе, которое вынуждаетъ сперва признать смерть не зломъ, а потомъ даже добромъ, спасеніемъ отъ культуры и прогресса.

Нарушеніе законовъ слѣпой природы есть законъ природы человѣческой. Слѣпое повиновеніе природѣ есть преступленіе со стороны человѣка. Только надо различать противоестественное отъ сверхъестественнаго - въ матеріальномъ, а не мистическомъ смыслѣ.

Противорѣчіе между человѣкомъ и слѣпой природой исчезнетъ только тогда, когда человѣкъ станетъ разумомъ и волей природы.

Самое существованіе человѣка есть постоянное нарушеніе законовъ нечеловѣческой, **безчеловѣчной** природы. Вертикальное положеніе есть нарушеніе, востаніе противъ коренного закона всемірнаго тяготѣнія. Вся архитектура есть болѣе или менѣе смѣлое противодѣйствіе міровой силѣ всеобщаго паденія, (но противодѣйствіе не совокупною силою всѣхъ людей). Если всѣ знанія можно соединить въ астрономіи, наукѣ о всемъ мірѣ, не исключая изъ него и человѣка, то всѣ искусства можно соединить въ архитектурѣ. Въ этомъ всеобъемлющемъ искусствѣ проявляется **невольно** то, чѣмъ человѣкъ долженъ быть **вольно,—быть волею въ мірѣ неволи** (природы).

Вся медицина есть также постоянная, повсемѣстная борьба, противодѣйствіе разрушительной силѣ бездушной природы, но противодѣйствіе врознь. Нужно все бездушіе ученаго, чтобы сказать, что чудо есть нарушеніе **порядка** въ природѣ. Если бы эти нравственные тупицы назвали чудо **мнимымъ**, не дѣйствительнымъ возстановленіемъ порядка, (ибо воскрешенный Лазарь все же умеръ, всѣ исцѣленные тоже умерли, а слѣдовательно болѣли), то такое опредѣленіе чуда показывало бы, что и въ наши дни и даже въ ученыхъ не совершенно еще исчезло человѣческое чувство, человѣческій смыслъ.

ДВА ЮБИЛЕЯ,

— духовный юбилей преподобнаго Сергія и юбилей свѣтскій В. Н. Каразина, — какъ два начальныхъ способа дѣйствія для осуществленія сынами человѣческими всеотеческаго дѣла. Приготовленіе къ этимъ юбилеямъ требуетъ совокупныхъ усилій со стороны духовныхъ и свѣтскихъ.

1. Вопросъ о Каразинской Метеорологической станціи въ Москвѣ (Наука и жизнь 1893 г. № 44), или Центральный Музей, какъ образецъ мѣстныхъ музеевъ-школъ. (Приложеніе 1-е).

2. Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину (Наука и Жизнь 1894 г. № 15—16), или планъ повсемѣстнаго построенія школъ по образцу Центральнаго музея, имѣющихъ цѣлью не просвѣщеніе только, но и расширеніе самаго знанія. (Приложеніе 2-е).

3. Предисловіе къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ **„во избавленіе отъ смертоносныя язвы“**, («Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Московскомъ Университетѣ» 1893 г. т. 166-й),—т. е. Юбилей преподобнаго Сергія, или способъ, коимъ самъ народъ можетъ повсемѣстно создать себѣ храмы-школы, посвященные образцу единодушія и согласія. Пресвятой Троицѣ,—храмы-школы, которые будутъ имѣть и образовательное и воспитательно значеніе. (Приложеніе 3-е) и

4. Записка о доставленіи свѣдѣній, касающихся обыденныхъ церквей и жизни преподобнаго Сергія Радонежскаго, съ письмомъ, при которомъ эта записка разослана во всѣ Архивныя Комиссіи и редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей;—или что сдѣлано и нужно еще сдѣлать для осуществленія двухъ юбилейныхъ проектовъ?

Статья **„Къ вопросу о памятникѣ Каразину“**, на которую было указано въ Новомъ времени и Русскихъ Вѣдомостяхъ (1894 г. №№ 124 и 169), сама ссылается на статью, напечатанную въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс., о которой не было упомянуто ни въ той, ни въ другой газетѣ; а между тѣмъ обѣ эти статьи взаимно объясняютъ и пополняютъ одна другую, и какъ ни важно содержаніе каждой изъ нихъ само по себѣ,—въ совокупности онѣ получаютъ еще высшее значеніе. Одна изъ этихъ статей говоритъ о юбилейномъ праздникѣ преп. Сергія, а другая—о свѣтскомъ юбилейномъ празднованіи памяти В. Н. Каразина, и при томъ какъ та, такъ и другая статьи самыя праздники превращаютъ въ трудъ, въ совокупную работу, но въ трудъ не будничный, не въ прозаическую работу.

Первый юбилей, имѣющій быть въ 1922 году, долженъ ознаменоваться построеніемъ храмовъ-школъ,—которые и теперь сооружаются кое-гдѣ,—построеніемъ ихъ при взаимной помощи вездѣ и всѣми, какъ дѣломъ религіознымъ и священнымъ всей Россіи,—дѣломъ, имѣющимъ цѣлью всеобщее объединеніе. Имѣя же цѣлью всеобщее объединеніе, нельзя ограничиться построеніемъ лишь одного или только нѣсколькихъ (даже многихъ) школъ-храмовъ, посвященныхъ образцу всеобщаго согласія, ибо построеніе только нѣсколькихъ, безъ построенія такихъ же школъ храмовъ **вездѣ,** или безъ предположенія, по крайней мѣрѣ, повсемѣстнаго ихъ построенія, и при томъ не въ неопредѣленномъ будущемъ, а къ опредѣленному сроку, —не имѣло бы значенія. Второй юбилей, юбилей 1942 г, долженъ ознаменоваться внесеніемъ въ школы, открытыя именно повсемѣстно, разносторонних наблюденій, обнимающихъ не землю только, но и небо, которое, по словамъ крестьянъ, кормитъ землю, т. е насъ и всѣхъ земнородныхъ. Эти наблюденія надъ небомъ и землею составляютъ необходимую основу нагляднаго преподаванія и безъ нихъ самый предметъ преподаванія былъ бы предоставленъ случайному выбору наставниковъ. Сказать, что **„отъ такой постановки дѣла должно выиграть и самое преподаваніе“,** —значитъ сказать очень мало;—только отъ соединенія нагляднаго преподаванія съ наблюденіями, только со времени принятія учениками участія въ наблюденіяхъ, и начнется надлежащее преподаваніе; безъ этого же нѣтъ и не будетъ одного общаго предмета преподаванія, а останется всегда ихъ множество, и выборъ того или другого будетъ предоставленъ произволу, или капризу, учителя. Только соединеніе нагляднаго преподаванія съ наблюденіемъ рѣшаетъ вопросъ,—какъ и чему учить въ сельской школѣ; безъ рѣшенія же этого вопроса нѣтъ школы. Песталоцци и Гумбольдтъ подаютъ другъ другу руку, т. е. естествоиспытатели приходятъ на помощь къ педагогамъ, и къ вѣрному методу присоединяется необходимое, самою природою мѣстности данное содержаніе преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ при такихъ только наблюденіяхъ,—получающихъ надлежащее значеніе только при ихъ **повсемѣстности, постоянствѣ и всеобщности,** наука дѣлалась бы выводомъ не изъ **кое-гдѣ и кое-кѣмъ** производимыхъ наблюденій, наука дѣлалась бы выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ **всѣми, всегда и вездѣ,** какъ это говорится въ эпиграфѣ къ статьѣ о памятникѣ Каразину; т. е. индуктивное возвышалось бы до дедуктивнаго, апостеріорное до апріорнаго. Въ статьѣ о Каразинской метеорологической станціи указывается самый образецъ школъ, въ которыхъ обученіе соединяется съ расширеніемъ самого знанія. Центральный музей и долженъ быть такимъ образцемъ, и для этого онъ долженъ быть не хранилищемъ только останковъ прошедшаго, но и учрежденіемъ, въ которомъ наблюдается текущее. Соединеніе учрежденія, въ которомъ наблюдается текущее, съ хранилищемъ прошедшаго, составляетъ необходимость для наблюденій текущаго, потому что наблюденіе текущаго безъ знанія прошедшаго не имѣло бы смысла, такъ какъ не показывало бы послѣдовательности, движенія, хода, не от-

крывало бы причины, или закона явленій. Соединеніе учрежденій для наблюденій текущаго съ хранилищами останковъ прошедшаго, — музеями, архивами,—необходимое для первыхъ, также необходимо и для послѣднихъ, потому что первымъ дается при такомъ соединеніи смыслъ, а во вторыя будетъ вносима жизнь,—наблюденія текущаго послужатъ къ возстановленію протекшаго.

Нужно замѣтить, что сама книга или собраніе книгъ,— библіотека, которая всегда полагается въ основу музея, есть лишь запись наблюденій **всего**, что дѣлается, происходитъ на небѣ (въ смыслѣ матеріальномъ и нематеріальномъ) и на землѣ, есть запись опытовъ, т. е. искусственнаго повторенія, или воспроизведенія, также **всего**, совершающагося на небѣ и на землѣ,—запись наблюденій и опытовъ, различнымъ образомъ (мыслью и воображеніемъ) переработанныхъ. Въ этомъ—полное опредѣленіе книги, имъ исчерпывается содержаніе всякой книги, потому что содержаніе книгъ заключаетъ въ себѣ, и не можетъ заключать ничего другого, кромѣ изображенія міра (природа и человѣкъ) и внѣмірнаго (божество), какъ они даются наблюденіемъ и вѣрою, и какимъ міръ долженъ быть,—вмѣстѣ съ указаніемъ того, какъ, какими средствами, способами, онъ (весь міръ) можетъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, т. е. такимъ,— когда внѣмірное (миръ) сдѣлается принадлежностью и самого **міра** —Въ этомъ содержаніе даже будущей книги.

Если разсматривать предисловіе къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ безъ связи съ вышеозначенными статьями о Каразинѣ въ журналѣ «Наука и Жизнь», то было бы совсѣмъ непонятно, какъ школы-храмы,—возможный плодъ единодушія и согласія, высокаго нравственнаго подъема,—какъ эти школы-храмы могутъ быть въ то же время и плодомъ **„знанія и искусства всей Россіи“**; если же разсматривать статьи о Каразинѣ, какъ продолженіе предисловія къ сказанію о построеніи обыденнаго храма, говорящаго о юбилейныхъ храмахъ преподобнаго Сергія, повсемѣстно воздвигаемыхъ,—въ такомъ случаѣ сдѣлается понятнымъ, что только соединеніемъ всѣхъ ученыхъ и художественныхъ силъ Россіи возможно будетъ повсемѣстное устройство школъ-храмовъ, вносящихъ разностороннія, т. е. всестороннія, наблюденія; только при соединеніи всѣхъ ученыхъ и художественныхъ силъ Россіи будетъ возможно повсемѣстное устройство такихъ школъ-храмовъ, которые будутъ всенаучными музеями въ маломъ, конечно, видѣ, съ обсерваторіями и геологическими (вертикальными) разрѣзами,—какъ они описаны въ статьѣ о Каразинской метеорологической станціи,—съ каменными картами, или горизонтальнымъ очертаніемъ Россіи (необходимымъ дополненіемъ вертикальнаго разрѣза),— о которомъ въ статьѣ о Каразинской метеорологической станціи почему-то не упомянуто. Въ каменныя карты должны быть обращены самые дворы музеевъ, или площадки, ихъ окружающія, къ нимъ прилегающія. Эти дворы при музеяхъ, при школахъ-храмахъ, должны быть обращены въ карты Россіи, начертанныя разноцвѣтными камнями, вездѣ по оврагамъ и бе-

регамъ ручьевъ и рѣчекъ во множествѣ находимыми, въ карты, покрытыя на сѣверной сторонѣ—мхами, лишаями, а на полуденной—степными травами и т. п. При этомъ нельзя не замѣтить, что такая карта создавалась бы самими учениками подъ руководствомъ учителя, и не кѣмъ-либо однимъ или нѣсколькими,—не въ отдѣльности каждымъ,—по нынѣшнему индивидуалистическому способу, всюду вносящему рознь,—а всѣми вмѣстѣ, въ совокупности. Устройство же геологическихъ разрѣзовъ потребовало бы содѣйствія и другихъ школъ, даже очень отдаленныхъ, такъ что этотъ разрѣзъ въ каждой школѣ былъ бы произведеніемъ всероссійскимъ. Понятно, что для созданія такихъ школъ-музеевъ требуется соединеніе въ этомъ общемъ дѣлѣ всѣхъ ученыхъ силъ Россіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Какъ ни великъ нравственный подвигъ народа, создающаго школу-храмъ, посвященный образцу единодушія, но и дѣло интеллигенціи въ нравственномъ отношеніи будетъ также велико,—оно будетъ имѣть цѣлью расширить, поднять, довести науку до выводовъ изъ наблюденій **всеобщихъ**, будетъ имѣть цѣлью **всѣмъ** дать участіе въ знаніи, **всѣхъ** сдѣлать познающими, и **все** сдѣлать предметомъ знанія, **примирить эмпиризмъ съ идеализмомъ**, Бакона съ Лейбницомъ, уничтожить противорѣчія двухъ разумовъ Канта, соединить ученыхъ съ неучеными,—(ибо раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ—зло большее, чѣмъ дѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, такъ какъ первое есть корень послѣдняго), соединить ихъ не въ кабинетномъ опытѣ, а въ управленіи, регуляціи, метеорическими явленіями, этомъ небесномъ опытѣ. Дать же участіе всѣмъ въ такомъ знаніи, въ такомъ великомъ опытѣ, несравненно выше въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ дать участіе всѣмъ въ комфортѣ; а, между тѣмъ, и въ этомъ послѣднемъ нашъ вѣкъ видитъ такой высокій идеалъ, что едва вѣритъ въ возможность его осуществленія. Чрезъ наблюденія въ такихъ, какъ вышеописанные, школахъ-храмахъ, производимыя **всѣми, постоянно и вездѣ**,—и совершится объединеніе не въ познаніи лишь, но и въ воздѣйствіи на ту силу, которая, какъ говорится въ статьѣ о памятникѣ Каразину, казнитъ смертью (т. е. голодомъ и эпидеміями) за невѣжество, т. е. за невѣдѣніе слѣпыхъ силъ, производящихъ голодъ и эпидеміи, за неумѣніе управлять ими, слѣпыми силами.

Статья о юбилеѣ преподобнаго Сергія начинается указаніемъ на обыденные храмы, созидаемые **во избавленіе отъ голода и язвы**; статья же о юбилеѣ Каразину начинается указаніемъ на **орудіе регуляціи**, какъ на **средство противъ голода**, которое можетъ быть употреблено, конечно, и противъ микробоносныхъ токовъ, или **повѣтрій**. Храмъ молитвы дѣлается и школою труда, труда совокупнаго, труда знанія и общаго дѣла,—обыденные храмы являются плодомъ единодушія и согласія,—хотя и кратковременнаго,—а орудіе регуляціи Каразина только при единодушіи и становится могучимъ средствомъ спасенія отъ общихъ, естественныхъ бѣдствій, обращая вмѣстѣ съ тѣмъ кратковременное согласіе и единодушіе въ постоянное. При этомъ орудіи регуляціи метеорологія, или—вообще—есте-

ственныя науки, ставятъ себѣ цѣлью обезпечить насущный хлѣбъ всѣмъ, а не производство предметовъ роскоши для немногихъ, и тѣмъ менѣе производство истребительныхъ орудій, употребляемыхъ для войны не только внѣшней, но и внутренней,—на производство чего, къ сожалѣнію, и обречена нынѣшняя наука.

Освободившись отъ фабричной службы, **наука станетъ сближаться съ религіею**; указаніе на это сближеніе, какъ необходимое слѣдствіе освобожденія науки отъ нынѣшняго ея рабства, и вытекаетъ изъ сопоставленія вышеозначенныхъ двухъ статей.

Сколько мы знаемъ, нигдѣ никогда не придавалось такого серьезнаго значенія просвѣщенію, знанію, какъ въ небольшой статейкѣ о памятникѣ Каразину. Обыкновенно говорятъ о пользѣ просвѣщенія, науки, знанія, объ его вліяніи на улучшеніе матеріальнаго положенія, умственнаго и нравственнаго состоянія общества:—въ этой же статейкѣ сказано, что природа казнитъ смертью за невѣжество, налагаетъ за него, какъ за самое тяжкое уголовное преступленіе, какъ за величайшій грѣхъ, самую высшую мѣру наказанія, наказаніе, можно сказать, безмѣрное; т. е. здѣсь говорится уже не о пользѣ просвѣщенія, не объ его лишь вліяніи, а ставится самое существованіе въ зависимость отъ просвѣщенія,—**просвѣщеніе или смерть, знаніе или вѣчная погибель**,—другого выхода нѣтъ.—Не странно ли, однако, что природа, слѣпая сила, наказываетъ человѣка за слѣпоту, казнитъ разумное существо за подчиненіе ей, слѣпой силѣ, какъ бы требуя отъ человѣка внесенія въ нее разума и управленія ею, казнитъ за безчувственное вытѣсненіе сынами отцовъ и требуетъ не управленія только ею, но и больше всего любви?—Не странность, а высшая цѣлесообразность творенія заключается въ томъ, что слѣпая сила дѣйствуетъ какъ бы разумно, (наказываетъ смертью), когда разумное существо дѣйствуетъ слѣпо, (т. е. становится невѣжествомъ). Такимъ образомъ, не вѣрно сказать, что міръ есть воля («Міръ какъ воля и какъ представленіе,—Шопенгауэра);—напротивъ, для насъ міръ есть **неволя**, ощущаемая и сознаваемая нами и въ себѣ въ видѣ похоти, болѣзней, и внѣ себя - въ видѣ зависимости отъ слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть,—въ зависимости, чувствуемой всѣми, конечно, и всегда. Міръ для насъ и не представленіе только такимъ, каковъ онъ есть, а представленіе его такимъ, какимъ онъ долженъ быть, т. е. это—проектъ обращенія міра въ управляемый разумною волею, проектъ освобожденія человѣка изъ неволи и возвращенія всѣхъ погибшихъ, всѣхъ жертвъ слѣпой силы, за то время, когда она оставалась безъ управленія разумомъ. Вопреки всѣмъ философіямъ отъ человѣка требуется не подчиненіе природѣ («Что естественно, то не стыдно»,—говорятъ въ наше время), а управленіе ею, и наказывается человѣкъ именно за признаніе природы богомъ, за служеніе ей. Но несогласіе съ философіею оказывается согласіемъ съ религіею; и притомъ не съ ветхозавѣтною,—ибо требованіе не ограничивается лишь всспрещеніемъ служенія слѣпой силѣ, гдѣ бы она ни была, (какъ это въ ветхозавѣтной

религіи), – на небѣ ли то, или на землѣ, подъ землею; – отъ человѣка требуется управленіе слѣпою силою, но требуется это не отъ каждаго въ отдѣльности, – что и не мыслимо, – а отъ всѣхъ людей въ ихъ совокупности, въ ихъ объединеніи въ трудѣ познанія и воздѣйствія на ту силу, которая казнитъ смертью за невѣжество; – т. е. только подобію христіанскаго Бога, многоединству, по образу Тріединства, дается могущество управленія слѣпою силою. Оставаясь въ невѣжествѣ, не объединяясь въ трудѣ познанія и управленія слѣпою силою, человѣкъ самъ себя наказываетъ, наказываетъ за **не-думаніе** и **не-дѣланіе**;—невѣжество есть самоубійство рода.—Сколько мы знаемъ, нигдѣ и никогда, – какъ **въ предисловіи къ обыденнымъ храмамъ**,—не была выставлена съ такою силою и преступность розни въ просвѣщеніи, которая выражается въ отдѣленіи духовнаго отъ свѣтскаго, преступность отдѣленія религіи отъ знанія, – что на Западѣ, а по примѣру Запада и у насъ, считается чуть ли не добродѣтелью, и во всякомъ случаѣ необходимымъ условіемъ дѣятельности. Предисловіе же къ обыденнымъ храмамъ въ голодѣ и язвахъ видитъ именно слѣдствіе какъ розни въ дѣлѣ просвѣщенія, такъ и недѣятельности; т е. рознь въ дѣлѣ просвѣщенія и недѣятельность также наказывается смертью, голодомъ и эпидеміями.

Нельзя не замѣтить, что въ разборѣ Предисловія къ «Сказанію объ обыденныхъ церквахъ»,—въ № 3-мъ Русскаго обозрѣнія за 1894 годъ,—допушена нѣкоторая неточность; – тамъ говорится о построеніи школъ-храмовъ во имя Св. Троицы, **„гдѣ это будетъ возможно“**;—а между тѣмъ предисловіе знаетъ только **должное, невозможное** же оно допускаетъ лишь для людей, живущихъ во грѣхѣ розни, ибо для людей соединенныхъ, какъ вѣтви на лозѣ, которая есть Христосъ, нѣтъ ничего невозможнаго.

Духовные были бы правы, если бы стали обличать въ злоупотребленіи знаніемъ свѣтскихъ, употребляющихъ знаніе на службу роскоши и на изобрѣтеніе орудій истребленія. И такое обличеніе было бы согласно съ прежнимъ, старымъ временемъ, когда налагались соборныя проклатія на такія изобрѣтенія, какъ арбалетъ, изобрѣтеніе пороха; – употребленіе же предметовъ роскоши вмѣнялось въ такой великій грѣхъ, что ношеніе шелковыхъ одеждъ западнымъ духовенствомъ—на Востокѣ признавалось ересью. Но духовные не правы, когда отказываютъ знанію въ способности спасенія отъ голода и эпидемій, когда отказываютъ ему въ возможности проявить себя въ служеніи истинному благу, и тѣмъ самымъ обрекаютъ его на служеніе прихотямъ, на служеніе искусственнымъ и извращеннымъ потребностямъ человѣка, вмѣсто служенія нуждамъ его;—словомъ, духовные будутъ не правы, если не признаютъ, что голодомъ и эпидеміями человѣкъ наказывается за невѣжество, которое и дѣлаетъ его безсильнымъ. И на оборотъ, будутъ правы свѣтствіе, – виновные въ вышеозначенныхъ злоупотребленіяхъ знаніемъ,—если въ стремленіи обратить противъ голода и эпидемій военное оружіе встрѣтятъ сопротивленіе со стороны духовныхъ. (Слово В.—Пресв. Амвросія, сказан. въ Харьковскомъ Университетѣ. Церк. Вѣд. 1892 г. № 5-й).

Что было сдѣлано для осуществленія, во 1-хъ, – **юбилейнаго празднества пр. Сергія послѣ выхода сказанія объ обыденныхъ церквахъ съ предисловіемъ къ нему,** и во 2-хъ, **для юбилея Каразина послѣ выхода двухъ статей въ „Наукѣ и Жизнь“,—и что для этого нужно сдѣлать?**

Сказаніемъ объ обыденныхъ храмахъ съ предисловіемъ къ нему напоминалось о старинномъ способѣ празднованія памяти великихъ подвижниковъ, и указывалось, что въ этомъ способѣ для нашего времени кроется великое дѣло просвѣщенія народа, въ предисловіи къ сказанію раскрывался планъ празднованія будущаго юбилея преп. Сергія, и этотъ планъ помѣщенъ былъ не въ ежедневной газетѣ, не въ мѣсячномъ журналѣ, а въ такомъ изданіи, въ которомъ помѣшаются памятники старины или ихъ изслѣдованія. Погребенный въ такомъ изданіи, онъ можетъ быть открытъ въ XX вѣкѣ, какъ памятникъ XIX-го, и прочитанъ не какъ фельетонъ, а какъ читаются произведенія старины, хотя въ данномъ случаѣ и не очень дальней. Приближеніе юбилея можетъ обратить на этотъ документъ особое вниманіе, и въ пять, десять лѣтъ можетъ быть сдѣлано больше для исполненія плана, чѣмъ въ тридцать лѣтъ, которыя теперь остаются до 1922 года. Для того, кому важно только дѣло, важно исполненіе лишь плана, для того и такой способъ можетъ казаться соотвѣтствующимъ цѣли. Впрочемъ, этотъ планъ вмѣстѣ съ сказаніемъ не остался подъ спудомъ, въ объемистыхъ книгахъ Об. Ист. и Др. Рос., которыя читаются только учеными, дорожащими лишь фактами прошедшаго, а не планами настоящаго, не планами для будущаго и при томъ даже не близкаго,—этотъ планъ, писанный для будущаго, не былъ скрытъ и для настоящаго, отъ современниковъ; въ данномъ случаѣ къ средневѣковому способу,—когда основатели, напр., храмовъ неожидали видѣть ихъ завершенія,— былъ присоединенъ и современный способъ, можно сказать—сейчасный, для котораго важно не дѣло, не исполненіе плана, для котораго нѣтъ будущаго, который желаетъ воспользоваться всѣмъ только самъ. (Должно замѣтить, однако, что способъ этотъ былъ присоединенъ къ средневѣковому безъ всякой надежды на то, чтобы онъ привелъ къ какому-либо благопріятному результату, а лишь ради того, чтобы не подвергнуться такому же обвиненію, какъ рабъ, получившій одинъ талантъ и скрывшій его въ землю). Согласно современному способу дѣйствія, сказаніе было извлечено изъ книгъ Об. Ист. и Древн. Рос. въ видѣ оттисковъ и прежде всего было поднесено самой Лаврѣ въ лицѣ издателя Троицкихъ листковъ въ нѣкоторомъ чаяніи, что Троицкіе Листки признаютъ, быть можетъ, лежащій на нихъ долгъ научить всю Россію чтить достойнымъ образомъ Пресвятую Троицу, этотъ образецъ единодушія и согласія, т. е. научатъ объединиться въ общемъ дѣлѣ спасенія отъ голода и язвъ, **въ дѣлѣ,**— вообще,— **искупленія**;—но планъ празднованія юбилея преподобнаго Сергія встрѣтилъ со стороны издателя Троицкихъ Листковъ такъ же мало сочувствія, какъ и письмо, написанное къ ректору Духовной Академіи, при Лаврѣ состоящей, по поводу догмата Св. Троицы, въ которомъ Ректоръ Академіи видитъ

лишь нравственную идею, лишь мысль, а не великое нравственное дѣло;—празднованіе юбилея чтителя Живоначальной Троицы построеніемъ при всѣхъ церквахъ школъ-храмовъ, посвященныхъ образцу единодушія и согласія, въ память преподобнаго Сергія, и было бы началомъ этого великаго дѣла. Казалось бы, что Академія, состоящая при Свято-Троицкой Лаврѣ,—какъ мысль при дѣлѣ, какъ разумъ, неотдѣлимый отъ воли,—Академія, стоящая во главѣ духовнаго просвѣщенія всей Россіи, какъ бы предназначена для разработки ученія о Троицѣ въ смыслѣ **образца** единодушія и **плана** всеобщаго объединенія, какъ бы предназначена для разработки ученія о Троицѣ не съ теоретической только, или догматической, но и со стороны нравственной, т. е. **какъ заповѣди**,—со стороны литургической (храмовой и внѣхрамовой) и со стороны исторической, т. е. какъ проявленія этого ученія, или пониманія его, въ смыслѣ совершеннѣйшаго общества и общаго дѣла, сила, мощь котораго растетъ вмѣстѣ съ совершенствованіемъ общества (исторія какъ проектъ). А между тѣмъ, Академія относится къ Лаврѣ, какъ отвлеченная ученность къ совершенному невѣжеству, особенно въ низшихъ слояхъ монашества. Единственное проявленіе умственнаго вліянія Лавры на Россію, это—Троицкіе Листки, въ которыхъ **Троицкаго** только одно названіе, а между тѣмъ эти листки могли и должны бы быть органомъ призыва къ осуществленію означеннаго плана въ нынѣшнее смутное время, когда кромѣ ежегоднаго ожиданія голода отъ засухи или отъ непрерывнаго дождя, и ежедневнаго ожиданія войны, должны еще выслушивать призывы къ **не-дѣланію** или къ такъ называемому **непротивленію**, т. е. къ отказу отъ защиты отечества, отъ воинской повинности, отъ уплаты податей... Ученіе о Троицѣ проявляется и въ исторіи какъ фактъ, въ исторіи церковной и гражданской, но въ видѣ несовершенномъ. Если въ ученіи о Троицѣ видѣть указаніе на **образецъ** совершеннѣйшаго общества, **призывъ къ общему дѣлу**, то Богословіе каноническое, какъ вносящее свѣтское, мірское въ духовное, юридическое и экономическое въ нравственное, можетъ быть только временнымъ, а Богословіе апологетическое и полемическое является совсѣмъ ненужнымъ; а между тѣмъ апологія и полемика составляютъ особыя вѣтви Богословія,—и даже господствующія въ настоящее время,—чѣмъ Богословіе подаетъ недобрый примѣръ, а можетъ и сама увлекается недобрымъ примѣромъ свѣтской науки, считающей полемику душей знанія, орудіемъ выработки истины. Ученіе о св. Троицѣ не нуждается ни въ защитѣ его самого, ни въ опроверженіи противныхъ ему ученій,—достаточно показать то дѣло, которое требуется этимъ ученіемъ, чтобы привлечь къ нему сердца всѣхъ безъ исключенія. Основою же Богословія, всѣхъ вѣтвей его (Основное Богословіе), является съ этой точки зрѣнія не мысль, или понятіе лишь о Богѣ, а дѣло Божіе, соединяясь въ коемъ, всѣ люди, какъ одинъ Божій человѣкъ, какъ единый пророкъ, будутъ чувствовать самое присутствіе Бога, а не признавать лишь мысленно его бытіе, какъ ученый профессоръ Богословскихъ наукъ.

Кромѣ обращенія къ издателю Троицкихъ Листковъ въ чаяніи не отзовется ли, быть можетъ, кто на дѣлаемый призывъ, оттиски сказанія и предисловія къ нему были препровождены ко всѣмъ одиннадцати Архивнымъ Комиссіямъ, а потомъ и во всѣ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей съ просьбою напечатать препровождавшуюся вмѣстѣ съ оттисками записку о доставленіи свѣдѣній и объ обыденныхъ храмахъ, и о жизни преподобнаго Сергія, а также и о томъ, на сколько распространено почитаніе этого великаго собирателя Русской земли въ разныхъ краяхъ Россіи, въ Россіи Московскаго и Петербургскаго собиранія. Записка очень сокращенно излагаетъ значеніе обыденныхъ храмовъ, какъ памятниковъ добродѣтели особенно рѣдкой въ той странѣ, гдѣ эти храмы, какъ надо полагать, первоначально возникли, въ той странѣ, исторія которой хотя и началась сознаніемъ недостатка этой добродѣтели, — **согласія** («возсталъ родъ на родъ и были усобицы»), — но такое сознаніе не избавило ее отъ порока **несогласія**, который привелъ сперва къ игу татарскому, а потомъ къ игу нѣмецкому. Записка возвеличиваетъ добродѣтель согласія, единодушія, въ тотъ вѣкъ, когда раздоръ признанъ плодотворнымъ источникомъ пресловутаго прогресса, въ тотъ вѣкъ, когда и признавая еще раздоръ порокомъ, ставятъ его выше всякой добродѣтели, - въ это то время злой плодотворности раздора (особенно въ изобрѣтеніи истребительныхъ орудій и предметовъ роскоши, вносящихъ раздоръ), противопоставляютъ ему великую плодотворность согласія (не входя, однако, въ подробное изложеніе всѣхъ слѣдствій согласія), воздвигавшаго обыденные храмы. Подробное изложеніе этихъ слѣдствій заключается въ особой статьѣ о преподобномъ Сергіи, какъ чтителѣ образца единодушія и согласія и объ обыденныхъ храмахъ, какъ памятникахъ согласія и единодушія, объ обыденныхъ храмахъ, какъ выраженіи могущества, даваемаго соединеніемъ силъ, какъ выраженіе преимущества трудоваго надъ даровымъ, труда добровольнаго надъ наемнымъ, деньгами покупаемымъ. Эта статья могла бы служить **рефератомъ на предстоящемъ** (нынѣ давно прошедшемъ) **Съѣздѣ Археологовъ, собираемомъ въ Ригѣ**, на рубежѣ Россіи съ Западомъ, рефератомъ по вопросу, — было ли на Западѣ, что либо сходное, анологичное съ нашими обыденными храмами, и не оттуда ли они нами заимствованы, или же обычай строенія такихъ церквей въ годины бѣдствій есть самородное явленіе, возникшее подъ нашимъ небомъ, выросшее на нашей землѣ, гдѣ приходятъ другъ къ другу на помощь цѣлымъ міромъ, чтобы воспользоваться коротким срокомъ, который климатъ нашей страны даетъ для посѣва, жатвы, покоса .. Страна, гдѣ молятся всѣмъ міромъ, — не тамъ ли только и храмы строятъ цѣлымъ міромъ.. Нельзя не остановиться на загадочности этого явленія, т. е. построенія обыденныхъ храмовъ, являющихся выраженіемъ глубочайшаго согласія - при постоянныхъ раздорахъ въ жизни. Эта загадочность кроется въ неразгаданности самаго характера русскаго народа, потому то въ письмѣ, — при которомъ разослано въ Архивныя Коммиссіи и редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей сказаніе о построеніи обыденнаго

храма,—и заключается просьба о содѣйствіи всѣхъ къ разрѣшенію этого вопроса, при чемъ на это содѣйствіе смотрится, какъ на выраженіе того же духа, который создалъ обыденные храмы, а въ разгадкѣ загадочнаго явленія думается найдти разгадку самой судьбы русскаго народа, разгадку того, что онъ можетъ и долженъ совершить въ мірѣ. Пока же нѣтъ разгадки, можно представить догадку: – не отъ того ли, что нѣтъ великаго общаго, братскаго, отеческаго, завѣтнаго дѣла, творецъ обыденныхъ храмовъ все еще остается въ постоянныхъ распряхъ, въ постоянныхъ раздорахъ, и межъ сыновъ ничтожныхъ міра является, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ. Но лишь божественный глаголъ, – **„слово о дѣлѣ“, о дѣлѣ общемъ, Божественномъ и человѣческомъ,** до слуха чуткаго коснется, тогда душа его, быть можетъ, встрепенется, и онъ поднимется, какъ одинъ человѣкъ, но не противъ себѣ подобныхъ, а противъ слѣпой могучей силы, несущей смерть во всѣхъ ея видахъ.

Нужна однако подготовка, чтобы слово о дѣлѣ, о дѣлѣ завѣтномъ, отеческомъ, священномъ, коснувшись слуха, пробудило бы сердца, заставило бы народъ подняться не противъ себѣ подобныхъ, куда его тянутъ проповѣдующіе **непротивленіе**, Толстовцы, а противъ кореннаго, истиннаго зла. Такая подготовка и будетъ дана построеніемъ повсемѣстно храмовъ во имя Живоначальной Троицы въ связи съ всенаучными школами-музеями. Построеніе Св. Троицкихъ храмовъ-школъ къ пятисотлѣтней памяти пр. Сергія не есть дѣло чьего-либо произвола, не есть чья-либо выдумка, а требованіе нашей исторіи, историческая необходимость, точно также какъ возвышеніе школы въ храмъ, посвященный Живоначальной Троицѣ есть требованіе нравственно-логической необходимости. Такое возвышеніе школы въ храмъ Живоначальной Троицы имѣетъ величайшую образовательную и воспитательную силу, возвышая мысль учащихся надъ рознью и всепоглащающимъ единствомъ (гнетомъ), ставя предъ ними образъ такого существованія или соединенія для плодотворной и животворной дѣятельности, при коемъ единство будетъ не игомъ, не гнетомъ, не взаимнымъ стѣсненіемъ, а **самость** (т. е. самостоятельность) не будетъ рознью.

Посылка плана трудового, плодотворнаго празднованія юбилея преп. Сергія въ Редакцію Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей имѣла особое значеніе, такъ какъ въ одномъ изъ номеровъ этихъ вѣдомостей (№ 20-й 1892 года, октябрь) было помѣщено описаніе построенія церковно приходской школы въ селѣ Мордовскомъ Качимѣ, которое въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ построеніе обыденныхъ храмовъ и доказываетъ **положительно** возможность безплатнаго участія многихъ въ такомъ построеніи, **отрицательно же,– существованіемъ противниковъ школы,** указываетъ на необходимость построенія чего либо болѣе священнаго, чѣмъ церковная школа. А что же можетъ быть священнѣй школы храма, посвященнаго Самому Образцу верховнаго согласія и единодушія, и при томъ въ память высокочтимаго и Пензенскою Епархіею, сосѣднею съ Нижегородскою

преп. Сергія, посмертное могущество котораго въ смутное время особенно проявилось именно въ Нижнемъ-Новгородѣ. Св.-Троицкій храмъ-школа, въ память преподобнаго Сергія, соединяетъ въ себѣ все, что есть для человѣка, — и особенно русскаго,—священнаго, а потому и долженъ, надо полагать, не только примирить противниковъ, но и возбудить въ нихъ ревность къ построенію. Возможность созданія школъ при участіи самого народа, послѣ построенія Качимской школы, есть уже фактъ,— хотя еще и единичный, — но на который можно и даже должно указывать **какъ на примѣръ;** возведеніе же школъ въ храмы, посвященные образцу единодушія, и при томъ по всей Россіи при взаимной помощи устрояемые, **остается еще проектомъ**, неимѣющимъ и единичнаго факта какъ образца... Если публикація просьбы о доставленіи свѣдѣній о преп. Сергіи и обыденныхъ храмахъ и будетъ сдѣлана, а просьба объ отзывѣ о планѣ юбилейнаго празднованія и будетъ исполнена, то и этимъ едва ли будетъ положено начало, починъ дѣлу юбилея пр. Сергія, ибо какъ юбилей пр. Сергія, такъ и юбилей Каразина суть лишь способъ осуществленія общаго отеческаго дѣла, значеніе котораго еще не раскрыто, хотя раскрытіе его и обѣщано въ брошюрѣ Кожевникова подъ заглавіемъ—**„Безцѣльный трудъ, не-дѣланіе или дѣло,**—т. е. **0** (ноль) или **X** (иксъ),—**ничто** или **неизвѣстное?** Это неизвѣстное и нужно опредѣлить, давая цѣль труду безцѣльному...

Что же сдѣлано послѣ выхода 2-хъ статей въ **„Наукѣ и Жизнь“**, и что нужно сдѣлать для приготовленія къ празднованію юбилея Каразина?... Нуженъ ли для этого планъ соединенія всѣхъ естествоиспытателей по образцу Британской Ассоціаціи, или же нуженъ планъ соединенія ихъ для осуществленія Каразинскаго проекта распространенія просвѣщенія въ связи съ расширеніемъ знанія,—знанія, неотдѣлимаго отъ дѣйствія?...

Двѣ статьи о Каразинѣ (въ Наукѣ и Жизнь) были сообщены профессору Багалѣю, автору исторіи Харьковскаго Университета, а слѣдовательно и біографу его основателя,—Каразина,— а также профессору Сумцову, составившему общество для осуществленія плановъ Каразина, хотя Харьковъ уже имѣлъ такое общество, состоящее изъ спеціалистовъ всѣхъ наукъ, и при томъ общество, основанное самимъ Каразинымъ.

По характеристикѣ Багалѣя,—Каразинъ былъ страстный ревнитель просвѣщенія, томимый вѣчною жаждою знанія, преданный ему съ пылкостью даровитаго, талантливаго **„автодидакта“**. Названіе самоучки въ устахъ ученаго есть всегда выраженіе презрѣнія, хотя въ данномъ случаѣ оно и прикрашено эпитетами **„даровитый“**, **„талантливый“**, и замѣнено не русскимъ **„автодидактъ“**, что, конечно, доказываетъ желаніе Багалѣя не предавать Каразина всеобщему позору, а лишь въ средѣ ученыхъ воздать ему должное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приписывая преданность наукѣ только самоучкамъ, Багалѣй говоритъ,—не замѣчая повидимому этого,—не въ пользу науки,такъ какъ это значитъ, что плѣняться наукою могутъ только не коротко знакомые съ нею... Но если бы осуществился хоть одинъ изъ плановъ Каразина, а именно планъ, который можно бы назвать регу-

ляціею (средство спасенія отъ голода) и противъ котораго возсталъ Харьковскій Арх. Амвросій въ рѣчи, произнесенной въ Харьковскомъ Университетѣ, если бы осуществился этотъ планъ, тогда наука заслужила бы преданность не только самоучекъ, но и совсѣмъ неученыхъ, даже сами ученые не могли бы не плѣниться ею.

Общество, основанное Каразинымъ, которое не только могло бы, но и обязано было-бы озаботиться осуществленіемъ плановъ Каразина, есть самъ Университетъ, который, обсудивъ планы Каразина, могъ бы представить ихъ другому учрежденію, также основанному Каразинымъ, т. е. Министерству Народнаго Просвѣщенія, и чрезъ него привлечь къ обсужденію этихъ плановъ и всѣ другіе Университеты. Такимъ образомъ само собою созидается общество,—или объединяются всѣ общества,—естествознанія при всѣхъ университетахъ, а чрезъ нихъ возсоединятся и всѣ разсѣянныя по всей Россіи изслѣдователи слѣпой силы природы, чтобы соединиться въ одну разумную силу для разработки плана регуляціи слѣпой силы. При такомъ собираніи одинаково избѣгаются и рабское подражаніе, какъ въ устройствѣ Русской Ассоціаціи по образцу Британской, и личный произволъ, какъ всѣ искусственно создаваемыя общества, потому что начало такому собиранію дается не только исторіею просвѣщенія и знанія,—въ которой Каразину принадлежитъ видное мѣсто, первостепенное значеніе,—но и исторіею естественною, самою природой Русской земли, которая въ Каразинѣ сознала, можно сказать, свои нужды, необходимое условіе своего существованія, ибо страна такихъ крайностей, какъ ливни и засухи, требуетъ необходимо регуляціи, а обширность занимаемаго пространства требуетъ соединенія силъ, соединенія преподаванія съ расширеніемъ знанія, требуетъ соединенія знанія съ обученіемъ въ самыхъ низшихъ училищахъ. Такую мысль,—какъ естественный умственный продуктъ Русской земли,—и предполагалось внести въ видѣ реферата на IX съѣздъ естествоиспытателей и врачей,—особый комитетъ котораго выработалъ проектъ устава Русской Ассоціаціи для обезпеченія устройства есественно-научныхъ Съѣздовъ, но не нашлось человѣка, который принялъ бы на себя такой трудъ. Естественное, а не искуственное общество естествознанія,—общество естествоиспытатей и врачей,—должно бы быть вызвано къ существованію неурожаями и эпидеміями, т. е. требованіями природы Русской земли, ея континентальнаго положенія, засухами и ливнями, этими климатическими крайностями.

Проектъ же общества, названнаго Ассоціаціею, представляетъ, можно сказать, самый блестящій примѣръ высшей степени искусственнаго общества, которое и Ассоціаціею, по примѣру Британской, названо, конечно, для того, чтобы показать, что оно возникло изъ простой подражательности, а не изъ внутренней потребности, не изъ такихъ вопіющихъ нуждъ, какъ страшный неурожай 1891 года и холерная эпидемія 1892 года, послѣднихъ жертвъ которой неуспѣли еще похоронить, когда собрался выработавшій проектъ устава Русской Ассоціаціи IX Съѣздъ русскихъ ученыхъ,

этихъ иностранцевъ, живущихъ въ Россіи и совершенно чуждыхъ ея нуждамъ, что и доказывается самымъ проектомъ Ассоціаціи, составленнымъ безъ всякаго отношенія къ только что хотя и пережитымъ бѣдствіямъ, но безъ всякаго обезпеченія, ручательства за то, что они не повторятся, и даже въ ожиданіи бѣдствій еще болѣе страшныхъ. Странно и то, что IX-й Съѣздъ, имѣвшій чуть не полторы тысячи членовъ, почувствовалъ непрочность своего положенія и нужду обезпеченія будущихъ Съѣздовъ?...

Названіе нарождающемуся обществу «Русской Ассоціаціи» дано по примѣру страны наиболѣе несходной съ Россіею, даже совершенно ей противоположной,—страны, которая вся-городъ, тогда какъ Россія вся-село. Впрочемъ и названіе **„артели“**, вмѣсто **„ассоціаціи“**, не улучшило бы дѣла;—естествоиспытатели, какъ и археологи, не должны имѣть что-либо сословное, а должны быть коммиссіею по устройству всеобще-обязательнаго повсемѣстнаго и постояннаго изслѣдованія природы.

Проектъ Русской Ассоціаціи и возраженія на него одинаково приводятъ къ самому печальному заключенію, что естествоиспытатели и врачи, не смотря на безпрестанное указаніе на свое достоинство, на достоинство науки, рѣшительно не признаютъ ни **необходимости** науки, ни ея **всеобщности, въ чемъ только и можетъ заключаться достоинство науки**. Естествоиспытатели и врачи считаютъ, очевидно, свое дѣло занятіемъ немного лишь лучшимъ, чѣмъ бездѣйствіе, недѣланіе, или праздность, занятіемъ невиннымъ и даже отвлекающимъ отъ проявленія порочныхъ склонностей, занятіемъ пріятнымъ и, быть можетъ, даже полезнымъ, такъ какъ польза понятіе очень условное, наконецъ, такимъ занятіемъ, къ которому можно, или должно, возбуждать интересъ въ обществѣ;—дѣйствительной нужды въ научныхъ занятіяхъ нѣтъ, а потребность къ нимъ возбуждать не мѣшаетъ, не мѣшаетъ и привлечь къ нимъ **„возможно большее количество силъ“** (см. 2 и 3 п. Задачи Ассоціаціи). Къ тому же печальному заключенію,—т. е. что сами естествоиспытатели и врачи не признаютъ ни необходимости науки, ни ея всеобщности, не признаютъ, слѣдовательно, достоинства науки,—приводитъ и тотъ скандалъ, которымъ завершился IX Съѣздъ естествоиспытателей и врачей, разразившихся неистовыми рукоплесканіями при появленіи въ концѣ послѣдняго засѣданія Съѣзда гр. Л. Н. Толстого;—ибо что значатъ эти рукоплесканія отрицателю знанія вообще и естествознанія въ особенности, не доказываютъ ли они, что и сами естествоиспытатели и врачи не придаютъ серьезнаго значенія своему знанію?... Завершеніе Съѣзда естествоиспытателей и врачей рукоплесканіями Толстому, не есть ли полное отрицаніе значенія и Съѣзда, и самой науки?.. Естествоиспытатели и врачи не признаютъ необходимости,—необходимости грозной, необходимости подъ страхомъ смерти,—изученія той силы, которая носитъ въ себѣ голодъ и язвы, не видятъ въ этомъ изученіи всеобщаго долга, долга всѣхъ, надѣленныхъ разумомъ, этимъ общимъ свойствомъ именно всѣхъ людей, а не большаго лишь ихъ числа,—количества,—какъ это говорится въ 3 п. Задачъ Ассоціаціи,— не видятъ въ

этомъ изученіи священной обязанности,—потому что признавать что либо священное, т. е. религію, для нынѣшняго суевѣрнаго вѣка считается чѣмъ-то позорнымъ,—не видятъ въ этомъ изученіи и долга нравственнаго, нравственной обязанности, хотя обращеніе совокупными силами людей слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ и было бы истиннымъ, дѣйствительнымъ торжествомъ духа надъ плотію Впрочемъ, проектъ Русской Ассоціаціи не заключаетъ въ себѣ самыхъ элементарныхъ понятій о нравственности. Составители проекта не отдаютъ себѣ, конечно, отчета въ томъ, что значитъ выборъ почетныхъ членовъ и членовъ соревнователей; а выборъ этотъ значитъ, что занятія дѣйствительныхъ, не почетныхъ, членовъ, т. е. занятіе естественными науками, само по себѣ почетомъ не пользуется, и что дѣйствительные члены не имѣютъ самостоятельности, и естественные науки играютъ роль служанокъ, находятся на содержаніи купцовъ и фабрикантовъ, поэтому и правомъ вступленія въ общество пользуется не одно только знаніе,—въ общество принимается и невѣжество, только богатое: капиталъ пользуется даже правомъ голоса на общихъ собраніяхъ (см. Составъ Ассоціаціи, примѣч. о членахъ соревнователяхъ). Положимъ, составители проекта ассоціаціи могутъ сказать, что русская Ассоціація, подобно Британской, имѣетъ задачею только знаніе, истину, а не нравственность, которая ничего общаго съ знаніемъ будто бы не имѣетъ; что Ассоціація есть пропоганда именно знанія, пропоганда посредствомъ съѣздовъ или собраній наилучшихъ силъ естествознанія,—между этими силами съѣзды и поддерживаютъ связь. Съѣзды, собираемые въ разныхъ городахъ, будутъ служить для распространенія въ мѣстахъ ихъ собраній и пассивнаго любопытства (интереса къ научнымъ вопросамъ) и активной любознательности (привлеченіе новыхъ силъ), строго ограничивая при этомъ область пропоганды предѣлами городского населенія, знающаго природу только издали, какъ предметъ лишь знанія и искусства. Однако Ассоціація оказывается невѣрна даже знанію, ибо, съ одной стороны, и отъ ученыхъ требуется не одно знаніе, но и плата, а съ другой,—она принимаетъ въ свою среду всякое невѣжество, лишь бы оно давало деньги, что свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи къ деньгамъ, а не къ знанію. И не странно ли, разумно ли, что общество познанія природы,—допуская въ свою среду городское невѣжество, которое едва отличаетъ солнце отъ луны и важность придаетъ только общественнымъ, политическимъ, международнымъ дрязгамъ, изученію же неба, природы считаетъ вздоромъ,—не признаетъ права на знаніе природы за тѣми, которые наиболѣе чувствуютъ иго слѣпой силы?... И это потому, конечно, что не только почетные члены или члены соревнователи, но даже и дѣйствительные члены Ассоціаціи тяжести слѣпой силы не чувствуютъ и даже не знаютъ, что изучаютъ ту силу, которая лежитъ тяжелымъ гнетомъ на большинствѣ человѣческаго рода, на крестьянахъ всѣхъ странъ. Не признавая за крестьянами права знать гнетущую ихъ силу, ученые естествоиспытатели и за собой не признаютъ обязанности научить ихъ,—не признаютъ за собою долга

учительства. Но это не только не нравственно, а даже и неразумно.

Не очевидно ли, что земледѣльческой, мужицкой странѣ нельзя брать за образецъ такія страны, гдѣ господствуютъ фабрикантъ и купецъ; но если уже принятъ образецъ чужой, не вызванный нуждами своей земли, то, слѣдуя логикѣ, хотя и вопреки этикѣ, нужно, чтобы Московкій Съѣздъ предложилъ С.-Петербургъ, а не Москву, мѣстомъ постояннаго пребыванія Ассоціаціи, какъ это, впрочемъ, и сдѣлано (см. Администрація Ассоціаціи), ибо С.-Петербургъ весьма легко,—по крайней мѣрѣ гораздо легче, чѣмъ Москва,—превращаетъ русскихъ ученыхъ въ иностранцевъ, пишущихъ о Россіи, т. е. дѣлаетъ науку, или знаніе, о Россіи-**Россикою;** (впрочемъ и Москва въ этомъ совершенствуется). Петербургъ можетъ надѣяться современемъ всѣхъ русскихъ сдѣлать иностранцами въ Россіи, простодушно смѣшивая западничество съ всемірностью, западничество, которое отрицаетъ всемірную, всеобщую обязательность науки, отрицаетъ ея необходимость, и не видитъ ничего позорнаго для науки въ положеніи служанки, при чемъ наука, благодаря подачкамъ, дѣлается усердною комерцъ- и мануфактуръ-совѣтницею крупнаго землевладѣльца, забывая о самихъ земледѣльцахъ, для которыхъ нужно не извлеченіе наибольшаго дохода, а вѣрное обезпеченіе урожая, обезпеченіе же это можетъ быть дано только регуляціею метеорическими явленіями, о которой западная наука не думаетъ и считаетъ ее, если и не невозможною, то не нужною.

Ассоціація, въ подражаніе Британской устроенная, ничего, кромѣ произвола въ себѣ не заключаетъ; и, наоборотъ, нѣтъ ничего произвольнаго въ планѣ объединенія, здѣсь предложенномъ, такъ какъ при объединеніи по этому плану, ничего не разрушая и ничего не создавая, пользуются лишь существующими учрежденіями, профессіями, должностями, обращая ихъ къ изслѣдованію того, что и нынѣ составляетъ предметъ ихъ занятій. Признавая всѣхъ людей разумными существами и отрицая,—какъ величайшую ложь,—мысль, признанную въ настоящее время за истину, будто люди назначены жить только для себя, предлагаемый планъ ставитъ цѣлью объединить всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ и язвы, и вообще—смерть отцовъ. Это объединеніе или общество, выросшее на русской почвѣ, созданное русскою исторіею, будетъ имѣть цѣлью не пропаганду знанія, а содѣйствіе къ повсемѣстному устройству органовъ знанія природы и дѣйствія, или регуляціи, т. е. такихъ школъ, въ которыхъ препадаваніе связано съ наблюденіями мѣстной природы,—по плану Каразина. При такомъ объединеніи съѣзды, обходя всѣ города, изъ каждаго города, ставшаго мѣстомъ съѣзда, будутъ выдѣлять объѣзды, экскурсіи во всѣ села для содѣйствія къ устройству школъ-музеевъ, соединяющихъ храненіе останковъ прошедшаго съ наблюденіемъ текущаго, и такимъ образомъ **содѣйствіе „болѣе систематическому направленію научныхъ изслѣдованій“** (п. 4-й «Задачи Ассоціацій») не будетъ имѣть ничего произвольнаго, потому что изслѣдованія будутъ повсемѣстны и всесторонни. Нравственный долгъ, священная обязанность та-

кого самороднаго общества или объединенія и состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться или присоединять къ себѣ всѣ должности и профессіи, на сколько они способны превращаться въ изслѣдованіе, — взамѣнъ того невѣжества, которое принимаетъ въ свою среду Ассоціація, по примѣру Британской, — взимая съ него (съ невѣжества) дань, хотя и добровольную.

Если естествознаніе немного найдетъ въ городахъ должностей и профессій, способныхъ превратиться въ изслѣдованіе природы, то другая вѣтвь знанія, — исторія, или археологія въ обширномъ смыслѣ—,найдетъ, напротивъ, множество должностей и профессій способныхъ превратиться во всестороннее изслѣдованіе общества, такъ какъ нѣтъ, можно сказать, ни одного учрежденія, ни одного присутственнаго мѣста, должностнаго лица, которое бы не имѣло своего архива; изученіе же архивныхъ дѣлъ каждаго Присутственнаго мѣста есть такая же обязанность **всѣхъ**, служащихъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и завѣдываніе текущими дѣлами, — изученіе протекшаго должно открыть причины возникновенія тѣхъ дѣлъ, для завѣдыванія которыми учреждено присутственное мѣсто, устраненіе же этихъ причинъ уменьшитъ, а, наконецъ, и совсѣмъ остановитъ возникновеніе дѣлъ порождаемыхъ этими причинами, и этимъ избавитъ отъ Сизифовой работы, отъ работы Данаидъ, напримѣръ Судъ, обязанный при настоящемъ положеніи вѣчно судить и никогда не разсудить, вѣчно наказывать за преступленія, и результатъ этого видѣть все въ большемъ и большемъ возникновеніи преступленій, въ болшемъ развитіи преступности. Такія же должности, и профессіи, которыя окажутся неспособными обратиться въ изслѣдованіе, неспособными дать умственный трудъ, умственную работу, даже при объединеніи всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, обречены на постепенное исчезновеніе; и исчезновеніе такихъ должностей, которыя только притупляли, вели къ атрофированію разума,—отличительнаго свойства людей,—едва ли можетъ вызвать въ комъ-либо сожалѣніе. Планъ объединенія всѣхъ въ трудѣ познанія долженъ встрѣтить величайшія затрудненія, потому что четыре вѣка проповѣди, будто люди назначены жить только для себя, для своихъ прихотей, достаточно развратили людей, обезсмыслили жизнь, вызвали вопросъ о смыслѣ жизни, о цѣли и цѣнности ея; благодаря этой проповѣди и въ предлагаемомъ планѣ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго произвола, большинство усмотритъ произвольное распоряженіе силами людей, нарушеніе правъ человѣческихъ, достоинства человѣка, увидитъ рабство, египетскую работу, а не великое спасительное дѣло, рабство которому есть освобожденіе отъ рабства своимъ прихотямъ, т. е. отъ такого рабства, которое болѣе невыносимо, чѣмъ всякое другое; въ долгѣ увидятъ иго, въ обязанности—произволъ, хотя русская интелигенція, или русское дворянство, самою исторіею была поставлена въ такое положеніе, въ которомъ могла и дѣйствительно испытала во всей силѣ пустоту вольностей. Впрочемъ, винить за это нельзя, все это лишь дѣтство;—не признавать долга, обязанности, — признакъ несовершеннолѣтія; но мы уже не маленькіе.—Что сказано объ естествознаніи (или наукѣ о

природѣ, астрономіи, знаніи неба), тоже самое должно сказать и объ археологіи (или исторіи), объ археологическихъ съѣздахъ въ городахъ и объ объѣздахъ селъ, объ устроеніи архивныхъ комиссій въ городахъ, и школъ-музеевъ въ селахъ; нужно признать также за каждымъ разумнымъ существомъ право или обязанность,—(смотря по степени нравственности, на которой стоитъ разумное существо, ибо что для однихъ добровольный долгъ или право, для другихъ - принудительная обязанность),— быть историкомъ, какъ и естествоиспытателемъ. Такимъ образомъ, признавъ за каждымъ разумнымъ существомъ право, или обязанность, быть и историкомъ и естествоиспытателемъ, школы музеи, возводящіе всѣхъ въ историковъ и естествоиспытетелей, соединятъ въ себѣ археологическое (или историческое) и естественное (или астрономическое), т. е. будутъ наблюдателями гекущаго для возстановленія протекшаго; вмѣстѣ съ тѣмъ эти школы-музеи должны быть возведены и въ школы-храмы, посвященные образцу единодушія для живущихъ, поставившихъ своею цѣлью всеобщее воскрешеніе умершихъ, возведшихъ всеобщее воскрешеніе умершихъ во всеобщее дѣло живущихъ. Такое обращеніе школъ-музеевъ въ школы-храмы показываетъ, что знаніе дѣлается священною, религіозною обязанностью **всѣхъ**; эта же священная обязанность требуетъ знанія **отъ всѣхъ и знанія всего, т. е. чтобы всѣ стали познающими и все стало предметомъ знанія, и чтобы наука была выводомъ изъ наблюденій не кое-гдѣ, кое-кѣмъ и кое-когда производимыхъ, а изъ наблюденій производимыхъ всѣми, вездѣ и всегда.** Въ священную же обязанность возводится и объединеніе въ изученіи той силы, которая наказываетъ за невѣжество смертью, и будетъ наказывать, пока не соединятся всѣ для ея познанія и для возвращенія жизни жертвамъ невѣжества. Руками сыновъ эта сила казнитъ отцовъ, стараясь привести къ сознанію, къ совѣсти первыхъ (сыновъ) для возвращенія жизни послѣднимъ (отцамъ). Естествознаніе изучаетъ разрушающую силу, обращая ее въ возсозидающую, а археологія изучаетъ разрушенныя существа, возстановляя разрушенное; такимъ образомъ, въ дѣлѣ воскрешенія возсоединяются и археологи, и натуралисты; но пока натуралисты будутъ смотрѣть на природу, какъ на силу рождающую, а археологи,—какъ на силу разрушающую, до тѣхъ поръ единства между ними быть не можетъ. Если естественники изучаютъ то, **что есть**, а археологи то, **чего уже нѣтъ**, то это значитъ, что тѣ и другіе изучаютъ одно и тоже, только съ разныхъ сторонъ; но чтобы **нѣтъ** стало **есть**,—какъ это требуетъ долгъ,—нужно соединеніе археологовъ, или историковъ, и естествоиспытателей, или астрономовъ, т. е. **нужно соединеніе всѣхъ**. Это соединеніе и совершается самымъ естественнымъ образомъ чрезъ ту именно профессію, въ которую входятъ всѣ другія профессіи, изъ соединенія коихъ и обращенія ихъ къ изслѣдованію и создается общество знанія. Профессія эта, **которую обязаны принимать всѣ**, есть защита отечества, всеобщая воинская повинность, не допускающая по самому существу своему никакихъ изъятій, и которая никакъ уже не

принадлежитъ къ числу подлежащихъ уничтоженію. **Соединеніе воинской повинности со всеобщимъ обязательнымъ образованіемъ,**—т. е. соединеніе вѣдомства народнаго **воспитанія**, какъ называетъ Каразинъ **просвѣщеніе**, (къ которому нужно прибавить «всеобщее обязательное»), съ вѣдомствомъ защиты отечества (также всеобще-обязательнымъ),—**превращаетъ войско въ естествоиспытательную силу.** И это особенно важно потому, что къ военному дѣлу примѣняются всевозможныя изобрѣтенія, и кромѣ того, самое оружіе, употребляемое для защиты своего отечества отъ себѣ подобныхъ, оказывается способнымъ къ спасенію отъ голода **всѣхъ**. А если войсками будетъ примѣняться также **орудіе**, предложенное Каразинымъ для регуляціи метеорическими процессами, то можно надѣяться на спасеніе не только отъ голода, но и отъ такъ называемыхъ повальныхъ болѣзней, эпидемій, или повѣтрій, т. е. болѣзней, наносимыхъ вѣтромъ, воздушными токами, управленіе которыми и есть настоящее дѣло рода человѣческаго, возможное лишь въ томъ случаѣ, если народы, обращенные нынѣ въ войска, будутъ содѣйствовать другъ другу, т. е. будутъ исполнителями одного и того же дѣла, дѣла регуляціи метерическими процессами. Обращеніе въ естествоиспытательную силу, требуетъ отъ войска не войны, а содѣйствія, или общаго дѣйствія, въ дѣлѣ регуляціи, въ воздѣйствіи на смертоносную силу, при чемъ отечества, для защиты коихъ назначены войска, соединятся въ одно отечество, въ отечество умершихъ отцовъ.

Приложеніе I-е

Вопросъ о Каразинской Метеорологической станціи въ Москвѣ.

„Въ астрономіи мы уже видимъ пользу отъ постоянныхъ и связныхъ наблюденій. Нельзя не желать, чтобы подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна представляетъ столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?"

(Изъ доклада В. Н. Каразина московскому обществу естествоиспытателей, сдѣланнаго въ 1810 году).

Съ абсолютной точки зрѣнія всѣ науки имѣютъ одинаковую цѣнность и значеніе, какъ части одного органическаго цѣлаго—**познаваемаго.** Нельзя сказать того же, принявъ во вниманіе болѣе или менѣе тѣсную связь ихъ съ жизнью. Разъ извѣстная научная отрасль возникла, мы имѣемъ полную возможность обсуждать значеніе ея для человѣчества, ее, если можно такъ выразиться, связь съ его, т. е. человѣчества, грядущими судьбами: чѣмъ болѣе глубокія и общія жизненныя условія затрогиваются и разрабатываются данной наукой, тѣмъ болѣе почетное мѣсто должно отвести ей человѣчество и поставить разрѣшеніе ея вопросовъ **на первую очередь.**

Къ сожалѣнію, подобная правильная оцѣнка совершается не сразу и лишь медленно проникаетъ въ сознаніе общества.

Если-бы мнѣ надо было привести наиболѣе поразительный примѣръ человѣческой безпечности, то я указалъ-бы на отношеніе къ изученію наиболѣе общихъ внѣшнихъ условій нашего существованія,—на отношеніе къ явленіямъ, происходящимъ въ воздушномъ океанѣ, на днѣ котораго живетъ человѣкъ; короче—я указалъ-бы на положеніе метеорологіи въ ряду другихъ человѣческихъ знаній. Правда, за послѣднія десятилѣтія дѣло это прогрессивно развивается, но и теперь еще постановка его далеко не соотвѣтствуетъ его значенію. Очевидно, что для земледѣльческой страны, какова Россія, изученіе атмосферныхъ явленій представляется дѣломъ чрезвычайной важности, но кромѣ того, на Россіи въ этомъ отношеніи лежитъ общечеловѣческая миссія.

В. Н. Каразинъ еще въ 1810 году писалъ, что Россія представляетъ самую удобную арену для метеорологическихъ наблюденій, а за послѣднее время, съ опубликованіемъ работъ инженера Савельева по наблюденію солнечной постоянной, это мнѣніе стало ходячей монетой.

Что-же сдѣлано нами для разработки метеорологіи? По выраженію Воейкова, «еще въ началѣ 19-го столѣтія изученіе метеорологіи не состовлял о въ Россіи общепризнанной необходимости». Въ періодъ 1820—1835 г. наблюденіе велось на 30 станціяхъ и преимущественно частными лицами. Основанное Гумбольдтомъ въ 1828 Magnetische Verein*) нашло отголосокъ и въ Россіи, гдѣ было основано 8 станцій для наблюденія магнитнаго электричества. Впослѣдствіи кругъ ихъ дѣятельности былъ расширенъ въ смыслѣ включенія въ ихъ программу метеорологическихъ наблюденій. Въ 1849 году была основана Главная Физическая Обсерваторія, но, по свидѣтельству Воейкова **), еще въ 1874 году даже въ Петербургѣ не всѣ знали объ ея существованіи. Съ 1850 года въ дѣлѣ организаціи метеорологическихъ наблюденій принимаетъ участіе Императорское Русское Географическое Общество. Въ настоящее время всѣхъ метеорологическихъ станцій, находящихся въ завѣдываніи или подъ руководствомъ Главной Физической Обсерваторіи, считается около 524.

Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ регулярныя наблюденія ведутся въ Петровской Земледѣльческой Академіи, въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ и въ Университетѣ. Послѣдняя станція, на дняхъ вступающая во второй годъ своего существованія, въ матеріальномъ отношеніи поставлена хуже другихъ, хотя бы уже потому, что наблюденія ведутся въ двухъ довольно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ и, къ тому же, психрометрическая будка помѣщена на застроенномъ со всѣхъ сторонъ дворикѣ стараго зданія.

Вотъ почему сообщеніе «Русскихъ Вѣдомостей» о возбужденіи хода-

*) Не повліяли-ли на Гумбольдта идеи Каразина, высказанныя еще въ 1810 году?
**) Метеорологія въ Россіи. 1874.

тайства относительно перенесенія обсерваторіи въ бельведеръ Румянцевскаго Музея должно было заинтересовать всѣхъ лицъ, близко принимающихъ къ сердцу судьбы русской метеорологіи. Къ сожалѣнію, надеждамъ, высказаннымъ газетой, не суждено было оправдаться, такъ какъ вопросъ этотъ вскорѣ окончательно заглохъ. Хотѣлось-бы вѣрить однако, что новое ходатайство, обращенное **помимо канцелярій** непосредственно къ тѣмъ, отъ кого зависитъ разрѣшеніе этого вопроса, должно привести къ благопріятному концу. Въ самомъ дѣлѣ: въ пользу упомянутаго проекта говоритъ цѣлый рядъ доводовъ.

Великолѣпное зданіе Музея занимаетъ одно изъ наиболѣе возвышенныхъ мѣстъ города, а его куполъ положительно господствуетъ надъ окрестностью; прибавимъ сюда огромное собраніе книгъ, находящихся въ томъ же зданіи,— и выгоды предлагаемаго перемѣщенія станутъ сами собою очевидны.

Если причиною неудачи перваго ходатайства была мысль, что соединеніе обсерваторіи съ музеемъ вообще недопустимо, что такимъ образомъ дѣятельность учрежденія, посвященнаго главнымъ образомъ исторіи, былабы затруднена союзомъ съ наукою естественною, то мы должны признать здѣсь наличность недоразумѣнія,

Музей есть по преимуществу книжное хранилище. Но что-же такое книга, какъ не запись наблюденій? Это опредѣленіе остается вѣрнымъ, будетъ-ли содержаніе книги біографія, техническое руководство или метеорологическій бюллетень. При томъ, всякая книга есть не болѣе какъ пособіе къ дальнѣйшему изученію познаваемаго, къ той великой, еще не напечатанной книгѣ, изученіе которой должно составить задачу человѣчества.

Не говоря уже о томъ, что такая оторванность наблюдателей отъ книжнаго хранилища лишаетъ послѣднее жизненности и превращаетъ изъ пособія въ нѣмую могилу, не говоря уже объ этомъ,— мы должны признать, что самое дѣленіе наукъ на историческія и естественно-математическія крайне искусственно. Это не два отдѣла, а двѣ взаимно пополняющія другъ друга точки зрѣнія.

Все имѣетъ прошлое, т. е. свою исторію, а съ другой стороны, вся совокупность явленій на нашей планетѣ происходила въ небесномъ пространствѣ и управлялась законами астрономическими.

Съ этой объективной, космической или астрономической, точки зрѣнія, человѣкъ является небожителемъ, а жизнь его—частью міровой исторіи. Не будемъ, однако, обольщаться мыслью, что такое правильное и цѣлостное пониманіе науки представляется дѣломъ новымъ. Вотъ что читаемъ мы въ книгѣ Оленина *), посвященной вопросу обо устройствѣ петербургской публичной библіотеки: «Намѣреніе Государыни (Екатерины II) было, какъ сказываютъ, соединить сіе зданіе съ Аничковскимъ дворцомъ по-

*) Опытъ новаго библіографическаго устройства для Спб. Императорской пуб. биб. 1808 г.

средствомъ великолѣпнаго сада и теплыхъ крытыхъ зданій, въ коихъ предполагалось развести разныя деревья; сверхъ того, намѣреніе было помѣстить въ сихъ зданіяхъ всѣ части, касающіяся до наукъ и художествъ, а на домѣ опредѣлено было поставить обсерваторію, какъ то значится въ чертежѣ первоначальнаго плана». (Стр. 11).

Такимъ образомъ, приведя планъ относительно обсерваторіи въ исполненіе, мы только осуществимъ правильную мысль, завѣщанную намъ предками, а назвавъ эту обсерваторію «Каразинской», мы соблюдемъ самыя элементарныя правила исторической справедливости, возстановивъ славу **перваго метеоролога съ широкими научными стремленіями**. Включеніемъ въ программу подробныхъ и всестороннихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ, что составляло излюбленный предметъ Каразина, мы соорудимъ ему достойный памятникъ.

Но этого мало: неужели ту «мерзость запустѣнія», которая царитъ въ саду музея, нельзя промѣнять на научное пособіе первостепенной важности? Почему-бы на горѣ сада не воспроизвести модель геологическаго разрѣза Россіи по наибольшему ея протяженію, т. е. отъ Мурманскаго берега, на границѣ двухъ океановъ, по направленію великой сибирской дороги до океана Великаго *)? Данныхъ для такого грандіознаго плана еще недостаточно, но подобная работа, производясь постепенно и служа наглядным отчетомъ успѣховъ геологіи, теперь особенно умѣстна и желательна. Такимъ образомъ со временемъ мы имѣли бы у подножія историческаго музея музей доисторическій.

Быть можетъ, въ саду нашлось бы мѣсто и для опытной станціи, великолѣпный проектъ которой, созданный проф. Тимирязевымъ, до сихъ поръ остается безъ исполненія.

Вообще, чѣмъ разностороннѣе будутъ научныя задачи музея, тѣмъ болѣе онъ будетъ терять значеніе кладбища, вызывающаго лишь рѣдкое и случайное паломничество, и тѣмъ болѣе онъ будетъ осуществлять свою идеальную задачу — служить образовательнымъ орудіемъ въ широкомъ смыслѣ.

Приложеніе 2-е

Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину.

> Современная наука есть выводъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ **кое-кѣмъ, кое-гдѣ** и кое когда, тогда какъ она должна быть выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ всегда, **вездѣ и всѣми.**

Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе идеи Бодуэна. Сущность ихъ заключается въ томъ, что если посредствомъ воздушнаго шара,

*) Фантастическаго здѣсь ничего нѣтъ: въ другихъ странахъ подобныя модели уже осуществлены.

пущеннаго въ высокіе слои атмосферы, производитъ электрическій разрядъ облаковъ, то должны произойти осадки, въ видѣ дождя. Лоджъ тоже высказывается за возможность путемъ регуляціи атмосфернаго электричества воздѣйствовать на метеорологическія явленія. Послѣдній ученый высказываетъ мысль, что, по всей вѣроятности, вліяніе электричества на погоду гораздо больше, нежели мы думаемъ. Онъ полагаетъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ надеждѣ управлять электрическимъ напряженіемъ атмосферы, а слѣдовательно, и погодой.

Эти идеи о регуляціи метеорологическихъ явленій до нѣкоторой степени возбуждаютъ сенсацію, какъ важная **новость**.

Вполнѣ понятно, что такой важный вопросъ обращаетъ на **себя вниманіе**, но странно, что онъ дожидался этой чести въ теченіе восьмидесяти лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: ровно восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ В Н. Каразинъ развивалъ эту мысль въ письмѣ къ Аракчееву отъ 9-го апрѣля 1814 года. Вотъ его подлинные слова: «Поелику электричество употребляется природой первымъ орудіемъ къ произведенію метеоровъ, то не достигнетъ-ли когда-либо посредствомъ онаго человѣкъ до возможности, по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ*), управлять состояніемъ атмосферы, производить ведро и дождь по своему произволу?» **).

Каразинъ выражаетъ надежду, что Аракчеевъ достаточно просвѣщенъ и не сочтетъ его мысли слишкомъ дерзкой. Онъ жестого ошибся: Аракчеевъ не только ***) не понялъ Каразина, но даже издѣвался надъ нимъ. Далѣе: не только мысль о возможности регуляціи, но даже способъ, который предлагался Каразинымъ, совершенно тождественъ съ тѣмъ, на который указываетъ Бодуэнъ. ****). Это—тотъ же воздушный шаръ съ громоотводомъ, соединенный проводникомъ съ поверхностью земли. †).

Но этого мало: Каразинъ не только высказалъ извѣстную мысль, но стремился провести ее въ жизнь. Онъ прекрасно понималъ, что задача изученія природы и, въ частности, атмосферныхъ явленій не подъ силу одному человѣку, и былъ озабоченъ составленіемъ плана всеобщаго наблюденія и изученія метеорологическихъ явленій. Укажемъ на самую характерную черту проекта Каразина и въ немногихъ словахъ выяснимъ ея значеніе. Каразинъ, какъ извѣстно, хоть это почему-то и упускается изъ виду, былъ не только «основателемъ Харьковскаго Университета», но основателемъ самаго Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ качествѣ лица,

---

*) А, слѣдовательно, и вездѣ, т. к. возможное въ одномъ мѣстѣ возможно и повсюду.

**) Сборникъ историческихъ матерьяловъ, извлеченныхъ изъ перваго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. СПБ. 1876 г. Вып. I. Стр. 461.

***) См Біографію Каразина, написанную Абрамовымъ, СПБ. 1891 г. Стр. 75.

****) Замѣтимъ кстати, что послѣ Каразина, но много ранѣе Бодуэна этотъ способъ предлагалъ Араго для управленія грозами. См. Annuaire pour l' an 1838, présenté au Roi par le bureau de longitudes, p. 570.

†) Эта мысль подробно развита Каразинымъ въ 1818 году, въ запискѣ о возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка.

стоящаго у кормила правленія новаго Министерства, онъ проектировалъ цѣлый рядъ плановъ, которымъ до сихъ поръ еще не удалось перейти въ жизнь.

Къ числу такихъ плановъ, неоцѣненныхъ современниками и слишкомъ рано забытыхъ потомками, принадлежитъ идея повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій въ странѣ, занимающей шестую часть материка. Онъ задумалъ покрыть Россію сѣтью наблюдательныхъ станцій и, что особенно важно и до сихъ поръ не оцѣнено, — хотѣлъ исполнить этотъ грандіозный планъ самымъ естественнымъ путемъ, самымъ простымъ способомъ, **не создавая новыхъ должностей**, т. е. безденежно, такъ какъ онъ прекрасно понималъ, что иначе въ такой обширной странѣ это было-бы и невозможно. Онъ хотѣлъ достигнуть осуществленія этой задачи, дѣлая наблюдателями учителей народныхъ школъ и такимъ образомъ **естественно соединяя распространеніе просвѣщенія съ расширеніемъ самаго знанія.** Очевидно имъ руководила глубокая и вполнѣ правильная мысль, что обладатели наличнаго запаса знанія, случайно собраннаго, (т. е. ученые), должны быть лишь начинателями въ созданіи науки, воздвигаемой при общемъ участіи. Отъ подобной постановки дѣла должно было выиграть и самое преподаваніе. **Оно стало-бы тогда естественно,—а не искусственно наглядным (наблюденіе природы, а не разсматриваніе картинъ); тогда выборъ предмета преподаванія не зависѣлъ-бы отъ произвола наставниковъ и руководителей,** и обученіе сдѣлалось бы плодотворнымъ какъ по методу, такъ и по характеру сообщаемыхъ свѣдѣній.

Въ самомъ дѣлѣ: глубоко правъ крестьянинъ, говоря, что его кормитъ небо, ибо зависимость проявленій физической жизни связана съ ходомъ метеорологическихъ явленій крайне тѣсно. Вотъ почему о «благорастворенiи воздуховъ» молятся въ храмахъ, вотъ почему знаніе этихъ явленій должно лечь въ основу научнаго преподаванія **въ христіанскихъ** школахъ вообще, **(ибо антагонизма между свѣтскимъ и духовнымъ, земскимъ и церковнымъ быть не должно*).**

Но и этого мало: безъ преувеличенія можно сказать, что ни въ одной отрасли человѣческаго знанія не ощущается съ такой очевидностью необходимость единовременнаго наблюденія на обширномъ пространствѣ и во многихъ пунктахъ; здѣсь необходимо полное единеніе при наблюденіяхъ настоящаго съ цѣлью воздѣйствія на будущее, **объединеніе всѣхъ въ познаніи и воздѣйствіи на ту силу, которая казнитъ смертью за невѣжество (голодъ, эпидеміи).** Каразинъ зналъ и открыто высказывалъ, что Россія по своимъ климатическимъ условіямъ и географическому положенію представляетъ наиболѣе удобную арену для этой общечеловѣческой работы **) и, поэтому всякое начинаніе, всякій шагъ, клонящійся къ осуществленію этой великой задачи, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ началомъ исполненія

*) См. „Чтенія" въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей. 1893 г. Вып. 3. Предисловіе къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ. VI.

**) Теперь это фактъ общепризнанный.

миссіи, самой судьбой возложенной на насъ, Русскихъ. Не будемъ же забывать о томъ, кто первый (не только въ Россіи) бросилъ сѣмена этой мысли! Но каково же должно быть почитаніе человѣка мысли и дѣла? Не ясно-ли, что если ко дню столѣтія его рожденія память о немъ едва начинаетъ извлекаться изъ забвенія, то эта историческая несправедливость можетъ быть искуплена ко дню столѣтія его кончины и притомъ только однимъ путемъ—повсемѣстнымъ созданіемъ образцовыхъ школъ, т. е. такихъ, гдѣ **не только учились бы, но и изучали,** такихъ школъ, которыя, **работая для будущаго,** въ тоже время являлись бы хранилищами прошедшаго. Память Каразина можно и должно чествовать **не статуей, возстановляющей лишь его наружность, а дѣломъ, являющимся осуществленіемъ его плодотворной мысли** *). Къ сожалѣнію, Харьковцы рѣшились почтить его память именно постановкой статуи. Не будетъ ли это, однако, **злой насмѣшкой надъ** тѣмъ, который въ теченіе всей своей жизни не могъ получить и половины суммы, необходимой для производства опыта и которая теперь уже собрана, не смотря на тугость подписки **), если потомство, вмѣсто исполненія завѣтной мысли В. Н. Каразина, предпочтетъ **откупиться,** уклоняясь отъ своей непосредственной обязанности.

Приложеніе 3-е

Предисловіе къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ.

Годъ тому назадъ, когда Москва готовилась къ празднованію пятисотлѣтія со дня кончины преп. Сергія игумена Радонежскаго, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 254, сентября 13 д.) появилась подъ заглавіемъ «Храмъ св. Троицы при Румянцевскомъ Музеѣ» статья, авторъ которой (Сергѣй ***) предлагалъ возсоздать, въ единеніе съ музейскимъ храмомъ во имя двухъ великихъ чтителей Тріединаго Бога свят. Николая чудотворца и преп. Сергія, малый деревянный храмъ св. Троицы, точное по возможности подобіе перваго Сергіева храма Троицы; авторъ высказывалъ при этомъ пожеланіе, чтобы въ постройкѣ храма приняли участіе всѣ сво-

*) Намъ кажется, что учрежденіе метеорологической станціи имени Каразина въ Москвѣ могло-бы служить починомъ въ дѣлѣ чествованія его памяти. Вопросъ этотъ, затронутый въ № 44 „Наука и Жизнь“ за 1893 годъ, вызвалъ поправку въ видѣ письма въ „Моск. Вѣд.“ Поправка эта обязана своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что все, сказанное въ моей статьѣ, слишкомъ односторонне было отнесено къ Румянцевскому Музею. На самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе и если рѣчь шла о Румянцевскомъ Музеѣ, то это объясняется тѣмъ, что автору, какъ природному москвичу, естественно, было-бы пріятно видѣть одно изъ самыхъ богатыхъ книгохранилищъ Россіи всеобъемлющимъ научно-вспомогательнымъ учрежденіемъ. Казалось-бы, что не слѣдуетъ предлагать учрежденіе новаго тамъ, гдѣ можно ограничиться расширеніемъ и усовершенствованіемъ стараго.

Повторяю: все сказанное въ моей первой замѣткѣ имѣетъ общее значеніе, такъ какъ инициатива въ дѣлѣ созданія **памятниковъ** (а не статуй!) должна быть особенной задачей музеевъ: на нихъ лежитъ долгъ напоминать о людяхъ, къ которымъ оказываются **несправедливы** потомки, соотечественники и, **особенно земляки.**

**) См статью въ № 75 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1894 годъ.

имъ личнымъ трудомъ: священно-служитель—молитвой, ученый зодчій—археологич. трудомъ и строеніемъ, живописецъ—кистью, владѣлецъ лѣса—матеріаломъ, рабочій—своимъ трудомъ, а самый храмъ былъ бы обыденнымъ, былъ бы построенъ въ одинъ день, по примѣру древней Руси.—Мысль эта была весьма сочувственно встрѣчена (см. Московскія Вѣдомости отъ 17 сентября, № 258, ст. «Письмо къ издателю» Владимира *** и Русское Обозрѣніе за 1892 г., августъ, стр. 758) и на постройку храма стали стекаться пожертвованія; но вскорѣ же она встрѣтила и неожиданное препятствіе. «Въ виду того, что вышеозначенная благая мысль еще не получила оффиціальнаго утвержденія, сочтено было долгомъ заявить, что всякія пожертвованія пока преждевременны и не могутъ быть принимаемы ни редакціей газеты, ни управленіемъ Румянцевскаго Музея». (См. тѣ же Вѣдомости отъ 23 сентября № 264). «Оффиціальнаго утвержденія» и доселѣ еще не послѣдовало и мысль о постройкѣ обыденнаго храма, по образцу Сергіева храма св. Троицы, остается доселѣ, т. е. ко второй по 500-лѣтіи годовщинѣ его памяти, не выполненной... Желаніе напомнить какъ объ этомъ неисполненномъ предположеніи, такъ и вообще о томъ, какъ исполнялось въ древней Руси построеніе обыденныхъ церквей и побудило издать одно изъ доселѣ извѣстныхъ сказаній о постройкѣ обыденныхъ храмовъ, именно сказаніе о постройкѣ храма во имя Всемилостиваго Спаса, въ 1654 году въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныя язвы» («моровой чумы» *). Самому сказанію предпосылается небольшое сообщеніе о томъ: откуда и отъ кого пошелъ этотъ обычай и какое мѣсто занимало построеніе обыденныхъ храмовъ по отношенію къ другимъ благочестивымъ обычаямъ древней Руси, какъ-то частнымъ и общественнымъ моленіямъ или крестнымъ ходамъ.

Данныя прежняго времени приводятъ насъ къ убѣжденію, что юбилейное празднованіе въ видѣ крестнаго хода для своей полноты и для своего же увѣковѣченія должно быть завершаемо построеніемъ обыденнаго храма, если, конечно, мы хотимъ быть вѣрны преданію, неизмѣнно вѣрны тѣмъ, кого поминаемъ, ибо поминовеніе отъ всей души, всею мыслію и сердцемъ, въ чемъ заключается вѣрность, можетъ проявиться **только** въ созиданіи храма, въ коемъ соединяется **пока** все, для чего требуется умъ и искусство человѣческое. Память всероссійскаго чудотворца должна бы быть отпразднована всею Россіею трудомъ построенія храмовъ живоначальной Троицы во всѣхъ городахъ и селахъ, и въ послѣднихъ въ особенности. Эти храмы Пр. Троицы, хотя бы не обыденные, но при **всеобщемъ участіи** созидаемые, будучи такимъ образомъ плодомъ труда, труда умственнаго и физическаго, плодомъ знанія и искусства всей Россіи,—могутъ и должны служить школами, а вмѣстѣ хранилищемъ и старинныхъ

*) Содержаніе этого сказанія изложено въ Описаніи Спасообыденной всеградской, что въ Вологдѣ, церкви, сост. Н. Суворовымъ. См. Вологодскія епарх. вѣдомости за 1879 г. № 16 и 17.—Мнѣ извѣстно еще сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Ярославлѣ, напечатанное въ Описаніи Ярославскаго Спасо-Пробоинскаго обыденнаго храма, составленномъ свящ. Іоанномъ Соловьевымъ (Ярославль, 1869 г, стр. 85—86 и 167—183).

иконъ, утвари, вышедшей изъ употребленія, и вообще музеемъ, не пренебрегающимъ, по примѣру древней Руси, и памятниками свѣтскаго происхожденія. При такомъ празднованіи храмы-школы, которые въ настоящее время сооружаются кой-гдѣ *), были бы построены вездѣ, во всей Россіи, благодаря преп. Сергію, что было бы новымъ посмертнымъ его чудомъ.

Чудо не совершилось по нашему невѣрію, или точнѣе по нашей невѣрности, измѣнѣ своимъ предкамъ, притомъ въ дѣлѣ почитанія ихъ памяти. Если бы мы при составленіи программы празднованія юбилея обратились къ исторіи, т. е спросили своихъ предковъ: какъ нужно праздновать память великихъ подвижниковъ Русской земли, тогда наше празднованіе имѣло бы надлежащую полноту. Оно было бы не трудомъ только хожденія, а и трудомъ построенія, въ которомъ чувства, вынесенныя изъ хода, получили бы внѣшнее выраженіе, а не исчезли бы безслѣдно; оно было бы дѣломъ созиданія образовательнаго, народообразовательнаго храма и поучительнаго памятника (музея).

Но что не было исполнено въ пятисотлѣтнюю память смерти преп Сергія, то можетъ быть исполнено въ 500-лѣтнюю годовщину прославленія памяти чудотворца, открытія его мощей, въ 1922 году, если починъ этому будетъ положенъ **теперь же. День же прославленія важнѣе, священнѣе дня смерти: послѣдній относится къ первому, какъ Суббота къ Воскресенію; къ этому Воскресенію и долженъ** быть исполненъ обѣтъ построенія школъ и музеевъ подъ кровомъ храмовъ живоначальной и нераздѣльной Троицы, соединяющей всѣхъ сыновъ у памятника всѣхъ умершихъ отцовъ.

Повсемѣстное же построеніе ихъ можетъ быть лишь плодомъ примиренія духовнаго и свѣтскаго, церковнаго и земскаго въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія, во исполненіе обѣта, даннаго при первомъ просвѣщеніи Руси крещеніемъ. Русскій народъ крещенъ былъ, какъ извѣстно, безъ предварительнаго оглашенія или просвѣщенія, т. е. крещеніе народа совершилось на томъ же основаніи, на какомъ крестятъ дѣтей. Князь, дружина и старцы градскіе (земство) были воспріемниками народа отъ общей купели. Въ воспріемничествѣ же заключается долгъ всеобщаго обязательнаго образованія или, что тоже, построеніе повсемѣстно храмовъ просвѣщенія, долгъ, неисполненный ни къ 900-лѣтію памяти равноап. Владимира, ни къ 500-лѣтію памяти преп. Сергія, неисполненный не смотря ни на голодъ, ни на язвы, какъ естественныя слѣдствія нашей вины въ недѣятельности и розни въ дѣлѣ просвѣщенія.

*) Въ Старосельѣ (въ Ольжичахъ) въ память 900-лѣтія Черниговской епархіи былъ построенъ храмъ-школа; слѣдовательно празднованіе юбилеевъ построеніемъ храмовъ-школъ не есть новшество, а лишь обобщеніе того, что родилось само собою и не могло даже не родиться, будучи реакціею противъ ложнаго отдѣленія духовнаго отъ свѣтскаго, которое (т. е. одтѣленіе) есть дѣйствительно новшество, т. е. произведеніе новой исторіи, а не нашей, не древней Руси. Въ мысли, требующей соединенія школы и храма, мысли очевидно рожденной свыше, заключается цѣлая система воспитанія и обученія, которая должна замѣнить нынѣшнюю, очевидно, несостоятельную, ничего кромѣ произвола въ себѣ незаключающую

Обычай строить по обѣту обыденныя (единодневныя, въ одинъ день) церкви для избавленія города или страны отъ того или другого общественнаго бѣдствія—очень древній. Первый примѣръ обѣтной церкви, а можетъ быть и обыденной *), относится ко времени вел. князя Владимира, къ 996 году **). Спасаясь отъ печенѣговъ, преслѣдовавшихъ его, великій князь принужденъ былъ скрыться подъ мостомъ и далъ обѣтъ построить церковь, въ случаѣ избавленія отъ угрожавшей ему опасности. По удаленіи печенѣговъ онъ немедля исполнилъ свой обѣтъ: «постави церковь и створи праздникъ великій».—Главными причинами построенія обыденныхъ церквей—служили моръ и моровыя повѣтрія. По новгородскимъ лѣтописямъ можно насчитать до 8 случаевъ построенія обыденныхъ церквей за періодъ времени съ 1390—1553 гг. въ Новгородѣ и 5 случаевъ за время съ 1407 по 1552 гг. въ Псковѣ—по случаямъ мора ***).—Но обыденныя церкви строились не въ двухъ только этихъ городахъ, но повсемѣстно. Обыденная церковь была и въ Московскомъ Кремлѣ. Вел. княгиня Софья Ѳоминишна (жена вел. князя Ивана III) «льстивою хитростью» убѣдила хана Ахмата уступить ей подъ церковь Ордынское подворье, находившееся въ Кремлѣ (противъ нынѣшняго Николаевскаго дворца). Вмѣсто подворья и была обыденкой построена (около 1480 г.) обѣтная деревянная церковь во имя свят. Николая (впослѣдствіи Николо-Гостунскій соборъ ****).

Первая мысль о построеніи обѣтной церкви отъ угрожающей опасности возникала или у всѣхъ жителей города или у какого-либо одного лица—духовнаго или свѣтскаго, которое сообщало свою мысль другимъ.—Существовали обыденныя (и посему—деревянныя) церкви различное время: годъ, 23, 25 и 40 лѣтъ, иныя же и болѣе 150 лѣтъ, какъ напр. церковь Происхожденія честныхъ древъ или Спаса Всемилостиваго, построенная въ Новгородѣ ок. 1424 г. и простоявшая до 1592 г., когда она была замѣнена новой—церковью преп. Маріи Египетской. Въ построеніи ихъ участвовало все народонаселеніе города: одни таскали бревна, другіе рубили, иные исполняли прочія работы. Ночью освѣщали работы, чтобы не остановить ихъ; а самое освященіе церкви должно было быть совершено въ тѣже сутки.—Посвящались церкви Спасителю или Божіей Матери или святому тому или другому, причемъ не было правиломъ избирать того святого, чья память праздновалась въ самый день построенія церкви.—Иногда по случаю

---

*) Такъ какъ обыденныя церкви строились по обѣту, данному цѣлымъ городомъ, то онѣ назывались также обѣтными и завѣтными, но не всѣ обѣтныя церкви были обыденными.

**) См. Древности Московскаго Археологич. Общества, т. I, вып. 2-й. М. 1867 г. Археологич. Словарь, стр. 43—47. Статья графа А. С. Уварова.

***) См. ibid., также Новгородскія лѣтописи изд. Археографич. Коммиссіею и архим. Макарія, Археологич. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, ч I, стр. 16—18.

****) См. пресвитера Г. І. Истомина, Ивановская колокольня и церкви при ней. М. 1893 г., стр. 11.

того или другого общественнаго бѣдствія строили сразу нѣсколько обыденныхъ церквей—двѣ, три въ одномъ и томъ же городѣ*).

Въ 1654 году моровая язва, опустошавшая московское государство, достигла и гор. Вологды: ходилъ ли кто или стоялъ или сидѣлъ «и тако забывся вмалѣ вскорѣ умираху»; ложившіеся вечеромъ спать «заутра мертвіи являхуся». Умиравшихъ было такъ много, что священники едва успѣвали погребать ихъ. «На сердце гражданомъ взыде еже создати алтарь имени Господню», создать его днемъ и ночью неотступно, «во еже бы Господь Богъ утолилъ праведный Свой гнѣвъ и помиловалъ люди своя отъ смертоносныя язвы». По назначеніи заранѣе дня и по полученіи благословенія отъ архіеп. вологодскаго Маркелла, 18 октября вечеромъ въ первомъ часу ночи совершена была закладка храма. Въ постройкѣ его приняло участіе «множество народа: овіи древіе употребляху и назидаху, инніи на основаніе полагаху, а инніи изъ разныхъ мѣстъ древіе везяху: не бяше бо тогда на сооруженіе храма въ готовности ничтоже, но все изъ разныхъ мѣстъ приношахуся; а инніи мнози ради нощнаго мрака береста зажигаху и въ рукахъ своихъ на древесѣхъ ношаху». «На утрешній день» храмъ былъ готовъ, «точію стѣнъ не отесаху; послѣди же вскорѣ исправиша и ко уготовленію освященія съ великимъ тщаніемъ изготовиша», причемъ образа были взяты изъ другихъ церквей. Тотчасъ же было совершено освященіе храма, и къ вечеру отслужена первая литургія. «И умилостивися благоутробный Господь, измѣни смерть на животъ: преста бо отъ того дни въ людехъ смертоносная язва»... Мѣстный лѣтописецъ такъ занесъ о семъ въ свои записи: «лѣта 7163 октября 18 дня, належащу мору, на память св. апостола и евангелиста Луки, поставили единодневный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса Смоленскаго на Вологдѣ, на старой площади, начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали свѣточи и зажигали скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло, а срубили за два часа до дни; а святить начали въ 5 часу дни. И видѣ Господь вѣру и моленіе рабовъ своихъ и покаяніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста». (См. Описаніе Вологодскаго Спасокаменскаго Духова монастыря, сост. П. Савваитовымъ. Спб. 1860 г. стр. 47).

Въ увѣковѣченіе памяти объ этомъ чудесномъ событіи вологжане постановили ежегодно праздновать этотъ день. За недѣлю до 18 октября доселѣ между гражданами соблюдается постъ, а наканунѣ послѣ всенощнаго бдѣнія вся ночь проводится ими безъ сна въ обыденной церкви, въ которой и читается печатаемое вслѣдъ за симъ сказаніе. (См. Москвитянинъ за 1842 г. № 4, стр. 547—554, сообщеніе П. Савваитова).

Списковъ его намъ извѣстно два: одинъ, хранящійся въ библіотекѣ означенной Вологодской обыденной церкви, по которому оно и напечатано

*) См. отмѣченную выше статью гр. А. С. Уварова объ обыденныхъ церквахъ въ Древностяхъ.

здѣсь, и другой—недавно поступившій въ библіотеку Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Первый списокъ—отрывокъ какого-то сборника, въ 4-ку, XIX вѣка (на бумагѣ 1810 годъ), именно листы 41—59. Листъ 41-й содержитъ конецъ чина малаго освященія воды, именно слѣдующія слова молитвы: «...всякаго врага и супостата, умири нашу жизнь, Господи помилуй насъ и міръ твой и спаси душы наша, яко благъ и человѣколюбецъ». Внизу этихъ словъ перомъ нарисована водосвятная чаша, а по бокамъ ея крестъ и евангеліе. Вверху страницъ: «сказаніе о моровой язвѣ». На оборотѣ 59-го листа ничего не написано. Рукопись переплета не имѣетъ, и въ очень недавнее время была оклеена бѣлымъ листомъ писчей бумаги, на которомъ надпись о содержаніи рукописи, подобная находящейся въ самой рукописи.

Другой списокъ—Архивскій, въ 4-ку, на 43 листахъ, конца XVIII в. (на бумагѣ 1790 годъ). Рукопись содержитъ: 1) службу на 18 октября (лл. 1—8); 2) канонъ Всемилостивому Спасу съ акаѳистомъ Іисусу сладчайшему (лл. 8—25); 3) сказаніе (лл. 26—42; недостаетъ конца) и 4) молитва ко Господу нашему Іисусу Христу (лл. 42—43). Въ молитвѣ возсылаются прошенія объ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и пр.... Находящіеся въ этой рукописи по мѣстамъ разночтенія при изданіи всѣ отмѣчены.

Сентябрь 1893 г.

РАЗОРУЖЕНІЕ.

Какъ орудіе разрушенія обратить въ орудіе спасенія.

Безводіе и безснѣжіе 1897 года нашъ народъ объясняетъ наказаніемъ за наши грѣхи. Интеллигентный классъ смотритъ на такое воззрѣніе народа, какъ на предразсудокъ, суевѣріе. Но точно ли это лишь суевѣріе, и нѣтъ ли связи между войнами, этими международными грѣхами, и метеорическими погромами, какъ страшная засуха 1891 года и ливни 1897 года,—нѣтъ ли связи между проливными дождями, препятствовавшими туркамъ преслѣдовать отступавшихъ грековъ и артиллерійскимъ огнемъ изъ четырехсотъ иногда орудій разомъ? И нѣтъ ли связи между этими дождями, начавшимися, повидимому, надъ театромъ войны, и нашимъ бездождіемъ? Не греко ли турецкая война 1897 г.,—происходившая въ странѣ съ необыкновенно длинною береговою линіею и съ свойственными лишь этой странѣ особенностями въ горизонтальномъ и вертикальномъ очертаніяхъ,—дала толчекъ наводненіямъ, которыя начали распространяться на сѣверъ въ Турціи, Австріи и т. д.; наводненія же тамъ не вызвали ли бездождія и безводія у насъ? Въ 1891 г. Россія была лишена хлѣба, а въ 1897 году даже и воды;—«Волга—одинъ громадный безводный перекатъ»,—писали въ газетахъ; сообщенія водныя прекратились, министерство путей сообщенія было безсильно противодѣйствовать явившемуся вслѣдствіе того разобщенію; наука же безучастно отмѣтила лишь—въ однихъ мѣстахъ увеличеніе, а въ другихъ—уменьшеніе осадковъ, не задавшись даже вопросомъ о связи этихъ явленій съ канонадою, происходившею на войнѣ. А между тѣмъ этотъ вопросъ далеко не новый,—онъ былъ поднятъ въ 1891 году по случаю бывшаго тогда голода отъ засухи и американскаго опыта вызыванія дождя; а еще раньше вышла книга Поуэрса, гдѣ собраны всѣ случаи битвъ, сопровождавшихся грозами и дождями со времени введенія огнестрѣльнаго оружія. Въ 1891 году вопросъ этотъ дебатировался въ разныхъ ученыхъ обществахъ, не мало было написано по этому вопросу, и всетаки—въ концѣ концовъ—неразрѣшенный, онъ сданъ былъ въ архивъ, преданъ забвенію. Такъ въ 1891 году, на засѣданіи одесскаго техническаго общества однимъ изъ его членовъ было сдѣлано сообщеніе—«объ опытахъ вызыванія искусственнаго дождя въ Америкѣ»,—и за этимъ сообщеніемъ послѣдовали пренія пессимистическаго характера о цѣлесообразности такихъ попытокъ дѣйствія противъ засухи. Но такимъ отношеніемъ къ дѣлу избавленія отъ голода ученые техники сами себя осудили,

сами о себѣ засвидѣтельствовали, что нѣтъ средствъ побѣдить ихъ равнодушіе, ихъ непониманіе нужды народной, если въ то время когда чуть ли не отъ самой Одессы начинались голыя, по причинѣ именно бездождія, незасѣянныя поля,—техники ограничились лишь критикою американскаго способа одожденія... Данное опытомъ они отвергли словомъ, тогда какъ даже неудача опыта свидѣтельствовала бы лишь о нецелѣсообразности одного средства и требовала бы замѣны его другимъ, должна была бы вынуждать,—вслѣдствіе самаго положенія, въ которомъ находились тогда, продолжаемъ оставаться и теперь,—все къ новымъ и новымъ попыткамъ. Общество техниковъ, которое и въ страшный 1891 годъ не превратилось въ полномъ своемъ составѣ въ коммиссію для изысканія способовъ дѣйствія противъ засухъ и ливней, доказало, что оно чуждо и своей землѣ, и своему народу, чуждо и вообще земледѣлію всѣхъ странъ; а между тѣмъ, наступаетъ естественный всеземной кризисъ, выражающійся въ разстройствѣ метеорическаго механизма, такъ что предстоитъ обратить въ работу то, что до сихъ поръ, безъ особаго отъ того вреда, дѣлалось само собою. Требуется, слѣдовательно, новая техника. Засѣданіе одесскаго техническаго общества, на которомъ былъ осужденъ опытъ вызыванія дождя, можетъ сдѣлаться роковымъ для старой техники, дочери досуга, а не нужды, искусственныхъ, а не насущныхъ потребностей. Опытъ вызыванія дождя былъ осужденъ старою техникою, не смотря даже на то, что дождь названъ былъ искусственнымъ, названіе, которое, казалось, должно бы было сдѣлать этотъ опытъ доступнымъ пониманію даже техниковъ. Новая техника будетъ не искусственною, не городскою, ибо только горожане могутъ назвать искусственнымъ дождь, вызываемый сознательнымъ дѣйствіемъ человѣка, и видѣть какое-то насиліе, нарушеніе порядка въ сознательномъ дѣйствіи. Произведенные въ Америкѣ опыты, будучи искусственными, должны бы были сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для введенія регуляціи, т. е. для внесенія порядка въ безпорядокъ, гармоніи въ слѣпой хаосъ, если смотрѣть, конечно, на эти опыты не какъ на частное дѣло отдѣльныхъ фермеровъ, а какъ на общее, точнѣе,—всеобщее дѣло, какъ на дѣло естественное и нравственно, и физически, ибо нѣтъ ничего неестественнѣе для разумнаго существа, какъ подчиняться слѣпой силѣ. Регуляція атмосферныхъ явленій есть попытка естественнаго дѣйствія, дѣйствія общаго, замѣна слѣпого процесса сознательнымъ.

Наука остается безучастною къ вопросу о регуляціи атмосферными явленіями и до сихъ поръ; не натолкнулъ ее на этотъ вопросъ и 1897 г., хотя обмеленіе рѣкъ въ этомъ году, превращеніе ихъ въ безводные перекаты дѣлало изъ вопроса о регуляціи не общегосударственный только, а общечеловѣческій вопросъ. Для разрѣшенія этого вопроса наука не позаботилась собрать свѣдѣнія о количествѣ снарядовъ, выпущенныхъ во время всей греко-турецкой войны съ обѣихъ сторонъ,—впрочемъ, сдѣлать это возможно еще и теперь,—не собрала наука свѣдѣній и о погодѣ во время вышеупомянутой войны,—и сдѣлать это въ настоящее время едва-ли

будетъ возможно, потому что метеорологическихъ наблюденій не производятъ на поляхъ битвъ, не производятъ ихъ и въ мирное время, при артиллерійскихъ ученіяхъ и маневрахъ *). А, между тѣмъ, если греко-турецкая война дала толчекъ въ однѣхъ странахъ наводненіямъ, а въ другихъ - засухамъ, въ такомъ случаѣ она принесла больше зла Россіи и другимъ странамъ, чѣмъ самой Греціи .. Было бы, однако, слишкомъ поверхностно видѣть причину, вину естественныхъ бѣдствій 1897—1898 года въ международной политикѣ, допустившей греко-турецкое столкновеніе и вообще то положеніе восточнаго вопроса, въ которомъ онъ нынѣ находится; **вина кроется во всей цивилизаціи и культурѣ, въ жизни каждаго для себя, какъ послѣдней цѣли существованія, причемъ повинности и общая служба допускаются лишь, какъ неизбѣжное зло, общее же отеческое, или сыновнее дѣло, совершенно игнорируется, его не знаютъ и знать не хотятъ, боясь лишиться свободы, чарующаго разнообразія, тогда какъ истинная свобода, а не рознь** (или право не обращать вниманія на существованіе другихъ), **истинная полнота жизни будетъ именно въ общемъ отеческомъ дѣлѣ**... Безводіе не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы не нашло благопріятныхъ условій въ обезлѣсеніи и истощеніи земли, т. е. именно въ томъ, что произведено цивилизаціею, эксплоатаціею или вообще жизнью каждаго для себя лишь одного.

Въ настоящее время, когда во многихъ уже мѣстахъ паровая сила замѣнена электрическою энергіею, доставляемою паденіемъ водъ, когда явился даже у насъ въ Россіи проектъ снабженія Петербурга электрическою силою съ одной стороны - отъ Сайменскаго озера, куда собираются воды съ значительной части Финляндіи, а съ другой - отъ Нарвскаго водопада, чрезъ который стекаютъ воды со всего псковско-чудского бассейна, —недолго остается ждать, когда Альпы съ ихъ водопадами—для Западной Европы, Кавказъ—для Восточной, Памиръ и Тибетъ—для Азіи, Абиссинія —для Африки, станутъ источниками силъ, которыя замѣнятъ паровую силу; и тогда не только земледѣліе, какъ въ настоящее время, но и промышленность и пути сообщенія потребуютъ регуляціи метеорическимъ процессомъ, ибо сила паденія зависитъ отъ количества осадковъ, и только при регуляціи, при управленіи метеорическимъ процессомъ она будетъ постоянною, при ливняхъ же сила эта будетъ вредною, будетъ дѣйствовать разрушительно, а при бездождіи будетъ останавливаться работа на фабрикахъ и движеніе на желѣзныхъ дорогахъ. Тогда и западная Европа вынуждена будетъ заняться вопросомъ,—до сихъ поръ не открывшимся,—о регуляціи (управленіи) атмосферическими явленіями. Но неужели Россія будетъ и въ этомъ случаѣ ждать указаній съ Запада. Для Россіи, какъ страны земледѣльческой, метеорическая регуляція всегда составляла вспіющую

*) Не позаботилась объ этомъ наука и въ настоящее время, такъ что и испано-американская война для дѣла регуляціи потеряна; даже въ газетныхъ извѣстіяхъ не упоминалось о томъ, какое дѣйствіе имѣла канонада на погоду. Это свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о томъ, что разрушительныя орудія не достигли еще такой силы, чтобы измѣненіе погоды наступало немедленно за ихъ дѣйствіемъ.

необходимость; но наша интеллигенція, неспособная къ самостоятельной мысли,—съ сороковыхъ годовъ, и особенно съ шестидесятыхъ, была занята спасеніемъ Россіи отъ несуществовавшаго тогда въ ней пролетаріата и очень сокрушалась, не находя такой нищеты, какую она желала бы видѣть въ дорогомъ отечествѣ. А между тѣмъ, метеорическая регуляція не мечта, не фантазія, а такое дѣло, занявшись которымъ, наша интеллигенція не только не допустила бы пролетаріата въ Россію, но и другимъ странамъ, гдѣ пролетаріатъ существовалъ и въ сороковыхъ годахъ, указала бы путь, способъ отъ него избавиться, и это безъ всякаго насилія или кровопролитія. Въ доказательство того, что вызываніе, по крайней мѣрѣ, дождя и устраненіе многодождія—не мечта, а дѣйствительное, реальное дѣло, сошлемся на такого всѣмъ извѣстнаго ученаго, какъ Менделѣевъ, по мнѣнію котораго- «не существуетъ никакой невозможности въ вызовѣ дождя при помощи взрывовъ, производимыхъ на нѣкоторой высотѣ въ атмосферѣ»; только Менделѣевъ находитъ, что «предметъ этотъ, какъ и всѣ явленія дождеобразованія, еще требуетъ многихъ научныхъ работъ, направленныхъ въ сторону покоренія дѣйствующихъ здѣсь силъ на службу человѣчеству». Другой ученый, не столь извѣстный, но, очевидно, внимательно занимавшійся вопросомъ о вызываніи дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, А. Старковъ, редакторъ «Записокъ Одесскаго отдѣленія Императорскаго русск. технич. общ.», членъ какъ этого, такъ и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ,—на свидѣтельство котораго слѣдовательно также можно положиться, въ двухъ своихъ произведеніяхъ, изданныхъ еще въ 1892 г. въ Одессѣ, подъ заглавіемъ: а) «Можно ли вызывать дождь искусственнымъ путемъ?» и б) «Опыты вызыванія искусственнаго дождя въ Америкѣ», приходитъ къ заключенію, что «въ постановкѣ вопроса о возможности вызыванія искусственнымъ путемъ дождя нѣтъ ничего невозможнаго, сверхъестественнаго, выходящаго за предѣлы силъ человѣческихъ».. «Вопросъ о вызываніи искусственнымъ путемъ дождя»,—говоритъ Старковъ,—«является однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ новѣйшей науки и техники. Онъ настолько смѣлъ и грандіозенъ по своей мысли, настолько важенъ по своимъ послѣдствіямъ, что въ первый моментъ представляется какъ бы совсѣмъ недоступнымъ, какъ бы выходящимъ изъ предѣловъ человѣческихъ средствъ. Многіе отрицаютъ его только лишь будучи поражены смѣлостью и грандіозностью самаго замысла. Но въ наукѣ и техникѣ это не должно имѣть мѣста. Напротивъ, чѣмъ труднѣе и важнѣе задача, тѣмъ больше должно быть направлено усилій къ ея рѣшенію» («Можно ли вызывать дождь?»). Трудно себѣ даже приблизительно представить, какіе огромные результаты можетъ дать открытіе средства распредѣлять (по общему плану?) запасенную въ атмосферѣ влагу,—говоритъ Старковъ въ другомъ изъ вышеприведенныхъ своихъ сочиненій,— потому что, обладая такимъ средствомъ, мы получимъ возможность «не только регулировать наше земледѣліе, но и навсегда избѣгнуть неурожаевъ». «Влаги у насъ вполнѣ достаточно, но разпредѣляется она часто не толь-

ко не въ пользу земледѣльца, а даже прямо ему во вредъ. Когда нуженъ бываетъ дождь, мы ждемъ его не дождемся. Но вотъ настало время, когда земледѣльцу нужно ведро, а тутъ вдругъ полилъ дождь, какъ изъ ведра. Разбирая доводы, по которымъ американскіе опыты вызыванія дождя не привели, будто бы, ни къ какимъ результатамъ, Старковъ спрашиваетъ: «Но развѣ эти опыты доказали противное, т. е. установили невозможность вызыванія искусственнаго дождя, развѣ они заставляютъ отложить всякую надежду, въ этомъ направленіи? Нисколько! Напротивъ, всѣ очевидцы и не очевидцы, ученые и профаны въ своихъ статьяхъ самаго разнообразнаго характера въ одномъ лишь согласны, что эти опыты вовсе не доказали безплодность стремленія къ благопріятному рѣшенію вопроса и скорѣе даютъ надежду на возможность вызыванія искусственнымъ путемъ дождя». «Дѣлу вызыванія дождя американскими опытами данъ серьезный толчекъ. Будемъ надѣяться, что онъ вызоветъ новое и настойчивое изслѣдованіе вопроса, который представляетъ собою захватывающій интересъ и огромное значеніе. Съ одной стороны благопріятное рѣшеніе явится величайшимъ завоеваніемъ современной науки и техники, а съ другой —такое рѣшеніе создастъ чрезвычайно важный и полезный переворотъ въ экономической жизни современнаго земледѣльца, а съ нимъ и всего общества». Г-нъ Старковъ говоритъ также, будто общественное мнѣніе въ Америкѣ такъ возбуждено произведенными тамъ опытами, что робкія попытки испросить у конгресса какой-нибудь десятокъ тысячъ долларовъ на это дѣло разростаются теперь въ настойчивыя требованія милліоновъ на дальнѣйшее изслѣдованіе вопроса. «Навѣрное,— надѣется Старковъ,— эти милліоны подъ напоромъ разожженнаго общественнаго мнѣнія будутъ даны конгрессомъ и все дѣло вызыванія искусственнаго дождя будетъ поставлено на самую широкую ногу»... Впрочемъ, эти надежды г. Старкова до сихъ поръ не осуществились,—не только о милліонахъ, не было слышно объ ассигнованіи на изслѣдованіе вопроса о вызываніи дождя и болѣе скромныхъ суммъ. Мы же позволимъ себѣ замѣтить, что при надлежащей постановкѣ этого дѣла никакихъ милліоновъ не только не потребуется, но они скорѣе всего будутъ помѣхою дѣлу (такъ какъ съ милліонами неразлучно связаны всякія злоупотребленія), если вопросъ о вызываніи дождя будетъ понятъ, какъ регулированіе метеорическимъ процессомъ, какъ управленіе силами природы. Опыты вызыванія искусственнымъ путемъ, —вѣрнѣе же путемъ разумнаго человѣческаго дѣйствія,—дождей имѣютъ въ виду одну лишь сторону вопроса о регулированіи метеорическимъ процессомъ, регулированіе же въ полномъ смыслѣ имѣетъ въ виду устраненіе засухъ въ однихъ и разрушительныхъ ливней въ другихъ мѣстахъ и не можетъ ограничиваться какою-либо одною, хотя бы и обширною мѣстностью,—регулированіе нужно всегда и вездѣ и не есть что-либо искусственное, оно такъ же естественно, какъ естественъ и разумъ; неестественъ, напротивъ, слѣпой процессъ при существованіи разума, ибо свидѣтельствуетъ о бездѣятельности разума... Сила, дѣйствующая въ метео-

рическомъ процессѣ—слѣпа, если не смѣшивать ее съ Богомъ, сотворившимъ какъ слѣпую силу, такъ и разумъ, предназначенный управлять ею; но родъ человѣческій,—носящій въ себѣ разумъ, вмѣсто управленія слѣпою силою, которое вмѣнено ему въ обязанность божественною заповѣдью, данною при сотвореніи, и которое требуетъ общаго человѣческаго труда,—замѣняетъ обязательный трудъ одною молитвою, а между тѣмъ молитвою можетъ лишь начинаться трудъ, общая молитва должна лишь сопровождать общій трудъ. Молитва о хлѣбѣ насущномъ не устраняетъ необходимости посѣва, обработки земли,—не можетъ она устранять необходимости и управленія (регулированія) метеорическимъ процессомъ, метеорическими явленіями, отъ которыхъ зависитъ многодождіе и бездождіе;—молитва къ Богу о хлѣбѣ насущномъ, сопровождаемая трудомъ управленія слѣпою силою природы, и есть дѣло Божіе, чрезъ человѣка совершаемое; въ этомъ будетъ исполненіе и молитвы, «да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли», молитвы—«да пріидетъ Царствіе Твое», «да святится имя Твое»...

Способъ вызыванія дождя, какъ основанный на данныхъ, собранныхъ на поляхъ сраженій, можетъ быть испытанъ надлежащимъ образомъ, надлежащимъ образомъ провѣренъ только чрезъ посредство войскъ, и это безъ всякихъ милліоновъ, безъ всякихъ особыхъ тратъ на такія испытанія,—стоитъ лишь правительству вмѣнить въ обязанность артиллерійскимъ командамъ, и вообще войскамъ, конннымъ и пѣшимъ, вооруженнымъ огненнымъ боемъ,—производство метеорологическихъ наблюденій, какъ въ военное, такъ и въ мирное время,—на ученіяхъ и маневрахъ,—передъ стрѣльбою, во время и послѣ стрѣльбы, т. е. стоитъ лишь обратить артиллерію въ средство изслѣдованія, а артиллеристовъ и, вообще, войска—въ изслѣдователей вліянія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія,—что ни въ какомъ случаѣ не уменьшитъ ихъ боевой силы на случай крайности, которая, впрочемъ, станетъ даже невозможною при успѣшности изслѣдованія, т. е. если окажется, что взрывчатыя вещества, дѣйствительно, могутъ быть средствомъ управленія атмосферными явленіями. Только этимъ путемъ, т. е. чрезъ войска, и возможно разрѣшить,—какое именно дѣйствіе производитъ артиллерійскій огонь, стрѣльба и, вообще, взрывчатыя вещества на атмосферныя явленія,—разгоняютъ ли они облака, какъ думаютъ нѣкоторые, или же вызываютъ дождь?.. Возможно, даже несомнѣнно, что въ различныхъ случаяхъ дѣйствіе будетъ различно; возможно, что различіе при этомъ въ дѣйствіи будетъ объяснено количествомъ выпущенныхъ снарядовъ, состояніемъ атмосферы, условіями мѣстности и т. п., а если различное дѣйствіе стрѣльбы найдетъ свое объясненіе въ этихъ обстоятельствахъ, въ такомъ случаѣ стрѣльба дала бы точный опытъ, опытъ активный, опредѣляемый числомъ, мѣрою, вѣсомъ, вмѣсто нынѣшнихъ пассивныхъ, почти ничего неговорящихъ метеорологическихъ наблюденій. **Но самое важное при этомъ будетъ заключаться въ обращеніи военнаго дѣла въ изслѣдованіе, въ изученіе природы,—и въ обращеніи войска къ**

такому изученію выразится новое его назначеніе; этимъ будетъ положено начало превращенію, или переходу отъ неестественнаго въ нравственномъ, т. е родственномъ, братскомъ отношеніи дѣйствія,—отъ борьбы съ себѣ подобными,—къ естественному разумному дѣйствію на слѣпыя, неразумныя силы природы, поражающія насъ засухами, наводненіями, землетрясеніями и другими всякаго рода бѣдствіями,—къ дѣйствію на слѣпыя силы, ставящія насъ, разумныя существа, въ неестественную отъ нихъ зависимость. Если бы огненный бой, т. е. артиллерійскій и ручной огонь, оказался недостаточно сильнымъ, чтобы производить разрѣженіе воздуха, - т. е уменьшеніе воздушнаго давленія, - и тѣмъ измѣнять направленіе воздушныхъ токовъ, или вѣтровъ *),—(причемъ только и возможно дѣйствительное регулированіе),—въ такомъ случаѣ можно присоединить къ нему способъ извѣстнаго (по основанію харьковскаго университета и учрежденію министерства народнаго просвѣщенія) В. Н. Каразина, заключающійся въ поднятіи громоотвода въ верхніе слои атмосферы, на привязанномъ воздушномъ шарѣ, въ видахъ извлеченія оттуда грозовой силы, что не можетъ не дѣйствовать на движеніе облаковъ, а слѣдовательно и можетъ указать способъ управленія движеніемъ тучъ небесныхъ. Возможность такого дѣйствія признаютъ, между прочимъ, Бодуэнъ и Лоджъ; послѣдній полагаетъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ надеждѣ управлять электрическимъ напряженіемъ атмосферы, а слѣдовательно и погодою («Наука и Жизнь», № 15-й и 16-й, 1894 года, «Къ вопросу о памятникѣ Каразину»). Опыты и съ этимъ орудіемъ не потребуютъ никакихъ особыхъ тратъ, если они будутъ вмѣнены въ обязанность войску, ибо воздушный шаръ, если и не вполнѣ еще сдѣлался, то уже дѣлается военнымъ орудіемъ.

И не одно только изслѣдованіе вліянія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія, хотя бы и съ присоединеніемъ къ ихъ дѣйствію и дѣйствія посредствомъ орудія, восемьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ предложеннаго Каразинымъ,—но и все, что примѣняется къ военному дѣлу, можетъ быть испытываемо чрезъ войска же не только, какъ средство, полезное на войнѣ, но и какъ средство регулированія, управленія естественными явленіями; а такъ какъ къ военному дѣлу примѣняется рѣшительно все, что только изобрѣтается: ни одно открытіе, ни одно изобрѣтеніе, въ какой бы области оно ни было сдѣлано, не остается безъ попытокъ примѣнить его и къ военному дѣлу, можно надѣяться, что и вопросъ о регули-

*) Какое, однако, дѣйствіе на метеорическія явленія имѣетъ самое простое изъ взрывчатыхъ веществъ—порохъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ взрывъ въ 1812 году, по приказанію Наполеона, московскаго кремля. Кремль отъ этого взрыва пострадалъ очень мало, такъ какъ удалось взорвать не всѣ, а небольшое лишь число минъ, но атмосферическія явленія, сопровождавшія взрывъ, были чрезвычайны: послѣ взрыва полилъ дождь, который залилъ произведенный взрывомъ пожаръ, а затѣмъ температура понизилась до 23° ниже нуля по Реомюру, т. е. наступилъ крещенскій морозъ, хотя это и было въ первой половинѣ октября, т. е. въ началѣ осени. Интересно, что при обсужденіи въ Москвѣ,—въ разныхъ ученыхъ обществахъ и собраніяхъ,—сообщенія объ опытѣ вызыванія дождя въ Америкѣ, никто даже не упомянулъ о послѣдствіяхъ взрыва въ 1812 г. московскаго кремля.

рованіи силами природы будетъ, наконецъ, разрѣшенъ, если онъ вообще разрѣшимъ; неразрѣшимымъ же онъ и быть не можетъ, пока человѣкъ совсѣмъ еще не выродился, пока онъ не впалъ въ совершенное отчаяніе, малодушіе, равнодушіе, бездушіе, въ буддизмъ, все равно въ восточный ли то или же, еще хуже, въ западный. Неразрѣшимымъ этотъ вопросъ будетъ тогда, если человѣкъ навсегда останется при нынѣшнемъ лишь знаніи, которое или совсѣмъ не переходитъ въ дѣйствіе, а если и переходитъ, то въ дѣйствіе, производящее разрушеніе, какъ все придуманное для войны, взаимнаго истребленія, или же въ дѣйствіе игрушечное, какъ мануфактурно фабричное производство.

Обращеніе военнаго дѣла въ изслѣдованіе атмосферныхъ явленій разрѣшаетъ, между прочимъ, и вопросъ о томъ—полезны и нужны ли военные маневры?! Близорукіе любители мира и ненавистники войска, эти фарисеи, вродѣ Сутенеръ, (которые не задаются и знать не хотятъ вопроса,—что лучше,—бросить ли только оружіе, или же обратить его на спасеніе отъ общихъ всѣмъ бѣдствій?),—возопіютъ, конечно, противъ этихъ якобы военныхъ забавъ и игръ; а между тѣмъ маневры, если при нихъ будутъ производиться метеорологическія наблюденія, обратятся въ опыты, которыми можетъ быть рѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, значительно изслѣдованъ вопросъ о вліяніи взрывчатыхъ веществъ на метеорическіе процессы. А потому-то и желательно, чтобы маневровъ производилось какъ можно больше и при томъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ и по соглашенію,—самое лучшее,—всѣхъ государствъ...

Конечно, для разрѣшенія вопроса о возможности управленія силами природы недостаточно одного русскаго войска даже при полномъ обращеніи въ войско всего народа. Но если бы въ Россіи всѣ военныя средства были обращены вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средства изслѣдованія вопроса о регулированіи метеорическихъ процессовъ, что Россія можетъ сдѣлать и одна, безъ всякаго соглашенія съ другими, тогда и всѣ другія государства должны были бы сдѣлать тоже; введеніе такого двоякаго употребленія оружія и всего, чѣмъ снабжаются арміи, способствующаго дѣйствительному умиротворенію, было бы достигнуто также легко, какъ трудно и прямо невозможно, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, разоруженіе. Обратить оружіе, войско на спасеніе отъ бездождія и многодождія, отъ засухъ и ливней, на спасеніе отъ неурожаевъ, т. е. отъ голода, это значило бы не только сдѣлать войско христолюбивымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова (какъ оно называется и нынѣ потому, конечно, что предназначено служить защитою слабымъ и угнетеннымъ отъ сильныхъ), но и дать истинно братскій исходъ накопившимся громаднымъ силамъ и всякаго рода горючимъ матеріаламъ вмѣсто того, къ чему все это готовится, т. е. вмѣсто войны, которая не перестаетъ угрожать вотъ уже много лѣтъ и которая неизбѣжна, если люди не поймутъ, наконецъ,—въ чемъ общее ихъ дѣло,—и не употребятъ на это дѣло всѣ эти приготовленныя ими и съ каждымъ днемъ пріумножаемыя другъ противъ друга средства.

Дороговизна содержанія военныхъ силъ не обязываетъ ли государства къ изысканію средствъ для извлеченія наибольшей пользы изъ этого такъ дорого обходящагося средства защиты? Въ статьѣ С. Ч—т—ва, въ № 91 «Русск. Инвалида» за 1896 годъ, выражается убѣжденіе, что и въ настоящее уже время расходы на содержаніе нашей арміи окупаются не при защитѣ лишь ею престола и отечества, но также и самоотверженіемъ ея во дни народныхъ бѣдствій въ мирное время; во сколько же разъ цѣнность мирной дѣятельности арміи возрастетъ при обращеніи ея въ орудіе спасенія отъ голода; а также, по всей вѣроятности, и отъ повальныхъ болѣзней, повѣтрій, какъ они называются, потому что распространяются, надо думать, воздушными токами?!..

По крайней мѣрѣ, страхъ войны и надежда на избавленіе отъ повальныхъ болѣзней не обратитъ ли вниманіе интеллигенціи на указываемое здѣсь великое значеніе войска, такъ какъ голодъ оказывается для интеллигенціи совсѣмъ непонятнымъ, война же и болѣзни, отъ которыхъ не избавлены ни техники, ни кассиры, ни фельетонисты и т. п. герои нашего времени, будутъ, вѣроятно, имъ понятнѣе, и забота объ избавленіи отъ этихъ бѣдствій имъ не покажется ни маниловщиною, ни сантиментальностью, какъ это видѣлъ одинъ фельетонистъ въ американскихъ опытахъ вызыванія дождя.

Мелочность и пошлость составляютъ отличительную черту нашего позитивно-мануфактурнаго вѣка; только не народился еще новый Гоголь для обличенія пошлости европейскаго и особенно американскаго XIX вѣка. Эти пошлость и скаредность, отсутствіе истиннаго величія, отразились и въ американскихъ попыткахъ вызыванія дождя; и эти попытки доказали несомнѣнно лишь то, что американцы недостойны великаго дѣла спасенія рода человѣческаго отъ голода,—о чемъ, впрочемъ, они, повидимому, и не помышляли, думая лишь о наживѣ; такъ что даже желательно, чтобы подобные американскимъ частные, мѣстные опыты не удавались, ибо сколько бы зла натворилъ американскій индивидуализмъ, если бы дождь можно было вызывать нѣсколькими взрывами или выстрѣлами. Нужно желать, чтобы распредѣленіе дождей было поставлено въ зависимость отъ дѣйствія именно войска, или войскъ, отъ операцій, производимыхъ на огромныхъ пространствахъ, или—еще лучше—на всей землѣ, а не отъ дѣйствій отдѣльныхъ фермеровъ. Взять привиллегію на производство искусственнаго дождя,—какъ это дѣлаютъ американцы,—не только злоупотребленіе, это—профанація, выраженіе самаго крайняго нравственнаго и религіознаго упадка. Они хотѣли быть подобными богамъ, оставаясь въ розни, какъ это внушаетъ сатана, вмѣсто того, чтобы уподобиться въ совокупности всѣхъ Богу Тріединому; они не хотѣли быть совершенными, какъ Богъ Отецъ, по слову Спасителя, Побѣдителя духа розни и гордыни. Обращеніе слѣпой силы, направляющей сухіе и влажные токи воздуха въ силу, управляемую сознаніемъ, можетъ быть дано только согласію всѣхъ народовъ, всѣхъ людей. Такъ называемый священный союзъ былъ бы истинно священнымъ,

если бы монархи, заключившіе его, взаимно обязались ввести въ свои арміи метеорологическія наблюденія и опыты съ орудіемъ, подобнымъ предложенному, какъ разъ предъ заключеніемъ этого союза, Каразинымъ; а этимъ и было бы положено начало обращенію орудій, служащихъ для взаимнаго истребленія, въ средство спасенія отъ голода и язвъ, болѣзней, въ ихъ коренныхъ причинахъ. Тогда, быть можетъ, и самъ Меттернихъ не обозвалъ бы этотъ союзъ словомъ verbiage.

Адская технологія, производящая орудія истребленія, для оправданія своего существованія, хочетъ видѣть въ крайней истребительности своихъ орудій сильнѣйшее средство противъ войны, т. е. хочетъ увѣрить въ этомъ всѣхъ, забывая или скрывая при этомъ, что вооруженное состояніе, постоянное ожиданіе войны не лучше, если не хуже самой войны. Таково оправданіе адской софистики. Наилучшее разоблаченіе этой софистики представила испано-американская война. Но не успѣла еще окончиться одна война, какъ на горизонтѣ видна уже другая,—говоритъ корреспондентъ изъ Буэносъ-Айреса. Такъ что если сезонъ войны на нашемъ полушаріи оканчивается, то на южномъ начинается. Двѣ сильнѣйшія и богатѣйшія республики Южной Америки «вооружаются съ лихорадочною поспѣшностью». Хотя ни одно изъ этихъ родственныхъ государствъ не имѣетъ рѣшительнаго превосходства въ силѣ и вооруженіи надъ другимъ, подобнаго превосходству Соединенныхъ Штатовъ надъ Испаніею, тѣмъ не менѣе они и знать не хотятъ закона Менделѣева, по которому будто бы охота къ войнѣ обратно пропорціональна не квадрату или кубу, а какой-то высшей степени относительно силы вооруженія, т. е. дальнобойности и скорострѣльности орудій. Много истрачено динамита съ мирною цѣлью проложенія военныхъ дорогъ, которыя, впрочемъ, не хуже коммерческихъ, да и создаются съ цѣлью расширенія и защиты коммерціи. Чилійцы минировали динамитомъ горные проходы.... «Вооруженія той и другой стороны вполнѣ соотвѣтствуютъ послѣднему слову военной науки»... Вопреки логикѣ, вопреки здравому смыслу, вопреки столь вопіющимъ фактамъ, какъ борьба Соединенныхъ Штатовъ, этого такъ страшно вооруженнаго народа, съ такимъ слабовооруженнымъ противникомъ, какъ Испанія, Менделѣевъ продолжаетъ утверждать, что война сама собою прекратится, благодаря истребительности орудій, а потому и дѣлать ничего не нужно. И хотя самъ Менделѣевъ призналъ, что взрывчатыми веществами можно вызывать дождь, тѣмъ не менѣе, сколько мы знаемъ, онъ не посовѣтовалъ корреспондентамъ доставлять свѣдѣнія о состояніи погоды при сильныхъ канонадахъ. Въ теченіе всей войны въ извѣстіяхъ о битвахъ мы не встрѣтили ни одного указанія на погоду. Такимъ образомъ, не только введенія метеорическихъ наблюденій при маневрахъ и артиллерійскихъ ученіяхъ, трудно достигнуть даже упоминанія лишь о погодѣ при описаніи битвъ.

Истинная мудрость требуетъ не убаюкивать себя такими или другими софизмами, она требуетъ призвать всѣ знанія (всенаучный съѣздъ) для обсужденія вопроса объ обращеніи войска, т. е. нынѣ, при всеобщей воин-

ской повинности, всего вооруженнаго народа, на спасеніе отъ голода, при томъ безъ всякихъ исключеній и льготъ, которыхъ при этомъ не будетъ и нужно. При благопріятномъ разрѣшеніи вопроса о засухѣ и о дождѣ, объ управленіи метеорическими явленіями и, вообще, силами природы, глубоко измѣнятся всѣ экономическія условія нашего общественнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнятся самыя воззрѣнія наши на общество, на природу, на самый разумъ и его предѣлы, и измѣненія эти будутъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія. Роковымъ образомъ такая перемѣна отразится лишь на тѣхъ, которые берутъ привиллегіи, заключаютъ контракты на поставку дождя, готовы перенести спекуляцію даже на небо, а атмосферныя явленія обратить въ предметъ барышничества... Когда военное дѣло обратится въ изслѣдованіе, то при всеобщей воинской повинности, обращающей въ войска цѣлые народы, опытъ получитъ всеобщность, сдѣлается повсемѣстнымъ, будетъ производиться по одному плану, пріобрѣтетъ единство и, такимъ образомъ, **индукція** будетъ равна **дедукціи**. Когда же войска отъ изслѣдованія перейдутъ къ дѣлу, къ дѣлу общему, можно сказать – всеземному, т. е. когда урожай будетъ находиться въ зависимости отъ всемірнаго регулированія, тогда станутъ невозможными не только войны внѣшнія, международныя, но и внутреннія, какъ открытыя, такъ и подпольныя, немыслимы будутъ ни тиранія, ни возстанія. При опытѣ, доведенномъ до всеобщности, повсемѣстности и полнаго единства, критика чистаго, теоретическаго разума, критика практическаго разума и всякія другія критики потеряютъ признаваемое за ними въ настоящее время значеніе. Царь философовъ, Кантъ, а также и Контъ, будутъ развѣнчаны, и Россія освободится отъ всякаго чуждаго вліянія .. Безъ этой же умственной, нравственной побѣды едва ли будетъ успѣшна и матеріальная борьба Россіи съ Германіею ли то, или же Англіею, Японіею, а можетъ быть и со всѣми ними вмѣстѣ, если только борьба эта не будетъ предупреждена обращеніемъ военнаго дѣла въ изслѣдованіе, въ регулированіе силами природы Регулированіе со всѣми его послѣдствіями не будетъ только избавленіемъ Россіи отъ иностранныхъ вліяній, возвращеніемъ ея самостоятельности, но и началомъ совершеннолѣтія не для одной только Россіи, а для всего человѣческаго рода, который, объединяясь въ общемъ дѣлѣ обращенія слѣпой, смертоносной силы въ управляемую разумомъ, будетъ видѣть идеалъ своего устройства не въ животномъ организмѣ, оправдывающемъ существованіе сословій, низшихъ и высшихъ,— какъ до сихъ поръ —а въ образѣ Троицы нераздѣльной и несліянной, который и есть истинный образецъ общества, такого общества, въ которомъ единство не будетъ стѣсненіемъ, а самостоятельность личности не будетъ рознью, которое будетъ одинаково свободно, какъ отъ крайностей восточнаго фатализма, такъ и отъ крайностей западнаго индивидуализма. Принятіемъ регулированія разрѣшается самъ собою соціальный вопросъ, уничтожается безъ всякаго насилія пролетаріатъ и устраняются всѣ бѣдствія нашего времени.

Еще въ 1891 году, во время голода отъ засухи, было указано то дѣло, о которомъ говорится въ этой статьѣ и которое обратило бы войско въ орудіе спасенія отъ голода, эпидемій, отъ общихъ всѣмъ бѣдствій. И такое измѣненіе въ употребленіи оружія было бы сильнѣе, имѣло бы болѣе важное значеніе, чѣмъ измѣненіе органовъ питанія у животныхъ, измѣненіе тѣхъ органовъ, отъ которыхъ зависитъ хищный или мирный характеръ животнаго. При такомъ измѣненіи въ употребленіи оружія война стала бы невозможною по необходимости даже болѣе сильной, чѣмъ необходимость физическая, такъ какъ тогда отъ дѣйствія войскъ по общему плану, отъ новаго употребленія оружія зависѣлъ бы урожай, или питаніе рода человѣческаго; это и сдѣлало бы невозможнымъ прежнее, старое употребленіе оружія, т. е. войну. Конечно, предлагаемый способъ избавленія отъ войны не «сей-часный» (выраженіе гр. Л. Н. Толстого). Дать оружію иное, чѣмъ нынѣ, употребленіе мгновенно нельзя, хотя и можно было бы приступить къ этому немедленно же, введя въ войска хотя бы метеорологическія только наблюденія, пользуясь при этомъ и орудіемъ Каразина, т. е. громоотводомъ на привязномъ воздушномъ шарѣ, какъ объ этомъ говорилось выше. Этимъ и началось бы обращеніе войска въ естествоиспытательную силу, что не невозможно, и было бы теперь уже исполнено, такъ какъ со времени перваго предложенія, въ 1891 году, прошло уже нѣсколько лѣтъ... Графъ Толстой хотѣлъ, конечно, мгновенно, силою одного слова измѣнить человѣчество, сдѣлать его изъ войнолюбиваго мирнымъ.. Но слово его слышали и японцы, дошло оно даже до китайцевъ, а войны между ними не устранило. Теперь же, когда, какъ оказалось, и на американцевъ не подѣйствовало это краснорѣчіе, когда и американцы, эта самая твердая надежда защитниковъ мира, начали войну, теперь больше чѣмъ позволительно усомниться въ дѣйствительности «сей-часнаго» способа примиренія, заключающагося въ одномъ лишь словѣ, какъ бы сильно и краснорѣчиво оно ни было. Отъ желанія тутъ, какъ видно, ничего не зависитъ, причины несравненно болѣе могучія, глубокія заставляютъ людей становиться во враждебныя другъ къ другу отношенія. Пока же не только не устранены, но даже и не выяснены причины, заставляющія людей ссориться, враждовать другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ войну уничтожить нельзя. Даже сами любители мира ведутъ столь ожесточенные споры съ защитниками войны, что эти споры тотчасъ перешли бы въ настоящую войну, если бы спорящіе имѣли власть (дуэли же между ними, конечно, бываютъ). Такъ что сама проповѣдь мира ведетъ лишь къ усиленію воинственности, и защитники мира оказываются въ высшей степени войнолюбивыми, проповѣдуютъ миръ со враждою въ душѣ. Такое ожесточеніе весьма, впрочемъ, понятно при употребленіи столь безсильнаго средства, какъ слово. Мы сами, стоящіе между защитниками мира и любителями войны, предлагая такой способъ примиренія, при которомъ сохраняется войско, т. е. великая, могучая сила, и становится невозможною война, мы сами преисполнены горечи и досады противъ тѣхъ и другихъ,

противъ любителей войны и защитниковъ мира. Любители мира для мира, требующіе уничтоженія войска, провозглашающіе—«Долой оружіе»!—забываютъ о томъ, что войско есть сила, что силѣ, которая растрачивается въ войнахъ, нужно дать выходъ въ какомъ-либо эквивалентномъ замѣщеніи. Думать, что промышленность можетъ дать выходъ этимъ силамъ, было бы ужъ очень странно. Промышленность одѣнетъ, накормитъ, напоитъ и т. п., т. е. приготовитъ къ дѣятельности, но дать полное удовлетвореніе человѣку, конечно, не можетъ. Наука и искусство въ томъ видѣ, какъ они нынѣ существуютъ, также неспособны занять всѣ силы человѣка.

Поразительна и изумительна слѣпота любителей мира и защитниковъ войны, какъ они не видятъ передъ собою врага, противъ котораго, соединившись, и должно было бы обратить оружіе. Не потому ли, впрочемъ, они и не замѣчаютъ этого врага, что онъ вездѣ и всегда, въ насъ и внѣ насъ,—разумѣемъ слѣпую силу природы,—не потому ли они и не замѣчаютъ этого врага, что не защитники лишь войны, но и любители мира желаютъ имѣть врагомъ передъ собою не безчувственную силу, а такого врага, которому можно дать почувствовать свою ненависть, злобу, такого врага, который чувствовалъ бы боль и своими страданіями доставлялъ бы удовольствіе любителямъ мира. Какъ иначе объяснить такое страстное желаніе видѣть враговъ непремѣнно лишь другъ въ другѣ, и въ этой враждѣ, не смотря на постоянныя утраты, забывать объ умерщвляющей силѣ; страдая отъ голода, не смотря на очевидность причинъ его,—какъ засухи и ливни,—обвинять въ немъ подобныхъ себѣ, столь же безсильныхъ, какъ и сами обвинители, людей. Конечно, нельзя обвинять и природу, потому что она творитъ зло по слѣпотѣ своей, по бездѣйствію разумной силы, по бездѣйствію, въ которомъ виноваты всѣ мы, а не кто-либо въ отдѣльности, виноваты, какъ не исполнившіе божественной заповѣди, данной при сотвореніи человѣка, за что и несемъ наказаніе...

Объ обращеніи оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудія спасенія.

Статья **„Разоруженіе“**, перепечатанная изъ «Новаго Времени» въ №№ 154 и 156 газеты «Асхабадъ» за 1901 г., (*) нуждается въ исправленіи самого заглавія, которое, не соотвѣтствуя содержанію статьи, находится даже въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ нимъ; вѣрнѣе было-бы назвать статью не **„Разоруженіе“**, а **„О невозможности разоруженія“**, потому что въ статьѣ этой говорится не только о невозможности, но и о нежелательности разоруженія; говорится въ тоже время о возможности, безусловной необходимости и желательности обращенія вооруженія,—т. е. какъ истребительныхъ орудій, такъ и всякихъ другихъ орудій, употребляемыхъ для войны, и даже всего, что употребляется, примѣняется, что можетъ и будетъ примѣнено къ военному дѣлу,—въ орудія спасенія. И такое обращеніе вооруженія въ орудія спасенія есть актъ совершенно естественный, но естественный для природы не слѣпой, а приходящей чрезъ насъ, чрезъ родъ человѣческій, въ сознаніе, и черезъ насъ же почувствовавшей всю неестественность употребленія оружія противъ себѣ подобныхъ, почувствовавшей глубокое раскаяніе, а съ нимъ и стремленіе исправить все учиненное зло. Это исправленіе зла,—понимаемаго все въ болѣе и болѣе обширномъ смыслѣ,—не можетъ **не** быть возведено въ долгъ, и даже естественно должно стать безусловнымъ требованіемъ, требованіемъ самой природы человѣческой, т. е. **сыновней**. Таковъ генезисъ мысли и дѣла, или проектъ естественнаго перехода отъ войны, вообще войнъ,—не къ миру, что нужно признать невозможнымъ, а къ союзу всѣхъ народовъ, воинскою повинностью уже обязанныхъ,—къ союзу на дѣло всеобщаго спасенія. Миръ невозможенъ также, какъ невозможно бездѣйствіе, какъ невозможно воздержаніе отъ дѣла; человѣкъ существо дѣятельное и не можетъ не дѣлать, а если не знаетъ, что должно дѣлать, будетъ дѣлать недолжное; только тогда не будемъ мы дѣлать недолжнаго, когда будемъ знать, что должно дѣлать, и всѣ силы наши отдадимъ дѣлу, въ которомъ признаемъ долгъ свой, только тогда не будемъ воевать, когда признаемъ возможнымъ, а, слѣдовательно, и должнымъ обратить силы, растрачиваемыя нынѣ въ войнахъ, во взаимной борьбѣ,—на дѣло всеобщаго спасенія. И всеобще обязательная воинская повинность при постепенномъ обращеніи оружія, при переходѣ оружія въ орудія спасенія,—какъ дающая всѣмъ общее дѣло, возлагающая на всѣхъ **долгъ**,—должна быть принята всѣми народами какъ великое благо, какъ благо, гораздо, несравненно болѣе великое, чѣмъ **права**, данныя первою французскою революціею, права, якобы неотъемлемыя и, тѣмъ не менѣе, постоянно нарушаемыя. Да и какъ могутъ права эти остаться не-

(*) Нынѣ напечатана передъ этою статьею.

нарушенными, когда право одного есть стѣсненіе другого; при сознаніи же всѣми своихъ правъ взаимное стѣсненіе вызываетъ борьбу, войну; сознаніе не правъ, а долга, къ которому ведетъ всеобще-обязательная воинская повинность, приведетъ къ устраненію борьбы, войны. А вмѣстѣ съ тѣмъ призывъ къ воинской повинности христіанъ въ Турціи развѣ не былъ-бы уравненіемъ ихъ съ мусульманами;—и, конечно, для такого уравненія Турціи необходимо признать, что исламъ не есть религія войны, какъ это и утверждается многими панегиристами религіи Магомета?! Точно также призывъ индусовъ ко всеобщей воинской повинности, развѣ не былъ-бы возведеніемъ всѣхъ низшихъ индусскихъ кастъ въ кшатріевъ, т. е. въ дворянство, и развѣ этотъ призывъ не былъ бы болѣе вѣрною гарантіею противъ притѣсненія нынѣшнихъ правителей Индіи, чѣмъ всеобщая подача голосовъ или выборы, которыми такъ легко злоупотреблять? Предложеніе же со стороны европейскихъ народовъ китайскому правительству ввести у себя всеобщую воинскую повинность, развѣ не было бы актомъ великодушія, т. е. отреченіемъ отъ раздѣла Китая?!.. Если же воинская повинность была-бы введена повсюду, тогда новая конференція мира, созванная тѣмъ же царемъ, какъ и первая, не была-ли бы поставлена въ необходимость, въ виду очевидной безплодности третейскихъ международныхъ судовъ, изыскать новыя средства, новые способы къ умиротворенію. Что третейскіе международные суды совершенно безплодны, слишкомъ ясно и ярко доказано войною англичанъ съ бурами, которою, какъ будто, сама исторія рѣшилась убѣдить народы въ безполезности третейскихъ судовъ, и въ необходимости искать иного пути для устраненія войны и сохраненія мира. Для вѣрующихъ тутъ несомнѣнно участіе провидѣнія, обращающаго и самое зло, **производимое людьми**, во всеобщее благо; а благо было-бы великое, если-бы народы вняли уроку, который вытекаетъ изъ бурской войны, т. е. если-бы поняли безполезность третейскихъ судовъ, и въ такомъ случаѣ кровь, пролитая и бурами и англичанами, была-бы плодотворна, принеслабы великій плодъ. Отвергнувъ же третейскіе суды, какъ средство негодное для устраненія войны, не найдемъ-ли мы это средство въ присоединеніи ко всеобщей обязательной воинской повинности также **всеобщаго** и также **обязательнаго** образованія чрезъ школы, въ которыхъ образованіе соединено съ расширеніемъ самого знанія, науки; наука при такомъ способѣ расширенія —т. е. при расширеніи не чрезъ отдѣльныхъ только ученыхъ, а чрезъ школы, чрезъ совокупную работу учителей и учениковъ,—сдѣлавшись познаваніемъ каждымъ народомъ себя и своей страны сдѣлаетъ и школы у всѣхъ народовъ истинно національными, а вмѣстѣ и введетъ учениковъ въ самое дѣло знанія, учителей-же обратитъ въ дѣлающихъ, въ изслѣдующихъ и вводящихъ въ дѣло изслѣдованія младшее подростающее поколѣніе; учителя такимъ образомъ перестанутъ быть только учащими, только приготовляющими къ дѣлу, котораго сами никогда не дѣлали, а потому практически, т. е. настоящимъ образомъ, и не знаютъ. Удивительно-ли, что знанія, пріобрѣтаемыя въ такой школѣ, какъ она нынѣ есть, ока-

зываются ни на что не нужными, и послѣ послѣдняго экзамена ихъ приходится только забывать!.. Школы, сдѣлавшись,—черезъ присоединеніе къ образованію и познаванія каждымъ народомъ себя и своей страны,—истинно національными, никакой враждебности къ другимъ народамъ вносить, однако, не будутъ, ибо способствуя и даже прямо ведя къ обращенію оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудіе спасенія, такія школы приведутъ къ сознанію невозможности совершить такой переходъ для каждаго народа въ отдѣльности отъ другихъ народовъ, приведетъ къ сознанію, что каждый народъ есть лишь часть цѣлаго рода человѣческаго, часть, которая будетъ безплодна безъ объединенія со всѣми другими народами. Кромѣ того, эти школы, національныя у всѣхъ, приведутъ къ объединенію и въ религіи, понимаемой какъ дѣло, ибо, объединяя всѣхъ въ одномъ дѣлѣ, школы эти должны привести и къ единомыслію, къ единовѣрію, т. е. приводя къ единству въ дѣлѣ, приведутъ къ единству и въ догматѣ. Такимъ образомъ, обращеніе орудій войны и всего на войнѣ употребляемаго въ орудія спасенія есть не только великій нравственный, но и религіозный актъ, актъ истинно христіанскій и при томъ такой, который составляетъ отличительную черту православія, черту, не только не отдѣляющую православіе отъ католицизма и протестантизма, но ведущую его къ соединенію съ ними по вопросу **объ искупленіи, т. е. спасеніи, дѣлами или-же только вѣрою,** по вопросу коренному и такъ рѣзко раздѣляющему католиковъ и протестантовъ, вносящему между ними такую непримиримую вражду. Знаменательно, что вопросъ объ искупленіи почти не былъ предметомъ споровъ или разъясненій въ греко-русской или греко-славянской церкви; будемъ-же надѣяться на разрѣшеніе его этою церковью въ томъ смыслѣ, что спасительны **не дѣла,** никакого отношенія къ самому спасенію не имѣющія, спасительно лишь единое, общее всѣмъ дѣло дѣйствительнаго спасенія отъ голода, болѣзней, а, наконецъ, и отъ смерти, къ которой ведутъ и голодъ и болѣзни; на это дѣло и обращается оружіе, постепенно превращаясь, переходя изъ орудій истребленія въ орудія дѣйствительнаго спасенія, т. е. искупленія. Если католическая церковь приписываетъ крестовымъ походамъ,—этимъ, признаваемымъ священными, войнамъ,—спасительную силу, не въ нихъ самихъ, однако, заключающуюся, не ими производимую, такъ какъ спасеніе, чрезъ эти войны получаемое, есть лишь награда, за нихъ—даваемая,—то война не съ себѣ подобными, а съ силою неразумною, слѣпою, съ силою умерщвляющею, война прямо избавляющая, искупляющая отъ грѣха вытѣсненія, - эта война съ слѣпою силою, какъ дѣло, какъ исполненіе воли Божіей,—составляющая сущность православія,—есть уже само спасеніе, спасеніе прямое, самими производимое, а не получаемое лишь какъ награда. При такомъ разрѣшеніи вопроса о спасеніи православіе сдѣлается истинно универсальнымъ, примиритъ и объединитъ не католицизмъ только и протестантизмъ, но и всѣ существующія религіи.

Соединеніе всеобщеобязательнаго образованія и познаванія съ всеобщеобязательною воинскою повинностью уничтожитъ сословность знанія

и сдѣлаетъ его принадлежностью всѣхъ при обращеніи, чрезъ общеобязательную воинскую повинность, всего народа въ естествоиспытательную силу; тогда и опытъ изъ искусственнаго превратится въ естественный, не въ лабораторіяхъ, а въ самой природѣ производимый, т. е. такой опытъ внесетъ, или введетъ, въ міръ регуляцію, причемъ апостеріорное знаніе уровняется съ апріорнымъ, пріобрѣтетъ всеобщность и необходимость въ управленіи всѣми, всѣмъ родомъ человѣческимъ—въ совокупности, слѣпою силою природы. Такая регуляція, управленіе слѣпою силою, будетъ дѣломъ истинно священнымъ,—и заставитъ ко всѣмъ наблюденіямъ и опыту, составляющимъ это дѣло, относиться со всею серьезностью, какая требуется дѣломъ религіознымъ, и не позволитъ относиться къ нимъ пренебрежительно, какъ къ дѣламъ прямого отношенія къ военному дѣлу неимѣющимъ. Такимъ образомъ, устранится и справедливое замѣчаніе г. Симонова,—въ его статьѣ **„Военныя мысли о штатскомъ дѣлѣ“** («Н. Вр.», 1899 г., мартъ, № 8280),—о совершенной непрактичности способа, предлагаемаго въ статьѣ «Разоруженіе» для осуществленія заключающейся въ статьѣ идеи,—ибо способъ этотъ непрактиченъ лишь **„при существующемъ положеніи вещей“**, какъ это признаетъ и самъ г. Симоновъ, такъ внимательно и доброжелательно отнесшійся къ статьѣ «Разоруженіе», оставшейся почти незамѣченною и даже вызвавшей глумленіе со стороны нѣкоторыхъ, очевидно, и не прочитавшихъ ее; причемъ, должно сказать, что изъ самой этой статьи Симоновъ не могъ видѣть, что обязанность наблюденій и опытовъ возлагается на войска, какъ дѣло религіозное.

Статья «Разоруженіе» нуждается не въ исправленіи лишь, но и въ дополненіи всѣмъ тѣмъ, что появилось по обсуждаемому въ ней вопросу послѣ напечатанія ея 14-го октября 1898 года въ «Новомъ Времени». Говоря объ обращеніи войска въ естествоиспытательную силу, военнаго дѣла въ изслѣдованіе, изученіе природы, и основывая такое назначеніе войска и военнаго дѣла на данныхъ, собранныхъ на поляхъ сраженій, которыя приводятъ къ заключенію о возможности вызывать дождь посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, указывая затѣмъ на необходимость изслѣдованія предложеннаго Каразинымъ аппарата,—состоящаго изъ громоотвода поднятаго на привязномъ воздушномъ шарѣ,—на необходимость изслѣдованія этого аппарата чрезъ войска же,—что не потребуетъ никакихъ особыхъ тратъ, такъ какъ «воздушный шаръ, если и не вполнѣ еще сдѣлался, то уже дѣлается военнымъ орудіемъ»,—въ статьѣ говорится дальше: «и не одно только изслѣдованіе вліянія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія, хотя бы и съ присоединеніемъ къ ихъ дѣйствію и дѣйствія посредствомъ орудія 85 лѣтъ тому назадъ предложеннаго Каразинымъ, но и все, что примѣняется къ военному дѣлу, можетъ быть испытываемо чрезъ войска же **не только какъ средство полезное на войнѣ, но и какъ средство регулированія, управленія естественными явленіями**“. На этомъ основаніи на войска же нужно возложить изслѣдованіе и способа предложеннаго въ послѣднее время Станоевичемъ, который состоитъ въ томъ,

что «къ воздушному змѣю, подобному тѣмъ, какіе употребляются въ современной метеорологіи для изслѣдованій воздуха, или къ небольшому привязному аэростату прикрѣпляется сильный электрическій колокольчикъ или сирена низкаго или высокаго тона, способные производить въ самыхъ облакахъ,—такъ сказать, на мѣстѣ,—воздушныя колебанія, значительно болѣе сильныя, чѣмъ вызываемыя вихревыми кольцами мортиръ *). Высоту подъема шара или змѣя, конечно, всегда можно измѣнять сообразно высотѣ тучъ, ставя, такимъ образомъ, аппаратъ въ наилучшія условія дѣйствія. Шаръ или змѣй удерживаются стальною проволокою, вмѣстѣ съ двумя другими изолированными проволоками (мѣдными или алюминіевыми), проводящими электрическій токъ къ колоколу отъ батареи съ земли. Можно было бы и батарею поднять на шаръ, если бы сила тяги позволила это. (В. Р—ковъ, «Борьба съ градомъ», Новое Время 1901 года). Только что описанный аппаратъ предназначается для борьбы лишь съ градомъ, но въ статьѣ, откуда описаніе это взято, выражается надежда, что онъ дастъ «возможность то разсѣивать градовыя тучи, то предупреждать ливень, то наоборотъ вызывать дождь въ засуху»;– слѣдовательно, орудіе, предлагаемое Станоевичемъ, можетъ служить къ управленію вообще метеорическими явленіями; способъ-же управленія посредствомъ этого орудія основанъ на томъ положеніи, что «разряды электричества, которому приписывается важная роль въ образованіи града, могутъ быть смягчаемы и измѣняемы воздушными вибраціями»; исходя изъ этого, Станоевичъ и «предлагаетъ проектъ электрозвукового предохранителя отъ града, производящаго сильныя воздушныя колебанія на значительныхъ высотахъ». Убѣждая въ необходимости испытать способъ, предлагаемый Станоевичемъ и описанный въ «L'Illustration», 1901 г. № 3502-й, **„не страшась никакихъ расходовъ на это испытаніе“**, В. Р—ковъ,—въ выше цитированной статьѣ своей «Борьба съ градомъ»,—замѣчаетъ: «военные воздушные парки могли-бы произвести такіе опыты безъ излишнихъ затратъ и безъ ущерба для своихъ прямыхъ занятій»... «Шары и змѣи въ паркахъ и обсерваторіяхъ всегда готовы къ полету, остается только снабдить ихъ электрическимъ колоколомъ».

Борьба съ градомъ посредствомъ стрѣльбы изъ мортиръ быстро распространяется въ послѣднее время въ Италіи, Швейцаріи, Испаніи, Венгріи, Далмаціи и другихъ частяхъ Австріи («Предотвращеніе града стрѣльбой изъ мортиръ», «Прав. Вѣстн.» 1902 г. № 10-й); производятся опыты этой борьбы и у насъ, въ Крыму и на Кавказѣ, и **„дали безусловно благопріятные результаты“**, говорится въ статьѣ В. Р—ва **„Первая русская градобойная мортира“**, напечатанной въ № 40-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1902 г.; борьба-же съ градомъ есть, конечно, начало регуляціи, управленія метеорическими явленіями, къ которому дѣлается призывъ въ статьѣ **«Разоруженіе»** и во всѣхъ предшествовавшихъ ей и въ ней упоминаемыхъ

*) Говорится о градобойныхъ мортирахъ (см. **„Предотвращеніе града стрѣльбой изъ мортиръ“**,—Правит. Вѣстникъ 1902 г. № 10 и слѣд. и статью Н. С. въ Русск. Вѣдом. 1901 г. №№ 178 и 191-й **„Къ вопросу объ артиллерійской борьбѣ съ градомъ“**).

статьяхъ, помѣщавшихся, начиная съ голоднаго 1891 г., въ «Русскомъ Архивѣ», «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», газетѣ «Донъ» и друг., ибо стрѣльбою изъ мортиръ градовыя тучи не разсѣиваются только, но и **„превращаются въ благодатныя дождевыя“**, какъ это говорится въ выше цитированной статьѣ «Предотвращеніе града стрѣльбою изъ мортиръ»; въ статьѣ же «Первая русская градобойная мортира» утверждается, что «сущность предотвращенія града заключается, какъ замѣчено, **въ вызываніи дождя** изъ градоносныхъ тучъ», а потому «является вполнѣ вѣроятнымъ основаніе примѣнить въ будущемъ градобойныя мортиры и **къ борьбѣ съ засухой**. А если въ теплое время года мортирная стрѣльба окажется способною **вызвать дождь**, то въ холодное та же стрѣльба можетъ **вызвать снѣгъ**, что очень важно для предохраненія озимыхъ всходовъ путемъ своевременнаго покрытія ихъ снѣгомъ. Такой же вѣроятный успѣхъ въ будущемъ можетъ принести примѣненіе градобойныхъ мортиръ и на охраненіе садовъ и виноградниковъ отъ утреннихъ заморозковъ и т. д.».

Такимъ образомъ,—въ виду распространенія градобойныхъ станцій по Италіи, Франціи, Швейцаріи, въ Испаніи, Австріи, въ Крыму и на Кавказѣ, въ виду того, что даже страховыя общества отъ градобитій уменьшаютъ страховые платежи тамъ, гдѣ устроены градобойныя станціи («Къ вопросу объ артиллерійской борьбѣ съ градомъ», Русск. Вѣдом. 1901 г. №№ 178-й и 191-й),—мудрено сомнѣваться въ дѣйствительности средства, предлагаемаго для управленія метеорическими явленіями и заключающагося въ дѣйствіи посредствомъ взрывчатыхъ веществъ. Управленіе же метеорическими явленіями—предметъ столь важный, требуетъ дѣйствія на такихъ обширныхъ пространствахъ, и наконецъ, самое средство къ тому (взрывчатыя вещества) столь опасно, что не можетъ быть предметомъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, и должно стать предметомъ государственной дѣятельности; государственная власть должна возложить на войска производство дальнѣйшихъ опытовъ дѣйствія стрѣльбы, а также громоотводовъ и электрическихъ колоколовъ, поднятыхъ на привязныхъ воздушныхъ шарахъ и на змѣйковыхъ аппаратахъ *) въ верхніе слои атмосферы. Опыты эти должны производиться на обширныхъ пространствахъ, по опредѣленному плану, выработанному учеными и измѣняемому по мѣрѣ накопленія новыхъ почерпнутыхъ изъ опыта данныхъ; только чрезъ такіе опыты,— производ-

*) Змѣйковымъ аппаратомъ, предназначеннымъ только для наблюденій, была, совершенно неожиданно, 19 апрѣля 1902 г. вызвана гроза, какъ это сообщается въ апрѣльскихъ номерахъ 1902 г. газетъ „Новое Время“ № 9386-й и „Москотскія Вѣдомости“; слѣдовательно змѣйковый аппаратъ можетъ быть также отнесенъ къ числу аппаратовъ, пригодныхъ для управленія метеорическими явленіями и которымъ должно быть вооружено воинство и теперь называемое христолюбивымъ; а тогда оно будетъ поистинѣ христолюбивымъ воинствомъ, ибо если этимъ аппаратомъ была вызвана гроза, которая имѣетъ такую тѣсную связь съ атмосферными осадками, то могутъ быть вызваны, слѣдовательно, и эти осадки; нельзя не замѣтить также, что аппаратъ, который можетъ вызвать грозу, является и весьма опаснымъ, грозящимъ опасностью жизни, и жизни не производящихъ лишь опыты, и потому не можетъ быть оставленъ въ рукахъ частныхъ лицъ, и можетъ быть порученъ лишь войскамъ, призваннымъ защищать жизнь другихъ и жертвовать своею за други своя.

ство коихъ въ самой природѣ и на обширныхъ пространствахъ возможно лишь чрезъ войска,—можетъ быть разрѣшенъ и самый вопросъ, какъ собственно дѣйствуетъ стрѣльба на тучи, производитъ-ли она воздушныя вибраціи и посредствомъ этихъ вибрацій смягчаетъ разряды электричества, которому приписывается важная роль въ образованіи града, заставляя чрезъ такое смягченіе разрядовъ электричества градоносныя тучи проливаться дождемъ, осаждаться снѣгомъ, или же стрѣльба дѣйствуетъ какъ либо иначе?!.. В. Р—ковъ въ статьѣ своей «Борьба съ градомъ» утверждаетъ, что производство такихъ опытовъ чрезъ войска не можетъ причинить ущерба для ихъ прямыхъ занятій, а статья «Первая русская градобойная мортира», говоря о томъ, что исторія градобойнаго дѣла указываетъ на нѣсколько случаевъ увѣчья и даже смерти, объясняетъ это тѣмъ, что за дѣло взялись не спеціалисты, и выражаетъ надежду, что ничего подобнаго не будетъ, когда за дѣло возмутся спеціалисты, т. е. военные артиллеристы.

Такимъ образомъ, все, чѣмъ приходится дополнить статью «Разоруженіе», приводитъ къ признанію необходимости обратить оружіе въ орудія спасенія, обратить силы, дѣйствующія оружіемъ, т. е. войска, въ естествоиспытательную силу, обратить чрезъ общеобязательную воинскую повинность въ естествоиспытательную силу всѣ народы; что и будетъ достигнуто, когда съ общеобязательною воинскою повинностью будетъ соединено и общеобязательное образованіе, но образованіе, соединенное съ расширеніемъ самого знанія; такое образованіе и приведетъ къ исполненію всеобщеобязательнаго долга, всеобщеобязательной повинности, переходящей отъ защиты отечества противъ себѣ подобныхъ, какъ это нынѣ есть, къ защитѣ противъ слѣпыхъ силъ природы, къ управленію разумомъ всѣхъ разумныхъ существъ, къ регуляціи слѣпой неразумной силы природы. При этомъ уничтожится и раздѣленіе на два разума, теоретическій и практическій, и на два сословія ученыхъ и неученыхъ,—раздѣленіе, приводящее къ двумъ невѣжествамъ, ибо неученые и сами признаютъ себя людьми темными, а ученые сами же **не признаютъ** свое знаніе объективнымъ, т. е. имѣющимъ дѣйствительную достовѣрность, ученые сами признаютъ свое знаніе лишь субъективнымъ и даже утверждаютъ, что человѣкъ и не способенъ ни къ какому знанію, кромѣ субъективнаго, т. е. недостовѣрнаго, ничего, слѣдовательно, не стоющаго, мрака вокругъ насъ не разгоняющаго, что человѣкъ обреченъ, слѣдовательно, на вѣчный, безвыходный мракъ невѣжества. Такимъ образомъ разница между учеными и неучеными заключается лишь въ томъ, что **неученые** вѣрятъ въ возможность для человѣка знанія, хотя его и не имѣютъ, а **ученые** пришли къ полному убѣжденію, что знаніе для человѣка невозможно. При уничтоженіи же раздѣленія на два разума предметъ знанія для разума теоретическаго становится предметомъ дѣла для разума практическаго, и этотъ послѣдній становится столь же широкимъ, какъ и первый; въ настоящее же время такъ называемый **„практическій разумъ“** ученыхъ (Канта) ограничивается лишь

нравственною оцѣнкою дѣйствій людей и при томъ людей не въ ихъ совокупности, а въ розни, въ какой они нынѣ находятся.

Позволимъ себѣ закончить нашу статью выдержкою изъ извѣстнаго произведенія Нордау—**„Вырожденіе“;** на стран. 103-й (Кіевъ, 1894 г.) этого произведенія говорится: «Человѣчество должно искать спасенія не въ возвращеніи къ природѣ, но въ разумной организаціи борьбы противъ природы, я бы сказалъ **въ общей противъ нея воинской повинности съ правомъ льготъ только для калѣкъ“**. Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что даже въ настоящее время не найдется такого калѣки, способнаго однако къ жизни, и тѣмъ болѣе не найдется такого въ будущемъ, который не могъ бы принять того или другого участія въ общемъ и спасительномъ для всѣхъ дѣлѣ; спасительная же организація уже существуетъ; организація эта войско, въ которое обращаются чрезъ введеніе общеобязательной воинской повинности цѣлые народы, обращается весь родъ человѣческій; нужно лишь, чтобы на войска, кромѣ защиты отъ себѣ подобныхъ, было бы теперь же возложена обязанность изслѣдованія и всего того, что можетъ служить для защиты противъ слѣпыхъ силъ природы; и это не только не будетъ въ ущербъ, но возвысивъ сознаніе воиновъ, возвыситъ и боевую готовность войскъ въ случаѣ крайности, возможность которой будетъ становиться при этомъ все меньше и меньше, а, наконецъ, такая крайность станетъ и совершенно невозможною. Не уничтоженіе войска, этой великой силы,—что и невозможно,—а превращеніе его въ естествоиспытательную силу сдѣлаетъ войну невозможною. Нужно не бросить мечъ, а перековать его на орало, не бросить оружіе, ибо его могутъ поднять и обратить противъ насъ же,—нужно изъ орудій разрушенія обратить его въ орудія спасенія; **война не волевое явленіе,** и никакими уговариваніями, какъ бы сильны и краснорѣчивы они ни были, уничтожить войну нельзя. Что война не волевое явленіе, самымъ яркимъ и несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ завоеваніе Туркестана, который былъ завоеванъ не только вопреки воли, но и не смотря на самыя настоятельныя воспрещенія нашей дипломатіи и центральнаго правительства, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. фонъ-Кауфманъ. (См. «К. П. фонъ-Кауфманъ, устроитель туркестанскаго края. Личныя воспоминанія Н. Остроумова»).

Что значитъ карточка, приложенная къ книгѣ?

Въ послѣдніе два, три года (написано въ 1896 году) въ Москвѣ вышло нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотень книгъ, при которыхъ приложены карточки, напечатанныя на картонѣ. Прежде всего на карточкѣ напечатана крупнымъ шрифтомъ фамилія автора или-же, если авторъ не обозначенъ, первое въ заглавіи существительное въ именительномъ падежѣ; затѣмъ полное заглавіе сочиненія, мѣсто напечатанія, время выхода, форматъ, число страницъ. Словомъ, это такая карточка, которая пишется для каждой книги при поступленіи ея въ публичную библіотеку, съ присоединеніемъ полнаго содержанія книги, которое печатается на оборотной сторонѣ карточки. На такой карточкѣ обозначается мѣсто книги въ библіотекѣ и она помѣщается затѣмъ въ каталогъ библіотеки, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитные каталоги публичныхъ библіотекъ, какъ и систематическіе, не пишутся въ настоящее время въ книгахъ,—они составляются изъ отдѣльныхъ для каждой книги карточекъ, такъ какъ только при этомъ каталогъ м. б. расположенъ дѣйствительно въ алфавитномъ порядкѣ, и порядокъ этотъ не будетъ нарушенъ и вновь поступающими книгами. При этомъ необходимо, чтобы карточки ко всѣмъ книгамъ прилагались одной, опредѣленной формы и величины, иначе, при произвольной формѣ и величинѣ, карточки не могутъ быть собраны въ одинъ каталогъ.

И такъ, что же значитъ такая карточка, приложенная къ книгѣ, какой смыслъ будетъ заключаться въ ней и какую цѣль она будетъ имѣть, если будетъ прилагаться ко всякой выходящей въ свѣтъ книгѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дать необходимо, потому что всякій получившій книгу съ карточкой непремѣнно задастъ его.—Появленіе карточекъ—явленіе вовсе неслучайное, оно вызвано чрезвычайнымъ ростомъ печати, такимъ размноженіемъ книгъ, при которомъ опасность затеряться въ массѣ ихъ для каждаго отдѣльнаго сочиненія и въ особенности для всякой новой мысли, такъ велика, какъ велика смертность среди новорожденныхъ дѣтей, и потому появленіе карточки, будучи симптомомъ чрезвычайнаго размноженія произведеній печати, вмѣстѣ съ тѣмъ является средствомъ спасенія для всякаго отдѣльно появляющагося изданія. Карточка, заключая въ себѣ сжатое изложеніе цѣлаго сочиненія, находится въ такомъ-же отношеніи къ книгѣ, въ какомъ зерно къ растенію, а потому интересъ самого писателя требуетъ, чтобы прилагаемая къ книгѣ карточка была напечатана на прочномъ матеріалѣ, на картонѣ, подобномъ кожистой оболочкѣ зерна, и кро-

мѣ того, чтобы такая же карточка была издана на простой бумагѣ, въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сама книга; эта послѣдняя карточка, карточка на простой бумагѣ, будетъ соотвѣтствовать сѣменамъ, снабженнымъ летучками. Первая карточка, карточка на картонѣ, будетъ служить для сохраненія, а послѣднія для большаго распространенія сочиненія, замѣняя объявленія; и этимъ будетъ устранена опасность для каждаго отдѣльнаго изданія потеряться въ массѣ изданій, не попасть туда, гдѣ оно могло-бы принести наибольшій плодъ, или-же не дожить до времени, когда оно могло-бы быть должнымъ образомъ оцѣнено.

Правительство, сдѣлавъ обязательнымъ для каждой выходящей книги присоединеніе названныхъ карточекъ, хотя бы только картонныхъ, оставляя приложеніе карточекъ на простой бумагѣ на волю самихъ авторовъ,—не только удовлетворитъ назрѣвшему требованію времени, но и сдѣлаетъ этимъ для просвѣщенія не менѣе открытія школъ, потому что только при существованіи такихъ карточекъ могутъ быть основаны повсюду библіотеки безъ обременительнаго труда, необходимаго для составленія каталоговъ. Безъ каталога же библіотека не мыслима; библіотека не собраніе лишь книгъ, а собраніе книгъ, имѣющее каталогъ, который служитъ прежде всего, какъ всякій инвентарь или опись, для сохраненія отъ расхищенія, главнымъ же образомъ для нахожденія книгъ. Что же касается потребности въ библіотекахъ, **которыя суть школы взрослыхъ**, слѣдовательно—**высшія школы,**—то въ этой потребности, настоятельной необходимости открытія библіотекъ повсюду, никакого сомнѣнія и быть не можетъ: безъ библіотекъ сама грамотность,—о насажденіи которой все больше заботятся, обязательность которой для каждаго—вопросъ лишь времени,—не можетъ имѣть надлежащаго значенія, потому что останется почти безъ приложенія.

Карточки при книгахъ, составляя симптомъ размноженія книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ созрѣвшія зерна,—предсказываютъ приближеніе такого времени, (отъ котораго да сохранитъ насъ Господь), какое для растительной жизни наступаетъ съ осенью и зимою, умерщвляющею всю растительность. Можно сказать, что печать, какъ произведеніе одного интеллигентнаго слоя, достигла уже возможнаго для нея предѣла роста; ростъ конченъ, начинается возстановленіе; иначе сказать, ростъ или развитіе переходитъ въ рожденіе, т. е. въ повтореніе цѣлаго въ маломъ видѣ... Что для цѣлой литературы—всеобщая энциклопедія (существуютъ энциклопедіи и для каждаго отдѣльнаго круга наукъ), то же самое и карточка для каждаго отдѣльнаго сочиненія. Карточки можно сравнить также съ тѣми металлическими досками, которыя полагаются въ основаніе зданій; если бы только къ надписямъ о времени основанія и имени строителя присоединялись бы планъ и фасадъ зданія, тогда по этимъ доскамъ, какъ и по карточкамъ, потомство могло-бы возстановлять разрушенное... Предсказывая разрушеніе, уничтоженіе, гибель книгъ, карточки не могутъ быть средствомъ спасенія ихъ отъ такой гибели, но сами имѣютъ больше шансовъ,

чѣмъ книги, пережить разрушительную эпоху; если книги и погибнутъ, карточки останутся и дадутъ возможность вызвать изъ забвенія то сочиненіе, къ которому относятся, возвратить его къ жизни. Такимъ образомъ, карточки явленіе необходимое и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени печальное. Но таковъ законъ всей безъ исключенія слѣпой природы, и пока слѣпая эволюція не замѣнится разумною регуляціею, достигшіе трудомъ жизни возможной степени совершенства въ знаніи и искусствѣ будутъ умирать, а безпомощный, безсильный младенецъ останется, чтобы вновь начать тотъ же, уже пройденный процессъ. Впрочемъ, карточки имѣютъ то преимущество передъ зерномъ, подобіе котораго онѣ представляютъ, что образованіе зерна происходитъ **безсознательно**, и зерно сохраняетъ и передаетъ только нѣкоторыя свойства растенія (растенія—родителя), изложеніе же содержанія книги должно стараться главнымъ образомъ,—и старается, конечно,—избѣжать этого недостатка, старается достигнуть идеальной полноты и вмѣстѣ краткости. Такимъ образомъ, карточки представляютъ уже переходъ отъ слѣпого хода жизни къ ходу сознательному... Въ видѣ карточки на картонѣ всѣмъ книгамъ безъ различія ихъ достоинствъ дается одинаковое, равное орудіе для сохраненія, дается, слѣдовательно, способъ, принимается мѣра къ поддержанію слабыхъ противъ сильныхъ, чего нѣтъ въ слѣпой природѣ. Летучія же карточки, замѣняя объявленія, доступныя лишь немногимъ сильнымъ, также уравниваютъ безсильныхъ, слабыхъ съ сильными и могучими, давая и новой мысли возможность легчайшаго распространенія.

Къ самой книгѣ, какъ выраженію мысли и души ея автора, должно относиться какъ къ одушевленному, какъ къ живому существу, и тѣмъ болѣе, если авторъ умеръ. Въ случаѣ смерти автора, на книгу должно смотрѣть какъ на останки, отъ сохраненія коихъ какъ бы зависитъ самое возвращеніе къ жизни автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, библіотеки не должны быть только хранилищами книгъ, не должны служить и для забавы, для легкаго чтенія,—онѣ должны быть центрами изслѣдованія, которое обязательно для всякаго разумнаго существа,—**все должно быть предметомъ знанія и всѣ—познающими.** Но не на разрушеніе вѣры должно быть направлено изслѣдованіе, а на подтвержденіе ея, на подтвержденіе не словами только, но дѣломъ... Только такое изслѣдованіе и можетъ быть цѣлью устройства библіотекъ, въ повсемѣстномъ открытіи которыхъ чувствуется столь настоятельная необходимость, и самое естественное было-бы сдѣлать обязательнымъ открытіе библіотекъ при каждой церкви, при каждой церкви сталъ бы создаваться и музей, какъ необходимое условіе просвѣщенія, потому что музей есть лишь поясненіе всевозможными способами книги, библіотеки. Всякая церковь и въ настоящее время имѣетъ нѣкоторое собраніе книгъ, которое должно стать ядромъ учреждаемой при церкви библіотеки, точно также каждая церковь имѣетъ и нѣкоторое собраніе предметовъ, которое должно стать ядромъ создаваемаго при церкви музея. Созданіе при каждой церкви библіотеки и музея было-бы только исполненіемъ цер-

ковью своего назначенія, долга учительства («шедше **научите** вся языки»), ибо на церкви лежитъ долгъ истиннаго просвѣщенія, церковь должна дать истинную цѣль знанію, церковь должна сдѣлать, чтобы книга была произведеніемъ не одной только интеллигенціи, т. е. **сословія, отдѣлившагося отъ народа,** и вмѣстѣ, чтобы книга не оставалась только книгою, т. е. знаніемъ, но стала бы средствомъ спасенія отъ бѣдствій общихъ интеллигенціи и народу, т. е. всѣмъ людямъ, или смертнымъ. Наука, оставляющая громадное большинство людей въ совершенной тьмѣ и даже не помышляющая, что можетъ сдѣлаться хоть когда либо достояніемъ всѣхъ, не есть свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и сдѣлается она таковымъ только чрезъ союзъ съ церковью.

Либеральные историки умалчиваютъ объ отношеніи къ книгамъ народа; а между тѣмъ извѣстно, что народъ на всякую не церковную книгу смотритъ какъ на барскую принадлежность, какъ на барскую затѣю... И въ настоящее по крайней мѣрѣ время, когда распространеніе ненависти и зависти нисшихъ къ высшимъ считается святою обязанностію, исполненіемъ долга, налагаемаго закономъ прогресса, народъ и книгу любитъ столько же, сколько и баръ, а потому, хотя бы для избавленія лишь отъ книжныхъ погромовъ, библіотеки слѣдуетъ учреждать именно при церквахъ, ибо только церковь въ такихъ случаяхъ можетъ сохранить книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіе при церквахъ библіотекъ и музеевъ дастъ возможность, дастъ церкви средство исполнить лежащій на ней долгъ,—обратить слѣпую эволюцію въ регуляцію, обратить слѣпую неразумную силу природы въ управляемую разумомъ, обратить эту силу изъ смертоносной, какъ она нынѣ есть, въ живоносную.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Знаніе популярное, энциклопедическое, мнимое, и знаніе дѣйствительное; переходъ отъ мнимаго знанія къ знанію дѣйствительному.

Статья въ № 4-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1893 года (отъ 5 января) объ извѣстномъ библіографѣ Строевѣ,—какъ начало цѣлаго ряда статей подобнаго содержанія,—имѣетъ цѣлію познакомить съ библіографіею, этою столь пренебрегаемою наукою, что она не удостоивается даже названія науки, почему нигдѣ и не преподается. А между тѣмъ, только **библіографія** можетъ вести отъ **популярнаго, т. е. мнимаго знанія,** къ знанію дѣйствительному, основанному на непосредственныхъ источникахъ, указаніе которыхъ и заключается въ библіографіи. Если-бы рядъ этихъ статей обратилъ на себя вниманіе, то этимъ начался бы переходъ отъ слушанія и записыванія лекцій,—въ чемъ только и заключается нынѣ университетское преподаваніе,—къ самостоятельному труду учащихся подъ руководствомъ профессоровъ. Вмѣстѣ съ этимъ начался бы переходъ отъ популярныхъ, безплодныхъ энциклопедій къ сухимъ, но плодотворнымъ библіографіямъ,—къ этимъ ключамъ знанія. И это было бы концомъ періода, начавшагося съ изданіемъ извѣстной энциклопедіи XVIII-го вѣка, концомъ періода, создавшаго популярное знаніе и классъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, интеллигентовъ, политикановъ, критикановъ, которые, обладая лишь энциклопедическими, т. е. мнимыми, знаніями, думаютъ управлять всѣмъ, но при первомъ-же столкновеніи съ дѣйствительностію обнаруживаютъ свою полную несостоятельность. Это было бы началомъ новаго періода, въ основу котораго должна стать библіографія, эта сухая, презираемая наука, и тѣмъ не менѣе ведущая **всѣхъ** къ участію въ самомъ трудѣ знанія, а не къ безплодному лишь знакомству съ его верхушками. И этотъ переходъ не простая перемѣна, а новый культъ, который и открывается четвертымъ номеромъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1893 г. *)

Передъ читателями и особенно почитателями этого легкаго листка, привыкшими слышать имена лишь такихъ живыхъ покойниковъ, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ и т. п., неожиданно появляется умершее, хотя и немного еще лѣтъ тому назадъ, лицо, но появляется со спискомъ не легенькихъ разборовъ, критикъ, а съ тяжеловѣснымъ безжизненнымъ, сухимъ спискомъ каталоговъ, но, къ сожалѣнію, безъ указанія,—какъ предпола-

*) Должно замѣтить, впрочемъ, что «Русскія Вѣдомости» ограничились помѣщеніемъ лишь нѣсколькихъ статеекъ, подобныхъ статьѣ о Строевѣ.

галось сначала, - мѣстъ, на которыхъ они находятся въ открытомъ для всѣхъ желающихъ трудиться книжномъ кладбищѣ,—въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. За этимъ выходцемъ изъ могилы встаютъ цѣлые ряды мертвецовъ съ такими-же списками своихъ произведеній въ рукахъ,—ибо онъ лишь первенецъ изъ мертвыхъ. «Русскія Вѣдомости», признающія только живое, были-бы правы, не желая помѣщать у себя умершихъ... Но развѣ это умершіе? Это вытѣсненные, убитые, какъ и вообще нѣтъ просто умершихъ, а всѣ лишь убитые, которые и сами убивали... И то, въ чемъ «Русскія Вѣдомости» видятъ живое, состоитъ именно въ борьбѣ, вытѣсненіи, въ убійствѣ, прямомъ или косвенномъ. Чѣмъ борьба сильнѣе, живѣй, тѣмъ она убійственнѣе, тѣмъ большее число жертвъ послѣ себя оставляетъ, такъ что **живость** въ настоящее время—синонимъ убійственности... Разговоръ оживляется, когда онъ обращается въ споръ; споръ становится живѣе, когда начинаетъ задѣвать **„за живое“**, и если-бы дошелъ до высшей степени живости, то оставилъ-бы послѣ себя трупъ... Въ литературѣ самое слово стало убійственнымъ, ядовитымъ, и по числу жертвъ оно—самое убійственное изъ всѣхъ смертоносныхъ орудій. Есть война явная, и есть война скрытная, и послѣдняя отличается наибольшею живостью, потому что она **злѣе** первой. Во время войны наибольшею злостью отличаются не тѣ, которые открыто, явно бьются, непосредственно участвуютъ въ войнѣ открытой, а тѣ, которые только ругаются (литераторы), которые участвуютъ, слѣдовательно, не въ открытой, а въ войнѣ скрытой. Самою-же большею ненавистью отличаются тѣ, которые прикидываются сострадательными къ бѣднымъ и, прикрывая этимъ состраданіемъ зависть къ богатымъ, подбиваютъ къ войнѣ уже не международной, а междусословной, междоусобной...

Въ чемъ-же состоитъ этотъ культъ, такъ неохотно открываемый «Русскими Вѣдомостями?» Представьте себѣ, что изъ всѣхъ книгъ выступили ихъ творцы и, указывая на свои произведенія, требуютъ ихъ изученія. Этотъ призывъ къ знанію, какъ общему долгу **всѣхъ**, къ знанію не популярному, а дѣйствительному, и есть начало новаго культа, но лишь начало его. **Все сдѣлать предметомъ знанія и всѣхъ познающими,— не отдѣляя притомъ знанія отъ дѣла**,—это значитъ—не оставить праздною, бездѣйствующею ни одной способности, это значитъ—поставить всеобъемлющее дѣло на мѣсто участія всѣхъ въ комфортѣ, на мѣсто развитія всѣхъ способностей, даваемаго будто бы досугомъ. Но на досугѣ занимаются лишь тѣмъ, въ чемъ нѣтъ необходимости,—ненужнымъ. Ставить-же цѣлію—**развитіе всѣхъ способностей** свидѣтельствуетъ о полномъ невѣдѣніи цѣли и смысла жизни. Только **во всеобъемлющемъ дѣлѣ** могутъ развиться **дѣйствительно всѣ способности**, а не на досугѣ, не на свободѣ, которые можно наполнить только искусственно, произвольно. Безъ всеобъемлющаго дѣла надо выдумать, чѣмъ наполнить свой ни на что ненужный досугъ, ни на что ненужную свободу.

Отношеніе, подобное отношенію «Русскихъ Вѣдомостей», къ вновь

открываемому ими на своихъ столбцахъ отдѣлу, т. е. отношеніе живого къ мертвому, существуетъ также между университетомъ и музеемъ. Музей будетъ мертвымъ, замерзшимъ, пока университетъ будетъ живымъ, т. е. будетъ требовать борьбы, прогресса, словомъ умершвленія, а не объединенія всѣхъ для оживленія жертвъ борьбы. Хотя университеты родились еще въ эпоху такъ называемаго фанатизма (т. е. въ эпоху господства вѣры), а **не безжизненнаго индифферентизма**, возведеннаго въ добродѣтель подъ именемъ **терпимости** (терпимости чего? что только терпятъ, что **допускаютъ** лишь,—добродѣтель ли?!), тѣмъ не менѣе они сдѣлались проводниками преимущественно **возрожденія**, т. е. **вырожденія**, проявившагося въ скептицизмѣ, критицизмѣ, позитивизмѣ и, наконецъ, какъ послѣдняя стадія вырожденія, въ пессимизмѣ, или **буддизмѣ**. Комфортъ, какъ цѣль жизни, не могъ-бы даже временно затмить общаго, отеческаго дѣла, если бы не былъ прикрытъ цѣлью всеобщаго участія въ немъ, т. е. соціализмомъ.

Подобно тому, какъ церковь каждый день поминаетъ и прославляетъ своихъ святыхъ, которые участвовали въ ея созиданіи, такъ и органы ученаго сословія, науки, каждый день должны вспоминать труженниковъ знанія, приглашая тѣмъ читающихъ не къ чтенію лишь, но и къ изученію ихъ. **Изучать-же значитъ не корить и не хвалить, а возстановлять жизнь.** И такое изученіе возможно только въ библіотекахъ, открытыхъ для всѣхъ, причемъ устройство этихъ библіотекъ должно быть основано на томъ-же принципѣ ежедневнаго поминовенія. Библіотека при нынѣшнемъ своемъ устройствѣ, когда только небольшое количество книгъ находится въ обращеніи, большинство же книгъ, оставаясь постоянно на своихъ мѣстахъ, все болѣе и болѣе покрываются пылью, должна быть названа **книгою закрытою**; открытою-же книгою можетъ быть названа только библіотека, расположенная календарнымъ порядкомъ, по днямъ смерти авторовъ, сочинителей, потому что календарный порядокъ заключаетъ въ себѣ требованіе—(хочешь не хочешь, волею-неволею),—поминовенія, т. е. возстановленія самого автора по его произведеніямъ. При такомъ устройствѣ, библіотека не останется простымъ хранилищемъ книгъ, ни одна книга въ ней не останется забытою, для каждой книги въ библіотекѣ при такомъ ея устройствѣ,—самомъ для нея живомъ и уже въ настоящемъ смыслѣ этого, слова,—наступаетъ чередъ, назначено время изученія, назначено самымъ днемъ смерти сочинителя. Помѣщаемыя нынѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ дни смерти сочинителей перечни ихъ сочиненій, черезъ годъ или нѣсколько лѣтъ, послужатъ матеріаломъ для составленія каталога, расположеннаго въ календарномъ порядкѣ... И это будетъ, дѣйствительно, гробокопательствомъ, какъ нѣкоторые въ насмѣшку называютъ новый отдѣлъ, открытый въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; но что-же лучше: оставить ли книгу погребенною въ пыли, преданною тлѣнію, или же въ опредѣленный день освобождать ее отъ этой пыли, чтобы изученіемъ ея вызвать живой образъ автора? Тѣ, которые согласились-бы располагать книги скорѣе по днямъ рожденія, чѣмъ по днямъ смерти авторовъ,—не

желая, конечно, напоминать себѣ о смерти, желая забыть о ней,—забываютъ, что при такомъ порядкѣ пришлось-бы исключить цѣлый классъ людей, вышедшихъ изъ неизвѣстности, день рожденія которыхъ поэтому забытъ, день же смерти, наоборотъ, всѣмъ памятенъ... И если смотрѣть на это ежедневное поминовеніе, какъ на приглашеніе къ труду изученія, то на первомъ планѣ изъ труженниковъ знанія должно поставить именно библіографовъ, которые хранятъ ключи знанія. Если же къ библіографическимъ трудамъ ихъ присоединить еще указанія мѣстъ, на которыхъ въ публичныхъ библіотекахъ хранятся перечисляемыя въ этихъ трудахъ книги, то не значитъ-ли это предупреждать требованія читателей, не значитъ-ли это отыскать книгу прежде, чѣмъ поступило на нее требованіе и тѣмъ устранить необходимость имѣть при библіотекахъ самихъ отыскивателей книгъ, т. е. этимъ сократился бы расходъ на содержаніе ихъ? А съ другой стороны—отсутствіе обозначенія при какой-либо книгѣ ея мѣста въ библіотекахъ будетъ указаніемъ на desiderata и приглашеніемъ къ пожертвованію въ общественное книгохранилище, и къ пожертвованію не случайному, которое м. б. полезно, м. б. и обременительно. Прославленіе умершихъ писателей, приглашеніе къ ихъ изученію будетъ самою безкорыстною рекламою. Газета, помѣщающая на своихъ столбцахъ эти рекламы, эти списки, можетъ дать своимъ читателямъ, чрезъ нѣкоторое время, въ видѣ преміи, не только каталогъ книгѣ, но и словарь писателей, **synodikъ** (минея мѣсячная), къ которымъ можетъ быть составленъ и предметный указатель.

О значеніи обыденныхъ церквей вообще и въ наше время (время созыва конференціи міра) въ особенности. *)

Къ запросамъ, заявленнымъ къ X-му Археологическому Съѣзду въ Р и г ѣ:

№ 127-й. С. А. Вѣлокуровъ. „Графъ А. С. Уваровъ статью объ обыденныхъ церквахъ (Древности, Труды Московскаго Археологическаго Общества, ч. 1 я: Матеріалы для Археологическаго словаря, стр. 47-я) оканчиваетъ вопросомъ: **„Откуда взялось въ Россіи обыкновеніе строить обыденныя церкви“.** «Желательно было-бы знать: было-ли что-либо сходное, аналогичное, съ нашими обыденными храмами на Западѣ, и не оттуда-ли они нами заимствованы, или же обычай строенія такихъ церквей въ годины бѣдствій есть наше самородное явленіе». и

№ 132-й. С. С. Слуцкій. «Желательно знать, было-ли что сходное съ нашими обыденными церквами и на Востокѣ, не только у православныхъ грековъ, арабовъ, коптовъ, но и у инославныхъ народовъ, армянъ несторіанъ, у индусовъ, китайцевъ, въ Тибетѣ, Монголіи, Японіи» и т. д

Нѣсколько словъ о чрезвычайной важности этого древнѣйшаго обычая, обычая построенія обыденныхъ церквей въ годины бѣдствій, для нашего времени, въ эпоху конференціи мира, не можетъ быть, полагаемъ, сочтено за уклоненіе отъ предмета занятій Археологическаго Съѣзда.

Обыденныя церкви, какъ памятники единодушія и согласія, доказываютъ **положительно,** также, какъ конференція міра, превратившаяся почти въ комиссію санитарнаго приготовленія къ войнѣ, вмѣсто умиротворенія, доказываетъ **отрицательно,** что для человѣческаго рода возможенъ не миръ, а союзъ для **дѣла священнаго,** общаго, великаго, **отъ коего зависитъ самая жизнь,** т. е. миръ невозможенъ безъ союза. Такое дѣло и сдѣлаетъ невозможною войну. Союзъ народовъ возможенъ лишь въ дѣлѣ обращенія орудій, употребляемыхъ на войнѣ, въ орудія спасенія отъ неурожая хлѣбовъ и отъ урожая болѣзнетворныхъ зародышей (патогенныхъ микробовъ), какъ объ этомъ говорится въ статьѣ Новаго Времени отъ 14-го октября 1898 г.

(*) Приносимъ нашу глубокую благодарность нижепоименованнымъ лицамъ доставившимъ свѣдѣнія, по которымъ составлена эта статья: М. Азанчевскому, В. В. Верещагину (извѣстный художникъ); св. С. Е. Звѣреву (изъ Воронежа), св. І. Лаврову (изъ Нижегородской губ.), св. Ребрину (Пермской губ.), св. Т. Е. Чулкову (Вологодской губ.), Страхову (изъ Твери), св. Т. П. Тарбѣеву (изъ Калужской губ.), О. А. Михайлову (Уѣздный Начальникъ Мервскаго уѣзда); К. П. Аѳонинъ.

№ 8129 й, — «Разороженіе». Такое внѣшнее умиротвореніе вовсе не чуждо Археологіи, ибо нравственная задача этой великой науки состоитъ въ томъ, чтобы собирая и возстановляя памятники прошлаго всѣхъ народовъ, соединить нынѣшнее живущее поколѣніе, сыновъ-потомковъ, въ любви къ отцамъ предкамъ, любви не мертвой, а животворной. Мы потому и называемъ Археологію величайшею и святѣйшею наукой, что безъ познанія памятниковъ и останковъ умершихъ,— познанія не мысленнаго только,—невозможно объединеніе, братство живущихъ.

Строеніе обыденныхъ церквей, будучи высшимъ выраженіемъ помочей и толокъ, есть произведеніе природы и всей исторіи Русской земли, или континентальной части земного шара; вопросъ же о нихъ, поставленный Археологическимъ Съѣздомъ, относится и къ ближнему и къ дальнему Западу, къ дальнему и ближнему Востоку, т. е. дѣлается всемірнымъ и вызываетъ на объясненіе,—что препятствовало или способствовало существованію обычаевъ, приведшихъ къ строенію обыденныхъ церквей, и что нужно, чтобы вызвать эти обычаи, т. е. чтобы умиротвореніе пришло во всей силѣ;—построеніе обыденныхъ храмовъ, однимъ днемъ строимыхъ, есть **образъ умиротворенія**, ибо краткость срока, назначеннаго для построенія, требуетъ тѣснѣйшаго внутренняго соединенія, **внутренняго союза**, для построенія **храма**, какъ внѣшняго выраженія церкви. Этотъ обычай, обычай построенія обыденныхъ церквей, несомнѣнно свойственной Россіи, не указываетъ ли на призваніе ея къ дѣлу умиротворенія?!

Статья о храмахъ обыденныхъ, и Спасообыденскихъ въ особенности, —противополагаетъ ихъ, эти обыкновенно малые храмы, громаднымъ средневѣковымъ храмамъ Запада,—строившимся многія столѣтія, и недостроеннымъ **по причинѣ розни,—или по недостатку единодушія**,—противополагаетъ ихъ и громаднымъ храмамъ Востока, которые хотя и доводились до конца, но какъ произведенія гнета или ига. Такимъ образомъ, обыденныя церкви отличаются отъ храмовъ Востока **добровольностью**, а отъ храмовъ Запада **единодушіемъ** въ дѣлѣ созиданія, что и выражалось, главнымъ образомъ, въ быстротѣ постройки.

Настоящую статью, говорящую о строеніи обыденныхъ церквей,— можно-бы назвать **„Объ общинѣ въ самомъ дѣйствіи“**, въ работѣ, или трудѣ, и при томъ въ дѣлѣ святомъ, въ священнодѣйствіи, въ литургіи, такъ какъ при такомъ только дѣйствіи, община и бываетъ дѣйствительно общиною, т. е. единеніемъ, а не разобщеніемъ, внутреннимъ общеніемъ безъ внѣшняго гнета, внутреннимъ общеніемъ вмѣсто внутренняго разобщенія, сдерживаемаго лишь внѣшнею силою. Только въ дѣлѣ можетъ найти свое выраженіе и соборность; только въ дѣлѣ истинная соборность, а не въ преніяхъ, которыя приводятъ къ разъединеніямъ; истинная соборность превращаетъ догматъ въ заповѣдь, тѣмъ и утверждаетъ его; таковъ догматъ о Пресвятой Троицѣ, какъ образцѣ, или заповѣди единодушія и согласія,—умиротворенія въ дѣлѣ всеобщемъ; только въ смыслѣ дѣла соборность и составляетъ истинное свойство православія, которое нынѣ есть

печалованіе о розни и гнетѣ; при объединеніи **въ дѣлѣ** устраняется то, что вызываетъ печалованіе, устраняется и рознь, и гнетъ; только при этомъ возможно будетъ жить не для себя только, и не для другихъ, а со всѣми и для всѣхъ; жить же со всѣми, т. е. живущими, — это братство, — жить для всѣхъ, т. е. и для отцовъ, уже не живущихъ, — это отечество. Но чтобы жить со всѣми живушими, — т. е. съ борющимися и гнетущими, или вытѣсняющими другъ друга, — не принимая участія въ борьбѣ и гнетѣ, — или вообще въ вытѣсненіи, — нужно, сочувствуя вытѣсняемымъ, не враждовать съ вытѣснителями; а чтобы избѣгать болѣе и болѣе борьбы и быть менѣе и менѣе гнетущими, нужно отказаться отъ стремленія къ центрамъ, изъ селъ въ города, а также и вверхъ, и участвовать лишь въ спасеніи отъ общихъ всѣмъ людямъ бѣдствій, для чего уже не требуется, ни борьбы, ни гнета. Должно жить не для себя только, но и не для другихъ, — а со всѣми (братство) и для всѣхъ (отечество), потому что, — если жить не со всѣми, а для другихъ только, т. е. для нѣкоторыхъ, хотя бы и для многихъ, — это значитъ, что дѣлая добро однимъ, будешь дѣлать зло другимъ; — должно жить со всѣми живущими (братство), потому что большаго уже нельзя, а меньшее безнравственно, и жить нужно не для обездоленныхъ, что уже заключается въ жизни со всѣми живущими, а для тѣхъ которые **всего лишены, и для которыхъ все нужно сдѣлать**, — т. е. для умершихъ, лишенныхъ даже жизни, — большаго же дѣла, какъ возвращеніе самой жизни, — быть уже не можетъ, и потому это и есть самое высшее нравственное дѣло. Нужно не отказаться лишь отъ участія въ борьбѣ и вытѣсненіи, но и исправить все зло, которое причинила борьба, т. е. возвратить жизнь всѣмъ жертвамъ борьбы.

О народности въ ея прошедшемъ и предполагаемомъ будущемъ и отвѣтъ на вопросъ — **„Что такое Россія“**.

Не отрицая возможности существованія и на Западѣ и на Востокѣ явленій, подобныхъ строенію нашихъ обыденныхъ храмовъ, особенно въ древнѣйшій періодъ исторіи, подобно тому, какъ на Западѣ сушествовали общины, съ которыми **не въ близкомъ лишь** отношеніи находится обычай строенія обыденныхъ (или обыночныхъ) храмовъ, **такъ какъ строеніе такихъ храмовъ есть сама община въ дѣйствіи**, какъ это уже было сказано; — итакъ не отрицая возможности чего-либо подобнаго и на Западѣ, и на Востокѣ, — мы, однако, рѣшительно склоняемся къ тому, что обычай этотъ есть явленіе самородное и притомъ самое характерное, заключающее въ себѣ самыя существенныя черты нашей народности; словомъ, — **вопросъ о храмахъ обыденныхъ есть вопросъ о самой народности русской, о духѣ народномъ и объ его проявленіяхъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ**, государственныхъ и церковныхъ — **въ прошедшемъ**, а также и о предполагаемомъ проявленіи этого духа **въ будущемъ**; — и время проявленія этого будущаго, надо полагать, наступаетъ уже, — будемъ надѣяться, что циркуляръ 12-го августа 1898 г. объ ограниченіи вооруженій полагаетъ ему начало.

Для построенія обыденныхъ (однодневныхъ) храмовъ нужна и община лишь однодневная, но самаго глубокаго, тѣснѣйшаго соединенія, соединенія безкорыстнаго, безпорочнаго, святого... Община, артель, соборъ,—очень многими считаются отличительною чертою славянскаго племени; но и первая, и вторая, какъ и третій, говорятъ лишь о соединеніи силъ и не указываютъ на цѣль этого соединенія,—въ обыденныхъ же храмахъ указывается самая цѣль соединенія силъ:—и мы узнаемъ эту цѣль, если вмѣсто храма, который есть образъ, сѣнь, символъ, *) прообразованіе, поставимъ **дѣйствительность,** ему соотвѣтствующую;—ибо новый завѣтъ есть **дѣйствительность,—осуществленіе** чаемаго, осуществленіе не въ мысли только, не въ словѣ, не въ художественномъ образѣ, но самымъ дѣломъ, осуществленіе **чаемаго** («чаю воскресенія мертвыхъ»), т. е. **исполненіе дѣломъ,—на самомъ дѣлѣ,—молитвы всѣхъ живущихъ о всѣхъ умершихъ.** Такимъ образомъ, обыденные храмы есть не **памятники** лишь единодушія и согласія, но и **предвѣстники общаго дѣла спасенія,** или всеобщаго воскрешенія, которое въ конференціи, конгрессѣ, или соборѣ, и получитъ, рано или поздно, **всемірный центръ.**

Смыслъ и значеніе построенія обыденныхъ храмовъ раскрывается, или становится понятнымъ, при всестороннемъ разсматриваніи этого построенія; можно же разсматривать его и съ религіозной стороны, какъ выраженіе религіознаго подъема, и со стороны психологической, показывающей, —вопреки утвержденію западныхъ психологовъ, что толпа, соединившись въ святомъ дѣлѣ построенія храма, очищается отъ пороковъ, дѣлается хотя и на короткое время святою, церковью, имѣющею одну душу,—дѣлается способною на дѣйствіе, которое можетъ выразиться и не въ однихъ только болѣзненныхъ явленіяхъ, психическихъ эпидеміяхъ... Можно разсматривать построеніе обыденныхъ храмовъ и какъ помочь или толоку, какъ коллективный или кооперативный трудъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это не юридико-экономическое, а чисто нравственное явленіе, и внесеніе въ помочи и толоки юридико экономическихъ интересовъ, только искажаетъ ихъ. Можно разсматривать построеніе обыденыхъ храмовъ и съ географической стороны;—разсмотреніе съ этой стороны указываетъ на лѣсную полосу, воспитавшую людей, способныхъ къ постройкамъ, плотниковъ, и давшую матеріалъ для созиданія обыденныхъ храмовъ, указываетъ и на тѣ климатическія условія, которыя требуютъ наибольшаго соединенія силъ для совершенія работы въ наикратчайшій срокъ; указываетъ также и на степную полосу, воспитавшую **„разрушителей построекъ“**, которые своими разрушительными набѣгами не допускали прочныхъ построекъ и вынуждали къ постройкамъ на скорую руку,—**скородомовъ**, скорогородовъ и, такъ сказать, скорохрамовъ... Въ строеніи обыденныхъ храмовъ участвовалъ и лѣсъ и поле (степи кочевниковъ), зной лѣта и стужа зимы, словомъ вся физическая и психическая природа континентальной глуби земной планеты... Разсматривая съ исторической стороны, мы увидимъ, что

*) Символъ имѣетъ тѣсную связь съ декадентствомъ, если не переходитъ въ дѣло.

обыденные храмы есть произведеніе Псково-Новогородской, пограничной съ нѣмцами, земли, а потомъ и Московской государственности. Сила, произведшая обыденные храмы, съ наибольшею энергіею проявилась въ спасеніи русской земли отъ смутъ, вызванныхъ самозванцами; таже сила проявилась и въ 1812-мъ году, хотя и съ меньшимъ напряженіемъ. Мы не будемъ, однако, разсматривать здѣсь каждую сторону отдѣльно, такъ какъ всѣ онѣ находятся въ тѣснѣйшей между собою связи; укажемъ только на обыденныя погребенія странниковъ общею помочью и толоками большей части Москвы, отъ царя и его семьи. (См. Богословскій Вѣстникъ—1897 г. № 2-й).

Обычай построенія обыденныхъ храмовъ есть лишь наивысшее проявленіе нашихъ помочей и толокъ, наивысшее выраженіе единодушія и согласія, обѣщающее великое будущее, когда единодушіе и согласіе будетъ проявляться не временно лишь и случайно, не въ нѣкоторыхъ только отдѣльныхъ мѣстахъ, когда оно найдетъ приложеніе къ великому общему дѣлу, къ всеобще-обязательному знанію, къ знанію не пустому, а выражающемуся въ общемъ дѣлѣ, для котораго, будемъ надѣяться, конференція мира сдѣлается центромъ, какъ объ этомъ и было уже сказано.

Въ вопросахъ о храмахъ обыденныхъ, обращенныхъ къ Западу и Востоку, заключается, или долженъ заключаться, и вопросъ о помочахъ и толокахъ, т. е. вопросъ о томъ—было-ли что-либо подобное нашимъ помочамъ и толокамъ какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Хотя вопросъ этотъ прямого отношенія къ археологіи не имѣетъ, но въ вопросъ историко-археологическій онъ входитъ, и желательно, чтобы Съѣзды не спеціализировали, а расширяли свои задачи.

Хотя въ помочахъ и толокахъ единодушіе и согласіе проявляется въ степени низшей сравнительно съ проявленіемъ его при построеніи обыденныхъ храмовъ, и прилагается не къ такому святому дѣлу, но за то въ помочахъ и толокахъ единодушіе и согласіе выражается не въ рѣдкія лишь минуты, какъ при построеніи обыденныхъ храмовъ, а постоянно, ежегодно, повсемѣстно, и при томъ какъ у русскихъ, такъ и у инородцевъ, живущихъ въ Россіи. . *)Впрочемъ постоянство и повсемѣстность помочей и толокъ, также какъ и дѣйствіе въ нихъ начала нравственнаго, есть еще **вопросъ**, который можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда во 1-хъ, помочи и толоки будутъ выдѣлены изъ массы юридическихъ обычаевъ, къ которымъ ихъ неправильно относятъ, какъ это будетъ видно изъ ниже-

*) Между прочимъ существуетъ **помочь** и у туркменъ Мервскаго оазиса: „Богатые люди, имѣющіе большіе посѣвы, если не успѣваютъ по недостатку рабочихъ рукъ справиться съ уборкой хлѣба, сзываютъ на помочь всѣхъ желающихъ и устраиваютъ имъ угощеніе утромъ и послѣ полудня, за что помочане и работаютъ на ихъ полѣ. Работа продолжается обыкновенно не дольше какъ до 2-хъ часовъ по полудни. Такія же помочи устраиваются для уборки посѣвовъ ишановъ ихъ почитателями, посѣвовъ вдовъ и малолѣтнихъ сиротъ родственниками и знакомыми. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ помочь разсматривается какъ **жертва Богу**, богоугодное дѣло, и угощеніе не обязательно“ (Изъ письма Уѣзднаго Начальника Мервскаго Уѣзда, Ѳ. А. Михайлова). **По адербежански помочь**—„ег(h'ма“

слѣдующаго; во 2-хъ, когда свѣдѣнія о нихъ будутъ собраны отовсюду, и особенно изъ дальнихъ, **захолустныхъ мѣстъ**, въ которыхъ они еще не подверглись, или **мало** подверглись вліянію городской жизни, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живы еще былины временъ старыхъ, а также и отъ старообрядцевъ; и въ 3-хъ, когда свѣдѣнія —такимъ образомъ собранныя мѣстными интеллигенціями,—будутъ разработаны не экономистами и юристами, а психологами.

Въ Русской землѣ,—въ землѣ общинъ, мірскихъ сходокъ, артелей, братчинъ, (что отразилось въ самомъ устройствѣ при храмахъ **трапезъ**, или схожихъ избъ, для поминовеній, для пировъ въ храмовые праздники и для сходокъ,—Богословскій Вѣстникъ 1897 № 2-й),—**вопросъ о помочахъ и толокахъ, также какъ и о храмахъ обыденныхъ** (вопросъ психологіи коллективной), **есть вопросъ самый существенный и коренной**, и при томъ такой, который всей философіи, всѣмъ частямъ ея, можетъ дать иной видъ, такъ какъ вопросъ этотъ соединяетъ философію теоретическую и практическую въ одну, **въ философію проективную**; и это будетъ философія не субъективная и не объективная, и въ ней не будетъ ничего, не относящагося къ дѣлу.

И помочь, и толока, начинается призывомъ Бога въ помочь и толоку. **„Богъ въ помочь“** есть обычное у насъ, на Руси, привѣтствіе всякому работающему; употребляется ли выраженіе **„Богъ въ толоку“**, — мы не знаемъ, и вопросъ объ этомъ также можетъ быть поставленъ въ числѣ вопросовъ, на которые желательно получить отвѣты. **Помочь и толока** — слова однозначущія, и въ однихъ мѣстахъ толока имѣетъ болѣе обширный смыслъ, а въ другихъ помочь употребляется въ болѣе широкомъ значеніи. Въ построеніи обыденныхъ храмовъ помочь и толока возводятся въ дѣло священное. Обыденный храмъ, какъ зданіе, есть произведеніе церкви въ ея идеальномъ значеніи, какъ общества, имѣющаго одно сердце и одну душу. Обыденный храмъ, это — **жертва приносимая всѣми и за всѣхъ**... Но **помочи и толоки** и сами по себѣ не лишены священнаго значенія: «работа міромъ за **угощеніе**“—выраженіе неточное и не свойственное патріархальному быту, а работа міромъ есть произведеніе именно патріархальнаго быта;—но работа здѣсь не товаръ, а угощеніе — не плата, и тѣмъ не менѣе этотъ безплатный трудъ есть трудъ плодотворный, споръ и самое слово **толочье** значитъ **споръе**. Угощеніе при этомъ есть выраженіе благодарности, есть какъ-бы евхаристія, ибо работа толочанъ и помочанъ,—т. е. братская, мірская помочь,—завершается братскою трапезою, которая напоминаетъ то, что называлось **агапе**. Помочи и толоки — явленіе не экономическое, если даже угощеніе и принять за плату, ибо не будетъ соотвѣтствія между работою и платою за нее, и работа при этомъ вполнѣ добровольна. Нѣтъ въ помочахъ и толокахъ ничего и юридическаго, ибо это не наемъ, нѣтъ при этомъ ни торга, ни договора. Что помочи и толоки суть явленія чисто нравственнаго порядка, а не экономическаго или юридическаго, это доказываютъ особенно помочи бѣд-

нымъ. Такъ пришли однажды *) на помочь къ бѣдной вдовѣ, не цѣлымъ, конечно, міромъ, а лишь нѣсколько человѣкъ. Бѣдная вдова не имѣла ничего, чѣмъ угостить, чѣмъ бы выразить свою благодарность помочанамъ, и когда они окончили работу, такъ имъ говорила: «Касатики мои, мнѣ нечѣмъ Васъ попотчивать, не обезсудьте. Пошли Вамъ, Господи, свою милость, родителямъ Вашимъ—царство небесное»,—и повалилась въ ноги помогавшимъ ей, которые и не ожидали, конечно, никакого отъ нея угощенія. Вдова не ограничилась пожеланіемъ милости Божіей работавшимъ, а пожелала и родителямъ ихъ царства небеснаго, т. е. это актъ вполнѣ религіозный. Помочь, совершаемая обыкновенно въ праздники, не доказываетъ-ли, что для нашихъ крестьянъ **праздникъ**—не покой, не суббота, а дѣло, трудъ, не доказываетъ ли это, что наши крестьяне поступаютъ въ этомъ случаѣ согласно съ Евангеліемъ и не въ праздности видятъ праздники.

По словарю Даля-помочь или толока есть сборъ населенія къ одному хозяину по кличу для **дружной** работы **на одинъ день**. Хозяинъ угощаетъ помочанъ и этимъ способомъ **за одинъ разъ** снимаетъ хлѣбъ, выкашиваетъ лугъ, молотитъ. **Въ этой однодневности помочи кроется и обычай созиданія храма въ одинъ день**... Бываетъ толока и на вывозъ навема, на рубку капусты, т. е. все дѣлается сообща. Эта совокупная работа всѣхъ вмѣстѣ **придаетъ силу и энергію каждому** въ отдѣльности, **увлекаетъ лѣнивыхъ, даетъ силу слабымъ,** словомъ—заражаетъ, но заражаетъ здоровьемъ, силою вопреки мнѣнію Западныхъ психологовъ, дѣлающихъ свои выводы изъ наблюденій надъ народами вырождающимися... Работа помочью и толокою кромѣ того, что она **дружна, спора,** сопровождается еще пѣснями и совершается съ такою радостію и веселіемъ, что одинъ изъ описывающихъ полевыя работы помочью сомнѣвается,—можно-ли назвать ихъ **страдою.** При такомъ дружномъ трудѣ робота перестаетъ быть бременемъ тяжелымъ и дѣлается игомъ благимъ, добровольнымъ. Безъ этой же совокупности не одинъ лишь **крѣпостной,** но и трудъ **для себя** не кажется легкимъ, не совершается съ такою радостію;—на людяхъ же и тяжелый трудъ становится легкимъ и дѣлается радостнымъ. И такъ, вотъ что значитъ трудъ дружный, трудъ совокупный;—такой трудъ есть возведеніе работы въ художество, въ поэзію, въ благое дѣло, въ службу Божію, т. е. въ этомъ совокупномъ трудѣ соединяется искусство, нравственность и религія. Помочь и толока хотя и не имѣютъ такого нравственнаго совершенства, какъ обыденные храмы, но онѣ обыденны во всякомъ смыслѣ, какъ въ значеніи обыкновеннаго, постояннаго явленія, такъ и въ значеніи однодневнаго, или обыденнаго, исполненія, совершенія работы. Сама барщина была лишь злоупотребленіемъ помочью,—добровольное обратилось при этомъ въ принудительное, сборъ сталъ сгономъ; но угощеніе осталось и у помѣщиковъ, оно дѣлалось осенью, по окончаніи всѣхъ поле-

*) Это однажды повторяется на Руси очень часто преимущественно во время такъ называемой страды,—очень часто и повсюду.

выхъ работъ. Насколько этотъ обычай былъ повсемѣстенъ, мы не знаемъ, и вопросъ объ этомъ также долженъ войдти въ число вопросовъ о помочахъ и толокахъ.

Помочи и толоки свойственны не только русскимъ, но и инородцамъ, какъ это видно изъ «Обычнаго права» Якушкина (Библіографическій указатель) и изъ приведеннаго выше письма г-на Михайлова; такъ что главнымъ, по крайней мѣрѣ, дѣятелемъ въ обращеніи людей къ совокупной работѣ, въ пріученіи ихъ къ такой работѣ, былъ климатъ, дающій очень короткій срокъ для посѣва, покоса, жатвы и вообще—для всѣхъ сельскохозяйственныхъ работъ; а потому помочи и не могутъ быть предметомъ нашей гордости, если бы даже оказалось, что помочи принадлежатъ одной Россіи, имѣющей континентальный климатъ по преимуществу Такимъ образомъ, въ дѣлѣ разъясненія вопроса о коллективной работѣ въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ значеніи могутъ принять участіе какъ тѣ, которые дѣлаютъ русскій народъ носителемъ всѣхъ добродѣтелей, такъ и западники, т. е. тѣ, которые видятъ въ немъ, въ русскомъ народѣ, носителя всѣхъ пороковъ, т. е. какъ любящіе русскій народъ, такъ ненавидящіе его.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помочи и толоки такъ исказились, что иной усомнится даже, точно-ли онѣ были когда-нибудь выраженіемъ единодушія и согласія. Однако, есть еще мѣста, гдѣ помочи и толоки,—это приложеніе единодушія и согласія къ хозяйственнымъ дѣламъ,—сохраняютъ характеръ религіозный, не юридическій, а чисто нравственный. Въ статьѣ—«Раскольничья община на Вяткѣ»—Добротворскаго,—говорится: «Они (раскольники) во всемъ помогаютъ другъ другу, всѣ почти работы дѣлаются у нихъ помочами, въ круговую; при чемъ на помочахъ не бываетъ ни капли вина: «не для выпивки ходимъ, а такъ, значитъ за любовь», говорятъ раскольники, «онъ мнѣ поможетъ, а я ему» (Рус. Вѣд. 1884 г. № 20). Сохранили свои основныя черты помочи и толоки именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и доселѣ живы еще древнія былины, а въ прежнее время **преимущественно** строились обыденные храмы. Г. И. Кулаковскій (Олонецкія Губ. Вѣдомости, 1889 г. № 34 й) въ помочахъ, устраиваемыхъ крестьянами **„ради кошенія луговъ“** жатвы, запашки, кладки готоваго сруба на фундаментъ при постройкѣ дома, при возкѣ для него бревенъ, дѣланія въ новомъ домѣ печи» и т. п. видитъ привычку «издавна жить вмѣстѣ, работать сообща»;—«при этомъ», говоритъ Кулаковскій,—«на помощь одному обывателю приходитъ вся община или даже нѣсколько близъ живущихъ общинъ со своими собственными орудіями..... при возкѣ для постройки дома бревенъ общинники являются со своими лошадьми, веревками, топорами и проч.; въ лѣсъ ѣдутъ и мужчины и женщины длинною вереницею въ 20, 30 и болѣе лошадей; лѣсъ рубится **сообща, сообща** взваливается на дровни, везется,—и въ два, три или четыре пріема на деревенской улицѣ воздвигаются цѣлыя горы бревенъ, привезенныхъ «помочью»... **Все это очень напоминаетъ построеніе обыденныхъ храмовъ,**—замѣтимъ отъ се-

бя. Затѣмъ «хозяинъ угощаетъ помочанъ и начинаетъ строиться; для рубки сруба нанимаетъ онъ рабочихъ, но разъ срубъ сложенъ, таже помочь является къ нему, по первому его приглашенію, разбираетъ весь срубъ и перекладываетъ его на фундаментъ».... «Кладку балокъ, потолка, стропилъ, крыши и проч. производитъ опять наемная сила... На строеніе печи, для такъ называемаго **печебитья**, вновь приглашается помочь, привозится глина и начинается **печебитье**"*).. Работа идетъ весело и живо, подъ тактъ народныхъ пѣсенъ, и чрезъ какихъ-нибудь два часа большая крестьянская печь готова»... Послѣ начинаются пляски и угощеніе и» помочане расходятся иногда только къ полночи»... «Только что описанное чередованіе помочей съ наемною работою будетъ тѣмъ понятнѣе»,--говоритъ Кулаковскій, – «если мы предположимъ, что въ былое время крестьянскіе дома, или вообіце зданія, строились цѣлою общиною; община ѣхала въ лѣсъ, строила домъ цѣликомъ»;... «хозяинъ строющагося дома **изъ благодарности** предлагалъ работающимъ рядъ угощеній»... «Помочи устраиваются всего чаще по праздикамъ и послѣ обѣда». «Въ заключеніе остается пожалѣть», —говоритъ Кулаковскій,—«что прекрасный обычай падаетъ, прекращается»...

Помочи и толоки прилагаются не къ однимъ хозяйственнымъ нуждамъ, онѣ имѣютъ приложеніе и къ государственнымъ дѣламъ, а въ нѣкоторыя эпохи помочи получали у насъ необыкновенно широкое примѣненіе, какъ напримѣръ, въ такъ называемое смутное время и особенно въ безгосударное, когда Москва была занята поляками, а Лавра находилась въ осадѣ или же едва вышла изъ нея. Въ смутное время русская земля была спасена взаимною помочью и толокою, конечно и при Божьей также помощи, выразившейся, между прочимъ, въ дѣятельности Троице-Сергіевой Лавры.—Желательно было-бы сдѣлать сравненіе способовъ спасенія у разныхъ народовъ въ подобныхъ положеніяхъ, т. е. въ безгосударное время.. —Города сносились тогда между собою отписками, которыхъ много собрано во II-мъ томѣ актовъ Археографической Экспедиціи. Такова, напримѣръ. отписка Вычегодцевъ къ Пермичамъ, въ которой говорится, что Вычегодцы хотятъ со всею Пермскою землею, отъ мала до велика, посовѣтоваться, чтобы жить и умереть вмѣстѣ, другъ друга ни въ чемъ не выдать (№ 102-й, а также №№ 91, 97, 99 и мног. друг). Не напоминаютъ ли эти отписки тѣхъ посланій, которыми ссылались христіанскія общины временъ апостоловъ и мужей апостольскихъ!... Въ этой перепискѣ городовъ между собою о спасеніи земли заключается богатый матеріалъ для изученія мірского дѣла, а потому и слѣдовало-бы всѣ акты, относящіеся къ этой перепискѣ, выдѣлить изъ второго тома актовъ Археогр. Эксп., (который къ тому же становится нынѣ библіографическою рѣдкостью), и присоединивъ къ нимъ акты такого же содержанія изъ другихъ источниковъ, издать особою книгою.

*) Печь—самое священное мѣсто; слова—**печища** и **огнища.**

Но не въ смутное только время русская земля спасена была помочью и толокою. Дѣйствіе ихъ, т. е. толокъ и помочей, есть явленіе непрерывное, хотя не единственное и не исключительное.. Въ дѣлѣ созиданія и обороны, объединенія и спасенія Руси, **всегда** принимала и принимаетъ участіе помочь и толока; т. е. русская земля созидалась, возстановляла свое единство и спасалась не одною обязательною и принудительною службою, но и **добровольною**. Помочи и толоки суть проявленіе добровольности, также какъ принудительная служба есть слѣдствіе недостаточности или слабости доброволія. Полная добровольность есть выраженіе совершеннолѣтія, недостатокъ же добровольности есть слѣдствіе несовершеннолѣтія общества. Призывъ князей домосковскою Русью было явнымъ признаніемъ слабости **доброволія** для защиты отъ степныхъ варваровъ и для внутренняго объединенія, и выраженіемъ достаточности его, т. е. доброволія, лишь для **невынужденнаго** подчиненія призванной власти. Недостаточность доброволія для объединенія въ такъ называемый удѣльный періодъ вызвала необходимость Московскаго принужденія; тѣмъ неменѣе первое возстаніе, какъ и послѣдующія противъ татаръ, противъ Мамая и т. д., были произведеніемъ не одного принужденія, но и добровольной толоки князей и народа и постоянной помочи Божіей, особенно явленной въ благословеніи преп. Сергія и въ подвигѣ двухъ великихъ добровольцевъ его обители, Пересвѣта и Ослябы. Въ 1812 году добровольная помочь не успѣла развернуться во всей своей мощи, по причинѣ скораго окончанія войны, тѣмъ неменѣе добровольцевъ было много даже изъ интеллигентнаго класса, вопреки вольностямъ дворянства. Были добровольцы и въ сербскую войну и въ болгарскую, созидался добровольный флотъ,—доброволіе на сушѣ и на морѣ Такое значительное участіе добровольности, или толоки, одиночной и совокупной—**въ прошедшемъ**, даетъ надежду на проявленіе еще большей добровольности—**въ будущемъ**, если только цѣлью будетъ поставлено не свободное государство, или царство своеволія, не жизнь для себя или для другихъ (эгоизмъ и альтруизмъ), а царство доброволія, т. е. жизнь со всѣми и для всѣхъ, или искупленіе отъ общихъ всѣмъ бѣдствій, для спасенія отъ которыхъ и воздвигались обыденные храмы. Надежда на полную замѣну принужденія добровольностію осуществится, если будетъ признано необходимымъ постоянное, непрерывное вызываніе (расширеніе) доброволь-ности, пріученіе къ этой добродѣтели въ видѣ побужденій къ сверхдолжной службѣ, къ свертребуемымъ, или добровольнымъ, податямъ, а вмѣстѣ если будетъ устранено все, что препятствуетъ расширенію добровольности, т. е. если добровольность будетъ употребляема именно на спасеніе отъ общихъ бѣдствій, а не на удовлетвореніе какихъ-либо частныхъ выгодъ, что было бы злоупотребленіемъ, а не **благимъ** употребленіемъ добровольности. И тогда принужденіе, какъ проявленіе несовершеннолѣтія общественнаго, стало бы ненужнымъ, а единодушіе и согласіе, вызываемыя чрезвычайными бѣдствіями и проявляемыя до сихъ поръ лишь въ рѣдкіе моменты построенія однодневныхъ церквей, стали-бы постоянными и были

бы направлены противъ тѣхъ самыхъ бѣдствій, которыми и вызывалось построеніе обыденныхъ храмовъ, т. е. противъ моровъ, язвъ, голода и смерти. Государство, также какъ и церковь, есть общество спасенія отъ бѣдствій общихъ всѣмъ **сынамъ** человѣческимъ, отъ голода, мора, язвъ и —вообще—смерти, которую мы видимъ преимущественно, прежде всего,—можно сказать,—въ смерти нашихъ родителей. Правда, обыденные храмы,—это проявленіе самой доброй, самой благой воли,—давно уже стали, повидимому, лишь памятниками прошедшаго; но духъ, созидавшій ихъ, еще живъ, какъ это и доказываетъ многими примѣрами священникъ Ребринъ, нашъ зауральскій корреспондентъ, которые мы и приводимъ ниже, принося глубокую благодарность за сообщеніе ихъ

Случаи, которые обыкновенно считаются за начало построенія обыденныхъ церквей,—а именно построеніе церкви въ 6504 г. св. **Владиміромъ** въ Василевѣ въ благодарность за спасеніе отъ Печенеговъ, и построеніе церкви въ 6530 г. Мстиславомъ въ Тмутаракани въ благодарность за побѣду надъ Касогами,—въ строгомъ смыслѣ не могутъ считаться такимъ началомъ, такъ какъ неизвѣстно, были ли эти церкви обыденными и совокупнымъ ли трудомъ всѣхъ онѣ были построены; относительно этихъ церквей несомнѣнно лишь то, что **онѣ суть церкви обѣтныя.** Но возможно, что и эти церкви были построены также, какъ церковь во Владимірѣ Волынскомъ. А объ этомъ храмѣ, называемомъ въ преданіи обыденнымъ, говорится, что Владиміръ, возвращаясь съ войны, велѣлъ взять каждому воину по камню, изъ этихъ камней и была сложена церковь. (Волынь,—Батюшковъ, стр.) *). Если и въ Василевѣ была построена церковь такъ же, то должно будетъ признать, что построеніе церквей трудомъ общимъ, совокупнымъ, связано и съ борьбою противъ кочевниковъ, такъ что обыденные храмы были-бы памятниками самаго начала умиротворенія степи. Самъ Василевъ былъ изъ числа тѣхъ городковъ или крѣпостей, которые сооружались Владиміромъ по рѣкамъ Роси, Стугнѣ, и вообще на границѣ степи, т. е. на сторожевыхъ линіяхъ, какъ онѣ назывались въ государствѣ Московскомъ. Къ храмамъ, воздвигнутымъ въ короткій срокъ и совокупнымъ трудомъ, совокупными силами, хотя и не однодневно, можно отнести построеніе при Ярославѣ, послѣ пожара, церкви въ Вышгородѣ**),

---

*) Такой способъ построенія очень похожъ на легенду, и такія легенды существуютъ не въ одной русской землѣ; это—легенда о могуществѣ совокупной силы, и эта легенда становится критикою, разрушающею миѳъ, который приписываетъ дѣйствіе многихъ лицъ одному лицу,—герою, генію.

) Вышедши отъ князя, онъ (митрополитъ) собралъ своихъ соборныхъ священниковъ и все духовенство и велѣлъ идти съ крестами въ Вышгородъ. И пришли къ мѣсту, гдѣ лежали святые (Борисъ и Глѣбъ), а былъ съ ними князь великій Ярославъ, **и поставили клѣтку малу (небольшую часовню или храмину, которая была поставлена въ одинъ день) на томъ мѣстѣ, на которомъ стояла сгорѣвшая церковь. Архіепископъ (т. е. митрополитъ), пришедши съ крестами, сотворилъ въ той клѣткѣ всенощное пѣніе. На другой день пошелъ архіепископъ со крестами (къ тому мѣсту), гдѣ лежали пречестныя тѣла... И внесши (гробы) **въ ту храмину,** которая была поставлена на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, поставили ихъ поверхъ земли, на правой сторонѣ (Изъ сказ. Якова мниха, чт. въ об. И. и Д. Р., 1870 кн. 1-я). Голубинскій. Ист. канониз. свят. въ Русск. Церкви (Богос. Вѣс. 1894, іюль стр. 67 и 68).

а также Брянскаго Свѣнскаго монастыря 6796 (1288 г.) «по отпѣніи онаго (молебна) нача самъ князь своима рукама со всѣми при томъ бывшими на храмъ Божій, Пречистыя Богородицы, древа рубити и, совершивъ храмъ вскорѣ во имя Пресвятой Владычицы, честнаго славнаго ея Успенія, и освятивъ, повелѣлъ служити соборомъ Божественную литургію». Но возможно, что происхожденіе обыденныхъ церквей связано съ самимъ крещеніемъ русскаго народа и было первымъ дѣломъ новокрещенныхъ, какъ это указываетъ преданіе о построеніи обыденной церкви въ Угодичахъ (Титовъ, —Ростовскій уѣздъ, Москва, 1885 г., стр. 81). Это замѣчательное сказаніе примѣняетъ къ Ростову то, что совершилось въ Кіевѣ, оно заставляетъ Владиміра созывать ростовцевъ на общій крещатикъ, и Угожане (Угодичи,—село противъ Ростова, на противоположномъ берегу озера Неро) оказываются первыми, отозвавшимися на призывъ князя. Не видно, чтобы крещенію предшествовало какое-нибудь книжное наученіе, но очень видно, что угожане знаютъ о христіанствѣ именно то, что оно требуетъ братской любви и согласія; эта великая добродѣтель,—единодушіе и согласіе,—и проявилась въ построеніи въ одинъ день церкви. Сказаніе пріурочиваетъ это построеніе къ 15-му іюля, ко дню памяти Кирика и Іулиты, во имя которыхъ и созидается церковь, ко дню кончины (будущей?!) равноапостольнаго князя. Отсутствіе предварительнаго наученія показываетъ, что этотъ храмъ былъ уже и школою... По всей вѣроятности и другіе старые города имѣли сказанія, въ которыхъ дѣлаютъ Владиміра своимъ воспріемникомъ отъ купели; а такъ какъ **„народъ русскій крещенъ былъ безъ предварительнаго оглашенія, или просвѣщенія, т. е. крещеніе народа совершилось на томъ же основаніи, на какомъ крестятъ дѣтей“** (Предисл. къ Сказанію о постр обыден. церкви въ Вологдѣ, Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Рос. т. 166-й), то воспріемникъ народа отъ купели долженъ былъ принять на себя долгъ всеобщаго обязательнаго образованія. Ни Владиміръ, ни его преемники не могли еще исполнить этого долга, а потому онъ все еще остается долгомъ, переходя отъ одного властителя къ другому, особенно чрезъ помазаніе на царство.

Представленіе о крещеніи Руси было-бы совершенно не вѣрно, если говоря о призывѣ княземъ угожанъ, мы забыли-бы о самомъ князѣ, дѣлавшемъ призывъ, о князѣ, по приказу котораго, какъ принято выражаться, русскій народъ пошелъ къ купели; а этотъ князь на самомъ себѣ, на дѣлѣ показалъ, что такое христіанство; принявъ крещеніе, Владиміръ распустилъ свой гаремъ, пересталъ казнить даже разбойниковъ и разыскивалъ нищету... Какой катехизисъ, какой аргументъ можетъ быть сильнѣе этого примѣра?! Великій религіозный подъемъ, выразившійся въ построеніи обыденнаго храма, и могъ быть вызванъ только этимъ аргументомъ. И можетъ-ли быть безсмысленною толпою,—какъ это принято думать,—тотъ народъ, для убѣжденія котораго нуженъ былъ такой великій нравственный аргументъ, тотъ народъ, который въ двухъ князьяхъ-братьяхъ (Борисѣ и Глѣбѣ), жертвахъ усобицы, канонизовалъ христіанскую любовь

и осудилъ раздоръ, предшествовавшій самодержавію?!

Возникшіе (по преданію) при самомъ насажденіи христіанства обыденные храмы были затѣмъ возвращены на Руси великими бѣдами. Хотя бѣды и скорби нерѣдки на землѣ вообще, а на русской въ особенности, тѣмъ не менѣе эти произведенія бѣдъ и скорбей встрѣчаются не часто. Если храмы, какъ внѣшнее выраженіе религіи, суть произведенія существъ смертныхъ, то обыденные храмы суть произведенія чрезвычайной смертности, когда утраты учащаются и смертность *) чувствуется особенно живо; извѣстно, что большинство обыденныхъ церквей было построено во время моровыхъ повѣтрій, и нѣкоторыя изъ этихъ церквей даже назывались моровыми:

„Въ лѣто 7041-е..... поставилъ владыко Макарій церковь деревяну—**моровую**“ (Новгор. Лѣтоп. 1879 г. стр. 125-я). **„Въ лѣто 6898-е.** И бысть **моръ** Аѳонасьевскій и поставиша церковь Аѳонасьеву **въ одинъ день** за соборною церковью въ каменномъ городѣ Дѣтинцѣ, и свяща ю... архіепископъ Іоаннъ съ игумени и съ попы и съ крилосомъ святыя Софѣя... и преста **моръ**“ (Новгор. лѣтоп. 1888 г. л.л. 37, 246 и 376). **„Въ лѣто 6925 и 6926.. по грѣхомъ** нашимъ бысть **моръ** великъ и страшенъ зѣло на люди... И .. поставиша церковь святыя Анастасіи единымъ днемъ и бревна сѣкущи того же дни, а въ остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Илью .. а Новоторжене также у себѣ въ городѣ единаго утра поставиша церковь св. Аѳонасія и попове священіе ю соборомъ» (Новгор. лѣтоп. 1879 стр. 257, л 51, об. л. 52 й). **„Въ лѣто 6932-е. Моръ** бысть... и по всей Руси, и въ Литвѣ. и въ Нѣмцехъ.. Владыко Еуѳимій постави церкву въ Новгородѣ на единъ день за алтаремъ святыя Софіа, святый Спасъ Милостивый». (Новгород. Лѣтоп. 1879 г. стр. 50 - 51). **1420 г.** «Бысть **моръ** великъ зѣло... начаша искати, гдѣ была первая церковь св. Власій, а на томъ мѣстѣ стояше дворъ Артеміевъ... давши ему сребро и изрывше дворъ, обрѣтоша престолъ и... въ единъ день поставиша церковь во имя св. Спаса» (Псковская лѣтопись 18 г. стр.). **1442 г.**.. «Въ Псковѣ бысть моръ великъ зѣло; и князь... подумавше съ Псковичи, поставиша церковь въ единъ день на Романихѣ Похвалу Св. Богородицы... и въ тотъ день и литургію совершиша» (Псковская лѣтоп. 18 г. стр.). **„Въ лѣто 6975** бысть **моръ** великъ зѣло въ Великомъ Новѣградѣ... и того дне поставиша церковь деревяну во имя св. Сѵмеона... и освяти ю самъ архіепископъ (Новгород. лѣтоп. 18 г. стр.). **„Въ лѣто 7035-е.** Бысть въ Великомъ

*) Существуетъ два опредѣленія **смертности**, – одно философское, а другое религіозное, или христіанское; христіанское опредѣленіе имѣетъ въ виду смерть не себя лишь, но и всѣхъ другихъ, философское же опредѣленіе знаетъ только собственную смерть; съ этой послѣдней точки зрѣнія и можно доказывать, что смерти нѣтъ, – (не обращая вниманія на постепенное умираніе, ослабленіе, старѣніе),—такъ какъ, по выраженію Эпикура,—„пока я живъ, **смерти** нѣтъ, а когда я умеръ, то **меня** нѣтъ“. Точно также и Толстой, слѣдуя основной философской заповѣди — **„познай самого себя“**, т. е. знай только себя, отрицаетъ существованіе смерти, такъ какъ самъ еще живъ, а смерти другихъ не замѣчаетъ; напрасно инфлюэнца, а потомъ холера доказывали ему существованіе смерти,—для человѣка, знающаго только себя, всѣ эти доказательства остались безсильны.

Новѣградѣ **моръ** зѣло страшенъ... и поставиша церковь деревяную... во единъ день» (Новгород. лѣтоп. 1879 г., стр. 321-я)

Кромѣ обыденныхъ храмовъ въ Новгородѣ и Псковѣ, извѣстно о построеніи такого же храма въ Вологдѣ: -- о построеніи этого храма сохранилось даже самое подробное сказаніе, напечатанное, между прочимъ, по двумъ спискамъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1893 г. т. 166-й. Въ 1571 году, 16-го августа, была построена Спасо-обыденная церковь въ Сольвычегодскѣ, по случаю начавшагося съ 8-го іюля повѣтрія, какъ это видно изъ письма отъ 7-го сентября 1894 года Сольвычегодской Обыденной церкви священника Тихона Евгеніевича Чулкова; церковь эта посвящена двумъ Спасамъ,—нижняя—Спасу 1-го августа, а верхняя—Спасу 16-го августа. Изъ книги В. В. Верещагина—«На Сѣверной Двинѣ»,—стр. 27-я, видно, что, въ Цивозерѣ, на старомъ руслѣ Сѣверной Двины, Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи, и до сихъ поръ сохранилась обыденная церковь во имя Флора и Лавра, построенная ради избавленія отъ мора на скотъ; калька этой церкви, какъ и Туравецкой, доставлены самимъ В. В. Верещагинымъ... Въ 1533 году была построена обыденная церковь въ Туровцѣ, Вологодской губерніи, во время прихода невѣрныхъ Казанскихъ людей (Труды Археологич. Съѣзда, т. 3 й,—«Свѣдѣнія о городахъ и городищахъ, находящихся въ Вологодской губерніи»). Имѣются свѣдѣнія о построеніи обыденныхъ храмовъ и въ Устюгѣ, обыденной часовни въ **урочищѣ** на Сыльвѣ (притокъ Чусовой), которое слыветъ подъ названіемъ **„Ермаково городище“;** въ Кунгурской лѣтописи, издан. Археографическою Коммиссіею въ 1886 г., говорится объ этомъ такъ: «Мая въ 9-й день доспѣли обѣщаніемъ часовню на Городищѣ томъ во имя Николая Чудотворца»; т. е. завоеваніе Сибири началось построеніемъ обыденной церкви; а **„чрезъ Сибирь“,**—говоритъ Кунгурская лѣтопись,—«искони всевидецъ Христосъ... зиждитель дому своего... чадебно предповелѣ проповѣдатися Евангеліе въ концы Вселенныя».

Наибольшее число извѣстныхъ случаевъ построенія обыденныхъ храмовъ относится къ сѣверу Россіи; Новгородъ и Псковъ, вообще Сѣверная Русь была способна хотя на короткое время соединяться и создавала обыденные храмы; поэтому Сѣверная Русь хотя и подвергалась страданіямъ и отъ нашествій, терпѣла и отъ казней при собираніи, но не погибла. Южная же Русь, неспособная и къ кратковременному соединенію, не знавшая обыденныхъ,—въ строгомъ смыслѣ,—храмовъ, Южная Русь подверглась полной гибели..

Эти въ одинъ день воздвигавшіеся храмы были памятниками, по большей части, **великихъ и вельми страшныхъ** моровыхъ повѣтрій, **по грѣхомъ** нашимъ бывшихъ; эти храмы были также памятниками и раскаянія во грѣхахъ, вызвавшихъ эпидеміи. О точномъ обозначеніи этихъ грѣховъ тогда не заботились, потому что не придавали большого значенія знанію; но и въ то время войны и усобицы, а также излишества однихъ и происходящая отъ того скудость другихъ,—что и вліяло на усиленіе эпидемій,

—за добрыя дѣла не принимались, а считались грѣхами, за коими и слѣдовалъ гнѣвъ Божій въ видѣ моровыхъ повѣтрій. Поэтому то обыденные храмы и были памятниками какъ однодневнаго единодушія и согласія, такъ и предшествовавшихъ этому кратковременному единодушію и согласію и вызвавшихъ его многолѣтнихъ, вѣковыхъ раздоровъ, войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ..

По причинамъ, или поводамъ, построенія обыденныхъ храмовъ, кромѣ **моровыхъ и голодовыхъ**, построеніе которыхъ вызвано, которые были построены ради избавленія отъ голода и отъ мора, нужно отличать еще обыденные храмы **мировые**, или **умиротворительные**, построенные въ память собиранія земель и избавленія отъ нашествій, таковы обыденные храмы, построенные Іоанномъ въ Казани, Нарвѣ и т. п. Къ храмамъ **мировымъ**, или умиротворительнымъ, нужно отнести и обыденную церковь, построенную на Ваганьковѣ по случаю рожденія наслѣдника Василію (сыну Софьи Палеологъ), которое отсрочило смуту на три четверти столѣтія. Если по этому случаю сооруженъ въ одинъ день храмъ, то необходимо полагать, что скорбь Василія о бездѣтности, или неимѣніи наслѣдника, раздѣлялъ весь народъ, что желаніе это было общее: какъ въ долгомъ бездождіи народъ предчувствовалъ бѣдствія голода, такъ въ неимѣніи царемъ наслѣдника народъ предчувствовалъ страшную смуту, а затѣмъ и нашествія съ Запада и Востока, или Юга, хотя послѣднее, къ счастію въ этотъ разъ не исполнилось.

Москва, какъ столица земледѣльческаго царства, въ до-Петровское время принимала самое живое участіе въ крестьянскомъ ежегодномъ вопросѣ объ урожаѣ. Сами цари принимали участіе въ крестныхъ хожденіяхъ къ Иліи сухому и мокрому, въ моленіяхъ о ведрѣ и дождѣ *). Народъ вмѣстѣ съ царемъ соединялись въ общей молитвѣ о благорастворенiи воздуховъ и объ умноженіи плодовъ земли не только въ царствующемъ градѣ, но и во всемъ мірѣ... Не говоря о главныхъ пяти храмахъ Иліи въ Москвѣ, и храмы Николая чудотворца (м. б. и другихъ святыхъ) дѣлались мѣстами моленія объ урожаѣ. Не только Москва, торговые Новгородъ и Псковъ, вѣроятно, и другіе города имѣли церкви Иліи и Николы, сухихъ и мокрыхъ. Какъ для защиты отъ нашествія татаръ ежегодно собирались ополченія, такъ и для защиты полей отъ засухъ и ливней устраивались крестные ходы и моленія, а, наконецъ, строились и обыденные храмы, какъ высшее средство спасенія отъ голода... Припомнимъ, что первый на Руси христіанскій храмъ былъ посвященъ пророку Иліи. Храмы или статуи Перуна—у насъ, какъ храмы громовержца у грековъ, были замѣнены хра-

*) Установленіе крестнаго хода на воду 1 августа объясняется необходиомостью въ это время дождя для посѣва, при чемъ въ одинъ день и на одинъ лишь день воздвигалась на водѣ часовня. Хожденія на воду въ дни Преполовенія и Крещенія имѣютъ основаніе въ писаніи, тогда какъ молебное пѣніе на водѣ 1 августа, кажется, не имѣетъ такого основанія. Можетъ быть и Преполовеніе имѣло также отношеніе къ весеннимъ дождямъ, столь необходимымъ для урожаевъ; а крещенское хожденіе и моленіе не имѣло ли связи съ безснѣжными зимами?!..

мами пророка-ревнителя Бога единаго, давшаго своему чтителю пророку власть низводить дождь и заключать небо;—на самомъ Олимпѣ у новыхъ грековъ былъ,—кажется и есть,—храмъ пророка Иліи... Гнѣвъ пророка обрушивается на тѣхъ, которые отожествляютъ Бога съ громомъ и молніею, словомъ съ природою, т. е. на пантеистовъ-язычниковъ. Самъ же онъ чтитъ Бога, который даетъ власть разумному существу надъ слѣпою, безчувственною, жестокою силою, даетъ власть не только заключать небо и низводить дождь, но и возвращать жизнь умершвленнымъ этою силою;—потому-то онъ, какъ и пророкъ Елисей, его ученникъ, суть пророки воскресители, возвращавшіе жизнь, а не замѣнявшіе живое **мертвымъ** идоломъ. Богъ не только не гроза, Онъ и проявляется не въ грозѣ, а въ тихомъ вѣяніи. (3-я кн. Царствъ, XVII, 18).

Москва воздвигла храмъ **„Иліи обыденному“** на **„Скородомѣ“**, т. е. на томъ мѣстѣ передъ порогомъ у Москва-рѣки, куда пригоняли сверху плоты и цѣлые дома въ разобранномъ видѣ и гдѣ ихъ опять собирали *). Такимъ образомъ **скорый**, въ одинъ день сооружаемый, храмъ освятилъ мѣсто построенія скорыхъ домовъ. (См. въ Ч. О. И. и Д. Р., 1874 г. № 1 й). Такіе **„скородомы“** совершенно понятны въ Москвѣ, лежащей на границѣ **лѣса и поля**, или степи.—Храмъ Иліи обыденнаго у Пречистенки былъ-ли въ Москвѣ, за Чертольскими воротами, первымъ храмомъ, посвященнымъ пророку Иліи? Въ земледѣльческой странѣ и Никола чудотворецъ сталъ спасителемъ отъ голодовокъ;—Ильинка и Никольская были главными улицами даже въ городѣ, или посадѣ Москвы (Китай-городъ).

Въ С.-Петербургѣ храмы пророка Иліи могли быть лишь случайностью; и конечно, ни Иліи, ни Николы, ни другихъ святыхъ съ наименованіемъ сухихъ и мокрыхъ, не могло быть въ этомъ западномъ, европейскомъ городѣ. Не знаемъ, было-ли когда въ Петербургѣ даже общее моленіе, съ ходомъ, о дождѣ и ведрѣ?... Когда же къ молитвѣ о спасеніи отъ голода присоединится трудъ, тогда вновь возстановится соединеніе власти съ народомъ не въ молитвѣ только, но и въ трудѣ.

Въ Спасо-голодовыхъ и Спасо-моровыхъ храмахъ заключается началс объединенія для спасенія, или рѣшеніе санитарно-продовольственнаго вопроса въ обширномъ смыслѣ, какъ вопроса о смерти и воскресеніи. Моровые и голодовые обыденные храмы, какъ и храмы собиранія, суть именно храмы континентальной страны. Внутренняя, континентальная, обширная, такъ сказать, сердцевинная часть материка, **страна** неурожаевъ отъ засухъ и отъ ливней (градобитій), **страна**, куда сходятся всѣ пути **заразъ**, т. е. моровыхъ повѣтрій или эпидемій, страна моровыхъ и голодовыхъ обыденныхъ церквей, не можетъ не вызвать, наконецъ, санитарно-продовольственнаго вопроса въ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ вопроса **объ объединеніи всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы природы, носящей въ себѣ голодъ, язву и смерть, въ трудѣ** познаванія природы,

*) Лѣсной рядъ между двухъ Ильинскихъ переулковъ. Въ храмѣ Ильи обыденнаго—пкона работы знаменитаго Симона Ушакова, царскаго изографа XVII вѣка.

какъ общаго предмета крестьянской или сельской науки, которая должна имѣть приложеніе въ регуляціи метеорическихъ явленій земного шара, – въ противоположность наукѣ городской въ видѣ кабинетныхъ или лабораторныхъ опытовъ, имѣющихъ приложеніе къ мануфактурной промышленности. Санитарно-продовольственный вопросъ въ обширномъ смыслѣ есть сама христіанская, или крестьянская, религія, въ отличіе отъ религіи магометанской, или кочевой, и отъ религіи языческой, или городской. Для крестьянской религіи—внѣхрамовая **Пасха**,—праздникъ весны, или возвращенія жизни (годовое дѣло), – состоитъ въ возвращеніи къ праху предковъ (селу) для его оживленія при посредствѣ крестьянской науки; а внѣхрамовая **литургія**,—или общее дѣло,—дѣло дневное послѣ дѣла всеношнаго, – состоитъ не въ таинственномъ лишь обращеніи хлѣба и вина въ плоть и кровь, а уже въ явномъ превращеніи самого праха въ тѣло и кровь нашихъ отцовъ, отцовъ всѣхъ поколѣній, близкихъ и самыхъ дальнихъ, для регуляціи всѣхъ міровъ всей вселенной, какъ близкихъ, такъ и дальнихъ. Пасха и литургія указываютъ на годовой и суточный періоды, указываютъ, слѣдовательно, что **все** время отдано **дѣлу**, что **разрушающее время** замѣнилось **возсозидающимъ, возстановляющимъ дѣломъ**.

Музей Москвы, какъ столицы обширной континентальной котловины, окруженной длинною береговою полосою, – набережною океана, – съ такими выступами или полуостровами, каковы: Альпійскій, или Западно-Европейскій съ Малою Европою (Балканскимъ полуостровомъ), Малая Азія, Малая Африка, (Аравія), Индія и Индокитай,*) и предъамериканская Камчатка (Малая Америка?!..),—музей столицы страны неурожаевъ **отъ засухъ**, посылаемыхъ степями Азіи, и **отъ ливней**, посылаемыхъ влажною Европою, музей столицы страны моровыхъ повѣтрій (куда сходятся и оспа Китайская, холера-Индійская, чума Африканская, дурныя болѣзни цивилизованныхъ Европы и Америки) предлагалъ послѣ голода 1891 года и холеры 1892 г., въ годъ юбилея Сергія, создать обыденный храмъ, по подобію построеннаго преп. Сергіемъ храма Пресв. Троицы, какъ образца единодушія и согласія, и этотъ храмъ при музеѣ сдѣлать образцомъ для **храмовъ-школъ**, при всѣхъ церквахъ въ селахъ, и часовенъ-школъ, во всѣхъ деревняхъ, создавая ихъ трудомъ и средствами всей Россіи къ пятисотлѣтнему юбилею открытія мощей преп. чтителя Бога единодушія и согласія (См. Предислов. къ Сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ въ Чт. Общ. И. и Д. Р. 1893 г. т. 166-й).

Въ этихъ же школахъ-храмахъ и школахъ-часовняхъ христіанской – крестьянской религіи предполагалось ввести и свѣтскую крестьянскую науку для объединенія всѣхъ въ дѣлѣ изслѣдованія слѣпой метеорической силы съ производимыми ею неурожаями и эпидеміями, для осуществленія

*) **Индія** (или Индо-Европейскій полуостровъ), **Индо-Китай** и самъ Китай составляютъ противоположность Западно-Европейскому, или Альпійскому полуострову, и могутъ быть названы Гималайскимъ, или,—точнѣе,—Юнь-нанскимъ или Юго-Восточнымъ Азіатскимъ полуостровомъ.

христіанскаго дѣла, для осуществленія чаемаго (Посл. къ Евреямъ XI, 1). Образцомъ для этихъ школъ, какъ выше сказано, долженъ былъ сдѣлаться самъ музей котловины, юдоли голода и язвъ, у котораго вышка обратилась бы въ обсерваторію метеорическую и метеоритовъ (падающихъ звѣздъ, грозъ и полярныхъ сіяній), а холмъ, или его подножіе, въ геологическій разрѣзъ. Словомъ, Музей-Московскій долженъ бы сдѣлаться всенаучнымъ,—по крестьянски научнымъ,—образцомъ для сельскихъ школъ, сѣть которыхъ, этихъ музеевъ школъ, должна обнять всю срединную котловину, а частію и внѣшнія ея стороны, къ столѣтнему юбилею со дня смерти Каразина (См. Наука и Жизнь 1894 г. № 15 - 16).

Славянофилы много говорили о русской наукѣ, но ничего опредѣленнаго о свойствахъ и содержаніи этой науки сказать не могли, и это потому, конечно, что воображая себя русскими, они были на самомъ дѣлѣ иностранцами, и какъ иностранцы они не понимали какое важное значеніе въ жизни народа имѣетъ **хлѣбъ, обезпеченіе урожая,** и даже не подумали, чтобы именно это сдѣлать предметомъ науки, что **именно въ этомъ** заключается предметъ и содержаніе русской науки, какъ для Запада предметъ науки заключается въ мануфактурномъ производствѣ; точно также никто изъ славянофиловъ даже не подумалъ о примѣненіи способа, предложеннаго Каразинымъ, самый же правовѣрный изъ славянофиловъ—Хомяковъ—выдумалъ какую-то паровую машину для несуществующей русской мануфактуры и отправилъ ее на выставку въ Лондонъ.

Какое значеніе заключается въ тѣснѣйшемъ соединеніи сыновъ человѣческихъ въ мысли о Богѣ отцовъ, проявленной въ созданіи Ему храма въ одинъ день? Не есть-ли это дѣло благое, Богоугодное, спасительное, ибо при созданіи обыденнаго, **въ одинъ день,** храма,—**въ мысли** о храмѣ заключена **вся догматика, въ тѣснѣйшемъ соединеніи содержится вся нравственность** (отечество и братство), **а въ самомъ храмѣ заключается совокупность всѣхъ искусствъ**, т. е. художество въ его высшей, религіозной формѣ. Храмъ есть подобіе всего міра, но міра, въ которомъ нѣтъ смерти, въ кототомъ все воскрешено, хотя лишь и художественно только, ибо для Бога нѣтъ мертвыхъ **въ дѣйствительности**, а всѣ живы, для насъ же они (мертвые) живы **лишь художественно**. Значеніе храма выясняется изъ самого его происхожденія, происхожденіе же храма тождественно съ происхожденіемъ самого человѣка, съ его **востаніемъ**, первымъ подъемомъ (послѣ паденія), или вертикальнымъ положеніемъ. Воставъ, человѣкъ, или сынъ человѣческій, не оставилъ умершихъ отцовъ, скрытыхъ въ землѣ по физической необходимости, тамъ лежащими, а представилъ ихъ выходящими изъ земли (памятникъ-храмъ) и населяющими небо (сводъ храма). Такое объясненіе происхожденія храма мы почерпаемъ изъ самого Евангелія (Іоанна), изъ словъ самого Господа, произнесенныхъ тотчасъ послѣ перваго очищенія храма отъ торгующихъ и кровавыхъ жертвъ. Разрушьте храмъ,—говоритъ Онъ о своемъ Тѣлѣ,—и Я въ три дня Его воздвигну. Это было первою проповѣдью Агнца (т. е. дитя), раскрывающею смыслъ

храма и цѣль жизни *). Мы сами разрушаемъ храмы тѣлъ другъ у друга и у самихъ себя а созидаемъ лишь искусственные храмы; **) —будемъ-ли мы участвовать въ возсозиданіи и естественныхъ храмовъ, въ чемъ бы и должно было состоять внѣхрамовое дѣло и цѣль жизни?! Конечно, нужно всеобщее образованіе, чтобы **отчетливо** представлялось всѣмъ строителямъ **все,** что заключается въ созданіи **всѣми сынами** храма Богу **всѣхъ** отцовъ. Заключается же въ созданіи храма союзомъ сыновъ прототипъ предстоящаго имъ искупительнаго дѣла, дѣла обращенія слѣпой силы природы, проявляющейся въ распаденіи и паденіи всѣхъ міровъ вселенной, въ управляемую разумомъ всѣхъ воскрешенныхъ поколѣній, разсѣянный прахъ коихъ облекаетъ нынѣ весь земной шаръ. Въ этомъ спасительномъ дѣлѣ всѣхъ сыновъ человѣческихъ и проявится во всей силѣ и благодать Господа Нашего Іисуса Христа, любы Бога Отца и причастіе Св. Духа. Въ обыденномъ храмѣ, построенномъ сынами Богу отцовъ, и воплощено то образованіе, котораго нѣтъ въ настоящее время.

Созиданіе многоединствомъ цѣлаго храма въ одинъ день указываетъ на цѣль и на дѣло человѣческаго рода,—во всемъ его объемѣ по пространству и по времени; и въ этомъ легко убѣдиться, если вникнуть въ смыслъ каждаго слова, входящаго въ это многосодержательное опредѣленіе. Храмъ вообще есть подобіе вселенной, очень низшее своего оригинала въ дѣйствительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смыслъ же храма заключается въ томъ, что онъ есть проектъ такой вселенной, въ которой оживлено то, что въ нынѣшнемъ ея ориганалѣ умерщвлено,—проектъ вселенной, въ которой все оживленное стало **сознаніемъ** и **управленіемъ** всего, что было **слѣпо**. Храмъ самый громадный—малъ до ничтожества сравнительно со вселенною, имъ изображаемою; но въ этомъ ничтожествѣ **по величинѣ** смертное, ограниченное существо силилось изобразить и даль, и глубь, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы водворить въ немъ все, что въ природѣ слѣпой являлось лишь на мгновеніе, чтобы это эфемерное, по времени, существованіе стало обыденнымъ по скорости возстановленія, ибо чѣмъ короче срокъ возстановленія, тѣмъ оно содержательнѣе, шире по объему, обнимая все прошлое. Необъятность, и мощь, и жизнь, изощрялся сынъ человѣческій изобразить въ храмѣ скульптурно, барельефно, горельефно, живописно, иконописно, прибѣгалъ къ звуку, къ слову, къ письму и, наконецъ, **въ самомъ себѣ**, въ живущихъ,—**изображалъ умершихъ;** и въ семъ послѣднемъ совокупная молитва, выраженная во всемъ предыдущемъ, превращалась въ храмовую службу.

*) Въ дѣйствительности Христосъ воздвигъ храмъ тѣла своего не въ три, а въ одинъ день; ибо тѣлесный храмъ, разрушенный при концѣ пятка, Онъ воздвигъ, когда еще не поднималось солнце дня уже не **недѣльнаго**, а **дѣла воскрешенія**. Храмъ не есть дѣйствительное воскрешеніе, а потому храмоборцамъ, иконоборцамъ, словоборцамъ,—какъ Карлейль,—борцамъ противъ сознанія, чувства, воли,—какъ буддисты,- нужно указывать на воздвиженіе тѣлесныхъ храмовъ, т. е. на воскрешеніе.

**) Воздвигаемъ памятники пророкамъ, которыхъ избили отцы наши.

Въ нашей землѣ, землѣ скородомовъ, скорогородовъ,— обыденные храмы были не исключеніемъ,—это были скорохрамы, хотя такого названія и не было.—Скоростроительство было совершенно естественнымъ явленіемъ въ странѣ богатой лѣсомъ, въ странѣ лѣсистой, подверженной почти ежегоднымъ нападеніямъ и разореніямъ (сожиганіямъ) отъ обитателей степей, кочевниковъ; и обыденные храмы суть необходимое и самое характерное произведеніе всѣхъ и природныхъ и историческихъ условій страны, подъ защитою которой Западъ, напротивъ, строилъ многолѣтніе домы, многовѣковые храмы и тысячелѣтніе города. Наши обыденные храмы, —очень малые, низкіе, деревянные, деревенскіе или сельскіе, получаютъ свое полное значеніе только при сравненіи съ многовѣковыми, исполинскими, изъ прочнаго камня воздвигнутыми, городскими храмами Запада, которые были созданіемъ не народа, а городскихъ цеховъ. Растянутая на нѣсколько вѣковъ работа созиданія готическихъ соборовъ не требовала ни наибольшаго, ни тѣснѣйшаго соединенія силъ, не требовала и высокаго подъема, который былъ необходимъ для построенія нашихъ смиренныхъ церквей. Многовѣковая работа немногихъ и безъ высокаго подъема создавала колоссальный, **очень высокій** храмъ, но съ малыми колоколами, что и **указываетъ** на слабость, незначительность собирательной, объединительной силы этихъ храмовъ, вслѣдствіе ихъ безголосости или слабости голоса *), при чрезвычайной въ тоже время силѣ стремленія у немногихъ, неприкованыхъ нуждою къ землѣ, въ высь, а вмѣстѣ и въ рознь;—малость колоколовъ указываетъ на молитву нѣмую или шопотомъ, на молитву каждаго про себя одного, указываетъ на отчужденіе отъ земли городского люда, съ землею не связаннаго. Это стремленіе въ высь, къ которому располагаютъ готическіе храмы, есть результатъ лишь обмана чувствъ, благодаря которому камень кажется потерявшимъ тяжесть, какъ бы одухотвореннымъ, и приводитъ лишь къ мнимому подъему, результатомъ котораго является наибольшее паденіе, разъединеніе, наибольшая рознь. Рознь и осталась на Западѣ, когда стремленіе въ высь прекратилось и замѣнилось стремленіемъ внизъ; тогда и строеніе храмовъ замѣнилось строеніемъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ низменными промышленными и торговыми стремленіями развилось и стремленіе въ глубь, т. е. религія замѣнилась философіею, но рознь при этомъ не только не уменьшилась, но все болѣе увеличивалась и увеличивается. Наши обыденные храмы такую иллюзію производить, конечно, не могли... Храмы Запада были даже не многовѣковыми, а безконечно или неопредѣленно—вѣковыми, т. е. оставались недостроенными по недостатку единодушія и согласія, или же по отреченію отъ стремленія въ высь вслѣдствіе перехода отъ горняго къ низменному, отъ подъема къ паденію, отъ средне-вѣковаго къ новому, отъ романтизма къ позитивизму. Отчаяніе, невѣріе остановило построеніе храмовъ на Западѣ. Но не

*) Только въ наше время задумали снабдить большимъ колоколомъ Кельнскій соборъ, но этотъ колоколъ,—благодаря способу звонить, существующему на Западѣ, посредствомъ раскачиванія не языка только, а всего колокола,—оказался молчальникомъ.

временемъ лишь употреблявшимся на постройку и не малостью своею наши храмы отличались отъ западныхъ;—наши малые храмы были вмѣстѣ съ тѣмъ храмами пѣнія и звона, голоса которыхъ поднимались выше пиковъ готическихъ храмовъ, голоса же этихъ послѣднихъ (т. е. звонъ) вовсе не соотвѣтствовали ихъ высотѣ;—готическіе храмы—это колокольни, не оживленныя звономъ, нѣмыя или полунѣмыя звонницы. Послѣдній вздохъ умирающихъ отцовъ, отлетавшій въ высь, къ небу, указывалъ путь строителямъ готическихъ храмовъ; храмы стлавшіеся по землѣ и углублявшіеся въ землю хранили прахъ отцовъ; храмы же обыденные не удалялись, не улетали отъ праха отцовъ, а пѣніемъ и звономъ не отлучались и отъ душъ ихъ(*)... Колоссальные храмы Востока не были неопредѣленно-вѣковыми, они не были и многовѣковыми,—но въ построеніи ихъ выражалась не одна добровольность, а и внѣшняя власть; это были храмы Бога воевъ, Іеговы и Аллаха, или же Будды, бога отшельниковъ, это были храмы Вишну или Тримурти, т. е. троицы рожденія, разрушенія и временнаго лишь возрожденія.

Уже въ первомъ извѣстіи о построеніи христіанскаго храма,—не въ русской, а греческой церкви,—мы имѣемъ свидѣтельство, что построеніе это имѣло одно изъ существенныхъ свойствъ нашихъ обыденныхъ храмовъ,—а именно участіе всѣхъ въ этомъ построеніи, хотя и не личнымъ трудомъ, какъ это требуется для совершенства, но и деньгами. Въ словѣ св. Григорія Нисскаго о житіи Григорія Неокесарійскаго говорится, что онъ, прибывъ въ Неокесарію **„тотчасъ приступилъ къ построенію храма, потому что всѣ деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію“.** Но при этомъ не было самаго существеннѣйшаго свойства нашихъ обыденныхъ храмовъ, по которому они получили свое названіе,—не было однодневности. Наши малые обыденные храмы были произведеніемъ высокаго подъема и тѣснѣйшаго соединенія, были произведеніемъ отечества и братства, были не цѣлью, а средствомъ, о сохраненіи ихъ даже мало заботились; именно однодневность, или самый короткій срокъ при построеніи храма, и производила наибольшее согласіе наибольшаго числа **въ одномъ общемъ** священномъ дѣлѣ, т. е. воспроизводила, хотя и на короткій срокъ, то **„множество“**, которое имѣло одно сердце и одну душу (Дѣян. IV, 32),—именно однодневность построенія приводила къ тому, что, хотя лишь и на одинъ день, воля Божія исполнялась и на землѣ, какъ на небѣ; а вмѣстѣ и ощущалось пришествіе царствія Божія, прославлялось имя Бо-

(*) Западные храмы вообще служатъ выраженіемъ нѣмой молитвы, потому что по самому способу звона, не могутъ имѣть большихъ колоколовъ. Римъ же по отношенію нѣмоты превосходитъ неголосистый Западъ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста сочиненія Золя **„Римъ“**: „Воспоминанія изъ временъ набожнаго и сантиментальнаго дѣтства вызвали у Пьера (автора Новаго Рима) негодованіе противъ римскихъ базиликъ, за отсутствіе тамъ колоколовъ, которые такъ нравятся смиренновѣрующимъ народнымъ массамъ.“ Для колоколовъ нужны колокольни, а въ Римѣ имѣются у церквей только башенки и купола, а настоящихъ колоколенъ нѣтъ. Ужъ по одному этому Римъ не можетъ считаться настоящимъ христіанскимъ городомъ съ трезвономъ и благовѣстомъ, въ которыхъ молитвы возносятся къ небу звучными волнами и гдѣ надъ высокими колокольнями постоянно вьются галки (но не голуби) и ласточки.

жіе, и въ совокупности, т. е. въ согласномъ дѣйствіи и единодушіи всѣхъ, осуществлялось подобіе Тріединому Богу. Кромѣ того, наши обыденные храмы, очищенные отъ денегъ въ самомъ созиданіи, т. е. созидаемые добровольнымъ трудомъ, и потому ближе всего подходящіе къ очищенному Христомъ отъ торжниковъ храму, по однодневности созиданія своего совершенно совпадаютъ со временемъ возсозиданія Христомъ храма своего тѣла, которое также можно назвать обыденнымъ, какъ наши обыденные храмы можно назвать трехдневными, ибо тѣ изъ этихъ храмовъ, которые были начаты въ пятокъ вечеромъ, оканчивались къ полуночи субботы на воскресеніе. Быть, хотя на короткое только время, на одинъ лишь день подобіемъ Тріединаго, являлось для строителей обыденныхъ церквей великимъ предзнаменованіемъ. Если ни на Западѣ, ни на Востокѣ ничего подобнаго нашимъ обыденнымъ церквамъ не было, то почему бы тому и другому не доставить себѣ случая испытать, хотя на мигъ, святость единства, вкусивъ же его, подумать накрѣпко объ увѣковѣченіи единства и устраненіи розни. Строеніе обыденныхъ храмовъ, т. е. строеніе на срокъ возможно малый, наименьшій, можетъ быть образцомъ для соединеннаго дѣйствія народовъ и всего рода человѣческаго. Чѣмъ меньше срокъ, тѣмъ болѣе требуется силъ для совершенія дѣла, или же чѣмъ болѣе собрано силъ, тѣмъ скорѣе совершится дѣло. Не смотря на различіе между всѣми этими храмами, т. е. между ихъ строителями, есть между ними и глубокое единство, единство сыновъ умершихъ отцовъ.—Эта попытка опредѣлить сходство и различіе между нашими священными постройками и постройками, или зданіями, такого же свойства Востока и Запада, имѣла цѣлью лишь показать, какое глубокое значеніе и обширный объемъ, равняющійся всей всемірной исторіи, имѣетъ вопросъ о храмахъ обыденныхъ. Наши обыденные храмы были, какъ выше сказано, не цѣлью, а лишь средствомъ соединенія, о сохранности ихъ даже мало заботились, такъ какъ въ построеніи обыденныхъ храмовъ имѣло значеніе самое соединеніе, какъ выраженіе вѣры, надежды и любви. Строеніе храмовъ также, какъ помочи и толоки, лишь воспитывало соединеніе,—соединеніе, предмета для коего до сихъ поръ не найдено, или—вѣрнѣе—предметъ этотъ до сихъ поръ не сознанъ, хотя онъ и данъ, указанъ самимъ храмомъ и совершаемыми въ немъ службами. Все наше горе, всѣ наши бѣдствія, нестроенія и неудачи—въ отсутствіи предмета для общаго дѣйствія, для совокупной силы, въ отсутствіи или потерѣ смысла и цѣли.

Только въ коренной, въ сѣверной Россіи, въ лѣсномъ захолустьи **однодневность** или самый короткій срокъ для построенія цѣлаго храма и совершенія **полнаго** богослуженія, какъ выраженія всей мысли о дѣлѣ спасенія, признано самымъ богоугоднымъ дѣломъ; и это свидѣтельствуетъ, конечно, о цѣльности народнаго характера коренной Руси. Въ строеніи обыденныхъ храмовъ выражается, что для Бога христіанскаго, Тріединаго, нѣтъ ничего болѣе угоднаго, какъ совокупный, многоединый трудъ отъ всей души, отъ всего сердца, всею мыслію (знаніемъ) совершаемый. Въ скорости

(въ однодневности), въ отдачѣ всѣхъ силъ своихъ для совершенія дѣла, и выражается усердіе, т. е. участіе сердца, души, любви, ума и знанія въ дѣлѣ общемъ. Жить **вкупѣ** есть и добро, и красно, этично и эстетично; а трудъ **вкупѣ** и въ дѣлѣ Божіемъ **еще выше**, еше величавѣе, еще прекраснѣе. Это и будетъ верховнымъ благомъ (bonum supremum), когда трудъ станетъ дѣломъ всѣхъ живущихъ безъ всякихъ исключеній, дѣломъ спасенія всѣхъ умершихъ и тоже безъ всякихъ исключеній.

При построеніи обыденныхъ храмовъ всѣ мысли и дѣйствія сходились въ одномъ этомъ священномъ дѣлѣ, и не только все порочное, но и все житейское не могло уже имѣть мѣста, жизнь всѣхъ и вся жизнь каждаго была проникнута, въ этотъ, по крайней мѣрѣ, день, однимъ общимъ намѣреніемъ, одною цѣлью;—домашнее превращалось, такъ сказать, въ храмовое, отдѣльное родство въ общее братство (Стр. 13-я. Сказанія о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ, Чт. въ Общ. И. и Др. Рос. 1893 г. т. 166 й—«Не бяше бо тогда.. татьбы... о житейскомъ ничтоже помышляху» и проч.)

Въ Западной Руси, какъ видно изъ сочиненія Малышевскаго—**„О придорожныхъ крестахъ“** (Труд. Кіев. Духов. Академ. 1865 г. № 11-й, стр. 323—428) и на славянскомъ Западѣ, какъ это видно изъ сочиненія М. Сперанскаго - «О придорожныхъ крестахъ въ Чехіи и Моравіи и о Византійскомъ вліяніи на Западѣ» (Оттискъ изъ Арх. Изв. и Зам. № 12 й 1895 г.),—въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Сѣверной Россіи строили обыденные храмы, ограничивались постановкою придорожныхъ крестовъ и даже не часовенъ, назначенныхъ хотя и для нѣкоторыхъ только службъ;—о цѣлыхъ же храмахъ для полной службы, какъ видно, и не помышляли. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о не цѣльности уже народнаго характера.

И такъ, когда у насъ единодушіе и согласіе созидало малые храмы, заключавшіе въ себѣ полноту христіанской мысли и дѣла, и называло эти храмы по преимуществу **Спасами**, т. е. Спасообыденскими храмами, въ это время Западъ, въ лицѣ папъ, задумалъ построить одинъ огромный храмъ путемъ нечестивой продажи индульгенцій, путемъ торга благодатью искупленія, или спасенія, и тѣмъ вызвалъ протестъ,—протестъ противъ всякаго уже внѣшняго выраженія, противъ **самого дѣла**, какъ ненужнаго для спасенія, и даже, въ концѣ концовъ, противъ слова, какъ это, **особенно**, на дальнемъ Западѣ. (Да и дѣйствительно, если человѣкъ не для того созданъ, чтобы **сказать** и **сдѣлать** что-либо достойное Божества, то остается только молчать.) Такимъ отрицаніемъ протестующіе лишили себя радости участія въ общемъ дѣлѣ спасенія и даже—вообще—радости общенія, жизни вкупѣ, лишили себя **дѣйствительности** спасенія, оставаясь въ розни и при мнимомъ личномъ спасеніи. Такимъ образомъ, храмъ, посвященный св. Петру, сталъ въ дѣйствительности памятникомъ—съ **одной стороны** папскаго гнета, памятникомъ присвоенія, точнѣе-хищенія спасающей, и конечно, **мнимо** спасающей, силы, и страшнаго злоупотребленія ею, а **съ другой стороны**—онъ сталъ памятникомъ протестантскаго спасенія въ рознь, въ

одиночку, спасенія лишь внутренняго,—т. е. иллюзіи спасенія;—словомъ, храмъ Петра сталъ памятникомъ **опротестованнаго католицизма**. И это дѣлаетъ понятнымъ, какое важное значеніе имѣетъ наименованіе у насъ Спасами храмовъ, созидаемыхъ совокупными силами;—этими храмами самъ народъ далъ отвѣтъ и Католицизму и Протестантизму о томъ, какъ понимаетъ онъ спасеніе, далъ отвѣтъ самымъ дѣломъ, которымъ ясно выразилъ, что спасеніе возможно лишь общимъ дѣломъ, взаимною помочью при помочи Божіей.

Припомнимъ, что Москва и первый свой храмъ, еще на бору, поставила во имя Спаса. И какъ жаль, что не сохранилось сказанія, подобно Вологодскому, о созданіи этого храма во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, - и мы не знаемъ во избавленіе отъ чего, отъ язвы ли, отъ многодождія, или бездождія, или же отъ иного какого бѣдствія срубленъ этотъ храмъ, мы не знаемъ и того въ одинъ-ли день поставленъ онъ; но что онъ построенъ совокупными силами, при помочи Божіей, взаимною помочью, въ этомъ едва-ли позволительно усумниться при всеобщности помочей и толокъ на Руси, и въ особенности въ то время, въ непочатомъ еще, дѣвственномъ краю. **Особенно** жаль **теперь**, что нѣтъ этихъ свѣдѣній, **теперь**, когда Москвѣ исполнилось уже семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ ея существованія, и ей пора бы знать о своемъ началѣ, и особенно о началѣ своихъ храмовъ. Начавъ строеніе церквей съ построенія Спаса-Преображенія, Москва въ наше уже время присоединила наименованія Спасителя, т. е. Спаса-по древнему, къ храму Рождества Господня (храмъ Христа-Спасителя), свидѣтельствуя этимъ, что и ко всѣмъ Господнимъ праздникамъ должно быть присоединяемо наименованіе Спаса, а въ особенности къ Воскресенію, въ которомъ заключается полнота спасенія. Кремль и сталъ храмомъ праздника Воскресенія, Пасхи, и станетъ, надѣемся, провозвѣстникомъ Спаса-Воскресенія, т. е. спасенія не отъ голода лишь и моровыхъ язвъ, но и отъ смерти вообще,—провозвѣстникомъ спасенія всѣхъ умершихъ («Международная благодарность», стр. 263-я, оттискъ изъ Русск. Архива 1896 г. № 2-й), ибо, какъ выше сказано, въ Спасо голодовыхъ и въ Спасо-моровыхъ храмахъ заключается весь санитарно-продовольственный вопросъ, заключается начало объединенія для спасенія или рѣшенія санитарно-продовольственнаго вопроса въ обширномъ смыслѣ, какъ вопроса о смерти и воскресеніи.

Время процвѣтанія обыденныхъ храмовъ—**у насъ**, совпавъ со временемъ появленія и усиленія протестантизма **въ Германіи**, относится къ царствованію трехъ старшихъ собирателей земли Русской, и особенно ко времени послѣдняго изъ нихъ—Ивана IV и Всероссійскаго митрополита Макарія; а между тѣмъ, какъ Германія торжественно праздновала четырехсотлѣтіе своего разъединителя Лютера, Россія забыла о своемъ духовномъ собирателѣ—митрополитѣ Макаріи, четырехсотлѣтіе котораго почти совпало съ четырехсотлѣтіемъ Лютера. Свѣтская исторія крайне несправедливо всегда относилась къ митрополиту Макарію, приписывая самому Іоанну то,

что несомнѣнно принадлежало Макарію; даже Сильвестръ заслоняетъ собою Макарія, по стопамъ котораго хотѣлъ идти св. Филиппъ—митрополитъ, какъ самъ выражался. Іоаннъ IV-й, когда онъ не былъ еще грознымъ по причинѣ благотворнаго на него вліянія Всероссійскаго святителя Макарія, участвовалъ, или--вѣрнѣе—присутствовалъ при созданіи однодневнаго храма на старомъ Ваганьковѣ (Никон. Лѣтоп., изд. 1789 г., т. VI, 1790 г., стр. 246 я). Затѣмъ, и на крайнемъ Востокѣ тогдашней Россіи, въ Казани, и на крайнемъ Западѣ, въ Нарвѣ, а, быть можетъ, и во всякомъ городѣ, взятомъ Іоанномъ IV-мъ, созидался обыденый храмъ. Время **стоглава**, время Макарія, было золотымъ вѣкомъ обыденныхъ или обыночныхъ храмовъ. Единодушіе и согласіе, воспитавшееся построеніемъ обыденныхъ храмовъ, помочами и толоками, въ пору собиранія, спасло русскую землю въ эпоху распаденія, въ смутное время, и много помогло возстановленію единства при двухъ новыхъ собирателяхъ, Михаилѣ и Алексѣѣ. Съ прискорбнымъ отдѣленіемъ любителей страны (старообрядцевъ) отъ церкви, повидимому, прекращается строеніе обыденныхъ храмовъ; но не сохранился ли этотъ старинный обычай у самихъ старообрядцевъ, называющихъ свои общества святымъ именемъ согласія; желательно было бы услышать отъ самихъ этихъ любителей и хранителей старины, строились-ли у нихъ обыденные храмы или часовни—у поповцевъ на Керженцѣ, на Иргизахъ, на Вѣткѣ,—у безпоповцевъ молельни--на Поморьѣ, на Мурманѣхъ...

Отчего перевелись у насъ, на православной Руси, обыденные храмы,—объ этомъ можно заключить изъ сообщенія свящ. с. Микшинскаго, Ирбитскаго уѣзда, отца Н. Ребрина. Въ письмѣ отъ 11 ноября 1895 г. отецъ Ребринъ разсказываетъ: «въ 1893 г. въ одной деревнѣ моего прихода нужно было построить каменную часовню; крестьянамъ желательно было построить ее поскорѣе, и они просили не отдавать работу съ подряда,—«мы бы ее въ одинъ день склали», говорили они; и я вѣрю, что они склали-бы ее въ одинъ день,—въ деревнѣ больше половины кирпичниковъ, сами кирпичъ дѣлаютъ, сами обжигаютъ, сами и кладутъ; но пришлось **по закону** (?!) отдать работу съ торговъ; ведись дѣло попроще и часовня поспѣла-бы въ день... Въ другой деревнѣ нужно было строить деревянную часовню; **какъ только вышелъ планъ**, крестьяне въ одинъ день срубили часовню снизу и до верху, осталась только отдѣлка ея внутри и снаружи; а во всей деревнѣ двѣнадцать лишь домо-хозяевъ»... Впрочемъ, Орловская Архивная Комиссія приводитъ несравненно болѣе поразительный фактъ, свидѣтельствующій о препятствіяхъ къ построенію въ наше время обыденныхъ храмовъ.—Въ 1794 году, въ ночь съ 1-го на 2-е іюля, на Кромской площади г. Орла явилась часовня, неизвѣстно кѣмъ поставленная; она сдѣлана была изъ тесинъ, забранныхъ въ столбы, и поставлена близъ питейнаго дома. Въ часовнѣ на пеньковой веревочкѣ, былъ повѣшенъ небольшой литой восьмиконечный крестъ съ изображеніемъ распятія Христова; къ кресту приклеены двѣ бумажки, изъ которыхъ на одной извѣщалось, что крестъ не освященъ и его надо освятить, и въ часовнѣ отслужить мо-

лебенъ, для чего положено двадцать копѣекъ; а на второй бумажкѣ писалось, что часовня эта поставлена для двухъ праздниковъ. По этому случаю чуть не весь городъ пришелъ въ движеніе: многіе думали, что часовня нерукотворенная и хотѣли служить молебенъ. Скоро, однакожъ, удалось полиціи открыть виновника постановки этой часовни въ лицѣ Макара Жонилова, кр-нина помѣщика Похвиснева, который сознался, что часовня поставлена имъ на тотъ конецъ, чтобы оная стояла всегда на Кромской площади и сборъ въ оную денегъ отъ доброхотныхъ дателей употреблялся на богоугодныя дѣла. Часовня была разобрана, а Жонилова высѣкли плетьми на мѣстѣ, гдѣ ему вздумалось поставить часовню,—чтобы и другимъ **„неповадно было ставить такія часовни и подавать ими невѣжественнымъ людямъ поводъ къ суевѣрнымъ толкамъ“**. Нельзя не замѣтить, что это было приблизительно въ тоже время, когда Екатерина писала московскому генералъ-губернатору объ одномъ изъ юродивыхъ, который носилъ вериги — велѣла призвать этого юродиваго, снять съ него вериги и внушить, что это вовсе для спасенія не требуется...

Хотя обыденные храмы,—эти проявленія самой доброй, самой благой воли,—давно уже стали, повидимому, лишь памятниками прошедшаго, «перевелись на Руси», какъ это было выше сказано,—но духъ, созидавшій ихъ, еще живъ, какъ это и доказываетъ многими примѣрами священникъ Ребринъ, нашъ зауральскій корреспондентъ; изъ письма его мы привели уже разсказъ, свидѣтельствующій о причинахъ, по которымъ обыденные храмы перевелись на Руси,—приводимъ здѣсь и разсказанные имъ примѣры въ доказательство того, что живъ еще духъ, созидавшій обыденные храмы.

Но прежде, чѣмъ приводить эти разсказы, считаемъ долгомъ принести нашу глубочайшую благодарность, какъ за эти сообщенія, такъ и за побужденія другихъ не оставить безъ отвѣта нашу просьбу о доставленіи свѣдѣній объ обыденныхъ храмахъ и о преподобномъ Сергіи. Хотя ни изъ Камышловскаго, Шадринскаго, и Соликамскаго уѣздовъ въ Пермской губ. ни изъ Ялуторовскаго и Ишимскаго округовъ Тобольской губ. мы не получили никакихъ свѣдѣній по интересующему насъ вопросу, но это не только не уменьшаетъ, а даже увеличиваетъ нашу благодарность къ единственному изъ всей Сибири, отозвавшемуся на вышеозначенную нашу просьбу отцу Ребрину.

Въ письмѣ отъ 11-го ноября 1895 г. свящ. с. Микшинскаго, Ирбитскаго уѣзда, отца Ребрина,—мы имѣемъ описаніе построенія каменнаго храма въ такой краткій срокъ, какъ одинъ день для храмовъ деревянныхъ, т. е. въ меньшій срокъ построить каменный храмъ, повидимому, уже нельзя: храмъ былъ заложенъ 15 іюля, а въ концѣ сентября оконченъ и колокола повѣшены. Изъ разсказа о послѣднихъ дняхъ построенія храма видно, съ какою необычайною быстротою шла работа: «когда докладывали колокольню, не хватило кирпича,—онъ былъ сдѣланъ, но не обожженъ; тогда одни наскоро обжигаютъ кирпичъ, другіе желѣзными лопата-

ми разбираютъ его изъ печей и кладутъ на телѣги; многіе крестьяне при возкѣ горячаго кирпича телѣги сожгли; одни носятъ известь, другіе воду, кто песокъ, кто кирпичъ,—каменщики не успѣвали укладывать кирпичъ,—столько было безплатныхъ ношателей; иные каждый день помогали безплатной работой, а инымъ приходилось даже отказывать, такъ много было помощниковъ. Подрядчикъ нанималъ лишь рабочихъ, которые вели только стѣны, т. е. клали кирпичъ по краямъ стѣны, а набивать прокладку, заливать известью, приготовить все это,—было много охотниковъ не по наряду, а **по желанію**", «Въ постройкѣ настоящаго храма»,—продолжаетъ отецъ Ребринъ,—«руководилъ тотъ же духъ, та же ревность, что побуждали нашихъ предковъ къ созиданію обыденныхъ храмовъ. Здѣсь не было ни мора, ни засухи, ничего внѣшняго, не давали и обѣта, а было внутренее единодушіе и согласіе въ **„святомъ дѣлѣ"**, какъ говоритъ народъ. И теперь церковь зовутъ «святая наша матушка». Отецъ Ребринъ приводитъ и еще нѣсколько примѣровъ необычайно быстрой постройки каменныхъ храмовъ при единодушномъ и безплатномъ, конечно, участіи многихъ; такъ въ селѣ Иленскомъ—«кирпича, извести, воды столько наносятъ, что лѣса подламываются, успѣвай лишь подрядчикъ». А въ селѣ Усениновскомъ и подрядчика не было, не было и архитектора, «а храмъ соорудили такой, что красотѣ его и горожане завидуютъ». Послѣдній случай, нужно замѣтить, имѣлъ мѣсто еще сто лѣтъ тому назадъ.

Духъ, созидавшій обыденные храмы, въ послѣднее время проявился, между прочимъ, въ построеніи рабочими Бѣжицкаго завода въ одинъ день храма изъ старыхъ рельсъ. Газета Русское Слово, напечатавшая извѣстіе объ этомъ построеніи,—объ этомъ проявленіи стараго духа въ новомъ видѣ, духа русскаго въ западно-европейскомъ одѣяніи,—назвала его **добрымъ починомъ**. Брянскій же Вѣстникъ выступилъ съ возраженіемъ противъ однодневности построенія храма изъ рельсъ. Но въ этомъ возраженіи, или опроверженіи, можно видѣть блестящее подтвержденіе извѣстія, напечатаннаго въ Русскомъ Словѣ подъ заглавіемъ—**„Добрый починъ"**. По свидѣтельству самого Брянскаго Вѣстника храмъ св. апостоловъ Петра и Павла былъ трижды созидаемъ и всѣ три раза въ короткій срокъ: **въ 1-й разъ былъ** построенъ менѣе, чѣмъ въ полгода, ибо освященъ въ іюнѣ того же 1882 года, въ который и заложенъ; во 2-й разъ—въ одиннадцать дней, зимою, въ самые короткіе зимніе дни, отъ св. Спиридонія (12 декабря, поворотъ солнца на лѣто, а зимы на морозъ) до Анастасіи-узорѣшительницы (22 декабря); постройка въ такой короткій срокъ была обусловлена, конечно, желаніемъ прихожанъ имѣть храмъ къ великому празднику Рождества Христова *), **и въ 3-й разъ** этотъ же самый, въ одиннадцать дней

*) И желаніемъ очень сильнымъ, такъ какъ одиннадцатидневный срокъ, не говоря уже о холодѣ, по короткости лишь въ это время дней, нужно превратить въ трехдневный; а создать храмъ въ три дня,—подвигъ не малый, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ. Только въ сказкѣ объ Акирѣ Премудромъ, помнится, храмъ созидается въ три дня.

построенный храмъ, по словамъ Брянскаго Вѣстника, былъ перенесенъ въ 1894 г. на другое мѣсто и освященъ 15 января 1895 года. Къ сожалѣнію, Брянскій Вѣстникъ умолчалъ о времени закладки Петро-Павловскаго храма въ первый разъ и не обозначилъ, когда была начата переноска его въ третій разъ, хорошо, конечно, сознавая, что однодневность важна въ смыслѣ лишь кратковременности построенія, важна потому, что требуетъ наибольшаго совокупленія силъ.—Въ предисловіи къ Сказанію о постр. обыден. храма въ Вологдѣ сказано: «хотя бы не обыденные, но при всеобщемъ участіи созидаемые»,—а Брянскій Вѣстникъ именно и умолчалъ, какимъ способомъ построенъ вышеозначенный храмъ, т. е. наймомъ-ли или же желаніемъ и участіемъ въ работѣ самихъ прихожанъ, т. е. рабочихъ завода. Брянскій Вѣстникъ не упомянулъ и о матеріалѣ, изъ котораго построенъ Петро-Павловскій храмъ, хотя построеніе въ одинъ 1882 годъ два раза, при чемъ во второй разъ всего въ одиннадцать зимнихъ дней, а также и перенесеніе этого храма въ 1894 году на другое мѣсто показываетъ, что храмъ этотъ былъ построенъ не изъ камня, или кирпича, а по всей вѣроятности, изъ рельсъ и дерева. Нельзя не замѣтить, что на срокъ построенія не можетъ не вліять матеріалъ, изъ котораго постройка производится; если возможны обыденные храмы изъ дерева, то для храмовъ изъ кирпича, по нынѣшнему у насъ способу приготовленія этого матеріала, однодневность невозможна,—для нихъ будетъ **свой** кратчайшій срокъ построенія, соотвѣтствующій **однодневному** для храмовъ изъ дерева; точно также и для храмовъ изъ старыхъ рельсъ и дерева (вмѣстѣ) будетъ, вѣроятно, свой наименьшій срокъ.

Тотъ же духъ, созидавшій обыденные храмы, проявился, конечно, и въ построеніи храма въ с. Каширскомъ, Московской вол., Воронежскаго уѣзда и губерніи, на деньги, вырученныя за хлѣбъ съ участка земли, отведеннаго подъ общественную запашку. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Московскій Волостной старшина, Петръ Савельевичъ Аѳонинъ, на сходѣ кр-нъ с. Каширскаго, давно желавшихъ имѣть въ своемъ селѣ церковь, предложилъ отвести участокъ земли десятинъ въ двѣсти пятьдесятъ, и самимъ обрабатывать его, а деньги, вырученныя за проданный съ этого участка хлѣбъ, употреблять на постройку церкви. Сначала Аѳонинъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе своей мысли въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ общественниковъ и особенно въ лицѣ самого вліятельнаго изъ нихъ—Мирона Никитича Полежаева, человѣка умнаго, бывалаго и благочестиваго; онъ доказывалъ всю невозможность постройки такимъ способомъ, и предсказывалъ, что церковь никогда не будетъ закончена и и общество только „**захлестнется**“ этимъ дѣломъ. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ разсужденій, Аѳонинъ побѣдилъ предубѣжденіе. Былъ составленъ приговоръ, отвели землю, запахали, засѣяли и первый урожай далъ болѣе десяти тысячъ дохода, такъ что осенью же можно было начать заготовку матеріаловъ, а весною начать и работы. Слѣдующіе урожаи были также хороши, и года черезъ четыре выросла великолѣпная,

огромная церковь. Всѣ поражались, что такой великолѣпный храмъ выстроенъ въ четыре года безъ всякихъ денежныхъ взносовъ, а трудомъ прихожанъ, – трудомъ нисколько не обременительнымъ, оживленнымъ, краткимъ. Примѣру Каширянъ послѣдовали кр-не пос. Бирюченскаго. Каширяне были очень благодарны Аѳонину за его идею.—Всѣ работы на землѣ, отведенной подъ общественную запашку, производились, большею частью, въ праздничные дни и представляютъ большое сходство съ помочами и толоками, даже съ самымъ построеніемъ обыденныхъ храмовъ; и, конечно, чѣмъ больше они будутъ представлять сходства съ сими послѣдними, какъ дѣломъ священнымъ, какъ-бы уже богослуженіемъ, тѣмъ совершеннѣе будетъ трудъ. Нужно не забывать, что храмы,—и это особенно видно на храмахъ обыденныхъ,—не зданія лишь, предназначенныя для **молитвеннаго собранія вѣрующихъ**, какъ выразился правительствующій Синодъ въ распоряженіи, которымъ воспрещается устройство въ самыхъ храмахъ памятниковъ и рѣшетокъ надъ погребенными въ нихъ (въ храмахъ),—а домы молитвы и даже **сама молитва**... По разсказамъ сына предпринимателя, иниціатора дѣла общественныхъ запашекъ на построеніе церквей,—хлѣбъ, собранный съ отведеннаго Каширцами на построеніе храма участка земли, свозился къ мѣсту будущаго храма; тутъ онъ складывался, тутъ и молотился помочью и толокою. Впрочемъ, послѣднее слово въ с. Каширскомъ и во всей той мѣстности совсѣмъ неизвѣстно... Въ общественныхъ запашкахъ, отводимыхъ на построеніе храмовъ, – сама земля, плодотворная ея сила, призывается на священное дѣло строенія храма, дома Божія; а если это будетъ храмъ-школа, въ такомъ случаѣ прахъ отцовъ, служа на построеніе храма Богу-отцовъ, или храма-музея, служилъ бы тѣмъ самымъ возвращенію сердецъ сыновъ къ отцамъ...

Въ настоящее время, когда въ проектѣ новаго устава о народномъ продовольствіи указываются, или допускаются, общественныя запашки, желательно, чтобы часть ихъ назначалась, или обращалась, на построеніе и содержаніе школъ храмовъ, и при томъ съ обѣщаніемъ поминовенія **особенно, изрядно**, всѣхъ участниковъ общественныхъ запашекъ и ихъ родителей, съ обѣщаніемъ поминовенія не именословнаго лишь, а въ видѣ сказанія объ общемъ дѣлѣ строенія и о большемъ или меньшемъ участіи каждаго въ этомъ дѣлѣ, а также и въ видѣ изображеній всѣхъ строителей храма въ молитвенномъ положеніи въ нижней его части подъ иконами святыхъ. Крестьяне, какъ говорятъ, весьма неохотно работаютъ на общественныхъ запашкахъ, предназначенныхъ для засыпки зерномъ общественныхъ магазиновъ на случай неурожаевъ, и потому очень важно дать хоть части этихъ работъ священное назначеніе, такъ что крестьяне, выѣзжая на работу, знали бы, что они своимъ трудомъ приносятъ жертву Богу. Такимъ назначеніемъ этой части освящались бы всѣ работы на общественныхъ запашкахъ, коихъ прямое назначеніе—обезпеченіе отъ неурожаевъ,—какъ часть санитарно-продовольственнаго вопроса, который долженъ-бы быть религіонизованъ, ибо хлѣбъ производится земледѣльцами, т. е. сынами, не для прокормленія лишь живущихъ, но и для поминовенія

умершихъ. Храмъ-домъ молитвы, потому и соединяется съ домомъ ученія и познаванія,—школою, потому что молитва приносится о томъ, чтобы Господь научилъ, открылъ намъ способы и средства спасенія отъ голода и язвъ, какъ слѣдствій нашихъ грѣховъ; и школа назначается не для ученія только, но и для расширенія области познанія, и не въ видахъ лишь знанія зла и добра, а въ видахъ искорененія перваго, т. е. **зла**, и водвореніе послѣдняго, т. е. **добра**. Введеніе общественныхъ запашекъ можетъ быть также однимъ изъ очень важныхъ средствъ приведенія въ исполненіе проекта повсемѣстнаго построенія храмовъ-школъ, къ пятисотлѣтію открытія мощей преп. Сергія.

И такъ оказывается, что не только не исчезъ духъ, проявлявшійся въ построеніи обыденныхъ храмовъ, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, возродилась и самая мысль о построеніи обыденнаго храма въ годъ пятьсотлѣтней памяти преп. Сергія, въ 1892 году. Эта мысль и не могла не возродиться въ то время, ибо только въ землѣ обыденныхъ храмовъ,—**этихъ памятниковъ единодушія и согласія,**—и могъ родиться и воспитаться великій чтитель Пресв. Троицы,—какъ образца единодушія и согласія,—построившій братскимъ трудомъ храмъ, который долженъ былъ служить зерцаломъ для введеннаго имъ общежитія. Духъ, одушевлявшій преп. Сергія, былъ тотъ же духъ, который созидалъ и обыденные храмы, и при чествованіи памяти пр. Сергія очень естественно было возродиться мысли и о построеніи обыденнаго храма... «Тако взыде на сердце гражданамъ еже создати алтарь имени Господню и сотвориша въ сердцахъ своихъ обѣщаніе»,—говорится въ сказаніи о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ; нѣчто подобное совершается и совершилось въ наше время, въ 1892 году: въ № 254-мъ Московскихъ Вѣдомостей этого года напечатана статья, предлагавшая создать обыденный храмъ при церкви Московскаго Румянцевскаго Музея пр. Сергія и Николая чудотворца,—чтителей Пресв. Троицы,—и создать этотъ храмъ во имя Пресв. Троицы. Предложеніе это было вызвано **съ одной стороны** желаніемъ видѣть во очію тотъ храмъ, который пр. Сергій съ братомъ воздвигъ Пресв. Троицѣ и который такъ живо описанъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ,—**а съ другой** и моровою язвою (холера), появившеюся тогда въ Москвѣ и во всей Россіи, и даже въ Западной Европѣ... Дѣлая такое предложеніе, авторъ статьи, между прочимъ, говорилъ: «Въ наше время, когда напряженно идетъ разработка соціальныхъ вопросовъ и горячая борьба изъ-за нихъ, когда умъ человѣческій въ томленіи мучается, ища и не находя въ своихъ созданіяхъ образца и руководства для общества,—да воздвигаются вновь храмы во имя Св. Троицы, всевышняго, всесвятѣйшаго, животворящаго, единаго, истиннаго первообраза для жизни общества». Къ сожалѣнію, мѣсто это было пропущено редакціею газеты. Не смотря, однако, на такой пропускъ, мысль, выраженная въ статьѣ (въ формѣ письма къ редактору), была встрѣчена, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми съ большимъ сочувствіемъ, другими же съ большимъ озлобленіемъ, и хотя начали было стекаться уже пожертвованія

для осуществленія этой мысли,—одно пожертвованіе было даже въ тысячу рублей,—но мысль, тѣмъ не менѣе, осуществлена не была. Противники постройки называли такой храмъ костромъ, намекая на опасность отъ пожара. Но если бы храмъ былъ построенъ, то, конечно, изъ дерева, пропитаннаго огнеупорнымъ составомъ; и такая постройка навела бы на мысль о необходимости пропитать огнеупорнымъ составомъ и вообще все деревянное въ музеѣ; и тогда пожаръ въ музеѣ 1896 г. сталъ бы невозможенъ, былъ бы предупрежденъ..

Спустя годъ, въ предисловіи къ «Сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ» (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1893 г. т. 166-й), опять упоминалось объ этой мысли и она получила еще большее развитіе: въ статьѣ 1892 г. говорилось—«да воздвигаются вновь храмы во имя Святой Троицы», а здѣсь указывалось уже на необходимость построенія въ память всероссійскаго чудотворца,—чтимаго и старообрядцами,—къ пятьсотлѣтію дня его прославленія,—5 іюля 1922 года,—храмовъ Живоначальной Троицы при всѣхъ церквахъ во всѣхъ городахъ и селахъ, и въ послѣднихъ въ особенности; при чемъ эти храмы Пресв. Троицы, **хотя-бы не обыденные, но при всеобщемъ участіи созидаемые,**—будучи, такимъ образомъ, плодомъ труда умственнаго и физическаго, плодомъ знанія и искусства всей Россіи, могутъ и должны быть школами, а вмѣстѣ и хранилищами старинныхъ иконъ, утвари, вышедшей изъ употребленія, словомъ—должны быть и музеями, не пренебрегающими, по примѣру древней Руси, и памятниками свѣтскаго происхожденія. И самые храмы по своей архитектурѣ и утвари должны быть изображеніемъ старины и отличаться не богатствомъ, а скорѣе бѣдностью матеріала, но за то богатствомъ содержанія, какъ это и было въ древней Руси, когда на ризахъ были изображаемы иконы вмѣсто нынѣшнихъ, ничего неговорящихъ, орнаментовъ. Это, быть можетъ, былобы шагомъ къ примиренію и съ старообрядцами. Все въ храмѣ-школѣ должно отличаться поучительностью и служить къ тому, чтобы въ умахъ и сердцахъ учениковъ ожила, воскресла старина. При такомъ празднованіи памяти прославленія пр. Сергія **храмы-школы,**—т. е. **нераздѣльность крещенія и помазанія** отъ **воспитанія и обученія** дѣтей, или **нераздѣльность духовнаго отъ свѣтскаго воспитанія,** высшимъ—полнымъ выраженіемъ котораго было-бы **усыновленіе Богу всѣхъ отцовъ,**—**храмы-школы,** которые и въ настоящее время **кое-гдѣ** сооружаются, были бы построены вездѣ, по всей Россіи, и это было-бы новымъ посмертнымъ чудомъ преп. Сергія. Для полноты всеобщаго просвѣщенія не достаточно, впрочемъ, сооруженія только школъ-храмовъ, гдѣ крещеніе и помазаніе не отдѣляется отъ воспитанія и обученія, необходимо также и тюрьмы обратить въ исправительныя школы, приблизивъ ихъ къ храму, и тогда покаяніе не будетъ отдѣляться отъ исправленія.—Храмъ Пресв. Троицы, который предлагается воздвигнуть при церкви Московскаго Румянцевскаго Музея, долженъ быть образцемъ для тѣхъ школъ-храмовъ, которые предлагается устроить повсемѣстно къ пятисотлѣтнему юбилею открытія мощей пр. Сергія.

Эти школы-храмы, воздвигнутые повсемѣстно ради спасенія отъ голода (отъ бездождія и многодождія) и моровыхъ язвъ, не должны быть чужды изученію той силы, которая носитъ въ себѣ голодъ, язвы и смерть, какъ объ этомъ сказано въ статьѣ **„О памятникѣ Каразину“** (Наука и Жизнь, 1894 г. № 15—16-й).

Построеніе такихъ школъ-храмовъ повсемѣстно не станетъ ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исполненіемъ со стороны преемниковъ Владиміра святаго—долга всеобщаго обязательнаго образованія, принятаго на себя и своихъ преемниковъ св. Владиміромъ, какъ воспріемникомъ русскаго народа отъ купели. Въ наше время, когда лѣса почти истреблены, а построеніе храмовъ-школъ повсюду является вопросомъ лишь времени, и при томъ самаго короткаго времени,—храмы изъ желѣза вмѣсто дерева, какъ храмъ, построенный изъ рельсъ рабочими Бѣжицкаго завода, есть явленіе, въ высшей степени, замѣчательное. Старая Русь, при обиліи лѣсовъ, строила въ одинъ день храмы изъ дерева; новая Русь, при оскуденіи лѣсовъ, нашла новый матеріалъ для созиданія храмовъ совокупною дѣятельностью и въ такой же почти короткій срокъ. Этотъ новый матеріалъ, который будетъ становиться тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе будутъ строить желѣзныхъ дорогъ, сдѣлаетъ возможнымъ построеніе храмовъ-школъ даже въ безлѣсныхъ степяхъ, и можетъ весьма облегчить осуществленіе плана празднованія юбилея преп. Сергія построеніемъ школъ-храмовъ, посвященныхъ Пресвят. Троицѣ, къ 5-му іюля 1922 года.

Построеніе совокупнымъ трудомъ **всѣхъ**, въ средѣ коихъ господствуетъ теперь **рознь**, источникъ бѣдности и всѣхъ пороковъ, построеніе школъ-храмовъ Пресвятой Троицы, назначеніе коихъ поддерживать единство, постоянно держать мысль на высотѣ почитанія Тріединаго Бога, есть необходимое завершеніе всякой церкви. Просвѣщеніе прихода начнется лишь тогда, когда онъ пойметъ, что ничѣмъ не можетъ такъ угодить своему покровителю, коему посвященъ храмъ, (будетъ ли то святой, Богоматерь или Самъ Христосъ), какъ построеніемъ при своемъ храмѣ храма во имя Пресв. Троицы, т. е. такого храма, или церкви, которая приводитъ къ познанію Тріединаго, т. е. храма-школы. Школы-храмы Пресвятой Троицы, построенные общимъ трудомъ, замѣнятъ прежде бывшіе баптистеріи, которыя у народа, принявшаго крещеніе безъ оглашенія, какъ крестятъ дѣтей, и должны быть школами. Возликовалъ-бы на небѣ весь ликъ святыхъ съ преп. Сергіемъ во главѣ, когда узрѣлъ-бы на землѣ при храмахъ, имъ посвященныхъ, храмы Пресв. Троицы, которую чтутъ они на небѣ и которая была забыта на землѣ; т. е. велика будетъ радость на небесахъ, когда осуществится планъ, вытекающій изъ самаго хода нашей исторіи, нашей жизни... И католики, и протестанты, магометане и даже евреи упрекаютъ насъ въ томъ, что мы принимаемъ святыхъ за боговъ, а иконы за живыя существа, т. е. упрекаютъ насъ въ язычествѣ и идолопоклонствѣ; построеніе же способомъ образовательнымъ, Качимскимъ,—какъ будетъ сказано объ этомъ ниже,—при каждой церкви школы храма, посвя-

щеннаго Пресв. Троицѣ, и есть дѣйствительное средство возвысить мысль и держать ее на высотѣ пониманія высшаго нравственнаго значенія ученія о Троицѣ, какъ любви сыновъ и дщерей (любви дѣтей) къ отцамъ не только живущимъ, но **и особенно** умершимъ, по подобію безграничной любви Сына Божія и Духа Святаго къ Богу Отцу; и такое раскрытіе значенія Пресв. Троицы устранило бы возможность, какъ перваго упрека, такъ и еще больше второго, ибо при пониманіи нравственнаго значенія Тріединства станетъ немыслимымъ принятіе иконъ за живыя существа, такъ какъ иконопись дѣлаетъ лишь невидимыхъ видимыми и до всеобщаго воскрешенія, когда мы узримъ ихъ (невидимыхъ теперь), лицомъ къ лицу... Что вышеозначенный упрекъ не совсѣмъ безосновательнъ и что избавить насъ отъ этого упрека можетъ лишь предлагаемое здѣсь средство,—свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій разсказъ, вкратцѣ заимствуемый изъ письма отъ 7-го ноября 1894 г. священника с. Алферьевскаго, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи, отца Тимофея Павловича Тарбѣева, и изъ приложенной къ этому письму лѣтописи с. Алферьевскаго, составленной отцомъ и предшественникомъ отца Тимофея—Павломъ Тимоѳеевичемъ Тарбѣевымъ.

Село Алферьевское до 1764 г. принадлежало Троице Сергіевой Лаврѣ, а потому, какъ надо полагать, носило и доселѣ носитъ и другое названіе--«Тройчино». Храмъ въ этомъ селѣ посвященъ Пресв. Троицѣ, а празднуются народомъ, какъ храмовые праздники, дни преп. Сергія, 5 іюля и 25 сентября, т. е. праздникъ Троицы замѣненъ праздникомъ преп. Сергію; такимъ образомъ, св. Сергій даже предпочтенъ Пресвятой Троицѣ. Чудный разсказъ, записанный отцомъ Павломъ въ лѣтопись села Алферьевскаго о происхожденіи иконы, стоящей нынѣ въ храмѣ за престоломъ, свидѣтельствуетъ, можно сказать, какъ самъ преп. Сергій вразумлялъ жителей с. Алферьевскаго въ ихъ неправомъ предпочтеніи его, Сергія, Пресвятой Троицѣ, которую самъ преподобный чтитъ превыше всего.—Монахиня Марія, везшая съ собою крестъ съ частицами въ немъ животворящаго древа и съ частицами мощей преп. Сергія, проѣзжая по Московско-Варшавскому шоссе, въ одной верстѣ отъ села Алферьевскаго, а, слѣдовательно, и отъ находящагося въ этомъ селѣ храма Пресв. Троицы,—обронила этотъ крестъ съ мощами чудотворца; по желанію крестьянъ, нашедшихъ его, крестъ былъ внесенъ въ храмъ Пресв. Троицы, и, такимъ образомъ, Преп. Сергій не остался внѣ храма, чтимой имъ Пресв. Троицы, а вступилъ въ него, въ видѣ частицъ мощей, находившихся въ крестѣ. А затѣмъ, когда крестъ былъ возвращенъ по принадлежности, монахиня Марія не рѣшилась удержать его у себя, а сама написала икону, на которой представила образъ Пресв. Троицы, несомый преп. Сергіемъ и преемникомъ его св. Никономъ, врѣзала въ эту икону чудотворный крестъ и прислала его въ такомъ видѣ храму Троицы въ селѣ Алферьевскомъ, гдѣ онъ и поставленъ за престоломъ. И не должны-ли жители с. Алферьевскаго видѣть въ этой иконѣ прямой себѣ укоръ, который дѣлаетъ имъ преподобн. Сергій за оказываемое ему предпочтеніе предъ Пресв. Троицею. Прихожа-

не с. Алферьевскаго поступили бы согласно, конечно, съ этимъ указаніемъ пр. Сергія, если бы, не оставляя почитанія самаго преподобнаго, почтили-бы Пресв. Троицу построеніемъ посвященнаго Троицѣ храма-школы. И желательно, чтобы это новое, малоизвѣстное до сихъ поръ, посмертное чудо преп. Сергія, получивъ всеобщую извѣстность, внушило-бы прихожанамъ всѣхъ въ Россіи храмовъ пріобрѣсти каждому приходу для своей церкви икону святого, которому она посвящена, несущаго въ своихъ рукахъ Свято-Троицкій храмъ школу (съ изображеніемъ, напримѣръ, на храмѣ образа Троицы и съ дѣтьми внутри храма), и тѣмъ способствовала бы осуществленію плана построенія школъ-храмовъ во имя Пресвятой Троицы повсюду къ 5-му іюля 1922 года, т. е. къ пятьсотлѣтнему юбилею прославленія преп. Сергія.

Въ оправданіе жителей с. Алферьевскаго должно сказать, однако, что не они: одни предпочитаютъ пр. Сергія Троицѣ; такъ,—называя посадъ при Троице-Сергіевской Лаврѣ, вмѣсто Троицкаго или, по крайней мѣрѣ, Троице-Сергіевскаго, какъ бы слѣдовало, просто Сергіевскимъ, не отдаемъ ли мы такое предпочтеніе Сергію предъ Троицею, какъ и жители с. Алферьевскаго. Называя посадъ Сергіевскимъ, мы дѣлаемъ это, конечно, не думая, не сознавая того, что дѣлаемъ, что говоримъ, но не указываетъ-ли это, что мы все еще находимся въ безсознательномъ, такъ сказать, язычествѣ; а между тѣмъ, Сергій, воздвигая храмъ Троицы, имѣлъ въ виду, конечно, поднять, возвысить мысль, сознаніе объязычевшейся, надо полагать, тогдашней Руси. Сознательно грѣха противъ Троицы мы тутъ не совершаемъ, но безсознательно остаемся, очевидно, въ язычествѣ... Тою же безсознательностью, недуманіемъ о томъ, что говорятъ, пишутъ и печатаютъ, объясняется и то, весьма прискорбное, хотя вмѣстѣ и поучительное явленіе, что та самая газета, которая радовалась, какъ доброму почину, построенію обыденнаго храма изъ старыхъ рельсъ,—и радовалась этому особенно потому, что найденъ новый и обильный строительный матеріалъ, чѣмъ облегчается **„въ значительной степени осуществленіе того плана празднованія пятисотлѣтняго юбилея открытія св. мощей преп. Сергія, о которомъ говорится въ предисловіи къ сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ“**,—та же газета привела потомъ мнѣніе преосв. Діонисія—Уфимскаго (умершаго въ 1897 или 1898 г.), который будто-бы не дозволяетъ въ своей епархіи построенія храмовъ-школъ, находя **„несовмѣстимымъ помѣщеніе школы, гдѣ дѣти смѣются, ссорятся, бранятся, рядомъ со Святая Святыхъ, отъ которой классное помѣщеніе учениковъ въ церквахъ-школахъ отдѣляется лишь тонкою перегородкою“**; какъ будто толстая перегородка помѣшала-бы Всевѣдующему слышать брань?!... И неужели возможно такое странное, чтобы не сказать болѣе, мнѣніе о церквахъ-школахъ и совершенно языческое понятіе о Богѣ со стороны Архипастыря?!... Если дѣтей нельзя допускать въ храмъ, когда Святая Святыхъ ни чѣмъ отдѣлена тонкой перегородкой, то естественно рождается вопросъ, возможно ли ихъ, вообще, допускать въ храмъ, т. е. когда Свя-

тая Святыхъ ничѣмъ не отдѣлена отъ храма?!... Апостолы тоже не хотѣли допустить дѣтей ко Христу;—неужели, однако, и преемники апостоловъ могутъ повторить туже ошибку?!... Дѣти оказываются достаточно сильными, чтобы оскорбить святыню, а святыня будто-бы безсильна облагородить, свойственную дѣтскому возрасту, шаловливость?!.. Такимъ образомъ, указаніе на несовмѣстность школы съ храмомъ не доказало-ли, напротивъ, **безусловной необходимости** школы въ храмѣ Христа не только человѣколюбца, но и еще болѣе **дѣтолюбца**. Отдѣленіе школы отъ храма полезно только для сохраненія язычества... Припомнимъ также, что Святая Святыхъ помѣщается даже въ тюрьмахъ, среди преступниковъ, и никому еще и въ голову не приходило находить это несовмѣстнымъ; слѣдуя же мнѣнію, **приписываему Русскимъ Словомъ** Преосв. Діонисію, преступники, злодѣи, разбойники, никакъ уже не могутъ быть допущены въ храмъ... На самомъ же дѣлѣ, для полноты и дѣйствительности объединенія самыя тюрьмы необходимо было-бы обратить въ исправительныя школы и приблизить ихъ къ храму, какъ объ этомъ было уже сказано, чтобы таинство покаянія сдѣлать дѣйствительнымъ исправленіемъ, дабы оглашенные и этого рода стали, наконецъ, вѣрными. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ своемъ словѣ при освященіи храма въ тюрьмѣ задался вопросомъ,—возможно ли помѣщать въ тюрьмѣ храмъ,—и нашелъ, что вопросъ этотъ рѣшенъ еще на Голгофѣ, гдѣ Христосъ былъ распятъ между двухъ разбойниковъ. А такое разрѣшеніе вопроса не указываетъ-ли, что храмы въ тюрьмахъ должны быть посвящаемы благоразумному разбойнику,—въ этомъ выражалось бы упованіе на успѣшность оглашенія для обращенія кающихся въ вѣрныхъ.

Для доказательства того, что дѣтямъ свойственна не одна шаловливость,—весьма, впрочемъ, извинительная и неизвиняемая лишь тѣми, которые сами никогда не были дѣтьми или слишкомъ глубоко забыли, что и сами были дѣтьми, забыли, не смотря на то, что сохранять дѣтскую чистоту, быть дѣтьми есть первая обязанность христіанина, --для доказательства того, что дѣти способны не нарушать лишь святость мѣста, но и участвовать въ созиданіи святого мѣста,—а такимъ святымъ мѣстомъ нельзя не считать храма-школы,—мы ссылаемся здѣсь на построеніе церковныхъ школъ въ Мордовскомъ и Русскомъ Качимахъ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Хотя въ Качимахъ строились не храмы-школы, а лишь церковно-приходскія школы, но способъ, которымъ строились эти школы, еще болѣе примѣнимъ къ построенію храмовъ-школъ.

Школа въ Мордовскомъ Качимѣ была построена въ 1892 году, въ тотъ годъ и въ то именно время, когда Москва ходила къ Троицѣ, и, быть можетъ, по молитвѣ паломниковъ ко Пресв. Троицѣ и совершилось это богоугодное и угодное именно Тріединому Богу соединеніе силъ многихъ на единое дѣло, на построеніе церковной школы, цѣль которой заключается, должна и можетъ заключаться только въ увѣковѣченіи союза единодушія, братства,—въ увѣковѣченіи того чувства, которое только и уподобляетъ

насъ Тріединому Богу, какъ образцу согласія и единодушія, по которому только и познаются ученики Христа. И мы не можемъ не надѣяться, что событіе это найдетъ, наконецъ, достойнаго цѣнителя и станетъ началомъ новой для насъ жизни, и тогда явится не повѣсть, не поэма, а **быль** о томъ, какъ дѣти, т. е. сыны и дочери крестьянъ—мордвовъ построили школу съ помощью своихъ отцовъ, родныхъ и духовныхъ (священника и учителя) и особенно съ помощью тѣхъ двухъ мужей, которыхъ можно назвать воспріемниками, крестными отцами церковной школы, а именно – церковнаго сторожа (запаснаго унтеръ-офицера) и того великаго мужика, который ходилъ по избамъ, просилъ, умолялъ и, наконецъ, достигъ цѣли!.. Да будетъ имя его благословено отъ нынѣ и до вѣка! Это Качимскій Каразинъ, тотъ Каразинъ, который на колѣняхъ умолялъ Украинское дворянство о пожертвованіи на устройство Университета; и больше, чѣмъ Каразинъ, потому что Каразинъ могъ быть образцомъ только для немногочисленнаго сословія, а Качимскій мужикъ будетъ образцомъ для всѣхъ крестьянъ.—Превознося работу дѣтей и содѣйствіе къ построенію школы мужика, мы вовсе не желаемъ, конечно, умалить заслугу священника и учителя, отъ коихъ и стало извѣстно о дѣтяхъ и крестьянинѣ.

Качимское событіе было описано не однажды, и ни разу не было оцѣнено по достоинству, достойнымъ образомъ. Писатель Епархіальныхъ Вѣдомостей, повидимому, не предполагаетъ,—а можетъ быть, не говоритъ по скромности, такъ какъ и самъ принималъ въ этомъ участіе,—какое великое значеніе и смыслъ заключается въ совокупной, согласной работѣ отцовъ и дѣтей! А между тѣмъ, тутъ начало примиренія отцовъ и дѣтей **„обратити сердца отцемъ на чада“**, что будетъ вполнѣ понятнымъ только въ школѣ-храмѣ, воздвигаемомъ всѣми живущими для молитвы къ Животворящей Троицѣ о всѣхъ умершихъ, для молитвы, **неотдѣлимой отъ труда общаго, животворнаго**. Не можемъ не пожалѣть, что авторъ Епархіальныхъ Вѣдомостей даже унижаетъ,—конечно, неумышленно,– дѣтскую работу, называя ее муравьиною; и это въ то время, когда натуралисты,—да и не одни натуралисты,—стараются приравнять муравья человѣку, хотя и не открыли еще, сколько извѣстно, школы въ муравейникахъ, и совершенно ошибочно думаютъ, будто нашли тамъ погребеніе, подобное человѣческому. Если въ муравейникахъ и есть что-то подобное погребенію, то оно подобно не человѣческому, не религіозному и даже не гражданскому погребенію, а такому, которое является пока, какъ идеалъ, въ головахъ еще немногихъ, самыхъ передовыхъ интеллигентовъ, для которыхъ погребеніе мертвыхъ равняется удаленію всякихъ нечистотъ; и когда идеалъ этотъ будетъ достигнутъ, осуществленъ, когда будетъ достигнута высшая ступень прогресса, тогда, дѣйствительно, исчезнетъ всякая разница между человѣкомъ и муравьемъ и, вообще, животными... Еще болѣе заслуживаетъ сожалѣнія мнѣніе профессора канонического права («въ Богословскомъ Вѣстникѣ» 1893 г. № 4-й), который, хотя и называетъ Качимское событіе маленькимъ лишь по внѣшности, но очень знаменательнымъ въ жизни

русской церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ, приравниваетъ это событіе къ такимъ, ничего съ нимъ общаго неимѣющимъ, явленіямъ, какъ учителя, трудящіеся за очень маленькое вознагражденіе, находя при томъ, въ этой скудной платѣ, не физическое только страданіе, а нравственное якобы униженіе, т. е. измѣряя достоинство человѣка размѣромъ жалованья. Излагая Качимское событіе, профессоръ не удостаиваетъ назвать по имени даже главныхъ дѣятелей, крестьянина и сторожа, и обозначаетъ ихъ только буквами—М. В. и М. Б.; а между тѣмъ,—кто знаетъ,—быть можетъ, крестьянинъ Максимъ Васильевичъ Меркурьевъ и сторожъ Максимъ Бѣлянкинъ станутъ извѣстными повсюду, гдѣ только будутъ школы, а имя профессора будетъ забыто подобно тому, какъ знаемъ мы имя бѣднаго Лазаря и не знаемъ имени того багача, крошками со стола котораго питался Лазарь;—имя профессора будетъ забыто, конечно, не навсегда, а до тѣхъ лишь поръ, пока не наступитъ всеобщее знаніе, знаніе всѣми всѣхъ...

Въ соединеніи слабыхъ силъ дѣтей на построеніе школы нельзя не видѣть великой цѣли, ими безъ сомнѣнія чувствовавшейся, сознававшейся, цѣли, которая соединяла ихъ на добровольный трудъ. Здѣсь не безцѣльный трудъ Золя, а вмѣстѣ и опроверженіе самимъ дѣломъ, опроверженіе, вытекшее изъ искреннихъ и чистыхъ,—въ эти, по крайней мѣрѣ, трудовыя минуты,—дѣтскихъ сердецъ, и опроверженіе самое сильное, Толстовскаго—**„недѣланія“**... Кромѣ того, это построеніе школы дѣтьми есть самое смѣлое нарушеніе всѣхъ законовъ политической и соціальной экономіи. На всемъ Западѣ ближнемъ (Европа) и дальнемъ (Америка) нашу великую быль назовутъ сказкою, баснею, и при томъ безнравственною, такъ какъ она научаетъ труду безвозмездному, неоплаченному, труду неограниченному восьмичасовымъ срокомъ, труду дѣтскому, труду, наконецъ, коллективному, труду толпы, который новѣйшею наукою уподобляется психическимъ эпидеміямъ, повальнымъ душевнымъ болѣзнямъ. При построеніи Качимской школы, согласно сказанію, даже **нанятые** плотники трудились не какъ **наемники**, а какъ друзья школы. Въ чемъ, выражалось это дружество къ школѣ, въ сказаніи не говорится; но нѣтъ сомнѣнія, что плотники не уменьшали рабочаго дня до восьми часовъ, не требовали шестнадцати часовой праздности, плотники сознавали, конечно, что они трудятся для святого дѣла и ихъ трудъ былъ нравственно-образовательнымъ. Не требованіе уменьшенія труда, а требованіе участія въ умственномъ трудѣ, право на такой трудъ, право участія въ нравственномъ дѣлѣ, вотъ единственное законное требованіе, единственное законное право; требованіе же уменьшенія труда законнымъ признано быть не можетъ. (См. № 15-16 «Наука и Жизнь» 1894 г. эпиграфъ къ статьѣ «О памятникѣ Каразину» и 2-й столбецъ 250 стр. этой статьи—**„Объединеніе всѣхъ** въ познаніи и воздѣйствіи на ту силу, которая казнитъ смертію (голодъ, эпидеміи, землетрясенія и пр.) за невѣжество». Эта быль, т. е. самый фактъ построенія школы соединеннымъ трудомъ многихъ, несомнѣнно доказываетъ, что **тому, что называютъ толпою,** или сбродомъ, ничѣмъ не выдающихся, лю-

дей, не достаетъ лишь поприща, не достаетъ великаго дѣла, чтобы стать героями. Для насъ же эта быль, т. е. исторія о томъ, какъ дѣти построили школу, станетъ первою дѣтскою книгою (вмѣсто всякихъ Робинзоновъ, какъ полная имъ противоположность), первымъ урокомъ нравственности, которую будутъ читать не дѣти только, но и взрослые, и старцы. Эта быль станетъ выше Иліады,—хотя и Иліада не войну описываетъ, а оплакиваетъ падшихъ на войнѣ,—выше Одиссеи, хотя Одиссея не о скитаніи только отца, но и объ исканіи сыномъ отца разсказываетъ, не говоримъ уже о Робинзонадахъ, которые имѣютъ цѣлью превознести одиночную работу, возможность для человѣка обходиться одними своими силами. Быль о построеніи дѣтьми школы можетъ и должна оканчиваться словами Христа: **„будьте какъ дѣти“**, обращенными ко всѣмъ, къ Россіи, ко всему міру,—словами, которыя при построеніи повсемѣстно Свято-Троицкихъ храмовъ-школъ получатъ особенно великій смыслъ. Всякое село, создавая при своей церкви школу-храмъ, посвященный Пресвятой Троицѣ,—образцу единомыслія, единодушія и согласія, создавая этотъ храмъ-школу трудомъ совокупнымъ, будетъ, конечно, усиливаться превзойдти Мордовскій Качимъ, какъ въ общей дружной работѣ, такъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ подробностяхъ. Соорудивъ же храмъ-школу, всякое село получитъ свою былину, которая станетъ началомъ лѣтописи и исторіи образованія этого села, т. е. большаго и большаго объединенія всѣхъ въ трудѣ постепенно расширяющагося познанія неба (атмосферныхъ и другихъ явленій, познанія земли, какъ небеснаго тѣла, какъ звѣзды) и обращенія, такимъ образомъ, людей въ небожителей въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ. (См. № 44 «Наука и Жизнь» 1893 г. «Вопросъ о Каразинской метеорологической станціи въ Москвѣ». «Метеорологія, какъ знаніе атмосферы, есть часть астрономіи, или сама астрономія. Наружную сторону атмосферъ человѣкъ можетъ видѣть только на другихъ планетахъ и солнцахъ, а внутреннюю и нижнюю можетъ наблюдать только на земной планетѣ»).

Въ Качимѣ было положено начало и картинному музею, и это начало имѣетъ тѣмъ большее нравственное значеніе, что служитъ коментаріемъ къ словамъ Спасителя—«будьте какъ дѣти», а вмѣстѣ и указаніемъ на полное отсутствіе племенной вражды, розни, и даже на взаимное доброжелательство такихъ отдаленныхъ въ родственномъ отношеніи племенъ, какъ русское и финское.—Ученики Русско-Качимской школы пріобрѣли въ складчину картину **„Двѣнадцатилѣтній отрокъ Іисусъ въ храмѣ“** и поднесли ее своимъ Мордовско-Качимскимъ товарищамъ въ день освященія ихъ школы. Этимъ многозначущимъ подаркомъ они пожелали своимъ собратіямъ быть подобными этому отроку, служить въ своемъ храмѣ Богу отцовъ, мордовскихъ и русскихъ, возрастая въ премудрости и любви у Бога и у всѣхъ людей. Сказаніе не говоритъ, чѣмъ отвѣтили своимъ русскимъ товарищамъ ученики Мордовскаго Качима, эти строители школы, положившіе, какъ говоритъ сказаніе, краеугольный камень ея, усердіе которыхъ ставили въ примѣръ ихъ отцамъ (стр. 856. Постр. церк.-приход. школы въ Мордов

скомъ Качимѣ); но чѣмъ они могли отвѣчать своимъ русскимъ товарищамъ на такое благожеланіе, какъ не поднесеніемъ образа, или картины-иконы. какъ говорятъ нынѣ,—образа Христа, благословляющаго дѣтей, пожелавъ имъ быть этими дѣтьми, получившими благословеніе отъ Христа; и было бы хорошо, если бы это пожеланіе могло быть выражено портретнымъ изображеніемъ учениковъ Русско-Качимской школы. Такое изображеніе можетъ показаться неприличнымъ для новой протестантствующей Россіи, но несомнѣнно, оно было бы одобрено древнею Русью. Обмѣнявшись иконами, мордва и русь стали бы крестовыми братьями, соединились бы въ одно побратимство... Признавая всеобщее родство человѣческаго рода, нельзя, однако, не признать, что мордва и русь—родственники очень дальніе, ихъ родство не ближе родства англичанъ съ американскими идѣйцами, а потому въ сближеніи руси и мордвы заключается обличеніе розни очень близкихъ по родству народовъ и племенъ, и обличеніе тѣмъ большее, чѣмъ родство враждующихъ ближе Изображеніе строителей храма-школы каждаго въ отдѣльности и особенно въ совокупной работѣ, подобно тому, какъ построеніе обыденнаго храма изображено въ нынѣшней Спасообыденской церкви въ Вологдѣ*), могло бы положить начало музею картинному и портретному;—это и было бы народообразовательнымъ храмомъ и поучительнымъ памятникомъ-музеемъ, ибо школа-храмъ, посвященный Пресвятой Троицѣ, есть лишь сокращенное выраженіе, полнымъ же выраженіемъ было бы: **школа**, какъ соединеніе всѣхъ **живущихъ** (дѣтей-учащихся и отцовъ-учащихъ), и **музей**, какъ собраніе изображеній всѣхъ **умершихъ** (лицевой сунодикъ) **въ храмѣ Троицы,** оживотворяющей всѣхъ умершихъ чрезъ посредство, т. е. трудомъ или дѣйствіемъ, живушихъ.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить Качимское событіе, необходимо знать, какъ возникла та школа, ученики которой построили потомъ свое школьное зданіе. Оказывается, что до построенія школьнаго зданія Качимская школа помѣщалась въ простой деревенской избѣ, обрубки дерева и кадушки замѣняли въ ней скамьи... Одно уже это начало заставляетъ ожидать многаго... И дѣйствительно, изъ этой то школы, созданной, можно сказать, изъ ничего, и вышли дѣти, строители новой школы. И очень будетъ жаль, если новая школа не сохранитъ на память будущимъ поколѣніямъ учащихъ и учащихся хотя одинъ изъ обрубковъ старой школы. Основателемъ этой первоначальной школы былъ человѣкъ, который могъ бы занять мѣсто профессора въ высшей школѣ (магистръ духовной академіи), но онъ предпочелъ низшую школу высшей, деревенское захолустье столичному, или городскому, житью. Школѣ, основанной въ Мордовскомъ Качимѣ—маги-

*) „Въ превосходной стѣнной живописи нынѣшняго каменнаго храма“,—говоритъ М. Толстой въ статьѣ, напечатанной въ Душеполезномъ Чтеніи 1889 г. № 11,—„особенно замѣчательны изображенія, напоминающія исторію храма,—на одномъ изъ нихъ представлены губительныя дѣйствія язвы: множество больныхъ и мертвыхъ, лежащихъ на улицахъ города и выносимыхъ изъ города для погребенія; на другомъ—начало построенія обыденной церкви ночью, при общемъ участіи гражданъ, на 3-мъ окнончаніе язвы, изображенное въ радости колѣнопреклоненныхъ жителей Вологды, взирающихъ на новосозданный и новоосвященный обѣтный храмъ“.

стромъ, предшествовала школа, основанная въ Русскомъ Качимѣ семинаристомъ, братомъ магистра-академиста, и вѣроятно, на тѣхъ же началахъ, т. е. деньги замѣнялись собственнымъ трудомъ. «Полюбилъ онъ (магистръ) всею душою школу, понравилась ему **жизнь въ селѣ**. жизнь при родителяхъ», пишетъ отецъ этого магистра, уважаемый священникъ Русскаго Качима, благочинный своего округа, предназначавшій, вѣроятно, своего сына къ болѣе видному, къ болѣе обезпеченному, положенію, чѣмъ сельскій учитель, учитель даже не земской школы, а церковно-приходской, неимѣющій и того скуднаго обезпеченія, на которое можетъ расчитывать учитель земской школы.. Вотъ это по истинѣ плодотворное возвращеніе въ село!... И это еще не все... Въ Русскомъ Качимѣ, какъ оказывается, существуетъ кромѣ того, еще двухъ-классная школа, основанная отцемъ академиста и семинариста, которая снабжаетъ учителями изъ крестьянъ другія школы и даже школы сосѣднихъ епархій, Саратовской и Симбирской, близъ границъ которыхъ находятся Качимы. Приводимъ эти свѣдѣнія изъ письма, не назначавшагося для печати, сообщеннаго намъ однимъ, можетъ быть, единственнымъ жертвователемъ на Мордовско-Качимскую школу. Такимъ образомъ, Мордовско-Качимская школа, ученики которой сдѣлались строителями школьнаго зданія, какъ все истинно-великое, была создана, можно сказать, изъ ничего въ матеріальномъ отношеніи; деньги явились лишь тогда, когда все существенное уже имѣлось, созданное однимъ трудомъ и трудомъ, конечно, добровольнымъ. **Обращеніе дарового въ трудовое, принудительнаго въ добровольное и есть задача школы, ибо трудъ есть высшая добродѣтель, уподобляющая насъ Богу, создавшему все изъ ничего.** Безусловно добродѣтель эта принадлежитъ только Богу «Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и азъ дѣлаю». Который творитъ изъ ничего,—твореніе изъ ничего есть безусловное отрицаніе дарового.—Построеніе Мордовско-Качимской школы, а также и другихъ упомянутыхъ здѣсь школъ, если въ построеніи ихъ принимали участіе дѣти,—служитъ наилучшимъ опроверженіемъ противниковъ школъ-храмовъ, не желающихъ допускать въ храмы ни школъ, ни дѣтей. Мордовско-Качимская школа есть также истинное проявленіе того духа, который выражался въ прежнее время въ построеніи обыденныхъ храмовъ; а если бы она была не церковною только школою, а храмомъ школою въ полномъ ихъ выраженіи, т. е. соединяющими въ себѣ свѣтское и духовное, то въ построеніи ея духъ, созидавшій обыденные храмы, нашелъ бы полное свое выраженіе.

Для того, чтобы возбудить движеніе въ дѣлѣ образованія, необходимо создать сказаніе о построеніи Качимской школы, достойное событія. Къ сожалѣнію, не обратила вниманія на это событіе сама Лавра, хотя построеніе Качимской школы совпало съ пятисотлѣтнимъ юбилеемъ кончины преп. Сергія, а сказаніе объ этомъ построеніи помѣщено въ юбилейномъ, можно сказать, номерѣ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщено и слово на день пятисотлѣтія и статья о значеніи преп. Сергія въ русской церкви и государствѣ. А между тѣмъ, не лежитъ-ли на

обязанности Лавры научить всю Россію чтить Пресв. Троицу, чтить такъ, какъ чтилъ ее преп. Сергій, собственноручно построившій храмъ Пресвятой Троицѣ, какъ зерцало, какъ образецъ для собранныхъ имъ въ единожитіе,—не лежитъ-ли на обязанности Лавры научить всю Россію чтить Пресвятую Троицу на дѣлѣ,—построеніемъ Ей храмовъ-школъ совокупными силами и добровольнымъ трудомъ; и это было-бы подвигомъ, равнымъ подвигу Діонисія и Авраамія Палицына. Сказаніе о построеніи Качимской школы должно въ себѣ заключать, какъ похвалу Мордовскому Качиму за сооруженіе церковной школы **единодушнымъ трудомъ многихъ**, такъ и пожеланіе ему расширить, возвысить свою церковную школу **единодушнымъ трудомъ** уже не **многихъ** только, а **всѣхъ** безъ всякихъ исключеній, до школы-храма, посвященнаго высочайшему образцу мира и согласія, Пресвятой Троицѣ, чтобы, такимъ образомъ, стать ему, Мордовскому Качиму, зерцаломъ для подражанія всей Россіи вообще и интеллигенціи въ особенности, зерцаломъ для подражанія **въ дѣланіи совокупномъ, общемъ всѣхъ отцовъ, сыновъ и дочерей**, въ дѣланіи, въ трудѣ, который есть величайшая, высшая добродѣтель... Выше мы уже говорили, что возликовалъ-бы на небѣ весь ликъ святыхъ съ преп. Сергіемъ во главѣ, когда узрѣлъ-бы на землѣ при храмахъ, имъ посвященныхъ, храмы Пресвятой Троицы, Которую чтутъ святые на небѣ и Которая была забыта на землѣ, т. е. велика будетъ радость на небесахъ, когда осуществится планъ, вытекающій изъ самаго хода нашей исторіи, нашей жизни. Ликовала-бы и земля, если бы только поняла, что ей предлагаютъ... Къ сожалѣнію, земля не пришла еще къ этому пониманію, и когда придетъ, неизвѣстно; ликованіе же не только на землѣ, но и на небѣ, зависитъ отъ земли, отъ насъ и, прежде всего, отъ писателей, держащихъ ключи разумѣнія въ своихъ рукахъ, отъ писателей, которые, къ несчастію, знаютъ лишь свои права, и весьма слабо разумѣютъ свои обязанности, и особенно, общую обязанность, общій долгъ, состоящій въ содѣйствіи къ созданію школы-храма, а вмѣстѣ и школы-музея, т. е. такой школы, въ которой не будетъ вражды между духовнымъ и свѣтскимъ, гдѣ то и другое найдетъ свое примиреніе,—такой школы, которая имѣла-бы характеръ священный и даже, въ высшей степени, священный, потому что была бы школою-храмомъ, посвященнымъ (въ память преп. Сергія) Пресв. Троицѣ. Такая школа, надо надѣяться, не нашла бы враговъ и въ лицѣ тѣхъ, которыхъ имѣла своими врагами Качимская школа, и имѣла, можетъ быть, только потому, что была школою, хотя и церковною, но не храмомъ-школою.

Судя по тому, что Качимская церковно-приходская школа вызвала пожертвованіе со стороны свѣтскаго писателя, автора – «Разборъ взглядовъ Золя, Дюма и Толстого на трудъ» (Кожевниковъ, – **Бездѣльный трудъ.** «Не-дѣланіе» или дѣло.) можно полагать, что школы-храмы, посвященные Пресвятой Троицѣ, въ Ея высоко-нравственномъ значеніи въ духовно-соціальномъ, такъ сказать, смыслѣ, школы храмы, которые должна создать себѣ русская земля повсемѣстно ко дню памяти своего духовнаго просвѣ-

тителя и собирателя (преп. Сергія) и присоединить къ нимъ,—ко дню памяти основателя свѣтскаго просвѣщенія (основателя М-ва Народ. Просв.—Каразина),—школы-музеи,—можно полагать, что такіе школы-храмы и школы-музеи вызовутъ, по нравственному долгу, налагаемому исторіею, пожертвованіе не народа только, который охотно жертвуетъ лишь на храмы, но и интеллигенціи, готовой, быть можетъ, жертвовать на школы и мало расположенной давать что-либо на храмы; вызовутъ пожертвованія на то, что не можетъ быть создано трудомъ непосредственныхъ строителей,—и пожертвованія не деньгами только, но преимущественно вещами, церковною утварью съ археологическимъ характеромъ, книгами, инструментами и т. п.;—и такимъ образомъ, въ этомъ юбилейномъ трудѣ приняли бы участіе всѣ.. Однако, для того, чтобы вызвать пожертвованія на школы-храмы со стороны интеллигенціи (въ пожертвованіяхъ со стороны народа, по примѣру Качимской школы, можно не сомнѣваться),—со стороны интеллигенціи, привыкшей смотрѣть на отдѣленіе духовнаго отъ свѣтскаго, какъ на какое то благо, нужно чтобы интеллигенція признала обращеніе дарового въ трудовое, принудительнаго въ добровольное, и вообще, трудъ общій совокупный за высшую добродѣтель, за такую добродѣтель, которая **безусловно** приписывается только Богу, сотворившему все изъ ничего, ибо твореніе изъ ничего и есть безусловное отрицаніе дарового, напередъ даннаго. Творить изъ ничего человѣкъ не можетъ, а Творящій изъ ничего можетъ, конечно, чрезъ него, чрезъ человѣка, возсоздать и создать все. Превращеніе дарового въ трудовое и есть осуществленіе цѣли, блага, добра, царства Божія, безсмертія, воскрешенія.

По первому вопросу, поставленному подъ заглавіемъ этой статьи,—т. е. по вопросу—**„было-ли что либо сходное, аналогичное съ нашими обыденными храмами на Западѣ и не оттуда ли они нами заимствованы“**,—въ Русскомъ Архивѣ за 1894 годъ помѣщена замѣтка, въ которой этотъ вопросъ поставленъ на психологическую почву, **на почву коллективной психологіи**; а съ этой точки зрѣнія построеніе обыденныхъ храмовъ должно признать проявленіемъ религіознаго подъема, т е. оно будетъ соотвѣтствовать тому, что на Западѣ,—и особенно, на дальнемъ въ Америкѣ,—называется ревивалями, ревейлями, т. е. возрожденіями,—пробужденіями,—религіозныхъ чувствъ, точнѣе же ихъ можно бы назвать религіозными взрывами. Эти религіозные взрывы бываютъ, преимущественно, въ Америкѣ,—въ странѣ гражданскаго и политическаго равенства и **неравенства** религіознаго, въ странѣ, гдѣ, можно сказать, для бѣдныхъ нѣтъ религіи, нѣтъ храмовъ, нѣтъ мѣста и ничего, чтобы служило для удовлетворенія религіознаго чувства бѣдныхъ, такъ какъ въ Американскихъ храмахъ всѣ мѣста на откупѣ и за дорогую цѣну, а потому, чтобы войдти въ американскій храмъ, нужно прежде дорого заплатить за это.

Наши религіозные подъемы, созидавшіе въ одинъ день,—или ночь,—храмы, вызывались естественными бѣдствіями, каковы засухи, эпидеміи и т. п. Въ маломъ видѣ эти подъемы совершаются у насъ очень часто, по-

ти каждый годъ, а иногда въ одно лѣто нѣсколько разъ, и выражаются въ общихъ молебнахъ о дождѣ, крестныхъ ходахъ по полямъ и т. п. Высшаго же своего проявленія подъемы достигаютъ въ годины необычайныхъ бѣдствій и выражаются построеніями обыденныхъ храмовъ. Западные ревивали, каковъ, напримѣръ, ревиваль 1857—58 г.г., начавшійся въ Нью-Іоркѣ, вызываются, обыкновенно, промышленными и торговыми кризисами. Оживленіе религіозное и у насъ, и на Западѣ, начинается раскаяніемъ;—но тутъ и оканчивается сходство. Наше раскаяніе не ограничивалось сокрушеніемъ, а переходило въ дѣло,—въ дѣло созиданія храмовъ,—которое совершалось по рѣшенію цѣлаго міра (т. е. на вѣчахъ, мірскихъ сходкахъ), къ такому рѣшенію приходили мгновенно, единодушно, безъ всякихъ преній; на религіозныхъ же митингахъ въ Америкѣ раскаяніе проявлялось въ самобичеваніяхъ, переходившихъ **„въ вопли, рыданія, въ стоны, въ крики, въ скрежетъ зубовъ, въ терзаніе волосъ“**. Такое раскаяніе проявлялось первоначально у немногихъ, наиболѣе къ тому расположенныхъ, затѣмъ мало-по-малу заражало и другихъ, переходило на всѣхъ, а въ нѣкоторыхъ доходило до высшей степени, **„до бѣшенства, до конвульсій, выражалось дикимъ вращаніемъ глазъ, пѣною на устахъ“**. Такое возбужденіе должно имѣть какой-либо исходъ, оно его и находило сначала въ самобичеваніяхъ, а потомъ переходило **„въ ссоры, драки кающихся между собою, доходило до убійства“**. Раскаяніе переходило въ преступленіе, подтверждая, такимъ образомъ, взглядъ западныхъ психологовъ на коллективную дѣятельность толпы, какъ на психическія эпидеміи. Читая разсказы о ревиваляхъ, можно подумать, что религіозные подъемы, по крайней мѣрѣ, въ наше время, и могутъ приводить только къ такимъ безобразіямъ, какъ это выше описано; поэтому и важно знать проявленіе этихъ подъемовъ въ другой формѣ, въ другомъ видѣ. Оживленіе у насъ (наши ревивали) выражалось не въ личномъ раскаяніи, не въ розни, а усердной, дружной, изумительно быстрой работѣ, которая приводитъ въ восторгъ, вызываетъ слезы умиленія у присутствующихъ и участвующихъ въ этой работѣ—**„яко сподобишася видѣти, яже ни отцы видѣша“**.—Обыденные храмы, это—памятники единодушія и согласія въ молитвѣ и трудѣ, въ мысли и дѣлѣ, согласія столь рѣдкаго на землѣ вообще, а на русской въ особенности. На обыкновенно бурныхъ вѣчахъ тотчасъ же водворялась тишина, когда дѣло касалось построенія обыденнаго храма, и вопросъ рѣшался безъ преній, единогласно и мгновенно. Это весьма рѣдкія, свѣтлыя минуты въ исторіи городовъ, для коихъ смутное время было обычнымъ состояніемъ. Единодушіе, тѣснѣйшее соединеніе производило даже больше, чѣмъ обѣщало: давали обѣтъ построить храмъ въ одинъ день, а устрояли его **„въ едино утро“**. Краткость времени, въ которое **„сподобилъ Господь соорудить храмъ“**, и производитъ наибольшій восторгъ. Въ этомъ обѣтѣ, только что данномъ и тотчасъ исполненномъ, чувствовалось нѣкоторое подобіе **„Рѣче и бысть“**. Дѣло сдѣлано также скоро, какъ только сказка сказывается,—за одну ночь выросло цѣлое зданіе; восходящее

солнце увидало то, чего не видало заходящее. Было въ этомъ что-то чудесное; это чудесное и вызывало восторгъ; и очень можетъ быть, что этотъ здоровый восторгъ и производилъ исцѣленіе, прекращалъ эпидемію; —**это естественное чудо.** Въ противоположность воззрѣнію **западныхъ** писателей, у насъ коллективная дѣятельность производила не психическую болѣзнь, а исцѣленіе. Такимъ образомъ, нельзя осуждать религіозные подъемы, возбужденія, если они и проявляются въ такихъ неистовствахъ, какъ американскіе ревивали, потому что проявляются они такъ за недостаткомъ надлежащаго поприща, или дѣла; будь иначе,--возбужденіе, выражающееся въ такихъ безобразіяхъ, произвело-бы нѣчто великое. Точно такъ же нельзя обвинять и музыку, когда она, пробуждая силы, находитъ исходъ для нихъ только въ преступленіяхъ, какъ это разсказываетъ Толстой въ Крейцеровой сонатѣ. Ревивали составляютъ необходимую принадлежность протестантскихъ странъ и служатъ, какъ говоритъ Лопухинъ, протестомъ противъ дробленія, свойственнаго протестантизму и дошедшаго въ Америкѣ до послѣднихъ крайностей. Тамъ, въ Америкѣ, и нужно ждать поворота къ единству потому, можетъ быть, и православіе пользуется въ Америкѣ благосклоннымъ пріемомъ. Храмы, сооружаемые совокупными силами, служатъ, по преимуществу, выраженіемъ православія; даже въ самой Америкѣ, по свидѣтельству Макъ Гаханъ, Ньюіоркская православная церковь есть плодъ усердной, дружной, общей работы русскихъ людей всѣхъ состояній. Хотя церковь эта и не была построена въ одинъ день, она имѣетъ всѣ существенныя свойства обыденныхъ храмовъ; тогда какъ храмъ въ Чикаго, и въ одинъ день построенный, не имѣетъ почти ничего общаго съ нашими обыденными храмами. Построеніе этого послѣдняго храма не было вызвано ни голодомъ, ни моромъ, не было оно и памятникомъ собиранія земли; оно было вызвано недостаткомъ мѣста для чтеній пастора Вильямса, которые происходили въ небольшой пресвитріанской церкви и **почему то** рѣшено было производить ихъ въ продолженіи четырехъ недѣль утромъ и вечеромъ; черезъ двѣ недѣли, по случаю большого стеченія слушателей, обнаружился недостатокъ мѣста; на третьей недѣлѣ рѣшено построить къ Воскресенью храмъ. Храмъ не былъ, однако, воздвигнутъ однимъ капиталистомъ, а по подпискѣ, и эта подписка заняла болѣе времени, чѣмъ самое построеніе; тѣмъ не менѣе храмъ былъ созданъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ, а не трудомъ добровольнымъ, и не изъ матеріала, принадлежащаго общинѣ, т. е. всѣмъ, какъ лѣсъ при построеніи нашихъ обыденныхъ храмовъ. Чтенія пастора Вильямса, вызвавшія религіозный подъемъ, ревиваль, благодаря лишь зимѣ, не были перенесены подъ открытое небо и потребовали построенія храма съ печами (храмъ отоплялся тремя каминами) и освѣщеніемъ.—Самое существенное различіе нашихъ обыденныхъ храмовъ отъ американскаго состоитъ въ томъ, что для насъ храмъ не мѣсто лишь молитвы, а сама **молитва**, дѣло спасенія даже именно **воскрешеніе**; постройка храма вызывается не тѣснотою помѣщенія, а необходимостью внѣшняго выраженія для молитвы, для исхода

религіознаго подъема, ибо у насъ **молитва отъ дѣла не отдѣляется**. Но если русское православіе остается вѣрнымъ себѣ и въ Америкѣ, то и протестантство, переходя въ Россію, въ видѣ проповѣдей Редстока, Пашковцевъ и т. п., остается вѣрнымъ своей родинѣ, Западной Европѣ, и проявляется въ видѣ субъективныхъ иллюзій спасенія. Такія состоянія могутъ сообщаться, заражать многихъ, и въ сущности, представляютъ тѣ же ревивали, но въ самомъ лишь первоначальномъ ихъ видѣ, въ зачаточной формѣ. И, во всякомъ случаѣ, эти **одинаковыя** внутренніе состоянія **многихъ** не должно смѣшивать съ подъемомъ **общимъ**, имѣющимъ выраженіе въ дѣлѣ, въ построеніи, напримѣръ, храма, или другомъ какомъ-либо внѣхрамовомъ дѣлѣ. Можно сказать, что Россія, видя ревивали лишь въ зачаточномъ ихъ состояніи, не знаетъ настоящаго протестантизма; его надо видѣть тамъ, гдѣ онъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій,—какъ, напримѣръ, въ Америкѣ, —гдѣ онъ и проявляетъ въ ревиваляхъ, которые доходятъ до вышеописанныхъ безобразій.

Къ протестантскимъ патологическимъ явленіямъ нужно отнести и штунду, толстовщину, а также молоканъ, духоборовъ, всѣ раціоналистическія и мистическія секты. Старообрядство же представляетъ подобіе православію и, быть можетъ, у этихъ искреннихъ чтителей и любителей старины сохранился еще обычай построенія обыденныхъ храмовъ, почти изчезнувшій у православныхъ. А можетъ быть, по причинѣ разрыва, этотъ святой обычай, какъ выраженіе единодушія и согласія, сталъ чуждъ тѣмъ и другимъ, и можетъ возстановиться только послѣ примиренія ихъ... Или же не станетъ ли выраженіемъ примиренія самое построеніе школъ-храмовъ, посвященныхъ Пресвятой Троицѣ, **какъ образцу единодушія и согласія**, при чемъ храмъ-школа съ музеемъ, заключающимъ въ себѣ памятники старины, пямятники всѣмъ умершимъ, или музейскій храмъ-школа, воздвигаемый совокупными силами всѣхъ живущихъ (сыновъ) для поминовенія всѣхъ умершихъ (отцовъ) и посвящаемый Пресвятой Троицѣ, въ Коей чтимъ безграничную любовь Сына и Св. Духа къ Богу Отцу, замѣнитъ школу, т. е. школу нынѣшнюю, заставляющую забывать отцовъ, или даже вооружающую сыновъ и дочерей противъ отца-матери. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ музейскій храмъ-школа,—ставящій своимъ предметомъ знаніе и почитаніе отцовъ,— все знаніе природы дѣлаетъ средствомъ для выраженія этого почитанія. И, конечно, такая школа не будетъ уже возбуждать опасеній, что дѣти станутъ выше отца-матери,—опасеній, которыя возникаютъ нынѣ въ средѣ именно крестьянъ.

Такимъ образомъ, обыденные храмы, или православное религіозное оживленіе, обновленіе, получаетъ полное свое значеніе лишь при сравненіи съ западными ревивалями и, особенно, съ ревивалями Запада дальняго. Православное оживленіе выражается не въ протестѣ и отдѣленіи, а въ воссоединеніи, какъ съ врагами обряда, такъ и съ его любителями, – съ **старообрядцами** и **безъобрядцами, идоло**-лятрами и **идео** лятрами, а также и въ подъемѣ общей нравственности. Это внѣшнее выраженіе религіозныхъ

порывовъ совершенно согласно съ проявленіями народной дѣятельности, какъ въ помочахъ и толокахъ, вызываемыхъ климатическими условіями, такъ и во время смутъ и нашествій;—въ 1612 году Россія была спасена, можно сказать, общею помочью, или толокою, какъ объ этомъ уже и говорилось.—Желательно было-бы, чтобы эти частные, мѣстные, временные и рѣдкіе подъемы обратились въ непрерывное, постоянное, живое дѣло, въ дѣло общее, хотя бы въ видѣ лишь построенія повсемѣстно храмовъ-школъ съ музеями при нихъ, т. е. съ храмами предковъ; и при этомъ должно быть положено въ основу, принято за аксіому, что школы должны быть вездѣ, гдѣ есть рождающіеся, а музеи вездѣ, гдѣ есть умирающіе.—Даже такое лишь общее дѣло было-бы уже врачествомъ противъ индивидуалистическихъ душевныхъ заболѣваній въ формѣ ревивалей. Но построеніе такихъ храмовъ школъ, построеніе обыденныхъ церквей, есть только начало, есть самое незначительное выраженіе общаго дѣла, ибо полное свое выраженіе общее дѣло найдетъ лишь въ осуществленіи чаемаго, какъ объ этомъ говорится въ первомъ стихѣ одиннадцатой главы посланія къ Евреямъ по сунодальному переводу; въ осуществленіи чаемаго (чаю вокресенія мертвыхъ) и заключается вся религія, все благо;—музей же при храмѣ есть лишь сѣнь, подобіе, а не само чаемое, не осуществленіе чаемаго.—И такъ, при разрѣшеніи вопроса о храмахъ обыденныхъ, о томъ было-ли что аналогичное имъ на ближнемъ и дальнемъ Западѣ, на ближнемъ и дальнемъ Востокѣ, нужно искать аналогію не во внѣшнемъ лишь выраженіи, а во внутреннихъ, душевныхъ движеніяхъ, которыя у насъ проявляются построеніемъ обыденныхъ храмовъ, а въ другихъ мѣстахъ могутъ выражаться въ чемъ-либо другомъ, какъ ревивали на Западѣ... При такой постановкѣ вопроса задача не расширяется только по объему и содержанію, но и получаетъ не одно теоретическое значеніе, задача получаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, значеніе практическое, примирительное, объединительное... При сравнительномъ изученіи проявленій общаго религіознаго чувства, выражающагося въ религіозныхъ подъемахъ, такое изученіе не можетъ остаться безплоднымъ. Если въ построеніи обыденныхъ храмовъ выражается сущность православія, а въ ревиваляхъ сущность протестантства, то руководители ревивалей, возбуждающіе своими рѣчами раскаяніе личное, — въ предложеніи дѣла, которое соединило бы возбужденныхъ, пробужденныхъ ими, могли-бы найдти средство противодѣйствовать розни. Построеніе храмовъ-музеевъ, храмовъ-школъ, требуя для своего осуществленія разнообразныхъ профессій, представляетъ наилучшее дѣло, наилучшее средство для объединенія разрозненныхъ, особенно у протестантовъ съ ихъ крайностями,—отрицаніемъ иконъ и, вообще, всего внѣшняго, отрицаніемъ дѣла, какъ осуществленія вѣры. Конечно, музейскую внѣшность, хотя бы музей былъ и всехудожественнымъ, нельзя еще считать за осуществленіе чаемаго, какъ это выше сказано, но музей будетъ и не ветхозавѣтною лишь сѣнію, если будетъ заключать въ себѣ не только побужденіе, но и средство къ осуществленію чаемаго, т. е. если музей будетъ не **всехудожественнымъ** толь-

ко, но и **всенаучнымъ**, и при томъ съ аппаратомъ Каразина, или же чѣмъ-либо подобнымъ этому аппарату, который есть уже начало обращенія слѣпой силы въ управляемую разумомъ, смертоносной въ живоносную; безъ такого же приложенія естествознаніе безцѣльно и смысла не имѣетъ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка (сверху).	Напечатано.	Слѣдуетъ.
1	28	наступаетъ	наступитъ
4	8	По чему	Почему
4	15	на для роскоши	не для роскоши
4	41	ниодного	ни одного
4	42	ниодного	ни одного
5	4	Неурожай	Неурожаи
7	39	матеріализмъ. Высшее	матеріализмъ, высшее
~~12~~	~~2~~	~~критическаго~~	~~практическаго~~
28	11	цунктъ	пунктъ
29	14	такое состояніе есть превращеніе	такое состояніе, то есть превращеніе
37	12	злодѣянія	злодѣяніе
44	16	премущественно	преимущественно
44	23	порабщеніи	порабощеніи
45	44	Христова	Христово
46	29	прикрыается	прикрывается
47	11-12	царствутъ	царствуютъ
47	40	его	Его
48	2	технологіи	технологіи
50	28	паминовеніе	поминовеніе
51	12	протяженія	притяженія
53	30	окраины	окраины
53	40	лажатъ	лежатъ
55	18	воспреемничества	воспріемничества
55	23	воспреемничества	воспріемничества
56	35	нетерпимость	не терпимость
56	36	нереволюціонный	не революціонный
58	4	совершоннолѣтія	совершеннолѣтія
58	15	отечскаго	отеческаго
61	23	евангенія	евангелія
61	25	кретеріи	критеріи
61	26	живущихъ	живущимъ

61	28	воспреемниками	воспріемниками
61	30		
61	42	воспреемничества	воспріемничества
62	1	воспреемниками	воспріемниками
62	24	воспреемничествѣ	воспріемничествѣ
62	35	воспреемникомъ	воспріемникомъ
63	22		
64	14	полюбопытствовали	полюбопытствовали
64	40	ели	если
67	11	принимаютъ	принимать
68	18	залючаются	заключаются
69	8	акціенерныя	акціонерныя
69	15	вескрешеніи	воскрешеніи
69	17	постепеннаго осуществленія	постепенное осуществленіе
71	15	неволи	неволія
76	44	мyроносцы	мyроносицы
80	34	нееединосущный	не единосущный
81	14	чначитъ	значитъ
91	17	ни	не
107	1	воспреемничества	воспріемничества
	2		
	32		
	34		
107	29	побѣдносца	побѣдоносца
109	3	воспреемничества	воспріемничества
110	4		
110	13		
119	15	удорлетворена	удовлетворена
130	28	истикный	истины
137	19	всязаны	связаны
138	8	и стало	но стало
154	17	жатву. (Чувства	жатву, (чувства
165	36	Константинопль	Константинополь
167	18	воспреемникомъ	воспріемникомъ
168	22	живописности	въ живописности
170	24	Грецію	Греціею
178	29	каяъ	какъ
190	40	безпокойныхъ	безпокойныхъ
~~196~~	~~27~~	~~знанію~~	~~сознанію~~
204	24	statusquo ante	status, quo ante
216	13	транцендентнаго	трансцендентнаго

231	11	сосредоточія	сосредоточенія
234	24	соединеію	соединенію
239	2	примирителми	примирителями
242	31	въ виду	въ видѣ
243	36	а	и
245	35	міра	мира
249	9	истинный	истины
~~250~~	~~2~~	~~ею,~~	~~наукою~~
257	11	метеорологической	метеорической
258	4	обединенію	объединенію
259	5	на отдѣлку частнаго	на отдѣлку предметовъ, вещей частнаго
~~266~~	~~9~~	~~и Англичане~~	~~Англичане~~
267	18	присаніе	писаніе
272	7	одного	одно
274	24-25	сохранятеся	сохраняется
275	42	богоподбной	богоподобной
276	17	потурдились	потрудились
279	10	какими то	какими бы то
279	38	доженъ	долженъ
280	29	метеорологическихъ	метеорическихъ
281	29	будетъо бъяснено	будетъ объяснено
286	25	вытѣснитъ	вытѣснить
286	43-44	поизитивистовъ	позитивистовъ
298	24	нескочаемую	нескончаемую
308	12	также	такъ же
311	17	дѣтей родителями	дѣтьми родителей
311	21	выражавшись	выражаясь раньше
312	12	умершихъ	умершимъ
315	32	сохраненіе	сохраненія
317	4	гастерія	гастрея
320	20	обясанностью	обязанностью
320	43	истинною	истиною
332	44	плагеатъ	плегіатъ
333	43	необхдимо	необходимо
334	4	вреия	время
335	27	также	такъ же
341	33	эта основа	это — основа
342	42	~~исключителною~~	исключительною
343	11	происходящія	происходящіе
346	25	Еванелія	Евангелія

348	27	изучаемое	изучаемаго
349	39	безсмерною	безсмертною
351	36	плагеатомъ	плагіатомъ
358	4	24 марта	23 марта
360	36	общественную	существенную
371	41	дога	долга
372	29	Благодря	Благодаря
375	12	явилась	явилось
375	15	оконательное	окончательное
377	4	замѣнятся	замѣняется
381	6	степени	степенью
385	35	утрени	утренѣ
389	39		
391	28	пантеизама	пантеизма
392	11	разумъ истинный	разумъ истины
400	38	природою самой себя	природы самой собой
403	23	собстенно	собственно
408	30	чтобы	что бы
415	34	неббратство	небратство
418	7	разумъ истинный	разумъ истины
	16-17		
421	19-20	честолюбія	честолюбія
436	31	бездѣйственнось	бездѣйственность
437	17	помѣщавшемся	помѣщавшимся
443	9	дѣствительность	дѣйствительность
452	3	самодержаніе	самодержавіе
463	14	дѣйтвія	дѣйствія
464	2	обыденнымъ	обыденныхъ
467	14	печалующемся	печалующимся
467	14-15	сокрушающемся	сокрушающимся
470	23	закорѣнелый	закоренѣлый
471	3	Тотно	Точно
471	10	одуціемъ	орудіемъ
472	38	Имеріи	Имперіи
476	22	ссорится	ссориться
480	37	неистиннымъ	неистиннымъ
~~506~~	~~41~~	~~напоминаніе~~	~~не-поминаніе~~
534	10	истроріи	исторіи
549	24	по наблюденіямъ	по изображеніямъ
562	4	себѣ	Себѣ
570	14	религія	религіи

570	30-31	составляютъ	составляетъ
570	34	съѣздвъ	съѣздовъ
576	29	блыло	было
578	30	чтобы	что бы
589	27-28	заржавлѣнныя	заржавленныя
591	15	Латынямъ	Латынянъ
591	23	повѣтствованія	повѣствованія
592	20	возстановило	возстановила
595	1	ограничивается	ограничиваются
620	9	изоражены	изображены
622	44	въ выставки	въ комитетъ выставки
624	39	существованя	существованія
625	34	взаимостребленія	взаимонстребленія
632	41	свѣтствіе	свѣтскіе
638	32-33	естествоиспытатей	естествоиспытателей
640	36	изученію	изученіе
686	21	свойственной	свойственный
687	34	итакъ не отрицая	не отрицая
692	18	такъ ненавидящіе	такъ и ненавидящіе
701	1-2 (въ пр.)	составляютъ	составляютъ
702	31	въ кототомъ	въ которомъ
718	2	самаго	самого
718	32	въ предисловія	въ предисловіи
718	43	ничѣмъ отдѣлена	отдѣлена
719	12	приписываему	приписываемому
724	25-26	„Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и азъ дѣлаю“.	(„Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и азъ дѣлаю“),
726	44	ноти	почти
727	1		
729	14	проявляетъ	проявляется

Типографія Семирѣченскаго Областного Правленія
Гор. Вѣрный.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

1. Вопросъ о братствѣ, или родствѣ, о причинахъ небратскаго неродственнаго, т. е. немирнаго, состоянія міра, и о средствахъ къ возстановленію родства. Записка отъ неученыхъ къ ученымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, вѣрующимъ и невѣрующимъ . . . . 1—352

а) Часть 1-я. Обращеніе къ ученымъ духовнымъ и военнымъ по поводу голода, 1891 г. и опытъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, (регуляція метеорологическимъ процессомъ, какъ начало, приступъ къ управленію слѣпыми силами природы, вообще, и какъ дѣло, объединяющее родъ человѣческій по образу Пресвятой Троицы), и по поводу юбилея чтителя Пресв. Троицы преп. Сергія, чтившаго въ Троицѣ образецъ, заповѣдь для собравшихся во едино. 1 – 41

б) Часть 2-я. Культъ предковъ, какъ единая истинная религія. Троица какъ заповѣдь. Испытаніе вѣръ. Вѣра, какъ объединеніе въ дѣлѣ отеческомъ, или возстановленіе вѣрности отцамъ, Богу отцовъ. О критеріи, какъ указаніи пути Господня и образа Божія . 42—127

в) Часть 3-я. Что такое исторія. Какъ понять, что за воскресеніемъ Христа не послѣдовало всеобщее воскресеніе. Протестантское и, вообще, западное пониманіе подвига Христа, или религія несовершеннолѣтнихъ. Истинное христіанство въ православіи, понятомъ какъ печалованіе о розни и какъ объединеніе въ дѣлѣ всеотеческомъ, и 128–247

г) Часть 4-я. Въ чемъ наша задача. Вопросъ санитарно-продовольственный. — Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ три послѣднія части суть обращеніе къ ученымъ свѣтскимъ, западныхъ и русскимъ, и заключаетъ въ себѣ указаніе на долгъ ученыхъ, сознавшихъ, что раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ есть корень всѣхъ раздѣленій,—раздѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, раздѣленія единаго разума на два, теоритическій и практическій, что и ве-

детъ къ двумъ невѣжествамъ: къ невѣжеству дѣйствующихъ, народа, по собственному признанію темнаго, и къ невѣжеству мыслящихъ, т. е. ученыхъ, не признающихъ въ знаніи объективной истины. Въ раздѣленіи, выражающемся въ обществѣ по типу организма, въ эволюціи и прогрессѣ, и заключается несовершеннолѣтіе рода человѣческаго; объединеніе же въ общемъ дѣлѣ управленія слѣпыми силами природы, въ дѣлѣ отеческомъ, приведетъ родъ человѣческій къ совершеннолѣтію, т. е. къ единству по образу Пресв. Троицы, нераздѣльной и несліяной **248–352**

2. *Самодержавіе,* а) Историческое значеніе царскаго титула; б) Что такое Россія и православіе; и в) Самодержавіе, т. е. Самодержецъ, въ отцовъ и праотца—мѣсто стоящій. . . . . **353—398**

3. *Супраморализмъ,* или всеобщій синтезъ (т. е. всеобщее объединеніе). Синтезъ двухъ разумовъ и трехъ предметовъ знанія и дѣла (Богъ, человѣкъ и природа; человѣкъ—орудіе Божественнаго разума и самъ—разумъ вселенной); синтезъ науки и искусства въ религіи. . . . . **399—468**

4. *Проектъ соединенія церквей,* приглашающій духовенство всѣхъ исповѣданій содѣйствовать обращенію войска въ орудіе спасенія отъ голода и указывающій,—въ разборѣ реферата В. С. Соловьева „О причинахъ упадка средневѣкового міровозрѣнія“, что примиренію церквей въ догматѣ и обрядѣ должно предшествовать примиреніе, или объединеніе вѣрующихъ съ невѣрующими въ общемъ дѣлѣ . . . . . **469—491**

5. *Выставка 1889 г.,*—раскрывающая смыслъ прогресса,—юбилей столѣтняго господства буржуазіи; чѣмъ д. б. выставка послѣдняго года XIX-го или же перваго года XX-го вѣка; что XIX вѣкъ завѣщаетъ XX-му . . . . . **492—519**

6. Вопросъ о возстановленіи всемірнаго родства. Средства возстановленія родства. *Соборъ.* О соборѣ единомъ, вселенскомъ, еще не оконченномъ, въ связи съ паденіемъ Константинополя и о возобновленіи собора въ связи съ освобожденіемъ К-поля, какъ центра, —собора, какъ священнаго синода и всенаучнаго конгреса, для выработки проекта превращенія нашей

жизни, какъ она нынѣ есть (исторія какъ фактъ), въ такую, какою она должна быть (исторія какъ проектъ) 520—598

7. Роспись наружныхъ стѣнъ храма, при коемъ Музей или библіотека . . . . . 599—616

8. Внутренняя роспись храма . . . . . 617—626

9. Два юбилея,—духовный преп. Сергія и свѣтскій—В. Н. Каразина, какъ два начальные способа дѣйствія для осуществленія сынами всеотеческаго дѣла 627—655

10. *Разоруженіе.* Какъ орудіе разрушенія обратить въ орудіе спасенія . . . . . 656—668

11. Объ обращеніи оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудія спасенія. Объ обращеніи войска, т. е. всего народа, всего рода человѣческаго,—при всеобщей и на всю жизнь воинской повинности,—въ естествоиспытательную силу, въ силу, управляющую слѣпыми силами природы . . . . . 669—676

12. Что значитъ карточка, приложенная къ книгѣ? Къ осуществленію мысли. В. Н. Каразина о расширеніи знанія нераздѣльно отъ распространенія просвѣщенія . . . . . 677—680

13. *Библіографія.* Знаніе популярное, энциклопедическое, мнимое, и знаніе дѣйствительное; переходъ отъ мнимаго къ дѣйствительному знанію . . . . 681—684

14. О значеніи *обыденныхъ храмовъ* вообще и въ наше время въ особенности. Обыденные храмы какъ наивысшее проявленіе помочей (Богъ въ помочь!) и толокъ, и какъ выраженіе религіозныхъ подъемовъ . 685—731

